63.3(2)
С22-486

ИСТОРИЯ РОССИИ

Под редакцией
члена-корреспондента РАН
А. Н. Сахарова

УЧЕБНИК

ТОМ 2

ИСТОРИЯ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

УЧЕБНИК

ТОМ 2

Под редакцией
доктора исторических наук, профессора,
члена-корреспондента РАН
А. Н. Сахарова

УДК 94(47)(075.8)
ББК 63.3(2)я73
И90

Авторы:
А. Н. Сахаров — д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН;
А. Н. Боханов — д-р ист. наук, проф.;
В. А. Шестаков — д-р ист. наук, проф.

И90 История России с древнейших времен до наших дней: учеб.: в 2 т. Т. 2 / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. — М.: Проспект, 2009. — 720 с.

ISBN 978-5-392-00184-2

Том второй учебника написан с учетом современного научного подхода к изучению истории России и последних исследований исторической науки. Раскрыты вопросы социально-экономического и государственно-политического развития страны, освещены основные проблемы отечественной истории, разработана авторская концепция их изучения и разрешения. Материал изложен ярким, выразительным литературным языком, с учетом хронологии и научной интерпретации, что во многом объясняет его доступность для широкого круга читателей. Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования Российской Федерации.

Для абитуриентов, студентов, преподавателей, а также всех интересующихся отечественной историей.

УДК 94(47)(075.8)
ББК 63.3(2)я73

Учебное издание

Сахаров Андрей Николаевич,
Боханов Александр Николаевич,
Шестаков Владимир Алексеевич

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ
В 2 томах
Том 2

Учебник

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.013883.11.07 от 28.11.2007 г.

Подписано в печать 20.03.08. Формат 60×90 1/16.
Печать офсетная. Печ. л. 45,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 2396.

ООО «Проспект»
111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

© А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов,
В. А. Шестаков, 2009
© ООО «Проспект», 2009

РАЗДЕЛ IV. РОССИЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

ГЛАВА 1. РОССИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

К началу XIX в. Россия превратилась в одно из самых больших и сильных государств Европы. Уже в течение нескольких десятилетий она имела статус великой европейской державы. Этот статус она сохранила и к моменту захвата власти Александром I.

Однако Россия как великая держава рубежа XVIII—XIX вв. обладала лишь силовыми и количественными показателями. Она как устрашающий великан возвышалась на востоке Европы, могучая своей территорией, количеством населения (44 млн человек), мощной, прежде всего военной, промышленностью, сильной централизованной властью, определенным единством многонациональной страны, великолепной армией.

Но эти показатели по мере развития европейской цивилизации все определеннее становились качествами вчерашнего дня. Передовые страны Европы, особенно Англия и Франция, все больше обеспечивали статус великих держав за счет совсем иных свойств.

Экономическая и военная мощь этих стран основывалась на развитии гражданского общества, прав и свобод человеческой личности, на современных политических, в первую очередь конституционных институтах парламентаризма. Конечно, облик новой Европы только складывался. Европейские страны продолжали осуществлять колониальные захваты, в США процветал рабский труд, впереди вырисовывалась жесткая имперская диктатура Наполеона, приостановившая надолго становление гражданского общества во Франции. Но тем не менее процессы развития буржуазного общества с его демократическими институтами и становлением личности в центр внимания государства и общества были необратимы.

В России же на рубеже XVIII—XIX вв. общий строй жизни во многом оставался повернутым не в будущее, а в прошлое. Незыблемой оставалась абсолютная монархия. По-прежнему, как писал российский государственный деятель первой трети XIX в. М. М. Сперанский, в России свободными были лишь философы и нищие. Все и вся преклонялись перед властью императора. Демократический принцип разделения властей для России начала XIX в. оказался еще недостижим, хотя в верхах русского общества он был хорошо известен и имел своих приверженцев даже в императорской семье. Так, об этом всерьез задумывался наследник престола Александр Павлович в пору своего юношеского увлечения идеалами просветительства и конституционализма.

Российская бюрократия, сформировавшаяся в течение XVIII в., к рубежу нового столетия стала колоссальной самодовлеющей силой. Вскормленная на традициях еще приказных, дьяческих времен, она впитала давние привычки раболепства перед вышестоящими и унижение нижестоящих, небрежение и презрение к человеку. Эта черта российской

бюрократии резко выделяла ее из среды себе подобных чиновничьих структур западных стран. Именно эта сила стала со временем мощной опорой абсолютистской власти российских монархов, определяла во многом цивилизационный уровень российской государственности. Гоголевские персонажи «Ревизора» дали блестящее художественное воплощение ее характерных черт.

В соответствии со средневековыми канонами в России продолжал существовать сословный строй. Правда, его очертания со времен Петра I стали значительно размываться. Образовался средний класс, впитывавший в свой состав представителей разных сословий. Столь же многочисленным был и складывающийся состав вольнонаемных рабочих. Дворянство в соответствии с Табелью о рангах заметно потеряло свои исключительные обособленные черты. И все же и дворянство, и купечество, и духовенство, и крестьянство являли собой во многом закрытые, обособленные корпорации со своими правами для одних и обязанностями (при минимальных правах) для других.

Открытая состязательность умов, талантов, представлявших народ в целом, оставалась для России за семью печатями.

В стране по-прежнему господствовала крепостная система. Из 30 млн крестьян 50% являлись крепостными.

Бесконечными ограничениями, сословной неполноправностью характеризовалось и положение государственных крестьян. Отходничество лишь в некоторой мере делало отношения в аграрной сфере более свободными, динамичными. Но это была заслуга не системы, а приспособляемости самих крестьян, которые бились в ее тенетах и старались к ней адаптироваться. Разрывали эти путы и становились людьми богатыми и свободными лишь немногие. Мощь российской тяжелой промышленности в основном также держалась на подневольном труде «приписных» и «посессионных» крестьян. Дворянские мануфактуры, винокуренные заводы также использовали труд своих крепостных работников.

Все это приводило к тому, что значительные трудовые ресурсы страны были прикованы к земле, к деревне.

При таких условиях российская экономика — и сельское хозяйство, и промышленность — были обречены на отставание от стран, перешедших к буржуазному строю.

Сложным было положение и с территориальными характеристиками России. Одним из показателей цивилизационного развития страны является плотность населения. В России она была наиболее низкой в Европе. Если в наиболее развитых центральных губерниях она составляла 8 человек на 1 кв. версту (в Европе эта цифра достигала 40—50 человек), то в большинстве губерний юга, северо-востока, востока эта цифра была намного меньше, а в Сибири равнялась 0,1 человека на 1 кв. версту.

Вхождение в состав России ряда территорий Северного Кавказа, Казахстана, кочевых пространств Нижнего Заволжья, Сибири (в отличие от высокоразвитых для того времени районов Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии) не только не содействовало общему цивилизационному развитию страны, но, напротив, в целом отбрасывало Россию

назад, так как большинство обитателей этих пространств жило на уровне родоплеменных отношений, а основным занятием многих из них оставалась охота или кочевое скотоводство. Выдающаяся цивилизующая роль России в этих районах оборачивалась огромными потерями для страны, несмотря на прирост территорий, населения, увеличение налогов в виде ясака и появление в составе русской армии военизированных конных формирований ряда восточных и северокавказских народов. Евразийская ось России благодаря этому все более отклонялась к Востоку.

Это же относится и к освоению вновь присоединенных территорий на юге.

Многонациональный состав России, большие цивилизационные различия в уровне развития отдельных регионов страны также не содействовали общему продвижению вперед.

Наконец, следует сказать и о развитии в России городской жизни, этом одном из признаков цивилизации Нового времени. При всем блеске российской столицы, значительном влиянии на экономику, культуру, духовную жизнь страны крупных городов общая численность городского населения в России была крайне низкой — всего около 7%. Большинство же российских городов относилось к категории малых.

§ 1. Первые годы правления Александра I

Либерализация жизни. Именно с этой великой и одновременно отсталой во многих отношениях Россией, страной, которая, казалось, была соткана из сплошных противоречий, и пришлось иметь дело Александру I, пришедшему к власти в ходе дворцового переворота 11 марта 1801 г.

Первые годы правления Александра I показывают, что он предпринял ряд мер по части либерализации российской жизни. Во-первых, это отвечало его неоднократным и настойчивым высказываниям о необходимости коренных перемен в жизни страны.

Теперь черед Александра I пришел и он, наконец, мог приступить к осуществлению своих планов.

Во-вторых, его намерения соответствовали стремлению освободить Россию от пут тирании Павла I, от его деспотичной регламентации многих сторон российской жизни.

Уже первые реформаторские шаги молодого монарха показывали, что он настроен весьма решительно в деле либерализации русской жизни. Такого масштабного и всеохватного, сравнительно с прошлыми временами, либерального натиска Россия еще не знала.

Было проведено широкое помилование заключенных (освобождено более тысячи человек), многие из которых отбывали наказание по политическим мотивам в Петропавловской крепости, Шлиссельбурге, в сибирской ссылке, в монастырях. 12 тыс. человек, уволенных со службы, вновь получили доступ к государственным должностям. Русские войска, направленные в Индию, были отозваны на родину. Александр I уничтожил один из важнейших институтов политического сыска — Тайную канцелярию, которая занималась делами, связанными с оскорблением царского величества и изменой государю и государству.

В дни коронации, осенью 1801 г., наряду с уничтожением Тайной канцелярии была образована специальная Комиссия по пересмотру прежних уголовных дел. В указе о ней были и такие слова: «Оскорбительные величеству слова признаны были в числе первых злодеяний, но опыт и лучшее познание о начале преступлений показали, что мнимое сие злодеяние не что другое суть в естестве своем, как сущий припадок заблуждения или слабоумия, и что власть и величество государей, быв основано на общем законе, не могут поколебаться от злоречия частного лица».

Через несколько дней после этого новым указом Александр I уничтожил пытки — «чтоб, наконец, самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной». Многие судебные дела были пересмотрены, цензура смягчена. Все препятствия по общению с европейскими странами, в том числе с Францией, были устранены: выезд за рубеж стал свободным, были ликвидированы и павловские ограничения по части одежды и распорядка дня российского населения.

Александр I подтвердил восстановление ограниченных Павлом I екатерининского Городового положения и Жалованной грамоты городам, Жалованная грамота дворянству также была восстановлена в своих правах. Дворянству вернули все его привилегии, в том числе свободу от телесных наказаний, в армии были восстановлены названия старых полков и возвращена русская военная форма.

Александр стремился уже в первые годы своего правления ограничить произвол власти, ее прихоти законам. Для этого он создал комиссию, цель которой заключалась в разработке нового законодательства России, устранении устаревших и противоречащих друг другу законов.

В коронационные же дни по указанию императора была подготовлена «Всемилостивейшая грамота, русскому народу жалуемая». В ней были и такие слова: «Не народы сделаны для государей, а сами государи промыслом Божиим установлены для пользы и благополучия народов, под державою их живущих».

И хотя эта грамота не увидела свет, так как Александр I поостерегся в условиях своей еще не окрепшей власти на столь решительные заявления, которые могли испугать и ожесточить против него дворянство и армию, его настроения в те дни этот документ отражал весьма красноречиво.

Наконец, Александр не побоялся коснуться самого щепетильного для дворянства вопроса — состояния крепостного крестьянства.

Александр прекрасно понимал, что в этом вопросе он будет иметь дело с тупым, эгоистичным, беспощадным дворянством. И все же 12 декабря 1801 г. вышел указ о распространении права покупки земель купцами, мещанами, государственными крестьянами, отпущенными на волю крепостными. Монополия дворян на землю оказалась нарушенной. 20 февраля 1803 г. появился новый указ «О вольных хлебопашцах». По этому указу крепостные крестьяне с согласия своих помещиков могли выкупаться на волю с землей целыми селениями. Конечно, это было ничтожно мало. Но первый шаг был сделан.

К этому желанию можно отнести и прекращение Александром I раздачу государственных крестьян в частную собственность, которая особенно участилась со времен Петра I, но приобрела совершенно катастрофические размеры при Екатерине II. Александр остановил эту позорную практику.

Характеристика внутренней политики первых лет правления Александра I была бы неполной, если не упомянуть о сдвигах в области образования. Новые университеты правительство открыло в Санкт-Петербурге, Дерпте, Казани, Харькове. В ряде городов появились гимназии и уездные училища.

Резкий сдвиг молодой император попытался осуществить и во внешней политике. После совершенно бесцельного по большому счету для России вмешательства в европейские дела в период Семилетней войны, а позднее походов армии Суворова и флота Ушакова в Европу Александр I начал проводить политику «национальной достаточности», предпринимать на международной арене лишь те шаги, которые были выгодны России.

Негласный комитет. Примером либеральных устремлений Александра I стала и организация так называемого Негласного комитета.

Еще во время правления Павла I около наследника престола сплотился круг искренних и преданных молодых друзей, с которыми Александр, тайно встречаясь, вел беседы о мерзостях российского режима, необходимости коренного переустройства общества. Кто же были эти люди? А. Чарторыйский, мятежный польский аристократ, участвовал в восстании Костюшко и был интернирован в Россию, позднее прощен и приближен ко двору; богач и аристократ граф. В. П. Кочубей. В 1792 г. он вернулся из Франции с твердым выводом о закономерности произошедших там революционных событий. Естественно, он осуждал якобинскую диктатуру. Граф. П. А. Строганов, сын екатерининского вельможи: он также побывал во Франции и с симпатией воспринял первый этап Великой французской революции, характеризовавшейся выходом на политическую арену третьего сословия и введением в стране конституционных начал. Князь Н. Н. Новосильцев, самый старший из друзей (ему было 30 с лишним лет), также прошел знакомство с революционными событиями во Франции. Это был высокообразованный, просвещенный человек.

Душой этого кружка стал Александр Павлович, который, по воспоминаниям А. Чарторыйского, был наиболее пылким, наиболее решительно высказывался о неприемлемости русских порядков.

В Негласном комитете, как его стали называть в обществе, обсуждались проекты будущих реформ в России. По мысли императора, как об этом рассказывает в своих дневниках Строганов, в центр этих реформ должны были встать вопросы свободы личности и собственности, защита человека законами, «не дающими возможности менять по произволу существующие установления». Здесь обсуждались также и проблемы крепостного права; выявилось понимание экономической необходимости его ликвидации. Шла речь и о разработке указа, запрещавшего продавать крестьян без земли. Но высшие сановники, прослышав об этом, выразили резкое не-

довольство, заявив, что это подорвет само крепостное право, и император побоялся настоять на своем.

Члены Комитета ясно понимали огромную дистанцию между своими планами и реальной действительностью; у них не было сомнений в том, что любое покушение на существующую систему ценностей, в первую очередь по крестьянскому вопросу, вызовет острое недовольство помещиков, приведет власть и лично императора к противостоянию с интересами дворянского сословия в стране. А это было опасно и для власти, и для жизни монарха. Поэтому Александр I оттачивал в Негласном комитете свои мысли, проверял их на окружавших его людях, действовал осмотрительно и осторожно. Но даже эти робкие шаги возбудили в обществе недовольство. В придворных кругах, среди аристократии заседания Комитета окрестили «якобинской шайкой».

Четыре с лишним года (до осени 1805 г.) проходили эти тайные встречи Александра I со своими друзьями. И с каждым месяцем становилось ясно, что ни члены Комитета, ни сам император не были готовы к реформам, о которых они вели речь. Российская действительность на каждом шагу препятствовала этим планам, а сами участники совещаний не были готовы идти на риск и жертвы.

Постепенно деятельность Негласного комитета стала затухать, друзья собирались все реже. Потом нахлынула великая страда — начался период Наполеоновских войн, в которые включилась Россия.

Император отбыл в действующую армию. И все же сам факт существования Комитета, участие в нем видных сановников во главе с императором указывали на то, что в высших эшелонах власти созревало понимание необходимости коренных реформ в России, перевода России на новые цивилизационные рельсы. Важно отметить, что члены Негласного комитета в дальнейшем оставались постоянно рядом с Александром I, занимали важнейшие посты в государственной системе России и не раз помогали Александру I формировать реформаторские намерения, от которых он не отказался до конца своих дней.

М. М. Сперанский. Новый император попытался навести порядок в государственном управлении, которое со своими коллегиями выглядело в начале нового века уже достаточно отсталым. Как и в европейских странах, в России в 1802 г. были учреждены министерства с системой единоначалия. Это укрепило центральное управление. Но старая российская система злоупотреблений, взяточничества, бюрократии быстро проникла и в новые органы власти. В обществе все острее раздавалась их критика. Необходимо было находить какие-то новые подходы к управлению огромной страной. Но какие?

Именно в эти годы рядом с императором появился его ближайший помощник почти на десять предстоящих лет — Михаил Михайлович Сперанский, которому Александр I и поручил разработать новые принципы управления страной в соответствии с последними западными моделями.

Сын сельского священника, М. М. Сперанский всего добился благодаря своим способностям, упорному самообразованию, огромной трудоспособности и преданности престолу. Он был рекомендован Александру I на

должность одного из помощников и очень скоро обратил на себя внимание императора широким кругозором, блестящим образованием, умением оригинально мыслить, коротко и ясно формулировать сложнейшие проблемы. Вскоре он стал статс-секретарем, а по существу, занял место второго человека в государстве, которому Александр поручил разработать план государственной реформы в России.

М. М. Сперанский активно взялся за дело, и вскоре на стол императора легли первые проекты государственного переустройства России, которые сочетали последние достижения в этой области европейской цивилизации и особенностей России, в первую очередь ее абсолютистской, монархической системы.

Смыслом намечаемых преобразований являлись введение в государственную жизнь страны гражданских и политических прав, прежде всего права частной собственности, защищенной законом, выборное начало в органах власти, некоторое ограничение самодержавной власти царя. Сутью проекта Сперанского, подготовленного к 1809 г., стала идея привлечения к участию в законодательстве, суде и управлении народных представителей на различных уровнях.

Предполагалось, что законодатели будут организованы в волостную, окружную (или уездную) губернскую думы и в высшую — Государственную думу. На такие четыре степени предполагалось разделить и судебную власть: суды волостной, окружной, губернский и верховный, или Судебный сенат. Исполнительная власть также делилась на управления волостное, окружное, губернское и государственное, или министерское. Государственный совет, где рассматривались наиболее важные государственные законы, должен был венчать это конституционное здание. Сперанский также предлагал создать Кабинет, куда стекались бы для анализа и совершенствования наиболее важные дела, и Правительствующий сенат, заменяющий комитет министров.

По проекту Сперанского в стране вводилось широкое избирательное право. Лишь крепостные крестьяне, работные люди и прислуга не участвовали в выборах, но пользовались защитой закона, который гласил, что никто не может быть наказан без следствия и суда.

Естественно, верховная власть в стране оставалась за монархом. Его слово было решающим. Если бы это устройство было принято, то уже в начале XIX в. Россия превратилась в конституционную монархию со строгим разделением властей. Отсюда уже было рукой подать до ликвидации сословного строя и уничтожения крепостного права.

Свои предложения Сперанский представил царю, и они были одобрены. Вскоре вышел указ о создании нового высшего государственного органа — Государственного совета. Дальше дело не пошло. Никакого разделения властей не состоялось. Александр положил проект Сперанского под сукно. Он не решился нарушить традиции самодержавия. Дело было не только в колебаниях самого Императора, но и в давлении дворянства. Оно предало Сперанского проклятию, его называли французским шпионом. Дворянство справедливо полагало, что следом за введением конституционных порядков последуют другие перемены, в частности ликвидация крепо-

стного права. К этому времени Россия проиграла первое столкновение с Наполеоном и заключила невыгодный для России Тильзитский мир. Положение Александра пошатнулось. Против него стала складываться мощная аристократическая оппозиция. Надвигалась новая война с Францией. В этих условиях Александр I пожертвовал Сперанским. Тот был снят со своих постов и отправлен в ссылку.

§ 2. Внешняя политика России в начале XIX в.

Войны с Францией. Очень скоро Александр I отошел от своей позиции «национальной достаточности».

Во главе Министерства иностранных дел встал его друг по Негласному комитету и ярый англофил А. Чарторыйский, который мечтал и видел свою любимую Польшу вновь объединенной и свободной, но защищенной скипетром русского царя. Он всячески поддерживал усилия Англии, направленные против европейской экспансии Бонапарта.

Эти настроения своего министра все больше стал разделять и Александр I. Его недоверие к лидеру Франции, ее первому консулу Наполеону Бонапарту усиливалось. В основе этого недоверия лежало не только опасение все возрастающей экспансии Франции на континенте, но и личная неприязнь к Наполеону.

Уже в 1801 г., размышляя над стремлением Наполеона возвысить свою власть, над его европейскими претензиями, Александр заметил: «Какой мошенник!». А в 1802 г., когда Наполеон объявил себя пожизненным консулом, Александр в одном из писем отмечал, что тот нарушил Конституцию, начал копировать обычаи королевских дворов; «...сейчас это один из самых великих тиранов, которых когда-либо производила история», — заключал Александр. Когда же Наполеон провозгласил себя императором, эти оценки стали еще более резкими.

Так опасность французской агрессии и личные оценки Александром увеличивающего всевластия Наполеона привели к изменению позиции России в Европе, а вовсе не стремление восстановить монархию Бурбонов, как об этом многократно писалось прежде.

С момента подготовки вторжения французских войск в Англию, захвата Наполеоном Ганновера и Неаполитанского королевства русский посол в Париже начинает демонстрировать неприятие Россией этой политики. Расстрел Наполеоном герцога Энгиенского, отпрыска Бурбонов и родственника русской императрицы, жены Александра I, урожденной немецкой принцессы, вызвал в Санкт-Петербурге шок. Русское правительство заявило протест. Россия быстро пошла на сближение с Пруссией, а затем и с Англией. Дело шло к большой европейской войне. Александр I все чаще заявляет о своем стремлении спасти Европу от агрессора и тирана.

Для России военное противоборство с Францией было объективно нежелательным, так как уже в это время, несмотря на возрастающую опасность французской агрессии и личную неприязнь русского императора к Наполеону, намечалось естественное стремление сторон путем компромиссов добиться для себя желаемых результатов на европейском континенте. Россия стремилась развить успехи русско-турецких войн и претен-

довала на захват проливов Босфор и Дарданеллы, на укрепление своих позиций на Балканском полуострове. В сферу интересов России входило овладение Польшей, присоединение Молдавии и Валахии, а также вожделенное и идущее из глубины веков овладение Финляндией, что являлось бы логическим продолжением балтийской политики Петра I.

Франция стремилась обеспечить себе свободу в борьбе с Англией, распространить свою власть на Центральную и Южную Европу. Россия как великая европейская держава могла поделить Европу с Бонапартом. Но этому мешали боязнь чрезмерного усиления Франции, личные негативные оценки Александром Наполеона. Россия вступила в антифранцузскую коалицию. Русские войска вновь двинулись в Европу.

2 декабря 1805 г. объединенная русско-австрийская армия под командованием М. И. Кутузова встретилась с французской армией во главе с Наполеоном Бонапартом в Моравии в местечке Аустерлиц. Фактически союзными войсками командовал сам русский царь. Он вопреки мнению Кутузова определил неудачную диспозицию войск, был уверен в победе.

Здесь под Аустерлицем Александр I, вся русская армия впервые почувствовали мощь военного гения Наполеона. Союзники были разгромлены. Александр едва избежал плена, потерял связь со штабом, войсками. Он укрылся в избе моравского крестьянина, затем скакал несколько часов среди бегущего войска, потерял багаж. Он был потрясен, но не сломлен. Александр понял, что бороться с таким соперником, как Наполеон, необходимо во всеоружии, всеми силами империи, всех своих физических и духовных сил, проявляя упорство, осмотрительность, тщательную подготовку, доверяя проверенным военным авторитетам.

Поражение русско-австрийской армии резко изменило соотношение сил в Европе. Турция, поддержанная Францией, попыталась вернуть себе утраченные позиции на черноморских берегах. Она вопреки прежним договорам, закрыла для русских судов проход через проливы. Началась очередная Русско-турецкая война, которая длилась с 1806 по 1812 г. Русские войска появились в Молдавии, Валахии, на Балканах. Однако основная часть русских сил была отвлечена на европейский фронт военных действий: борьба с Наполеоном продолжалась. В новую антифранцузскую коалицию вошли Англия, Россия, Пруссия, Саксония и Швеция. Австрия была выведена из войны мощными ударами французской военной машины.

Основные военные столкновения развернулись между армией Наполеона и войсками Пруссии и России. Французский полководец сумел разъединить войска союзников. Сначала он быстро вывел из войны Пруссию, нанес прусской армии ряд чувствительных поражений. Потом настал черед России. В феврале 1807 г. при Прейсиш-Эйлау русские войска оказали Наполеону упорнейшее сопротивление, но вынуждены были отступить перед его превосходящими силами. В июне 1807 г. русская армия потерпела поражение под Фридландом и потеряла свои лучшие части. И эта военная кампания оказалась проигранной. Так, вмешавшись вновь в европейские дела, Россия на этот раз оказалась поверженной. Но упорство, с которым дрались русские и которое Наполеон еще не испытывал во время своих скоротечных побед над австрийскими и прусскими армиями, показало, что и Франции необходима передышка.

Летом 1807 г. в местечке Тильзит в Восточной Пруссии начались мирные переговоры между французским императором и союзниками. Все основные вопросы были решены во время личной встречи между Наполеоном и Александром I, которая состоялась в шатре на плоту посреди Немана.

Во время этих переговоров Александр продемонстрировал блестящие дипломатические качества. Побежденная Россия не только не понесла никаких территориальных потерь, но по мирному договору получила свободу в отношениях с Турцией и Швецией, а это означало, что Наполеон соглашался на присоединение к России в случае успеха в войне с Турцией дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, а в случае успеха России в войне со Швецией — своим противником — был согласен на присоединение Финляндии, этой шведской провинции, к Российской империи. Единственное, в чем Наполеон не уступил России, — это в вопросе о Польше; он отказывался передать ее под власть российской короны, на чем настаивал русский царь.

Но Тильзитский договор включал и статьи, невыгодные и далее тяжелые для России. Россия по Тильзитскому миру должна была присоединиться к торговой блокаде против Англии, так называемой континентальной блокаде, которую объявила Франция и ее сателлиты своей островной сопернице. Для России это означало прекращение с Англией всех торговых контактов, что больно ударило по российской экономике.

Через год, в 1808 г., на второй встрече с Наполеоном в Эрфурте Александр облек туманные обещания Наполеона о поддержке России против Турции и Швеции в четкие формулировки договора. Франция согласилась на аннексию Россией Финляндии, Молдавии и Валахии, но воспротивилась захвату Босфора и Дарданелл. Российский император добился уменьшения контрибуции с Пруссии — своего незадачливого союзника, а также настоял на уходе французских войск из образованного под эгидой Франции герцогства Варшавского. Россия обязалась в случае войны Франции с Австрией поддержать Наполеона. Одновременно Александр давал заверения английскому кабинету в своей преданности антифранцузскому союзу, ободрял всячески прусского короля, собственноручно написал письмо австрийскому императору, раскрыв свои истинные антифранцузские планы. В Эрфурте же он заручился тайной поддержкой министра иностранных дел Франции Талейрана. С этого времени тот стал работать на Россию.

Александр I теперь уже готовился к борьбе с Наполеоном всерьез и всесторонне, заглядывая далеко в будущее. В то же время он добился максимума того, что можно было добиться в это время, и, по существу, поделил Европу с Наполеоном на сферы влияния.

Присоединение Финляндии. В 1808 г. Россия начала военные действия против Швеции. В течение года шведские военные силы были разгромлены в Финляндии. Решающая победа была достигнута в ходе знаменитого зимнего (1809 г.) перехода русской армии по льду Ботнического залива и прямой атаки шведской территории. В 15-градусный мороз части генерала Барклая-де-Толли прошли тяжелым 100-километровым маршем по льду залива и ударили на Умео. Колонна генерала Багратиона прорвалась к Аландским островам. Кавалерия генерала Кульнева, пройдя торосистые

льды, двинулась на Стокгольм и появилась в пригородах шведской столицы. Швеция запросила мира.

По Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. Финляндия перешла к России. Она вошла в состав России на правах автономии в качестве Великого княжества Финляндского. В Финляндии было провозглашено конституционное устройство, созданы органы народного представительства во главе с Сеймом и Государственным советом, подтверждены традиционные для края права и свободы, в первую очередь право частной собственности. Крепостного права в Финляндии давно уже не существовало. Все документы, связанные с конституционным устройством Финляндии, были разработаны Сперанским и одобрены царем.

Таким образом, в Финляндии российское правительство установило те конституционные нормы, которые не решалось ввести в России. Это показывало, что Александр I не отказался от своих реформаторских планов и претворял их в жизнь при малейшей возможности.

После Эрфуртской встречи двух императоров Россия стала активизировать свои военные действия против Турции. Во главе Южной армии был поставлен М. И. Кутузов, который в 1811 г. нанес турецкой армии ряд поражений. Турция, так же как и Швеция, запросила мира. В ходе длительных и тяжелых переговоров, которые с большим искусством вел прославленный полководец, стороны наконец заключили в Бухаресте в мае 1812 г. мирный договор. Согласно его условиям к России отходили земли южнее Одессы и Молдавии, или Бессарабия, как стали называть эту территорию. Границы с Турцией передвинулись к реке Прут. Сербия получила автономию. Это стало началом освобождения сербов от долголетнего турецкого гнета.

§ 3. Отечественная война 1812 г.

Российское правительство вовсе не собиралось идти в фарватере французской политики. Использовав с выгодой для России договоренности с Наполеоном, Александр I продолжал готовиться к схватке с Францией. С 1808 г. началась перестройка и реформирование русской армии, создание новой армейской артиллерии. Реформой армии, ее вооружением, снабжением, созданием резервов руководил «железный граф» — военный министр А. А. Аракчеев. Особенно он преуспел в области обновления артиллерийского парка русской армии. Позднее в битве на Бородинском поле против 587 орудий французов действовало 640 русских орудий, причем русская артиллерия оказалась более маневренной и лучшего качества, чем французская. К началу 1811 г. Россия располагала 225-тысячной армией. Александр I стремился довести ее количество до 300 с лишним тысяч. Россия тем временем срывала континентальную блокаду с Англией и русско-английская торговля осуществлялась на судах нейтральных стран, в том числе США. Наполеон был вне себя.

Личные отношения между французским императором и русским царем накалились до предела. Русская армия была передвинута к западным границам. Александр I сам выехал к войскам. Разрыв отношений был не за горами.

На рассвете 12 июня 1812 г. армия Наполеона вторглась в пределы России. За два дня до этого французский посол в Санкт-Петербурге вручил в российском Министерстве иностранных дел ноту о разрыве дипломатических отношений и об объявлении войны.

Вначале пограничную реку Неман переплыли на лодках отряды прикрытия, потом по наведенным понтонным мостам на противоположный берег переправился авангард. А затем двинулись пехотные дивизии, кавалерийские корпуса, артиллерия. Но тих и пустынен был восточный берег Немана — ни русской разведки, ни воинских частей, ни мирных жителей. «Великая армия», как называли 600-тысячную военную армаду Наполеона, начала движение по просторам Российской империи в тишине и безлюдье.

Передовые русские полки 1-й армии стояли в 100 километрах восточнее, под Вильно. Никто не спешил немедленно сразиться с Наполеоном, никто не стремился дать ему генеральное сражение, о чем он так мечтал с первых же часов вторжения. С самого начала война стала приобретать длительный, маневренный характер, уводящий наполеоновскую армию в глубь России.

Из трех возможных направлений наступления, которые рассматривал французский император — на Петербург, Киев и Москву, Наполеон выбрал московское направление. Он говорил: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце».

Русское командование не имело точных сведений о том, куда направит Наполеон основную часть своих сил, сконцентрированных на западных границах империи. Поэтому русские войска были раздроблены. Основная, 1-я, армия во главе с героем Русско-шведской войны генералом М. Б. Барклаем-де-Толли занимала правый фланг армии и стояла заслоном под Вильно, готовясь в случае необходимости прикрыть петербургское направление. Южнее располагалась 2-я армия, возглавляемая генералом П. И. Багратионом. В ее задачу входило предотвращение прорыва Наполеона на московском направлении. От 1-й армии эту военную группировку отделяло 100 километров. Киевское направление защищала 3-я Западная армия под командованием генерала А. П. Тормасова. Общая численность русских войск, размещенных на западной границе, составляла около 240 тыс. человек.

«Великая армия», сосредоточенная Наполеоном у границ России, насчитывала 600 с лишним тысяч человек, участие в войне Австрии и Пруссии на стороне Франции резко изменило соотношение сил. На западной границе Наполеон имел почти трехкратный перевес в силах. Поэтому русское командование отказалось от своих первоначальных планов атакующих действий и с первых же дней войны выбрала оборонительную тактику.

Стратегия Наполеона заключалась в том, чтобы решить все одним ударом по направлению Вильно—Москва, навязать русским генеральное сражение и, пользуясь огромным перевесом сил, разгромить сначала 1-ю армию, а потом и 2-ю, не дав им соединиться. Французский император рассчитывал закончить военную кампанию быстротечно и заставить русского монарха подписать продиктованный ему мирный договор. Наполеон нале-

ляся раз и навсегда покончить с мощью России, вернуть ее к допетровским границам, оторгнуть ее западные территории в пользу своих союзников, навязать России свою экономическую политику. Затем он планировал обрушиться на Англию. Тогда вся Европа была бы у его ног.

Александр поначалу хотел покончить дело миром и направил к Наполеону для переговоров генерала Балашова. Но Наполеон даже не принял царского посла и приказал ему следовать вместе с армией в Вильно. И только там он дал Балашову аудиенцию. Наполеон обрушил на генерала град упреков, отказался вести переговоры и дерзко спросил у него, каков самый короткий путь на Москву. На этот вопрос генерал находчиво ответил: «Карл XII шел через Полтаву».

Вначале 1-я Западная армия, уходя на восток и избегая генерального сражения, предполагала встретить неприятеля в лагере на реке Дриссе, притоке Западной Двины. Считалось, что, атакуя лагерь, французы увязнут здесь, а во фланг им ударит подошедшая 2-я армия П. И. Багратиона. Поначалу Александр I утвердил этот план. Но когда стал вырисовываться огромный перевес сил противника, а против 2-й армии Наполеон направил войска брата Жерома и корпус маршала Даву, чтобы не дать Багратиону подойти к 1-й армии Барклая-де-Толли, стало ясно: этот план не годен. Теперь русские поставили перед собой задачу сохранить обе армии, не вступая с неприятелем в крупные сражения, и как можно скорее объединить свои силы.

Таким образом, объективная обстановка, сложившаяся на театре военных действий, требовала отступления русских армий в глубь страны. Одновременно эта вынужденная тактика постепенно стала перерастать в стратегию всей войны. В то же время появилось твердое убеждение, что сокрушить агрессора можно было силами не только армии, но и всего народа. Первым эти идеи сформулировал сам Александр I. Он уже в начале войны, когда перевес сил Наполеона окончательно определился, пришел к мысли о необходимости использовать пространство страны, мужество и упорство народа и ни в коем случае не соглашаться на мирные переговоры с противником до полного его изгнания. В одном из писем он писал: «Решиться на генеральное сражение столь же щекотливо, как и от оного отказаться... Но потеряв сражение, трудно будет исправиться для продолжения кампании».

В первые же дни войны царь издал манифест о создании народного ополчения. Позднее он одобрил инициативу дворянства по поводу формирования военных отрядов и вооружения крестьян для борьбы с захватчиками. По существу, первые обращения Александра I к народу узаконили партизанскую войну. Но она и так уже начинала стихийно разгораться на территории, захваченной противником. В этом смысле власть, армия и народ были охвачены единым патриотическим порывом, независимо от сложнейших социально-экономических противоречий в стране, существования крепостного права. Именно это сделало войну России против наполеоновского нашествия отечественной. Под таким названием она и вошла в историю нашей Родины.

Оставив Дрисский лагерь, 1-я армия, избегая генерального сражения, с боями откатывалась на восток, замедляя движение Наполеона. П. И. Багратион с боями же продвигался на соединение с армией Барклая-де-Толли.

Оба русских военачальника стремились встретиться под Витебском. 1-я армия первая подошла к городу и стала ждать Багратиона. Этим воспользовался Наполеон. Его авангарды спешили к Витебску. Арьергардные части русских сдерживали их натиск в течение двух дней. На подступах к городу шли кровопролитные бои. Но к Витебску уже подходили основные силы «Великой армии». Наполеон был уверен, что наконец-то он даст русским генеральное сражение. Однако его расчеты не оправдались. Выставив заслон в несколько тысяч человек и разложив к вечеру многочисленные костры, которые должны были убедить Наполеона, что русские стоят на месте и готовятся к бою, Барклай-де-Толли бесшумно снялся с позиций и начал отступление к Смоленску. Поверив, что русская армия стоит на месте и готовится к сражению, французский император решил подождать день и, подтянув свои основные силы, начать генеральное сражение, чтобы уже со всей мощью обрушиться на русских.

Но 16 июля конные разъезды французов не обнаружили на месте 1-й армии. Наполеон был вне себя. А в это время армия Барклая-де-Толли спешила к Смоленску, куда должен был наконец-то подойти Багратион.

В это время 2-я армия с боями прорывалась на северо-восток. Здесь против 135 тыс. наполеоновских войск сражались 45 тыс. русских.

Багратион, все время теснимый неприятелем, не смог выйти к Витебску и теперь устремился к Смоленску. Умело маневрируя и избегая фронтального сражения с французами, он сумел осуществить переправу своей армии через Днепр. Теперь обе русские армии беспрепятственно шли к Смоленску.

В это время против французской армии уже начал работать фактор пространства, на который так рассчитывал Александр I: чем больше вглубь России продвигалась армия Наполеона, тем меньше она становилась по численности. Необходимо было оставлять гарнизоны во взятых городах, охранять растянувшиеся коммуникации, тыловые склады боеприпасов и продовольствия. К тому же французы несли большие потери в постоянных стычках с русскими войсками. К Смоленску Наполеон привел лишь 200 тыс. человек. И все же перевес сил редеющей «Великой армии» был велик.

Теряли своих воинов и русские войска. Но из глубины России к ним стали подтягиваться резервы, повсюду вооружались ополченцы, создавались партизанские отряды. Постепенно война входила в невыгодное для Наполеона русло: вместо генерального сражения и молниеносной войны он получил длительную военную кампанию.

Уже в это время Наполеон делает первые попытки, используя свое военное преимущество, покончить дело почетным миром. Но Александр I проявляет твердость и упорство: он отказался вести с французским императором какие-либо переговоры и дал жесткий приказ русским военачальникам не отвечать на мирные инициативы противника.

Под Смоленском 22 июля русские армии наконец соединились. Теперь соотношение сил немного изменилось, но у Наполеона все еще был перевес в несколько десятков тысяч человек.

Уже сам этот факт соединения свидетельствовал о провале расчетов французского командования на разгром этих армий поодиночке. Более того, в ходе отступательных операций русские войска оказали «Великой армии» ожесточенное сопротивление, которое французы не встречали в Европе. Однако Наполеон упорно продолжал надеяться на успех в генеральном сражении. Теперь, казалось, под Смоленском его надеждам было суждено осуществиться.

К этому времени Россия укрепила свои международные позиции. Она заключила союзные договоры со Швецией, Турцией, Англией и Испанией, которая была оккупирована французскими войсками и народ которой поднялся на освободительную борьбу против захватчиков.

Несмотря на эти внешнеполитические успехи и на то, что Наполеон должен был держать значительные силы в Испании, в оккупированных странах Европы, положение России оставалось критическим: враг полукружьем своих армий стоял перед Смоленском, готовясь к решающему сражению и штурму города, объединенная русская армия по-прежнему уступала неприятелю в количественном отношении. Резервы лишь подходили, ополченцы не имели боевого опыта. К тому же в это время Россия вела войну на Кавказе против Ирана и значительная часть сил была отвлечена на кавказский фронт.

Отступление угнетало офицеров и солдат. Герои прошлых сражений, в том числе с теми же французами, негодовали по поводу постоянного отхода русских армий, рвались в бой. Эти настроения понимал и разделял русский генералитет. Ярким выразителем этих настроений был пылкий и храбрый Багратион, который в частных письмах выражал несогласие с осторожной тактикой Барклая-де-Толли. Разногласие между генералами ощущалось в армии. Барклай-де-Толли терял в войсках популярность. Для многих солдат этот выходец из шотландской семьи был чужим человеком, прежде всего иностранцем. Однако объективная обстановка требовала отхода.

И все же под Смоленском объединенная русская армия, командующим которой стал Михаил Богданович Барклай-де-Толли, решила дать французам бой и попытаться отстоять город. Смоленск и Смоленская гряда являлись последним естественным рубежом на пути к Москве. Оставить город без боя было невозможно ни по тактическим соображениям, ни по психологическим причинам. 2 августа началась битва за Смоленск.

Наполеон, располагавший большими силами и возможностью широкого маневра, попытался обойти русскую армию, стоявшую возле Смоленска, с юга, где левый фланг русских войск оказался слабо защищенным. После тяжелого боя русские отступили, но попытка кавалерии Мюрата выйти в тыл русской армии была сорвана.

4 августа к Смоленску подошли основные части — корпуса Нея, Даву, Груши. Они попытались с ходу смять русские войска и захватить город. Но и эта попытка была отбита. Русские передовые части оказали стойкое со-

противление. Оно помогло основной части войск осуществить отход и занять позиции непосредственно вблизи города.

На другой день Наполеон приказал взять город штурмом, но русские войска стояли насмерть. Вместе с ними приняли бой и смоленские ополченцы. Когда же наступление захлебнулось, Наполеон приказал бомбардировать Смоленск и поджечь его. Град ядер обрушился на город. Смоленск запылал. После канонады в огне и дыму французы снова ринулись на приступ городских стен, но и эти атаки были отбиты.

Наступила ночь 6 августа. Наполеон предполагал на следующий день продолжить наступление и перемолоть в битве за Смоленск русскую армию. Каково же было его удивление и негодование, когда наутро он обнаружил, что Смоленск пуст, а русская армия снялась со своих позиций. Ему достался сожженный, обезлюдевший город. Большинство жителей ушли вместе с армией. Под Смоленском французы потеряли 20 тыс. человек. После смоленского сражения число французских войск, действовавших на московском направлении, сократилось до 135 тыс. человек.

Заняв Смоленск, Наполеон предполагал дать своим войскам отдых, подтянуть резервы, подвести продовольствие, фураж для лошадей. Однако вся обстановка диктовала ему продолжить наступление на восток: шел август, кончалось лето, подступала холодная тяжелая русская осень, сил оставалось все меньше, вокруг разгоралась народная партизанская война, а кампания так и не была выиграна. К тому же на вспомогательных направлениях — петербургском, которое прикрывал русский корпус П. Х. Витгенштейна, и южном — против 3-й Западной армии А. П. Тормасова части «Великой армии» терпели неудачу. Марш на Москву, генеральное сражение на пути к русской столице, а там почетный мир, отдых измученной боями армии — вот к чему продолжал стремиться французский император всеми силами. Поэтому в Смоленске французы задержались лишь на пять дней. Их движение на восток возобновилось.

В эти августовские дни в русской армии произошли перемены. После смоленского сражения боевой дух войск не только не был сломлен, но, напротив, еще более возрос. Но одновременно в войсках нарастало недовольство отступлением, разобщенностью командования. М. Б. Барклай-де-Толли все больше терял авторитет. Мнение высокопоставленных и влиятельных деятелей России, близких к Александру I, а также общественное мнение все более склонялось к назначению на пост главнокомандующего всеми военными силами России 68-летнего фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова, сподвижника А. В. Суворова, героя Русско-турецких войн. Александр I холодно относился к престарелому полководцу. Он не мог забыть о позоре Аустерлица, когда М. И. Кутузов стал свидетелем его военного унижения. Кроме того, Александр I считал, что фельдмаршал стар и немощен. Но в тяжелую годину для России император пошел навстречу общественному мнению. 17 августа М. И. Кутузов принял командование армией. Это было за девять дней до Бородинского сражения.

Его появление армия встретила с энтузиазмом. На смотре, который устроил М. И. Кутузов, он обратился к воинам с короткой речью:

«Разве можно с такими молодцами отступать», — говорил он, проезжая мимо приветствовавших его войсковых частей. Именно в те дни в армии сложилась поговорка: «Пришел Кутузов бить французов».

Но первый энтузиазм от встречи популярного полководца с войсками прошел, и Кутузов быстро убедился, что положение продолжает оставаться трудным, а отступление неизбежным. Вместе с тем он принял ряд решительных мер по подтягиванию резервов армейских частей и отрядов ополчения, укрепил дисциплину в армии, приступил к координации действий корпуса Витгенштейна, прикрывавшего Петербург, и 3-й армии Тормасова, чтобы оказывать давление на наступающего противника с флангов, растягивать его силы, обескровливать их. Одновременно, отступая к Москве, Кутузов тщательно выбирал позицию для генерального сражения. Он, как и Барклай-де-Толли, понимал, что отдавать древнюю русскую столицу без боя невозможно.

Бородинское сражение. Утром 22 августа русская армия стала развертываться на Бородинском поле в соответствии с планом М. И. Кутузова.

На правом фланге стояли пехотные и кавалерийские корпуса численностью свыше 30 тыс. человек под командованием генерала М. А. Милорадовича. В центре также находилась группа войск под командованием Д. С. Дохтурова, насчитывавшая 13,6 тыс. человек. Обе эти группы войск подчинялись М. Б. Барклаю-де-Толли. Это были части 1-й армии. На левом фланге, не имеющем естественной защиты, стояли войска 2-й армии под командованием П. И. Багратиона в составе 32 тыс. человек. Оставался еще главный резерв, находившийся в распоряжении М. И. Кутузова, и отряды ополчения. В боевых порядках русской армии насчитывалось свыше 120 тыс. человек. Глубоко в тылу русских войск, на их флангах находилась казачья кавалерия, готовая к быстрым фланговым атакам.

Наполеон имел на Бородинском поле 135 тыс. человек. Но перевес в артиллерии был на стороне русских. К тому же русское командование успело возвести по фронту наступления противника ряд укреплений. В центре, на курганной высоте перед русскими корпусами была развернута батарея из 18 орудий, вошедшая в историю сражения под названием батареи Раевского, так как входила в состав его корпуса. На левом фланге, около деревни Семеновское, были сооружены земляные укрепления — флеши с размещенными на них орудиями, а перед ними — около деревни Шевардино — построен редут с артиллерией, так называемый Шевардинский редут.

Французы развернули свои силы для атаки 24 августа. Наполеон правильно оценил позицию и понял, что правый фланг русских неприступен, центр хорошо укреплен, а вот левый фланг достаточно открыт для атаки. Но для этого необходимо было перейти реку, овладеть Шевардинским редутом.

М. И. Кутузов рассчитывал, что французы, ограниченные в своих маневрах и не могущие обойти русские позиции, которые на левом фланге были защищены лесом, а на правом — Москвой-рекой, будут вынуждены вести фронтальное наступление, увязнут в плотных эшелонированных порядках русских войск, будут обескровлены и тогда в дело вступят свежие резервные части, кавалерия, казачьи части и опрокинут неприятеля.

Русские еще не успели как следует укрепить свои позиции, особенно на левом фланге, как французы в тот же день, около двух часов дня, обрушились, как и предполагалось, на позиции П. И. Багратиона. Пехотные части и кавалерия Мюрата атаковали Шевардинский редут, прикрывавший Семеновские, или, как их стали называть, Багратионовы флеши. Русские части, защищавшие редут, дрались отчаянно. Несколько раз он переходил из рук в руки. Лишь через пять часов боя французы, пользуясь численным перевесом и проявив также чудеса храбрости и упорства, овладели Шевардинским редутом. Но Багратион послал на помощь дивизию гренадеров и кавалерию. Французы снова были отброшены к реке Колоче. К ночи бой прекратился. Русские части по приказу Кутузова оставили разрушенный редут, подступы к которому были усеяны трупами французских солдат, и отошли на основные позиции. Казалось, начал претворяться в жизнь план Кутузова — обескровить, измотать французскую армию в ее губительных атаках.

День 25 августа прошел в подготовке противоборствующих сторон к сражению. М. И. Кутузов, объезжая войска, обратился к своим воинам со словами: «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови».

Ранним утром 26 августа части «Великой армии» двинулись в атаку.

Первые свои удары Наполеон нанес по центру и одновременно по флангам. Но становилось ясным, что это были отвлекающие маневры. Основные же свои силы французы бросили на Багратионовы флеши и батарею Раевского, контролирующую центр русской армии. Французам, как и предполагал М. И. Кутузов, пришлось идти в лобовую атаку. На левый фланг русской армии обрушились 45 тыс. бойцов и залпы 400 орудий. На Багратионовы флеши шли кавалерия Мюрата, корпуса Даву, Нея — лучших маршалов наполеоновской Франции.

Багратионовы флеши окутались облаками дыма, здесь, не переставая, гремела канонада. Французы, не считаясь с потерями, плотными колоннами шли вперед. В ответ гремели русский орудия, картечь сметала ряды наступавших. Но Наполеон направлял сюда все новые подкрепления.

За развитием событий на левом фланге внимательно следил со своего командного пункта и Кутузов. Он также постоянно подтягивал туда подкрепления, снимая их с правого фланга и отряжая резервные части. Бой длился уже несколько часов, флеши несколько раз переходили из рук в руки. Огневые лавины перемежались рукопашными схватками, в самые критические минуты русские добивались успеха яростными штыковыми атаками. В ходе боя осколком пушечного ядра был смертельно ранен П. И. Багратион и его увезли с поля боя. Командование принял талантливый, смелый и упорный генерал Д. С. Дохтуров. Лишь после восьмой попытки, уложив на поле боя тысячи солдат, французам удалось захватить укрепления. Однако Дохтуров отвел части левого фланга за Семеновский овраг на заранее подготовленные резервные позиции. Русские встали в батальонные каре и отбивали все атаки противника. Наполеону так и не удалось сокрушить левый фланг русской армии.

После полудня французы повели основные атаки на центр русских войск и прежде всего выдвинутую вперед батарею Раевского. Именно в это время Кутузов направил в обход левого фланга французской армии казачьи части М. И. Платова и кавалеристов под командованием генерала Ф. П. Уварова. Рейд русской кавалерии, перешедшей Колочу по бродам и атаковавшей французов в глубоком тылу, вызвал смятение во французском лагере. Два часа потребовалось Наполеону, чтобы перегруппировать войска и отбить натиск русской конницы. Лишь после этого французы вновь обрушились на батарею Раевского. Но к этому времени Кутузов сумел подтянуть сюда на помощь свежие силы, укрепить центр русской армии. Лишь бросив на батарею главные силы и подвергнув курган мощному артиллерийскому обстрелу, французам удалось захватить обезлюдевшую, с искареженными пушками батарею.

День клонился к закату. Наполеону удалось в кровопролитнейшем сражении, потеряв при штурме Семеновских флешей и батареи Раевского 75% погибших в этот день своих солдат, овладеть этими двумя укрепленными пунктами русской армии. Но отойдя на резервные позиции, русские войска стояли как скала, готовые к продолжению битвы. Их фланги и центр не были поколеблены. Мощная русская артиллерия до глубокой ночи с высот и курганов продолжала наносить удары по скоплениям французских войск. Лишь ночь прекратила битву. Наполеон, убедившись в бесплодности своих усилий, приказал войскам отойти на прежние позиции: русские вновь заняли батарею Раевского и деревни на левом фланге.

Бородинское сражение не принесло победы ни одной из сторон. Но оно надломило дух непобедимой дотоле наполеоновской армии, вдохнуло новые силы в русские войска, показало высокий патриотизм, неустрашимость, самоотверженность русских солдат, офицеров, генералов, которые выстояли, несмотря на всю мощь превосходящей их наполеоновской военной машины.

Русские во время Бородинского сражения потеряли 44 тыс. человек, «Великая армия» оставила на поле боя 58,5 тыс. бойцов.

Обе стороны готовились к продолжению сражения. Однако утром 27 августа М. И. Кутузов приказал войскам оставить место сражения и отойти к Москве. Продолжать бой было рискованным. Наполеон, несмотря на огромные потери, все еще имел численное превосходство в кадровых частях. Между тем в составе русской армии немалое число представляли собой малообученные ополченцы и резервисты. Кроме того, в резерве у Наполеона остались старая гвардия — цвет «Великой армии». Он не двинул ее с места, даже несмотря на отчаянные просьбы своих маршалов, которые убеждали императора, что ввод в действие гвардии повернет ход сражения в пользу французов. Наполеон боялся потерять в кровавой мясорубке свои самые боеспособные части. Теперь, свежие и хорошо укомплектованные, они готовы были вступить в решающий бой. Русские кадровые резервы, на которые рассчитывал Кутузов, так в полном составе и не успели подойти к Москве. Не имея решающего перевеса в силах, Кутузов опасался рисковать судьбой армии. Вот почему наутро после сраже-

ния озадаченный Наполеон не обнаружил русскую армию на прежних позициях.

Отведя свои войска к Москве, М. И. Кутузов в ожидании резервов искал новую выгодную позицию для сражения. Но такой не находилось.

1 сентября в деревне Фили в просторной крестьянской избе русский главнокомандующий собрал военный совет. Выслушав всех, М. И. Кутузов произнес исторические слова: «С потерей Москвы не потеряна еще Россия... но когда уничтожится армия, то погибнут и Москва, и Россия». Немного помолчав, он твердо произнес: «Приказываю отступать». Кутузов прекрасно понимал, что генералы, как и вся армия, рвались в бой. Он же, облеченный доверием и армии, и народа, должен был выиграть войну и изгнать неприятеля из пределов России.

2 сентября русская армия проходила через Москву. Последними покидали город кавалерийские части М. А. Милорадовича, находившиеся в арьергарде и прикрывавшие отступление. Вместе с армией уходили и жители Москвы. Из почти 300-тысячного населения города в Москве осталось всего 10–12 тыс. человек. А уже на следующий день в город вступила кавалерия Мюрата — авангард французской армии. Следом двигались основные войсковые части.

Наполеон остановился на Поклонной горе, обозревая раскинувшуюся перед ним русскую столицу, блиставшую сотнями церковных куполов, красивейшими зданиями, величественным Кремлем. Наполеон ждал официальной сдачи города, депутации горожан, вручения ему ключей от городских ворот, к чему он привык на Западе. Но тих и пустынен был город в этот прекрасный сентябрьский день. Разочарованный французский император въехал в Кремль. В тот же день он отдал Москву на разграбление своим солдатам. Они врывались в опустевшие дома богатых горожан, в дворянские особняки, тащили в свои обозы все, что попадалось под руку, опустошали винные подвалы и склады, которые предусмотрительно были оставлены в Москве нетронутыми.

Уже в первые дни пребывания в Москве французские части стали превращаться в скопища пьяных мародеров. Дисциплина в армии падала, а ведь она находилась в тысячах километров от своей родины. Это серьезно беспокоило французское командование. По существу, Москва стала для «Великой армии» моральной, нравственной ловушкой. Положение осложнялось и тем, что уже в первый день пребывания французов в Москве в городе начались пожары. Сначала загорелись отдельные дома. Потом огонь охватил целые кварталы. Запылали Арбат, Замоскворечье. Погода в то время была сухой, ветреной, и огонь быстро распространялся по городу.

Что стало причиной пожара? Наполеон тут же объявил, что это «русские варвары» в отчаянии и злобе подожгли свою столицу. Кутузов обвинил в пожаре французов, мародерствующих в городе. На эту тему в исторической науке десятилетиями шли споры. В действительности возложить вину за пожар Москвы либо на русских, либо на французов невозможно. С одной стороны, фактом являлось, что находились «поджигатели» среди русских патриотов, которые стремились пожарами нанести урон наполео-

новским войскам. Фактом является и то, что генерал-губернатор Москвы Ф. В. Ростопчин приказал вывезти из города всю противопожарную технику. Но известно немало свидетельств, которые говорят о том, что причиной пожаров стало неосторожное обращение с огнем пьяных французских мародеров. Вскоре пылала уже вся, в основном деревянная, Москва. Кольцо огня охватило Кремль, где расположился Наполеон. Он срочно вынужден был покинуть свои апартаменты и найти пристанище в одном из подмосковных дворцов. Пожар бушевал шесть дней. Три четверти домов было уничтожено. Сгорели все провиантские склады, на которые рассчитывало французское командование для обеспечения своей армии. После этого над французской армией нависла угроза голода. Москва, таким образом, стала и военной ловушкой для «Великой армии».

Из Москвы в лагерь Кутузова Наполеон отправил парламентера с предложением начать мирные переговоры. Тот привез письмо с условиями. Наполеон стремился не столько добиться сокрушения России, сколько хотел прежде всего спасти армию и свою честь. Кутузов принял наполеоновского посланца, но отказался вести с ним какие-либо переговоры. Однако даже этот факт вызвал ярость царя. Тот сурово упрекнул фельдмаршала за сам факт вступления в контакт с представителем Наполеона. Ответа на мирные предложения не последовало.

Контрнаступление русской армии. После оставления Москвы русская армия совершила свой знаменитый фланговый маневр.

Поначалу Кутузов после оставления Москвы дал приказ армии двигаться по Рязанской дороге, на юго-восток. Это и заметили французские авангарды, следовавшие за русской армией. Но затем русский главнокомандующий резко изменил направление движения, повернул на запад и вывел армию на Калужскую дорогу. Маневр был предпринят настолько быстро и скрытно, был так хорошо замаскирован, что французы на несколько дней потеряли русскую армию из вида. Лишь через пять дней кавалеристы Мюрата обнаружили русские части близ Подольска. Но было уже поздно. В это время русские войска, пройдя через Подольск, уже занимали позиции у деревни Тарутино в 80 километрах к югу от Москвы, перекрыв возможность прорыва наполеоновской армии в южные районы страны. Там, в районе Калуги и Тулы, находились продовольственные и военные склады. В Туле располагались военные заводы. Отсюда шли пути в южные губернии, богатые продовольствием, там лежали нетронутые войной большие города. Сюда и предполагал направиться Наполеон после оставления разоренной и сожженной Москвы, чтобы предоставить зимние квартиры своей уставшей, надломленной Бородинским сражением, изрядно поредевшей армии. Теперь Кутузов лишил французского полководца этой возможности. У Наполеона оставался крайне ограниченный выбор. В осеннюю распутицу, в наступающие холода двигаться на север в направлении Петербурга было бессмысленно. К тому же на этом направлении находился корпус Витгенштейна. В тылу же находилась бы вся русская армия. Оставалось либо прорываться с боями на юг, либо отступать на запад по разоренной войной Смоленской дороге.

35 дней Наполеон пробыл в Москве. На исходе этих дней он понял, что каждый день пребывания в разоренной Москве лишь приближает катастрофу.

Приняв решение отступать на запад и разместить свою армию в Белоруссии, он тем не менее попытался поначалу прорваться к Калуге и Туле, отбросить русскую армию, захватить продовольственные и военные склады, а там уже действовать по обстоятельствам. 7 октября французская армия вышла из Москвы и двинулась по Калужской дороге на юго-запад, навстречу Кутузову. Туда направились и корпуса, располагавшиеся в ближних к Москве городах. На этот раз французские части мало чем напоминали хваленую «Великую армию». Солдаты шли огромными толпами, одетые кто во что попало. За армией тянулись обозы с награбленным добром. Но все же это была еще грозная сила. У Наполеона вместе с подошедшими подкреплениями оставалось 100 тыс. бойцов.

К этому времени, пока Наполеон бездействовал в Москве, к Тарутину подходили подкрепления, прибывали новые пушки, ополченцы проходили военную выучку. Скоро численность русской армии вновь достигла 120 тыс. человек. Армия отдохнула, отъелась, заново обмундировалась.

Теперь Кутузов добился своей цели: русская армия имела значительный численный перевес над французами. Прежнее превосходство русских в артиллерии выросло еще больше, и теперь Кутузов располагал здесь двойным перевесом; русская кавалерия в 3,5 раза превосходила французскую конницу. Все это давало возможность русской армии перейти в контрнаступление.

Еще до того как французы вышли из Москвы, Кутузов предпринял вблизи своего Тарутинского лагеря первый наступательный маневр. Русские части атаковали выдвинутый из Москвы корпус Мюрата, который должен был следить за состоянием и движением русской армии. Русские сбили Мюрата с занимаемых позиций и отбросили французов прочь. Тарутинский бой стал первой серьезной победой русской армии после Бородина.

Одновременно М. И. Кутузов стремился координировать действия всех русских армий. Гонцы поскакали на север к Витгенштейну, на юг к южной группировке войск, а также к частям, расположенным близ Риги. Всем им было приказано подтягиваться к главной арене военных событий — в район предполагаемого отступления наполеоновской армии по линии Москва — Смоленск — западная граница. Кутузов предполагал стянуть кольцо окружения между реками Днепром, Березиной и Западной Двиной и там нанести неприятелю окончательное поражение. Главная же армия должна была, во-первых, препятствовать прорыву Наполеона на юг, а во-вторых, фланговым движением оказывать на французскую армию постоянное военное давление и заставить Наполеона двигаться на запад по разоренной Смоленской дороге.

Выступив из Москвы, французская армия двинулась на Калугу. Планы Наполеона окончательно определились: овладеть Калугой, ее продовольственными складами, продвинуться в южные губернии России, а уже потом повернуть к Смоленску, где располагались военные, продовольственные

и фуражные склады французской армии и кула должны были подтянуться резервы. А уже из Смоленска французский император собирался продиктовать мир Александру I.

Русские авангарды и разведчики внимательно следили за маневрами Наполеона, и как только его планы определились, Кутузов немедленно привел свою армию в движение. На новую Калужскую дорогу был выдвинут корпус Дохтурова и казаки Платова, а следом двинулись главные силы.

Ключевым пунктом на пути к Калуге являлся город Малоярославец. К нему-то и устремился Наполеон. Французский авангард подошел к городу раньше русских и занял его. Однако подоспел корпус Дохтурова, который и начал бой за город. В ходе ожесточенного противоборства город восемь раз переходил из рук в руки. Наполеон посылал в сражение все новые части, но русские стояли насмерть. А к городу уже подходил с основными силами Кутузов. Французы вынуждены были отступить.

Этот бой стал поворотным в ходе войны. Наполеон на этот раз уклонился от генерального сражения и дал приказ своим войскам отойти к Можайску, а оттуда перейти на Смоленскую дорогу. Кутузов взял военную инициативу в свои руки. На северо-западном направлении войска Витгенштейна нанесли поражение французскому корпусу, прикрывавшему движение главных французских частей, и отбросили его к Западной Двине. С юга на Минск, правда, медленно и осторожно, наступала Южная армия, которой командовал адмирал П. В. Чичагов.

Стиснутая с севера и юга русскими войсками, французская армия в конце концов двинулась от Можайска на запад, по разоренной Смоленской дороге.

М. И. Кутузов поставил задачу воспрепятствовать объединению всех французских сил под Смоленском. Достичь этого он предполагал постоянным давлением на французов с флангов, параллельным движением с юго-востока Главной армии. Затем русский главнокомандующий планировал завершить концентрическое окружение армии Наполеона силами Главной и Южной армий, а также корпуса Витгенштейна и уничтожить врага близ западной границы России. П. Х. Витгенштейн и П. В. Чичагов получили приказ усилить свой натиск с юга и севера. Казачьему атаману М. И. Платову М. И. Кутузов приказал постоянно тревожить конными атаками растянувшуюся на 70 километров французскую армию.

Большое значение в борьбе с противником М. И. Кутузов уделял развернувшемуся со времени вторжения «Великой армии» в Россию партизанскому движению.

Партизанское движение против наполеоновского вторжения стало составной частью народной войны в осенние месяцы 1812 г. По пути следования наполеоновской армии, по мере продвижения ее вглубь страны это движение ширилось, обретало все большие масштабы, приобретало стройность и организованность. Его основной силой стала крестьянство сел и деревень Смоленской, Московской, Калужской губерний. Крестьяне покидали свои дома, вооружались кто чем мог — охотничьими ружьями, вилами, топорами, косами, уходили в окрестные леса, формировали там боевые отряды. В них немало было и городских жителей, и дворян, и отстав-

ших от войска русских офицеров и солдат. Оттуда партизанские отряды наносили чувствительные удары по растянутым коммуникациям противника, нападали на французских фуражиров, атаковали обозы с продовольствием и боеприпасами, истребляли и захватывали в плен небольшие вражеские отряды, отколовшиеся от основной армии или выполнявшие отдельные поручения, перехватывали военных гонцов с их депешами, проводили разведку и добытые сведения через верных людей переправляли русскому командованию.

Таким образом, между обществом, народом и армией установилась живая органическая связь, которая стала одним из решающих факторов в победе России над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г.

Размах и сила партизанского движения к октябрю 1812 г. были таковы, что Наполеону приходилось выделять целые дивизии для охраны коммуникаций, борьбы с партизанами, спасения складов продовольствия и боеприпасов.

После Бородинского сражения, но особенно во время пребывания в лагере под Тарутиным, М. И. Кутузов предпринял энергичные меры по всемерному развертыванию партизанского движения, формируя и направляя по французским тылам летучие кавалерийские отряды из казаков, гусар, драгунов, башкир и отряжая на их руководство талантливых молодых офицеров, известных своей дерзкой смелостью и отвагой.

Подполковник гусарского Ахтырского полка, отчаянный смельчак и поэт Денис Давыдов попросил фельдмаршала дать ему конный отряд и направить в рейд по французским тылам. М. И. Кутузов благословил отважного офицера. С ним ушли казаки и башкирские конники. Отряд Д. В. Давыдова наводил ужас на французские части своими дерзкими, неожиданными налетами. Сам Денис Давыдов стал одним из героев Отечественной войны 1812 г., получил всероссийскую славу. Генерал М. С. Дорохов во главе трех казачьих полков, одного гусарского и одного драгунского полка с артиллерией был направлен М. И. Кутузовым во французский тыл между Москвой и Можайском. Основные удары Дорохов наносил по французским складам боеприпасов. Свои действия он координировал с крестьянскими партизанскими отрядами. Другой офицер, А. С. Фигнер, во главе 800 партизан действовал на можайской дороге. Отряд А. С. Фигнера доходил до самой Москвы, не давая покоя французам. А. С. Фигнер внезапно нападал на французские части, истреблял обозы. Свободно владея несколькими иностранными языками, смелый партизан в форме офицера французской армии проникал в Москву, доставал там ценнейшие разведывательные сведения и передавал их русскому командованию. Партизанский отряд из 500 человек во главе с офицером А. Н. Сеславиным контролировал дорогу между Боровском и Москвой. Именно Сеславин был первым, кто добыл сведения о направлении движения Наполеона после его выхода из Москвы, чем помог русской армии встретить французов под Малоярославцем.

Большой урон противнику наносили и другие партизанские отряды. Во главе партизан Богородского уезда стоял крепостной крестьянин Герасим Курин. Это была настоящая партизанская армия, насчитывавшая до

6 тыс. человек. В районе Гжатска воевал 4-тысячный отряд под руководством солдата-драгуна Ермолая Четвертакова. Легендарной стала боевая деятельность старостихи Василисы Кожиной, возглавившей партизанский отряд в Смоленской губернии.

Преследуемая армией Кутузова, испытывающая давление русских войск с севера и юга, постоянно находящаяся под ударами партизанских отрядов, французская армия стремительно откатывалась на запад. По осеннему бездорожью французы двигались даже быстрее, чем по летним дорогам на восток несколько месяцев назад.

Французы стремились как можно быстрее оказаться в Смоленске, уйти из стягивающегося вокруг них кольца русских войск, встретиться там с подходившими с запада резервами, использовать сосредоточенные в городе запасы продовольствия, боеприпасов, оружия, фуража.

Уже в это время французская армия быстро теряла свои боевые качества, утрачивала дух победителей, морально разлагалась. Пожар Москвы, скорое отступление из сожженной и разоренной, погружающейся в осенние холода русской столицы, удары, нанесенные ей под Бородином, Тарутином, Малоярославцем, сделали свое дело: французы почувствовали несгибаемую волю русской армии.

Французы, уходя на запад, тянули за собой огромные обозы награбленного добра: это была добыча, которую обещал им Наполеон в начале вторжения. Теперь она отягощала французские войска, превращала их в огромные толпы отчаявшихся, обозленных, но еще боеспособных мародеров.

Под Вязьмой Кутузов нанес удар по растянувшейся на долгие километры наполеоновской армии. Корпус Даву, шедший в арьергарде и прикрывавший отступление французов, был атакован русским авангардом под командованием Милорадовича и казаками Платова. Наполеон послал на помощь Даву свежие силы, но русские опрокинули их. Вязьма была взята штурмом. 6 тыс. французов остались лежать на поле боя. 2,5 тыс. попали в плен.

Вслед за этим партизанские части и казаки окружили и взяли в плен под Ельней бригаду генерала Ожеро. Около тысячи пленных были захвачены во время переправы французов через Днепр.

В конце октября наступили настоящие холода. Французы замерзали в своих шерстяных мундирах и тонких суконных плащах. Они спасались от морозов кто как мог: надевали крестьянские поддевки, поповские ризы, обматывали себя полотенцами, платками и шарфами и даже использовали в качестве одежды женские шубы и капоры. Разбитые сапоги зачастую заменяли лаптями. Уже по дороге к Смоленску наполеоновские солдаты бросали обозы, оставляли больных и раненых; катастрофически сокращавшийся от бескормицы и болезней конный состав не в силах был тянуть тяжелые орудия. По существу, боеспособными частями оставались лишь гвардия и несколько корпусов, отступавших вместе с ней.

28 октября Наполеон прибыл в Смоленск. Но надежда на теплые квартиры, отдых, склады с продовольствием, резервы не оправдалась. Его встретил холодный разоренный город с разграбленными ранее вошедшими

в город частями военными магазинами и складами. Ожидавшихся резервов также не оказалось.

В Смоленске Наполеон пробыл лишь четыре дня. Убедившись, что закрепиться здесь не удастся, он дал приказ армии продолжить отступление на запад.

Из города к русской границе в начале ноября выступило лишь 50 тыс. человек. Это все, что оставалось от некогда могучей «Великой армии». И этим оставшимся тысячам пришлось до конца испить горькую чашу поражения и плена.

Двигавшаяся параллельно, русская армия западнее Смоленска в двухдневном сражении нанесла под городом Красным очередное поражение французам. Наголову были разгромлены корпуса прославленных наполеоновских маршалов Нея и Даву. В сражении французы потеряли убитыми 6 тыс. человек, 26 тыс. попали в плен.

Нанося удары противнику, Кутузов продолжал осуществлять свой план окружения остатков французский армии, не доходя до западной границы, соединениями основных русских сил, а также Южной армии и корпуса Витгенштейна. Русские войска шли наперерез отступающим французам. Наполеон же стремился вырваться из этой ловушки и достигнуть берега Березины, за которой начиналась территория Литвы, раньше русских. Под Оршей к нему подошли свежие силы, подтянулись действовавшие на флангах корпуса, французская армия, собранная в единый кулак, все еще представляла грозную силу. Всего Наполеон в это время имел около 75 тыс. человек, но боеспособных частей насчитывалось не более 40. У русских в трех армиях было более 100 тыс. бойцов.

Стремясь к Березине, Наполеон бросил по пути все, что мешало быстрому движению его армии, включая часть артиллерии, не обеспеченной конной тягой, и почти весь обоз.

Передовые русские части первыми поспели к переправам через реку, Наполеон подошел чуть позднее. На берегу Березины разгорелись бои. М. И. Кутузов торопил северную и южные группы войск, но те запаздывали. Наполеон начал переправу своих частей под неумолчный гром канонады. Опытный полководец, пользуюсь тем, что кольцо окружения так и не сомкнулось на Березине, сумел перейти на другой берег реки и увести с собой часть армии. Однако значительные ее силы были перемолоты на переправах. Из 40 тыс. боеспособных войск 29 тыс. были либо убиты, либо взяты в плен, около 2 тыс. утонули в ледяных водах Березины. И лишь 9 тыс. человек во главе с самим императором сумели прорваться на противоположный берег и уйти в сторону Вильно. По существу, это был конец «Великой армии». Один из величайших полководцев мира был побежден русским мужеством, патриотизмом армии и народа, искусством русских военачальников и прежде всего фельдмаршала М. И. Кутузова.

Несмотря на полную катастрофу французской армии на Березине, М. И. Кутузов был недоволен, замкнуть кольцо не удалось. Наполеон бежал. В этом престарелый полководец винил робкого Витгенштейна, который так и не преодолел свой страх перед военным гением Наполеона, и медлительного Чичагова.

Но война еще не окончилась. К Вильно из Германии подтянулись свежие силы; в Литве находились также не пошедшие в глубь России корпуса. Наполеон стремился собрать их в единый кулак близ Вильно, перегруппировать силы, организовать оборону города, закрепиться здесь до весны. В Литве находились нетронутые склады продовольствия, боеприпасов. Однако Кутузов воспрепятствовал и этим планам противника. Он не дал возможности подойти к Наполеону свежим силам; сам же с главными частями, несмотря на усталость армии, потери в непрерывных боях, растянутость коммуникаций, продолжал энергичное преследование неприятеля. Видя крах своих планов, Наполеон тайком, в закрытой кибитке, сопровождаемый небольшим конвоем бежал в Париж. Остатки своей армии он сдал под командование маршалу Мюрату.

Мюрату не удалось остановить наступающие русские войска. Вильно пал, разрозненные остатки наполеоновской армии отступили в Польшу, часть их ушла в Восточную Пруссию, входивший в их состав прусский корпус перешел на сторону русских. В конце декабря 1812 г. русские войска вышли к Неману — своей западной границе. 31 декабря 1812 г. Александр I выпустил манифест, в котором объявил о полной победе над вторгшимся в пределы России неприятелем. Отечественная война 1812 г. окончилась.

§ 4. Заграничный поход русской армии. Венский конгресс

Отечественная война 1812 г. закончилась, неприятель полностью был изгнан с территории России. Но война продолжалась, начинался поход русской армии за границу.

В этот период в русском политическом и военном руководстве существовали различные точки зрения по поводу дальнейшего хода событий. М. И. Кутузов считал, что война на этом могла бы закончиться, что незачем более губить русских солдат и напрягать страну, потрясенную и частично разоренную нашествием. Престарелый фельдмаршал не без основания полагал, что падение Наполеона лишь усилит Англию и другие европейские державы в противовес России. Кроме того, он писал Александру I о том, что армия измучена тяжелыми переходами и боями, что «расстройка ее дошла до такой степени, что должно бы, так сказать, снова составлять армию». Он полагал, что основную тяжесть борьбы с Наполеоном в Европе должны были бы взять на себя европейские народы. Идея невмешательства России в европейские дела вновь властно зазвучала среди политической элиты России.

Однако императором владели иные чувства. Личное противоборство с Наполеоном, стремление сокрушить его до конца, войти победителем в Париж, взять реванш за свои прошлые унижения — за Аустерлиц, за Тильзит, за захват противником Москвы и за пожар русской столицы — стали лейтмотивом в поведении русского царя. Им же владела идея стать не только спасителем Европы от тирании Бонапарта, но и вершителем ее судеб. Теперь Кутузов мешал ему, и сама судьба, казалось, устранила того с пути императора: 16 апреля 1813 г. фельдмаршал скончался в небольшом

немецком городке Бунцлау. Его смерть как бы подвела итог Отечественной войне 1812 г. и открыла эпоху похода русской армии в Европу.

Русские войска стремительно двигались на Запад, сметая с пути французские войска, дислоцированные в Польше и в немецких землях. Вскоре был взят Кенигсберг. 20 февраля русские войска вышли в Берлин. Вторично в истории прусская столица оказалась в руках русской армии. Пруссия была вынуждена разорвать военный союз с Наполеоном и подписала мирный договор с Россией, обязавшись сражаться против бывшего союзника. Прусские войска повернулись против Франции. Австрия вступила в тайные переговоры с русскими высшими военачальниками и заключила секретное перемирие с Россией, и также обязалась принять участие в борьбе с Францией.

Результатом освобождения европейских народов от диктата Наполеона стало развертывание в Европе демократического движения, вызревание реформистских устремлений, начало глубоких социально-экономических и политических перемен в германских землях, прежде всего в Пруссии, в итальянских землях, а позднее и в самой Франции.

А в это время Наполеон лихорадочно готовился к продолжению борьбы. В короткий срок он сумел собрать новую 500-тысячную армию. Но качество ее, боевой дух были уже иными, чем у его прежних прославленных корпусов. В большинстве своем это были необстрелянные юнцы, которые, однако, как и прежние его ветераны, пока еще слепо поклонялись своему кумиру и безоглядно верили ему. Свою армию Наполеон значительно усилил также за счет вывода боевых частей из Испании, где все шире разгоралась освободительная война против французских оккупантов. Летом 1813 г. остатки французских войск вынуждены были отступить за Пиренеи. Испания стала свободной.

Однако ни о каком мире со своими противниками на условиях значительных уступок со своей стороны Наполеон не хотел и слышать.

Летом 1813 г. Наполеон перешел в наступление. С ним были свежие части, с ним шли его прославленные маршалы. Наконец, не померкли его организаторский талант и полководческий гений. Вторгнувшись в Восточную Германию, Наполеон нанес поражение союзникам под городами Люцен и Бауцен. В середине августа в двухдневном сражении он одержал верх над объединенной русско-прусско-австрийской армией под Дрезденом.

Но это были временные успехи. Теперь Наполеону противостояли армии, правительства, народы почти всей Европы. Ядром этого противоборства с Францией оставалась русская армия, сохранившая свой боевой состав, своих генералов, свой несгибаемый дух. Все это ярко подтвердилось в трехдневной Битве народов под Лейпцигом 4—7 ноября 1813 г. С обоих сторон в ней участвовало более 500 тыс. человек. Основной удар Наполеона выдержали русские и немецкие войска, а затем перешли в контрнаступление. Французы были сломлены. Объединенными войсками союзников командовал М. Б. Барклай-де-Толли.

В конце декабря союзные войска перешли Рейн и вступили на территорию Франции. А вскоре было принято решение двигаться на Париж. После кровопролитного сражения под Парижем французы отступили,

и 18 марта 1814 г. французская столица капитулировала. Наполеон отрекся от престола.

В те дни Александр I постоянно подчеркивал, что, борясь с Наполеоном, он остается другом французского народа. Обращаясь после взятия Парижа к французскому сенату, он сказал: «Справедливо и разумно дать Франции учреждения сильные и либеральные, которые соответствовали бы степени настоящего просвещения». Он настоял на введении во Франции конституционного правления. Он отрицательно отнесся к восстановлению на французском троне Людовика XVIII и сам принял участие в составлении для Франции конституционной Хартии. Она гарантировала равенство всех граждан Франции перед законом, религиозную веротерпимость и сохраняла в неприкосновении Гражданский кодекс Наполеона — этот свод законов уже нового буржуазного общества. Исполнительная власть оставалась за королем, но Хартия устанавливала в стране двухпалатную ассамблею — парламент. Она имела ограниченную законодательную власть без права инициировать законы, но с правом отвергать законопроекты, предложенные королем. Отстояв эту Хартию, Александр I тем самым продолжил свои конституционные реформы, которые он с оглядкой начал в России, но более решительно в Финляндии, а теперь и во Франции.

Венский конгресс. 30 мая 1814 г. победители продиктовали поверженной Франции условия мирного договора. Наполеон был сослан на остров Эльбу. Франция лишилась всех своих завоеваний в Европе и была ограничена довоенными рубежами. Ее приобретения на Аппенинах — в Северной Италии и на Адриатическом побережье — отошли к Австрии; завоеванные Наполеоном Бельгия и Голландия отныне объединились и превращались в независимое Королевство Нидерландов. Ключевая стратегическая позиция на Средиземном море — остров Мальта — была передана Англии. Потеряла Франция в пользу Англии и часть своих заморских владений.

Однако это было лишь началом политического переустройства Европы. Своей судьбы ждало царство Польское, немецкие государства. Если претензии Англии и Австрии были в какой-то степени удовлетворены, то Россия и Пруссия еще ждали благодарности от союзников за свой вклад в дело сокрушения Наполеона и за перенесенные невзгоды, потери и разрушения.

Там же, в Париже, состоялась договоренность о решении дальнейших судеб Европы в Вене на общеевропейском конгрессе.

И вот осенью 1814 г. в Вене, в теплые и ясные дни собрались устроители судеб европейского континента. На Венском конгрессе присутствовали два императора, четыре короля, два принца, три великих герцога, 215 глав княжеских домов, 450 дипломатов. Это было пышное собрание.

Но уже в первые дни Венского конгресса европейские острословы довольно метко охарактеризовали его работу следующими словами: «Конгресс танцует, но не движется». И это было справедливо, потому что сразу же между победителями возникли непреодолимые противоречия, особенно между тремя наиболее влиятельными на континенте державами — Англией, Россией и Австрией, каждая из которых претендовала на домини-

рующую роль в послевоенной Европе. Недаром австрийский канцлер Меттерних, один из главных противников усиления России на континенте, в одной из бесед говорил французскому министру иностранных дел Талейрану: «Не говорите о союзниках, их нет более». В Европе 1814–1815 гг. вступил в действие непреложный закон истории, по которому члены коалиции, сокрушившей могучего соперника и приступившей к разделу завоеванных им территорий, сразу же начинают скрытую борьбу за первенство на освободившемся политическом поле. Эта борьба неизменно приводит к созданию новых коалиций, которые также неминуемо ведут к очередной европейской войне. В этом смысле Венский конгресс 1814 г. дал начало новому процессу, который привел в конце концов к Крымской войне 1853–1856 гг.

Победители договорились, что в послевоенном устройстве должен восторжествовать принцип легитимизма (от лат. *legitimus* — законный). Это означало, что старые династии, изгнанные со своих тронов Наполеоном, должны быть восстановлены. Но на этом пункте победители не остановились: слишком уж много перемен произошло в Европе за последние 20 лет. Поэтому возврат к легитимизму был неполным, весьма ограниченным. Примером в этом стали Франция и Пруссия. Во Франции наряду с реставрацией династии Бурбонов появился парламент, в Пруссии было ликвидировано крепостное состояние крестьян. Во всех этих процессах русский царь, не осмелившийся на решительные реформы в России, принял самое деятельное участие.

Интересы держав схлестнулись позднее, когда стал обсуждаться вопрос о судьбе Польши и Саксонии, бывшей союзницы Наполеона.

Александр I претендовал на переход к России земель образованного Наполеоном Герцогства Варшавского с предоставлением ему широкой автономии и конституционных прав в рамках Российской империи. Однако на земли южной Польши претендовала Австрия; северные приморские польские земли стремилась присвоить себе Пруссия. А за всем этим стояла Англия, не желавшая усиления России в Европе за счет присоединения к ней значительной части польских территорий. Английская делегация настаивала на разделе польских территорий между тремя державами — Россией, Австрией и Пруссией, что вызывало недовольство Александра I, считавшего, что именно Россия, сокрушившая военную машину Наполеона, должна иметь преимущества в решении судеб Восточной Европы.

Разгорелись страсти и из-за Саксонии. На саксонские земли претендовала Пруссия. Но Австрия всячески противилась такому усилению своего северного соседа. В ходе закулисных и тайных переговоров Россия и Пруссия договорились поддерживать друг друга в польско-саксонском вопросе. А Англия стремилась в таких же закулисных переговорах с прусскими представителями отколоть Пруссию от России, обещала ей значительную часть Саксонии за твердую позицию в польском вопросе — с тем, чтобы часть польских земель отошла к Пруссии.

На помощь Англия призвала недавнего противника — Францию и добилась присутствия на конгрессе ее делегации. В Вене появился французский министр иностранных дел Талейран, служивший ранее Наполеону.

Он активно поддержал Англию и Австрию в польско-саксонском вопросе. Положение обострилось. Проходил день за днем, неделя за неделей, а дело не двигалось с места.

3 января 1815 г. три державы — Англия, Австрия и Франция заключили против России тайный военный союз. Каждая из сторон в случае военного конфликта с Россией обязалась выставить армию в составе 150 тыс. бойцов. К этому договору присоединились еще несколько государств. Через 40 лет ведущие из них примут участие в Крымской войне против России. Однако начало противоречий между Россией и европейскими державами стало вызревать именно начиная с Венского конгресса. Европейские державы категорически не хотели передавать России всю Польшу, а Талейран заявил в беседе с австрийским канцлером Меттернихом, что он не допустит, «чтобы Россия перешла Вислу, имела в Европе 44 млн подданных и границы на Одере».

В ходе напряженных переговоров, личных встреч глав государств друг с другом к февралю 1815 г. Венскому конгрессу удалось в конце концов согласовать основные позиции. Царство Польское отходило к России, и император высказал намерение ввести там конституционное правление. Но не все польские земли отошли к России. Познань и ряд других городов были переданы Пруссии за то, что она получила не всю Саксонию, а только 2/5 ее территории. Часть Польши — Восточную Галицию получила и Австрия. На конгрессе было установлено создание Германского союза с общегерманским сеймом, куда входили бы все мелкие германские королевства и княжества. Главная роль в этом союзе принадлежала Австрии. К Австрии отходила и часть итальянских земель, обещанных ей по Парижскому миру.

Напряженные переговоры еще продолжались, когда в ночь с 6 на 7 марта запыхавшийся курьер буквально ворвался в императорский дворец в Вене, где гремел очередной бал, и вручил императору срочную депешу из Франции. Она извещала о том, что Наполеон Бонапарт покинул остров Эльба, высадился на юге Франции и с вооруженным отрядом движется на Париж. А уже через несколько дней пришли сообщения, что население и армия восторженно встречают бывшего императора и вскоре ожидается его прибытие во французскую столицу.

Начались знаменитые 100 дней Наполеона. И тут же прекратились все споры, интриги, тайные сговоры на Венском конгрессе. Новая страшная опасность объединила потенциальных соперников. Англия, Россия, Австрия, Пруссия вновь создали против Наполеона очередную коалицию. По дорогам Северной Европы вновь нескончаемым потоком потянулись войсковые колонны, загрохотали военные обозы.

Еще не вступая с союзниками в сражение, Наполеон нанес им сильнейший дипломатический удар: войдя в королевский дворец, он обнаружил среди покинутых в панике документов Людовика XVIII и секретный протокол трех держав против России. Наполеон тут же распорядился доставить его курьером в Вену, надеясь тем самым открыть глаза Александру I на коварство и враждебность к России его союзников. Держа этот документ в руках, Александр I и принял австрийского канцлера. Тот поначалу

растерялся, но потом просто заюлил: действительно сказать было нечего. Однако Александр I в очередной раз в общении со своими политическими партнерами проявил великодушие. Он заявил, что новая опасность для Европы слишком велика, чтобы обращать внимание на подобные «пустяки», и бросил текст тайного договора в камин.

После этого переговоры пошли быстрее, многие противоречия были улажены, и в начале июня 1815 г. европейские державы подписали заключительный документ конгресса, который был выработан еще до появления Наполеона в Париже. А через несколько дней, 18 июня 1815 г., Наполеон был наголову разбит на картофельных полях при местечке Ватерлоо объединенными силами английской и прусской армий. Его военная и политическая звезда окончательно закатилась. Уже будучи пленником Англии, он был отправлен в далекую Атлантику, на остров Святой Елены — место, отличавшееся губительным климатом. В 1821 г. Наполеон там умер в возрасте 52 лет, по-видимому, отравленный английской охраной.

Священный союз. Мировая война первого десятилетия XIX в. стала одновременно первым мировым опытом регулирования международных отношений, политической стабилизации на европейском континенте, гарантированной всей мощью держав-победителей. Венский конгресс, его решения — непоследовательные, противоречивые, несущие в себе заряд будущих взрывов — тем не менее в известной степени сыграли эту роль. Но монархи этим не удовлетворились. Необходимы были более прочные и не только силовые, но и юридические, а также нравственные гарантии. Так появилась в 1815 г. идея Священного союза европейских государств — первой общеевропейской организации, целью которой должно было бы стать прочное обеспечение существующего порядка вещей, незыблемости тогдашних границ, стабильности правящих династий и других государственных установлений при уже свершившихся и утвержденных в разных странах послевоенных переменах. Инициатором этого союза европейских государств стал Александр I.

Основные положения договора о Священном союзе Александр написал собственноручно. Они содержали следующие статьи: поддерживать между государствами узы братской дружбы, оказывать друг другу помощь в случае дестабилизации международной обстановки, управлять своими подданными в духе братства, правды и мира, считать себя членами единого христианского сообщества. В международных делах государства должны были руководствоваться евангельскими заповедями. Характерно, что Александр I не только ограничился этими чисто «пропагандистскими» положениями, но на дальнейших конгрессах Священного союза поставил вопрос об одновременном сокращении вооруженных сил европейских держав, о взаимных гарантиях неприкосновенности территорий, о создании межсоюзнического штаба, о принятии международного статуса лиц еврейской национальности, которые подвергались дискриминации во многих странах Европы. И позднее на конгрессах Священного союза ставились вопросы большого гуманистического звучания. Державы дружно объединились против морского пиратства, подтвердили решение Венского конгрес-

са о запрещении работорговли, объявили европейские реки свободными для судоходства без каких бы то ни было ограничений.

Таким образом, идеи Священного союза, который действительно стал прообразом международных организаций уже XX в., были исполнены самыми благими намерениями и Александр I мог быть доволен своим детищем. Вскоре почти все страны Европы, кроме островной Англии, примкнули к Союзу, но и Англия активно участвовала в работе его конгрессов и оказывала на их политику достаточно сильное влияние.

По существу, решения Венского конгресса и Священного союза и создали в Европе так называемую венскую систему, которая плохо ли хорошо, но существовала 40 лет, предохранила европейский континент от новых больших войн, хотя противоречия между ведущими державами Европы по-прежнему существовали и являлись достаточно острыми.

Это выявилось сразу же после введения венской системы в жизнь. И главным ее испытанием стало не столько территориальные претензии держав друг к другу, сколько революционное движение, которое стало логическим продолжением грандиозных преобразований общественной жизни стран Европы, начатых Английской и продолженной Великой французской революцией.

В этих условиях перед Священным союзом и его лидером — Александром I стояла непростая задача — отделить пшеницу от плевел: поддержать действительно прогрессивные с точки зрения цивилизации конституционные настроения и институты, совместить их с эволюционным развитием европейских государств без кровавых драм, уничтожающих войн, жесточайших расправ. Вот в этом основном вопросе члены Священного союза смотрели на вещи по-разному.

Страшась испанской революции 1820 г. и помня о революционных ужасах собственной страны, Франция требовала немедленной и решительной интервенции в поддержку испанской монархии. Александр I, напротив, признал события в Испании правомерными и конституционными, поскольку народное движение сделало своим знаменем конституцию, парламентаризм и сам испанский король присягнул Конституции.

Затем вспыхнули революционные движения в Италии и Португалии. В 1820 г. произошла бескровная революция в Неаполе, и король Фердинанд II был вынужден провозгласить конституцию по испанскому образцу и согласиться на созыв парламента. Однако успехи южных революционеров вдохновили северные провинции Италии, находящиеся под властью австрийских Габсбургов. Там началась мощное общественное движение. Легитимный каркас Европы затрещал по швам. Австрия требовала военного вмешательства и согласия на это России. Но либерально настроенный Александр I противился этим насильственным мерам.

Таким образом, представление о Священном союзе как абсолютно реакционной и контрреволюционной организации не выдерживает критики. На конгрессе Священного союза в Троппау в 1820 г. было принято решение о мерах «морального воздействия» революционных сил как в Испании, так и на юге Италии. Русская делегация выступала за политические методы урегулирования конфликтов. Австрия же рвалась к применению военной

силы. Другие державы, в первую очередь Пруссия, поддержали Австрию. России в конце концов пришлось уступить. Австрия ввела войска в Италию. Свою армию для спасения испанской династии направила за Пиренеи и Франция.

Так благие намерения Александра I и устроителей Священного союза в конце концов были смяты эгоистическими политическими интересами держав. Кроме того, опять замаячили призраки якобинства, беспощадного сокрушения тронов. В этих условиях заколебалась даже либералы, к которым относился и Александр I.

И все же, несмотря на глубокие противоречия, разрывавшие Священный союз с самого начала его существования, он во многом способствовал стабилизации ситуации в Европе, внес в европейскую практику новые гуманистические идеи, не дал Европе скатиться к новому военному и революционному экстремизму, хотя так и не превратился в сильную наднациональную организацию. Тем не менее европейский континент 40 лет после Венского конгресса жил в относительном мире и покое.

§ 5. Жизнь России в послевоенный период

Кончалась Отечественная война 1812 г., русская армия надолго ушла на Запад. Главы государств и дипломаты приступили к переустройству послевоенной Европы. А Россия возвращалась к своей обыденной жизни, но многое за это время переменилось в стране.

Победа над могучим противником воодушевила все русское общество. Спаянное воедино в тяжкие месяцы горестных испытаний, оно теперь считало эту победу своей собственной, независимо от социального положения, образования, личного вклада в разгром врага его членов. В обществе ощущался небывалый подъем, вызревали надежды на лучшее будущее. Уставшая, разоренная, обескровленная страна принималась за восстановление своего хозяйства.

Однако очень быстро выяснилось, что грандиозные военные успехи и духовный патриотический порыв народа не изменили существенным образом саму традиционную русскую жизнь, ее уклад, ее порядки, ее социально-политическое устройство. По-прежнему в стране царило крепостное право, по-прежнему абсолютистский режим, самодержавие, отстраненность народа от решения судеб страны преобладали в русской жизни.

Этот разрыв между оживившими надеждами на существенные перемены и инертность и неподвижность самой русской жизни в послевоенный период и стали характерной чертой русского общества в последние годы правления Александра I.

Крестьянство ожидало дальнейших движений властей в этом направлении. Кроме того, значительная часть крестьян, состоявшая в качестве солдат-рекрутов в русской армии, победно прошла почти всю Европу. И что же увидели там эти люди? Крепостное право повсеместно было отменено. Солдаты шагали по чистым мощеным городам, проходили мимо крепких крестьянских фермерских хозяйств, хорошо обработанных аккуратных полей, садов и огородов, которые давали на плодородных и теплых западных землях урожаи намного больше, чем в России.

Вернувшись на Родину, они вновь застали в незыблемом состоянии крепостную подневольную жизнь своих односельчан, своеволие помещиков, жесткие общинные порядки.

Духовный послевоенный подъем народа очень быстро обернулся буднями старой жизни, старыми налогами, повинностями, новыми, порой ужесточенными требованиями со стороны хозяев. Именно этим во многом объяснялись многочисленные волнения в крестьянских селениях, неповиновение властям, уклонения от уплаты налогов и исполнения повинностей и такого старого испытанного способа избегнуть нажима со стороны владельцев, как бегство в донские степи, в Приазовье.

Кроме того, бывшие прежде вольными, эти земли попадали в орбиту закрепощения, что с возмущением воспринималось местным свободным доселе крестьянством.

Возникли волнения и в отдельных помещичьих хозяйствах, когда крестьяне выступали против непосильных в новых условиях оброков, барщины.

Характерно, что это время почти не знает откровенных неистовых схваток крепостных крестьян с помещиками и властями. Методы борьбы были в основном мирными, и это, видимо, было следствием того глубокого духа единения народа в месяцы тяжелых испытаний военного времени.

Возобновились волнения и неповиновения среди рабочих. Взбунтовались рабочие Новгородской парусной мануфактуры. В 1820-е гг. постоянными стали волнения на металлургических заводах Демидовых на Урале, на пермских предприятиях.

Наконец, и это стало небывалым для тогдашней России, в 1820 г. взбунтовался гвардейский Семеновский полк. Солдаты и младшие офицера давно уже негодовали по поводу бесчеловечного и грубого обращения с ними самодура и садиста полковника Шварца. Солдаты одной из рот заявили протест против жестокого обращения со стороны командира. Роту изолировали и поместили целиком в Петропавловскую крепость. Тогда восстал весь полк и отказался повиноваться командирам. Власти ответили быстро и жестко: казармы полка были окружены войсками. Под угрозой расправы солдаты покорились, полк был расформирован, солдаты разосланы по дальним гарнизонам. Однако это выступление не осталось незамеченным властью. Разобравшись в деле, царь отдал полковника под суд, но заметил, что его неправомерные действия еще не дают право подчиненным выступать против командиров.

Вскоре под влиянием выступления семеновцев началось брожение и в других гвардейских полках. И дело было не только в жестоких порядках, господствовавших в ту пору в русской армии, но и в том, что большинство армейских частей побывали за границей, солдаты увидели новую жизнь, почувствовали себя победителями, они уже не желали более мириться с прежними порядками.

Военные поселения. Характерной чертой послевоенной жизни России стали так называемые военные поселения.

Военные поселения как сочетание солдатами военной службы с крестьянским трудом для самообеспечения не были в то время чем-то новым.

Еще в XVIII в. в пору масштабных войн к такой форме поддержания в готовности свои вооруженные силы переходили некоторые германские земли, Швеция, Венгрия, Австрия. В России к этой идее обратился Александр I в условиях разорения страны, нехватки средств для содержания большой армии.

В России эта военно-экономическая идея накладывалась на абсолютистскую власть, бесправие населения, тяжкое крепостное состояние крестьян, подневольную 25-летнюю службу рекрутов. К тому же военных поселян отдавали под власть начальников больших и малых, для которых насилие над людьми были нормой жизни.

Учитывая эти обстоятельства, ряд высших российских сановников были против этого нововведения. Среди них был и фаворит Александра I — всесильный граф А. А. Аракчеев, который в отсутствие императора в России и его пребывания на Венском конгрессе, в Париже, в других странах практически осуществлял руководство страной. Но именно Аракчееву Александр I поручил организацию военных поселений.

В дни подготовки к военному противоборству с Наполеоном именно на Аракчеева Александр I возложил задачу реорганизации русской армии. И «железный граф», как его стали называть, со рвением взялся за дело. Он требовал от офицеров неукоснительно точной службы, усердия, следил за учениями, маневрами. Выкорчевывал в армии воровство, казнокрадство, коррупцию. Многое он сделал для солдат. Следил за тем, чтобы они были хорошо обмундированы, накормлены, чтобы жили в чистых, теплых казармах, боролся с беспричинными телесными наказаниями солдат, самоуправством барчуков-командиров. Многие офицеры и даже генералы лишились своих эполет и постов. А иных за казнокрадство, взятки он упек в Сибирь. В избалованной и изнеженной вниманием при Екатерине офицерский среде, особенно в гвардии, росла ненависть к жесткому реформатору. Накануне первой войны с Францией А. А. Аракчеев, будучи инспектором артиллерии, реформировал русское артиллерийское дело, ввел современные для того времени методы ее организации, содействовал внедрению в армию новых видов орудий, требовал от офицеров-артиллеристов при производстве в чины сдачи экзаменов по основным военным и математическим дисциплинам.

Став военным министром, а потом возглавив Военный департамент Государственного совета, он продолжал самозабвенно и беспрекословно выполнять указания монарха, и сделал это смыслом своей жизни. Он осуществлял дальнейшее реформирование армии, и ко времени войны 1812 г. благодаря во многом его усилиям русская армия смогла противостоять «Великой армии» Наполеона, а по части артиллерийского парка, выучки артиллеристов и превзошла ее.

Во время войны Аракчеев ведал делом снабжения армий боеприпасами, продовольствием, занимался резервами, готовностью конного состава. Со всем этим он справился блестяще.

Но вместе с тем огромное рвение граф проявлял в деле непременной тогда муштры, парадной шагистики, которой так увлекались по образцу прусской армии и Павел I, и Александр I. За малейшие упущения по этой

части он карал нещадно. Не он выдумал эту систему, но он нашел себя в ней как ее неукоснительный и рьяный защитник.

Выходец из бедной дворянской семьи, всего добившийся своим трудом и способностями, Аракчеев люто ненавидел титулованную знать, называл ее «боярами», презирал бездельное, разложившееся, проворовавшееся офицерство и, в свою очередь, был ненавидим ими всеми и называем ими «тираном» и «чудовищем». Аракчеев брал на себя в государстве наиболее тяжелую, грязную и неблагодарную работу и делал ее усердно, честно, бескорыстно. Его бессребреность стала легендой. Все дорогие подарки царя он отсылал в казну. Свое имение он завещал государству, а скопившийся у него за жизнь капитал завещал в своей основной части Новгородскому кадетскому корпусу для обеспечения неимущих кадетов.

И вот такого человека Александр I поставил во главе военных поселений.

В короткий срок в северозападных, центральных и некоторых южных губерниях России появились поселения государственных крестьян и казаков, которые вели по-прежнему сельское хозяйство, но одновременно несли и военную службу, поддерживая свою воинскую готовность. И все это без каких бы то ни было затрат со стороны государства.

В районе военных поселений были возведены поселки с жилыми домами для поселян, весьма напоминающие современные коттеджи. Между ними были протянуты шоссе, на дорогах сооружены дома связи, здания штабов, школы, гауптвахты, дома для офицеров, построены новые церкви, разбиты плацы для экзерциций. В этих же районах были сооружены госпитали, типографии, появились даже библиотеки. Все это было окружено ухоженными полями, четко обозначенными выгонами для скота. А. А. Аракчеев превратил военные поселения в прибыльные хозяйства. К концу царствования Александра I их капитал, находящийся в созданном Аракчеевым поселенческом Кредитном банке, составлял 26 млн рублей. Банк материально поддерживал поселян, выдавал льготные ссуды офицерам. На случай неурожая были созданы специальные хлебные магазины. А. А. Аракчеев внедрял в поселениях различные агрономические новшества, развивал торговые промыслы, поощрял торговую предприимчивость поселян. По всем показателям уровень жизни в военных поселениях был значительно выше, чем в обычной российской деревне.

Однако, несмотря на это, для самих поселян новая жизнь превратилась в сущий ад. Дело в том, что их благоденствие доставалось тяжким трудом, да еще связанным с военной службой, мелочной регламентацией всего и вся, круглосуточным надзором за их жизнью, бытом, хозяйством, религиозными отправлениями, нравственностью и даже интимной жизнью. У Аракчеева были разработаны инструкции для военных поселян, казалось, на все случаи жизни: когда вставать, топить печь, выходить в поле или на военные учения, когда заключать браки и даже с кем, как кормить и воспитывать младенцев.

Многое из того, что предписывалось поселянам, было разумным, толковым и нацелено на конечный результат. На все это было совершенно невыносимо для обычного крестьянина с его традиционным общинным ук-

ладом жизни. Особенно тяжело переживали поселяне преследования со стороны Аракчеева за пьянство, запреты на употребление алкоголя в неурочное время. В случае нарушений установленных правил следовала ругань, зуботычины, а то и более жестокие наказания — батоги, шпицрутены, колодки. Проводниками порядков, установленных Аракчеевым, надсмотрщиками были, как правило, младшие офицеры — люди малокультурные, жестокие, стремившиеся выделиться у высшего начальства своим рвением. И все это при полном бесправии военных поселян, бывших винтиками в тяжелой, внешне благопристойной, но внутри страшной и жестокой машины. Жалобы Аракчеев жестоко пресекал, бунты подавлял силой. Государство создало эту систему, и начальник военных поселений служил ей истово. Около 400 тыс. простых людей России оказались в послевоенное время в этом тяжелом крепостническом капкане.

Внутренняя политика правительства. Военное разорение, нехватка средств, недовольство народа, особенно крепостного крестьянства и работных людей, брожение в армии требовали от правительства мер по стабилизации положения в стране.

Однако твердой и ясной линии во внутренней политике у Александра I так и не выработалось. С одной стороны, реакционные правительственные круги, бюрократия, широкие слои малообразованных заскорузлых в своих взглядах помещиков, значительная часть духовенства требовали «закручивания гаек», ужесточения традиционных порядков, искоренения даже каких бы то ни было мыслей о возможности конституционных нововведений и освобождения крестьян. С другой — сам Александр I, по-прежнему не расстававшийся с либеральными идеями своей юности, а также близкие к нему просвещенные, широко мыслящие вельможи, бывшие соратники по Негласному комитету размышляли над новыми для России путями. В результате внутренняя политика России с учетом как давления реакционных сил, так и веяний либерального толка складывалась противоречиво и даже причудливо.

К концу второго десятилетия XIX в. в связи с требованиями помещиков ужесточилась политика против крестьянских побегов. Были изданы указы, требовавшие от властей усилить паспортный контроль, искоренять укрывательство беглых. Все более строгими стали цензурные требования, все более затруднительными выглядели правила выезда за границу. Реорганизованное Министерство духовных дел и народного просвещения все решительней и масштабней внедряло в преподавание богословские начала. В некоторых учебных округах взяли верх сторонники выдвижения на первый план в университетском образовании религиозных предметов. Либеральные и просвещенные профессора стали преследоваться, некоторые из них были уволены. Все чаще Собственная Его Величества канцелярия, выполняя волю и указания самодержавного монарха, подминала под себя деятельность различных министерств и ведомств. Все это наряду с существованием военных поселений позволяло современникам говорить об усилении реакционных черт в последние годы правления Александра I.

Вместе с тем Александр I не отказывался от своих прежних либеральных планов, однако некоторые из них он осуществлял вне центральных

русских губерний, т. е. там, где они не могли затронуть интересов помещиков, а те, которые касались всей России, он продвигал по-прежнему крайне нерешительно и осторожно, боясь резких политических движений. Так, в 1816–1819 гг. царь поддержал инициативу прибалтийского дворянства, проявившего готовность освободить крестьян, так как в этих регионах крепостной труд становился все более невыгодным. По новому положению здешние крестьяне получили личную свободу, но лишались права на землю. Затем царь попытался подтолкнуть к тому же решению помещиков Малороссии, но те с негодованием встретили эту затею, и Александр I отступил. Одновременно он поручил своим помощникам — А. А. Аракчееву и министру финансов Д. А. Гурьеву подготовить предложение по отмене крепостного права в России. Оба государственных деятеля представили свои предложения царю. Он одобрил их. Был создан даже секретный комитет, занимавшийся этой проблемой. Но дело вновь окончилось ничем. Александр I никогда не забывал судьбы своего несчастного отца Павла I, убитого заговорщиками.

Продолжал император так же осторожно и скрытно продвигать свои конституционные идеи. Так, на исходе второго десятилетия XIX в. Александр I поручил группе своих советников во главе с бывшим членом Негласного комитета князем Н. Н. Новосильцевым разработать проект Конституции для России. Вскоре проект был готов. Разработанная Новосильцевым Государственная Уставная грамота Российской империи оказалась поразительным документом. По этому проекту Россия продолжала оставаться монархией, но одновременно приобретала совершенно новый парламентский облик. В стране предполагалось ввести выборный двухпалатный парламент — Государственную думу, местные выборные представительные органы — сеймы. Уставная грамота провозглашала свободу слова, печати, вероисповеданий, равенство всех граждан империи перед законом, неприкосновенность личности. Собственность объявлялась священной и неприкосновенной. Александр I одобрил документ. Казалось, Россия вот-вот перейдет к конституционному устройству. Но царь вновь побоялся противников реформ.

В это же время, как до Отечественной войны 1812 г., так и после нее, вплоть до последних лет правления, Александр I поддерживал и продвигал конституционные идеи в Финляндии и Польше.

В 1818 г. царству Польскому была высочайше дарована Конституция, предоставлено самоуправление, право иметь собственную армию; получили поляки и свободу печати.

Конституционные реформы в Финляндии и Польше царь рассматривал как начало будущих политических перемен для всей России, о чем он и сказал при открытии Польского сейма.

Таким образом, во внутренней политике России противоречиво уживались конституционные, антикрепостнические начала и, напротив, реакционные, самодержавные, крепостнические тенденции, милые сердцу российского дворянства, российской бюрократии и духовенства и направленные на сохранение существующего режима на всей остальной территории страны.

§ 6. Движение декабристов

Брожение в обществе, постоянное ожидание реформ, недовольство и вспышки неповиновения крепостного крестьянства, рабочих, возмущение режимом военных поселений затронули широкие слои жителей России. Но с особой остротой они отразились на просвещенной, молодой, а потому наиболее решительной и пылкой части российского офицерства. Многие из офицеров прошли в юном возрасте великое испытание Отечественной войны 1812 г., проделали заграничный поход, победителями вошли в Париж. Большинство из них были воспитаны на идеалах французских просветителей, с восторгом воспринимали Великую французскую революцию, сокрушившую отжившие свой век феодальные устои и абсолютизм Бурбонов, хотя они не принимали бунты черни, якобинского террора. Их взгляды во многом совпадали с настроениями молодого Александра I, его друзьями по Негласному комитету. Вот почему они с энтузиазмом встречали каждый конституционный шаг императора, каждое его решение в пользу гуманизации общества и, напротив, с негодованием осуждали проявление реакционных черт российской жизни в послевоенные годы.

Первые тайные общества. Поначалу офицеры собирались в гвардейских казармах в так называемые артели. Молодые люди горячо обсуждали текущие события, читали газеты. Некоторые из них вскоре пришли к мысли о необходимости активно действовать в целях переустройства России.

В 1816 г. возникло первое тайное общество в России. Заговорщики назвали его Союз спасения. Его организатором стал полковник гвардейского Генерального штаба Александр Муравьев. Ему было 24 года. В шестерку основателей союза вошли также князь Сергей Трубецкой, братья Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, Никита Муравьев и Иван Якушкин. Все они были участниками войны, побывали с русской армией за границей. Позднее в общество вошли гвардейские офицеры — 23-летний поручик кавалергардского полка Павел Пестель, князь Евгений Оболенский и Иван Пущин, друг А. С. Пушкина. Всего в составе Союза спасения числилось 30 офицеров. Почти все они принадлежали к титулованным дворянским семьям; С. Трубецкой и Е. Оболенский были даже Рюриковичами. Все они имели блестящее образование, владели несколькими языками.

Чего же хотели эти молодые дворяне, старшему из которых, Трубецкому, исполнилось всего 27 лет? Они выступали за введение в России Конституции, ограничение самодержавной власти императора и провозглашение гражданских свобод. Члены Союза также требовали ликвидации военных поселений. Однако никто из них не ставил вопрос о ликвидации монархии как формы правления в России. Напротив, члены Союза спасения были убежденными монархистами. Поэтому наиболее полезными средствами для достижения своих целей они считали всяческую пропаганду своих идей, продвижение своих людей на государственные посты. Народу заговорщики не доверяли и боялись его бунтарской стихии.

Однако время шло. Провозглашение Конституции в России становилось все более нереальным. Большую часть времени царь проводил за границей. В России же консервативные силы все больше брали верх. Это при-

водило к тому, что офицеры-заговорщики становились все решительней и нетерпеливей.

В 1818 г. царский двор вместе с гвардией на некоторое время перебрался в Москву по случаю закладки на Воробьевых горах памятника в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Здесь в московских казармах гвардейская молодежь во время бурных споров о судьбах России создала новое тайное общество взамен малочисленного и нерешительного прежнего. Оно было названо Союз благоденствия. Его организаторами стали те же офицеры; однако состав стал значительно шире, а цели масштабней и определенней.

Члены нового тайного общества на первый план в своей деятельности выдвинули задачу формировать общественное мнение и, опираясь на его силу, освободить Россию от крепостного права и самодержавия. Но они по-прежнему не принимали революционных методов действий и полагались в основном на средства пропаганды, сочетание тайной организации с легальными действиями, участие в разного рода научных хозяйственных, литературных, женских обществах,на продвижение через них своих взглядов, расстановку там своих людей, подготовку моральной почвы для будущего переустройства страны.

В Союзе благоденствия состояло более 200 человек. Его программе симпатизировали не только широкие круги просвещенных офицеров и нарождающейся русской интеллигенции, но и высокопоставленные молодые люди — придворные, чиновники. Среди приверженцев идей Союза были даже люди близкие к царю, в том числе его молодые генерал-адъютанты. Когда через одного из них Александру I стало известно о создании тайного общества в России, о программе и даже о составе его участников, то император отнесся к этому сдержанно. «Не мне карать», — сказал он. А потом пояснил, что подобные взгляды он и сам исповедовал в молодости.

Союз благоденствия просуществовал чуть больше прежнего тайного общества. Время стремительно меняло настроения членов Союза. В Европе прогремели новые революции 1820—1821 гг. В России восстал Семеновский полк, и некоторые члены Союза благоденствия, служившие там, были разосланы по обычным армейским частям. Двое из них, настроенные наиболее революционно, — Сергей Муравьев-Апостол и юный Михаил Бестужев-Рюмин — оказались в Черниговском полку, на Украине. Там же, на юге, появился и Павел Пестель, ставший командиром Вятского полка.

По существу, тайное общество оказалось в кризисе, все большее количество его членов требовали решительных действий, склонялись к ликвидации в России монархии и объявлению страны республикой, а также к революционному военному перевороту по примеру испанских офицеров. Другие продолжали исповедовать умеренную линию переустройства страны. В 1821 г. Союз благоденствия объявил о своем самороспуске. Обе стороны решили идти своим путем.

Образование Северного к Южного тайных обществ. Несмотря на ликвидацию Союза благоденствия, дело тайных заговоров не умерло. Напротив, оно набрало бóльшую силу.

Вскоре на юге, в расположении 2-й армии было организовано новое тайное общество. Оно возникло на основе деятельности Южной управы (отделения) Союза благоденствия и стало называть себя с 1821 г. Южным обществом. Его руководителем стал уже полковник Павел Пестель.

Но Южное общество не считало себя отдельной организацией. Его деятели мыслили себя частью единой с «северянами» тайной организации. Они считали, что революция должна была начаться в столице, в Петербурге. Лишь это могло решить исход дела. А задача провинции состояла в том, чтобы поддержать и развить успех переворота в столице. Поэтому в число его руководителей избрали и одного из лидеров Северной управы – Никиту Муравьева.

Через год, в 1822 г., было организовано Северное общество, во главе которого стояли уже знакомые лица — Н. М. Муравьев, брат Александра Муравьева, основателя Союза спасения, С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский и другие члены Союза спасения и Союза благоденствия, жившие в Петербурге. Они также сознавали себя единой с «южанами» организацией и поддерживали с ними тесные контакты.

Однако на первых порах программы действий у «южан» и «северян» были различными.

Южное общество, представленное радикально настроенным Пестелем, а также высланными на юг бывшими офицерами Семеновского полка, стояло на более революционных, решительных позициях. Руководители Северного общества, напротив, исповедовали конституционные, умеренные взгляды.

Это нашло яркое отражение в программных документах обоих обществ.

Южное общество в качестве своей программы действий приняло разработанную П. И. Пестелем «Русскую правду». В соответствии с этим документом «ничего не остается делать, как разрушить общество прежде всякого действия». П. И. Пестель считал, что достигнуть этого можно лишь революционным, насильственным путем. При этом он делил людей на «повелевающих» и «повинующихся» и считал, что это деление «происходит от природы человеческой». После военного революционного переворота власть должна была перейти в руки временного революционного правительства и представлять собой беспощадную революционную диктатуру. Именно с позиций диктатуры, централизма, репрессий по отношению к противникам мыслил Пестель будущее переустройство России. В число мер, направленных на достижение будущего общего блага, справедливости, всеобщего равенства, он предусматривал цареубийство, истребление всей царской семьи, включая детей.

Основными программными положениями «Русской правды» были ликвидация в стране монархии, учреждение республики, уничтожение крепостного права как постыдного состояния людей, превращение России в единое унитарное государство без учета национальных особенностей ее регионов, решение «еврейского вопроса» путем либо выселения евреев из России, либо принудительного их отказа от своих национальных и религиозных особенностей. Все население страны объявлялось гражданами Рос-

сии с равными правами, сословия упразднялись. Место монарха должен был, по мысли Пестеля, занять однопалатный парламент — Народное вече, а в качестве исполнительной власти — состоящая из пяти человек державная Дума, число членов которой должно было ежегодно меняться по одному человеку. Во главе Думы должен стоять президент, занимающий этот пост в течение одного года. Этот пост занимал тот член Думы, которому оставалось работать в Думе последний год.

Избирательное право, согласно «Русской правде», предоставлялось всем гражданам России, достигшим 18-летнего возраста.

Радикально предлагал решить Пестель и крестьянский вопрос. Всю землю, находящуюся в пользовании, он предполагал разделить на две равные части: одну — передать в общественную собственность и из нее бесплатно наделить всех желающих работать на земле, в первую очередь крестьянство; другую — передать в частную собственность граждан с тем, чтобы любой желающий, в том числе и помещики, могли приобретать ее в собственность.

Таким образом, в «Русской правде» и предполагаемых методах действия Южного общества сочетались, с одной стороны, экстремистские, насильственные черты, репрессивная практика, а с другой — демократические идеалы, которые, увы, можно было достигнуть лишь через кровь и насилие.

Северное общество пошло по другому пути. Его программой стала «Конституция», разработанная одним из ее лидеров, Никитой Михайловичем Муравьевым. Согласно этому документу, Россия оставалась монархией. Наследственный император должен быть главой исполнительной власти. Н. М. Муравьев мыслил сделать его «верховным чиновником Российского государства». Императору полагался значительный оклад, из которого он мог содержать придворный штат, но сами придворные лишались избирательных прав и тем самым не могли влиять на судьбы страны.

По «Конституции» Муравьева Россия объявлялась федеративным государством. Всю Россию он предлагал поделить на державы со своими столицами, а столицей страны сделать Нижний Новгород, который находился, по мнению автора Конституции, в центре России и был славен своими патриотическими традициями и героическим прошлым.

Однако предлагаемое Н. Муравьевым устройство страны мало отличалось от планов П. Пестеля. И тот и другой полностью игнорировали принцип национального деления страны.

Н. Муравьев предлагал ввести в стране законодательный орган — двухпалатный парламент, названный им Народным вечем, в державах также должны были быть учреждены двухпалатные законодательные органы.

Если П. Пестель предусматривал широкое и равное избирательное право для всех граждан страны, достигших 18-летнего возраста, то Н. Муравьев имел в виду ограничить право участия в выборах высоким имущественным цензом, полагая, что только собственники, обладающие имуществом, могли верно ориентироваться в политике страны. Еще более высокий имущественный барьер предусматривался для лиц, избираемых на общественные должности. «Конституция» Н. Муравьева предусматривала также

отмену крепостного права с наделением крестьян двумя десятинами земли и ликвидацию военных поселений.

Н. Муравьев и его приверженцы выступали против революционной диктатуры, цареубийства, поголовного насилия и рассчитывали, что после революционного переворота, который они признавали правомерным, поскольку правительство тормозило реформы, будет созвано Учредительное собрание, которое и проведет «Конституцию» в жизнь.

Экстремистские планы П. Пестеля, его диктаторские замашки встречали у умеренных конституционалистов неприятие. Отрицательно относились они и к личности П. Пестеля — человеку властному, угрюмому, молчаливому, озлобленному, к тому же внешне похожему на Наполеона Бонапарта и подчеркивавшему это сходство.

Решительно настроенные члены Южного общества все настойчивей продвигали в тайном обществе идеи военного переворота, цареубийства, послереволюционной диктатуры.

Для продвижения своих взглядов П. Пестель в 1824 г. появился в Петербурге. На бурных собраниях заговорщиков он настоял на том, чтобы «Русская правда» была принята как идейная платформа переворота. Под натиском П. И. Пестеля умеренные конституционалисты отступили, тем более что в составе Северного общества активизировалось экстремистское крыло в лице К. Ф. Рылеева, А. А. Бестужева, Е. П. Оболенского, П. Г. Каховского и др.

П. И. Пестель тайно от умеренных лидеров «северян» создал в Петербурге филиал Южного общества, что вызвало протесты умеренных. Постепенно Александр и Никита Муравьевы отошли от тайного общества. Заколебался князь С. П. Трубецкой.

В конце концов заговорщики согласились на учреждение в России после переворота республики (это была уступка «южанам») и созыв Учредительного собрания (это была уступка «северянам»). Договорились также о последующих съездах и подготовке совместного вооруженного выступления.

Готовясь к революционному выступлению, заговорщики неожиданно обнаружили существование еще одного тайного революционного общества в России — Общества соединенных славян. Оно было создано на Украине, в Полтавской губернии младшими офицерами из малоимущих дворян — братьями П. И. и А. И. Борисовыми, И. И. Горбачевским и др. и ставило целью свержение самодержавия, завоевание демократии в России и создание свободного славянского государства, объединяющего все славянские народы Восточной Европы. Осенью 1825 г. Общество соединенных славян влилось в состав Южного общества.

Восстание 14 декабря 1825 г. События, однако, заставили заговорщиков торопиться. В ноябре 1825 г. в Таганроге после неожиданной и короткой болезни скончался до этого полный сил и никогда не болевший 47-летний Александр I. Смерть его была настолько неожиданной и странной, а завеса таинственности, окутавшая как его пребывание в Таганроге, так и последующие события (отпевание тела, его препровождение в Москву, поведение близких к нему людей) были столь странными и необычными, что

вскоре поползли слухи о добровольном отходе Александра I от власти, о чем он неоднократно говорил окружающим и прежде, и подмене тела. Перед самой кончиной в Таганроге он получал сведения о заговоре в Южной армии, полные списки заговорщиков, среди которых было немало известных и даже близких ему лиц. Эти известия буквально потрясли Александра. Он приказал начать аресты. А через несколько дней императора не стало.

Существует достаточно прочная историческая версия о том, что с согласия и при поддержке близких ему людей он тайно отбыл из Таганрога в Палестину, в Святые места, а затем уже в виде странствующего старца, пилигрима Федора Кузьмича появился в России и умер в возрасте 87 лет на далекой лесной заимке близ Томска в ореоле великой святости и всенародного признания. До сих пор его смерть является тайной династии Романовых и загадкой истории.

Неожиданная смерть (или уход) императора обострила вопрос о престолонаследии еще в связи с тем, что у него не было детей от официального брака. В соответствии с законом о престолонаследии в Российской империи трон должен был перейти ко второму лицу по мужской линии в династии — его брату Константину. Однако тот уже давно фактически отказался от престола, связав свою судьбу с особой некоролевской крови — польской красавицей графиней Иоанной Грудзинской. Это автоматически лишало его потомство прав на престол и устраняло его от претензий на российский трон. Поэтому незадолго до отъезда в Таганрог Александр I написал завещание, в котором согласно закону о престолонаследии передавал после своей смерти трон третьему по старшинству сыну Павла I — Николаю Павловичу, у которого уже родился к этому времени наследник, будущий император Александр II. Однако, видимо, колеблясь в своих решениях и еще не определив свою судьбу, Александр I оставлял завещание, как и отказ Константина от престола, в тайне. Таким образом, для России Константин оставался официальным наследником.

Все это сразу же создало запутанную политическую ситуацию, которой и решили воспользоваться заговорщики в Петербурге. Они решили помешать присяге официального Петербурга Николаю, вывести верные им войска на Сенатскую площадь, захватить Зимний дворец, арестовать царскую семью, заставить Сенат объявить о низложении монархии и создать манифест об учреждении Временного революционного правительства, ликвидации крепостного права, об уравнении всех граждан перед законом, уничтожении рекрутской повинности и военных поселений и о других революционных мерах, значившихся в их программах. После этого они предполагали собрать Учредительное собрание (Великий собор) и вынести на его рассмотрение программы будущего переустройства России.

Диктатором, т. е. командующим силами восстания, был выбран полковник Генерального штаба князь Сергей Петрович Трубецкой.

Казалось, все благоволило заговорщикам. 27 ноября столица и армия, как это и было положено, присягнули Константину.

В этот же день Николай, его семейство, Сенат и другие учреждения также присягнули Константину. Но вопрос не был решен окончательно,

так как появилось завещание Александра I, подтверждение отказа от прав на престол самого Константина. Теперь требовалась переприсяга. Она была назначена на 14 декабря. Николай уже знал о наличии заговора как в Петербурге, так и в Южной армии и дал приказ начать повсюду аресты заговорщиков. Но ход заговора предотвратить уже не удалось. Собираясь на свои последние встречи, заговорщики также готовились к 14 декабря, стремясь помешать переприсяге и осуществить государственный переворот. Решающая встреча прошла на квартире Рылеева. Он просил Каховского переодеться в мундир лейб-гренадерского полка, проникнуть во дворец и до его захвата убить Николая I. Якубовичу поручалось захватить Зимний дворец. Другой части верных войск надлежало овладеть Петропавловской крепостью.

Наступило холодное сумрачное ветреное утро 14 декабря. В предрассветных сумерках Московский полк во главе со штабс-капитаном лейб-гвардии драгунского полка А. А. Бестужевым, распропагандированным заговорщиками, выступил из казарм, расправившись со своими командирами. Боевым строем с боевым снаряжением он прибыл на Сенатскую площадь и встал в форме каре вокруг памятника Петру I. Восстание началось. Но сразу же план его стал рушиться. Каховский рано утром отказался совершить акт цареубийства, не желая быть террористом-одиночкой. Якубович отказался вести восставшие части на Зимний дворец, боясь, как он говорил, резни во дворце и убийства царской семьи. Таким образом, Зимний стоял неколебимо, и царь, узнав о начавшемся восстании, стянул к нему верные войска. К тому же на площадь не явился Трубецкой. Он ходил около здания штаба, выглядывая из-за угла, откуда просматривалась Сенатская площадь, стараясь узнать, много ли собралось восставших войск и стоит ли ему рисковать жизнью. Князь так и не решился появиться перед повстанцами, оставив их без военного руководства. К 11 часам утра выяснилось, что Сенат уже присягнул Николаю I и сенаторы разъехались по домам. Здание Сената опустело.

На площади появился новый монарх, окруженный верными войсками, прибыл генерал-губернатор Петербурга Милорадович. Правительственные войска предприняли против восставших несколько атак, но они были отбиты оружейным огнем. Напряжение на площади нарастало. К восставшим подошли подкрепления — лейб-гренадеры, гвардейский морской экипаж и теперь в каре стояло около 3 тыс. человек при 30 офицерах. Николай со своей стороны подтянул на площадь, кроме пехотных частей, артиллерию, конную гвардию, которые вчетверо превосходили силы повстанцев. На площади был выбран новый военный руководитель восставших войск — князь Е. П. Оболенский.

Весть о восстании быстро распространилась по Петербургу. На площадь подходили толпы людей. Вскоре количество собравшейся «черни» перевалило за 150 тыс. Среди толпы было немало рабочих, трудившихся неподалеку на стройке Исаакиевского собора. Из толпы в верных царю солдат летели камни, палки. В адрес Николая слышались угрозы. Собравшиеся явно сочувствовали повстанцам.

Остерегаясь поначалу допустить кровопролитие и тем самым запятнать начало своего царствования, царь направил к восставшим Милорадовича.

Герой Отечественной войны 1812 г., отважный военачальник пользовался огромной популярностью среди солдат. М. А. Милорадович подъехал к каре и обратился к повстанцам с горячей речью, уговаривая их одуматься и возвратиться в казармы. Солдаты смутились. Положение было критическим. Е. П. Оболенский бросился к генерал-губернатору и штыком повернул его лошадь, ранив при этом Милорадовича в бедро. Подбежавший Каховский выстрелил из револьвера генералу в спину. Того, уже смертельно раненого, подоспевшие офицеры подхватили под руки и отвезли домой. На какой-то момент дух повстанцев укрепился. Они тут же прогнали посланных к ним с увещеваниями митрополитов.

Наступали ранние зимние сумерки. Около трех часов пополудни Николай I приказал открыть огонь из пушек. Поначалу был дан залп картечью боевыми зарядами поверх каре. Это не поколебало повстанцев. Они ответили оружейным огнем. Следующий залп был уже прицельный. Картечь поразила первые ряды восставших. Каре дрогнуло и рассыпалось. Солдаты побежали на лед Невы, пытаясь перебраться на Васильевский остров по Английской набережной. Вслед им пальба продолжалась, в дело вступили конногвардейцы, преследовавшие бежавших. На льду Невы офицеры попытались остановить своих солдат, построить их для боя, но артиллерия ударила ядрами по льду: он начал крошиться, образовались разводья, полыньи. Повстанцы стали тонуть. Их ряды окончательно смешались. Вскоре все было кончено. Площадь была очищена от мятежников, народ разбежался. Полиция и солдаты убирали тела убитых, уносили тяжелораненых, многих из них спускали в проруби под лед. Следы крови на брусчатке площади и на мостовых засыпали свежим снегом. В эти же часы по всему городу начались облавы и аресты. Арестованных декабристов, как стали называть повстанцев после 14 декабря, свозили в Зимний дворец. Он со всех сторон был окружен верными войсками. На Дворцовой площади расположились Преображенский полк, егеря и кавалергарды.

Потерпело неудачу и восстание на юге страны. Вождь Южного общества П. И. Пестель был арестован 13 декабря, накануне восстания в Петербурге. Другие члены Южного общества были еще на свободе.

Через несколько дней они узнали о восстании в Петербурге и, верные своим обещаниям, решили действовать заодно с «северянами». 29 декабря вспыхнул мятеж Черниговского полка во главе с подполковником С. И. Муравьевым-Апостолом и подпоручиком М. П. Бестужевым-Рюминым. Восставшие захватили город Васильков, где располагалась одна из управ Южного общества. Оттуда полк направился к близлежащему Житомиру на соединение с другими частями, которых готовили к выступлению офицеры-заговорщики. Однако путь им преградил правительственный отряд, высланный на подавление восстания. На черниговцев обрушились артиллерийские залпы. С. И. Муравьев-Апостол был ранен и очнулся уже в плену. С оружием в руках был схвачен и его друг Бестужев-Рюмин. Повстанцы были рассеяны. На юге также начались аресты.

17 декабря в Петербурге приступил к работе Следственный комитет, который заседал в течение шести месяцев.

В ходе следствия декабристы отвечали на многие вопросы — и не только о подготовке и ходе восстания, но и о причинах зарождения революци-

онных взглядов, о путях формирования тайных обществ. Многие из них, в том числе представители титулованной знати, давали в своих ответах, а также при личных встречах с царем откровенные показания, называли всех своих товарищей, подробно излагали свои взгляды и программы. Они — дворяне — стремились показать первому дворянину империи обоснованность и закономерность своих действий. На многих сильное впечатление оказала личная заинтересованность Николая I в том, чтобы доискаться причин революционного мятежа группы офицеров. Другие были сломлены тяжелыми условиями содержания в Петропавловской крепости, полной неизвестностью относительно своей судьбы, страхом смерти.

Потом начался суд. Все декабристы в соответствии с их виной были разделены на 11 разрядов. Пятеро (Пестель, Рылеев, С. Муравьев-Апостол, М. Бестужев-Рюмин, Каховский) были поставлены вне разрядов. Их как «пущих злодеев» повесили на кронверке Петропавловской крепости. Остальных суд приговорил к различным наказаниям — от вечной каторги до лишения чинов и разжалования в солдаты. Самим же солдатам предстояли наказания шпицрутенами и ссылки в отдаленные гарнизоны: весь штрафной Черниговский полк был отослан на Кавказ. Там солдатам предоставлялась возможность в боях искупить свою вину. Туда же сослали и часть декабристов-офицеров. Всего по делу декабристов к следствию и суду было привлечено около 600 человек. Лишь после смерти Николая I в 1855 г., проведя около 30 лет на каторге и в ссылке, оставшиеся в живых декабристы получили амнистию, вышли из каторжных казематов, но оставались на поселении в Сибири: им был запрещен въезд в центральные губернии России.

Движение декабристов прошло незамеченным для большинства населения огромной империи, но оставило заметный след среди верхушки общества, правящей элиты, нарождающейся интеллигенции. Как ни малочисленным оказался состав революционеров, многие из них были заметными фигурами в тогдашнем обществе. Их республиканские, антикрепостнические взгляды, их свободолюбие, смелый вызов правительству, их бесстрашие, самоотверженность и самопожертвование всколыхнули на долгие года чувства тех молодых и честных людей, которые не хотели ждать милостей от власти, нетерпеливо стремились решить все назревшие общественные вопросы, как и декабристы, заговором, силой, натиском. В то же время восстание 14 декабря напугало и озадачило благонамеренную часть России, заставило сплотиться консервативные силы во главе с новым императором, на всю жизнь усвоившим урок страха свержения и смерти для себя и своей семьи, который преподали ему декабристы, и боровшимся с революционным движением везде и всюду, где бы оно ни зарождалось. Экстремизм декабристов, кровь, которой они грозили России, обернулись для страны долгим перерывом в реформаторских усилиях, а позднее мучительным и чересчур осторожным подходом к конституционным реформам, к отмене крепостного права.

ГЛАВА 2. РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

§ 1. Российская империя после мятежа декабристов: психологические и политические последствия. Император Николай I

События конца 1825 г. явились потрясением имперской государственной системы и оказали сильное воздействие на умонастроения современников как в России, так и за границей. Еще совсем недавно казалось, что держава царей стоит прочно и нерушимо, что ее обошли стороной ветры социальных перемен и политических пертурбаций, сотрясавших Западную Европу с конца XVIII в.

В этот период европейская консервативная мысль начала воспринимать Россию надежным защитником христианской традиции и исторического порядка. В 1811 г. известный французский католический философ Жозеф де Местр (1753—1821), бывший ранее посланником Сардинского короля в Петербурге, заключал: «Я все более убеждаюсь, что для России не годится правительство, устроенное по нашему образцу, и что философические опыты Его Императорского Величества (имеется в виду император Александр I. — А. Б.) закончатся возвращением народа к первоначальному его состоянию — в сущности, это и не столь уж большое зло. Но ежели сия нация воспримет наши ложные новшества и будет противиться любому нарушению того, что захочет называть своими конституционными правами, если явится какой-нибудь университетский Пугачев и станет во главе партии, если весь народ придет в движение и вместо азиатских экспедиций начнет революцию на европейский манер, тогда я не нахожу слов, чтобы выразить все мои на сей счет опасения».

Декабрьский мятеж 1825 г. показал, что смутные опасения философа были не беспочвенны, что и в России обнаружились силы, настроенные на радикальные социальные переустройства. Ничего подобного в русской истории еще не случалось. На протяжении веков все прямые или косвенные выступления против власти, многочисленные заговоры, восстания и мятежи так или иначе, но вращались вокруг вечной русской дилеммы: царь плохой — царь хороший. И только декабризм в своем экстремальном варианте (П. И. Пестель) впервые поставил проблему совершенно иначе, исключив фигуру коронованного самодержавного правителя из грядущего государственного устроения.

Хотя в буквальном смысле лидерами мятежа на Сенатской площади и не являлись «университетские Пугачевы», но главные теоретики и руководители декабризма явно ощутили на себе воздействие антихристианского философизма, сокрушавшего на Западе церковные авторитеты и социальные ранги.

И если для Западной Европы утверждение утилитарной буржуазной философии, актуализировавшейся в политическом действии под лозунгом эгалитаризма, было исторически обусловленным, то в России, где не существовало аналогичных исторических условий, декларирование подобных

идей воспринималось людьми государственного склада ума вещью не только недопустимой, но и преступной по отношению к России.

Ярче всех подобное восприятие выразил самый видный интеллектуал той поры Н. М. Карамзин. Он назвал выступление декабристов «нелепой трагедией наших безумных либералистов» и признавался, что во время событий он, «мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж», так как «ни крест, ни митрополит не действовали».

Трудно представить, каким бы историческим путем двигалась Россия, если бы не случилось «нелепой трагедии» 1825 г., но невозможно сомневаться, что отзвук ее ощущался довольно долго и многое определил в последующее тридцатилетие, когда главой Российской империи являлся император Николай I.

Противостояние между исторической традицией социальной иерархии и либерально-демократической унификацией стало постепенно выкристаллизовываться в политическое противостояние между Россией и Западной Европой, олицетворяемой в первую очередь Великобританией и Францией. Очень точно эти представления отразило высказывание поэта, дипломата и мыслителя Ф. И. Тютчева, сделанное в 1848 г.: «Давно уже в Европе существуют только две силы — революция и Россия».

Сходных мнений придерживались в то время многие представители русского истеблишмента и в первую очередь сам царь, вскоре после восшествия на престол заявивший: «Революция на пороге России, но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока Божией милостью я буду императором».

Несмотря на победу над Наполеоном и формальное существование Священного союза, России приходилось все чаще и чаще ощущать в Европе свое политическое одиночество. Монархические союзники царской империи — Пруссия и Австрия — скорее выступали в роли династических партнеров, преследуя в политике собственные цели, которые нередко не только не согласовывались с интересами России, но порой были им враждебны. Государственно-имперские интересы играли тут важную роль, но только ими широкое распространение в Западной Европе старых антирусских опасений и предубеждений дело не ограничивалось.

Уже в XVIII в. с развитием гражданских свобод и распространением в ряде европейских стран неподцензурных изданий критика царской империи становится одним из отличительных признаков либерализма и демократизма. Такие настроения могли совпадать с видами власть имущих в той или иной стране в данный период или нет, но в большинстве случаев «симфония представлений» наблюдалась. Война с Наполеоном и его разгром на какой-то момент почти прекратили критику «русского монстра», но прошло немного времени, и они вспыхнули с новой силой. Русофобия превращается в факт политической жизни в первую очередь в Англии.

Именно с конца 20-х, но особенно в 30-е гг. XIX в. в Англии и во Франции, нападки на «деспотическую», «агрессивную», «коварную» и «жестокую» Россию становятся общепринятыми. Характерный образец западноевропейских представлений той поры явила получившая широ-

кую известность книга путешественника и литератора маркиза де Кюстина (1790—1857) «La Russe en 1839». Пробыв несколько недель в России, где его принимали с искренним радушием, маркиз написал сочинение, где подверг беспощадной критике не только сановно-придворный мир, но и ощельмовал весь культурный облик России, ее исторические и духовные ценности. Вердикт морального осуждения у де Кюстина непререкаем: «Россия, думается мне, единственная страна, где люди не имеют понятия об истинном счастье. Во Франции мы тоже не чувствуем себя счастливыми, но мы знаем, что счастье зависит от нас самих; в России оно невозможно».

Это писал человек, дед и отец которого сложили свои головы на гильотине! Известный американский историк русского происхождения Георгий (Джордж) Вернадский (1887–1973), говоря о книге маркиза, заключил, что она — «озлобленный памфлет, направленный против России, Русской церкви, Русского государства, Русского народа». В коммерческом успехе этой книги американский профессор увидел «одно из звеньев большой цепи европейского русофобства».

Русофобия становится не просто фактом общественной жизни, но и превращается в фактор политического действия. Россия оставалась и фактически, и по своему национально-государственному самосознанию страной православной, что издавна служило объектом ее шельмования в странах католического мира. В странах протестантских, в первую очередь в Англии, где религиозный фактор не играл существенной роли в политике, огромная царская империя внушала опасения геополитическим интересам Британской империи.

Со страниц печати и из уст политических деятелей постоянно звучали голоса «об агрессивном курсе» в мировых делах, хотя, казалось бы, уж кто, как не Россия, став главной силой, сокрушившей наполеоновскую деспотию, одна фактически ничего не приобрела в результате этой победы, не потребовав для себя ни новых территорий, ни имущественных компенсаций, ни финансовой контрибуции. Самое удивительное, что об этом не только не вспоминали в Лондоне, но о таком беспримерном в мировой политике благородстве очень быстро забыли и в Париже.

События первого десятилетия царствования Николая I — утверждение России в Закавказье и ликвидация широкой автономии Польши — дали западноевропейским антирусским страхам и предубеждениям новый мощный толчок, невзирая на то, что дипломатия России и письменно, и устно неустанно уверяла западные державы, что никаких экспансионистских намерений в Европе не имеет.

Показательный в этом смысле обмен мнениями произошел между царем и послом США в Петербурге Д. Далласом в конце 1837 г. На замечание Николая I, что «он никогда не стремился извлечь для себя выгоду из затруднительного положения другой державы, а между тем все обвиняют его в политике насилия», посол североамериканской республики заметил: «Вы так могущественны, что вполне естественно внушаете зависть». На это повелитель России ответил: «Да, мы могущественны, но нам сила нужна для обороны, а не для нападения». Но русским заверениям не верили, отвергая

наперед все предложения России, направленные на стабилизацию мировой обстановки.

Когда во время визита в Англию в 1844 г. русский царь предложил правительству ее величества заключить международный пакт по поводу будущего Турции с целью «избежать мировой войны», причем в доказательство отсутствия у России экспансионистских намерений предлагал письменно «отказаться от любых притязаний на территорию Турции», то это предложение не вызвало никакого отклика.

Невзирая на явное и тайное к себе нерасположение, за время правления Николая I Россия просто с какой-то маниакальной настойчивостью стремилась установить дружеские отношения с Великобританией и готова была для этого пойти невероятно далеко по пути политических и дипломатических уступок в самом спорном и самом главном вопросе мировой политики, касавшемся судьбы Османской империи. Русская идея о создании национального турецкого государства в Малой Азии под опекой и при поддержке великих держав, в первую очередь Великобритании и России, неизменно наталкивалась на враждебное противодействие в Лондоне, где поддержка разлагающейся империи Османов являлась одним из краеугольных камней английской политики.

Враждебное восприятие России обернулось тем, что к концу XIX в. в Великобритании вдруг осознали, что реальным и самым мощным ее мировым противником является не Россия, а стремительно набиравшая силу Германская империя, а все многолетние антирусские инспирации Лондона вели лишь к его политической изоляции. Ошибочность подобного курса с горечью признал премьер-министр Великобритании лорд Солсбери. Выступая в палате лордов 19 января 1897 г., он сказал: «Я вынужден заявить, что если вы попросите меня оглянуться назад и объяснить настоящее через прошлое, возложить на эти плечи ответственность за трудности, в которых мы сейчас оказались, я скажу, что альтернатива была в 1853 г., когда предложения императора Николая были отвергнуты. Многие члены этой палаты остро почувствовали суть ошибки, которую мы сделали, если я скажу, что мы поставили все наши деньги на хромую лошадь». Но «хромая лошадь» продолжала участвовать в мировой гонке, теперь уже признавая своими новыми хозяевами не давних покровителей с берегов туманного Альбиона, а новых претендентов на мировое лидерство с берегов Шпрее.

* * *

Император Николай Павлович родился 25 июня 1796 г. в Царском Селе. Он был третьим из четырех сыновей императора Павла I. Тогда была жива бабушка, императрица Екатерина II, которая так радовалась увидеть еще одного внука и сама вынесла его на руках на балкон дворца, чтобы показать «свое сокровище» народу. Крещение состоялось 6 июля. Великий князь был наречен Николаем, именем, которым до того не называли членов императорского дома. Согласно традиции, новый великий князь получил все высшие ордена России и сразу же был зачислен на военную службу. Уже 7 ноября 1796 г. пятимесячный малютка получил чин полковника и был назначен шефом лейб-гвардии конного полка.

Николай Павлович потерял отца, когда ему не исполнилось и пяти лет. Конечно, он не ведал о заговоре и не имел о том событии никаких личных впечатлений. Но с молодых лет он знал одно наверняка: как у второго брата царствующего Александра I у него не было никаких шансов стать царем. Он об этом никогда не думал и не мечтал. Лишь летом 1819 г. случилось непредвиденное событие: во время семейного разговора Александр I сказал брату Николаю, что тому со временем предстоит стать царем. Этот разговор оказался совершенно неожиданным и потряс молодого великого князя, который стал с жаром убеждать брата императора, что «не чувствует в себе сил и духу», чтобы служить столь великому делу, и в конце концов разрыдался. Александр I свернул беседу на эту тему и больше к ней не возвращался. Постепенно Николай Павлович успокоился и о возможности своего воцарения не размышлял.

Ему нравилось военное дело, а другие предметы особого интереса не вызывали. Например, занятия по политэкономии и правоведению навевали лишь скуку. Позднее Николай I вспоминал, что на этих уроках «мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбежку, без плода и пользы для будущего», и считал, что «общие предметы или забываются, или не находят приложения в практике».

Хотя Николай и не числился наследником, Александр I приобщал своего младшего брата к государственным делам с ранней юности. В 1814 г. семнадцатилетний великий князь вместе с императором въезжал в Париж, а затем присутствовал на Венском конгрессе четырех великих держав — победительниц Наполеона. Позже он сопровождал брата-венценосца в его визитах в Англию, Австрию, Пруссию.

Именно в Пруссии еще в 1814 г. Николай встретил и влюбился в юную дочь короля Фридриха Вильгельма III Шарлотту (полное имя Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина), на которой через три года и женился. Венчание состоялось 1 июля 1817 г. в церкви Зимнего дворца, а 17 апреля следующего года на свет появился их первенец Александр — будущий император Александр II.

Прусская принцесса приняла православие и получила в России имя Александры Федоровны (1798—1860). Она приходилась родной сестрой первому императору (с 1871 г.) Германской империи Вильгельму I. Мать Николая Павловича — императрица Мария Федоровна — тоже была немкой по рождению (принцесса Вюртембергская), и родственные узы связывали Николая I неразрывно с Германией. Однако особого расположения к немцам у него не было. В детские годы его няней была англичанка, привившая ему вкус и интерес к английским нормам, привычкам. Будущий царь с ранних пор выказывал интерес к Англии.

Зимой 1816—1817 г. Николай Павлович несколько месяцев пробыл в Англии. Здесь он вел жизнь светского человека, трогательно опекаемый королем Георгом III и героем войны с Наполеоном герцогом Веллингтоном. Однако уже тогда помимо балов, вечерних приемов, торжественных обедов и скачек у будущего царя проявилась тяга и к серьезным занятиям. Он посещал арсеналы, верфи, угольные шахты, промышленные предпри-

ятия, тюрьмы и больницы. Интерес к этим «скучным вещам» Николай проявлял неподдельный, что озадачивало хозяев. Герцог Веллингтон, ставший для великого князя добровольным гидом, однажды не удержался и шутливо заметил, что, очевидно, «его высочество готовится к роли правителя». На самом деле о подобном русский гость и не помышлял.

Николай I любил всякие технические приспособления, машины, вообще все то, что тогда называлось «техникой», а общепризнанной «мастерской мира» была в то время Англия. Все сообщения о новых изобретениях и технических усовершенствованиях неизменно привлекали его внимание. Когда начали строиться первые железные дороги в Англии, то Николай Павлович сразу же решил, что «умная железка» должна появиться и в его империи.

Уже в 1837 г. в России была открыта для движения первая железная дорога, связавшая Петербург с Царским Селом, протяженностью 27 километров. При нем же была построена и самая длинная для своего времени (более 600 километров) железнодорожная магистраль, связавшая два столичных города — Москву и Петербург. Ее строили около 10 лет, а движение по ней началось в 1851 г. По имени царя дорога получила название Николаевской. Еще раньше, в 1831 г., по желанию императора в Петербурге было открыто высшее техническое учебное заведение — Технологический институт, ставший крупнейшим центром подготовки технических специалистов в России.

Целый ряд других начинаний и учреждений осуществился благодаря воле царя. В 1826 г. был открыт Румянцевский музей в Санкт-Петербурге (с 1861 г. — в Москве), в 1832 г. — Зоологический музей, а в 1834 г. начал действовать Университет Святого Владимира в Киеве. Через несколько лет, в 1839 г., под Петербургом была открыта крупнейшая в мире Николаевская (Пулковская) обсерватория.

Николай I неизменно восхищался совершенством работы любой машины. Машина могла делать «то, что положено», а вот люди в большинстве своем этого делать не могли или не хотели. Он понимал, что из людей нельзя сделать «техническое приспособление», но не сомневался, что в государстве надо организовать дело так, чтобы подданные, во-первых, знали свои обязанности, а во-вторых, понимали, что за нерадивость, леность и бесчестность последует кара. Это были те важнейшие мировоззренческие государственные принципы, которыми Николай I стремился руководствоваться в течение 30 лет своего правления.

Николая Павловича с детства отличала одна характерная черта, многое определившая и в политике империи: предельная аккуратность, даже педантизм в исполнении всех норм и правил. Он знал назубок все воинские уставы, неукоснительно их исполнял, владел в совершенстве искусством светского поведения, до мельчайших подробностей соблюдал все требования писаных и неписаных правил. Того же требовал и от других. Но эта, как казалось многим, «мелочность» раздражала и возмущала. После правления мягкого и снисходительного Александра I правление его младшего брата многим казалось «слишком жестким».

Царь же считал иначе и при исполнении закона ни для кого не делал исключений. Характерный в этом отношении случай произошел в 1830 г., когда в некоторых местностях империи разразилась эпидемия холеры. Из уважения к правилам, им же утвержденным, монарх, возвращаясь из поездки по России в Петербург, как «простой смертный» безропотно 11 дней просидел в Твери в карантине.

Воцарение Николая I сопровождалось смутой, кровавыми событиями, и это несчастье навсегда запечатлелось в его памяти. Вскоре после воцарения император, имея в виду 14 декабря 1825 г., сказал французскому послу графу Лаферроне: «Никто не в состоянии понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать всю жизнь при воспоминании об этом дне». В период своего правления он приложил немало усилий, чтобы не допустить никакой деятельности, направленной против власти.

Николай I никогда не сомневался, что самодержавная, «Богом данная» власть царя — необходимая форма правления в России. В отличие от старшего брата Александра I он никогда не испытывал влечения к модным европейским теориям социального устройства жизни, терпеть не мог «всякие там конституции и парламенты», которые приводили лишь к хаосу и нарушали древнейший принцип законной, легитимной власти коронованных правителей. Однако это не означало, что царь не видел несовершенств самодержавной системы, которые стремился искоренить не введением принципиально новых органов управления, не путем коренного реформирования учреждений, а, как ему казалось, единственно верным путем — совершенствованием существующего государственного механизма.

Он осознавал порочность крепостной системы. Через несколько лет после воцарения в беседе с П. Д. Киселевым Николай I изложил свои взгляды: «Я хочу отпустить крестьян с землей, но так, чтобы крестьянин не смел отлучаться из деревни без спросу барина или управляющего; дать личную свободу народу, который привык к долголетнему рабству, опасно. Я начну с инвентарей; крестьянин должен работать на барина три дня и три дня на себя; для выкупа земли, которую имеет, он должен будет платить известную сумму по качеству земли, и надобно сохранить мирскую поруку, а подати должны быть поменьше».

Однако за три десятка лет Николай I так и не рискнул заняться разрешением самого жгучего социального вопроса — ликвидацией крепостного права. Начиная с 1826 г. шесть раз учреждались государственные комитеты по крестьянскому делу и многие стороны крестьянского вопроса впервые в истории были подробно исследованы. Правительство вполне осознало необходимость положить конец злоупотреблениям крепостным правом и приняло в этой связи ряд законодательных положений. Изучалась и возможность отмены крепостного права, но сразу же возникали такие трудности и опасности, которые власть преодолеть в тот момент не могла. Поэтому в 1842 г. был лишь принят закон об обязанных крестьянах, открывавший путь к переходному состоянию.

Принимаемые отдельные меры принципиально проблему не решали. Царь это понимал, но так и не рискнул пойти на кардинальные преобразования социального миропорядка. Лично он был смелым и волевым челове-

ком, и обвинять его в малодушии в данном случае нет никаких оснований. Его страшила перспектива нарушения спокойного и предсказуемого течения государственной жизни, которая, как ему думалось, могла наступить, если разом разорвать все путы и ограничения, складывавшиеся веками. Он опасался хаоса, анархии. Революционные события в Европе 1830 г., но особенно 1848 г. лишь усиливали антиреформаторские настроения царя.

За годы своего царствования Николай I объездил всю Россию и почти везде встречал неполадки и неустройства. На окраинах было еще хуже, чем в центре. После посещения Закавказья написал: «Нельзя не дивиться, как чувства народной преданности к лицу монарха не изгладились от скверного управления, какое, сознаюсь, к моему стыду, так долго тяготеет над этим краем». Наказывал, выгонял со службы чиновников, издавал грозные указы, но положение мало менялось к лучшему.

Николай I был способен проявить участие, снисходительность и поддержать талантливое начинание. В 1826 г., во время коронации, в Москву был вызван из ссылки А. С. Пушкин, с которого царь еще раньше снял опалу и заметил тому: «Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь, — отныне я буду сам твоим цензором». Потом по этому поводу много возникло домыслов, но в ту эпоху подобное заявление свидетельствовало о том, что поэт признан государем, властью, что сразу же повысило к нему интерес всей «читающей публики».

И в биографии другого русского художественного гения Николай I оставил заметный след. Когда Н. В. Гоголь написал в 1836 г. комедию «Ревизор», где едко высмеивались нравы и быт провинциального чиновничества, то многие увидели в ней «крамольное» произведение, подрывающее «основы власти». Царь же разрешил постановку пьесы на сцене, сам ее посмотрел и заметил, что «мне в ней больше всех досталось».

Два печальных рубежа очерчивают правление Николая I: мятеж на Сенатской площади вначале и неудачная Крымская кампания — в конце. Между ними заключен почти тридцатилетний период существования России, когда ее верховным земным управителем являлся человек, неколебимо веривший в Провидение и склонявшийся перед неизъяснимой и непостижимой волей Творца.

Николай I неоднократно формулировал свое миропонимание вообще и властепонимание в том числе, всегда неизменно отдавая абсолютный приоритет воле Всевышнего. С Петра I это был, пожалуй, не просто «религиозно настроенный», но именно религиозно мысливший правитель. Исходные принципы своего жизнепонимания император оглашал и публично, например, в 1844 г. перед католическим клиром. «Достаточно знаю, — восклицал Николай I, — как далеко простирается моя императорская власть и как далеко может подвинуться, не нарушая вашего исповедания, и потому-то именно требую приверженности и повиновения, и тем более должен требовать, что сие повелевает вам Сам Бог, пред Которым я должен буду ответствовать за благополучие вверенного мне народа».

Мировоззрение монарха отличалось той ясной простотой, которая вообще так характерна для сознания традиционного православного христианина. Почитание семейных и государственных традиций, безусловное под-

чинение абсолютному нравственному закону являлось для Николая I не просто нормой поведения. Это была органическая природа его личности.

Николай I не принадлежал к числу людей с высокими интеллектуальными запросами, да и вообще с ранних лет не любил «лукавых мудрствований». Это был человек традиционной православной культуры, впитавший в плоть и кровь ее патерналистские принципы и провиденциалистские представления. В этом смысле его личность явно диссонировала и с образом его старшего брата (Александра I), и с образом его бабки (Екатерины II). Ему не надо было читать богословские трактаты, чтобы узнать, почему люди веруют в Бога и беспрекословно почитают Его Волю. Он не сомневался, что по-другому быть не должно, а если иное и происходит в среде православных, то это не просто заблуждение, но непростительное преступление.

Императору не требовалось отвечать на вопрос: чем хорошо (и хорошо ли) самодержавное правление для России? Ему даже сам по себе этот вопрос представлялся кощунственным, так как здесь проявлялась не только «неуместность», а посягательство на волю Творца. В том же, что порфиры царя земного отражают свет Царства Небесного, у него ни на минуту не было сомнения. За почти двухсотлетний период существования империи подобную неизменную стойкость самодержавно-православных убеждений, помимо Николая I, явили миру только его коронованные потомки: Александр III (внук) и Николай II (правнук).

Личность Николая I не «по должности», а реально являлась фокусом традиционного миропонимания на переломном рубеже бытования общественного сознания, когда вполне отчетливо стали обозначаться признаки его дисперсной ориентированности. Император целиком принимал национально-государственное предание, те ценности, которые являлись таковыми в прошлом и, как представлялось, должны были оставаться такими же и впредь. Это не являлось рецепцией бессознательного рефлекса; это был вполне осознанный выбор. Отсюда — преклонение царя перед Н. М. Карамзиным, как перед человеком, написавшим историю, «достойную русского народа». Отсюда же — и слезы самодержца при звуках национального гимна «Боже, царя храни!», написанного по его заказу, в соответствии с его желанием: в создаваемом произведении должна звучать музыка, близкая к молитве.

Христианское миропонимание обусловливало надмирное понимание царского служения, которое буквально воспринималось как священное служение. Когда настал роковой для Николая Павловича час, приближение которого он никогда не желал, но о возможности которого был осведомлен, — занятие прародительского престола, то воспринял это как тяжелейшее испытание. «Молись за меня Богу, дорогая и добрая Мари, — писал он в самый день 14 декабря 1825 г. старшей сестре Марии Павловне (1786—1859), — пожалей несчастного брата — жертву воли Божией и двух своих братьев! Я удалял от себя эту чашу, пока мог, я молил о том Провидение и я исполнил то, что мое сердце и мой долг мне повелевали. Константин, мой Государь, отверг присягу, которую я и вся Россия ему принесли. Я был его подданный; я должен был ему повиноваться».

Один из известных государственных деятелей эпохи Николая I граф П. Д. Киселев (1788—1872) привел в своих воспоминаниях чрезвычайно показательные высказывания императора, в полной мере раскрывающие «царскую философию»: «Никто не может вообразить, как тяжелы обязанности монарха, какой это неблагодарный труд, но надо выполнять его, раз на то воля Божья... Я прежде всего христианин и подчиняюсь велениям Провидения; я часовой, получивший приказ, и стараюсь выполнить его, как могу».

Будучи натурой сильной, Николай I не выносил на публичное обозрение свои душевные переживания, связанные с ношей самодержца. В этом он исповедовался только близким людям. «Я иду прямо своим путем — так, как я его понимаю; говорю открыто и хорошее, и плохое, поскольку могу; в остальном же полагаюсь на Бога. Провидение не раз благословляло меня в некоторых случаях жизни. Помогая мне в самых запутанных по видимости делах достигать удачи единственно благодаря простоте моих жизненных правил, которые целиком в этих немногих словах — поступать, как велит совесть... Да поможет мне Бог; так как Он хотел возложить на меня это ужасное бремя, то буду нести его до тех пор, пока у меня хватит силы, покорно принимая горести и заботы; ибо таков, очевидно, мой жребий», — исповедовался он в письме к матери, императрице Марии Федоровне (1759—1828) в июне 1826 г.

В минуты тяжелых личных переживаний император неизменно обращал свои мольбы к Богу, прося того подкрепить и наставить. После начала мятежа в Польше в конце 1830 г., когда от самодержца требовалось принимать непростые силовые решения, он писал своему старшему брату Константину Павловичу: «Желая приготовиться ко всему, я предложил жене отговеть вместе. Не зная, будет ли Богу угодно позволить нам быть вместе в то время, когда мы имеем обыкновение делать это; по крайней мере, мы причастимся. И я прошу у вас прощения и вашего благословения; да сподобит меня таинство, к которому я готовлюсь приступить, найти ту силу и то присутствие духа, в котором я все более нуждаюсь, и которые я тщетно искал бы где-либо в другом месте, чем там, откуда истекает милосердие и сила».

После смерти в августе 1844 г. своей горячо любимой дочери Александры (1825—1844), в послании личному другу генерал-фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу (1782—1856) царь писал: «Богу годно было прекратить страдания нашего ангела и призвать его к Себе! И мы, хотя с сокрушенным сердцем, благодарим Господа, ибо Он ангелу дал верно ангельское место. Теперь в грусти одно утешение — молитва и служба; я займусь по-прежнему всеми обязанностями, и авось Бог подкрепит нас».

Православное мироощущение, органически присущее Николаю I, проявлялось постоянно, определяя его отношения к делам и людям, даже в тех случаях, когда какие-то персоны ничего в душе кроме отвращения не вызывали. Казнь пятерых декабристов, состоявшаяся в июле 1826 г., явилась для царя окончанием того «ужаса», который он и его близкие пережили после принятия им короны. Мятеж на Сенатской площади никогда не изгладился из памяти, но особенно сильные чувства одолевали не

только в момент декабрьских событий, но и в последующие месяцы дознания и суда.

Когда же правосудие свершилось, то царь, не сомневаясь в своей правоте казнить нераскаивавшихся преступников, смог разглядеть признаки благочестия даже у такого человека, как П. Г. Каховский (1797—1826), не только преступника «по умышлению», но и убийцы. Именно он во время декабрьских событий смертельно ранил известного генерала графа М. А. Милорадовича и полковника Н. К. Стюрлера.

В письме матери 13 июля 1826 г. Николай I признавался: «Подробности относительно казни, как ни ужасна она была, убедили всех, что столь закоснелые существа и не заслуживали иной участи: почти никто из них не выказал раскаяния. Пятеро казненных смертью проявили значительно большее раскаяние, особенно Каховский. Последний перед смертью говорил, что молится за меня! Единственно его я жалею; да простит его Господь, да упокоит Он его душу!».

Император не скрывал своей радости, когда смог узреть проявления глубины православного чувства у людей, полная принадлежность которых православию не представлялась до конца очевидной. Здесь особо примечательны слова из письма в феврале 1837 г. младшему брату великому князю Михаилу Павловичу (1798—1849), которые монарх произнес по адресу скончавшегося А. С. Пушкина: «Пушкин погиб, и, слава Богу, умер христианином».

Было бы недостоверно утверждать, что при Николае I понятия «Бог», «Воля Всевышнего» возвращаются в лексику официальных документов. В качестве своеобразного государственно-патетического атрибута они там присутствовали всегда. Но именно при Николае I, после почти столетнего перерыва, Божественное Провидение занимает в официальных документах не атрибутивную, а декретивную позицию, приобретает характер нравственного мотивационного обоснования дел государственных.

«По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они не предстали, и, не щадя себя, будем в неразрывном единстве с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших» (из Манифеста 14 марта 1848 г. по случаю революционных событий в Европе). «Нет! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру Христову и защиту единоверных своих братий, терзаемых неистовыми врагами. Да познает же все Христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с ним вся русская семья, верный Богу и Единородному Сыну Его Искупителю Нашему Иисусу Христу Православный Русский народ» (из Манифеста по случаю войны с Турцией, 1854 г.).

Благочестие царя, его преданность христианским заветам в полной степени раскрываются в его отношениях с детьми, которых он стремился воспитывать в строгом духе богопочитания. В этом отношении показательны те наставления, которые получал старший сын императора цесаревич Александр Николаевич. Во время многомесячной поездки наследника по России в 1837 г. царь составил для сына специальную инструкцию-настав-

ление и потом все время напоминал о его долге и обязанностях, среди которых на первом месте неизменно оставалось благочиние. В этих личных письмах самодержавно-православное миропонимание Николая I проступает во всей своей простой убедительности.

«Не чувствуешь ли ты в себе новую силу подвизаться на то дело, на которое Бог тебя предназначил? Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию? Люби ее нежно; люби ее с гордостью, что ей принадлежен и родиной называть смеешь, ее править (будешь), когда Бог сие определит для ее славы, для ее счастья! Молю Бога всякий день в всяком случае, чтобы сподобил тебя на сие великое дело к пользе, чести и славе России».

«В мои лета начинаешь другими глазами смотреть на свет и утешение свое находишь в детях, когда они отвечают родительским справедливым надеждам. Этим счастьем, одним величайшим, истинным, наградил нас доселе милосердный Бог в наших милых детях. На тебя же взираю я еще иными глазами, может быть, еще с важнейшей точки; я стараюсь в тебе найти себе залог будущего счастья нашей любимой матушки России, той, для которой дышу, которой вас всех посвятил еще до вашего рождения, за которую ты также отвечать будешь Богу!»

«Итак, сегодня ты ночуешь уже в Москве — твоей почтенной родине, и я за тебя чувствую, с каким ощущением ты, вступивши в Успенский собор, в нем молиться будешь! Ты вспомнишь, верно, что скоро или поздно ты тут дашь обет перед Богом блюсти Ему за Россию! И не ужаснись, ибо, прибегая к Нему, он дает тебе силы и укрепит дух твой, но на Него одного клади свою надежду».

При исполнении монаршего долга Николай I руководствовался глубоким чувством священного долга. Он ему следовал, не преодолевая собственное «Я», а в полной гармонии с ним. В тоже время эта органичность неизбежно должна была сталкиваться с политическими надобностями власти как формального управленческого института, с внутриполитическими задачами государства и геополитическими интересами империи.

Царь уже не только выступал как «установление Божие», но и как сугубо мирская «государственная канцелярия». Эти принципы не просто трудно совмещались; они нередко вообще не гармонизировались. Но, созидая и укрепляя «канцелярию», Николай Павлович постоянно заботился о нравственном авторитете власти. Этими мыслями он чрезвычайно поразил английскую королеву Викторию, когда во время посещения Англии в 1844 г. излагал ей свое политическое кредо, суть которого отразила ключевая фраза императора: «В настоящее время члены Царственных домов должны стремиться стать достойными своего высокого положения, чтобы помирить с ним народное чувство».

Идея ранга и преклонения перед авторитетом была присуща мировоззрению Николая Павловича всегда. В таком качестве он воспринимал не только закон сакральный, но и закон формальный, который не только сам утверждал, но и доставшийся ему по наследству от прежних царствований.

Подобный пиетет царь со всей определенностью продемонстрировал во время «дискуссии» с папой Григорием XVI при посещении Рима

в 1845 г. Возражая на сетования римского первосвященника по поводу ограничений католической церкви в России, самодержец заявил: «Ваше Святейшество, можете быть уверенными, что если Ваши сведения в самом деле справедливы, то будут приняты надлежащие меры. Я готов делать все, что в пределах моей власти. Однако существуют законы, которые так тесно связаны с основными узаконениями моего государства, что я не могу переделать первые, не становясь в противоречие со вторыми».

Любое общественное «своеволие» ни в каком случае не признавалось допустимым. В концентрированном выражении этот взгляд запечатлелся в собственноручной записке Николая I, составленной во время революционных потрясений в Пруссии в 1848 г. «Не ясно ли, — восклицал император, — что там, где более не повелевают, а позволяют рассуждать вместо повиновения, — там дисциплины более не существует; поэтому повиновение, бывшее до тех пор распорядительным началом, перестало быть там обязательным и делалось произвольным. Отсюда происходит беспорядок во мнениях, противоречие с прошедшим, нерешительность насчет настоящего и совершенное незнание и недоумение насчет неизвестного, непонятного и, скажем правду, невозможного будущего».

Стремление Николая I привести облик власти в полное соответствие с народными, т. е. с православными представлениями, было столь же искренним, сколь и недостижимым. Самодержавный романтизм монарха неизбежно должен был преодолеть вечную антиномию «желаемого» и «должного», с одной стороны, и «возможного» и «допустимого» — с другой, дававшей о себе знать и в Московском царстве, но в еще большей степени в эпоху Российской империи. Решить же эту нравственную сверхзадачу было не под силу даже такому сильному правителю.

Николай I, как «жертва воли Божией», награжден был «тяжелым крестом», получив себе в удел управление огромной империей, которая существовала в земном мире, для сильных мира которого Боговоплощенное Слово или значило очень мало, или не значило вообще ничего. Стараясь не только в личной жизни, но и в делах государственных, в сфере международной политики руководствоваться христианскими принципами, царь неизбежно ставил свою державу в положение, часто весьма уязвимое.

Веря в слово правителей «милостью Божией», стремясь поддерживать их, порой наперекор ходу событий, стараясь во всем и везде утверждать патриархальный порядок старшинства, внедрять повсеместно принцип подчинения авторитету, Николай I порой неизбежно оказывался проигравшим в нравственно несовершенном мире. Ошибки эти иногда оказывались крупными и непростительными — например, вооруженная поддержка погибавшей австрийской монархии в 1849 г. Но, признавая неудачи императора, невозможно не отдать должное царю-христианину, одному из последних такого рода коронованных правителей в мировой истории.

§ 2. Преобразования в государственном управлении

Николай I и его советники сделали из событий 14 декабря 1825 г. важный вывод: необходимо многое изменить во внутренней политике империи, в организации власти в России, чтобы не допустить, с одной стороны,

подобного антиправительственного движения, а с другой — упрочить основы власти, улучшить работу государственной машины.

Еще в начале XIX в. в системе государственного управления произошли изменения. На смену учрежденным еще Петром I коллегиям пришли министерства, построенные не на коллегиальной основе, а на принципе единоначалия, строгой служебной вертикали подчиненности.

В 1802 г. создаются первые восемь министерств: военно-сухопутных сил, военно-морских сил, иностранных дел, внутренних дел, коммерции, финансов, народного просвещения, юстиции, а также Государственное казначейство на правах министерства. Каждому министру предписывалось иметь канцелярию и заместители (товарища). В 1810 г. Министерство коммерции (торговли) было упразднено и его функции перешли к Министерству финансов. На следующий год было учреждено еще два высших государственных органа: Главное управление ревизии государственных счетов (Государственный контроль) и Главное управление путей сообщения.

В 1811 г. вышло так называемое Общее учреждение министерств — нормативный акт, устанавливающий единообразие в организации и деятельности. Каждое министерство получало следующую структуру: во главе стоял министр и его заместитель; при министре существовали канцелярия и совет. Аппарат каждого министерства включал несколько департаментов, делившихся на отделения, а последние — на столы. Принцип единоначалия соблюдался неукоснительно: директора департаментов подчинялись непосредственно министру, начальники отделений — директору департамента, а столоначальники — начальникам отделений. Министры же находились в непосредственном подчинении у царя, регулярно докладывая тому о ходе дел в своем ведомстве. Лишь в начале XX в., после организации единого Совета министров, министры стали подчиняться и главе правительства.

В николаевскую эпоху в системе высших государственных учреждений принципиально ничего не изменилось. Осуществлялись лишь некоторые дополнения и преобразования. Возникли новые министерства: императорского двора (1826), государственных имуществ (1837). Особняком в ряду высших административных ведомств оказалось лишь Третье отделение собственной Его Величества канцелярии, учрежденное в 1826 г. и сосредоточившее некоторые функции ряда министерств (юстиции, внутренних дел, просвещения).

В самом начале Николай I заявил, что желает, чтобы жизнь в стране регулировалась законом. В России к тому времени существовало огромное количество распоряжений, указов и других законодательных актов. Многие из них были изданы в такие давние времена, что об их существовании мало кто и знал. Николай I решил навести в этом важном деле порядок, проведя кодификацию (систематизацию) законодательства. Эту важную работу монарх поручил в 1826 г. М. М. Сперанскому, который с группой помощников к 1830 г. осуществил царский замысел. В опубликованных объемных 45 томах было собрано 30 тысяч законов, появившихся в России со времен Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. Сорока-

пятитомный труд получил название Полное собрание законов Российской Империи.

Это была первая часть задачи. Вторая же, не менее важная, состояла в том, чтобы из общей массы юридических актов отобрать лишь те, которые не потеряли свою силу и действовали на территории империи к началу 30-х гг. XIX в. В 1832 г. данное собрание нормативных актов было издано; оно насчитывало 15 томов и получило название Свода законов Российской империи. Его отпечатали большим тиражом и разослали во все концы империи. Царь считал, что в каждом государственном учреждении (присутственном месте) должно находиться собрание государственных норм и правил.

Деятельность по кодификации законодательства протекала под постоянным контролем Николая I, который внимательно все читал и делал замечания. Он принял решение, что отныне все новые законы должны немедленно публиковаться как продолжение Свода законов.

Другая важная задача, вставшая перед царем сразу по восшествии на престол, касалась состояния государственных финансов. Еще во времена Екатерины II правительство начало в большом количестве выпускать в обращение бумажные деньги (ассигнации). Первоначально стоимость бумажных и серебряных денег была равнозначной. Но постепенно, по мере того как количество ассигнаций увеличивалось, их реальная стоимость стала падать.

К началу царствования Николая I 1 рубль ассигнациями стоил примерно четвертую часть серебряного рубля. Истинным бедствием при финансовых расчетах являлась произвольная оценка стоимости денег. Например, если крестьянин продавал на рынке овес и получал за него ассигнациями, скажем, по курсу 25 копеек серебром за пуд, то покупая на том же рынке в лавке сукно, с него просили заплатить из расчета 30 копеек ассигнации за серебряный рубль. К тому же государство (казна) держало фиксированный курс и требовало, чтобы все государственные платежи налогов и сборов осуществлялись по курсу 29 копеек за рубль серебром. Возникала финансовая неразбериха.

Положение складывалось совершенно ненормальное. Царь поручил министру финансов графу Е. Ф. Канкрину (1774—1845) исправить положение. Царское поручение было исполнено: за короткий срок министру удалось накопить большие государственные запасы драгоценных металлов (золота и серебра), что позволило установить твердое соотношение рублей. С 1843 г. постоянный и обязательный курс составлял 3 рубля 50 копеек ассигнациями за серебряный рубль.

Постепенно правительство начало изымать из обращения ассигнации, заменяя их новыми бумажными деньгами — кредитными билетами, которые можно было обменивать на серебряную монету в соотношении 1 к 1. В России утвердилась система серебряного монометаллизма, обеспечивавшая на определенный период финансовую стабилизацию и способствовавшая экономическому развитию. Русские вексельные курсы в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в. демонстрировали устойчивую повышательную тенденцию. Так, высший курс на Лондон поднялся с 38$^{7}/_{2}$ пенса в 1850 г. до

39 пенсов в 1853 г., а средние показатели за эти годы составили соответственно 38 7/8 и 38 2/3 пенса. Сходная ситуация существовала и с вексельными курсами на Париж, поднимавшимся в 1852—1853 гг. до 412—413 сантимов, а в среднем державшимися на уровне 401—402 сантима.

В период царствования Николая I в России впервые было введено регулярное пенсионное обеспечение. В 1827 г. царь издал указ, гласивший, что человек, находившийся на государственной службе 35 лет, после выхода в отставку имел право на государственную пенсию. На нее мог рассчитывать лишь тот, кто прослужил весь срок без замечаний и нареканий (беспорочно).

§ 3. Крестьянский вопрос в эпоху николаевского царствования

Новый царь с самого начала не сомневался, что наличие крепостного права есть зло. Но он знал и другое: его старший брат уже думал об отмене крепостного состояния, в котором пребывала часть населения, но в силу различных экономических, социальных и психологических причин так и не рискнул его ликвидировать.

Как в свое время перед Александром I, так и перед Николаем I неизменно возникал один и тот же вопрос: если предоставить полную гражданскую свободу крестьянам (сделать по закону их свободными), то что же будет дальше? Ведь только предоставление юридической независимости от барина (отмена крепостного состояния) принципиально проблему не решало. Земля-то оставалась за помещиком.

Насильно же, государственными мерами отнять ее у него значило нарушить незыблемый государственный принцип неприкосновенности частной собственности. В то же время использовать финансовые рычаги (выкупить землю у владельцев, а затем передать крестьянам), как предлагал еще А. Аракчеев, государство не имело возможности. Для этого требовались огромные средства, которых в казне не имелось.

Царь принимал в расчет и иные соображения. Если освободить крестьян и позволить им самим о себе заботиться, то может возникнуть непредсказуемое положение. Помещики, сохранив в своих руках земельные угодья, неизбежно начнут сокращать их обработку, что повлечет за собой уменьшение сельскохозяйственного производства, повышение цен на внутреннем рынке и падение экспорта, а следовательно, и доходов государства.

С другой стороны, крестьяне, по существу, ничего не выиграют, так как останутся без средств к существованию. Лишившись земли, они неизбежно будут обратно проситься в кабалу к барину на любых условиях. Не найдя применения на селе, остальные станут скитаться по стране, собираться в городах, что, как император не сомневался, создаст не только тяжелую, но, возможно, и взрывоопасную ситуацию. Печальные опыт в этом смысле являли прибалтийские губернии, где еще в 1816 г. было проведено освобождение крестьян без земли, которую они ранее обрабатывали и которая осталась за дворянами-землевладельцами. Таким образом, крестьяне превратились в поденных работников, в батраков, и экономическое освобождение их не только не улучшилось, но ухудшилось.

В силу этих опасений крепостное состояние не было ликвидировано. Николай I считал, что время для этого еще не наступило. Выступая в марте 1842 г. в Государственном совете, император заявил, что «крепостное право в нынешнем его положении у нас есть зло, для всех ощутимое и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным». В его царствование принимались лишь меры, способные, с одной стороны, упорядочить систему отношений между помещиком и его крепостными, а с другой — создать условия для будущего раскрепощения крестьянства.

В 1842 г. появился закон об обязательных крестьянах. Он позволял землевладельцам ликвидировать крепостные отношения, а крестьянину приобретать землю. Было запрещено продавать крестьян по долгам помещиков отдельно от семей. Помещик мог теперь освободить крестьян, наделить их землей и получать за это с них определенный оброк (деньгами или продуктами). Освобожденные таким образом крестьяне получали название обязанных.

Политика Николая I в крестьянском вопросе сводилась главным образом к тому, чтобы упорядочить отношения между помещиками и крестьянами и ввести их в четко регламентированное правовое русло. Всего с 1826 по 1855 г. было принято 108 указов, ограничивавших произвол помещиков. Это количество было значительно больше общего числа подобных актов, изданных всеми его венценосными предшественниками. Уже первая царская инструкция предписывала помещикам «обращаться с крестьянами по-христиански и согласно законам».

В 1827 г. помещиком было запрещено уступать своих крестьян для работы на шахтах и ссылать их в Сибирь. Позже появились и другие указы, должные защищать крепостных от помещичьего произвола. Однако эти ограничения прав дворянства никоим образом не утверждали права крестьян, и ни один из законов не предоставлял крестьянам личных прав. Как и раньше, они были лишены возможности жаловаться на своих хозяев, а функцией защиты крестьян от помещика верховная власть наделила предводителей дворянства и местную полицейскую власть.

Николай I не только не раздавал частным лицам государственных имений с крестьянами, но распорядился приобретать в казну поместья разорившихся владельцев. При этом бывшие крепостные становились государственными крестьянами. Беглых же крепостных, ушедших на окраины (на юг Украины, в Бессарабию, Сибирь, Кавказ), правительство оставляло на свободе. Помещик же получал компенсацию за потерю крепостных за счет государства.

Заметные преобразования в эпоху Николая I коснулись значительной массы крестьян, принадлежавших государству. Этих государственных крестьян насчитывалось к началу 30-х гг. XIX в. более 8 млн. Для заведования их делами в 1837 г. было создано Министерство государственных имуществ, во главе которого царь поставил графа П. Д. Киселева (1788–1872). Тот еще в 1816 г. представил Александру I записку о необходимости постепенной ликвидации крепостного строя.

На посту министра граф деятельно занялся улучшением положения государственных крестьян, находившихся теперь под покровительством Ми-

нистерства государственных имуществ. Была отменена барщина, вместо нее вводился оброк, величина которого устанавливалась не произвольно, а исходя из доходности отдельных хозяйств; была прекращена практика сдачи в аренду частным лицам государственных имений и государственных крестьян. Эта категория земледельцев освобождалась от многих повинностей, раннее целиком на них лежавших: починки мостов, строительства и ремонта дорог, поставки фуража и продовольствия для армии и т. д.

Государственные крестьяне получили право на самоуправление. Районы, где находились государственные крестьяне, делились на волости, которые, в свою очередь, подразделялись на сельские общества. Теперь крестьяне, собираясь на сходы, имели возможность выбирать из своих среды доверенных лиц (старост, сотников), занимавшихся решением текущих дел.

Кроме того, под началом графа П. Д. Киселева министерство наметило обширную программу распространения просвещения и благоустройства среди сельских жителей. За государственный счет начали строить большое число сельскохозяйственных школ, где крестьяне имели возможность ознакомиться с новейшими приемами ведения хозяйственной деятельности; открывались ветеринарные лечебницы.

На этих мерах власть в эпоху Николая I и остановилась. Император не рискнул бросить вызов времени, переломить сопротивление дворянства и пойти на радикальное преобразование всего сельскохозяйственного уклада. Эта пришлось делать его сыну, императору Александру II.

§ 4. На страже порядка и спокойствия империи: граф А. Бенкендорф и граф С. Уваров. «Теория официальной народности»

За тридцатилетний период царствования Николая I немалое число людей, занятых делами управления (их еще называли государственными людьми, или государственными мужами), проявили себя как способные деятели. Помимо М. М. Сперанского и графа П. Д. Киселева к ним принадлежал и граф Александр Христофорович Бенкендорф (1783—1844). Он происходил из семьи прибалтийских немцев-дворян, перешедших на русскую службу после включения в состав России восточных районов Балтийского побережья при Петре I. Его отец, генерал Х. И. Бенкендорф, при Павле I являлся военным губернатором города Риги. Получив обычное для своего времени светское образование, Александр Бенкендорф в 1798 г. поступил на военную службу, участвовал в различных военных кампаниях во время войны с Наполеоном. В 1819 г. получил свой первый заметный пост — начальника штаба Гвардейского корпуса.

Стремительный взлет карьеры Бенкендорфа начался при Николае I. С первого дня вокарения Николая I Бенкендорф оказался рядом с императором, деятельно помогал подавить мятеж 14 декабря 1825 г. Он считал, что «преступное выступление против власти» стало следствием того, что некоторые дворяне забыли свой священный долг: верно, преданно, самозабвенно служить своему государю и империи.

Он верил в силу и блестящие перспективы страны: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что же касает-

ся будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Так писал Александр Бенкендорф и в том не сомневался. Но неизменным условием для благополучия и процветания являлись порядок и спокойствие в огромной империи. И граф почти два десятка лет был ревностным хранителем общественного порядка.

Еще когда на престоле находился Александр I, молодой генерал обращался к нему с особыми записками, где рекомендовал: во-первых, запретить все нелегальные политические собрания (о них власти знали, но смотрели на то сквозь пальцы), а во-вторых, создать тайную полицию, которая бы следила за подобной деятельностью, вовремя бы пресекая ее. Россия в тот период была единственной страной в Европе, где не было сколько-нибудь развитой системы тайного сыска. Но эти предложения тогда не нашли поддержки. Лишь когда на престол взошел Николай I, когда случился бунт на Сенатской площади, лишь тогда наступила пора претворять в жизнь проекты Александра Христофоровича. Новый царь взял эту деятельность под свое непосредственное покровительство.

Среди высших государственных органов империи существовала «собственная Его Императорского Величества канцелярия», занимавшаяся личной перепиской императора. При Николае I роль и значение этого органа стали иными. Канцелярия была разделена на несколько подразделений (отделений), и корреспонденцией монарха занималось теперь лишь Первое отделение. Во Втором сосредоточивались дела законодательные, Четвертое отделение занималось благотворительными учреждениями (школами, приютами, больницами).

Наиболее же значительная роль отводилась Третьему отделению. Его основная функция — борьба с антиправительственным движением отдельных лиц и различных групп. Имелась и еще одна важная задача: следить за законностью действий должностных лиц и о всех злоупотреблениях немедленно сообщать руководству. Третье отделение осуществляло высший полицейский надзор, ему передавались функции цензуры, организация розыска и следствия по всем политическим и уголовным делам. Оно просуществовало более полувека и было ликвидировано в 1880 г.

26 июля 1826 г. А. Х. Бенкендорф был назначен на должность «главного начальника третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии». Еще раньше он был назначен шефом жандармов, т. е. военизированных полицейских подразделений, осуществлявших контроль на местах. Теперь же задача усложнялась: помимо контроля и недопущения беспорядков надлежало держать под наблюдением и политические настроения различных групп населения. Сделать это возможно было лишь скрытыми методами.

Третье отделение стало прибегать к практике, широко распространенной в других странах (Франции, Англии, Пруссии, Австрии), но почти неизвестной до того в России. Оно стало вербовать тайных сотрудников-осведомителей, начало внедрять доверенных людей в те организации и кружки, которые могли представлять опасность для власти. Руководитель Третьего отделения был уверен, что если подобная служба существовала бы в России ранее, то дело не дошло до мятежа на Сенатской площади.

Внимание Третьего отделения не ограничивалась только слежением, сыском и дознанием. Глава его представлял царю доклады, содержавшие анализ общего положения в стране и рекомендации по принятию конкретных мер общегосударственного характера: о необходимости построить железную дорогу между Петербургом и Москвой (1838), о неудовлетворительной организации рекрутских наборов (1838), о необходимости государственной заботы о народном здравии (1841), о недовольстве высоким таможенным тарифом (1842) и др.

Максимальное число служащих Третьего отделения во время А. Х. Бенкендорфа составляло 32 человека. (Уместно попутно заметить, что всего в огромной империи в 1836 г., в эпоху так называемой мрачной николаевской реакции, жандармский корпус насчитывал всего 5164 человека.) Для чиновников Третьего отделения на дела, связанные с политическими преступлениями, приходилась лишь малая часть повседневных занятий. Ежегодно сюда поступало тысячи прошений, каждое из которых подлежало рассмотрению. (В отдельные годы этот показатель превышал десятитысячный рубеж.)

Около 10% всех дел касалось вопросов жестокого обращения помещиков со своими крепостными. Кроме того, ежегодно массовыми были дела, касающиеся выдачи пенсий, пособий, наград, рассрочек в погашении долгов. Здесь же рассматривались случаи личных оскорблений, супружеской неверности, обольщения девиц, публичных развратных действий и т. д. Самые важные и наиболее громкие случаи глава Третьего отделения доводил до сведения монарха.

Деятельность ведомства А. Х. Бенкендорфа с самого начала вызвала недовольство в различных кругах. Больше всего роптали те, кто занимал заметные должности в государственном аппарате. Главнейшая функция Третьего отделения состояла в выявлении и пресечении служебных злоупотреблений, и высшему чиновничеству не мог понравиться подобный контроль. Раньше любой управляющий считал себя чуть ли самодержавным правителем в своем ведомстве, хотя миловать и наказывать мог в России лишь царь. Но, как гласила популярная пословица: «До Бога высоко, до царя далеко».

Теперь бесконтрольность и вызываемые ее злоупотребления не оставались незамеченными. Служба Бенкендорфа, это «недремлющее око государя», всегда была начеку, и любой подданный мог передать туда информацию о неблаговидных поступках должностных лиц. И передавали. Граф, которого Николай I искренне уважал и высоко ценил, немедленно доводил подобные сведения до монарха. Следовали различные кары: от выговора до изгнания с должности, лишения положения и пенсии.

Причем в поле зрения тайной службы находилась деятельность самых высших должностных лиц империи; родовитость и иерархическая принадлежность роли не играли. В обзоре Третьего отделения за 1829 г., например, говорилось, что министр финансов Е. К. Канкрин, «человек знающий, просвещенный, деятельный и трудолюбивый, но упрямый, он не слушает никого, кроме нескольких любимцев, которые его обманывают».

В свою очередь, министр внутренних дел А. А. Закревский удостоился следующей характеристики: «деятелен и враг хищений, но он совершенный невежа». Министр же народного просвещения А. А. Ливен был назван «обскурантом», а о военном министре графе А. И. Чернышеве говорилось, что «пользуется печальной репутацией» и является «предметом ненависти публики всех классов без исключения», морской министр А. В. Моллер прямо обвинялся в воровстве.

Петербургское высшее общество, где как раз и задавали тон сливки чиновного мира, не могло понять и принять новые правила жизни и службы. Бенкендорф стал объектом беспощадной критики и поношения. В глаза всесильному начальнику ничего не говорили (хоть и не признавались, но попросту боялись «могущественного временщика»), но в своем кругу обвиняли последнего чуть ли не во всех смертных грехах.

Конечно, наушничество, доносительство, возведенные в ранг государственной политики, не могли не считаться злом. Но, с другой стороны, безопасность государства надежно охранялась, и за все 30 лет правления Николая I возник лишь один значительный заговор, который власти удалось быстро раскрыть. Это был кружок, по имени организатора которого, М. В. Буташевича-Петрашевского, был назван петрашевским.

Участники нелегальных собраний вынашивали план поднять крестьянское восстание, свергнуть царскую власть и установить республику. Членов тайного общества арестовали в апреле 1849 г. По делу петрашевцев к следствию привлекли 123 человека, 21 из которых был приговорен к расстрелу. Царь Николай *Павлович отменил смертный приговор.* Участников сослали на разные сроки на каторгу в Сибирь. (Одним из обвиняемых по делу проходил Ф. М. Достоевский.)

Руководитель Третьего отделения Александр Бенкендорф пользовался неизменным расположением царя, что выражалось в особых знаках внимания: в 1826 г. Бенкендорф стал сенатором, в 1828 г. произведен в генералы от кавалерии, в 1831 г. назначен членом Государственного совета, а в 1832 г. ему был пожалован титул графа. Когда в 1837 г. Бенкендорф тяжело заболел, то царская семья окружила его необычайным вниманием. Сам император часами неотлучно находился при нем. За жизнь царского любимца переживало и немалое число простых людей, видевших в графе (принимавшем в своем петербургском кабинете как именитых, так и безвестных просителей) бескорыстного защитника против произвола начальства. Бенкендорф выздоровел и верно прослужил еще несколько лет. Скончался А. Х. Бенкендорф в 1844 г.

В эпоху николаевского царствования взошла звезда и еще одного известного государственного деятеля графа С. С. Уварова (1786—1855). Это был один из образованнейших людей своего времени, прекрасно владевший новыми и древними языками, интересовавшийся археологией, философией, историей. Из-под его пера вышел ряд научных работ. В 1811—1822 гг. Сергей Семенович Уваров занимал должность попечителя Петербургского учебного округа, в 1818 г. стал президентом Российской Императорской Академии наук и на этой должности оставался до самой смерти. Более 15 лет, с 1833 по 1849 г., он являлся министром просвеще-

ния. За свои служебные заслуги министр получил редкое поощрение: в 1846 г. ему был пожалован титул графа.

Уваров прекрасно понимал значение просвещения и образования и старался содействовать, с одной стороны, развитию начального образования среди населения, а с другой — превратить высшие учебные заведения — университеты — в действительные научные и просветительские центры.

К началу 30-х гг. XIX в. число университетов было невелико. Они имелись в Петербурге, Москве (самый старый), Казани, Гельсингфорсе (Хельсинки, Финляндия), Харькове, Дерпте (Тарту, Эстония), Вильно (Вильнюс, Литва), Варшаве. В 1834 г. открылся университет в Киеве. Лучшие студенты обязательно посылались за счет государства за границу, главным образом в известнейшие университетские центры Германии, где продолжали обучение.

Самым крупным подобным учебным заведением являлся Московский университет, основанный еще М. В. Ломоносовым в 1755 г. В 1831 г. здесь обучалось 814 студентов, или почти 30% всего их числа по России. При университете имелся Благородный пансион с шестилетним курсом обучения, куда принимались дети дворян, которые по окончании курса имели право поступать в университет. При университете существовал еще и особый Педагогический институт, готовивший учителей для школ и гимназий. В 30—40-е гг. XIX в. в Московском университете обучались или преподавали видные ученые, составившие славу русской науки. В их числе - известнейшие историки: М. П. Погодин, Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев.

Однако деятельность С. С. Уварова в памяти потомков запечатлелась не конкретными служебными делами, а тем, что он сформулировал так называемую теорию официальной народности, которую ненавистники российского государства потом неизменно называли реакционной. Собственно, никакой «теории» (стройной системы обобщающих положений) Сергей Уваров не создавал. В 1832 г. в циркуляре попечителям (начальникам) учебных округов министр высказал требование, чтобы подрастающее поколение обучалось в духе «православия, самодержавия, народности». Смысл наставления министра состоял в том, чтобы противопоставить модным теориям о «равенстве» и «свободе» особое понимание русской государственности, неповторимого духовного облика русской нации.

Еще раньше эти же мысли высказал Николай I, вскоре после восшествия на престол заявивший: «Говорят, что я — враг просвещения. Есть два просвещения: западное развращает их, я думаю, самих; совершенное просвещение должно быть основано на религии». Эту задачу — ликвидацию невежества с одновременным формированием государственных духовно-нравственных принципов — и должен был решать С. С. Уваров.

Свое «деловое кредо» министр народного просвещения сформулировал вполне отчетливо: «Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении: мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно про-

длить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система... Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно».

В уваровской формуле «православие» олицетворяло понятие мировоззрения, «самодержавие» — форму государственного устройства, а понятие народности подчеркивало, что «православие» и «самодержавие» отвечали духу народа, его представлениям об устройстве страны и мира.

Соединение трех этих элементов и создавало удивительный исторический феномен, называемый Россия. По сути дела, Уваров лишь призывал русских людей не превращаться в «умственных рабов» иностранных учений, уважать прошлое, дела предков и не забывать, что в империи двуглавого орла слишком много неповторимого, своеобразного.

§ 5. Польское восстание 1830—1831 гг.

На Венском конгрессе 1815 г. часть Польши, отошедшая еще в 1795 г. к России, была расширена и определена как королевство Польское (Царство Польское). Все европейские страны признали его неотъемлемой частью Российской империи. Русский император считался и «царем польским». Александр I предоставил «Русской Польше» Конституцию, наделявшую поляков большими правами: здесь сохранялись прежние законы, собственная казна и войско. Высшим органом польского самоуправления признавался избиравшейся населением сейм. (В районах Польши, отошедших к Пруссии и Австрии, поляки никаких политических прав не имели.)

Николай I, не питавший симпатий ни к Конституции, ни к Польше, тем не менее неукоснительно придерживался обязательств своих предшественников. Конституционное устройство в царстве Польском не отменил. Наместником (представителем императора) в Варшаве являлся старший брат Николая I — великий князь Константин Павлович, усиленно приглашавший царя нанести визит в «польское царство». Ехать императору не хотелось, но он обязан был это сделать, так как еще Александр I положил начало правилу, что на царство Польское надо короноваться в Варшаве.

В мае 1829 г. Николай Павлович в варшавском королевском замке возложил на себя польскую королевскую корону, принес присягу в присутствии польского сейма и депутатов воеводств (областей). Царь и его свита не могли не заметить, что присутствующие на коронации польские представители не испытывали верноподданнейших чувств. Польская аристократия и шляхта (мелкопоместное дворянство) настроены были резко антирусски и не скрывали подобных настроений. Они активно поддерживали Наполеона, многие непосредственно участвовали в военных действия против России. Хотя Александр I простил всех этих поляков, никаким преследованиям они не подвергались, но гордые и самолюбивые шляхтичи воспринимали царскую милость как «унижение».

Вражда к России в Польше имела давние корни. Многочисленные конфликты и войны между Россией и Польшей (Речью Посполитой) на протяжении веков не способствовали возникновению симпатий. Важная причина взаимного неприятия коренилась в религии. Поляки являлись католиками, а Польская католическая церковь подчинялась Папе Римскому

(Ватикану). В то же время высшая политическая власть в Польше принадлежала православному русскому царю, он имени которого действовали его представители.

Православное население в восточных районах Польши подвергалось со стороны польской шляхты и католической церкви систематическим притеснениям и унижениям. Польское дворянство и католическое духовенство к православным крестьянам (русским, белорусам, украинцам) относились с нескрываемым презрением, часто иначе как быдлом (скотиной) их не называли.

Быть польским патриотом тогда почти неизбежно означало являться и врагом России. Восстановить полную политическую независимость Польши являлось желанием, лозунгом всех польских националистов. Для осуществления этой цели создавалось множество тайных организаций, где главенствовали польские дворяне.

Националисты мечтали не только о независимости, но и о создании «великой Польши от моря и до моря» (от Балтийского до Черного), которой ранее никогда не существовало. Подобная нелегальная антирусская деятельность поощрялась католической церковью. Это должно было рано или поздно привести к столкновению, и в 1830 г. оно произошло.

17 ноября группа военных заговорщиков напала на дворец Бельведер в Варшаве, где находился великий князь Константин Павлович. Константину удалось в последний момент спастись бегством, но многих из его окружения восставшие убили. На следующий день по всей Польше начались грабежи и убийства русских и всех тех, кто подозревался в симпатии к России. В последующие недели и месяцы погибли тысячи людей. Почти все польское войско изменило присяге, данной русскому царю, и перешло на сторону мятежников. В Варшаве было создано Временное правительство, провозгласившее независимость и предложившее императору мирные переговоры.

Николай I подобное предложение отклонил, заявив, что если мятежники не сложат оружия, то они сами уничтожат Польшу. Но это предупреждение не произвело никакого впечатления в Варшаве, польская армия начала военные действия против частей русской армии. 13 феврале 1831 г. около варшавского предместья Прага русские войска под командованием фельдмаршала графа И. И. Дибича наголову разбили польские соединения, остатки которых укрепились в Варшаве. Казалось, что судьба мятежников скоро будет решена, но русское командование не спешило, понимая, что штурм многонаселенной Варшавы приведет к огромным человеческим жертвам. Существовала и другая причина подобной медлительности.

Весной 1831 г. начала распространяться холера, завезенная в 1830 г. в Россию из Индии. Она поразила и русскую армию. Умирало много солдат. От холеры скончался граф И. И. Дибич (29 мая 1831 г.), а 15 июня того же года от страшной эпидемии умер наместник в царстве Польском великий князь Константин Павлович. Русская армия под командованием генерал-фельдмаршала графа И. Ф. Паскевича 28 августа 1831 г. вступила

в Варшаву. Польское восстание было подавлено, а большинство активных участников его бежало за границу.

За семь месяцев польского мятежа в европейских газетах появилось множество статей о событии, о нем говорили депутаты парламентов, обсуждали при европейских королевских дворах. Немало звучало критических суждений в адрес России, а «польские герои» восхвалялись. Особенно неистовствовали газеты и различные общественные деятели во Франции, где проживало множество поляков-эмигрантов, главным образом дворян.

Беспощадной была и антирусская кампания в Англии, где ее главным вдохновителем стал известный политический деятель, лидер партии вигов, тогда министр иностранных дел Пальмерстон. С начала 30-х гг. XIX в. «русский жупел» стал политическим оружием различных политических партий Британии. Именно в этот период старые западноевропейские антирусские предрассудки и предубеждения начали проявляться в Англии в форме открытой русофобии. Россия неизменно изображалась «варварской», ее политика «жестокой», а русская армия представлялась сборищем «дикарей», творивших «ужасы» в «несчастной Польше».

О жестокостях «польских патриотов» не писали. О том, как русских и всех православных преследовали, унижали, детей отнимали у родителей и отдавали в католические монастыри на воспитание, о том, как русских солдат пытали, сажали на кол, выкалывали глаза, о подобных зверствах не писали, их не осуждали. Не говорили, например, во Франции о том, что русская армия не грабила мирное население, не сжигала города и не разоряла поместья, как это делала «Великая армия» во главе с Наполеоном. Те злодеяния, которые действительно чинили французы во время вторжения в Россию, были забыты. Об этом не любили и не хотели вспоминать.

В России считали подобную критику несправедливой и оскорбительной. Николай I отнюдь не был склонен проводил государственный курс с оглядкой на то, что скажут в Париже или Лондоне. Он знал, что поляки изменили присяге, сами отвергли условия договора с Россией и за то должны понести наказание. И оно последовало. 21 февраля 1832 г. был издан так называемый Органический статус, коим упразднялась польская Конституция, ликвидировалось польское войско и самостоятельные финансы.

Однако царь не хотел лишать поляков всех прав. Были оставлены в силе все местные судебные законы, а польский язык сохранен при судопроизводстве. На старых польских территориях в Пруссии и Австрии, где проживала значительная часть поляков, ничего подобного не существовало. Однако это ни в Париже, ни в Лондоне осуждения не вызывало.

§ 6. Кавказские войны. Имам Шамиль

Вскоре после вступления на престол Николая I России пришлось столкнуться с военными осложнениями на Кавказе. Старые противники — Турция и Персия — в очередной раз попытались изменить существовавшую регионально-стратегическую расстановку сил, сложившую в результате предыдущих русско-турецких и русско-персидских войн.

В июне 1826 г. персидские войска вероломно напали на русский военный лагерь около границы, уничтожив несколько сот солдат и офицеров.

В последующие месяцы развернулись масштабные военные действия, которыми руководили: сначала генерал А. П. Ермолов, а затем генерал И. Ф. Паскевич. Иранские войска к концу 1827 г. были почти полностью разбиты. В феврале 1828 г. между Россией и Персией было заключен Туркманчайский мирный договор, по которому Ереванское и Нахичеванское ханства отходили к России. Так закончилось последнее военное противостояние России с Персией.

Значительно сложней развивались отношения с давним противником России — Османской империей. Еще в мае 1812 г. в Бухаресте был заключен мирный договор, согласно которому к России отходила часть территории Молдавии (Бессарабия), а граница между двумя империями устанавливалась по реке Прут (*раньше она проходила по Днестру*). Турция признавала права России в Западной Грузии и соглашалась на самоуправление подвластной ей Сербии, что стало началом независимости этого балканского славянского государства. В 1826 г., в дополнение к Бухарестскому договору 1812 г., была заключена в городе Аккермане (Белгород-Днестровске) конвенция между Россией и Турцией, обязывавшая Турцию соблюдать права Молдавии, Валахии и Сербии и предоставлявшая России право свободы торговли на территории Турции и судоходства в ее прибрежных водах.

Через два года, в октябре 1828 г., турецкий султан объявил об отказе от Аккерманского договора. В это время в Греции, находившейся под властью Турции, уже несколько лет продолжалось народное восстание против османского ига. Симпатии России были целиком на стороне греков, что вызывало гнев в Стамбуле. Турецкий султан призвал правоверных к священной войне против России.

Военные действия продолжались несколько месяцев в районе Западного побережья Черного моря и на Кавказе, в горной местности к югу от грузинских земель. Русские войска заняли турецкие анклавы на Черном море — города Анапу и Поти, крепость Карс и город Эрзерум. В августе 1829 г. русский корпус под командованием генерала И. И. Дибича подошел к городу Адрианополю. До столицы Турции оставалось менее 100 километров. В Стамбуле началась паника, и султанское правительство срочно запросило мира.

В начале сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мир, по которому к России отошел Ахалцыхский район Грузии и все побережье Черного моря от реки Кубани до города Поти. Важным результатом Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. стало освобождение Греции. Согласно одной из статей Адрианопольского договора Турция признавала самостоятельность Греции, которая, в свою очередь, обязывалась уплачивать ежегодную дань турецкому султану.

На время правления Николая I пришлось и еще одна кавказская война, связанная не только с геополитическими интересами России, но и со сложным национальным вопросом. Она началась еще при Александре I и длилась с перерывами около 30 лет.

В начале XIX в., после присоединения Грузии и окончания Русско-турецких войн 1806—1812, 1828—1829 гг. и Русско-персидских (иранских)

войн 1804—1813 и 1826—1828 гг., к России перешел весь обширный район Закавказья от Черного моря до Каспийского. Здесь жили разные народы, часто длительное время враждовавшие между собой. После присоединения к России эти конфликты мало-помалу начали затихать, а новая власть делала все, чтобы не допускать подобных межплеменных столкновений впредь.

Однако действительный контроль русское правительство и верные ему вожди и правители местных племен осуществляли лишь на равнинах, где существовала система надежных коммуникаций, укрепленная сеть опорных пунктов и поселений. Значительная же часть Кавказа — труднопроходимые горные массивы — находилась за пределами контроля.

В северо-восточной части Кавказского хребта издавна обитали горские племена черкесов, чеченцев, лезгин, ингушей, кумыков, аварцев, не подчинявшиеся никаким чужим законам. Они отличались чрезвычайной воинственностью, не занимались обработкой земли, а традиционно занимались скотоводством и промышляли грабежом. Их жестокие набеги постоянно испытывали на себе и жители равнинных территорий Северного Кавказа, и жители долин Закавказья. В XIX в. почти все они исповедовали ислам, причем здесь распространение получило его наиболее воинственное течение — мюридизм, требовавший полного подчинения религиозному вождю — имаму и провозглашавший священную войну (газават) с немусульманами, с неверными (гяурами) до полной победы над ними.

Они не признавали власть «белого царя» и по мере укрепления позиций России все чаще и чаще атаковали русские воинские посты, грабили и жгли населенные центры, а людей или убивали, или превращали в рабов. Их жестокие издевательства над неверными были ужасны. Естественно, что иметь среди своих владений не просто независимый, но и откровенно враждебный анклав не могло позволить ни одно государство. Не могла подобного терпеть и Россия.

С горцами пытались договориться, их вождям предлагались выгодные условия, сохранение всех их привилегий при условии признания власти царя и прекращения набегов на равнинные районы. Но все было тщетно. Воинственный дух горцев, их подчинение только племенным вождям и религиозным авторитетам долго препятствовали примирению. В интересах сохранения целостности и крепости Российской империи усмирение горных районов Кавказа становилось настоятельно необходимым.

Особенно упорные военные действия разгорелись в 30—40-е гг. XIX в., когда горные племена Дагестана и Чечни объединил под своим руководством имам Шамиль (1797—1871). Он родился в горах Дагестана, в аварском ауле Гимры в крестьянской семье. Воспитывался в среде мусульманского духовенства, получил хорошее исламское образование, прекрасно знал Коран и арабскую литературу.

Это был мужественный человек, для которого война с гяурами являлась служением Аллаху. Клинок его шашки украшала надпись, гласившая: «Тот не храбрец, кто в бранном деле думает о последствиях». В 1834 г., после смерти своего предшественника Гамзат-бека, Шамиль стал имамом и на протяжении последующих 25 лет возглавлял войну против России

и против других вождей и правителей, не желавших подчиняться власти имама.

Эта борьба являлась жестокой и кровопролитной. Русским воинским частям приходилось действовать в труднодоступной местности, удаляясь от своих баз на десятки и сотни километров. К тому же военные действия можно было вести лишь в летние месяцы; зимой все заносило снегом и горные районы делались неприступными. Но не только природные и географические условия мешали быстрому окончанию войны.

Русским военным отрядам приходилось действовать среди населения, где существовали специфические нормы и законы, нарушить которые значило лишь умножать сопротивление. Русское командование и гражданские чиновники не сразу осознали необходимость осторожного обращения с горскими народами, но со временем научились не причинять ненужных обид. В 1839 г., перед походом русской военной экспедиции, которую поддерживали отряды 45 горских князей, командующий генерал П. Х. Граббе издал приказ, где говорилось, что многие горцы «желают, наконец, покоя под защитой нашего оружия. Отличим их от непокорных там, где они явятся. Женщинам же и детям непременно и везде — пощада! Не будьте страшны для безоружных».

Верные Шамилю горцы действовали смело, нападали неожиданно и затем так же внезапно исчезали. Но русская армия медленно, но неуклонно, шаг за шагов, продвигалась в горные районы. Неоднократно Шамилю предлагали заключить почетный для него мир. Но тот с презрением отвергал такие предложения. Несколько раз Шамиль терпел поражения, и казалось, что его участь решена и война скоро закончится. Однако в последний момент ему удавалось ускользнуть, а через некоторое время в горных селениях Дагестана и Чечни он снова собирал под знаменем священной войны новые тысячи мусульман, готовых стать «мучеником за веру», т. е. умереть в бою и сразу же попасть в рай.

К концу 40-х гг. XIX в. власть Шамиля распространялась на большие территории. Около 400 тыс. человек, живших в горной Чечне и горном Дагестане, признавали его своим земным владыкой, имевшим полное право казнить и миловать по своему усмотрению. В этом своеобразном государстве — имамате царили жесточайшие порядки. За любой проступок неизбежно наказывали и чаще всего смертью. Сам имам пытался изменить устоявшиеся нравы и заставить своих подчиненных жить по законам пророка Мухаммеда (Магомета), изложенным в священной книге мусульман — Коране.

Казней было много, но желаемых результатов имам так и не добился. Позднее Шамиль признавался: «Правда сказать, я употреблял против горцев жестокие меры: много людей убито по моему приказанию... Бил я и шатойцев, и андийцев, и талбутинцев, и ичкерийцев; но я бил их не за преданность русским — они ее никогда не выказывали, а за их скверную натуру, склонность к грабительству и разбоям».

Мятежный имамат, эта, как писал один современник, «болезненная заноза в теле Российской империи», вызывал повышенный интерес и сочувствие у врагов России. Особенно большое внимание к Шамилю прояв-

ляла Турция, правящие круги которой так и не примирились с фактом потери своего влияния на Кавказе. В Стамбуле грезили о реванше и старались использовать Шамиля и его отряды в своих целях. К Шамилю нелегально пробирались посланцы султана, привозили деньги, оружие. Сам великий султан Абдул-Меджид пересылал имаму льстивые послания и даже назначил его своим наместником в Грузии.

Когда в 1853 г. началась Крымская война, то турки решили начать поход на Кавказ, соединиться с войсками Шамиля и изгнать русских с Кавказа. Но этот план провалился. Турецкая армия потерпела сокрушительное поражение, а войско Шамиля, спустившись с гор в долины Грузии, занялось грабежом, забыв о союзнических обязательствах. Шамиль сообщал командиру турецкой армии Омер-Паше: «Я выходил к вам навстречу с сильным войском, но невозможно было наше соединение по причине сражения, бывшего между нами и грузинским князем. Мы отбили у них стада, имение, жен и детей, покорили их крепости, с большой добычей и торжеством возвратились домой, так радуйтесь и вы!»

В Стамбуле же радости не испытывали. Стратегический замысел не удался. Шамиль готов был принимать подарки, деньги, выражение симпатий, но не желал превращаться в марионетку султана и стоявших за ним англичан. С другой стороны, выяснилось, что «священное воинство» не способно вести регулярные военные действия. Свидетель событий английский инструктор Ч. Дункан сообщал своему правительству в Лондон, что бойцы Шамиля покидают свои аулы и устремляются на равнину «только ради грабежа». После этого «ни один предводитель не может, не хочет и не рискнет остановить их поспешное отступление».

Правительство России внимательно следило за положением дел на Кавказе, но предпринять решительные действия против Шамиля в тот период не имело возможности. Лишь после окончания Крымской войны было решено покончить с враждебным имамом. Наместник на Кавказе князь А. И. Барятинский понимал, что с горцами надо бороться не только силой оружия. Куда успешней ему представлялись другие средства: устройство поселений, прокладка дорог. Но главным «неотразимым оружием» князя стали деньги. Он проводил дружественную политику по отношению к мирным горцам, задабривая деньгами и дарами их вождей, которые один за другим приносили клятву на верность России. Шамиля начинали покидать многие соратники. В 1859 г. кольцо русской армии вокруг резиденции Шамиля в ауле Ведено замкнулось.

Верных людей у Шамиля становилось все меньше и меньше. Несколько месяцев он перебирался от одного горного аула к другому, произносил грозные речи, грозил именем Аллаха, призывая правоверных начать очередную войну с гяурами. Его слушали, но воевать уже мало кому хотелось. К этому времени горцы уже поняли, что власть царя не несет им ничего плохого. Свой уклад жизни, традиции и обычаи они сохраняли, и русские ничего им не собирались навязывать. Подобные представления смертельно подрывали дело имама.

В начале августа 1859 г. с отрядом в несколько десятков человек — остатками своего «священного воинства» — Шамиль отправился в высоко-

горный аул Гуниб, расположенный среди неприступных скал Дагестана. За день до прибытия туда, ночью, горцы соседних селений напали на обоз Шамиля и полностью его разграбили. Это оказалось для имама тяжелым ударом. В Гуниб Шамиль прибыл, имея только то оружие, которое оставалось у него в руках, и одну лошадь, на которой сидел.

18 августа 1859 г. Шамиль получил предложение А. И. Барятинского сдаться на почетных условиях: имам и его близкие не будут арестованы, им разрешат выехать за пределы России. Шамиль не ответил. Он не верил, что русские способны на подобное великодушие. Русская армия начала штурм. Положение имама становилось безвыходным. Даже его сыновья заявили, что если он не сдастся, то они перейдут на сторону русских. В конце концов 25 августа Шамиль капитулировал и был поражен, что когда спускался из своего укрепления, то русские солдаты кричали «ура!».

Его встретил сам наместник, ему оказывали почести как главе побежденного государства. Ничего подобного Шамиль не ожидал. Для него была приготовлена специальная карета, ему позволили сохранить при себе оружие, и в сопровождении караула, напоминавшего почетный эскорт, непокорный имам выехал на север, в Россию, где должен был провести остаток своей жизни.

Он думал, что его отправят в кандалах в Сибирь, но все происходило совсем иначе. Имам был просто потрясен проявленным к нему великодушием. Под Харьковом его принял император Александр II, который сказал почетному пленнику: «Я очень рад, что ты наконец в России, жалею, что этого не случилось ранее. Ты раскаиваться не будешь. Я тебя устрою, и мы будем друзьями».

Шамиля провезли по городам России, он побывал в Москве, Петербурге. Его принимала императрица, ему предоставили возможность осмотреть императорские резиденции в Петербурге и Царском Селе. Его возили на спектакли, на заводы, показывали железную дорогу, новейшие технические приспособления. Он увидел удивительную страну, где жили совсем не те злые и лживые люди, которыми себе раньше представлял русских.

Местом его постоянного жительства была определена Калуга, где для Шамиля специально отделали один из лучших особняков в городе. При доме имелись обширный сад для прогулок и небольшая мечеть. Сюда же из Дагестана перевезли его семью (двух жен, детей, внуков, других родственников, всего 22 человека). На содержание Шамиля и его близких из казны выделялись ежегодно несколько десятков тысяч рублей.

Менялись не только условия жизни Шамиля, но и сам мятежный имам. Россия и русский царь вызывали у него все большее восхищение. 26 августа 1866 г., через семь лет после капитуляции, в зале калужского дворянского собрания Шамиль и его семья принесли присягу на верность России. Той же осенью он в качестве почетного гостя присутствовал в Петербурге на свадьбе наследника престола великого князя Александра Александровича (будущего царя Александра III). Там он произнес свои знаменитые слова: «Старый Шамиль на склоне лет жалеет о том, что не может родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь служению белому царю, благодеяниями которого он теперь пользуется».

В 1870 г. Шамилю позволили совершить паломничество в священный город мусульман — Мекку. Там он и умер 4 февраля 1871 г., а тело его было погребено на мусульманском кладбище в городе Медина (недалеко от Мекки).

§ 7. Россия и европейские дела

Николай I в вопросах международной политики старался поддерживать дружеские отношения с монархическими государствами. Он являлся сторонником того политического порядка в Европе, который установили страны – победительницы Наполеона на Венском конгрессе 1815 г. В основе его лежал принцип легитимности — сохранение стабильности путем поддержки правителей «милостью Божией».

Подобный идеологический подход в международных делах неизбежно сулил осложнения. Во-первых, Россия традиционно симпатизировала христианским народам, восставшим против жестокой власти турецкого султана («законного правителя») на Балканах и в других частях Османской империи. Во-вторых, за время правления Николая I в некоторых европейских странах произошли революции, к власти приходили правители, не отвечавшие легитимному принципу. После восстания в Польше в 1830—1831 гг., революций во Франции и Бельгии в 1830 г. Николай I встал на путь борьбы с революциями в Европе. В 1833 г. Россия, Австрия и Пруссия заключили соглашение, согласно которому обязывались «поддерживать власть везде, где она существует, подкреплять ее там, где она слабеет, и защищать ее там, где на нее нападают». Политика борьбы с революцией как внутри империи, так и за ее пределами являлась основополагающим принципом правительства императора Николая I.

Когда в 1830 г. во Франции революция свергла Карла X Бурбона, а королем стал не прямой наследник, а Луи-Филипп Орлеанский, представитель боковой ветви династии Бурбонов, то у царя даже зародилась идея готовиться к военному походу на Францию для свержения «нового узурпатора» (первым был Наполеон). Царя возмущало не только нарушение принципа легитимности, но и репутация нового короля: он слыл заядлым либералом. Однако намерение вмешаться во французские дела не встретило нигде поддержки и мысль о войне была оставлена. Отношения же с Францией так и не улучшились.

Николай I понимал, что для поддержания прочного мира и укрепления позиций России требуется взаимопонимание с Англией, мощнейшей экономической державой того времени. Царь питал с детства особое расположение к Англии. Общественная стабильность и промышленный прогресс, которые она демонстрировала, лишь множили эти симпатии. В Петербурге отчетливо осознавали, что если Российская империя желает обеспечить для себя долгосрочную мирную перспективу, прочное геополитическое положение, то взаимопонимание с Англией необходимо. Антирусские эскапады английской прессы и выпады отдельных политических деятелей не отражались на стойком желании Николая I добиваться сближения с Лондоном. В 1835 г. через находившегося в Петербурге лорда Б. Сеймура импе-

ратор передал английскому правительству предложения, направленные на разрешение англо-русских противоречий.

Суть их сводилась к следующему. Христианские балканские народы образуют собственные государства, Константинополь переходит под власть России или становится свободным портом под международным контролем, Египет и Крит переходят к Англии, Турция превращается в национальное государство в Азии. В Лондоне эту разумную программу проигнорировали. Правящие круги Великобритании, загипнотизированные мифической «русской опасностью», упустили важный шанс англо-русского сближения.

Попытка 1835 г. оказалась не единственной. В Петербурге настойчиво и последовательно пытались искать пути к сближению двух мировых империй. Однако эти импульсы не находили благоприятного отклика на берегах Альбиона. Здесь до самого начала XX в. господствовали резкие антирусские настроения, выразителем которых неизменно оставалась «прилежная ученица лорда Пальмерстона», самый известный британский монарх — королева Виктория (1819—1901).

Виктория I Александрина стала «королевой Великобритании и Ирландии» (так звучал полный титул, позже украшенный еще и титулом императрицы Индии) в возрасте 18 лет, в 1837 г., и занимала английский престол до 1901 г. К слову сказать, свое второе имя Александрина она получила в честь русского царя Александра I, который после разгрома Наполеона являлся кумиром Европы.

Как только Виктория оказалась на престоле, царь сразу же проявил к молодой королеве знаки внимания, отправил на ее двадцатилетие своего старшего сына — наследника престола Александра, посылал теплые послания. Однако в Лондоне к России относились настороженно, а многие и враждебно. Правительство ее величества было уверено, что укрепление и расширение Российской империи непосредственно угрожает имперским интересам Великобритании.

Царь же считал, что необходимо лично встретиться с королевой и тогда можно будет уладить все недоразумения между державами. Несколько раз он намекал на свое желание приехать в Лондон, но Виктория и английское правительство не реагировали. Наконец он прямо сказал английскому послу в Петербурге, что желает нанести визит королеве. Королева призналась своим приближенным, что не желает этого визита, но отказать царю не посмела.

Николай I находился с визитом в Англии две недели в июне 1844 г. Цель его вояжа выходила далеко за рамки личного царского интереса к главной «мастерской мира». Император намеревался напрямую переговорить с королевой и ее министрами по поводу острых международных проблем, разделявших две державы, и попытаться урегулировать разногласия путем выработки согласованных решений.

В этом ряду главным являлся старый и острый «восточный вопрос». Николай I предложил программу совместных действий в Турции на случай, если «этот больной человек Европы скончается». Вниманию англичан был представлен специальный меморандум, учитывавший интересы сто-

рон. Министры ее величества ознакомились с документом и на словах выразили одобрение. Царь был доволен, полагая, что добился важных межгосударственных договоренностей, отрывавших дорогу к дружескому сосуществованию двух держав. Однако Николай Павлович ошибся. Никаких соглашений с Россией в Лондоне заключать не собирались, воспринимая царскую инициативу как «простой обмен мнениями». Правящие круги Британии не устраивал равный учет интересов обеих сторон: с российскими интересами они считаться не желали.

Пребывание царя в Англии внешне выглядело торжественно и благопристойно. Королева расточала любезности, а Николаю Павловичу даже в какой-то момент показалось, что они с Викторией стали друзьями. Это была иллюзия. Выспренние слова и династические знаки внимания император воспринял как проявления расположения к нему.

На самом деле все обстояло далеко не так. Венценосная хозяйка, проявляя учтивость, не питала к Николаю I никаких добрых чувств. Напротив. И во время визита, но особенно после него, она не скупилась не просто на нелестные, но порой и откровенно оскорбительные отзывы. Своему дяде королю Бельгии Леопольду I Виктория писала о Николае I, что «выражение его глаз страшное». В царе она не увидела «джентльмена», а лишь человека «ограниченного ума», «нецивилизованного», интересовавшегося исключительно «армией и политикой». Это была неправда.

Во время пребывания в Англии Николай I живо интересовался музеями и техническими достижениями. Подробно ознакомился со строительством нового здания парламента, проект которого он нашел «великолепным» и попросил подарить ему чертежи. В том же году по рекомендации царя зодчий Чарльз Берри был избран членом Императорской Академии художеств, а Англия включена в число стран, в которых стажировались лучшие ученики академии. Во время пребывания в Англии царь пригласил на работу в России нескольких инженеров и архитекторов. Кроме того, он выделил средства на завершение работ по сооружению мемориала адмиралу Нельсону и на памятник герцогу Веллингтону в центре Лондона.

Однако все это для королевы не имело никакого значения. Она выносила свои заключения раз и навсегда, а все, что было связано с Россией, неизменно вызывало у «маленькой Вики» стойкую антипатию. Царю же казалось, что взаимные устные обязательства поддерживать «дружеские отношения» являются больше, чем просто любезными словами. Ведь, как считал царь, «слово монарха есть договор». Но в Англии думали иначе. Главное не слова, а интересы Британии, во имя которых можно было отбрасывать и письменные, и устные слова и заверения. Прошло всего несколько лет, и королева не только поддержала военные действия против России, но, не скрывая, подчеркивала, что это не только война Британии, но и ее личная война.

Защита монархических основ европейского мира, поддержка принципа легитимности заставили царя в 1849 г. послать стотысячную русскую армию на защиту своего союзника, австрийского императора. Революция в Австрии была подавлена, что лишь усилило антирусские настроения во многих странах, а наиболее непримиримые стали именовать царскую им-

перию «жандармом Европы». Вскоре началась Крымская война (ее еще называли Восточной), и царю пришлось с горечью убедиться, что у России союзников нет, что все те, кому он помогал, кого поддерживал (Австрия и Пруссия), оказалась во враждебном России лагере. Это было моральное и политическое крушение «принципов легитимизма» и того дипломатического курса, который Николай I и его правительство осуществляли на протяжении почти 30 лет.

§ 8. Крымская война и Парижский мирный договор 1856 г.

Внешняя политика Российской империи весь XVIII и XIX в. неизбежно замыкалась на события, происходившие на южных рубежах страны. Россия, как и другие мировые державы, была обеспокоена решением так называемого восточного вопроса, обозначившегося еще в конце XVIII в. и связанного с наметившимся распадом Османской империи. Как распорядиться наследством этой империи? Как получить максимально возможные выгоды от дележа этого наследства? Эти вопросы многие десятилетия занимали политиков в Лондоне, Вене, Париже и Берлине.

Они же находились и в центре внимания русской дипломатии и русских императоров. Интересы России, стремившейся добиться защиты прав православных народов и утвердить свое влияние в проливах Босфор и Дарданеллы, противоречило устремлениям других держав, не желавших допустить усиления роли и влияния царской империи. В последние годы царствования Николая I события вокруг Турции опять обострились, дело дошло до войны.

Повод к ней казался малозначительным: Россия была возмущена притеснениями, чинимыми турецкими властями православным верующим, в том числе и русскими подданным, совершавшим паломничества по святым местам в Палестине (не пускали в храмы, мешали молиться, закрывали для них гостиницы и постоялые дворы и т. д.). В начале 1853 г. царь направил в Стамбул специальную миссию, которая потребовала от султана прекратить гонения на православных и признать Россию их покровительницей. Турецкое правительство колебалось, но когда выяснилось, что Франция и Англия целиком на его стороне, то отвергло притязания России. 27 сентября 1853 г. султан объявил войну России.

Гром военной канонады не мог скрыть того факта, что непримиримая позиция Стамбула во многом обусловливалась стратегическими интересами западных стран, в первую очередь Великобритании, оказывавшей Турции огромную финансовую и материально-техническую поддержку. Воинствующие британские националисты не видели иного пути, кроме военного. В прессе и парламенте произносилось много слов осуждения «русской деспотии», но при этом совершенно упускалось из вида, что Британия встала на защиту страны (Турции), где существовала во всех отношениях несравненно более жестокая социальная система.

Но вся эта словесная риторика служила лишь дымовой завесой, которая должна была скрыть главную цель: разгром и максимальное ослабление России. Незадолго до начала Крымской войны лидер самого агрессивного крыла британского истеблишмента Пальмерстон в послании премьеру

Абердину писал: «Мой идеал войны, которая вскоре должна начаться с Россией, состоит в следующем: Аландские острова и Финляндия возвращаются Швеции. Некоторые из немецких губерний России уступаются Пруссии. Крым и Кавказ — либо независимые, либо связанные с султаном как с сюзереном». Иными словами, Россия должна была быть расчленена и отброшена в допетровское время. Никакого отношения этот геостратегический замысел к «реакционной политике царя» не имел и ею не обусловливался.

Поддержка Турции Францией вызывалась в первую очередь желанием Наполеона III укрепить свое сие довольно шаткое политическое положение внутри страны. Кампания против «жандарма Европы», с одной стороны, отвечала требованиям либеральных и социально-демократических элементов. В то же время война с Россией удовлетворяла великодержавные амбиции консервативных кругов и самого императора, жаждавшего взять реванш за поражение своего дяди в 1812 г. (Наполеона I).

Вначале военные действия разворачивались в устье реки Дунай, на Черном море и на юге Грузии. Довольно быстро определилось превосходство России, нанесшей турецкой армии ряд поражений. 18 ноября 1853 г. недалеко от турецкого портового города Синопа русская военная эскадра под командованием адмирала П. С. Нахимова разгромила и уничтожила турецкий флот. У Турции не оставалось никаких шансов на победу, и это сразу же изменило расстановку сил. Англия и Франция, которые до того не вмешивались прямо в события, решили непосредственно выступить против России. Англо-французский флот вошел в Черное море и начал готовиться к военным действиям против России. В апреле 1854 г. корабли англичан и французов стали обстреливать Одессу, а эскадра союзников (34 линейных корабля и 55 фрегатов) блокировали русский флот в Севастополе.

Война перекинулась и на Балтийское море, где мощная англо-французская эскадра (52 линейных корабля и фрегата) блокировали Кронштадт. Не рискуя атаковать русскую армию на суше, англичане и французы попытались блокировать русское побережье. Они развернули против России военные действия и в других местах. На Севере предприняли попытку атаковать и захватить Архангельск, а на Камчатке высадили десант, стремясь захватить Петропавловск-Камчатский. Обе эти операции провалились.

Дела на Черноморском театре военных действий для союзников разворачивались удачней. 2 сентября 1854 г. англо-французские войска численностью в 62 тыс. человек при 134 артиллерийских орудиях высадились в Евпатории. Русская армия в Крыму на тот момент насчитывала 33 тыс. и имела 96 орудий. 8 сентября на реке Альме русские потерпели поражение и отступили к Севастополю. Через несколько дней войска союзников подошли к Севастополю, гарнизон которого насчитывал всего 18 тыс. человек, командовали здесь вице-адмирал В. А. Корнилов и адмирал П. С. Нахимов. Началась героическая оборона Севастополя, длившаяся 349 дней.

К союзникам присоединилось и Сардинское королевство, направившее в Крым 15-тысячный контингент. Англия и Франция постоянно отправляли на театр военных действий крупные подкрепления. Весной 1855 г. сражения разгорелись с новой силой. Несколько раз французские

и английские части предпринимали штурм Севастополя, который мужественно защищали не только моряки и солдаты, но и простые жители. Город регулярно подвергался мощным артиллерийским обстрелам и с суши, и с моря, но взять приступом этот русский форпост никак не удавалось. Лишь 27 августа 1855 г. был захвачен господствующий над городом Малахов курган, а русские войска отошли на север. Корабли Черноморского флота были затоплены в бухте Севастополя, что сделало ее непригодной для использования неприятельским флотом.

На Кавказе русская армия развернула наступление против турецких войск, полностью уничтожила все воинские соединения и 16 ноября 1855 г. захватила сильно укрепленную крепость Карс.

Но силы всех участников были истощены. (Англия потеряла 22 тыс. солдат, Франция — около 100 тыс.) Турция находилась на грани развала, Франция — на краю финансового краха, а в Англии росло общественное недовольство долгой и дорогой Восточной войной. Вначале правительство ее величества уверяло парламент, что она продлится «лишь несколько недель». Война оказалась совсем не такой, как ее планировали в Лондоне и Париже... Фактическим англичане и французы выиграли сражение лишь за Севастополь.

Тяжелое положение сложилось и в России. Финансы были расстроены, ее флот серьезно пострадал, много было жертв. Точное их число подсчитано не было, но в любом случае людские потери России не превышали потери Англии и Франции. На полях сражений погибли выдающиеся военачальники П. С. Нахимов, В. А. Корнилов. К тому же возникала вероятность, что в недалеком будущем к союзникам могут присоединиться Австрия и Пруссия, которые пока лишь высказывали моральную поддержку англо-французской коалиции. Мир был необходим всем, и России в первую очередь.

К концу 1855 г. военные действия фактически прекратились, и в Вене начались мирные переговоры, которые затем продолжились в Париже. Здесь 18 марта 1856 г. семь стран (Россия, Австрия, Франция, Великобритания, Турция, Пруссия и Сардинское королевство) подписали Парижский мирный договор. Он, как и следовало ожидать, оказался для России неблагоприятным, и европейские державы, выступив единым фронтом, добились от нее важных уступок.

Россия возвращала Турции крепость Карс в обмен на Севастополь и другие города Крыма, занятые союзниками. Черное море объявлялось нейтральным, России и Турции запрещалось иметь там свой военный флот. Провозглашалась свобода плавания по Дунаю. Все страны обязывались не вмешиваться в дела Турции.

Хотя интересы России, несомненно, ущемлялись, особенно это касалось запрета иметь Черноморский флот, однако Парижский трактат совершенно не походил на капитуляцию России, на что в начале кампании так надеялись в Лондоне и Париже. Фактически Россия проиграла лишь одно сражение и потеряла лишь одну крепость.

Однако английская сторона, дирижировавшая до того антирусской «солидарной позицией Европы», настаивала на жестких требованиях. Гла-

ва английской делегации и министр иностранных дел Великобритании граф Дж. Кларендон накануне подписания мирных соглашений выдвинул новые ультимативные требования: разрушение порта Николаева на Черном море, нейтрализация Азовского моря, отказ России от всего Черноморского побережья — от Кубани до турецкой границы, срытие всех русских крепостей на Кавказе, предоставление независимости Мингрелии и кавказским горным племенам, отделение от России Закавказья.

Эти шесть новых пунктов, далеко выходившие за рамки уже оговоренных и согласованных на конференции, ставили под сомнение возможность заключения мира. Британская «бомба» вывела из себя Наполеона III. «Император французов» вполне обоснованно опасался, что чрезмерное ослабление мощи России может привести к опасному усилению в Европе Пруссии и образованию политической оси Лондон—Берлин. Париж категорически отказался поддержать английский демарш, и весь замысел британской дипломатии провалился.

Парижский договор ослаблял влияние России в зоне Черного моря, но значение России как великой державы мало уменьшилось. Через 14 лет, в 1870 г., Россия отказалась выполнять статьи Парижского мирного договора, и он потерял свою силу.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. Национальные корни и иностранные влияния в области культурного развития

Россия как огромный геополитический феномен, объединивший волею исторических обстоятельств сотни племен и народов, отличавшихся непохожестью исторического опыта, имевших разные верования и этнические характеристики, являла весьма своеобразный культурный облик. Это своеобразие далеко не исчерпывалось лишь зримым этносамобытным фактором, который нельзя было не заметить во многих местностях России, но особенно в районах Поволжья, Кавказа, западных и южных губерний.

Здесь, в первую очередь в городах, сосуществовали бок о бок совершенно разные этнические общности, сохранявшие в указанное время свой исторический быт и свои *традиционно-конфессиональные ориентации*. Такая замкнутая этнокорпоративная обособленность постепенно, вольно или невольно, но начинала размываться по мере административного и хозяйственного интегрирования отдельных региональных и конфессиональных групп в общероссийский имперский организм.

Русский язык становился не только единственным средством межэтнического общения, но и открывал пути к достижению определенных административных и ощутимых материальных преимуществ. Этот консолидирующий процесс значительно быстрее и заметнее проявлялся на высшем иерархическом уровне: многие представители родовых и племенных элит еще до XIX в. начали инкорпорироваться в состав высшего привилегированного сословия. Немалое число самых именитых аристократических фамилий имели не только старославянские и европейские (главным образом польские, немецкие, шведские), но и тюркские, греческие, грузинские и армянские корни. Последним обстоятельством русская сословная элита принципиально отличалась от западноевропейских родовых элит, практически никогда не имевших семейно-родовых уний с восточной ойкуменой.

Полиэтничность государственного портрета России влияла на весь культурный процесс России: прямо или косвенного отражалась на многих как внешних, так и содержательных сторонах его. Поэтому в России в элитарных кругах общества этнофобии не имели сколько-нибудь заметного распространения, а гордость древностью рода и делами предков не сводилась к этнической кичливости. Как заметил выдающийся ученый-химик Д. И. Менделеев (1834—1907), «в чем другом, только не в самообожании можно упрекать русских людей, умеющих уживаться и даже сливаться со всякими другими (народами)».

Один из известнейших мыслителей и поэтов первой половины XIX в. А. С. Хомяков (1804—1860) очень удачно обозначил этот факт на примере Пушкина — величайшего русского литературного гения. «России называет своей славой и радостью правнука негра Ганнибала, — писал А. С. Хомяков, — тогда как свободолюбивые проповедники равенства в Америке от-

казали бы ему в праве гражданства и даже брака на белолицей дочери прачки немецкой или английского мясника».

Среди выдающихся русских художников-творцов существует немало фигур, которые, условно говоря, не выдержали бы тест на «чистоту русской крови». Помимо Пушкина, к ним относились Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Рахманинов, Левитан и целый ряд других имен-явлений. Само понятие «русскость» почти всегда воспринималась в первую очередь как отражение духовного состояния, определялась принадлежностью к христианству, а не чистотой племенной родословной. По меткому выражению культурфилософа Ф. А. Степуна, «русскость есть качество духовности, а не историософский, политический и идеологический монтаж».

В отличие от большинства других европейских стран, где в XIX в. завершился процесс формирования национальных моноэтнических государств (исключение составляли лишь Австрийская и Османская империи), в России даже в новое время не сформировалось понятия «народа-господина», а властвовало старое представление о «православной национальности», о «церковном народе», представление, сложившееся еще в X—XI вв., в эпоху принятия и утверждения христианства на Руси.

В последующие века, ощущая прямые и опосредованные влияния как с Востока, так и с Запада, Россия адаптировала эти воздействия, многое в ней менялось и изменялось, но в национально-культурном отношении страна сохраняла свой «код самобытности». Как писал уже в XX в. философ Н. А. Бердяев, «Россия — христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи».

В первой половине XIX в. Россия являла собой образец сложной социокультурной амальгамы. Верхние слои общества (дворянство, чиновничество, богатейшее купечество) часто жили в соответствии с нормами, распространенными в странах Западной Европы. Владея иностранными языками (главным образом французским и немецким), представители этих общественных групп имели возможность знакомиться с новейшими мировыми достижениями в области общественной мысли и художественного творчества. В Россию ввозилось большое количество самых разных книг и журналов из Франции, Германии, Англии, которые доносили голоса и звуки Европы, давали представления о политической и общественной жизни дальних стран, о новейших открытиях и важных событиях.

Наиболее состоятельные пускались в дальние путешествия, и в начале XIX в. подданных русского царя нередко можно было встретить в крупнейших столицах Европы, на самых модных и дорогих курортах. Некоторым из них лучше было известно положение дел во Франции, Англии и Германии, чем состояние самой России, которую порой видели реже, чем Европу. Часть аристократии настолько европеизировалась, что для них французский язык, в то время язык международного общения, фактически стал родным; им они владели в совершенстве. Русским же словом и письмом немалое число лиц «благородного сословия» пользовалось с большим трудом.

Некоторые дворяне перенимали не только европейские вкусы и моды, но образ мыслей, систему общественных взглядов. Представители известных дворянских фамилий увлекались эгалитаристскими мистическими теориями и вступали в тайные масонские организации. В начале XIX в. масонство являлось модным увлечением русского дворянства. Некоторые организации объединяли верхи бюрократии, родовую аристократию и интеллектуальную элиту своего времени.

Например, в столичной ложе «Соединенных друзей» в 1810 г. состояли: брат царя великий князь Константин Павлович, министр полиции А. Д. Балашов, граф А. Х. Бенкендорф, а также А. С. Грибоедов, П. Я. Чаадаев, будущие лидеры декабристов князь С. Г. Волконский, П. И. Пестель, М. И. Муравьев-Апостол. Хотя на общем социальном фоне число таких случаев чрезвычайно невелико, но само проявление подобных увлечений, находившееся в резком противоречии с религиозной традицией, можно воспринимать как опасный симптом грядущего кризиса православного сознания, кризиса, поразившего родовую и интеллектуальную элиты России в конце XIX—XX вв.

Новейшее европейское масонство, или франкмасонство (от фр. *franc maçon* — вольный каменщик), являлось мистически-нравственным течением, возникшим в начале XVIII в. в Англии, а затем быстро распространившимся по всей Европе. Задача масонов состояла в создании всемирного союза, способного сплотить людей в братском единении. Масонские тайные организации (ложи) заимствовали свои ритуалы от средневековых цеховых союзов каменщиков-строителей.

Существующий мир, политические и государственные институты масоны воспринимали как царство зла. Они надеялись, что с помощью братьев удастся перестроить мир на принципах любви, отказа от угнетения и насилия. Масонские союзы, с самого начала критически относясь к ортодоксальной церкви и монархической власти, со временем стали их бескомпромиссными противниками. Как позже вспоминал один из декабристов барон А. Е. Розен, «в большей части гвардейских полков масонские ложи были с политическим оттенком».

Масонская антигосударственная пропаганда способствовала тому, что тайные братства запрещались во многих странах, члены их подвергались преследованиям. В 1822 г. указом императора Александра I деятельность масонских организаций была запрещена и в России. К тому времени немалое число русских дворян уже прошло масонскую школу.

Некоторые, например Н. М. Карамзин, разочаровались в масонстве и покинули ложи. Другие же продолжали хранить верность абстрактным принципам свободы, равенства и братства. В их числе находилось и видные руководители организаций декабристов, ставившие перед собой революционные цели. Поэт и декабрист К. Ф. Рылеев сочинил песенку, которую часто распевали участники тайных собраний, содержавшую такие красноречивые слова: «Первый нож на бояр, на вельмож, второй нож — на попов, на святош».

Конечно, элитарные слои в большей степени были затронуты влиянием западноевропейской буржуазной цивилизации, сформировавшей со-

циоправовой строй экономически развитых европейских стран, где фетиши рационализма, прагматизма, «здравого смысла» в XIX в. властвовали безраздельно. В России они не только не приобрели преобладающего влияния в общественном сознании к началу того века, но и не стали доминировать и к его концу.

Даже та часть общественной среды из числа дворянства и интеллигенции, которые в максимальной степени европеизировались, так или иначе, позитивно или негативно, но сохраняли сопряженность с традиционными верованиями, с интровертным по своей сути строем мыслей, чувств и переживаний, характерным для православного сознания. Русский национальный идеал всегда оставался за пределами земных установлений и мирских устремлений: он и в новое время оставался таким же сакрально ориентированным, как и встарь.

Философ В. С. Соловьев по этому поводу написал: «Обыкновенный народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе (la belle France, la gloire du nom Francais); англичанин с любовью говорит: старая Англия (old England); немец поднимается выше и, придавая эпический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: die deutshe Treue. Что же говорит в подобных случаях русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит о «святой Руси». Вот идеал: и не либеральный, не политический, не эстетический, и даже формально-эстетический. А идеал нравственно-религиозный».

Русским вопросом навсегда оставался вопрос о смысле жизни, служивший как бы антиподом западноевропейскому вопросу о цели жизни. Отсюда и проистекала та внутренняя психологическая напряженность русской культуры, искавшей не царства рая на земле, а достойного, благочестивого пути в Царствие Небесное. Этим же надмирными эсхатологическими упованиями объясняется как широкое распространение на русской почве различного рода социальных утопий самого крайнего социалистического толка, которые только в России XIX в. превращались в инструмент и смысл политической борьбы, так и глубокое психологическое содержание всей русской художественной культуры XIX и XX вв.

Став в этот период по своей форме практически светской, русская культура сохраняла глубокую духовную интенцию и в секулярном мире. Нравственно-этические проблемы человеческого бытия, темы страдания и сострадания всегда оставались в фокусе культуры, в ареале которой чрезвычайно редки случаи воспевания и любования мирскими достижениями человека, сколь бы значительными они не являлись сами по себе.

Постижение глубинных духовных устремлений и ценностей объясняют тот неизменный психологизм русских художественных творений, нередко озадачивавший иностранцев. Поэтому во многих русских произведениях так неярка фабула; так внешне невыразительны не только положи-

тельные герои, которых несравненно меньше, чем «антигероев». Русское художественное действие — это в первую очередь решение философской дилеммы между «сущим» и «должным» бытия, постижение внутреннего мира человека, разгадка его темных и светлых сторон. Это мечта о душевной гармонии и надежда скорее на то, чего нет, чем решение конкретных жизненных задач. В силу этого персонажи русской литературы и драматургии значительно больше размышляют и говорят, чем действуют. Литературные сочинения Льва Толстого, Федора Достоевского и пьесы Антона Чехова — тому ярчайшее подтверждение.

Героика русской культуры — нравственный, жертвенный подвиг, а не земной успех, не достижение материальных выгод и карьерного триумфа. Несмотря на официальное утверждение могущества и силы империи, тех приоритетов, которые начали культивироваться властью со времен Петра I, в социальной среде бесспорным авторитетом пользовались не вожди и полководцы, а люди духовного благочестия. Общественная иерархия тут не имела никакого значения, и симпатии публики неизменно оставались на стороне социально слабого, но духовно сильного человека.

Сословная стратификация, столь резко законодательно очерченная и зримо столь заметная, сходила на нет в храме, где все становились равными перед образом Всевышнего. Несмотря на глубокий культурно-цивилизационный разлом, наблюдаемый в русском обществе между верхами и низами, который в послепетровскую эпоху лишь расширялся и углублялся, православие оставалось мощным средством, цементирующим различные элементы общественной среды в рамках единого народа.

Конечно, процессы секуляризации неизбежно разрушали это литургическое единение, но до самого падения монархической России православное жизнепонимание было чрезвычайно широко распространено. Весьма образно это состояние духовного томления выразила одна русская аристократка, оказавшаяся после 1917 г. в эмиграции: «Мы так привыкли ко всему необыкновенному, что, полагаю, русский обыватель ничуть бы не удивился, если бы встретил на улице Архангела Гавриила!»

До сих пор в историографии распространена точка зрения о том, что почти все исторические обретения России, все ее институциональные и культурные достижения есть результат заимствования, бесконечный процесс филиации идей, навыков, социальных форм и норм. Так, известный современный американский историк Дж. Биллингтон заключил, что «в ходе истории русские, сталкиваясь с необходимостью культурных перемен, раз за разом прибегали к обширным заимствованиям у своих западных противников. В X и XI столетиях они переняли культуру и религию Византии, на которую до того совершали набеги; свои первые современные правительственные учреждения они позаимствовали в начале XVIII в. у шведов, с которыми долго сражались; язык и образ жизни аристократии — у французов, разграбивших в начале XIX в. Москву; основные формы организации промышленности — у немцев...»

Подобные констатации, которые с формальной стороны и могут казаться бесспорными, все-таки не раскрывают главное в этом «процессе филиации»: своеобразие русского исторического опыта, очевидную эндемич-

ность всего строя русской культурной жизни на протяжении многих столетий. Россия действительно заимствовала художественно-эстетические представления, технологические новации и институциональные приемы от своих западных соседей, но никогда не наблюдалось простого калькирования их; все эти приобретения адаптировались к местным условиям, и новый симбиоз современных форм и традиционных ценностей и представлений, часто уже имел мало общего с первоисточником.

Огромный адаптивный потенциал России должен все-таки оцениваться знаком «плюс», а не «минус». Очень точно о сути этой коллизии написал философ-богослов В. В. Зеньковский: «Понятие влияния может быть применимо лишь там, где имеется налицо хоть какая-нибудь доля самостоятельности и оригинальности — без этого невозможно говорить о влиянии: нельзя же влиять *на пустое место*». Русская культура никогда не была «вторичной»; она оставалась национальной, даже в тех проявлениях, которые в наибольшей степени равнялись на западноевропейские образцы.

Россия оставалась и в XIX в. христианской страной, в то время как в Западной Европе после Реформации и особенно после Французской революции 1789 г. возобладали позитивистско-секулярные приоритеты и если уж действительно что и «подрывало ценности» в России — общий антихристианский дух западной буржуазной цивилизации, постулировавшей индивидуалистические принципы.

Русское же культурное наследие есть подтверждение и оправдание исторической самобытности России. Органическая причина ее лежит не только значительно глубже внешних, формальных явлений, но одновременно значительно выше. Очень точно этот момент культурного бытия России подметил английский историк и философ А. Тойнби, который, говоря о длительном процессе противостояния между Россией и Западом, во время которого царская империя перенимала многие технологические новшества и изобретения, отметил, что технологические инструменты — это не только естественно-научные достижения и открытия, «но и духовные, наиболее мощные из всех, что создал Человек». И далее совершенно справедливо заметил, «таким инструментом может стать мировоззрение».

Русское мировоззрение, вся система жизнепонимания, жизнеобъяснения, всего того, что включает современное социологическое определение «менталитет», вся совокупность нравственных, этических, политических ощущений, представлений и устремлений — все этого имело в России свое своеобразие. Как написал А. С. Пушкин, существовало три элемента творца неповторимого облика России — климат, образ правления и вера. И никакие филиации, никакие заимствования принципиально не могли изменить судьбоносное историческое предначертание.

Доминантой всего историко-культурного движения России на протяжении веков было не просто христианство, а именно православие, имевшее немало принципиальных отличий не только от протестантских конфессий, но и от католичества, противостояние с которым у православия началось еще задолго до того, как возникло первое Древнерусское государство в виде Киевской Руси.

Православие, укрепившееся на русской почве, придало всему процессу национально-созидательного развития специфический облик и характерные, не похожие на западноевропейские черты. Эта непохожесть не вела к консервации России; она лишь позволяла ей продуктивно адаптировать иностранные воздействия, не теряя своей самобытности. Игнорирование духовной первоосновы русскости, нередко встречаемое в литературе, ведет к тому, что истинное содержание и смысл всего национально-культурного опыта вульгарно примитивизируются.

При утилитарно-цивилизационой постановке проблемы становится совершенно непонятно, каким образом стране, на протяжении столетий пребывавшей на «отсталой ступени общественного развития», стране, удаленной «от магистрали цивилизационного развития», стране, погрязшей в нищете и отсталости, в политической тирании и произволе, удалось в конечном итоге явить миру такие яркие культурные дары в области философии, литературы, музыки, пластических искусств и даже в области естественно-научных изобретений и открытий, которые навсегда остались в ряду первостатейных шедевров культурного багажа человечества.

Основная часть населения России — крестьянство — в первой половине XIX в. не испытывала на себе никакого воздействия европейских нравов, мод и привычек. Это был традиционный русский мир, живший исконным патриархальным законом, в замкнутой культурной среде. Большая часть населения в тот период не умела ни читать, ни писать.

Но это отнюдь не означало, что простые русские люди находились вне культуры. У них существовала своя, специфическая культура, исконная система представлений и ценностей. Православная церковь, ее обряды, символы веры и таинства поднимали русских людей от повседневных мирских забот, заставляли смотреть на мир как на творение Божие. В отличие от дворянства, некоторые представители которого уже к началу XIX в. фактически порвали с церковью, простые люди сохраняли безусловную веру. Сохраняли они и веру в царя, помазанника Божьего, и никакие дворянские сомнения и недовольства не проникали в их души.

Народ создавал свои замечательные сказки, былины, песни, множество самых разнообразных изделий из кожи, дерева, льна, камня, металлов. Деревянные постройки жилищ и церквей отличались причудливостью форм и затейливостью оформления. Эта была культура быта русского народа, его духовный мир. Когда в эпоху царствования Николая I дворяне-славянофилы начали изучать и пропагандировать этот красочный, для многих неизвестный мир, то немалое число людей удивилось. Оказалось, что рядом, в России, существуют неповторимые образцы культурного богатства, о котором они еще недавно и не подозревали.

В первой половине XIX в. представители привилегированных групп населения начинают понимать и осознавать значение культурной самобытности России. В этот период происходит появление творцов, преодолевших старый культурный разрыв между «верхами» и «низами» и ставших подлинным общенациональным явлениям. Это время потом назовут золотым веком русской культуры. Имена Пушкина, Гоголя, Лермонтова навсегда стали символами высших достижений художественного дарования.

И во многих других отношениях в первой половине XIX в. культурный облик России обретает свои зримые и красочные черты.

§ 2. Золотой век русской культуры

Литературный критик и поэт Аполлон Григорьев изрек: «Пушкин — наше всё». Н. В. Гоголь писал, что «Пушкин есть явление чрезвычайное, и, может быть, единственное явление русского духа». В свою очередь, И. С. Тургенев называл Пушкина «великолепным русским художником», создавшим «наш поэтический, наш литературный язык и нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением».

В этих высказываниях не было преувеличения. Пушкин — вершина национального творческого дарования. Это и поэт, и писатель, и мыслитель, и историк. Он фактически стал и родоначальником современного русского литературного языка. Все, к чему он прикасался, все, о чем он писал и размышлял, превращалось под его пером в шедевр. Здесь и происходит разграничение между понятиями «талант» и «гений». Таланты часто встречаются; гений — всегда уникален. Пушкин явился русским гением, поднявшим русскую культуру на вселенскую высоту и навсегда утвердившим ее в качестве одной из важнейших составляющих мирового культурного наследия человечества.

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837) появился на свет в Москве. Род дворян Пушкиных был старым и именитым. Матерью поэта была внучка придворного арапа Петра Великого. Детство Александра прошло частью в Москве, частью в подмосковных имениях Пушкиных. Воспитывали его, как и многих других дворянских детей, под руководством иностранцев-гувернеров. В юные годы он знал французский язык несравненно лучше русского. Большое влияние на привитие любви ко всему русскому и пониманию народной жизни и культуры оказала его няня, крестьянка Арина Родионовна, души не чаявшая в своем воспитаннике. Она рассказывала ему народные сказки, предания, пела русские песни.

Многое из того, что слышал от няни Арины, потом отразилось в замечательных пушкинских произведениях. Написанные в стихах «Сказка о попе и о работнике Балде» (1830), «Сказка о царе Салтане» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833), «Сказка о золотом петушке» (1834) стали любимыми для многих поколений русских людей.

Когда мальчику исполнилось 12 лет, родители отдали его в только что открытый лицей в Царском Селе под Петербургом. В этом привилегированном учебном заведении, где обучались представители знатнейших дворянских фамилий, А. С. Пушкин проучился шесть лет и закончил его в 1817 г. К этому времени он уже зарекомендовал себя способным поэтом и когда читал на выпускном экзамене в лицее свои стихи перед старым стихотворцем времен екатерининского царствования Г. Державиным, то старик прослезился и увидел в молодом поэте «будущую славу России».

Еще до окончания Царскосельского лицея Пушкин начал писать стихи и не стеснялся насмешливым словом клеймить недостатки и пороки отдельных лиц, в том числе и тех, кто занимал влиятельное положение. Едкие

пушкинские эпиграммы, что называется, били не в бровь, а в глаз. У молодого поэта появились могущественные враги из числа придворных. В конце концов по рекомендации поэта В. А. Жуковского и историка Н. М. Карамзина А. С. Пушкина удалили из столицы и перевели служить под начало новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова. Пользуясь своим новым положением, молодой поэт посетил Малороссию, Крым и Кавказ. Овеянная легендами красота этих мест послужила ему темой для некоторых замечательных прозаических произведений: поэм «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы».

Пушкин был слишком живым и независимым человеком, чтобы подчиняться дисциплине и мирно служить в должности чиновника. Вскоре он поссорился со своим начальством, и в 1824 г. императором ему было приказано отправиться на житье в родовое имение Михайловское в Псковской губернии. Здесь поэт провел два года, и именно здесь молодой человек превратился в крупнейшего поэта, художественное дарование которого никто уже не мог отрицать. В Михайловском Пушкин создал цикл замечательных произведений: драму «Борис Годунов», поэму «Граф Нулин», здесь он начал работать над известнейшим своим произведением — романом в стихах «Евгений Онегин».

В псковской ссылке Пушкин узнал о восстании декабристов, многих из которых он знал лично и с некоторыми поддерживал дружеские отношения. Весной 1826 г., во время коронации, поэт был вызван в Москву императором Николаем I, и здесь между ними произошел известный разговор. На вопрос императора, находился бы он в числе мятежников, если бы оказался в тот момент в Петербурге, А. С. Пушкин ответил утвердительно, но прибавил, что теперь вполне понимает безрассудность такого поступка. Царь остался доволен таким ответом и потом заметил приближенным, что, беседуя с Пушкиным, говорил «с самым умным человеком в России».

Пушкину было разрешено жить, где он пожелает, и предоставлена свобода печатать свои произведения. Поэт был благодарен Николаю I и выразил свои чувства в известных стихах:

Нет, я не льстец, когда Царю
Хвалу свободную слагаю,
Языком сердца говорю...

Во второй половине 1820-х — начале 1830-х гг. гений Пушкина проявлялся во всей своей красоте и силе. Он создает свои одухотворенные произведения, в которых отражены многие значительные события русской жизни. Поэмы «Полтава» (1828) и «Медный всадник» (1833), романы «Арап Петра Великого» (1828), «Дубровский» (1833), «Капитанская дочка» (1836) и др. Он проявил себя и как историк-исследователь, а его сочинения «История Пугачева» (1834) и «История Петра I» — серьезные научные работы, не потерявшие своего большого познавательного значения до сего дня.

Поэтические и прозаические творения А. С. Пушкина проникнуты пониманием русской жизни, искренней, неподдельной любовью к Отечеству. Он живо реагировал на важнейшие общественные и государственные проблемы; свободолюбивый нрав и всегда остро переживаемые проявления

несправедливости обусловливали его неприятие крепостного права. Еще в молодые годы он написал стихотворение, где говорилось:

Увижу ль я народ не угнетенный
И рабство, падшее по манию Царя...

Осенью 1836 г. в письме своему знакомому П. Я. Чаадаеву А. С. Пушкин написал: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как *литератора* — *меня* раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Великий русский поэт-патриот, дороживший честью и славой родины, одновременно являлся и искренним «певцом свободы» и бескорыстным «апологетом империи», при этом всегда сохраняя цельность личности. Уникальное и органичное слияние подобных трудно сочетаемых пристрастий объяснялось монументальной масштабностью творческого дарования.

На 38-м году жизни Александр Сергеевич Пушкин погиб. Поэт, раздраженный клеветническими слухами, касавшимися добропорядочности жены его Наталии Николаевны (урожденной Гончаровой), вызвал на дуэль офицера Жоржа Дантеса. Во время поединка поэт был смертельно ранен и, промучившись два дня, 29 января 1837 г. скончался. Последние часы умирающего были облегчены заботой Николая I, просившего поэта не беспокоиться о благополучии жены и четверых детей. «Если Бог не велит уже нам увидеться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть по-христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми, и я беру их на свое попечение».

Николай Васильевич Гоголь (1809—1852) родился в местечке Сорочинцы в Полтавской губернии в небогатой дворянской семье. Детские годы, проведенные на Украине, народный быт, культура украинского народа навсегда запечатлелись в памяти Гоголя и позднее отражены им в ярких литературных произведениях: сборниках повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород».

В 12 лет Гоголя отдали учиться в гимназию в городе Нежине (Черниговская губерния), которую он окончил в 1828 г. Юноша не был прилежным учеником, но обладал прекрасной памятью и наилучшие успехи всегда имел по двум предметам: рисованию и русской словесности (русский язык и литература). В гимназические годы Гоголь уже проявлял заметный интерес к литературе и даже издавал вместе с несколькими друзьями рукописный литературный журнал. В этот период он сочинил первое свое прозаическое произведение — романтическую идиллию «Ганц Кюхельгартен», где описал восторженные мечты молодого человека. «Повестушка» не блистала художественными достоинствами, и после появление ее в печати (1829) Гоголь и рукопись, и саму книгу предал огню.

Начало же серьезных занятий литературой относится ко времени переезда Н. В. Гоголя в Петербург в 1828 г. В столице империи молодому провинциалу было неуютно. Знакомых почти не было, денег тоже и долго не

удавалось найти применение своим силам. Пробовал стать актером, устраивался служить чиновником, давал частные уроки. Здесь он начал серьезно заниматься литературой, и в 1831 г. появилась в печати первая часть книги «Вечера на хуторе близ Диканьки», сразу обратившая на него внимание столичных литераторов.

Гоголь знакомится с В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, П. А. Плетневым, А. А. Дельвигом, попадает в круг лиц, стоявших в авангарде русской литературы и определявших ее движение. В этой среде несомненное дарование молодого провинциала вызывает симпатию. После того как в 1832 г. вышла вторая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», имя Гоголя приобретает известность. В Петербурге Гоголь сформировался как большой мастер, стал настоящим русским писателем. Особенно сильное творческое воздействие оказал на него А. С. Пушкин, восторженным почитателем которого он остался на всю свою жизнь.

В 1830-е гг. у Гоголя появляется мысль написать два больших произведения. Ими станут впоследствии «Ревизор» и «Мертвые души». Оба сюжета были подсказаны Пушкиным, но фабула и все несравненные образы были разработаны Н. В. Гоголем. Комедия «Ревизор» появилась в 1836 г., и автор мечтал, чтобы его произведение было поставлено на сцене для широкой публики. Но это намерение встречало многочисленные препятствия. Влиятельный столичный чиновный мир усмотрел в гоголевской пьесе «нападки на власть», автора начали обвинять в «клевете на Россию». Если бы не вмешался император, то пьеса не дошла бы до зрителя. Ознакомившись с «Ревизором», Николай I разрешил театральную постановку. Царь видел и знал, что в государственном управлении много плохого, и считал необходимым бороться с этим злом, в том числе и путем публичного осмеяния его.

Пьеса «Ревизор» произвела неизгладимое впечатление на современников. Ничего подобного еще не видела театральная сцена. Русская действительность изображалась с такой яркой нелицеприятностью, что немалое число людей, особенно из чиновной среды, долго после спектакля не могли прийти в себя от потрясения. Хотя, как говорил сам Гоголь, дело шло в пьесе «только о шести провинциальных чиновниках, оказавшихся плутами», но часть публики негодовала. С другой стороны, комедия встретила живой и сочувственный отклик среди тех, кто выступал за изменение общих политических условий и за публичное обсуждение государственных проблем и недостатков управления.

В 1836 г. Н. В. Гоголь уехал за границу, где с небольшими перерывами находился до самой смерти. Жил главным образом в Италии, где и работал над самым крупным своим произведением — поэмой «Мертвые души». В 1841 г. был готов первый том, который был издан через год под названием «Похождения Чичикова, или Мертвые души».

В 1840-е гг. в мировоззрении Гоголя происходят глубокие изменения. Усиливается религиозное настроение, он начинает переоценивать свою жизнь, собственные дела и поступки. Очень многое в прошлом его уже теперь не устраивает. В 1848 г. он совершил паломничество в Святую землю, надеясь найти там душевное убежище, отсутствие которого не давало ему

покоя. Но и в Иерусалиме его мятущаяся натура не обрела покоя. С полной искренностью он о том написал: «Еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима. У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там, на месте, почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия».

Новые настроения писателя отразила его книга, изданная в 1847 г., «Выбранные места из переписки с друзьями». Она состояла из писем, относящихся к 1845 и 1846 гг. В них Гоголь проповедал великую христианскую добродетель — смирение, осуждал прежние свои занятия, критически оценивал литературу, большая часть которой «лишена духовного содержания». Он отказывался выступать с осуждением общественных порядков, считая, что это — неугодное Богу дело.

Как только появилось это необычное сочинение, сразу последовала резкая реакция тех, кто представлял себя «борцом за прогресс», за «светлые идеалы человечества». Гоголя стали критиковать, а некоторые и поносить. Это негодование отразилось в агрессивном письме В. Г. Белинского, беспощадно заклеймившего Гоголя как отступника. Белинский и его единомышленники считали, что литература должна выполнять общественные функции, что она должна быть «на переднем крае» общественной борьбы. Проповедь же смирения виделась им «реакционной». Ослепленные самомнением, критики считали, что знают, где находится истина, а вот великий писатель якобы не знал, «заблудился», «изменил».

Нападки западнической критики тяжело подействовали на Гоголя. Можно вполне обоснованно утверждать, что Белинский и его «единоверцы» не только отравили последние годы жизни замечательного писателя, но и сократили ему эту самую жизнь.

Огромное значение Гоголя-художника в контексте развития русской культуры переоценить невозможно. Он как бы повысил уровень творческого совершенства, предуказанный Пушкиным, сумел достичь неведомой ранее глубины психологического анализа человеческой личности. Однако современникам Гоголь открылся в первую очередь как «социальный писатель», его главным образом воспринимали как сатирика, как «разоблачителя» общественных условий. Сам же автор никогда никаким критическим замыслом не руководствовался и искренне удивлялся, когда таковой находили. Использовать же его «литературные безделицы» в качестве материала для негативных общеполитических обобщений Гоголь считал недопустимым. Он не сомневался, что критиковать других имеют право лишь те, кто наделен «нравственным совершенством». Себя к числу таких светлых личностей Гоголь не относил. Умер Н. В. Гоголь в Москве и похоронен на кладбище Свято-Данилова монастыря.

В ряду замечательных дарований золотого века русской культуры находится и имя Михаила Юрьевича Лермонтова (1814—1841). Он прожил короткую жизнь, но сумел обессмертить себя поэтическими и прозаическими сочинениями, ставшими русской классикой.

Лермонтов родился в Москве, в доме у Красных ворот, в семье отставного капитана. Мать умерла, когда мальчику не исполнилось и трех лет. На воспитание его взяла бабушка А. А. Арсеньева, и свои детские годы он про-

вел в ее имении Тарханы под Пензой. Память будущего поэта навсегда сохранила юношеские впечатления: березы, белеющие среди желтых полей, дубовые рощи, берега тихих рек, проселочные дороги и необозримая ширь вокруг. Яркие воспоминания — русские песни, народные игры и хороводы, рассказы об удалых волжских разбойниках Степане Разине и Емельяне Пугачеве. Последнего еще помнили старики: он проходил через Пензу и в Тарханах тогда побывали его отряды.

В 14 лет бабушка определила внука в пансион при Московском университете. К тому времени это уже был грамотный подросток, хорошо подготовленный домашними учителями и уже начинающий пробовать писать стихи. Из пансиона Лермонтов переходит учиться в Московский университет. Среди товарищей Лермонтов быстро завоевывает славу талантливого поэта. В эти годы его интересуют и общественные события, и личные переживания. В его юношеских поэтических тетрадях стихи об июльской революции в Париже 1830 г. стоят рядом с подражанием народной песне, а первые наброски известнейшей лермонтовской поэты «Демон» соседствуют с отрывками из поэмы о татарском нашествии. Тут же и юношеские размышления о любви, о милой девушке, которая отвергла его.

Природа одарила М. Ю. Лермонтова разнообразными талантами. Он обладал редкой музыкальностью — играл виртуозно на скрипке, на рояле, пел арии из итальянских опер, даже сочинял музыку. Он рисовал и писал маслом картины и если бы посвятил себя живописи, то мог бы стать известным художником. Он легко решал сложные математические задачи и слыл сильным шахматистом. Был хорошо образован, знал несколько иностранных языков. Все ему давалось довольно легко, но свой поэтический дар он совершенствовал упорным трудом. Поэзия сделалась потребностью его души, но стать, как тогда говорили, «профессиональным литератором» Лермонтов не решался. По меркам времени это считалось «несерьезным занятием».

Проучившись два года в Московском университете, Лермонтов выбрал карьеру военного и поступил в юнкерскую школу в Петербурге. Окончив ее в чине младшего офицера, начал службу в лейб-гвардии Гусарском полку (лейб-гвардия — военные подразделения, состоявшие при особе монарха, обязанные охранять царя и его резиденции). Лермонтов-офицер большую часть своего свободного времени посвящает литературе.

В 1830-е гг. из-под пера М. Ю. Лермонтова выходят многие поэтические и прозаические произведения. Это поэмы «Песнь про царя Ивана Васильевича и удалого купца Калашникова» (1838), «Мцыри» (1840), «Демон» (1839), драма в стихах «Маскарад» (1835), роман «Герой нашего времени» (1840) и др., а также множество отдельных стихотворений. Хотя большинство крупных произведений Лермонтова было опубликовано после смерти поэта, но его стихи получили широкую известность при жизни. Их переписывали от руки, передавали друг другу. После гибели А. С. Пушкина на Лермонтова некоторые начали смотреть как на новое поэтическое светило.

Но в столичном высшем обществе расположением Лермонтов не пользовался. Он был слишком резким и неуживчивым человеком, порой допуская критические высказывания в адрес влиятельных лиц. Им даже, как зло-

словили в высшем обществе, была якобы оскорблена дочь Николая I великая княгиня Мария Николаевна, которая пригласила его почитать в своем дворце стихи, на что Лермонтов ответил отказом.

В начале 1840 г. у поэта произошла ссора с сыном французского посланника, затем состоялась дуэль, и хотя никто не пострадал, но Лермонтова, как офицера, нарушившего приказ императора, запрещавшего дуэли, *предали суду* и он был сослан на Кавказ, в армейский полк. 27 июля 1841 г. Лермонтов недалеко от Пятигорска, на склоне горы Машук, дрался на дуэли и погиб.

* * *

Первая половина XIX в. стала временем расцвета всех искусств, периодом, навсегда запечатленном неповторимыми творениями, уникальными произведениями. Это время достижений в области архитектуры, театра, живописи, музыки.

В архитектуре господствовало направление, получившее название классицизма. Для него было характерно преклонение перед образцами искусства Древней Греции и Древнего Рима, которые считались образцовыми. Большинство наиболее примечательных построек того времени выдержано именно в этом стиле. В этот период расцвело имперское монументальное искусство, которое до Петра I не имело распространения в России. Русским исконным памятником традиционно являлся храм, и именно такого рода сооружениями, посвященными героическим страницам истории, украшались города и селения. Еще Петр I вознамерился установить здесь новые порядки и решил воздвигнуть первый монумент на Полтавском поле вскоре после разгрома шведской армии.

Хотя замысел и не был осуществлен, но с 1709 г. можно вести отсчет новому направлению в изобразительном искусстве, которое можно условно назвать искусством имперской монументальной пропаганды. Хотя старая храмовая традиция и сохранялась, но в различных районах России — в царских резиденциях, дворянских имениях и в городах — начали появляться памятники, не характерные ранее для России: триумфальные арки, стелы, колонны, пирамиды, обелиски, статуи и скульптурные группы. Первым наиболее крупным и долговечным сооружением подобного рода стал памятник Петру I работы французского скульптора Э.-М. Фальконе, установленный в центре Петербурга в 1782 г. и получивший название «Медный всадник».

Обе эти тенденции — храмовая и монументальная — проявлялись в русском изобразительном искусстве в первой половине XIX в. Они должны были увековечить память героических потомков, прославивших Россию. В их числе: святой Владимир (открыт в Киеве, 1853), Дмитрий Донской, (Куликово поле, 1850), Александр I (Таганрог, 1831; Варшава, 1835), Ермак (Тобольск, 1838), Иван Сусанин (Кострома, 1851), Екатерина II (Екатеринослав, 1846), князь Потемкин (Херсон, 1836), герцог де Ришелье (Одесса, 1826). В это же время появляются и первые монументы деятелям науки и культуры: Ломоносову (Архангельск, 1832), Державину (Казань, 1847), Карамзину (Симбирск, 1845).

К числу наиболее выдающихся памятников этого времени относится огромный Исаакиевский собор в Петербурге, строившийся с 1818 по 1858 г. по проекту французского архитектора О. Монферрана. Собор олицетворял мощь и величие православия, силу России, ставшей после падения Византии носительницей истинной веры христовой.

В 1834 г. в центре Петербурга был открыт необычный монумент: Александровская колонна, созданная по проекту того же скульптора. Монумент посвящен победам русского оружия в войне с Наполеоном. Колоссальный гранитный монолит имел высоту 25,6 метра и весил свыше 600 тонн. Венчающая колонну бронзовая фигура ангела (скульптор Б. И. Орловский) имела черты портретного сходства с Александром I. Правой рукой ангел указывал на небо, а в левой — сжимал большой крест. Общая высота монумента составляла 47,5 метра, и он оставался самым высоким памятником дореволюционной России.

Еще ранее, в 1811 г., на главной магистрали Петербурга — Невском проспекте — архитектор А. Н. Воронихин построил большой Казанский собор. В 1813 г. в соборе был погребен главнокомандующий русскими войсками в войне 1812 г. фельдмаршал М. И. Кутузов.

Среди наиболее значительных архитектурных памятников Петербурга того времени находится и здание императорского Эрмитажа, ставшего главным российским музеем, средоточием богатейших художественных коллекций (архитектор Л. Кленце). По воле императора Николая I в 1852 г. собрание художественных произведений было открыто для бесплатного осмотра всеми желающими. Эрмитаж стал первым общедоступным музеем в России.

В первопрестольной столице России — Москве в первые десятилетия XIX в. появляются замечательные сооружения. В 1817 г. состоялось открытие огромного здания Манежа, предназначенное для проведения военных смотров, парадов и учений. В нем свободно мог разместиться пехотный полк (2 тыс. человек). Проект был выполнен под руководством инженера А. А. Бетанкура, а отделка фасада принадлежала О. И. Бове. В 1825 г. открывает свои двери Большой театр, построенный по проекту О. И. Бове, ставший одним из крупнейших в мире театральных зданий.

На Красной площади в 1818 г. был установлен первый московский памятник Минину и Пожарскому, выполненный скульптором И. П. Мартосом. На Сухаревской площади в начале XIX в. заканчивается строительство большой больницы и приюта, получивших название Странноприимного дома. Это комплекс зданий (известный москвичам как Институт скорой медицинской помощи имени Склифосовского) был создан на средства графа Н. П. Шереметева (архитекторы Е. С. Назаров и Дж. Кваренги).

В других городах тоже немало строилось в этом период, но постройки там не отличались столичной грандиозностью.

В первой половине XIX в. происходит становление отечественного общественного театра. Ранее театральные труппы существовали или в усадьбах богатых дворян, или при царском дворе. Городских, или, как тогда *говорили, публичных, театров было немного.* Располагались они, как правило, в мало приспособленных, темных помещениях, и зрительные

залы не были рассчитаны на большое количество публики. На театр смотрели тогда как на забаву, считалось, что спектакли должны лишь развлекать и веселить публику. Театральный репертуар и состоял главным образом из незатейливых водевилей, легковесных пьесок, непременно «с музыкой и танцами».

В Петербурге существовали французский и немецкий театры, постоянно выступали итальянские оперные артисты. На сценах двух крупнейших российских театров: Большого в Москве и Мариинского в Петербурге шли итальянские и французские оперные и балетные спектакли. В XIX в. положение меняется. Театр становится общественным явлением, появляются современные театры, начинают ставиться отечественные пьесы, затрагивавшие большие общественные проблемы. Первая в этом ряду — «Ревизор».

В 1832 г. в самом центре Петербурга по проекту Карла Росси, закончилось строительство монументального здания для Александринского театра. Этот театр возник еще в середины XVIII в. и как первый русский постоянный публичный театр уже тогда стал заметным явлением в культурной жизни России. На его сцене засверкали имена русских актеров, ставших родоначальниками школы национального сценического мастерства: Ф. Г. Волкова (1729—1763) и И. Ф. Дмитриевского (1734—1831). На сцене Александринского театра блистала молодая и талантливая Варвара Николаевна Асенкова (1817—1841). Ей в равной степени удавались как партии веселых легкомысленных барышень (инженю) в водевилях, так и серьезные сценические образы в таких спектаклях, как «Ревизор» (Марья Антоновна) и «Горе от ума» (Софья).

Огромной популярностью в 30—40-х гг. XIX в. пользовался Василий Андреевич Каратыгин (1802—1853), ставший общепризнанным «первым трагиком русского драматического театра». Он прославился на сцене Александринского театра. Его актерское мастерство открыло русскому зрителю глубину и величие пьес Шекспира. Исполнение ролей Гамлета, короля Лира и Отелло публика и театральные критики признавали вершинами актерского мастерства.

В Москве крупнейшим драматическим театром являлся основанный еще в XVIII в. Малый театр (так его называли по контрасту с расположенным рядом Большим театром). В 1824 г. для него было построено в центре города особое помещение, в котором он до нашего времени и размещается. В пьесах русских и европейских авторов на сцене Малого театра проявился талант немало числа выдающихся русских актеров. В их числе был Михаил Семенович Щепкин (1788—1863). Роли Фамусова в «Горе от ума» (первая постановка в 1831 г.) и Городничего в «Ревизоре» (первая постановка в Малом театре в 1836 г.) сделали имя это бывшего крепостного крестьянина (вольную он получил в 1822 г.) известным всей России.

Другой замечательный актер Пров Михайлович Садовский (1818—1872) тоже прославился на сцене Малого театра. Но пик его славы пришелся уже на последующий период, после начала постановок пьес писателя-драматурга Александра Николаевича Островского (1823—1886). Первый раз его пьеса, комедия «Не в свои сани не садись», была сыграна здесь

в 1852 г. Вскоре Малый театр стали называть «домом Островского», так как произведения этого плодовитого драматурга заняли доминирующее положение в его репертуаре.

Русская живопись первой половине XIX в. представлена целым рядом художников, картины которых и поныне занимают почетные места в лучших музеях страны. Наиболее заметных результатов достигли портретная живопись, а также эпические плотна на исторические и библейские сюжеты. Позже получают распространение пейзаж и жанровая живопись. С середины XIX в. последняя постепенно приобретает направление, известное как критический реализм, вершиной которого стали произведения целой плеяды художников-передвижников. Но этот яркий плод социального искусства — продукт второй половины XIX в. В первой же половине века изобразительное искусство было лишено ангажированной критической направленности, главными его критериями оставались гармония и красота.

Среди портретистов первенствующие позиции занимали Д. Г. Левицкий (1735—1822), В. Л. Боровиковский (1758—1826). Они прославились еще в екатерининское время, но и в начале XIX в. их относили к числу лучших кистей России.

Дмитрий Григорьевич Левицкий родился на Украине в семье священника. Первые навыки рисования приобрел у своего отца, занимавшегося гравированием картинок к духовным книгам. Затем учился живописному мастерству в Киеве, а позже переехал в Петербург, где обучался в Академии художеств у известного художника А. П. Антропова. Левицкий быстро прославился как замечательный портретист и в 1770 г. удостоился звания академика. Заказы ему делали представители известнейших дворянских фамилий. С изумительным мастерством он запечатлевал людей различного возраста, передавая не только выражение лица, черты фигуры, но и детально изображая одежду, украшения, бытовые предметы. Его картины — галерея русской аристократии конца XVIII — начала XIX вв. Кисть его сочна, нежна и тщательна, колорит выразителен. Среди наиболее известных работ мастера — портреты молодого Александра I, архитектора А. Ф. Кокорина, А. П. Протасовой, графа П. А. Зубова.

Владимир Львович Боровиковский происходил из дворян, служил поручиком в армии, затем вышел в отставку и поселился в Миргороде на Украине. Увлекался живописью, но никакого специального образования не имел. Когда в 1877 г. по пути в Крым через Миргород проезжала Екатерина II, то местное дворянство заказало своему художнику несколько картин, которые и были развешаны в комнатах дома, где принимали царицу. Она сразу обратила внимание на эти работы и посоветовала художнику ехать в Петербург, учиться в Академии художеств.

Воля императрицы была исполнена: Боровиковский перебрался в столицу. Несколько лет обучался живописи, затем стал работать как самостоятельный автор, а 1795 г. получил звание академика. К этому времени он уже приобрел популярность и недостатка в заказах не было. Из числа его произведений особую известность получили портреты Екатерины II на прогулке, Г. Д. Державина, князя А. Б. Куракина, брата персидского шаха

Фет-Али-Мурзы. Они считаются классическими в русской портретной живописи.

В 30-е гг. XIX в. в России зазвучало имя нового талантливого художника — К. П. Брюллова (1799—1852). Слава в Россию пришла к нему из Европы, после демонстрации в Италии и в Париже его картины «Последний день Помпеи». Огромное полотно было создано в 1830—1833 гг. в Италии по заказу богатого вельможи А. Демидова.

Родился Карл Павлович Брюллов (Брюлло) в Петербурге и с детских лет увлекался рисованием. Первые уроки получил от своего отца — члена Академии художеств, имевшего звание академика орнаментной скульптуры. С 1808 г. К. П. Брюллов начал учиться в Академии художеств, где быстро начал считаться первым среди учеников. В 1821 г. окончил Академию с золотой медалью. Затем за счет государства его отправили совершенствоваться мастерству в Италию. Здесь он провел несколько лет, написал серию картин из римской жизни. Три года Карл Брюллов работал над своей самой известной картиной «Последний день Помпеи», которая была закончена в 1833 г. Это полотно произвело в Италии большое впечатление, а когда прибыло в Россию, то им восхищались и художники, и публика. Потом он еще много написал разных картин и портретов, но самой известной его работай так и осталась «Последний день Помпеи».

Других автором, прославившимся созданием грандиозного полотна, стал Александр Андреевич Иванов (1806—1858). Его отец А. М. Иванов являлся профессором живописи, с ранних пор пристрастивший сына к рисованию. В 11 лет А. А. Иванов был принят в Академию художеств, которую окончил с золотой медалью. Затем отправился совершенствовать технику живописи в Италию. Его особо интересовали религиозные темы, и он задался целью создать большое полотно, изображающее первое пришествие Христа. Работа над монументальным полотном заняла 20 лет. За это время он сделал множество набросков и этюдов, написал серию подготовительных полотен, в том числе «Явление Христа Марии Магдалине», за которое получил звание академика. Досконально изучил Священное Писание, особенно Новый Завет, все свидетельства о жизни и делах Спасителя.

Более 20 лет, начиная с 1837 г., работал над этим важнейшим полотном своей жизни и в 1858 г. представил его на суд критиков и публики. Огромная картина «Явление Мессии» («Явление Христа народу») произвела сильное впечатление на современников. Царь Александр II приобрел картину, о художнике и его грандиозном произведении только и говорили. Но сам автор не успел насладиться славой: летом 1858 г. он скоропостижно умер от холеры.

В числе тех, кто составил славу русского искусства и чья деятельность разворачивалась в первой половине XIX в., находились О. А. Кипренский (1782—1836), В. А. Тропинин (1776—1857) и П. А. Федотов (1815—1852). Первые два прославились портретами, в том числе и прижизненными изображениями А. С. Пушкина, а последний оставил целую серию полотен, на которой запечатлены различные жанровые сцены, отражавшие быт и нравы России того времени.

* * *

В области музыкальной культуры в начале XIX в. в России безраздельно господствовали сочинения иностранных авторов. Но уже с 1830-х гг. положение начинает меняться, появляются крупные музыкальные произведений, в которых широко использовались национальные мотивы.

Алексей Николаевич Верстовский (1799—1862) положил начало русской оперной традиции. Его опера «Аскольдова могила» (1835) была создана на основе русского фольклора и народных напевов, явившись первым подобным сценическим произведением.

Истинный переворот в русской музыкальной культуре связан с именем Михаила Ивановича Глинки (1804—1857), происходившего из семьи смоленских дворян. Он стал крупнейшим русским композитором первой половины XIX в., родоначальником русской классической музыки. Две его оперы «Иван Сусанин (Жизнь за царя)» (1836) и «Руслан и Людмила» положили начало двум направлениям национальной оперы: народно-музыкальной драме и опере-сказке. Глинка создал музыкальную фантазию «Камаринская», состоявшую из оркестровых обработок народных песен. Русские мелодии пронизывают и все оперные произведения Глинки. Он, как и Пушкин, сумел соединить в своих произведениях совершенство формы и национальное музыкальное содержание.

Современниками М. И. Глинки являлись композиторы А. С. Даргомыжский (1813—1869), А. А. Алябьев (1797—1851), А. Е. Варламов (1801—1848) и А. Л. Гурилев (1803—1858). Первый создал романтическую оперу «Русалка» (1855), ряд других крупных музыкальных сочинений. Алябьев, Гурилев и Варламов оставили многообразные музыкальные композиции, создали немало романсов на стихи русских поэтов. Они явились родоначальниками русского романса — самобытного вокально-музыкального произведения, чувственного и мелодичного.

* * *

В начале 30-х гг. XIX в. в культурно-национальной жизни произошло одно важное событие: поэт В. А. Жуковский (1783—1852) и композитор А. Ф. Львов (1798—1870) создали русский народный гимн «Боже, Царя храни!». Он впервые прозвучал как гимн 30 августа 1834 г. в Петербурге при открытии самого высокого монумента в Европе — Александрийской колонны (столпа), воздвигнутой в память победы над Наполеоном. Величественная музыка исполнялась потом повсеместно до самого 1917 г., до падения монархии в России. Она отразила силу русского духа, национальные духовные ценности, великую преданность подданных государству и царю.

Боже, Царя храни!
Сильный, Державный,
Царствуй во славу, во славу нам.
Царствуй на страх врагам,
Царь Православный,
Боже, Царя храни, Царя храни.

Так звучали первые строфы этого гимна, появившегося в период расцвета царствования Николая I. Инициатором создания подобного произведения стал монарх, который считал далее нетерпимым, что Россия не имеет своего государственного гимна, а в торжественных случаях приходится исполнять мелодию английского гимна «God save the King!» (Боже, храни Короля). Он поручил офицеру свиты и музыканту Алексею Федоровичу Львову попробовать написать музыку российского гимна. При этом самодержец выразил желание, чтобы в мелодии и тексте не было фанфарных звучаний, кличей к победе, а звучала музыка, близкая к молитве.

В своих мемуарных записках А. Ф. Львов вспоминал: «Я чувствовал надобность написать гимн величественный, сильный, чувственный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войска, годный для народа от ученого до невежи. Все эти условия меня пугали, и я ничего написать не мог. В один вечер, возвратясь домой поздно, я сел к столу, и в несколько минут гимн был написан». Это была лишь часть дела.

Другая, не менее трудная, состояла в необходимости подыскать к уже готовой мелодии соответствующие стихи. Музыкант обратился к известному поэту В. А. Жуковскому, еще в 1814 г. написавшему стихотворение «Боже, Царя храни!». Однако то сочинение являлось русским переложением слов английского гимна, которые в данном случае не подходили. Жуковский живо откликнулся на предложение, в один день сочинил новые слова, сохранив из старого стихотворения лишь видоизмененную первую строку.

Первое прослушивание нового произведения состоялось в конце 1833 г. в присутствии царя, царицы, великого князя Михаила Павловича и графа А. Х. Бенкендорфа. В здании Певческой капеллы его несколько раз исполнил придворный хор в сопровождении двух военных оркестров. Николай I нашел гимн великолепным и расчувствовался до слез. Оценка царя и решила судьбу произведения Львова и Жуковского, ставшего на многие десятилетия своеобразной музыкальной «визитной карточкой» Российской империи.

§ 3. Русская историософская и общественная мысль

Первая половина XIX в. ознаменовалась началом мировоззренческих дискуссий о будущем России, о русском пути, о русском предназначении. Мощный импульс им давали важные политические события той поры: победа в войне с Наполеоном, мятеж декабристов, восстание в Польше в 1830 г. Осмысление русской судьбы становится основной темой пробуждающейся светской общественной мысли. И снова, как некогда в XV—XVI вв., с полной отчетливостью встает в русском культурно-общественном сознании религиозный вопрос. Трудно было игнорировать русское историческое своеобразие, некую историческую противоставленность Европе. Это различие с самого начала стало осознаваться как различие в религиозной судьбе.

В наиболее острой форме это было сформулировано П. Я. Чаадаевым в 1830-е гг., но значительно раньше тема специфичности национального исторического опыта была обоснована и впервые сформулирована у круп-

нейшего русского историка первой половины XIX в. Н. М. Карамзина. Можно смело утверждать, что ни один из выдающихся русских знатоков прошлого никогда, ни раньше, ни потом, не оказал на сознание и современников, и потомков такого огромного воздействия, которое оказал Карамзин, именно его применительно к первым десятилетиям XIX в. заслуженно можно называть первым интеллектуалом России.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) обладал многими дарованиями. Он являлся и журналистом, и писателем, и общественным деятелем. Однако запечатлел он свое имя в анналах истории в качестве выдающегося русского историографа, создавшего обширный многотомный труд по истории России, от времен Киевской Руси до начала XVII в.

Родился Карамзин в Симбирской губернии, в дворянской семье. Когда юноше не исполнилось и 14 лет, родители отдали его в пансион при Московском университете, где он изучал древние и новые языки, отечественную и зарубежную историю и литературу. Это был скромный и воспитанный молодой человек, тяжело переживавший несправедливость, болезненно реагировавший на любое проявление жестокости.

Он рос восторженным мечтателем и эти природные черты сохранил до конца своих дней. Современники называли его самого и его сочинения сентиментальными (от фр. *sentiment* — чувство). В своем известнейшем литературном произведении — повести «Бедная Лиза» (1792) — он написал, что «любит те предметы, которые трогают сердце и заставляют проливать слезы тяжкой скорби».

В 1789–1790 гг. Карамзин совершил большое путешествие по Европе. Объехал Германию, Англию, Швейцарию. Во Франции он оказался в период крушения монархии Бурбонов, став свидетелем торжества насилия толпы. Революционные безумства вызвали глубокое отвращение, и до самой смерти Н. М. Карамзин являлся ярым ненавистником «активных общественных действий».

После возвращения в Россию Н. М. Карамзин основывает «Московский журнал», ставший первым русским литературным журналом. В 90-е гг. XVIII в. в печати появляются его стихи, повести, рассказы, путевые очерки. Его имя становится известным, а его произведения — популярными.

После смерти императора Павла и воцарения Александра I в России наступает пора надежд и ожиданий. Карамзин не остается в стороне от этих общественных течений. В новом журнале «Вестник Европы» он постоянно выступает со статьями, обсуждая злободневные проблемы русской жизни. Именно в первые годы царствования «Александра Благословенного» Карамзин высказывает свое отношение и к крепостному праву, и к самодержавию. Некоторые тогда решили, что пора «смело и скоро» покончить с юридической зависимостью крестьян от помещиков и ввести в Российской империи Конституцию. Карамзин смотрел на дело иначе.

Он выступил противником предложений Михаила Сперанского и лично обращался к царю со специальными посланиями («записками»), где объяснял пагубность, вредность каких-либо резких изменений в политическом устройстве страны и в быте крестьян. Он видел и знал, что ни введе-

ние Конституции, ни установление республиканских порядков не ведет автоматически к свободе и процветанию. В республиканско-конституционных странах он находил массу произвола, там права граждан попирались, может быть, и не так открыто, как порой в России, но не менее жестоко.

Карамзин не сомневался, что злой правитель всегда найдет способ обойти любой писаный закон, обратить его себе на пользу и во вред другим. Карамзин, как очевидец царствования Павла I, прекрасно видел недостатки самодержавного государственного правления, осознавал в полной мере и несправедливость крепостного ига. Но он понимал и другое: для исправления и изменения нужны не увлекательные проекты, не скороспелые решения, а трудная и длительная работа по изменению нравов, представлений, традиций. Результатов здесь можно было добиться развитием просвещения, распространением грамотности и утверждением добродетели в качестве главной общественной ценности.

Согласно его представлениям, если народы добродетельны, то и правители не будут нарушать законы. Зло вызывается злом. Бог, стоящий над правителями, не допустит этого. Если же народы поддадутся искушению лжесвободы и восстанут против законного правителя, то наказание неизбежно. Эти свои государственные представления Карамзин подтверждал примером Франции, которая была «наказана» сначала произволом мятежной толпы («своевольством»), а затем правлением тирана Наполеона.

В 1814 г. в своем стихотворении «Освобождение Европы» Н. М. Карамзин писал, что «в правлениях новое опасно, а безначалие ужасно. Как трудно общество создать! Оно устроялось веками: гораздо легче разрушать безумцу с дерзкими руками. Не вымышляйте новых бед: в сем мире совершенства нет».

Мятеж декабристов потряс Карамзина. Выступить с оружием в руках против царя, замышлять его убийство — на такое могли решиться лишь негодяи. Он назвал события на Сенатской площади «нелепой трагедией наших безумных либералистов». В самый критический момент восстания он находился рядом с Николаем I и уговаривал того без колебания применить оружие. Позднее он писал: «Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж...»

Еще в 1803 г. повелением Александра I ему было поручено составление монументального исторического труда. Карамзину присвоили официальное звание историографа («описателя истории») и назначили ежегодное государственное денежное содержание. Последующие 20 с лишним лет Н. М. Карамзин целиком был занят написанием такого труда. В 1816—1817 гг. вышли первые восемь томов, а затем еще четыре (последний, 12-й, появился уже после смерти автора).

Хотя и раньше появлялись общие исторические исследования (еще в XVIII в. вышли работы В. Н. Татищева и М. М. Щербатова), но по своему масштабу, по количеству и многообразию использованных документов Карамзин превзошел предшественников. Имелось и еще одно существенное отличие: повествование написано ярким литературным языком, что делало его сочинение доступным не только небольшому числу ученых-специалистов, но всей, как тогда говорили, «читающей публике».

Обширный исторический трактат появился в переломную эпоху, живым свидетелем и заинтересованным зрителем которой являлся Н. М. Карамзин. Революция 1789 г. во Франции, варварство якобинского террора, утверждение у власти Наполеона, череда кровавых войн, сотрясавших Европу в конце XVIII — начале XIX в., меняли политический порядок вещей и представлений. «Кипение живой истории» разрушало многие иллюзии. Человеколюбивые идеи Вольтера, Монтескье и Руссо привели на их родине не к торжеству государства общественного благоденствия, а к гильотине, к кровавой диктатуре черни. На смену одной несправедливости пришла другая, еще более жестокая, но на сей раз прикрывавшаяся лозунгами добра и счастья.

События современности качественно преобразовали мировоззрение Н. М. Карамзина. В молодости — вольтерьянец и масон, он в зрелые лета превратился в верного православного монархиста. У него сложилось убеждение, что основная причина общественных бед и неурядиц заключается не только и не столько в системе общественного устройства, сколько в нравственной природе самого человека. Его невежество и моральное несовершенство — главные преграды на пути торжества добродетели и в политике, и в жизни.

Изменить же дурное естество человека не может в одночасье никакой новый закон. Это долгий и кропотливый процесс, которому может и должна содействовать умная, сильная и бескорыстная власть, каковой, невзирая на все исключения, и является самодержавие, этот «палладиум России». Пока крепко и неколебимо стоит самодержавие, надежно обеспечено и существование России. В том непреложном законе русской истории предки справедливо усматривали промысел Всевышнего. Каждый же благомыслящий гражданин обязан монархической власти положительно содействовать.

Исходя из понимания своего гражданского долга, литератор и журналист превратился в историографа. «История» Карамзина — это отклик и отзыв на события в Европе. Это желание объяснить место и роль России в мире, разгадать ее судьбу, как она начертана «на скрижалях времени». В этом отношении «История государства Российского» — факт национально-духовного самоопределения, способствовавший самопониманию и самоуважению нации.

В предисловии к своему труду Н. М. Карамзин изложил взгляд на значение знания прошлого народа и страны: «История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего». Эту «священную книгу» должны знать и чтить не только избранные, но и простые смертные. История мирит гражданина «с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось; она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества».

Карамзин рассматривал историю страны в неразрывном единстве с историей царской власти. Он во весь голос заявил, что сильная государственная власть есть залог силы и процветания России. В истории государства и монархии он установил два важных периода: единодержавия и самодержавия. Под единодержавием он подразумевал политический строй при наличии удельной системы, когда монарх выступал как глава удельных князей. Самодержавный период — нераздельная власть одного царя. Переход от одной формы к другой совершился в процессе образования Русского централизованного государства в XIV—XVI вв.

Монархическая власть возвеличила Россию в киевский период истории. *Раздел же власти между князьями стал трагической политической* ошибкой, приведшей в раздробленности и татаро-монгольскому игу. Эта ошибка была исправлена государственной мудростью московских князей — собирателей Руси. Благодаря этому стране удалось освободиться от иностранной зависимости и преодолеть последствия чужеземного ига.

В книге широко используются не только уникальные документы по русской истории (летописи, грамоты, судебники, записки иностранцев), но и воссозданы образы «государственных мужей» — князей, царей, полководцев, других государственных деятелей, строивших и защищавших государство Российское на протяжении многих веков. Эти яркие портреты написаны рукой мастера-литератора.

Сочинение Н. М. Карамзина вызвало огромный интерес. В первые десятилетия XIX в. она расходилась по стране во многих тысячах экземпляров. Впервые русское общество («читающая публика») смогло ознакомиться со связным, талантливо изложенным прошлым своей страны и из этого трактата понять, что история России не начинается лишь с Петра I и пресловутого «окна в Европу». Как восторженно написал князь П. А. Вяземский (1792—1878), «Карамзин — наш Кутузов 12-го года; он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас есть Отечество».

Чрезвычайно высоко оценивал труд историографа Пушкин. «История государства Российского», если не являлась для него настольной книгой, то к числу особо любимых и чтимых исторических сочинений относилась без сомнения.

К теме «Истории» Карамзина Пушкин в своих письмах и записках возвращается не раз. Он уподоблял автора Колумбу, благодаря трудам и усилиям которого оказалась «найденной *Древняя* Россия». Пушкина раздражали критические оценки произведения Карамзина, которое с момента своего появления «наделало много шуму и произвело сильное впечатление». Он был уверен, что современники в силу своей исторической невежественности были просто не в силах «исследовать, оценить огромное создание Карамзина», и искренне сетовал на то, что, несмотря на недоброжелательные суждения в обществе, «никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам».

Пушкин особо подчеркивал тот факт, что «История» Карамзина написана ученым в зрелых летах, что она появилась без всякой цензуры в «само-

державном государстве» и, без всякого сомнения, являет образец «не только создания великого писателя, но и подвиг честного человека», а на страницах своего журнала «Современник» в 1836 г. А. С. Пушкин назовет карамзинскую «Историю» «бессмертной книгой».

В лице тех, кто не воспринимал прошлое и настоящее страны лишь «темным пятном», кто ценил и любил свою страну и ее историю, труд Карамзина обрел благодарных читателей. «История государства Российского» стала настольной книгой по истории Отечества для нескольких поколений русских людей.

* * *

С первых же шагов светской общественной мысли в центре интереса оказались исторический путь России и роль государства. Карамзинская «История» дала историософским размышлениям сильный импульс, но только этим историческим трактатом дело, конечно же, не ограничивалось. Два огромных исторических события оказали воздействие на сознание. Во-первых, победа в войне с Наполеоном. Фактически в одиночку России удалось не только выстоять в противоборстве с большей частью Европы, но и одержать полную победу. «Отсталая», «деспотическая», «рабская» держава оказалась победительницей, хотя в силу европейских представлений о «ходе истории» таковой оказаться никак не могла. Подобная точка зрения, довольно модная не только в парижских, но и петербургских салонах, после 1812 г. трансформировалась в интерес к «чуду-России», которое требовало своего осмысления и объяснения.

Второе событие большой общественной значимости, давшее сильный импульс философским исканиям, — мятеж декабристов в 1825 г. Попытка организованного выступления против государственной системы и против династии явилась потрясением умов и традиционных представлений. Именно в последекабрьский период у одних возникает стремление отгородиться от внешнего мира русской самобытностью, а у других — желание отвергнуть русский мир вообще. Понадобилось менее двух десятилетий, чтобы наметившееся ранее расхождение в восприятии исторической действительности стало походить на непреодолимый мировоззренческий разлад.

Если церковные раскольники XVII в., по образному выражению Н. А. Бердяева, «бежали в обряд», то «светские раскольники» конца 20-х — 30-х гг. XIX в. бежали из настоящего в утопию. Одни — «из культуры» к «природе», в первобытную цельность, в патриархально-буколическое прошлое. Другие же «уносились в предчувствиях небывалого будущего, вдохновленного и радостного». Политические условия той эпохи причину двухмерного разъединения не исчерпывали; здесь заметно сказывался и этнопсихологический момент. Бескомпромиссность национального характера, русский духовно-мировоззренческий максимализм окрашивали это «бегство в утопию» в два несовместимых контрцвета.

Первоначально, на стадии оформления, славянофилов и западников не отделяли неодолимые преграды. По своему воспитанию и образованию и те и другие были западниками, разделявшими лишь несхожие представления. На первом этапе контуры фракций довольно нечетки, не всегда на-

личествуют надежные рубежные, «партийные» знаки. Здесь еще встречаются «пограничные фигуры» (например, А. И. Герцен). Но уже в 1840-е годы, когда властно заявляет о себе разночинец, имевший совершенно иную социальную генетику и психологию, разногласия начинают приобретать форму конфронтационной вражды. Наступает время не просто мировоззренческих дискуссий, но и личной неприязни, идейные расхождения оборачиваются взаимной непримиримостью. По словам исследователя, «все стало прочитываться через призму «*друг или враг*», «быть или не быть», «кто виноват» и «кого казнить». Людям консенсуса, согласия, гармонии и солидарности почти не оставалось места в рамках такой культуры».

Возражая приемам нетерпимой критики, которую утверждал в общественном мнении В. Г. Белинский (1811–1848), один из родоначальников славянофильства Ю. Ф. Самарин (1819–1876) еще в 1847 г. с недоумением вопрошал: «Мы не смеем думать, чтобы нам удалось когда-нибудь склонить наших противников на нашу сторону; но если они делают нам честь излагать и опровергать наш образ мыслей, то мы вправе требовать от них, чтоб они выслушали нас. Вы возражаете нам, очень хорошо; но зачем же после того затыкать себе уши?»

В истории русской общественной мысли применительно к эпохе 1830–1840-х гг. принято выделять два главных мировоззренческих направления: славянофильское и западническое. Точнее же все-таки говорить о трех течениях, имея в виду, что в это время обозначилась и государственная доктрина, обычно определяемая как «теория официальной народности», которая уже ранее упоминалась.

Система взглядов славянофилов сформировалась к середине XIX в. Родоначальниками и наиболее известными деятелями этого течения являлись представители старинных дворянских фамилий: А. С. Хомяков (1804–1860), братья Иван (1806–1856) и Петр (1808–1856) Киреевские, братья Иван (1823–1886) и Константин (1817–1860) Аксаковы, Ю. Ф. Самарин (1819–1876). Сосредоточением славянофильства стала Москва, где в гостиных барских особняках велись оживленные споры о России, о ее историческом пути, о ее месте в мире.

С конца XVIII в. в политической жизни западноевропейских государств происходили резкие изменения: революции, свержение монархов, введение Конституций и учреждение парламентов. Этот процесс изменения традиционных форм жизни и организации власти не обошел и Россию. Восстание декабристов стало ярким тому подтверждением.

Людям, искренне любившим Россию, не принимавшим ни в какой форме насильственные политические действия, было отнюдь не безразлично, что ждет страну в будущем. Размышления по этому поводу сформировали исторические и политические представления славянофилов. Их они распространяли в книгах и статьях. Издавали славянофилы и свои периодические издания. Наиболее известными являлись газеты «Москвитянин», «Русь», «Молва», «День» и журнал «Русская беседа». Время «цветения славянофильства» наступило в 1840–1850-е гг. В предыдущей же период лишь осмысливались некоторые исходные социально-исторические

понятия, формировалось то, что позже будет названо «концептуальным кругом представлений».

Исходная же точка начала диспута о России обрисована вполне точно: 1836 год. Именно в октябре того года в журнале «Телескоп» появился пространный философский трактат, обличенный в форму послания к даме. Письмо-трактат не имело подписи и было датировано 1829 г. Однако ни для кого не являлось секретом, что сие сочинение принадлежит перу известного московского «любомудра» Петра Яковлевича Чаадаева (1784—1856). Публикация стала громкой сенсацией своего времени.

«Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство — вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно говорил бы вам о прошлом, который воссоздавал бы его пред нами живо и картинно. Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя... Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок».

«Философическое письмо» содержало столь резкие и уничижительные пассажи касательно России, ее истории, ее настоящего и будущего, которые никогда не появлялись в печати. Кары властей последовали незамедлительно: журнал был закрыт, цензор уволен, а автор заключен под домашний арест и над ним была учреждена врачебно-психиатрическая опека.

Большинство современников П. Я. Чаадаева не приняло и не поняло его историософии. П. А. Вяземский писал графу С. С. Уварову: «Письма Чаадаева не что иное, в сущности своей, как отрицание той России, которую с подлинника списал Карамзин». В. Ф. Одоевский назвал статью «глупой», а В. А. Жуковский заметил: «Порицать Россию за то, что она с христианством не приняла католичества, предвидеть, что католическою она была бы лучше, — все равно, что жалеть о черноволосом красавце, зачем он не белокурый».

В числе критиков оказался и давний приятель П. Я. Чаадаева, его старинный добрый знакомый — А. С. Пушкин. В октябре 1836 г. он отправил автору обстоятельное письмо, где выразил несогласие по ряду принципиальных умозаключений и заметил, что в истории у России в отличие от стран Западной Европы «было свое особое предназначение». Эта точка зрения была не нова. Тот же факт, что ее разделял такой универсальный мастер и великий интеллектуал своей эпохи, как А. С. Пушкин, придавало ей особую значимость.

Однако в то время на уровне секулярной общественной мысли подобное воззрение не имело еще своего историософского воплощения. Хотя тема России и Запада давно занимала просвещенные русские умы (А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин), но именно с появления обширной статьи А. Ф. Хомякова «О старом и новом» (1839 г.) идет отсчет мировоззренческого противостояния, незавершенного и по сию пору. Статья Хомякова, по сути дела, стала ответом Чаадаеву и всем тем, кто преклонялся перед западным историческим опытом. Дружеский обмен мнениями между Пушкиным и Чаадаевым перерос постепенно в дискуссию двух течений фило-

софской мысли: славянофилов и западников. Предтечей первых можно считать А. С. Пушкина, а вторых — П. Я. Чаадаева.

Отцы-основатели славянофильского направления (И. С. и К. С. Аксаковы, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и др.) выполнили свою историческую миссию талантливо, с большим общественным темпераментом и литературным блеском. Именно их можно назвать мыслителями-концептуалистами, сформулировавшими важнейшие постулаты теории русской самобытности. Славянофилы являлись высокообразованными людьми, прекрасно знавшими историю своего Отечества. Имели они основательные знания по истории стран Западной Европы. Сравнивая, сопоставляя и размышляя, они пришли к выводу, что Россия слишком самобытная страна, чтобы можно было считать, что она пойдет тем же путем, что и некоторые другие страны.

Уникальность исторического пути России они видели в отсутствии здесь классовой борьбы, в наличии крепкого сословного строя, в существовании сельской общины, в православной религии. Эти же черты они находили и в истории других славянских народов и считали, что Россия должна стать покровительницей и объединительницей всего мирового славянства под лозунгом православной христианской веры и православной монархии.

Эта теория получила название панславизма. Они отрицали необходимость введения каких-либо представительных (парламентских) учреждений европейского образца и выдвинули свой известный лозунг: народу — мнение, царю — решение. Власть царя должна оставаться самодержавной, независимой ни от каких писаных законов (конституций), но вместе с тем должно существовать и тесное единение между монархом и народом. Поэтому они считали необходимым возродить Земские соборы, на которых «Русская земля» будет доносить свой голос до царя.

Древняя, допетровская Русь им представлялась государством мирным и патриархальным, не знавшим социально-политической борьбы. Именно тогда существовало единение царя и народа, земли, земщины и власти. Резко отрицательно относились славянофилы к Петру I и его политике европеизации. Они были убеждены, что в начале XVIII в. совершилось насилие над страной, навязав ей чуждые порядки, нормы и обычаи. Тогда императорская власть противопоставила себя земщине, государство встало над народом, а дворянство и интеллигенция оторвались от национальной почвы, начали усваивать заграничные вкусы и традиции, пренебрегать русским языком. Все это, как считали славянофилы, противоречило исконному народному духу. По их мнению, Петр I расколол страну на два чуждых друг друга мира. Один — эта основная масса населения, это русское крестьянство — «основание всего общественного здания страны». Другой, антирусский мир, олицетворяли государственные чиновники (бюрократия), дворянская аристократия и интеллигенция.

Славянофилы призывали к сближению с народом, к изучению его быта и культуры. Ими самими немало было сделано в этой области. Они собирали памятники культуры и языка, а затем издавали книги и сборники документов. Славянофилам Россия обязана первым сборником русских народ-

ных песен П. В. Киреевского и уникальным Словарем великорусского языка (Словарь В. И. Даля).

Именно славянофилы положили начало изучению быта крестьянства в России, истории промыслов, ярмарок и т. д. Славянофилы не были противниками технического прогресса. Они понимали важность и нужность введения различных приспособлений и усовершенствований. Они высказывались за отмену крепостного права сверху, за развитие торговли, промышленности, банковского дела, за строительство сети железных дорог. Но при этом государство должно твердо стоять на страже национальных интересов, поддерживать и поощрять лишь отечественных купцов и промышленников.

В оценках славянофилов было много верного, их деятельность была важной для понимания и формирования национального самосознания русского народа. Многие их взгляды разделяли русские государственные люди, начиная с самого императора Николая I. Однако славянофилы не стали союзниками царского правительства, не превратились в опору власти. Слишком многое их разделяло.

Во-первых, они резко отрицательно относились к реально существовавшей государственной системе, видя в ней засилье «бюрократического элемента», проводящего политику, «чуждую народу». Во-вторых, их критика Петра I и его реформ не отвечала официальным представлениям. Никто из наследников царя-реформатора, занимавших престол и в XVIII, и в XIX вв., никогда не ставил под сомнение важность петровской политики, хотя не всеми царями она безусловно одобрялась. Однако в соответствии со старой традицией никто из монархов публично не критиковал действия своих венценосных предшественников (имелось лишь одно исключение, связанное с Екатериной II, которая, заняв престол, без стеснения шельмовала убитого мужа, Петра III).

Оценка эпохи Петра I не только принципиально развела славянофилов и западников, она стала для самих славянофилов непреодолимым барьером в их социоисторических размышлениях. Они не только не могли оправдать «империю», но и не сумели объяснить логику ее существования. Они страстно мечтали вернуться назад, в эпоху «самодержавно-земского строя», который был якобы близок к осуществлению в Московской Руси. Для них это был путь «домой». Однако было бы упрощением, как это нередко делается, считать, что славянофилы своим любованием прошлым, своими призывами «вернуться вспять» выступали как реакционеры. Они были слишком образованными и достаточно трезвомыслящими, чтобы не понимать, что вернуться в минувший уклад невозможно. Их историософская мысль, как и вообще русская историософия, была наполнена поиском социального идеала, который они и разглядели в стародавних временах. Поэтому они и призывали не просто повернуть вспять, а встать на дорогу, ведущую к идеалу.

Одновременно со славянофилами формировалось и другое общественное течение, представителей которого называли западниками. Наиболее известными фигурами здесь являлись писатели В. П. Боткин (1811—1869) и И. С. Тургенев (1818—1883), историки, профессора Московского уни-

верситета Т. Н. Грановский (1813–1855), Б. Н. Чичерин (1828–1904), К. Д. Кавелин (1818–1885).

Представители этого направления выступали и против «теории официальной народности», и против славянофилов. Они считали, что Россия должна идти тем же путем, что и западноевропейские страны, что изменения неизбежны, необходимы и чем быстрее в России «будет, как в Европе», тем лучше. Их особенно восхищали порядки в Англии и Франции, общественное устройство которых они считали примером для России. Западники беспощадно критиковали систему в своей стране, возмущались крепостным строем, самоуправством чиновников, отсталостью экономического устройства. Они ратовали за бурное развитие капитализма, за установление буржуазных свобод.

Если славянофилы идеализировали далекое русское прошлое: воля в нем — ориентир для будущего развития страны, то западники, или, как их еще называли, «русские европейцы», в том прошлом не находили ничего поучительного. Им казалось, что там «все темно», «все элементарно». По их представлениям, «свет прогресса» идет в Россию с Запада, и поэтому они однозначно и восторженно относились к делам Петра I.

Родоначальники, но особенно многочисленные последователи западничества обладали удивительной способностью не видеть плохого там, где им не хотелось его видеть. Петровская эпоха, наполненная насилием, невероятными жестокостями и кровопролитием, интересовала их лишь как время преобразований. Вопроса о цене этих преобразований для них не существовало.

«Русские европейцы» полагали, что французская революция 1789 г. «открыла новую эру». Но эта «эра» ознаменовалась массовыми убийствами, десятилетиями беспощадных войн, унесших жизни миллионов, — о том не говорили. Восхищаясь благоустройством жизни в Англии, они не считали нужным упоминать, что богатство этой страны во многом было следствием беспощадного разорения и ограбления других стран и народов. Мощеные дороги в английских городах завораживали внимание, а гибель сотен тысяч людей от голода и болезней в подвластной Британии Индии оставалась вне поля их интереса.

Яркие лозунги французской революции Либертэ, Эгалитэ, Фратэрнитэ казались им ориентиром для общественной организации. Хотя они и не выступали за революционное переустройство России (в этом их принципиальное отличие от декабристов), но призыв слепо копировать политический и экономический опыт западных стран объективно превращал их в ниспровергателей государственного порядка. Им казалась бесперспективной политика адаптации западных социальных норм к русским условиям, чем осторожно занималась власть, они призывали лишь заимствовать.

Если славянофилы обращали главное внимание на специфические особенности России, на уникальный строй ее культурной и политической жизни, то западники, наоборот, совершенно игнорировали эти особенности. В этом проявлялась идеологическая слабость западничества. Что толку призывать к ликвидации крепостного строя, несуразность которого осознавалась к середине XIX в. почти всеми, если одновременно не предложить

реальную программу последующего устройства жизни и на селе, и вообще в стране. Какой смысл призывать к введению Конституции и выборного парламента, если не объяснить, как это должно создаваться в огромной России, где подавляющая часть населения не имела ни малейшего представления о том, что такое Конституция и что такое парламент.

Ничего конструктивного, созидающего западники не предлагали. Свой интеллект, свою энергию они тратили на пропаганду буржуазно-парламентского устройства в Англии и Франции и на беспощадную критику общественных порядков в России. Различные направления западничества неизменно критически воспринимали русский исторический опыт, а крайние его фракции, например марксизм-ленинизм, вообще отвергали даже какие-то позитивные элементы его.

§ 4. Русская православная церковь. Преподобный Серафим Саровский и митрополит Московский Филарет

Русская православная церковь возникла в 988 г., после принятия христианства на Руси. Получив первоначально свою структуру от Константинопольского патриарха, она в последующие века развивалась, расширялась и в XV в. стала самостоятельной (автокефальной). С 988 до 1589 г. она имела устройство митрополичье (главой являлся митрополит), а затем патриаршее, когда ее возглавлял патриарх. С 1721 г. начался синодальный период.

Во главе церкви стоял Святейший правительствующий синод, включавший видных церковных иерархов, решавших важнейшие вопросы церковного устройства. Во главе же административного управления Синода находился ставленник верховной земной власти — обер-прокурор Святейшего синода. Положение церкви и ее роль регулировались законом, в котором говорилось, что православная вера есть «первенствующая и господствующая в России». Император провозглашался «верховным защитником и хранителем догматов господствующей церкви и блюстителем правоверия и всякого в церкви благочиния».

Первичной церковно-административной единицей считался приход, имевший храм с причтом. Приходское духовенство (причт) состояло из священнослужителей (протоиереи, иереи, диаконы) и церковнослужителей (дьячки, пономари, псаломщики). Территория государства подразделялась на епархии — церковные округа: в 1799 г. таковых числилось 29, а к 1917 г. — 68.

В среднем на епархию приходилось около тысячи церковных приходов. В 1722 г. численность церквей (без молитвенных домов и часовен) составляла 15 751, а в 1799 г. — 26 196. В 1850 г. в общей сложности всех храмов в России насчитывалось 47 613, в том числе 29 148 приходских церквей. Общая же численность приходского духовенства превышала 100 тыс. человек. К этому времени в России насчитывалось 587 монастырей, а число монахов и послушников достигало почти 20 тыс. Имелась и система духовно-учебных заведений.

В середине XIX в. она включала четыре духовные академии — Киевскую, Петербургскую, Московскую и Казанскую, 50 семинарий и 185 уезд-

ных училищ. Общее число обучающихся к этому времени составило примерно 42 тыс. человек.

В среде православного духовенства всегда имелось немало подвижников и ревностных хранителей веры православной. Не стал в этот смысле исключением и XIX в., в первой половине которого проявили себя замечательные пастыри и проповедники, за свое христианское подвижничество позже причисленные к лику святых Русской православной церковью, — Серафим Саровский и митрополит Московский Филарет.

Большую известность получил монах Саровской пустыни (монастыря, расположенного в Тамбовской губернии) Серафим (1759—1833). Он родился в городе Курске в семье купца Сидора Мошкина. При крещении его назвали Прохором. В 1778 г. он поступил послушником (так называли тех, кто готовился стать монахом) Саровской пустыни. Через восемь лет был пострижен в монахи и получил имя Серафима. Добровольно удалившись в одинокое затворничество, он все время проводил в постах, трудах и молитвах.

Его безупречная, богоугодная жизнь и преданность вере Христовой вызывали восхищение. Ежегодно многие тысячи людей стекались в это удаленное место, надеясь увидеть старца, услышать его слово-наставление. Он доносил до людей слово Спасителя, утешил множество душ, а иных излечил от тяжелых недугов. Его называли преподобным. Так обычно именовали монахов, своей деятельностью заслуживших высочайший моральный авторитет.

В 1903 г. Синодом Русской православной церкви Серафим Саровский был канонизирован. Этот акт, совершенный по прямому настоянию императора Николая II, явился великим национальным праздником. В торжествах прославления в далеком Сарове принимали участие царская семья, члены императорской фамилии и огромное множество людей самого разного звания и состояния со всей России. Хотя общее число паломников точно неизвестно, но в любом случае их количество измерялось сотнями тысяч.

Этот акт стал, пожалуй, последним проявлением «духовной симфонии» русского народа, о которой очевидец, тогда предводитель дворянства Шацкого уезда Тамбовской губернии князь В. М. Волконский (1868—1953) (внук декабриста С. Г. Волконского) написал, «что это было единение, не кажущееся, а искреннее, полное; у всего собравшегося народа, у каждого человека, из какого бы слоя он ни был, было то настроение, которое наверное радовало Серафима: все были один другому близки, все были друг другу действительно други; иначе назвать это настроение, как умиление, я не могу; и эта умиленность, эта ласковость парила над всем Саровом и над всеми под его сень пришедшими». Русский мыслитель — историк церкви Г. П. Федотов (1886—1951) увидел «живое чудо» в акте всенародного почитания и прославления Серафима Саровского в век «просвещенного неверия».

Помимо Серафима к числу выдающихся православных подвижников XIX в. относился архипастырь, митрополит Московский (с 1821 г.) Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1783—1967), имя которого еще

при жизни получило широкую известность. Он был выдающимся ученым-богословом, общественным деятелем, талантливым проповедником.

Родился он в городе Коломне Московской губернии в семье священника. В восьмилетнем возрасте был отдан учиться в Коломенскую духовную семинарию, где сразу выделился среди учеников своими блестящими способностями. Продолжил обучение в семинарии Троице-Сергиева монастыря, где его разносторонние знания и усердие удивляли всех преподавателей. После окончания курса был оставлен в семинарии преподавателем греческого и древнееврейского языков. В 1808 г. Василий Дроздов принимает монашество под именем Филарета и церковное начальство назначает его инспектором Петербургской духовной академии.

С этого времени начинается широкая проповедническая деятельность Филарета и ни одно сколько-нибудь важное государственное событие не проходит без его пасторского слова. В 1812 г. Филарет, имея сан архимандрита, назначается ректором (управителем) Петербургской духовной академии и получает звание профессора богословских наук.

Когда началась Отечественная война 1812 г., Филарет множество раз выступал с речами-проповедями, где призывал русский народ дать отпор ненавистному врагу. Именно в том году Филарет заслужил славу талантливого проповедника. Выступая вскоре после изгнания французов из Москвы в Обществе любителей российской словесности, он объяснил победу России в войне «единством духа» и «единством воли» народа, его верой православной, преданностью делам предков и своему государю. В годины трудных испытаний русский народ, выказав свою полную преданность и любовь царю, проявил высокое понимание духовной истины, того чувства, которое лишь одно было для него водителем на дорогах истории. В тяжелый момент наполеоновского нашествия народ с большим рвением обратился к православным алтарям, а моления, по наблюдениям Филарета, «становились продолжительнее, возрастало число притекающих, отверзающих Господу сердца, уже не таясь собратий, изливаясь в слезах умиления и где отходящие на брань принимали последнее напутствие». Благодаря национальному воодушевлению, «верный народ не поколебался, но вверил судьбу свою Богу и монарху».

В 1821 г. Филарет переводится в Москву в сане митрополита и здесь остается до самой смерти. В декабре 1825 г., во время волнений на Сенатской площади, Филарет всецело на стороне власти и не раз выступал перед прихожанами с напутствием, призывая подчиняться «священным установлениям власти».

С именем митрополита Филарета связано большое событие в духовной жизни страны: перевод текстов Священного Писания на русский язык. Ранее различные части Библии существовали или на греческом, или на старославянском языках и знакомство с ними доступно было далеко не всем. Эта работа, которой Филарет отдал несколько десятилетий жизни, была завершена уже после его смерти. К этому важному делу были привлечены и другие ученые-богословы, но и митрополит лично занимался переводами. Именно ему принадлежит перевод Евангелия от Иоанна.

В 1827 г. был издан катехизис Филарета, ставший настольной книгой как для учеников духовных и светских учебных заведений, так и для всех верующих. Катехизис содержал краткие описания основ православного вероучения. Книга была составлена в форме вопросов и ответов, что помогало читателю легко ориентироваться в сложном мире христианских догматов, норм и понятий.

В ряду заслуг митрополита Филарета находится и еще одно дело огромного исторического значения. По поручению императора Александра II он составил текст Манифеста 19 февраля 1861 г. об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

ГЛАВА 4. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ПЕРЕЛОМНОМ РУБЕЖЕ: 50—60-е гг. XIX в.

§ 1. Император Александр II: штрихи исторического портрета

Самый известный после Петра I царь-преобразователь — Александр II появился на свет в Москве в 1818 г. В 1825 г. его отец стал императором Николаем I, и тогда же особым манифестом его семилетний сын Александр был провозглашен наследником престола. В 1826 г. началось регулярное обучение цесаревича. По решению Николая I наставником к нему назначается Василий Андреевич Жуковский — поэт, литератор и один из ярчайших эрудитов своего времени. Он составил для высокородного подопечного особую учебную программу, основополагающий принцип которой Жуковский определил как «образование для добродетели». Задачи обучения и воспитания тесно переплетались. Важнейшую цель наставник-воспитатель видел не только в том, чтобы преподать цесаревичу знания конкретных предметов, но и в том, чтобы сформировать человека возвышенных духовных интересов и нравственных представлений.

Два раза в год для наследника устраивались экзамены, на которых он неизменно показывал хорошие результаты. После одного из них император Николай I писал Жуковскому: «Мне приятно сказать Вам, что не ожидал найти в сыне таких успехов. Все у него идет ровно, все, что он знает, — знает хорошо, благодаря Вашему способу обучения и ревности учителей».

По достижении 16 лет, в 1834 г., Александр Николаевич в Большой церкви Зимнего дворца принес присягу на верность России. Она начиналась словами: «Именем Бога Всемогущего, пред святым Его Евангелием, обещаюсь и клянусь Его Императорскому Величеству, Всемилостивейшему Государю, родителю моему, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови».

Важнейшей частью образования наследника являлись его поездки по стране. Весной 1837 г. в сопровождении В. А. Жуковского Александр более шести месяцев путешествовал по России. Железных дорог еще не существовало, и наследнику пришлось передвигаться на пароходах и лошадях, преодолевая огромные расстояния. Цесаревич посетил Новгород, Тверь, Углич, Рыбинск, Ярославль и Кострому. Оттуда проследовал в Вятку, Пермь, Оренбург, затем осмотрел горные заводы на Урале. Первым из членов династии Романовых Александр Николаевич проехал по Сибири до Тобольска. Здесь он встретился с некоторыми из ссыльных декабристов и обратился к отцу-царю с просьбой смягчить их участь. На обратном пути посетил другие города на Волге, различные пункты в Центральной и Южной России, побывал на берегах Азовского и Черного морей и на Южном берегу Крыма.

Будущий царь не только встречался с должностными лицами на местах, осматривал древние храмы, музеи, исторические и природные достопримечательности, но и интересовался бытом, хозяйственным укладом людей, охотно посещал дома простых подданных и внимательно выслу-

шивал их рассказы о радостях и горестях своего жития-бытия. Жуковский, давно уже питавший большое расположение к своему питомцу, находился в полном восторге от ума и добросердечия царственного юноши. Увидав же в Симбирске огромную толпу народа, бежавшую с криками восторга за коляской цесаревича, воскликнул: «Беги за ним, Россия, он стоит любви твоей».

Образование Александра Николаевича завершилось в 19 лет. Оно дало ему свободное владение пятью языками (русским, немецким, французским, польским и английским), а также знания по истории, математике, физике, естественной истории, географии, статистике, правоведению, политической экономии и Закону Божьему. Кроме того, он имел хорошие знания по военным наукам и воинским уставам.

К 20 годам Александр Николаевич являлся образованным молодым человеком, имевшим широкий кругозор и изысканные манеры. Это был высокий и красивый юноша, с живым складом характера, незаурядной остротой ума и по всем представлениям той поры служил образцом светского человека. Еще одно качество отличало его с ранних пор — доброта характера. Все это вместе создавало образ обаятельного человека, производившего самое благоприятное впечатление на большинство тех, с кем ему приходилось встречаться и в России, и за границей.

В качестве цесаревича Александр Николаевич неоднократно выезжал за границу. Эти вояжи вызывались разными причинами: от семейных поездок в гости в Берлин к своему дедушке — прусскому королю Фридриху-Вильгельму III до больших представительских поездок по столицам других европейских государств. Самая же длительная случилась на 22-м году жизни и продолжилась со 2 мая 1838 г. по 23 июня 1839 г. За это продолжительное время он посетил Пруссию, Швецию, Данию, Баварию, Австрию, Голландию, Италию, Англию и другие княжества и королевства.

Николай I, отправляя сына-наследника в столь продолжительное странствие, преследовал вполне конкретные цели. Во-первых, научить его самостоятельно принимать решения в необычных ситуациях. Более года Александр Николаевич вращался среди европейской и политической элиты Западной Европы, знакомился с политическими приемами управления-ми различных стран, посещал парламенты, наносил визиты королевским особам и членам их семей. Его везде принимали с величайшим почтением, а папа римский Григорий XVI в его честь даже распорядился специально иллюминировать купол собора Святого Петра.

В качестве будущего правителя великой империи Александр Николаевич давал для избранных балы и приемы, на которых блистали самые видные политики, носители древнейших аристократических титулов. И всегда сын царя был на высоте положения, ни разу не допустил бестактности, ни единожды не уронил престиж династии.

Отправляя в путешествие Александра, Николай I преследовал и еще одно намерение: сын должен был присмотреть себе невесту. Когда наследник престола гостил в Англии, то знаки внимания ему оказывала молодая и незамужняя королева Виктория. Она была всего на год моложе своего русского гостя, который ей, несомненно, понравился. Некоторые при-

дворные уверенно говорили о возможности брачной партии. Но на самом деле эти разговоры не имели никакой реальной основы. Женитьба наследника царской короны на королеве Великобритании исключалась из-за глубоких противоречий, существовавших между двумя империями. Не последнюю роль сыграло и другое обстоятельство: королева цесаревичу совсем не понравилась. В дневнике гость записал о венценосной хозяйке: «Она очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна, но мило разговаривает».

Сердце будущего царя пленила другая девушка: пятнадцатилетняя принцесса Мария Гессен-Дармштадтская (полное имя — Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария) (1824–1880). Он увидел ее впервые 13 марта 1839 г. на спектакле в театре, когда гостил в Дармштадте — столице небольшого герцогства, расположенного на западе Германии. Она целиком завладела его сердцем, и ни о какой другой избраннице он отныне и слышать не хотел. Прошло два года, и 16 апреля 1841 г. в Петербурге состоялось бракосочетание Александра Николаевича и принцессы Марии, перешедшей к тому времени в православие и принявшей имя Марии Александровны. Этот брак принес пятерых сыновей: Николая (1843–1865), Александра (1845–1894) (император Александр III (1881–1894)), Владимира (1847–1909), Алексея (1850–1909), Сергея (1857–1905), Павла (1860–1919) и двух дочерей: Александру (1842–1849) и Марию (1853–1920).

С начала 1840-х гг. Николай I приобщает сына к делам государственного управления. Он начинает принимать участие в работе Государственного совета, Комитета министров, финансового комитета. Во время отлучек царя из столицы на цесаревича возлагалась ответственность принимать решения по текущим делам. С конца 1840-х гг. Александр Николаевич назначается отцом председателем особых государственных комитетов, обсуждавших важнейшие вопросы государственной жизни, в том числе и вопрос об улучшении положения помещичьих крестьян. В 1849 г. Александр Николаевич получает должность командующего гвардией и начальника всех военно-учебных заведений.

Ко времени вступления на престол Александр II являлся человеком зрелых лет, обладавшим обширными знаниями в различных областях, имевшим достаточные представления о сложной механике государственного управления. Однако никаких реформаторских намерений у него не существовало. Он лишь намеревался улучшать положение дел и в первые месяцы царствования отказывался обсуждать возможность отмены крепостного права. Но уже скоро ему пришлось осознать, что глубина, масштаб и острота проблем в стране так велики, что требуются не частные меры, а фактическое преобразование всей системы хозяйственных отношений и многих традиционных методов государственного регулирования жизни *империи*.

§ 2. Великий культурно-цивилизационный прорыв: падение крепостного права в России

Николай I скончался 18 февраля 1855 г. Он уже накануне знал, что умирает. Исповедался и причастился. Рано утром позвал свою родню

и объявил о близкой своей кончине и всех благословил крестным знамением. В этот момент императрица упала на колени, обхватила царя-супруга руками и обливаясь слезами воскликнула: «Боже! Отчего я не могу умереть вместе с тобою!» «Ты должна жить для них», — сказал царь, обведя взглядом детей.

Затем обратился к сыну-наследнику со словами напутствия, которые Александр II помнил всю жизнь: «Ты знаешь, что все мои попечения, все усилия стремились к благу России, я хотел продолжать трудиться так, чтобы оставить тебе государство благоустроенное, огражденное безопасностью извне, совершенно спокойное и счастливое, но ты видишь, в какое время и при каких обстоятельствах я умираю. Видно, так угодно Богу. Тяжело тебе будет». Цесаревич, рыдая, вымолвил, что надеется, что батюшка «там будет молиться Ему о России, о нас всех». Твердым, но уже прерывающимся голосом царь ответил: «Да, я всегда молился Ему за Россию и за всех вас, буду молиться и там. Вы же останьтесь навсегда, как было доселе, в тесном союзе любви семейной».

После того Николай I впал в забытьё. Как только сознание вернулось, выказал новый пример великого мужества, отдав последние приказания. Сам назначил место в Зимнем дворце, где должны быть выставлены для прощания его останки, и указал место для могилы в Петропавловском соборе. Еще насчет одного распорядился: чтобы погребение было совершено с возможно большей скромностью, без пышного катафалка, без «всяких великолепных в зале и церкви убранств». Потом нашел силы поблагодарить дворцовых служащих за службу. Голос его начал слабеть и вскоре совсем пропал. Вскоре после полудня император скончался. Похороны Николая Павловича прошли 5 марта 1855 г. Повелителем империи стал Александр II.

Он принял бразды правления в тяжелый исторический момент. Россия вела неудачную Крымскую войну, положение внутри страны становилось напряженным: финансы были расстроены, денег не хватало ни на что. Всюду царило безрадостное настроение. Надлежало как можно быстрее завершить дорогостоящую неудачную войну. В первый год царствования основное внимание было уделено решению именно этой задачи.

С конца 1855 г. в Петербург из Западной Европы начали поступать сигналы о желании стран антирусской коалиции заключить мир. Они не остались без внимания. В марте 1856 г. долгожданный мир был подписан в Париже. А в апреле 1856 г. министром иностранных дел был назначен умный и энергичный князь А. М. Горчаков (1798—1883). Он сменил на этом важном посту престарелого графа К. В. Нессельроде (1780—1862), назначенного главой внешнеполитического ведомства еще в 1814 г. С именем этого «живого реликта» связывали многие дипломатические неудачи и провалы царствования Николая Павловича.

По окончании войны, перед царем и его правительством встали проблемы внутреннего порядка. Александр II очень скоро убедился, что управлять по-старому нельзя, что требуется основательная перестройка всего громоздкого государственного здания, что нужны реформы почти повсеместно. Уже на первом представленном отчете министра внутренних дел,

где говорилось о многих проблемах и трудностях, новый царь сделал надпись-комментарий: «Читал с большим интересом и благодарю, в особенности за откровенное изложение всех недостатков, которые с Божией помощью и при общем усердии с каждым годом будут исправляться».

Особое место в этом ряду занимали проблемы крепостных отношений. Выступая весной 1856 г. перед московским дворянством, царь уже во весь голос заявил о необходимости упразднить крепостничество. «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу». Путь этот оказался непростым и долгим. Лишь через пять лет крепостное право отошло в область истории. За это время была проведена огромная подготовительная работа. Учреждались различные комиссии на государственном и местном уровне, рассматривавшие юридические, финансовые и административные аспекты грядущей социальной перестройки.

Царь хотел, чтобы будущий великий акт раскрепощения отражал волеизъявление всей нации. Однако некоторая часть дворянства не хотела перемен. Александр II имел возможность преодолеть эти настроения и единым волевым актом перевернуть темную страницу истории. Для этого у него имелось достаточно сил и средств. Однако он не хотел этим оскорблять «благородное сословие», так много сделавшее для монархии и империи. Он надеялся, что дворянство само осознает неизбежность грядущих изменений. Это была одна часть проблемы, объясняющая столь продолжительный подготовительный период. Другая диктовалась самой сутью планируемого преобразования, затрагивавшего в той или иной степени все стороны социальной жизни огромной империи.

Проект отмены крепостного права был составлен особой комиссией, созванной царем в начале 1859 г. В нее вошли высшие государственные чиновники и известные деятели из неправительственных кругов. К концу 1860 г. план освобождения крестьян от крепостной зависимости был разработан. Выступая в Государственном совете при его обсуждении, Александр II сказал, что «счастлив свидетельствовать об этом перед потомством». В феврале 1861 г. был подписал манифест, извещавший об отмене крепостного права.

Это была великая и благотворная мера. Если бы даже в царствование Александра II больше ничего не случилось, если бы тогда он покинул земные пределы, то все равно в памяти народной, в летописях истории остался бы крупным преобразователем. Он пошел на то, на что даже его отец, император Николай I, сильный и властный правитель, не отважился.

Сложность решаемой задачи состояла в том, что земля в большинстве случаев принадлежала помещикам. Принять просто закон о том, что земледельцы с такого-то числа считаются юридически свободными, значило лишить их средств к существованию. Поэтому требовалось не просто дать свободу 25% крестьян (именно такая часть испытывала к тому времени тяготы личной несвободы), но и обеспечить им экономические условия для дальнейшей жизни.

Власть заботило и будущее положение дворянского сословия, представители которого являлись главными владельцами земельных угодий. (Сре-

ди землевладельцев имелись и представители иных сословий — купечества, мещанства, крестьянства, но в тот период им принадлежало лишь около 10% частновладельческого земельного фонда.) Благополучие дворянства, дававшего основную часть офицерского корпуса и чиновничества, напрямую было связано с положением крестьянства. Правительство, приступая к выработке преобразовательных мер, стремилось, с одной стороны, предоставить свободу простым (черносошным) крестьянам, обеспечить им необходимый минимум для самостоятельного существования, а с другой — защитить интересы дворянства.

19 февраля 1861 г., в шестую годовщину восшествия на престол, вместе с манифестом о ликвидации крепостного права, монарх утвердил несколько законодательных актов, составивших Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. С этого дня крепостное право отменялось, а крестьянам присваивалось звание «свободных сельских обывателей». Их юридическая принадлежность помещику раз и навсегда ликвидировалась. Манифест и новые законы были опубликованы и зачитывались в церквах по всей России.

Крестьяне получали личную свободу и право свободно распоряжаться своим имуществом. Полицейская власть, до тех пор принадлежавшая помещикам, переходила к органам сельских общин. Судебные полномочия частично передавались избираемым крестьянами волостным судам, а частично мировым судьям.

Помещики сохраняли право на всю принадлежавшую им землю, однако обязаны были предоставить в постоянное пользование крестьян «усадебную оседлость» (землю около крестьянского подворья), а также полевой надел (сельскохозяйственные угодья за пределами поселений).

За пользование получаемой землей крестьяне должны были или отрабатывать ее стоимость на землях помещика, или платить оброк (деньгами или продуктами). Размеры усадебного и полевого надела определялись особыми «уставными грамотами», для составления которых отводился срок в два года. Крестьянам предоставлялось право выкупа усадьбы и, по соглашению с помещиком, полевого надела. Крестьяне, выкупившие свои наделы, именовались крестьянами-собственниками, а не осуществившие этого — временнообязанными.

Выходившие из-под опеки помещиков крестьяне теперь обязаны были объединяться в сельские общества и все дела своего местного управления решать на сельских сходах. Исполнять решения таких собраний должны были сельские старосты, избираемые на три года. Расположенные в одной местности сельские общества составляли крестьянскую волость, делами в которой ведали собрания сельских старост и особые выборные от сельских обществ. На волостном сходе избирался волостной старшина. Он исполнял не только административные (управленческие), но и полицейские обязанности. Таковы были общие черты крестьянского самоуправления, утверждавшегося после падения крепостного права.

Правительство считало, что со временем вся земля, предоставленная согласно реформе крестьянам во владение, должна стать их полной собственностью. Так как большинство крестьян не имело средств, чтобы выпла-

тить помещику всю причитающую сумму, то деньги за них вносило государство. Эти деньги считались долговыми. Крестьянам предоставлялась возможность погашать земельные долги небольшими ежегодными выплатами, получившими название «выкупных платежей». Предполагалось, что окончательно расчет крестьян за землю завершится в течение 49 лет. Выкупные платежи платило ежегодно совокупно общество, а крестьянин не мог бросить просто так свой надел и уехать в другое место. На это надо было получить согласие сельского схода. Такое согласие давалось с большим трудом, так как платежи являлись общей повинностью. Это называлось круговой порукой.

Конечно, проведенные преобразования многих не удовлетворили. Помещики теряли дармовую рабочую силу, хотя и сохраняли рычаги финансового воздействия, но в перспективе должны были потерять свое влияние на крестьян. Крестьян не устраивало то, что землю они получали «не просто так», а за выкуп, который следовало платить долгие годы. В нескольких местах даже возникли беспорядки, так как крестьяне поверили слухам, что «настоящая царская грамота», где им якобы передавалась вся земля без всякого выкупа, «была спрятана барами». Получили известность события в селе Бездна Казанской губернии и в селе Кандеевка Пензенской губернии, где крестьяне прогнали всех государственных служащих и установили свою, «правильную» власть. В этих селах дело дошло до кровавых столкновений между крестьянами и войсками. Погибло несколько десятков человек.

В целом же историческое событие огромного значения произошло без серьезных социальных потрясений. В России наконец-то было ликвидировано право собственности на людей. В ряде западноевропейских стран подобное утвердилось уже давно, но в целом ряде других государств право собственности на людей сохранялось и после отмены крепостного права в России.

Например, в Соединенных Штатах Америки рабство (не крепостное право, когда крестьянин имел свой дом, инвентарь и скот, а именно рабство, когда человек вообще ничего своего не имел) было ликвидировано лишь в 1865 г. в результате жесточайшей гражданской войны, в которой погибло около 600 тыс. человек — больше, чем потеряла Россия на полях сражений за весь XIX в.

В России же все обошлось почти без жертв, и при всем несовершенстве реформы 1861 г. государству удалось решить трудную историческую задачу: ликвидировать унизительное крепостное право и открыть путь к интенсивному социальному преобразованию страны.

§ 3. Сельское хозяйство после ликвидации института крепостной зависимости

К моменту воцарения Александра II, в середине 1850-х гг., численность населения России составляла около 70 млн человек, из них лишь 10% проживало в городах. Через 40 лет, к середине 1890-х гг., численность населения империи возросла до 130 млн человек, из которых 17 млн (13%) проживало в городах. По темпам прироста населения Россия во второй поло-

вине XIX в. обгоняла все прочие европейские страны. В этот период в России насчитывалось более 25 млн лошадей, 31 млн голов крупного рогатого скота, 12 млн свиней, 63 млн овец. Страна являлась крупнейшим мировым поставщиком сельскохозяйственной продукции.

Когда говорят о сельском хозяйстве России XIX в., то имеют в виду главным образом Европейскую Россию, наиболее сельскохозяйственно развитый район. В других местах империи (Средняя Азия, Сибирь, Закавказье) ввиду малочисленности населения сельскохозяйственное производство обслуживало лишь местные нужды и не имело общероссийского значения. В Европейской России находились главные угодья (пашни, выпасы), подавляющая часть скота (более 80%), здесь производилась не только основная часть зерна, мяса, птицы и других продуктов, обеспечивавших внутренние потребности страны, но и для вывоза за рубеж. Изделия земледелия и животноводства — главные предметы русского экспорта на протяжении всего XIX в.

Несмотря на успехи в промышленном развитии, невзирая на рост городов, транспорта, Россия и в период царствования Александра II оставалась сельскохозяйственной страной. В сельской местности проживала подавляющая часть жителей (около 90%), а земледелие, скотоводство, обработка сельскохозяйственной продукции являлись главными занятиями для основной массы трудоспособного населения. Поэтому все изменения в этой области носили характер государственного события. Отмена крепостной зависимости крестьян должна была сильно повлиять на все условия хозяйственной деятельности в деревне. Эти преобразования происходили постепенно и начали приносить результаты через определенное время.

Постепенно росла продуктивность сельскохозяйственного производства: если в начале 1860-х гг. средний сбор зерновых составлял с десятины примерно 25 пудов (пуд = 40 фунтам = 16,38 кг), то через 20 лет поднялся до 40 пудов. Крестьянское хозяйство все больше и больше ориентировалось не только на удовлетворение продовольственных потребностей семьи, но и втягивалось в товарно-денежные отношения. Сельские общества и отдельные крепкие крестьянские хозяйства постепенно становились полноправными субъектами рыночной экономики.

Крепостное право к 1861 г. сохранялось далеко не везде. Однако в наиболее населенных и сельскохозяйственно развитых губерниях Европейской России оно существовало. Эта зона на севере проходила по линии Петербург—Вологда (примерно 60-я параллель), а на юге ограничивалась рекой Дон (примерно 45-я параллель). На востоке рубеж этого района обозначала река Волга, а на западе — граница Российской империи. В этом обширном географическом квадрате проживало более половины населения России, и именно здесь сильны были крепостные устои. В других районах к 1861 г. крепостной зависимости или вообще не было (север Европейской России, Сибирь, Прибалтика), или «в крепости» находилась незначительная часть землепашцев.

Хотя отмена крепостного права делала крестьянина юридически независимым от помещика-землевладельца, но последние сохраняли в своих руках важные экономические рычаги. В соответствии с положениями ре-

формы 1861 г. размеры крестьянского надела и характер повинностей (отработок) надлежало раз и навсегда определить по соглашению крестьян с помещиками, фиксируя это в особом документе — уставной грамоте. Ее составляли мировые посредники — особо назначавшиеся правительством лица из числа местных дворян-помещиков.

Естественно, что в немалом числе случаев подобные грамоты-договора отстаивали права дворян, что вызывало недовольство крестьян. Подобное положение особенно было заметно в так называемых черноземных губерниях (территории, начинавшиеся к югу примерно от Орла), где имелось особенно многочисленное сельское населения и где земли в силу своей повышенной плодородности являлись несравненно более дорогими, чем в северных, западных и восточных районах империи. Именно в черноземных губерниях (Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Киевская, Полтавская, Черниговская, Харьковская и др.) размер земли, перешедшей к крестьянам (надел), порой являлся чрезвычайно небольшим. *В этих районах противоречия земельных отношений ощущались* наиболее остро.

Нередко случалось, что земельный надел, размер которого составлял 3—4 десятины (десятина — чуть больше 1 гектара), просто не обеспечивал продовольственные потребности отдельной семьи. Крестьянские семьи, как правило, были большими (8—10 человек детей было обычным делом), и рост населения увеличивал и рост потребления. В то же время размер земельного владения оставался неизменным.

Земля считалась собственностью общины (мира) и должна была распределяться по числу едоков. Так как составы семей менялись, необходимо было регулярно проводить переделы земли, которые осуществлять на практике было невозможно. В некоторых местах такие переделы проводились раз в несколько десятилетий, а в некоторых других после отмены крепостного права и до самой революции 1917 г. так и не были проведены. В результате происходило то, что называлось обезземеливанием. Крестьянские семейные наделы дробились и уменьшались: родители отрезали детям, те, в свою очередь, своим детям и т. д. В деревне неизбежно обострялась земельная нужда.

Однако не только уменьшение земельного владения способствовало бедности. Имелись и другие причины. Главная среди них — низкая продуктивность сельскохозяйственного производства. Но если раньше за счет земельного изобилия можно было обеспечивать свои надобности, то чем больше становилось населения, тем скуднее делался уровень продовольственного обеспечения. В крестьянских хозяйствах во многих случаях использовался тот же инвентарь, что употреблялся издавна. Новшеств здесь было очень мало, и они утверждались с большим трудом. Консервативная психология мешала многим землепашцам проявлять интерес к новым техническим приспособлениям, к современным приемам ведения сельскохозяйственных работ.

Все еще безраздельно господствовала архаичная система севооборота, называвшая трехполье. Суть ее состояла в том, что в первый год поле засевалось озимыми (рожью или пшеницей), на второй — яровыми (помимо

ржи и пшеницы, еще овес, ячмень, горох) а на третий — поле оставалось незасеянным (под паром) и служило пастбищем. В XIX в. от трехполья отказалась в ряде развитых стран, перейдя на другие формы севооборота (чередование и сам подбор культур были иными), но в России оно сохранялось.

Из числа главных сельскохозяйственных культур на первом месте стояла рожь: под нее отводилось около 40% всех пахотных земель Европейской России. Затем шли: *овес (20%), пшеница (17%), ячмень (7%), гречиха (6%), просо (3%).* Картофель тогда был мало распространен, а его посадки занимали лишь 2% сельскохозяйственных земель. Его производили главным образом в Прибалтике и на территории современной Белоруссии (Могилевская, Гродненская, Минская губернии).

Основную часть рыночной сельскохозяйственной продукции давали крестьянские хозяйства. Продуктивность их была довольно низкой, нередко уступая вдвое урожаям на помещичьих землях, где значительно больше использовались удобрения, новые сельскохозяйственные орудия и новые формы севооборота. Для крестьян же покупка современных плугов, борон, веялок, жаток и т. д. была делом сложным и часто в силу материальных соображений нереальным. Заплатить деньги за металлические изделия они в большинстве случаев не могли и пользовались, как и встарь, сохой и деревянным плугом.

Соха взрыхляла почву на глубину 5—10 сантиметров, а деревянные бороны разрыхляли только самый верхний слой земли. Постепенно в обиход стали входить металлические плуги и бороны: сначала в помещичьих хозяйствах, а с конца XIX в. и в крестьянских, среди которых получила распространение покупка подобных изделий в складчину.

Малоземелье и общинная организация препятствовали крестьянину-общиннику перерасти в производителя, работавшего по законам рынка. Благосостояние крестьянской массы улучшалось очень медленно. Это касалось в первую очередь черноземного района. Если на севере, где была развития система городского промыслового хозяйства, крестьянин мог уйти на заработки в близлежащие города (как правило, на мертвые в деревни зимние месяцы), то на юге Европейской России это сделать было значительно сложнее. Городов здесь было мало, попытать там свою удачу, продавая нехитрые изделия крестьянских промыслов или свои трудовые навыки, было сложно.

Правительство осознавало, что низкая продуктивность крестьянского земледелия не позволяет существенно улучшить имущественное положение основной массы населения. Когда стали возникать земства, то власть сразу же начала поощрять эти органы местного самоуправления заниматься распространением среди крестьян современных агротехнических знаний. С этой целью на государственные средства в различных районах стали открывать школы и курсы, на которых крестьянам рассказывали и показывали, как надо вести дело, чтобы существенно повысить урожайность. В районах интенсивного земледелия появились и первые «опытные станции» и «показательные хозяйства», вызывавшие большой интерес.

В 1865 г. в Москве была основана Петровская земледельческая и лесная академия, занимавшаяся обследованием сельского хозяйства и выработкой рекомендаций для правительства и частных земледельцев и землевладельцев.

§ 4. Реализация программы социальных преобразований

Освобождение от крепостной зависимости крестьян совершенно меняло весь характер общественной жизни, в первую очередь в сельскохозяйственных районах, которым требовались теперь и иные правовые условия. В начале 1859 г. Александр II учредил особую комиссию, которой поручил выработать проект организации новых местных учреждений, построенных на выборном принципе. Формулируя их задачу, царь писал: «Необходимо предоставить хозяйственному управлению в уезде большее единство, большую самостоятельность и больше доверия».

Несколько лет шла подготовка новых законов, а 1 января 1864 г. царь утвердил Положение о земских учреждениях. Согласно этому Положению лицам всех сословий, владевших в пределах уездов землей или иной недвижимой собственностью, а также сельским крестьянским обществам предоставлялось право участия в делах хозяйственного управления через выборных-гласных, составлявших уездные и губернские земские собрания. Эти собрания собирались несколько раз в году. Для повседневной деятельности избирались уездные и губернские земские управы. К земствам перешли все местные нужды: строительство и поддержание в порядке дорог, продовольственное обеспечение населения, образование, медицинская помощь. Для осуществления этого необходимы были средства, и органы местного самоуправления получили права устанавливать местные налоги (земские сборы).

Земское самоуправление вводилось постепенно. Первое земство было учреждено в начале 1865 г. в Самарской губернии. До конца того года подобные учреждения были введены еще в 17 губерниях. К 1881 г. земство уже существовало в 33 губерниях Европейской России.

Через несколько лет после открытия земств право на широкое самоуправление получили и города. В 1870 г. Александр II утвердил Городовое положение, в силу которого городские думы, образованные из выборных гласных от городских сословий, и избранные этими думами городские управы стали ведать в городах теми же делами, которыми занимались земства в сельской местности. Участие в выборе гласных городских дум предоставлялось представителям всех сословий, имеющих в данном городе недвижимое имущество (дом, землю) или занимавшихся каким-либо торговым делом. Органы городского самоуправления наделялись правом вводить местные налоги (городские сборы).

Еще одной важной реформой царя Александра II стало преобразование судопроизводства. Старый суд был негласный, дела в нем вершились канцелярским способом, обвиняемые порой даже не призывались в суд, расследование проводилось часто неумело и небеспристрастно. Дела тянулись долго, а судебная волокита вызывала всеобщее недовольство. 20 ноября 1864 г. царь утвердил новые Судебные уставы, призванные создать суд ско-

рый, правый, равный и открытый. Новое судебное устройство соответствовало самым современным мировым нормам. Вводился суд присяжных и институт присяжных поверенных (адвокатов).

Царствование Александра II ознаменовалось проведением и еще одной важнейшей реформы — военной. 1 января 1874 г. был подписал указ о введении всеобщей воинской повинности. Более 100 лет высшие сословия в России были освобождены от обязательной воинской обязанности. Вся тяжесть лежала главным образом на крестьянстве, среди которого и проводились ежегодные рекрутские наборы. Забритые, как тогда называли рекрутов, отрывались от семьи на многие годы и возвращались в свою деревню уже в преклонных летах (срок службы равнялся 25 годам).

В манифесте о введении всеобщей воинской повинности говорилось, что «дело защиты отечества есть общее дело народа и священная обязанность каждого русского подданного». К отбыванию воинской повинности с 1874 г. стали призываться все молодые люди, достигшие 21 года. Предусматривались и льготы. Освобождались от службы по семейному положению (единственный сын в семье), срок службы для лиц с высшим образованием был сокращен, а некоторые категории, например учителя, вообще освобождались от призыва. Продолжительность военной службы существенно была сокращена: в армии до шести, во флоте до семи лет.

В период царствования Александра II произошли большие изменения и в сфере образования. Были открыты два новых университета: в Одессе и Варшаве, два историко-филологических университета, археологический и сельскохозяйственный институты, Высший лицей в Москве («Катковский»).

В 1863 г. был утвержден Университетский устав, предоставлявший высшим учебным заведениям широкую автономию. Все вопросы внутреннего управления переходили теперь от чиновника-попечителя к совету, избиравшемуся из среды преподавателей. Не только изменения текущего преподавания, но и вся внутренняя организация университетской жизни сосредоточивалась теперь в руках самого университета во главе с избираемым ректором. Были сняты ограничения для студентов: отменено обязательное ношение формы, все административные проступки студентов подлежали рассмотрению корпоративным студенческим судом.

В 1864 г. был утвержден новый Школьный устав, вводивший два вида гимназий: классические и реальные. Первые, где преподавались главным образом гуманитарные предметы и языки, в том числе латинский и греческий, должны были готовить учащихся к поступлению в университеты; вторые же, где предпочтение отдавалось естественно-научным знаниям, ориентировали выпускников на поступление в высшие технические заведения. Те и другие давали законченное среднее образование.

При Александре II получило широкое развитие начальное (двух- и четырехклассное) школьное образование для детей из малообеспеченных семей, главным образом крестьян. Всего за 26 лет его царствования число различного рода школ, гимназий, училищ увеличилось многократно. В 1880 г. количество учебных заведений превышало 23 тыс. (около 1,5 млн

учащихся), в то время как в 1861 г. количество учебных заведений разного профиля не достигало и 5 тыс.

Преобразования 60-х гг. XIX в. не обошли стороной и православную церковь. Они затронули как положение приходского духовенства, так и систему духовно-образовательных учреждений. Непосредственный толчок им был дан книгой священника Калязинского уезда Тверской губернии И. С. Беллюстина (1819—1890) «Описание сельского духовенства», опубликованной в Лейпциге в 1858 г., вскоре переведенной на английский и французский языки и изданной в Лондоне и Париже.

Это книга стала своего рода сенсацией. Никогда еще простой сельский православный пастырь не обращался к европейской публике с сочинением, где без всякой патетики и прикрас, совершенно бесхитростно описывалось неприглядное положение низшего духовенства, его материальные нужды, интересы и запросы. Опираясь на факты повседневной жизни, автор констатировал: «Грустно и больно смотреть, до чего унижено и подавлено у нас сельское духовенство, и тем более грустно и больно, что само оно некоторым образом подало и подает повод к этому и не имеет даже права сказать в утешение себе: вся терпим Христа ради». Хотя книга и не была официально разрешена, но получила широкую известность в России. Ее прочитали многие, в том числе и царь, на которого она произвела сильное впечатление.

В обществе началась дискуссия о положении духовенства. Александр II поручил Министерству внутренних дел и Святейшему синоду разработать меры, способные исправить существующее положение. Такие предложения были подготовлены, и они касались не только конкретных вопросов материального обеспечения церковнослужителей, но и затрагивали широкий спектр государственной церковной политики. В числе особо значимых находились законы 1858 и 1864 гг. о старообрядцах, административное преследование которых прекращалось и им разрешалось отправлять свои богослужения и требы.

В 1867 г. был утвержден Устав о духовных училищах, согласно которому в такие учебные заведения разрешено было принимать детей из всех сословий. Духовные семинарии впервые получали некоторую автономию в решении своих внутренних дел. В учебных курсах было существенно увеличено преподавание общеобразовательных дисциплин, а семинарская программа была приближена к программе гимназии. В 1867 г. появился новый Устав духовных академий, предусматривавший развитие «высшего образования для просвещенного служения Церкви». Отныне не только углублялось преподавание собственно богословия, но и значительно расширялось изучение гуманитарных дисциплин: философии, логики, истории, психологии, иностранных языков. Академии получали автономию, сходную с автономией университетов.

Большие количественные и качественные сдвиги в царствование Александра II произошли в области начального церковно-приходского образования. Если в 1841 г. в России насчитывалось 2700 подобных учебных заведений, в которых обучалось 25 тыс. человек, то в 1860 г. имелось уже 7907 школ, а контингент учеников достигал почти 140 тыс. человек. Однако

с середины 1860-х гг. рост церковно-приходских школ начал быстро сокращаться. На смену им приходили государственные и земские школы. Новое развитие церковно-приходское образование получило лишь в 1880-е гг.

§ 5. Характер индустриальной модернизации России. Промышленность до и после Манифеста 19 февраля 1861 г.

Российская империя всю первую половину XIX в. оставалась сельскохозяйственной страной, а индустриальный сектор экономики в этот период занимал второстепенное положение.

В 1801 г. в Российской империи насчитывалось 2433 промышленных заведения, на которых работало 95 тыс. человек, произведших товарной продукции на 25 млн рублей. Из этих данных явствует, что в среднем на предприятии было занято всего по нескольку десятков человек. К 1854 г. общее количество промышленных предприятий достигло 9944, число рабочих — 460 тыс., объем же произведенной продукции определялся суммой 160 млн рублей. Если учесть, что численность населения к 1854 г. достигла почти 70 млн человек, а государственные расходы составили 350 млн рублей, то нельзя не признать, что и к началу второй половины XIX в. Россия все еще была очень далека от ранга промышленной державы. Как и пятью—десятью годами ранее, крупных промышленных предприятий (100 и более рабочих) в стране насчитывалось немного.

Существовало три главных региональных центра, где была сконцентрирована основная часть промышленности и торговли. Петербург — средоточение крупных промышленных предприятий, главные торговые ворота России с внешним миром. Москва и прилегающие губернии составляли второй важнейший промышленный узел, где концентрировались текстильные промышленные заведения и пищевкусовые производства. Урал же, как и раньше, оставался центром добычи минерального сырья и выплавки металлов. С 40-х гг. XIX в. началось освоение и промышленно-сырьевого района Донбасса, ставшего позже важнейшим центром металлургии, угледобычи и тяжелого машиностроения.

Промышленные заведения Петербурга, Москвы и Урала производили те изделия и товары, которые отдельные ремесленники в своих мелких мастерских сделать не могли. Крупные предприятия — мануфактуры — появились в России еще в XVII в. На них работали сотни, а иногда и тысячи рабочих. Но как явствует уже из самого названия, такие заведения использовали по преимуществу ручной труд. Конечно, имелись различные технические приспособления, но все главные операции осуществлялись благодаря мускульной энергии человека или животного.

Мануфактуры принадлежали как частным лицам, так и государству. Последние были особенно крупными и выполняли заказы правительства, связанные в первую очередь с нуждами армии и флота, — по производству оружия, парусины, корабельных канатов, сукна, кож, обмундирования. Традиционно на мануфактурах использовался труд подневольных работников. Крепостных крестьян отправляли на фабрику или завод, не спрашивая их согласия, и там заставляли («предписывали») выполнять опреде-

ленные работы. Эта категория трудящихся носила наименование посессионных крестьян.

Принудительный труд не мог быть особо производительным. Рабочий не имел личной заинтересованности в качестве и в результатах своего труда, он как бы отбывал повинность. Здесь коренилась одна из главнейших причин низкой эффективности производства. По свидетельству одного немецкого ученого-металлурга, побывавшего в начале 40-х гг. XIX в. на Луганском механическом и литейном заводе, там «употребляют шесть рабочих на то, что в Силезии делает один, и рабочие только тогда занимаются делом, когда видят над собой глаз начальства».

Низкая производительность существовала и на многих других предприятиях, даже на тех, где изготовлялись новейшие станки и технические приспособления (в их число и входил Луганский завод) и где использовался крепостной труд.

Мануфактуры существовали во всех странах, но в западноевропейских странах на таких предприятиях уже в XVIII в. широко использовался труд вольнонаемных работников. В России же вольный наем получил распространение лишь в начале XIX в. и очень быстро завоевал прочные позиции. К 1830 г. количество вольнонаемных составляло уже около 60% от числа всех работавших на мануфактурах. Коренной перелом в развитии промышленности произошел тогда, когда появился тепловой поршневой двигатель (паровая машина). Это было приспособление, способное преобразовывать энергию водяного пара в механическую работу.

Впервые в мире подобный паровой двигатель разработал русский техник-самоучка И. И. Ползунов в 1763 г. Но тогда эта открытие не получило поддержки. Рабочая сила была слишком дешева, а представленный проект казался чрезвычайно сложным и дорогостоящим. Через 10 лет после И. И. Ползунова английский изобретатель Дж. Уатт создал универсальный тепловой двигатель, который сразу же получил широкое распространение в промышленности Англии, а затем и в других странах. Двигатель Уатта оставался единственным универсальным двигателем до конца XIX в. (до появления двигателя внутреннего сгорания) и способствовал бурному прогрессу всех отраслей промышленности.

Появление паровой машины качественно изменило всю технологию крупного производства. Паровой двигатель приводил в действие сразу множество станков и механизмов, что резко повышало производительные возможности любой фабрики или завода. Замена ручного труда механическим и называется обычно промышленным переворотом, который в таких странах, как Англия, США, Голландия, полностью завершился к середине XIX в. В России доминирование современных промышленных структур в форме фабрики или завода относится к последним десятилетиям XIX в.

Первые промышленные предприятия, оборудованные паровыми двигателями, стали появляться в России в начале XIX в. Но число их было невелико. Самой бурно развивавшейся отраслью промышленности являлась текстильная. Производство тканей, особенно недорогих, из хлопка и льна, имело широкий рынок сбыта, и текстильные изделия (их часто в России называли мануфактурой) можно было легко продать в любом месте. Но сы-

рье для хлопчатобумажной промышленности надо было ввозить из-за границы, так как своего хлопка в России не было. Только во второй половине XIX в. после присоединения Средней Азии появился российский хлопок, который быстро стал вытеснять с отечественного рынка египетский, индийский и североамериканский, поступавший в Россию главным образом из Англии.

Естественно, импортные сырье, красители, оборудование удорожали производство. Поэтому в начале XIX в. часто дешевле можно было купить за границей готовое изделие из хлопка, чем заниматься его производством в России. Однако постепенно повышались таможенные тарифы (налоги на ввоз), а это удорожало импорт. Экономически становилось более выгодным производить изделия в России. Начали возникать крупные (более 100 работников) хлопчатобумажные фабрики.

В 1804 г. таких фабрик в Российской империи насчитывалось 199, а в 1830 г. их было уже 538. Почти все они принадлежали купцам. Ими были или русские подданные, или иностранцы. В числе последних преобладали инженеры и техники из Англии, Германии, Швеции, Франции, приезжавшие в Россию на заработки. Некоторые основывали здесь свою фирму и начинали работать для русского рынка, а затем окончательно переселялись в империю. Немалое их число принимали и русское подданство. По прошествии времени целый ряд «экономических эмигрантов» вырастал в предпринимателей общеимперского масштаба: Губбард, Кноп, Вогау, Нобель, Вахтер, Гужон, Жиро, Шпан и др. В летописи отечественного предпринимательства «русские иностранцы» занимают почетное место рядом с именами представителей исконно русских купеческих семей. Все вместе они составляли то, что на языке социологии XX в. называется деловой элитой.

Промышленный переворот способствовал росту числа промышленных заведений, позволял производить значительно больше изделий, уменьшать издержки и снижать цену товара. Если в 1820 г. 440 фабрик по обработке хлопка произвели 35 млн аршин хлопчатобумажного полотна (аршин = 71 см), то в 1852 г. таких фабрик насчитывалось уже 756 и ими было выпущено 257 млн аршин хлопчатобумажных тканей.

В текстильной отрасли стали возникать невиданные ранее мощные предприятия. В 1835 г. было учреждено первое в России акционерное общество хлопчатобумажного производства — Российская бумагопрядильная мануфактура с огромным по тем временам складочным капиталом 1 млн рублей, увеличенным через некоторое время до 3,5 млн рублей. Учредителями общества стали петербургские и английские капиталисты, построившие за три года в Петербурге на Обводном канале комплекс промышленных корпусов. В 1847 г. число веретен в цехах компании достигло 60 тыс. К этому времени фирма являлась крупнейшим в России производителем хлопчатобумажной пряжи.

В 1857 г. возникло крупнейшее не только в России, но и в Европе товарищество Кренгольмской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры. Ее учредителем и главным акционером стал обрусевший немец Л. Г. Кноп, фирма которого еще с начала 1840-х гг. держала монополию на поставку

английского машинного оборудования для текстильной промышленности России.

За короткий срок товарищество создало на берегу реки Нарвы близ одноименного города огромный промышленный текстильный центр, производивший пряжу, ткани, нитки. Бумагопрядильное производство первоначально имело 52 тыс. веретен, а бумаготкацкое было оснащено 800 механическими станками. Технологический процесс был построен на использовании энергии воды, для чего построена система мощных водяных колес, что обеспечивало низкую себестоимость продукции. Норма выработки кренгольмского прядильщика на 44% превышала общероссийский показатель, а норма выработки ткача — на 20%.

Развитие промышленности и торговли способствовало росту городских центров. Численность городского населения Европейской России с 1811 по 1856 г. увеличилась с 2,8 до 5,7 млн человек. В то же время общая численность населения империи за этот же период возросла лишь на 75%: с 41 примерно до 72 млн человек (точной статистики учета населения в тот период не существовало, и оценки носят приблизительный характер). Наивысшие темпы прироста демонстрировали крупнейшие торгово-промышленные центры. За 15 лет, с 1826 по 1840 г., население Петербурга увеличилось с 330 до 470 тыс. человек, а население Москвы — с 200 до 350 тыс. человек.

Изделия из хлопка стали преобладать на отечественном рынке со второй половины XIX в. Раньше значительно большее распространение имел другой материал — лен, или, как его еще называли — русский хлопок. Из него делали ткани различного назначения — и для изготовления одежды, и для технических нужд, и для нужд вооруженных сил. Производством и обработкой льноволокна занимались главным образом крестьяне центральных и северных губерний Европейских России. Руками членов своих семей крестьяне производили подавляющую часть льноволокна, делали на своих домашних ткацких станках и грубое льняное полотно.

В этой системе производства громоздким и дорогим машинам места не было. Машины могли получить распространение лишь на крупных фабриках и заводах, принадлежавших государству или создававшихся частными предпринимателями. Именно на них паровые машины и крупное машинное производство утверждаются с 30-х гг. XIX в. Начинается промышленный переворот, который окончательно завершился через полвека полной победой машины в промышленном производстве в России. Развитие промышленности и транспорта требовало поставок различного оборудования. Наиболее сложными и дорогими среди них в тот период являлись паровые машины. Их или ввозили из Англии, или производили в самой России. Причем уже с середины XIX в. российская индустрия почти полностью обеспечивала нужды в подобных изделиях. По мере развития важнейшей отрасли отечественного машиностроения — котлостроения — уменьшалась и стоимость изделий: с 1830 по 1860 г. цены на паровые машины снизились в пять раз.

Крупнейшими производителями паровых машин и паровых котлов являлись государственные (казенные) заводы, расположенные в районе Пе-

тербурга (Ижорский, Александровский и Петербургский литейный — Путиловский). Особенно крупные заказы выполнялись на Александровском заводе, который в 30—40-е гг. XIX в. выпускал паровые машины (паровые котлы) для пароходных компаний. В год здесь изготовлялось по нескольку таких машин. Их производили и некоторые частные фирмы. Крупнейшая среди них была основана в Петербурге в начале XIX в. англичанином Ф. Бердом и действовала под маркой «Завод Ф. Берда». В 30-е гг. XIX в. здесь ежегодно изготовлялось до 10 паровых машин преимущественно для пароходов.

В 1849 г. в Поволжье, недалеко от Нижнего Новгорода был основан Сормовский механический завод, специализировавшийся на постройке речных пароходов. Первоначально они оснащались паровыми котлами из Бельгии и Англии, но уже через несколько лет суда начали полностью укомплектовывать отечественным оборудованием. В первое десятилетие своего существования заводом было произведено 60 паровых судов. Впоследствии сормовский завод сделался крупнейшим центром судостроения Волжского бассейна. Паровые машины изготовляли и на Урале. В 1830—1840-е гг. здесь, на Выксунских заводах, по заказу частных пароходных и текстильных компаний ежегодно производилось по нескольку таких машин.

Всего к началу Крымской войны в России существовало несколько тысяч промышленных предприятий, на которых работало 520 тыс. человек. Основная их часть была небольшими мастерскими, где трудилось от 3 до 50 человек, занимавшихся главным образом производством текстильных изделий и обработкой продуктов сельского хозяйства.

Машиностроительных заводов в полном смысле этого слова (а это всегда более или менее крупные предприятия) тогда насчитывалось всего 25, и они обеспечивали не более 30% потребностей страны в машинном оборудовании. Заметный перелом наступил в годы Крымской войны. За 10 лет, с 1850 по 1860 г., число машиностроительных заводов увеличилось до 99, а количество рабочих возросло почти в 10 раз. Когда началась война, то импортные поставки были прекращены. Государство, остро нуждаясь в вооружении, мобилизовало внутренние промышленные ресурсы, которые были очень невелики. Требовались новые образцы оружия, современные корабли. К 1854 г. флот России состоял из 446 военных судов, в числе которых имелось лишь 65 современных паровых судов, а остальные — парусные.

Правительство срочно решило исправить положение. К делу поставок для армии привлекались все машиностроительные заводы и даже мелкие мастерские. В результате только на петербургских заводах за первый год войны было построено для флота 103 паровые машины. Таких темпов раньше Россия не знала. Всего за годы Крымской войны производство машин и оборудования увеличилось в Российской империи в три раза. Однако по темпам роста и показателям производства в области металлургии и машиностроения Россия все еще далеко отставала от ведущей промышленной державы — Великобритании.

Если с 1800 по 1860 г. число доменных печей в России увеличилось со 142 до 145, а выплавка чугуна с 9971 тыс. до 18 198 тыс. пудов, то за тот же период в Англии количество домен возросло со 150 до 565, а выплавка чугуна поднялась с 9836 тыс. до 241 900 тыс. пудов, или более чем на 2000%. Отрицательная для России динамика развития ведущей отрасли промышленности заметно стала меняться в благоприятную строну в последующие десятилетия, когда страна вступила на путь интенсивного капиталистического развития.

* * *

К исходу первой половины XIX в., невзирая на заметные успехи в области развития промышленности, Россия была еще далека от звания промышленной державы. Триумф капитализма наступил значительно позже. Но при всем при том потребности отечественной торговли и промышленности всегда находились в центре внимания власти, стремившейся поощрять развитие промышленных начинаний частных лиц.

Вскоре после восшествия на престол в 1801 г. появился манифест Александра I, где говорилось: «Кто откроет новую отрасль торговли и промыслов, изобретет новую полезную машину, заведет фабрику в новом роде или в лучшем устройстве с большим действием или меньшим расточением сил и, наконец, всяк, кто представит по этим предметам сочинение, на твердом умозрении и опыте основанное, да будет удостоверен в достойном возмездии и награде пользам изобретений его соразмеренной». От александровского манифеста можно вести отсчет патерналистской политики по отношению к промышленности, проводимой властью на всем протяжении XIX в.

Повышенный таможенный тариф, предоставление различных налоговых и прочих финансовых льгот и субсидий, поощрение деловых людей награждением чинами и дворянскими сословными правами, система казенных заказов и подрядов — все это отражало попечительный характер политики государства. В этом ряду находились разные по значению правительственные общественные акции: от введения нового сословного разряда — потомственных почетных граждан в 1832 г. — для отличия лиц, «на ниве коммерции себя проявивших», до организации общеимперских смотров достижений отечественной промышленности.

В 1829 г. в Петербурге была организована Всероссийская мануфактурная выставка. Впервые в истории в столице государства состоялся показ достижений отечественной промышленности, где самые известные фирмы и капиталисты представили свои изделия. Необычность события и внимание к нему высочайших особ привлекли на экспозицию многочисленную публику. Успех был полный. С этого времени подобные мероприятия стали время от времени проводиться не только в Петербурге. Всего на протяжении XIX в. в России состоялось 16 общероссийских выставок. Последняя имела место в Нижнем Новгороде в 1896 г.

Когда в 1851 г. в Лондоне открылась первая всемирная выставка, то русский отдел привлек большое внимание и посетителей, и прессы. Высокой оценки удостоились изделия из серебра, меха, кож, парчи, глазета, де-

рева. Золотое и серебряное шитье и русские бисерные вышивки были признаны «несравненными перлами» мировой экспозиции. Вместе с тем оказалось, что и в области бумагопрядильного и бумаготкацкого производства русские изделия не уступают качеству ведущих индустриальных стран, что и было засвидетельствовано награждением медалями товаров различных русских фирм.

Бескомпромиссный административный контроль и крепостничество являлись главными отличительными чертами государственной системы первой половины XIX в. Однако та модель «самодержавного ампира», первым «архитектором» которой явился еще Петр I и которая достигла своего апогея при Николае I, не исключала возможности своей модификации. В рамках системы происходили глубинные социальные изменения. Они вызывались к жизни естественными процессами социальной трансформации, некоторые из которых стимулировались правительственными мероприятиями законодательного и административного порядка.

Наряду с крепостнической архаикой в российском праве утверждались положения и нормы, отвечавшие самым передовым разработкам мировой экономической мысли. В этом смысле особенно показательно отношение самодержавной власти к акционерному делу. Акционерная форма организации капитала и предпринимательской деятельности утвердилась в качестве наиболее универсальной и мобильной структуры в системе частнокапиталистического хозяйства в Западной Европе и в США в первой половине XIX в. Вскоре она заняла доминирующее положение на рынке капитала по объему абсорбированных средств. В России же в этот период капиталистические рыночные отношения лишь делали свои первые шаги, но и здесь акционерная форма довольно быстро завоевывала прочные позиции.

Акционерная компания, в отличие от единоличного предприятия, позволяла аккумулировать капиталы многих лиц, что открывало большие возможности для реализации сколько-нибудь значительного экономического начинания и быстрого получения прибыли. К тому же отдельные акционеры в случае банкротства компании не несли ни юридической, ни финансовой ответственности за дела фирмы в целом.

Материальный же риск ограничивался лишь долей их участия. Анонимность контингента держателей ценных бумаг компании — акций и облигаций — позволяла приобретать их людям, которые или не хотели, или не могли иным путем и гласно обозначить свои коммерческие интересы. В начале XX в. акционерная форма капитала заняла доминирующее положение и в России, где к этому времени уже существовала богатая законодательно-нормативная практика.

Впервые законодательная норма, разрешавшая и регламентирующая деятельность акционерных ассоциаций, появилась тогда, когда самих структур еще фактически не существовало. 1 января 1807 г. последовал Манифест Александра I «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». В этом документе были сформулированы важнейшие принципы акционерного дела: признание различных видов купеческих товари

ществ, обязанных действовать на основе особых договоров между товарищами.

Манифест устанавливал несколько видов ассоциаций. 1. Полное товарищество подразумевало равноправие всех участников в делах и солидарную правовую и денежную ответственность всех товарищей по делам компании. 2. Товарищество на вере разрешало участие в деле помимо полных товарищей еще и вкладчиков, которые в управлении не участвовали, но имели право на прибыль в соответствии со своей долей капитала.

Далее в манифесте Александра Павловича содержалось важное положение, заложившее основу правовому конституированию акционерных фирм. «Сверх того бывает товарищество по участкам, которое слагается из многих лиц, складывающих воедино определенные суммы, коих известное число дает складочный капитал. Но как цель оного служит важным видам государственного хозяйства, то сего рода компания учреждается с Нашего утверждения и, по существу своему допуская участников из всех состояний, не прямо принадлежит к занятиям купечества».

Отныне, во-первых, коммерческие занятия переставали быть привилегией лиц купеческого сословия. Во-вторых, разрешалось учреждать компании с любым числом участников. Здесь же четко сформулирован главный принцип акционерного дела в России, сохранявший законодательную силу до самого конца монархической системы. Крупное предпринимательство, а акционерная компания такой и являлась, — дело государственной важности и сама верховная власть дает санкцию на такое начинание. В связи с этим устав каждой акционерной компании (товарищества по участкам) утверждался царем.

Перед лицом самодержца этот нормативный акт представал после длительной процедуры согласований в различных инстанциях, выяснявших и благонадежность учредителей, и их коммерческую респектабельность. Разрешительная практика неизбежно порождала бюрократическую волокиту, на которую непрестанно сетовали предприниматели. В России сохранялся своеобразный концессионный порядок акционерного учредительства даже тогда, когда в большинстве буржуазных стран утвердилась явочная система создания акционерных компаний. При всем при том «неспешная процедура» имела и важное достоинство. Она не позволяла различным «биржевым зайцам» быстро учредить спекулятивную фирму, устроив шумную рекламную кампанию в прессе, выгодно продать акции заведомого обреченного предприятия, обобрав доверчивую публику. Хотя различные финансовые скандалы в деловой среде не являлись редкостью, однако ничего подобного тем регулярным акционерным крахам, которые испытывали финансовые рынки в США или во Франции, в России не наблюдалось.

После 1807 г. законодательная база акционерного предпринимательства расширялась, совершенствовалась. 6 декабря 1836 г. Николай I утвердил разработанное Государственным советом Положение о компаниях на акциях и подписал подготовленный М. М. Сперанским указ Сенату об обнародовании и исполнении этого закона. Россия обрела универсальный свод акционерного законодательства раньше, чем большинство других, значи-

тельно более развитых капиталистических стран. В Пруссии это случилось в 1843 г., в Англии — 1844 г., во Франции — 1856 г.

Появление этого нормативного кодекса отражало понимание правительством важной роли ассоциированных форм капитала в деле развития народного хозяйства в стране. В монаршем указе говорилось, что новый закон принимается, «дабы всем ветвями промышленности, при благословении Божием столь приметно возрастающей в империи Нашей, доставить, с одной стороны, сколь можно более свободы в ее движении и развитии, а с другой — оградить ее по возможности от последствий легкомыслия и необдуманной предприимчивости».

Компания рассматривалась как наиболее удобная форма для производственного помещения свободных частных капиталов, в том числе и некрупных, не имевших самостоятельного производственного значения. Из этого следовала забота законодателя о том, «дабы каждому раскрыт был свободный путь участвовать в выгодном помещении капитала на общих для всех единообразных правилах». Провозглашение принципа равенства всех акционеров без различия чинов и состояний являлось новым элементом российского правотворчества, хотя в данном случае равноправие ограничивалось лишь областью товарищеского предпринимательства и сферой прерогатив сепаратного законодательства. Однако в рамках существовавшей жесткой сословно-иерархической системы сам факт признания возможности подобной нормы даже на микроуровне служил провозвестником грядущих социальных преобразований. Капитал отрицал любую традиционную субординацию, утверждая лишь иерархию денег. Консервативный монархический истеблишмент в 1836 г. сделал первую заметную уступку логике и силе «господина Купона».

Положение устанавливало пределы прав и обязанностей каждой акционерной компании и четко подтвердило принцип ограниченной ответственности акционеров. Высшим органом компании определялось собрание акционеров, избиравшее из своей среды правление. Важным моментом при учреждении компании явилось законодательное разрешение вносить платежи за акции с рассрочкой (по частям). Это должно было увеличить контингент лиц, заинтересованных в приобретении таких ценных бумаг. Размер основного капитала акционерных компаний и номинал самих акций законом не ограничивались.

В общей сложности Положение включало несколько десятков пунктов, каждый из которых определял процедуру учреждения компании, различные стороны ее деятельности, оговаривал правовую технику прекращения дел и ликвидацию компании. Устав компании вступал в действие после опубликования «во всеобщую известность» в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях». Закон 1836 г. не устанавливал определенного формуляра устава, однако под влиянием общих статей и положений закона в практике акционерного учредительства вскоре сложилась единая его форма. Типовой устав компании обычно состоял из шести разделов, включавших по 10 и более параграфов. Подробная структура сохранялась вплоть до 1917 г.

Несмотря на то что уже к 30 гг. XIX в. в России имелось развитое акционерное законодательство, самих компаний учреждалось немного и деятельность их редко выходила на общероссийский уровень. В большинстве своем акционерные компании первой половины XIX в. были заняты региональными транспортными перевозками, производством различных напитков, строительством небольших судов и т. д. Транспорт, страхование, торговля и посреднические услуги — основные сферы деятельности большинства фирм.

История акционерного учредительства в России восходит к 1755 г., когда и была учреждена первая — Водолазная — компания (по Финскому заливу), существовавшая до 1822 г. Всего до издания Манифеста 1807 г. в России было учреждено не более 10 компаний. В последующие 20 лет возникло еще 15 акционерных фирм. О круге их коммерческих интересов можно судить уже по названиям: «Общество театрального дела в Ревеле», «Страховое общество Феодосии», «Одесская страховая контора для застрахования судов и товаров, «Юго-Западная судоходная компания», «Мингрельское торгующее общество», «Крымская винная компания», «Одесская компания искусственных минеральных вод» и т. д.

В 1827 г. возникла и одна из крупнейших компаний России, существовавшая вплоть до ее национализации большевиками в 1917 г., — «Первое от огня страховое общество». Складочный (основной) капитал общества был определен в 10 млн рублей, разделенных на 10 тыс. акций по 1 тыс. рублей (ассигнациями) каждая. Блестящий финансовый успех, выражавшийся в высоких ежегодных дивидендах, доходивших иногда до 50% и более, произвел огромное впечатление на состоятельную публику и оказал большое влияние на ход акционерного учредительства. Средний дивиденд за первые 20 лет составил баснословную величину — 45% годовых. Иными словами, каждый вложенный рубль возвращался к акционеру фактически через пару лет.

На самом деле крупный чистый доход начинал поступать к владельцам уже в первый год, так как учредители и первые акционеры оплатили лишь 20% стоимости акций (200 рублей ассигнациями, или примерно 70 рублей серебром). Выплаты же по купонам производились из расчета процента от номинала — 1 тыс. рублей. Впечатляющая финансовая результативность стала следствием того, что правительство предоставило обществу двадцатилетнюю исключительную монополию на страхование имущества от пожаров в двух столицах, Петербургской, Московской и трех прибалтийских губерниях. Успешно действовали и некоторые другие акционерные фирмы. В 1828 г. Московский генерал-губернатор сообщал министру финансов, что успехи возникшей незадолго до того Московской компании искусственных минеральных вод «не только соответствовали всем ожиданиям, но и превзошли (их) в некоторых отношениях».

Правительство старалось стимулировать приток средств частных лиц в сферу акционерного предпринимательства. Речь шла о вкладах, скапливавшихся в государственных кредитных учреждениях (до начала 1860-х гг. частных коммерческих банков в России не существовало). К концу второго десятилетия XIX в. объем таких накоплений превышал 500 млн рублей. По

ним государство платило 5% годовых, что ложилось тяжелым бременем на государственный бюджет. Министр финансов Е. Ф. Канкрин докладывал в 1829 г. Николаю I «о непомерном количестве капиталов, вносимых в банки ко вреду ценностей недвижимых имений и к неминуемому впоследствии убытку кредитных установлений». Министр считал такие капиталы «праздными».

После длительных обсуждений в высших инстанциях император 1 января 1830 г. издал указ о снижении учетного банковского процента с 5 до 4%. Снижение дохода вкладчиков не привело к массовому оттоку «праздных» капиталов. В тот период возможности прибыльного вложения были весьма ограничены. Можно был приобрести государственные облигации, дававшие 5% годовых. Лучшие перспективы сулили акции, средняя доходность которых в этот период колебалась в пределах 8—10%. Однако в отличие от капитальных (государственных) бумаг, надежность которых была защищена мощью империи, вложение в акции было сопряжено с риском. Компания могла вылететь в трубу, а вложенные средства безнадежно исчезнуть.

Однако эти опасения меркли перед соблазном быстрого и крупного обогащения. С 1830 по 1836 г. возникло почти 20 компаний. В 1835 г. появилась и первая отечественная железнодорожная компания — «Общество Царскосельской железной дороги» с капиталом 1 млн рублей.

С 30-х гг. XIX в. началось приобщение русской аристократии — самого состоятельного слоя общества того времени — к акционерному делу. Среди учредителей и акционеров компаний появляются представители самых родовитых и именитых дворянских фамилий: князей Юсуповых, Гагариных, Кочубей, графов Воронцовых, Строгановых, Комаровских, Мордвиновых, Блудовых, Сперанских, баронов Корф и др.

Сливки аристократии повседневными делами компаний не занимались, на тот случай имелись служащие и акционеры низших сословий. Их интересовала лишь учредительская и акционерная прибыль. Далеко не в последнюю очередь участие сильных мира сего вызывалось особенностями учредительской системы. Для быстрого и успешного «проведения устава» требовались влиятельные персоны. И почти во всех случаях они непременно фигурировали. Так, известный граф А. Х. Бенкендорф в 1830-е гг. явился учредителем четырех акционерных обществ. Вспоминая то время, близкий к шефу Третьего отделения барон М. А. Корф позднее писал, что имя Бенкендорфа «стояло всегда во главе всех промышленных и спекулятивных предприятий той эпохи; он был директором всех возможных акционерных компаний и учредителем многих из них. Но все это делалось не по влечению к славе, не по одному желанию общего добра, а более от того, что все спекуляторы, все общества сами обращались преимущественно к графу для приобретения себе в нем сильного покровителя».

Участие в любом начинании всесильного графа, с одной стороны, очень ускоряло утверждение устава, а с другой — обеспечивало успех хлопотного дела по «рекрутированию» акционеров. Примечательная в этом смысле история произошла в 1835 г. при учреждении Второго страхового от огня общества, капитал которого был определен в 5 млн рублей, разде-

ленных на 20 тыс. акций по 500 рублей. Вскоре после утверждения устава «непременный учредитель» граф А. Х. Бенкендорф обратился с письмом к государственному секретарю М. А. Корфу, предложив тому распределить 500 акций по 500 рублей ассигнациями среди членов Государственного совета. В кругу государственных мужей начался настоящий ажиотаж, так как были хорошо известны успехи Первого страхового общества. Уже через неделю поступило в три раза больше заявок, чем требовалось. Пришлось устраивать специальную разверстку среди сановников, и многие не скрывали досады, жаловались, что их обделили. Хотя учреждаемое общество получило привилегию на 12 лет заниматься страховым делом в 40 губерниях, не вошедших в привилегию Первого общества, надежды на сверхприбыль не оправдались и дивиденд в первые 10 лет не превысил 10%.

В этот период в России появляется не только социальная прослойка акционеров, но и зарождается биржевая игра. Ценные бумаги компаний превращаются в предмет оживленной купли-продажи. Причем во многих случаях стоимость акций никак не была связана ни с родом деятельности компаний, ни с их надежностью. Все эти «финансовые страсти» неизбежно должны были завершиться биржевым крахом, который и последовал в 1836 г. Хотя общественных потрясений то событие не вызвало, но банкротство нескольких компаний чрезвычайно охладило пыл. Падение спроса и соответственно цен на акции вызвало опасения правительства, что пережитый кризис может «вообще подорвать дух предпринимательства».

Министр финансов Е. Ф. Канкрин писал министру внутренних дел Д. Н. Блудову в 1836 г.: «Я не могу скрыть, что сомнительные успехи некоторых компаний, у нас учрежденных, грозят отохочиванием публики вовсе от участия в оных, тем более, что немалое число людей уже разорилось от ажиотажа, почему на будущее время требуется вящая осторожность правительства, и в сем отношении лучше отказать десяти не совершенно положительным компаниям, нежели допустить одну ко вреду публики и самого дела».

В последующее годы правительство старалось руководствоваться этим принципом и очень осторожно относилось к учреждению новых уставов. Несмотря на это, процесс акционерного предпринимательства не прекратился. С 1837 по 1856 г. в России начало функционировать 69 новых акционерных фирм. Если учесть, что за это время прекратили свои действия 20 компаний, треть из числа появившихся ранее 1837 г., то общий прирост все равно оказался весьма существенным. В это время величина основного капитал одного предприятия равнялась в среднем 850 тыс. рублей, что практически исключало возникновение соответствующих предприятий не в акционерной форме.

Характерной приметой акционерного учредительства 40—50 гг. XIX в. стал тот факт, что уже не менее половины новых компаний возникает в области фабрично-заводской промышленности. Однако коренной перелом в развитии отечественного народного хозяйства и акционерного предпринимательства в целом наступил после Крымской войны. Ослабление административных препонов и раскрепощение деловой инициативы быстро принесли невиданные результаты. За три года, с 1857 по 1859 г., в России воз-

никло 77 акционерных компаний. Таких темпов учредительства Россия еще не знала.

* * *

В целом к концу 50-х гг. XIX в. положение экономического хозяйства России было далеко не блестящим: государственные расходы значительно превышали доходы, деньги катастрофически обесценивались, промышленность и торговля не имели надежного кредита, а свободные капиталы стремительно уплывали из страны. Требовалась серьезная санация хозяйственно-финансовой системы, а для этого требовались новые деятели, способные предложить смелые решения. Одним из них и стал Михаил Христофорович Рейтерн (1820—1890), предки которого были выходцами из Германии.

После окончания в 1839 г. Царскосельского лицея Рейтерн служил в различных подразделениях Министерства финансов и зарекомендовал себя знающим деловым человеком. Он много уже успел поездить по России, знакомился с экономическими условиями отдельных районов и отраслей хозяйства, много бывал за границей, где изучал финансы иностранных государств. 23 января 1862 г. М. Х. Рейтерн был назначен управляющим Министерства финансов, а в декабре того же года утвержден в должности министра. Он стал самым молодым министром в правительстве Александра II и оставался на этом важном государственном посту 16 лет. Рейтерн оказался у финансового руля государства в переломный исторический период. Началась эпоха глубоких преобразований. Министерство финансов должно было стать важнейшим инструментом реализации нового курса.

Ко времени водворения в министерских апартаментах М. Х. Рейтерн имел уже собственную программу экономического оздоровления, которую изложил в нескольких специальных докладах. Он считал, что государство должно активно способствовать развитию народного хозяйства. Только последовательной и целеустремленной интервенционистской политикой удастся вывести финансы России из полосы кризиса. Особое значение министр придавал поощрению частной инициативы предпринимателей.

Но прежде надлежало упорядочить государственно-бюджетную регламентацию. Раньше главное финансовое ведомство являлась в первую очередь «министерством бюджета». Его основные функции сводились к собиранию податей и распределению получаемых средств на различные надобности. Ежегодные сметы ведомств составлялись с большим опозданием, были неполны и часто требовали дополнительных расходов. Каждый министр старался в обход министра финансов получить согласие государя на выделение сверхсметных сумм. Предшественники Рейтерна часто решали одну и ту же задачу: как изыскать деньги для покрытия тех или иных расходов, не предусмотренных заранее. Министерство финансов на политику и финансовые аппетиты других высших учреждений влияния почти не оказывало.

Новый министр финансов решил изменить устоявшуюся практику. Если до того бюджетные показатели являлись государственной тайной, ко-

торую оглашать было ни в коем случае нельзя, то Рейтерн сразу же перешел к другой практике. Он добился согласия царя на превращение бюджета государства в открытый и доступный для ознакомления документ. Были разработаны правила составления финансовых смет, ведения учета государственных финансовых ресурсов. С 1862 г. начали публиковать роспись государственных расходов и доходов. Важнейшая задача состояла в том, чтобы добиться формирования государственной сметы до наступления нового года и неукоснительно соблюдать бюджетные показатели. Министр финансов стремился сбалансировать расходно-приходные статьи и сократить огромный дефицит, грозивший банкротством всему финансовому хозяйству. Такая политика требовала значительного сокращения расходов.

Новый курс не мог встретить сочувствия у других руководителей. У М. Х. Рейтерна происходили резкие стычки и пререкания с сановниками. Уже в первый год на посту министра возникла кризисная ситуация. Крупнейшая часть государственных расходов (почти 30%) выделялась военному министерству, и новый министр финансов, начав политику жесткой экономии, потребовал, чтобы расходы на армию были урезаны на 15 млн рублей, иначе «финансирование вообще прекратится».

Военный министр Д. А. Милютин не собирался выполнять это «возмутительное требование». Мало того: на аудиенции у царя добился его согласия на выделение дополнительно 21 млн рублей на постройку крепостей и сообщил это повеление министру финансов привести «к исполнению». Спокойного и рассудительного Михаила Христофоровича подобная мелкая ведомственная корысть вывела из себя. Для него принцип был дороже должности и карьеры. Возникло желание уйти в отставку. Фактически царю был поставлен ультиматум. Александр II с неохотой, но отменил свое повеление, приняв сторону министра финансов, хотя, как позднее заметил министр, «долго на меня дулся». Это было успехом, который резко повысил престиж и влияние молодого министра.

В 60—70-е гг. XIX в. под руководством Рейтерна и по его инициативе сформировалось то, что можно было назвать действительно «экономической политикой», а Министерство финансов стало регулятором ее. Министр прекрасно понимал то, что многие тогда не понимали: для укрепления финансов, для стабилизации позиций рубля, для создания сильного и сбалансированного бюджета нужны не только финансовые манипуляции (самые популярные — эмиссия бумажной денежной массы, увеличение налогов, заимствование у иностранных банкиров). Требовалось оздоровить всю хозяйственную жизнь, раскрепостить частную инициативу, привлечь в страну капиталы из-за границы, а отечественным капиталам дать простор.

Постепенная реализация этой программы открывала народному хозяйству широкие перспективы и принесла заметные плоды. Именно при Рейтерне Россия начала трансформироваться из страны сугубо аграрной, в индустриально-аграрную. Первые наиболее крупные современные предприятия в тяжелой промышленности, первые частные коммерческие банки возникли в тот период, когда М. Х. Рейтерн занимал министерский пост. При нем были осуществлены крупные железнодорожные проекты.

Потом, когда уже накануне Первой мировой войны Россия явит миру яркий пример мощного индустриального прорыва, будут много писать и размышлять о «русском экономическом чуде». Анализируя причины, начнут называть различных «отцов». На первом месте в этом ряду по праву многие поставят имя Михаила Христофоровича Рейтерна. При нем была проведена реформа налогового обложения, сняты многие административные ограничения для занятий предпринимательством, введены облегченные правила деятельности частных компаний. Их число постоянно увеличивалось. За 10 лет, с 1863 по 1872 г., в России было учреждено более 300 акционерных обществ, что во много раз превышало число подобных предприятий, возникших в России ранее.

При Рейтерне сформировалась государственная банковская политика, возникли крупнейшие учреждения частного коммерческого кредита, упорядочены правила операций с ценными бумаги. Был принят новый таможенный тариф, сокращавший до минимума экспортные пошлины. В то же время были снижены ставки обложения импорта, особенно в части, касавшейся привоза машин и сырья для промышленности. В деле модернизации России М. Х. Рейтерн придавал огромное значение строительству железных дорог.

Необходимость развития этого вида транспорта признавалась в тот период многими государственными деятелями. Крымская война показала, сколь велико значение современных путей сообщения. Обладая паровыми судами, Англия и Франция порой доставляли подкрепления и военное снабжение своим войскам в Крыму быстрее, чем туда прибывали русские пополнения. Для Рейтерна же не военно-стратегические соображения имели первостепенное значение. Он видел в железнодорожном строительстве важнейший рычаг развития всего народного хозяйства. В области железнодорожного транспорта Россия оставалась в тот период далеко позади развитых стран. Если к 1865 г. протяженность железнодорожной сети России составляла 3,5 тыс. верст, то в Англии — 22 тыс. километров, во Франции и Германии — по 14 тыс. километров, а в США уже имелось 56 тыс. километров железных дорог.

В 1866 г. в докладе Александру II министр финансов писал: «Без увеличения посредством железных дорог вывоза товаров за границу не может быть исправлено денежное обращение и поддержан вексельный курс, улучшение которого необходимо для привлечения к нам иностранных капиталов; одни железные дороги могут обеспечить нашим производителям достаточные цены, менее шаткие и вознаграждающие за труд, а без этого земли не могут давать достаточного дохода и, следовательно, иметь настоящей цены; от железных дорог окрепнут производительные силы и, следовательно, казенный доход. Наконец, железные дороги более чем когда-либо увеличат политическую силу России».

Под патронатом Министерства финансов в России начался железнодорожной бум. С 1865 по 1875 г. протяженность железнодорожных сетей увеличилась в пять раз и достигла 19 тыс. верст. Невиданные ранее темпы требовали крупных инвестиций. На эти цели Министерство финансов использовало государственные средства и иностранные займы. Для

обеспечения транспортных артерий оборудованием и подвижным составом стали создаваться большие машиностроительные и металлургические заводы. Началось быстрое освоение районов Донбасса и Баку, превратившихся впоследствии в крупнейшие промышленно-сырьевые зоны отечественной промышленности.

Эти меры требовали больших затрат, но с другой стороны — увеличивали бюджетные поступления, так как построенные железные дороги и заводы стимулировали рост доходов государства. Удешевлялась и упрощалась транспортировка грузов, в том числе и экспортных. Последнее обстоятельство было особенно важным, так как главными статьями вывоза являлась сельскохозяйственная продукция, в первую очередь зерно. В 1863 г. Россия экспортировала на мировые рынки 7,7 млн четвертей (четверть = 210 кг), выручив за них 48,7 млн рублей, а в 1867 г. — 16,4 млн четвертей, что принесло 104,5 млн рублей. Если в 1863 г. общий доход от экспорта составлял 154,5 млн рублей, то в 1867 г. — 244,8 млн. К началу 18-70-х гг. министру финансов удалось добиться стабилизации денежного курса (рубль в соотношении с другими валютами перестал «падать»). На европейских биржах повышались котировки русских фондов (акций и облигаций).

Постепенно взгляды министра финансов на пути и методы промышленной эволюции претерпели существенные изменения. Первоначально он считал, что для мощного индустриального рывка необходимо лишь перенимать опыт таких стран, как Англия и США, где частная инициатива «принесла изумительные плоды». Но чем дальше, тем больше убеждался, что простое копирование иностранных образцов надежных результатов принести не может. Россия слишком специфическая страна. Здесь другие политические, экономические и географические условия. И люди другие. Не хуже и не лучше, но другие. Чем меньше контроля, тем безрадостней итоги.

Банки не вкладывали деньги в производство, а занимались спекуляциями с ценными бумагами, создатели компаний нередко не стремились к открытию перспективных обществ, а интересовались лишь учредительской прибылью. В 1870-е гг. министр финансов выступал уже, с одной стороны, за жесткий государственный контроль за предпринимательством, как это имело место, например, в Германии, а с другой — за твердую протекционистскую таможенную политику. Министерство начинает сдерживать акционерное учредительство, стремясь в первую очередь к тому, чтобы крепко встали на ноги уже созданные общества.

Министра финансов отличало и еще одно важное качество: он не боялся применить непопулярные меры. Если убеждался, что та или иная мера необходима для блага страны, то убежденно ее отстаивал. Так, в середине 1860-х гг. он твердо высказался за продажу США Аляски. Защищать эти удаленные территории Россия не в силах, способствовать ее хозяйственному освоению не имеет (и в обозримые времена не будет иметь) никакой возможности. А раз так, то империи не нужна эта обуза, требовавшая лишь финансовых расходов и чреватая военным столкновением с другими державами. Обвинения в свой адрес по поводу того, что министр «распродает Россию», не производили на Рейтерна никакого впечатления. Мудрость

государственного деятеля, как ее понимал Рейтерн, состояла в том, чтобы во имя большего уметь и мочь поступаться малым. Аляска была продана в 1867 г. за небольшую плату — 7,2 млн долларов (по нынешнему курсу сумма составляет около миллиарда долларов). Эти средства были вложены в железнодорожное строительство.

Рейтерн решительно возражал против русской экспансии в Средней Азии, не видя в этом прагматического смысла. Разговоры о стратегической целесообразности на него не производили никакого впечатления. Он знал, что военная угроза России со стороны этих пустынных и малонаселенных районов отсутствует. Однако их присоединение потребует от империи больших жертв, которые ему представлялись неоправданными. Обращаясь к царю, министр писал о трудности «привлечения в новый край рабочей силы и капиталов» и о нежелательности «отвлечения этих сил от сердца России». Но в данном случае аргументы министра финансов не сыграли никакой роли. В 60—70-е гг. XIX в. граница Россия медленно, но неуклонно продвигалась на юг, в районы восточней Каспия.

Когда в середине 1870-х гг. положение на южных рубежах Российской империи стало осложняться и начала вырисовываться перспектива Русско-турецкой войны, Рейтерн был одним из немногих, кто резко и последовательно выступал против вооруженного конфликта. Ему приходилось даже несколько раз возражать Александру II, который считал, что долг России — выступить на защиту славян против жестокого турецкого господства. Министр финансов просил уволить его в отставку. Но царь не хотел этого слышать, требуя от министра изыскать необходимые средства, когда в 1877 г. военные действия начались.

Как истинный монархист, Рейтерн склонился перед волей самодержца. Министру иностранных дел князю А. М. Горчакову он заметил: «В минуту опасности свой пост не покидают — еще будет время подать в отставку». Лишь после окончания войны, в 1878 г., Рейтерн получил отставку. Его деятельность в министерской должности была высоко оценена: он удостоился высшего российского ордена — Святого апостола Андрея Первозванного.

§ 6. Расстановка политических сил в Европе и восстание в Польше 1861—1863 гг.

Крымская война и Парижский мирный договор 1856 г. создали для России новые условия ее международного существования. Впервые более чем за 100 лет царской империи были навязаны политические условия, которые для нее были нежеланны и которые не отвечали ее геополитическим интересам. Самым же неприятным было то, что Россия не только теряла военно-стратегические преимущества в районе Черного моря, но и фактически лишалась возможности воздействовать на ход дел на Балканах и на Ближнем Востоке, в тех районах, которые со времени Петра I всегда находились в фокусе интереса русской дипломатии.

Внешнеполитические неудачи России были компенсированы успехами на поприще внутриимперской консолидации. Здесь особо значимым было положение дел на Кавказе, который после падения движения Шамиля превратился в зону, свободную от кровопролитных распрей и войн, сотрясав-

ших Кавказ на протяжении многих столетий. Хотя отдельные кровавые эксцессы в различных районах Кавказа время от времени происходили и потом, но в течение почти 50 лет, до самого начала XX в., стараниями русской администрации эта зона была избавлена от сколько-нибудь значительных этноклановых и этноконфессиональных конфликтов.

Несмотря на военное поражение в Крыму и дипломатическое в Париже, царская империя на мировой арене отнюдь не превратилась во второстепенную державу, которую можно было игнорировать при решении сколько-нибудь важных вопросов международной политики. Усилению международного влияния России способствовали и острые разногласия, возникавшие между главными фигурантами мировой политики, в первую очередь между недавними коалиционными партнерами — Великобританией и Францией.

Впервые они дали о себе знать во время Парижского мирного конгресса, когда правительство Франции отказалось поддержать глобальные требования Великобритании, желавшей капитуляции России и настаивавшей на отторжении от нее целых районов: Финляндии, Прибалтики, Кавказа. Союзнические отношения между Великобританией и Францией фактически закончились на Парижском конгрессе. Снова обнажились старые противоречия, которые постоянно обострялись новыми европейскими конфликтами. Во второй половине 1850-х гг. камнем преткновения стало положение в Италии, где разворачивалось национально-освободительное движение, отношение к которому у Англии и Франции было различным.

Правительство в Лондоне после Парижского конгресса не проявляло никакого желания искать пути сближения с Россией, в то время как в Париже все более и более убеждались, что война с Россией являлась исторически неоправданной. Показательным «актом прозрения» стали откровения императора Наполеона III, который уже в 1857 г. весьма скептически оценивал недавнее прошлое. Весной того года в Париже оказался брат царя великий князь Константин Николаевич, которого император французов принимал на государственном уровне и осыпал знаками личного внимания. При неоднократных частных встречах император излагал великому князю свои взгляды и оценки как русско-французских отношений в целом, так и недавней войны в частности. Уже при первой беседе он признал, что в войне «были допущены огромные ошибки с обеих сторон, и особенно с нашей». Наполеон III не скрывал надежды на то, что гость доведет его мысли до царя, к которому он «испытывает огромную симпатию».

Когда подобные уверения были даны со всей определенностью, император стал высказываться откровенно по всем международным вопросам, при этом приводил факты конфиденциальной дипломатической политики. Так, оказалось, что после сражения на реке Альме, где англо-французская коалиция одержала победу над русскими, австрийский император Франц-Иосиф, тот самый, которому в 1849 г. русская армия сохранила трон, прислал Наполеону восторженную телеграмму: «Я искреннее поздравляю Ваше Величество с победой Вашего оружия и заранее выражаю готовность принять участие во всем, что эта война повлечет за собой!».

Наполеон III предвидел дальнейшее осложнение дел на европейском континенте и почти откровенно предлагал заключить союз с Россией. Конечно, он понимал, что нет практически никаких шансов на то, что подобный альянс вызовет одобрение у Англии — в этом глава Франции видел главное препятствие.

Что касается Турции, то здесь император вообще не стеснялся в негативных оценках своего недавнего союзника, для сохранения которого Франция и Англия вступили в войну с Россией. «Это позор, — негодовал император, — что в XIX веке в Европе среди цивилизованных народов у власти еще стоят столь дикие и столь ничтожные правители, как в Турции, где угнетение христиан остается прежним». Заканчивая свои геополитические размышления, Наполеон III заключил: «Я часто думаю, что же нам в конце концов принесло падение Севастополя? Разве это сделало нас счастливее или богаче? Разве продвинуло это хоть на шаг разрешение восточного вопроса?» Эти патетические восклицания походили на риторические вопросы: отрицательные ответы тут не подлежал никакому сомнению.

В сентябре 1857 г. в Штутгарте, столице Вюртембергского королевства, состоялась встреча Александра II и Наполеона III. В течение трех дней императоры и их министры живо обсуждали текущие политические события и к обоюдному удовлетворению установили, что взгляды между Петербургом и Парижем по ключевым проблемам очень близки. Это открывало путь политике сближения двух стран. Однако этого не произошло. Создание франко-русского геополитического альянса было отсрочено более чем на 30 лет в силу различных причин, в числе которых недальновидность французской дипломатии занимала не последнее место.

Существовало две проблемы, возводившие в 1850—1860-е гг. непреодолимые преграды. Во-первых, Париж в любой форме отказывался пересматривать статьи Парижского договора 1856 г. Подобным же препятствием служил старый и больной польский вопрос. На встрече монархов в Штутгарте именно он стал главным узлом противоречий. Уже в конце переговоров император французов, обращаясь к царю, заявил: «Я имею обязательства, от которых не могу отречься, и должен щадить общественное мнение, которое во Франции очень благоприятно Польше. Об этом обязательстве я должен откровенно предупредить Ваше Величество, чтобы не пришлось прервать наши добрые отношения, которыми я так дорожу».

Тирада произвела тяжелое впечатление на Александра II, усмотревшего здесь попытку вмешательства во внутренние дела России. Он не стал развивать эту тему, заметив лишь, что «никто больше него не желает Польше спокойствия и преуспеяния». Трудно предположить, как в последующие годы развивались отношения между Россией и Францией, если бы через несколько лет после процитированных эскапад они не начали быстро ухудшаться и в конце концов ухудшились до такой степени, что в Европе уверенно заговорили о возможности новой войны между Россией и западноевропейскими державами — Францией и Англией. Причиной нового обострения и стали события в некоторых западных районах Российской империи, которые назывались русской Польшей.

Уже с конца 50-х гг. XIX в. в губерниях царства Польского началось новое пробуждение национально-патриотического движения, питаемого давним желанием поляков восстановить государственную независимость. Хотя жесткая политика царского правительства по отношению к Польше времен Николая I уходила в прошлое и правительство императора Александра II начало демонстрировать толерантную политику, стремясь забыть старые обиды и добиться прочного умиротворения этого неспокойного региона империи. Участники восстания 1830—1831 гг. были полностью прощены, был восстановлен конкордат с Римской курией от 1847 г., утверждавший право Ватикана управлять делами Польской католической церкви, был открыт Варшавский университет, закрытый после восстания 1830 г., управление, обучение и судопроизводство велось на польском языке.

Но это никоим образом не снижало антирусских настроений, господствовавших среди польской аристократии, шляхты и интеллигенции. Мечты о возрождении великой Польши будоражили общественные настроения, которые более и более накалялись, и в результате все закончилось многомесячными кровавыми событиями.

Уже за несколько лет до открытого восстания, начавшегося в январе 1863 г., в Польше было неспокойно. В разных районах, но особенно в крупных городах, регулярно устраивались массовые шествия со знаменами и штандартами старой польской армии, поминальные панихиды по национальным героям, погибшим в борьбе с «варварской Россией». Вначале все обходилось мирно, но ситуация начала резко ухудшаться в конце февраля 1861 г., когда произошли стычки между войсками и демонстрантами, в результате которых погибло несколько человек. Хотя власти выразили сожаление, проявили готовность оказать материальную помощь семьям погибших, но это никоим образом не охладило настроения.

Положение не улучшилось и после указа императора Александра II от 14 марта 1861 г., согласно которому в царстве Польском намечалось введение широкой автономии: создания Государственного совета, учреждение центральной Правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения во главе с поляком-католиком, создание местных губернских, уездных и городских советов для решения всех хозяйственных и экономических вопросов. Чтобы продемонстрировать свое особое внимание к польским делам, царь назначил в мае 1862 г. наместником в Польше своего брата великого князя Константина Николаевича, слывшего либералом.

Новый наместник продолжил политику умиротворения, одним из проявлений которой было назначение поляков на высшие административные посты в Польше. Начальником гражданской части и вице-председателем Государственного совета царства Польского был назначен маркиз А. Велёпольский (1803—1877), а президентом города Варшавы его сын — С. Велёпольский. Кроме того, поляки занимали пять губернаторских постов из десяти в пределах царства Польского.

Уступки и жесты доброй воли приводили совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали в Петербурге. Лидеры польских общественных групп воспринимали все это как «слабость врага» и лишь усиливали свою

антирусскую деятельность. К тому времени в странах Западной Европы действовала многочисленная польская эмиграция, занимавшая в некоторых столицах, например в Париже, весьма влиятельное положение. Здесь был центр как «белой партии», объединявшей и выражавшей интересы польской аристократии, так и «красной», действовавшей в союзе с ксендзами, мелкими землевладельцами и служилым людом.

Правительство Наполеона III, озабоченное своим общественным престижем, не скрывало симпатий к польскому делу. Вожди польской эмиграции ратовали не просто за независимость районов, населенных соплеменниками, но и одновременно выступали за отторжение от России обширных западных территорий, которые должны были войти в состав будущей великой Польши. Французский император открыто и постоянно демонстрировал свои симпатии вождю «белых» князю Владиславу Чарторийскому (1828—1894), в котором влиятельная часть польской аристократии видела претендента на польскую корону.

Штаб «будущего короля» размещался в центре Парижа в отеле «Ламбер», и Франция как бы де-юре признавала этот факт: сотрудники французских правительственных ведомств поддерживали с претендентом почти официальные отношения. Сам Наполеон III и императрица Евгения приглашали регулярно Чарторийского во дворец Тюильри как на официальные мероприятия, так и на интимные трапезы в кругу императорской четы.

Но выражением лишь моральной поддержки дело не ограничивалось. В целом ряде стран велся открытый сбор средств для польских патриотов, а в Италии при негласном покровительстве французских и открытом итальянских властей сначала в Генуе, а с весны 1862 г. в городке Кунео действовала польская военная школа, выпустившая сотни военных инструкторов, принимавших активное участие в вооруженном восстании в Польше.

Идея всемерного ослабления России, становившаяся явью при осуществлении польской независимости, естественно, нашла горячих сторонников в Англии. В марте 1862 г. премьер-министр лорд Пальмерстон произнес в палате общин страстную речь о польской свободе. Хотя он и не обещал полякам вооруженную помощь, но всячески прославлял их «неодолимый и неистощимый патриотизм». Не менее восторженные слова по этому адресу звучали и во Франции. Конечно, ни Англия, ни Франция воевать за Польшу не собирались. Западная дипломатия старалась лишь выгодно разыгрывать «польскую карту», чтобы не допустить усиления России. Примечательно, что гневных голосов в защиту той части «несчастных поляков», которые находились под прусским и австрийским владычеством, слышно не было, хотя там они ощущали национально-духовный гнет значительно сильнее, чем в России.

Когда Пальмерстон произносил свою речь, в русской Польше еще не пахло войной, но приближение ее уже чувствовалось. Накал выступлений повышался, выпады и угрозы по адресу не только административных лиц, но вообще всех русских и православных стали повседневностью в Варшаве и в целом ряде других мест. В 1862 г. в различных районах дело начало доходить до вооруженных столкновений между отдельными группами

польских инсургентов и русскими войсками. В начале же 1863 г. в польских районах развернулось вооруженное восстание.

Оно началось в ночь с 10 на 11 января, когда русские военные гарнизоны на всей территории Польши подверглись нападениям. Затем начались погромы имперских учреждений, православных храмов и домов простых обывателей, которых восставшие числили «агентами России». Почти полтора года продолжались действия групп повстанцев, хорошо вооруженных поставками из-за рубежа. Последние очаги сопротивления были сломлены русской армией в мае 1864 г.

Одновременно с военными столкновениями в Париже и Лондоне решили организовать общеевропейский дипломатический поход против России, чтобы совместными усилиями добиться от Петербурга признания если и не полной независимости Польши, то самой широкой автономии для нее. Но Парижу и Лондону удалось привлечь на свою сторону лишь австрийское правительство и Ватикан, который давно выступал против «русского засилья». В апреле 1863 г. папа Пий IX отправил российскому императору письмо, где требовал для себя права «направлять народ и влиять на его нравственное образование». Это демарш был решительно отвергнут в Петербурге, где особо были возмущены тем фактом, что папа фактически поддерживал вооруженную борьбу против русских и православия.

Некоторые страны решительно высказались против антирусских инспираций Лондона и Парижа и категорически выступили против вмешательства в дела иностранного государства. Четче всех такую позицию сформулировали Соединенные Штаты Америки в апреле 1863 г. Государственный секретарь Уильям Сьюард в особой ноте французскому правительству сообщил, что США следуют завстам Джорджа Вашингтона и не намерены вмешиваться в дела других стран. При этом госсекретарь отозвался с сочувствием о высоких моральных качествах и человеколюбии императора Александра II.

При описании польского восстания 1863 г. очень часто остается в стороне важный предметно-исторический вопрос: если бы позиция западных стран получила воплощение и в русско-польской распре победила другая сторона, то могла бы возникнуть независимая Польша? Однозначно отрицательный ответ не поллежит сомнению. В тот исторический период Польша могла существовать лишь в тесном союзе с Россией, на что лидеры ни «белых», ни тем более «красных» пойти не могли. В ином же случае она тут же сделалась бы легкой добычей Пруссии, имевшей уже к тому времени самую мощную сухопутную армию в мире.

Глава прусского правительства О. Бисмарк вполне определенно высказался на сей счет в беседе с вице-председателем прусского ландтага Берентом: «Польский вопрос может быть разрешен только двумя способами: или надо быстро подавить восстание в согласии с Россией и предупредить западные державы совершившимся фактом, или же дать положению развиваться и ухудшиться, ждать, покуда русские будут выгнаны из Царства или вынуждены просить помощи, и тогда смело действовать и занять Царство за счет Пруссии. Через три года все там было бы германизировано».

Париж и Лондон, опьяненные антирусской риторикой, не придавали значение такой перспективе. Маниакальный страх перед мифической гегемонией России помешал увидеть реальную угрозу будущему миру в Европе, олицетворяемую динамичной экспансионистской политикой Бисмарка. Во время событий в Польше Пруссия не оказывала никакой поддержки повстанцам и даже, невзирая на возражения и протесты социалистических леворадикальных кругов, блокировала восточную границу, перекрыв тем возможность проникновения в польские районы нежелательных для России людей и грузов. Такая позиция Берлина обеспечила ему в дальнейшем благожелательный нейтралитет России во время победоносных войн Пруссии с Данией (1864), Австрией (1867), а затем и Францией (1870).

Восстание в Польше заметно отразилось на внутренней политике России, усилив консервативно-националистичекие тенденции. Известный публицист М. Н. Катков в апреле 1863 г. писал в передовой статье влиятельной газеты «Московские ведомости: «Теперь мы должны действовать с полной решимостью. Наши действия должны быть направлены не к тому, чтоб угодить той или другой державе, задобрить тот или другой оттенок общественного мнения Европы, возбужденного против нас искусственными агитациями, или смягчить тон той или другой закупленной против нас французской газеты, а к подавлению мятежа во что бы то ни стало».

Раны Севастополя еще были слишком свежи, и угроза нового коалиционного похода против России объединила под знаменем защиты Отечества совершенно разные общественные элементы, в том числе и тех, кто еще недавно являлся сторонником широкой автономии Польши и считался либералом. Издававшийся в Лондоне антиправительственный герценовский «Колокол», выступивший на стороне поляков, потерял почти всех своих читателей в России. Даже Л. Н. Толстой собирался идти воевать добровольцем на польский фронт. Этот подъем национализма вызывался не только сообщениями о зверствах восставших по отношению к православному населению, но в не меньшей степени и политикой западных держав, стремившихся придать конфликту международный характер.

В 1863 г. правительства Англии, Франции и Австрии трижды обращались к Петербургу с требованием созыва международной конференции, и всякий раз эти требования с возмущением отвергались. Когда же выяснилась полная бесперспективность дипломатической атаки на Россию по польскому вопросу, а сами дела в Польше не давали никаких надежд на торжество восставших, Наполеон III выступил с экстравагантной инициативой — собрать европейский конгресс монархов для совместного обсуждения мер, направленных «на умиротворение Европы», т. е. на пересмотр статей Венского конгресса 1815 г. с учетом изменений, происшедших в мире по последние полвека.

Царь откликнулся любезным письмом и в принципе поддержал предложение французского императора, но идея заявленного конгресса умерла еще до того, как стала предметом предварительных переговоров дипломатов. Никто из монархов не проявил никакого энтузиазма, а Лондон и Берлин вообще проигнорировали французскую инициативу.

§ 7. Теории народнического социализма. Явление русского политического терроризма

В 40-е гг. XIX в. в России появляется теория коренной переустройства жизни страны. Ее основателями и пропагандистами выступали люди, которых одни называли революционными демократами, другие — народными социалистами, третьи — социалистами-утопистами. Их идеи были глубоко враждебны существовавшему общественному строю. Они являлись сторонниками революции и полного изменения всего устройства государства, выступая против идеализации прошлого стран, беспощадно громя славянофилов. Критиковали они и западников за их преклонение перед порядками буржуазной Европы, однако они не являлись главной мишенью их пафосной критики.

Им казалось, что в России идеальное государственное устройство можно утвердить на принципах, распространенных в русской деревне, в мире сельской общины. Там не существовало деления по имущественному признаку, вся земля (основная собственность) принадлежала всем (миру), а отношения между членами регулировались не столько государственными законами, сколько старыми традициями и обычаями. Родоначальниками и известнейшими деятелями этого направления общественной мысли являлись В. Г. Белинский, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский.

Теории справедливого устройства государства создавались в различные эпохи истории человечества. В Западной Европе в XVI—XVIII вв. возникло несколько таких теорий, получивших название утопических. «Утопия» — так называлась книга английского философа Томаса Мора, появившаяся еще в 1516 г. В этом сочинении описана фантастическая страна на вымышленном острове Утопия, где царит мир и благополучие, где нет частной собственности, а трудом занимаются не по принуждению и ни для добывания средств к жизни, а по причине высокой сознательности граждан и исключительно с целью удовлетворения общественных нужд. Подобные сказочные теории, так манившие воображение людей, возникали потом постоянно. Некоторым казалось, что достаточно придумать справедливую форму организации жизни людей — и будут ликвидированы несправедливость, угнетение, бедность. Подобные теории начали распространяться в России с 40-х гг. XIX в., а во второй половине XIX в. они сделались необычайно популярными. Большую роль в пропаганде этих идей и сыграли три вышеупомянутых персонажа отечественной истории.

Первым в этом ряду стоит В. Г. Белинский, ставший родоначальником не только влиятельного направления антигосударственной общественной мысли, но и прародителем методов погромно-разносной критики, всех тех беззастенчивых приемов шельмования, которые стали аномальной нормой после установления в России власти коммунистов. Он являлся их духовным предтечей, которого потом те неизменно чтили и непрерывно славословили. Эпигоны превозносили его как гуманиста.

Однако пресловутый гуманизм Белинского носил чисто декларативный характер. Полностью отбрасывая христианский принцип любви к ближнему (Белинский порвал с Богом еще в молодые годы), он постули-

ровал любовь к дальнему, к некому абстрактному человеку и человечеству. Сам лишенный художественного дарования, Белинский сделался законодателем моды в области художественной жизни России. Он первый начал утверждать в общественном сознании взгляд, в соответствии с которым пресловутая социальность являлась главным критерием значимости любого вида творчества.

Именно неистовый Виссарион стал родоначальником принципа «партийности искусства», сыгравшего такую печальную, можно даже сказать, роковую роль как в судьбе многих ярких дарований, так и в истории и развитии культурной жизни.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848) родился в семье флотского лекаря. Окончил начальное училище в городе Чембаре (Пензенская губерния), а затем учился в пензенской гимназии, где курса не окончил. В 1829—1832 гг. обучался за казенный счет на словесном (филологическом) отделении Московского университета, откуда был отчислен в виду «слабого здоровья и ограниченных способностей». Потом начал зарабатывал на жизнь домашними уроками и сотрудничал в московских и петербургских столичных журналах, стал ведущим критиком в «Отечественных записках» (1839—1846) и «Современнике» (с 1846 г.). Писал он и литературные произведения (стихи, баллады, драмы, повести и рассказы), которые успеха не имели, хотя сам Белинский считал себя чрезвычайно даровитым, «соперником Жуковского».

Во время обучения в университете в 1831 г. он написал драму «Дмитрий Калинин», в полной мере отразившую путаное мировоззрение и личные психологические комплексы, мучившие Белинского всю жизнь. Автор решил опубликовать драму, чтобы обрести известность и «разжиться казною». Он представил свой шедевр на одобрение университетской цензуры. Ознакомившись с опусом молодого провинциала, заслуженный профессор Л. А. Цветаев был потрясен безнравственностью и бездуховностью оного, о чем и оповестил университетское начальство.

«Калинин» являл собой яркий образец художественной беспомощности, но был наполнен гневными обличительными тирадами, направленными против общественных условий, против власти и церкви. Главный герой драмы — Дмитрий Калинин — в своем резонерском угаре доходил и до прямых выпадов против Бога: «Ты существо Всевышнее, скажи мне, насытилось ли Ты моими страданиями, натешилось ли моими муками, навеселилось ли моими воплями, упилось ли моими кровавыми слезами?» Но автору подобных непристойностей оказалось мало, и главный персонаж делает кощунственный вывод: «Бог наш отдал нашу несчастную землю на откуп дьяволу». Подобных «высот низости» русская словесность еще не знала.

Уровень драматургической пошлости «Калинина» тоже достоин отдельного разговора. В центре — судьба молодого человека Дмитрия Калинина, сына дворовых людей помещика Лесинского, которого тот взял на воспитание. Дмитрий влюбляется в дочь помещика Софью, та отвечает взаимностью и, «бросая вызов жестокому миру», они «отдаются друг другу». Приемный сын барина уж было собрался повиниться во всем своему

благодетелю, но тот умирает. Далее начинаются просто страсти «шекспировского масштаба». Родственники покойного ненавидят Дмитрия, приказывают ему вернуться в деревню и быть лакеем на будущей свадьбе Софьи, которую решили выдать замуж за местного князя. В состоянии «растрепанных чувств» Дмитрий появляется на балу у Лесинских, устраивает скандал и убивает брата Софьи, «жестокого рабовладельца». Потом по просьбе Софьи он убивает и ее. Собирается и сам покончить самоубийством, но в последний момент узнает, что он — незаконнорожденный сын покойного барина. Дмитрий потрясен и после гневных обличений мира закалывает себя кинжалом.

Известность Белинский получил как обозреватель литературной и художественной жизни. Его беспощадное перо клеймило и разоблачало, воздавало хвалу одним и возводило хулу на других. Эмоциональность («страстность») его критических статей и заметок в кругах западников создали ему имя выдающего критика. Выступая в качестве литературного и художественного обозревателя, Белинский все произведения искусства рассматривал с точки зрения их идейной направленности. Художественные достоинства самого произведения хотя и имели для него значение, но лишь второстепенное.

Главное — социальная идея, общественная направленность любого литературного произведения. Чем резче нацелено оно против существующей действительности, тем лучше. Такая точка зрения привела к тому, что Белинский в конце жизни даже Пушкина, которого ранее ставил выше всех остальных авторов в России, начал считать «вчерашним днем». В поэзии Пушкина он не находил того искусства, которое сверх красоты должно было еще выражать «современное сознание, современной думы о значении и цели жизни, о путях человечества, о вечных истинах бытия».

Другим известным представителем революционного направления общественной мысли являлся Александр Иванович Герцен (1812—1870), происходившего из семьи богатого помещика. В детские и юношеские годы он много учился, получил хорошее образование. В 1833 г. окончил физико-математическое отделение Московского университета. С ранних пор Герцен стал придерживаться критического взгляда на окружающий социальный мир. Вместе со своим дальним родственником и другом Н. П. Огаревым они постоянно говорили о смысле жизни, о своем будущем и о будущем России. В 1828 г. на Воробьевых горах в Москве они дали клятву «вечной дружбы» и решили посвятить жизнь «служению свободе». Что такое свобода, они точно определить не могли, но уже тогда были уверены, что надо полностью перестроить весь окружающий мир. Герцен сдержал свою клятву и действительно большую часть жизни посвятил борьбе с политической властью в России.

Еще в годы обучения в университете А. И. Герцен увлекся социалистическими учениями А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна. Постепенно сложился кружок единомышленников, где страстно обсуждались политические вопросы, планы переустройства жизни. В 1834 г. власти раскрыли эту нелегальную ячейку и самого Герцена выслали в Пермь, а затем в Вятку, где он служил чиновником в губернской канцелярии. Ссылка была отмене-

на в 1840 г., и он по рекомендации отца был принят на службу в канцелярию Министерства внутренних дел в Петербурге.

Государственная служба ему не приглянулась, карьера чиновника не манила. Он продолжал читать запрещенную литературу, встречался с неблагонадежными людьми, за что снова был выслан в провинцию. Через некоторое время ему разрешили вернуться, но на государственную службу Герцен больше не поступал. Занялся литературным творчеством, написал несколько произведений, в том числе и роман «Кто виноват?» (1846), где выступал против крепостного права, а скрыто и против общественных порядков в России вообще.

В 1847 г. А. И. Герцен уехал за границу и в России больше не бывал. Жил в разных странах. В 1852 г. в Лондоне создал Вольную русскую типографию, где печатались листовки и брошюры, направленные против самодержавия. Здесь печатались и два журнала — «Полярная звезда», а затем «Колокол», выходивший 1857—1867 гг. в Лондоне. Он стал наиболее известным эмигрантским изданием своего времени, в каждом номере которого содержались резкие нападки на общественные и политические порядки в России.

К этому времени у него уже была собственная теория общественного устройства. Не принимая буржуазные порядки Европы, А. И. Герцен считал, что Россия должна идти другими путем. Народ обязан свергнуть царскую власть и крепостное иго, утвердить общественный строй, прообразом которого должна стать крестьянская община. В сельскохозяйственной артели и сельской сходке он видел эмбрион, из которого должна в будущем произрасти «самая широкая общественность». Взгляды А. И. Герцена на общину создали теоретический фундамент будущего народничества.

Виднейшим представителем народнического социализма являлся Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889). Родился он в Саратове в семье священника. Учился в саратовской духовной семинарии, а затем на историко-филологическом факультете Петербургского университета. С 1853 г. начинает сотрудничать в известных петербургских журналах «Отечественные записки» и «Современник», где прололжает линию Белинского, подчинявшую художественное творчество задачам политической борьбы. Особенно активную публицистическую деятельность Чернышевский разворачивает в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г.

В эти годы его радикальные взгляды проступают вполне четко. Он ратует за крестьянскую революцию, выступает за начало работы по ее осуществлению. Он убежден, что народ «мудр» и сам найдет форму политического устройства государства, основу которого непременно составит общинная организация. Чернышевский считал, что общинный строй, не знающий частной собственности и имущественного неравенства, станет основой будущего социалистического устройства в стране. Он резко выступал против самодержавного государства, не переставая критиковал царское правительство за его политику вообще и в крестьянском вопросе в частности. Власти его арестовывали, ссылали в Сибирь, где он находился несколько лет. Последние годы жизни провел в Саратове, где и умер.

Все русские революционеры-демократы, или социалисты-утописты, показали себя страстными и часто талантливыми критиками политического и общественного строя России. Но их предложения по переустройству жизни носили идиллический характер. Не зная в действительности крестьянского уклада жизни, они видели в нем лишь то, что хотели видеть: имущественную уравнительность, взаимопомощь, отсутствие группового эгоизма. Такой общины в действительности не существовало. Хотя все указанные признаки и имелись в наличии, но рядом с ними непременно встречались и такие черты, которые не позволяли считать ее общественным эталоном.

Община не позволяла выбиться наиболее трудолюбивым и предприимчивым, она заставляла всех существовать на уровне необходимой, минимальной достаточности. Здесь действительно не было частной собственности на землю, которая считалась общим владением всех жителей деревни (или нескольких деревень), составлявших общину. Земля регулярно перераспределялась в соответствии с наличием членов (едоков) в той или иной семье. Это неизбежно подрывало стимулы к производительному труду.

Сами по себе теории народнического социализма не заключали в себе никакого взрывоопасного потенциала. Но предлагаемые идеологами методы достижения «социальной гармонии» были откровенно радикальными. Насилие признавалось не только возможным, но и необходимым и желанным путем претворения в жизнь планов социалистического переустройства России.

Преобразования царствования Александра II все народники признавали не только недостаточными, но и лживыми, считая, что царская власть не может обеспечить интересы народа. Из этого убеждения следовал бескомпромиссный вывод: власть должна быть уничтожена и только таким путем народ обретет свое счастье. Именно в 60-е гг. XIX в. на общественной арене появляется фигура молодого человека, одержимого пафосом разрушения всех традиционных форм культуры и миропорядка во имя осуществления своего социального идеала, который конструировался на принципах, почерпнутых из публицистических и литературных произведений идеологов народнического социализма.

Кумиром этой радикально настроенной молодежи, получившей название нигилистов, был Н. Г Чернышевский, статьи которого что называется зачитывались до дыр, а роман «Что делать?» считался чуть не новым Евангелием. Радикальные настроения в полной мере отразила прокламация студента Московского университета П. Г. Зайчневского (1842—1896) — «Молодая Россия», написанная весной 1862 г. Там содержалось полное отвержение не только общественных порядков в России, но и религии, семьи, частной собственности.

Заключительный призыв «Молодой России» был полон непримиримого юношеского максимализма: «В топоры!» — и тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам!»

Революция становится для радикальной молодежи тем фетишем, тем неколебимым символом веры, тем очистительным потоком, который только один и может смыть с лица земли всю грязь, несправедливость, угнетение. Весьма ярко эти настроения передавали строки известного деятеля русского радикализма П. Н. Ткачева (1844—1887), написанные в том же 1862 г.:

Долой ненужные плотины,
Ведь ничего нельзя спасти.
Унесет все волна с собой,
Обломки тюрем и дворцов,
Обломки храмин и богов,
Покрытых плесенью вековой!
Распался организм гнилой!
Но будет это распаденье
Для мира жданным обновленьем!

Это душевное горение, это чаяние грядущего светлого, «желанного мира», которое заворожило сердца молодых людей именно в 1860-е гг., не исчезло и потом. Хотя число их никогда не было велико; применительно к указанному времени можно говорить о нескольких сотнях человек, для которых революция стала делом жизни, но они отличались такой фанатической преданностью своей идее-мечте, так пламенно и даже самоотверженно готовы были за нее бороться, терпеть лишения и преследования, что подобная самоотверженность вызывала симпатию и сочувствие у многих.

В России выросло несколько поколений радикалов, отличавшихся не только резким неприятием окружающей действительности, но и грезивших во имя будущего сокрушить ее буквально до основания. Революция постепенно становилась новой, атеистической религией русской интеллигенции, и применительно к началу XX в. об этом можно говорить как об очевидном факте русской истории. Эту новую религиозность в полной мере невозможно понять без учета специфических особенностей русского исторического архетипа. Максимализм во всем — его отличительная черта.

Люди идеи, носители возвышенных идеалов, борцы не за личное, а за общее благо — общепризнанные герои русской общественной среды. Этот традиционный, православный, по словам философа Н. А. Бердяева, «формат души» трансформировался в антиправославную революционную героику. Специфическая особенность ее составляла героизация экстремистского насилия. Как признавался будущий лидер большевизма Владимир Ульянов-Ленин (1870—1924), «почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора».

На первом этапе складывания этого общественного умонастроения оно увлекало лишь единицы, главным образом из числа студентов и учащихся высших и средних учебных заведений. Молодые люди собирались небольшими группами частным образом, и эти встречи, получившие название сходок, были наполнены горячими, страстными спорами о положении страны, о ее будущем, о неизбежности и способах осуществления «народной революции». Это горение и нетерпение требовало неких социальных действий.

Первоначально все сводилось к разбрасыванию в общественных местах от руки написанных воззваний самого радикального толка и организации акций протестов в учебных заведениях. В 1862 г. в Петербурге возникло и первое тайное общество народников «Земля и воля», объединившее около 20 человек, вознамерившихся создать общероссийское объединение революционно настроенных элементов общества. Идейным вдохновителем организации являлся Н. Г. Чернышевский, и она установила контакты с лондонским диссидентом А. И. Герценом. Организация просуществовала несколько месяцев, успев изготовить только ряд прокламаций, обращенных к народу, армии и «образованным классам», где содержались призывы готовиться к грядущей революции.

Но очень скоро гневные слова и пламенные обращения перестали удовлетворять наиболее нетерпеливых радикалов, тем более что призывы к революции никакого видимого народного движения в стране не вызывали. Им требовались активные «революционные действия», «политические акции», каковыми, по их мнению, могли стать «публичные казни слуг царского режима». Начала формироваться оправдательная философия насилия: переступить через жизнь одних, чтобы сделать счастливыми других. Первые публичные проявления подобной философии дали о себе знать в самых неспокойных, западных районах империи. 15 июня 1862 г. подпоручик пехотного полка А. Потебня покушался из револьвера на жизнь генерал-адъютанта А. Н. Лидерса, а 21 июня того же года Л. Ярошинский стрелял в наместника в царстве Польском, брата царя — великого князя Константина Николаевича.

Все это были лишь своего рода прелюдией к главному выстрелу, который прозвучал в центре Петербурга 4 апреля 1866 г. В тот день недоучившийся студент Д. В. Каракозов (1840—1866), участник одного из тайных кружков, стрелял в императора Александра II. Злоумышленник был схвачен, началось подробное дознание.

Выяснилось, что он уже несколько лет принадлежал к кружку радикалов, люто ненавидевших царя за то, что он освободил крестьян и этим «затормозил революцию в России». В листовке, составленной Каракозовым накануне покушения, была объяснена цель террористического действия: «уничтожить царя-злодея и самому умереть за свой любезный народ». Верховный уголовный суд, рассматривавший это дело, приговорил обвиняемого к повешению, а на его прошении о помиловании царь начертал резолюцию: «Лично я в душе моей давно простил ему, но как представитель Верховной власти, я не считаю себя в праве прощения подобного преступления». Покушавшийся был казнен, но история политического терроризма только начиналась, а исходной точкой ее и стал выстрел Каракозова.

ГЛАВА 5. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

§ 1. Присоединение к России Средней Азии

В последней трети XIX в. закончилось территориальное формирование Российской империи. Последними вошли в ее состав обширные и малонаселенные территории, расположенные к востоку от Каспийского моря. Когда закончилась война на Кавказе с Шамилем, России пришлось вести вооруженную борьбу в этом районе.

Русские с давних пор начали селиться в степях на севере Средней Азии. Уже во времена Петра I были построены на реке Иртыш города-крепости Омск и Семипалатинск. В царствование Анны Иоанновны значительная часть кочевых племен добровольно приняла подданство России, их вожди стали защищать границы империи. К середине XIX в. большая часть современного Казахстана входила в состав России. Но южнее, в районе Аральского моря и югу от него, вдоль рек Амударья и Сырдарья, существовало три мусульманских государства, враждебно настроенных по отношению к России.

Ближе всего к рубежам России располагалось Кокандское ханство, включавшее в свой состав обширные территории и крупнейшие среднеазиатские города: Коканд, Ташкент, Ходжент, Куляб. Правители этого государства — ханы — постоянно вели кровавые войны со своими соседями и регулярно нападали на русские поселения, русских купцов и военные укрепления, подвергая их разорению. При этом все захваченное население уводилось в плен и превращалось в рабов. Торговля русскими рабами являлась наиболее прибыльным делом для кокандских правителей.

В 1864 г. Александр II решил покончить с разбойными нападениями и отправил военный отряд для сокрушения врага. Русское правительство специальной нотой Министерства иностранных дел уведомило иностранные государства о побудительных мотивах своих действий. «Положение России в Средней Азии, — писал князь А. М. Горчаков, — одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными».

17 мая 1865 г. русские войска заняли Ташкент, 24 мая Ходжент. Кокандское ханство потеряло значительную часть своей территории. В самом Коканде против хана началось восстание, подорвавшее государственную власть. Вскоре русские войска заняли все районы Кокандского ханства, а в 1876 г. оно было упразднено и учреждено Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте.

Вторым государством Средней Азии являлся Бухарский эмират, правители которого, до того на протяжении длительного времени враждовавшие с Кокандом, решили оказать хану свою поддержку, как только в Средней

Азии появилась армия белого царя. Вмешательство эмира в войну заставило русское правительство перенести военные действия на бухарские владения. Русские войска овладели несколькими бухарским городами, в том числе и священным для бухарцев городом Самаркандом. Бухарский эмир просил о мире, и в июне 1868 г. мир был подписал. Согласно его условиям все территории, завоеванные русской армий, переходили к России, а на остальных сохранялась власть эмира, который теперь обязан был повиноваться императору. Кроме того, эмир брал обязательство освободить всех невольников и прекратить торговлю людьми.

После побед над Кокандом и Бухарой большая часть Средней Азии вошла в состав России. Но оставалось еще одно государство, не подвластное России и враждебно к ней настроенное, где царили невиданный произвол, а торговля людьми процветала. Это было Хивинское ханство. Оно было сравнительно небольшим по размеру и располагалось в нижнем течении Амударьи. Это ханство со всех сторон окружали страшные пустыни Каракум и Кызылкум. В этих мертвых песках не раз гибли отряды соседних правителей, намеревавшихся захватить Хиву. Только сами хивинцы и коренные жители этих мест — туркмены могли уверено преодолевать эти пространства на местных лошадях и верблюдах.

В конце 1872 г. русское правительство разработало план, согласно которому последнее гнездо разбоя и насилия должно было быть ликвидировано. Весной 1873 г. три русских отряда общей численностью около 12 тыс. человек одновременно с разных направлений начали поход на Хиву. На пути, на протяжении многих десятков верст не было ничего, кроме безжизненной пустыни. Солдаты выбивались из сил. Даже верблюды не выдерживали этого пути и замертво падали. С неимоверными трудностями русские войска достигли районов, где была вода и имелись поселения.

Хивинцы, не видевшие вражеского войска на своей земле и считавшие себя в безопасности, были поражены ужасом. Войско хана разбежалось после нескольких пушечных залпов, и 29 мая 1873 г. русские торжественно вступили в Хиву. Перепуганный хан покорно принял условия победителей. Он уступил России весь правый берег Амударьи, вошедший в состав Туркестанского генерал-губернаторства, обязывался запретить своим подданным совершать набеги на соседей, разрешить свободу торговли русским купцам, навсегда отменить рабство и торговлю людьми. Хивинский хан признал власть русского царя, вассалом которого он отныне себя считал.

Завоевание Средней Азии стало последним крупным территориальным приобретением России. Этот район вошел в состав империи в результате войн, но победители не использовали свои преимущества для ограбления новых территорий, что почти всегда происходило в других странах. Россия проявила великодушие и сохранила два государственных образования – Бухарское и Хивинское ханства, вошедших в состав России на правах автономных государственных образований. Внутренний уклад жизни людей, их традиции и религия не подвергались притеснениям.

Присоединение Средней Азии к России имело огромное значение для различных народов, населявших этот район. Было упразднено рабство, началось строительство путей сообщения, школ, современных оросительных

систем. Средняя Азия постепенно втягивалась во внутрироссийский хозяйственный оборот, здесь стали возникать промышленные предприятия: хлопкоочистительные, маслобойные и др. В 80-е гг. XIX в. текстильные фабриканты из Москвы начали завозить сюда новые сорта длинноволокнистого хлопка из Северной Америки, что резко повышало урожайность и качество среднеазиатского хлопка — традиционного сырья.

§ 2. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

Отношения между Российской и Турецкой империями (ее еще называли Османской, по имени основателя правящей династии Османа) традиционно оставались напряженными. Старая и больная проблема черноморских проливов (Босфор и Дарданеллы) так и не была решена. Хотя в 1870 г. Парижский договор потерял силу и Россия восстановила свои суверенные права в акватории Черного моря, но русский флот оставался, так тогда говорили, «закупоренным в бутылке», не имея возможности свободно перемещаться по пространствам морей (каждый переход через проливы был сопряжен со сложностями, так как надо было получать разрешение турецкого правительства). Сдерживалось и развитие торговли: за проход через проливы турки заставляли платить высокий налог, что повышало стоимость всех экспортных и импортных товаров.

Правительство султана поддерживало сепаратистские движения на Кавказе, оказывая им не только моральную, но и материальную и военную помощь. Это открыто проявилось во время войны с Шамилем. Хотя после разгрома движения Шамиля и замирения Кавказа никаких военных действий там больше не велось, но в самой Турции открыто действовали различные исламские группировки, призывавшие начать священную войну против русских на Кавказе. Подобная деятельность, осуществляемая при покровительстве правительства султана, вызывала раздражение и возмущение в России.

Существовала и еще одна причина, которая в не меньшей степени осложняла отношения между Петербургом и Стамбулом: национально-религиозный вопрос. Господствующей религией в Турецкой империи являлся ислам и большая часть населения (турки и арабы) являлись мусульманами. Однако в этой огромной империи проживало и немало народов, исповедовавших иные религии и не считавших Коран священной книгой: болгары, сербы, греки, армяне, евреи и др.

С самого начала существования Турецкой империи, а она начала складываться в XIV—XV вв. в результате завоеваний в Средней Азии и на Ближнем Востоке, немусульмане (неверные) подвергались притеснениям и насилиям. Эта политика то ослабевала, то вновь усиливалась, но никогда на протяжении существования империи не прекращалась. Храмы неверных часто разрушались, а их самих облагали высокими налогами, лишали имущества, превращали в рабов, а часто и убивали. Причем согласно нормам ислама убийство неверного (гяура) даже не считалось преступлением.

В России всегда остро переживали преследования православных христиан. Когда в XVIII в. начались Русско-турецкие войны, то царское правительство, помимо военно-стратегических результатов, непременно стре-

милось добиться от турецкой стороны уступок и послаблений для проживавших в Турции христиан. Турки соглашались на подобное с большой неохотой и только в случае ощутимого военного поражения. Но как только сила Турецкой империи укреплялась, то сразу же начиналась новая волна преследований неверных.

После Крымской войны, когда Россия потерпела военную неудачу, правители в Стамбуле решили больше не считаться с мнением русского царя. Гонения на христиан возобновились с новой силой. Англия и Франция, выступавшие в тот период не только союзниками султанов, но являвшиеся главными кредиторами Турции, не проявляли заботы о судьбе целых народов, которые оказались обреченными на уничтожение.

В 70-е гг. XIX в. эта участь была уготована исламскими фанатиками болгарскому народу, который подвергался планомерному уничтожению. Десятки селений сжигались дотла, а население, не пожелавшее принимать ислам, поголовно уничтожалось. Только в июле 1876 г. было вырезано более 40 тыс. болгарских стариков, женщин и детей. Как тогда писала одна московская газета: «Сегодня Болгария — море крови и слез». Геноцид угрожал также черногорцам и отчасти сербам, все еще остававшимся под владычеством Турции.

Россия, как христианская страна, не могла с подобным смириться и пыталась добиться от европейских держав совместных действий для предотвращения кровавой бойни на Балканах. Однако ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Берлине, ни в Вене не хотели вмешиваться. Хотя в Париже и в Лондоне прошли демонстрации в поддержку славянских народов, но демократические правительства не проявляли к этой теме политического интереса.

Летом 1876 г. Ф. Достоевский с возмущением писал: «Вся Европа, по крайней мере первейшие представители ее, вот те самые люди и нации, которые кричали против невольничества, уничтожили торговлю неграми, уничтожили у себя деспотизм, провозгласили права человека, создали науку и изумили мир ее силой, одухотворили и восхитили душу человеческую искусством и его святыми идеалами, зажигали восторг и веру в сердцах людей, обещая им уже в ближайшем будущем справедливость и истину, — вот те самые народы и нации вдруг, все (почти все) в данный момент разом отвертываются от миллионов несчастных существ — христиан, человеков, братьев своих, гибнущих, опозоренных, и ждут, ждут с надеждою, с нетерпением — когда передавят их всех, как гадов, как клопов, и когда умолкнут наконец все эти отчаянные призывные вопли спасти их, вопли — Европе досаждающие, ее тревожащие».

Отбиваясь от нападок левой и либеральной общественности, премьер-министр Великобритании Дизраэли ставил под сомнения факт геноцида на Балканах, объявляя кровавые события «русскими провокациями». Подобная политическая зашоренность, питаемая неколебимой русофобией, вызывала возмущение даже в среде английского истеблишмента.

В сентябре 1876 г. в Англии появился памфлет У. Гладстона (премьер-министр Великобритании 1868 - 1875 гг.) под названием «Болгарские ужасы и восточный вопрос». В нем лидер английских либералов с негодо-

ванием писал: «Ни в одной европейской тюрьме не найдется ни одного преступника, на островах южных морей не найдется ни одного каннибала, чье возмущение не поднялось бы и не закипело бы при ознакомлении с тем, что было совершено турками». Экс-премьер язвительно отзывался о политике поддержки султанского правительства консервативного правительства во главе Дизраэли, которую называл циничной. Брошюра Гладстона вызвала большой политический резонанс. В Англии за короткий срок было продано более 200 тыс. экземпляров; она была переведена на многие языки и издана в разных странах, в том числе и в России.

На защиту «столпа британского империализма» совершенно неожиданно бросился известный левый политик Германии, один из основателей социал-демократической партии, соратник К. Маркса и Ф. Энгельса Вильгельм Либкнехт (отец К. Либкнехта). Он выпустил небольшую книгу под красноречивым названием «К восточному вопросу, или Должна ли Европа стать казацкой? Предостережение немецкому народу». «Социалист» и «прогрессист» всякое сочувствие болгарскому народу считал «преступной политической глупостью». Он отрицал очевидное: сам факт наличия турецких зверств и утверждал, что это «или выдумка, или провокация», которая «играет на руку русскому кнуту». В своем идеологическом ослеплении Либкнехт требовал даже вмешательства Германии... в пользу Турции!

России одной пришлось встать на защиту погибающих. Русское правительство обратилось к Турции с требованием прекратить преследования славян. Осенью 1876 г. начались переговоры, которые длились несколько месяцев и показали, что Турция не собирается идти на уступки. Пока велись переговоры, все время поступали сообщения о турецких злодеяниях. В конце концов терпение царя и его министров истощилось: 12 апреля 1877 г. Александр II объявил Турции войну. Весть об этом вызвала сильный патриотический подъем в России. Уже давно русские добровольцы (волонтеры) различными путями пробирались на Балканы и участвовали в борьбе с турецкими войсками на стороне славян. Теперь же на помощь пришла вся Россия.

Военные действия развернулись на двух направлениях: на Балканах и в Закавказье. Командующим основной русской армией, действовавшей против турок на Балканах, был назначен брат царя великий князь Николай Николаевич (старший), а на Кавказе — младший брат царя, великий князь Михаил Николаевич. Сам царь приехал в армию, чтобы воодушевить войска и разделить с ними трудности боевой жизни. Александр II провел в армии самые трудные семь месяцев. На Балканах он тяжело заболел, но отказывался вернуть в Петербург, куда отбыл лишь после того, когда стала вырисовываться победоносное завершение военной кампании. Русская армия столкнулась с упорным сопротивлением турецкой армии, которая была оснащена Англией и Францией новейшим вооружением. Война продолжалась девять месяцев и стоила России 30 тыс. погибших.

В ночь на 15 июня 1877 г. русские соединения форсировали Дунай и 25 июня заняли древнюю столицу Болгарии — Тырново. Северная Болгария почти вся была очищена от поработителей. Но дальнейшее продвижение армии было затруднено ввиду сильного сопротивления турецких

войск. Разгорелись ожесточенные сражения, самыми известными из которых стали Шипка и Плевна.

Русские войска, занявшие уже в начале июля 1877 г. Шипкинский перевал, вскоре испытали сильный нажим турецких войск. Армия турецкого командующего Сулейман-паши (38 тыс. человек) решила овладеть этой важной высотой, чтобы затем вытеснить русских из Северной Болгарии. Перевал оборонял русский отряд под командованием генерала И. Г. Столетова, в распоряжении которого находилось чуть больше 5 тыс. человек (в том числе 2 тыс. плохо обученных, но горевших желанием сражаться за свободу родины болгарских ополченцев). Эти смельчаки с 9 по 12 августа мужественно отражали непрерывные атаки противника, многократно превосходившего их в живой силе, качестве и количестве вооружения. Затем к осажденным подошли подкрепления, русская армия перешла в контратаку и отбросила противника. Героическая оборона Шипки нарушила турецкие планы; важнейший стратегический пункт остался в руках русской армии. Русские потеряли ранеными и убитыми около 4 тыс. человек, в том числе более 500 болгар. (На Шипкинском перевале позднее был сооружен памятник свободы в честь боевого братства русских и болгар.)

Еще более кровопролитные сражения разгорелись в районе болгарского города Плевна. Они длились с небольшими перерывами с июля по ноябрь 1877 г. Плевна был одним из немногих городов Северной Болгарии, который оставался в руках турок. Он имел сильные оборонительные линии, а его выгодное географическое расположение позволяло выдерживать продолжительные осады. Русская армия предпринимала неоднократные попытки овладеть этим важным стратегическим пунктом. Однако серия атак окончилась неудачей.

Тогда русское командование приняло решение начать осаду. Одновременно русская армия ликвидировала все турецкие укрепления вокруг Плевны, которые штурмовались одно за другим. Наконец 28 ноября 1877 г. 50-тысячная турецкая армия под командованием Осман-паши, после безуспешной попытки прорвать блокаду, сдалась в плен. В боях за Плевну погибло более 10 тыс. русских. (В Плевне, современное название Плевен, находится мавзолей русских воинов, а в Москве, у Ильинских ворот сооружен памятник-часовня гренадерам, павшим под Плевной.)

На Кавказском направлении с весны 1877 г. развернулись жесточайшие бои, и в октябре турецкая армия была разгромлена, а русские войска продвинулись в глубь турецкой территории на несколько сот километров.

В конце 1877 г. русская армия начала решительное наступление на турецкие позиции и 23 декабря освободили Софию. Ликованию болгар не было предела. 3—4 января турецкая армия потерпела сокрушительное поражение под Филиппополем и 8 января заняла Андрианополь — важный город и стратегический пункт на подступах к Стамбулу. До столицы Турецкой империи оставалось менее 100 километров. В Стамбуле царила паника, султан Абдул-Гамид II и его окружение бежали, вслед устремились многие высокопоставленные турецкие сановники.

Казалось, что судьба Стамбула будет решена и русские непременно займут его. Но западные страны не могли допустить подобного развития

событий. Английская эскадра вошла в Мраморное море и стала на рейде Стамбула. Правительство Англии направило России дипломатическую ноту, угрожая войной. Аналогичную позицию заняла и Австро-Венгрия. В этих условиях Александр II не рискнул провоцировать новую войну и вводить войска в турецкую столицу. 19 февраля в местечке Сан-Стефано был подписал мирный договор между Россией и Турцией, по которому России возвращалась южная часть Бессарабии, потерянная в Крымской войне, и присоединялась Карская область на Кавказе. Но еще важнее было то, что Турция признавала независимость славянских государств на Балканах.

Однако западные державы не хотели признавать новую ситуацию и настояли на созыве особого европейского конгресса, на котором должны окончательно решиться все спорные вопросы. 1 июня 1878 г. в Берлине открылся международный конгресс, где пересмотрены условия Сан-Стефанского мирного договора. Англия, Австро-Венгрия, Франция и Италия единым фронтом выступили против России. Западные державы не желали допустить создания сильного болгарского государства, где престиж и влияние России были необычайно высоки. В Болгарии в тот период царило всеобщее преклонение перед освободителями, и многие видные болгары выступали за установление в стране власти русского царя. Россия на Берлинском конгрессе оказалась в одиночестве. Хотя германский канцлер, председательствовавший на конгрессе, уверял Александра II и князя А. М. Горчакова, что будет играть роль «честного маклера», но на самом деле занял антирусскую позицию. России пришлось пойти на уступки.

Подписанное 1 июля соглашение не отвечало интересам ни России, ни чаяниям славянских народов, но зато соответствовало расчетам западных стран. Берлинский трактат отодвигал южную границу Болгарии далеко на север, в предгорья Балканского хребта, и объявлял Болгарию вассальным от Турции государством, обязанным платить Турции ежегодную дань. Глава государства утверждался султаном с согласия великих держав. Южная часть Болгарии оставалась в составе Турции и получала название провинции Восточная Румелия. России удалось добиться согласия на то, чтобы управляющим этой провинцией был непременно христианин, которого султан назначал на пять лет с согласия великих держав (при поддержке России эта часть объединилась с Болгарией в 1885 г., а в 1908 г. Болгария объявила себя независимым государством).

Турция брала на себя обязательство провести реформы в стране и уравнять в правах мусульман и христиан; она признавала независимость Черногории, Сербии и Румынии.

Важные статьи Берлинского трактата не были выполнены. В частности, Турция так и не провела административную и судебную реформы, которые должны были уравнять в правах христиан и мусульман. Кроме того, в составе Турецкой империи сохранялись территории, населенные немусульманами, которые стремились к независимости, но из-за интриг западных держав так и не получили ее (часть сербов, греков, болгар, македонцы, армяне). Берлинский трактат принципиально не решил сложную балканскую проблему, которая в последующие десятилетия оставалась главным

очагом напряженности в Европе и в конце концов привела к Первой мировой войне.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. показала самоотверженность России, ее способность прийти на помощь, руководствуясь не имперскими интересами, а высокими нравственными стремлениями, желанием помочь гибнущим от жестокости и несправедливости. Ни одна другая европейская держава на протяжении всего XIX в. не смогла предпринять нечто подобное.

§ 3. Рост социальной напряженности в стране. Убийство Александра II

Реформы, проводимые в России с начала 60-х гг. XIX в., ускорили экономическое развитие, раскрепостили частную инициативу. Росли города, строились железные дороги, возникало множество промышленных предприятий. Повышалась грамотность населения, открывались сотни новых учебных заведений. Либерализировалась система судопроизводства. Подданные царя получили право защищать свои интересы в суде, в том числе и против произвола должностных лиц. Власть цензуры была ограничена, и в 60-е гг. в России появились сотни новых газет и журналов. Существенно были облегчены правила выезда за рубеж, и тысячи русских туристов и путешественников начали ежегодно покидать Россию, многие стали получать образование в самых престижных учебных центрах Европы. Политика государства была направлена на то, чтобы постепенно превратить Россию в либеральное правовое государство.

Однако далеко не все поддерживали этот государственный курс. Находились и те, кто не хотел изменений, кто вздыхал по временам Николая I, когда все области деятельности, все сферы общественных занятий людей строго контролировались государственной властью и почти на все надо было получать разрешение начальства. Тогда государственную власть на местах безраздельно олицетворяли чиновники, нередко трактовавшие интересы государства на свой лад, что неизбежно порождало произвол. Для немалого числа представителей чиновной корпорации подобное положение вещей являлось желательным. Жесткая административная вертикаль устраивала и верхи дворянства, которое по мере развития капитализма распространения частной инициативы теряло некоторые юридические и имущественные права. Эти общественные элементы не являлись сторонниками преобразований.

Главную же опасность курсу обновления страны все-таки представляли не люди вчерашнего дня. Угроза исходила совсем с другой стороны, со стороны тех, кто считал, что реформы слишком медленны и неглубоки. Эти леворадикальные течения и кружки, требовавшие коренных изменений, заявили о себе как раз в начале 60-х гг. XIX в. Они получили название народников.

Родоначальниками их идеологии являлись А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, а главный девиз сформулировал еще В. Г. Белинский: «Человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества». Позже эту «социологическую формулу» развил известный идеолог «крестьянского социализма» Н. К. Михайловский (1842—1904), заключивший:

«Единицей меры при определении относительного значения различных форм государственного общежития может быть только человеческая личность. Человеческая личность, ее судьбы, ее интересы, вот что должно быть поставлено во главу угла нашей теоретической мысли и нашей практической деятельности». По этим представлениям, личность не могла занять достойное положение ни при капитализме, ни при «царской диктатуре», поэтому надо было отбросить и разрушить реальные «социальные формы общежития» и соорудить на их обломках некое общинное «царство света и справедливости» на принципах равенства и бескорыстия.

По своему социальному положению подавляющая часть народников происходила, как тогда говорили, из разночинцев («из разных чинов»). Как правило, это были выходцы из малообеспеченных семей (священников, мелких чиновников, обедневших дворян), получившие возможность учиться, делать карьеру, занять видное место в обществе как раз благодаря реформам Александра II. Но учеба и служба их не манили: они мечтали «осчастливить» народ и страну, перестроить все в России по своему усмотрению. С конца 1850-х гг. они начали объединяться в тайные кружки и союзы, вырабатывать стратегию и тактику борьбы с существовавшим общественным строем.

Общая численность их никогда не была большой: в период расцвета народничества, в 70-е гг. XIX в., их по всей России насчитывалось не более 2 тыс. человек. Опьяненные идейным горением они шли на акты фанатического самопожертвования, что невольно вызывало симпатию немалого числа русских людей, далеких от революционных устремлений. Симпатия к народникам в кругах просвещенной публики объяснялась духовно-нравственным климатом русского общества. Издавна в России социально-этические нормы формировались в русле православно-христианской традиции сострадания униженным и оскорбленным, а бескорыстное общественное подвижничество всегда считалось великой общественной добродетелью.

Общественно-политические воззрения народников являли странный симбиоз христианской этики и социалистических теорий. Как позже справедливо заметил А. Ф. Керенский, «это своеобразное русское движение интеллектуально было связано с едва начинавшимся тогда в Европе социалистическим движением, эмоционально – с христианством». Многие лидеры народничества, эти, как писали о них клевреты, «апостолы» и «мадонны» революции, несомненно, испытывали влияние христианского этатизма.

Известная народница, одна из основательниц партии социалистов-революционеров Е. К. Брешко-Брешковская (1844 –1934), которую после падения монархии в 1917 г. многие газеты и соратники называли «бабушкой русской революции», на склоне лет вспоминала, что «путь страдания» она избрала еще в раннем возрасте под влиянием чтения Евангелия и жития святых. «Я была потрясена тем, что я слышала от матери, и в особенности жизнью великомученицы Варвары, и решила еще девочкой пострадать за народ».

В свою очередь, другой известный народник, «дедушка русской революции» Н. А. Морозов (1854–1946), один из организаторов убийства Александра II, коротал свои дни на каторге, сочиняя «истинное жизнеописание Христа». Пользовавшаяся же беспредельным почитанием в среде революционеров — «богоматерь террора» — В. Н. Фигнер (1852–1942) утверждала, что «путь в революцию ей открыло Евангелие». Сходные признания можно обнаружить в биографиях и многих других «борцов за счастье народное».

Бросая бомбы, убивая кинжалом из-за угла, стреляя из револьвера в одних, они хотели сделать счастливыми других. Это «социальная философия» не имела ничего общего с христианством, утверждающим самоценность каждой человеческой жизни. Народники же придерживались совершенно иной философии. Упоминавшийся Н. А. Морозов, знавший Евангелие чуть ли не наизусть, в одной из листовок, давая моральную индульгенцию политическому убийству, которое он квалифицировал как «акт мести», заключал, что «террористическая революция представляет самую справедливую из всех форм революций. Она представляет в то же время и самую удобную ее форму».

Народники не испытывали раскаянья, они воспринимали собственные кровавые акты как народный ответ «самодержавной деспотии». Их отличала фанатическая ненависть к общественному устройству России. Им не нужны были преобразования, они мечтали о крушении. Во имя осуществления этой мечты молодые люди шли на самые невероятные поступки, жертвовали карьерой, а нередко и жизнью (и не только своей).

Неизменно выступая от имени «народа», «народоправцы» этот самый народ не знали и не хотели знать. Его нравы и психологию они постигали по «Запискам охотника» И. С. Тургенева, по рассказам и романам Г. И. Успенского, повестям Н. Г. Помяловского, публицистическим сочинениям В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского. По сути дела, народничество всегда являлось замкнутой организационно-идеологической кастой, члены которой самоотверженно боролись за воплощение в жизнь утопической мечты. После того как появились русские переводы Ф. Лассаля и К. Маркса, после Парижской коммуны 1871 г. народничество начало приобретать черты доктрины «рабочего социализма», в соответствии с которой, в отличие от стран Запада, в России главную роль в будущем социальном перевороте сыграет не промышленный рабочий, а крестьянин.

В 1861 г. А. И. Герцен в своем «Колоколе» призвал русских революционеров «идти в народ», чтобы вести там революционную пропаганду. В 1860-е гг. началось «хождение в народ», достигшее своего апогея в 1870-е гг. Сотни молодых людей устремились в деревню, устраивались там фельдшерами, землемерами, ветеринарами, «новыми землепашцами» и при каждом удобном случае вели беседы с крестьянами, объясняя им, что для того, чтобы ликвидировать притеснения, чтобы добиться благополучия и достатка, надо свергнуть власть и устроить «народную республику». Народники не призывали честно трудиться, получать образование, повышать культуру земледелия. Их это не интересовало.

Они настраивали крестьян готовиться к восстанию. Подобные беседы заканчивались почти всегда одинаково. Крестьяне, которые многим в своей жизни были недовольны, в массе своей слишком верили в Бога, безусловно почитали царя, чтобы довериться этим странным городским молодым людям, которые сами почти ничего не умели толком делать, но призывали к бунту. Пропагандистов они или сдавали полиции, или сами с ними расправлялись. Немалому числу «борцов за народное счастье» с трудом удавалось уносить ноги от разъяренной крестьянской толпы. Это «хождение в народ» продолжалось более 10 лет и окончилось полным провалом во второй половине 1870-х гг.

Потом свое крушение они сами и их многочисленные почитатели объяснили «усилением полицейских репрессий». На самом деле же все обстояло иначе. «Борцы за светлое будущее» и их эпигоны боялись признавать неоспоримый, но просто убийственный для них факт: в общем и целом крестьянство не только не проявляло никакого интереса и тяги к народнической демагогии, но и встречало этих «буревестников свободы» крайне враждебно.

После бесславного провала «агитационного этапа движения» народники решили, что необходимо развернуть террор против власти. Таким путем удастся посеять страх, растерянность, что ослабит государственный порядок и облегчит главную задачу — свержение власти царя. Один из лидеров «активного крыла» А. Д. Михайлов (1855 –1884) следующим образом объяснил неизбежность террористической деятельности: «Когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки». В 1876 г. возникла новая организация «Земля и воля», в программе которой уже было четко записано, что нужны действия, направленные на «дезорганизацию государства» и на «уничтожение наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства». Вторая «Земля и воля» объединила около 200 человек и стала вынашивать планы организаций взрывов и убийств. Самым известным делом этих террористов стало убийство в 1878 г. шефа полиции генерала Н. В. Мезенцова.

В среде народников, безусловно, не все одобряли террор. Некоторые, как, например, известный в будущем марксист-революционер Г. В. Плеханов, отстаивали прежнюю тактику. Эти умеренные настаивали на продолжении политической пропаганды и не считали террор единственным средством решения политических задач.

В 1879 г. организация «Земля и воля» раскололась на две организации: «Народная воля» и «Черный передел». Большая часть народников — «непримиримые» — объединились в «Народной воле», стремившейся свергнуть монархию, созвать Учредительное собрание, ликвидировать постоянную армию, ввести общинное самоуправления. Немало и других, не менее утопических целей ставили себе нелегалы. Единственным средством борьбы они считали террор, называя убийства «революционным правосудием». Народники явились прямыми предвестниками большевиков, пришедших к управлению страной в конце 1917 г. и сделавших убийство «совершенным средством» «самозащиты и агитации».

Главной мишенью для народников с самого начала их террористической деятельности, еще с 1860-х гг., был царь. Первое покушение на него произошло в апреле 1866 г., когда недоучившейся студент Д. В. Каракозов пытался из револьвера убить во время прогулки Александра II в Летнем саду в Петербурге. Затем были другие покушения. Пятая их попытка, в 1880 г., гулким эхом отозвалась по всей России. 5 февраля 1880 г. произошел взрыв в главной императорской резиденции в Петербурге — Зимнем дворце. Царь Александр II в это время в одной из комнат дворца мирно беседовал со своим шурином герцогом Александром Гессенским, когда раздался сильный грохот.

Оказалось, что двумя этажами ниже, под караульным помещением, злоумышленники заложили динамит (позднее выяснилось, что его было около двух пудов) и взрыв прогремел в половине шестого вечера, как раз в то время, когда должен был начаться обед. По счастливой случайности в срок трапеза не началась и никто из членов императорской фамилии не пострадал. Но погибло 13 солдат караула, 45 ранено, из которых несколько человек позже скончались. Царь немедленно распорядился представить ему список вдов и сирот, и все они получили щедрое пособие.

Власть не бездействовала. Членов нелегальных террористических групп арестовали, предавали суду. В 1860—1870-е гг. состоялась серия судебных процессов, на которых выносились приговоры, том числе и смертные. Однако к высшей мере наказания приговаривались единицы. Эти процессы порой становились не столько мерой устрашения, сколько «школой мужества». Открытая судебная процедура с участием адвокатов, в присутствии публики и журналистов способствовала тому, что некоторые из процессов превращались в своеобразный бенефис террористов.

Речи, произносимые обвиняемыми и их защитниками, были наполнены выпадами против существующего общественного строя, пламенными призывали бороться за «благо народа». Отчеты о судебных заседаниях публиковались на самых видных местах в газетах, а сами антигосударственные декларации обвиняемых размножались в нелегальных типографиях и распространялись по всей стране. Агитация оказывала свое воздействие. Если встать в ряды революционеров стремились лишь единицы, то сочувствующих «высоким идеалам» и «жертвенности» находилось значительно больше.

Положение дел в империи расстраивало и озадачивало немалое число людей, в их числе и самого царя. Казалось бы, проводившиеся реформы должны встречать поддержку и понимание образованных, наиболее энергичных, которым они-то и открывали большие возможности. Но часто происходило нечто совсем иное. Университеты превращались в центры антиправительственной пропаганды, некоторые земства и городские думы больше интересовались не делами благоустройства, а политическими вопросами.

Появились группки молодежи, как правило, из недоучившихся студентов, ставшие носителями разрушительных тенденций. Эти, как их часто называли, нигилисты (от лат. *nihil* — ничего) отвергали всё, осмеивали и отбрасывали любые авторитеты: власть, церковь, прошлое. Эти нигили-

сты (термин И. С. Тургенева) и пополняли ряды тайных антиправительственных организаций, распространявших подстрекательские листовки, а некоторые перешли и к вооруженной борьбе против порядка и закона.

4 августа 1878 г. в самом центре Петербурга ударом кинжала был убит шеф жандармов, генерал-адъютант Н. В. Мезенцов. Убийце, члену «Земли и воли» С. М. Кравчинскому (1851—1895), удалось скрыться за границу, где он выпустил брошюру, в которой, обращаясь к власти, восклицал: «Вы — представители власти; мы — противники всякого порабощения человека человеком, поэтому вы наши враги и между нами не может быть примирения».

Александр II лично следил за сыском и дознанием по делам политическим, читал не только рапорты должностных лиц, но и многие нелегальные издания, изъятые при арестах и обысках. Он знал эту литературу, имел представление о настроениях нигилистов, но не мог понять причин той страстной ненависти, которую эти несчастные испытывали. Он прекрасно знал, сколько в русской жизни плохого, темного, даже дикого. Но монарх понимал и другое: управление государством — не рулетка, где проигрыш и выигрыш быстро известен. В политике же требуется время и неспешность, необходимо терпение и еще раз терпение. Некоторые же молодые люди горят нетерпением. Они хотят не изменений, а разрушения. Но пока жив, он не допустит подобного. Из собственного опыта вынес убеждение, что ослабление центральной власти чревато непредсказуемыми последствиями.

Царя возмущало не только поведение группок нигилистов, но и столичной публики. Особое негодование вызвал случай, происшедший за несколько месяцев до гибели Мезенцова. 21 января 1878 г. дворянка Вера Засулич ранила выстрелом из револьвера градоначальника Ф. Ф. Трепова. И за что же она вознамерилась лишить жизни верного царского слугу? За то, что он приказал наказать розгами одного заключенного за нарушение тюремного режима. Потом же случилось совсем невероятное. На суде по этому делу в конце марта 1878 г. звучали невозможные речи, злодейке устраивали овацию, а коллегия присяжных вынесла ей оправдательный приговор и она была отпущена на свободу прямо в зале суда! А на Литейном проспекте, около судебного здания, состоялась шумная восторженная манифестация в ее честь! Царь был сильно разгневан в тот день.

Царь, глубоко возмущенный наглыми попытками расшатать устои, с целью навести порядок в стране решил сосредоточить власть в руках доверенного человека. Выбор пал на графа М. Т. Лорис-Меликова (1825—1888), прославившегося смелыми и решительными действиями в годы Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и в борьбе с эпидемией холеры, наблюдавшейся в Астраханской губернии. Граф получил большие полномочия. В России заговорили о диктатуре.

Новоявленный «диктатор» отнюдь не хотел прибегать к строгим мерам. Он был уверен, что если обратиться к уму и сердцу молодых людей, то те, кто увлекся революционной борьбой, прозреют и перестанут быть ненавистниками государства. (Дальнейшее показало, что это была напрасная надежда.) Лорис-Меликов полагал, что необходимо провести преобразова-

ния в политическом управлении и тогда наступит общественное спокойствие. Он настоял на упразднении Третьего отделения Императорской канцелярии, вместо которой был создан Департамент полиции, вошедший в состав Министерства внутренних дел. Было снято несколько высших сановников империи, не пользовавшихся симпатией в либеральных кругах. Лорис-Меликов выдвинул предложение привлечь к выработке новых законов выборных от населения. С этой целью предполагалось учредить совещательную комиссию при Государственном совете. Царь одобрил эту мысль.

Однако все эти действия и призывы не произвели впечатления на народников. Одержимые манией убийства, они продолжали вынашивать идею убить царя, надеясь, что таким путем им удастся вызвать панику и восстание. Руководители «Народной воли» — недоучившийся студент А. И. Желябов и порвавшая со своими родителями дочь генерала С. Л. Перовская с группой единомышленников — составили план покушения. Оно намечалось на 1 марта 1881 г. Накануне полиции удалось напасть на след заговорщиков и арестовать Желябова, но это не изменило планов террористов.

В воскресенье, 1 марта 1881 г., примерно в 14 часов 30 минут на берегу Екатерининского канала в карету царя была брошена бомба. Это явилось шестым по счету покушением. Александр II не пострадал, но экипаж был разрушен, убиты кучер и мальчик-прохожий. Казалось, что снова Господь явил милость и спас русского царя. Однако через несколько минут другой злоумышленник, находившийся рядом, бросил новую бомбу, теперь уже прямо под ноги самодержца. Когда развеялся дым, то сопровождающие увидели на мостовой окровавленного самодержца с раздробленными ногами. Подбежавшему младшему брату великому князю Михаилу Николаевичу монарх прошептал: «Поскорее, во дворец, там умереть». Это были последние слова царя-освободителя. Его привезли в Зимний дворец. Там его соборовали, и умирающий сумел принять святое причастие. Прошло еще полчаса, и лейб-медик С. П. Боткин констатировал смерть. Это случилось в 3 часа 15 минут пополудни 1 марта. В России кончилась одна эпоха, начиналась другая...

До сих пор отношение к народникам вызывает научные споры, а их историческая роль подвергается полярным интерпретациям. Однако понимание характера народничества невозможно без учета их позиции в последующем, когда в стране утвердилась власть марксистов-ленинцев-сталинцев.

Те из них, кто дожил до «красного торжества» и остался в России, потом мирно существовали, получали элитные квартиры, усиленные пайки, сидели в президиумах юбилейных собраний, писали воспоминания и статьи об «ужасах царизма» и о своей «великой борьбе». Кругом царила оргия убийств, некогда столь любимое ими крестьянство уничтожалось миллионами, а они молчали. Они боялись за свою жизнь даже на краю могилы. Но существовало и еще одно обстоятельство, делавшее бывших «бесстрашных борцов за народное счастье» немыми и глухими в годы невиданного лихолетья. Большевики являлись прямыми продолжателями «славного дела»

народовольцев и довели до логического конца их главный принцип-девиз: убей неугодного. Признав же зверства коммунистов, значит, надо было признать преступную бессмысленность собственной жизни, пустопорожность собственных целей, фальшивость идеалов. На подобное мужественное самоотречение никто из бывших народников так и не отважился...

§ 4. Вступление на престол Александра III. Личность нового императора и основные черты внутренней политики империи

Александр Александрович Романов стал императором России под именем Александра III 1 марта 1881 г. В тот день, в 15 часов 35 минут, в главной императорской резиденции в Петербурге — Зимнем дворце — скончался его отец, император Александр II. День восшествия на престол навсегда остался для Александра III днем скорби. Он в резкой форме отметал все попытки придать ему некий торжественный характер. В 1886 г. министр иностранных дел Н. К. Гирс получил в этой связи категорическое «монаршее разъяснение»: «Для меня этот день не является праздником, и я не принимаю никаких поздравлений».

Александр III стал 18-м монархом из династии Романовых, правившей в России с 1613 г. Ему за четыре дня до смерти отца исполнилось 36 лет. Из числа предшественников императоров лишь двое занимали престол в более зрелом возрасте: прадед император Павел I, которому при вокарении в 1796 г. минуло 41 год, и отец, Александр II, принявший в 1855 г. корону, имея от роду без малого 37 лет.

До момента восшествия на трон Александр III 16 лет был престолонаследником, успел за это время многое повидать и перечувствовать. Полтора десятка лет состоял членом Государственного совета (главного законосовещательного органа империи), принимал участие в работе Комитета министров, командовал различными частями гвардии и более 10 лет занимал пост командира самого престижного подразделения лейб-гвардии Преображенского полка, имел воинское звание генерал-лейтенанта.

В 1877—1878 гг. Александр Александрович принимал участие в войне против Турции за освобождение Болгарии. Девять месяцев находился на передней линии сражений на Балканах, командуя одной из частей русской армии, где проявил себя смелым, но осторожным командиром. За успехи в военных баталиях был удостоен различных наград, в том числе и высоко им чтимого ордена Святого Георгия (Георгиевского креста), дававшегося исключительно за боевые заслуги.

Будучи наследником престола, Александр немало путешествовал, бывал неоднократно за границей: в Австрии, Германии, Франции, Дании, Англии, Бельгии, Голландии, Швеции. Лично познакомился с некоторыми известнейшими политическими деятелями. Гостил у английской королевы Виктории, у императоров Германии и королей Пруссии Вильгельма I и Вильгельма II, встречался с Наполеоном III, канцлером О. Бисмарком. Был на «ты» с наследником британского престола Альбертом-Эдуардом — герцогом Уэльским (Эдуардом VII), датским наследным принцем Фредериком (Фредериком VIII), датским принцем Вильгельмом — греческим ко-

ролем Георгом I. На протяжении многих лет неизменно питал большую душевную симпатию к своему тестю - королю Дании Христиану IX.

В октябре 1866 г. цесаревич Александр женился на датской принцессе Дагмаре (Марии-Софии-Фредерике-Дагмаре), принявшей православие и ставшей в России Марией Федоровной (1847—1928). Брак принес Александру Александровичу и Марии Федоровне шестерых детей: Николая (1868—1918), Александра (1869 -1870), Георгия (1871--1899), Ксению (1875—1960) Михаила (1878—1918), Ольгу (1882—1960).

Александр III стал царем при весьма печальных обстоятельствах. Его предшественник, «дорогой папа», погиб насильственной смертью, система государственного управления находилась в параличе, финансы страны были расстроены. Недовольство явно ощущалось в различных кругах общества. Либерально настроенные люди считали, что «нестроения» проистекают из непоследовательности и половинчатости общественных реформ, начавшихся в 1860-х гг. Некоторые даже полагали, что курс преобразований должен касаться не только отдельных сторон жизни страны, но и затронуть политическую систему в целом. В последние годы царствования Александра II разговоры на тему о необходимости к переходу к конституционно-представительному образу правления стали чрезвычайно модными не только среди интеллигенции, но даже и в высшем обществе России.

Представители же консервативных кругов видели источник социального брожения в скороспелых и непродуманных решениях, направленных на быстрое реформирование всего и всех. Они были убеждены, что либеральные приемы управления, развитие социальных прав и свобод, представительные формы управления, может быть, и хороши в других странах, но не подходят для России, где принципы царской власти базировались не на писаных законах, а на религиозно-нравственных принципах, которые по самой своей сути не могли подлежать реформированию. Твердая и честная власть — вот что может вывести страну из кризиса.

Будучи цесаревичем, Александр Александрович не всегда в душе одобрял то, что делалось его отцом. Однако никогда не только не критиковал, но даже и не высказывал неудовольствия, полагая, что нежелательные меры и решения были «навязаны папа» его окружением. Со многими же сановниками и министрами престолонаследник нередко полемизировал и в Государственном совете, и на заседаниях Комитета министров по поводу тех или иных решений. После же 1 марта 1881 г. Александр Александрович навсегда отбросил душевные неудовольствия, и его память об отце осталась высокой и светлой.

Со слезами на глазах читал завещание Александра II, слова и наставления отца. «Я уверен, что сын мой, Император Александр Александрович, поймет всю важность и трудность высокого своего призвания и будет и впредь, во всех отношениях достоин прозвания честного человека, которым величал его покойный старший брат его Никса. Да поможет ему Бог оправдать мои надежды и довершить то, что мне не удалось сделать для улучшения благоденствия дорогого нашего Отечества».

Первая задача, вставшая перед Александром III после воцарения, — укрепление власти и беспощадная борьба с террористами. В условиях общего брожения и сумятицы (некоторые уверенно предрекали скорое крушение) проводить дальнейшие эксперименты в области государственного управления представлялось немыслимым. 29 апреля 1881 г. появился высочайший манифест, ставший программным документом нового царствования.

«Посреди великой Нашей скорби глас Божий повелевает Нам стать бодро на дело правления, в уповании на Божественный Промысел, с верою в силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких поползновений». Далее новый царь призывал всех верных сынов Отечества ободриться и содействовать «искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России ее благодетелем, возлюбленным Родителем». О политических преобразованиях теперь речи не шло. Манифест для многих оказался неожиданным. Стало ясно, что времена либеральных реверансов миновали.

Александр III смело и решительно повел борьбу с противниками системы. После цареубийства прошли аресты и прямых исполнителей, и некоторых других, которые в этом злодеянии лично не участвовали, но готовили новые. Всего арестовали около 50 человек. Самые главные — убийцы государя. Их было пятеро. Вина была полностью доказана, и суд приговорил их к высшей мере наказания. Всего за время царствования Александра III, за тринадцать с половиной лет, было казнено 17 человек. В их число входил и старший брат Ленина, Александр Ульянов, казненный за подготовку цареубийства в 1887 г.

Александр III не сомневался, что с врагами России надо вести непримиримую борьбу. Но не только полицейскими методами, но и милосердием. Надо различать, где истинные, непримиримые противники, а где заблудшие души, позволившие по недомыслию втянуть себя в противоправные действия. Такие достойны снисхождения. Император сам всегда следил за ходом дознания по делам политическим. В конце концов, все судебные решения представлялись на его усмотрение, многие просили о царской милости, и ему надлежало знать подробности. Порой дело в суд не передавалось, а виновный получал царское прощение.

Александр III принял бразды правления, когда экономическое хозяйство страны если и не лежало в руинах, то очень скоро могло в них превратиться. Война с Турцией и массовый выпуск в обращение бумажных денег подорвали кредит и поставили финансы России на грань краха. После окончания войны делались попытки исправить положение. Заключили крупные займы за границей, и хотя банкротство не последовало, но тяжелое положение сохранялось.

В 1881 г. государственный долг превышал 1,5 млрд рублей (при государственном доходе в 653 млн), а ежегодные платежи по заграничным займам поглощали более 30% всех государственных поступлений. Плохой уро-

жай 1880 г. усугубил экономическое положение. Деньги стремительно обесценивались, деловая активность замирала.

Перед Министерством финансов император поставил главную задачу: выправить положение. При Александре III впервые за долгое время удалось добиться важного результата: статьи расходов и доходов стали сбалансированными. За время царствования Александра III все экономические показатели развития народного хозяйства России демонстрировали неуклонный рост. Страна медленно, но уверенно превращалась из страны сельскохозяйственной в страну аграрно-индустриальную. Заметно повышалось общее благосостояние населения: если в 1881 г. в сберегательных кассах России общая сумма вкладов едва достигала 10 млн рублей, то в год кончины Александра III (1894) она превысила 330 млн рублей. По инициативе царя в 1891 г. началось осуществление одного из крупнейших мировых экономических проектов XIX в. – строительство грандиозной железнодорожной магистрали через всю Сибирь, протяженностью более 8 тыс. километров.

Каждодневно в центре внимания монарха находились дела государственного управления. Царь знал, что сановники часто заняты не столько разработкой законов, не изучением предмета для подготовки обоснованных решений и законопроектов, а выведыванием настроений монарха, чтобы затем «попасть в тон». Эту манеру терпеть не мог и всегда старался не высказывать свое суждение о предмете до предстоящего обсуждения. Когда же ему говорили, что без заявления монаршей воли «будут разногласия», то не раз подчеркивал, что «присутствие разных мнений очень полезно для дела».

Его раздражала манера затягивать вопрос бесконечными обсуждениями в государственных комиссиях, в первую очередь в комиссиях Государственного совета. Однако царь никогда не стремился ликвидировать или игнорировать это законосовещательное учреждение, где заседали известные сановники, умудренные опытом государственного управления. Одновременно пресекал попытки превратить этот синклит во второе «я» монарха. Свою позицию заявлял открыто: «Государственный совет есть ближайшее, помогающее мне и правительству учреждение, а не противодействующее ему».

За годы правления Александром III не было принято ни одного сколько-нибудь важного государственного решения, не был утвержден ни один закон без предварительного, нередко многолетнего обсуждения в кругу высших должностных лиц и специалистов.

Александр III знал дела своих венценосных предков, хорошо знал историю России и немало сделал для изучения и популяризации ее. Когда в 1866 г. возникло Русское историческое общество, то цесаревич не только горячо поддерживал учредительскую идею — способствовать развитию правильных знаний о прошлом России, но и стал деятельным участником собраний общества. Местом заседаний сделался дом цесаревича, а затем царя. Библиотека Аничкова дворца превратилась на длительное время в центр регулярных собраний как маститых историков, так и любителей.

Здесь читались доклады на различные темы, велись дискуссии по спорным вопросам, оглашались и обсуждались неизвестные до того документы.

При прямой финансовой и неустанной моральной поддержке Александра III издавались объемные фолианты — сборники Исторического общества, содержавшие множество уникальных материалов. По инициативе Александра Александровича начался сбор воспоминаний участников обороны Севастополя 1854—1855 гг., которые потом публиковались в сборниках Исторического общества.

Близко к сердцу он принял и создание Исторического музея в Москве. Сама мысль создать доступное для обозрения публики национальное хранилище предметов русской старины существовала давно. Однако лишь в 70-е гг. XIX в. приступили к строительству большого здания на Красной площади, которое было открыто для публики в год коронации Александра III, в мае 1883 г.

Еще одной душевной привязанностью Александра III являлось собирание произведений искусства. Он не имел никаких специальных знаний, его вкус и представления формировались постепенно и со временем сделали из него завзятого коллекционера-любителя. Вначале все было невинно. Во время первого визита в Данию ему приглянулись некоторые изделия из стекла и фарфора, которые он приобрел «для украшения своего дома». Первые годы интерес дальше собирания случайных вещей, изделий из стекла, бронзы и фарфора не распространялся. Живопись его не занимала. Своему учителю живописи признался, что «должен любить картины старых мастеров», ибо «все признают их великими», но «собственного влечения не имею».

Но уже в 1870-е гг. цесаревич начал проявлять влечение именно к изобразительному искусству и почти оставил собирание прочих вещей. Его пристрастия скоро стали вполне определенными: картины русских художников. Хотя в его коллекции находились работы и европейских художников (Ватто, Жерома, Галле, Робера, Мебиуса, Бонвена и др.), но приоритет отдавал отечественным живописным школам.

В середине 1870-х гг. цесаревич прибрел коллекцию разорившегося предпринимателя В. А. Кокорева, и его собрание обогатилось рядом первоклассных полотен русских художников: К. Брюллова, В. Боровиковского, Ф. Бруни, М. Клодта, П. Басина, Н. Сверчкова. Став царем, собирательские увлечения не оставил. Именно благодаря Александру III было приобретено для Эрмитажа парижское собрание древних раритетов известного коллекционера А. П. Базилевского (русское и западноевропейское оружие, изделия из серебра и слоновой кости), за которое из собственных средств царь заплатил 6 млн франков (более 2 млн рублей). В силу природной экономности Александру III было очень непросто решиться; долго колебался, просил сбавить цену. В конце концов соблазн сделать достоянием России уникальные ценности перевесили царские сомнения.

Последние годы своей жизни Александра III увлекла мысль создать большой музей национального искусства. Открытие для публики картинной галереи русской живописи братьев Третьяковых в Москве в 1892 г., которую царь посетил и «получил истинное наслаждение», утвердило его

в желании организовать аналогичное общедоступное собрание живописи и в столице империи. Однако осуществить намерение не успел. Лишь только при его сыне, Николае II, в 1898 г. в Петербурге в огромном Михайловском дворце открылся полобный музей. Основу его коллекции составили произведения из собраний Романовых, в том числе и приобретения покойного царя. На фронтоне величественного здания значилось: Русский музей имени императора Александра III...

В январе 1894 г. царь заболел пневмонией. Несколько дней его положение оставалось очень тяжелым, и у многих стали возникать мысли о трагическом исходе. Потом вроде бы все нормализовалось. Царь стал появляться на официальных церемониях, принимал, посещал смотры и парады. 26 февраля ему исполнилось 49 лет, и никто не предполагал, что это последний день его рождения. К концу лета состояние царя резко ухудшилось, обострилась старая почечная болезнь. Во второй половине сентября 1894 г. царская семья прибыла в Крым. Врачи считали, что сухой южный климат может улучшить состояние. Но этого не произошло. К началу октября 1894 г. почти все приближенные чувствовали, что царь долго не проживет (об этом вполне определенно говорили врачи). 20 октября 1894 г. в 14 часов 15 минут император Александр III скончался в Ливадии.

* * *

В эпоху царствования Александра III в России сохранялась строгая административная регламентация социальной жизни. Враги государственной власти подвергались преследованиям, арестам, высылкам. Такие факты имелись и до, и после Александра III, однако в оправдание непреложного тезиса о некоем «курсе реакции» именно этот период нередко характеризуют как особо мрачный и беспросветный. Гневных слов по этому поводу сказано много, конкретных фактов в подтверждение приведено куда меньше. Всего за политические преступления (за другие провинности в России вообще не лишали жизни) в «период реакции» было казнено 17 человек. Эти лица или участвовали в цареубийстве, или готовились к нему, и ни один из них не раскаялся. В общей же сложности за антигосударственные деяния было допрошено и задержано около 4 тыс. человек. Это данные за почти 14 лет! Исходя из того, что к концу царствования Александра III население Российской империи превышало 120 млн человек, указанные цифры нельзя не признать незначительными.

В период царствования Александра III страна динамично развивалась, социальные и экономические показатели заметно изменялись. Бюджет России к концу 1880-х гг. стал сбалансированным (ранее расходы неизменно превышали доходы), что позволило через несколько лет (уже при Николае II) перейти к введению золотого обращения.

Стремясь пополнить доходы, правительство повысило пошлины на импортные товары. Вводились новые прямые налоги, ставки старых налогов повышались. Эти меры затрагивали в первую очередь состоятельные слои населения. В 1882 г. был введен налог на имущество, переходившее от владельца к владельцу в результате завещаний и дарений, в 1885 г. были повышены (на 3%) налоги на промышленные предприятия, поземельный на-

лог, а также налог на недвижимое имущества в городах (дома, магазины, склады). Одновременно государственная власть пошла на снижение налогообложения крестьянства, понимая, что без улучшения материального положения основной массы населения надеяться на качественное улучшение всего народного хозяйства невозможно. В 1882 г. был снижен на 12 млн рублей размер ежегодных выкупных платежей, а в 1883 г. появился царский указ, предписывавший приступить к отмене подушной подати.

Этот вид налога установил еще Петр I. Его платили главным образом крестьяне (на дворян, духовенство и купцов он не распространялся). Ежегодно каждый мужчина-крестьянин (рабочая душа) обязывался вносить в казну определенную сумму. Размер ее в различных районах был неодинаковым (при определении этого налога в расчет принималась доходность крестьянских хозяйств и дополнительные заработки). К концу 60-х гг. XIX в. подушная подать колебалась от 1 рубля 15 копеек до 2 рублей 60 копеек. В 1867 г. эти налоги принесли государству почти 70 млн рублей (более 10% всех прямых доходов).

Во время царствования Александра III произошло и еще одно примечательное событие: в 1882 г. был учрежден Крестьянский поземельный банк. Его задача состояла в том, чтобы выдавать отдельным крестьянам и крестьянским обществам (общине) кредиты для покупки земли. За первые 10 лет на ссуды банка крестьяне приобрели в собственность более 2 млн десятин земли.

Политика поощрения индустрии, проводимая правительством Александра III, приносила экономические результаты и изменяла социальную структуру населения. Если в 1881 г. в России на фабриках и заводах трудилось 770 842 рабочих, то в 1893 г. — уже 1 406 792. Появление значительной категории наемных тружеников ставило перед властью задачу правового регулирования их положения. Именно при Александре III появляются законы, ставшие основой российского рабочего законодательства. В 1882 г. в России в структуре Министерства финансов возник новый административный орган: Фабричная инспекция. Ее функция — следить за исполнением фабричного законодательства и предотвращать возникновение конфликтов между рабочими и хозяевами.

В этот период в России формируется система рабочего законодательства. В том же 1882 г. появился закон, запрещавший детям до 12 лет работу на фабриках и заводах; рабочий день подростков до 15 лет мог длиться не более 8 часов с перерывом после четырех часов, или 6 часов без перерыва. Запрещалось использовать несовершеннолетних (до 16 лет) на ночных работах, в выходные и праздничные дни.

Законом 3 июня 1885 г. воспрещалась ночная работа на текстильных фабриках женщинам и подросткам до 17 лет. Но такие ограничения не нашли понимания в самой рабочей среде, так как подобный труд в большинстве случаев оплачивался выше дневного. В инстанции сыпались прошения разрешить «добывать средства к пропитанию». 24 апреля 1890 г. положение было видоизменено: работа женщинам и подросткам разрешалась, но лишь с согласия фабричной инспекции.

3 июня 1886 г. появились важные нормативные акты: «Правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры» и «Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Они регулировали взаимные обязательства рабочих и нанимателей и предусматривали: заключение договора найма с записью его условий в расчетной книжке (величины заработной платы, стоимости аренды жилья и т. д.); размеры штрафов за нарушение трудового распорядка, обязывая хозяев направлять штрафные суммы в особый капитал для выдачи пособий рабочим. Закон запрещал выдавать зарплату продуктами или товарами, взимание платы на врачебную помощь. Хозяева отныне не имели права понижать заработную плату после заключения договора о найме, уменьшать число рабочих дней. Выдача заработной платы должна была производиться не реже одного-двух раз в месяц, причем из этих сумм не разрешалось делать вычеты для уплаты долгов рабочего. Для того времени подобные нормативы являлись огромным шагом вперед.

Александр III не принадлежал к числу социальных экспериментаторов, готовых ставить опыты над подвластной империей. Происходившие при нем изменения приемов управления и форм социальной жизни отражали трудный поиск приемлемого соотношения между «потребностями времени» и «возможностями страны». В числе особо значимых и показательных шагов в этом ряду: преобразование местного самоуправления, учебного дела, судопроизводства.

Местное управление, сформированное при Александре II, наделяло земства и города большими правами в деле решения местных нужд. Однако законодательство о земском и городском самоуправлении оставляло много правовых неясностей и во взаимоотношениях между самими местными органами, и в отношениях с государственной властью. Сенаторские ревизии некоторых губерний, проведенные в 1880—1881 гг., выявили множество проблем и злоупотреблений.

После отмены крепостной зависимости в 1861 г. крестьянство имело местное самоуправление в виде особых крестьянских органов: сельских и волостных (сельские старосты, сельский и волостной сход), в ведении которых находились повседневные, текущие дела крестьянской общины. Они починялись государственному должностному лицу — мировому посреднику, имевшему право утверждать и отрешать от должности избранных крестьянством лиц (волостного старшину, сельского старосту), решать крестьянские судебные тяжбы (при иске не выше 30 рублей), заключать под арест сроком до семи дней и наказывать розгами до 20 ударов. Мировые посредники назначались губернатором по согласованию с губернским предводителем дворянства из числа местных дворян. Следующими инстанциями государственного крестьянского управления являлись съезды мировых посредников и особые уездные и губернские по крестьянским делам присутствия.

Важнейшая задача мировых посредников состояла в урегулировании земельного раздела между крестьянами и их бывшими хозяевами — дворянами-землевладельцами. В 1874 г., когда в эта проблема в главном была решена, институт мировых посредников ликвидировали. Их обязанности пе-

решли к уездным по крестьянским делам присутствиям, к начальникам полиции и судебным учреждениям.

Однако единообразного крестьянского управления на местах так и не сложилось. Законодательные неясности вели к дублированию функций, вносили сумятицу в административные дела, порождали злоупотребления и произвол. Неустроенность крестьянского управления становилась очевидной. Ослабление государственного контроля вело не к «повышению социальной ответственности», а лишь к ослаблению общих устоев. Эту сумятицу в управлении некоторые газеты и журналы называли «демократическим крестьянским самоуправлением».

Александр III не сомневался, что когда обязанности, а значит, и ответственность распылены, то и спросить по-настоящему не с кого. Императору понравилась идея учредить новый институт — земских начальников, обязанных надзирать за положением дел в сельском мире и оперативно разрешать текущие дела. По сути дела, речь шла о возвращении в крестьянскую жизнь мировых посредников, но с более широкими правами.

Такое предложение очень отстаивал министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, считавший, что появление земского начальника, наделенного административными и судебными полномочиями, укрепит государственную вертикаль власти и улучшит эффективность управления. Согласившись с этим мнением в принципе, император, как и в других случаях, решил подробно рассмотреть предложение в департаментах Государственного совета. Несколько лет проект обсуждали, и лишь в начале 1889 г., после неоднократного напоминания императора, дело дошло до голосования. Мнения разделились. Меньшинство (13) поддержало графа Толстого, а большинство (39) выступило против наделения земского начальника одновременно административными и судебными правами.

Получив журнал Государственного совета, Александр III 28 января 1889 г. «собственноручно начертать соизволил» резолюцию: «Соглашаясь с мнением 13 членов, желаю, чтобы мировые судьи в уездах были упразднены, для того, чтобы обеспечить нужное количество надежных земских начальников в уезде и облегчить уезду тяжесть платежей. Часть дел мировых судей может перейти к земским начальникам и в волостные суды, а меньшая часть, более важные дела, могли бы отойти к окружным судам». Понадобилось еще несколько месяцев, прежде чем монаршая воля обрела форму законопроекта, который царь утвердил 12 июля 1889 г.

Земские начальники назначались губернатором из числа дворян, владевших недвижимой собственностью в данном районе, имевших среднее или высшее образование. В их руках сосредоточивались административная власть над органами крестьянского самоуправления, контроль за деятельностью волостных и сельских управлений, утверждение избранных лиц в уезде. Земскому начальнику передавалась и функция мирового судьи.

Преобразование крестьянского управления вызвало необходимость корректировки и земского управления. Всесословные выборные органы земского самоуправления возникли в 1864 г., им принадлежали дела «о местных хозяйственных пользах и нуждах». Привлечение к управлению местных жителей по выбору являлось важным шагом в развитии социальной

самодеятельности населения. Однако со временем выявились и крупные недостатки в организации всего начинания. Средства для своих целей земства могли получать путем введения особого (земского) налогообложения. Закон четко не очерчивал ни пределы этих сборов, ни их соотношение с государственными повинностями. Естественно, что сразу начались конфликты и тяжбы. Земства сетовали, что у них не хватает средств для строительства и содержания больниц, школ; что нет денег на ремонт и строительство дорог. В свою очередь, состоятельные местные жители, особенно предприниматели, постоянно жаловались на финансовый произвол, на «земскую обдираловку», уверяли, что получаемые средства земствами разбазаривались, что значительная их часть расходовалась на оплату служащих земской управы. Утверждалось, что одна из главных причин неэффективной работы земств состоит в самом составе земских органов. Ввиду низких имущественных избирательных цензов в состав земских управлений нередко попадали люди, не связанные с хозяйственными интересами данной местности. При этом далеко не все избранные отличались политической благонадежностью. В силу этого в некоторых земствах предпочтение отдавали не решению практических задач благоустройства, а бесконечным дискуссиям о вещах, часто весьма отвлеченных. Иногда дело доходило до того, что заседание земского собрания походило на антиправительственную сходку.

После длительных обсуждений и согласований Александр III 12 июня 1890 г. утвердил новое положение о губернских и уездных земских учреждениях. Суть изменений сводилась к следующему. Система распределения земских избирателей по роду имущества заменялась распределением их по трем сословным группам: дворянской, городской и крестьянской с предоставлением дворянскому элементу численного преобладания в земских собраниях. Высшее наблюдение за деятельностью земских собраний возлагалось на министра внутренних дел, текущее же — на губернатора и особую при нем коллегию — губернского по земским делам присутствия. Все постановления земских собраний предоставлялись теперь на утверждение губернатору, который в случае своего несогласия с решением апеллировал к министру внутренних дел.

Губернатор получал право на время приостановить решение земского собрания, если считал, что оно не соответствует закону. Однако земства имели возможность отстаивать свою правоту в суде, обжаловать решения губернатора и министра в высших инстанциях. Разногласия между земствами и государственными ведомствами окончательно разрешались Сенатом, если речь шла о законности постановлений земства, и Государственным советом и Комитетом министров, когда вопрос касался целесообразности распоряжений земства.

Вслед за земским подверглось переустройству и городское общественное управление, действовавшее на основании Городового положения 1870 г. После его появления развитие городского хозяйства добилось заметных успехов — дело благоустройства городов сильно продвинулось. Однако выяснились и недостатки устава 1870 г. Они во многом проистекали из системы городских выборов, неудовлетворительности состава и устрой-

ства органов управления, фактической бесконтрольности в расходовании городских фондов, в отсутствии надлежащих правил составления смет и отчетов.

11 июня 1892 г. Александр III утвердил новое Городовое положение, направленное на упорядочение городского самоуправления. Существовавшая ранее практика избрания гласных городских дум в соответствии с размером уплачиваемого ими в пользу города налога привела к тому, что почти во всех городах образовались, с одной стороны, влиятельное меньшинство крупных плательщиков городских налогов, а с другой — бесправное большинство мелких домовладельцев. Фактическими хозяевами городского магистрата нередко становились люди, не имевшие никакой значительной недвижимости в данном городе и лично не заинтересованные в благоустройстве.

Теперь положение менялось: избирательные права сохранялись лишь за собственниками недвижимого имущества, а также за лицами, приобретавшими купеческие свидетельства в данном месте: первой гильдии для столичных городов и первой, и второй гильдий для всех прочих. В отношении утверждения должностей, контроля и обжалования решений местных органов самоуправления вводились нормы, сходные с земским положением.

При Александре III произошла корректировка и некоторых сторон судопроизводства. Утвержденные императором Александром II в 1864 г. судебные уставы вводили в России для того времени самую демократическую судебную процедуру. Суд отделялся от администрации, утверждалось равенство всех перед законом, гласность и состязательность сторон в судебном процессе, несменяемость судей и судебных следователей. Уставы устанавливали в России суд присяжных и институт присяжных поверенных (адвокатов).

Коронный суд имел две инстанции. Первой являлся окружной суд, а второй – судебная палата. В отдельных губерниях, в зависимости от их размеров и численности населения, могло существовать от одного до трех окружных судов. Несколько губерний составляли судебный округ во главе с судебной палатой. На местном уровне существовала еще категория мировых судей, занимавшихся рассмотрением мелких исков и бытовых тяжб. Суд присяжных действовал в рамках окружного суда, в его компетенцию входили уголовные преступления.

Присяжные заседатели (обычно их число не превышало 14 человек) избирались на основе имущественного ценза из числа местных жителей. Они устанавливали лишь виновность или невиновность подсудимого, а меру наказания определял судья. Суд присяжных отражал стремление судить человека не только «по букве закона», но и «по сердцу». Судебная же практика показала, что в делах, касавшихся тяжких преступлений, в том числе и политических, подобное правило порой приводило к оправданию преступлений. Самым известным случаем такого рода стал в 1878 г. процесс над Верой Засулич, покушавшейся на жизнь шефа столичной полиции, которую коллегия присяжных признала невиновной.

Создатели передовых судебных уставов 1864 г. не предполагали, что вводимая система гласности судопроизводства приведет к нежелательным

общественно-политическим последствиям. Как правило, судебные заседания являлись открытыми. Исключение делалось лишь при разбирательстве богохульства, оскорбления женской чести и некоторых категорий имущественных дел. Ограничения на информацию о подобных процессах не налагались, и газеты подробно воспроизводили речи подсудимых и адвокатов, являвшиеся порой, по существу, антиправительственными декларациями. Зал суда становился трибуной политической агитации. Находились юноши и девушки, для которых такие отчеты становились своего рода «политическими университетами». На обличительных речах террористов они постигали «премудрость ненависти».

12 февраля 1887 г. царь одобрил заключение Государственного совета, в соответствии с которым доступ в судебное заседание малолетних и учащихся запрещался, двери судебного заседания закрывались для публики в тех случаях, когда суд признавал, что обстоятельства разбирательства могут оскорблять религиозное чувство, нравственность, затронуть достоинство государственной власти и нанести вред общественному порядку. В таких случаях никаких подробных отчетов, а уж тем более стенограмм судебных разбирательств публиковать не разрешалось.

Еще одно важное нововведение касалось самого проведения процесса. Такой указ царь подписал 7 июля 1889 г. Отныне наиболее тяжкие преступления, в том числе касавшиеся покушения на политические устои, изымались из ведения окружных судов и передавались в судебные палаты, где дела рассматривались судьями с участием сословных представителей (председателя дворянского общества, городского головы, волостного старшины местного уезда).

Несмотря на ряд нововведений, все основополагающие принципы судебной реформы 1864 г. (несменяемость судей, независимость судопроизводства, суд присяжных, право на защиту) пересмотру не подлежали.

Преобразования коснулись и организации учебного дела в империи. В 70-е гг. XIX в. стало ясно, что дело организации просвещения нуждается в реорганизации. Даже самые твердокаменные приверженцы исконных начал и исторических основ не спорили с тем, что необразованность и невежество — общественное зло, что учебных заведений в империи явно не хватает, а кадры преподавателей готовились плохо. Со всей определенностью обозначилась и еще одна проблема — организация высшего образования. К моменту воцарения Александра III в Российской империи действовали университеты: Московский, Дерптский (современный эстонский город Тарту), Петербургский, Казанский, Варшавский, Киевский, Новороссийский (Одесса), Гельсингфорсский (Хельсинки), Харьковский. В 1888 г. открылся и первый университет в Сибири — Томский.

Университетский устав 1863 г. предоставлял высшим учебным заведениям широкую автономию, передав «ученой корпорации» все дела по организации преподавания и внутреннего распорядка. Ректор и профессора избирались, студенты имели право на создание землячеств и ассоциаций «по интересам», дисциплинарные нарушения рассматривались особым университетским судом, существовала и особая университетская полиция.

Автономия высших учебных заведений, их обособленность от государства вели к тому, что они становились центрами антиправительственной агитации, нелегальная литература распространялась здесь почти свободно, а студенческие ассоциации главное внимание уделяли обсуждению жгучих политических вопросов. Беспорядки среди студентов, их участие в антиправительственных акциях стало обычным явлением в 60—70-е гг. XIX в. Обозначился и еще один существенный недостаток организации. Единых, общероссийских учебных программ не существовало, и в каждом университете дисциплины преподавались на свой лад. В результате знания по одному и тому же предмету выпускников различных университетов часто мало сочетались.

В правительственных кругах считали ненормальным положение, при котором университеты, существовавшие главным образом на государственные средства, превратились в анклавы антигосударственной деятельности! Заводилами выступало меньшинство студентов, но именно это меньшинство и будоражило умы, мешало учиться остальным. Часть профессоров, особенно преподававших гуманитарные дисциплины, читали лекции не столько по своему предмету, сколько на злобу дня, не скупясь на критику «общих порядков», разжигая страсти. При этом на них повлиять было почти невозможно, так как они избирались «ученой корпорацией». Подобная ненормальность требовала устранения.

Еще при Александре II в 1880 г. тогдашний министр просвещения граф Д. А. Толстой внес в Государственный совет проект нового университетского устава, предусматривавший усиление государственного контроля за высшими учебными заведениями (главные пункты: введение единых государственных экзаменов, назначение ректора Министерством народного просвещения, ликвидация университетского суда). Но тогда дело заглохло. Задача наведения порядка в высших учебных заведениях досталась Александру III по наследству.

В ноябре 1882 г. министр просвещения И. Д. Делянов опять внес в Государственный совет проект изменения университетского устава, в основном совпадавший с предложениями Толстого. После длительных обсуждений в мае 1884 г. дело дошло до голосования общего собрания. Мнения разделись. Меньшинство поддержало предложения по введению контроля, большинство же высказало различные оговорки, настаивая на продолжении «изучения вопроса». Дело могло опять затянуться на годы.

Через три месяца царь созвал особое совещание, на которое пригласил высших должностных лиц империи. Здесь опять прозвучали лишь аргументы, уже известные монарху по журналам Государственного совета. Выслушав доводы, самодержец решил больше не откладывать решение. 15 августа 1884 г. он утвердил мнение меньшинства Государственного совета. В России начала действовать новая редакция университетского устава.

§ 5. Роль России в «концерте» мировых держав и заключение франко-русского союза

После окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Россия не принимала участия в вооруженных столкновениях, усилия ее дипломатии

и политического руководства сводились к поддержанию мира и стабильности как в Европе, так и в других районах. Будучи мировой державой, Россия имела политические, стратегические и экономические интересы в различных точках земного шара. Первостепенное же значение для нее имели Европа, Ближний, Средний и Дальний Восток. В этих регионах ситуация постоянно менялась и была далеко не всегда благоприятной для Петербурга.

Весь XIX в. главными мировыми политическими центрами, где принимались решения, касавшиеся геополитических проблем, были Лондон, Париж, Петербург, Вена. С середины века к числу таких центров присоединился и Берлин. Все остальные страны и столицы были на далекой периферии мировой политики. Лишь в самом конце века на роль «первых скрипок» в концерте великих держав стали претендовать еще две страны: Япония и США.

В последние десятилетия XIX в. важные события происходили в Европе, где складывалась новая геополитическая обстановка. Возникло два новых государства — Италия и Германия. Объединение Италии под главенством Савойской династии мало занимало правящие круги России, а вот создание консолидированной Германской империи под эгидой прусской династии Гогенцоллернов затрагивало важнейшие нервы русских интересов и в самой Европе, и вне ее.

Отношения между Петербургом и Берлином большую часть XIX в. носили дружеский характер, что в немалой степени было результатом тесных родственных связей между двумя династиями: женой императора Николая I и матерью Александра II была урожденная прусская принцесса Шарлотта-Каролина, принявшая в России имя Александры Федоровны. Первый император Германской империи Вильгельм I приходился дядей царю Александру II.

В 60-е гг. XIX в., когда Пруссия начала кровавую борьбу за германское единство, Россия хранила благожелательный нейтралитет, который она сохраняла и во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг., закончившейся разгромом Франции и провозглашением Германской империи. С конца 70-х гг. XIX в. «сердечная дружба» между Россией и Германией начинает подвергаться серьезным испытаниям. На Берлинском конгрессе 1878 г. европейские державы выступили единым фронтом и совместными усилиями постарались свести на нет успехи и преимущества России, полученные ею в результате кровопролитной и дорогостоящей Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Становилось все более ясным, что Германия в международных вопросах не собирается руководствоваться чувствами симпатии к своему восточному соседу. В ее внешней политике начинали доминировать собственные имперские устремления. Осознание очевидного стало горьким разочарованием для многих в России, в том числе и для Александра II. Хотя император Вильгельм I и могущественный канцлер О. Бисмарк по любому поводу и разными путями уверяли Петербург в неизменной дружбе, но чувства досады и раздражения от предательства Берлина в российских правящих кругах все усиливались. Данная тенденция стала очевидной в 1880-е гг.

Когда в 1881 г. на престол вступил Александр III, то к этому времени он испытывал стойкие антигерманские чувства. Конечно, симпатии самодержца в той или иной степени, но неизбежно влияли на все аспекты внутренней и внешней политики империи. Но степень этого влияния, его результативность далеко не всегда напрямую определяли курс государственного корабля. Говоря об антигерманских чувствах последних царей, необходимо учитывать один важный момент. Монархи питали собственно не столько антигерманские чувства, сколько антипрусские. Пруссия и Германия, по представлениям политиков той поры, не являлись синонимами.

У России складывались непростые отношения и с прочими мировыми лидерами. Огромность Российской империи, ее медленное, но неуклонное расширение на юг и восток вызывали беспокойство и неудовольствие других мировых держав. Крымская война неблагоприятно отразились на характере русско-французских и русско-английских отношений, надолго исключив возможность сближения и с Англией, и с Францией. Хотя Наполеон III выказывал знаки внимания русскому царю и публично сетовал на отсутствие дружеских связей с Россией, но никакого позитивного сдвига во франко-русских отношениях не наступило. После разгрома Франции в 1870 г. она на некоторое время перестала играть заметную роль в европейской политике.

Неизменно сложными оставались отношения у России с Англией. Экспансия Лондона в Азии наталкивалась на такие же претензии Петербурга. Находившаяся на английском престоле с 1837 г. по 1901 г. королева Виктория была убежденной русофобкой.

В России хорошо помнили, что во время Крымской войны она на своей яхте провожала «до последнего маяка» военную эскадру, показав тем самым всему миру, что это была не только война Британии, но и ее личная война. Да и после окончания сражений отношения оставались натянутыми. В 1860-е гг. премьер Дизраэли заявлял: «Россия непрерывно усиливается. Катится как снежная лавина к границам Афганистана и Индии и представляет собой величайшую опасность, какая только может существовать для Британской империи».

Эти чувства полностью разделяла и королева, а область внешней политики являлась сферой ее особых забот и интересов. К России Виктория питала не только стойкую антипатию, но и была уверена, что дни царской империи сочтены. Весной 1881 г. королева писала своей дочери, что «состояние России настолько плохое, настолько прогнившее, что в любой момент может случится что-то страшное».

Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Англия стояла за спиной Турции и помогала ей. Сложные коллизии возникали в Средней Азии. Россия с середины XIX в. уверенно продвигалась в глубь обширных, малонаселенных территорий на востоке от Каспийского моря. По мере этого движения русские рубежи все ближе и ближе подходили к владениям Британии в Индии. Уже вскоре после воцарения Александра III наметился конфликт из-за района Мерва, чуть не приведший к войне между двумя крупнейшими мировыми империями. Еще более острая обстановка сложилась через четыре года в том же районе Средней Азии.

В начале 1885 г. отряд афганцев, вооруженный англичанами и под руководством английского инструктора, занял территории, расположенные по соседству с крепостью Кушка, угрожая фланговой русских войск. Возмущенный царь отправил командующему грозный циркуляр, предписывая немедленно выгнать пришельцев и «проучить их как следует».

Воля монарха была исполнена: афганцы бежали, а англичанин попал в плен. Посол Великобритании в Петербурге от имени правительства ее величества потребовал извинений. Александр III не только не собирался извиняться, но даже демонстративно наградил начальника пограничного отряда Георгиевским крестом. В Лондоне негодовали. Была произведена частичная мобилизация армии, а флот приведен в боевую готовность. Петербург получил новую, еще более грозную ноту, и русские дипломаты нервничали. Сам же царь сохранял хладнокровие и на замечание министра иностранных дел Николая Гирса, что Россия на пороге войны, меланхолически изрек: «Хотя бы и так». Тема была исчерпана. Англии пришлось уступить и проглотить «горькую русскую пилюлю».

Холодность англо-русских отношений в XIX в. существенно не изменили даже близкие родственные отношения, возникшие между Романовыми и Ганноверской династией. Старшая сестра русской цесаревны, а с 1881 г. — императрицы Марии Федоровны, урожденная датская принцесса Александра, была замужем за старшим сыном королевы Виктории, наследником английской короны принцем Альбертом-Эдуардом, герцогом Уэльским. (С 1901 г. — король Эдуард VII). Позже возникли и другие фамильные узы: в 1874 г. единственная дочь Александра II Мария Александровна стала женой второго сына королевы Виктории Альфреда, герцога Эдинбургского, а в 1884 г. внучка королевы, гессенская принцесса Елизавета, вышла замуж за брата Александра III, великого князя Сергея Александровича. И, наконец, в ноябре 1894 г. молодой царь Николай II обвенчался с младшей внучкой английского монарха, принцессой Алисой Гессенской, ставшей последней русской царицей Александрой Федоровной. Государственные связи между Россией и Англией стали улучшаться лишь в начале XX в., и это сближение закончилось заключением в 1907 г. англо-русского союза.

Несмотря на свои антигерманские настроения, вскоре после восшествия на престол Александр III пошел на возобновление Союза трех императоров. Правящие круги России сделали этот шаг, чтобы предотвратить складывание тесного военно-стратегического альянса между Германией и Австро-Венгрией. В июне 1881 г. был подписан новый договор между тремя монархами, согласно которому стороны обязывались поддерживать «благожелательный нейтралитет», если случится война одной из них с четвертой страной. Правда, была сделана оговорка, что в случае войны с Турцией нейтралитет определяется специальным соглашением об условиях мира, а возможные изменения территориальный владений Турции в Европе могут происходить лишь с согласия сторон. Этот договор не был выгоден России, но, чтобы не оказаться в опасной изоляции на мировой сцене, Петербург согласился на подобные условия.

В 1882 г. в расстановке политических сил в Европе произошло важное событие: Германия, Австро-Венгрия и Италия заключили тайное соглашение, получившее название Тройственного союза, который участники высокопарно называли Лигой мира. В отличие от Союза трех императоров, где стороны на себя брали в основном моральные обязательства самого общего порядка, в данном случае имело место образование военно-стратегической коалиции, нацеленной напрямую против Франции и завуалированно против России. Участники соглашения обязывались не участвовать ни в каких соглашениях, направленных против одного из участников Тройственного союза, и оказывать друг другу взаимную военную поддержку в случае любых военных действий. Этот договор неоднократно продлевался и просуществовал вплоть до 1915 г., когда Италия выступила на стороне Антанты против своих бывших союзников.

Острое столкновение интересов России и Австро-Венгрии на Балканах (претензии на турецкое территориальное наследство, борьба за влияние в Болгарии, проблема проливов) вполне определенно вырисовывали возможность военного столкновения между тремя державами и Россией. В Петербурге прекрасно понимали опасность подобной ситуации. Чтобы разорвать политико-дипломатическую изоляцию, в 1887 г. Россия пошла на заключение тайного соглашения с Германией, которое обычно называют Договором перестраховки. Канцлер Бисмарк таким путем старался обезопасить Германию с востока в случае возникновения военного конфликта с Францией. Некоторые политические выгоды получала и Россия.

Стороны обязывались соблюдать нейтралитет в случае войны одной из сторон с третьей державой, кроме «случаев нападения Германии на Францию или России на Австро-Венгрию». Иными словами, Германия как бы подтверждала свои союзнические обязательства перед Австро-Венгрией, а Россия оставляла за собой право поддержать Францию.

Договор перестраховки между Берлином и Петербургом был заключен на три года, но продлен не был из-за нежелания германской стороны. Летом 1890 г. германский посол в Петербурге объяснил министру иностранных дел России Н. К. Гирсу отказ рейха возобновить Договор перестраховки тем, что правительство в Берлине якобы не хотело, чтобы другие страны «подумали, что Германия конспирирует с Россией против Европы». Этот удивительный пассаж вызвал уместный вопрос Гирса: «Но в союзе с другими державами вы не боитесь, что вас обвинят в конспирации против России?» Вразумительного ответа из уст посла не последовало.

Стремясь сделать Россию более сговорчивой, Бисмарк решил продемонстрировать Петербургу экономическую мощь рейха. В 1887 г. Германское правительство резко повысило (на 70%) пошлины на русские товары, в первую очередь на зерно. Одновременно началось наступление на русские фондовые ценности. Рейхсбанк прекратил выдачу авансов для покупки русских ценных бумах и перестал принимать их в залог. То же самое стали делать и коммерческие кредитные учреждения. Котировки русских государственных облигаций и ценных бумаг российских частных компаний на берлинской бирже резко пошли вниз.

Россия, в свою очередь, резко повысила пошлины на германский импорт и запретила немцам владеть собственностью в западных губерниях, где подданные кайзера имели большие интересы. Русские же государственные и акционерные ценности были переориентированы на Парижский фондовый рынок, который именно с начала 1890-х гг. становится главным потребителем русских процентных и дивидендных бумаг. Экономический нажим не принес политических выгод, на которые рассчитывали в Берлине. «Бисмарковская механика» не сработала; она лишь усилила антигерманские настроения в России. В развязанной таможенно-финансовой войне потери германской стороны оказались весьма ощутимыми.

В 1890 г. ситуация существенно изменилась. Главой Германской империи был уже Вильгельм II — человек резкий, неуживчивый, амбициозный и трудно предсказуемый. Сторонник мирных отношений с Россией, престарелый князь Бисмарк был отправлен в отставку, а между Россией и Германией бушевала жестокая таможенная война. В Берлине в тот момент возобладало убеждение, что место России — на задворках европейской политики и что теснейший альянс с Веной предпочтительнее во всех отношениях.

Германская дипломатия не просчитала возможность того, что Петербург может пойти на союз с давним своим антиподом – Францией. Много лет подобная возможность преследовала Бисмарка как кошмар, но новое поколение германских политиков считало такую перспективу нереальной. По этим представлениям Россия неизбежно обречена на дипломатическую изоляцию и рано или поздно, но обязательно будет добиваться благорасположения Германии и в конце концов признает руководящую роль Германии в Европе. Однако политическое развитие в Европе пошло совсем иным путем.

* * *

К началу 1890-х гг. на западе Российской империи противостоял мощный политический и военно-стратегический германо-австрийский блок. Все иллюзии времен князя А. М. Горчакова и Александра II о приоритетах династической «сердечной дружбы» перед всеми прочими политическими факторами окончательно развеялись. Вена являлась для Берлина главным, ближайшим и надежнейшим партнером и союзником.

В этих условиях Россия пошла на шаг, который трудно было еще недавно и представить: она заключила военно-политический союз с республиканской Францией, страной, где находили прибежище многие русские диссиденты и престолоненавистники. Но государственные интересы возобладали над консервативными убеждениями Александра III, и две столь непохожие страны стали партнерами, определив тем самым расстановку сил в мире в последующие десятилетия.

Первым шагом к образованию союза стало политические соглашение от августа 1891 г., в котором стороны обязывались прилагать все силы к поддержанию мира и для этого проводить консультации по всем острым международным вопросам. Через год, в августе 1892 г., Россия и Франция заключили военную конвенцию. Ее основной смысл содержался в первой

статье: «Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все войска, какими она может располагать для нападения на Германию. Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит все войска, какими может располагать, для нападения на Германию».

В конвенции говорилось, что Франция должна выставить против Германии армию в 1300 тыс. человек, Россия — от 700 до 800 тыс. Обе стороны обязывались ввести эти силы в действие «полностью и со всей быстротой», с тем чтобы Германии пришлось одновременно сражаться и на западе, и на востоке. Положения франко-русского союза являлись секретными. На этом настаивали в Петербурге, чтобы не форсировать военно-стратегическое сближение между Берлином и Веной.

Но сохранять долго в тайне столь важный международный договор было сложно, и через несколько лет Франция и Россия официально признали свои союзнические обязательства. Но еще до официального признания факта союза опытные политики разглядели новую расстановку стратегических сил в Европе. Во время пребывания в России французских моряков в августе 1891 г. посол Германии в Петербурге с 1873 г. генерал Ганс Швейниц писал жене: «У меня мучительное ощущение, что теперь окончательно похоронили политику династий, согласие монархов против революции. В течение тридцати лет я способствовал политике трех императоров, и сегодня, отправляясь верхом на парад, с орденом Андрея Первозванного, Черного Орла и Святого Стефана на груди, являюсь живым анахронизмом. Моя политическая деятельность заканчивается крушением всех принципов, ради которых я трудился». Политическое чутье не обмануло семидесятилетнего прусского генерала.

Когда в апреле 1894 г. наследник престола цесаревич Николай Александрович был помолвлен с гессенской принцессой Алисой, в Париже возникли опасения за судьбу союза, тем более что в Берлине умышленно раздували этот факт, стараясь придать ему некое политическое значение. Но эти опасения были совершенно безосновательными. Россия твердо была намерена придерживаться заключенного соглашения. Александр III недвусмысленно заявил, что пока будет существовать Тройственный союз, «наше сближение с Германией невозможно».

В октябре 1894 г. в России появился новый правитель Николай II, и сразу возникли вопросы о том, насколько новый монарх будет следовать прежним курсом в вопросах внешней политики. Здесь узловым пунктом являлся франко-русский союз. За несколько дней до похорон Александра III, состоявшихся 7 ноября, русским дипломатическим представителям за границей был разослал циркуляр, опубликованный затем и в газете «Правительственный вестник», где говорилось: «Россия ни в чем не уклонится от вполне миролюбивой, твердой и прямолинейной политики, столь мощно содействовавшей всеобщему успокоению». Это служило подтверждением неизменности внешнеполитического курса.

Вступив на престол, Николай II не был посвящен во многие подробности дипломатической деятельности, а содержание статей франко-русского

союза ему было известно в самой общей форме. Но очень скоро император был введен в курс дела, ему были сообщены все детали дипломатических переговоров и условия заключенных Россией соглашений и конвенций. Принимая главу официальной делегации Франции генерала Р. Буадефра, прибывшего на похороны Александра III, Николай II заверил его, что и во внутренней, и во внешней политике он «будет свято продолжать дело отца».

Общий внешнеполитический курс России не изменился: союз с Францией и поддержание как можно более дружеских отношений с другими державами. Особенно велика была роль подобных отношений с Германий, экономическая и военная мощь которой росла год от года, а ее международное влияние постоянно усиливалось. Берлин был заинтересовал в политическом сближении с Петербургом, и Вильгельм II, осознавая значение России, стал пропагандировать идею о необходимости возобновить альянс двух монархий для поддержания равновесия в мире и «укрепления консервативных принципов в политике».

Эти сигналы не находили отклика в России. В начале 1895 г. русский МИД отправил послу в Берлине директиву, где говорилось, что в случае проявления попыток кайзера возобновить существовавший ранее политический договор (Договор перестраховки) необходимо недвусмысленно дать понять, что Николаю II «не угодно возобновлять какое-либо письменное соглашение», поскольку оно оказалось бы «в некотором противоречии с установившимися отношениями нашими и Франции». Послу предписывалось «поддерживать и развивать самые дружеские отношения лично с Вильгельмом II и Берлинским кабинетом, не поощряя однако его стремление к заключению секретного соглашения».

Германский император прилагал немало усилий к тому, чтобы разрушить столь опасный для экспансионистских устремлений рейха франко-русский союз. В этих целях он деятельно использовал личную переписку с царем, где не раз предрекал самые мрачные перспективы в том случае, если Россия не изменит свои союзнические приоритеты. «Видит Бог, — восклицал Вильгельм II в сентябре 1895 г., — что я сделал все, что в моих силах, для сохранения мира в Европе, но если Франция будет продолжать в мирное время открыто или тайно подстрекать, попирая все нормы международного права и порядка, то в один прекрасный день, дорогой мой Ники, ты, хочешь не хочешь, окажешься внезапно вовлеченным в самую ужасную войну, какой еще не видела Европа! И возможно, что люди и история возложат ответственность за это на тебя». Эпистолярные ухищрения кайзера не принесли никаких политических результатов.

Великобритания, находившаяся к концу XIX в. в политическом «блистательном одиночестве», тоже проявляла признаки внимания к России. Приход к власти нового правителя давал возможность изыскать обоюдоприемлемую формулу сосуществования двух империй. Эта стратегическая цель манила и Россию: во всех отношениях представлялось гораздо более выгодным иметь с Альбионом если уж не дружеские, то хотя бы не враждебные отношения.

Королева Виктория была готова отойти от своей традиционной русофобии. Династические матримониальные связи открывали большие возможности. Правда, первоначально она без всякого энтузиазма отнеслась к брачной партии своей внучки Алисы с русским престолонаследником, но когда познакомилась с ним лично, то предубеждение сошло почти на нет. В день бракосочетания Николая II, 14 ноября 1894 г., королева устроила пышный прием в Виндзорском замке, на который впервые за время ее правления были приглашены все члены русской дипломатической миссии. «Королева Великобритании и Ирландии и Императрица Индии» была необычайно любезна с гостями, удостоила многих из них беседой, а на банкете провозгласила тост «за здоровье моих дорогих внучат».

Николай II испытывал большое уважение к престарелой королеве: ведь она была так любима его женой, которой еще в раннем детстве заменила мать. Однако родственные симпатии симпатиями, а интересы государства прежде всего. В одном из своих посланий в Англию «любимый внук» заметил: «Увы! Политика — это не то, что частные или домашние дела, и в ней нельзя руководствоваться личными чувствами и отношениями. Подлинный учитель в этих вещах — история, а передо мной лично, кроме этого, всегда священный пример моего любимого Отца и как и результаты его деяний!»

Британский монарх все это знал как никто. Упоминание же имени умершего царя не могло не воскресить в ее памяти неприятные минуты и дипломатические неудачи, которые она всегда остро переживала. Но время русофобии подходило к концу; на историческом горизонте перед Британской империей маячила уже не мифическая русская, а реальная геополитическая угроза: германский колосс. Английская королева одной из первых разглядела возникающую опасность, персонифицируемую личностью нелюбимого своего внука, кайзера Вильгельма II.

На склоне лет Виктория вознамерилась сделать царя своим конспиративным союзником. В 1899 г. в письме Николаю II хозяйка Букингемского дворца писала: «Я опасаюсь, что Вильгельм может высказать что-то против нас, так же как он это делает в отношении Вас в беседах с нами. Если это так, молю сообщить мне об этом откровенно и конфиденциально. Очень важно, чтобы мы понимали друг друга и чтобы этим недостойным и злонамеренным маневрам был положен конец».

Николай II не стал «тайным агентом» Виктории. Царь отправил «дорогой бабушке» несколько писем, и каждое из них полно изъявлений нежных чувств. Но рядом с этим встречаются пассажи уже совсем иного свойства. В октябре 1896 г. царь писал: «Что касается Египта, дорогая Бабушка, то это очень серьезный вопрос, затрагивающий не только Францию, но и всю Европу. Россия весьма заинтересована в том, чтобы были свободны и открыты ее кратчайшие пути к Восточной Сибири. Британская оккупация Египта — это постоянная угроза нашим морским путям на Дальний Восток; ведь ясно, что у кого в руках долина Нила, у того и Суэцкий канал. Вот почему Россия и Франция не согласны с пребыванием Англии в этой части света и обе страны желают реальной независимости канала».

Единственным стратегическим союзником России к концу XIX в. оставалась Франция. Настоящим же, как написала одна французская газета, «гимном радости» франко-русского союза стал первый государственный визит Николая II во Францию. Вечером 23 сентября 1896 г. царь вместе с царицей сошли с императорской яхты в Шербуре и утром следующего дня на поезде президента Феликса Фора прибыли в Булонский лес, где по этому случаю был построен специальный вокзал. Оттуда в сопровождении военного кортежа и высших лиц республики монаршая чета в открытом ландо проследовала через весь Париж в Елисейский дворец.

Такого столпотворения, что творилось в тот и последующие дни в Париже, не могли припомнить даже старожилы. Более миллиона французов со всей страны прибыло в столицу на встречу царя. За место у окна по пути кортежа платили 20 франков (около 5 рублей), а цена в первом ряду на тротуаре доходила до 100 франков. Несметные толпы приветствовали высоких гостей на всем пути следования восторженными криками и рукоплесканиями. Подобного массового и темпераментного выражения чувств гости из России совсем не ожидали. Последующие дни для царя и царицы стали непростым испытанием. Прием в городской ратуше, прием в Елисейском дворце, гала-представление в опере, гала-представление в «Комеди Франсез», посещение русской церкви на рю Дарю, собора Нотр-Дам, монетного двора, Лувра, могил Наполеона и президента Карно, закладка моста Александра III, участие в заседании Французской академии. В программу визита входило еще посещение Севра и Версаля.

Пребывание во Франции длилось пять дней и закончилось грандиозным военным парадом на Шалонском поле. Вечером 27 сентября царь и царица на поезде покинули Францию, и Николай II записал в дневнике: «Совсем грустно было пересэкать границу и покинуть добрых французов!»

В самом конце XIX в. Россия выступила с неожиданной политической инициативой, которая оставила заметный след не только в истории дипломатии, но и сыграла роль одного из исходных импульсов в формировании мировой системы коллективной безопасности в XX в., получившей свое институциональное воплощение сначала в создании Лиги наций, а затем — Организации Объединенных Наций.

12 августа 1898 г. представителям иностранных держав в Петербурге от имени министра иностранных дел была вручена нота (письменное заявление), содержавшая предложения России. В ней признавалась порочность международной гонки вооружений для финансового благополучия отдельных стран и констатировалось, что наращивание вооружений угрожает мировому спокойствию. «Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья — таков высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелел мне обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи. С Божьей помощью конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века», — говорилось в документе.

Русский призыв прозвучал тогда, когда ведущие мировые державы или уже реализовали обширные военные программы, или готовились к этому. В силу этого реакции в Берлине, Лондоне, Вене, Париже, Вашингтоне и Токио были более чем сдержанные. Никто не мог отбросить сразу подобные предложения, отвечавшие чаяниям и мечтам многих. Однако никакого энтузиазма у официальных лиц и организаций не наблюдалось.

В правительственных кругах ведущих стран отнеслись к инициативе России критически, расценивая ее как «несвоевременную акцию». Откровенней всех, наверное, на царскую инициативу прореагировал кайзер Вильгельм, испещривший гневными замечаниями русскую ноту. Однако в личном письме Николаю II, руководствуясь родственно-династическим этикетом, повелитель Германии признавал, что указанный документ «ярко освещает возвышенность и чистоту побуждений» русского царя.

В это время Германия создавала мощный военно-морской флот («программа адмирала Тирпица»), в Австро-Венгрии полным ходом шло переоснащение сухопутных сил, а Соединенные Штаты Америки в том же году открыто заявили свои имперские претензии. В апреле 1898 г. США объявили войну Испании, уничтожили испанский флот и навязали побежденной стороне мирный договор, по которому Испания уступала североамериканской державе Кубу, Пуэрто-Рико в Карибском море, Гуам и Филиппины на Тихом океане. Правительство Великобритании «хранило гордое молчание», а военный министр Японии заявил, что его страна «будет слушать предложения об ограничении морских вооружений только тогда, когда ее флот достигнет уровня флота великих морских держав».

Однако результат русская инициатива все-таки имела. В начале лета 1899 г. в голландском городе Гааге под председательством русского посла в Лондоне барона Е. Е. Стааля состоялась первая международная конференция полномочных представителей 27 стран. На ней были приняты важные международные правые акты, касающиеся важнейших вопросов войны и мира: декларации о мирном разрешении военных споров о законах и обычаях сухопутной войны и о ведении морской войны. В соответствии с решениями конференции был учрежден Международный суд в Гааге (действующий в структуре Организации Объединенных Наций), ставший международной арбитражной (судебно-посреднической) инстанцией в разрешении межгосударственных спорных ситуаций.

К концу XIX в. позиции России на мировой арене были прочны и общепризнанны. У нее была самая большая сухопутная армия в мире (около 900 тыс. человек), третий в мире флот (после Англии и Франции). И хотя вооруженные силы России уступали ведущим мировым странам по уровню военно-технического оснащения, но с конца прошлого века этот разрыв начал стремительно сокращаться.

Противоречия между Россией и европейскими державами на Балканах, в Турции (старая и больная проблема черноморских проливов), в Средней Азии и на Дальнем Востоке сохранялись и порой приводили к острым конфронтациям в различных географических пунктах, но до военного столкновения дело не доходило. России боялись и с ней считались. Русско-японская война и последующие затем социальные волнения силь-

но поколебали эти представления, и некоторые политические лидеры, например германский император Вильгельм II, буквально начали воспринимать Россию как «колосса на глиняных ногах». Это опасное заблуждение непосредственно повлияло на развитие последующих событий в мире.

§ 6. Воцарение Николая II. Личность последнего русского царя

Последний российский император Николай II Александрович родился 6 (18) мая 1868 г. в Александровском дворце Царского Села. Его родителями были: наследник престола Александр Александрович (будущий император Александр III) и великая княгиня и цесаревна Мария Федоровна, урожденная датская принцесса (Мария-София-Фредерика-Дагмара). Цесаревичем (наследником престола) Николай Александрович стал после убийства своего деда, императора Александра II 1 марта 1881 г. Не прошло и 14 лет, когда 20 октября 1894 г. в возрасте 26 лет он принял корону самодержца. Более двух десятилетий Николай II находился на авансцене политики и отрекся от престола 2 марта 1917 г.

В период его царствования в России происходили большие изменения: в результате революции 1905 г. в России возник парламент — Государственная дума, и впервые в отечественной истории власть монарха потеряла свой абсолютно неограниченный характер.

Царь издавна в России находился выше писаного закона, олицетворяя право, справедливость, порядок, высшую власть и традицию. Подобные представления были характерны не только для большинства жителей бесчисленных деревень и местечек необозримой страны, но и для самих российских императоров. В опросном листе первой всероссийской переписи населения 1897 г. в графе о роде занятий Николай II записал: «Хозяин земли русской».

По старой имперской традиции Николай II Александрович являлся шефом основных частей гвардии. Военная карьера его началась в возрасте семи лет, когда он был зачислен в лейб-гвардии Волынский полк и ему было присвоено воинское звание прапорщика. В 1880 г. произведен в подпоручики. В день совершеннолетия, 6 мая 1884 г., принял воинскую присягу и в том же году получил звание поручика.

В 1887 г. поступил на службу в лейб-гвардии Преображенский полк — самое престижное подразделение Императорской гвардии, получил звание штабс-капитана и командовал Первой, царской, ротой. В 1891 г. произведен в капитаны, а в 1892 г. — в полковники. На этом воинское производство закончилось, и в чине полковника он оставался до конца, даже тогда, когда командовал всей русской армией в годы Первой мировой войны. В силу своего положения считал неприличным награждать себя военными чинами.

С детских лет Николай Александрович много и напряженно занимался. Обучение его происходило в семье, в качестве педагогов и наставников приглашались известные люди, профессиональная и моральная репутация которых были безукоризненными. Правильное обучение началось в семилетнем возрасте. На протяжении последующих 15 лет почти каждый день были уроки или самоподготовка по различным предметам: математике,

физике, химии, географии, русской словесности, иностранным языкам, астрономии, русской и иностранной истории, политической экономии, фортификации, черчению, рисованию, музыке. Кроме того, ему приходилось учиться верховой езде, стрельбе, строевым приемам; постигать премудрости воинских уставов. Это был аккуратный ученик, имевший хорошие знания по всем предметам. Прекрасно владел немецким, французским, английским языками (датский знал хуже), писал очень грамотно по-русски.

Последний царь являлся глубоко верующим человеком и с детских лет строго соблюдал все православные обряды, хорошо знал церковные обычаи и предания. Никогда не сомневался, что земной путь людей, срок жизни и время смерти определяет Господь и надо «со смирением склоняться перед Его святой волей».

Второй важнейший символ почитания последнего царя — Россия, благу которой был целиком предан. Николай II не учился «цареву делу»; бремя власти и ответственности обрушились на него неожиданно, вопреки логическому ходу вещей. Он с юных лет не сомневался, что императорская власть есть благо для страны, а историческое предназначение монарха состоит в том, чтобы, опираясь на свою волю и чувство, править в согласии с волей Божией для благополучия подданных.

Николай II не сомневался, что Божественным Провидением поставлен на свой высокий пост, чтобы править для укрепления и процветания державы. Это благо он понимал в меру своих представлений, почерпнутых в прошлом, которым всегда живо интересовался. В истории России его особую симпатию, помимо отца, вызывал второй царь из династии Романовых — Алексей Михайлович (Тишайший).

Важнейшей сферой жизни Николая Александровича, его радостью и опорой являлась семья. Особое место здесь занимала императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Алиса, внучка английской королевы Виктории), ставшая для Николая II не только женой, но и другом, советчиком и опорой. Она была на четыре года моложе его, происходила из старинного рода Гессенских герцогов и полюбила своего будущего жениха и мужа еще в двенадцатилетнем возрасте. Царица неоднократно в письмах называла себя и супруга «одним целым» и в этом утверждении была недалека от истины: их привычки, представления и культурные запросы во многом совпадали.

В царской семье родилось пятеро детей: Ольга (1895—1918), Татьяна (1897—1918), Мария (1899—1918), Анастасия (1901—1918), Алексей (1904—1918). Драма царской семьи связана со страшным недугом сына — гемофилией (несвертываемостью крови). Эта была болезнь английской королевской семьи, перешедшая к Дому Романовых. Николай II и Александра Федоровна всеми средствами боролись за спасение своего долгожданного и любимого сына, за здоровье и жизнь наследника престола.

В начале XX в. о гемофилии, этом «проклятье королей», имелось мало надежных сведений: происхождение ее было необъяснимо, наступление осложнений в течение приступов не поддавалось предсказанию и регуляции, а надежных медикаментозных средств просто не существовало. Лю-

бой ушиб, царапина, удаление зуба могли привести к летальному исходу. С первого дня жизни над гемофиликом неумолимо нависла угроза преждевременной и скоропостижной смерти. «Гессенская болезнь» способствовала появлению у подножия трона человека, ставшего радостной надеждой последних венценосцев и их проклятием. Имя ему — Григорий Распутин.

Этот простой крестьянин родом из Сибири появился в Петербурге тогда, когда уже прославился своим удивительным даром предвидения и умением облегчать страдания больных. Свои способности врачевателя этот человек проявил у постели цесаревича Алексея.

Переломным рубежом в судьбе России и императора Николая II стал 1914 г. — время начала Первой мировой войны. Руководство России войны не хотело и до самого последнего момента пыталось избежать кровавого столкновения с европейскими державами — Германией и Австро-Венгрией, но обстоятельства сложились так, что иного выхода не нашлось. 19 июля (1 августа) Германия объявила войну.

В России агрессия Германии вызвала бурю возмущения, которое целиком разделял и император Николай II, давший в тот день клятву не прекращать войны до полного разгрома неприятеля. Многие были убеждены, что война продлится всего несколько месяцев. В августе 1915 г. император принял на себя непосредственное командование и отбыл на театр военных действий. В столице он бывал теперь лишь изредка, всего по нескольку дней, а большую часть времени проводил в ставке Верховного командования в городе Могилеве.

Затянувшаяся война обостряла старые внутренние проблемы, вела к возникновению новых. Неудачи на фронте плодили недовольство, прорывавшееся и в критических выступлениях газет, в речах депутатов в Государственной Думе. Исчезновение надежд на быстрое окончание войны плодило критиков и недоброжелателей, утверждавших, что неблагополучие вызвано «плохим руководством». На царя и его окружение стали возлагать главную ответственность.

Причем некоторые в своих рассуждениях шли еще дальше и уверенно говорили о том, что в правительстве «гнездится измена», что высокопоставленные лица сотрудничают с врагом. В числе этих якобы агентов Германии нередко называли и царицу. К началу 1917 г. положение в стране стало чрезвычайно напряженным. Армия вместе с союзниками (Англией и Францией) готовилась начать весной крупномасштабное военное наступление. Согласно этим планам противник должен был быть сокрушен к лету 1917 г. Однако все бесповоротно изменилось еще зимой.

В конце февраля в Петрограде начались волнения, вызванные перебоями в поставках продовольствия в столицу. Эти беспорядки, не встречая серьезного противодействия со стороны властей, через несколько дней переросли в массовые выступления против правительства, против династии.

Царь узнал о событиях в столице в Могилеве и был возмущен, что в период тяжелых военных испытаний находятся люди, прибегающие к противозаконным мерам. Первоначально он хотел военной рукой навести порядок в Петрограде, но затем отказался от этого замысла, так как это могло привести к большому кровопролитию. Приближенные, высокопоставлен-

ные военные чины, члены императорской свиты и представители общественных организаций убеждали царя в том, что для умиротворения страны требуется перемена правления, необходимо отречение его от трона.

После мучительных раздумий и колебаний царь принял решение: 2(15) марта 1917 г. по пути в Петроград в вагоне императорского поезда подписал акт отречения от престола. Тысячелетняя история тронов и корон в России завершилась. Поверженного царя и его семью арестовали и пять месяцев держали под строгим надзором в одном из дворцов в Царском Селе под Петроградом (Петербургом), затем Временное правительство сослало их в сибирский город Тобольск.

Последние три месяца жизни семья последнего российского самодержца провела в столице Урала, городе Екатеринбурге, где она оказалась в руках революционеров-большевиков. Они с полного согласия правительства Ленина в Москве подготовили и осуществили страшное и до сих пор до конца не проясненное злодеяние: в ночь на 17 июля 1918 г. в центре Екатеринбурга, в подвале того особняка, где узники находились с апреля в заточении («Дом Ипатьева»), царь, царица, пятеро их детей и несколько приближенных, всего 11 человек, были без всякого суда и следствия расстреляны. Тела же вывезли за город, где их частично сожгли, а частично тайно погребли. В 2000 г. Архиерейский собор Русской православной церкви причислил императора Николая Александровича и его семью к лику святых.

§ 7. Транссибирская магистраль — крупнейший финансово-технический проект XIX в.

В конце XIX — начале XX в. в России был реализован крупнейший экономический проект — строительство железнодорожного пути через всю Сибирь. Эта транссибирская железная дорога получила название Великого сибирского пути. С самого начала русское правительство определило, что дорога будет строиться на казенные (государственные) средства и исключительно русскими рабочими и техниками. Общую стоимость проекта в современных финансовых величинах представить нельзя, здесь возможны только приблизительные расчеты. Строительство железной дороги осуществлялось главным образом за счет бюджетных средств и обошлось более чем в миллиард золотых рублей, что в нынешних ценах составляет минимум 50 млрд долларов.

Осуществление этого огромного начинания диктовалось в первую очередь экономическими нуждами. Потребности экономического развития России требовали включения во внутрироссийский хозяйственный оборот огромных восточных районов империи, расположенных за Уралом. Сибирь была чрезвычайно богата природными ресурсами, а в южных районах существовали благоприятные климатические условия для развития сельского хозяйства. Однако населения в Сибири было мало, сельскохозяйственное производство обслуживало только местные нужны, а разработка полезных ископаемых была развита лишь в малой степени.

Виной тому — отсутствие надежных путей сообщения. Водный и гужевой (в телегах и санях) способы передвижения людей и грузов были мед-

ленными и дорогими. Необходимо было решать вопрос о распространении на Сибирь по тем временам самого быстроходного и экономически выгодного транспорта — железнодорожного. В 1886 г. на докладе иркутского генерал-губернатора, в котором говорилось о необходимости строительства железной дороги, Александра III наложил резолюцию: «Должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора!» В царствование Александра III эта важнейшая государственная задача была поставлена и стала осуществляться.

В 1887 г. начались изыскательские работы на всем протяжении будущей трассы, а в США были командированы специалисты железнодорожного дела для изучения опыта строительства протяженных магистралей и приобретения необходимого оборудования. В 1891 г. было принято решение соорудить сплошную железнодорожную магистраль. Она должна была пройти от Челябинска на Урале до дальневосточного порта Владивосток.

Общая длина ее составляла около 9 тыс. километров, что делало ее самой протяженной железнодорожной магистралью в мире. Делами строительства ведал Комитет сибирской железной дороги, председателем которого был назначен цесаревич Николай. В мае 1891 г. наследник престола, возвращаясь из кругосветного путешествия, заложил во Владивостоке первый камень в основание Транссибирской магистрали.

Дорога строилась в несколько этапов с двух сторон (от Урала и Владивостока). Строителям приходилось решать сложнейшие технические задачи, не имевшие аналогов в мировой практике. Так, для строительства Кругобайкальского отрезка дороги (вдоль южного побережья озера Байкал) потребовалось соорудить 33 туннеля. В 1894 г. дорога была доведена до Омска, а в 1898 г. до Иркутска. Регулярное сквозное движение поездов по магистрали началось в 1903 г. Всеми работами на трассе заведовали русские инженеры: К. Я. Михайловский (Западносибирский участок), Н. П. Межининов (Среднесибирский участок), А. Н. Пупечников (Забайкальский участок), О. П. Вяземский (Уссурийский участок).

В среднем в год укладывалось около 650 верст железнодорожного полотна. Подобных темпов мировая практика транспортного строительства еще не знала. По своей протяженности и сложности Транссиб не имел себе равных (только длина мостовых пролетов достигала почти 50 километров). На Всемирной выставке в Париже в 1900 г. Комитет Сибирской дороги получил Гран-при, а восхищенные французские журналисты писали, что после открытия Америки Колумбом «история не знала более выдающегося события, чем постройка Транссибирской магистрали». В 1897 г. дорога перевезла 350 тыс. пассажиров, в 1902-м — 1,3 млн, в 1908 — 4,8 млн, в 1910 — 9,5 млн.

Строительство Транссибирской магистрали совпало по времени с обострением обстановки на Дальнем Востоке. Русское правительство решило использовать железную дорогу не только для хозяйственного освоения Сибири и укрепления дальневосточных рубежей, но и для усиления своих стратегических позиций в Северном Китае. В 1896 г. в соответствии с рус-

ско-китайским союзным договором пекинское правительство разрешило России проложить восточную часть Транссибирской магистрали, от Читы до Владивостока, через Маньчжурию. Договор предусматривал, что в случае нападения Японии «как на русскую территорию в Восточной Азии, так и на территорию Китая или Кореи обе высокие договаривающие стороны обязуются поддерживать друг друга всеми сухопутными и морскими силами, какими они будут располагать».

Статья 4 гласила, что в целях облегчения русским сухопутным войскам доступа в угрожаемые пункты китайское правительство давало свое согласие «на сооружение железнодорожной линии через китайские Амурскую и Гиринскую провинции в направлении на Владивосток». Вслед за другими мировыми державами — Англией, Францией, Германией, Японией и США — Россия все сильнее втягивалась в опасную экспансионистскую игру в Китае, которая имела печальные последствия.

§ 8. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.

В 1897 г. в России произошло весьма примечательное событие: была проведена первая всеобщая перепись населения. Проведение переписи вызвалось потребностями экономического развития страны, а непосредственными организаторами и пропагандистами ее выступали известные русские статистики-экономисты, группировавшиеся вокруг кафедры статистики Петербургского университета и статистических комиссий городских управлений Петербурга и Москвы.

Положение о всеобщей переписи населения Российской империи было утверждено Николаем II 5 июня 1895 г. В законе устанавливались однодневность, всенародность и периодичность переписей, но последнее не оговаривалось конкретным сроком. Сама перепись была проведена 28 января 1897 г., и в ее основе лежал принцип опроса. Переписной формуляр включал более 10 вопросов: фамилия, имя, отчество лица; пол, отношение к главой семейства, семейное положение, сословие или звание, место рождения, место приписки и проживания, вероисповедание, родной язык, грамотность, занятие.

Согласно результатам переписи всего в Российской империи (без Финляндии) проживало 125 680 682 человека. Наиболее населенными губерниями были: Вятская (3 030 831), Донская (2 564 238), Екатеринославская (2 113 674), Казанская (2 170 665), Киевская (3 559 229), Курская (2 371 012), Минская (1 247 621), Московская (2 430 581), Орловская (2 033 798), Пермская (2 994 302), Подольская (3 018 299), Полтавская (2 778 151), Самарская (2 751 336), С.-Петербургская (2 112 033), Саратовская (2 405 829), Тамбовская (2 684 030), Уфимская (2 196 642), Харьковская (2 492 316), Херсонская (2 733 612), Черниговская (2 297 854) области. Ни в одном из других районов численность населения не превышала 2 млн.

В городах проживало 16 785 212 человек, или около 13%. В России имелось всего 19 центров, население которых превышало 100 тыс. жителей. Петербург (1 267 023), Москва (1 035 664), Варшава (638 208), Одесса (405 041), Лодзь (315 209), Рига (282 943), Киев (247 432), Харьков

(174 846), Тифлис (160 645), Вильно (159 568), Ташкент (156 414), Саратов (137 109), Казань (131 508), Екатеринослав (121 216), Ростов-на-Дону (119 889), Астрахань (113 001), Баку (112 253), Тула (111 048), Кишинев (108 796). Большинство самых населенных пунктов империи размещалось в районах высокого развития промышленности и торговли.

По сословному признаку население подразделялось следующим образом. Потомственное дворянство — 3 220 169, лица духовного звания христианского исповедания с семьями - 588 947, потомственные и личные почетные граждане — 342 927, купцы и их семьи — 281 179, мещане — 13 386 392, крестьяне - 99 825 486 человек. Остальные относились к разряду иностранцев и лиц, не указавших свою сословную принадлежность. Из этих данных со всей очевидностью следует, что Россия по преимуществу была страна крестьянская. Однако данные переписи, давая сословную дифференциацию населения, не позволяли составить сколько-нибудь надежный классовый портрет российского общества.

Имущественное положение отдельного лица и его сословная принадлежность далеко не всегда находились в прямой взаимосвязи. Так, принадлежность к дворянству отнюдь не указывала на состоятельность, а крестьянин не обязательно являлся неимущим. Скажем, среди петербургских и московских рабочих имелись и дворяне, и потомственные и личные почетные граждане, хотя большинство рабочих всех районов империи составляли выходцы из крестьянских сословий. В 1894 г. численность рабочих в империи достигала 1,5 млн человек.

Материалы переписи сразу стали широко использоваться различными общественными течениями для подтверждения тех или иных представлений и выводов о характере российского общества, о путях и направлении его эволюции. Некоторые, например марксисты, считали, что Россия движется по пути капиталистического развития и, ссылаясь на данные переписи, утверждали, что в стране уже сформировались основные классовые группы населения. Другие же, например народники, используя те же данные, говорили, что в России капитализм находится лишь в зачаточном состоянии, что страна идет своим, не похожим на других, общественным путем развития.

ГЛАВА 6. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX—XX вв.

§ 1. Самодержавие — русская форма монархического авторитаризма

К началу XX в. Россия оставалась самодержавной монархией. Главой государства являлся император (царь), которому принадлежала высшая власть в империи. На протяжении веков прерогативы монарха в России базировались на обычном праве. Лишь в 1716 г., при Петре I, упразднившем патриаршество и Боярскую думу и сосредоточившем в своих руках безраздельно (абсолютно) всю полноту верховной власти, появилось формально-юридическое обоснование монарших прерогатив. В Воинском уставе («артикуле») говорилось: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». В 1720 г. при составлении Духовного регламента (плана реорганизации церкви) в него была внесена лапидарная норма, гласившая: «Монарха власть есть самодержавная, которой повиноваться Сам Бог повелевает».

На протяжении XVIII в. определение царской власти оставалось неизменным и в 1797 г., при императоре Павле I, было сформулировано следующим образом: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает».

Позже этот постулат стал первой статьей первого тома Свода законов Российской империи. Формулировка оставалась неизменной до 1906 г., когда появилась новая (последняя) редакция Основных законов. Вплоть до 1906 г. полнота царской власти ни фактически, ни юридически никакими формальными нормами и общественными институтами не ущемлялась. Положение не изменилось и после создания Комитета министров (1802) и Государственного совета (1810). Первый был учрежден в виде административного совещательного орган высших должностных лиц, а второй — как верховное законосовещательное собрание империи.

Само по себе употребление в законе понятий «самодержавный» и «неограниченный» при определении монарших прерогатив свидетельствовало о нетождественности их. Прагматические же критики власти всех мастей не видели здесь никакого различия. Между тем оно существовало и носило принципиальный характер.

Выдающийся русский лексикограф В. И. Даль дал два объяснения слова «самодержавный». В первом случае — как управление полновластное, неограниченное, независимое от государственных соборов, или выборных от земства и чинов. Весь этот определительный ряд действительно тождественен понятию «неограниченный». Однако Даль дает и второе определение самодержавия — «самая власть эта» (3). Именно здесь и заключена историческая онтология старого царского титула, употребляемого для верховного правителя в России с XVI в.

Смысл его обусловливался сутью православного мировосприятия и базировался на убеждении, что монарх — помазанник Божий, что он получил власть от Всевышнего, правит Его милостью, а «сердце царево в руце Божией». Мистика русского самодержавия неразрывно была связана с учением Православной церкви о власти и народными воззрениями на царя как «Божьего пристава».

Один из самых именитых теоретиков русской монархии митрополит Московский Филарет в середине XIX в. красочно обрисовал классическое русское монархическое миропонимание, в русле которого самодержавная монархия трактовалась как земная копия надмирной конструкции. «Бог, — наставлял Филарет, — по образу Своего Небесного единоначалия, устроил на земле царя, по образу Своего вседержительства — царя самодержавного, по образу Своего Царства непреходящего, продолжавшегося от века и до века, — царя наследственного». Московский митрополит поднимал идею царя на абсолютный уровень, видел в ней исходное и полное воплощение вселенского замысла. Его историческая метафора: «Царь есть устроение Божие» — являлась краткой и наиболее выразительной формулой православной государственной самодержавной идеи.

В то же время понятие «неограниченный» являлось порождением петровского времени, эпохи формирования абсолютистской монархии. Оно подчеркивало социальный миропорядок, где власть царя над всеми и для всех. По сути дела, различие между двумя определениями царской власти — различие между сакральным и земным. При обращении к русскому историческому материалу нельзя игнорировать (что очень часто делается до сих пор) неаутентичность этих определений. Иначе выхолащивается существо и острота всех коллизий противостояния между монархистами-традиционалистами и либералами европоцентристами по поводу правовой реконструкции государственной системы. Действительно, когда в апреле 1906 г. в соответствии с законом власть царя перестала быть «неограниченной», но осталась «самодержавной», свидетельствовало ли это о том, что ничего не изменилось, как утверждали социалисты и многие либералы, или в России произошла качественная трансформация государственно-монархической модели? Ответ напрямую зависел (и зависит) от мировоззренческого ракурса восприятия и оценки.

Со времени Петра I и до начала XIX в. принцип полноправной, суверенной верховной власти формально оставался неизменным, однако характер и суть верховного государственного управления при последнем царе Николае II имели мало общего с петровской эпохой. Если самодержавие Петра I можно с достаточным основанием считать деспотическим (произвольным), то к началу XX в. положение выглядело иначе. Система претерпела изменения. Как и раньше, царь сохранял «Богом данное право» на любые решения, но все сколько-нибудь значительные из них принимались лишь после обсуждения (порой многолетнего) кругом должностных лиц различного уровня. Наиболее важные непременно обсуждались в комиссиях Государственного совета, а затем — в общем собрании совета.

В первой половине XIX в., при Николае I, произошла кодификация законодательства, и в 1830 г. было издано единое Полное собрание законов

Российской империи (45 томов), а в 1832 г. появился кодекс действующего законодательства: Свод законов Российской империи (15 томов). До революции 1917 г. Свод законов издавался в полном объеме три раза. Новые же законоположения включались в издаваемые регулярно «прибавления» и «дополнения» к отдельным томам. Свод законов включал правовые акты, регулировавшие личные права и обязанности подданных, определявшие сословно-социальную субординацию, структуру, организацию и компетенцию всех государственных и общественных органов управления. Эти нормы являлись обязательными, и новый закон вступал в силу лишь после отмены предыдущего. Законоположения могли издаваться в виде уставов, уложений, грамот, положений, наказов, манифестов, указов, мнений Государственного совета и докладов, но непременно одобренных царем. Никакой закон не мог иметь «своего совершения без утверждения самодержавной власти».

Важнейшие общие положения государственного устройства были зафиксированы в первом томе законов Российской империи — Своде Основных государственных законов, определявшем прерогативы верховной власти, структуру и компетенцию главных общеимперских институтов: Государственного совета, Сената, Комитета министров. Этот том Основных законов включал и династическое законодательство — собрание актов, составлявших так называемое Учреждение о императорской фамилии. Российское династическое право было одним из самых строго регламентированных в мире.

Царская власть являлась, безусловно, наследственной, передавалась от отца к сыну. Наследник (цесаревич) становился императором сразу же после смерти своего предшественника. Это было, так сказать, земное установление. Но существовал еще ритуал церковного освящения царской власти. Необходимость его оговаривал закон: «По вступлении на престол, совершается священное коронование и миропомазание по чину православной Греко-Российской Церкви. Время для торжественного сего обряда назначается по Высочайшему благоусмотрению и возвещается предварительно во всенародное известие». Церемония всегда происходила в Успенском соборе Московского Кремля.

Закон детально расписывал и условия тронопреемства в случае отсутствия прямых наследников у венценосца или несовершеннолетия нового правителя. (Он не предусматривал лишь возможности отречения монарха от власти.) Родственники монархов составляли особое сообщество — Императорскую фамилию, — права и преимущества которого были подробно оговорены. Дети и внуки монархов мужского пола именовались великими князьями и регулярно получали особое денежное содержание.

Они обязаны были вступать лишь в равнородные браки с представительницами других владетельных домов и обязательно с согласия императора. Лица более дальних степеней родства именовались князьями императорской крови, и им полагалась лишь единовременная денежная выплата при совершеннолетии и браке. Представительницы женского пола, состоявшие в близком родстве с императором, именовались великими княжна-

ми (княгинями) и сохраняли великокняжеское титулование даже после выхода замуж за иностранных принцев и монархов.

Династия Романовых, находившаяся на престоле с 1613 г., имела тесные родственные связи со многими монархическими домами Европы. К началу XX в. фамильные унии включали крупнейшие владетельные дома: Великобритании, Германии, Голландии, Греции, Дании, Италии, Испании, Норвегии, Румынии, Швеции. К этому времени царская династия насчитывала около 50 персон. Наиболее близкие родственные узы связывали последнего монарха Николая II с Англией (Ганноверская династия), Данией (Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбургская) и Грецией (Шлезвиг-Гольштейн-Зонденбург-Глюксбургская). В начале XX в. дедушка русского царя был королем Дании (Христиан IX), в Англии и Греции на престолах находились его дяди (Эдуард VII и Георг I), а императором Германской империи являлся кузен царицы — Вильгельм II.

* * *

Любое законоположение становилось в России законом лишь после подписи монарха. Она могла быть поставлена на документе и после обсуждения («экспертизы») в Государственном совете, Комитете министров, в особых совещаниях лиц, приглашенных «по усмотрению государя» и без оного. Со второй половины XIX в. второе случалось крайне редко. В отличие от предков перед последними царями — Николаем I, Александром II, Александром III и Николаем II — неизменно вставала задача соотносить новые меры с существовавшими правовыми нормами. Находясь как бы выше писаного закона, они были скованы и буквой существовавшего законодательного норматива, и управленческой традицией XIX в.: «соизмерять», «обсуждать» и «согласовывать».

При Николае I окончательно сложилась модель иерархической самодержавной имперской системы, начавшей оформляться при Петре I и достигшей своего расцвета во второй четверти XIX в. Используя терминологию Н. М. Карамзина, ее с полным правом можно назвать «либеральным абсолютизмом». Царь, оставаясь демиургом права, вынужден был действовать в системе зафиксированных нормативных координат. После издания Свода законов впервые в истории русской государственности появились законоположения, очертившие социальные «правила игры», которые лишь в редчайших случаях переступал сам верховный инспиратор права.

С середины XIX в. за пределами частных интересов и вопросов (разрешение на брак родственникам, выдача наград и субсидий, изменение меры судебного или административного наказания, назначение на должность) в делах общегосударственных трудно найти примеры проявления монаршей воли, которые можно квалифицировать как личную прихоть правителя.

Если при Петре I и его правнуке Павле I «разумения», нерасположения и неприятия монарха могли определять государственный курс, послужить причиной войны, обернуться благом или бедствием для многих, могли стать причиной опалы, лишения имущества, изгнания и даже казни, то в позднейшее время личные чувства и порывы царя все меньше и меньше

играли роль непреложного политического импульса. Менялись общественные условия, смягчались нравы; изменялась и психология властителей. Еще во второй половине XVIII в. в России начали оформляться правовые нормы общественного устройства. В 1766 г. при Екатерине II появилось положение, остававшееся в законодательстве до 1917 г.: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной власти исходящих» (8).

Именно тогда в государственной политической практике стал утверждаться принцип преемственности писаных юридических норм. В своем наказе членам Уложенной комиссии императрица писала: «Комиссия не должна приступать к выполнению своих заданий до того, как она будет полностью осведомлена о нынешнем положении в стране, потому что любое изменение не должно ни в коем случае стать самодовлеющим, а должно служить для исправления недостатков, когда такие недостатки есть; однако все доброе и полезное надо оставлять и не менять, потому что оно должно всегда оставаться в силе».

К концу XIX в. венценосные потомки Петра I были в своих действиях ограничены не только сложившейся управленческой традицией, фактором общественного мнения, но и вполне определенными законоположениями, касавшимися как области династических прерогатив, так и сферы гражданского права вообще. Монархом могло быть лишь лицо православного исповедания, принадлежащее к династии Романовых, состоявшее в равнородном браке. При этом неограниченный правитель обязан был в момент вступления на престол объявить наследника в соответствии с законом 1797 г.

Ограничен был самодержец и самой управленческой технологией, порядком издания законов, своими собственными распоряжениями, для отмены которых требовался особый законодательный акт. Он не мог лишить жизни, чести, имущества, сословных прав, не имел права вводить налоги, был лишен возможности кого-то «озолотить», «облагодетельствовать», что называется, не сходя с трона. Для этого требовалось издание письменного распоряжения, оформленного надлежащим образом. Иными словами, устное распоряжение монарха уже не являлось законом.

* * *

Наряду с общиной и сословной структурой самодержавный авторитаризм явился продуктом сложного исторического процесса становления, выживания и укрепления государства, которое в конечном итоге превратилось в огромную геополитическую аномалию (в данном случае это понятие лишено всякого оценочного смысла). Будучи титулована еще при Петре I «империей», Россия являлось таковой, по сути, и до царя-модернизатора, и после него. Имперская судьба России во многом принципиально отличалась от многих прочих империй. Россия не являлась в общепринятом смысле колониальной державой. Ее территориальная экспансия не мотивировалась финансово-экономическими устремлениями, поиском рынков сырья и сбыта, у нее не существовало деления на метрополию и колонии, а экономические показатели развития окраинных районов (колоний)

были часто куда выше, чем у региональных зон, которые можно отнести к историческому центру.

Стратегические интересы и территориальная безопасность — главные факторы складывания Российской империи. Именно натиск извне многое определил в социальном и политическом устройстве России. В XVI в. русское государство воевало 43 года, в XVII — 48, а в XVIII — 56 лет. Даже в «мирном» XIX в. Российская империя провела в войнах более 30 лет. Исследовав исторические факты, известный английский историк А. Тойнби констатировал: «Верно, что и русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах. Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами значительно чаще, чем наоборот». Однако вне зависимости от причин, путей и средств формирования сам факт возникновения огромного территориального комплекса неизбежно порождал проблемы, вызываемые самой природой имперского существования.

Любая империя — это всегда сложное соотношение взаимодействия и противодействия центробежных и центростремительных сил. Чем сильней государство (империя), тем меньше сказывается на его политике воздействие центробежного фактора. В России носителем, выразителем и реализатором центростремительного начала неизменно выступала монолитная (единодержавная, самодержавная) монархическая власть. Поэтому как только возникала тема о ее политических прерогативах, то неизбежно вставал и вопрос о стабильности всей государственной имперской конструкции. Природа российского имперства препятствовала развитию полицентризма и региональной автономизации. Монархическая Россия оставалась заложником своей истории.

Другая онтологическая причина упорного неприятия властей предержащих идеи о конституционном правлении, основанном на расписании политических функций и их разделении между различными субъектами государственного права, коренилась в сакральном смысле царской власти. Царь никогда в России не являлся «первым среди прочих». Он венчался на царство, вступал как бы в мистический брак со страной, а царские порфиры отражали «свет небес».

Православное миросозерцание наделяло царя особым ореолом, которого не имел никто из прочих смертных. Именно здесь коренилась причина тех сложных коллизий, которые сопутствовали попыткам реформировать верховную власть в либерально-правовом духе. На пути подобных устремлений всякий раз вставала непреодолимая преграда: не подлежавший реформированию религиозный авторитет.

Между тем проблему противодействия либеральной конституционно-правовой реконструкции России сводят нередко лишь к локальным вопросам о «недальновидности» и «политической близорукости» вершителей, о корыстных интересах отдельных лиц и социальных групп, оставляя совершенно в стороне национально-православную ментальность. Подобный подход является историческим упрощением.

К началу XX в. Россия была еще далека от универсального правового государства (в понимании политологии и социологии XX в.), но тенденция гуманизации, правового обеспечения социального жизнеустройства и государственного управления на протяжении всего XIX в. (при всех сложностях и прерывностях) проступала вполне определенно.

§ 2. Сословно-государственная регламентация. Привилегированные и непривилегированные слои населения

После отмены крепостного права в 1861 г. и последующего проведения преобразований местного управления, судопроизводства и других сфер общественной жизни многое в России изменилось. Однако оставались области, которых «ветер перемен» коснулся в малой степени.

Во-первых, сохранялось сословно-иерархическое ранжирование. Люди не были юридически равны. Их положение (статус) было законодательно определено принадлежностью к конкретной общественной группе — Специальный том Свода законов (IX) включал «законы о состояниях», регулировавших положение, права и обязанности каждого сословия. Закон гласил, что «в составе городского и сельского населения, по различию прав состояния, различаются четыре главные рода людей: дворянство, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели».

Тождество между «родом людей» и собственно «сословием» существовало лишь в первых двух случаях. Далее начиналась дробность, и состав городских и сельских обывателей включал по нескольку сословий. В числе наиболее значимых: купечество, потомственные почетные граждане, мещане (для горожан), крестьяне и казаки (для сельских жителей). Крупнейшие по численности и значению сословия (дворянство, купечество, мещанство, крестьянство, казачество) имели свои сословно-корпоративные органы управления, взаимопомощи и попечения.

Высший иерархический статус всегда имело дворянское сословие, делившееся на потомственное (переходившееся по наследству) и личное (пожизненное). Первое («благородное») сословие традиционно считалось опорой трона и государства. Одна из статей Свода законов гласила: «Дворяне, первая опора престола, принадлежат к высшему и большей частью просвещеннейшему классу жителей и, посвящая почти всю жизнь свою государственной службе, составляют и вне оной одно из надежнейших орудий правительства». Дворянство в действительности долгое время являлось важнейшим элементом истеблишмента монархической России. К концу XIX в. в России насчитывалось около 2 млн дворян (примерно 1,5% населения).

Однако чем дальше, тем меньше дворянская корпорация в целом оставалась безусловной опорой монархической власти. Развитие гражданских правовых понятий, секуляризация сознания, либеральные и социалистические представления неизбежно видоизменяли, порой до неузнаваемости, традиционный дворянский кодекс чести, важнейшим принципом которого было, «не жалея живота своего», безропотно «служить своему государю».

До самого падения монархической России высшее сословие обладало законодательно зафиксированными правами и преимуществами. Применительно к началу XX в. особое значение имели две привилегии. Во-первых, возможность получать качественное образование. Существовала сеть элитарных учебных заведений различного назначения, почти целиком предназначенных для дворянских отпрысков (дворянские пансионы, Александровский (Царскосельский) лицей, Училище правоведения, Пажеский корпус, Институт (Смольный) благородных девиц и др.). В учебных же заведениях общего профиля (институтах и университетах) представителям дворянских семей отдавалось явное или тайное, но несомненное предпочтение. Особенно это было заметно при приеме дворянских недорослей в военные учебные заведения.

Другой важнейшей привилегией дворянского сословия оставались преимущества на государственной военной и гражданской службе. Дворянину несравненно проще было поступить на престижную государственную службу и сделать здесь карьеру. Это обусловливалось не какой-либо специфической законодательной нормой (дискриминации по сословному признаку в начале XX в. уже не существовало), а практическими условиями формирования аппарата управления, психологией самого чиновного мира, иными словами — всем строем чиновно-служебных отношений в России.

Каждый человек в России рождался в определенном юридическом «состоянии». Однако это не означало, что он на всю жизнь в нем и оставался. Сословия не являлись кастой, и к числу обособленной социальной корпорации (да и то с существенными оговорками) можно отнести лишь духовенство. Во всех же прочих случаях безусловной, раз и навсегда данной привязки не существовало. В силу различных обстоятельств (образования, гражданской и военной службы, военных подвигов, выдающихся достижений в науке и культуре, крупных благотворительных пожертвований, личных услуг монархам) человек мог добиться перехода из низшего сословия в высшее.

В то же время преступления против личности, собственности и государства почти неминуемого приводили к поражению в правах. Статья 9 Свода законов о состояниях декларировала: «Никто не может быть лишен прав состояния или ограничения в сих правах иначе, как по суду за преступление». При этом «лишение прав состояния» определенного лица не вело к ущемлению сословного положения членов его семьи, как и других родственников.

Впервые подобное законодательное положение появилось еще при Петре I в 1714 г., но прошли многие десятилетия, прежде чем оно стало действительной правовой нормой. Хотя воля монарха продолжала считаться законом в России, но со второй половины XIX в. никого не только не лишили имущества и свободы лишь по царской прихоти, но без судебного решения никого даже не понизили в сословном статусе. У самодержавного и неограниченного царя имелось вдоволь прерогатив, но гражданские права подданных защищал закон, и бросать вызов этим гарантиям никто из последних императоров не смел, да и не хотел.

К началу XX в. сословная субординация потеряла актуальность в большинстве западноевропейских стран, где лишь одно сословие — дворянство — продолжало существовать, но законодательно за ним не закреплялись никакие особые права. Торжество буржуазных отношений утвердило социальную иерархию, построенную не на происхождении, а на форме и размере владения собственностью (капиталом). Родовая аристократия уступила место денежной. В России же сословия сохранялись в силу специфических исторических причин.

В отличие от ведущих капиталистических стран Россия оставалась страной традиционной сельской цивилизации, где нормы, принципы и этика буржуазно-бюргерской среды (города) мало что значили (или вообще ничего не значили) для подавляющего большинства населения. В начале XX в. в деревне все еще сосредоточивалось около 85% жителей империи. Да и в городах преобладали выходцы из этого сословия. Даже в крупнейшем городе Российской империи — Петербурге, центре административного, делового и культурного мира страны, крестьяне составляли подавляющую часть жителей.

Согласно переписи в декабре 1910 г. в имперской столице проживало без малого 2 млн человек, среди них крестьян значилось более 1 млн 300 тыс. Конечно, никто из них земледельческим трудом в столице империи не занимался; подавляющая часть этой группы — рабочие столичных предприятий, прислуга, мелкие служащие.

Россия являлась не просто государством по преимуществу сел и деревень (во Франции, Пруссии, Швеции сельские жители тоже численно преобладали), а крестьянско-общинной страной. Складывавшаяся веками русская сельская община, будучи явлением исторически обусловленным, строилась на принципах взаимопомощи, уравнительности и распределительности, вступавших в противоречие с нормами буржуазного жизненного уклада: индивидуализмом, прагматизмом, социальным эгоизмом.

Специфическая народная ментальность служила причиной того, что многие общественные деятели и политики, начиная с В. Г. Белинского и Н. Г. Чернышевского и кончая «первым героем-любовником Февральской революции» — А. Ф. Керенским, воспринимали русского крестьянина как «природного социалиста». Подобный популярный постулат расхожего народофильства являлся не только мировоззренчески баснословным преувеличением, но и политически опасным заблуждением. Надеяться построить в новейшее время общество социальной гармонии на базе представлений и норм, сформировавшихся в процессе многовековой борьбы за выживание, могли лишь социальные прожектеры.

Как написал уже после 1917 г. философ Н. А. Бердяев: «Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям». Сходный вывод еще раньше сделал другой выдающийся мыслитель С. Л. Франк: «Собственников и собственнических интересов было в России очень много, но они были бессильны и были с легкостью попраны, потому что не было собственнического «миросозерцания», бескорыстной и сверхличностной веры в святость принципа собственности».

Общинная психология и трудовая этика исключали сколько-нибудь уважительное отношение не только к личному материальному благополучию отдельных членов, но и вообще к любому индивидуальному выделению, «возвышению» над остальными, над «сельским миром». Подобное положение вещей не составляло секрета и для представителей власти, а некоторые усматривали в том опасность для развития страны.

В 1904 г., будучи саратовским губернатором, П. А. Столыпин писал, что «у русского крестьянина — страсть все привести к одному уровню, а так как массу нельзя поднять до уровня самого способного, самого деятельного и умного, то лучшие элементы должны быть принижены к пониманию, к устремлению худшего, инертного большинства. Это видится и в трудности привить к общинному хозяйству сельскохозяйственные улучшения, и в трудности часто наладить приобретение всем обществом земли при помощи Крестьянского банка, так что часто расстраиваются выгодные для крестьян сделки».

Именно Столыпину пришлось в начале XX в. осуществлять грандиозный проект переустройства землепользования и землевладения на частновладельческих принципах. Это была отчаянная попытка в короткие сроки изменить «небуржуазное миросозерцание» значительной части крестьянской массы. Но как в свое время справедливо заметил историк С. М. Соловьев, говоря о петровском опыте ускоренной «европеизации», «указом нравы не изменишь»...

Российская «деревенская ментальность» очень многое определила в отечественной истории XX в., став одним из важнейших факторов утверждения господства большевиков после 1917 г. Социально-экономическая ситуация к началу XX в. могла показаться парадоксальной: бурное развитие частного предпринимательства, капиталистических приемов и финансово-промышленной инфраструктуры уверенно превращали Россию из страны аграрной в аграрно-индустриальную (промышленный сектор давал уже 50% валового национального дохода), но, с другой стороны, сельское хозяйство, «русская деревня» были еще очень далеки от буржуазной трансформации.

Ускоренная индустриализация, происходившая в России с конца XIX в., неизбежно вела к глубокой социальной деформации. Сельская Россия была не в состоянии в столь сжатые сроки адаптироваться к новым условиям, а крестьяне-общинники в массе были не в состоянии на протяжении жизни одного поколения превратиться в современного фермера-агрария. «Исход из деревни», который государственная власть долго, вплоть до начала XX в., пыталась сдерживать административными мерами патерналистского характера (поддержание общины), в эпоху «буйства частного интереса» делал такую политику бесперспективной. Пауперизация и люмпенизация значительных масс населения вела к возникновению не просто многочисленных групп «лишних людей».

Раскрестьянивание способствовало возникновению маргинальной социальной среды, весьма восприимчивой к самой радикальной пропаганде и готовой к безответственному социальному действию. Здесь скрывалась огромная потенциальная опасность, которую задолго до крушения 1917 г.

разглядел писатель-пророк Ф. М. Достоевский. «Безбожный анархизм близок — наши дети увидят его. Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнется, ибо нет у нас надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы и стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются».

Уже после прихода к власти большевиков известный общественный деятель П. Б. Струве написал, что «теперь уже совершенно очевидно, что крушение государственности и глубокое повреждение культуры, принесенные революцией, произошли не от того, что у нас было слишком много промышленного и вообще городского пролетариата в точном смысле, а оттого, что наш крестьянин не стал собственником-буржуа, каким должен быть всякий культурный мелкий землевладелец, сидящий на своей земле и ведущий свое хозяйство. У нас боялись развести сельский пролетариат и из-за этого страха не сумели создать сельской буржуазии».

Эта констатация представляется исторически обусловленной. В противоречии между буржуазной эпохой и доминирующей небуржуазностью социальной среды скрывалась одна из органических причин неустойчивости всей социальной конструкции монархической России.

Специфическая сословная стратификация, с одной стороны, отражала исторические условия страны, а с другой — отвечала надобностям самодержавной монархии, изначально построенной на принципе вертикального социального ранжирования. При всем многообразии вариантов изменений и модернизаций, предлагаемых и обсуждаемых во властных кругах, не говоря уже о тех, которые вводились в политическую практику и в социальную повседневность на протяжении всего XIX в., ни один проект не предусматривал полной отмены сословной дифференциации подданных царя.

Вся государственная законодательно-правовая конструкция была построена на сословном начале, и ликвидация сословного ранжирования потребовала бы полного пересмотра всего комплекса социально регулирующих законоположений. Это была одна часть проблемы. Другая, еще более сложная, коренилась в состоянии самой общественной среды, так сказать, в качестве реального «социального материала».

Унификация законодательства и предоставление равных гражданских прав всем группам населения имеет конструктивное значение лишь тогда, когда ими могут пользоваться осознанно и ответственно. Однако степень гражданской зрелости была еще явно недостаточной, для того чтобы быстро и сразу, путем простой отмены сословного неравенства (что предлагали сделать антиправительственные радикалы) уравнять всех в правах. В тех исторических условиях подобное неизбежно привело бы не только к социальному хаосу, но и к крушению исторической государственности. В среде «правительственных мужей» подобную опасность осознавали даже самые смелые реформаторы.

Однако социальный портрет России под влиянием утверждения буржуазных отношений медленно, но неизбежно менялся. Наряду с архаически родовой иерархией утверждалась иная, построенная на привилегии денег. На аристократические привилегии все увереннее заявлял свои права

«господин Купон». Социально нивелирующие тенденции к началу XX в. являлись уже фактом российской действительности. Сословно-юридический статус все больше и больше терял свое историческое содержание.

Традиционно сословная принадлежность в большей или меньшей степени, но отражала род занятий, вид деятельности: «дворянин» олицетворял землевладельца, чиновника или офицера, «крестьянин» служил синонимом землепашца, «купец» — предпринимателя-торговца, а звание «мещанин» указывало на принадлежность к группе мелких городских собственников. По мере утверждения капиталистических отношений законодательно-правовое «первородство» все больше и больше теряло свой изначальный смысл.

Успехи в предпринимательской деятельности, коммерческий успех напрямую никак не были связаны с происхождением, с сословным статусом. К началу XX в. юридически сословных ограничений на предпринимательские занятия не существовало. Директором банка, руководителем страхового общества, крупной промышленной корпорации могли стать (и в действительности становились) выходцы как из «низших», так и из «высших» сословных разрядов. В ряду крупнейших отечественных бизнесменов начала XX в., среди королей биржи и финансовых гениев соседствовали имена разного рода людей, причем благородные господа в их числе составляли явное меньшинство.

Хотя сословная субординация постепенно отходила на задний план, а в начале XX в. некоторые отжившие нормы были государством отменены, но сословная система в главных своих чертах сохранилась. Она оставалась одной из главных специфических черт социального портрета России. Другим важнейшим элементом эндемичности Российской империи, неразрывно связанным с предыдущим, оставалась политическая вертикаль власти, которую практически не затронули реформаторские усилия XIX в.

§ 3. Исторический феномен русской интеллигенции

В период преобразований 60–70-х гг. XIX в., приведших к развитию ограниченной общественной самодеятельности населения, возникла и определенная социальная среда, которую обычно называли либеральной. Она включала представителей разных сословных и общественных групп, но настроение здесь создавали те, кого называли интеллигенцией (термин впервые ввел в обращение писатель П. Д. Боборыкин).

Это определение не являлось синонимом интеллектуала. Понятие «русский интеллигент» указывало не только (и не столько) на образование и интеллектуальные занятия; но и в еще большей степени подчеркивало общественно-политические, мировоззренческие ориентации. Интеллигенцию России можно рассматривать как уникальную социально-нравственную категорию. Сострадание к униженным и угнетенным, неприятие государственного насилия, желание переустроить мир на новых, справедливых началах — главные и исходные признаки принадлежности к этому специфическому общественному кругу.

Интеллигенцию, а в более широком смысле и всю либеральную общественность в России изначально отличало критическое отношение к реаль-

ной политической и социальной системе в России. Характер подобных представлений и ценностей Ф. М. Достоевский назвал «идеологией государственного отщепенства». До 1917 г. подобные воззрения разделяли различные круги интеллигенции, немалое число людей и фетишизировало революцию, которая должна была привести к вожделенному социальному преображению страны.

Говоря о подобном «параличе сознания» интеллигенции в начале XX в., философ С. Л. Франк уже в эмиграции писал: «В ту эпоху преобладающее большинство русских людей из состава так называемой интеллигенции жило одной верой, имело один смысл жизни: эту веру лучше всего определить как веру в революцию. Русский народ — так чувствовали мы — страдает и гибнет под гнетом устаревшей, выродившейся, злой, эгоистической, произвольной власти... Главное, основная точка устремления лежала не в будущем и его творчестве, а в отрицании прошлого и настоящего. Вот почему веру этой эпохи нельзя определить ни как веру в политическую свободу, ни даже как веру в социализм, а по внутреннему ее содержанию можно определить только как веру в революцию, в низвержение существующего строя. И различие между партиями выражало отнюдь не качественное различие в миропонимании, а, главным образом, различие в интенсивности ненависти к существующему и отталкивания от него, — количественное различие в степени революционного радикализма».

Только после революции и прихода к власти большевиков, когда все прекраснодушные народофильские грезы развеяла страшная реальность социальной стихии, начались прозрения. Народ оказался совсем не тем «богобоязненным», «невинно угнетенным», «умным» и «справедливым», каким его было принято рисовать и воспринимать в интеллигентской среде. Упоминавшийся П. Б. Струве, принадлежавший в начале века к числу «властителей дум образованной публики», был беспощаден и без обиняков писал о том, что интеллигенция «натравливала низы на государство и историческую монархию, несмотря на все ее ошибки, пороки и преступления все-таки выражавшую и поддерживавшую единство и крепость государства».

Приговор С. Л. Франка звучал не менее неприятно: «Вплоть до последнего времени наш либерализм был проникнут чисто отрицательными мотивами и чуждался положительной государственной деятельности; его господствующим настроением было будирование, во имя отвлеченных нравственных начал, против власти и существовавшего порядка управления, вне живого сознания трагической трудности и ответственности всякой власти. Суровый приговор Достоевского, в сущности, правилен: «вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала».

Никакой «партии» в точном значении этого слова как структурно-организационного объединения либералы в России на протяжении XIX в. не имели. Однако в правительственных кругах все время велись разговоры о таковой, имея в виду носителей представлений о конституционно-правовом устройстве государства.

В середине XIX в. в западноевропейских странах завершился процесс утверждения конституционно-монархических правлений. В России же облик власти оставался неизменным. Однако воздействие европейских норм неизбежно отражалось на умонастроениях и здесь. К концу XIX в. для большей части интеллигенции вопроса о том, «хорошо» или «плохо» конституционное правление, фактически не существовало. Однозначно положительный ответ подразумевался сам собой. Подобные взгляды были распространены не только среди лиц свободных профессий, людей «интеллектуального труда»; они проникали и в среду «служилого люда». Среди высших сановников и даже среди царских родственников находились люди, высказывавшие симпатию к проектам политических преобразований.

Когда в 1870-е гг. развернулся террор народников-радикалов, то некоторые во властных кругах решили, что для его обуздания недостаточно одних военно-полицейских мер, что для общественного умиротворения власть должна пойти на уступки «ответственным кругам общества» и довершить дело реформ 1860-х гг., «увенчать здание» принятием некоего конституционного акта. При этом никто в правящих сферах не ставил под сомнение важность и нужность сохранения института самодержавия. Речь шла о другом: изобрести формулу политического переустройства, позволявшую сохранить единовластие, но вместе с тем привлечь к законотворческому процессу представителей по выбору не власти, а от различных общественных и сословных групп.

Александр II поддерживал такие намерения, и в начале 1881 г. дело дошло до обсуждения проекта манифеста. В конце концов царь одобрил записку министра внутренних дел графа М. Т. Лорис-Меликова по поводу некоторой реорганизации государственного управления. Суть грядущей новации состояла в том, что созывались две подготовительные комиссии для разработки предложений по реформированию Государственного совета. Сама же реформа должна была быть принята Общей комиссией и утверждена монархом.

Особенность этой процедуры состояла в том, что к законотворчеству помимо должностных лиц привлекались еще и представители, избранные от земства и городских дум: по два от каждой губернии, по одному от каждого губернского города и по двум от столиц. Хотя слово «конституция» нигде не упоминалось, но многие считали, что привлечение к законодательной деятельности избираемых от населения есть первый шаг к ней. Однако 1 марта того года царь погиб от руки террористов, и ситуация в стране изменилась. Потом много говорилось и писалось о том, что именно в тот исторический момент был «упущен важный шанс» либеральной трансформации самодержавной монархии, которая якобы в дальнейшем исключила бы крушение и торжество красных радикалов. Подобные умозаключения столь же убедительны, сколь и недоказуемы.

Совместить несочетаемое: иррациональную сакральную природу верховных прерогатив и рациональную избирательную процедуру, утвердить незыблемое суверенное верховенство земного закона в России XIX в. являлось вещью фантастической. Историческая традиция, привычка, патриархальные представления, религиозные верования — все то, что веками фор-

мировало русский исторически-культурный архетип и в начале XX в. диссонировало с западноевропейскими государственными приемами управления, нормами политического устройства буржуазных стран.

Многие приверженцы «либеральной партии», в большинстве своем прекрасно по-европейски образованные, придерживались убеждения, что Россия сможет быстро преодолеть свою архаику простым калькированием опыта «передовых стран». Игнорирование (и незнание) конкретных этноисторических условий, мечтательная умозрительная маниловщина делали русский либерализм и русских либералов абсолютно беспомощными в периоды обострения социальной ситуации, при малейшем соприкосновении с социальной стихией.

§ 4. Аппарат управления Российской империи. Армия и флот

Император Александр III (1881—1894) укрепил монархический авторитаризм, несколько поколебленный в эпоху реформ Александра II. К концу XIX в. самодержавие, как казалось, стояло прочно и нерушимо. Все высшие функции власти (законодательной, исполнительной и судебной) сосредоточивались в руках императора, но реализация каждой из них осуществлялась через систему государственных институтов.

Высшим законодательным органом, как и раньше, оставался Государственный совет, наделенный законосовещательными правами. Он состоял из лиц, назначенных царем и министров. В большинстве своем это были известные царедворцы и сановники, многие из которых были в весьма преклонных летах, что позволяло фрондирующей публике в салонах именовать их не иначе как «госсоветовские старцы». Законодательной инициативы Государственный совет не имел. Его компетенция состояла лишь в том, чтобы обсуждать законопроекты, вносимые по инициативе монарха и разработанные в соответствующих министерствах и ведомствах.

В некоторых случаях, когда тот или иной вопрос затрагивал интересы нескольких ведомств, учреждались по монаршей воле специальные межведомственные комиссии, заключения которых рассматривались отдельными департаментами, а затем обсуждались в общем заседании Государственного совета. Решения этого бюрократического синклита передавались императору, который мог поддержать мнение и большинства, и меньшинства (если при голосовании обнаруживались различные точки зрения). Проект приобретал силу закона лишь после утверждения императором, вступал в действие после опубликования и обратной силы не имел.

Главным органом административной власти являлся Комитет министров. Его возглавлял председатель, функции которого были весьма ограничены. В состав Комитета министров входили не только министры, но и главы департаментов и государственных управлений. На рассмотрение Комитета выносились дела, требовавшие одобрения разных министров. Это не был консолидированный орган управления, координирующий деятельность отдельных ведомств. Комитет являлся собранием административно независимых друг от друга сановников. Каждый министр имел право прямого доклада императору и руководствовался его указаниями и распоряжениями.

К началу XX в. в империи действовало 15 министерств и равнозначных им государственных установлений. Министерства иностранных дел и внутренних дел, военное, морское, юстиции, финансов, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, народного просвещения, а также – Министерство императорского двора, Главное управление государственного коннозаводства, Государственный контроль, собственная Его Величества канцелярия, собственная Его Величества канцелярия по учреждениям Императрицы Марии, собственная Его Величества канцелярия по принятию прошений на Высочайшее имя.

Министр назначался исключительно монархом, имел от одного до трех заместителей (товарищей) и особый совет министра. Наиболее обширную компетенцию имели два министерства: внутренних дел и финансов. Первое занималось поддержанием внутреннего порядка в империи, осуществляло цензуру, ведало общей статистикой, почтой и телеграфом, сословными учреждениями и земским самоуправлением, ветеринарным и медицинским делом, народным продовольствием и общественным призрением, делами исповеданий (кроме православного). В ведении Министерства финансов находились дела финансов, торговли и промышленности, прямые и косвенные налоги, таможенные сборы, винная монополия, вся кредитная часть, торговое мореплавание, железнодорожная тарифная политика. В 1892—1903 гг. это ведомство возглавлял С. Ю. Витте.

Император считался главой суда и судебного управления, а весь суд осуществлялся от его имени. На конкретное судопроизводство компетенция монарха фактически не распространялась; ему принадлежала роль высшего и последнего арбитра. Надзор за судом и администрацией монарх осуществлял через Правительствующий сенат, наблюдавший за тем, чтобы распоряжения верховной власти надлежащим образом исполнялись на местах и разрешавшего жалобы на действия и распоряжения всех властей и лиц до министров включительно.

Царь являлся и верховным покровителем Русской православной церкви, но непосредственными делами церковного управления ведал Священный синод, учрежденный еще при Петре I. Он состоял из присутствия и собственно управления. Присутствие объединяло высших иерархов Православной церкви, выносивших свои решения по важнейшим вопросам жизни церкви. Компетенции Священного синода принадлежали все дела церкви: истолкования церковных догматов, распоряжения по церковной обрядовости и молитвам, назначение церковных должностных лиц, заведование церковным имуществом, церковное просвещение, борьба с еретиками и раскольниками, церковная цензура, судебные дела духовных лиц. Возглавлял это влиятельное ведомство обер-прокурор Святейшего синода. С 1880 и до конца 1905 г. на этой должности бессменно находился известный консервативный деятель К. П. Победоносцев.

В административном отношении Россия делилась на 78 губерний, 18 областей и остров Сахалин. Существовали административные единицы, включавшие несколько губерний — генерал-губернаторства, обычно учреждаемые на окраинах.

Глава губернии (губернатор) обычно назначался царем по представлению министра внутренних дел. Власть губернатора была обширна и распространялась почти на все области жизни губернии. Аппарат управления при губернаторе включал губернское правление и губернские учреждения (присутствия) по отраслям управления: по земским и городским, крестьянским, судебным, воинским и питейным делам, по подъездным путям. Губернскому присутствию подчинялась налоговая служба (казенные палаты), статистические комитеты и фабричные инспектора. Народное образование и здравоохранение входили в систему центрального государственного управления.

Города имели самоуправление в виде городских дум и управ. На них были возложены административно-хозяйственные задачи: транспорт, освещение, отопление, канализация, водопровод, благоустройство мостовых, тротуаров, набережных и мостов, а также заведование учебными и благотворительными делами, как и делами местной торговли, промышленности и кредита.

Право принимать участие в городских выборах обусловливалось имущественным цензом. Его имели лишь те, кто владел в данном городе недвижимостью определенной стоимости (в крупных центрах не менее 3 тыс. рублей, в небольших городах этот порог был значительно ниже). Четыре города (Петербург, Одесса, Севастополь, Керчь-Еникале) были выведены из состава губерний и управлялись градоначальниками, непосредственно подчиненными центральной власти.

Губернии делились на уезды, а области — на округа. Уезд являлся низшей общеадминистративной единицей, и дальнейшее деление имело уже специальное назначение: волость — для крестьянского самоуправления, участки земских начальников, участки судебных следователей и т. д.

К концу XIX в. земское самоуправление было введено в 34 губерниях Европейской России, а в остальных районах делами ведали правительственные органы. Земские органы ведали главным образом хозяйственными делами: строительством и управлением местных дорог, школ, больниц, благотворительных заведений; статистикой, кустарной промышленностью, организацией поземельного кредита. Для выполнения своих задач земства имели право устанавливать особые земские сборы. Земское управление состояло из губернских и уездных земских собраний и исполнительных органов — губернских и уездных земских управ, имевших свои постоянные канцелярии и отделы.

Выборы в земства проводились раз в три года по трем избирательным съездам: землевладельцев, горожан и крестьян. Уездные земские собрания выбирали своих представителей в состав губернского земского собрания, которое и формировало губернскую земскую управу. Во главе уездных и губернских земских управ стояли выборные председатели. Они не только руководили деятельностью этих учреждений, но и представляли земства в государственных органах управления (губернских присутствиях).

В состав Российской империи с 1809 г. входила и Финляндия (Великое княжество Финляндское), главой которой являлся император и которая имела широкую внутреннюю автономию: собственное правительство (Се-

нат), таможню, полицию, денежную единицу. Именно став частью Российской империи, Финляндия получила автономные права, в то время как в эпоху шведского владычества она таковых не имела. Как констатировал экс-президент Финляндии Мауно Койвисто, «права финнов и русских не были сбалансированы — финны пользовались более широкими правами в России, чем русские в Финляндии. Пользу из этого извлекали и финны, как нация, и отдельные личности. Многие финны сделали в России удачную карьеру и преуспели в предпринимательской деятельности. Успехи финнов в укреплении автономного положения Великого княжества вызвали ответную реакцию со стороны русских. В России правительство подвергалось критике за то, что позволяет Финляндии достигать такого положения, когда она сможет выйти из состава империи».

На правах вассальных образований в состав России находились и два среднеазиатских государства: Бухарский эмират и Хивинское ханство. Они находились в полной политической зависимости от России, однако во внутренних делах их правители имели широкие автономные права.

* * *

Существовавшие в России жесткая вертикальная иерархия и строгая социальная регламентация требовали наличия значительного административного аппарата, способного осуществлять исполнительные и контролирующие функции.

Либеральные оппоненты царского режима постоянно говорили о «засилье бюрократии», препятствовавшей «свободному развитию творческих сил народа». Консервативные же критики сетовали на «средостение» (нарост) из «служилого люда», образовавшееся якобы на теле государства после петровских реформ и «отдалившее царя от народа». Произвол и самодурство должностных лиц — непременная тема отечественной публицистики и литературы. Чиновничество являлось важным элементом монархической авторитарной системы. Велика была его роль и в повседневной жизни людей.

Существовавшая разрешительная процедура практически на все виды общественных занятий порой придавала разрешениям вид концессионного права. (Скажем, учреждение устава акционерной компании требовало резолюции самого царя, перед взором которого устав представал после длительной процедуры согласований и утверждений различных ведомств и должностных лиц). Власть чиновника нередко открывала ему большие возможности для личного обогащения. Естественно, что пользовались этим лишь некоторые, но коррупция (подношения, подарки, услуги), если и не являлась вещью обыденной, то, во всяком случае, «имела распространение». Ничего уникального в этом отношении Россия не представляла, и хотя скандалы, связанные с взятками должностных лиц, случались, но грандиозных масштабов они никогда не достигали.

Количество чиновников в России не было столь велико, как порой утверждается. Согласно официальным данным на государственной службе в 1900 г. состояло 159 476 лиц, а через 10 лет их количество возросло до 193 015. Если соотнести число жителей империи по переписи 1897 г.

(129 млн человек) с количеством госслужащих за тот же год (146 017), то один чиновник приходился более чем на 800 жителей. В начале века по количеству чиновников Россия «почетно уступала» другим мировым державам. В Германии число чиновников составляло 714 860 человек (население 56,4 млн человек), Великобритании — 505 530 (42,5 млн), Франции — 700 000 (39 млн), США - 864 740 (76 млн).

Понятия «чиновник» и «госслужащий» в условиях России не совпадали, и число вторых было выше числа первых. К разряду госслужащих относились все, кто «кормился от казны», в то время как собственно к чиновничеству принадлежали лишь те, кто имел чин по Табели о рангах. Писарь в губернском правлении, делопроизводитель в земской управе, посыльный в министерстве и другие категории мелких служащих к чиновничеству как таковому, как правило, не принадлежали, хотя и они «состояли на коронной службе». Не входили сюда и военные чины. С учетом отмеченных обстоятельств указанную выше цифру (159 476 человек) следует увеличить по крайней мере вдвое, лишь тогда можно получить действительное представление о численном контингенте «госслужащих» в царской империи.

Вся социальная деятельность была включена в систему чинопроизводства. На многие должности в городских и земских управлениях, в благотворительных ассоциациях и даже на некоторые посты в акционерных компаниях (с участием государства) распространялась система чинопроизводства. Скажем, крупный предприниматель всю жизнь мог провести на должности члена наблюдательного совета какого-нибудь общественного «попечения о бедных», но и он считался «чиновником» и регулярно «по выслуге лет» получал очередной классный чин. Профессора университетов, члены Петербургской академии наук, ведущие актеры императорских театров и некоторые другие лица творческих профессий тоже формально относились к чиновничеству, хотя никаких управленческих функций не исполняли. Закон не устанавливал четкого разграничения категорий «чиновник» и «государственный служащий».

Принадлежность «к чиновному званию» определялась и регулировалась государственным законом (Табелью о рангах), принятым еще при Петре I в 1722 г. и установившим порядок прохождения службы. В XVIII и XIX вв. эти законы дополнялись и видоизменялись, но основополагающие принципы петровского закона оставались неизменными. Все должности в госаппарате были разбиты на три разряда — военные, гражданские, придворные, каждый из которых подразделялся на 14 классных чинов (рангов). Все должности (классы) в управлении связывались с определенным чином. Различались чины мундирами и особыми знаками отличия. Табель о рангах должна была упорядочить организацию госаппарата и ввести строгую системность и постепенность в движении чиновника по служебной лестнице. Право на чин (должность) напрямую теперь зависело не от знатности рода, а от выслуги лет (старшинства чина), благодаря которой происходило перевод из чина в чин. Эти же преимущества давали и награждения орденами, каждый из которых соотносился с определенным чиновным званием и соответствующим титулом.

К началу XX в. градация гражданских чинов выглядела следующим образом: канцлер, действительный тайный советник I класса (I класс), действительный тайный советник (II класс), тайный советник (III), действительный статский советник (IV), статский советник (V), коллежский советник (VI), надворный советник (VII), коллежский асессор (VIII), титулярный советник (IX), коллежский секретарь (X), корабельный секретарь (XI), губернский секретарь (XII), провинциальный секретарь (XIII), коллежский регистратор (XIV). Служащий, получивший чин IV класса (действительный статский советник), имел право на получение потомственного дворянства (если ранее к высшему сословию не принадлежал).

Гражданские чины напрямую соотносились с военными и придворными чинами. Так, звание канцлера соответствовало чину генерала-фельдмаршала в армии, генерал-адмирала на флоте (придворных званий I класса не существовало); действительный тайный советник — генерал-лейтенанту в армии, адмиралу на флоте и обер-камергеру, обер-гофмаршалу, обер-шталмейстеру, обер-шенку и обер-егермейстеру при дворе и т. д.

Сроки выслуги лет в каждом чине были различны и согласно закону 1906 г. они составляли: для XIV—IX классов — 3 года, для VIII—VI — 4, для V — 5 и для IV — 10 лет. Для того чтобы получить чин IV класса — действительного статского советника («статского генерала», соответствующего званию генерал-майора в армии), надо было прослужить около 20 лет. Производство в чины первых трех классов законодательством не регламентировалось и зависело всецело от усмотрения императора. Аналогичный порядок существовал и для военной службы, хотя там в некоторых классах требовалось прослужить большее количество лет.

Получение чина соответствовало определенной должности, и в штатных расписаниях всех ведомств указывалось, какому чину принадлежит та или иная должность. Обычно должность министра соответствовала II классу, товарища министра — III классу, директора департамента, губернатора и градоначальника — IV классу, вице-директора департамента и вице-губернатора — V классу, делопроизводителя в центральных учреждениях — VI, а столоначальника — VII классу. В 1897 г. в России насчитывалось 101,5 тыс. гражданских чиновников, занимавших классные должности. Из них к первым четырем классам принадлежало примерно 1,5%. Около половины чиновников (49%) имели чины V—VIII классов, а 49,5% принадлежало к IX — XIV классам.

Монаршей волей на должности могли назначаться и люди, не имевшие соответствующего чина. Жесткой привязки между чином и должностью в обычной жизни не существовало. Награждение чинами в XIX в. стало одной из форм государственного поощрения, и высокие чины получали люди, не имевшие к делам управления касательства. В результате количество классных чиновников высших разрядов значительно превышало количество соответствующих должностей в госаппарате. В начале XX в. только действительных статских советников имелось в три раза больше, чем должностей этого класса.

* * *

Вооруженные силы России подразделялись на несколько категорий, главные из них — сухопутные войска и флот.

Сухопутные войска делились на регулярные и иррегулярные. (Ко вторым относились казачьи части, государственное ополчение и отряды территориальной милиции.) К концу XIX в. численность русской армии достигала 946 тыс. человек, что составляло 0,84% населения империи (пехота — около 75%, артиллерия — 14%, кавалерия — 8%, остальные — инженерные войска). Это была крупнейшая армия в мире. В Германии численность сухопутной армии в тот период равнялась 521 тыс. (1,8% населения), во Франции — 552 (1,31%), Англии — 382 (0,62%).

Воинская повинность являлась обязательной и распространялась на всех лиц мужского пола в возрасте от 21 до 43 лет. Общий срок службы определялся 18 годами, из них: до 5 лет «под знаменами» (в пехоте 3 года, на флоте 5 лет) и остальные — в запасе. При 1 млн человек призывного возраста годовой призыв ограничивался 290 тыс. Состав новобранцев определялся по жеребьевке. Основной контингент армии комплектовался из православного населения, так как инородцы или вообще не подлежали призыву (многие вносили повинность деньгами), или использовались лишь в иррегулярных частях.

Положения устава о воинской повинности предусматривали много льгот и исключений от призыва в мирное время. Не подлежали призыву жители отдаленных мест (Камчатка, Сахалин, некоторые районы Енисейской, Якутской, Тобольской и Томской губерний, а также Финляндии). Не брали в армию единственного сына в семье, единственного сына-кормильца при престарелых родителях, единственного внука при недееспособных деде и бабке, одинокого вдовца с детьми, единственного брата при сиротах до 16 лет. Освобождалось от призыва духовенство всех конфессий, ученые и преподаватели, художники Академии художеств и некоторые другие категории. Все учащиеся имели отсрочку от призыва до окончания курса обучения. Для выпускников же различных учебных заведения существовала система сокращенного срока воинской повинности.

Верховное командование над армией принадлежало царю. Непосредственно же делами управления занималось центральное управление, высшим звеном которого являлось военное министерство. Военный министр — единственный докладчик императору по военным делам. Министерство направляло деятельность всех прочих органов военного управления. Заведование военным делом и хозяйственное обеспечение войск принадлежало военным округам. Их существовало 12: Петербургский, Московский, Финляндский, Виленский, Варшавский, Киевский, Одесский, Казанский, Кавказский, Туркестанский, Сибирский и Приамурский. Вне военных округов оставалась Область войска Донского, находившаяся в особом военно-административном управлении.

Во главе округа стоял командующий войсками. Состав военно-окружного управления включал: военно-окружной совет, окружной штаб и управления: интендантское, инженерное, медицинское, а также военно-

окружной суд и прокурорский надзор. Сухопутные войска имели на своем вооружении пушки различных типов: батарейные (калибр 4,2 дм), легкие (калибр 3,4 дм), полевые мортиры (6 дм), скорострельные системы Норденфельда и др. С 1893 г. главным ручным огнестрельным оружием для пехоты и для кавалерии становилась трехлинейная винтовка образца 1891 г. (разработана русским офицером С. И. Мосиным) с срединным пачковым магазином и штыком. В начале XX в. перевооружение русской армии этими винтовками завершилось.

Общие расходы на сухопутную армию в 1899 г. определялись суммой в 323 791 710 рублей, что составило 21,1% расходной части государственного бюджета.

В свою очередь, русский флот включал несколько категорий судов, а главной ударной силой его являлись тяжелые корабли, в первую очередь эскадренные броненосцы. В 1900 г. Россия имела на вооружении 19 эскадренных броненосцев (у Великобритании — 57, у Франции — 27, у США — 9) и 24 броненосца береговой обороны.

Все военные суда подразделялись на четыре категории: флоты Балтийский и Черноморский, а также Каспийскую и Сибирскую (Восточную) флотилии. Наиболее мощной силой являлся Балтийский флот, включавший в начале века 11 эскадренных броненосцев, 22 броненосца береговой обороны, 12 крейсеров I ранга, 9 крейсеров II ранга, 4 минных крейсера, 44 миноносца и несколько десятков более мелких судов. Портами и базами Балтийского флота являлись: Кронштадт, Петербург, Ревель (современное название – Таллин), Свеаборг (Суоменлинна), Либава (Лиепая).

В 1914 г. Балтийский флот насчитывал 5 линкоров, 10 крейсеров, 49 эсминцев, 23 миноносца, 6 заградителей, 13 подводных лодок, 6 канонерок, 26 транспортов, 11 посыльных судов, 6 яхт, 8 учебных судов, 59 портовых судов. Подготовка личного состава проводилась в учебно-артиллерийском и учебно-минном отрядах, учебном отряде подводного плавания, специальных школах (машинная, водолазная, рулевых и сигнальщиков, судовых писарей, юнг, музыкантов, фельдшеров), учебной команде строевых унтер-офицеров и морской учебно-стрелковой команде.

Черноморский флот базировался в Севастополе, Николаеве и Батуми. Его ударная сила заметно уступала Балтийскому флоту. В начале века он включал: 8 эскадренных броненосцев, 2 броненосца береговой обороны, 1 крейсер I ранга, 1 крейсер II ранга, 3 минных крейсера, 22 миноносца и другие суда. К 1914 г. Черноморский флот включал: 7 линкоров, 2 крейсера, 13 эсминцев, 4 миноносца, 4 подводные лодки, 4 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 9 легких миноносцев. Личный состав насчитывал 6 адмиралов, 383 строевых офицера, 2 генерала инженер-механика, 99 инженеров-механиков, 4 офицера корпуса флотских штурманов, 4 генерала и 61 офицер по адмиралтейству и военно-морскому ведомству, 49 медиков, 25 гражданских чиновников, 342 кондуктора, 784 сверхсрочнослужащих, 11 862 унтер-офицера и матросов (31). Базами кораблей в акватории Тихого океана являлись порты Владивосток и Порт-Артур (в Манчжурии).

В 1899 г. расходы на флот составили 83 065 тыс. рублей, или 5,7% бюджетных расходов.

* * *

К 1913 г. Россия продолжала сохранять самую большую сухопутную армию в мире. Несмотря на неудачную Русско-японскую войну, последующие социальные волнения и крупные политические преобразования, укрепление армии оставалось неизменно в центре внимания царского правительства.

Военные расходы государства в абсолютных цифрах увеличились существенно: на сухопутную армию на 190%, а на флот более чем в три раза. Однако рост удельного веса военных ассигнований в структуре государственных расходов не был столь заметным: в 1913 г. они поглощали 28,5% средств. Это было вызвано тем, что за указанный период поступления в казну возросли вдвое.

Списочный численный состав армии тоже увеличился и составлял 1 322 274 человека. Русская армия насчитывала 46 610 офицеров, в том числе 1299 генералов. Примерно половина офицерского корпуса происходила из потомственных дворян, а среди генералов их было более 60%. Среди нижних чинов армии преобладали выходцы из крестьян, ремесленников и рабочих (вместе более 90%). Национальный состав армии не претерпел существенных изменений: православные (русские, украинцы и белорусы) составляли почти 80%. Среди нижних чинов до призыва в армию 20% не умели ни читать, ни писать. Лишь 1480 лиц имели высшее, а 6080 среднее образование.

Дневное обязательное продовольственное обеспечение нижних чинов армии и флота в 1913 г. выглядело следующим образом: печеный хлеб — 3 фунта (фунт =. 0,4095 кг.), крупа — 32 золотника (золотник = 4,3 грамма), мясо — 3/4 фунта (или деньги на его покупку), сахар — 6 золотников, чай — 0,48 золотника. Кроме того, предусматривалось ежедневное выделение на каждого по 2,5 копейки для покупки прочих продуктов, главным образом овощей. (Цена фунта картошки, капусты, моркови, свеклы на рынках Москвы в 1913 г. не превышала одной копейки.) Каждый рядовой получал в месяц по 50 копеек денежного довольствия. Если же воинская часть имела свое артельное хозяйство (подсобное), то нормы снабжения оказывались заметно выше. Продовольственное обеспечение и денежное довольствие военнослужащих были лучше и в гвардейских частях.

Во время Русско-японской войны флот России понес большие потери: 15 эскадренных броненосцев, 2 броненосца береговой охраны, 11 крейсеров (из них 5 — 1 ранга), 5 канонерских лодок, 22 миноносца, 4 военных транспорта и 8 портовых судов. По окончании войны и социального умиротворения правительство начало реализовывать обширную программу перевооружения, центральным пунктом которой стало создание мощного современного флота.

В 1913 г. флот России включал 19 огромных линейных кораблей (еще 7 достраивалось), 7 броненосных крейсеров (в постройке 4), 15 крейсеров (в постройке 4), 116 эскадренных миноносцев (на верфях и стапелях 45), 47 миноносцев. К этому времени флот имел в своем распоряжении и суда совершенно нового типа — подводные лодки, которых имелось в наличии

43 (в достройке 19). Всего военно-морские силы России насчитывали 461 корабль, а на верфях и в доках достраивалось еще 80. Личный состав флота составлял 51 721 военнослужащего, в том числе 47 215 нижних чинов.

§ 5. Полиэтничность Российской империи. Национальная политика и межэтнические отношения

С самого своего возникновения Русь – Россия интегрировала в свой состав различные племена и народности. Да и сам русский этнос сложился в результате длительного процесса абсорбции различных этнических элементов, обитавших на просторах Восточно-Европейской равнины. Во второй половине XIX в. Россия окончательно сформировалась как полиэтническая империя, включавшая в свой состав около 150 народностей, насчитывавших от нескольких тысяч человек до многих миллионов. Самым многочисленным был русский этнический компонент, составлявший более половины всего населения страны, значительная часть которого размещалась плотной массой в центральных районах Европейской России. Здесь уместно сделать одно важное пояснение: в русской исторической традиции, которую восприняла в полной мере и статистическая наука, к русским в широком смысле относились не только русские по крови, но и вообще все владеющие русским языком и принадлежащие к Православной церкви.

Именно конфессиональный аспект был определяющим при этнической бифуркации населения, и понятие «православный народ», возникшее еще на заре русской государственности, не потеряло своего значения до самого крушения монархической России. Согласно переписи 1897 г. к «православному народу», в составе которого наиболее значительные группы представляли украинцы и белорусы, относилось около 70% населения Российской империи, а в Европейской России этот показатель превышал 80%. На втором месте по численности шли тюркоязычные племена, исповедовавшие ислам, — более 10%, католики (главным образом поляки) — около 7% и евреи — 4,2%. Кроме основных конфессиональных групп – православия, католицизма и иудаизма — в России имелись буддисты, протестанты, баптисты-евангелисты и другие вплоть до языческих идолопоклонников.

Национальная политика империи была направлена на утверждение мирного сосуществования разных этносов и конфессий, на основе их лояльного отношения к самодержавно-монархической системе. В том случае если таковая лояльность присутствовала, государственная власть не вводила каких-либо специальных запретов и ограничений на деятельность тех или иных конфессионально-этнических организаций или структур. Как заключил современный немецкий историк А. Каппелер, «Россия была не национальным государством русских, а династически-сословно легитимизированным многонациональным государством. Хотя в имперском патриотизме, который его объединял, имелись элементы, общие с русским этническим самосознанием (православие, общность истории культуры), в нем все же превалировали наднациональные черты».

В тех же случаях, когда определенные этноконфессиональные группы проявляли враждебное отношение к власти, их деятельность существенно ограничивалась или вообще пресекалась. Наиболее ярким проявлением политики подобного рода были отношения центральной власти и Католической церкви, которая весь XIX в. явно или тайно, но поддерживала польские сепаратистские общественные настроения и антирусские политические движения.

В этой связи отношения Ватикана и Петербурга, которые и раньше, в силу старых антагонистических религиозных причин и мотивов, трудно было назвать толерантными, в XIX в. постоянно осложнялись и обострялись. Времена затишья и умеренности в этих отношениях не раз прерывались периодами взаимных обвинений и конфронтаций.

В апреле 1877 г., когда Россия начала войну с Турцией за освобождение славянских народов, папа римский Пий IX произнес в Риме перед паломниками страстную речь, в которой фактически признал правоту исламских фанатиков. «В это самое время, — заявлял римский первоиерарх, — выставила еретическая великая держава многочисленное войско для наказания неверной державы, жалуясь на то, что это последняя несправедливо управляет и утесняет своих подданных, исповедующих учение Православное. Война уже началась. Не знаю, которая из этих двух держав победит, но знаю, что на одной из этих держав, которая называет себя Православною, но есть схизматическая, тяготеет рука Правосудия Бога за бесчеловечное преследование католиков».

Ясно, что подобные заявления, равносильные объявлению войны, лишь усугубляли взаимную враждебность. Неразрешимой дилеммой являлась проблема Польши. После разгрома польского восстания 1863 г. польский регион лишился остатков своей автономии. Были ликвидированы органы местного самоуправления, упразднено наместничество, в образовании, судопроизводстве и при богослужениях стал вводиться русский язык.

Все эти меры заметных результатов не принесли и никакой русификации в царстве Польском не произошло. Да имперская власть никогда и не помышляла о превращении поляков в русских. Она лишь намеревалась укрепить государственное влияние в этом неспокойном районе. Правительство в Петербурге всячески старалось избежать конфессионального противостояния, ведя борьбу не с польским народом, а с определенными сепаратистскими группами, угрожавшими целостности государства. В то же время польские инсургенты и их ватиканские покровители все время старались придать этой борьбе характер межнационально-конфессиональный. Это деятельность не прошла бесследно. После обретения Польшей суверенитета в 1918 г. в стране началось преследование и искоренение не только русских и всего русского, а именно православия.

При Александре III начало происходить формирование национально-государственного политического курса, преследовавшего цель защитить национальные, религиозные и культурные интересы и ценности основной православной массы жителей империи. Это был первый царь, которого с полным правом можно назвать «русским националистом». Потом, уже в XX в., понятие «националист» будет дискредитировано крайними, гипер-

трофировано-шовинистическими его проявлениями (фашизм, нацизм). Для предыдущего периода ничего предосудительного данное определение не содержало. Становление нации, духовно-нравственное самоопределение ее во всех странах на определенных этапах истории неизбежно приводило к торжеству национальной идеи и национальных лидеров. В России такое время — вторая половина XIX в.

Признавая националистические настроения Александра III, следует сразу же оговориться, что они никогда не опускались до уровня шовинизма. Никакой травли других народов, преследования их культур и верований только потому, что они нерусские, в России по инициативе монарха не велось. Империя веками являлась многонациональной и таковой должна была остаться. Однако мириться с дискриминацией русских в своем доме – России – царь не мог и не хотел. Наиболее наглядно это проявилось в отношении Прибалтийского края.

Три прибалтийские губернии — Лифляндская, Эстляндская и Курляндская – находились в обособленном от всей империи положении. Местные помещики — немецкие бароны – ревностно охраняли свои права и преимущества, полученные ими еще в XVIII в. при присоединении этих территорий к России. Крестьяне-латыши и эстонцы (эсты) находились в полном закабалении; православные же (как русские по крови, так и нерусские) облагались большими сборами в пользу лютеранских церквей, а сами православные приходы подвергались всевозможной дискриминации. Более того, русский язык вообще не являлся государственным: в учебных заведениях, в судах и даже в казенных учреждениях господствовал немецкий язык. Дело доходило до абсурда: на территории Российской империи государственные ведомства не принимали документы, написанные по-русски, а на право погребения православного мирянина надо было получать разрешение у лютеранского пастора! Царь решил положить этому предел и ликвидировать административную и культурную замкнутость прибалтийских территорий. Защита самих православных верующих и православных общин стала делом государственной важности. В этой связи был принят целый ряд новых законов.

10 февраля 1886 г. появился указ о мерах к обеспечению православных церквей, причтов и школ в балтийских губерниях потребными помещениями и об отводе земельных участков под православные кладбища. В случае невозможности достичь добровольного соглашения с местной властью и собственниками недвижимости необходимый участок земли мог быть занят принудительно с уплатой владельцу соответствующего вознаграждения, подобно тому, как это всегда делалось при отчуждении недвижимых имуществ для государственных и общественных нужд. Святейший синод начал получать специальные средства для строительства церквей и школ в трех балтийских губерниях. Кроме того, лютеранские консистории (территориальные церковно-административные управления) были поставлены под контроль центральной власти, а лютеранские проповедники, препятствовавшие принятию православия местным населением и деятельности православных приходов, теперь отрешались от должности.

Еще раньше этих мер появились царские указы относительно русского языка. 11 января 1882 г. Александр III утвердил мнение Государственного совета, обязывавшего все государственные учреждения Прибалтийского края принимать к рассмотрению прошения и заявления, написанные на русском, эстонском, латышском и немецких языках. Следом, 12 апреля 1882 г., вышел указ, вводивший русский язык в качестве обязательного в делопроизводстве местных по воинским повинностям присутствиях («военкоматах»). Наконец, 14 сентября 1885 г. царь утвердил закон, предписывавший всем присутственным местам и должностным лицам вести делопроизводство на русском языке. Потом появилось еще несколько законодательных актов, устанавливавших обязательное использование государственного русского языка при судопроизводстве, в учебных заведениях, в делопроизводстве городских управлений, при составлении метрических книг.

Эти, как и некоторые другие меры, направленные на ликвидацию обособленности трех западных губерний от России, вызвали бурные протесты местных немецких дворян, увидевших в них угрозу своим старым привилегиям. Однако они никак не повлияли на царя. Он знал, что единая империя должна управляться на единообразных основах, и утверждал принцип, являвшийся непременным законом существования любой империи.

Среди проблем национально-государственной политики России далеко не последнее место занимала старая, запутанная и больная проблема российского еврейства. В 1839 г., назначая генерала Д. Г. Бибикова киевским генерал-губернатором, император Николай I произнес монаршее напутствие: «Ты знаешь, что я поляков не люблю, поэтому ты должен предо мною за них заступаться и ни в коем случае не играть на этой струнке». Отношение верховной власти к евреям было сходным. Последние цари никогда не превращали свои этносимпатии или антипатии в импульс государственной политики. И уж тем более никогда не приветствовали социальные беспорядки.

Сам по себе «еврейский вопрос» возник в 1772 г., при Екатерине II, когда в результате раздела Польши к России отошли территории со значительным еврейским населением. Именно тогда и появились первые законодательные акты, регулировавшие статус евреев в Российской империи. На протяжении последующего столетия государственная политика по отношению к этой самобытной религиозно-этнической группе колебалась от предоставления полного равенства в правах с прочими подданными (указ Екатерины II от 16 августа 1772 г.) до строгих ограничительных мер.

При Александре I указом от 9 декабря 1804 г. для жительства евреев отводились территории ряда западных, южных и юго-западных губерний, получившие название черты оседлости. При Николае I в 1835 г. появилось общее положение, законодательно регулировавшее статус еврейского населения. Согласно этому своду норм, многие из которых сохраняли свою силу на протяжении последующих десятилетий, все евреи разделялись на разряды: земледельцев, купцов, ремесленников и мещан. Им дозволялось постоянно проживать в 15 южных и западных губерниях, за исключением городов Киева, Николаева и Севастополя.

Вне черты оседлости разрешалось только временное проживание для принятия наследства, для торговых дел, подрядов, поставок и откупов и «для усовершенствования в науках, художествах и ремеслах». В черте оседлости разрешалось переселяться из одного места в другое, приобретать недвижимость (кроме населенных имений), устраивать промышленные предприятия и селиться для хлебопашества на казенных землях. В последующие годы издавалось немало нормативных актов, то смягчавших общие условия, то ужесточавшие их. Задача ликвидации этнической обособленности евреев не раз возникала перед властью, принимались законодательные меры различного свойства: от упразднения кагалов (общин) до запрещения ношения особой одежды и обычая брить женщинам голову.

При Александре II появился ряд законов, существенно смягчавших ограничения. В 1856 г. купцы-евреи первой гильдии получили разрешение на проживание в любом районе империи; в 1861 г. право повсеместного жительства и поступления на государственную службу было предоставлено лицам, окончившим высшие учебные заведения и имевшим ученые степени. В 1865 г. царь утвердил мнение Государственного совета, в соответствии с которым евреям-механикам, винокурам, пивоварам, как и всем ремесленникам дозволялось для занятий ремеслами и промыслами проживать на всей территории России. В 1879 г. эти права получили все окончившие курс в высших учебных заведениях, а также дантисты, аптекарские помощники, фельдшеры и повивальные бабки, как и те, кто изучал фармацию и повивальное искусство. К этому времени евреи (лица иудейского вероисповедания) составляли менее 4% населения империи.

Расселение евреев в среде православного населения нередко приводило к возникновению межэтнического напряжения. Этому способствовало то, что часто они оказывались владельцами винных лавок и ростовщиками, ссужавшими деньги в долг под большие («лихвенные») проценты.

Уже вскоре после восшествия на престол Александр III помимо своей воли столкнулся с еврейским вопросом. В апреле 1881 г. в городе Елизаветграде (Кременчуге), а затем и во многих других пунктах случились антиеврейские выступления — погромы, вспыхивавшие потом на протяжении многих месяцев. Поводом к ним послужили широко расходившиеся в народной массе слухи, что якобы именно евреи были повинны в убийстве царя Александра II.

Правительство России и лично Александра III потом много раз будут совершенно бездоказательно обвинять в пособничестве таким насильственным акциям. В действительности все выглядело совсем иначе. Специально рассматривавший данный сюжет А. Н. Солженицын аргументированно заключил: «Хотя уже тогда выяснилась и не оспаривалась несомненная стихийность погромной волны и никак не была доказана причастность к ней властей, а напротив — революционных народников, однако не простили этих погромов именно русскому правительству — и уже никогда впредь. И хотя погромы происходили в основном от населения украинского — их не простили и навсегда связали с именем русским».

После начала погромов, приведших к разорению домов, магазинов, лавок, к расхищению имущества и к жертвам (за время событий погибло два

евреи и 19 крестьян, участвовавших в погромах), царь настаивал на применении жестких мер в отношении смутьянов. Войска для прекращения беспорядком использовались без колебаний. Именно для предотвращения подобных волнений 14 августа 1881 г. появилось Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Оно предусматривало возможность введения в той или иной местности положения или «усиленной», или «чрезвычайной» охраны.

Генерал-губернаторы и министр внутренних дел получали право отрешать от исполнения обязанностей должностных лиц, закрывать собрания и печатные органы, арестовывать и высылать без суда возмутителей спокойствия. В связи с этим законом потом было произнесено множество обличительных тирад, обвиняющих царскую власть в желании чрезвычайными мерами задушить «права и свободы», что якобы именно таким путем власть пыталась одолеть «революционную опасность». Эти риторические инвективы лишены исторической обусловленности.

Никакая «революция» летом 1881 г. России не грозила; подобной возможности тогда просто не существовало. Террористы-народовольцы (общее их число не превышало в тот период 500 человек) или были арестованы, или затаились в глубоком подполье, или скрывались за границей. Причины межэтнических беспорядков стали предметом изучения особого сенаторского комитета, учрежденного 19 октября 1881 г. Комитет признал необходимым, помимо общего пересмотра действовавших о евреях законов, немедленно принять ряд временных мер, способных успокоить население и предотвратить беспорядки в будущем. Эти рекомендации вызвали появление разработанных Комитетом министров временных правил, утвержденных царем 3 мая 1882 г.

Они касались лишь губерний черты оседлости — местностей, где и происходили в основном антиеврейские выступления. Правила носили ограничительный характер и предусматривали: запрет евреям селиться вне городов и местечек, совершать ими покупку и аренду недвижимого имущества вне городов и местечек, а также производить торговлю в воскресные дни и в дни больших христианских праздников.

Весной 1882 г., принимая делегацию еврейской общественности, состоявшую из числа богатейших предпринимателей-евреев (барон Г. О. Гинбург, С. С. Поляков, М. А. Варшавский), просившую об отмене ограничительных норм, министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев изложил как бы правительственную программу.

«Ваше положение не утешительно, но от Вас во многом зависит его исправить. Живя среди чуждого Вам населения, Вы навлекли на себя такую ненависть, что я несколько месяцев вынужден напрягать все силы, чтобы только охранять Вас... Русский народ, как и государство, очень веротерпимы — много нужно, чтобы его вывести из терпения. На Востоке среди русского населения живет много инородцев, не христиан. Там однако не приходится употреблять войск для их защиты. Глубоко скорбя о прошедших беспорядках и делая все, что от меня зависит для их предотвращения, я предупреждаю Вас, что не буду действовать односторонне... На штык можно опереться, на него нельзя сесть. Помните, что вас ограждают, но что

нет возможности терпеть порядок вещей, при котором постоянно нужно ограждать евреев от последствий народной ненависти. Старайтесь отыскать себе производительные, трудовые занятия, бросайте шинкарство (виноторговлю. — А. Б.), ростовщичество. Не рассчитывайте на обходы закона, которые Вам досель удавались».

В 1883 г. была учреждена государственная комиссия под председательством члена Государственного совета графа К. И. Палена для подготовки единого свода нормативных актов. Она проработала пять лет и представила свои соображения. Суть их сводилась к следующему. Не следует формулировать новое законодательство в виде особого положения или устава, что «принципиально противоречило бы усилиям правительства ликвидировать обособленность евреев»; в этом деле следует соблюдать постепенность и «величайшую осторожность», система репрессивных и исключительных мер должна со временем уступить место системе «уравнительных и освободительных законов». Но пора такого рода законов так и не наступила.

Говоря об административно-правовых ограничениях и стеснениях, касавшихся главным образом еврейской этнической группы, следует иметь в виду два важных исторических момента. Во-первых, все запретительные меры относились не вообще к «лицам еврейской национальности», а лишь в лицам иудейского вероисповедания.

История России знает немало примеров, когда этнические евреи, не принадлежавшие к своей исторической племенной конфессии, делали прекрасную служебную карьеру, добивались видного положения в различных областях социальной деятельности, в том числе и в административно-государственном аппарате. Во-вторых, дискриминационные меры ущемляли права по преимуществу низов российского еврейства. Богатые слои никаких особых тягот в империи не испытывали, занимая ведущие позиции в сфере частного предпринимательства. В начале XX в. среди руководителей российских банков, страховых обществ, транспортных и промышленных корпораций представители еврейства занимали ведущие позиции; во многих случаях их удельный вес среди членов правлений и наблюдательных советов составлял от 30 до 50%.

Межэтническое напряжение во многих районах со смешенным населением, которые принято называть контактными зонами, существовало практически всегда. Латентные формы этнических предрассудков время от времени вырывались наружу, принимая форму открытых насильственных действий. Повод к ним мог стать обыденный слух, ссора на рынке, оскорбительный выпад отдельного лица по адресу другой национальности.

В 1900 г. в Одессе в результате бытовой стычки между евреями и солдатами на местной барахолке почти два дня продолжалось избиение евреев. В апреле 1903 г. случились кровавые события в Кишиневе, поводом к которым послужили нелепые слухи о якобы совершенных евреями ритуальных убийствах. Во время кишиневских беспорядков погибло несколько десятков человек, количество раненых исчислялось сотнями. Все эти, как и другие, случаи служили предметом расследований и судебных, и административных властей. Должностные лица, не предпринявшие своевременно пре-

упредительных мер, отрешались от должностей, участники погромов арестовывались, их предавали суду.

Однако такие действия межэтнические страсти охлаждали ненадолго. Самые мощная погромная волна прокатилась в революционные 1905—1906 гг., затронув сотни городов и местечек черты оседлости, где проживала основная часть еврейского населения. По мере ослабления революционного хаоса межэтнические конфликты начали затихать и в конце концов совсем прекратились.

Случавшие насильственные действия порождали вполне законные страхи среди еврейства и за свою жизнь, и за свое имущество. Эти чувства способствовали нарастанию волны эмиграции, в основном в США. В общем эмиграционном потоке из Европы в Северную Америку удельный вес российского еврейства был весьма существенным, составляя не менее 40%. За 30 лет, с 1871—1900 гг., из России эмигрировало 411,1 тыс. евреев. С начала XX в. этот процесс заметно усилился: за 10 лет, с 1903 по 1912 г., Россию покинуло более 750 тыс. евреев.

Когда в 1905—1906 гг. в России начались государственно-правовые преобразования, то на повестку дня встал и вопрос о пересмотре сотен нормативных актов, касавшихся лиц иудейского вероисповедания. Узловым пунктом «еврейского вопроса» была ликвидация черты оседлости.

В декабре 1906 г. состоялось специальное заседание совета министров под председательством П. А. Столыпина, на котором обсуждались пути и средства решения застарелой проблемы. Сановники пришли к единодушному мнению, что оставлять все так, как есть, невозможно, но и простым волевым решением отменить ту систему, которая складывалась более 100 лет, нельзя. Самое главное положение сводилось к тому, чтобы предоставить всем евреям право жительства во всех городах и селениях 15 западных и юго-западных губерний и в губерниях царства Польского (еще 10 губерний). Остальные рекомендации касались более частных законоположений. Историческая власть не рискнула бросать вызов традиции и ставить вопрос о введении общегражданского равноправия евреев. К тому же в империи изменилась законотворческая процедура и подобный закон подлежал одобрению Государственный думы.

Изучив представленные соображения министров, царь Николай II начертал резолюцию: «Внести на рассмотрение Государственной думы». Однако и этот законодательный орган так и не принял закон о еврейском равноправии. Еврейская проблема осталась больной и острой.

ГЛАВА 7. РОССИЯ В XX в.

§ 1. Закат Российской империи

XX в. стал переломной эпохой в истории России. Яркий и эндемичный культурно-исторический феномен под названием «Российская империя» в 1917 г. в результате революции исчез с политической карты мира. То крушение стало судьбоносным в летописи Отечества и повлияло на весь ход европейской, а стало быть — и мировой истории.

Революция радикально изменила не только систему власти, формы собственности и организацию общественной жизни. Она коренным образом трансформировала весь духовно-культурный строй жизни человека, весь комплекс нравственных, этических, психологических, эстетических и бытовых норм, представлений и ценностей, которые формировались многие века и которые были отброшены и преданы забвению.

Любая революция это всегда отрицание былого, но не будет преувеличением считать, что русская революция есть экстремальный вариант отвержения исторического опыта народа и страны. В этом ее принципиальное отличие от всех прочих революций, в том числе и от самой известной предшественницы — французской 1789 г. Огромный исторический багаж не просто был предан забвению, он был отвергнут без колебаний, а все тысячелетние культурно-исторические реалии шельмовались и третировались многие десятилетия. Путем жестокой и целенаправленной вивисекции радикалам-коммунистам фактически удалось создать новый исторический этнопсихологический тип личности, наделенной комплексом представлений и навыков, прямо противоположных традиционному христианскому нравственному кодексу, взрастившему всю европейскую культуру последних двух тысячелетий.

Крушение монархической России в 1917 г. уж скоро 100 лет служит предметом размышлений и умозаключений для историков, политологов, философов, публицистов, писателей и политических деятелей совершенно разных идеологических и мировоззренческих направлений. По этому поводу было сказано и написано невероятно много и у нас в стране, и за рубежом.

В этом огромном комплексе суждений и умозаключений превалируют две генеральные концептуальные идеи. Первая, которой придерживались коммунисты и которая до сих пор жива, приобретя теперь налет социалистической респектабельности, сводится к следующему. Россия пала потому, что «потребности времени» требовали для страны глубоких и всесторонних перемен, которые не могли осуществить не только деятели и силы старой России, но и все либерально ориентированные группы и партии. Исходя из этого, якобы только радикальным социалистам-коммунистам удалось «вывести страну на путь прогресса», преодолеть «средневековую осталось» и спасти Россию от полного закабаления промышленно развитыми странами.

Вторая, либерально ангажированная идеологема возлагает вину за крушение России на монархический истеблишмент, не желавший и не сумевший вовремя провести социальную модернизацию, установить полноправный конституционно-правовой строй и привлечь к управлению «ответственные общественные элементы», способные «поставить Россию в ряд передовых цивилизованных стран».

Сторонники и той и другой концепции приводят множество фактических примеров, документальных фактов, «безусловно» подтверждающих их базовые мировоззренческие постулаты. В этом смысле каждый из устоявшихся подходов имеет свое предметно-фактурное обоснование. Но при этом на принципиальный вопрос — о готовности и способности русского социума к восприятию либеральных или социалистических идей — приверженцы обеих указанных концепций внятного и обусловленного фактическими данными ответа не дают, ограничиваясь умозрительными идеологическими построениями.

Если же отрешиться от устоявшихся клише и посмотреть на русский обвал 1917 г. не с позиции идеологической заданности, анализируя не только политические акции тех или иных сил, формы и способы хозяйственной жизни, роль и способности определенных исторических фигур, а с точки зрения органического строя всего русского национально-духовного этномира, направлений и форм его эволюции, то совершенно иначе будет выглядеть и вся картина исторической обусловленности не только предпосылок падения, но и последствий его.

С формально-исторической точки зрения крушение трудно поддается логическому объяснению. В начале XX в. Россия уверенно развивалась, темпы индустриального развития накануне Первой мировой войны были самыми динамичными в мире. Происходили качественные изменения в аграрном строе России: на смену латифундиальному (помещичьему) и коллективному (общинному) владению приходили капиталистическое частновладельческое хозяйство; стал ускоренно формироваться обширный слой крестьян-собственников. Росло общее благосостояние населения, повышалась грамотность, возникали новые социальные возможности для выходцев из «непрестижных» слоев населения, которых ранее не существовало.

После 1905 г. в стране начала утверждаться либеральная социально-правовая система. Действовали партии самой разной ориентации, до социалистических включительно; их представители заседали в Государственной думе, где имели возможность без боязни последствий обсуждать (и осуждать) действия властей. Хотя цензура формально и не была упразднена, но выходило множество газет и журналов, позволявших себе невероятно критические выпады против самых высокопоставленных должностных лиц.

Положение мало изменилось и в годы мировой войны, когда строгая цензура была введена практически во всех странах. В России же, например, газеты и в период жестоких военных баталий позволяли себе размышлять о том, «изменник» ли военный министр или нет, и на основании каких-то

туманных слухов и предположений требовать смены не только конкретного лица, но и всего правительства.

В империи была провозглашена веротерпимость, люди могли исповедовать любую религию, откровенно придерживаться любой национально-культурной ориентации, совершенно свободно выезжать за границу. Много и других признаков коренной трансформации всего социального строя жизни наблюдалось в России в последние годы перед 1917 г.

Но все это сдвиги и изменения, которые так удивляли непредвзятых иностранцев, не укрепляли монолитность социально-политического строя, а скорее, наоборот, способствовали его ослаблению. Утверждение либерально-демократических элементов и индивидуалистических принципов в русской практике вело к усилению центробежных тенденций, ослаблявших и подрывавших не только институциональные, а в первую очередь духовные устои самодержавной монархии, изначально созидавшейся по законам патернализма и религиозного послушания. В конечном итоге ведь рухнула не просто «царская монархия», о чем чаще всего говорят и размышляют, а именно «православная монархия», о чем упоминают крайне редко. А между тем здесь скрыта органическая причина исчезновения коронной власти, которая не имела исторических шансов на существование в условиях индустриально-буржуазного общества.

В начале XX в. русская социогосударственная модель сохраняла и по форме, и по сути органические признаки традиционалистской христианской системы, которая в Западной Европе стала считаться анахронизмом уже в XVIII в. Россия же оставалась не просто христианской, а именно православной монархией, сохраняя символы, каноны и нормы веры и жизни, исключавшие принципы социального торжества личного начала и индивидуального успеха, на которых зиждилась вся западноевропейская цивилизация новейшего времени. В этом заключалась ее историческая неаутентичность и феноменологичность.

Дело не сводилась просто к «отсталости» социальной организации или форм хозяйства. Это лишь внешние контуры сложной историко-культурной амальгамы, которую являла Россия и в начале XX в. Воздействие индустриальной, или буржуазной, цивилизации, которая стала фактом в целом ряде стране, было сильным и всесторонним.

Невозможно отрицать, что в начале XX в. Россия ускоренно двигалась по тому социально-экономическому пути, на который такие страны, как Англия, США, Германия, Голландия, Франция и некоторые другие, встали значительно раньше, добившись на этом направлении заметных экономических результатов.

Для России же этот путь открывал не благополучное будущее, а являлся дорогой к крушению. Острота исторической коллизии не исчерпывалась популярной в либеральных кругах проблемой несоответствия самодержавной власти новым «потребностям времени». Этим требованиям не отвечала и основная толща социальной среды, этически и психологически не способная воспринять ценности и фетиши индивидуальной частнособственнической цивилизации.

В противоречии между требованиями секулярной цивилизационной модернизации и возможностями русской православно-культурной исторической модели заключалась основная линия разлома, чем дальше, тем больше делавшая эту модель существования неустойчивой. Онтологически это являлось столкновением Цивилизации и Культуры, столкновением, не имевшим компромиссного решения. Если продолжить метафорические заключение философа Н. А. Бердяева, назвавшего цивилизацию «рабством у тлена», то русский культурно-исторический тип можно без всякой натяжки назвать «рабством у Духа». Торжество цивилизационных принципов неизбежно должно было не просто отринуть или видоизменить исторически культурную самобытность, а полностью заменить ее, что в конечном итоге и произошло.

Весь комплекс самодержавно-государственных представлений базировался на христианской идее Истины, на этой великой трансцендентальной Реальности, которая не могла обосновываться секулярными методами. Как Истина христианства предметно недоказуема, так обусловленная ею истина Самодержавия — лишь предмет веры и приятия, но не объект логически-лексических спекуляций.

Идея царской власти как идея священного служения содержала огромный духовный потенциал, реально и раскрывавшийся в многовековом успешном деле державоустроения. Крушение монархии явилось следствием не столько и не только общественно-политических, военных и экономических факторов. Эти проблемы на самом деле были серьезны и глубоки. Однако главная, органическая причина коренилась не здесь.

Февральская революция 1917 г. (а это была в полном смысле слова революция) явилась результатом глубочайшего духовного кризиса, стала следствием в первую очередь дехристианизации сознания. Как предупреждал еще раньше митрополит Московский Владимир: «Враги нашего отечества так много употребляют усилий к подрыву нашей веры и Церкви, конечно, выходя из того убеждения, что там, где падают алтари, — падают и престолы». Владыка оказался провидцем. Фактически «алтарь» в России начал падать значительно раньше «престола».

Конечно, говорить о том, что вся Россия отреклась от православия, было бы неверно. Но то, что большая часть общественных сегментов, которых принято называть «состоятельными» и «образованными», с православием как универсальным миросозерцанием рассталась, в том не приходится сомневаться. Со времени Петра I, с начального рубежа насильственной европеизации, православная вера постепенно лишается своего универсализма, теряет значение абсолютного нравственного критерия в делах общественных.

В соответствии с реформаторской традицией вера приобретает значение «вероования», превращается в частное дело отдельного лица. Попытки некоторых монархов (здесь особо примечательны фигуры Александра III и Николая II) личным благочестием возродить государственно-православный дух никакого заметного воздействия на общественное сознание не оказали. Не говоря уже об интеллигенции, большая часть которой с момента своего зарождения оказалась носительницей антиправославных на-

строений, даже для многих сановных персон, для «первых слуг государя» посещение церкви, как и в Западной Европе, являлось часто лишь ритуальным элементом воскресного времяпрепровождения.

Секуляризм как мироощущение выступал не просто оппонентом традиционного, «старовернего» православия, но был его антиподом, а следовательно, неизбежно, раньше или позже, но оказывался в столкновении с царекратическим принципом власти. Если православие выступало в качестве структурообразующей, центростремительной государственной силы, то обмирщенное сознание, восставая против церковного ранга, вольно или невольно, но одновременно бросало вызов и принципу власти, а следовательно, являлось по отношению к государству силой центробежной.

Сам факт утверждения капиталистического уклада в России, вся буржуазно-индустриальная модернизация вели к сокрушительной социальной метаморфозе. Она проявлялась в раскрестьянивании России, в маргинализации огромных масс населения, по мере укрепления капиталистически-индустриальной инфраструктуры все больше и больше терявших не просто свои исходные сословные признаки, но и признаки народного архетипа. Эта неизбежная так называемая демократизация затрагивала уже нижние этажи социальной пирамиды, показывая и с этой стороны, что время исторической России подходило к концу.

Если даже и не считать торжество коммунистов в 1917 г. и всю их политическую практику «цивилизационным прорывом», то все равно нельзя не признать сам факт их утверждения крупнейшей национально-культурной катастрофой в истории России, продемонстрировавшей теоретически и практически полную несостоятельность народнических и либеральных теорий. Историческая действительность показала, что реальной альтернативой самодержавной системе был лишь политический радикализм экстремального толка, являвшийся продуктом маргинализации социальной среды...

§ 2. Промышленная модернизация России. Золотая валюта

В последние годы XIX в. в России наблюдалось интенсивное хозяйственное развитие, и этот период позже получил название «русского экономического чуда». В ведущих секторах индустрии — металлургии, угле- и нефтедобыче, тяжелом машиностроении, химическом производстве — ежегодный прирост составлял 12% и более. Стоимость производства в металлообрабатывающей промышленности с 1887 по 1900 г. выросла с 114,4 млн до 357,8 млн рублей, в горнозаводской промышленности — с 185,8 до 671,6, в химической — с 54,8 до 131,2 и т. д. Общая стоимость произведенной продукции за указанный период поднялась с 1400,9 млн до 3086 млн рублей, или более чем на 200%, и основная доля прироста пришлась как раз на вторую половину 90-х гг. XIX в.

Удельный вес России в мировом промышленном производстве за этот период поднялся с 3,4 до 5%, и она уверенно заняла пятое место в промышленной иерархии стран, уступая значительно лишь США (30,1%), Англии (19,5%) и Германии (16,6%) и вплотную приблизившись к Франции. Если в 1893 г. в России действовало 522 торгово-промышленные компании с сум-

марным капиталом в 601 млн рублей, то в 1900 г. их количество поднялось почти до 1400, а размер абсорбированных средств достиг 1800 млн рублей.

Невиданными ранее темпами шло приращение железнодорожной сети. За семь лет, с 1893 по 1899 г., длина действующих железнодорожных линий в империи выросла с 27 818 до 39 787 верст, т. е. в год вступало в эксплуатацию в среднем более 1700 верст железных дорог. Свидетельством экономической активности являлись и изменения бюджетных показателей.

За 10 лет, с 1890 по 1900 г., сумма государственно бюджета выросла на 50%, превысив 1500 млн рублей. При этом прямые налоги составляли менее 10% поступлений, а основную часть приносили налоги косвенные: таможенные сборы (почти 40% поступлений), акцизы на продукты потребления и доходы от государственного хозяйства (в первую очередь от лесной и железнодорожной собственности).

В 1900 г. в обыкновенном бюджете статья доходов составляла 1704,1 млн рублей, в 1913 г. она уже равнялась 3417, 4 млн рублей. Соответственно изменились и показатели расходов: 1555,5 млн рублей в 1900 г. и 3094,2 млн рублей в 1913 г.

Несомненные успехи народного хозяйства обусловливались рядом факторов, среди которых можно выделить два взаимосвязанных: благоприятная мировая экономическая конъюнктура и введение в России злотого обеспечения национальной денежной единицы — рубля.

Это реформа неразрывно связана с именем одного из самых известных государственных деятелей последнего периода монархии С. Ю. Витте (1849—1915), занимавшего видное место в системе государственного управления. Глава Министерства путей сообщения (1892), министр финансов (1892—1903), председатель Комитета министров (1903—1906), первый глава Совета министров (1905—1906) — таковы основные служебные посты, на которых развивалась его деятельность. Этот известнейший сановник оказал заметное влияние на различные направления внешней, но особенно внутренней политики империи. Значение и масштабы его исторической роли сравнимы только с личностью другого выдающегося администратора-преобразователя периода заката монархии — Петра Аркадьевича Столыпина.

Родился Сергей Юльевич Витте 17 июня 1849 г. в Тифлисе в небогатой дворянской семье. Его отец, Юлий Федорович (потомок выходцев из Голландии), служил в канцелярии Кавказского наместничества. Мать, урожденная Е. А. Фадеева, находилась в родстве с известнейшим княжеским родом Долгоруких. Детские и юношеские годы С. Ю. Витте провел в доме своего дяди, известного военного писателя и адъютанта кавказского наместника князя А. И. Барятинского, генерала Р. А. Фадеева, близкого к славянофильским кругам.

Сдав экстерном экзамен за гимназический курс, С. Ю. Витте поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе. В 1869 г. начал службу в канцелярии Одесского генерал-губернатора, где занимался учетом железнодорожного движения, а через год был назначен начальником службы движения каменной Одесской железной до-

роги. Вскоре эта линия акционировалась, а затем стала частью одной из крупнейших российских железнодорожных компаний — Общества Юго-Восточных железных дорог, где молодой выпускник университета занял пост начальника эксплуатации.

Государственная карьера С. Ю. Витте началась в 1888 г. Именно тогда он стал лично известен Александру III, когда предупредил об опасности проводить тяжелые царские поезда с той скоростью, какая требовалась царской свитой, и этим вызвал неудовольствие влиятельных придворных. Этот эпизод мог бы так и остаться лишь курьезным случаем недопустимой строптивости, если бы не последовавшие затем события. 17 октября 1888 г. около местечка Борки под Харьковом императорский поезд потерпел страшное крушение, в результате которого погибло несколько десятков человек. Хотя сама царская семья отделалась лишь ушибами и испугом, но «инцидент с гнилой шпалой» напомнил Александру III о личности дальновидного железнодорожного служащего и его предостережениях.

Безвестность С. Ю. Витте, отсутствие знатного происхождения, чиновных заслуг и влиятельных связей в сановных сферах не стали помехами для взлета его служебной карьеры «по царскому благоволению». В начале 1889 г. Сергею Юльевичу был предложен важный пост директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Причем Александр III распорядился резко повысить ему оклад по должности, чтобы тот не испытывал «материальных неудобств» (ответственные служащие в ведущих акционерных компаниях получали значительно больше, чем в госаппарате).

В феврале 1892 г. Витте стал министром путей сообщения, а в августе того же года возглавил Министерство финансов. Это было огромное ведомство, в компетенцию которого входили все вопросы торговли, промышленности, кредита, налогообложения. В конце XIX в. оно включало 11 подразделений. Ему подчинялся Государственный банк, Дворянский земельный банк, Крестьянский поземельный банк, Монетный двор. Только в центральном аппарате министерства работало свыше тысячи чиновников. Министр финансов имел собственных официальных агентов в крупнейших странах мира. На этом влиятельном посту С. Ю. Витте оставался бессменно 11 лет, вплоть до августа 1903 г. С его именем связано осуществление ряда важных экономических преобразований.

При ближайшем участии С. Ю. Витте в империи были проведены крупные экономические преобразования, укрепившие государственные финансы и ускорившие промышленное развитие России. В их числе: введение казенной винной монополии (1894), строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, заключение таможенных договоров с Германией (1894 и 1904), развитие сети технических и профессиональных училищ. Узловым же пунктом витгевской экономической программы стало введение в середине 1890-х гг. в обращение золотого рубля. Это привело к стабилизации русской денежной единицы и стимулировало крупные инвестиции из-за границы в ведущие отрасли промышленности.

Рубль кредитный (бумажный) стал основой денежного обращения еще в середине XIX в. (до того имели широкое хождение золотые, серебряные

и медные деньги). Не имея собственной стоимости (металл всегда дороже бумаги), кредитный рубль был подвержен колебаниям цены. Он постепенно обесценивался. Люди хотели иметь металлические деньги, доверяя больше золоту и серебру, чем «красивым бумажкам с гербами».

В конце 80-х гг. XIX в. бумажный рубль в среднем стоил 64,3 копейки золотом. Государство пыталось изменить положение, издавало строгие распоряжения о «равной стоимости» денег, но ничего не менялось. Законы рынка ломали все предписания, а металлические деньги неизменно стоили дороже бумажных. Это вело к экономической неразберихе, тормозило экономическое развитие. Положение складывалось ненормальное.

Витте решил исправить положение и ввести свободный размер бумажных денег на золото по твердому курсу. К этому уже готовились предшественники Витте на посту министра финансов, ими многое было сделано, в первую очередь это касалось накоплений золотого запаса. Эту идею полностью поддерживал Николай II, что и позволило министру финансов осуществить преобразование.

Укрепление положения рубля переходом на универсальный золотой паритет отвечала главным образом задачам развития промышленности. Аграрному же сектору реформа не сулила никаких особых выгод и даже наоборот: стабилизация отечественной денежной единицы, повышение ее курсовой стоимости неизбежно вело к удорожанию экспорта, главными предметами которого традиционно служили продукты сельского хозяйства. Намечаемые преобразования непосредственно ущемляли экспортные выгоды землевладельцев. Именно их противодействие было одной из главнейших причин, затягивавших давно назревшую реформу. Влиятельные силы из кругов Государственного совета неоднократно пытались торпедировать законодательные предложения министра финансов. Реализация узловых пунктов виттевской программы, превращение идей в законы происходили прямыми царскими указами, что и гарантировало успех.

В 1896 г. Государственное казначейство приступило к изготовлению золотой монеты нового образца. Министерство финансов считало, что выпускать монеты пяти- и десятирублевого номинала (какие существовали раньше), при том, что они стоили на 50% дороже, неэффективно (за десятирублевую золотую монету давали 15 рублей бумажных). Было решено чеканить новую монету с надписью на империале «15 рублей» и на полуимпериале «7 рублей 50 копеек» (первые золотые империалы достоинством 10 рублей и полуимпериалы — 5 рублей появились в России еще в 1755 г.).

Закон обязывал обменивать бумажные деньги на золотые без ограничения по реально сложившемуся рыночному курсу: один новый кредитный рубль = 66 2/3 копейки золотом. Решающий этап реформы денежного обращения наступил в 1897 г., когда серией именных высочайших указов законодательно были закреплены важнейшие элементы новой финансовой системы.

3 января последовал указ о выпуске в обращение золотой империальной монеты в 15 рублей и полуимпериальной в 7 рублей 50 копеек, 29 августа — об установлении твердого основания для эмиссии кредитных билетов. Государственный банк обязывался выпускать денежные в соответствии

с потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом, не менее чем в половине суммы, пока общий размер эмиссии не достигнет 600 млн рублей. Сверх этой нормы кредитные билеты должны обеспечиваться в пропорции рубль за рубль (один империал равен 15 рублям кредитным).

Затем последовало распоряжение (14 ноября) о чеканке и выпуске в обращение пятирублевой золотой монеты, равной 1/3 империала. В этот же день появился и еще один указ, касавшийся надписи на кредитных билетах: на них указывалось обязательство государства в лице Государственного банка непременно разменивать кредитные билеты на золото. Было установлено и соответствие новой монеты главной денежной единице: 1 рубль = 1/15 империала.

Полноценная золотая монета была обязательна к приему во всех платежах на неограниченную сумму. Серебряная и медная монеты изготовлялись только из металла казны и являлись вспомогательными в обращении, обязательными к приему в платежах до 25 рублей. Серебряная монета в 1 рубль 50 копеек содержала в себе 900 частей чистого серебра и 100 частей меди, а серебряная монета в 20, 15, 10 и 5 копеек — 50% меди.

Золото довольно быстро утверждалось в качестве главного платежного средства, что способствовало прекращению курсового колебания рубля. В конце 1898 г. Витте констатировал, что «денежное обращение России приведено в порядок и поставлено столь же твердо, как в тех государствах, где эта отрасль народного хозяйства издавна находится в образцовом состоянии». По его расчетам, к началу 1899 г. уже 33% обращения приходилось на золотую и 10% — на серебряную монеты, в то время как к началу 1896 г. в обороте находилось свыше 98% бумажных денег и менее 2% металлических.

К началу XX в. денежное обращение выглядело следующим образом. Монетною единицей служил 1 рубль, разделенный на 100 копеек. Главной монетой являлась золотая, выпуск которой был не ограничен, и владелец золотого слитка мог свободно представить его для чеканки монеты. Она изготавливалась обязательно 900-й пробы, а достоинство определялось в 15 рублей (империал), в 10 рублей, в 7 рублей 50 копеек и в 5 рублей.

Вспомогательной монетой в платежах служили серебряная и медная монеты; первая изготавливалась двоякой пробы: 900-й достоинством в рубль, 50 и 25 копеек и 500-й в 20, 15, 10 и 5 копеек. Медная же монета чеканилась достоинством 5, 3, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки. Чеканка серебряной монеты за счет частных лиц не допускалась, и выпуск ее был ограничен определенным пределом: количество в обращении не должно было превышать суммы в 3 рубля на каждого жителя империи.

Бумажные банкноты выпускались Государственным банком в размере, ограниченном потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом. Государственный банк разменивал кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы. Размен билетов как государственных денежных знаков обеспечивался независимо от металлического покрытия выпусков всем достоянием государства, а кредитные билеты обращались на тех же основаниях, как и золотая монета, символом которой

они служили. Достоинства кредитных билетов установлены были в 500, 100, 25, 10 рублей, а также в 5, 3 и 1 рубль. На 1 января 1900 г. металлическое обеспечение составляло 189% суммы кредитных билетов, а на золотую монету уже приходилось 46,2% всего денежного обращения.

Введение золотой валюты укрепило государственные финансы и стимулировало экономическое развитие. Так, из 1292 русских акционерных компаний действовавших в 1903 г., 794 были учреждены в 1892—1902 гг., а из 241 иностранной компании 205 появились в России в указанное десятилетие. За время министерства Витте (1892–1903) в русскую экономику было инвестировано из-за границы более миллиарда рублей, что в современных ценах составляет несколько десятков миллиардов долларов. В конце XIX в. по темпам роста промышленного производства Россия обгоняла все европейские страны.

В частновладельческом секторе наблюдалась бурная деловая активность, подтверждавшая правильность проводимого экономического курса. Однако на рубеже веков ситуация резко ухудшилась. Изменение мировой экономической конъюнктуры привело сначала к спаду, а с начала 1900 г. к кризису в ведущих отраслях производства: металлургии, тяжелом машиностроении, добыче минерального сырья. Иностранные фирмы одна за другой терпели банкротства. В российских деловых кругах царили уныние и растерянность, усугублявшиеся громкими крахами нескольких ведущих отечественных промышленных и финансовых групп.

Но данная ситуация ничего изменить не смогла. Золотая валюта стала фактом, позволившим России избежать финансового крушения в годы Русско-японской войны и последовавших затем продолжительных социальных волнений.

Золотое обеспечение и в дальнейшем оставалось гарантией национальной денежной единицы. Рубль превратился в одно из самых надежных мировых платежных средств, уступая по объему золотого обеспечения лишь английскому фунту стерлингов. После установления золотого паритета прекратились курсовые колебания рубля, наблюдавшиеся большую часть XIX в., и установились твердые котировки обменных курсов.

В 1913 г. эти соотношения выглядели следующим образом. Доллар США = 1,94 рубля, германская марка = 0,46, французский франк = 0,37, английский фунт = 9,46. Свободный размен кредитных билетов на золото был прекращен лишь с началом мировой войны.

§ 3. Социально-имущественная дифференциация. Богатые и бедные

В начале XX в. в России началось статистическое обследование имущественного положения россиян. Еще в конце XIX в. в правительственных кругах заговорили о необходимости ввести в России подоходный налог. Существовавшая система налогообложения носила многоступенчатый и архаичный характер. Прямые налоги взимались по видам собственности и роду занятий.

Главными среди государственных налогов были: поземельный, с недвижимого имущества (со строений и домовладений), денежных капиталов (оборот ценных бумаг), квартирный (распространялся на владельцев бла-

гоустроенных квартир и отдельных домов) и промысловый (за право заниматься тем или иным видом предпринимательства). Они взимались не с доходов отдельных лиц, а с формы собственности и носили в большинстве своем окладный (одноразовая годовая выплата) характер, мало касаясь уровня доходности.

Рост государственных расходов требовал перейти на более эластичную и справедливую форму подоходного налогообложения, которая к концу XIX в. была введена в ряде стран, дав прекрасные финансовые результаты. Этот налог брался не с собственности (земли, строений, квартир, ценных бумаг), а с величины годового дохода. Но прежде чем устанавливать подобную систему, требовалось выяснить контингент возможных плательщиков, чтобы иметь представление о финансовой результативности нововведения. Так как подоходный налог, как и в других государствах, планировалось брать лишь с лиц, имеющих определенный уровень обеспечения, то именно состоятельные группы населения и стали объектом учета налоговой инспекции.

Исходным рубежом была принята сумма в 1000 рублей, что в условиях России было немало. В 1904 г. государственными чиновниками по всей России была проведена огромная работа по выявлению и систематизации данных о доходах как физических, так и юридических лиц, получивших в год не менее тысячи рублей совокупного чистого дохода (за вычетом всех текущих затрат и производственных издержек). В 1909 г. данное обследование было повторено по более усовершенствованной методике.

Анализ собранных данных показал, что к 1910 г. в России около 1,5 млн человек относилось к группе хорошо обеспеченных. Сюда входили собственники обширных земельных владений, крупные коммерсанты и промышленники, хозяева ведущих деловых корпораций, биржевики, верхи интеллигенции, чиновничества и офицерского корпуса.

Остальные являлись или малообеспеченными или откровенно неимущими. Темп пополнения состава имущих составлял около 5% в год, в то время как количество неимущих пополнялось медленнее: около 2% в год. Из этого следовало, что интенсивное хозяйственное развитие в перспективе могло привести к качественному изменению соотношения имущих и неимущих в России. В указанный момент в империи в общей сложности насчитывалось несколько десятков тысяч человек, получавших колоссальные средства: совокупный годовой доход этой имущественной верхушки общества превышал миллиард рублей. Подобные данные свидетельствовали о колоссальной поляризации населения России по имущественному признаку.

§ 4. Наемные труженики, рабочее законодательство, забастовки

Для истории России второй половины XIX — начала XX в. важным и новым фактором общественной жизни стало рабочее движение. Развитие промышленности неизбежно вело к увеличению людей, занятых на фабриках, заводах, шахтах, на транспорте. Среди этих тружеников существовало

две основные группы: те, кто в той или роли занят был делами управления и обслуживания производства (техники, бухгалтера, счетоводы и т. д.), и те, кто непосредственно работал на станках, машинах, в шахтах, кто строил железные дороги, дома, корпуса промышленных предприятий. Эта вторая группа трудившихся по найму была наиболее многочисленной и составляла подавляющую часть тех, кто относился к рабочему классу.

Ко времени воцарения Николая II, к концу 1894 г., в России насчитывалось около 1,5 млн рабочих, составлявших чуть более 1,2% населения. Через 20 лет число рабочих на фабриках и заводах превысило 4 млн человек. Это были так называемые профессиональные рабочие — люди, занятые исключительно трудом по найму и добывавшие себе средства к жизни таким путем.

Однако существовала несравненно более многочисленная категория населения, которых называли сезонниками. Это были люди, работавшие на селе и одновременно с ведением личного хозяйства нанимавшиеся на короткий срок подрабатывать в других хозяйствах или промышленных заведениях (сбор фруктов, свеклы, картофеля, табака, строительство железных дорог и т. д.). Наиболее значительную часть сезонников составляли крестьяне, уходившие с осени в города, где и трудились, как правило, на низкооплачиваемой работе вплоть до наступления весенней посевной. Их называли отходниками.

Низкая техническая оснащенность многих фабрик и заводов, аграрное перенаселение центральных районов, делавшее рабочую силу чрезвычайно дешевой, не стимулировали предпринимателей укорачивать рабочий день и повышать заработную плату. Работа по найму на промышленных предприятиях оплачивалась капиталистами скудно. По данным на 1901 г., в Петербургской губернии заработная плата рабочих-машиностроителей (наиболее высокооплачиваемая категория) колебалась в пределах 15—75 рублей в месяц, в хлопчатобумажном производстве — от 12 до 50 рублей. В Московской губернии эти показатели были иные. В машиностроении — от 6 до 75 рублей, в хлопчатобумажном производстве — от 6 до 30 рублей. В остальных отраслях и прочих районах этот уровень нигде не превышал столичный.

Хотя среднегодовая заплата промышленного рабочего повышалась, но все равно оставалась значительно ниже, чем в ведущих западных странах. На отдельных предприятиях уже к концу XIX в. существовала развитая система медицинского и социального обеспечения, но в целом в России жизненный уровень рабочих уступал западноевропейскому.

Однако при сопоставлении абсолютных величин заработной платы необходимо обязательно учитывать и такие факторы, как стоимость продовольствия и жилья, а они в России были существенно ниже, чем в большинстве других стран.

В 1785 г. Екатерина II утвердила закон, устанавливавший шестидневную рабочую неделю и запрещавший на казенных (государственных) предприятиях ночной труд женщин и детей.

В 1882 г. в России было запрещено использовать на производстве труд детей до 12 лет, а для детей от 12 до 15 лет устанавливался 8-часовой рабочий день. В 1885 г. была запрещена работа в ночное время подросткам до 17 лет и женщинам. Работа по воскресеньям и в дни государственных праздников категорически не допускалась.

В 1903 г. был введен закон, обязывавший хозяев предприятий оплачивать каждый несчастный случай на производстве, даже если его виновником был сам рабочий. Эта оплата составляла 2/3 зарплаты в случае потери трудоспособности и 1/3 зарплаты во всех иных случаях. Если рабочий погибал, то предприниматель обязан был платить его вдове и детям пенсию.

В 1906 г. государство разрешило свободную организацию и деятельность профессиональных союзов рабочих и служащих (профсоюзов).

В 1912 г. появился закон о страховании рабочих, в соответствии с которым рабочий мог получать бесплатную медицинскую помощь (при болезни ему полностью оплачивалось 27 дней в году), а в случае увечья — денежные выплаты в размере от 1/4 до 2/3 заработка. В случае смерти рабочего его деньги получали вдова и дети. После принятия этого закона президент США Уильям Тафт заявил на приеме делегации из России: «Ваш Император создал такое совершенное рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может».

К началу 80-х гг. XIX в. продолжительность рабочего дня на различных промышленных предприятиях и в различных районах империи составляла 11 – 12 часов в день, в середине 1890-х гг. снизилась до 10 – 11 часов, а к 1913 г. — до 9—10 часов (на некоторых предприятиях к этому времени существовал и 8-часовой график работ). Продолжительность рабочего дня в промышленно развитых странах в начале XX в. была примерно на один час меньше. Для врагов России это являлось одним из поводов обвинять царское правительство «в антинародной политике». Однако «профессиональные разоблачители» при этом умалчивают другой факт: годовая продолжительность рабочего времени в России была существенно меньше, чем в странах «капиталистического прогресса».

Так, в 1897 г. рабочий был занят на производстве в России не более 2592 часов в год (в отдельных отраслях этот показатель был еще ниже), в то время как в Соединенных Штатах Америки продолжительность рабочего времени составляла 2700 часов в год. Это объяснялось просто: в России (не считая воскресных дней) существовало 17 государственных праздников (церковных и светских), когда предприятиям запрещалось работать (продолжительность каждого праздника была различной: от одного до нескольких дней). Такого числа нерабочих дней не имела ни одна другая страна.

Рабочий, поступив работать на фабрику или завод, получал место в бараке или казарме, семейные же, как правило, обеспечивались отдельной комнаткой. Эти условия особо оговаривались в законе.

В начале XX в. заработок рабочего колебался в различных районах империи и различных отраслях производства от 17 (чернорабочие) до 70 (квалифицированные рабочие) рублей в месяц. Накануне Первой мировой войны, в 1914 г., пределы среднего заработка повысились: минимальный

составлял 22, а максимальный — 80 рублей в месяц. Сведения о заработной плате некоторых категорий рабочих Москвы и Петербурга можно получить из нижеследующих данных.

Дневной заработок рабочих в 1913 г. (в копейках)		
Профессия	*Петербург*	*Москва*
Каменщик	197	178
Кузнец	226	144
Плотник	187	175
Слесарь	263	221
Токарь	250	210
Чернорабочий	124	110

Указанные цифры получают смысловое содержание лишь при сопоставлении с данными о стоимости важнейших продуктов питания.

Стоимость продуктов в 1913 г. (в копейках)		
Говядина (1 кг)	58,5	57
Свинина (1 кг)	51	46
Хлеб ржаной черный (1 кг)	9	7,8
Хлеб пшеничный (1 кг)	12	14
Масло сливочное (1 кг)	95,3	90
Молоко (1 литр)	8	8
Яйцо (десяток)	30	32
Сахар (1 кг)	34	33
Куры (1 шт.)	90	80
Картофель (1 кг)	5	4
Водка (1 л)	17	17

Из приведенных показателей видно, что даже низкооплачиваемые рабочие могли позволить покупать себе продукты в необходимом количестве. Причем здесь приведены данные по двум центральным городам, где продукты были самыми дорогими. В остальных местах цены были значительно ниже.

Государственная власть принимала немало законодательных актов, регламентирующих права и обязанности работодателей и наемных тружеников. Еще в 1741 г. был принят первый закон, регулировавший порядок работы в промышленных заведениях (часы работы, оплату труда, квартирное обеспечение, право женщин на вознаграждение наравне с мужчинами). В Западной Европе подобный закон появился полвека спустя.

Предприниматели, стремившиеся в первую очередь получить максимальную прибыль, всячески старались уменьшить издержки (расходы) производства. Способов для этого было несколько (внедрение передовой техники, повышавшей выпуск продукции, переход к энергосберегающим технологиям, обеспечение производства более дешевым сырьем, установление надежных связей с потребителями и т. д.).

Однако одним из главных путей снижения затрат было уменьшение расходов на рабочую силу. Тут или надо было закупать экономичную технику, таким способом сокращая число занятых на производстве, или уменьшать расценки (зарплату). Нередко предприниматели прибегали именно к последнему способу. Хотя закон запрещал сокращать зарплату, но капиталисты находили обходные пути. Вводили, например, систему штрафов, которые налагались на рабочего за малейший проступок, заставляли покупать продукты в фабричной лавке, где цены часто были значительно выше, чем на рынках или в других лавках, оплачивали сверхурочную работу по обычным расценкам.

Государственная власть стремилась пресечь произвол предпринимателей. С этой целью в 1882 г. была учреждена Фабричная инспекция, обязанная наблюдать за исполнением на промышленных предприятиях рабочего законодательства. Нарушителям грозили штрафы. Эта государственная служба формировалась постепенно, а ее сотрудники («инспектора») не везде и не всегда могли уследить за всеми нарушениями, допускаемыми хозяевами.

На фабриках и заводах начали происходить волнения. Вскоре после отмены крепостного права на некоторых текстильных предприятиях состоялись забастовки. Рабочие выдвигали хозяевам требования улучшить свое положение: повысить расценки, отменить штрафы, выплатить пособия пострадавшим на производстве.

Подобные требования назывались «экономическими», и именно их рабочие в большинстве случае и выдвигали. Крупнейшей забастовкой XIX в. стала Морозовская стачка, в которой участвовало около 8 тыс. человек. Она произошла на ведущем предприятии хлопчатобумажной отрасли — «Товариществе Никольской мануфактуры Саввы Морозова, сын и К». Фабрики товарищества располагались в местечке Никольском во Владимирской губернии около села Орехова (ныне — город Орехово-Зуево).

События начались 7 января 1885 г. Хозяин заставил работать в праздник — Собор Иоанна Крестителя, что стало причиной взрыва недовольства против положения дел на фабриках. Там давно применялась система жестких штрафов, а администрация несколько раз произвольно снижала расценки. Все это вызывало глухое брожение, наконец переросшее в открытое выступление. Рабочие выдвинули требования: отменить штрафы, повысить расценки. Однако очень быстро движение стало перерастать в погром фабричных корпусов, здания управления, домов и квартир администрации.

Владелец фирмы Т. С. Морозов сразу же обратился за помощью к губернатору, посылая панические телеграммы «Рабочие бунтуют, бьют стекла, разбили в школе, конторе директора, разбита харчевая лавка... На фабрике положительно бунт, толпы рабочих ничем и никем не сдерживаются, представляют опасность для жизни живущих». Хозяин требовал присылки войск. Войска были присланы, но рабочие беспорядки были окончательно прекращены лишь через 10 дней после начала.

Через год активные участники Морозовской стачки предстали перед судом. Им было предъявлено обвинение по 101 пункту. Процесс превра-

тился в крупную общественную акцию, за ним наблюдали во многих местах России. Речи участников, защитников и обвинителей воспроизводились и комментировались многими газетами. Произвол хозяев и правовое бесправие рабочих вскрылись в полной мере.

Процесс закончился совершенно неожиданно для хозяев и обвинения: коллегия присяжных оправдала обвиняемых по всем пунктам. После оглашения приговора известный публицист и писатель М. Н. Катков на страницах «Московских ведомостей» писал о «101 салютационном выстреле в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса». Видный консервативный деятель оказался прав. Рабочий вопрос начинал входить в разряд наиболее острых социальных вопросов.

§ 5. Русско-японская война 1904—1905 гг.

Россия имела обширные владения на Дальнем Востоке. Эти территории были чрезвычайно удалены от центра страны и слабо задействованы в общегосударственном хозяйственном обороте. Изменить ситуацию должна была Транссибирская железнодорожная магистраль, строительство которой началось в 1891 г. Ее намечалось проложить по южным районам Сибири с выходом к Тихому океану во Владивостоке. Общая длина от Челябинска на Урале до конечного пункта составляла около 8 тыс. километров.

С конца XIX в. район Дальнего Востока относился к разряду беспокойных. В 1894 г. Япония начала войну против Китая за овладение Кореей, являвшейся вассальным Китаю государством. Война сразу же выявила военное и стратегическое превосходство агрессора, и в апреле 1895 г. китайское правительство подписало унизительный Симоносекский договор, предусматривавший отторжение от Китая Тайваня (Формозы), некоторых других островов и Ляодунского полуострова.

Выполнение этих условий резко бы усилило мощь Японии, что не отвечало интересам европейских государств. Россия, Германия и Франция добились изменения кабальных условий, в результате чего Японии пришлось отказаться от Ляодунского полуострова, затем переданного Китаем в аренду России. Россия также получила в аренду сроком на 25 лет и незамерзающую морскую базу на южной оконечности Ляодунского полуострова — Порт-Артур. Сибирская железная дорога сделалась инструментом дальневосточной экспансии России.

В 1896 г. русскому правительству удалось добиться от Китая концессии на прокладку восточного участка дороги по территории Манчжурии. Этим путем достигались две цели. Во-первых, на 500 километров укорачивалась дорога до Владивостока, заметно сокращались строительные затраты, а во-вторых, железная магистраль открывала реальные возможности для утверждения военно-стратегического влияния в Северном Китае. (Регулярное железнодорожное движение до Владивостока открылось в августе 1903 г.)

Однако отсутствие Кругобайкальского рельсового пути и переправа составов на паромах через Байкал создавали постоянные пробки в пути. Министр финансов С. Ю. Витте, отвечавший за весь железнодорожный

проект, в особой секретной записке, составленной в 1896 г., писал: «С политической и стратегической сторон дорога эта будет иметь то значение, что она предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Владивостоку и сосредоточивать их в Манчжурии, на берегах Желтого моря и в близком расстоянии от столицы Китая. Одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке и будет способствовать более тесному сближению подвластных Китаю народностей с Россией».

Россия стремилась утвердить свое военно-стратегическое преобладание в Северном Китае и Корее и не допустить подчинения Кореи и Маньчжурии Японии, все явственней демонстрировавшей свои имперские претензии. В Токио не скрывали своих стремлений установить полное господство над Кореей и свести до символического минимума русское военное и экономическое присутствие в Северном Китае.

В отношениях с Японией Россия готова была идти на уступки: не чинить Японии препятствий в экономической деятельности в Маньчжурии, вывести оттуда свои войска и признать приоритет японских интересов в Корее.

В Токио же хотели не частичных уступок, а полного подчинения себе всего региона. Непримиримость Японии поддерживали Великобритания и США, открыто и тайно поощрявшие экспансионистские притязания Японии, видя в них противодействие росту влияния России. В 1902 г. Англия и Япония заключили союзный договор о нейтралитете в случае войны одной из сторон с третьей державой. Лондон признавал несомненные японские стратегические и экономические приоритеты в Корее и Маньчжурии.

В 1902 и 1903 гг. происходили интенсивные переговоры между Петербургом, Токио, Лондоном, Берлином и Парижем, которые ни к чему не привели. Япония, имея поддержку великих держав (явную Англии и США, тайную со стороны Германии), добивалась признания своего господства в Корее и требовала от России ухода из Маньчжурии. Подобная постановка вопроса являлась совершенно неприемлемой для Петербурга.

В Японии же националистические и милитаристские настроения проявлялись все явственней. Прекрасно осведомленный о положении дел русский военный агент в Токио А. И. Русин еще в августе 1903 г. сообщал в Петербург: «Враждебная против России агитация, производившаяся почти без перерыва в течение последних лет японскими политическими деятелями и прессой, вместе со льстивыми заискиваниями Англии, Америки и даже Германии не могли не создать в конце концов серьезного препятствия к прочному соглашению между Россией и Японией. Тем более, что даже грандиозные уступки в нашей стороны, скажу для примера, создающие отношения Кореи и Японии в роде вассальных и предоставляющие японцам многие права на Маньчжурию, не обеспечат надолго мира на Дальнем Востоке, так как и эти условия вскоре покажутся японцам недостаточными и Япония начнет домогаться новых уступок».

Царское правительство не стремилось доводить дело до военного столкновения и проявляло готовность к уступкам. На совещании высших сановников империи 15 декабря 1903 г. под председательством царя было решено предложить Японии, в случае ее согласия на неиспользование Кореи в стратегических целях, не чинить ей препятствий в Маньчжурии.

В ответ на это Токио 31 декабря выдвинул ультиматум, требуя фактически полной капитуляции России. Даже после этого Россия все еще готова была вести диалог. 15 января 1904 г. прошло новое совещание, на котором был предложен еще ряд уступок.

Единственной вопрос, в котором Россия заняла твердую позицию, касался Кореи. В Петербурге однозначно выступали против использования территории этого государства в стратегических целях. В этот период Россия оказалась единственным гарантом суверенитета Кореи, в то время как некоторые другие державы (Великобритания и США) однозначно признавали «прерогативы Японии в Корее». Неудача России в противостоянии с Японией в конечном итоге означала полную потерю независимости корейским государством.

Японские правящие круги несколько лет деятельно готовились к войне. Россия, в свою очередь, принимала некоторые ответные действия, но ее военно-морская программа была рассчитана еще на годы, в то время как японские морские силы получили серию современных новейших кораблей.

Япония выставила против России армию почти в полтора миллиона человек! Многолетний профессор академии Генерального штаба (!), в начале 1904 г. исполнявший обязанности начальника канцелярии военного министра, А. Ф. Редигер, ставший в 1905 г. военным министром, позже признался, что к моменту начала военных действий он «не имел представления о Японии и японской армии и считал, что предстоящая война будет лишь крупной экспедицией, трудной только по отдаленности театра военных действий».

Русский Генеральный штаб даже не разработал план возможной военной кампании, уверенный, что «японцы не посмеют». Когда разгорелись сражения, то русскому командованию приходилось лишь импровизировать, и эта импровизация порой носила дилетантский характер.

В ночь на 27 января (8 февраля) 1904 г. 10 японских эсминцев внезапно атаковали русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура и вывели из строя два броненосца и один крейсер. На следующий день шесть японских крейсеров и восемь миноносцев напали на крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец» в корейском порту Чемульпо. Лишь 28 января Япония объявила войну России.

Вероломство Японии вызвало бурю возмущения в России. Однако в ряде западных стран не скрывали ликования. «Мастерский удар» японской эскадры восхвалялся англо-американской прессой. «Сказка о японском предательстве, несомненно, пущена в оборот Россией для домашнего потребления, и она не обманет никого даже в странах, благоприятно относящихся к России» (лондонская «Таймс» от 19 февраля).

Влиятельная американская «Нью-Йорк таймс», в свою очередь, изрекала: «Едва ли возможно считать достойным поведение правителя великой нации, который жалуется на поражение только из-за того, что он не был достаточно подготовлен к войне... Если Россия была захвачена врасплох, то это ее собственная вина» (11 февраля). Через два дня та же газета заявила, что «практика официального объявления войны вышла из употребления».

Верхом же цинизма и лицемерия стали строки из редакционной статьи лондонской «Таймс» от 20 февраля 1904 г.: «В этой войне Англия сочувствует Японии не только потому, что она официально наша союзница. Это сочувствие усиливается и оправдывается потому, что в этой войне Япония сражается за дело всех цивилизованных народов».

Во Франции и Германии подобных откровенных панегириков агрессору не сочиняли, но и там публиковалось немало недоброжелательных по отношению к России статей. Запад боялся усиления России, и очень многие жаждали ее поражения. Находились такие люди и в самой России, в первую очередь среди разномастных противников монархии.

России была навязана война, которой она не хотела, но которая явилась логическим следствием имперской политики. Она продолжалась полтора года и была неудачной для страны. Причины общих неудач и отдельных конкретных военных поражений вызывались различными факторами, но к числу главных относились: незавершенность военно-стратегической подготовки вооруженных сил, значительная удаленность театра военных действий от главных центров армии и управления и чрезвычайная ограниченность сети коммуникационных связей.

К началу войны Россия имела на театре военных действия около 100 тыс. человек, разбросанных на огромных пространствах от Порт-Артура до Владивостока. В распоряжении армии имелось лишь 148 орудий, а флот в Порт-Артуре насчитывал 55 кораблей, включавший по большей части небольшие и технически устаревшие суда. Отправляясь на театр военных действий, главнокомандующий А. П. Куропаткин сделал убийственное заявление том, что «наша армия совсем не готова к войне». Это говорил человек, который до того шесть лет возглавлял военное министерство!

На первом же этапе Япония выставила против русских сил армию почти в полмиллиона человек и 1140 орудий. Вскоре ее армия уже превышала 1,5 млн человек. Японское командование разработало план, в соответствии с которым надлежало нанести серию молниеносных ударов по русским гарнизонам в Манчжурии, полностью сокрушить их и закончить кампанию полным разгромом армии царя в течение нескольких недель.

Несмотря на многократное превышение сил, план молниеносной войны провалился. Русские сражались с обескураживавшей японцев стойкостью. Только оборона полностью блокированного Порт-Артура длилась восемь месяцев. Однако одного героизма оказалось уже мало. Определяющую роль играли техническая оснащенность и качество вооружения. А здесь у японцев в первый год войны наблюдалось явное преимущество. В то время как русским приходилось доставлять пополнение, вооружение, амуницию и провиант в Маньчжурию за многие тысячи километров по од-

ноколейному Транссибирскому пути, японцы получали все это со своих баз, расположенных значительно ближе. В результате русская армия потерпела серию неудач.

Основные военные события разворачивались в Маньчжурии, где имело место несколько кровопролитных сражений. В августе 1904 г. произошла битва при Ляояне, где русская армия потеряла 17 тыс., а японская 24 тыс. человек. Через месяц произошло сражение при Шахэ, где русские потеряли 42 тыс., а японцы около 30 тыс. Самим же жестоким оказалось сражение при Мукдене в феврале—марте 1905 г., продолжавшееся почти три недели. Русские потеряли убитыми и ранеными около 80 тыс., а японцы более 70 тыс. человек. После Седана и до Первой мировой войны это было крупнейшее сухопутное сражение. Хотя в результате боя русская армия отступила, но японская армия, насчитывавшая к началу сражения почти 300 тыс. человек, была обескровлена и не двинулась с места.

Из сражений на море особо неудачным для России стало столкновение в Корейском проливе около острова Цусима в мае 1905 г., когда японский флот нанес поражение русскому флоту под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского. Это было первое серьезное поражение русского военного морского флота за всю его историю. Цусимское сражение явилось последней крупной боевой операцией Русско-японской войны. Затем на полях сражения наступило затишье.

Япония хоть и одержала серию побед, но ее ресурсы были исчерпаны, страна истощена, хотя Англия и США оказывали японскому правительству щедрую помощь (за время войны Япония получила более 400 млн долларов кредитов, что являлось огромной по тем временам суммой). Потерпев неудачи на полях сражений, Россия отнюдь не была разгромлена.

К весне 1905 г. на Восток были переброшены большие военные силы (общая численность их превысила миллион человек), большое количество орудий, другой техники. В военном отношении Россия вполне могла продолжить войну и добиться реванша за предыдущие неудачи.

На международной арене Россия оказалась фактически в изоляции. Прояпонская позиция Великобритании не вызвала удивления, причем в конце 1904 г. дело чуть не дошло до объявления Лондоном войны России. Причиной послужил печальный случай. 15 октября эскадра Балтийского флот под командованием адмирала З. П. Рожественского вышла из Либавы и должна была, обогнув Африку, пересечь Индийский океан и вступить в борьбу с японскими силами на море. У берегов союзной Японии Англии на судах эскадры царило тревожное ожидание, так как поступили сведения, что русскую эскадру поджидают закамуфлированные японские миноносцы.

22 октября недалеко от английского побережья, у Доггербанка, произошло трагическое недоразумение: русские обстреляли английскую рыбачью флотилию. Несколько английских рыбаков погибло, и инцидент вызвал бурю негодования в Англии. Только благодаря вмешательству французского министра иностранных дел Делькассе Англия не объявила войну, а Россия согласилась передать дело на рассмотрение Гаагского международного трибунала. Это был единственный раз за время войны, когда

Франция проявила свою поддержку восточному союзнику. Париж не желал рисковать своими отношениями с Англией в интересах России.

Германская дипломатия сразу же оценила выгоды, которые открывает трудное положение России. Германия стала снабжать русскую эскадру углем, в то время как французские власти от этого уклонились, опасаясь, что это станет нарушением одного из пунктов англо-японского договора, согласно которому Англия объявляет войну той стране, которая нарушит нейтралитет в пользу России. Кайзер в это период необычайно активно использовал свою личную переписку с русским царем, все время подталкивая того к «решительным мерам на Востоке».

Неудачность войны со всей определенностью проявилась уже к концу 1904 г., а после падения 20 декабря 1904 г. крепости Порт-Артур мало кто в России верил в благоприятный исход кампании. Первоначальный патриотический подъем сменился унынием и раздражением. Эта ситуация способствовала усилению антиправительственной агитации и критических настроений. Оппозиционный тон стал характерен для большинства русской легальной печати, что же касается немалого числа нелегальных изданий, то там вообще не стеснялись в выражениях и беспощадно клеймили правящие круги.

Император же довольно долго не соглашался признать дальневосточный провал, считая, что это лишь временные неудачи и что России надлежит мобилизовать свои усилия для удара по Японии и восстановления престижа армии и страны. Он, несомненно, хотел мира, но только лишь «почетного мира», который могла обеспечить лишь сильная геополитическая позиция, в результате военных неудач сильно поколебленная. К концу весны 1905 г. стало очевидным, что возможность изменения военной ситуации существует лишь в отдаленном будущем. Возникала необходимость приступить к мирному разрешению бесперспективного конфликта. К этому вынуждали не только соображения военно-стратегического характера, но в еще большей степени осложнения внутренней ситуации в России.

В мае 1905 г. Николай II принял посредничество президента США Т. Рузвельта по заключению мира. Министр иностранных дел граф В. М. Ламздорф начал формировать группу российских представителей, в которую должны были войти известные дипломаты и политики во главе с председателем Комитета министров С. Ю. Витте. В начале июля делегация отбыла в США, в город Портсмут, где и начались переговоры. Ситуация для российской стороны осложнялась не только военно-стратегическими поражениями на Дальнем Востоке, но и отсутствием предварительно выработанных условий возможного соглашения с Японией.

Глава делегации лишь получил два указания от царя: ни в коем случае не соглашаться ни на какие формы выплаты контрибуции, которую никогда в истории Россия не платила, и не уступать «ни пяди русской земли» (к тому времени японцы уже оккупировали южную часть острова Сахалин). Собираясь в Америку, Витте был уверен, что Россия обречена на потерю Сахалина и на выплату контрибуции. Но царское наставление заста-

вило его проявить на переговорах упорство по двум самым спорным вопросам.

Япония заняла первоначально в Портсмуте жесткую позицию, потребовав в ультимативной форме от России полного ухода из Кореи и Маньчжурии, передачи Русского Дальневосточного флота, выплаты контрибуции и согласия на аннексию Сахалина. Переговоры были сложными и несколько раз оказывались на грани срыва. Русской делегации удалось в итоге добиться почти невозможного: удачного завершения трудных переговоров с благоприятным результатом.

23 августа 1905 г. стороны заключили соглашение. В соответствии с ним Россия уступала Японии арендные права на территории в Южной Маньчжурии, половину Сахалина, признавала Корею сферой японских интересов. Стороны обязались вывести войска из Маньчжурии, использовать железнодорожные линии исключительно в коммерческих интересах и не препятствовать свободе мореплавания и торговли.

Портсмутские договоренности стали несомненным успехом России и ее дипломатии. Они во многом походили на соглашение равноправных партнеров, а не на договор, заключенный после неудачной войны. Однако в России тогда не знали, что, несмотря на военные успехи, экономическое и финансовое положение Страны восходящего солнца было почти катастрофическим.

Япония вести дальнейшую войну фактически уже не могла. В 1910 г. специальная комиссия военных специалистов составила историю Русско-японской войны и представила свой труд Николаю II. Ознакомившись с ним, император сказал одному из составителей, генералу П. Симанскому: «Сегодня я получил еще новое доказательство того, что сделал ошибку, заключив мир с Японией». Это доказательство царь почерпнул из воспоминаний бывшего японского посла в Лондоне барона Гайяши, тогда только что опубликованные.

Там говорилось, что Япония к лету 1905 г. больше воевать уже не могла. Несмотря на получение огромных англо-американских кредитов, экономика Японии не выдерживала военного бремени. Возникала реальная перспектива скорого коренного перелома в ходе боевых действий не в пользу Японии. О таком положении вещей хорошо были осведомлены в Вашингтоне, что стало важнейшим побудительным мотивом миролюбивого посредничества президента США. Как вполне обоснованно позднее заметил А. Ф. Керенский, «если бы Витте знал тогда положение Японии так же, как Теодор Рузвельт, то исход переговоров в Портсмуте был бы другой. Создалось бы другое соотношение сил на Дальнем Востоке. И в 1941 г. другое бы было положение Соединенных Штатов».

После Портсмута отношения между Россией и Японией начали быстро улучшаться. В январе 1907 г. было заключено русско-японское соглашение, где стороны признавали территориальную целостность друг друга и разграничивали зоны влияния в Манчжурии. Россия признавала Корею

«сферой специальных японских интересов», а Токио признавал приоритеты Российской империи в Монголии.

Летом 1910 г. в Петербурге было заключено новое соглашение, расширяющее и дополняющее предыдущее. Стороны обязывались вырабатывать совместные ответные меры в случае угрозы нарушения статуса-кво в Китае или угрозы особым интересам двух стран в Маньчжурии. Фактически к началу второго десятилетия XX в. Россия и Япония превратились в геополитических партнеров.

§ 6. Начало революционных потрясений в России

К тому времени, когда Русско-японская война завершилась подписанием Портсмутского мира, социальное положение в империи было чрезвычайно напряженным; отовсюду звучали негодующие голоса, каждый день сообщалось о забастовках, митингах, погромах, мятежах. Вторая половина 1905 г. — время наивысшего подъема того, что одни называли первой русской революцией, а другие — хаосом и анархией.

Отсчет хронологии этого «политического землетрясения» идет от воскресенья 9 января 1905 г., когда в Петербурге состоялось многотысячное шествие рабочих к Зимнему дворцу, закончившееся трагически. Тот день получил название Кровавого воскресенья и навсегда остался в летописи Отечества днем скорби. О событиях его написано множество книг, опубликовано огромное количество материалов, но до сих пор не все в тех событиях поддается простому и однозначному объяснению.

В центре драмы оказался уроженец Полтавской губернии священник Г. А. Гапон (1870—1906) — личность во многих отношениях темная. Обладая даром слова и убеждения, он занял заметное место в рабочей среде Петербурга, организовав и возглавив в 1904 г. вполне легальную общественную организацию «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Организация пользовалась расположением властей, и ее деятельность первоначально протекала под покровительством Департамента полиции. Это был период «полицейского социализма».

Его возникновение неразрывно связано с именем полковника С. В. Зубатова, возглавлявшего в 1896—1902 гг. Московское охранное отделение, а затем занявшего в центральном аппарате Министерства внутренних дел пост начальника Особого отдела. В молодости он сам увлекался революционным движением, но затем разочаровался в нем и стал убежденным сторонником самодержавия, считая, что гибель монархии станет гибелью России. «Те, кто идут против монархии в России, — наставлял С. В. Зубатов, — идут против России; с ними надо бороться не на жизнь, а на смерть».

Широко мыслившие монархисты, к числу которых относился полковник С. В. Зубатов, еще задолго до 1905 г. разглядели новую и невиданную раньше опасность — рабочее движение, которое постепенно разрасталось, охватывало новые районы, новые группы наемных тружеников. Имущественное и бытовое положение этой категории населения было чрезвычайно трудным. Рабочие в отличие от крестьян концентрировались компактными массами вокруг промышленных заведений в крупных индустриальных центрах. Проблемы и нужды рабочего люда мало кого интересовали, что

делало рабочих восприимчивыми к радикальной, в первую очередь к социалистической агитации, исходившей от нарождавшихся группировок марксистского толка. Рабочая среда могла стать угрожающим взрывным материалом.

С целью предотвратить подобное развитие событий С. В. Зубатовым была предложена идея создания под контролем властей легальных союзов, выражающих и отстаивающих интересы рабочих. Идеологически замысел базировался на убеждении, что русский царь находился вне партий, был главой всего русского народа, а не какой-то отдельной его части. Поэтому беды рабочих не могли оставаться безразличны властям, монархом поставленным. Министерство внутренних дел и его глава в 1899—1902 гг. Д. С. Сипягин выступали в известном смысле антиподом Министерства финансов, возглавлявшегося С. Ю. Витте, питавшего преувеличенное расположение к промышленникам.

Власть стремилась взять на себя роль беспристрастного арбитра в социальных спорах и конфликтах между рабочими и предпринимателями, дать рабочему люду надежду и поддержку против «акул капитализма» и «хищников наживы». Подобный социальный романтизм способствовал возникновению и гапоновской организации в Петербурге, устав которой был утвержден МВД 15 февраля 1904 г. К концу года она уже имела 17 отделений (отделов) во всех рабочих районах столицы.

Задача общества состояла в том, чтобы способствовать трезвому и разумному времяпрепровождению, укреплению русского самосознания, правовому просвещению. Члены организации платили небольшие взносы, имели возможность пользоваться бесплатной юридической консультацией, библиотекой, посещать лекции, концерты. Собирались рабочие в специальных помещениях, клубах или чайных, где и происходили встречи и беседы. Такие собрания посещали тысячи человек. И постоянно перед ними выступал Гапон, страстно клеймивший «хищников-хозяев», рисовавший проникновенные картины общественной несправедливости, что вызывало живой отклик у слушателей. Батюшка быстро прослыл радетелем за народное дело.

Трудно точно установить, когда именно возникла идея идти к царю и просить у него правды и защиты, но уже в декабре 1904 г. она широко обсуждалась на собраниях. В начале января 1905 г. на крупнейшем предприятии Петербурга — Путиловском заводе — вспыхнула стачка, вызванная увольнением нескольких рабочих. Забастовка быстро начала распространяться, к ней начали примыкать рабочие других предприятий и районов, рабочие на предприятиях почти единогласно принимали решения идти к царю с петицией. Однако с полным перечнем самих требований рабочие в массе своей ознакомлены не были; он был составлен небольшой «группой уполномоченных» под председательством Гапона. Рабочие лишь знали, что они идут к царю просить «помощи трудовому люду».

Между тем наряду с экономическими пунктами в петицию был внесен целый ряд политических требований, некоторые из которых затрагивали основы государственного устройства и носили откровенно провокационный характер. В их числе созыв «народного представительства», «полная политическая свобода», «передача земли народу».

Знал ли сам Гапон и кучка его приспешников, что выдвигают требования, заведомо невыполнимые, что сам акт «народного шествия» может привести к непредсказуемым результатам? Да, безусловно, знал и надеялся как раз на это. Составители петиции не только выдвигали перечень требований, но и желали, что бы царь тут же, на ступенях дворца, перед толпой «поклялся выполнить их», что было совершенно невероятно.

Провокация 9 января 1905 г. в полной мере удалась. Уже потом выяснилось, что Гапон давно замышлял общественное действие, способное поколебать устои и вызвать смуту в стране. Этот человек был абсолютно аморален. Он лгал властям, изображая из себя законопослушного гражданина, лгал людям, уверяя, что их интересы и чаяния ему ближе всего на свете, лгал Богу, говоря о мире и любви, а в душе поклоняясь террору и насилию. Он мастерски лицедействовал.

Власти военные и полицейские показали свою беспомощность и вместо того, чтобы изолировать десяток организаторов, полагались на «слово Гапона», уверявшего их, что шествия не состоится. Самого Николая II в эти дни в Петербурге не было, и идея вручить ему петицию в Зимнем дворце была просто абсурдна. В последний момент должностные лица наконец уразумели, что Гапон ведет двойную игру. За день до событий в столицу были введены большие контингенты войск, а центр города блокирован. В конце концов несколько тысяч человек все-таки прорвались к Зимнему дворцу. В разных местах города была открыта стрельба, имелись многочисленные жертвы.

Спустя два дня за подписью министра внутренних дел П. Н. Дурново и министра финансов В. Н. Коковцова было опубликовано правительственное сообщение, в котором говорилось, что во время событий 9 января было убито 96 и ранено 333 человека. Враги же трона и династии во много раз завышали количество погибших и кричали о «тысячах убитых».

Кровавое воскресенье случилось. Было много виноватых, но было и много жертв. Царь, находившейся в Царском Селе, узнав о случившемся горько переживал. «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!» — записал он в дневнике 9 января.

Но изменить уже *ничего* было нельзя. Престиж власти в глазах очень многих был серьезно поколеблен. Недовольство и возмущение охватили даже тех, кто не был замешан в антигосударственной деятельности. Как могло все это случиться? Почему власти проявили такую нераспорядительность? Как могла полиция поддерживать такого негодяя, как Гапон? Вопросы возникали, но ответы мало кого удовлетворяли. Был уволен начальник петербургской полиции, ушел в отставку министр внутренних дел, но это никого не успокоило. Радикалы всех мастей в своей беспощадной политической игре получили такую козырную карту, о которой они еще совсем недавно и мечтать не могли.

ГЛАВА 8. РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

§ 1. Революционное движение 1905 г. Манифест 17 октября

После 9 января 1905 г. все отчетливей проявлялись признаки надвигающейся социальной бури. Недовольство стало открыто проявляться на страницах газет и журналов, на собраниях земских и городских деятелей. Учебные заведения, в первую очередь университеты, бурлили; по стране покатилась волна стачек и манифестаций. И на первом месте стояло требование перемен, которых желали очень многие. Неудачная война усугубила старые проблемы, породила новые.

Вопросы реформирования системы выходили на первый план общественной жизни. В высших коридорах власти отчетливо это начинали осознавать. В июле 1904 г. в центре Петербурга бомбой террориста был убит министр внутренних дел В. К. Плеве — человек твердых консервативных взглядов, не желавший принимать никаких новых политических идей и считавший, что мир и порядок в империи можно поддержать только жесткой, бескомпромиссной политикой. Подобные представления были все еще достаточно широко распространены.

Вместе с тем начинали проявляться и иные подходы, нацеленные на то, чтобы изыскать формулу взаимодействия между властью и общественными силами в лице земско-либеральной оппозиции. В августе 1904 г. на ключевой пост министра внутренних дел был назначен бывший товарищ министра внутренних дел, бывший виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский, провозгласивший политику доверия к общественным кругам. Началась «осенняя весна» надежд и ожиданий. 25 августа 1904 г. князь получил аудиенцию, на которой Николай II сообщил ему о принятом решении.

Министр дал несколько интервью газетам, встречался с представителями либеральных кругов и популяризировал свою политическую программу, узловыми пунктами которой были: веротерпимость, расширение местного самоуправления, предоставление больших прав печати, изменение политики по отношению к окраинам, разрешение рабочих сходок для обсуждения экономических вопросов. Эти заявления производили сенсацию.

Политические деятели либерального толка отнеслись к ним весьма скептически. Они были уверены, что время самодержавия подходит к концу и не хотели связывать себя никакими обязательствами с «уходящей властью». В середине 1904 г. П. Н. Милюков, будущий бессменный лидер кадетской партии, на страницах журнала «Освобождение» восклицал: «Будем патриотами для себя и для будущей России, останемся верными старой «народной поговорке» — «Долой самодержавие!». Это тоже патриотично, а заодно гарантирует от опасности оказаться в дурном обществе реакционеров».

Лозунг «Долой!» становился самым популярным среди оппонентов и противников царского режима всех мастей. Лишь через годы пришло понимание преступного характера безоглядно отрицательных настроений, владевших умами образованного общества в те смутные времена. Одна из

участниц тех событий, видная деятельница кадетской партии уже в эмиграции признавала: «Чтобы власть ни делала, все подвергалось огульной недоброжелательной критике. Левые готовы были «бороться и страдать за народ», служить ему, но им и в голову не приходило, что ради этого надо служить и российскому государству, что любовь к народу обязывает любить и беречь наш общий дом, Российскую державу. Большинству интеллигентов не знало, чего народ хочет, какого счастья ищет, на каких верованиях и преданиях держится крестьянская жизнь. Свои стремления, свои настроения навязывали они народу, переносили на него... Даровитые ораторы красноречиво доказывали, что в России нечего охранять, нечего беречь. Точно и не было в истории России никаких творческих проявлений народного духа». Эта была как раз та «идеология государственного отщепенства» русской интеллигенции, о которой как об опасной болезни за несколько десятилетий до того писал Ф. М. Достоевский.

Невзирая на внешнее разнообразие структурировавшихся оппозиционных сил, сформировавшаяся еще в XIX в. «идеология государственного отщепенства» делала все эти течения и объединения генетически родственными. Популярная антиномия «мы» (все, кто вне власти) и «они» (все, кто во власти и для власти) являлась не только «мировоззрением момента», но и в реальности отражала расстановку общественных сил. Поэтому и не удивительно, что более чем за десятилетний период своего легального существования крупнейшее либеральное объединение — конституционно-демократическая партия — так ни разу и не осудила политический террор левых и торпедировала все поползновения добиться его морального осуждения в Государственной думе.

В самый разгар «святополковой весны», в конце сентября — начале октября 1904 г., известнейшие отечественные либералы, группировавшиеся вокруг журнала «Освобождение», издававшегося с 1902 г. под редакцией П. Б. Струве сначала в Штутгарте, а затем в Париже, инициировали в Париже проведение съезда оппозиционных партий. На нем присутствовали различные либеральные и радикальные объединения. Из наиболее заметных отсутствовала лишь партия левых социал-демократов, лидером которых был В. И. Ленин.

На этом собрании были единогласно вынесены резолюции о необходимости ликвидации самодержавия, о замене его «свободным демократическим строем на основе всеобщей подачи голосов» и о праве «национального самоопределения народностей России». Чрезвычайно влиятельными на съезде были представители этнических эмигрантских кругов, преобладающие среди лидирующего состава революционного движения. По данным полицейских органов на конец 1904 г., среди поднадзорных числилось 4526 человек, в том числе — 1898 русских, 1676 евреев, 624 поляка, 124 представителя кавказских народностей, 85 выходцев из Прибалтики и т. д.

На съезде в Париже присутствовал цвет русской либеральной интеллигенции, составивший позднее костяк конституционно-демократической (кадетской) партии. Эти господа, борцы за свободу и демократию, сочли уместным определять политику совместных действий с крайними течениями и группами, с теми, кто запятнал себя кровавыми убийства, например партией социалистов-революционеров (эсеров), поставившей террор глав-

ным инструментом своей политической деятельности. Позже выяснилось, что «левые друзья либералов» в этот период разработали план начала вооруженного восстания в Петербурге в 1905 г. и получили на эти цели крупные денежные субсидии и от японского правительства, и от американских миллионеров.

Уже после 1917 г., когда все прекраснодушные мечты либеральных краснобаев развеяла грубая реалия русской жизни, некоторые из них прозрели и осознали свое политическое легкомыслие. В начале 1930-х гг. в эмиграции известный кадет В. А. Маклаков, говоря о пресловутом парижском конгрессе, писал: «Со стороны либерализма это соглашение было союзом с грозящей ему самому революцией. Спасти Россию от революции могло только примирение исторической власти с либерализмом, т. е. искреннее превращение самодержавия в конституционную монархию. Заключая вместо этого союз с революцией, либерализм «Освобождения» этот исход устранял; он предпочитал служить торжеству революции».

Провозглашенная Святополком-Мирским «эпоха доверия» очень скоро начала демонстрировать свою бесперспективность. Оказалось, что легко давать обещания, но очень трудно их исполнять. Собственно, сразу в центре дискуссий и обсуждений стал уже старый и такой болезненный вопрос о создании общероссийского представительного органа, о его компетенции и путях формирования. Он непосредственно замыкался на проблему незыблемости прерогатив монарха. Князь П. Д. Святополк-Мирский был убежден, что самодержавие и представительство совместимы, а многие другие в правящих кругах не разделяли этой позиции. Они опасались, что создание любого не назначенного, а выборного органа неизбежно породит неразбериху в управлении, будет способствовать параличу власти, чем непременно и воспользуются враги трона и монархической России. Поводов для таких опасений с конца 1904 г. становилось все больше.

Страсти накалились особенно во время и после съезда земских деятелей, происходившего в Петербурге в начале ноября 1904 г. Министр внутренних дел съезд разрешил, но попросил участников заняться обсуждением «практических вопросов земской жизни». Однако в атмосфере социальной напряженности и резкой политизации всей общественной деятельности добиться регламентации было практически невозможно.

Земцы вкратце обсудили некоторые свои специфические вопросы, но центр их внимания находился в русле общеполитических проблем. Было признано необходимым: созвать «народное представительство», провести политическую амнистию, прекратить «административный произвол» и отменить «положения об усиленной охране» 1881 г., гарантировать неприкосновенность личности, утвердить веротерпимость. Хотя собравшиеся оставили за властью инициативу проведения преобразований и отвергли предложения некоторых участников выдвинуть лозунг созыва Учредительного собрания, но все равно состоявшее событий являлось беспрецедентным.

Впервые подданные царя, собравшиеся в имперской столице, выступили с призывом политического характера. Наиболее вызывающим являлся пункт 10 резолюции, гласивший, что только конституционный строй, ограничивающий самодержавную власть, может удовлетворить общественное мнение и дать России «спокойное развитие государственной жиз-

ни». Данный тезис вызвал решительные возражения умеренных участников съезда во главе с известным деятелем земско-либерального движения Д. Н. Шиповым. В своей пространной речи он отстаивал старый славянофильский тезис: «Народу мнение, царю решение» и не допускал никаких бумажных договоров и гарантий между властью и народом, считая, что их отношения зиждутся не на юридических, формальных началах, а на незыблемых началах нравственных. Эти доводы не возымели действия, и при вотировании этого пункта большинство голосов было отдано за конституцию.

Власть была шокирована; удовлетворить подобные крайние требования она не могла, так как это фактически означало самоликвидацию исторической власти, но и оставить все по-прежнему не имела возможности. В начале декабря 1904 г. в Царском Селе прошли совещания высших должностных лиц империи, где обсуждались неотложные меры для преобразования внутреннего строя.

В центре дискуссий оказалась программа, предложенная министром внутренних дел. Особое внимание участников привлек пункт о выборных представителях в составе Государственного совета (до того все члены назначались лично монархом). Большинство собравшихся высказалось против. Обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев именем Бога заклинал царя не ограничивать самодержавие. Эту позицию поддержали министр финансов В. Н. Коковцов, председатель Комитета министров С. Ю. Витте и большинство других. Царь в начале колебался, но вскоре однозначно выступил за сохранение незыблемости власти и заметил: «Мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, а тогда – я вас поздравляю, господа!» По окончании царскосельских совещаний был опубликован указ Сенату, содержащий пожелания пересмотреть положения о печати, установить веротерпимость и т. д. О выборных представителях в нем не было ничего сказано.

Либералы же надеялись, что выборное начало там будет оговорено. Но власть все еще не была готова к резким переменам. Они наступили позднее, в следующем году. В январе 1905 г. произошли кровавые события в Петербурге, П. Д. Святополк-Мирский был уволен в отставку. Им были недовольны все, а представители «партии власти» обвиняли его в том, что своей мягкотелостью, нерешительностью, заигрыванием с оппозицией он расшатал порядок и в результате случилось это абсурдное и бессмысленное побоище в центре столицы. Министром был назначен бывший московский губернатор А. Г. Булыгин.

Страсти в стране накалялись. Зимой и весной 1905 г. начались беспорядки в деревнях, сопровождавшиеся захватом, разграблением и поджогами дворянских усадеб. Волнения охватили и армию. Летом произошло невероятное событие, произведшее сильное впечатление и в России, и за границей: 14 июня 1905 г. взбунтовалась команда эскадренного броненосца Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический». Это был один из лучших кораблей флота, вступивший в строй всего лишь за год до того. Восстание вспыхнуло стихийно и продолжалось до 25 июня. Все эти 12 дней и командование флотом, и военные власти, и высшая администрация в Петербурге, как и множество других лиц по всей империи, внимательно наблюдали и заинтересованно обсуждали всю «потемкинскую одис-

сею», закончившуюся в румынском порту Констанца сдачей корабля румынским властям.

Натиск на власть все более смелевшего либерального общественного мнения не ослабевал. Общественные деятели уже открыто призывали к конституции. В мае в Москве состоялся съезд земских и городских деятелей, где призыв к конституционным преобразованиям был принят подавляющим большинством голосов. Съезд избрал делегацию, которую 6 июня 1905 г. принял в Петергофе император и которая вручила ему свои требования. Это была первая встреча самодержца с представителями либеральных кругов. К этому времени монарх уже был уверен в необходимости введения представительного органа с выборным началом.

В ответ на речь главы делегации, князя С. Н. Трубецкого, Николай II сказал: «Я скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые необходимо еще предвидеть, и о всех наших внутренних неурядицах. Отбросьте сомнения: Моя Воля — воля Царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, вы будете содействовать Мне в этой работе». В кругах «образованного общества» этим словам не придавали значения.

Конец зимы, весна и лето 1905 г. стали для власти временем выработки новых подходов, поиском адекватных форм разрешения социальной напряженности. 18 февраля 1905 г. был опубликован царский манифест, объявлявший о намерении создать законосовещательную Государственную думу, а 6 августа 1905 г. появился манифест, провозглашавший создание в России национального законосовещательного органа на выборной основе. По имени министра внутренних дел он получил название булыгинской Думы, ее открытие намечалось на январь 1906 г.

Выборы планировались непрямыми и неравными, а некоторые категории населения исключались из выборной процедуры: женщины, военнослужащие, учащиеся, рабочие. Для крестьян предполагалось установить четырехстепенные выборы, для землевладельцев и горожан, имевших имущественный ценз, — двухстепенные. На крестьян приходилось 42% выборщиков, на землевладельцев — 34%, 24% — на городских избирателей, имевших имущество стоимостью не менее 1500 рублей, а в столицах — не менее 3000 рублей. Этот проект означал существенные перемены в представительных функциях власти. Либеральные круги хоть и с оговорками, но поддержали этот проект. Группы социалистической ориентации выступили с критикой, а большевики сразу призвали к бойкоту, считая булыгинскую Думу «обманом масс». Однако через несколько недель события приняли столь драматический оборот, что власти пришлось идти значительно дальше по пути уступок.

В сентябре 1905 г. в России развернулась широкая забастовочная кампания. События начались 19 сентября в Москве, когда печатники прекратили работу, выдвинув экономические требования. Скоро к ней присоединились представители других профессий, а забастовки перекинулись в другие районы. Помимо экономических требований появились и политические, в том числе и требование созыва «народных представителей».

В октябре 1905 г. хозяйственная жизнь империи оказалась почти полностью парализованной. Не действовали железные дороги, почта, телеграф, не выходили газеты, закрылись рестораны, аптеки, многие магазины. Большинство промышленных предприятий тоже не работало. В ряде мест случились беспорядки, сопровождаемые грабежами и насилием.

В крупнейших городах начали возникать так называемые советы рабочих депутатов, стремившиеся перенять функции местной власти. 13 октября подобная организация возникла в Петербурге, чуть позже — в Москве (в октябре они существовали почти в 50 населенных пунктах). Эти организации объединили главным образом представителей крайне левых партий и течений. Советы в двух столичных городах оказались самими деятельными, а их тактика и требования наиболее радикальными. Петербургский совет уже 14 октября потребовал от городской Думы выдать деньги для «вооружения рабочих» и перестать выделять довольствие для содержания войск. Естественно, что это требование не нашло поддержки среди «отцов города».

17 октября 1905 г. совет избрал руководящий орган — Исполнительный комитет, состоявший из 31 человека. Его возглавил двадцативосьмилетний помощник присяжного поверенного П. А. Хрусталев (Носарь). В тот же день из печати вышел и первый номер газеты под названием «Известия совета рабочих депутатов», редактором которой являлся Л. Д. Троцкий, получивший позднее широкую известность в качестве одного из большевистских вождей. Лидеры Совета были убеждены, что «сила творит право».

Руководствуясь подобной философией, 29 октября они постановили явочным порядком устанавливать на предприятиях восьмичасовой рабочий день. Подобное решение было с энтузиазмом воспринято многими рабочими. Однако затея успеха не имела. Хозяева начали прибегать к локауту, и уже через две недели за воротами оказалось около 100 тыс. рабочих. Призыв Совета объявить по этому поводу всеобщую забастовку отклика не получил.

На авансцене политического действия оказался С. Ю. Витте, только недавно вернувшийся триумфатором из Америки, где ему удалось подписать Портсмутский мир. В атмосфере страхов и неопределенности многим стало казаться, что этот человек может все. Ранее он был сторонником твердых решений, считая, что для укрепления власти необходимо создать единое консолидированное правительство, способное проводить сильную политику (в качестве его главы он видел себя). В начале 1905 г. в письме К. П. Победоносцеву С. Ю. Витте писал: «Нужно, чтобы публика знала и чувствовала, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию. Оно должно вести публику, а не подчиняться толпе и, в особенности, обезумевшей».

К осени 1905 г. взгляды его сиятельства (в награду за Портсмутский мир Витте получил графский титул) сильно изменились и заметно «порозовели». Он не оставил мысль об объединенном кабинете, но вместе с тем уже ратовал за создание выборного представительного органа с широкими законодательными, а не только совещательными правами. Он составил специальную записку, представленную царю 9 октября, содержавшую про-

грамму срочных преобразований. Она предусматривала: предоставление гражданских свобод, созыв народного представительства с законотворческими функциями, создание объединенного совета министров, введение нормированного рабочего дня и государственного страхования.

Будучи по природе прагматиком, С. Ю. Витте понимал, что предлагаемые, еще совсем недавно немыслимые уступки необходимы для ослабления сокрушительного социального натиска, считая, что полноту царской власти можно сохранить и при народном представительстве. Главное, по его мнению, одержать тактическую и политическую победу над противником именно в настоящий момент, в данную критическую минуту, а потом все можно будет урегулировать.

Обращаясь к монарху, граф писал: «Идея гражданской свободы восторжествует, если не путем реформы, то путем революции... Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из беспримерного испытания — ум отказывается себе представить: ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории... Попытки осуществить идеалы теоретического социализма, — они будут неудачны, но они будут, несомненно, — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основные права. Как в пятидесятых годах правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так и в настоящий несоизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения... Государственная власть должна быть готова вступить на путь конституционный. Государственная власть должна искренно и явно стремиться к благу государства, а не к сохранению той или иной формы».

Император серьезно отнесся к доводам и аргументам С. Ю. Витте и 13 октября известил его о назначении председателем Совета министров, предлагая объединить деятельность кабинета для «восстановления порядка повсеместно». Однако граф этим не удовлетворился и заявил, что примет пост лишь при условии одобрения изложенной программы, которую советовал обсудить в совещании лиц «по усмотрению государя». Такие обсуждения состоялись в последующие дни. На них рекомендации Сергея Юльевича были одобрены, и 17 октября 1905 г. самодержец подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», ставший важнейшей политической декларацией последнего царствования.

Манифест содержал обещания «даровать народу незыблемые основы гражданских свобод»: неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, союзов; привлечь к выборам в Государственную думу все слои населения; признать Думу законодательным органом, без одобрения которого ни один закон не мог вступить в силу. Осуществление намечаемых предначертаний возлагалось на Совет министров.

Манифест 17 октября 1905 г. — переломный момент в истории России, крупнейший шаг по пути конституционной эволюции, создания правового государства. Во имя мира и благополучия в стране монархическая власть отказывалась от исконных, освященных веками истории и Божественным соизволением прерогатив. Под напором событий и увещеваний С. Ю. Витте, великого князя Николая Николаевича и ряда других лиц из ближайшего окружения Николай II принял новые реалии.

Через два дня после манифеста император писал матери в Данию: «В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось через несколько месяцев действовать силою... Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент... Он прямо объявил, что если я хочу его назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать действовать».

Получив большие властные полномочия, глава кабинета надлежало решить невероятно сложные задачи: создать дееспособную администрацию, покончить с анархией и кровавыми эксцессами, разработать серию законодательных мер по реализации положений Манифеста 17 октября. И все это в атмосфере паралича власти, паники, безответственности и финансового кризиса.

Первая и самая насущная задача сводилась к наведению порядка, в установлении мирного и предсказуемого течения общественной жизни. Октябрьский манифест, как и предполагал С. Ю. Витте, внес некоторое замешательство в ряды оппозиции, умеренно-либеральные представители которой пришли к заключению, что борьба с властью выиграна. Хотя они не стали сторонниками правительства, но на некоторое время перестали выступать заодно с радикалами всех мастей, стремившихся лишь к разрушению. Левые же не собирались довольствоваться достигнутым. Лидер большевиков — В. И. Ленин неистовствовал на страницах газеты «Пролетарий»: «Вперед же, к новой, еще более широкой и упорной борьбе, чтобы не дать опомниться врагу!»

Однако восторженный энтузиазм даже в либеральной среде разделяли далеко не все. Один из известных общественных деятелей П. Н. Милюков (будущий бессменный руководитель кадетской партии) находился в момент опубликования манифеста в Москве. Здесь, в Литературном кружке, по получении известия о манифесте восторженные посетители подняли его на руки, принесли в центр ресторанной залы, поставили на стол, дали в руки бокал шампанского и заставили произнести речь. И будущий бессменный глава кадетской партии сказал то, чего от него многие не ожидали: «Ничто не изменилось, война продолжается». Ученик известного историка В. О. Ключевского не принимал от власти никаких половинчатых уступок. Подобные деятели требовали всего и сразу: полной конституции, полных гражданских прав, всеобщего избирательного права и т. д., а пока «власть этого не дала, мы будем с ней бороться». Взгляды социалиста-экстремиста Ленина и кадета-либерала Милюкова совпадали не только в этом пункте.

Либералы милюковского толка не только выдвигали политические требования самого крайнего характера, но, по сути дела, давали моральную индульгенцию террористическим преступлениям левых. Негодующему

и страстному осуждению подвергались лишь все силовые действия властей. Когда же убивали губернатора, министра, офицера, городового или даже («по ошибке») простого обывателя, то голосов возмущения в либеральной среде слышно не было.

Пройдут годы, и в первые дни Февральской революции 1917 г., выступая в Таврическом дворце, П. Н. Милюков публично признает свои политические «дружеские привязанности»: «Мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов первого русского общественного кабинета». Но до этих широковещательных саморазоблачительных заявлений лидера партии, называемый часто «главной силой российского либерализма», в 1905 г. было далеко.

Кадетам очень хотелось стать режиссерами и постановщиками революционного действия, они мечтали исполнять первые роли! Известнейший в начале века журналист, обозреватель влиятельной столичной газеты «Новое время» М. О. Меньшиков в 1906 г. язвительно прокомментировал распределение ролей в кровавой «антрепризе» под названием «освободительное движение».

«Длинный ряд молодых людей, подростков с неустановившимися мозгами, длинный ряд экзальтированных девушек с револьверами и бомбами — это лишь актеры бунта, редко опытные, чаще безларные. За кулисами скрываются более тонкие режиссеры; они не срывают рукоплесканий райка, зато загребают кассу. В случае победы партии кости Зинаиды Конопляниковой (эсерка, в августе 1906 г. покушавшаяся на убийство командира лейб-гвардии Семеновского полка генерала Г. А. Мина. — **А. Б.**) будут гнить в Шлиссельбурге, а в министры попадет, пожалуй, г. Набоков. Он корректен, он, кажется, даже ест в перчатках... Он, видите ли, только режиссирует «освободительное движение», не больше».

Главе объединенного кабинета не удалось договориться о деловом сотрудничестве с известными общественными деятелями либеральной ориентации, некоторым из которых были предложены министерские портфели. В их числе были: Д. Н. Шипов, М. А. Стахович, князь Е. Н. Трубецкой, А. И. Гучков, П. Н. Милюков и ряд других. Свое согласие они обставили таким количеством условий и требований, принять которые самодержавной власти было невозможно. Особо неприемлемых было два: убрать из администрации не угодных земцам лиц и провозгласить политическую программу деятельности кабинета. Удовлетворение последнего требования, по сути дела, означало признание ответственности правительства не перед монархом, а перед земско-либеральными кругами.

Конфронтационный характер носили и решения земского съезда (последнего в истории), открывшегося 6 ноября 1905 г. в Москве. Собравшиеся отказались выразить поддержку кабинету Витте даже в условной форме, выступили за введение всеобщего избирательного права (всеобщего, равного, тайного и прямого, так называемая «четыреххвостка») и за предоставление Думе права принимать конституцию.

Фактически они призвали созвать Учредительное собрание. Кроме того, участники съезда потребовали «немедленного осуществления» полной свободы: отмены всех чрезвычайных законов, всеобщей амнистии, отмену смертной казни. При этом все знали, что волна террора расширялась. Как

позднее написал один из известных либералов В. А. Маклаков, «тогда никто серьезно не думал, что можно бороться с террористическими покушениями только амнистией и свободами». Это была лишь «политическая линия»...

Манифест 17 октября хотя и привел к ликованию в некоторых салонно-либеральных кругах, но не погасил революционный пожар, достигший наивысшего размаха в ноябре – декабре 1905 г. Мятежи, забастовки, митинги, манифестации, погромы усадеб, террористические нападения на должностных лиц, восстания в армии и на флоте в эти первые недели «весны свободы» лишь множились. В середине декабря дело дошло до вооруженного восстания в Москве.

За несколько дней до того царь принял представителей монархических организаций, которые чуть ли не в ультимативной форме потребовали от монарха отменить манифест и подтвердить незыблемость царской власти. Отвечая им, Николай II сказал: «Манифест, данный Мною 17 октября, есть полное и убежденное выражение Моей непреклонной и неприложной воли, и акт, не подлежащий изменению».

Первые недели после 17 октября С. Ю. Витте пребывал в состоянии растерянности. Царь, предоставив главе правительства большие полномочия, ждал решений и действия, а исполнительная власть находилась в коллапсе. В письмах матери Николай II писал: «Вообще он (Витте) не ожидал, что ему будет так трудно на этом месте. Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение» (27 октября). «У меня каждую неделю раз заседает Совет министров. Говорят много, но делают мало. Все боятся действовать смело, мне приходится всегда заставлять их и самого Витте быть решительнее. Никто у нас не привык брать на себя, и все ждут приказаний, которые затем не любят исполнять» (10 ноября).

Витте жаждал лавров и изъявлений восторгов, но их не было ни с чьей стороны. Правые ненавидели его за то, что он нарушил «исконный порядок», пошел на поводу у либеральных крикунов и заставил монарха подписать «ужасный акт». Либералы кадетского толка не верили ни Витте, ни царю, ни государственным институтам, подозревая всех и вся лишь в интригах и лицемерии. Левым же группам и течениям не нужны были никакие преобразования, они добивались полного разрушения всех составляющих государственной системы. Глава кабинета явно недооценил инерционные силы революции и не предполагал, что после манифеста вместо успокоения в стране усилятся антигосударственные выступления. Власть сделала невероятные уступки, а результат был обратный ожидавшемуся.

Премьер этого не предвидел и не предучел. Получив огромные полномочия, которых давно добивался, не знал, как ими распорядиться. Один из сподвижников Витте, С. Е. Крыжановский, близко наблюдавший его в тот момент, вспоминал: «В голове его был хаос, множество порывов, желание всем угодить и никакого определенного плана действий... Может быть, в финансовой сфере, где он чувствовал почву под ногами, он и был на высоте, но в делах политики и управления производил скорее впечатление авантюриста, чем государственного деятеля».

После появления Манифеста 17 октября административная власть во многих частях империи была фактически парализована. Старые методы

управления как бы упразднялись, а новых директив из Петербурга не поступало. Между тем народные толпы в разных местах чинили бесчинства, и эта вакханалия насилия продолжалась все первые недели осенней «весны свободы».

В Москве в декабре 1905 г. произошли самые кровавые эксцессы, ставшие неизбежным результатом неразберихи и хаоса, господствовавших в стране. В течение нескольких дней шли настоящие уличные бои между левыми вооруженными группами и войсками. Имелось много жертв и разрушений. События произвели на современников сильное впечатление. От правительства требовалось принять силовые решения, и они после некоторых колебаний были приняты. Войска для усмирения беспорядков использовались многократно.

После московского восстания взгляды премьера резко поправели, что озадачило даже царя, который, как ему казалось, хорошо знал сановника. В одном из писем матери Николай II заметил: «Витте после московских событий резко изменился; теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видал такого хамелеона».

Манифест 17 октября 1905 г. не был конституцией; это была декларация намерений. Данная очевидность нередко игнорировалась (и игнорируется). Немалое число современников, главным образом из числа фигурантов «освободительного движения», как и последующих исследователей, в угоду политическим интересам и догматическим мировоззренческим пристрастиям трактовали его как «закон прямого действия». Согласно подобным воззрениям все положения о свободах и правах должны были стать нормой жизни в огромной империи сразу же после опубликования. И это при отсутствии всякого законодательного регулирования! В действительности никаким «актом прямого действия» манифест не являлся и являться не мог. Власть намечала перспективу преобразований, которые надлежало проводить постепенно, в атмосфере стабильности и порядка.

Перво-наперво надлежало разработать законодательную основу для выборов в Государственную думу, а также осуществить некоторые первоочередные мероприятия, обусловленные положениями манифеста. 21 октября 1905 г. появился указ об амнистии, согласно которому освобождались от суда, преследования и «прочих последствий» все подданные, учинившие «преступные деяния без насилия». Прочим лицам срок лишения свободы сокращался наполовину.

26 ноября появился указ о «Временных правилах о повременных изданиях». Условия существования газет и журналов теперь существенно менялись, полностью упразднялась предварительная цензура; отменились издательские залоги, отменялось право Министерства внутренних дел издавать циркуляры, запрещавшие освещать в печати те или иные события. Отныне преступления против закона, «учиненные посредством печати», могли преследоваться лишь в судебном порядке.

В конце октября начались регулярные заседания консолидированного Совета министров, указ о создании которого увидел свет 19 октября. В центре его внимания сразу же оказались наиболее острые социальные вопросы и первейший среди них — аграрный. Стало уже очевидным, что широкое распространение революционных беспорядков во многом было связано

с неблагополучным положением крестьянства, в первую очередь центральных и западных губерний России (за 1905 г. было разграблено и сожжено около 2 тыс. имений, в том числе около 600 в прибалтийских губерниях).

Манифест 17 октября не содержал никаких упоминаний о положении крестьян. Этот пробел сразу стал очевидным. У Витте возникла мысль издать отдельный манифест, обращенный к крестьянам, где содержалось бы обещание улучшить их положение. 31 октября премьер от имени Совета министров представил Николаю II докладную записку. Ознакомившись с предложением, царь наложил резолюцию: «Если в манифесте будет даровано сложение всех выкупных платежей, то он произведет желанное успокоение. Одними же обещаниями ничего достигнуто не будет». В письме главе правительства монарх пояснил свою позицию: «Я очень сожалею, что в Манифесте 17 октября не было упомянуто о крестьянах и мерах удовлетворения их нужд. Издание второго манифеста сейчас, через две недели после первого, должно произвести впечатление спешно составленного, как бы запоздавшего акта, опубликованного вдогонку первому».

Далее, размышляя о насущных первоочередных мерах, заметил: «Вопрос, конечно, первостепенной важности и, по-моему, несравненно существеннее, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России. Правильное и постепенное устройство крестьянства на земле обеспечит России действительное спокойствие внутри на много десятков лет».

Улучшению положения крестьянства было посвящено специальное заседание правительства, проходившее 3 ноября под председательством царя. Вопрос о необходимых мерах сразу же затронул «больной нерв» государства: состояние финансов, находившихся в весьма плачевном состоянии.

Огромные расходы, связанные с войной, убытки от социальных волнений, потери от забастовок — все вместе взятое к концу 1905 г. расстроило денежное хозяйство России. В этих условиях Министерство финансов было озабочено не сокращением налогов, а их увеличением. (Выкупные платежи крестьян за землю составляли 7% бюджетных поступлений.) Однако позиция царя была выражена вполне определенно. По словам одного из участников заседания, император «высказал весьма решительно мнение, что от обещаний и прекрасных слов следует перейти к крупным и осязательным мерам по улучшению положения крестьян, не теряя времени, так, чтобы крестьянство убедилось, что о нем правительство фактически заботится... Для достижения такого результата Государь находил возможным не стесняться жертвами и не останавливаться перед самыми сильными мерами».

Непосредственным результатом этих обсуждений стало появление царских указов о сокращении наполовину размера выкупных платежей (с 1907 г. они вообще отменялись), а также об «усилении капиталов Крестьянского банка для увеличения приобретения частновладельческих земель и облегчении условий получения заемщиками кредита». (Функция банка состояла в предоставлении крестьянам ссуд для покупки земли.)

В последующие месяцы правительство Витте не оставляло без внимания аграрную проблему и разрабатывало предложения по общей реформе землевладельческого строя в России. Царь счел необходимым публично огласить принципы государственной политики в деревне. Принимая 18 января 1906 г. депутацию крестьян из Курской губернии, заявил: «Вы, конечно,

должны знать, что всякое право собственности неприкосновенно, то, что принадлежит помещику, принадлежит ему, то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему. Земля, находящаяся во владении помещиков, принадлежит им на том же неотъемлемом праве, как и ваша земля, принадлежит вам. Иначе не может быть, и тут спора быть не может... Помните всегда, что право собственности свято и должно быть неприкасаемо».

В конце 1905 — начале 1906 г. перед властью существовала и еще одна первоочередная политическая задача, поставленная Манифестом 17 октября: созыв Государственной думы. Утвержденный в августе 1905 г. так называемый булыгинский проект требовал существенной переработки. Октябрьский манифест наделял Думу законодательными правами и расширял круг избирателей. Совет министров в ноябре 1905 г. разработал проект нового избирательного закона. Одновременно с этим по просьбе С. Ю. Витте представители общественных кругов Н. Д. Шипов и А. И. Гучков, принадлежавшие к правому крылу земско-либеральной оппозиции, предложили свой вариант. Оба проекта стали предметом рассмотрения на совещаниях высших должностных лиц империи, происходивших в начале декабря 1905 г. под председательством монарха в Царском Селе.

Существенная разница между двумя проектами состояла в нескольких принциальных пунктах: первый сохранял выборы непрямые, неравные и куриальные, а второй предусматривал мажоритарную систему выборов по округам, предоставляя равные избирательные права всем подданным, достигшим 25 лет, проживающим в данном районе не менее шести месяцев, кроме монахов, учащихся, а также лиц, имеющих судимость и находящихся под следствием. На царскосельских совещаниях разгорелись дискуссии о возможности введения «четыреххвостки». Витте и некоторые другие считали подобный избирательный прием совершенно не приемлемым в условиях России, где большая часть населения необразованна и политически неискушенна, чтобы принимать ответственные решения. Это могло привести к победе безответственных демагогов, а в парламенте будут заседать «преимущественно адвокаты». Эту же точку зрения разделял и царь, в конце второго дня обсуждения заметивший: «Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно. Первый проект дает более гарантий для осуществления реформ, возвещенных в Манифесте 17 октября».

В результате был сохранен сословно-куриальный принцип, заявленный еще в булыгинском проекте, и выборы становились многоступенчатыми. Указ об этом появился 11 декабря 1905 г. Всего создавалось четыре курии: землевладельческая, городская, крестьянская, рабочая. Один выборщик приходился на 90 тыс. рабочих, 30 тыс. крестьян, 4 тыс. горожан и 2 тыс. землевладельцев. Подобный выборный принцип давал очевидные преимущества состоятельным слоям населения, но с другой — гарантировал присутствие в Государственной думе действительных рабочих и крестьян, а не тех, кто лишь выступал от их имени.

Общая численность Государственной думы определялась в 524 депутата, выборы намечались на март 1906 г., а открытие — на конец апреля. Не участвовали в выборах: лица моложе 25 лет, иностранные подданные, жен-

щины, учащиеся, военные на действительной службе, признанные виновными в преступлениях или находившиеся под следствием, состоявшие под опекой, банкроты, душевнобольные, губернаторы, вице-губернаторы, полицейские чины и некоторые другие социальные группы. (На практике обнаруживалось, что запрет на участие в выборах нередко нарушался. Только в I Государственной думе оказалось несколько десятков депутатов, привлекавшихся ранее к судебной ответственности и скрывших судимость.)

20 февраля 1906 г. появился манифест, развивавший положения Манифеста 17 октября. В нем указывалось, что за монархом сохраняются все права, кроме тех, которые «он разделяет с Государственной думой». Государственный совет приобретал характер верхней палаты и реформировался. Отныне только половина его членов назначалась царем, а другая часть комплектовалась представителями от православного духовенства, дворянства, земства, от организаций науки, промышленности и торговли.

Все эти нововведения совершенно не устраивали левые круги и удовлетворяли лишь часть либерально настроенной общественности. В январе 1906 г. состоялся съезд кадетской партии, который высказался за конституционную монархию и парламентаризм (ответственность правительства перед Думой). Даже умеренные представители кадетской партии все еще были убеждены, что Россия способна реализовать новейшие достижения европейской «политической практики и науки».

Когда весной 1906 г. один из лидеров конституционно-демократической партии В. А. Маклаков посетил в Париже министра внутренних дел Ж. Клемансо и с пафосом стал ему рассказывать, что его партия (кадеты) «решительно выступает за введение всеобщего избирательного права», то его собеседник покачал головой и спросил тоном, в котором уже содержался ответ: «Как, уже?»

§ 2. Государственно-правовая трансформация монархической системы

После появления Манифеста 17 октября 1905 г. стало ясно, что новые политические реальности диктуют необходимость пересмотра Основных законов Российской империи. Витте считал (это мнение разделяли и многие другие сановники), что нельзя откладывать эту работу, которую необходимо завершить до начала заседаний Государственной думы, чтобы наперед исключить всякую возможность принятия на себя ею функции Учредительного собрания. Опасность подобного развития была вполне реальной.

Царь поручил составить предварительный проект новой редакции Основных законов государственному секретарю барону Ю. А. Икскуль фон Гильденбандту и председателю Государственного совета графу Д. М. Сольскому. В начале марта 1906 г. разработанный проект поступил в Совет министров, где он обсуждался на протяжении четырех заседаний. 19 марта премьер сообщал царю: «Имею честь всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что Совет министров окончил рассмотрение вопроса об издании Основных законов и проект таковых». Николаю II были представлены проект и «мемория» (памятная записка) Совета министров. После ознакомления с документами царь решил созвать совещание

высших должностных лиц империи для окончательного обсуждения предлагаемых изменений первой части первого тома Основных законов.

Такие совещания состоялись в Большом Петергофском дворце 7, 9, 11 и 12 апреля 1906 г. под председательством царя. В них участвовало несколько десятков лиц; почти все известные сановники, сенаторы и министры, как бывшие, так и действующие. Кроме того, к обсуждению были привлечены и царские родственники: брат Николая II, великий князь Михаил Александрович, двоюродный дядя монарха великий князь Николай Николаевич (председатель Совета государственной обороны и Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа), а также его родной дядя великий князь Владимир Александрович.

Особое волнение участников вызвало обсуждение двух пунктов: обозначение верховных прерогатив монарха (ранее они определялись в законе как «самодержавные» и «неограниченные») и принцип несменяемости судей. Первостепенным представлялся вопрос о законодательном определении верховных прерогатив монарха. Большинству участников было ясно, что 17 октября 1905 г. произошел коренной перелом в облике российской государственности и оставлять все без изменения значило проявить политическую слепоту и дать врагам возможность использовать этот аргумент в борьбе с властью.

На обсуждение было представлено две новых редакции. Первая звучала так: «Самодержцу Всероссийскому принадлежит верховная в государстве власть». Второе же предложение видоизменяло старую правовую норму и формулировалась следующим образом: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». И в том и другом случае из закона предполагалось исключить определение «неограниченный». Монархисты-традиционалисты же считали, что Манифест 17 октября «предуказал» лишь то, что Дума получила ограниченные законодательные права. Что же касается полноты исполнительной власти, то тут монарх продолжает сохранять неограниченные прерогативы. А раз так, то никаких изменений этого пункта не требуется.

С такой трактовкой был не согласен С. Ю. Витте. Он считал, что раз существует норма, что «Российское государство управляется на твердом основании законов», то «толкование о неограниченной власти управления отпадает, ибо в действительности верховная власть подчиняется закону и им регулируется». Через полгода после октябрьского манифеста глава кабинета уже отчетливо понимал всю сложность соединения традиционных государственных норм с заявленными принципами гражданской свободы и продекларированными новыми приемами управления. Поэтому граф вынужден был признать, что он «ныне смущен, как был смущен 17 октября».

Сомнения одолевали и царя, которыми он и поделился с собравшимися. «Все это время меня мучает чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил. Борьба во мне продолжается. Я еще не пришел к окончательному выводу... Искренне говорю вам, верьте, что если бы я был убежден, что Россия желает, чтобы я отрекся от самодержавных прав, я бы для блага ее сделал бы это с радостью. Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил дове-

сти его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье 1 Основных законов уже 109 лет». В конце концов в последний день заседаний Николай II согласился на изъятие из закона понятия «неограниченный». Одновременно был решен и другой спорный вопрос, вызвавший продолжительные прения: о законодательном закреплении принципа несменяемости судей.

23 апреля император утвердил новую редакцию «Основных законов Российской империи». Они подтверждали незыблемость самодержавия. «Императору всероссийскому, — гласила статья 4, — принадлежит верховная самодержавная власть». Последующие статьи определяли священность и неприкосновенность особы царя, его право издавать законы, руководить внешней политикой, армией, флотом, назначением высших чиновников. В Основных законах появился и новый момент, которого не было раньше. В статье 86 говорилось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственный думы и воспринять силу закона без утверждения Государя Императора». Следующая, 87 статья позволяла монарху между сессиями законодательных палат издавать законы в форме «чрезвычайных указов». Дума имела право делать запрос различным должностным лицам, выступать с законодательной инициативой. К ее компетенции относилось утверждение бюджета, штатов и смет различных ведомств, отчетов Государственного контроля, рассмотрения всех вопросов, связанных с железнодорожным строительством и т. д. Реформированный Государственный совет также получал право законодательной инициативы. Законопроекты, не принятые обеими палатами, считались отклоненными. Законопроекты, отклоненные одной из палат, могли снова выноситься на рассмотрение только с разрешения императора.

Возникшая система мало походила на развитый парламентский строй, который существовал к тому времени в целом ряде европейских государств. Правительство назначалось монархом и несло ответственность только перед ним, избирательные права населения были заметно урезаны, а Дума получала ограниченные возможности воздействия на власть. Однако при всем при том это был переломный момент в развитии монархической государственности. Известный знаток конституционного права В. В. Леонтович, проанализировавший сумму законодательных норм, включенных в апреле 1906 г. в Основные законы, рассматривал их как конституционный акт. «После конституции 23 апреля 1906 г. законодательная власть царя утеряла свой абсолютный характер полностью... Теперь Царь не мог устранять или менять законы без участия Государственной Думы и Государственного Совета. А это, в свою очередь, означало, что исполнительная власть его ограничена была законами, которые существовали независимо от его власти».

Основные законы содержали и широкий перечень прав и обязанностей граждан (глава 8). Собственно говоря, к числу обязанностей относились только две: исполнять всеобщую воинскую повинность и платить налоги. Зато перечень гражданских прав был значительно шире.

В их числе: гарантия юридической защиты в случае ареста или судебного преследования, неприкосновенность жилища, неприкосновенность

частной собственности. В статье 77 особо оговаривалось, что конфискация собственности могла иметь место лишь в случае государственной надобности и только при справедливой компенсации. Закон признавал право граждан свободно выбирать местожительства в России, беспрепятственно выезжать за границу. Граждане России впервые в истории получили свободу вероисповедания и право создавать союзы и объединения. Если к этому добавить, что граждане получали право создавать партии, а члены враждебных государству партий, не получивших официальную регистрацию, имели право избирать и быть избранным в Думу как «независимые деятели», то уместен вывод о том, что в Основных законах 1906 г. «с достаточной ясностью и точностью сформулированы принципы гражданской свободы».

Основные законы 1906 г. утвердили три исходных элемента конституционного строя: выборное представительство с законодательными правами, разделение исполнительной и законодательной власти, независимость судебной власти.

§ 3. Главные политические партии России

В 1905– 1906 гг. обозначилось структурирование общественных сил, носивших до того характер аморфных политических течений. В этот период возникло несколько политических объединений, имевших характер общероссийских политических партий и действовавших как легально, так и нелегально. Всего в России до 1917 г. действовало около 150 политических объединений, называвших себя партиями. В подавляющем большинстве это были или недолговечные структуры, или малочисленные конгломераты случайных социальных элементов, или узко регионально-национальные союзы (польские, еврейские, латышские, армянские и т. д.). Партий общероссийских, охватывающих территорию империи, задавших тон в политической жизни государства, было немного.

Среди партий, возникших до событий 1905 г., наиболее значимыми являлось две: и Российская социал-демократическая рабочая партия (эсдеки) и Партия социалистов-революционеров (эсеры).

Первая заявила о себе в 1898 г., о ней речь пойдет ниже. Партия же социалистов-революционеров оформилась как партия в 1901—1902 гг. Она объединяла различные народнические кружки и группы, действовавшие еще в XIX в. и считавшие себя продолжателями дела народовольцев. Главными деятелями партии являлись: Е. К. Брешко-Брешковская, Г. А. Гершуни, М. Р. Гоц, В. М. Чернов, М. А. Натансон, А. А Аргунов, Н. И. Ракитников, Е. Ф. Азеф, Б. В. Савинков. В 1905– 1907 гг. в России действовало несколько десятков эсеровских партийных организаций, объединявших примерно 2,5 тыс. человек.

На протяжении многих лет эсеровские лидеры разрабатывали программу партии, и этот длительный процесс отразил трудную мировоззренческую дилемму: как соединить народнические представления о специфическом пути России к социализму с капиталистической действительностью. С конца XIX в. вторжение буржуазных отношений в деревню невозможно было не заметить. Эта реальность разрушала народнические грезы о русском крестьянине как «о прирожденном социалисте» и об общине как о «естественном элементе» будущего социалистического строя.

В конце концов партийная программа, приемлемая для большинства эсеровских кружков и синтезирующая народнические и марксистские идеи, была принята съездом партии в 1906 г.

Основными требованиями ее являлись: свержение монархии, установление демократической республики на федеративных началах, осуществление полных политических свобод, законодательная защита человека труда, признание за отдельными национальностями безусловного права на самоопределение, выборность и сменяемость всех должностных лиц, отделение церкви от государства, уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением. В области аграрных отношений эсеры выступали за полную «социализацию земли», за изъятие ее из товарного оборота и превращение из частной собственности отдельных лиц и групп в общенародное достояние. В распоряжение государства переходили лишь природные недра. Сельскохозяйственные же угодья поступали в распоряжение «центральных и местных органов народного самоуправления», а пользование землей должно было стать уравнительно-трудовым, обеспечивающим потребительскую норму «на основании приложения собственного труда».

Главным способом политической борьбы эсеры признавали индивидуальный террор, который они рассматривали как средство агитации и возбуждения общества. Они создали строго законспирированную Боевую организацию, на счету которой числилось множество покушений на должностных лиц государства. В числе погибших от рук эсеровских боевиков были: министр внутренних дел Д. С. Сипягин (1902 год), харьковский губернатор князь И. М. Оболенский (1902), уфимский губернатор Н. М. Богданович (1903), министр внутренних дел В. К. Плеве (1904), великий князь Сергей Александрович (1905). На протяжении нескольких лет эсеры вынашивали план убить царя, но осуществить намерение им не удалось. Террористическая тактика эсеров в конечном итоге потерпела полный провал, а одной из причин его стало нравственное разложение и деградация «антрепренеров террора».

«Дело Азефа» нанесло жестокий удар по декларируемым «высоким идеалам» эсеровских борцов. Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) Азеф (1869—1918) на протяжении длительного времени входил в число руководителей эсеровской партии, а в 1903–1908 гг. даже возглавлял Боевую организацию. Но еще в 1893 г., находясь за границей, он предложил Департаменту полиции свои услуги в «освещении антиправительственных замыслов и деятельности» эмигрантских кружков. Департамент полиции принял на службу информатора, положив ему ежемесячное содержание в 50 рублей.

На протяжении ряда лет Азеф являлся одним из самых ценных осведомителей полиции, а плата ему за услуги достигла огромной по тем временам суммы — 1000 рублей в месяц. Он выдавал многие планы террористических групп, их явки, транспорты с нелегальной литературой и оружием. Одновременно Азеф организовывал громкие террористические акции (убийство Плеве, в. кн. Сергея Александровича), что долго отводило от него подозрение в провокаторстве. В 1908 г. грянул гром: бывший начальник Департамента полиции А. А. Лопухин подтвердил факт сотрудничества

Азефа с тайной полицией. Дело обернулось громким скандалом для правительства, а эсеровскую партию оно повергло в состояние коллапса.

* * *

В октябре 1905 г. в Москве состоялся учредительный съезд Конституционно-демократической партии, принявший программу и устав. Эта партия — крупнейшее объединение российского либерализма — для «широкого пользования» установила и другое название: Партия народной свободы. В обиходе ее называли кадетской, а членов — кадетами. Партия народной свободы сыграла заметную роль во многих драматических коллизиях последних лет монархии. Кадеты доминировали в Первой и во Второй Государственных Думах, выступили инициаторами и стали фактическими руководителями образованного в августе 1915 г. антиправительственного Прогрессивного блока.

Во главе стояли известные общественные деятели П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, П. Б. Струве, В. Д. Набоков, А. И. Шингарев, Ф. И. Родичев, И. И. Петрункевич, князья Павел и Петр Долгорукие, князь Д. И. Шаховской и некоторые другие. Лидеры кадетов старались представить свое партийное объединение неким рупором общенациональных интересов, выразителями чаяний всей страны. Один из главных идеологов и создателей кадетской партии, П. Б. Струве, заявлял: «Партия народной свободы есть партия либеральная — она отстаивает свободу личности, гражданские права и широчайшее самоуправление. Она есть партия демократической конституции, и она есть партия демократических социальных реформ... Существенное отличие нашей партии от известного типа партий, стоящих налево и направо от нас, заключается в том, что наша партия не классовая... Классовым партиям наша партия противопоставляет себя, как партию национальную». В истории еще не существовало случая, чтобы одна-единственная партия выражала интересы всех социальных групп какой-либо страны. Русские кадеты-интеллектуалы провозгласили появление подобного феномена.

На самом деле социальной основой партии являлись земско-либеральные элементы левой ориентации, а также профессура крупнейших университетов, как и лица свободных профессий (адвокаты, врачи, журналисты, писатели). Общелиберальные лозунги и призывы кадетов находили широкий отклик, и после создания партии ее ряды быстро росли. Уже весной 1906 г. численность партии достигла 70 тыс. человек. Однако после спада революционного напряжения численность резко пошла вниз: весной 1908 г. в составе кадетской партии состояло не более 30 тыс. человек.

Программа Конституционно-демократической партии вобрала в себя многие представления передовой либеральной европейской мысли. Здесь были положения о равенстве всех перед законом, о ликвидации сословных разграничений, прямых и всеобщих выборах, о свободе совести и вероисповедания, о свободе печати и общественных ассоциаций, о неприкосновенности личности и жилища, о свободе передвижения, о ликвидации паспортной системы, о свободе культурного самоопределения. Они высказывались за контроль Государственной Думы за государственными финансами и за деятельностью высшей администрации. Кадетская программа была нацеле-

на на создание конституционной правления, предусматривала разделение властей (исполнительной, законодательной, судебной) и создание широкой сети местных институтов самоуправления по европейским образцам. Кадеты обошли вопрос о форме государственного устройства, написав, что «конституционное устройство Российского государства определяется Основным законом», и выступали за избрание народных представителей «всеобщею, равною, прямою и тайною подачей голосов».

В аграрной области кадеты ратовали «за увеличение землепользования населения» и признавали возможным отчуждение частновладельческих земель и передачи их в руки безземельных и малоземельных крестьян. В этих видах они считали необходимым пересмотреть земельное законодательство для облегчения условий аренды, развивать государственную помощь делу обустройства землепользователей на новых местах, распространить рабочее законодательство на область аграрных отношений. В рабочем вопросе кадеты призывали к свободе рабочих союзов и собраний, к укреплению роли рабочей инспекции на производстве, установлению восьмичасового рабочего дня, развитию охраны женского и детского труда, совершенствованию рабочего страхования.

В общем и целом кадетская программа выглядела весьма прогрессивно, и ее осуществление, несомненно, означало бы огромный прорыв в деле «европеизации», если бы не одно «но». Произнести красивые слова это одно, а реализовать обещания на практике – совсем другое. Кадеты, исписав за годы своего существования горы бумаг, произнеся бессчетное множество речей, разоблачив и заклеймив всех деятелей самодержавного режима за их нежелание и неумение осуществлять «правильную политику», так и не предложили самого главного: механизма реализации своих красивых благопожеланий. Отвлеченная декларативность программы наиболее наглядно проявлялась в их «умствованиях» по аграрному вопросу.

Признав принцип насильственного отчуждения частновладельческих земель, кадеты записали, что это перераспределение должно было осуществляться «за счет государства», а бывшие владельцы земли должны были получить компенсацию «по справедливой (не рыночной) оценке». Что такое «справедливая» оценка, кто будет ее определять, какова конкретная механика движения земли по формуле владелец — государство — владелец, этого никто из кадетов так и не объяснил.

Главный «аграрный специалист» кадетской партии, творец ее аграрной программы, М. Я. Герценштейн, написавший серию научных трудов о кредите и финансовом хозяйстве главным образом европейских стран, вообще полагал, что такие вопросы являются «несущественными». Возражая представителям правительства, считавшим, что действительная цена земли может устанавливаться лишь в процессе рыночного оборота, патетически восклицал: «По вашему мнению, справедливая оценка та, которая устанавливается на рынке. На это я могу вам ответить: те цены, по которым теперь продаются земли, я не могу считать справедливыми. Земля должна продаваться по более дешевой цене».

«Аграрный специалист» не признавал существующие рыночные цены справедливыми, выступая за административную регуляцию рыночных отношений. Кадеты наивно полагали, что отняв землю у одних и передав ее

другим, по неведомой никому «справедливой» оценке, можно будет, как вещал Герценштейн, «превратить батрака в крестьянина». Конъюнктурная риторика и исповедуемая «идеология государственного отщепенства» определили резко отрицательное отношение кадетской партии к столыпинской реформе, нацеленной как раз на то, чтобы не на словах, а на деле превратить батрака в крестьянина. Открытые и завуалированные нападки на П. А. Столыпина и его аграрный курс являлись обязательными для кадетских лидеров и их главного рупора — газеты «Речь».

Хотя в марксистской историографии было принято относить кадетов к числу «буржуазно-либеральных партий», но фактическая стратегия и тактика этой партийного объединения роднит их не с либеральными партиями западноевропейского типа, а с российским социалистическим радикализмом. «Социальные пункты кадетской программы, — справедливо заключил современный израильский историк Ш. Галай, — весьма близки «практическим» требованиям (программе минимум) двух основных социалистических партий — социал-демократической и эсеровской (настолько близки, что некоторые историки считают аграрный раздел программы насквозь социалистическим по своему характеру)».

* * *

Второй крупнейшей партией либеральной ориентации был «Союз 17 октября» (октябристы), организационно оформившийся в 1906 г. Октябристы были значительно правее кадетов, и их представления в области государственного устройства носили более определенный характер. Они выступали за конституционную монархию, рассматривая октябрьский манифест как «величайший переворот в судьбах Отечества», устанавливавший начала конституционной монархии. Они выступали за сохранение единства и неразделимости Российского государства, но при непременном равенстве всех народов и при их праве на культурное развитие. Они считали, что монарх должен сохранять свои сильные властные прерогативы, но лишь в союзе с народным представительством. Октябристы выступали за свободу слова, собраний, союзов, свободу передвижения, свободу труда, предпринимательства, за неприкосновенность собственности.

В области аграрной они считали необходимым осуществить насущные реформы для «решительного и бесповоротного приобщения крестьян к полноте гражданских прав наравне с остальными гражданами». Они предлагали снять все правовые ограничения для крестьянского сословия и оказать государственную поддержку «к поднятию производительности земледелия». Признавая социальную остроту рабочего вопроса, октябристы ограничивались призывами пересмотреть и усовершенствовать рабочее законодательство, развивать страховую помощь, разрешить свободу профессиональных союзов, но при этом «законодательно регулировать условия экономической борьбы».

Октябристы не являлись строго организованной партией; это был скорее временный союз довольно разношерстных общественных элементов из числа имущих, желавших принять участие в выработке политических решений. В центре партии стояло правое крыло земско-либерального движения во главе с графом П. А. Гейденом, Д. Н. Шиповым, М. А. Стаховичем.

Н. А. Хомяковым. Но уже в 1906 г. на первую роль выдвинулся выходец из семьи старинного московского купечества, известный деятель Московского городского управления А. И. Гучков, ставший бесспорным лидером этой партии.

* * *

В конце 1905 г. стали структурно оформляться и политические партии правой ориентации, объединявшие сторонников неограниченной монархии, приверженцев исторических начал власти, выступавших против конституционных нововведений и усматривавших в них угрозу трону и России. Но до самого конца самодержавия сколько-нибудь значительной организованной политической силы у власти не было. Потом, когда была избрана III Государственная дума, появились значительные фракции проправительственной направленности, но вне думских стен политическая роль подобных объединений была малозаметной. Это объяснялось не тем, что не было сторонников монархии, что все население сплошь стало либеральным или радикальным.

Суть проблемы коренилась в другом: самые лояльные элементы оказались и наиболее политически инертными. Консервативное миросозерцание (на современном политологическом жаргоне это называется «ментальностью») зиждилось на вере и традиции, на почитании власти, на признании Божественного происхождения ее. Подобные ценности и представления невозможно было пропагандировать на митинге, их нельзя было соблазнительно изложить в политической листовке или на страницах массовой брошюры. Русский человек, русский монархист и православный человек являлись в данном случае синонимами. Вера в Бога, вера в царя, вера в Россию существовали нераздельно, и если не было одной из составляющих эту триаду, то не могло существовать и остальных.

Попытки создания крепкой общероссийской монархической партии, партии порядка, партии традиции предпринимались неоднократно, и начались они еще до революционных потрясений 1905 г. Первой заметной общественной организацией в этом ряду стало Русское собрание, возникшее в конце 1900 г. Устав его был утвержден 26 января 1901 г. Задачи деятельности формулировались следующим образом: «Ознакомить общество со всем, что сделано важного и своеобразного русскими людьми во всех областях научного и художественного творчества». Вначале общество сконцентрировало свои усилия на организации библиотек и читален, проведении вечеров и лекций по русской истории и культуре. Во главе организации стояли известнейшие деятели консервативного направления: писатель князь Д. П. Голицын, правнук декабриста князь М. В. Волконский, барон Н. А. Энгельгардт, издатель влиятельной газеты «Новое время» А. С. Суворин, профессор А. С. Вязигин, приват-доцент Петербургского университета, литературовед, журналист и писатель Б. В. Никольский.

Русское собрание несколько лет было центром притяжения всех правых сил. В ноябре 1905 г. оно опубликовало свою избирательную программу, ставшую образцом для подражания других монархических организаций. В ней однозначно выражалась приверженность неограниченной монархии и говорилось о необходимости единения царя и народа. В конце 1905 г. в Петербурге возникла самая значительная правая организация —

партия «Союз русского народа» (СНР), устав которой был утвержден 7 августа 1906 г. Ее возглавили А. И. Дубровин и В. М. Пуришкевич. Первый был врачом по профессии и состоял ранее в Русском собрании, а второй происходил из дворян Бессарабской губернии, служил чиновником в Министерстве внутренних дел и был завсегдатаем петербургских консервативных салонов. Союз русского народа вскоре стал самой массовой и влиятельной организацией правых.

Установить реальную численность СРН невозможно, так как в партии какой-либо регистрации не существовало, а сама эта структура являлась политическим объединением, оживлявшимся лишь в периоды социальной смуты или выборов. Руководители монархических организаций в 1905—1906 гг. определяли число своих приверженцев минимум в 3 млн человек. Департамент же полиции насчитал в начале 1908 г. в 78 губерниях 358 758 членов Союза русского народа и 47 794 члена других монархических организаций. Если считать полицейские цифры адекватными, то СРН являлся в этот период вообще наиболее массовой политической организацией в России. СРН издавал газету «Русское знамя», являвшуюся в течение нескольких лет самым тиражным рупором правых (максимальный ежедневный тираж — 15 тыс. экземпляров).

Главная политическая задача крайне правых, которых оппоненты и враги из рядов либералов и радикалов окрестили черносотенцами, состояла в сохранении неограниченной монархии, в защите принципа единой и неделимой империи. С конца 1905 г. эти силы становятся активными, их влияние и роль не может отрицать никто. Многотысячные толпы на митингах и манифестациях производили сильное впечатление на очевидцев и убеждали правоверных монархистов в том, что не исчезла народная поддержка старых русских государственных ценностей. «За Царя, за Родину, за Веру» — эти простые, эмоциональные призывы выводили на улицы людей. И хотя возглавлялась правое движение людьми образованными, политически сведущими, движущей силой его был простой, «черный народ», для которого призывы к конституционному устройству и правовому государству были пустым звуком.

Правые монархисты это понимали, их стратегия и тактика были рассчитаны в первую очередь на людей с невысоким уровнем политического кругозора. В первых пунктах устава Союза русского народа говорилось, что эта организация «постановляет себе неуклонною целью развитие национального русского самосознания и прочное объединение русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу дорогого Нашего Отечества — России единой и неделимой. Благо Родины — в незыблемом сохранении православия, русского *неограниченного самодержавия* и народности». Все это декларировалось тогда, когда в России вводилось национальное законодательно-представительное учреждение в виде Государственной думы, когда уже были пересмотрены Основные законы и из них было исключено положение о том, что царь — «неограниченный». Наряду с этим говорилось, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора».

Сразу после издания в апреле 1906 г. измененной редакции Основных законов разгорелись острые политические дискуссии о характере русской государственной системы, о правовом облике власти. Одни полагали, что введение принципа разделения властей — показатель установления демократических порядков; другие же, главным образом из рядов оппонентов и противников режима, считали, что все это «фиговый листок самодержавия» и что при первой же возможности власть ликвидирует то, что «удалось вырвать в освободительной борьбе». Для русских правых в этом пункте существовала полная определенность. Они были убеждены, что демократические свободы, парламентский строй и ответственность исполнительной власти перед законодательной, может быть, и хороши в Европе, но совершенно не подходят для русских условий. По этим представлениям, «простой русский народ» еще слишком далек от западных политических норм и представлений, он сформировался в совершенно иной исторической обстановке и поэтому в России не могут «произрастать чужестранные цветы».

Лидеры правого движения прекрасно понимали, что они не могут рассчитывать на поддержку в образованных слоях населения, что их главная опора, их базовый социум — темная и инертная масса, способная усвоить только эмоциональные и доступные понимаю политические призывы. На съезде монархистов в конце 1906 г. в Киеве один из участников, барон Н. А. Энгельгардт, призывал начертать на черносотенном знамени простые и ясные слова: «Россия для русских! За Веру, Царя и Отечество! За исконные начала: Православие, Самодержавие и Народность! Долой революцию! Не надо конституции! За самодержавие, ничем не ограничиваемое!». И эти формулы в той или иной форме были вписаны в программы всех правых партий.

Русские монархисты-традиционалисты очень ободрились, что уже после Манифеста 17 октября 1905 г. император Николай II удостоивал их представителей аудиенций и на этих приемах, 23 декабря 1905 г. и 16 февраля 1906 г., произнес слова, столь желанные для уха «истинно русского человека»: «Самодержавие мое останется таким же, каким оно было встарь»; «Я верю, что с вашей помощью Мне и Русскому народу удастся победить врагов России»; «Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам и уверен, что Русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом»; «Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас».

Казалось, что монарх солидарен с правыми в неприятии всех политических новаций, объявленных в октябрьском манифесте. Да, царь тоже считал, что изменение принципов и структуры власти — вещь вредная и недопустимая. Сердцем он был с теми, кто ратовал за сохранение исконных начал и основ. Но слово было произнесено, решение встать на путь либеральных преобразований было бесповоротным.

Еще накануне издания Манифеста 17 октября 1905 г. царь писал генералу Дмитрию Трепову: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и, в конце концов, случилось неизбежное. Тем не менее, по совести

я предпочитаю давать всё сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и всё-таки прийти к тому же».

Правые же воспринимали нарождающийся парламент как совещательное собрание при императоре. В уставе Союза русского народа говорилось, что «Государственная Дума, чуждая всяких ограничений царской власти, должна быть национально русскою. Она обязана правдивым осведомлением о действительных нуждах народа и государства, помогать законодателю осуществлять назревшие преобразования». (Правые распространяли понятие «русские» не только на собственно русских, но и на украинцев и белорусов.) Когда в начале 1906 г. стало ясно, что выборы в Государственную Думу состоятся, то правые вынуждены были принять новые социальные условия и бороться за депутатские мандаты. Это было ново, нежеланно, но неизбежно. С трудом, без всяких навыков и интереса традиционалисты вступали на зыбкую почву открытой политической борьбы, борьбы социальных идей и партийных тактик. Они все еще были убеждены, что большинство однозначно скажет «нет» чуждым «русскому духу» новшествам. Накануне выборов по всей России рассылались различные печатные материалы, в которых заклиналось не идти на поводу «у врагов России».

В изданной массовой тиражом листовке под характерным названием «Самодержавие или конституция?» говорилось: «Государь решил призвать для постоянного совета по делам государственным и указаний на нужды народные лиц, для этой цели самим населением выборных... Истолковывать закон о Государственной Думе и Манифест 17 октября как введение конституции (парламентского строя) для России и отказ Государя от Самодержавия могут только люди, желающие взять власть Государственную в свои руки».

§ 4. Марксизм в России. Плеханов и Ленин. Меньшевики и большевики

К концу XIX в. в России существовало два основных направления социалистических течений общественной мысли. Первое представляли народники. Не считая, что капитализм является неизбежным, они верили в «социалистический инстинкт» крестьянина, и именно на крестьянство были ориентированы все их программы и призывы.

Второе направление представляли марксисты, внимание которых целиком было обращено на рабочих. Они были уверены в неизбежности капиталистической перестройки России. Утверждение же капитализма — это рост рабочего класса (пролетариата), постепенное превращение его, как они были уверены, в главную общественную силу. Чтобы отстоять свои права, «наемным рабам» необходимо понять механизм «капиталистической эксплуатации». Рабочие должны объединиться, и лишь после этого они смогут свергнуть «ненавистное капиталистическое иго» и построить справедливое «социалистическое общество». Просвещать же рабочих должны были «профессиональные политики», люди, для которых занятие общественной борьбой являлось «делом всей жизни». По своему происхождению лидеры социалистических партий и кружков в большинстве своем никакого отношения к рабочему классу не имели. Многие из них происходили из вполне благополучных, обеспеченных семей. Главным своим тео-

ретиком они считали уроженца Германии экономиста Карла Маркса (1818—1883).

В середине XIX в. Маркс разработал теорию о революционном преобразовании существующего мира. Занимаясь изучением экономических и общественных условий жизни людей, он пришел к заключению, что формы общественной жизни — результат экономических условий. Маркс выдвинул теорию о «закономерном», «естественноисторическом» процессе, определяемом не Божественной волей, желаниями людей, политикой государства, природными условиями, а характером использования средств производства (орудий, механизмов, заводов, фабрик, железных дорог, земельных угодий) и формой владения ими, или по его терминологии — «производственными отношениями». «Присвоение прибавочной стоимости и определяет современный капиталистический строй государства», — заключил К. Маркс.

Он утверждал, что если изменить форму собственности, упразднить частное владение средствами производства и передать их в руки коллектива (трудящихся), то коренным образом улучшатся не только материальные условия их жизни, но и их представления, навыки, желания, оценки станут иными. Конкретный человек Маркса не интересовал, он мыслил мировыми категориями, его занимала исключительно «судьба человечества». У людей не надо ничего спрашивать, их следует «сделать счастливыми», претворив в жизнь идею об изменении формы собственности. В 1867 г. Маркс опубликовал первый том своего знаменитого труда «Капитал», где, как потом утверждали его многочисленные последователи, «дал всесторонний анализ развития капитализма и показал неизбежность его революционной смены социализмом».

Фатальному экономическому детерминизму соответствовала и строго научная концепция истории, разработанная Марксом. Его теория «общественно-экономических формаций» проста, стройна и рационалистична. Согласно «формационному» принципу жизнь общества в каждой исторической фазе характеризуется множеством параметров, главным из которых является способ производства. Совокупность производственных отношений составляет суть каждой формации. Они (производственные отношения) и определяет облик общества в любой миг истории.

Последовательная смена формаций вызывалась противоречием между новыми производительными силами и устаревшими производственными отношениями, которые на определенном этапе превращаются из «формы развития» в «оковы производительных сил». Переход от одной общественно-экономической формации к другой происходил через социальную революцию («революционный скачок»), устраняющий «историческое противоречие».

В летописи человечества К. Маркс насчитал пять общественно-экономических формаций: общинно-родовой строй, рабовладение, феодализм, капитализм и коммунизм. По мнению Маркса, капитализм являлся последней «антагонистической формацией», на смену которой неизбежно придет коммунизм, лишенный «неразрешимого противоречия» между коллективной формой общественного труда и частновладельческим приемами присвоения их результатов. «Буржуазной общественной формацией завер-

шается предыстория человеческого общества», — заключали основоположники марксизма. Маркс являлся революционером, т. е. человеком уверенным, что для изменения общественных условий нужны насильственные (революционные) действия. Так как капиталисты добровольно не откажутся от своей власти, их необходимо свергнуть. Для этого он призывал создавать партии, «передовые отряды пролетариата», которые должны стать «локомотивами» общественных преобразований, «встать в авангарде общественной борьбы».

Многолетним близким другом и единомышленником Маркса являлся Фридрих Энгельс (1820—1895), сын фабриканта, наследник большой торгово-промышленного фирмы в Манчестере (Англия). Перу Энгельса принадлежат революционные, философские, исторические статьи и книги, много лет он фактически содержал большую семью Карла Маркса на деньги, получаемые в качестве капиталиста-предпринимателя. «Вождей мирового пролетариата» это нисколько не смущало. Прибавочную стоимость («неоплаченная часть труда рабочих»), которую другие капиталисты «нагло присваивали», Энгельс «не присваивал», он ее законно получал и использовал на дело освобождения мирового пролетариата!

В 1848 г. в Лондоне Маркс и Энгельс опубликовали небольшую брошюру под названием «Манифест коммунистической партии». В этом документе, наполненном апокалипсическими прогнозами, предсказывалась неизбежность «торжества пролетариата», этого «могильщика капитализма». «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», — заключали авторы. Маркс и Энгельс считали, что традиционная мораль «устарела», они утверждали «для пролетариата» (заодно и для себя) некую новую, «революционную мораль», суть которой можно выразить циничной метафорой: все хорошо, что нам (мне) полезно!

Придумывание какой-то новой морали, оправдывавшей покушение на чужое имущество («собственность») и на чужую жизнь («революционность»), свидетельствовало об изначальной аморальности отцов-основателей марксизма. Однако всегда находились люди, недовольные окружающей действительностью и готовые во имя насильственного преобразования жизни отбросить нормы и устои, формировавшиеся в обществе веками и тысячелетиями. Уже в середине XIX в. начали возникать в разных странах Европы группы и кружки, объявлявшие себя «марксистами-социалистами».

«Научное обоснование» преступного характера частной собственности и предсказание грядущего своеобразного «судного дня» (революции) — два главных постулата теории марксизма — перекликались с распространенными в России представлениями. Здесь еще не существовало никакой «научной школы грядущей революции». Умозаключения доморощенных революционных демократов базировались по преимуществу на интуиции, на субъективном чувстве, на «моральном императиве», в конечном итоге на нецерковном христианстве и лишь в малой степени являлись следствием изучения социального материала.

Обширные труды Маркса, их фундаментальность, логичность, четкость выводов, беспощадность формулировок — все это не могло не произвести сильного впечатления на те русские умы, которые, как писал

А. С. Грибоедов, «ни в чем не тверды». Постулаты марксизма быстро завладели сердцами некоторых русских. Однако возникшая у них под его влиянием система взглядов являлась симбиозом «новейших достижений европейской социалистической мысли» с традиционными народническими представлениями.

В учении марксизма тезис о «могильщике капитализма» — пролетариате занимал ключевое место. Исходя из этого, только общество с развитой капиталистической инфраструктурой являлось преддверием торжества неимущей справедливости, «царства коммунизма». Россию середины XIX в. к разряду стран победившего капитализма отнести было никак нельзя, и все теории революционных демократов отводили ведущую роль в будущей революции крестьянству. Поэтому некоторые наиболее заметные русские марксисты «первого призыва» со временем начинали исповедовать специфические социальные теории, очень мало или совсем не сопряженные с учением К. Маркса и Ф. Энгельса.

К началу 70-х гг. XIX в. среди русских социалистов существовали три наиболее популярные теории, олицетворяемые известными деятелями революционной среды: М. А. Бакуниным (1814—1876), П. Л. Лавровым (1823—1900) и П. Н. Ткачевым (1844—1886). Каждый из них испытал на себе воздействие марксизма.

Бакунин близко был знаком с Марксом и Энгельсом, участвовал в работе учрежденного ими Интернационала, но в 1871 г. порвал с Марксом и основал свою революционную группу, став теоретиком анархизма. Он являлся проповедником теории разрушения государства, полностью отрицал возможности использования в «целях трудящихся» парламентаризма, свободы печати, избирательной процедуры. Не принимал он и теорию о ведущей роли пролетариата в революции, возлагая надежды на крестьянство, ремесленников и люмпенов. В 1873 г. за границей появилась самая известная работа Бакунина — книга «Государственность и анархия», где русский крестьянин назывался «прирожденным социалистом», склонность которого к бунту «не подлежала сомнению». Задача революционеров, по мнению Бакунина, состояла в том, чтобы «разжечь пожар».

П. Л. Лавров тоже участвовал в деятельности Интернационала, был лично знаком и с Марксом, и с Энгельсом. Его концепция «умственного развития» значительно была ближе к марксизму, чем анархистские построения Бакунина. Однако и Лавров внес свои коррективы в «строго научную теорию». Он считал, что в Западной Европе действительно существовали «непримиримые классовые противоречия» и что там исполнителем революционного переворота явится рабочий класс. В более же отсталых странах, таких как Россия, социальную революцию должно осуществить крестьянство. Однако эту революцию надо готовить путем «развития научной социальной мысли в интеллигенции и путем пропаганды социалистических идей в народе».

Свою собственную «теорию революции» разработал другой видный представитель революционной фракции русской общественной мысли П. Н. Ткачев. Он полностью принимал марксистский постулат об экономическом детерминизме и рассматривал исторический процесс с точки зрения интересов различных классов. Он взахлеб читал труды Маркса, был

одно время близок к Лаврову, но затем порвал и с ним, и с его взглядами, став «свободным революционером-марксистом». Ткачев полностью отвергал концепцию русской экономической самобытности, считая, что в пореформенной России капитализм медленно, но неуклонно утверждается. Однако «сидеть сложа руки революционеры не имеют права». Общественный процесс необходимо ускорить, так как народ не способен на самостоятельное «революционное творчество». В отличие от Лаврова Ткачев утверждал, что не просвещение и революционная пропаганда создадут условия для революции, а сама революция явится мощным фактором революционного просвещения. Необходимо создать строго законспирированную организацию, захватить власть и использовать силу государства для подавления и уничтожения эксплуататоров.

Указанные персонажи истории развивали свои идеи и взгляды в далеком от России зарубежье, на страницах эмигрантских газет, в малотиражных книгах и брошюрах. Какая-то часть (какая точно, никто до сих пор не установил) печатной продукции, содержащей «революционные озарения» первых русских марксистов, попадала в Россию. В кругах интеллигенции и учащейся молодежи появляется интерес к Марксу и его учению.

В России первые марксистские кружки возникли в 1870-е гг.: Южнорусский союз рабочих в Одессе (1875) и Северный союз рабочих в Петербурге (1878). Никакого существенного воздействия эти организации ни на рабочих, ни на политическую обстановку в стране не оказали. Значительно большую роль сыграла организация под названием «Освобождение труда», возникшая в 1883 г., руководителем которой стал известнейший русский марксист Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918). Он являлся бесспорным лидером того течения русской социал-демократии, которое определяется понятием «меньшевизм».

Родился Плеханов в дворянской семье, окончил гимназию, а затем, в 1873 г., поступил в Константиновское юнкерское (военное) училище в Петербурге. Через год бросил училище и поступил в Петербургский горный институт. Будучи студентом, увлекся революционными учениями, установил связи с народниками, в организацию которых «Земля и воля» он в 1876 г. и вступил. Вскоре бросил институт и стал «профессиональным революционером». В 1879 г. возглавил народническую организацию «Черный передел». В 1880 г. уехал за границу и в Россию вернулся лишь после Февральской революции 1917 г.

Оказавшись в Европе, Плеханов стал фанатичным приверженцем теории марксизма, увидев в ней «истинно научное учение», которое поможет преобразовать мир и построить «социализм». Критически переоценив действия народников, он порывает со своими бывшими товарищами и становится популяризатором идей Маркса. В 1883 г. в Женеве Плеханов основал группу, получившую броское название «Освобождение труда». В нее входило около 10 человек, почти все из числа бывших народников. Они разочаровались в народничестве после того, как увидели, что убийство в 1881 г. императора Александра II не привело к народному восстанию.

Возникла задача пересмотреть тактические приемы для достижения заветной цели: свержения царской власти. Надежда на крестьян не оправдались. Маркс утверждал, что только рабочий класс способен совершить ре-

волюцию. Плеханов и его группа уверовали в эти теории со страстью религиозных неофитов. Первоначальная задача, на решение которой было положено немало интеллектуальных сил: способствовать распространению «гениальных произведений» Маркса в России, труды которого они и начали переводить на русский язык. Но только переводческой работой их деятельность не ограничивалась. На страницах своих брошюр и книг, издававшихся по-русски на Западе, они яростно критиковали своих недавних друзей-народников, не желавших понять и принять марксизм, отрицавших неизбежность капитализма и не веривших в теорию о мессианском предназначении пролетариата. Эти издания нелегально попадали в Россию, а в 1890-е гг. в самой России вышло несколько работ Плеханова и его единомышленников, направленных против идеологии и лидеров народничества.

Будучи человеком образованным, жившим интересами современной ему культуры, Плеханов был лично благородным и этически глубоким человеком. Хотя по своим идейным воззрениям он и исповедовал «классовую мораль», но в годы Первой мировой войны в нем заговорило здоровое национальное чувство и он призывал к «защите отечества». Заявляя, что «в нравственных понятиях нет ничего абсолютного», он тем не менее не отринул общечеловеческую мораль с ее незыблемыми принципами.

* * *

Другим виднейшим представителем русской социал-демократии был В. И. Ульянов-Ленин (1870—1924), которому было суждено сыграть в отечественной истории выдающуюся и противоречивую роль. Он, в отличие от Плеханова, прославился не столько как замечательный теоретик марксизма, сколько как виртуозный политический тактик, став родоначальником, идеологом и руководителем радикального крыла социал-демократии, именуемого большевизмом.

Владимир Ильич Ульянов родился в губернском городе Симбирске (в настоящее время город Ульяновск) в дворянской семье. Его отцом был И. Н. Ульянов (по образованию учитель математики), служивший инспектором, а затем начальником народных училищ губернии, имел высокий служебный чин — действительного статского советника (это соответствовало званию генерал-майора в армии). Мать, М. А. Бланк, происходила из семьи предпринимателей, переселившихся в Россию из Швеции. В 1879 г. Владимир Ульянов поступил учиться в Симбирскую гимназию, которую окончил в 1887 г.

К этому времени в семье Ульяновых произошли печальные события: годом раньше умер отец, а весной 1887 г. старший брат Владимира Александр был арестован и казнен как организатор заговора на жизнь царя Александра III. Хотя Владимир являлся братом государственного преступника, на нем это никак не отразилось. В царской России людей не наказывали за дела их родственников. По окончании гимназии Владимир поступил в Казанский университет на юридический факультет.

Молодой человек обладал незаурядными способностями, много читал, имел хорошую память, быстро овладел немецким и французским языками. Помимо способностей его с детских лет отличала нелюбовь к России, которую он презирал. Не верил в Бога и не интересовался русской историей.

которая представлялась «неинтересной». Его больше занимала история западноевропейских стран, где происходили, как ему казалось, большие и важные события.

В России Ульянова интересовали лишь выступления против власти. Он плохо знал русскую культуру, мало был знаком с произведениями выдающихся русских писателей и поэтов: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Лескова (произведения последних двух вообще не читал). Властителями его дум были другие: Белинский, Герцен, Добролюбов, Писарев, но особенно Чернышевский. В их сочинениях он находил много критики по адресу России, массу гневных обвинений общественного и политического строя страны. Писания этих авторов он внимательно изучал и конспектировал.

К началу учебы в университете Владимир Ульянов являлся уже убежденным ненавистником царской России, всего общественного и политического строя. Он не сомневался, что нужна революция, надо силой разрушить окружающий мир. В университете он стал одним из самых активных пропагандистов революционных идей Маркса. Он кое-что успел уже почитать из его «бесценных творений», в том числе и первый том «Капитала».

Он увидел в Марксовом учении теоретическое обоснование необходимости революции, твердо уверовав, что насильственное крушение общественного строя необходимо и возможно. Поступив в университет, Ульянов нашел среди студентов нескольких единомышленников. Они, как и он, мечтали о революции и не столько занимались обучением, сколько обсуждением и осуждением порядков и в университете, и в стране. В декабре 1887 г. они организовали, прямо в стенах университета, собрание студентов (сходку), на котором осудили университетское начальство и государственную власть «за произвол».

Никаких видимых поводов для этого не было, но молодым людям очень хотелось прослыть смелыми борцами за «общественное счастье». За нарушение общественного порядка и антигосударственные действия руководители сходки были исключены из университета. Ульянову было запрещено жить в Казани, ему предписали поселиться «до особого решения» в имении матери Кокушкино, расположенном в Казанской губернии. Через несколько месяцев ему разрешили вернуться, но в Казанский университет его уже не приняли.

Вскоре семья Ульяновых переехала в Самару. В 1891 г. он сдал экстерном (без обучения) экзамены за юридический факультет при Петербургском университете, получил диплом и начал работать в Самаре помощником присяжного поверенного (адвоката). Стал вести в суде мелкие уголовные дела, но все их проиграл, не сумев защитить никого из обвиняемых. Адвокат из него получался никудышный.

Но его это мало заботило. Его вообще кроме революции уже ничто не интересовало. Он целиком посвятил себя нелегальной деятельности, стал постоянным участником собраний молодежи, где велись оживленные дискуссии о будущем общественном развитии. Молодой Ульянов уже твердо знал: будущее и России, и всего человечества принадлежит рабочему классу, который только один и может проложить дорогу в социалистическое (коммунистическое) будущее. Для этого рабочих надо вооружить знанием

теории Маркса, следует вести агитацию среди них. Одновременно вставала и другая задача: «раз и навсегда» разгромить тех, кто распространяет ненужные иллюзии насчет революционности крестьянства. Свои первые статьи он посвятил «разоблачению» взглядов народников.

В 1893 г. Ульянов переехал в Петербург, где сразу же сблизился с кружком столичных марксистов (их всего было в то время несколько десятков человек), а вскоре выдвинулся в число руководителей марксистского движения в Петербурге. В начале 1895 г. Ульянов уезжает за границу, где знакомится с европейскими социалистами, в том числе и с Г. В. Плехановым, с которым договорился об издании и переправке в Россию марксисткой литературы.

Вернувшись вскоре в Петербург, Ульянов организует в столице нелегальный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который он рассматривал как зачаток рабочей марксистской партии. «Союз» объединял около 100 человек и намеревался развернуть широкую агитацию на фабриках и заводах Петербурга. Было составлено несколько призывов к рабочим (листовок), где проводилась мысль (которую горячо поддерживал Ульянов) о неразрывном единстве экономических и политических вопросов. Рабочих убеждали, что если они хотят жить лучше, то одной борьбы против хозяев недостаточно и надо выступать против правительства и общих условий жизни в стране. Никакого существенного влияния эта деятельность на положение в столице не оказала, а в декабре 1895 г. участники «Союза» были арестованы.

Ульянова суд приговорил к ссылке в Сибирь на три года, которые тот провел в селе Шушенское, в 70 километрах от города Красноярска. Находился он здесь за государственный счет (ссыльные получали ежемесячное содержание) и мог не заботиться о добывании денег. Их хватало вполне. Снял просторный и добротный крестьянский дом. Приготовлением пищи, уборкой и стиркой занимались местные крестьянки, которым платил несколько гривенников в месяц. Регулярно получал необходимые газеты, журналы, книги, посылки и денежные переводы от матери. Владимир Ильич проводил время в чтении, написании статей и книг, в прогулках, в беседах с другими ссыльными.

В начале 1900 г. срок ссылки закончился, и вскоре Ульянов уехал за границу, где с небольшими перерывами прожил до весны 1917 г. Первые свои статьи Ульянов подписывал различными псевдонимами. В 1901 г. он впервые подписался «Ленин» и под этим именем вошел в историю.

Пока Ульянов-Ленин пребывал в Красноярском крае, случилось событие, которого он так ждал и которое так готовил (даже написал несколько вариантов будущей программы партии). В марте 1898 г. в городе Минске состоялся съезд социалистов, провозгласивший создание Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

В нем участвовало девять человек, представлявших марксистские кружки из нескольких районов империи. Никто из участников рабочим не был, но выступали и говорили они от имени «рабочего класса». Собравшиеся выпустили манифест, где объявили о своих целях. Первоочередная — свержение самодержавия во имя «завоевания свободы для народа». Намечались и дальнейшие цели: победа над буржуазией, переход власти

к пролетариату и «создание бесклассового общества». Манифест утверждал, что решающая роль в грядущей революции будет принадлежать рабочему классу.

Был принят и организационный устав, согласно которому высшим органом партии считался съезд, а текущей деятельностью руководил Центральный комитет (ЦК). В работе съезда приняли участие представители пяти местных социал-демократических организаций, которые вскоре были арестованы, и деятельность только что объявленной партии фактически так и не началась.

Для объединения деятельности разрозненных социал-демократических кружков группа известных уже в конце XIX в. социалистов начала издавать осенью 1900 г. газету «Искра». Издание печаталось за границей тиражом в несколько тысяч экземпляров, а в ее редакцию входили: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод. Позже в редакции произошел идейный раскол. За исключением В. И. Ленина, все остальные стали лидерами меньшевистского течения в российской социал-демократии, течения, которое в теории и практике часто ориентировалось на западноевропейскую (реформистскую) социалистическую традицию.

В кругу меньшевиков общепризнанным авторитетом считался старейший марксист России — Г. В. Плеханов. Ленин же возглавил большевистское крыло российской социал-демократии, проповедовавшее крайне левые идеи: необходимость и неизбежность революции, опора только на пролетариат, обязательное установление диктатуры пролетариата и беспощадное подавление всех эксплуататоров.

Потомственному дворянину из Симбирска В. И. Ленину суждено было сыграть в отечественной истории огромную роль. Обладая несомненными интеллектуальными дарованиями, этот человек сумел стать роковым историческим деятелем далеко не в силу этого. В числе главных фигурантов российской политической сцены по своему кругозору и интеллектуальному потенциалу он проигрывал многим. Однако в отличие от них именно Ленину суждено было стать вершителем судеб миллионов людей, повелителем огромной страны и в конечном итоге повлиять на весь ход мировой истории XX в. Его сила состояла в том, что он оказался «в свое время и на своем месте».

Социопсихологический архетип, олицетворяемый Лениным, мог реализоваться именно в России. Беспредельный фанатизм и уникальный политический аморализм Ленина явились квинтэссенцией стенаний и устремлений русской интеллигенции, поколения которой фетишизировали революцию. Именно Ленин стал как бы высшей и крайней точкой всего так называемого Освободительного движения, деятели которого, ратуя за свободу и счастье народное, видели материализацию своих идеологических химер лишь в ниспровержении не только реальных форм организации общества и государства, но и вообще всего существующего: религии, морали, культуры. И именно Ленину суждено было стать самым последовательным и бескомпромиссным реализатором этой маниакальной мечты.

Философ Н. А. Бердяев заметил, что «революционер имеет интегральное миросозерцание, в котором теория и практика органически слиты. То-

талитарность во всем — основной признак революционного отношения к жизни». Эта «формула революционера» в полной мере приложима к В. И. Ленину.

Весь окружающий мир, все богатство достижений культуры, все многообразие духовных достижений человечества его интересовали узко утилитарно, лишь через призму обоснования неизбежности «пролетарской революции». Фанатическая и всецелая преданность одной заветной идее-мечте делала Ленина в обыденной жизни скучным и неинтересным человеком.

Популярная в начале XX в. писательница Тэффи (Н. А. Бучинская), лично знавшая будущего «вождя мирового пролетариата», вспоминала: «Внешность его к себе не располагала. Такой плешивенький, коротенький, неряшливо одетый мог бы служить где-нибудь в захолустной земской управе. Ничто в нем не обещало будущего диктатора. Ничто не выражало душевного горения... Друзей или любимцев у него, конечно, не было. Человека не видел ни в ком. Да и мнения о человеке был он довольно низкого».

Сходные характеристики человеческих качеств Ленина можно найти у других современников, знавших и общавшихся с этим «одержимым маньяком», но не принадлежавших к кругу его адептов и приспешников.

Вне сферы революции его можно назвать неудачником. Неважный юрист, беспомощный оратор, несчастливый семьянин (отсутствие детей и нелюбимая жена Н. К. Крупская), отсутствие друзей (лишь одни соратники), бездарные опыты участия в публичной политике – провал на выборах во Вторую Государственную Думу, бесконечные материальные затруднения — все это, как и многое другое вместе взятое, могло бы довести до психического крушения. Но только не Ленина.

С ним всегда оставалась его единственная страсть, которой он отдавался целиком большую часть своей жизни, — революция. Он жил для революции и революцией. Осенью 1905 г. Ленин вернулся из-за границы, и его имя тогда впервые получило известность за пределами социал-демократических кружков. Он был непримиримым, «твердокаменным» революционером, желавшим разжечь революцию всеми возможными и невозможными средствами.

Обращаясь к своим единомышленникам, он призывал их быть беспощадными и бескомпромиссными. «Основывайте тотчас боевые дружины всюду и всюлу и у студентов, и у рабочих особенно... Пусть тотчас же вооружаются они сами кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога... Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, христа ради, на все схемы, поплюйте вы все «функции, права и привилегии» ко всем чертям. Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство пристава, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств... Пусть каждый отряд учится хотя бы на избиении городовых: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных бойцов, который завтра повелут за собой сотни тысяч».

Ленин не только развил теоретические взгляды на мир и на людей отечественных и зарубежных радикалов-предшественников, не только обосновал неизбежность и возможность создания некой «пролетарской морали

никультуры», но и стал инициатором небывалого античеловеческого эксперимента: путем невиданного подавления и тотального принуждения создать баснословное «общества будущего», «выковать» совершенную «социалистическую личность». Это безумная затея в конце концов окончилась полным провалом. Однако цена этого эксперимента, нравственные и психологические деформации этнокультурной среды, человеческие и материальные потери оказалась настолько огромны, что «плата по ленинским счетам» будет влиять на жизнь в России еще необозримо долго.

С самого начала зарождения партии социал-демократов Ленин стремился сделать ее инструментом осуществления своих маниакальных идей. Летом 1903 г. в Брюсселе и Лондоне состоялся II съезд РСДРП, на котором была принята программа партии. Она ставила цель: свержение монархии, установление самодержавия народа, введение неограниченной свободы совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов, неприкосновенность личности и жилища, установление широкого местного самоуправления, уничтожение сословий, полное равноправие, право на самоопределение всех наций, замена постоянно войска всеобщим вооружением народа, всенародная выборность судей, отделение церкви от государства и школы от церкви.

В области рабочего вопроса главными призывами эсдеков являлись: установление 8-часового рабочего дня, полный запрет сверхурочных работ, запрещение ночного труда и труда подростков до 16 лет, введение государственного страхования, запрещение денежных штрафов, учреждение правильного санитарного надзора на всех предприятиях. В аграрной области лидеры «партии пролетариата» ратовали за отмену выкупных платежей, возвращение крестьянам всех сумм, взятых с них в качестве выкупных и оброчных платежей, конфискацию церковных, монастырских, удельных, кабинетских земель, обложение их особым налогом. В программе эсдеков прямо было записано, что партия «твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва Учредительного собрания, свободно избранного всем народом».

Раскол на большевиков и меньшевиков произошел на II съезде социал-демократов при принятии устава партии, когда возникли острые разногласия при формулировании пункта о членстве в партии. Левые во главе с Лениным предлагали считать членом партии лишь того, кто работает в одной из организаций, в то время как другие предлагали в качестве критерия членства и «регулярное оказание содействия» (Ю. О. Мартов). Большинство голосов набрала ленинская формула, нацеленная на превращение партии в строго законспирированную организацию, спаянную твердой дисциплиной и партийной круговой порукой.

Фактически с 1903 г. большевики и меньшевики являлись двумя партиями, хотя обе и выступали от имени РСДРП. В последующие годы несколько раз предпринимались попытки воссоединения, тем более что обе фракции признавали программу 1903 г. политической платформой. В 1906 г. даже состоялся объединительный съезд, на котором большевики приняли меньшевистский тезис о необходимости «социализации земли».

Социал-демократы теперь ратовали за полную конфискацию не только церковных, помещичьих, государственных, царских, но и вообще всех частновладельческих земель с последующей передачей ее «органам местного самоуправления».

Однако, невзирая на наличие общих платформ, разногласия в стратегии и тактике меньшевиков и большевиков не только не уменьшались, но и увеличились. Принципиальное различие между ними состояло в том, что большевики отдавали предпочтение революционным формам борьбы, отвергали реформаторский курс и были уверены, что в России возможны пролетарская революция и быстрый переход к социализму. Они считали, что капитализм в России, в том числе и в сельском хозяйстве, достиг достаточной для того степени зрелости. Большевики резко отрицательно относились к буржуазии и считали недопустимым идти с ней на компромиссы. Точную численность большевиков установить невозможно, но, по приблизительным подсчетам «благожелательных исследователей», она насчитывала весной 1907 г. около 60 тыс. человек. Затем начался период упадка партии. К началу 1917 г. численность большевиков составляла примерно 20 тыс. человек.

В отличие от своих левых партийных товарищей меньшевики были уверены, что буржуазия является движущей силой освободительного движения. Исходя из этого, они полагали, что пролетариат не должен стремиться к власти, поскольку объективные условия для этого еще не сложились. После окончания революции 1905 –1907 гг. меньшевики постепенно превращались в реформистскую партию западного типа.

Их общая идеологическая концепция сложилась именно в этот период. Основные ее положения состояли в признании общенациональной революции, в которой пролетариат играет авангардную роль, но в случае победы уступает власть буржуазии, ориентации на коалицию трех сил — рабочего, либерального и крестьянского движений, признании необходимости трансформировать РСДРП из партии интеллигентского типа в широкую рабочую партию, в которой роль профессиональных революционеров должна быть сведена к минимуму, отказе от стремления управлять революционным движением и признании необходимости перенести центр партийной работы в массовые организации — профсоюзы, кооперативы, другие общественные ассоциации.

Кроме того, меньшевики признавали равноценность думской (легальной) и внедумской (нелегальной) деятельности. К весне 1907 г. меньшевики насчитывали примерно 50 тыс. членов, а к весне 1917 г. число приверженцев сократилось примерно до 15 тыс. человек.

Политические принципы меньшевистского крыла РСДРП встречали враждебное неприятие со стороны лидеров большевиков, и в первую очередь В. И. Ленина, сделавшего меньшевиков и меньшевизм объектом своей беспощадной критики, часто доходившей до личных оскорблений и площадного поношения.

§ 5. Первая и Вторая Государственные Думы. Закон 3 июня 1907 г.

Выборы в Государственную думу проходили в феврале—марте 1906 г., когда в стране все еще были накалены общественные страсти, когда ежедневно из различных мест империи поступали сообщения о погромах, под-

логах, насилиях и убийствах на политической почве. Но ситуация уже начинала поддаваться контролю со стороны властей, хотя в некоторых окраинных районах продолжала сохраняться нестабильность и там не удалось провести выборы.

Некоторые левые и правые группы призывали к бойкоту избирательной кампании, а среди самых влиятельных здесь была большевистская партия, все еще не потерявшая надежду на возможность массового народного восстания. Помимо большевиков выборы бойкотировали эсеры и некоторые правые объединения.

В общей сложности в Первую Думу было избрано 478 депутатов. По своей политической принадлежности они распределились следующим образом: кадеты — 176 человек, октябристы — 16, беспартийные — 105, крестьяне-трудовики — 97, социал-демократы (меньшевики) — 18, а остальные входили в состав национально-окраинных партий и объединений, в значительной своей части примыкавших к либеральному крылу. Первая Дума получилась кадетской. Ее возглавил профессор Московского университета С. А. Муромцев, избранный подавляющим большинством голосов.

Открытие Думы стало крупным общественным событием: его подробно описывали все газеты. Накануне занятий первой сессии делегаты Государственной думы и Государственного совета были приняты в Георгиевском зале Зимнего дворца императором, который обратился к ним с напутственной речью. Местом занятий Думы был определен старый Таврический дворец. И во второй половине дня 27 апреля после краткого молебна она приступила к работе и сразу же выказала свое крайнее настроение. К этому времени кабинет С. Ю. Витте пал и премьером был назначен известный царедворец И. Л. Горемыкин, убедивший царя пригласить на пост министра внутренних дел бывшего гродненского, а затем саратовского губернатора П. А. Столыпина.

Новому правительству досталось тяжелое наследство. Кабинет С. Ю. Витте, оставаясь у власти шесть месяцев, не подготовил к открытию Думы никаких законопроектов, которые должны были бы стать предметом рассмотрения народного представительства, считая, что Дума сама должна была заняться законотворчеством. И она занялась.

Буквально с первых часов сходы Таврического дворца стали оглашать призывы и декларации радикального характера: объявить всеобщую амнистию, создать ответственное министерство, ввести всеобщее избирательное право, наделить крестьян землей и т. д. Либеральные газеты, ежедневно публикуя подробные и сочувственные материалы о работе законодательного органа, часто называли ассамблею в Таврическом дворце «Думой народного гнева».

Господа депутаты хотели всего и сразу, и это их страстное желание делало Думу больше похожей на антиправительственный митинг, чем на работу серьезного и ответственного государственного органа. Разгоряченные баталиями революционных битв, многие депутаты смотрели на Думу лишь как на инструмент борьбы с властью, позволявший делать бесплатную рекламу и конкретным лицам, и определенным политическим течениям. Все это происходило в атмосфере непрекращающегося террора революционеров. По неполным данным, в январе 1906 г. было совершено 80 убийств, в

феврале — 64, в марте — 50, в апреле — 56, в мае — 122, в июне — 127. Сотни людей стали жертвами беспощадных актов «борцов за свободу», и ни один из них не был осужден не только левыми, но и кадетами.

Первое время государственные структуры находились в состоянии растерянности. Конечно, зная состав участников думской ассамблеи, правительство не питало особых иллюзий. Однако столь резкий антиправительственный тон думского собрания, беспощадные и оскорбительные выпады по адресу отдельных лиц и государственных учреждений, принятый большинством депутатов, оказался неожиданным. Правительство не оставляло надежд на сотрудничество и выказывало Думе явные знаки внимания. Перед депутатами выступал глава кабинета, министры. Ответных «реверансов» власть по своему адресу не получила.

Согласно закону Дума была наделена правом делать запросы высшим инстанциям о неправомочных действиях лиц и учреждений (Первая Дума в общей сложности успела адресовать различным государственным ведомствам 222 запроса). Это стало любимым занятием большинства. Достаточно было столичной газете написать о произволе властей, привести какие-то факты (в большинстве своем сфабрикованные бойкими «мастерами пера»), как тут же следовал запрос и перед негодующей толпой народных избранников представало высшее должностное лицо. И начиналось своего рода судилище. Для высших сановников это часто было настоящим потрясением. Некоторые из них потом долго не могли прийти в себя. Но пасовали не все.

Находились и такие, кто смело «шел в бой», спокойно и аргументированно отвечал на выпады и этим поддерживал престиж власти. В этом ряду на первом месте находился новый министр внутренних дел, которому неоднократно пришлось пройти «думское чистилище». Он не оправдывался (как делали многие другие), а излагал факты и свои взгляды по различным животрепещущим вопросам.

8 июня 1906 г. П. А. Столыпин заявил с думской трибуны: «Власть не может считаться целью. Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка; поэтому, осуждая всемерно произвол и самовластье, нельзя не считать опасным безволие правительства. Не нужно забывать, что бездействие власти ведет к анархии, что правительство не есть аппарат бессилия и искательства. Правительство — аппарат власти, опирающейся на законы, отсюда ясно, что министр должен и будет требовать от чинов министерства осмотрительности, осторожности и справедливости, но и твердого исполнения своего долга и закона».

В качестве министра внутренних дел П. А. Столыпину пришлось вести переговоры с некоторыми общественными деятелями, зондируя возможность привлечь их в состав правительства. Но эта попытка окончилась так же безрезультатно, как и свое время и у Витте. Окрыленные успехом думских выборов, многие из депутатов были уверены, что «режим на последнем издыхании» и они имеют право диктовать свои условия. Порой демонстрация такого самомнения носила просто оскорбительный характер. Милюков в беседе со Столыпиным заявил: «Если я дам пятак, общество готово будет принять его за рубль, а вы дадите рубль, его и за пятак не примут».

Выразители «чаяний несчастной России» из числа интеллектуальной элиты все еще видели «угрозу свободе» там, где ее уже не было, боролись с тем и теми, с кем во имя будущего, во имя спасения и себя, и страны надо было заключить долговременное перемирие. Через 30 лет один из виднейших отечественных общественных деятелей Петр Струве написал: «Начиная с декабря 1905 г., с момента московского вооруженного восстания — как бы ни оценивать политику правительства в период 1905—1914 гг., — реальная опасность свободе и правовому порядку грозила в России уже не справа, а слева. К сожалению, вся русская оппозиция, с конституционно-демократической партией во главе, не понимала этого простого и ясного соотношения. Этим определялась не только ошибочная политика, какую вели, но и неправильный духовный и душевный тон, который после 17 октября 1905 г. брали силы русского либерального демократизма в отношении царского правительства вообще и П. А. Столыпина в частности».

Первая Дума просуществовала чуть больше двух месяцев и основную часть времени уделила обсуждению самого жгучего вопроса социальной жизни — аграрного. Центром обсуждения стали два проекта. Первый внесли кадеты. Он предусматривал дополнительное наделение крестьян землей за счет земель казенных, монастырских, удельных, а также за счет частичного отчуждения частновладельческих земель за выкуп «по справедливой (но не рыночной) оценке».

Второй проект внесла фракция трудовиков («трудовая группа» объединяла в Думе крестьян и интеллигенцию народнического толка). Он носил еще более радикальный характер и предусматривал отчуждение помещичьей земли, превышающей «трудовую норму», создание «народного земельного фонда» и введение уравнительного землепользования.

Обсуждение этих предложений вылилось в громкое обличение общественного строя. Поднимавшиеся на трибуну ораторы негодовали и произносили эмоциональные монологи о том, что «простой труженик» почти лишен средств пропитания, в то время как правительство защищает и охраняет интересы и привилегии помещиков.

В этих обвинениях была своя правда. Но правда была и в том, что простым перераспределением земельных наделов аграрный вопрос в России решить было нельзя. Статистические показатели неумолимо свидетельствовали, что если в Европейской России конфисковать всю помещичью землю и поровну разделить ее среди крестьянского населения, то в лучшем случае крестьянская семья получила бы земельный приварок в одну-две десятины. Такое решение принципиально ничего не решало. Требовалось не просто у одних отнять, а другим дать; необходимо было изменить не столько размер землевладения, сколько качество землепользования, отличавшегося допотопным обликом, чрезвычайно низкой эффективностью, позволявшей крестьянам существовать на уровне минимальной достаточности.

Для коренной модернизации требовалось не отнимать землю, а создавать крепкого индивидуального землевладельца, умевшего и желавшего вести современное аграрное производство, стабильно нацеленное на рынок. Именно эти цели были поставлены столыпинской аграрной реформой, которая начала разворачиваться в конце 1906 г. То же, что предлагали в первой Государственной Думе кадеты и трудовики, которым подыгрыва-

ли и социал-демократы (меньшевики), носило характер политической демагогии, направленной лишь на дискредитацию власти и на завоевание популярности в крестьянской среде.

Царь был категорическим противником всех форм отчуждения собственности, не без основания считая, что потакание низменным инстинктам толпы безответственно, что какое-либо покушение на незыблемость прав собственности чревато непредсказуемыми социальными потрясениями, что любое «частичное изъятие» создаст сокрушительный прецедент.

Противники громогласно обвиняли царскую власть в том, что она стоит на страже «интересов помещиков и капиталистов», но на самом деле монарх стоял на страже принципа неприкосновенности частной собственности и этому убеждению он был всегда верен. Правительство болезненно реагировало на направление деятельности Государственный думы и 20 июня выступило с заявлением, в котором говорилось о неприкосновенности частной собственности на землю. Однако это не остановило думское большинство, вознамерившееся обратиться к народу с заявлением, где пообещало «справедливое перераспределение земли». В ответ 9 июля 1906 г. Первая Государственная Дума была распущена и объявлены новые выборы.

На следующий день группа кадетов и трудовиков собралась в городе Выборге, где опубликовала так называемое Выборгское воззвание, в котором в знак протеста «против роспуска народного представительства» населению призывалось к пассивному сопротивлению: не платить налоги, избегать рекрутской повинности, а зарубежные правительства призывались не предоставлять России займов. Эта акция никакого успеха не имела.

Кадеты, постоянно «бросая перчатку» правительству, сделали законодательное собрание совершенно недееспособным. И если власть, невзирая на все политические зигзаги, все-таки старалась руководствоваться законом, то кадеты стремились утвердить антилиберальный принцип «захватного права». Царь, распуская Государственную думу, имел на то юридическое обоснование, а господа-думцы, составляя Выборгское воззвание, выступая за финансовый крах страны, руководствовались только «идеологией государственного отщепенства».

Когда 3 июня 1907 г. власть в лице П. А. Столыпина совершила правовой переворот и изменила в одностороннем порядке избирательный закон, то эта акция вызвала бурю негодования в кадетской среде. Однако после Выборга кадетская партия потеряла всякое моральное право критиковать «нарушение закона», с которым она сама считалась лишь тогда, когда это отвечало ее тактическим и стратегическим интересам. Подобный антигосударственный «селективный подход» к праву подчеркивал идейное родство кадетской партии с радикально-левыми течениями вообще и с социал-демократией в частности, а не с либеральной партией европейского образца.

Выборы во Вторую Государственную думу проходили в начале 1907 г., а сессия ее открылась 20 февраля 1907 г. В общей сложности было избрано 518 депутатов: кадетов — 98, трудовиков — 104, социал-демократов — 68, эсеров — 37, беспартийных — 50, октябристов — 44. Остальные голоса получили правые (националисты), представители регионально-национальных партий, казаки и некоторые мелкие политические объединения.

Состав Второй Думы отразил поляризацию сил в обществе, и хотя в депутатском составе имелась значительная группа правых, но перевес был на стороне левых, так как кадеты часто солидаризировались с ними. Аграрный вопрос опять оказался в фокусе внимания, но теперь уже существовала правительственная программа переустройства землевладения и землепользования, ставшая объектом ожесточенных нападок. Довольно быстро власти стало ясно, что ждать конструктивной работы от новой Думы не приходится. К тому же стали поступать сведения, что левые, прикрываясь своим депутатским иммунитетом, занялись откровенной антиправительственной деятельностью и вне стен Таврического дворца. Дума отказалась лишить депутатских полномочий социал-демократическую фракцию. В ночь на 3 июня 1907 г. полиция арестовала, а затем передала суду группу думских социалистов. Через несколько часов последовало сообщение о роспуске представительства и был опубликован видоизмененный избирательный закон.

Новые избирательные правила устанавливали новые пропорции представительства отдельных групп населения. Предпочтение отдавалось наиболее состоятельным и ответственным общественным элементам. Если по старому закону крестьяне выбирали 42% выборщиков, землевладельцы — 31%, горожане и рабочие — 27%, то теперь соотношение менялось. Крестьяне получали 22,5%, землевладельцы — 50,5%, горожане и рабочие — 27%, но при этом горожане разделялись на две курии, голосовавшие отдельно. Было сокращено представительство окраин: Польши с 29 до 12 депутатов, Кавказа с 29 до 10.

Неудачный опыт кратковременного существования первых двух Дум обострил дискуссии в правящих кругах России о характере избираемого представительства и его необходимости. Некоторые правые деятели, борцы «за чистоту монархической идеи» вообще стали ратовать за ликвидацию подобного органа или по крайней мере за отсрочку его созыва на неопределенное время. Они считали, что «пропаганда нигилистов и радикалов» сделала избранников антигосударственными людьми. Подобные умозаключения не производили воздействия на власть. Царь и П. А. Столыпин, занявший летом 1906 г. и пост главы правительства, являлись противниками ликвидации народного представительства и не реагировали на призывы вернуться в прошлое.

§ 6. Третья Государственная Дума. П. А. Столыпин и его программа аграрного переустройства

Третья Государственная Дума стала первой, проработавшей весь положенный ей пятилетний срок. Она была созвана 1 ноября 1907 г., и ее состав оказался несравненно более консервативным, чем у ее предшественников. Численность депутатского корпуса была законодательно сокращена. Из 442 мест 146 получили правые, 155 — октябристы и близкие им группы, 108 — кадеты и сочувствующие, 13 — трудовики и 20 — социал-демократы.

Думским центром оказалась партия «Союз 17 октября», а председателем был избран октябрист Н. А. Хомяков. В марте 1910 г. его сменил лидер партии А. И. Гучков, а через год главой парламента был избран октябрист

М. В. Родзянко, ставший затем председателем и Четвертой Думы (1912–1917).

Третьедумский период — время поисков модели сосуществования, изыскания компромисса между традиционными методами управления и новыми реалиями политической жизни; между правительством и депутатским корпусом. Большинство избранников уже не смотрело на Совет министров как на «шайку преступников», не воспринимало существующую государственную систему как «темное царство», которое надлежало разрушить до основания. Правительство подготовило серию законопроектов, ставших предметом обсуждения. Они касались широкого круга вопросов, охватывавших в той или иной степени все стороны жизни страны и нацеленных на реформирование традиционных экономических укладов и социальных структур.

Центральным среди них был острейший вопрос — аграрный. В период революционной смуты обнаружилось, что крестьянство, которое по всем представлениям официальной идеологии являлось опорой традиционной власти, во многих случаях поддержало антиправительственные силы, ратовавшие за передел собственности. В этот чрезвычайный момент на авансцене русской истории появилась мощная фигура Петра Аркадьевича Столыпина (1862—1911).

Столыпин являлся русским консерватором новой формации, понимавшим, что для защиты исконных государственных начал необходимо изменить социальную природу общества, создать массу крепких собственников-хозяев, которые стали бы естественной базой социального умиротворения. Он никогда не сомневался, что серьезные преобразования можно проводить в России лишь сильной, властной и честной рукой, что введение правового строя процесс длительный и сложный, требующий многолетних, постоянных усилий сверху, поддержки и понимания снизу.

Ему многое удалось сделать, но многое осталось и нереализованным, так как за те пять лет, с середины 1906 г. до середины 1911 г., что он находился на второй роли в государстве, добиться качественной перестройки всего громоздкого государственного здания было невозможно. Для этого нужны были десятилетия целенаправленной работы государственных органов, общественных организаций. Требовалось не просто осуществить программу реорганизации хозяйственной деятельности: необходимо было создать условия для возникновения нового социокультурного типа крестьянина, сформированного не в уравнительно-перераспределительной атмосфере русской общины, а являвшегося полноправным элементом рыночной экономики, носителем и субъектом права в европейском его понимании. Эта грандиозная задача была рассчитана на длительную перспективу, и не вина П. А. Столыпина, что история России этого срока не предоставила.

Родился Петр Аркадьевич Столыпин в 1862 г. в родовитой дворянской семье, детство провел в имении Средниково под Москвой, а затем в родительском имении Колноберже под городом Ковно (Каунас) в Западном крае. Окончил гимназию в городе Вильно (Вильнюс) и поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил с отличием. С 1884 г. начал службу в Министерстве земледелия

и государственных имуществ, где работал в Департаменте земледелия. В 1889 г. перешел на службу в МВД, получив назначение ковенским уездным предводителем дворянства. Эта служба дала ему первый значительный административный опыт и близко познакомила его с проблемами и нуждами сельского хозяйства.

Его работоспособность, честность, открытость нравились далеко не всем, но большинство дворянства и местной администрации относились к нему с симпатией. В 1899 г. он получил должность ковенского губернского предводителя дворянства, а в 1902 г. был назначен гродненским губернатором. В следующем, 1903 г. П. А. Столыпин занял пост саратовского губернатора. В этой роли ему пришлось встретиться с революционными волнениями 1905 г., которые не миновали и Поволжье. Его деятельность по прекращению беспорядков в Балашовском уезде, когда он смело один вышел к толпе и утихомирил разбушевавшуюся массу, стала широко известна.

26 апреля 1906 г. П. А. Столыпин был назначен министром внутренних дел, а 8 июля к нему добавился и пост председателя Совета министров. Этот невероятный административный взлет был достаточно необычным для бюрократического Олимпа, так как новый деятель был плохо известен в столице, где у него не было ни прочных личных связей, ни надежных протекций. В силу этого данный факт сделался предметом оживленных обсуждений в столичных гостиных. Эта же тема стала объектом домыслов и предположений в различных сочинениях на исторические темы. Высказывались разные догадки, выдвигались немыслимые теории, и мало кого привлекал наиболее простой и документально подтвержденный ответ: Столыпин был призван в высший эшелон власти не в силу каких-то родственных уз и мифических протекций, а потому, что достаточно хорошо проявил себя как сильный и смелый администратор, что было замечено и оценено монархом.

П. А. Столыпин являлся истинным русским монархистом, одним из последних в высших коридорах власти, для которого воля монарха и воля России являли одно целое. Он был абсолютно искренен, когда летом 1906 г. заверял Николая II в письме, «что жизнь моя принадлежит Вам, Государь, что все помыслы мои, стремления мои — благо России; что молитва моя ко Всевышнему — даровать мне высшее счастье: помочь Вашему Величеству вывести нашу несчастную Россию на путь законности, спокойствия и порядка».

Девиз премьера был прост и в тех условиях логичен: сначала успокоение, а затем реформы. Однако откладывать назревшие изменения было невозможно и реформы приходилось осуществлять в атмосфере не утихающих беспорядков. Хотя с 1907 г. волна насилия в стране начала затухать, но она не прекратилась. Только с января 1908 г. по май 1910 г. было отмечено 19 957 случаев террористических актов и экспроприаций, от которых пострадало по всей империи 7634 человека. Всего за 1905—1907 гг. в результате деятельности революционных террористов было убито и ранено около 10 тыс. человек.

Главная и основная задача состояла в принципиальной реорганизации землепользования и землевладения крестьянства. Без качественной перестройки земельных отношений невозможно было добиться стабильности

и порядка. Еще до занятия министерских постов П. А. Столыпин в этом не сомневался. Еще будучи саратовским губернатором, он об этом говорил со всей определенностью. 11 января 1906 г. Столыпин доносил министру внутренних дел, что причины аграрных беспорядков кроются не столько в деятельности революционных пропагандистов и агитаторов, сколько в исторически сложившейся системе отношений в деревне.

«Благодатной почвой для пропаганды я считаю не столько малоземелье, сколько бедность народную: полуголодный, не имеющий сбережений, безграмотный крестьянин охотно слушал посулы агитаторов и являлся благоприятным элементом для диких разрушительных выходок... Коренное разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников, этой основной ячейки государства, являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий. Не уничтожая насильно общины, с которой сжился народ, надлежало бы всячески способствовать единичным сделкам с помощью Крестьянского банка, разрешить для этого продажу и залог надельной земли, помогать таким мелким владельцам кредитом. Тогда из кулаков и мироедов способнейшие из крестьян превратились бы в культурных деятелей. Община теперь развращена, терроризируется испорченной молодежью, и едва ли такая община разбогатеет от дешевого приобретения лишней земли».

Став у руля центрального аппарата управления империи, П. А. Столыпин уже ясно осознавал, что в области аграрных отношений власть должна решить две взаимосвязанные организационно-правовые и экономические проблемы. Во-первых, снять все необоснованные и архаичные юридические ограничения прав крестьянства и, во-вторых, создать условия для развития частного мелкого аграрного хозяйства. Сохранение власти общины вело к упадку крестьянского сельскохозяйственного производства, способствовало нищете самой многочисленной группы населения. Столыпинская реформа в большинстве случаев реализовывалась царскими указами, что гарантировало оперативность ее проведения. Она базировалась на принципе неприкосновенности частной собственности на землю, которая не могла ни в какой форме насильственно отчуждаться.

12 августа 1906 г. появился указ о передаче Крестьянскому банку сельскохозяйственных удельных земель (собственность императорской фамилии); 27 августа – о порядке продажи казенных земель; 19 сентября – о порядке продажи крестьянам казенных земель на Алтае (собственность императора); 19 октября – о разрешении Крестьянскому банку выдавать крестьянам ссуды под залог надельной земли, чем признавалась крестьянская личная собственность на землю. Этими решениями был создан национальный земельный фонд, позволявший развернуть широкую программу переселения земледельцев из зон аграрного перенаселения (главным образом губерний центральной части Европейской России).

Вслед за этим последовало несколько законодательных актов, изменявших юридический и правовой статус крестьянства. 5 октября 1906 г. — указ об отмене всех сохранявшихся ограничений для крестьянского сословия. Отныне оно уравнивалось в правах со всеми гражданами в отношении государственной и военной службы, обучения в учебных заведениях.

Наконец, 9 ноября 1906 г. последовала самая важная в этом ряду мера — был издан указ о раскрепощении общины. Каждый крестьянин получал право свободного выхода из общины вместе со своим закрепленным в личную собственность наделом, который принадлежал ему до того на правах временного владения. Крестьянин и раньше имел право выделиться из общины, но лишь с согласия мира и после выплаты выкупных платежей. Теперь же положение изменилось. Указ 9 ноября 1906 г. свидетельствовал о том, что власть отказалась от старой своей политики сохранения общины и перешла к поддержке мелкого частного собственника.

Это была довольно жесткая линия, лишенная тех благотворительно-патерналистских начал, на которых длительное время строилось отношение государства с крестьянством. Подобная мера неизбежно вела к резкому усилению дифференциации сельского населения, к разорению части его. Однако это было необходимо в новых условиях хозяйственной деятельности, когда полноценным субъектом рыночной экономики мог стать лишь крепкий, выдержавший испытание жестокой конкурентной борьбы хозяин.

Столыпину приходилось действовать тогда, когда мало было одного лишь расположения верховной власти в лице монарха. Продуктивная государственная работа зависела и от факторов, которых еще совсем недавно или не существовало, или которые не играли никакой роли. В первую очередь это проявлялось в наличии существования выборного представительства, к которому министр и премьер относился вполне серьезно, рассматривая его как историческую реальность. Второй фактор был тесно связан с первым и тоже играл свою роль: существование либерального общественного мнения, которое выражали не только представители различных организаций и партий, но и значительная часть периодической печати, показавшая в годы революции свою мощную разрушительную силу.

С первых дней своего премьерства П. А. Столыпин стремился решить важную политическую задачу: привлечь в состав правительства некоторых деятелей не из бюрократической среды, придерживавшихся умеренной позиции. Велись переговоры, происходили встречи, но добиться на этом направлении результатов не удалось. Как и в свое время в случае с кабинетом С. Ю. Витте, общественные деятели обусловливали свое участие в работе правительства множеством оговорок и условий. Главным же препятствием на пути к компромиссу служило намерение общественных деятелей в составе кабинета проводить политическую линию своих партий. Подобную позицию власть принять не могла в силу исторической традиции и законов, по которым правительство назначалось монархом и несло ответственность только перед ним.

Глава кабинета пользовался в этот период симпатией и полной поддержкой монарха. В октябре 1906 г. в письме матери Николай II заметил: «Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю. Старик Горемыкин дал мне добрый совет, указавши на него. И за то спасибо ему».

Деятельность правительства П. А. Столыпина вызывала острую критику со всех сторон. Левые поносили его, прекрасно понимая, что реорганизация экономической и социальной среды, создание массового слоя мелких собственников подорвет их влияние, сведет на нет все их попытки за-

ручиться общественной поддержкой для свержения самодержавного строя. Либералы же, в первую очередь в лице кадетов, которые, как казалось, должны быть целиком на стороне реформатора, политика которого содействовала буржуазной трансформации страны, соглашаясь на словах с необходимостью преобразований, на деле, в силу исторической традиции российского либерализма, не могли принять и одобрить меры, инициированные исторической властью. Консервативные элементы тоже в значительной своей части были настроены скептически, а многие и откровенно враждебно к столыпинскому курсу. Их не устраивало то, что он, как им казалось, заигрывал с либералами, но в еще большей степени то, что он покушался на вековой уклад российской жизни, собирался разрушить то, на чем «испокон стояла Россия». С первого дня существования кабинета П. А. Столыпина правые элементы плодили слухи о скором падении правительства, о том, что премьер потерял расположение государя, о деловой непригодности главы правительства и т. д.

Премьер не боялся вызовов оппозиционеров и нападок откровенных врагов, смело поднимался на трибуну Государственной думы, излагая и разъясняя политику правительства, стремясь заручиться пониманием и поддержкой. Столыпин стал первым главой кабинета, которому приходилось публично выполнять сложную и неблагодарную роль защитника и пропагандиста политики власти. Первое программное выступление П. А. Столыпина перед депутатами Второй Государственной думы состоялось 6 марта 1907 г.

В своей речи П. А. Столыпин спокойно и обстоятельно обрисовал главные пункты программы правительства, очертил основные направления дальнейшей деятельности на пути превращения России в правовое государство. Премьер считал, что главным в комплексе проводимых мер являются законы об устройстве быта крестьян. На рассмотрение Государственной думы были вынесены все те решения власти, которые реализовались в форме царских указов в соответствии со статьей 87 Основных законов.

Вниманию депутатов были предложены и некоторые законопроекты более общего характера, вытекающие из положений Манифеста 17 октября 1905 г.: о веротерпимости, о пересмотре временных правил о печати, о равноправии всех граждан, о неприкосновенности личности, о реорганизации местного самоуправления, о реформировании суда, о пересмотре рабочего законодательства и некоторые другие. Заканчивая свое выступление, глава кабинета сказал: «Изложив перед Государственной Думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины».

Приглашение к сотрудничеству услышали во Второй Думе лишь немногие. Большинство продолжало занимать резкую антиправительственную позицию, используя думскую трибуну для поношения всех аспектов государственной политики, для дискредитации высших должностных лиц. Несмотря на враждебный характер многих думских речей, П. А. Столыпин

затри с небольшим месяца существования Второй Думы неоднократно выступал перед депутатами, стараясь пояснить позицию правительства. Особой заботой и попечением премьера пользовалась аграрная программа. Выступая 10 мая 1907 г., П. А. Столыпин заметил: «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» Делового сотрудничества правительства со Второй Думой не получилось.

В Третьей Государственной Думе правительство имело солидную поддержку, которую обеспечивали октябристы и националисты. Лидер октябристов А. И. Гучков несколько лет был ближайшим союзником П. А. Столыпина. Кадетская партия в этот период тоже заметно поправела. Некоторые видные представители интеллигенции вообще публично отмежевались от левого крена в стратегии и тактики российского либерализма. В центре работы Думы оказался аграрный вопрос. В соответствии с законом надлежало утвердить указ от 9 ноября 1906 г., вступивший в силу с 1 января 1907 г. Этот закон, одобренный и дополненной думской земельной комиссией, начал обсуждаться на общей сессии 23 октября 1908 г. Записалось выступать 213 депутатов — около половины всего депутатского корпуса. Если бы не факт реального существования этого закона, то было мало надежд на то, что его бы удалось провести через Думу.

Выступая перед Думой 5 декабря 1908 г., премьер-министр говорил: «Была минута, и минута эта недалеко, когда вера в будущее России была поколеблена, когда нарушены были многие понятия; не нарушена была в эту минуту лишь вера в царя, в силу русского народа и русского крестьянина. Это было время не для колебаний, а для решений. И вот, в эту тяжелую минуту, правительство приняло на себя большую ответственность, проводя в порядке ст. 87 закона 9 ноября 1906 г., оно делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных. Таковых в короткое время оказалось около полумиллиона домохозяев, закрепивших за собой более 3 200 000 десятин земли. Не парализуйте, господа, дальнейшего развития этих людей и помните, законодательствуя, что таких людей, таких сильных людей в России большинство».

Обсуждение данного закона в Думе растянулось на несколько лет, и он был окончательно одобрен и опубликован 14 июня 1910 г., хотя фактически уже действовал более трех с половиной лет.

За пять лет своего существования Государственная дума третьего созыва приняла целый ряд важных законопроектов в области народного просвещения, укрепления армии, местного самоуправления. П. А. Столыпин в общем был удовлетворен ходом государственных преобразований и осенью 1909 г. в интервью саратовской газете «Волга» еще раз подчеркнул стратегическую цель преобразований: «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина-собственника, мелкого землевла-

дельца, и когда эта задача будет осуществлена — гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. Эта великая задача наша — создание единоличного собственника — наилежнейшего оплота государственности и культуры — неуклонно проводится в жизнь».

* * *

В конце августа 1911 г. в Киеве проходили пышные торжества, связанные с открытием памятника Александру II в связи с 50-летием крестьянской реформы 1861 г. На эти празднества прибыла царская семья, высшие должностные лица империи. Премьер приехал заранее, чтобы организовать встречу монарху, состоявшуюся 29 августа. 1 сентября, в последний день торжеств, в Киевском городском театре шла красочная опера Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». На спектакле присутствовал царь со старшими дочерьми, министры, генералитет, сливки киевского общества.

Во время второго антракта, примерно в 23 часа 30 минут, к премьеру, стоявшему перед первым рядом кресел, подошел молодой человек во фраке и произвел в него два выстрела. Столыпина поместили в одну из киевских клиник, где несколько дней он находился между жизнью и смертью, а 5 сентября в 10 часов 12 минут вечера Петр Аркадьевич скончался. Через четыре дня покойный был торжественно похоронен в Киево-Печерской лавре.

Убийцей премьера оказался двадцатичетырехлетний Д. Г. Богров, сын богатого киевского домовладельца-еврея, несколько лет тесно сотрудничавший с тайной полицией. Он получил хорошее образование; окончил гимназию, затем учился на юридическом факультете Киевского университета, который окончил в 1910 г. Еще с гимназических лет увлекался чтением нелегальной эсеро-анархистской литературы и к моменту окончания гимназии в 1905 г. был настроен довольно радикально. Будучи студентом университета, он сблизился с киевскими анархистами-коммунистами, участвовал в нелегальных собраниях, на которых вынашивались планы террористических актов и экспроприаций.

В 1907 г. по доброй воле Богров стал агентом Киевского охранного отделения и выдал полиции планы, имена и явки нелегалов. Этой деятельностью он занимался несколько лет, получая за свою осведомительную работу денежные субсидии. Связи с полицией помогли ему получить доступ в киевский театр, где присутствовали высшие лица империи.

Человек с неуравновешенной психикой, обуреваемый комплексом неполноценности, он этими своими качествами очень напоминал другого революционера-провокатора — Гапона. На допросах после покушения Богров, охотно рассказывая о своем «жизненном пути», так и не смог внятно объяснить мотивы своего поступка, заявив лишь, что считал Столыпина «главным виновником реакции». На вопрос же о том, почему он после нескольких лет сотрудничества с полицией решил снова заняться революционной деятельностью, заявил, что «отвечать не желает». Вина Д. Г. Богрова была бесспорно установлена. Военный суд приговорил убийцу к высшей мере, и 11 сентября 1911 г. он был повешен.

Покушение на П. А. Столыпина гулким эхом отозвалось по всей России; этому событию уделяли большое внимание иностранные газеты. Кровавые эксцессы, как казалось многим, начинали стихать, жизнь понемногу входила в нормальное и спокойное русло, и вдруг эти выстрелы в Киеве! Легальная печать выступила с осуждением этого жестокого и бессмысленного поступка.

Одна из самых тиражных газет, «Русское слово», писала в передовой статье 3 сентября: «Безумие! Покушение на убийство П. А. Столыпина с любой точки зрения является актом безумия, стоящим за пределами здравого смысла. Нет надобности говорить о том, что убийство есть всегда убийство. Стреляние из-за угла в беззащитного человека на всех языках заклеймено одним и тем же термином. Мы не будем углубляться в обстановку безумного покушения, учиненного агентом сыскной полиции, не порвавшим своих связей с террористами. Моральное уродство людей выступает во всей своей наготе. Афишируя это уродство такими позорными актами, террористы выдают себе заслуженную аттестацию, против которой люди здравого смысла возражать не станут. Россия не нуждается в проявлении дикого варварства».

Однако «дикое варварство» было осуждено далеко не всеми. Находились и такие, кто оправдывал подобное безумие, давая этим санкцию на совершение новых кровавых преступлений. Выходившая в Париже эсеровская газета «Знамя труда» восклицала: «Народ молчит! Но именно поэтому и нужны террористические удары, чтобы вывести его из апатии и летаргии, чтобы одобрить и вдохновить его на борьбу за свои интересы, за свою свободу и свои права, чтобы призвать его к этой борьбе примером мужества и самопожертвования. И с точки зрения причинности, и с точки зрения целесообразности молчание народа, его задавленность — показатель в пользу террора, а не против него».

Однако, что бы там ни говорили и ни писали в то время и потом неприятного для премьера-преобразователя, Столыпин, несомненно, принадлежал к числу выдающихся исторических деятелей. Его имя — синоним сильной государственной личности, понимавшей, знавшей и умевшей делать важное и перспективное политическое дело. Однако многочисленные критики Столыпина без устали повторяли (и повторяют) клишированный тезис, гласящий: реформы не удались. Так ли это?

В 1909 г. в беседе с одним журналистом премьер заметил: «Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» Трудно сказать, почему Петр Аркадьевич обозначил именно этот временной отрезок (20 лет). Но можно вполне обоснованно предположить, что именно такой срок виделся ему необходимым для коренного преобразования социально-аграрного уклада России. Требовалось изменить многовековые трудовые этические нормы, изменить всю систему крестьянских представлений о земле и собственности.

По сути дела, необходимо было создать новый социокультурный тип земледельца, превратить крестьянина-общинника в фермера. Формировавшееся веками жизнепонимание (менталитет) крестьянина должно было существенно преобразиться в невероятно сжатые исторические сроки. В этой связи обозначенный П. А. Столыпиным отрезок времени —

20 лет — можно рассматривать как исходно-минимальный, на протяжении которого появилось бы новое поколение землепашцев.

Ни сам премьер, ни его сподвижники никогда не называли «точную дату» завершения реформы. Да подобное сделать было и невозможно. Был определен стратегический замысел, главное направление, организационно-финансовые механизмы и рычаги. Темп преобразования и его последовательность зависели от множества факторов, а не только от желания и целеустремленности высших должностных лиц империи. Однако даже упомянутых 20 лет история России не отпустила. Поэтому все разговоры о провале и крахе столыпинских преобразований свидетельствуют не столько о результативности реформы, сколько об идеологической ангажированности, а нередко и просто о научном невежестве сочинителей.

Столыпинская реформа, состоящая из комплекса правовых, административных и финансовых мер, начала разворачиваться фактически с 1907 г. Цель ее сводилась к решению двух главных землеустроительных задач. В старых сельскохозяйственных регионах Европейской России закрепить в личную собственность крестьянские наделы. Так как здесь в большинстве случаев земельные участки и угодья чередовались («чересполосица»), то правительство поощряло выделение на отруба и хутора. Таким путем крестьянин получал в свое полное распоряжение компактный участок земли или в районе селения (отруба), или за его пределами (хутора). После такой передачи крестьянин мог распоряжаться землей по своем усмотрению: продать, сдать в аренду, заложить в банке.

За годы реформы было создано около 200 тыс. хуторов и почти 1,5 млн хуторов, куда перешло более 10% крестьян.

Сверх того уже с 1906 г. правительство начало проводить активную экспансионистскую политику на земельном рынке. Крестьянский банк с января 1906 г. по март 1907 г. купил 7617 имений, включавших почти 9 млн десятин земли. (Общий сельскохозяйственный земельный фонд в Европейской России определялся примерно в 280 млн десятин.) Это значительно превышало общий объем земельных покупок, осуществленных Крестьянским банком за предыдущие четверть века. Приобретенные банком земли по льготным ценам или продавались крестьянам, или сдавались им в аренду.

Вторая важнейшая задача землеустройства состояла в том, чтобы наделить крестьян землей в новых аграрных районах (Сибирь, Алтай). Однако здесь земля не раздавалась, а формально как бы продавалась на чрезвычайно выгодных для крестьян условиях: 4 рубля за десятину с рассрочкой платежа на 49 лет. Кроме того, правительство оплачивало транспортные расходы по переезду крестьян в Сибирь, что способствовало заметному росту народонаселения в восточных районах.

Если с 1897 по 1914 г. население Европейской России возросло с 94 млн до 128 млн человек (+ 26%), то в Сибири за тот период оно увеличилось с 5,7 млн до 10 млн человек (+43%). Подавляющая часть его прибыла по программе столыпинских преобразований. Только за семь лет, с 1906 по 1912 г., в Сибири осело более 2,2 млн человек. (Общее число переселенцев достигло за этот период примерно 3 млн человек, но часть их вернулась назад.)

Всеми работами земельного преобразования ведали специальные землеустроительные комиссии, находившиеся в ведении Главного управления землеустройства и земледелия. Этому же ведомству подчинялось и Переселенческое управление, занимавшееся делами миграции крестьян в Сибирь. К 1912 г. функционировало 463 уездные землеустроительные комиссии (общее число уездов не превышало 800). Они проводили сложную работу по размежеванию земли. За первые пять лет реформы поступило прошений от 2 млн 653 тыс. домохозяев, было изготовлено планов на 1 млн. 327тыс. домохозяев (12 млн 406 тыс. десятин). Реально же размежевание было проведено в отношении 891 тыс. домохозяев, в собственность которых перешло более 8 млн десятин земли, или примерно 5% принадлежавшей крестьянам земли. В последующие годы темпы размежевания увеличились. Деятельность по размежеванию (разверстанию) не была прекращена даже с началом мировой войны. Лишь в 1916 г. было приостановлено принятое новых прошений, но старые работы были продолжены. За два военных года были выделены участки 1 млн 358 тыс. домохозяевам, включавшие 13 млн 833 тыс. десятин. Если учитывать грандиозный масштаб проводимой работы и ее новизну, то нельзя не признать ее эффективность.

Вопреки некоторым утверждениям, Столыпин не проводил курса на насильственное разрушение общины. В основе преобразования лежал принцип добровольности. Если крестьяне не хотели переходить к новым формам землепользования (таких случаев было немало), то государство их не принуждало. Столыпин был уверен, что время и живой пример других — вот главные стимулы возрастания интереса в крестьянской среде к индивидуальному землепользованию. Государство финансовыми и административными мерами лишь стимулировало эту тенденцию.

§ 7. Экономический подъем 1910—1913 гг.

Смерть П. А. Столыпина заметно не отразилась на политическом курсе. Кабинет возглавил министр финансов В. Н. Коковцов, сохранивший за собой и пост главы финансового ведомства. Министром внутренних дел был назначен товарищ министра внутренних дел, заведующий департаментом полиции А. А. Макаров. Земельную реформу продолжал осуществлять ближайший сподвижник покойного А. В. Кривошеин, возглавлявший с 1908 г. Главное управление землеустройства и земледелия.

Три последующих года явились благоприятными годами в экономическом отношении, периодом оживленного хозяйственного развития. Общий сбор зерновых хлебов, составлявший в 1908– 1912 гг. в среднем 45 555 млн пудов, в 1913 г. достиг 56 370 млн пудов, превысив сбор 1912 г. на 565 млн пудов. Экспорт зерновых в 1913 г. составил 647,8 млн пудов против 548,4 млн пудов в 1912 г.

Этот рост был вызван не только благоприятными погодными условиями, но и улучшением агротехники и агрокультуры, чему способствовала и правительственная политика. Расходы из казны по оказанию агрономической помощи населению и распространению сельскохозяйственного образования резко возрастают: в 1908 г. они составили 5 млн 702 тыс. рублей, а в 1913 г. уже — 29 млн 55 тыс. рублей.

Отечественная промышленность, попавшая в 1900 г. в полосу мирового финансового кризиса, выходила из него чрезвычайно медленно, так как ситуация усугубились политической нестабильностью. Революция 1905 г. дорого обошлась народному хозяйству. В результате в России экономическая депрессия ощущалась дольше и в некоторых отношениях была острее, чем в развитых европейских странах. Лишь в 1909 г. стали появляться заметные признаки оздоровления, а в 1910 г. наступил перелом в хозяйственно-рыночной конъюнктуре.

Это наглядно отразила статистика акционерного учредительства. Если в 1908 г. в России было учреждено 123 компании (по другим источникам 120), то в 1909 — 130 (131), в 1910 — 206 (198), в 1911 — 277 (262), в 1912 — 361 (342), а в 1913 г. — 374 (399). В начале 1914 г. в империи оперировало около 3 тыс. акционерных компаний с общим капиталом 4538 млн рублей. За четыре предвоенных года прирост составил 663 компании с капиталом 1718 млн рублей, или соответственно 44 и 61%. Таких темпов акционерного учредительства в то время не знала ни одна страна мира.

Курсы дивидендных бумаг отечественных компаний при свободной котировке неизменно показывали рост, отражавший высокий экономический динамизм и устойчивость всего народного хозяйства. Несмотря на неизбежные текущие биржевые колебания, пределы котировок ведущих компаний были значительно выше номинальной отметки. В этом период начинает возникать в России и заметная прослойка держателей не гарантированных правительством ценных бумаг. Именно в предвоенные годы нарождается новая социальная группа — мелкий акционер. Многие фирмы, чутко улавливая изменения, начинают уже эмитировать вместо традиционной 250-рублевой акции бумаги сравнительно невысокого номинала в 100, 75, 50, 25 и даже 10 рублей.

Резко увеличивается стоимость промышленных фондов России. Если в 1908 г. стоимость промышленных сооружений оценивалась в 1610 млн рублей, стоимость оборудования в 1283 млн, а сырья и товаров —1737 млн рублей, то через пять лет, в 1913 г., картина существенно изменилась. Стоимость сооружений определялась в 2185 млн рублей (+35,7%), оборудования — 1785 млн (+39,1%), товаров — 2558 млн рублей (+47,3%).

Россия имела крепкий бюджет. В 1913 г. — последний мирный год — доходы превышали расходы почти на 400 млн рублей. Бюджетные показатели позволяют установить главные направления финансовой политики государства, его основные приоритеты.

Расходная часть бюджета России в 1913 г. составила 3094,2 млн рублей. (в 1900 г. — 1459,3 млн). Самыми крупными статьями расхода являлись военные нужды: в общей сложности на эти цели ассигновалось около 28%. (Для сравнения: в 1913 г. в Германии, Англии и Франции соответственно расходовалось 27, 35 и 27% государственных средств.)

Хотя в абсолютных цифрах военные расходы России с 1900 г. увеличились в 2 раза, но их удельный вес в структуре государственных расходов практически не изменился, так как доходная часть бюджет выросла вдвое. Зато по другим статьям фактические изменения выглядели весьма внушительно. Особенно изменились две статьи.

В 1913 г. по сравнению с 1900 г. расходы Главного управления землеустройства и земледелия (ведавшего реализацией столыпинской земельной программы) увеличились на 338% (с 39 до 135,8 млн рублей), а доля расходов по Министерству народного просвещения в бюджете поднялась с 2,1% (1900 г.) до 14,6% в 1913 г., или на 475,4%.

Представление о некоторых главных показателях хозяйственного развития России с конца XIX в. можно получить из нижеследующих данных.

Общие показатели хозяйственного развития России с конца XIX в.

Вид деятельности, отрасль производства	1894—1895 гг.	1914 г.	Прирост (в%)
Вклады в сберкассы (млн руб.)	330,3	2236	577
Стоимость фабрично-заводской продукции (млн руб.)	1500	6500	333
Производство сахара (млн пуд.)	30	104,5	248
Производство хлопка (млн пуд.)	3,2	15,6	388
Добыча золота (в пуд.)	2576	3701	44
Добыча нефти (млн пуд.)	338	560	66
Добыча каменного угля (млн пуд.)	466	1983	326
Производство чугуна (млн пуд.)	73	254	248
Количество лошадей (млн голов)	26,6	37,5	41
Количество крупного рогатого скота (млн голов)	31,6	52	65

Россия уверенно превращалась в аграрно-индустриальную страну. В 1913 г. в структуре народного дохода на долю сельского хозяйства приходилось чуть более 50%, а все остальное падало на долю промышленности, транспорта, торговли.

Несмотря на неудачную Русско-японскую войну и революционную смуту, Россия к началу второго десятилетия XX в. преодолела серьезнейшие финансовые проблемы, залечила раны и, как казалось, уверенно смотрела в будущее. Потенциал страны был огромен, перспективы необозримы. Общая политическая ситуация стабилизировалась. Радикальные партии не могли оправиться после поражения революции и находились в состоянии распада и фракционной борьбы. Однако при всех достижениях народного хозяйства, при невероятном расцвете художественного творчества, замечательных достижениях науки и культуры, при несомненных признаках политического умиротворения все время существовала внутренняя социальная напряженность, вызываемая меняющимися во времени деструктивными факторами, которые вне зависимости от поля притяжения и смысловой окраски никогда не исчезали.

ГЛАВА 9. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРУШЕНИЕ МОНАРХИИ В РОССИИ

§ 1. Место России в мировой системе военно-стратегических коалиций. Балканский узел

К началу XX в. в Европе существовало два военно-политических блока, потенциально враждебных друг другу. Первый — союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, а второй — альянс Петербург—Париж. Определяющим центром оси Берлин—Вена—Рим была Германская империя, претендующая на роль ведущей мировой державы и все откровенней демонстрировавшая имперские претензии. В этот период интересы рейха выходят за пределы европейского континента; Германия настойчиво и целеустремленно утверждает свое экономическое и военно-стратегическое присутствие на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Китае.

Вторая же коалиция носила откровенно оборонительный характер. Для Франции она являлась международной опорой ее суверенитета. Россия же, поддерживая Париж, стремилась не допустить полной гегемонии в Европе Германии, которую саму по себе и не воспринимали в Петербурге как врага, но ее поддержка своего верного союзника — Австро-Венгрии — в ее поползновениях на безраздельное господство на Балканах, где у России были давние интересы и цели, была чревата в перспективе серьезными осложнениями русско-германских отношений.

Еще один важнейший фигурант мировой политической сцены — Великобритания — к началу XX в. ни формально, ни фактически ни к какой коалиции не примыкала. Однако становилось все более ясным, что при наличии системы военно-стратегических блоков — Тройственного союза и русско-французского союза — оставаться и дальше в состоянии «блестящего одиночества» было невозможно. Островное положение уже не гарантировало безопасность в случае военного столкновения в Европе, а мощное наращивание вооружений Германией, в том числе и создание сильного военно-морского флота, делало старые географические преимущества призрачными. Поиск союзников становился настоятельно необходимым.

В конце концов Великобритании и Франции удалось преодолеть старые разногласия, и в апреле 1904 г. в Лондоне было подписано англо-французское соглашение, разграничивавшее сферы влияния Англии и Франции в Африке и Юго-Восточной Азии. Ликвидация геополитических противоречий между двумя великими колониальными империями открывала возможность сблизить позиции между Лондоном и Петербургом. Этого достичь было значительно сложней, чем между Лондоном и Парижем. Но подобная заинтересованность после окончания Русско-японской войны проявлялась и в Петербурге, и в Лондоне. Угроза германского гегемонизма заставляла преодолевать старые антипатии, страхи и предубеждения. В таком развитии событий были заинтересованы и французские правящие круги.

В 1906 г. по инициативе Лондона начались дипломатические переговоры между Россией и Великобританией с целью урегулировать наиболее острые разногласия между двумя империи. Переговоры тянулись год,

и весной 1907 г. появились сообщения в прессе, что они близки к благополучному завершению. Во Франции эта новость вызвала радость, в Германии — разочарование и недовольство.

Беспрецедентный договор между Россией и Великобританией был подписан 18 (31) августа 1907 г. Эпоха враждебного отчуждения подходила к концу. Две страны вступали в новую полосу отношений. Англия отказывалась от прав на Тибет (формально находившийся в составе Китая, но фактически состоявший в полном подчинении у англичан). Обе страны признавали в этом районе суверенитет Китая. Россия отказывалась от притязаний на Афганистан; обе державы обязывались уважать неприкосновенность и независимость этого государства. Еще одним важным пунктом разграничения интересов была Персия (Иран). Россия и Великобритания делили эту страну на три сферы влияния: северная часть признавалась областью экономических интересов России, южная — Великобритании, а центральная часть объявлялась нейтральной зоной. Одновременно Лондон и Петербург брали на себя обязательства гарантировать целостность и неприкосновенность Персии.

К концу 1907 г. уже вполне определенно обозначилась новая геополитическая коалиция, включавшая Францию, Россию и Англию, получившая название Тройственного согласия (Антанта). Хотя между Петербургом и Лондоном не было заключено военной конвенции, достигнутая договоренность сближала позиции двух стран. Это особенно проявлялось в Европе, где их интересы все ближе и ближе смыкались под угрозой германского гегемонизма.

В 1908 г. в отношениях между Лондоном и Петербургом произошло еще одно важное событие: с официальным визитом в Россию прибыл английский король Эдуард VII (сын покойной королевы Виктории). Это был первый за всю историю визит английского монарха в Россию (второй визит состоялся лишь в 1994 г., когда Россию посетила королева Елизавета II). Эта поездка долго обсуждалась в Великобритании, и реакция на нее не была однозначной. Либеральное общественное мнение считало подобный вояж неуместным, так как согласно непререкаемому либеральному канону Россия находилась во власти деспотии и его величеству не стоит демонстрировать свои симпатии. Никто не ставил под сомнение возможность поддержания родственных связей между правящими династиями. (Царь являлся племянником короля Эдуарда VII.) Но одно дело частные, семейные отношения и совсем другое — межгосударственные. В итоге была изобретена такая форма визита, которая хоть и могла рассматриваться нежелательной в России, но в Англии ее трудно было оспорить.

Встреча между королем и царем состоялась в Ревеле (Таллине). Точнее говоря, не в самом городе, а в территориальных водах России. На землю король и королева так и не ступили, а все переговоры происходили на королевской и на царской яхтах. 27 мая (8 июня) 1908 г. в акватории Ревельского порта появилась королевская яхта «Виктория и Альберт» в сопровождении военных кораблей, которую встречала русская военная эскадра. После взаимных приветствий королевская чета перешла на борт царской яхты «Полярная звезда» и Эдуард VII сразу сообщил о присвоении Николаю II звания адмирала английского флота.

В ответ на это королю было пожаловано звание адмирала русского флота. Вскоре начались политические переговоры, продолжавшиеся два дня. Монархи впервые обсуждали возможность войны с Германией. Англичане призывали царя укрепить военные позиции и готовиться к предстоящей схватке. Но такая перспектива русской стороной не считалась единственно возможной, и в России были уверены, что войны можно избежать, разрешая возникающие противоречия дипломатическими средствами. Хотя разногласия оставались, но в заключительном коммюнике обе стороны заявили о полном совпадении взглядов «по всем международным вопросам». Укрепление отношений с Британией стало важнейшим направлением внешней политики России. В 1910 г., давая аудиенцию английскому послу Дж. Бьюкенену, император твердо заявил, что правительство «его величества может всегда рассчитывать на него».

В свою очередь, английский король Георг V (кузен Николая II) сразу же по восшествии на престол весной 1910 г. отправил царю личное послание, где писал: «Да, я знаю, что с самого начала мой дорогой отец старался делать все, что мог, чтобы обе наши страны были вместе, и ты можешь быть уверен, что я буду проявлять такой же интерес к России, как и он. Я буду стремиться и трудиться, чтобы улучшить те дружеские отношения, которые, к счастью, сложились между нашими странами».

Заключая союзническое соглашение с Францией и договор с Англией, в России отнюдь не склонны были демонстрировать враждебное отношение к другим державам, и прежде всего к Германии. Отношения между Берлином и Петербургом оставались в центре внимания российской дипломатии, а все, что касалось этих отношений, находилось под неусыпным контролем самого царя.

Потом, когда случились и мировая война, и последующие социальные потрясения, и в России, и в Германии много размышляли о том, почему же все-таки две монархии, связанные общностью исторической судьбы, родственно-династическими связями, тесными торговыми отношениями, оказались по разные стороны фронтовой линии. Это казалось тем более странным, что у двух государств никаких явных и непреодолимых противоречий и каких-либо взаимных территориальных претензий не существовало.

Нередко в качестве ключевой причины отчуждения и вражды выставляли общеизвестное личное нерасположение между последними царями — Александром III, Николаем II и кайзером Вильгельмом II. Подобные утверждения являются историческим упрощением. Отношения между Россией и Германией в начале XX в. носили сложный характер. Обе стороны неизменно заявляли о желании поддерживать «самые дружеские отношения», но на деле эти отношения все более и более становились прохладными, что объяснялась глубиной геополитических разногласий двух мировых держав.

Периферийные политические интересы (Балканы, Турция) выдвигались в разряд генеральных, затрагивали престиж, мировой облик каждой из империй. Положение на «задворках Европы» определяло настроение на «парадном дворе». Личное нерасположение монархов лишь усугубляло ситуацию, но не создавало ее.

Кайзер и царь внешне сохраняли видимость дружеских отношений. Вильгельм II долго тешил себя надеждой, что ему удастся путем личных увещеваний заставить Николая II пересмотреть внешнеполитические ориентации и добиться главной цели — разрушить стратегический союз России с Францией. В этих видах кайзер последовательно отстаивал близкую и сердцу царя идею о необходимости тесных, дружественных отношений между Германией и Россией. Однако то, что конкретно предлагал «дорогой Вилли» «дорогому Ники» (их взаимные обращения в личной переписке) для достижения этой «жизненно важной цели», в большинстве случаев не соответствовало геополитическим приоритетам, интересам России. Для «истинного сближения», по замыслу кайзера, Россия должна дезавуировать союз с Францией, отказаться от всякого сближения с Англией и обратить свое главное внимание на Восток, в Азию, откуда Европе якобы угрожала «желтая опасность».

Этот излюбленный мотив из уст Вильгельма II звучал постоянно. Правда, оставался «балканский узел», где у России имелись давние интересы, старые привязанности, исконные исторические цели. На Балканах усилению позиций России противодействовала не только и не столько Турция (Оттоманская империя), но в еще большей степени Австро-Венгрия — ближайший партнер и исторический союзник Германии. Здесь поступиться ничем кайзер не желал.

Для Берлина теснейший альянс с Веной являлся краеугольным камнем всей внешнеполитической деятельности. Балканскую тему германский император старался не развивать в своих переговорах и переписке с царем, прекрасно зная, что она для России является чрезвычайно острой и больной. Предать же забвению этот важнейший клубок европейских противоречий не удалось, и именно события на Балканах стали детонатором Первой мировой войны.

Австро-Венгрия при поддержке Германии в начале XX в. выказывала явное желание прийти на смену Турции на Балканах и полностью подчинить этот район своему влиянию. Для этого надо было сокрушить главное препятствие — независимую Сербию, пользовавшуюся поддержкой России. Начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Хетцендорф в своих воспоминаниях писал: «Наиболее благоприятным моментом для окончательного разрешения сербского вопроса, то есть включения Сербии (в состав Австро-Венгрии. — А. Б.), был 1909 год. Мое тогдашнее предложение осуществить это решение, развязав войну, было отклонено, несмотря на проведенные уже в основном военные приготовления».

Подобные планы в Вене были отложены, но от них так и не отказались, ожидая другого «благоприятного момента». Министр иностранных дел в 1910–1916 гг. С. Д. Сазонов позднее справедливо заключил: «Каждый раз, что Австро-Германская политика ударяла по славянам, она метила в Россию, стоявшую на страже как славянских, так и своих собственных, жизненных интересов на Балканах. В Вене и в Берлине отлично понимали, что без России никакого Балканского вопроса в двадцатом веке бы не было, и что Сербия и Болгария уже давно перестали бы существовать, как независимые государства».

Ухищрения германского императора не оказывали существенного влияния на русский внешнеполитический курс, одним из важнейших постулатов которого было поддержание, насколько возможно, добрососедских отношений с Германией. Но подобное было возможно лишь при совместных усилиях обеих стран.

В Берлине же твердо были уверены, что при сохранении союзнического договора с Францией Россия не может рассчитывать на дружбу Германии. Противоречия же между ней и Францией были непреодолимы, так как касались территориального спора о районах Эльзаса и Лотарингии, оторванных от Франции во время Франко-прусской войны. В Берлине считали, что принадлежность этих территорий рейху не может быть темой никаких обсуждений, а Париж в самой категорической форме требовал возврата того, что было добыто в результате «военного насилия». В этом были солидарны все политические партии и все общественные силы Французской Республики.

Лишь один раз, как показалось Вильгельму II, его непрестанные воздействия на царя увенчались успехом и долгожданная цель — разрушение франко-русского союза — близка к достижению. Это произошло в июне 1905 г., когда во время свидания в финских шхерах кайзер и царь подписали так называемый Бьёркский договор. Общая ситуация для России в тот момент была неблагоприятной. Только недавно, в мае 1905 г., в морском сражении при Цусиме русский флот был разбит, и война с Японией становилась бесперспективной. Внутри же страны с каждым днем множились социальные волнения. И на мировой дипломатической сцене дела не были благоприятны. Франция, заключившая в 1904 г. договор с Англией, не оказала практической поддержки России во время дальневосточного кризиса. Российская дипломатия теряла почву под ногами. В правительственных кругах Петербурга царила безрадостная атмосфера.

В этих условиях царь согласился во время краткосрочного отдыха на яхте встретиться с германским императором, прибывшим в Бьёрке (около Выборга) на своей яхте «Готенцоллерн». Ничто не сулило никаких осложнений, и встреча походила на обычную, не раз до того происходившую. Но кайзер считал иначе и решил, воспользовавшись тяжелыми политическими условиями, в которых оказалась Россия, сделать непредусмотренный заранее шаг: предложил царю подписать союзнический договор с Германией. Это предложение оказалось неожиданным, но сулило выход из дипломатической изоляции.

Конечно же, сразу возникла тема о союзе с Францией, и кайзер заверил растерявшегося царя, что в дальнейшем к соглашению может присоединиться и Франция. Николай II не был столь наивным, чтобы не знать глубины и остроты франко-германских разногласий, но полагал, что поддержание мира в Европе соответствует желаниям всех стран, а существующие проблемы можно будет урегулировать дипломатическими средствами. Император поставил свою подпись под текстом на листе, который «случайно» оказался в кармане кайзера.

Вскоре после этого события Вильгельм II в характерной для него напыщенной манере самовосхваления описал происшедшее. «Хотите Вы это подписать? Это будет очень милым воспоминанием о нашем свидании», –

заметил кайзер, после того как царь трижды прочитал предложенный текст. Последовал утвердительный ответ царя. Происшедшее далее в каюте русской императорской яхты «Полярная звезда», в изложении германского императора, выглядело следующим образом: «Я открыл чернильницу, подал ему перо, и он подписал «Николай». Затем он передал перо мне, и я тоже подписал. Когда я встал, он, растроганный, заключил меня в свои объятия и сказал: «Благодарю Бога! Я благодарю Вас. Это будет иметь самые благоприятные последствия для моей страны и для Вашей». Свершилось! Исполнилось давнее заветное желание Вилли. Кайзер не скрывает восторга: «Слезы радости наполнили мои глаза, и я подумал: Фридрих Вильгельм III, королева Луиза, дедушка и Николай I, наверное, смотрят на нас в эту минуту и радуются вместе с нами!»

Что же такое подписали два монарха, что, по мнению кайзера, должно было вызвать радость умерших правителей Пруссии и России? В пункте первом говорилось о том, что каждая из сторон обещает в случае нападения на другую сторону прийти на помощь своей союзнице в Европе всеми сухопутными и морскими силами. Далее стороны обязывались не вступать в сепаратные соглашения с противником одной из сторон. При этом Россия брала на себя обязательство не сообщать Франции о подписанном соглашении до его вступления в силу. Лишь затем Петербург получал право оповестить Францию и побудить ее присоединиться к договору.

В Бьёркском соглашении был очень важный пункт, предоставлявший России свободу дипломатического маневра. Оно вступало в силу лишь после того, как Россия подпишет мирный договор с Японией, перспективы заключения которого в июне 1905 г. казались весьма туманными. Вернувшись в Петергоф 11 июля 1905 г., царь записал в дневнике, что у него остались «самые лучшие впечатления» от встречи с Вильгельмом. Русский монарх впервые испытал подобные чувства после общения с кайзером. Однако перспективе германо-русского союза не суждено было реализоваться.

После того как с соглашением ознакомился русский министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, а затем осенью 1905 г. и премьер С. Ю. Витте, они убедили царя безусловно отказаться от договора, так как это, несомненно, противоречило интересам Франции, которая ни при каких условиях на союз с Германией не пойдет.

Император Николай II остался верен французскому союзнику и 13 ноября 1905 г. отправил Вильгельму II письмо, где сообщал о том, что считает необходимым дополнить договор двусторонней декларацией о неприменении статьи 1-й в случае войны Германии с Францией, в отношении которой Россия намеревалась соблюдать принятые договоренности «впредь до образования русско-германо-французского союза». Подобная постановка вопроса являлась совершенно неприемлемой для Германии, и тонко задуманная интрига кайзера потерпела неудачу. Больше никаких попыток заключения русско-германского союза предпринято не было, хотя разговоры о его «желательности» или «нежелательности» не стихали и в России, и в Германии вплоть до начала Первой мировой войны.

Формирование системы военно-политических коалиций не привело и не могло привести к стабильности и долговременному сохранению статуса-кво. Имперские претензии ведущих мировых держав вольно или

невольно расшатывали хрупкое европейское равновесие. Хотя с окончания Франко-прусской войны и до самого начала XX в. на европейском континенте не случалось военных конфликтов, но напряженность все время существовала. И главным центром опасной нестабильности постоянно оставались Балканы. Именно здесь в начале XX в. три раза возникали ситуации, грозившие перерасти в масштабное столкновение мировых лидеров. Четвертый такой кризис, в 1914 г., закончился мировой войной.

В 1908 г. возник Боснийский кризис, когда Австро-Венгрия аннексировала провинции Босния и Герцеговина, населенные сербами. Эти районы формально состояли в зависимости от Турции, которая в этот момент находилась в состоянии хаоса, вызванного революцией. Именно опасения, что эти территории отойдут к Сербии, стало главной причиной решения венского правительства. Обессиленная, не находившая нигде поддержки Турция начала с Австро-Венгрией переговоры и за денежную компенсацию признала состоявшуюся аннексию. Но другие страны Балканского полуострова на это согласиться не могли. Особенно сильным возмущение было в Сербии и Черногории, двух государствах, с таким трудом избавившихся от османского порабощения и вновь оказавшихся на передовой линии противостояния мощной экспансии. Эти две страны, населенные православными, издавна пользовались покровительством правительства и моральной поддержкой общественных кругов России.

Оказать же реальную помощь своим «младшим братьям» Петербург в тот период не мог. После недавней Русско-японской войны и внутренней смуты страна еще была слишком слаба, чтобы демонстрировать силу на мировой арене. Дело закончилось устными декларациями, демонстрациями протеста и дипломатическими нотами. Когда 25 марта 1909 г. Германия предъявила ультиматум России, требуя признания аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, Николай II поручил министру иностранных дел А. П. Извольскому согласиться на это требование, избежав таким образом начала мировой войны.

Осенью 1912 г. на Балканах возник новый конфликт, опять грозивший перерасти в общеевропейскую войну. К тому времени Турция все еще сохраняла обширные владения на европейском континенте. Ей принадлежала Албания, южная часть Болгарии (Фракия), северные районы Греции (Эпир) и Македония. Турецкое иго было нестерпимым. В различных пунктах владений все время происходили возмущения, локальные восстания, которые подавлялись турецкими войсками с невероятной жестокостью. Сопредельные государства давно претендовали на «турецкое наследство». Социальные потрясения в Османской империи, ослабление власти Стамбула на местах, как и очевидная незаинтересованность великих держав в поддержке обреченной империи, объединили устремления балканских государств, решивших силой решить старую проблему.

В октябре 1912 г. Болгария, Греция, Черногория и Сербия начали военные действия. Союзники выставили против общего врага более чем 600-тысячную армию, и уже через несколько дней стало ясно, что Турции надеяться не на что. Ее армия потерпела серию поражений, и к началу ноября 1912 г. ее остатки укрепились в 40 километрах от Стамбула. Турция просила мира и взывала к европейским державам, которые начали выказы-

вать признаки беспокойства. Россия не была заинтересована в том, чтобы Болгария, правящие круги которой были настроены антирусски, завладела Стамбулом и стала хозяином черноморских проливов. Петербург в жестких выражениях потребовал от Софии приостановить свое наступление. Австрия и стоявшая за ее спиной Германия не могли примириться с усилением Сербии, и австрийские войска начали концентрироваться на границе. Развитие ситуации внушало общую тревогу. В декабре 1912 г. воюющие стороны заключили перемирие. В Лондоне открылась конференция послов ведущих европейских держав, на которой были выработаны условия мира, фиксировавшие сложившуюся политическую ситуацию на Балканах.

Но уже в июне 1913 г. в том же регионе разгорелся новый конфликт. Победители в Первой Балканской войне недолго оставались союзниками и не могли договориться о приемлемом для всех разделе «турецкого наследства». На этот раз возник альянс против Болгарии, объединивший Сербию, Грецию, Черногорию и их «исконного врага» — Турцию. В числе союзников на этот раз оказалась и Румыния. Каждый из участников коалиции требовал от Болгарии, захватившей год назад обширные районы, территориальных уступок в свою пользу. Болгарский царь Фердинанд I (Кобургский) и его правительство, опираясь на дипломатическую поддержку Берлина и Вены, слышать ничего не хотели о пересмотре результатов прошедшей войны. Болгарские войска первыми напали на сербские и греческие позиции 30 июня 1913 г.

В военный конфликт быстро втянулись и другие балканские государства. Болгария сопротивлялась недолго и 29 июля капитулировала. Вскоре был заключен в Бухаресте мирный договор, по которому Болгария теряла значительные территории на юге, западе и севере. Достигнутое равновесие сил на Балканах оказалось временной передышкой, так как результаты двух войн не устраивали и самих непосредственных участников, и их менторов и покровителей в Вене, Берлине, Лондоне и Петербурге. «Балканский узел» не был развязан, и европейские политики это понимали.

России удалось избежать прямой вовлеченности в балканские дела благодаря ответственности дипломатии и позиции самого царя, считавшего, что лучше пойти на уступки, чем рисковать сохранением европейского мира. Хотя начиная с Боснийского кризиса русское общественное мнение, как либеральная, так и консервативная печать все время ратовали за «реальную помощь братьям-славянам». Председатель Четвертой Государственной Думы М. В. Родзянко и лидеры крупнейших думских фракций призывали Николая II вмешаться в войну. Но их призывы не возымели действия.

Несмотря на то что войны за «турецкое наследство» не переросли в общеевропейский конфликт, напряжение на международной арене не проходило. Германия и Франция уже несколько лет реализовывали обширные программы перевооружения. Россия тоже втянулась в эту мировую гонку. Усиливались националистические тенденции. Весной 1913 г. германский канцлер Т. Бетман-Гольвег, обосновывая в Рейхстаге необходимость новых кредитов на армию, заявил, что Германии угрожает «славянская волна». Глава правительства лишь повторял своего кайзера, после Первой

Балканской войны заявившего, что ему представляется неизбежной «борьба славян и германцев».

В отличие от «дорогого Вилли» царь придерживался иного мнения и не считал военный конфликт большого масштаба неизбежным. В мае 1913 г. Николай II прибыл в Берлин на свадьбу дочери кайзера, принцессы Виктории-Луизы, выходившей замуж за герцога Брауншвейгского. Это был последний визит русского монарха в Германию. Царь имел намерение договориться с Вильгельмом II об улучшении русско-германских отношений. Он провел переговоры с кайзером и заявил ему, что Россия готова отказаться от своих претензий на черноморские проливы и согласна оставить Турцию в роли «привратника», если Германия со своей стороны удержит Австрию от политики захватов на Балканах.

Реакции на эти предложения в Берлине не последовало, а Вильгельм ограничился лишь разглагольствованиями на общие темы. Осенью того же года, принимая в Берлине русскую правительственную делегацию во главе с премьер-министром В. Н. Коковцовым, германский император без обиняков заявил, что видит «надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германской». Когда через несколько дней премьер сообщил царю об этом предсказании кайзера, то тот меланхолически заметил: «На все воля Божия».

Николай II до самого последнего момента считал, что большой войны в Европе не будет и что усилиями дипломатии, в том числе и династической, можно предотвращать опасное развитие событий. Такой заинтересованный наблюдатель, как английский посол в Петербурге, позже писал, что «ни разу Царь не обмолвился ни одним словом, которое дало бы повод обвинять его в агрессивных намерениях против Германии. Напротив, он пользовался каждым удобным случаем, чтобы выразить свое искреннее желание жить с нею в хороших отношениях».

О том, что император России не вынашивал никаких планов войны с Германией и придерживался убеждения, что подобной трагедии — лобового столкновения двух мощных империй — удастся избежать, убедительно свидетельствует красноречивый, но малоизвестный факт: на счетах в берлинских банках оставались личные вклады членов царской семьи. Однако общий ход мировых событий в целом мало зависел от желаний и настроений «Царя Всея Руси».

К началу 1914 г. отчетливо обозначились контуры двух противостоящих военно-политических коалиций, а среди европейских государств наметилась группировка вокруг основных союзных осей: Берлин—Вена и Париж–Лондон–Петербург. Неизбежность войны чувствовалась всеми. В январе 1914 г. русский посол в Токио барон Р. Р. Розен, выступая в Государственном совете, заявил: «Вам, господа, известно, что уже два десятилетия Европа живет под режимом двух союзов, в которые две непримиримо враждебные державы (имелись в виду Франция и Германия. — А. Б.) сумели втянуть остальные большие державы... Единственный выход — либо в устранении этого коренного антагонизма, интересам России совершенно чуждого, либо в вооруженном столкновении, от которого России, всегда верной принятым на себя обязательствам, отклониться будет невозможно. Никому не дано предрешать будущего, но такие чрезвычайные меры, как

миллиардный налог на вооружение, свидетельствуют о том, что наступление кризиса является уже не столь далеким. Но, во всяком случае, в одном можно быть уверенным: этот час наступит тогда, когда мы всего меньше его будем ждать».

Все шло так, как должно было идти, и изменить судьбы мира могло лишь чудо. Но его не произошло, и летом 1914 г. началась Первая мировая война.

§ 2. Начало Первой мировой войны. Ход военных действий в 1914—1915 гг., общественные настроения

Войны бывают разные: большие и малые, справедливые и захватнические, освободительные и колониальные, народные и антинародные, холодные и горячие, продолжительные и скоротечные. Бывают еще и абсурдные. Именно такой кровавой и жестокой бойней, унесшей миллионы жизней, в огне которой сгорели старые монархии и империи Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, стала та, что началась 15 июля 1914 г. с объявлением Австро-Венгрией войны маленькой Сербии. Россия, издавна являвшаяся покровительницей славян, приступила 17 июля к мобилизации. В ответ австрийская союзница — Германия объявила 19 июля (1 августа) войну России. С этого момента война стала мировой, за годы которой Россия понесла невиданные ранее потери: только на полях сражений погибло более 3 млн человек.

Это была схватка имперских амбиций. Все давно шло к такому лобовому столкновению, о котором много и часто говорили еще с весны, а уже в июне, после убийства в Сараево наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, признаки надвигающейся войны стали вполне различимы; «выяснение отношений» между крупнейшими европейскими континентальными державами Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, Россией, Францией и Англией — с другой, как-то само собой становилось неизбежным.

Разговоры о неизбежности большой европейской войны велись уже несколько месяцев, политическая обстановка в Европе была напряженной. Эта напряженность мало влияла на внутреннюю жизнь России: общественная ситуация оставалась относительно спокойной, экономическое положение стабильным. Русская армия находилась в состоянии реорганизации, которая начинала приносить заметные результаты.

Начальник германского генерального штаба генерал фон Мольтке писал в феврале 1914 г., что «боевая готовность России со времени Русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте». Тем не менее эта «высота» совсем не соответствовала тем задачам, которые предъявила невиданная в истории военная кампания. Потом очень много было написано и сказано о том, что «Россия к войне не была готова». Такие утверждения соответствовали действительности.

Но к войне такого масштаба не были готовы ни Франция, ни Англия. Лучше всех прочих была подготовлена Германия, но в конце концов и ее экономическая и военная мощь не выдержали колоссального конфронтационного напряжения.

С конца июня 1914 г. на сцене мировой политики ситуация начала быстро меняться, и убийство Франца Фердинанда стало катализатором резкого обострения. Вена воздагала всю вину за содеянное на Сербию и открыто готовилась к репрессалиям. Николай II, естественно, был возмущен до глубины души злодейским покушением на австрийского престолонаследника. Он целиком разделял негодование Вены и Берлина по поводу этого акта, но не считал, что правительство Сербии виновато и что Австрия может предпринимать военные акции против нее, не мог допустить разгром и несомненную дальнейшую аннексию этого славянского государства.

После покушения почти три недели напряженной работы русского Министерства иностранных дел и собственная интенсивная переписка царя с германским императором Вильгельмом II не привели к изысканию приемлемого для всех компромисса. Хотя Николай II и был противником войны, но пойти на предательство, совершить, по его мнению, такой аморальный поступок и бросить на растерзание дружественную Сербию, теряя престиж и в России, и в мире, пойти на это он не хотел и не имел права.

Встать на защиту славян и России — в этом он видел свой монарший долг, святую обязанность, угодное Богу дело. Безысходность диктовала военный выбор, и он был сделан. Великий князь Константин Константинович, со слов Николая II, описал события, предшествовавшие началу войны.

«19 июля, в день святого Серафима, столь почитаемого Государем, выходя от всенощной, он узнал от графа Фредерикса (министр императорского двора. **А. Б.**), с которым для скорости говорил Сазонов (министр иностранных дел. — **А. Б.**), что у последнего был Пурталес (посол Германии. — **А. Б.**) с объявлением войны России Германией. При этом Пурталес вручил Сазонову бумагу, в которой содержались оба ответа германского правительства, как на случай благоприятного, так и неблагоприятного ответа России относительно прекращения мобилизации. Не знаю, что руководило послом, растерянность или рассеянность. Итак, нам была объявлена война. Государь вызвал к себе английского посла Бьюкенена и работал с ним с 11 вечера до 1 часа ночи. Государь совершенно свободно, как сам он выразился мне, пишет по-английски; но должны были встретиться некоторые технические термины, в которых он не был уверен. Бьюкенен тяжкодум и медлителен. С ним сообща Государь сочинил длиннейшую телеграмму английскому королю. Усталый, во 2-м часу ночи зашел он к ждавшей его Императрице выпить чаю; потом разделся, принял ванну и пошел в опочивальню. Рука его уже была на ручке двери, когда нагнал его камердинер Тетерятников с телеграммой. Она была от императора Вильгельма: он еще раз (уже сам объявив нам войну!) взывал к миролюбию Государя, прося о прекращении военных действий. Ответа ему не последовало».

Россия втянулась в войну, которой никто не хотел и возможность которой у немалого числа людей вызывала опасения и страх. Цели ее были доступны пониманию лишь ограниченного круга лиц. Призывы защитить братьев-славян, отстоять престиж империи, завоевать черноморские проливы и водрузить крест на соборе Святой Софии в Константинополе (Стамбуле), которые постоянно раздавались со страниц газет и журналов, звучали на собраниях общественных деятелей, вызвать глубокого отклика в народе не могли.

Подавляющая часть населения и не представляла, где находится Австро-Венгрия или Германия и почему с ними надо воевать. Русскому крестьянину были неведомы никакие Дарданеллы, и он не мог понять, почему надо за них идти на войну и смерть. Но практически вся русская политическая элита вне зависимости от мировоззренческих пристрастий приветствовала войну. В заявлении ЦК кадетской партии накануне начала сражений говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш прямой долг — сохранить нашу родину единой и нераздельной... Отложим же внутренние споры, не дадим ни малейшего повода надеяться на разделяющие нас разногласия». Лишь радикалы-большевики во главе с В. И. Лениным высказались против поддержки «империалистической войны» и выдвинули лозунг «поражения своего правительства».

В первый день войны, 20 июля 1914 г., принимая в Зимнем дворце высших чинов империи, Николай II обратился к ним со словами: «Я здесь торжественно заявляю, что не заключу мира до тех пор, пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей». Сходные заверения услышал от царя во время аудиенции через два дня после начала войны и посол Франции. «Нам надо вооружиться мужеством и терпением. Что касается меня, то я буду бороться до последней крайности. Для того, чтобы добиться победы, я пожертвую всем, вплоть до последнего рубля и солдата. Пока останется хоть один враг на русской земле или на земле Франции — до тех пор я не заключу мира».

Этим принципам Николай II оставался верен все месяцы войны и вопреки циркулировавшим слухам всегда был резким противником каких-либо сепаратных переговоров с неприятелем. Императрица Александра Федоровна, будучи наполовину немкой, никаких протерманских настроений не имела, хотя в Германии осталось несколько близких родственников. Однако со временем именно слухи о предательстве царицы очень способствовали распространению антимонархических настроений в стране и в армии.

Во главе армии был поставлен двоюродный дядя царя, великий князь Николай Николаевич (внук Николая I), давно причастный к военному делу: в 1895—1905 гг. состоял генерал-инспектором кавалерии, с 1905 по 1908 г. возглавлял Совет обороны, а затем стал командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. Этот Романов был хорошо известен в войсках, пользовался в офицерской среде авторитетом, что и определило его назначение на пост Главнокомандующего всеми вооруженными силами России.

Германия, объявив 18 июля (1 августа) войну России, на следующий день оккупировала Люксембург, 21 июля объявила войну Франции. 22 июля германская армия начала крупномасштабные военные действия, вторгнувшись в Бельгию, нейтралитет которой германский канцлер Бетман-Гольвег назвал «клочком бумаги».

В тот же день Великобритания объявила войну Германии, вслед за тем войну рейху объявили английские доминионы: Австралия, Новая Зеландия, Канада, Южно-Африканский союз. Война стала мировой. Уже в 1914 г. на стороне Антанты в нее вступили Япония и Египет, а на стороне

центральных держав — Болгария и Турция. Всего в войне участвовало 33 государства. Общая численность боевых частей в августе 1914 г. составляла: в России около 2500 млн, во Франции — 2689 млн, в Германии 2147 млн, в Австро-Венгрии — 1412, в Англии — 567 тыс. человек. На вооружении стран Антанты к началу войны находилось около 14 тыс. артиллерийских орудий, 412 самолетов, а у центральных держав — 14 тыс. орудий и 232 самолета.

Экономическая, общественная, административная стороны жизни огромной империи начинали перестраиваться исходя из условий и потребностей времени. Приходилось спешно решать множество вопросов самого различного характера. Хотя главой кабинета с конца января 1914 г. (после отставки В. Н. Коковцова) являлся старый сановник И. Л. Горемыкин, так нелюбимый большинством общественных фракций и партий, видевших в нем неисправимого представителя сановного мира, но после начала войны он на какое-то время перестал быть мишенью для критических стрел. Когда 26 июля открылась чрезвычайная сессия двух палат, то единение представительных и законодательных органов было полным. Государственная Дума без колебаний приняла все кредиты и законопроекты, связанные с ведением войны.

Царь всегда проявлял особый интерес к военным проблемам, а после 19 июля (1 августа) этот интерес стал всепоглощающим и положение на двух основных фронтах – Северо-Западном (против Германии) и Юго-Западном (против Австро-Венгрии, к концу 1914 г. открылся еще и Кавказский фронт против Турции) было все время в поле его зрения. Военная кампания началась блестящим прорывом русских войск в Восточной Пруссии, но хорошо начатое наступление через две недели закончилось разгромом. Николай II записал в дневнике 18 августа: «Получил тяжелое известие из 2-й армии, что германцы обрушились с подавляющими силами на 13 и 15-й корпуса и обстрелом тяжелой артиллерии почти уничтожили их. Генерал Самсонов (Александр Васильевич, генерал от кавалерии, командующий армией) и многие другие погибли». Несмотря на все свое самообладание, император глубоко переживал самсоновскую катастрофу и, как позднее признался, тогда впервые ощутил «свое старое сердце».

На Галицийском направлении против Австро-Венгрии дела разворачивались значительно успешней, что вселяло искреннюю радость. Русская армия заняла крупнейшие города Львов и Галич и осенью 1914 г. стала хозяйкой положения в этом районе. Однако вскоре на помощь австрийцам подошли германские силы, несколько потеснившие русскую армию.

В конце 1914 г. на фронтах установилось позиционное затишье. Стало ясно, что первоначальные предположения о скором окончании войны, о том, что «будем встречать Рождество в Берлине», так и остались лишь мечтами. Приходилось готовиться к длительному и изнурительному противостоянию. В тылу оживились и стали вновь набирать силу противоправительственные силы и настроения, угасшие, было, в первые месяцы войны. Исчезновение надежд на скорое победоносное завершение военной кампании способствовало возрождению старых распрей и противоречий. И события весны и лета 1915 г. дали им мощный толчок.

В 1915 г. на театре военных действий разворачивались важные события. Весной начались успешные операции русской армии на Юго-Западном фронте, и к марту австрийская армия понесла серьезные поражения и вновь уступила всю Галицию. Возникла реальная вероятность скорого выхода Австро-Венгрии из войны. Германия, стремясь предотвратить подобное развитие событий и воспользовавшись затишьем на Западном фронте, бросила против России большие военные силы, оснащенные мощной артиллерией.

Весной и летом 1915 г. русская армия приняла участие в ряде кровопролитных сражений, понеся огромные потери в силу недостаточного обеспечения боеприпасами и новейшими артиллерийским вооружением. С конца апреля события на фронтах развивались не в пользу России, хотя в сражениях были задействованы лучшие войска, в том числе цвет армии и опора монархии — гвардейские части. Положение ухудшалось, а надежда на скорое окончание войны исчезала.

21 июня 1915 г. император писал матери: «И Ты, и Мы все здесь живем очевидно одними чувствами, одними мыслями. Больно отдавать то, что было взято с таким трудом и огромными потерями в прошлом году. Теперь к германцам и австрийцам подошли подкрепления, но и нашим войскам также посланы свежие корпуса, в том числе и гвардейский; так что надо ожидать скоро большое сражение. Помог бы Господь нашим героям остановить их! Все от Бога, и потому надо верить в Его милость».

Натиск «проклятых тевтонов» вынудил русскую армию отойти на Восток, оставив Галицию, Польшу и некоторые другие районы, что вызвало поток беженцев. Неприятель оккупировал Польшу и сопредельные территории (15 западных губерний), а общее количество беженцев составляло примерно 6 млн человек. Летом 1915 г. пришлось переносить на Восток и Ставку Верховного главнокомандующего: из Барановичей в город Могилев.

События лета 1915 г. походили на огромную военную катастрофу, и командование было на какое-то время просто деморализовано. Еще в мае, когда только разворачивалось наступление немцев, Николай II приехал в Ставку и застал там картину полного уныния. «Бедный Н. (великий князь Николай Николаевич), рассказывая мне все это, плакал в моем кабинете и даже спросил меня, не думаю ли я заменить его более способным человеком», — сообщал император супруге.

Общественные деятели всех политических направлений, оправившись от первого шока неожиданных поражений, негодовали. Как могло случиться, что у армии нет достаточного количества боеприпасов и артиллерии? Почему уроки кампании 1914 г. не пошли впрок? И конечно же, постоянно звучал традиционный русский вопрос: кто виноват? Требовали назвать конкретного виновного, и он был назван: военный министр В. А. Сухомлинов.

Занимая эту должность с 1909 г., он неоднократно публично заверял, что русская армия готова ко всем возможным испытаниям. В обществе сложилось убеждение, что этот человек повинен в преступной халатности, лихоимстве, а затем зазвучали голоса и о его государственной измене. Министр был отрешен от должности 13 июня 1915 г., и по его делу началось

следствие. (Состоявшийся уже при Временном правительстве в 1917 г. суд не нашел в действиях Сухомлинова состава преступления.)

Однако отставка непопулярного министра оппонентов власти не удовлетворила. Недовольные голоса зазвучали с новой силой. Особенно активизировались либеральные деятели кадетского толка, которые в первые месяцы войны умерили свои нападки на власть, так как время заставляло консолидировать усилия. Поражения армии в конце весны — начале лета 1915 г. вывели их из состояния оцепенения и предоставили прекрасную возможность «подать себя» в традиционной роли спасателей России. Они увидели, что режим ослаб и заколебался, а значит, наступило их время. Старые деятели «потеряли лицо», и, конечно, кто же должен повести вперед страну, стоявшую на краю пропасти? Только те, кто произнес так много красивых слов о величии России и о благе народа!

Уже в мае 1915 г. некоторые органы прессы высказались за создание «кабинета национальной обороны», который должен был состоять из представителей общественных организаций. Особенно часто в качестве возможных кандидатов на ключевые министерские посты назывались имена лидеров двух крупнейших партий П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова. Звучало также требование срочно созвать Государственную думу (последняя краткосрочная сессия, утвердившая бюджет, была в январе).

Но волновались и выражали свое беспокойство не только либеральные деятели; эти чувства становились всеобщими. Следовало предпринять действия, способные мобилизовать страну для отпора врагу и довести войну до победного конца. Об этом много думал царь. 10 июня 1915 г. он выехал в Ставку, где провел серию совещаний с генералитетом и министрами, придя к заключению о необходимости обновления высшей администрации. Были уволены в отставку несколько влиятельных министров, известных своей правой ориентацией: министр юстиции И. Г. Щегловитов, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и обер-прокурор Святейшего синода В. К. Саблер. Все эти меры носили паллиативный характер и ничего принципиально решить не могли.

Общественные деятели, приветствуя некоторые назначения, находили их недостаточными и выступали за создание «однородного» ответственного перед Думой министерства. С лета 1915 г. этот лозунг стал главнейшим для ведущих политических деятелей и объединений. В августе несколько думских фракций групп и представителей Государственного совета объединились в так называемый Прогрессивный блок, центром которого стала партия кадетов. В качестве первоочередной меры было выдвинуто требование «обновления администрации сверху донизу», что якобы было только и возможно при создании «правительства общественного доверия». Программа блока включала целый ряд конкретных положений: проведение широкой политической амнистии, отмена ограничений для религиозных объединений и национальных меньшинств (поляков и евреев), восстановление во всей полноте деятельность профсоюзов, рабочей печати, введение полного равноправия крестьянства, устройство волостного земства, изменение городового положения, введение земских учреждений на окраинах.

Деятели «Прогрессивного блока» выдвигали программу спешных коренных государственно-правовых преобразований, направленных на ослабление административной вертикали. По сути дела, они требовали, чтобы власть встала на путь самоликвидации в период тяжелейших военных испытаний! Главный инспиратор блока П. Н. Милюков позднее написал, что «крутой скачок вправо, после видимых успехов прогрессивного блока, открывавших, казалось, перспективу примирения царя с народным представительством, произвел огромное впечатление в стране».

Кадетский лидер прекрасно понимал, что ни царь, ни высшая администрация никогда не смогут принять заявленную программу. Это был «тактический маневр», рассчитанный лишь на дальнейшую дискредитацию исторической власти. При этом деятели блока были упоены самонадеянной мыслью, что они говорят от имени «всей России».

Понадобилось менее двух лет, чтобы выяснилось со всей определенностью, что на самом деле П. Н. Милюков и все те, кто за ним стоял, представляли чрезвычайно узкую социальную группу, которая имела возможность существовать и действовать лишь в рамках монархической системы. Падение же системы свело на нет и все политическое значение этой группы. Однако даже в эмиграции такие деятели, как П. Н. Милюков, не нашли в себе силы критически переосмыслить свою безответственную историческую игру, закончившуюся всеобщим проигрышем.

§ 3. Фронт и тыл: единение и противостояние

В конце лета 1915 г. в руководстве Вооруженных сил произошло важное событие: Николай II принял на себя обязанности главнокомандующего. Смысл этого поступка был довольно простым и объяснялся традиционными представлениями о безграничной любви народа к царю. Казалось, что если во главе войск встанет помазанник Божий, то простые солдаты, воодушевленные его предводительством, воспрянут духом и сокрушат врага.

Сам факт принятия командования в столь сложное время говорит о большом личном мужестве Николая II, подтверждает его преданность монаршему долгу. Последний император всегда считал, что в дни военных испытаний обязан находиться рядом с армией. Еще в разгар Русско-японской войны, в сентябре 1904 г., он писал матери: «Меня по временам сильно мучает совесть, что я сижу здесь, а не нахожусь там, чтобы делить страдания, лишения и трудности похода вместе с армией. Вчера я спросил дядю Алексея, что он думает. Он мне ответил, что не находит мое присутствие там нужным в эту войну. А здесь оставаться в такое время гораздо тяжелее!»

Тогда осуществить намерение не удалось. Но вот теперь, «в эту войну», когда опасность еще более велика, ему необходимо поступить по зову сердца. 23 августа 1915 г. был опубликован приказ по армии и флоту, в котором говорилось: «Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верою в милость Божию и с неколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш священный долг защиты Родины до конца и не посрамим земли русской». Ему

оставалось править полтора года, и большую часть этого времени он провел в Могилеве.

В первой телеграмме из Ставки Николай II сообщал Александре Федоровне: «Благодарю за вести. Свидание сошло удивительно хорошо и просто. Он уезжает послезавтра, но смена состоялась уже сегодня. Теперь все сделано. Нежно целую тебя и детей. Ники». Расставание с великим князем Николаем Николаевичем выглядело вполне корректно, и окружающие были удивлены самообладанием обоих, хотя некоторая неловкость положения ощущалась. Бывший главнокомандующий великий князь Николай Николаевич с группой офицеров вскоре отбыл к месту нового назначения: он сменял на посту наместника на Кавказе и командующего Кавказской армией престарелого графа И. И. Воронцова-Дашкова.

Текущую оперативную работу в Ставке осуществлял генерал М. В. Алексеев, которого царь заслуженно считал крупным военным авторитетом. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба, он посвящал все свое время разработке планов военных операций. Маленький заштатный Могилев стал не несколько месяцев главным центром страны, ее армии и тыла. Со второй половины 1915 г. положение на основных фронтах стабилизировалось. С сентября 1915 г. и до самого падения монархии русская армия уже больше не отступала и не только не отдала неприятелю «ни пяди земли», но вернула назад значительные участки территории на Волыни и в Галиции.

Наступил коренной перелом и в деле обеспечения вооружениями. Отечественная промышленность осуществляла поставки во все возрастающем размере. В 1916 г. по сравнению с 1914 г. ежемесячное производство ружей удвоилось (110 тыс. против 55 тыс.), выпуск пулеметов возрос почти в 6 раз (900 и 160 тыс.), производство снарядов увеличилось в 16 раз (1600 и 100 тыс.), количество находившихся на вооружении самолетов (аэропланов) увеличилось почти в 3 раза (716 и 263) и т. д.

Кроме того, правительство осуществляло большие закупки различных видов вооружений за границей, которые начали регулярно поступать в Россию со второй половины 1915 г. В 1916 г. армия полностью оправилась от неудач и не только восстановила свою боеспособность, но и существенно увеличила ее. Она имела теперь и вполне удовлетворительное материально-техническое обеспечение.

Комментируя эти удивительные успехи, Уинстон Черчилль (в годы Первой мировой войны занимал посты морского министра и министра военного снабжения) позже в своей книге *The unknown war* написал: «Мало эпизодов Великой Войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 г. Это был последний славный вклад Царя и русского народа в дело победы... К лету 1916 г. Россия, которая 18 месяцев перед тем была почти безоружной, которая в 1915 г. пережила непрерывный ряд страшных поражений, действительно сумела собственными усилиями и путем использования средств союзников, выставить в поле — организовать, вооружить, снабдить — 60 армейских корпусов, вместо тех 35, с которыми она начала войну».

Несмотря на огромное напряжение, испытываемое страной в период войны, паралича хозяйственной и финансовой жизни явно не наблюда-

лось, хотя разговоры о «разрухе» стали очень популярными, особенно в среде политических оппонентов и врагов царского режима всех мастей. Стране и ее политическому руководству, мобилизовав усилия и ресурсы, удавалось успешно решать сложнейшие хозяйственные задачи. Это касалось промышленности, транспорта, финансового и продуктового обеспечения фронта и тыла.

В середине 1914 г. в России находилось в постройке железнодорожных путей общей протяженностью 16 тыс. километров. За два с половиной года войны было завершено строительство 12 тыс. километров железнодорожных линий. Было сооружено немало линий стратегического назначения, что облегчало переброску войск и их снабжение. В связи с тем, что военные действия парализовали традиционные коммуникации России с внешним миром (до начала войны подавляющая часть груза и пассажиропотоков шла по железным дорогам и через порты западного и южного направлений), правительство прилагало большие усилия для развития других путей сообщений. Главными портами сношений с внешним миром стали Архангельск и Владивосток.

Для гарантии бесперебойности грузопотоков колея линии Вологда—Архангельск была расширена, одновременно в 1916 г. была полностью закончена Амурская железная дорога. Отныне вся Транссибирская магистраль пролегала по территории России. В марте 1915 г. началось строительство самой северной в мире Мурманской железной дороги протяженностью более тысячи километров. Она должна была обеспечить Европейской России кратчайший путь к незамерзающему порту, так как Архангельский порт зимой не функционировал.

Город Мурманск (тогда он назывался Романов-на-Мурмане) был заложен 4 октября 1916 г. Движение по этой важнейшей транспортной артерии открылось через 20 месяцев после начала строительства. Несмотря на нехватку рабочих рук (военные мобилизации сильно сократили наличные людские ресурсы), важнейшие отрасли народного хозяйства не только не пришли в упадок, но и демонстрировали производственный рост. Так, добыча угля в 1916 г. составила 2092 млн пудов (в 1914 г. – 1946), а нефти — 602 млн пудов (1914 г. — 550).

Реальное положение и на фронте не предвещало никакой катастрофы. Однако общая усталость от войны способствовала усилению критического настроения. К 1916 г. патриотические восторги уже были позади, и в обществе царило глухое брожение, прорывавшееся наружу в повседневных разговорах о шпионах и предательстве. Но кто же мог быть виноват во всех бедах и неудачах? Конечно же, только агенты Германии, засевшие на ключевых постах в государстве и стремившиеся погубить Россию!

В разных кругах общества постоянно говорили о шпионах, и многие верили в их страшную и роковую силу. Под подозрение попадали профессора университетов, министры, генералы и даже члены правящей династии, особенно императрица Александра Федоровна. Распутина же вообще изображали главой некой шпионской шайки. Государственная администрация, морально парализованная нападками и хулой, постепенно погружалась в состояние оцепенения.

Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов, говоря о заключительном периоде существования монархии, заметил: «Всюду было будто бы начальство, которое распоряжалось, и этого начальства было много, но общей воли, плана, системы не было, и быть не могло при общей розни среди исполнительной власти и при отсутствии законодательной работы и действительного контроля за работой министров».

В начале 1916 г. на посту премьера И. Л. Горемыкина сменил Б. В. Штюрмер, бывший ранее губернатором в Новгороде и Ярославле, а затем занимавший много лет пост директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел. Вслед за этим была назначена сессия Государственной думы, на которой 9 февраля 1916 г. в первый и последний раз перед депутатами в Таврическом дворце выступил с кратким обращением император. Он призвал думцев к совместной работе на благо Отечества, и эти слова были встречены громом аплодисментов. Царь был удовлетворен и записал в дневнике: «Удачный и оригинальный день».

Овации в Думе отгремели, и все осталось по-старому. Николай II — в Ставке в кругу военно-политических проблем, Александра Федоровна — в Царском Селе со своими страхами, сомнениями и «дорогим Григорием», а общественные деятели в своих гостиных, салонах и кабинетах продолжали распалять воображение разговорами о «темных силах» и грядущих потрясениях, утверждая, что положение может спасти лишь «министерство общественного доверия».

Но был еще один, молчавший до поры, грозный и могучий мир, о котором все знали, от имени которого управляли и выступали. Эта страна с многомиллионным населением, Россия деревень, фабрик и заводов, в недрах которой черпались силы для ведения войны. Миллионы солдат, главным образом бывших крестьян, были брошены на фронт и разметаны на огромных пространствах от Балтийского моря до Закавказья. К концу 1916 г. общее число мобилизованных достигало почти 13 млн человек.

Оторванные от привычного уклада жизни, загнанные в сырые окопы и холодные землянки, они мучились и погибали за цели, которые были от них весьма далеки. Многие из них почитали Бога и царя, знали урядника в своем уезде, земского начальника, может быть, губернатора, но ни о каких «радетелях» и «спасателях» слухом не слыхивали, да и мало интересовались «забавами господ». Постепенно эти миллионы превращались в огромную асоциальную массу, где зрели страшные «зерна гнева», давшие такие разрушительные плоды в 1917-м и в последующие годы.

Разговоры о «предательстве» высших должностных лиц проникали на фронт, вызывая возмущение и вражду ко всем «столичным сытым хлыщам». Ненависть умело подогревали различные группировки, особенно радикально-социалистической ориентации, популяризировавшие мысль о насильственном свержении существующего строя. Либеральные же политики идею о насильственной акции, в общем-то, так и не приняли, хотя своими нападками и откровенными инсинуациями очень способствовали разрушению традиционного миропорядка.

В последний период существования монархии власть предоставила массу возможностей для ярких и эффектных выступлений против себя. Совет министров больше напоминал героев крыловской басни о лебеде, раке

и шуке, чем центральный административно-координирующий орган. Чуть ли не каждый министр вел «свою политику», игнорируя других и интригуя против них, а некоторые искали популярности в либеральной среде и даже имели постоянные контакты с различными общественными деятелями. В целом же правительство и общественное мнение находились в состоянии открытой враждебности.

Власть демонстрировала пренебрежение к «думской говорильне» и ее лидерам, а те, в свою очередь, платили власти жестокой клеветой и самыми низкопробными инсинуациями. Полный общественный разлад особенно ярко проявился в истории с последним царским министром внутренних дел. Им был Александр Дмитриевич Протопопов, ставший навсегда печально-символической фигурой в финальных сценах существования монархии.

Родился Александр Дмитриевич в 1865 г. в семье состоятельного дворянина. Воспитывался в кадетском корпусе, а затем — в Николаевском кавалерийском училище и после его окончания служил кирасиром в лейб-гвардии Конногвардейском полку. Через несколько лет поступил в Академию Генерального штаба, где проучился только один год и по состоянию здоровья вышел в отставку в чине штабс-ротмистра. В конце 1890-х гг. получил большое наследство и вел размеренно-светскую жизнь. Это был богатый, по-европейски образованный человек, великолепно знавший языки, хороший пианист, ученик французского композитора Жоржа Массне. В 1907 г. на выборах в Третью Думу ему удалось добиться успеха, стал депутатом. Это звание сохранил и на выборах в Четвертую Думу в 1912 г., входил неизменно во фракцию октябристов. В 1916 г. избирается симбирским губернским предводителем дворянства, а за год до того, в 1915 г., стал товарищем (заместителем) председателя Государственной думы.

До осени 1916 г. имя А. Д. Протопопова пользовалось не только известностью, но и уважением в либеральных думских и околодумских кругах. Весной возглавил представительную парламентскую делегацию, которая посетила Англию, Францию, Италию. В европейских столицах светские манеры и широкий кругозор главы русских парламентариев произвели хорошее впечатление, о чем царю докладывали по дипломатическим каналам. Председатель Думы М. В. Родзянко рекомендовал самодержцу еще раньше назначить Протопопова министром торговли и промышленности.

Отзывы о Протопопове были неплохие, и Николай II решил с ним познакомиться. Встреча состоялась в Ставке 19 июля. Заканчивая аудиенцию, монарх сказал своему собеседнику: «Мы еще с Вами поговорим не раз». На следующий день царь сообщал жене: «Вчера я видел человека, который мне очень понравился, — Протопопова, товарища председателя Гос. Думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказывал мне много интересного». Не прошло и двух месяцев, как император поручил Протопопову руководство самым влиятельным государственным ведомством — Министерством внутренних дел.

Александр Дмитриевич мечтал об административной карьере. Он много размышлял о необходимости проведения различных мероприятий по

упорядочиванию государственного устройства, о чем постоянно рассказывал в различных кругах. Принадлежность к бомонду, изысканность манер, образованность и легкость в общении располагали к нему, привлекали людей. Однако этого было недостаточно для занятия такого ответственного поста. Здесь требовался человек дела, в то время как Протопопов являлся лишь человеком слова.

Николай II же полагал, что Протопопов сможет решить две насущные задачи. Во-первых, сумеет установить добрые отношения с думскими кругами. Ведь он сам из их среды и прекрасно всех знает. Но еще большие надежды возлагались на решение продовольственной проблемы. Война дестабилизировала жизнь страны и привела к продовольственным затруднениям, особенно в крупнейших городах.

Перебои в поставках продуктов питания начались уже вскоре после начала войны. Россия была единственной участницей мирового конфликта, не вводившей нормирования потребления продуктов (кроме сахара). Сложности с продовольствием явились результатом правительственной политики регулирования сбыта, ограничивающей свободу продажи зерна и муки и фиксировавшей стоимость их. Не физическое отсутствие тех или иных продуктов, а установление государственной властью ценовых ограничений привело к разрушению рыночных отношений. Правительственный курс преследовал две цели: во-первых, воспрепятствовать падению цен на зерно на внутреннем рынке после прекращения экспорта в 1914 г. (мера блестяще удавшаяся); во-вторых, оградить широкие слои простых потребителей от вакханалии спекулятивных рыночных манипуляций. Во втором случае результаты оказались явно неудачными.

Производители зернопродуктов сокращали посевы, уменьшали поставки в города. Очереди у казенных хлебных лавок увеличивались, росло и недовольство. Хотя в 1916 г. цены существенно повысили, но оставили фиксированными. Принципиально эта мера ничего не решала, так как стоимость всех прочих товаров и услуг росла значительно быстрее, что делало производство и продажу зерна и муки коммерчески нецелесообразной.

Положение осложнялось расстройством транспорта, а также некоторыми причинами более общего порядка. Весной 1915 г. русская армия начала отступление из западных районов, продолжавшееся до сентября. Россия потеряла 15 губерний с неубранным урожаем. Этот же год дал огромное число беженцев, спасавшихся от германской оккупации и оседавших в центральных районах страны. Кроме того, неблагоприятные погодные условия привели к серьезному недороду в 1916 г., когда урожай оказался ниже обычного примерно на 40%. Ситуация серьезно обострялась, что видели и самодержцы. Царица писала супругу 16 сентября 1916 г.: «Важнейшим для нас вопросом является сейчас продовольствие».

В августе 1915 г. все продовольственное дело было сосредоточено в Министерстве земледелия, и Протопопов решил вернуть его в свое ведомство, чтобы поставить всю эту деятельность, что называется, на широкую ногу. Предложение это обсуждалось в Совете министров, где мнения разделились, а бюджетная комиссия Государственной думы выступила против проекта, поэтому он так и не был осуществлен. Вскоре после назна-

чения царица имела встречу с новым министром внутренних дел, и беседа выявила взаимопонимание между ними. Александра Федоровна осталась довольна. Она подробно рассказала об этом в письме мужу, и тот писал ей в ответ 23 сентября: «Нежно благодарю тебя за твое дорогое длинное письмо, в котором ты так хорошо излагаешь свой разговор с Прот. Дай Бог, чтобы он оказался тем человеком, в котором мы сейчас нуждаемся!»

Назначение Протопопова на важнейший правительственный пост внесло замешательство в думские ряды. Деятели Прогрессивного блока, сомкнув ряды, успешно «добивали» кабинет Штюрмера; было ясно, что его падение не за горами. Так возникала реальная возможность создания долгожданного «кабинета общественного доверия». Милюковская компания видела себя уже в министерских креслах; им казалось, что час триумфа совсем близок. И вдруг такой удар! Один из их рядов, человек, которого и в состав будущего «прогрессивного правительства» приглашать-то не хотели, предал своих и занял пост без согласования с ними. Отступника необходимо было морально и политически уничтожить!

Безответственность многих общественных деятелей со всей очевидностью проявилась на думской сессии, начавшей работу 1 ноября 1916 г. Правительство опасалось открытия сессии, предполагая, что на ней возможны эксцессы, которые могут еще больше накалить общественную атмосферу.

Пятую сессию Государственной думы четвертого созыва открыло краткое слово председателя: «Мы собираемся здесь в пятый раз с начала мировой борьбы, — сказал М. В. Родзянко. — Война должна быть выиграна, чего бы это стране ни стоило, во что бы ни стало. Этого требует народная честь и народная совесть; этого повелительно требует не только государственная безопасность, но и благо грядущих поколений». После решения нескольких текущих процедурных вопросов открылись общие прения. И вот тут началась настоящая антиправительственная вакханалия.

Тон задал будущий блестяще-бездарный премьер Временного правительства, а тогда депутат от Саратовской губернии, член фракции трудовиков, присяжный поверенный А. Ф. Керенский. Говоря о правящих кругах, он восклицал: «Связав великий народ по рукам и ногам, заткнув ему рот и завязав ему глаза, они бросили его под ноги сильного врага, а сами, закрывшись аппаратом военных положений, цензур, ссылок и других преследований, они предпочитают в то же время исподтишка, как наемные убийцы, наносить удары. Где они, эти люди (указывая на места правительства) в правительстве, подозреваемые, братоубийцы и трусы... Все жертвы и попытки спасти страну бесплодны, пока власть находится в руках безответственных лиц, ставящих свои личные интересы, ставящих свои традиционные симпатии выше интересов и прав нации».

Не успел еще зал успокоиться после прозвучавших гневных филиппик, а на трибуну уже поднимался магистр русской истории, бывший приват-доцент Московского университета, известный политический деятель либерального толка П. Н. Милюков. Его выступление явилось продуманной и хорошо рассчитанной акцией. Общий смысл был достаточно прост: мы, либералы, будем бороться до полной победы над правительством.

Однако он пошел дальше банального рефрена о негодности администрации и разыграл целую интермедию. Цитируя мнение австрийских и не-

мещих газет и ссылаясь на свое впечатление от поездки по Западной Европе, ученик историка В. О. Ключевского обвинил ведущих членов кабинета и влиятельные придворные круги в воровстве, в попытках заключить мирный договор за спиной народа. При этом экономические трудности и военные неудачи он выводил из целенаправленной работы врагов России, окопавшихся на министерских постах и «даже выше». «Победа придворной партии есть победа партии молодой царицы». Свое выступление глава кадетской партии перемежал патетическим вопросом: «Что это: глупость или измена?» На что аудитория (на балконах для публики, что называется, яблоку некуда было упасть, так как слухи о грядущем важном политическом событии распространялись давно уже) дружно отвечала: «Измена!» Обвинение в измене глава кадетов бросил лично главе правительства Штюрмеру, что вызвало бурное одобрение многих присутствовавших, находившихся в состоянии необычайной экзальтации. Завершая эту эскападу, Милюков заявил: «И разве же не все равно для практического результата, имеем ли мы дело в данном случае с глупостью или изменой?»

Оратор прекрасно понимал, что лжет. Знал об этом и тогда, когда стоял на трибуне, и позже, но раскаяния никогда не испытывал. Шла жесточайшая война, кругом росло недовольство, существовавшее хрупкое общественное равновесие грозило рухнуть в любую минуту, а лидер одной из крупнейших партий заведомо клеветнически обвинял главу правительства в измене, в пособничестве врагу. Настроения думской общественности отразило высказывание в стенах Думы другого видного кадета В. А. Маклакова, предъявившего своего рода ультиматум власти: «Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна». После этой тирады зал Таврического дворца огласили «продолжительные и бурные рукоплескания» и выкрики «браво».

Штюрмер и Протопопов были глубоко оскорблены публичными обвинениями, первый даже хотел подать с суд на Милюкова. Они советовались с императрицей. Та хоть и возмущалась, но советовала не обращать внимания. Премьер же был деморализован.

Чтобы умерить общественные страсти, Николай II в середине ноября назначил председателем Совета министров члена Государственного совета, сенатора, министра путей сообщения А. Ф. Трепова, имевшего репутацию честного и сильного правового деятеля. Новый премьер сразу же отправился в Думу и выступил там с призывом к производительной совместной работе. «Забудем споры, отложим распри, посвятим все время положительной работе — этого от всех и каждого требуют жизненные интересы России». Этот монолог несколько раз прерывался возгласами: «Когда выгонят Протопопова?» Большинство господ думцев другие проблемы не интересовали.

Политические события разворачивались в соответствии с замыслом «радетелей», удача окрыляла. Штюрмер был повержен, Милюков и другие лидеры Прогрессивного блока принимали поздравления, как будто выиграли военную битву. Теперь главное для думских лидеров – сокрушить ненавистного отступника Протопопова, а затем... Затем власть должна была пасть к их ногам.

Глава МВД оказался малодеятельным, безынициативным и плохо подготовленным к своей ответственной роли. Все это так. Но его врагам требовались более весомые аргументы, и они сразу же нашлись, ведь солисты думских действий давно поднаторели в фабрикации сокрушительных сплетен. Для них не имела значения истина. Главное — найти что-нибудь погорячее, что-нибудь такое, что било бы не в бровь, а в глаз. Против Протопопова выдвинули ряд обвинений, но особенно оскорбительными были два. Первое — попытка вести сепаратные переговоры с Германией («измена») — довольно быстро отпало в силу своей абсурдности. Зато второе интенсивно муссировалось.

Уже к ноябрю по всей России циркулировали сведения о том, что у министра внутренних дел «разжижение мозга» на почве сифилиса и что он абсолютно психически ненормален. Слухи о слабоумии Протопопова усиленно распространялись. Дошли они и до царя. На вопрос об этом одного из приближенных Николай II со свойственной ему спокойной рассудительностью заметил: «Я об этом слышал. С какого же времени Протопопов стал сумасшедшим? С того, как я назначил его министром? Ведь в Государственную думу выбирал его не я, а губерния».

Действительно, еще совсем недавно симбирское дворянство, которое хорошо и давно его знало, избрало его своим предводителем, а ведущие предприниматели сделали его председателем Совета съезда представителей металлургической промышленности. Еще в апреле—июне 1916 г. он возглавил парламентскую делегацию, куда, кстати, входил и Милюков, а у членов делегации не возникало никаких предположений о сумасшествии товарища председателя Думы. И вдруг оказалось, что он давно был ненормальным! Императрица совершенно обоснованно узрела в нападках на Протопопова проявление натиска на власть. «Не думай, — писала она супругу, — что на этом одном кончится, они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих».

Подобные умозаключения Александры Федоровны являлись достаточно логичными. Аналогичного же взгляда придерживался и монарх. В вопросе о Протопопове сошлись две силы, уже теперь непримиримые. Николай II находился под сильным давлением царицы и Распутина, стремившихся не допустить отставки министра внутренних дел, на чем, стараясь нажить политический капитал в обществе, настаивал премьер А. Ф. Трепов. В деле Протопопова Александра Федоровна использовала всю свою энергию, чтобы отвратить самодержца от неправильного шага и оставить при должности «этого милого, умного и преданного человека». Министр сохранил свой пост.

§ 4. Синдром Распутина

Если человеку, даже очень далекому от сколько-нибудь основательных знаний отечественной истории, задать вопрос о том, кого он может назвать из персонажей минувших эпох, то почти наверняка в этом скудном ответе-перечне будет фигурировать имя Григория Ефимовича Распутина (1869—1916). О нем так много написано и сказано, это имя столь популярно у сочинителей всех мастей и жанров, им до сих пор нередко жонглируют политики, журналисты, ведущие популярных программ в электронных

средствах массовой информации, что, право, надо быть глухим и слепым, чтобы данный исторический фантом не запечатлелся в памяти.

Конечно, мало кто может внятно объяснить происхождение легендарного исторического героя, рассказать его биографию. Да этого и не требуется. Главное, как кажется немалому числу людей, известно. Простой сибирский крестьянин, обладавший чудодейственными способностями и невероятным половым магнетизмом, сумел подняться на самые верхи общества, покорить «сильных мира сего», смог «втереться в доверие к самому царю» и стал «почти правителем» в огромной Российской империи. Перед ним заискивали приближенные и сановники, известные политики домогались его благорасположения, а первые красавицы империи готовы были на все, лишь бы этот бородатый мужлан заключил их в свои объятия.

И как утверждается во многих сочинениях, этот «нахальный бражник» и «бесстыжий блудник» предавался «необузданному разврату без устали», а в числе его интимных партнерш были как дамы высшего света, представительницы самых именитых дворянских родов, сиятельные графини и княгини, так и простые белошвейки и дешевые проститутки с Сенной площади и Невского проспекта. Не удивительно, что даже звучание фамилии-символа — РАСПУТИН — невольно вызывает у многих потаенные эротические ассоциации самого безудержного свойства.

Описание же распутинских оргий — это целая отдельная отрасль в кино и литературе. «Бойкие мастера» здесь на яркие краски и мистериозные подробности не скупятся: патологическое воображение получает широчайший простор. Золоченые хоромы особняков и дворцов знати, отдельные кабинеты самых фешенебельных ресторанов, изысканные интерьеры, уникальные меха и баснословные драгоценности, надрывные песни и зажигательные пляски цыган — таков дежурный антураж, в котором обычно и изображают разгульные действия.

Игра шампанского в хрустале, бархатные и шелковые обивки и портьеры, переливы бриллиантов, мерцающий огонь свечей в причудливых бронзовых канделябрах, а на первом плане похотливый бородатый мужик или сжимающий в своих грубых руках заколдованную, беспомощную аристократку, или вертящийся в бесноватом плясе, напоминающем ритуальные танцы диких племен. Этот видеоряд давно стал обязательным как в литературных сочинениях, так и в циклах кинопроизведений. На протяжении XX в. голливудские кинокомпании сумели многократно воспроизвести подобную, потрясающую воображение «русскую специфику».

Однако распутинская тема — это не только объект бытового любопытства, а тиражирование этой истории не объясняется лишь распространенным людским интересом к скрытому, запретному, непристойному. Здесь фокусируются вполне определенные политические интересы, мировоззренческие пристрастия, психологические комплексы не только отдельных людей, но и конкретных общественных групп и политических направлений.

«Распутиниада» – инструмент идеологических манипуляций, удобный способ объяснить изломанные судьбы стран, народов, империй и правителей простыми, доходчивыми формулами и ходульными приемами. Много десятилетий назад один из самых известных отечественных политиков

XX в., герой, кумир и проклятие судьбоносного 1917 г. Александр Керенский изрек: «Без Распутина не было бы Ленина». Иными словами, если бы этот сибирский мужик не появился бы в царских чертогах, а еще лучше и не родился на свет вовсе, то Россию бы не постигли испытания и мучения, которые она выдерживала почти столетие под игом беспощадных коммунистов.

При таком взгляде на ход времен фигура Распутина приобретает магический ореол «могильщика царской империи», своего рода посланца инфернальных сил, открывшего «врата ада» для погубителей и притеснителей. Постулирование подобной «истины», принятие ее на веру позволяло таким деятелям, как Керенский, удачно выгораживать себя, затемнять и умалять свои личные «заслуги» в деле крушения монархической России и «торжества апокалипсиса», наступившего потом.

Действительно, если Распутин стал демиургом крушения, знаком распада, то историческая вина за это лежит не только и даже не столько на нем, но на тех силах и людях, кто вызвал из небытия это «исчадие ада». Здесь на первое место непременно выдвигают последних царя и царицу. Банальная схема оказалась чрезвычайно живучей: сходные утверждения звучат и поныне. В области же истории люди позволяют себе озвучивать любые выводы, строить самые немыслимые гипотезы, делать широковещательные сенсационные заявления, нисколько не заботясь об исторической обусловленности их.

Ни в какой иной теме по истории России, как в теме о Распутине, вульгарная заданность сочинителей всех мастей не проступает так наглядно. «Распутиниада», «распутинщина» давно стала обиходным мифом, питаемым не только историческим невежеством производителей и потребителей, но и неприкрытым коммерческим расчетом.

При всей растиражированности распутинского сюжета невольно бросается в глаза тот куцый набор «исходных документов», на основании которых строится сюжет. Да и сам перечень «волнующих эпизодов» весьма ограничен. Каковы были сексуальные потенции сибирского крестьянина? Имел ли он постельные отношения с царицей? Сколько у него вообще было любовниц? Как много он потреблял алкоголя? Как в пьяном угаре назначал министров? В каких ресторанах Распутин устраивал оргии, как они проходили и кто был на них завсегдатаем? Вот, так сказать, набор пышек вопросов к загадочному персонажу.

Современников же Распутина в первую очередь занимали совсем другие проблемы: кем был ангажирован Распутин, кто им управлял, какие иностранные круги стояли за ним?

Пересказ самых «сочных» эпизодов распутинской истории базируется обычно на некие «виртуальные свидетельства», подлинность которых, как правило, не удосуживаются проверить. Так повелось с самого начала создания «Распутиниады». Откуда известно, что Распутин предавался необузданному пьянству? Ответ: «Об этом все знали». Никто не рассказал о собственных впечатлениях, никто не зафиксировал личное участие в «разнузданных оргиях». Все лишь ссылались на неизвестных информаторов и анонимных очевидцев. Или вот другой «горячий сюжет». На чем ос-

нованы утверждения о сексуальной разнузданности царева друга? Объяснение: «О том рассказали жертвы его похоти».

Правда, никто до сего дня не назвал имен этих «жертв», да и сами эти легендарные «оскорбленные создания», которые, судя по многообразию и выразительности циркулировавших подробностей, рассказывали об «ужасном насилии» над собой чуть ли не на всех углах, ни к судебной, ни к общественной защите своей чести не прибегали. Однако об этом, как говорилось, опять «все знали». По сходному лекалу смонтированы и иные страницы «Распутинианы».

В историческом контексте первейшее значение теперь имеет не интимная сторона жизни крестьянина Тобольской губернии, а два чрезвычайно важных для понимания драматургии отечественной истории вопроса. Первый: какова была реальная политическая роль этого странного персонажа? И второй: почему же существовало убеждение в истинности всех слухов и сплетен о Распутине, хотя, как признал один из его ненавистников, «мы очень мало знаем достоверного об этом человеке, который несет нам смерть»?

Суть дела в конце концов ведь не столько в том, почему дискредитирующие слухи возникали, кто и почему их инспирировал, а в том, почему их принимали (и принимают) за истину. Причем верили-то безоговорочно им в большинстве своем не какие-то безграмотные и несмышленые личности, а как раз самые образованные и просвещенные. До сих пор эта важная историческая проблема — податливость к искушению мифом — так и остается втуне.

Многие современники тех событий, которые или Распутина вообще не видели, или где-то лицезрели мельком, в своих мемуарах зафиксировали скандальные подробности в качестве реальных фактов. Здесь уже речь надо вести о болезненных деформациях мировосприятия людей в переломные исторические эпохи: они видели то, что хотели видеть, верили тому, во что желали верить. Действительность тут определяющей роли не играла. Желаемое и возможное приобретало в сознании немалого числа людей характер подлинного и свершившегося.

Как удачно заметил лейб-медик Е. С. Боткин, «если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи и подготовители революции создали его своими разговорами из Вырубовой (подруга царской семьи. — А. Б.), не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь». Подобный синдром массового психоза наблюдался в эпохи канунов и крушений во многих странах. В России он наиболее выразительно проявился как раз в распутинском феномене.

Здесь не место разбирать распутинскую историю по существу, приводить аргументы и документы, предметно опровергающие ее фактурную основу, тем более что мифологичность ключевых эпизодов уже прояснена в литературе. Важно констатировать несколько ныне очевидных моментов. Во-первых, Распутин ни на миг не являлся «правителем России» и никогда не руководил назначением должных лиц. Во-вторых, никакие иностранные силы за ним не стояли, и он не был сторонником и пропагандистом заключения сепаратного мира.

В данном случае феномен Распутина интересен не сам по себе, не своей физической предметностью, не тем набором «пороков» или «добродетелей», которые приписывали этому человеку. Важен и показателен он как экстремальный признак экстравертности общественного сознания, в первую очередь монархического, как симптом его даже не тяжелой болезни, а именно коллапса. Сама реальная фабула отношений царской семьи и крестьянина тут практически ничего не определяла. Ее не пытались выяснять, не старались понять причины и мотивы. Ее лишь стремились разрушить, а когда разрушили, то и тогда не успокоились. Даже в эмиграции немалое число «убежденных монархистов» непрестанно писали и говорили о «распутинском зле». И таким способом, оправдывая себя, разрушали уже не монархию, а доразрушали ее принцип.

Распутинскую историю превратили в политическую в первую очередь именно представители тех кругов, которые было принято называть монархическими, которые, оставаясь по самосознанию монархистами, но чувство самодержавно-монархическое уже утеряли. Даже если и допустить, что все, что говорили о Распутине, — чистая правда, а «оскорбленное монархическое чувство» не могло примириться с «этим унижением», то даже и тогда поведение «борцов за идею» нельзя признать лояльным. Несогласие свое донести до царя преданный монархист считал нравственным долгом. Тут не о чем спорить.

Но вот превращать недовольство и возмущение в предмет общественного действия, в фактор публичной политики — такого допустить не мог никто из тех, для кого царь — фигура сакрально осененная. Фактический же царь таковым больше не являлся, причем не являлся еще до того момента, когда имя Распутина впервые достигло Петербурга. Это была качественная трансформация мироощущения монархического истеблишмента, предрекающая историческую исчерпанность и обреченность его.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. во дворце Юсуповых на Мойке в Петрограде был убит Григорий Распутин. Весть вызвала радость во многих кругах. Некоторым показалось, что черные дни миновали, что теперь наконец-то все пойдет наилучшим образом. Но это была лишь краткосрочная иллюзия. Накануне наступления нового, 1917 г. Николай II в церкви горячо молился, чтобы «Господь умилостивился над Россией». Ему оставалось править два месяца, и его судьба, как и судьба династии и России, определились в течение нескольких дней конца февраля — начала марта 1917 г.

§ 5. Февраль 1917 г. в Петрограде. Отречение Николая II

27 февраля 1917 г. Николай II в Могилеве получил верные сведения из Петрограда о происходящих там серьезных беспорядках, начавшихся еще 23-го числа. Толпы расквартированных в столице солдат из запасных батальонов вместе с примкнувшими к ним группами гражданских лиц ходили с красными флагами по главным улицам, громили полицейские участки, грабили магазины, вступали в стычки с верными войсками. Положение становилось критическим. Власть правительства в столице была парализована.

Министр внутренних дел А. Д. Протопопов записал в дневнике: «23 февраля с утра, во время молебна, мне сказали, что забастовали рабочие

на многих заводах и большими толпами ходят по улицам и что Командующий Войсками по докладу Градоначальника, распорядился вызвать и казаков. На мой вопрос по телефону Балк (Александр Павлович, генерал-майор, последний петроградский градоначальник) мне сообщил, что все дело в том, что к газетным уткам, будто в городе нет муки, сегодня выпечка опоздала — не успели будто во время выдать муку пекарям; народ ринулся расхватывать хлеб на сухари и запас и многим совсем хлеба не хватило. Это вызвало громадное волнение и забастовку — спонтанную — без сговора и подготовки...

К вечеру движение стихло, мне даже сообщили из Департамента полиции, что есть надежда, что на завтра некоторые заводы встанут на работу. В общем, день 23-го прошел не очень страшно, пострадали несколько полицейских чинов; стрельбы не было. На Литейной в жандармский разъезд кинута ручная граната; ранены 2 лошади и всадник. Казаки выехали с пиками и народ разгоняли вяло — были случаи, когда толпа им кричала «ура» и дружелюбно подавали свалившуюся узду. Солдатские пикеты и отряды разговаривали мирно с толпами, большей частью молодежи и хулиганов, проходивших мимо их».

До императрицы тоже 23-го числа дошли сведения о беспорядках, и она запросила министра внутренних дел А. Д. Протопопова, который ее успокоил. Но благодушествовать было рано. Уже на следующий день министр свидетельствовал: «С утра мне сказали, что в городе неблагополучно. Большие толпы, разбито несколько магазинов, что командующий войсками приказал стрелять. Вскоре я узнал, что на Выборгской изувечен полковник Шалфеев. Была особо стрельба на Знаменской площади. Но раненых и убитых, как мне сказали, немного». На следующий день положение усугубилось, и, как записал министр, «с утра уже стало известно, что беспорядки принимают массовый характер».

Вялая реакция властей, сначала не придававших должного значения событиям, а потом растерявшихся перед их масштабом, привела к тому, что они, все более расширяясь, охватили практически всю имперскую столицу и к 27 февраля здесь уже фактически не было власти царя.

В оцепенении находилось не только административная власть, но и так называемые общественные круги, которые своими нападками и дискредитациями давно разжигали в стране ненависть и антимонархические настроения, а когда стало разгораться «пламя народного гнева», то многие из них потеряли способность к действию и впали в состояние прострации. Вначале они буквально тряслись от страха в ожидании кары со стороны властей, но затем, когда стало ясно, что отсюда угрозы нет, они стали замирать от ужаса перед революционной толпой, которая сама к ним пришла и сказала: «Ведите нас!» Думцам осталось только попытаться встать во главе движения.

Царь в Могилеве 27 февраля записал в дневнике: «В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия». У него созрело решение послать в Питер надежного человека во главе преданных войск и восстановить там спокойствие. Император распорядился, чтобы генерал Н. И. Иванов с ба-

альоном георгиевских кавалеров отправился в Царское Село, а затем — в Петроград для восстановления порядка. Вскоре стало известно, что императором послана телеграмма М. В. Родзянко с согласием на создание ответственного министерства и отдано распоряжение о подготовке к отъезду. После полуночи Николай II перебрался в поезд, отбывший в 5 часов утра 28 февраля из Могилева в Петроград.

Маршрут пролегал через Смоленск—Лихославль—Тосно на Царское Село. В Лихославль прибыли вечером, и здесь царь получил весточку от супруги о том, что у них все спокойно. На всех станциях царило полное спокойствие и порядок. Раскаты петроградской грозы не докатились еще до глубины России. Около двух часов ночи 1 марта царский поезд прибыл на станцию Малая Вишера.

До Петрограда оставалось около 200 верст. Здесь стало известно о неожиданных затруднениях. Выяснилось, что все станции по пути следования заняты революционными войсками. Двигаться дальше было невозможно. Только здесь стало окончательно ясно, насколько широкий размах приняли противоправительственные выступления и что российский монарх уже не может беспрепятственно двигаться по своей стране. После обсуждения ситуации было решено изменить маршрут и ехать в Псков, в штаб Северного фронта, где было много надежных войск под командованием генерала Н. В. Рузского. После нескольких часов стояния в Малой Вишере императорский поезд двинулся в западном направлении. В середине дня прибыли в Старую Руссу. На станции собралась огромная толпа народа, желавшая видеть царя. Когда он появился в окне вагона, все сняли шапки, многие встали на колени и крестились. Такое восторженное отношение к императору не имело ничего общего с тем, что происходило в Петрограде.

В столице же власти царя уже не существовало. 27 февраля Временный комитет Государственной думы был преобразован во Временное правительство, в состав которого вошли давние недоброжелатели Николая II: П. Н. Милюков, А. И. Гучков и откровеннейший враг трона и династии социалист А. Ф. Керенский. На улицах царило радостное возбуждение. Торжествовал красный цвет флагов и наскоро намалеванных транспарантов: «Долой самодержавие!», «Долой предателей!», «Долой тиранов!», «Да здравствует свобода!».

Никто уже не работал, и казалось, что чуть ли не все жители трехмиллионного города вышли на улицу в уверенности, что черные дни миновали, что теперь начнется новая, светлая жизнь без горестей и печалей. Восторги принимали порой характер истерии. Толпы солдат, матросов, студентов, рабочих, низших служащих стекались к резиденции Государственной Думы — Таврическому дворцу, у парадных дверей которого происходил нескончаемый митинг. Ораторы сменяли один другого. Особенно воодушевило собравшихся выступление нового министра юстиции А. Ф. Керенского, заклеймившего старую власть и провозгласившего наступление эры мира и благоденствия в России.

Новой власти стали присягать воинские части, и почти никто уже не сомневался, что со старым режимом покончено раз и навсегда. Удивление и восторг собравшихся вызвало появление кузена Николая II, великого

князя Кирилла Владимировича, который привел свой гвардейский экипаж и встал на сторону победителей. Со всех концов города стали привозить арестованных царевых слуг и наиболее заметных помещали в министерском павильоне Таврического дворца.

К вечеру 1 марта здесь находился цвет сановной иерархии, люди, совсем еще недавно обитавшие на недосягаемой высоте: бывшие премьеры И. Л. Горемыкин и Б. В. Штюрмер, председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, обер-прокурор Святейшего синода В. К. Саблер. Совершенно неожиданно для думцев в том же Таврическом дворце возник Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, сразу ставший центром крайних требований и лозунгов.

Руководство Думы и члены Временного правительства понимали, что следует немедленно укреплять власть для всеобщего успокоения. Непременное условие этого — отречение императора в пользу своего сына. «Героям февраля» казалось, что должна существовать преемственность власти и если на престоле окажется чистый и, конечно же, не запятнанный никакими политическими делами мальчик, то русские сердца смягчатся и можно будет следовать ответственному правительственному курсу. Уже 1 марта возникла идея ехать на встречу с царем и уговорить его согласиться на отречение.

Замысел решили не разглашать, обставить все скрытно, чтобы какие-нибудь непредвиденные обстоятельства не нарушили его. Постановили, что поедет сам Родзянко, депутат В. В. Шульгин и член Государственного совета А. И. Гучков, человек широко известный в России своей резкой критикой старой власти. Позже все-таки возобладало убеждение, что Родзянко лучше остаться в Питере и держать под контролем события.

1 марта, уже в полной темноте, около восьми часов вечера царский поезд подошел к станции Псков. На платформе было немного народа, оживления не отмечалось. Встречал губернатор, представители местной администрации, несколько офицеров и прибывшие ранее чины свиты. Царь принял в вагоне генерала Н. В. Рузского. Эти несколько часов беседы императора с командующим Северным фронтом, телефонных и телеграфных переговоров с Родзянко и начальником Верховного главнокомандующего в Могилеве генералом М. А. Алексеевым оказались переломными. Решалась судьба и династии, и России.

Генерал заявил, что необходимо было еще раньше согласиться на правительство из общественных деятелей. В ответ Николай II, явно волнуясь, заметил: «Для себя и своих интересов я ничего не желаю, ни за что не держусь, но считаю себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред России, а завтра умоют руки, подав в отставку. Я ответственен перед Богом и Россией и все, что случилось и случится, будут ли министры ответственны перед Думой или нет — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делают министры не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность».

Рузский призывал его принять формулу: государь царствует, а правительство управляет, на что Николай Александрович возразил, что ему эта формула непонятна, что надо было получить другое воспитание и перево-

житься, что он «не держится за власть, но только не может принять решение против своей совести и, сложив с себя ответственность за течение дел перед людьми, не может сложить с себя ответственность перед Богом. Те люди, которые войдут в первый общественный кабинет, люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не справятся со своей задачей».

В конце концов Рузский уговорил царя во имя блага России и своего сына пойти на компромисс с совестью. Самым сильным аргументом стало утверждение, что если Николай II не примет «историческое решение», то возникнет угроза кровавой гражданской междоусобицы.

В 0 часов 20 минут 2 марта генералу Иванову, эшелоны с войсками которого находились уже в Царском Селе, была послана телеграмма: «Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай».

В три часа ночи генерал Рузский связался по телефону с Родзянко. Разговор длился долго, более двух часов. Председатель Думы произнес много слов о важности происходящего, о трагизме положения и недвусмысленно дал понять, что общее настроение склоняется в пользу отречения императора. Разговор Рузского с Родзянко был передан в Ставку генералу М. В. Алексееву, который выразил мнение, что «выбора нет и отречение должно состояться».

Из Ставки были посланы срочные телеграммы командующим фронтами, где говорилось, что для спасения России от анархии необходимо отречение императора в пользу своего сына. Командующие призывались высказать свое мнение. К полудню 2 марта стали приходить ответы: от командующего Юго-Западным фронтом генерала А. А. Брусилова, от командующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, от командующего Кавказским фронтом, двоюродного дяди Николая II и бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

Все призывали царя «принести жертву» на алтарь Отечества и отречься. В послании последнего говорилось: «Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувства святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас».

Копии телеграмм генерал Алексеев препроводил на имя императора в Псков, добавив от себя: «Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России».

Пошли последние часы и минуты последнего царствования. Ознакомившись с мнением военноначальников, царь пересилил себя, переступил через принципы и принял решение отказаться от короны. Он горячо молился в своем вагоне перед походным алтарем и просил Бога простить ему этот грех — измену клятве, данной при вокарении.

Вернувшемуся генералу Рузскому сообщил о своем согласии отречься. После непродолжительной прогулки вдоль состава вернулся в начале чет-

вертого в вагон и составил две телеграммы. Одну на имя Родзянко, а другую на имя Алексеева. Вторая гласила: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно». Служить верно и нелицемерно! Ему они так не служили.

Рузский был приглашен к императору, вручившему оба послания для отправки. Генерал сообщил Николаю II, что из Петрограда выехали для переговоров Гучков и Шульгин. Решено было дождаться их приезда и никаких телеграмм пока не посылать. Потянулись томительные часы ожидания. Пока еще император не терял присутствия духа, и хотя приближенные замечали порой признаки охватывавшего его волнения, но природная выдержка и воспитание не позволяли этому человеку проявлять слабость.

Депутаты ожидались в семь часов вечера, а приехали только около десяти. К этому времени в настроениях обреченного монарха многое изменилось. Все эти часы он обдумывал грядущее и особенно будущее сына Алексея, больного гемофилией тринадцатилетнего мальчика. Император имел обстоятельный разговор с лейб-хирургом С. П. Федоровым, уже несколько лет лечившим цесаревича Алексея.

Отец просил врача высказаться «совершенно честно и откровенно» о том, что ждет в будущем сына. Профессор не стал лукавить, сказав со всей определенностью, что хотя Алексей Николаевич и может прожить долго, но все же, если верить медицинской науке, он неизлечим и предсказать будущее в данном случае невозможно. В ответ услышал: «Мне и императрица говорила так же, что у них в семье та болезнь, которою страдает Алексей, считается неизлечимой. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним... Я останусь около моего сына и вместе с императрицей займусь его воспитанием, устранясь от всякой политической жизни».

Наконец прибыли посланцы революционной столицы. Они были растеряны и подавлены не меньше членов императорской свиты. Представители «новой России» находились в неведении относительно намерений государя и считали, что им предстоит тяжелая миссия — уговорить царя отречься в пользу сына Алексея при регентстве брата императора, великого князя Михаила Александровича.

В салон-вагоне царского поезда состоялась встреча с императором. Разговор начал А. И. Гучков. Он рассказал о том, что положение угрожающее, что к движению примкнули войска и рабочие, беспорядки перекинулись на пригороды, все прибывающие воинские части переходят на сторону восставших и что для спасения Родины, для предотвращения хаоса и анархии был образован Временный комитет Государственной думы, принявший всю полноту власти.

Гучков далее сообщил, что образовался совет рабочей партии, уже требующий социальной республики. Это требование поддерживают низы и солдаты, которым обещают дать землю. Толпа вооружена, и опасность угрожает всем. Единственный путь спасения — передача бремени верховной власти в другие руки. «Если Вы, Ваше Величество, — завершил Гучков, — объявите, что передаете свою власть Вашему сыну и передадите ре-

тентство Вашему брату Михаилу Александровичу, то положение можно будет спасти».

Император выслушал монолог, не перебивая, не задавая вопросов. Когда Гучков закончил, Николай II сказал: «Ранее Вашего приезда, после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с председателем Государственной Думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, но теперь, еще раз обдумав свое положение, я пришел к заключению, что ввиду его болезненности мне следует отречься одновременно и за себя и за него, так как разлучаться с ним не могу».

Такой исход депутаты не предвидели. Наследником трона мог быть лишь сын монарха. Об этом прямо говорилось в законе. Новая комбинация, когда трон переходил к брату императора, не отвечала букве закона, но, с другой стороны, когда составляли эти нормы, никто не предусмотрел возможность добровольного отказа самодержца от престола.

Произошел непродолжительный обмен мнениями, и в конце концов Гучков сказал, что они могут принять это предложение. Николай II вышел в свой кабинет и быстро вернулся обратно с проектом манифеста об отречении. Текст тут же обсудили, внесли незначительные поправки, переписали и в 23 часа 40 минут 2 марта Николай Александрович — семнадцатый царь из династии Романовых — его подписал. Теперь уже бывший император попросил лишь поставить на нем другое время – 3 часа 5 минут дня, когда было принято окончательное решение. Далеко за полночь, вернувшись в спальное купе, развенчанный монарх, как всегда уже на протяжении последних 35 лет, занес в свой дневник краткое описание дня и завершил запись словами: «Кругом измена и трусость и обман!»

Сложив с себя корону, Николай II счел необходимым вернуться в Могилев, чтобы попрощаться с войсками. Там ему стало известно об отказе брата Михаила от престола до решения Учредительного собрания. Тысячелетняя история тронов и корон в России завершилась.

ГЛАВА 10. ДУХОВНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

§ 1. Духовно-нравственные ориентиры и принципы интеллектуально-художественного процесса

Во второй половине XIX в. культурный процесс в России обогатился новыми эстетическими и тематическими направлениями, раскрылся всем многоцветием художественно-творческих дарований человека. То, что формировалось и сформировалось ранее, стало основополаганием, взрастившим новые и невиданные дары.

Философская мысль, литература, театр, музыка, пластические и изобразительные искусства продемонстрировали выдающие образцы, благодаря которым культура России заняла раз и навсегда почетное место в ареале мировых достижений человечества. И когда говорят о русской культуре как о явлении универсального уровня, то имеют в виду главным образом имена мастеров и творческие свершения, приходящие на время второй половины XIX — начала XX вв. Культура, оставаясь по духу и смыслу, несомненно, явлением национальным, по своим эстетическим приемам, художественному качеству выдвинулась в разряд явлений всемирного порядка.

Глубинные духовно-нравственные импульсы русской культуры, взращенные многовековой православной традицией, одушевляли ее и в новое время. Темы страдания «униженных и оскорбленных», сострадания «маленькому человеку», заявленные с такой пронзительной силой в «Станционном смотрителе» и «Капитанской дочке» А. С. Пушкиным и в «Шинели» Н. В. Гоголем, неизменно оставались в фокусе внимания и потом, и не только в литературе.

Великое русское живописное направление, получившее название передвижников, в значительной своей части — это есть «гимн состраданию», а не простое любование красотами земного мира. И не удивительно, что основными направлениями русского изобразительного искусства долго оставались портретная, историческая и жанровая живопись. Лишь к концу XIX в. получает свое развитие жанр пейзажа.

Хотя тенденции секуляризации и расцерковления с каждым десятилетием все больше и больше давали о себе знать, все явственней проступали в самых разных областях художественно творчества, но те эсхатологические чаяния, упования на конечное торжество Света и Справедливости, столь характерные для исторического облика культуры в минувшие века, не исчезли.

Дидактическая направленность творчества, взращенная пасторским духом творимого публичного слова и образа былых времен, давала о себе знать даже в тех случаях, когда никакой видимой связи с сакральным авторитетом не только не наблюдалось, но подобная сопряженность вообще отрицалась. Органический парадокс русской культурной трансформации отражал общую особенность исторического пути России: перенимая, впитывая в себя многие правовые, этические, эстетические принципы и нормы западноевропейского цивилизационного мироустроения, Россия оста-

валась по сути своей страной небуржуазной, страной православной цивилизации. Тот, по определению Макса Вебера, «дух капитализма», творивший и сотворивший реальную действительность на Западе, в России мало что определял и совсем не был демиургом исторического действия.

Сходное явление наблюдалось и в области культуры, не оставившей ни одного примера не только восторженного славословия по адресу «владельцев заводов, газет, пароходов», но даже и проявлений какой-нибудь сдержанной симпатии. Как замечательно заключила Марина Цветаева, «осознание неправды денег в русской душе невытравимо».

Большие русские писатели, такие как Достоевский, Толстой, Лесков, Тургенев, Чехов, Бунин, описавшие разные человеческие характеры, оставившие целую галерею персонажей, представлявших весь социальный спектр России, от царских чертов до крестьянской избы, так и не остановили своего заинтересованного взора на представителях предпринимательской корпорации. Как будто и не было таковых в России.

Общий антибуржуазный социопсихологический климат России совершенно не меняло то широкое развитие благотворительности, те колоссальные пожертвования на общественные надобности, на строительство школ, больниц, приютов, библиотек, музеев и театров, которыми заслуженно славились российские предприниматели. Хотя Россия являлась в первую очередь сельскохозяйственной страной, где огромные финансовые личные или семейные состояния были редкостью, но подобные многочисленные акции той поры, измеряемые в нынешних ценах миллионами и десятками миллионов долларов, нельзя не признать феноменальными.

Однако когда «грянул гром революции» и «пали оковы самодержавия», то буржуазия сразу же оказалась в числе социально обреченных сегментов общественной среды. Один из видных промышленников, переживший революционный катаклизм, вспоминал: «Воспринявшие заветы великого противника цивилизации многие вместе со своими учителем Л. Н. Толстым видели в торговой и промышленной прибыли «грех», а марксисты «грабеж» и только очень и очень немногие понимали, что предприниматель творит необходимое государству дело, что он открывает новые источники народного благосостояния, что он укрепляет мощь и независимость нации. И даже те, кто это понимали, нередко относились к деятелям торговли промышленности с некоторым осуждением. Во время революции отрицательное отношение к ним, за немногими исключениями, было всеобщим».

В целом это наблюдение нельзя не признать адекватным, но оно нуждается в важной коррективе. Нет предметных оснований считать, что антибуржуазные проповеди Л. Н. Толстого оказали какое-то фатальное воздействие на ход истории: он не столько формулировал подобное мировоззрение, сколько со свойственными ему талантом и мастерством выражал те настроения, которые исстари коренились в русской почве.

Русская культура по духу, форме, по своим устремлениям всегда была антииндивидуалистической. Ее ценности, ее ориентиры и фетиши лежали за пределами того, что принято называть «современной цивилизацией», зиждущейся на приоритетах личного начала, правах субъективного «я». Русская же историческая традиция, все самые яркие достижения и свершения человеческой натуры, все то, что в русской историософской мысли ча-

ще всего обозначаюсь не понятием «цивилизация», а понятием «культура», все это веками вызревало в православно-социальной среде, где приоритет частного над целым, возвышение личного интереса и индивидуальных устремлений считались вещами недопустимыми, «богопротивными», а потому аморальными.

Русское восхищение Западом — это, как правило, умозрительное любование придуманным совершенством, это преклонение перед «страной святых чудес» (Хомяков), а не перед царством денежной корысти, прагматического расчета и личного комфорта. Близкое соприкосновение с повседневной буржуазной реальностью почти всегда приводило или к «краю нравственной гибели», как то случилось с А. И. Герценом, или вызывало активный интеллектуально-духовный протест, как это произошло со всей русской интеллектуальной элитой, оказавшейся в изгнании после 1917 г. Новые впечатления от «европейского Эдема» совсем не соответствовали старым представлениям.

С горькой иронией о том написал культурфилософ Ф. А. Степун: «Но вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так: изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы. Любя Европу, мы, «русские европейцы», очевидно, любили ее только как прекрасный пейзаж в своем «Петровом окне»; ушел родной подоконник из-под локтей — ушло очарование пейзажа». Западнические настроения среди русской диаспоры очень быстро рассеялись без следа. И как когда-то Герцена, по его собственному признанию, от нравственной гибели «спасла вера в Россию», так и немалое число его потомков та же метафизическая вера поддерживала и не давала потерять историческую аутентичность годы и десятилетия в чужой культурной среде.

Эндемичность сущностного содержания русской культуры объяснялась тем, что, став секулярной по своему внешнему выражению, она сохранила глубокую духовную интенцию. Чаяние «Царства Божия на небе» сменилось поиском «Царства Божия на земле», на смену христианству пришла социальная религия. Перемена векторов приоритетов мало отразилась на самоотверженной преданности самим устремлениям.

Отсюда проистекала та жадная тяга к поиску идеала, которой начиная с середины XIX в. были обуреваемы поколения молодых (и немолодых) людей, отсюда такой интерес к «провозвестникам грядущего», такой восторг по адресу людей, отдававших себя «беззаветному служению высокой цели». Причем «нравственного идеала» от произведений искусства требовали не только представители новой «социальной эстетики», заявившие во весь голос о себе во второй половине XIX в., но и те, кто являлись антиподами этого течения, сохраняя неколебимую веру в пастырско-нравоучительное предназначение художественных произведений. Так, в 1887 г., ознакомившись с драмой Л. Н. Толстого «Власть тьмы», обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев с возмущением писал Александру III: «Искусство писателя замечательное — но какое унижение искусства! Какое отсутствие, больше того, отрицание чувства, какое унижение нравственного идеала, какое унижение вкуса!»

Любые проявления тяги к личному благополучию индивидуума клеймились как низкое «мещанство», недостойное внимания художника. Эта антибуржуазная направленность культуры вообще и особенно художественной культуры ярче, зримее всего отразилась на русской литературе, игравшей по своему значению исключительную роль в социальной жизни. В этом отношении русская литература стоит особняком в ряду других великих мировых культурных явлений. Несмотря на то что в России выпускалось немало коммерческой рыночной продукции, а среди лидеров продаж никогда не фигурировали имена ни Достоевского, ни Толстого, ни Горького (в начале XX в. на книжном рынке по величине тиражей доминировала плодовитая сочинительница «семейных романов» А. А. Вербицкая), но «властителями дум», законодателями социально-психологических настроений оставались крупнейшие мастера.

От них ждали вещих предсказаний, им предписывалась роль оракулов, литературным героям их произведений поклонялись, им подражали. Самые известные случаи — «люди будущего», Рахметов из «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и Базаров из «Отцов и детей» И. С. Тургенева, стали своеобразными «альтер эго» для нескольких поколений социально обеспокоенной молодежи.

Середина XIX в. — рубеж поворота от художественной эстетики, от романтизма и классицизма с их поклонением искусству к социальному реализму, доходящему порой до бытового натурализма. Процесс демократизации культуры, то, что одни называли «эстетикой улицы» (Г. Успенский), а другие — «возвышением мужика» (С. Франк), становится фактом времени.

От искусства начинают требовать, чтобы оно давало ответы на «злободневные вопросы», указывало пути в жизни, утверждало «высокие общественные идеалы» и «героев будущего». Наступает время культа «прогресса», религиозного благоговения перед «наукой», под которой подразумевалось исключительно естествознание. Морализаторство и обличие несовершенства окружающей действительности, по страстной непримиримости напоминающие сочинения христианских ортодоксов Средних веков, становятся символами времени. Как заметил исследователь русской общественной мысли, «этот духовный склад слагается с необыкновенной быстротой и очень скоро создает действительную пропасть между новой и предыдущей эпохами». Без учета наличия подобного «духовного склада» очень трудно понять, почему такие произведения, в художественном отношении весьма спорные, как роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» или пьеса А. М. Горького «На дне», имели такой широкий общественный резонанс.

В 40—50-е гг. XIX в. в общем и целом единый до того культурфилософский контекст русской культуры расщепляется. Складывается три главных духовно-мировоззренческих вектора, принадлежность к которым определялась не столько эстетическими принципами или социальными доктринами, сколько степенью приближения к универсальным ценностям христианства.

Первый, восходящий к В. Г. Белинскому и Н. Г. Чернышевскому, имел разные составляющие, но по сути же, знаменовал полный разрыв с Церковью и неизбежно вел в «реализм», позитивизм и атеизм. На место

традиционной сакральной религии они выдвигали культ свободной от «исторических предрассудков» творческой личности», способной изменить все устоявшиеся нормы и преобразовать мир на рационалистических основаниях. В крайнем своем виде нашедшая воплощение в большевизме, эта мировоззренческая установка отразилась в девизе «партийности искусства» и требовала безусловного подчинения всех форм художественного и интеллектуального творчества политическим задачам.

Вторым направлением являлось течение «неохристианства», самым именитым представителем которого являлся Лев Толстой. Он атеистом себя не считал, но пытался переосмыслить исторический опыт в духе западноевропейского скептицизма XVIII в. для того, чтобы открыть людям «истинного Христа» и «истинную Церковь». Именно эта нива квиетизма дала уже в начале XX в. обильные всходы. Столь популярные в тот период религиозно-философские собрания и дискуссии, все шумные усилия в деле «богоискательства» и «богостроительства» можно воспринимать как развитие толстовских рационалистических нравственно-духовных установок.

Третье главное социофилософское направление представляли художники, сохранявшие верность исконным духовным ценностям и в новых условиях надеявшиеся лишь на возрождение былой силы духа православия, видевшие в христианском нравственном кодексе надежду на спасение всего человечества «от варварства цивилизации». Ярчайшими фигурами здесь являлись философ В. С. Соловьев и писатель Ф. М. Достоевский, которые хотя совсем и не являлись единомышленниками, но оба уповали на земное торжество идеи христианской истины, на возможность реализации давней эсхатологической мечты — рождения государства церкви.

На рубеже XIX—XX в.в. явственно обозначились новые художественно-эстетические приоритеты и направления в русской культуре. Протестная, остро социальная направленность, столь характерная для предыдущего периода, хоть и не исчезла, но стала заметно отходить за второй план в разных отраслях художественной деятельности. На смену реалистической социальности выдвигались неоклассицизм, неореализм, символизм, приобретавшие облик чистого эстетизма.

Тоска по несуществующему, «пусть будет то, чего никогда не бывает» (З. Н. Гиппиус), томление духа, страждущего новой религиозности, которую пытаются отыскать в «чистой красоте». Для этого движения, для этого «перевала сознания» типично стремление «перейти за черту «по ту сторону добра и зла». Иначе сказать: преодолеть этику эстетикой».

«Новый взгляд», «анатомический подход» расщепляли целостность мира на отдельные фрагменты и черты, каждая из которых рассматривалась в качестве самостоятельного объекта анализа. Форма предмета становится фокусом пристального внимания, часто подменяя и заменяя собой содержание. Эти поиски со всей определенностью заявили о себе уже в творчестве художественной групп, получившей по имени журнала название «мирискусстничества». В литературе выразителем всех этих настроений стал Андрей Белый в целом ряде своих произведений, но особенно в романе «Петербург» (1913 г.).

«Субъективное видение» становилось методом постижения физической действительности, а личное переживание выдавалось за «метафизиче-

ские откровения». Тяга к трансцендентному для интеллектуальной элиты превращалось в непременный атрибут духовно-творческих исканий. Художественная жизнь последних двух десятилетий перед 1917 г. полна мрачных апокалипсических предчувствий.

Эти настроения выразительно отразили строки В. С. Соловьева: «Всюду невнятица, сон уж не тот. Что-то готовится, кто-то идет». Здесь философ подразумевал не второе пришествие Христа, а грядущее явление антихриста. Мотив неизбежного космического разрушения и гибели звучит у многих творцов Серебряного века, а композитор А. Н. Скрябин даже запечатлел демонические ощущения в своей Девятой симфонии, получившей название «черная месса».

Освобождение от жизни, «сладкий отдых смерти» (Д. С. Мережковский) грезился как некий индивидуальный эстетический акт, а не как социальная агония. Действительность оказалась страшнее самых смелых предчувствий, а революция 1917 г. не только сокрушила этот изысканный мир утонченных эстетов и судьбы их самих, но и всю духовно-историческую ауру русской культуры.

§ 2. Великие писатели и моралисты — Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой

В пантеоне национальной культуры фигуры Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого занимают исключительное положение. Литературное дарование сделало их общепризнанными мастерами слова, крупнейшими отечественными писателями, имена которых являются во всем мире визитной карточкой русской культуры. Их жизненные пути и творческие приемы совсем несхожи. Они не являлись единомышленниками, никогда не имели не только близких, но даже приязненных отношений, и хотя в различные периоды ненадолго принадлежали к определенным литературно-общественным группировкам («партиям»), но сам масштаб их личностей не укладывался в рамки узких мировоззренческих течений.

В переломах их биографий, в их литературных произведениях сфокусировалось время, отразились духовные искания, даже метания людей XIX в., живших в эпоху непрестанных социальных новаций и предчувствий грядущих роковых катаклизмов. Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой не являлись только «мэтрами изящной словесности», блестящими летописцами времен и нравов. Их мысль простиралась значительно выше обыденного, устремлялась значительно глубже очевидного.

Стремление разгадать тайны бытия, суть человека, постичь истинный удел смертных отразило в своем, может быть, высшем проявлении дисгармонию между умом и сердцем, дихотомию между трепетными ощущениями души и холодно-прагматической безнадежностью рассудка. Их искреннее желание разрешить «проклятые русские вопросы», что есть человек, и какого его земное предназначенье, превратило обоих писателей в духовных поводырей мятущихся натур, которых в России всегда встречалось немало. Достоевский и Толстой, отразив русское жизнепонимание, его порывы, комплексы и рефлексии, стали не только голосами времени, но и его творцами.

Федор Михайлович Достоевский (1821—1881) родился в небогатой семье военного врача в Москве. В 1837 г. окончил частный пансион

Л. И. Чермака, а в 1843 г. – Главное инженерное училище в Петербурге, затем некоторое время служил полевым инженером в инженерной команде Петербурга. Вышел в отставку в 1844 г., решив целиком посвятить себя литературе. Знакомится с В. Г. Белинским, И. С. Тургеневым, начинает вращаться в столичной литературной среде. Его первое большое произведение, роман «Бедные люди», появившийся в печати в 1846 г., имел шумный успех. Весной 1847 г. Достоевский становится завсегдатаем собраний кружка В. М. Петрашевского, где обсуждались острые социальные вопросы, в том числе и о необходимости свержения существующего строя. В числе прочих начинающий писатель был арестован по делу петрашевцев. Сначала его приговорили к смертной казни, и уже на эшафоте Достоевскому и другим обвиняемым объявили царскую милость о замене казни каторгой. В Омске на каторге Ф. М. Достоевский провел около четырех лет (1850—1854). Пребывание в Сибири описал в книге очерков «Записки из мертвого дома», опубликованной в 1862 г.

В 60—70-е гг. XIX в. появились наиболее крупные литературные произведения – романы, принесшие Достоевскому мировую славу: «Униженные и оскорбленные» (1861), «Игрок», «Преступление и наказание», «Идиот» (1866), «Бесы» (1872), «Братья Карамазовы» (1879). Писатель полностью порвал с революционными увлечениями молодости, осознал фальш и опасность теорий по насильственному переустройству мира. Его произведения пронизаны размышлениями о смысле жизни, о поиске жизненных путей. Достоевский видел возможность постижения истины бытия лишь через веру Христову. Моральному совершенствованию людей он придавал первостепенное значение, считая, что в основе общественных проблем лежат людские пороки, «нравственные слабости» человеческой натуры.

Воззрения Достоевского эволюционировали от «христианского социализма» к славянофильству. Однако славянофилом назвать его можно лишь с большой натяжкой. Он явился одним из родоначальников мировоззренческого течения, именуемого почвенничеством. Оно заявило о себе в 60 – 70-е гг. XIX в., как раз в то время, когда творчество Ф. М. Достоевского достигало своего расцвета.

В программе журнала «Время», к изданию которого Ф. М. Достоевский приступил в 1861 г., говорилось: «Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей». Эта позиция полностью соответствовала исходному славянофильскому постулату. Однако вселенский универсализм мышления Достоевского проявился уже в эту пору: «Мы предугадываем, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, какие развивает Европа».

Подобный взгляд нашел свое высшее воплощение в известном выступлении писателя на торжествах 1880 г. по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. Именно в своей пушкинской речи, вызвавшей восторг слушателей, а затем ставшей предметом ожесточенной полемики в прессе, Ф. М. Достоевский сформулировал собственное видение будущего мира. Благополучие его он выводил из исполнения исторической миссии России: объединить людей мира в братском союзе по заветам христианской любви и смирения.

«Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей». Писатель-мыслитель идет значительно дальше традиционного «славянолюбия», проповедуя вселенское единение людей.

Достоевский не являлся философом в точном смысле этого слова, он мыслил как художник, его идеи воплощались в мыслях и поступках героев литературных произведений. Мировоззрение писателя всегда оставалось религиозным. Даже в эпоху молодости, когда он увлекался социализмом, то и тогда оставался в лоне Церкви. Одной из важнейших причин разрыва с В. Г. Белинским, как позднее признался, стало то, что тот «ругал Христа». Старец Зосима («Братья Карамазовы») высказал мысль, встречаемую во многих литературных и публицистических произведениях Ф. М. Достоевского: «Мы не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он предстанет перед нами во всей своей красоте».

Нежелание и неумение увидеть окружающую красоту проистекает из неспособности человека «овладеть этими дарами». Преданность писателя идее и идеалам православия есть факт бесспорно аксиоматический. Пережитые в жизни религиозные сомнения и колебания с годами лишь укрепили его преданность вере. «Совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного. Недостаточно определить нравственность своими убеждениями. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения», — заявляет Достоевский в дневнике писателя за 1881 г., как бы полемизируя с носителями «новой», «социальной», дехристианизированной морали. В этом пункте писатель бескомпромиссен: «Проверка же их одна — Христос, но тут уж не философия, а вера, а вера — это красный цвет».

Всю жизнь Ф. М. Достоевского волновала загадка личности, им владел мучительный интерес к человеку, к заповедной стороне его натуры, «подполью» его души. Размышления на эту тему встречаются практически во всех художественных произведениях. Писатель с непревзойденным мастерством раскрыл темную сторону, силы разрушения, беспредельный эгоизм, аморализм, укоренившие в человеке. Однако, невзирая на отрицательные стороны, каждый индивидуум — загадка, каждый, даже в образе самого ничтожного, является абсолютной ценностью. Не только силы «демонической стихии» вскрыты Достоевским с небывалой силой; не менее глубоко и выразительно показаны движения правды и добра в душе человеческой, «ангельское» начало в нем. Вера в человека, торжествующе утверждаемая во всех произведениях писателя, делает Ф. М. Достоевского величайшим мыслителем-гуманистом.

Достоевский уже при жизни удостоился в среде «читающей публики» звания «великого писателя». Однако его общественная позиция, его неприятие всех форм революционного движения, его проповедь христианского смирения вызывала нападки не только в радикальной, но и в либеральной среде. Расцвет творчества Достоевского пришелся на время «бушства нетерпимости». Все, кто не разделял увлечения модными теориями «коренного переустройства», клеймился как реакционер. Именно в 60-е гг. XIX в. слово «консерватор» сделалось почти ругательным, а понятие «либерал» — синонимом общественного прогрессиста. Если и раньше любой идеологический диспут в России почти всегда носил страстный характер, то теперь его непременным атрибутом стала нетерпимость ко всему и ко всем, что не соответствовало плоским схемам «о магистральном пути развития прогресса». Голосов оппонентов не хотели слышать.

Как написал известный философ В. С. Соловьев о другом русском выдающемся мыслителе — К. Н. Леонтьеве, тот посмел «высказывать свои реакционные мысли» в такое время, «когда это не могло принести ему ничего, кроме осмеяния». Оппонентов третировали, им не возражали по существу, они служили лишь объектом «осмеяния».

Достоевский в полной мере испытал на себе моральный террор либеральствующего общественного мнения. Нападки на него, по сути дела, никогда не прекращались. Начало им положил еще В. Г. Белинский, назвавший ранние литературно-психологические опыты писателя «первической чепухой».

Был лишь один краткий период, когда его имя пользовалось пиететом среди «жрецов общественного прогресса»: конец 1850-х гг. Он являлся «жертвой режима», «пострадал за правду». Однако по мере того как выяснялось, что в своих произведениях писатель не следует теории «острой социальности», отношение к нему либерально-радикальной критики начинало меняться. После же появления в печати в 1871—1872 гг. романа «Бесы», где автор показал духовное убожество и полный аморализм носителей революционных идей, Достоевский становится мишенью систематических нападок.

Столичные газеты и журналы регулярно преподносили публике критические выпады против «общественных заблуждений Достоевского», «против карикатурного изображения гуманистического движения шестидесятых годов». Однако творческая монументальность произведений писателя, их небывалая психологическая глубина являлись столь очевидными, что нападки декорировались множеством дежурных реверансов по поводу «художественных дарований» мастера.

Подобное бесконечное третирование имени действовало на писателя угнетающе, и хотя взглядам и своей творческой манере он не изменил, но старался по мере возможности не давать новых поводов для нападок. Примечательный в этом отношении эпизод относится к началу 1880 г., когда в стране распространялся народнический террор.

Вместе с журналистом и издателем А. С. Сувориным писатель размышлял на тему, сообщил бы он полиции, если вдруг узнал, что Зимний дворец заминирован и скоро произойдет взрыв и все его обитатели погибнут. И на этот вопрос он ответил «нет». Поясняя свою позицию, автор

«Преступления и наказания» заметил: «Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния». Он считал такое положение «ненормальным», но утвердившиеся «приемы социального поведения» изменить был не в силах. Великий писатель, больной старый человек, почти на краю могилы (через несколько месяцев он скончался) боялся обвинений в сотрудничестве с властью, не хотел слышать рева «образованной черни».

* * *

Граф Лев Николаевич Толстой (1828—1910) родился в родовитой дворянской семье. Получил начальное образование дома, затем некоторое время учился на восточном и юридическом факультетах Казанского университета. Курса не кончил, науки его не увлекли. Бросил университет и отправился в действующую армию на Кавказ, где разворачивалась решающая фаза войны с Шамилем. Здесь он провел два года (1851—1853).

Служба на Кавказе обогатила массой впечатлений, которые он потом отобразил во многих повестях и рассказах. Когда началась Крымская война, то Толстой добровольцем отправился на фронт и принимал участие в обороне Севастополя. После окончания войны вышел в отставку, путешествовал за границей, затем служил в управлении Тульской губернии. В 1861 г. прерывает службу и поселяется в своем имении Ясная Поляна недалеко от Тулы. Там Толстой написал крупнейшие литературные произведения: «Война и мир» (1863—1869), «Анна Каренина» (1873—1877), «Воскресение» (1889—1899). Кроме того, его перу принадлежит множество рассказов, повестей, сказок, статей.

Писатель создал многообразную панораму русской жизни, изобразил нравы и быт людей несхожего общественного положения, показал сложную борьбу добра со злом в душе человеческой. Его же роман «Война и мир» до сих пор остается самым выдающимся литературным сочинением о войне 1812 г.

Толстой не являлся писателем-отшельником. Многие политические и общественные проблемы привлекали его внимание, на них он откликался своими статьями. Постепенно тон их делался все более нетерпимым, и Толстой превратился в беспощадного критика общепринятых норм морали и общественных устоев. Ему представлялось, что в России и «власть не та», и церковь «не та». Церковь вообще превратилась в объект его поношения. Он не приемлет церковное понимание христианства. Его отталкивали религиозные догматы и то, что церковь стала частью социального мира. Он порвал с православной церковью и вообще выступил против христианских канонов и символа веры.

В ответ на это в 1901 г. Святейший синод отлучил Толстого от церкви, но выразил надежду, что он еще покается и вернется в лоно церкви. Но покаяния не последовало, и писатель обрушился на христианство с новыми публичными обличениями. «Все таинства я считаю низменными, грубыми, не соответствующими понятию о Боге и христианскому учению колдовством... Верю в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, Которого понимать Богом и Которому молиться считаю величайшим кощунством». Никто другой из крупных русских писателей

никогда не отлучал подобных богохульных мыслей. Толстой так и не вернулся в лоно церкви, умер и погребен был без христианского обряда.

С юности он испытывал сильное влияние взглядов Руссо и, как писал позднее, в 16 лет «разрушил» в себе традиционные взгляды и стал носить на шее вместо креста медальон с портретом французского философа. Писатель страстно воспринял идею Руссо о «естественной жизни», которая многое определила в последующих исканиях и переоценках Толстого.

Подобно многим другим русским мыслителям, Толстой все явления мира и культуры подчинил жестокой критики с позиции субъективной морали. В 1870-е гг. он пережил продолжительный духовный кризис. Его сознание завораживает тайна смерти, перед неотвратимостью которой все окружающее приобретает характер незначительного. Желая преодолеть гнетущие сомнения и страхи, Толстой пытается разорвать свои связи с привычной средой и обращается к «простым людям». Ему показалось, что среди нищих, странников, монахов, мужиков, раскольников и заключенных он встретил истинную веру, знание настоящего смысла жизни и смерти.

У «яснополянского графа» наступает период «опрощения». Он начинает отвергать все «услады жизни», все формы бытового комфорта, все проявления современной цивилизации. Его беспощадное и бескомпромиссное неприятие касается не только государства, церкви, суда, армии, буржуазных экономических отношений. В своем безбрежном и страстном нигилизме писатель доходил до максималистских пределов. Он отвергает искусство, поэзию, театр, науку. По его представлению, «добро не имеет ничего общего с красотой», а «эстетическое наслаждение есть наслаждение низшего порядка». Искусство же вообще является лишь «забавой». Толстой считал «кощунством» ставить на один уровень с добром искусство и науку. «Наука и философия, – писал он, – трактуют о чем хотите, но только не о том, как человеку самому быть лучше и как ему жить лучше. Современная наука обладает массой знаний, нам не нужных... Но на вопрос о смысле жизни она не может ничего сказать и даже считает этот вопрос не входящим в ее компетенцию».

Однако Толстой не только отвергал и критиковал, он пытался дать свои собственные ответы на «жгучие вопросы». Мироустройство людей, по Толстому, должно быть основано на любви к ближнему, на непротивлении злу насилием, на милосердии и на материальном бескорыстии. Важнейшим условием «воцарения света Христова на земле» Толстой считал отмену частной собственности вообще и частной собственности на землю в особенности. Он был уверен, что социальные вопросы можно разрешать легко, если решать кардинально. Обращаясь к Николаю II в начале 1902 г., граф корневую причину общественных неурядиц выводил из земельного частновладетельного права.

«В России, – заявлял он, – где огромная часть населения живет на земле и находится в полной зависимости от крупных землевладельцев, освобождение рабочих, очевидно, не может быть достигнуто переходом фабрик и заводов в общее пользование. Для русского народа такое освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и признанием земли общим достоянием, – тем самым, что уже

с давних пор составляет задушевное желание русского народа и осуществление чего он все еще ожидает от русского правительства».

Проповеди Л. Н. Толстого не оставались без общественного ответа. В среде «просвещенной публики», где господствовали критические оценки и скептическое отношение к действительности, у графа-нигилиста появилось немало почитателей. Появились и «последователи», вознамерившиеся «на деле» воплотить социальные идеи Толстого в жизнь. Наподобие некоторых раннехристианских сект, члены этих небольших колоний, которые они называли «культурными скитами», пытались путем нравственного самосовершенствования, честного и «братского труда» изменить окружающий мир. Они отказывались платить налоги, служить в армии, отказывались от церковного освещения брака, не крестили детей, не отдавали их в школы. Власти преследовали подобные сообщества, некоторые активные толстовцы даже привлекались к суду. В начале XX в. толстовское движение в России почти сошло на нет. Однако постепенно оно распространилось за пределами России. «Толстовские фермы» начали возникать в Канаде, Южной Африке, США, Великобритании.

§ 3. Просвещение, издательское дело, научные достижения

Реформы, проводимые в 60—70-е гг. XIX столетия, создали потребность в грамотных, образованных людях: развитие рыночной экономики повышало спрос на специалистов различного профиля. Это обуславливало развитие сети учебных заведений от низших (церковно-приходских школ, дававших начальную грамотность) до университетов, выпускавших высокообразованных людей.

В конце XIX в. в России действовало несколько десятков высших учебных заведений различного назначения. Существовало девять университетов: Петербургский, Московский, Варшавский, Казанский, Новороссийский (Одесса), Киевский, Харьковский, Юрьевский (Дерптский-Тартуский), Томский. В университеты принимались молодые люди, имевшие аттестат зрелости, окончившие гимназию или сдавшие без обучения (экстерном) экзамены за гимназический курс.

На 1 января 1898 г. общее число студентов в них составляло 16 204 человека. Из них 6703 обучалось на юридических факультетах, 4986 — на медицинских, 3612 — на физико-математических. Остальные посвятили себя богословию (философии), истории и филологии. (В 1850 г. насчитывалось шесть университетов и 3018 студентов.)

Помимо университетов действовали и специализированные высшие учебные заведения: Петербургский технологический институт (студентов в 1898 г. — 850); Харьковский технологический институт (студентов — 686), Московское техническое училище (729), Томский технологический институт (389); Рижский политехнический институт (1370); Горный институт в Петербурге (450), Институт гражданских инженеров (370), Институт инженеров путей сообщения (860). Имелись еще Педагогические институты в Петербурге и городе Нежине (Черниговская губерния), Московский сельскохозяйственный институт, Училище правоведения, Лесной институт в Петербурге и некоторые другие. К числу специальных высших учебных заведений относились пять военных и четыре духовные академии.

В 1898 г. число высших учебных заведений составляло 52, а число студентов — 26 166. Специалисты, которых готовили отечественные высшие учебные заведения, отличались высокой квалификацией; они были знакомы с новейшей зарубежной литературой и современными разработками.

Существовало несколько типов средних учебных заведений, самыми известными из которых были гимназии (обучение — восемь лет) и реальные училища (шесть лет). В гимназиях основное внимание уделялось преподаванию русского языка и литературы, истории, иностранных языков, в том и числе и древних (латынь и греческий). По представлениям того времени считалось, что высокообразованный человек не может не знать этих классических языков.

В реальных училищах помимо истории, географии и русского языка (здесь программы гимназий и училищ были очень близки), упор делался на физику, математику, рисование, черчение, современные иностранные языки (французский, немецкий), греческий и латынь там вообще не изучали. К концу XIX в. в России числилось 196 мужских гимназий (70 776 учеников), 44 прогимназии (гимназии с укороченным курсом обучения, 6869 учеников) и 117 реальных училищ (3456 учеников). Существовал сотни различных других средних учебных заведений. Основная их часть возникла после 1861 г.

Количество же начальных школ и училищ измерялось десятками тысяч. В 1898 г. в них обучалось около 4 млн человек. Хотя за предыдущие десятилетия число учеников и увеличилось в несколько раз, но все равно России еще надо было приложить немало усилий для превращения в страну всеобщей грамотности. В это время около 60% населения (главным образом людей среднего и старшего возраста) все еще не умели ни читать, ни писать. В 1914 г. охват школой детей в возрасте от 8 до 11 лет составлял по империи 30,1% (в городах — 46,6%, в сельской местности — 28,3%).

Постепенный рост грамотности, развитие просвещения вели к заметному росту спроса на книги. Ослабление цензурных ограничений также способствовало расцвету книгоиздательства. Увеличивалось число типографий и объемы их производства. Если в 1864 г. во всей огромной Российской империи имелась 181 типография, напечатавшая 1836 томов, то в 1894 г. число типографий равнялось 1315, а количество названий выпущенных книг достигло почти 11 тыс. Через 20 лет общие показатели роста оказались самыми впечатляющими за весь период книгоиздательского дела. В 1913 г. в империи было выпущено 34 006 названий книг, общий тираж которых составил более 100 млн экземпляров.

В типографиях печатались не только книги. Некоторые специализировались на выпуске периодических изданий, главным образом газет и журналов. Первая газета появилась в России еще при Петре I в 1703 г. В дальнейшем количество газет и журналов увеличивалось очень медленно, потребность в них оставалась низкой. В 1806 г. в России выходило лишь 30 газет и журналов. Большая их часть издавалась в Петербурге и Москве. Это были или государственные («казенные») издания, или они принадлежали частным лицам, но строго придерживались в политических вопросах официальной точки зрения. Тиражи их оставались небольшими: 1–2 тыс. экземпляров.

Перелом наступил после 1861 г. В последующие десятилетия не только заметно возрастает число газет и журналов, но и их тиражи. К концу XIX в. дневной тираж крупнейших газет исчислялся десятками тысяч экземпляров. В 1894 г. в России выходило 804 периодических издания. Большая их часть на русском языке. Имелись также газеты и журналы на французском, немецком, польском, украинском, еврейском и других языках. Существовали издания общественно-политические, литературные, юмористические, научные, рекламные, справочные, спортивные. Последних насчитывалось 12. К 1913 г. положение существенно изменилось. В России увидело свет почти 3 тыс. повременных изданий: 1757 журналов и 1158 газет. Кроме русского языка существовали издания еще на 25 языках и наречиях.

* * *

Во второй половине XIX в. русская наука получила невиданное развитие, а русские ученые встали в ряд самых выдающихся деятелей мирового научного мира. Среди первых лауреатов учрежденной в 1901 г. Нобелевской премии значились и русские ученые: физиолог И. П. Павлов (1904) и биолог И. И. Мечников (1908). Помимо них, к плеяде выдающихся ученых, чьи имена связаны с развитием целых направлений человеческого знания, относились: химик А. М. Бутлеров, врач С. П. Боткин, историк С. М. Соловьев, химик Д. И. Менделеев, физик А. Г. Столетов, изобретатели П. Н. Яблочков и А. Ф. Можайский, географы и путешественники Н. Н. Миклухо-Маклай и Н. М. Пржевальский.

Александр Михайлович Бутлеров (1828 – 1886) окончил в 1849 г. физико-математический факультет Казанского университета. Преподавал там до 1869 г., а после был приглашен на работу в Петербургский университет. Именно здесь он основал химическую лабораторию, ставшую важнейшим центром химических опытов и исследований. Бутлеров разработал теорию химического строения тел, согласно которой свойства веществ определяются порядком расположения и связями атомов в молекулах. Он также впервые получил искусственную глюкозу. За свои научные достижения, результаты которых он публиковал в отечественных и европейских научных журналах, Бутлеров был избран членом Российской академии наук, его приняли в свой состав многие иностранные научные общества.

Научная деятельность известного физика Александра Григорьевича Столетова (1839—1896) протекала в лаборатории Московского университета. Он создал классическую теорию магнитных свойств железа, опубликовал несколько крупных работ по фотоэффекту. Исследовал газовые разряды, критические состояния тел и многие другие важнейшие направления физики. Его работы еще при жизни получили известность и признание не только в России, но и за границей.

Сергей Петрович Боткин (1832 –1889) происходил из московской купеческой семьи известных чаеторговцев. После окончания медицинского факультета Московского университета в 1855 г. он отправился на театр военных действий, где несколько месяцев работал в санитарном отряде. По окончании войны стажировался в клиниках Германии и Франции, где проявил себя способным врачом. С 1860 г. Боткин – профессор Медико-хирургической академии в Петербурге, где вскоре возглавил терапевтическую

клинику. Его успехи в лечении принесли ему широкую известность. Особенно его прославили исследования по заболеваниям сердечно-сосудистой системы. Опубликовал множество научных работ. В 1888 г. был избран председателем Общества русских врачей. Кроме того, Боткин являлся членом 43 русских и иностранных научных учреждений и обществ.

Сергей Михайлович Соловьев (1820—1879) происходил из семьи московского священника. Окончил Московский университет (1842), затем служил домашним учителем в семье графа А. П. Строганова. Несколько лет прожил за границей, слушал лекции в Парижском и Берлинском университетах. С 1845 г. работал преподавателем в Московском университете (с 1847 г. — профессор), где в 1847 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома». За время своей научной деятельности опубликовал множество работ по истории России. Самый известный труд Соловьева — «История России с древнейших времен» — включал 29 томов (последний вышел после смерти автора). Используя множество документов, С. М. Соловьев описал русскую историю от времен первых киевских князей до XVIII в.

Дмитрий Иванович Менделеев (1834—1907) прославился как выдающийся химик. Происходил из многодетной семьи директора Тобольской гимназии. По окончании гимназии поступил в Педагогический институт в Петербурге и еще студентом опубликовал первую научную работу о химическом составе некоторых минералов. По окончании института работал преподавателем в гимназиях Одессы и Симбирска. В 1856 г. защитил магистерскую диссертацию (ученая степень, ныне называемая кандидатской) и был приглашен преподавать в Петербургский университет. В 1865 г. защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Опубликовал около 500 научных работ. Его учебник «Органическая химия» считался образцовым. Всемирную же славу Менделееву принесло открытие им в 1869 г. периодического закона химических элементов, ставшего одним из основных законов естествознания. Труд «Основы химии», где был опубликован этот закон, переиздавался в России множество раз, его перевели на многие иностранные языки.

Иван Петрович Павлов (1849—1936) окончил Рязанское духовное училище, а затем духовную семинарию. Но путь священника его не прельщал. В 1870 г. он поступает в Петербургский университет на физико-математический факультет. Сразу же по окончании поступил на 3-й курс Медико-хирургической академии. По ее окончанию в 1879 г. был оставлен заведовать физиологической лабораторией академии. Прославился как выдающийся физиолог, разработавший теорию физиологии высшей нервной деятельности, сыгравшей большую роль в развитии физиологии и медицины. За свои научные открытия в области физиологии кровообращения и пищеварения получил в 1904 г. Нобелевскую премию, а в 1907 г. избран членом Петербургской академии наук.

Павел Николаевич Яблочков (1847—1894) являлся талантливым электротехником. Он впервые в мире изобрел в 1875 г. дуговую электролампу, чем проложил дорогу ускоренному внедрению электрического освещения.

Русский генерал Александр Федорович Можайский (1825–1890) прославил свое имя изобретением самолета («воздухоплавательного снаряда»),

который был построен и прошел первые испытания («поднялся от земли») в 1882 г.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) родился в семье инженера. В 1863 г. поступил в Петербургский университет, но через год за участие в беспорядках был исключен из числа студентов. Окончил образование в Германии. С молодости Миклухо-Маклай увлекался изучением жизни народов далеких стран. Несколько лет (1871—1872, 1876—1877, 1883) провел на Новой Гвинее и на островах Океании. Собрал огромную коллекцию различных предметов культуры, которую передал в дар Этнографическому музею в Петербурге. Издал несколько работ, где подробно описывал быт и нравы папуасов. В своих исследованиях доказывал родство различных народов, опровергая расистские теории о «высших» и «низших» расах.

Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888) происходил из семьи смоленских дворян. Окончил гимназию, позже — Академию Генерального штаба, затем преподавал географию и историю в юнкерском (военном) училище. Многие годы занимался исследованием территорий Дальнего Востока и Средней Азии, которые до того были плохо известны. Особенно его прославили описания природы и народов Средней Азии, куда под его руководством отправлялись четыре специальные экспедиции. Открыл и описал несколько горных хребтов и озер, обнаружил неизвестные до того виды животных: дикого верблюда, дикую лошадь (лошадь Пржевальского) и тибетского медведя. Пржевальский умер в начале 5-й экспедиции около озера Иссык-Куль.

§ 4. Живопись, музыка, театр, архитектура

В 1870 г. в России произошло событие, оказавшее мощное воздействие на развитие изобразительного искусства: возникло Товарищество передвижных художественных выставок. Это была общественная организация, которую государство не финансировало. Товарищество организовали молодые художники, большей частью выпускники Петербургской академии художеств, не разделявшие эстетические (художественные) принципы академии.

Изображать «вечную красоту», ориентироваться на «классические образцы» европейского искусства они не хотели. Отражая общий общественный подъем 1860-х гг., художники стремились «приблизить искусство к жизни», стать выразители общественных чаяний и настроений. Они хотели раскрыть красоту окружающего мира, показать живых людей, их заботы и устремления.

На протяжении последующих десятилетий Товарищество передвижников (обычно их называли просто «передвижники») организовало множество выставок, которые не просто демонстрировались в каком-то месте, но и перевозились («передвигались») по разным городам. Первая такого рода выставка состоялась в 1872 г. Все наиболее крупные фигуры русского изобразительного искусства второй половины XIX в. были связаны с Товариществом передвижников.

Иван Николаевич Крамской (1837—1887) родился в бедной мещанской семье. Рисованием увлекался с детства и первыми рисовальными приемами овладел самостоятельно. В 16 лет поступил ретушером в ателье одного харьковского фотографа, а в 1856 г. перебрался в Петербург, где тоже работал ретушером. С 1857 г. учился в Петербургской академии художеств, где быстро показал свои способности в рисовании и живописи. В 1863 г. стал возмутителями спокойствия в академии, возглавив группу из 14 студентов-выпускников, отказавшихся участвовать в конкурсе, куда требовалось представлять картины только на мифологические темы. Протестующие покинули академию и создали артель взаимопомощи, ставшую позже основой Товарищества передвижников. Крамской являлся выдающимся мастером портрета и запечатлел на полотнах известных людей России: Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, П. М. Третьякова, С. П. Боткина, А. С. Суворина и др. Его кисти принадлежат и портреты простых крестьян. Крамской создал и большие произведения на евангельские темы, например «Христос в пустыне» (1872), и на бытовые – «Неутешное горе» (1884).

Исаак Ильич Левитан (1860—1900) родился в Ковенской губернии в небогатой еврейской семье. Учился в Московском училище живописи и ваяния, в «пейзажном классе» у известного художника-передвижника А. К. Саврасова (1830—1897). Полотно И. И. Левитана «Симонов монастырь» было признано лучшей ученической работой 1879 г. В 1886 г. Левитан впервые выставляет у передвижников свою картину «Весна», а с 1888 г. становится постоянным участником «передвижных» экспозиций. Постепенно Левитан приобретает славу «первого пейзажиста России». Он стал знаменитейшим художником этого направления, создав множество картин, раскрывавших красоты русского пейзажа, отображавших ширь и неповторимость природы. К числу наиболее известных его работ относятся: «Владимирка» (1892), «Над вечным покоем» (1894), «Март» (1895), «Озеро. Русь» (1900).

Василий Григорьевич Перов (1833—1882) — один из организаторов Товарищества передвижников и активный его участник. Учился живописи в Арзамасской рисовальной школе, затем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и в Петербургской академии художеств. По окончании курса в 1869 г. получил стипендию и совершенствовал свое мастерство в Париже. Уже в 1860-е гг. Перов заявил о себе как о большом художнике-реалисте, его картины отличались острым общественным содержанием: «Сельский крестный ход на Пасху» (1861), «Проводы покойника» (1865), «Тройка» (1866), «Последний кабак у заставы» (1868). Бедность, безнадежность, отчаяние, запечатленные Перовым, сделали его произведения необычайно популярными в среде учащейся молодежи, среди радикальной интеллигенции. Художественные произведения большого живописца некоторые воспринимали как «приговор системе», где бедные, т. е. большинство, всегда обречено на унижение, «приговорено к безысходности».

Перову не только удавались эмоционально-обличительные полотна, но и лирические жанровые сцены, а также портреты: «Птицелов» (1870), «Охотники на привале» (1871), «А. Н. Островский» (1871), «Ф. М. Достоевский» (1872). Обращался Перов и к историческим темам, а его самой известной такой картиной является «Суд Пугачева» (1875).

Илья Ефимович Репин (1844—1930) — один из самых разносторонних художников, которому с равным блеском удавались портреты, жанровые сцены, пейзажи и большие полотна на исторические темы. Он родился в бедной семье военного поселенца в городе Чугуеве в Харьковской губернии и первые навыки рисования получил у местных украинских иконописцев. В 1863 г. переехал в Петербург и поступил в Академию художеств, где первым его наставником был И. Н. Крамской. Академию он окончил в 1871 г. и как способный выпускник получил стипендию для творческой командировки во Францию и Италию.

Уже в 70-е гг. XIX в. Репин становится в ряд наиболее крупных живописцев, его имя делается популярным. Каждая новая его картина вызывает живейший интерес, споры. К числу наиболее знаменитых полотен художника относятся: «Бурлаки на Волге» (1873), «Крестный ход в Курской губернии» (1883), «Иван Грозный и сын его Иван» (1885), «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1891), «Арест пропагандиста» (1882), «Мусоргский» (1881). Репин на своих полотнах запечатлен панораму жизни страны, показал яркие народные характеры, могучие силы России.

Валентин Александрович Серов (1865—1911) — выдающийся мастер портрета. Его работы поражают своей глубиной; художнику удается передать настроение человека, его характер. Его ранняя работа — «Девочка с персиками» (1887) — принесла Серову широкую известность. Художник создал обширную галерею портретов современников, большая часть которых написана в начале XX в. В их числе — портреты актрисы М. Н. Ермоловой, художника К. А. Коровина, певца и актера Ф. И. Шаляпина, актера В. И. Качалова, балерины Т. П. Карсавиной, писателя А. М. Горького, купчихи М. А. Морозовой, князя Ф. Ф. Юсупова, царя Николая II. Хотя другим живописным жанрам Серов уделял меньше внимания, но его кисти принадлежат полотна на бытовые и исторические темы, а также пейзажи: «Октябрь» (1895), «Баба в телеге» (1899), «Стригуны на водопое» (1904), «Петр I» (1907).

* * *

Музыкальная жизнь России второй половины XIX в. отличалась пестротой и многообразием. В крупнейших городах возникали музыкальные учебные заведения (консерватории и училища), открывались концертные залы, создавались музыкальные общества. Именно в этот период раскрылся талант наиболее известных русских композиторов М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, Н. А. Римского-Корсакова.

Модест Петрович Мусоргский (1839 –1881) окончил школу гвардейских подпрапорщиков, где занимался музыкой под руководством известного музыкального педагога А. А. Герке. В 1852 г. появилось первое музыкальное произведение М. П. Мусоргского — полька «Подпрапорщик». В конце 1850-х гг. он близко знакомится с композитором А. С. Даргомыжским и входит в кружок музыкальных деятелей, получивших позже название «Могучая кучка», обучался технике музыкальной композиции у М. А. Балакирева. Как крупный композитор Мусоргский заявил о себе оперой «Борис Годунов», законченной в 1872 г. Сюжетной основой ее являлась поэтическая трагедия А. С. Пушкина.

Однако первая постановка на сцене успеха не принесла. Русская публика, воспитанная на итальянских музыкальных спектаклях, с трудом воспринимала музыкальную драму, пронизанную русским звучанием. Понадобилось время, чтобы это монументальное произведение композитора стало одним из главных достижений русской музыкальной культуры. Помимо «Бориса Годунова» Мусоргскому принадлежит и опера «Хованщина», вся построенная на народных музыкальных мотивах, и опера «Сорочинская ярмарка» по Н. В. Гоголю, в которой использованы украинские народные напевы.

Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844—1908) происходил из старинной дворянской семьи. Служил офицером на флоте и с юных лет увлекался сочинением музыки. После выхода в отставку вошел в состав «Могучей кучки» и целиком посвятил себя музыке. С 1871 г. — профессор Петербургской консерватории, в 1883—1894 гг. - управляющий Придворной певческой капеллы. Уже первая опера Римского-Корсакова «Псковитянка», поставленная в 1873 г., сделала имя композитора широко известным. Вся опера пронизана народной мелодичностью, в ее основе сюжет из древней русской истории. Он написал несколько опер на сказочно-былинные сюжеты: «Садко» и «Снегурочка» (1896), «Млада» (1892), «Царская невеста» (1898), «Кашей Бессмертный» (1902).

Сергей Васильевич Рахманинов (1873—1943) окончил в 1891 г. Московскую консерваторию и получил известность как замечательный дирижер и пианист. До сих пор он считается одним из самых ярких представителей мирового пианистического искусства. С юных лет Рахманинов сочинял и музыку. На выпускном акте консерватории его одноактная опера «Алеко» (по поэме А. С. Пушкина «Цыганы») удостоилась большой золотой медали. Позже он получил известность как автор произведений для симфонического оркестра и фортепьяно. Им написано много инструментальных и вокальных вещей различных жанров, отличающихся мелодическим богатством; его музыка сочетает романтический пафос с камерно-лирическими настроениями.

Среди немалого числа выдающихся русских музыкантов и композиторов существует одно имя, которое сразу же возникает, как только речь заходит о русской музыкальной культуре, — Петр Ильич Чайковский (1840—1893). Это не просто величайший русский композитор, это — гений. Он родился в дворянской семье. Окончил Училище правоведения в Петербурге в 1859 г. и служил четыре года чиновником в Министерстве юстиции. Но душа его принадлежала музыке. Еще будучи чиновником, он в 1861 г. поступил в учебный класс Русского музыкального общества, затем, в 1862—1865 гг., прошел курс композиции в Петербургской консерватории. В 1866 г. его пригласили в Московскую консерваторию, где он в качестве профессора проработал 12 лет. В 1885 г. он стал директором Московского отделения Русского музыкального общества, в 1892 г. избран членом-корреспондентом французской Академии изящных искусств, а в 1893 г. удостоился звания почетного доктора Кембриджского университета (Англия).

Музыкальным сочинительством занимался с ранних пор и за свою жизнь создал множество ярких произведений различного характера. Его музыка полна страсти, чувства, она завораживает и подчиняет, она наполнена выразительной силой, раскрывает внутренний мир человека, передает порывы его души. Он создал высочайшие образцы опер, балетов, симфонических и камерных произведений. В числе них: оперы «Евгений Онегин» (1878), «Мазепа» (1883), «Чародейка» (1887), «Черевички» (1885), «Пиковая дама» (1890) и др. Чайковский — реформатор балета. Написанные им музыкальные композиции стали главными компонентами балетных спектаклей: «Лебединое озеро» (1876), «Спящая красавица» (1889), «Щелкунчик» (1892). Это крупнейшие произведения балетного искусства. К мировым шедеврам принадлежат шесть симфоний, увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта», фантазия «Франческа да Римини» и многие другие произведения, в том числе великолепные концерты для фортепьяно и скрипки.

* * *

Положение русского театра во второй половине XIX в. существенно изменилось. Снятие ограничений на создание частных трупп привело к росту их числа. В конце XIX в. почти во всех губернских городах имелись постоянные театральные здания (зимние), количество же временных (летних) театров не поддавалось учету. Возникло множество частных театральных антреприз (трупп), гастролировавших по России. Однако в этом многообразии сохранялись театры, считавшиеся первыми в театральном мире. Среди балетных и оперных сцен к ним принадлежали Мариинский театр в Петербурге и Большой театр в Москве. Они назывались «императорскими» и содержались на царские средства. Хотя организация их мало менялась, по в отношении репертуара изменения произошли существенные. К концу XIX в. здесь уже преобладали оперы и балеты русских композиторов.

На сценах драматических театров шли пьесы как отечественных, так и зарубежных авторов. До конца XIX в. драматическими «первыми сценами» оставались Малый театр в Москве и Александринский в Петербурге. В самом конце века в их число вошел и Московский Художественный театр. Он был учрежден актером и режиссером К. С. Станиславским (1863—1938) и режиссером В. И. Немировичем-Данченко (1858—1943).

Первый спектакль — драма А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» — состоялся в октябре 1898 г. В труппу театра вошли молодые актеры, которые потом стали украшением русской сцены: М. П. Лилина, В. В. Лужский, И. М. Москвин, М. Ф. Андреева, О. Л. Книппер (Чехова), В. Э. Мейерхольд и др. Театр сформировал новый тип актера, тонко передающего особенности психологии героя, а каждый спектакль являлся ярким театральным действием, где не было «незначительных ролей». Все актерские работы отличались филигранным мастерством. На сцене МХТ ставились русские и иностранные пьесы. Именно здесь ныне всемирно известные чеховские пьесы получили настоящее признание, здесь же с огромным успехом прошли первые постановки пьес А. М. Горького.

Но еще до возникновения Художественного театра в Первопрестольной столице произошло другое театральное событие национального масштаба — возникла первая в России Частная опера, открывшаяся для публики в янва-

ре 1885 г. Основателем и инициатором всего дела явился крупный железнодорожный предприниматель Савва Иванович Мамонтов (1841—1918) — известный купец-меценат. Ранее оперные спектакли нередко походили на концерт сольных партий на фоне декораций. Мамонтов решил организовать оперу иначе: соединить на сцене воедино певца, художника, музыкальное и хоровое исполнение, чтобы сделать спектакль единым и цельным художественным произведением. В этом была новаторская идея Частной оперы, которая потом стала правилом при оперных постановках и в других театрах.

Среди целого созвездия выдающихся русских актеров второй половины XIX в. особо выделяются М. Н. Ермолова, В. Ф. Комиссаржевская и Ф. И. Шаляпин. Каждое из этих имен — целая эпоха в истории русского театра.

Мария Николаевна Ермолова (1853—1828) родилась в Москве в семье суфлера Малого театра. В 1870 г., будучи ученицей Московского театрального училища, дебютировала на сцене Малого театра, а в следующем году вошла в труппу театра. Создала героико-трагические образы Лауренсии («Овечий источник» Лопе де Вега), Жанны д'Арк, Марии Стюарт («Орлеанская дева» и «Мария Стюарт» Шиллера). Среди выдающихся работ русского репертуара — Катерина, Василиса Мелентьева, Лариса, Евлалия («Гроза», «Василиса Мелентьева», «Бесприданница» и «Невольники» А. Н. Островского). Когда выступала Ермолова, в театре не было ни одного свободного места, ее спектакли завершались под гром аплодисментов. Она была любимой актрисой не только Москвы, но и всей России, и ее гастрольные поездки по стране всегда сопровождал полный успех.

Вера Федоровна Комиссаржевская (1864—1910) — дочь известного оперного певца Ф. П. Комиссаржевского. С детства грезила театром, много работала над ролями, но долгое время выступала лишь на провинциальной сцене. Только в 1896 г. ее пригласили в Александринский театр в Петербурге. Быстро завоевала признание как лирическая актриса, обладавшая простой, проникновенной искренностью. Свои роли она исполняла с большим душевным подъемом, сила ее сценических переживаний овладевала зрителем. Особенно прославили ее роли Нины Заречной («Чайка» А. П. Чехова) и Норы («Кукольный дом» Г. Ибсена).

Федор Иванович Шаляпин (1873—1938) — уникальный русский певец и актер, величие которого признается во всем мире. Родился он в бедной семье, с детства работал сапожником, токарем, писцом, грузчиком. С музыкальной грамотой познакомился в церковном хоре. В 1891—1892 гг. ездил по России в составе украинской песенной группы. Потом учился пению у педагога Д. А. Усатого в Тифлисе, где в 1893 г. и начал выступать на профессиональной сцене. В 1896 г. его пригласил в свою труппу Савва Мамонтов. Именно в его Частной опере взошла звезда этого удивительного певца и актера, ставшего вскоре первым вокалистом России. Среди его лучших партий — царь Борис («Борис Годунов» М. П. Мусоргского), Мефистофель («Фауст» Ш. Гунно), Иван Грозный («Псковитянка» Н. А. Римского-Корсакова), Сусанин («Жизнь за царя» («Иван Сусанин» М. И. Глинки); Дон Кихот («Дон Кихот» Ж. Массне). Шаляпин великолепно исполнял также русские народные песни и романсы. Позже проявил себя и как театральный режиссер.

* * *

С середины XIX в. наметился явный поворот в развитии архитектуры. Ранее зодчие творили главным образом по заказу вельмож, членов царской фамилии, возводили великолепные дворцы, монументальные здания для государственных учреждений, храмы. Теперь все чаще возникла потребность создавать и здания другого назначения: деловые конторы (офисы), железнодорожные вокзалы, магазины, большие доходные дома. Только строительство Транссибирской магистрали потребовало построить в короткие сроки десятки железнодорожных вокзалов, сотни мостов.

Капитализм предъявлял свои требования: здания должны быть удобны, функциональны и одновременно красивы. И еще одно условие надлежало выполнять: строить надо было быстро и экономно. Эти новые задачи русские архитекторы решали успешно. При этом архитектура не превратилась в придаток узких функционально-экономических потребностей. Строительство больших общественно значимых сооружений продолжалось еще более широко, чем раньше. Вот только несколько примеров.

В 1893 г. в Москве было завершено строительство (архитектор А. Н. Померанцев) огромного торгового центра — Верхних торговых рядов (ныне — ГУМ). Для того времени это было крупнейшее торговое здание, аналогов которому не существовало. Современников поражала огромная стеклянная крыша, спроектированная инженером В. Г. Шуховым. Здание органично вписалось в общий ансамбль Красной площади, став неотъемлемой ее часть. В двух этажах размещалось около тысячи лавок и магазинов. Подобного назначения торговые центры возникли во второй половине XIX в. во многих городах России, но московскому оригиналу они уступали в размерах.

Еще раньше Верхних торговых рядов на Красной площади в 1881 г. было завершено строительство величественного здания Исторического музея (открыт для публики в 1883 г.). Он стал самым большим подобным музеем в России и одним из крупнейших в мире (архитектор В. О. Шервуд).

Шервуд явился и автором памятника-часовни гренадерам — героям взятия Плевны, открытого в Москве, в сквере у Ильинских ворот в 1887 г. Это один из самых величественных памятников погибшим героям Отечества. Чугунную восьмигранную шатровую часовню венчает православный крест. На боковых гранях — четыре горельефа: солдат, благословляющий сына-солдата на подвиг; янычар, вырывающий ребенка из рук матери-болгарки; гренадер, берущий в плен турецкого солдата, и русский воин, срывающий цепи с женщины, символизирующей Болгарию.

Скульптор Михаил Осипович Микешин (1835—1896) прославился уже в молодые годы, после открытия в 1862 г. в Новгороде памятника «Тысячелетие России», созданного по его проекту. Он же стал автором и другого известного монумента: памятника Богдану Хмельницкому, установленного в Киеве в 1888 г.

Русский скульптор Александр Михайлович Опекушин (1838- 1923) создал ряд замечательных памятников, отличавшихся исторической конкретностью и поэтичностью. Наиболее известные из них: памятник А. С. Пушкину в Москве, открытый в 1880 г., и памятник М. Ю. Лермонтову в Пятигорске (1889).

Русская культура развивалась в разных направлениях, ее достижения и успехи признавались и соотечественниками-современниками, и иностранцами. В ряду скульпторов этого периода имя Марка Матвеевича Антокольского (1842—1902) занимает первейшее место. Он родился в городе Вильно (Вильнюс) в бедной еврейской семье. В 1862 г. ему удалось поступить в петербургскую Академию художеств, во время учебы в которой он сблизился с И. Е. Репиным, оказавшим на юношу огромное творческое воздействие. Его ранние произведения из гипса, воска, цинка, дерева, меди и бронзы свидетельствовали о большой силе художественного дарования, они производили сильное впечатление удивительной выразительностью, пластичностью, «живой страстностью». Широкая известность пришла к Антокольскому в 1871 г., после демонстрации в академии его «Иоанна Грозного». Скульптура вызвала восхищение современников, а известный художественный критик В. В. Стасов и писатель И. С. Тургенев опубликовали хвалебные статьи. Скульптор много выставлялся за границей. На всемирной выставке в Париже в 1878 г. его произведения удостоились золотой медали. Среди наиболее известных произведений мастера — его скульптурные композиции «Иисус перед народом», «Мефистофель», «Ярослав Мудрый», «Нестор Летописец», «Умирающий Сократ», «Спиноза», «Христианская мученица».

§ 5. «Печальник земли Русской»: проповедник и пророк Иоанн Кронштадтский

Любовь к России, к ее прошлому и настоящему, вера в великое предназначение народа и державы Российской объединяла разных людей. Одним из известнейших русских патриотов XIX — начала XX в. являлся духовный пастырь Иоанн Кронштадтский (1829—1908). Он приходился ровесником Л. Н. Толстому, но его миропонимание и общественное подвижничество носило совершенно иной характер. Отец Иоанн исповедовал традиционные духовные ценности, страстно отстаивал их. В отличие от «сиятельного нигилиста» он видел в крушении существующего миропорядка не начало «царства света», а «торжество тьмы». Уже в конце XIX в. Иоанн Кронштадтский предчувствовал возможность «триумфа Сатаны» и предсказал неизбежные ужасы «русского апокалипсиса».

Родился будущий известный проповедник в селе Сура в Архангельской губернии, в семье бедного сельского священника. Его предки были священниками: и дед, и прадед, и прапрадед. Носил он фамилию Сергиев и его нарекли Иоанном в честь преподобного (святого) Иоанна Рыльского, жившего в IX в. в Болгарии, прославившегося своими христианскими подвигами, день поминания которого пришелся на день крещения мальчика из села Сура.

Иоанн Сергиев окончил церковно-приходскую школу, а затем духовную семинарию в Архангельске. Далее обучался в Петербургской Духовной академии, которую окончил в 1855 г. Был всегда в числе первых учеников и удивлял своим прилежанием. Знал почти наизусть Священное Писание (Библию), сочинения крупнейших богословов и жития православных святых. Вскоре после окончания академии Иоанн был возведен в священники и получил назначение в Андреевский собор в городе Кронштадте. Все по-

следующие десятилетия жизнь Иоанна неразрывно была связана с этим храмом. Его со временем стали называть Кронштадским.

Он родился и вырос в бедной семье; видел много людского несчастья и отчаяния. Однако это не ожесточило его сердце. Когда переехал в Кронштадт, то и здесь столкнулся с бедностью, неверием, жестокостью. В городе было немало высланных из Петербурга бродяг, много рабочих и грузчиков порта, среди которых процветали пьянство, воровство, кровавые драки. Вот на этих опустившихся людей и обратил свое главное внимание молодой священник, именно в их лачуги пошел, чтобы умилостивить их, открыть им свет веры Христовой. Немалое число этих, как их называли, «босяков» благодаря проповедям отца Иоанна возвратились к нормальной жизни, стали примерными семьянинами и честными тружениками.

За свою жизнь Иоанн произнес тысячи проповедей; говорил о разном, но неизменно о Боге, о праведной жизни на земле, о добре и зле. Постоянно наставлял: «Надо любить всякого человека и в грехе его и в позоре его. Не нужно смешивать человека — этот образ Божий — со злом, которое в нем». Чтобы победить окружающее зло, несправедливость, учил проповедник, следует не заниматься разрушением общественных условий; необходимо освещать души людские словом Божьим. Не следует гнаться за богатством; все земное проходит, как «утренняя роса под лучами солнца». «Суетна жизнь наша, т. е. всуе, напрасно, даром, ни за что пропадают дни жития нашего для вечности; все о земном, житейском хлопочем, о вечности мало помышляем, будущего Страшного суда, будущего мучения и будущего блаженства, конца не имеющих, не воображаем себе. В каком-то духовном тумане все мы живем; плоть и плотские страсти одолели; дух (душа человеческая) угнетен, заглушен, задушен».

Иоанн Кронштадтский стал врачевателем человеческих душ. В конце XIX в. нейрохирург профессор С. И. Сикорский писал о нем: «Когда мы говорим о выдающихся дарованиях какого-либо лица, мы ищем доказательств его деятельности — в науке, поэзии, искусствах и практической жизни, мы задаем себе вопрос о специальности. Специальность отца Иоанна — нравственное усовершенствование себя и других. Его труды записаны не в книгах, но в миллионах сердец; записаны и запечатлены так прочно, как не всегда запечатлевается в нашем уме то, что мы видим, слышим, читаем. Этот живой носитель и проповедник идеалов, проводящий ежедневно 15—20 часов в сутки то в храме, то под открытым небом, то в многолюдном собрании, словом, делом, примером, а более всего своей личностью воспитывает общество. Он преподает науку жизни. Греческие мыслители были правы, утверждая, что прожить жизнь есть великое искусство и что только мудрец сумеет осуществить эту задачу. В наши дни таким мудрецом, нравственным философом является отец Иоанн Кронштадтский».

На его проповеди стекались бесчетные толпы простого народа, тысячи других писали ему, просили совета, наставления, утешения. Никого не забывал, на все человеческие горести откликался. Много ездил по России, выступал перед верующими и в храмах, и на площадях. Каждая проповедь становилась событием, а число собиравшихся поражало современников. Только на его службе в Харькове 20 июля 1890 г. присутствовало более

60 тыс. человек. Никто этих людей не звал, никто не делал заранее никаких объявлений в газетах о выступлении батюшки. Люди, только прослышав о приезде Иоанна, сами шли, преодолевая порой тысячи километров, чтобы увидеть и услышать великого праведника земли Русской. После поездки на Сахалин А. П. Чехов писал, что там «в какой бы дом я ни заходил, я везде видел на стене портрет о. Иоанна Кронштадского. Это был пастырь и великий молитвенник, на которого были с надеждой устремлены взоры всего народа».

Учил: любите своих близких, любите Россию, окружающий мир — творения Божие — и жизнь улучшится. Чем больше будет любви и веры, тем красочнее и легче будет жизнь, тем радостней, светлее станет на земле. Чувствовал своим сердцем, что не все ладно в государстве. Страстно обличал ложь, неправду либеральных и социалистических учений, видя в них угрозу существованию России: «Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога-Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству». «Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант православной веры. Восстань же, русский человек!» Когда в России в начале XX в. начались революционные беспорядки, Иоанн Кронштадтский взывал: «Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России. Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу и вам, и России». Тогда горько предрек: «Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению», «Если в России так пойдут дела и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божием с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония».

В начале 1908 г. у него было видение о грядущих временах, оказавшееся пророческим: «Я взглянул и вижу: царский дворец, а кругом бегают разной породы животные и разной величины звери, гады, драконы, шипят, ревут и лезут во дворец. И уже полезли на трон помазанника Божьего Николая II... Вдруг трон пошатнулся, и пала корона, покатилась. Звери ревели, бились, давили Помазанника. Разорвали и растоптали, как бесы в аду, и все исчезло».

Вместе со страждущими, письмами и телеграммами текли к отцу Иоанну огромные суммы на благотворительность. Получая деньги, он их тут же раздавал. На эти пожертвования ежедневно кормил тысячу нищих, создал в Кронштадте «Дом Трудолюбия» со школой, церковью, мастерскими и приютом. Основал в своем родном селе женский монастырь и воздвиг большой каменный храм, а в Петербурге построил женский монастырь на берегу реки Карповки, в котором после смерти в декабре 1908 г. и погребен. В 1990 г. Поместный собор Русской православной церкви причислил праведника Иоанна Кронштадского к святым Православной церкви.

Похороны выдающегося проповедника явились национальной печалью. В траурных процессиях в Петербурге участвовали сотни тысяч людей. По всей России служились поминальные панихиды, в самых дальних углах страны люди плакали и молились. Однако народную скорбь отражали и подробно описывали лишь немногочисленные газеты и журналы так на-

зываемого консервативного направления. Большинство же распространенных российских изданий ограничивалось лишь краткими информационными сообщениями. Когда же через два года скончался Л. Н. Толстой, то эта тема надолго завладела первыми полосами газет прогрессивно-либерального направления. Смерть «яснополянского нигилиста» и его похороны описывались в мельчайших подробностях, а пространные статьи и репортажи пестрели оборотами: «горе России», «народ скорбит», «Россия прощается с Л. Н. Толстым», «прощание с Великим Гражданином».

Двойной стандарт использовался даже в этих печальных обстоятельствах. По мнению «прогрессивной общественности» и их «трубадуров», в первом случае речь шла о смерти «столпа темных сил», кумира «невежественных» и «необразованных», а во втором — о расставании с «национальным светочем».

РАЗДЕЛ V. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ. XX — НАЧАЛО XXI в.: 1917—2007 гг.

ГЛАВА 1. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ

§ 1. Россия вступает в революцию

Падение монархии. Последний день февраля 1917 г. стал для жителей российской столицы первым днем победы революции, днем восторгов, объятий, радостных слез. По Невскому проспекту ходили ликующие толпы народа, каждый обыватель считал своим долгом украсить грудь красным бантом. «Фараоны» А. Д. Протопопова, еще не осведомленные о победе народа, продолжали стрелять с чердаков и колоколен, но в более чем трехсотлетней истории правления династии Романовых была поставлена последняя точка. Вопреки сложившимся за долгие годы стереотипам на самом деле царя никто не свергал: ни одна партия в России организационно и технически революцию не готовила. Она разразилась неожиданно и для властей, и для оппозиционных сил. Не столь далек от истины А. Ф. Керенский, утверждавший, что «монархия в России покончила самоубийством». Крах монархии явился результатом ее системного кризиса и составной частью кризиса и краха в условиях мировой войны империй старого типа. На рубеже веков российское самодержавие должно было сменить свои исторические формы, став конституционной монархией, или погибнуть. Уже революция 1905—1907 гг., явившаяся, по существу, реакцией российского общества на издержки догоняющей модернизации, обнажила целый пласт острейших противоречий, дестабилизирующих российское общество, сталкивающих интересы разных его слоев.

Революция заставила самодержавие внести некоторые коррективы в свою политику. Однако исторические обстоятельства, в которых происходил процесс ломки старых институтов и ценностей и становления новых, были не совсем благоприятными для власти.

Россия в позднеимперский период находилась в сложном переходном состоянии от традиционного общества к индустриальному. Несмотря на наличие передовых форм монополистического капитализма в ряде отраслей промышленности, финансах, банковском деле, а также высокие темпы развития промышленного сектора, экономика в целом оставалась аграрной, в ней преобладали неиндустриальные формы труда. В городе отсутствовал многочисленный слой собственников, в деревне не произошло еще глубокого расслоения крестьянства, среди господствующих классов отсутствовало единство. Интеллектуальная элита находилась в бескомпромиссном конфликте с самодержавием.

Ситуация осложнялась наличием огромной территории и слабо развитой инфраструктурой. По многим показателям Россия отставала от индустриально развитых стран. Первая по территории и третья по населению страна находилась лишь на пятом месте в мире по промышленному развитию. Отечественное машиностроение занимало всего 7% в общем объеме

промышленного производства. Страна была вынуждена закупать за границей большое количество промышленного оборудования. Важнейшим симптомом опасного отставания явилось превращение страны в экспортера сырья и продовольствия. Почти 70% доходов российского экспорта приходилось на продажу хлеба и продукции животноводства. Особенно серьезно Россия отставала от западных стран по производительности труда и уровню энерговооруженности. Активное, но не комплексное заимствование у Запада передовых форм организации производства, технических и технологических новинок усиливало весьма острые экономические и социальные противоречия, обнажая архаические стороны российских реалий (наличие общины, национального и социального гнета).

Наиболее острым для России оставался аграрный вопрос. Именно крестьянские выступления определяли характер и масштаб оппозиционных настроений в стране. Не менее напряженными были противоречия между городом и деревней, между различными конфессиями, между русскими и представителями других народов. Столь тесное переплетение всех групп противоречий перегружало российское общество оппозиционными настроениями и ожиданиями, разрушая равновесие социально-классовых сил, общественный консенсус, столь необходимый для эффективной модернизации.

Лишь ускорение политических и социально-экономических преобразований, прежде всего реформирование высшей законодательной и исполнительной власти, расширение прав и свобод личности, демократизация всех сторон общественной жизни, давало Российской империи шанс стать равноправным членом группы великих стран, шанс для стабилизации внутреннего положения, а в конечном итоге — укрепления существовавшего политического режима.

В сложившихся условиях самодержавная власть имела крайне мало шансов безболезненно повернуть на путь буржуазно-демократического развития. Чтобы не допустить развала империи и гибели самодержавия, требовались политическая воля, осознание гибельности консервации старых отношений. Ни тем, ни другим самодержавие не располагало.

Стойкая неспособность власти своевременно решать назревшие проблемы неминуемо подталкивала российское общество к революции. Мировая война до предела напрягла силы государства и общества. По статистике Главного штаба, к 1 февраля 1917 г. армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 6 млн солдат и свыше 63 тыс. офицеров. Дисциплина на фронте и в тылу все больше расшатывалась, сотни тысяч военных дезертировали из армии. Дефицит ресурсов и жесткая регламентация хозяйственной жизни способствовали росту коррупции и казнокрадства.

Каждый день войны сужал социальную базу самодержавия. Против Николая II на короткое время объединились самые разнородные силы, интересы которых зачастую были диаметрально противоположными.

С лета 1915 г. усилия многих думающих русских людей были направлены на то, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу, убедить верховную власть одуматься. Россия, истощенная кровопролитной войной, все быстрее катилась к пропасти. Патриотически настроенные политики

мучительно искали выход, обсуждали различные, часто фантастические, планы (согласно одному из них летчик капитан Костенко предлагал врезаться на своем аэроплане в автомобиль самодержца).

Зимой 1915 г. в политических и военных кругах родилась идея заговора— дворцового переворота. Однако среди заговорщиков не было единства. Часть заговорщиков во главе с начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым делала ставку на устранение императрицы Александры Федоровны. План этот не удался, так как накануне его реализации Алексеев тяжело заболел. Другие рассчитывали на отречение самого Николая II и передачу власти при малолетнем императоре Алексее регенту — брату царя Михаилу. Однако и этому плану, несмотря на поддержку его вождями Прогрессивного блока, больше всего опасавшимися стихийного социального взрыва, не суждено было сбыться. Дворцовый переворот был последней надеждой либералов и военных, стремившихся не допустить революции. Но на него никак не могли решиться вожди Прогрессивного блока. А когда решились, было поздно.

Организация новой власти. В феврале 1917 г. Россия утрачивает традиционную легитимную власть, ее теряют царские институты власти. Россия, формально оставаясь монархией, фактически становится республикой.

Политические деятели, опасаясь возможного подавления восстания царем, только приглядывались к событиям. На третий день уличных демонстраций в Петрограде начался стихийный процесс самоорганизации новой революционной власти.

25 февраля по инициативе меньшевиков, действовавших заодно с Союзом петроградских рабочих кооперативов, было решено созвать Совет рабочих депутатов. Выборы на заводах должны были быть организованы рабочими кооперативами и кассами взаимопомощи. Уже вечером делегаты стали прибывать в Таврический дворец. Вечером 27 февраля, за несколько часов до того как Временный комитет Государственной думы решился взять власть в свои руки, в присутствии 125—150 делегатов был провозглашен Временный исполнительный комитет Петроградского совета рабочих депутатов.

Его полномочия были сомнительны, большинство присутствующих на первом заседании Совета смогли предъявить лишь устные мандаты. Но благодаря поддержке делегатов от воинских частей Петросовет располагал реальной властью в городе. Большинство Совета составили умеренные социалисты-эсеры и меньшевики, большевики же не играли заметной роли.

Председателем исполкома Совета был избран руководитель меньшевистской фракции Думы Н. С. Чхеидзе, его заместителями — трудовик А. Ф. Керенский и меньшевик С. И. Скобелев. Всего в исполком вошли 15 человек. Все они мало знали друг друга. Их объединяло лишь общее желание защищать революцию. С первого часа своего существования Петроградский совет начал действовать как орган революционной власти. Во все районы города были направлены комиссары Совета для организации на местах новых органов власти. Население призывали «организовывать местные комитеты и взять в свои руки управление местными делами». Устанавливался контроль над распределением продуктов, финансовых средств,

над железными дорогами, типографиями. Совет принял меры по предотвращению грабежей и поджогов.

Важнейшие вопросы революции ждали решения — Совету нужно было определить свое отношение к вопросу о власти и прежде всего взять под контроль революционную стихию, грозившую обернуться полной анархией. Опираясь на поддержку революционных сил, Совет мог провозгласить себя общероссийской властью. Но «случайные вожди» исполнительного комитета Совета на полноту власти не претендовали. Считая свершившуюся в стране революцию буржуазной, они были готовы поддержать любое буржуазное правительство, сформированное Думой, если оно не будет нарушать прав и интересов трудящихся. Социалистические партии, фактически возглавившие революционный переворот, видели свою роль в активной оппозиции к правительству, критике его недостатков, защите интересов трудящихся. Реально претендовать на власть они считали возможным лишь «на следующей стадии» развития.

«Давление» на Временное правительство социалисты намеревались осуществлять через Советы, рассматриваемые как временные общественные организации (до принятия Конституции). Однако фактически и Петроградский совет, и местные Советы брали на себя важные государственные функции. Петросовет руководил рабочей милицией, контролировал экономическую жизнь, издавал свой ежедневный официальный орган — газету «Известия». В подчинении Советов находилась создававшаяся на фабриках и заводах рабочая милиция (Красная гвардия). Такой мощный вооруженный тыл позволял Советам в диалоге с Временным правительством занимать твердую позицию.

Главной чертой советской системы была непосредственная опора на Вооруженные силы. С февраля Советы по основным целям борьбы, настроениям прочно объединились с солдатскими массами.

Важнейшим актом Петроградского совета, имевшим весьма далеко идущие последствия для судеб революции, стал приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа о демократизации армии. В соответствии с приказом в воинских частях разрешалась политическая деятельность, солдаты получали гражданские права, командирам запрещалось обращаться к солдату на «ты». Приказ дал Петроградскому совету реальную военную власть. Большевики с успехом использовали его для разложения армии. Не случайно все военные специалисты русской армии осудили приказ как самый пагубный и развращающий армию документ.

2 марта в результате переговоров между представителями Петроградского совета и Временного комитета Думы было создано первое Временное правительство, ведущая роль в котором принадлежала кадетам.

Временное правительство. Первое официальное сообщение о создании Временного правительства появилось в утреннем выпуске газет 3 марта 1917 г. В отличие от исполнительного комитета Совета состав Временного правительства планировался заранее. Еще в 1915 г. на случай, если царь согласится на «правительство, пользующееся доверием общественности», были составлены списки его возможных кандидатов. Их обсуждали на заседаниях бюро Прогрессивного блока: разного рода совещаниях, проводимых по инициативе тайного Верховного совета народов России. В свете

этого знаменитый ответ П. Н. Милюкова на «ядовитые» вопросы из толпы: «А кто вас избрал?», сказавшего, что их «выбрала русская революция», с гораздо большим основанием мог быть отнесен к руководству Петросовета, нежели к составу Временного правительства.

Лидеров Думы заставил приступить к созданию правительства паралич государственной машины. Сначала 27 февраля возник Временный комитет членов Государственной думы во главе с ее председателем М. В. Родзянко, который объявил себя носителем верховной власти в стране. В состав комитета вошли представители всех партий, заседавших в Думе, кроме крайне правых. В день отречения царя от престола был обнародован согласованный с Петросоветом состав нового кабинета. Представители Прогрессивного блока, почувствовав, что подготовленный два года назад состав уже не соответствует новому раскладу политических сил, пригласили в правительство председателя Петроградского исполкома Н. С. Чхеидзе, но тот отказался, так как, исходя из представлений о неизбежности «буржуазного периода революции», Совет постановил своих представителей в состав «буржуазного» правительства не пускать, оставив за собой полную свободу как в поддержке, так и в противодействии ему. Это постановление, однако, не остановило А. Ф. Керенского, решившего не «подчиняться случайному решению случайных людей» и «под свою личную ответственность» войти в правительство в качестве министра юстиции. Поведение Керенского определялось в тот момент ощущением, что «это его революция и он станет ее выразителем».

В силу новых обстоятельств вместо М. В. Родзянко главой Временного правительства стал известный земский деятель князь Г. Е. Львов. Либеральная печать отзывалась о нем, как о «человеке способном и честном». Именно благодаря последнему соображению новый премьер-министр одновременно был назначен и министром внутренних дел. Еще одним преимуществом Львова перед Родзянко было его активное участие в заговорщической деятельности в канун революции. Немалую роль в назначении первого премьер-министра сыграла поддержка кандидатуры Львова П. Н. Милюковым, получившим в правительстве пост министра иностранных дел. Лидер кадетов, считая нового премьер-министра «шляпой», надеялся сам направлять политику правительства. Среди 11 членов Временного правительства были миллионеры, крупные помещики, что с самого начала дало пищу для его критики социалистической прессой.

По настоянию представителей Петросовета, опасавшихся возможности реставрации монархии, новое правительство приняло обязательство не предрешать форм государственного устройства до созыва Учредительного собрания.

Первые шаги новой власти. Новая российская власть рождалась в противоречивой, накаленной атмосфере всеобщего хаоса, вызванного тремя годами тяжелейшей войны и революцией. Разрушительные инстинкты, чувство мести и ненависти грозили стране жесточайшей гражданской войной и окончательным распадом. По ощущению А. Ф. Керенского, «Россия перестала на фабриках работать, на фронте сражаться. Население утратило способность повиноваться. Начальство приказывать и командовать». На фронте началась стихийная демобилизация, в городах вершились самосу-

ды, грабежи, в деревнях крестьяне пытались самочинно разрешить земельный вопрос.

Нелостаточная легитимность первого состава нового правительства требовала от него быстрых и эффективных действий, способных укрепить его авторитет, объединить российское общество. В первые недели после свержения царизма это отчасти удалось. Символом примирения стала всеобщая политическая амнистия. Она вернула в страну всех политических эмигрантов. Одним из первых декретов правительство отменило в России смертную казнь. В Декларации Временного правительства, обнародованной 3 марта, содержалась целая программа из восьми пунктов «прочного устройства исполнительной власти», включающая установление свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек; отмену всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений; немедленную подготовку к созыву на началах всеобщего, равного, прямого тайного голосования Учредительного собрания; замену полиции народной милицией и выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; выборы в органы местного самоуправления.

По соглашению с Петроградским советом была проведена радикальная демократизация армии. Во всех подразделениях — от роты до армии — создавались выборные солдатские комитеты, без участия которых не принимались никакие серьезные решения — от стратегических операций до солдатского довольствия. Очень большой властью обладали комитеты на флоте. На Балтике фактически неограниченно правил Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) во главе с матросом П. Е. Дыбенко.

Новая власть ликвидировала Особое присутствие правительствующего Сената, корпус жандармов, Министерство императорского двора и Канцелярию императора. При Министерстве юстиции была учреждена Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц. В соответствии с Декларацией, опубликованной 6 марта, правительство отменило старую систему сословных и национальных ограничений, восстановило автономию Финляндии.

Первые шаги Временного правительства, отразившие интересы абсолютного большинства населения страны, были поддержаны повсеместно. Фактически ни одна политическая сила, включая большевиков, не выступила против него.

Превращение России в самую свободную из воюющих стран вызвало в стране эйфорию. Тысячи энтузиастов-добровольцев развернули работу по созданию новых органов власти. В деревнях, уездных городах создавались всевозможные комитеты, советы, которые пытались разнообразными способами восстановить разрушенный порядок. Отмена цензуры в стране привела к массовому выпуску газет, брошюр, листовок, отражавших самые разнообразные оттенки политической мысли. В адрес правительственных органов потоком шли различные резолюции, петиции, обращения и послания, отражавшие революционный порыв масс. Ожидание коренных перемен на время укрепило патриотические настроения в народе.

Демонстрируя готовность установить демократический строй, новое правительство создало несколько специальных комиссий для разработки

разных пунктов своей программы. Под руководством П. Н. Милюкова была выработана программа, важнейшими элементами которой стали парламентская республика с разделением властей, правовое государство и гражданское общество, рыночная экономика.

Демократизация управления. Временное правительство, понимая несовместимость войны и революции, надеялось прежде всего довести до победного конца войну и лишь затем взяться за глубокие реформы. По этой причине могли быть претворены в жизнь лишь те преобразования, которые не снижали обороноспособность страны и укрепляли авторитет власти. В силу этого творцы послефевральских преобразований не планировали коренных изменений в организации власти на местах. Пока центральная власть выжидала, в провинции смещались губернаторы, градоначальники, распускались карательные органы (полиция, жандармерия). Повсеместно создавались комитеты общественного спасения (или комитеты общественных организаций). Расширялись полномочия земств, городского самоуправления.

Общественные исполнительные комитеты (в разных губерниях они назывались по-разному: чрезвычайные, общественной безопасности, народной власти) брали на себя функцию координации действий органов самоуправления, партий, союзов и объединений по изменению политического строя. Создание таких комитетов было обусловлено отсутствием в губерниях до революции представительных органов государственной власти. Более того, легкость, с которой пала монархия, свидетельствовала о глубоком кризисе не только самодержавного строя, но и российской государственности вообще.

В организации власти на местах приняли участие разнородные по социальному составу и политической ориентации силы: политические партии, органы самоуправления, корпоративные, профессиональные организации. О своем праве на автономное управление заявило казачество всех войск — Кубанского, Терского, Уральского, Оренбургского и др.

В марте 1917 г. на Украине была создана Центральная рада как фактически независимый от Временного правительства орган республиканской власти. Следом возникли республиканские министерства (секретариаты), была принята Конституция («Универсал»).

Рада возглавила движение украинского народа за самоопределение в форме автономии, с перспективой на отделение и создание самостоятельного государства. Волна образования аналогичных местных учреждений, призванных отразить и защитить национальные интересы многочисленных народов, населявших Россию, катилась по всей стране. Имперская система рушилась, на ее обломках возникала национальная.

В российской провинции фактически не сложилось характерное для Петрограда двоевластие. На местах имело место и одновластие, и многовластие. Единовластие в большинстве губернских городов достигалось по-разному, в зависимости от конкретной расстановки социально-политических сил. Так, в Саратове сначала образовался Совет рабочих депутатов, который инициировал и ускорил формирование общественного городского исполнительного комитета, войдя с ним в сотрудничество. В Самаре наиболее оперативными оказались либеральные общественные силы, об-

разовавшие Комитет общественной безопасности, постоянно расширявшие свой состав прежде всего за счет рабочих и солдатских депутатов; Совет рабочих депутатов тесно сотрудничал с Комитетом, что позволило последнему объявить себя Комитетом народной власти. В ряде мест либеральные силы были слабы и безвольны. Они ждали указаний сверху и отважились создать общественные структуры для формирования новой власти только после указаний из центра.

Не захотев делиться властью со стихийно возникшими общественными комитетами на местах и противопоставив им институт комиссаров, назначаемых сверху, Временное правительство упустило реальную возможность управлять через комитеты всеми общественными организациями, включая Советы. Всячески ограничивая их возможности, центральная власть с самого начала утратила контроль за развитием революционного процесса в стране. К 5 марта, когда Временное правительство приняло первое постановление по местному управлению, общественные комитеты в ряде губернских городов уже успели назначить своих комиссаров. Институт губернских и уездных комиссаров, введенный временно для исполнения административных функций власти на местах, оказался неспособным противостоять революционной смуте. С функцией государственного и муниципального управления также не могли справиться ни Советы, ни общественные комитеты, созданные в ходе революции. Они являлись представительными органами и были способны выражать общественное мнение, но не осуществлять управление. Используя кадры земского самоуправления при организации новой власти в стране, правительство сразу же столкнулось с проблемой отторжения их большинством общественных сил на местах. Главная ошибка Временного правительства заключалась в том, что земские служащие вовсе не ассоциировались в народном сознании с фигурами председателей губернских и уездных земских управ, назначенных комиссарами Временного правительства на местах. В связи с этим с самого начала революции возникли трения между центром и провинцией.

Лишь к середине марта Временное правительство обратило внимание на разнобой в строительстве новой власти и выпустило постановление о полном уничтожении института земских начальников.

Временное правительство также вынуждено было смириться с существованием независимых сельских исполнительных комитетов. Интересы крестьян изначально не совпали с политикой власти по аграрному вопросу. Средств государственного казначейства не хватало даже на финансовую поддержку губернских комитетов. Поэтому содержание не только сельских, но и волостных комитетов осуществлялось за счет системы самообложения. Тем самым с момента своего образования сельские и волостные комитеты в условиях финансовой независимости от власти реально претендовали на свободу действий. Естественно, они ориентировались на те общественно-политические силы, которые заявляли о поддержке крестьянских требований в революции. Таким образом, Временному правительству не удалось сформировать четкую вертикаль власти, центральная власть не пользовалась авторитетом и не опиралась на надежные властные структуры на местах. Поэтому низовые органы власти проводили не правительственную, а крестьянскую политику.

§ 2. Обострение политической борьбы

Перспективы революции. Февраль открыл перед страной несколько возможных путей развития, включая либерально-реформистский и пролетарско-революционный. Их выбор в условиях политической свободы зависел от предпочтений большинства российского населения и в конечном итоге определялся реальным уровнем его политической культуры, менталитетом народа. Весной 1917 г. как западный буржуазно-демократический путь, так и марксистский социализм не могли быть осознанным выбором масс «снизу».

В сознании большей части населения страны господствовали общинные ценности, вследствие чего партию кадетов и других сторонников западного пути развития для России поддерживало не более 20% населения. На осенних выборах в городские думы по 50 губернским городам страны за кадетов проголосовало чуть более 12% избирателей. На выборах в Учредительное собрание кадеты вместе с союзниками получили 17% голосов. Таким образом, в условиях политической нестабильности либерально-реформистская альтернатива с самого начала была малоперспективной, как не имеющая глубоких корней в духовной жизни русского народа. Предложенная «сверху» Временным правительством, прогрессивная, по сути, программа обновления страны на принципах демократии, частной собственности, целостности страны могла быть реализована лишь при условии сохранения и укрепления гражданского согласия, сильной государственной власти.

Сложившееся двоевластие вынуждало Временное правительство постоянно оглядываться на Советы. Более того, потенциально каждая из новых российских властей несла в себе альтернативный выход из тупика. Временное правительство выступало за эволюционный способ разрешения накопившихся противоречий, через проводимые сверху реформы, Советы — за революционный, через кардинальное обновление власти. Такая политическая система не могла быть устойчивой. С момента своего рождения она несла в себе возможность кризиса, перерастания власти в анархическое безвластие. Главное же — либеральные ценности, довлевшие над сознанием и министров-капиталистов, и министров-социалистов, исключали саму возможность широкого применения насилия для стабилизации ситуации в стране. Сделав ставку на легитимное оформление новой власти через Учредительное собрание, либеральное, а затем умеренно-социалистическое большинство Временного правительства отказалось от решения таких жизненно важных вопросов, как земельный, вывод страны из военного тупика и самоопределение народов, населявших страну. В свою очередь, выборы в Учредительное собрание сознательно затягивались. Правительство, не имея воли заявить, что созыв Учредительного собрания возможен лишь по окончании войны, избрало тактику проволочек.

Откладывая реформы, правящий блок, несмотря на целый ряд благоприятных обстоятельств (отсутствие какого-либо серьезно организованного сопротивления, одинаковое понимание основными политическими силами характера свершившейся революции и ее главных задач, активная поддержка революции союзниками), разрушал свою социальную базу, открывал дорогу революционно-пролетарскому варианту развития событий.

Продолжающаяся война и развал экономики способствовали радикализации широких слоев населения. Рабочие, фактически ничего не получив от новой власти, кроме свободы на бумаге, вновь приняли активное участие в забастовочном движении. С каждым месяцем нарастало стихийное крестьянское движение. Временное правительство решилось лишь на конфискацию земель, лесов, озер, принадлежавших царю и царской семье. Главный земельный комитет неспешно разрабатывал принципы будущей аграрной реформы. Лишь к осени планировалось завершить разработку закона о земле, передать его на утверждение Учредительного собрания. Попытки крестьян самолично захватить брошенные помещичьи земли оценивались министром земледелия как самоуправство. Число крестьянских выступлений с марта по апрель возросло с 257 до 3321 в июле и августе (в 12,9 раза). С осени 1917 г. крестьянские выступления стали все чаще принимать вооруженный характер.

На местах росла волна национализма и шовинизма.

Поляризация политических сил. Весной 1917 г. в условиях углубляющегося кризиса происходит быстрая поляризация общества. Открывшаяся впервые в российской истории возможность для политических партий и их лидеров легального прихода к власти обострила политическое соперничество между партиями. В первые месяцы после падения монархии более 50 политических партий развернули активную работу по привлечению масс на свою сторону. В это время необходимость общественного согласия для спасения страны осознавалась немногими политиками, в числе которых был и А. Ф. Керенский. Интеллектуальная элита раскололась по политическим предпочтениям.

После ухода с политической арены черносотенцев и других экстремистских организаций лишь четыре политические партии (кадеты, большевики, эсеры и меньшевики) могли реально участвовать во власти, реально влиять на выбор того или иного варианта общественного развития.

После февраля Партия народной свободы (кадеты), сыгравшая ключевую роль в формировании первого состава Временного правительства, превратилась из оппозиционной в правящую партию. Ее лидеры вошли в состав правительства, а ЦК партии оказывал серьезное воздействие на политику правительства. С весны численность партии кадетов начала стремительно расти и достигла 70 тыс. Ее ряды пополнялись за счет членов бывших монархических партий. Членами кадетской партии считали себя выдающиеся представители русской интеллигенции — Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский. Однако позиции Партии народной свободы оставались чрезвычайно слабыми среди крестьян и в армии. В первые дни революции лидеры кадетской партии вынуждены были пойти на определенное изменение стратегических и тактических установок. На VII съезде партии (март 1917 г.) из ее программы было исключено требование конституционной монархии, но коренного пересмотра партийной доктрины не произошло. По-прежнему центральное место в программе партии занимали идеи европеизации России путем создания сильной государственной власти. Политический курс предусматривал установление единовластия Временного правительства, продолжение войны до победного конца. Отметив в резолюции необходимость социальных ре-

форм, съезд тем не менее высказался против их проведения до созыва Учредительного собрания. В связи с продолжающейся войной кадеты сняли требования о 8-часовом рабочем дне, об установлении рабочего контроля. Все это мешало им обрести массовую социальную поддержку. Правда, они стремились овладеть положением и в период от февраля до октября провели четыре съезда — больше, чем любая другая российская партия. Пытались кадеты укрепить влияние и в студенческой среде, и среди крепких сельских хозяев. Уже с мая 1917 г. их тактика правеет, давая тем самым повод социалистическим партиям представить кадетскую партию в общественном мнении как главное препятствие на пути реформ. В условиях острого социального противостояния курс кадетов на достижение общественного согласия рассматривался радикалами как предательство интересов революции и не был востребован. Не последнюю роль в этом, безусловно, сыграло и отсутствие у партии ясной программы вывода страны из кризиса, колебания и неуверенность в своих силах партийных лидеров — П. Н. Милюкова, М. М. Винавера, В. Д. Набокова. По существу, кадеты проиграли свою партию за влияние на массы с самого начала, поспешив отказаться от монархической формы правления как исторически сложившейся реалии, которая могла бы удержать общество от революционного романтизма и экстремизма.

С начала весны 1917 г. происходит быстрый рост популярности социалистических сил. За считанные недели после выхода из подполья левые партии превращаются в крупные общественные объединения. Важным фактором, способствовавшим росту их популярности, стало широкое распространение в общественном сознании послефевральской России социалистических идей.

Очевидный кризис западной цивилизации и отсутствие в стране глубоких традиций частной собственности сделали весной 1917 г. социалистические идеи особенно привлекательными в среде интеллигенции, рассматривающей их реализацию как возможную альтернативу западному варианту развития. Для просвещенной части населения России социализм означал рациональный способ преодоления отсталости страны, новой модернизации, но без тех крайностей, которыми сопровождалась самодержавная модернизация.

Большинство российских обывателей в силу укорененности в их сознании норм общинной демократии воспринимали социализм «как нечто гуманное, хорошее... безобидно мессианское... не отдавая отчета, к чему последний обязывал», воспринимая идеи социального равенства и отмены частной собственности как естественные.

После февраля 1917 г. наибольшую поддержку в массах имели эсеры, исповедовавшие крестьянский социализм. Выйдя из подполья, лидеры партии умело использовали популярные среди крестьянства идеи уравнительного землепользования («социализации земли») для вербовки новых членов партии. Популистские обещания дать каждому крестьянину по 30 десятин земли вкупе с социал-патриотизмом и оборончеством привлекли в ряды социалистов-революционеров тысячи людей. Весной эсеровская партия насчитывала от 400 тыс. до 700 тыс. человек. К лету 1917 г. ее состав вырос до 800 тыс. человек. Кроме крестьянства в ряды партии влились ты-

сячи интеллигентов, мелких служащих, офицеров. Значительные партийные организации эсеров возникли на заводах: на Сергиевском заводе в Самарской губернии насчитывалось около тысячи членов, в Петрограде на Обуховском заводе — 500. Представители эсеров оказались в большинстве во многих провинциальных Советах и солдатских комитетах. В отличие от других социалистических партий социалисты-революционеры были против захвата власти революционной демократией. В России, по мнению эсеровских лидеров, еще не созрели условия для социалистической революции, «социализм... еще слишком молод и обязательно с треском провалится, если сам попытается встать у государственного руля». И В. М. Чернов и Н. Д. Авксентьев считали, что до самоорганизации демократии она не может оградить страну от контрреволюции, в силу чего «во время войны необходим священный союз всех партий путем взаимных уступок». Оценивая февральские события как буржуазную революцию, эсеровские вожди видели спасение России в сотрудничестве с несоциалистическими элементами, в поддержке Временного правительства, «поскольку оно будет выполнять объявленную им политическую программу» и подготовку Учредительного собрания.

Меньшевики накануне падения самодержавной власти фактически не имели единой партийной организации, но благодаря популярности ее лидеров, работавших в больничных кассах, кооперативах, «рабочих группах» военно-промышленных комитетов, сумели занять лидирующее положение в большинстве центральных и местных Советов.

С конца февраля и до начала сентября председателем Петроградского совета являлся меньшевик Н. С. Чхеидзе, а из семи членов его Президиума четверо также представляли меньшевистскую партию, что определенным образом сказалось на политической линии Петросовета. В мае 1917 г. партия меньшевиков — РСДРП (объединенная) — насчитывала около 45 тыс. человек, в конце лета — уже 200 тыс.

Меньшевики рассматривали Февральскую революцию 1917 г. как общенациональную, общеклассовую, поэтому их главной политической линией становится создание власти, опирающейся на коалицию сил, не заинтересованных в реставрации монархии. Отсюда и стремление к массовости социал-демократического движения, его альянсы с профсоюзами, кооперативами, другими добровольными объединениями.

В отличие от большевиков, выдвигавших на первый план фактор классовой борьбы, меньшевики выступали за гражданский мир в обществе, занимали оборонческую позицию в вопросе об отношении к войне. В Советах меньшевики видели не органы власти, а «центры сплочения и политического воспитания трудящихся классов для обеспечения влияния этих классов на ход революции».

В условиях ориентации российского социума на силовое решение конфликтов такая позиция меньшевиков не могла получить достаточного числа сторонников. Осенью численность партии начала сокращаться, соответственно падало ее влияние.

Партия большевиков, РСДРП(б), выйдя из подполья, насчитывала в своих рядах максимум 24 тыс. членов. В этот период их позиция по большинству основных вопросов, касающихся перспектив революции, не от

личалась от позиции меньшевиков и эсеров. Не случайно Русское бюро ЦК РСДРП было готово к объединению с меньшевиками.

Объединительным тенденциям был положен конец с возвращением в Петроград из эмиграции лидера партии большевиков – В. И. Ленина. Для большинства руководства партии его приезд в ночь с 3 на 4 апреля был полной неожиданностью. «Остроумная идея проезда через Германию в запломбированном вагоне» как-то не приходила в головы российских соратников Ленина, но нашла поддержку у германского правительства. Немцы надеялись, что захват большевиками власти вызовет в России хаос. Германский посол в Копенгагене Брокдорф-Ранцау рекомендовал своему правительству: чтобы победить в войне, надо «сделать все возможное для интенсификации разногласий между умеренной и экстремистской партиями в России, потому что это в высшей степени соответствует нашим интересам, чтобы последние возобладали, поскольку в этом случае крах будет тогда неизбежен и примет размеры, которые прервут само существование Российской империи...» Безусловно, Ленин не был германским агентом. Революционная цель делала для него нравственными все без исключения средства. Ленин для своих целей воспользовался помощью германского правительства, как и германские власти воспользовались им для своих целей. Один из встречающих, командир флотского экипажа прапорщик Максимов, лишь выразил надежду, что «тов. Ленин войдет в состав Временного правительства». Столь же наивен был председатель Петроградского совета Чхеидзе, заявивший, что приезд Ленина послужит сплочению рядов всей демократии в защиту «нашей революции». В первых же выступлениях Ленин развеял подобные иллюзии. Признав, что «Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран», а также что ее новый социальный строй характеризуется «отсутствием насилия над массами», Ленин тем не менее высказался за установление в России диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. До его возвращения в Россию многие российские большевики не допускали мысли о возможности устранения Временного правительства и передаче власти Советам, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, считая социалистическое переустройство жизни делом отдаленного будущего. На этой посылке строилась тактика совместных действий большевиков и других советских партий. Ленин в тезисах доклада «О задачах пролетариата в данной революции» («Апрельские тезисы») выдвинул принципиально новую программу. Исходя из возможности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране, он первым заявил о завершении этапа буржуазно-демократической революции и переходе к этапу социалистической революции. Предлагая вместо единства социалистических сил в революции проведение особой линии, ориентированной лишь на беднейшие слои города и деревни, Ленин делал упор на форсированное вызревание революционной ситуации через активизацию пропагандистской деятельности партии.

Привлекательность ленинской программы заключалась в ее простоте, в ориентации на ожидания и устремления народных масс. В тезисах содержались требования перехода власти Советам, национализации земли, введения выборности чиновников, немедленного заключения мира. Больше-

вистский вождь в полной мере учел своеобразие политической обстановки, заключавшееся не столько в двоевластии, сколько в неготовности партий, поддерживающих Временное правительство, немедленно покончить с войной. В конце жизни Ленин еще раз подчеркнет значимость этого тезиса: «В 1917 году в чем был весь гвоздь? В выходе из войны... и это покрывало все».

В ходе дискуссии на партийной конференции 24—29 апреля Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, Л. В. Каменев и другие видные большевики подвергли «Апрельские тезисы» резкой критике, считая, что в мелкобуржуазной стране нет объективных условий для победы социалистической революции, которую народные массы просто не поддержат. Еще более резко в статье «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен» высказался лидер меньшевиков Г. В. Плеханов, считавший, что в России никакой иной, кроме буржуазно-демократической, революции быть не может. Плеханов прямо охарактеризовал тезисы как «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской земле».

В конечном итоге Ленину удалось убедить большевиков взять курс на подготовку социалистической революции. Однако его идея о Республике Советов была отклонена. Многие делегаты Апрельской конференции, признавая роль Советов как центров революционных сил, рассматривали их в качестве временных организаций, предназначенных для захвата власти и созыва Учредительного собрания.

Уже в июне 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов, после того как все социалистические партии решительно отклонили предложение о возможности взятия ими власти в свои руки, большевики публично заявили о своей претензии на государственную власть. К этому времени в рядах большевистской партии насчитывалось 240 тыс. членов. Большевики обрели массовую поддержку и стремительно набирали политический вес.

§ 3. Пролог Гражданской войны

Первый правительственный кризис. Все восемь месяцев существования Временного правительства власть в России находилась в «расплавленном» состоянии. За это время в стране сменилось четыре правительства — и лишь первые два были у власти по два месяца. Доверие народа было единственной силой, на которой после падения самодержавия могло держаться любое революционное правительство.

Временное правительство первого состава просуществовало до мая 1917 г. Непосредственным поводом смены правительства послужило нарастание кризиса в стране. Общественный подъем прошел, и ситуация в стране резко изменилась. Разногласия между членами Временного правительства и постоянная оглядка на свою временность не позволяли ему проводить последовательный и осмысленный экономический курс. Тем не менее правительство пыталось играть роль посредника между трудом и капиталом. С марта по июнь 1917 г. заработная плата рабочих выросла на 50%. В марте была введена хлебная монополия. Весь хлеб у крестьян был взят на учет продовольственными органами, но крестьяне скрывали его, ожидая роста цен в конце года. Остановка многих фабрик и заводов, рост безработицы, сбои на транспорте, активизация спекуляции являлись сви-

детельством того, что экономика страны катится к катастрофе. Временное правительство не решилось сразу удовлетворить самое серьезное требование рабочих — установить 8-часовой рабочий день. Первый военный и морской министр Временного правительства А. И. Гучков пытался вернуть доверие к командному составу широкими реформами, для чего в целях демократизации армии и флота были созданы специальные комиссии. Министр и его представители в комиссиях шли на всевозможные уступки, но каждая новая уступка вызывала новые требования. В результате, не добившись доверия солдат и матросов, Гучков утратил доверие командного состава. Уже с апреля вопрос о доверии правительству концентрируется вокруг одного-единственного вопроса — о мире. «Самая глубокая и самая простая правда о 1917 годе, — напишет спустя годы Г. П. Федотов, — состоит в том, что народные массы не пожелали продолжать непонятную и ненавистную войну. Лозунг «Долой войну!» все время был самым популярным, самым массовым, хотя и долго заглушался другими на него наброшенными благородными словами».

Переутомленная трехлетней войной русская армия слышать не хотела ни о каких завоеваниях, ни о каких Константинополях. Члены первого Кабинета министров были едины в доведении войны «до победного конца», но расходились в вопросе о ее целях. С точки зрения большинства, вступление 6 апреля 1917 г. США в войну на стороне Антанты облегчало стратегическую задачу России и было ей под силу: нужно было только задержать на русском фронте германские войска до появления американских войск на Западном фронте (фактически экспедиционный корпус под командованием генерала Джона Першинга появился в Европе уже 14 июня 1917 г.). П. Н. Милюков, заняв пост министра иностранных дел, проводил в основных чертах ту же внешнюю политику, которой придерживался при старом режиме его предшественник П. Н. Сазонов. В согласованной с Советом Декларации о целях войны, опубликованной 27 марта, речь шла о том, что «цель свободной России в войне — не господство над другими народами... не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира». П. Н. Милюков не разделял стремления большинства в правительстве не накалять страсти вокруг вопроса о целях войны. Поскольку новые цели войны грозили свести на нет все плоды будущей победы, он вопреки решению правительства продолжал в своих публичных выступлениях и статьях говорить о неизменности внешней политики России. Такие заявления министра не могли не вызвать в левых кругах раздражения и обвинений в адрес Временного правительства в неискренности и двойной игре.

18 апреля П. Н. Милюков направил союзникам ноту, в которой вновь подтвердил ранее признанные цели войны и верность союзническим обязательствам. После публикации в прессе нота Милюкова вызвала бурю протеста на промышленных предприятиях, в казармах. Народ вышел на улицы с требованием отставки Временного правительства, передачи власти Советам. Одновременно по призыву ЦК партии кадетов на улицу вышли сторонники Временного правительства и продолжения войны. Те и другие горели желанием утвердить свою точку зрения. 21 апреля в ряде мест произошли вооруженные столкновения. Глубокий внутренний раскол революционных сил по вопросу войны был налицо. Лишь после постановления

Петроградского совета о запрещении на два дня уличных шествий кризис был направлен в русло переговоров, итогом которых стало формирование 6 мая коалиционного правительства. Министры П. Н. Милюков и А. И. Гучков ушли в отставку. В новом правительстве были представлены все политические течения, кроме крайне правых и большевиков. Помимо А. Ф. Керенского в коалиционное правительство вошли еще пять министров-социалистов, 10 министров представляли буржуазные партии.

Коалиционное правительство объявило о своем стремлении добиваться скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций, установления контроля над производством, укрепления органов власти, ускорения созыва Учредительного собрания. На короткое время дезертирство на фронте было остановлено, прекратилась анархия на заводах. Однако социалисты, объединившись в правительстве с кадетами, не спешили выполнять свои обещания. В силу непрочности коалиции все их обещания остались на бумаге. Правительство фактически не располагало никакой свободой действий. Признавая себя носителем народной воли, оно могло рассчитывать лишь на добровольное повиновение свободных граждан.

Прямым следствием апрельского правительственного кризиса стал перелом в общественном настроении. Потерпевшие поражение кадеты на заседании ЦК партии принимают решение «больше не связывать себя с революцией» и «готовить силы для борьбы с ней».

Кризис власти усилил леворадикальные настроения в массах. Все большее влияние в фабзавкомах, профсоюзах, советах стали приобретать большевики. Они развернули активную работу среди солдат, беднейшего крестьянства, студенчества. Сеть большевистских организаций охватывала все новые и новые районы. Другим важнейшим следствием кризиса власти стал рост авторитета В. И. Ленина. В среде самих большевиков все большую поддержку получает его идея превратить «классовую борьбу пролетариата против буржуазии» в «гражданскую войну между враждебными классами», что едва ли было возможно в условиях стабильного развития страны.

Первая проба сил. К началу лета 1917 г. большевики развивают идею вооруженных методов борьбы за власть. Ленин призывает большевиков готовиться к боевым столкновениям с буржуазией, завоевывать на сторону большевиков солдат, вооружаться, обучать рабочих владению оружием. Как заявил он в начале июня на заседании ЦК РСДРП(б), мирные манифестации — это дело прошлого.

Коалиционное правительство, уверенное в правильности своей линии на консолидацию общества, не предпринимало никаких реальных действий для противостояния леворадикальным силам. Слова Ленина, произнесенные на начавшемся 3 июня I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, о том, что большевики в любую минуту готовы взять власть, не были приняты всерьез. В то время как эсеро-меньшевистское большинство съезда демонстрировало показное единодушие и принимало резолюции в поддержку Временного правительства, большевики назначили на 10 июня демонстрацию солдат и рабочих с требованием перехода власти к Советам. Съезд запретил ее проведение, назначив новую демонстрацию под лозунгами доверия Временному правительству. Полу-

миллионная демонстрация и митинг на Марсовом поле в Петрограде, состоявшиеся 18 июня, прошли в основном под лозунгами большевиков. Увеличивающийся разрыв между правительством и массами подтвердили демонстрации и в других городах (Москве, Киеве, Риге, Иваново-Вознесенске и др.). Вхождение социалистов в правительство при сохранении прежнего курса обернулось потерей авторитета самих умеренных социалистов и Советов в целом. На проходившей 16—23 июня в Петрограде Всероссийской конференции военных организаций большевиков некоторые ее участники уже требовали немедленной подготовки вооруженного восстания.

Провал летнего наступления на фронте. 19 июня 1917 г. верное союзническим обязательствам правительство предприняло наступление на Юго-Западном фронте, первое после свержения самодержавия. Вскоре оно было поддержано отдельными частями Северного, Западного и Румынского фронтов. Принимая решение о наступлении, Временное правительство преследовало несколько целей и прежде всего рассчитывало ослабить революционное движение и укрепить свои позиции. Во главе Ставки был поставлен талантливый генерал русской армии — А. А. Брусилов. Однако наступление вскоре захлебнулось. Сказались нехватка артиллерии и снарядов, а также растущее нежелание солдат воевать. За десять дней наступления русская армия только на Юго-Западном фронте потеряла около 60 тыс. убитыми и ранеными. 8-я армия под командованием генерала Л. Г. Корнилова смогла продвинуться на 30 км в глубь обороны противника, заняв Калуш и Галич. В ответ на наступление русских войск германские войска совместно с союзниками 6 июля перешли в контрнаступление в Галиции. В результате русские войска отступили почти до старой русско-австрийской границы, оставив на юге Галицию, а на севере — Прибалтику, включая Ригу.

Провал летнего наступления имел для России далеко идущие последствия. Потерпела поражение вся военная доктрина Временного правительства. Русская армия теряла боеспособность. Судьба Первой мировой войны определялась фактически без участия России. Поражение на германском фронте нанесло удар и по патриотическим чувствам россиян. Леворадикальная часть общества во главе с большевиками использовала военное поражение для подрыва доверия Временному правительству и захвата власти.

Июльская «репетиция». 3—4 июля 1917 г. большевики предприняли первую серьезную попытку покончить с властью коалиционного правительства, «навязать с оружием в руках свои лозунги Советам».

Новый политический кризис начался с отставки 2 июля с министерских постов кадетов, не согласных с намерением министров-социалистов признать до Учредительного собрания автономию Украины. Драматизма ситуации придало стихийное выступление солдат 1-го пулеметного полка, которых (незадолго до своего закрытия, 24 июня) съезд Советов призвал к отправке на фронт. Уже вечером 2 июля в Петрограде начались многотысячные митинги. Восставшие пулеметчики послали своих делегатов в другие части с предложением выступить против Временного правительства. Солдаты столичного гарнизона, еще в марте «гарантированные» от участия

в военных действиях, охотно откликнулись на предложение «поддержать своих товарищей». Прибытие 4 июля в Петроград вооруженных кронштадтских моряков, вызванных большевиками, обострило и накалило и без того сложную и запутанную ситуацию в столице. Движение митингующих постепенно разрасталось.

Стихийные манифестации вооруженных солдат и матросов застали руководство большевиков врасплох. Значительная часть их, особенно членов «военки» и районных большевистских комитетов, была склонна идти до конца. А. В. Луначарский, обращаясь к кронштадтцам с балкона особняка Кшесинской, призывал не останавливаться «ни перед какими средствами, чтобы заставить имущие классы подчиниться воле демократии». Другая часть, в их числе и Ленин, колебалась: «...сейчас брать власть нельзя, сейчас не выйдет, потому что фронтовики не все еще наши...». Тем не менее большевики поддержали выступление, желая якобы придать ему мирный, организованный характер. Фактически, по выражению меньшевика Б. О. Богданова, большевики дали «идеологию движению», которое до этого еще можно было отнести «к бунтарству, к вспышкопускательству примитивных легкомысленных людей».

Российское общество оказалось на грани гражданской войны. По свидетельству Ф. А. Степуна, в июльские дни 1917 г. «в разъяренное красное море с разных сторон вливались черносотенные струи... в столице шел откровенный грабеж». Под воздействием пропаганды большевиков и анархистов ворвавшиеся в зал заседаний Таврического дворца демонстранты требовали от ВЦИК немедленно взять власть. 4 июля в результате столкновения проправительственных сил и 400-тысячной демонстрации было убито более 50 человек и около 650 ранено. Министр юстиции Временного правительства П. Н. Переверзев, желая переломить настроение Петроградского гарнизона, опубликовал часть собранного против Ленина материала с обвинениями его в шпионаже в пользу Германии. Однако независимо от газетных обличений поздно вечером руководство большевиков приняло решение о прекращении демонстрации: энергия бунта себя исчерпала. 5 июля в столицу вступили вызванные с фронта войска.

Выступление генерала Л. Г. Корнилова. После июльских событий положение в стране резко изменилось. Попытка левых партий подстегнуть революционный процесс сместила баланс политических сил вправо.

8 июля ушел в отставку близкий кадетам премьер-министр князь Г. Е. Львов. Временное правительство официально объявило июльские события результатом «заговора большевиков с целью вооруженного захвата власти». 7 июля был издан указ об аресте В. И. Ленина и других большевистских вождей. Большевики перешли на нелегальное положение. Ленин не рискнул отдать себя в руки правосудия и скрылся сначала в Разливе, а затем в Финляндии. Опасность военного переворота заставила власть принять ряд других жестких мер. В Петрограде было объявлено военное положение, воинские части, участвовавшие в демонстрации, были расформированы, закрыты некоторые большевистские газеты. Запрещались уличные собрания и шествия. 13 июля 1917 г. в газетах было опубликовано сообщение о восстановлении на фронте смертной казни и военно-революционных судов. Однако репрессивные меры не носили последовательного

характера, для этого власть не располагала необходимым механизмом их реализации. Лишь 24 июля удалось сформировать второе коалиционное правительство. Пост премьер-министра в нем получил 36-летний А. Ф. Керенский, за которым сохранился портфель военного и морского министра. Заместителем главы кабинета и министром финансов стал член кадетской партии Н. В. Некрасов. Всего в новый кабинет вошли 7 социалистов, 2 члена радикально-демократической партии и 4 кадета. Главными условиями их вхождения в правительство стали требования войны «до победного конца», восстановления дисциплины в армии и борьбы против «экстремистов». Получив от ВЦИК неограниченные полномочия для восстановления дисциплины и титул «правительства спасения революции», социалистическое правительство не спешило ими воспользоваться, пытаясь вопреки обстоятельствам вести страну демократическим путем к Учредительному собранию, противостоя и левой, и правой опасности. В результате такой либеральной позиции центральные и местные структуры большевистской партии продолжали действовать. Л. Д. Троцкий, Ф. Ф. Раскольников, А. В. Ремнев и другие арестованные партийные лидеры большевиков вскоре были выпущены. Проходивший с 26 июля по 3 августа VI съезд РСДРП(б) работал фактически легально.

Большевики оценили происшедшие события как конец двоевластия и установление буржуазной диктатуры. На съезде лозунг «Вся власть Советам!» был снят и взят курс на подготовку вооруженного восстания.

После «июльского шока» в обществе начинают расти настроения в пользу «сильной руки», способной противостоять распаду. А. Ф. Керенский, по мнению правых, не годился на роль диктатора. Умный политик и одаренный оратор, премьер, по мнению его противников, был человеком безвольным. Будучи «заложником демократии», он не мог, а главное, и не хотел строить сильную власть.

В отличие от А. Ф. Керенского жесткими качествами обладал генерал Л. Г. Корнилов. Назначенный 19 июля на пост Верховного главнокомандующего вместо генерала А. А. Брусилова он был весьма популярен среди офицерства. В февральские дни он зарекомендовал себя человеком, преданным революции. Назначением Корнилова Керенский рассчитывал восстановить дисциплину в армии, а заодно и укрепить свою власть. Предложенная Корниловым программа нормализации положения в России через милитаризацию страны — создание «армии в окопах», «армии в тылу», «армии железнодорожников» — нашла в целом поддержку у Керенского. Вероятнее всего Корнилов и Керенский расходились не столько в понимании необходимости сильной власти и даже не в определении ее сути, сколько в роли, которую отводили в ней друг другу. Не случайно после государственного совещания в Москве, созванного 12 августа Временным правительством с целью объединения центристских сил, отношение Керенского к планам Корнилова становится более прохладным, так как на нем главной фигурой становится Корнилов, а не Керенский.

На Корнилова стали возлагать надежды крупные предприниматели, его поддерживали высшие слои офицерства, объединенные Всероссийским союзом офицеров армии и флота, верхи казачества.

Судя по имеющимся свидетельствам, генерал Корнилов наивно стремился подпереть властную структуру со стороны. С болью воспринимая нарастающую разруху и анархию, боевой генерал видел в диктатуре единственный выход из духовной и политической слабости власти. Не стремясь к личной власти, Корнилов вопрос о формах этой власти ставил в зависимость от развития ситуации в стране, от возможности достижения соглашения с премьер-министром, не исключая установления диктатуры даже во главе с Керенским. В разработанном окружением генерала плане установления в России новой формы правления предполагалось поставить во главе страны Совет народной обороны, в состав которого наряду с самим Корниловым, генералом М. В. Алексеевым, адмиралом А. В. Колчаком входил на правах заместителя председателя А. Ф. Керенский.

В атмосфере, когда, по словам А. И. Деникина, «все жаждали, все хотели изменения порядка государственного управления», когда «русская либеральная демократия проявила удивительное отсутствие прозорливости», представители которой «оставались теплыми среди холодных и горячих», корпус Корнилова и офицерские организации, невзирая на преобладание в командном составе их элементов более правых, являлись... в силу сложившейся обстановки и характера организующего центра, орудием либеральной демократии».

Уверенный в поддержке своих начинаний Керенским, Корнилов вечером 24 августа назначил генерала А. М. Крымова командующим Отдельной (Петроградской) армией. Крымову было приказано, после того как произойдет ожидавшееся выступление большевиков, занять столицу и разогнать Петросовет. На следующий день на Петроград планировалось двинуть другие части с фронта.

Большинство государственных деятелей и политиков были на стороне Корнилова — одни активно, другие пассивно. Высшее командование армии ожидало только сигнала, чтобы открыто поддержать его. Власть уходила из рук Керенского, и он в последний момент отказался от блока с Корниловым, фактически предав его. 26 августа на заседании правительства Керенский заявил о мятеже Корнилова, а на следующий день сместил генерала с поста Верховного главнокомандующего. Корнилов приказу не подчинился. Отвергая предъявленное ему обвинение в заговоре и мятеже, он заявил о том, что действовал с ведома правительства. В заявлении Корнилова, переданном утром 28 августа по радио из Ставки, говорилось, что «ему, сыну казака-крестьянина, лично ничего не надо, его цель — довести народ до Учредительного собрания, на котором и будет выбран уклад новой государственной жизни». Не имея достаточных сил, Корнилов не представлял серьезной опасности для правительства.

Для противодействия Корнилову Керенский обратился к демократическим силам страны с призывом защитить завоеванные свободы от военной диктатуры. Для борьбы с корниловщиной правительство пошло на вооружение рабочих. Солдатские и рабочие низы увидели в выступлении Корнилова попытку вернуть старый режим. Самую непримиримую позицию к корниловцам заняли большевики, в корниловские части были посланы агитаторы. Не дойдя до Петрограда, корниловские войска фактически стали небоеспособными. 31 августа, осознав безвыходность положения, гене-

рал Крымов, которому был поручен разгром Петросовета, покончил с собой.

1 сентября в Ставке генерал М. В. Алексеев по приказу Керенского арестовал Корнилова. В этот день Временное правительство, пытаясь укрепить свой пошатнувшийся авторитет, объявило Россию республикой и сформировало для восстановления «потрясенного государственного порядка» так называемую Директорию — коллегию из пяти членов правительства во главе с премьер-министром А. Ф. Керенским.

Корниловские события полностью изменили ситуацию в стране. Правые, потерпев поражение, больше не могли оказывать давление на правительство. На политической арене остались лишь левые силы. Провал выступления Корнилова привел к стремительному нарастанию разрухи и развала, с которыми генерал пытался покончить, наступил полный паралич всей законодательной и политической власти.

Начало нового этапа революции. С изменением настроений, вызванных корниловскими событиями, перед большевиками неожиданно открылись новые перспективы. Политический маятник вновь качнулся влево. Авторитет большевиков в массах резко возрос. По свидетельству Ф. Ф. Раскольникова, «слово «большевик», которое после июльских дней стало ругательством, теперь превратилось в синоним честного революционера, единственного надежного друга рабочих и крестьян».

Процент голосовавших за большевиков на выборах в сентябре в районные думы в Москве дошел до 51,5, тогда как число голосов, поданных за кадетов, сократилось в 3 раза. В других городах картина была сходной. Хотя эсеры и меньшевики преобладали во ВЦИКе, большевики смогли завоевать большинство мест в Петроградском и Московском советах. 25 сентября Н. С. Чхеидзе, возглавлявший Петроградский совет, уступил место председателя примкнувшему к большевикам «межрайонцу» Л. Д. Троцкому, который становится практическим руководителем готовящегося переворота. Уже через неделю Петроградский совет вынес резолюцию о передаче всей власти Советам. В условиях, когда большевики не скрывали своих намерений немедленно начать социалистические преобразования после перехода всей власти Советам, этот призыв был расценен демократическими силами как призыв к неминуемой гражданской войне. Большинство из них исходило из того, что без участия буржуазии в государственных и общественных делах распад в стране лишь ускорится.

Межпартийное сотрудничество революционных сил разваливалось на глазах, все больше превращаясь в открытое противостояние двух политических лагерей — умеренного (кадеты, правые эсеры, меньшевики) и ультрарадикального (большевики, левые эсеры, анархисты). Первые видели опору революции в укреплении демократических институтов в обществе, вторые — в применении оружия. В обоих лагерях самые влиятельные вожди не хотели больше коалиционного правительства. Одни требовали правительства чисто буржуазного, другие — социалистического. Программа большевиков никого всерьез не пугала. Она казалась нелепостью. На проходившем в это время совещании общественных деятелей, собравшем цвет либеральной и умеренно-консервативной России, ни слова не было сказано о Ленине и большевистской опасности. Весь обличительный па-

фос ораторов был сосредоточен на Керенском и Временном правительстве. Керенский и его министры, в свою очередь, по-прежнему видели опасность только со стороны правых.

14—22 сентября в Петрограде проходило Всероссийское демократическое совещание. Его состав был весьма авторитетным и представительным. Совещание было призвано подвести новые опоры под шатающуюся власть Временного правительства, удержать революцию в рамках либеральной демократии, активизировав для этого кооператоров, деятелей профсоюзов, земств, муниципалитетов, казачество. Центральным оказался вопрос, какой характер должна носить государственная власть — должны ли впредь привлекаться к власти цензово-буржуазные элементы. С точки зрения правых, до Учредительного собрания лишь коалиционная власть могла стать реальной преградой опасности гражданской войны. Левые отвергали коалицию с кадетами и настаивали на создании однородно-социалистической власти. В конечном итоге сторонники коалиции с кадетами одержали победу. Большинство высказалось за коалицию. Участники совещания сформировали Всероссийский демократический совет (*Предпарламент*), призванный вплоть до Учредительного собрания открыто противостоять Советам, обеспечить передачу их функций думам, земствам, профсоюзам и другим общественным организациям, не допустить прихода к власти большевистской партии. Демократическое совещание давало демократическим силам последний шанс на реорганизацию власти путем формирования новой коалиции. Однако в силу глубокого раскола революционной демократии этот шанс не был реализован.

25 сентября А. Ф. Керенский сформировал третье и последнее коалиционное Временное правительство. Большинство в нем принадлежало социалистическим партиям. Кадеты вошли в правительство, надеясь активно противостоять большевистскому наступлению, но и это правительство не смогло овладеть ситуацией. Революционизирующие массы устали от бессилия власти.

§ 4. Октябрьский переворот

«Эту власть надо свергнуть». В период своего вынужденного пребывания в Финляндии В. И. Ленин на основе опыта «мирных» вооруженных демонстраций приходит к выводу о том, что, соблазняя меньшевиков и эсеров лозунгами «Вся власть Советам!», большевики никогда не добьются смещения Временного правительства. Излагая свою новую директиву в статье, озаглавленной «К лозунгам», он писал, что отныне пролетариат сможет взять власть в свои руки лишь путем вооруженного восстания. Ленин спешил взять ускользающую из рук Керенского власть, опасаясь, что малейшее промедление обернется потерей партией большевиков авторитета и влияния в массах. Растущее в стране недовольство Керенским, борьбу вокруг состава Временного правительства большевистский лидер расценил как исключительно благоприятную возможность для захвата власти: «эту власть надо свергнуть». В середине сентября он пишет в ЦК два письма, в которых ставит задачу практической подготовки к восстанию. Осенью 1917 г. положение для большевиков складывается чрезвычайно благоприятно. Действительным успехом политики большевиков, проводившейся

после поражения корниловщины под лозунгом «Вся власть Советам!», стало наведение мостов с частью лидеров меньшевиков и эсеров, ранее входивших в демократическую коалицию. В конце сентября большевики впервые за все время революции делаются полными хозяевами столичных Советов. Временное правительство все более утрачивает контроль над страной. Фактически Россия вновь вернулась к состоянию, в котором находилась после свержения монархии. Меньше добывалось угля, железнодорожное сообщение разваливалось. Жизненный уровень большинства населения продолжал падать. Разруха, локауты предпринимателей поставили хозяйство страны на грань катастрофы. Правительством были пущены в оборот новые денежные знаки достоинством 20 и 40 рублей («керенки») без твердого обеспечения. Инфляция обесценивала заработанные деньги, цены на рынках неудержимо ползли вверх, появлялись признаки приближающегося голода, росла безработица. Попытки правительства ввести монополию на хлеб, твердые цены на важнейшие продукты, нормировать снабжение (за счет карточек) не давали эффекта. Окончательная потеря управления властью выражалась в общем хаосе и катастрофическом росте преступности. Близился общий экономический паралич. Вследствие недовольства масс с новой силой развернулось рабочее движение. Число забастовок перевалило за миллион. Экономические требования рабочих перерастали в политические.

В деревне также нарастали революционные настроения. Не дожидаясь Учредительного собрания, крестьяне практически приступали к аграрной революции. В армии во многих частях под давлением солдат и матросов проводилась чистка офицерского состава, действовали армейские комитеты. Столь же мощным было самостоятельное движение народов на национальных окраинах. Сложившуюся ситуацию Ленин характеризовал как общенациональный кризис.

К диктатуре пролетариата большевики шли под маской защитников свободы и революции, утверждая, что растущая анархия позволит правым силам консолидироваться и разгромить демократию.

Новые директивы Ленина поначалу не встретили понимания среди других членов большевистского руководства. Тем более что сам Ленин с начала сентября высказывался за тактику компромиссов. 15 сентября ЦК партии отверг ленинский курс на вооруженное восстание, считая его несвоевременным. Большинство членов ЦИК, присутствовавших на заседании, высказались за уничтожение ленинских писем, чтобы предотвратить выступление масс. Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, высказывая серьезное сомнение в степени популярности партии в народе, возлагали надежды на Демократическое совещание, создание блока из меньшевиков, эсеров и большевиков для проведения коренных реформ. Троцкий рассчитывал, что II Всероссийский съезд Советов, созыв которого был запланирован на вторую половину сентября, сможет легитимно взять власть и сформировать пробольшевистское правительство. Руководимые большевиками Советы стали принимать резолюции с требованием его скорейшего созыва.

Завоевание власти. Несмотря на сентябрьское поражение в ЦК, Ленин продолжал настаивать на взятии власти до открытия II Всероссийского съезда Советов, поскольку тот мог и не принять ожидаемых большевиками

решений. В начале октября Ленин нелегально вернулся в Петроград. 10 октября ЦК РСДРП(б) под его сильным нажимом принял решение о подготовке вооруженного восстания с целью свержения Временного правительства. На заседании ЦК 16 октября идея вооруженного восстания окончательно победила.

В отличие от февраля все политические силы знали о готовящемся вооруженном восстании. 18 октября в газете «Новая жизнь» Л. Б. Каменев от своего и Г. Е. Зиновьева имени открыто выступил против такого решения. Но их демарш ничего не смог изменить. Началась практическая подготовка восстания. Под предлогом защиты столицы от наступавшей германской армии, с подачи большевиков Петроградский совет 16 октября создал Военно-революционный комитет (ВРК), ставший легальным органом по подготовке вооруженного восстания. ВРК направил своих комиссаров в воинские части, на заводы, железные дороги, вооружил отряды рабочей Красной гвардии, которые начали планомерно захватывать ключевые объекты в Петрограде. В случае ожидаемого успеха вооруженного восстания Ленин рассчитывал поставить Всероссийский съезд перед свершившимся фактом.

Фактический паралич центральной власти не позволил ей предотвратить переворот. Не имела успеха и запоздалая попытка меньшевиков и эсеров перехватить инициативу у большевиков.

Принятая 24 октября Предпарламентом резолюция, призывавшая Временное правительство немедленно издать декрет о передаче земли в ведение земельных комитетов и начать мирные переговоры, была отвергнута Керенским. Располагая небольшими силами в Петрограде (несколько отрядов юнкеров, отряд инвалидов и женский батальон), премьер-министр самонадеянно рассчитывал раздавить большевиков, когда они выйдут на улицу.

К утру 25 октября столица была в руках восставших. Военно-революционный комитет в обращении «К гражданам России» объявил о взятии власти. Петроградский совет на дневном заседании приветствовал свержение Временного правительства. Предпарламент был распущен. В ночь на 26 октября был взят Зимний дворец, где заседало Временное правительство, его министры были арестованы. А. Ф. Керенский накануне выехал на фронт, где безуспешно пытался организовать сопротивление перевороту. Генералы, за исключением П. Н. Краснова, отвернулись от него. О своем нейтралитете заявил новый главнокомандующий генерал Н. Н. Духонин. Краснов же смог поднять на поддержку Временному правительству не более тысячи казаков, которые вскоре были рассеяны отрядами Красной гвардии. Поздно вечером 25 октября, когда фактически весь город был в руках большевиков, открылся II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Из 1429 Советов, существовавших в то время в России, на съезде было представлено всего 402. Из 518 делегатов, зарегистрированных к 25 октября, большевиков было 250, 159 эсеров, 60 меньшевиков и др. В ходе работы съезда его состав изменился. Правые эсеры, меньшевики, представители ряда других партий в знак протеста против переворота «средствами чисто военного заговора» покинули съезд, по существу, развязав руки большевикам, по словам Н. Н. Суханова, «уступив им

целиком всю арену революции». Поступившие известия о взятии Зимнего дворца окончательно переломили настроения делегатов съезда. Руководство съездом перешло к большевикам.

Октябрь 1917 г. породили те же силы, что и февраль. По утверждению русского эмигранта Ф. Степуна, «Октябрь родился не после Февраля, а вместе с ним, может быть даже раньше его».

Замедленный характер реформ Временного правительства способствовал стремительному росту стихии народного протеста, активности, желания простыми способами решить назревшие жизненные проблемы. Большевики, точно отреагировав на волну революционного нетерпения, смогли вооружить массы соответствующими политическими программами, что не удалось сделать антибольшевистским силам, не сумевшим преодолеть идейную и организационную разобщенность.

На пути к однопартийной диктатуре. Рано утром 26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов легализовал переход власти к большевикам. В соответствии с принятым воззванием «Рабочим, солдатам, крестьянам» вся власть на местах переходила к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны были «обеспечить в стране революционный порядок». Ленин в полной мере учел печальный опыт Временного правительства, растерявшего кредит народного доверия из-за нежелания брать на себя решение главных задач революции, и вынес на съезд самые насущные из них, которые вполне отвечали народно-утопическим представлениям о справедливости. По тактическим соображениям большевики свои первые шаги сделали под знаменем демократии, а не социализма. Для широких слоев населения в то время слово «социализм» было мало понятным (о социализме большевистские вожди в это время говорят лишь как об отдаленной цели). Для завоевания масс Ленин и его сторонники очень точно отреагировали на поднимающуюся волну народного нетерпения, поставив перед ними цели понятные и привлекательные.

На втором, и последнем, заседании, открывшемся в 21 час, съезд принял декреты «О мире», «Об отмене смертной казни», «О полноте власти Советов», «О земле», «Об армейских революционных комитетах». Первый из предложенных съезду декретов — Декрет о мире — провозгласил выход России из империалистической войны. Война объявлялась преступлением против человечества. Декрет о мире предусматривал отмену тайной дипломатии, незамедлительную публикацию тайных договоров и немедленное начало переговоров о заключении мира. Декрет о земле, подготовленный на основе 242 крестьянских наказов, отражал коренные чаяния крестьян. Хотя этот декрет начинался с заявления о том, что вопрос о земле «во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием», помещичья собственность отменялась немедленно без всякого выкупа. Тем самым большевики решительно перехватили у эсеров инициативу, предопределив их последующий уход с политической арены. Эсеры проиграли большевикам не из-за слабости своих программных установок, а в силу политических ошибок.

Вечером 26 октября было сформировано новое временное правительство, получившее название Совет народных комиссаров. Оно должно было просуществовать до 28 ноября — установленного еще Временным прави-

тельством срока созыва Учредительного собрания. В первый состав Совнаркома (СНК) вошли только большевики. Эсеры и меньшевики не признали законность Октябрьского переворота и отказались войти в правительство. Левые эсеры, поддержавшие на съезде большевиков, также не вошли в правительство, опасаясь окончательного раскола с правыми эсерами. Возглавил правительство В. И. Ленин, ключевыми фигурами стали: А. И. Рыков — нарком по внутренним делам, А. В. Луначарский — нарком просвещения, И. И. Скворцов-Степанов — нарком финансов, Л. Д. Троцкий — нарком иностранных дел, И. В. Сталин — нарком по делам национальностей.

Покинувшие съезд меньшевики и эсеры отказывались признать полномочия правительства большевиков и настаивали на создании однородного социалистического правительства. В ходе переговоров они выдвинули требование об устранении из Совнаркома «персонального виновника Октябрьского переворота — Ленина». Используя свое влияние на Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжель), они под угрозой прекращения всех железнодорожных перевозок потребовали от большевиков введения в состав правительства представителей меньшевиков, эсеров, энесов, назначения главой правительства одного из лидеров партии эсеров (Чернова или Авксентьева), пересмотра политического курса. Программа Викжеля была поддержана Л. Б. Каменевым, Г. Е. Зиновьевым, А. И. Рыковым и некоторыми другими видными функционерами большевистской партии, которые считали, что чисто большевистское правительство в России сможет удержать власть только с помощью политического террора. ЦК большевиков решительно отклонил требования лидеров социалистических партий. Подавшие 4 ноября в отставку Каменев и его сторонники были заклеймлены как дезертиры революции и заменены сторонниками Ленина. Председателем ВЦИК вместо Каменева стал Я. М. Свердлов, наркомом внутренних дел — Г. И. Петровский, наркомюстом — П. С. Стучка. Реальный шанс создания широкой коалиции демократических сил в России как важнейшего условия недопущения гражданской войны был упущен. С этого момента противостояние в российском обществе вновь набирает обороты, а сама большевистская власть приобретает черты однопартийной диктатуры. С первого дня работы СНК стал игнорировать избранный II съездом двухпартийный ВЦИК, призванный контролировать деятельность народных комиссаров.

Боясь разрыва с крестьянством, большевики по инициативе Л. Д. Троцкого сделали уступку лишь левым эсерам. После 10 декабря 1917 г. А. Л. Колегаев, И. З. Штейнберг и еще пять представителей левых эсеров вошли в состав СНК. Левый блок просуществовал до начала июля 1918 г., хотя уже в марте 1918 г. левые эсеры, не приняв ратификации Брестского мира, вышли из СНК.

Становление советской власти на местах. Первый период деятельности советского правительства (до весны 1918 г.) Ленин называл декретным. Не обладая еще реальной властью, большевики с помощью популистских декретов пытались завоевать доверие населения, призывая его к самодеятельности, революционному творчеству, умело направляя ненависть общественных низов к богатеям и старым порядкам.

Разочаровавшись в пустых обещаниях Временного правительства, большинство народа не видело в падении кабинета Керенского катастрофы. По свидетельству современников, в начале ноября священники всех петроградских церквей перестали поминать его на ектеньях.

Но, как сказал во ВЦИКе сам Ленин, «завоевание власти только еще начиналось». Специфика Советов позволила большевикам сравнительно легко захватить власть. Советы были чрезвычайно разнородны по составу, что позволяло им отражать местные региональные особенности. За относительно короткий период — с 25 октября 1917 г. по февраль—март 1918 г., названный Лениным «триумфальным шествием советской власти», большевики смогли утвердиться в 79 из 97 крупных городов России.

Установление советской власти не везде проходило бескровно. Уже 29 октября 1917 г. одновременно с началом выступления казачьих частей генерала П. Н. Краснова в Петрограде восстали курсанты трех юнкерских училищ. Но, не получив реальной поддержки со стороны горожан, они были разгромлены на следующий же день силами красногвардейцев.

Становление большевистской власти в Москве обернулось серьезным кровопролитием. После получения известий о победоносном восстании в Петрограде вечером 25 октября на объединенном пленуме Советов рабочих и солдатских депутатов был создан Московский военно-революционный комитет (МВРК). Имея в своем распоряжении значительные силы Красной гвардии и несколько сотен солдат-«двинцев», посаженных в Бутырскую тюрьму после бунта на фронте, большевики, однако, проявили нерешительность. Под влиянием умеренных большевиков, сомневавшихся в необходимости вооруженного восстания, днем 26 октября члены МВРК начали переговоры с созданным Московской думой Комитетом общественной безопасности (КОБ) с целью передачи власти мирным путем. КОБ также не был склонен к активным действиям. Только 27 октября вечером, под давлением непрерывных митингов юнкеров и студентов командующий военным округом полковник К. И. Рябцев был вынужден объявить военное положение в Москве и предъявил удерживавшим Кремль большевикам ультиматум о сдаче. Поскольку ультиматум был отвергнут, начался захват Кремля. Сторонники КОБ смогли занять Кремль, при этом было убито и ранено с обеих сторон около 100 человек. С этого момента в течение шести дней в Москве шли вооруженные столкновения большевиков и сторонников Думы. Антибольшевистские силы во главе с Комитетом общественной безопасности в эти дни вполне могли сорвать планы большевиков и превратить Москву в опору свергнутого Временного правительства. Однако нерешительность Комитета общественной безопасности позволила ВРК перейти в наступление. Утром 2 ноября после бомбардировки силы ВРК занимают Кремль. На следующий день Москва полностью перешла под контроль большевиков.

Установление советской власти сопровождалось вооруженными схватками в Воронеже, Смоленске, Саратове, Ташкенте, Астрахани, Казани, под Ростовом и в ряде других мест.

На окраинах России советской власти противостояли реальные силы, имевшие поддержку среди многонационального населения и казачества.

Наиболее сильными и опасными для новой власти были выступления казаков на Дону и Южном Урале.

25 октября 1917 г. активный участник корниловского выступления, председатель Войскового правительства генерал А. М. Каледин взял на себя управление в Донской области. Он пригласил в Новочеркасск членов свергнутого Временного правительства и Предпарламента для организации борьбы с большевиками. В ноябре—декабре на Дон стекаются около 20 тыс. офицеров и начинает формироваться Добровольческая армия. Во главе антисоветского вооруженного движения встали опытные военачальники — генералы Л. Г. Корнилов, М. В. Алексеев, А. И. Деникин. В начале декабря под контролем Каледина оказалась значительная часть Донбасса. Здесь было создано антибольшевистское правительство — Донской гражданский совет, которое претендовало на роль всероссийского. Им руководили генералы Алексеев, Корнилов и Каледин. Пытаясь создать коалицию всех антибольшевистских сил (а заодно отвести обвинения со стороны большевиков в монархизме), руководители Белого движения включили в правительство кадета П. Н. Милюкова, «социалиста» Б. В. Савинкова. Был приглашен в Новочеркасск и А. Ф. Керенский, однако он не был принят генералом Калединым. Скорее всего бывший премьер был нужен казачьей верхушке в качестве прикрытия. Коалиции «капиталистов и социалистов» не получилось в силу их глубоких внутренних противоречий. Как впоследствии констатировал А. И. Деникин, «всенародного ополчения не вышло... армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый». Первое общерусское антибольшевистское правительство распалось. Переброска советских войск из-под Харькова и Воронежа обеспечила перелом в ходе военных действий. В конце января 1918 г. части Р. Ф. Сиверса освободили Таганрог. 29 января покончил жизнь самоубийством генерал Каледин. Части Добровольческой армии под командованием Корнилова перебазировались на Кубань. Здесь при штурме Екатеринодара он был убит осколком снаряда.

В ноябре 1917 г. на Южном Урале началось восстание казаков под руководством атамана А. И. Дутова. Дутов, как и Каледин, объявил захват власти большевиками в Петрограде «преступным и совершенно недопустимым». Арестовав членов Оренбургского совета, Дутов открыто встал на путь вооруженной борьбы с большевиками. Он смог на короткое время повести за собой значительную часть оренбургского казачества, недовольного ограничениями их привилегий, о которых заявила советская власть.

Весной 1918 г. советским отрядам под командованием В. К. Блюхера удалось разгромить дутовцев и оттеснить оставшихся в Тургайские степи.

Военные действия большевиков и их противников осенью 1917 г. и в начале 1918 г. носили локальный характер.

Первые шаги большевистского правительства. Главной задачей большевиков в этот период было стремление укрепиться в столицах и в крупных городах. Поддержка снизу, со стороны населения, была возможной лишь за счет уступок интересам социальных низов, в первую очередь рабочих. «У нас нет другой опоры, — писал Ленин, — кроме миллионов пролетариев, которые... сплошь и рядом темны, неразвиты, неграмотны». Чтобы заручиться поддержкой рабочих, в ноябре 1917 г. был декретирован рабочий

контроль, в соответствии с которым рабочие получили возможность контролировать обоснованность найма и увольнений. Фактически же рабочий контроль в это время сводился к распределению доходов между работающими на данных предприятиях. Эта мера позволила большевикам решить сразу два вопроса — переманить на свою сторону определенную часть рабочих, поддерживавших меньшевиков, и завоевать большинство в фабричных комитетах.

Значительную роль в привлечении на сторону большевистской власти мусульманских народов сыграло обращение Совета народных комиссаров (СНК) от 20 ноября 1917 г. «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». «Знайте, - говорилось в нем, — отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными...»

В первые недели после Октябрьского переворота диктатура пролетариата «походя, мимоходом, как побочный продукт... главной, настоящей пролетарско-революционной, социалистической работы» совершила ряд действительно важных демократических преобразований, без осуществления которых большевикам трудно было рассчитывать на поддержку широких социальных слоев.

Декретом СНК от 10 ноября 1917 г. отменялись чины и сословия, права и привилегии чиновников. Уничтожалась старая судебная система. Создавались народные трибуналы, которые руководствовались не законами, а «революционным правосознанием». В армии также отменялись чины, звания, титулы. Был установлен гражданский брак. 21 декабря в России было введено новое правописание, а с 1 (14) февраля 1918 г. — общеевропейский календарь.

ГЛАВА 2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

§ 1. Начальный этап Гражданской войны

Выборы в Учредительное собрание. Созыв Учредительного собрания был мечтой российских либералов и революционеров со времен Александра II. До октября 1917 г. большевики в тактических целях решительнее других требовали от Временного правительства немедленного, безотлагательного выявления народной воли.

Судьба Учредительного собрания была предрешена 25 октября 1917 г. Легкость, с которой был осуществлен переворот, лишь укрепила уверенность большевиков в отсутствии у оппозиции массовой поддержки. Однако придя к власти, большевистские лидеры, связанные данными ими обещаниями, были вынуждены подтвердить намеченную ранее комиссией Временного правительства на 12 ноября 1917 г. дату выборов. Была и другая веская причина, не позволившая большевикам сразу сорвать выборы в Учредительное собрание, — непрочность их положения на местах, царившее там безвластие.

В большинстве избирательных округов страны выборы состоялись 12, 19, 26 ноября. Несмотря на долгие проволочки, Особое совещание Временного правительства подготовило весьма прогрессивный документ — Положение о выборах в Учредительное собрание. Выборы проводились как всеобщие, прямые, тайные, по партийным спискам. Население страны впервые участвовало в демократических выборах высшего органа власти. В голосовании приняло участие около 35 млн человек.

Результаты выборов оказались неблагоприятными для большевиков, которые потерпели полное поражение в таких рабочих регионах, как Урал и Донбасс, собрав большинство в основном в армии.

Главный итог выборов состоял в том, что даже в условиях революционного подъема экстремистские политические силы не получили поддержки большей части голосовавших. В результате выборов социалистические партии в общем итоге набрали около 60% голосов, буржуазно-либеральные (кадеты и др.) — 17%, большевики — 25%, остальные голоса достались национальным партиям, различным общественным союзам. По числу избранных депутатов на первое место вышли эсеры (410 из 715). Большевики получили лишь 175 депутатских мест. Таким образом, радикальный большевистский путь поддерживало очевидное меньшинство. В соответствии с демократической процедурой большевики обязаны были передать власть в руки эсеров, получивших подавляющее большинство голосов (58%). Однако они отказались это сделать, объясняя свое поражение тем, что выборы проходили по избирательным спискам, составленным еще до Октябрьского переворота. Такой состав «хозяина земли Русской» никак не мог устроить большевиков.

Разгон Учредительного собрания. 29 октября Бухарин внес в ЦК предложение изгнать из собрания всех правых депутатов и объявить, по образцу

якобинцев, левое крыло Учредительного собрания «Революционным конвентом».

До начала работы Учредительного собрания Совнарком предпринял ряд превентивных мер, направленных на ослабление лагеря сторонников Учредительного собрания. За участие лидеров кадетов в антисоветских выступлениях кадетская партия была объявлена вне закона. Односторонним актом избранные от нее кандидаты были лишены депутатских мандатов. Были закрыты некоторые оппозиционные газеты и журналы. Полномочия Советов расширялись, а деятельность земств, городских дум, которые могли оказать поддержку правому крылу Учредительного собрания, свертывалась. Ленин настойчиво убеждал городские и сельские низы, что «Советы выше всяких парламентов, всяких Учредительных собраний». Аналогичной позиции в этот момент придерживалась и лидер левых эсеров М. А. Спиридонова, считавшая, что не надо колебаться в вопросе роспуска Учредительного собрания. Сотрудничество левых эсеров с большевиками и создание ими своей партии раскололи партию эсеров. Ленин начал открыто готовить роспуск Учредительного собрания, разработав целый сценарий.

3 января 1918 г., накануне его открытия, ВЦИКом была срочно принята и опубликована Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая предрешала вопрос о власти, объявляя Россию Республикой Советов. Это был программный документ, закреплявший основные результаты Октябрьского переворота. Провозглашались верховная власть Советов в центре и на местах и федеративное устройство России.

5 января в Таврическом дворце открылось первое заседание Учредительного собрания. На нем председатель ВЦИК Я. М. Свердлов ультимативно потребовал принять Декларацию. По существу, речь шла о полной капитуляции собрания перед СНК, о том, что власть целиком и полностью должна принадлежать Советам. Но 237 голосами правых эсеров и меньшевиков против 146 голосов большевиков и левых эсеров Учредительное собрание фактически отказалось обсуждать Декларацию. Поздно ночью в знак протеста большевики вместе с левыми эсерами покинули зал.

Оставшиеся правые депутаты по инерции пытались обсуждать обозначенные в повестке дня вопросы о войне и мире, о земле, о форме правления. Однако они не смогли поставить главный вопрос — о формировании законного, конституционного правительства. Это упущение «революционной демократии» носило судьбоносный характер, так как антибольшевистские силы не получили легитимной основы для будущего противостояния. На следующий день двери дворца оказались закрытыми, а СНК принял декрет о роспуске Учредительного собрания.

Работа Учредительного собрания представляла еще один шанс (после попыток создать однородное социалистическое правительство) для поворота революционной России в сторону парламентаризма, многопартийности, национального согласия. Однако большевики не захотели поделиться властью. Демонстрации в Петрограде в поддержку Учредительного собрания были разогнаны войсками. Советское правительство фактически сосредоточило в своих руках всю власть. Совершив насилие над всенародным

представительством, большевики фактически спровоцировали в стране Гражданскую войну.

Первая советская Конституция. Созванный 13 января 1918 г. объединенный III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов одобрил роспуск Учредительного собрания и создал конституционную базу новой власти. Съезд принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа — первый конституционный акт Советской Республики, в соответствии с которым определялась форма государственного строя страны: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Слово «временное» из наименования советского правительства было исключено. В начале апреля 1918 г. ВЦИК создал конституционную комиссию под председательством Я. М. Свердлова. В нее также вошли Н. И. Бухарин и И. В. Сталин, чей проект и был взят за основу. Проекты левых эсеров и максималистов, в которых делалась попытка рассредоточить власть, развивать местную инициативу, обозначить и защитить конституционные права граждан, были отклонены.

С формально-юридической стороны многие положения первой советской Конституции, принятой 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов, соответствовали западным представлениям о парламентском режиме. В соответствии с Основным законом высшей властью в республике являлся Всероссийский съезд Советов, в период между съездами — Центральный исполнительный комитет в составе 200 человек, который, в свою очередь, избирал правительство — СНК. Правда, в Конституции ничего не говорилось о большевистской партии, которой в условиях однопартийности принадлежала реальная власть в стране.

Новая Конституция не столько создавала новые формы правления, сколько закрепляла стихийно складывающиеся в ходе революции.

Первые четыре главы Основного закона повторяли Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Политический смысл документа определялся задачами утверждения диктатуры пролетариата в «лице мощной Всероссийской Советской власти» в целях полного подавления буржуазии и «водворения социализма».

Положение о ликвидации капиталистических отношений и переводе России на социалистические рельсы легализовывали уже осуществленные меры национализации банков, заводов и фабрик, социализации земли, отмены сословий, отделения церкви от государства.

Конституционные права, закрепляемые документом, носили ярко выраженный классовый характер и предоставлялись только трудящимся. Государство получило право лишать отдельных лиц или социальные слои конституционных и иных прав в случае пользования ими в ущерб социалистической революции. В категорию «лишенцев» по Конституции попали все предпринимательские слои, монахи и служители церкви, бывшие полицейские и жандармы, члены царствовавшего в России дома. Лишение прав распространялось на всех членов семьи, в том числе и на детей. На практике число «лишенцев» целиком зависело от политической конъюнктуры. Конституция устанавливала и явное неравенство избирательных

прав между рабочими и крестьянами. Крестьяне могли направлять от равного количества избирателей в Советы разных уровней в 5 раз меньше своих представителей, чем рабочие.

Впоследствии Ленин неоднократно говорил о том, что лишение избирательных прав значительной части населения России не является обязательным условием диктатуры пролетариата, тем не менее в России большая часть населения таких прав была лишена. Основной закон создавал условия для концентрации всех ветвей власти в одних руках. С помощью конституционных ограничений избирательного права большевики получили возможность без особого труда обеспечивать нужный состав съездов Советов и принимать нужные решения.

Новая смута. В первые недели после большевистского переворота советская власть, не успев родиться, переживала тяжелый кризис. Становление власти сопровождалось ростом социальной напряженности, углублением экономической разрухи.

Вслед за самодержавной властью была разрушена еще не окрепшая после Февраля демократическая власть Временного правительства, его комиссаров на местах, земств, городских самоуправлений. Свергнуть Временное правительство оказалось легче, чем решать созидательные задачи. Власть оказалась в руках большевиков достаточно неожиданно, застав их во многом врасплох. В период формирования СНК многие видные большевики отказывались от предлагаемых им наркомовских должностей из-за боязни не справиться с ответственными и незнакомыми им функциями. Состав нового правительства был сформирован с трудом. Ленин также первоначально не хотел в него входить, предпочитая руководить страной в качестве идейного вождя.

К октябрю 1917 г. большевики не располагали не только конкретными планами строительства социализма в стране, но и схемами организации власти, структур аппаратов, органов управления. В результате после захвата власти у Ленина и его единомышленников в СНК не оказалось реальных рычагов управления страной. Центральные и местные учреждения бездействовали. На Октябрьский переворот госслужащие ответили массовым бойкотом. Закрывались министерства, банки, учреждения. К началу декабря 1917 г. этот способ борьбы принял для большевистской власти угрожающий характер. Чтобы закрепиться у власти, большевикам пришлось отказаться от многих положений марксистской теории об отмирании государства и создавать специальные карательные органы, применять жесткие репрессивные меры. При СНК 7 декабря 1917 г. с целью пресечения «контрреволюционных и саботажнических попыток» была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Попытки левых эсеров подчинить ВЧК Наркомюсту, который они возглавляли в декабре 1917 — марте 1918 г., и тем свести к минимуму ее деятельность успеха не имели.

Не оправдались надежды большевиков на Советы как высший тип демократии. Они не стали той работающей корпорацией, которая издает декреты и сама проводит их в жизнь, о чем писали К. Маркс и Ф. Энгельс. Открытые для всех жаждущих власти, многопартийные, не связанные ника-

кими нормами Советы делали трудной задачу подчинения их центральной большевистской власти. Раскалывая российское общество по социальному, национальному и другим признакам, они неумолимо подталкивали страну к масштабной Гражданской войне. Формальный переход власти в руки Советов, ускорив центробежные тенденции, обернулся усилением хаоса и анархией. Территориально в первые послеоктябрьские дни Советская Россия представляла собой конгломерат не связанных между собой республик и коммун. 18 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК отмечалось, что «на местах Советы делают все, что хотят. Они проводят новые налоги, вмешиваются в государственное управление, в работу таможни». В уездных городах удерживали лидерство меньшевики, эсеры и другие социалистические партии.

Разобщенные, недееспособные Советы не могли решить сложные проблемы, стоящие перед страной, и вполне закономерно политическая система приобрела те формы, которые диктовали реальные обстоятельства, а не теоретические доктрины. Марксизм остался официальной идеологией Советского государства, но определял содержание политики новой власти в той мере, в какой это возможно и приемлемо для самой власти. Если какое-то время после переворота большевистское руководство пыталось использовать диктатуру пролетариата как форму прямого участия рабочих в управлении государством, то вскоре оно отказалось от этих утопических взглядов, равно как и от многих других, с которыми они пришли к власти (о рабочем самоуправлении, о всеобщем вооружении трудящихся. На VII съезде РКП(б) Ленин вполне откровенно говорил о том, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы. Иначе говоря, субъект власти — не сам пролетариат, а его авангард — коммунистическая партия. Постепенно представления о диктатуре партии как единственно возможной форме диктатуры пролетариата становятся главенствующими и получают свое воплощение в организации власти в Советской России.

К концу Гражданской войны главные законодательные права окончательно перемещаются из ЦИК в ЦК РКП(б) и Совнарком.

Война против деревни. Воспользовавшись крестьянской революцией, развернувшейся в 1917 г., для прихода к власти, большевики были вынуждены «в силу особых обстоятельств» стать на время защитниками мелкой собственности. Декрет о земле, принятый II съездом Советов, был пронизан идеей укрепления мелкого частного крестьянского хозяйства и не содержал предложений о переходе к иным формам собственности в сельском хозяйстве. Крестьяне, поверив в возможность самим решать свою судьбу, на деле осуществить свои идеалы, дружно взялись делить захваченную землю. Переделу подвергалась не только помещичья земля, но и владения зажиточных крестьян. Власть, не имея реальных ресурсов для помощи малоимущим крестьянам, поощряла грабеж богатых крестьян, уравнивание их с беднотой, что создавало в деревне состояние гражданской войны. В результате «черного передела» крестьянство получило от 20 до 150 млн десятин земли. В масштабах страны средний общинный надел пахотной земли,

составлявший до революции 1,87 десятины, поднялся до 2,26 десятины на душу. В целом прибавка оказалась незначительной — от 0,5 до 2,2 десятины. Уравнивание крестьянских хозяйств вело к худшему использованию земли, техники, скота, снижалась производительность труда. Вместе с помещиками, большинство которых покинуло деревню, уходили вековые традиции, падала культура земледелия, терялись организационные навыки. В считанные месяцы на нет были сведены все достижения столыпинской аграрной реформы. В 1917—1918 гг. общины нарезали земли по числу едоков; в результате крупные хозяйства стали вытесняться мелкими, а «мелкобуржуазность» страны лишь усилилась.

Укрепив политический режим, большевики вновь вернулись к крестьянскому вопросу. После разгона Учредительного собрания III съезд Советов принял Закон о социализации земли, в котором под давлением большевиков рекомендовались коллективные формы хозяйствования — коммуны, товарищества. Соединение двух утопий — бедняцко-середняцкой и коммунистической – привело на практике к натурализации крестьянских хозяйств, созданию малоэффективного условного землевладения. Крестьяне оказались лишь пользователями земли, обязанными отдавать государству хлеб по твердым ценам, так как большевики не отменили введенный еще 25 марта 1917 г. Закон об установлении государственной монополии на торговлю хлебом. На основании этого Закона все зерно, за исключением необходимого для прокорма крестьянской семьи, подлежало сдаче государству по твердой цене. Крестьянин ответил на эту политику сокрытием излишков зерна и сокращением посевных площадей. Крестьянство, вкусив плоды свободы, хотело распоряжаться не только землей, но и произведенной продукцией, свободно торговать. Выразителем и защитником подобных настроений становились крестьянские Советы. В руководстве многих из них оставались эсеры. Советы Самарской, Симбирской, Тамбовской и некоторых других губерний отменяли монополию государства на хлеб, твердые заготовительные цены, разрешали свободную торговлю. Система государственных продовольственных заготовок из-за этого разрушалась, экономика страны была на пороге паралича. Сокращались поставки продовольствия. Над городами, промышленными центрами нависла угроза голода. В январе 1918 г. хлебный паек в Петрограде составлял 100 г, в Калуге – 125 г. Совнарком, не желая отказаться от монополии, 14 мая 1918 г. ввел в стране режим продовольственной диктатуры. Частная торговля хлебом запрещалась, со спекулянтами велась жестокая борьба. Для борьбы с мешочниками на транспорте выставлялись заградительные отряды. Для изъятия излишков хлеба в деревню направлялись вооруженные рабочие отряды. В поддержку им создавалась специальная продовольственная армия. К лету она насчитывала более 10 тыс. человек, а к концу года – 40 тыс. В деревне из бедноты формировались чрезвычайные органы — комитеты бедноты (комбеды). Часть изъятого у крестьян хлеба шла в город, другая распределялась среди деревенской бедноты. Конфискационные действия находили поддержку в деревне среди беднейших слоев населения, вовлекая в противостояние новые социальные группы населения.

Не сумев весной 1918 г. наладить (из-за отсутствия промышленных товаров) товарообмен с деревней, большевики все шире применяли военную силу при сборе хлеба в деревне, обосновывая свои действия революционным правом и демагогическими заявлениями о защите городских и сельских пролетариев.

Гражданская война в деревне. Аграрная, и особенно продовольственная, политика большевиков создала условия для разжигания в деревне гражданской войны. В мае 1918 г. председатель ВЦИКа Я. М. Свердлов поставил перед органами власти задачу разжечь «гражданскую войну в деревне», организовать и вооружить бедноту для удушения кулаков. Ко времени большевистского переворота в российской деревне, особенно в аграрных губерниях центра, кулаки еще не порвали связи с общиной, и большинство из них мало чем отличались от бедняцко-середняцкой массы. Отмена частной собственности и другие мероприятия большевиков, направленные на ограничение социальной активности кулаков, превратили их в противников советской власти. Серьезной угрозы для нее в силу своей малочисленности и распыленности кулаки не представляли. Однако, пока деревня находилась под идейным влиянием эсеров, власть большевиков в городе не могла быть прочной, поэтому большевикам и потребовался классовый враг в деревне. С помощью комбедов крестьянство искусственно раскалывалось на «трудовое» (малоимущее, бедняцкое) и «мелкобуржуазное» (товаропроизводящее, предпринимательское) с целью столкнуть их в ожесточенном классовом противостоянии. Комбеды стали символом насилия. Характер их деятельности в ряде хлебородных губерний был еще более конфронтационен, нежели в центре, так как противоречия среди крестьян производящих губерний, в целом более зажиточных, были острее.

Декреты, изданные большевиками в период с мая по июнь 1918 г., преследовали несколько целей: подавить политически активное крестьянство, объявив его кулачеством, заставить крестьян выполнять государственные повинности, подорвать общинное землевладение и заложить основы для создания коллективных хозяйств, добыть продовольствие для промышленных центров.

В июле 1918 г. Ленин объявил кулакам беспощадную войну. Диктатура города вызвала ответную волну. Среди крестьянства вспыхивали многочисленные восстания. Особенно сильное недовольство политикой большевиков возникло в производящих районах — в Поволжье, на Дону, в Сибири, на Северном Кавказе. В Центральной России летом 1918 г. произошло не менее 130 выступлений против действий продотрядов и насильственного насаждения комбедов.

Через три месяца продовольственной диктатуры в России разразился «июльский кризис». Левые эсеры в знак протеста против антикрестьянской продовольственной политики и ленинского курса на разжигание гражданской войны в крестьянстве отстранились от участия в работе СНК. Они требовали для выхода из продовольственного кризиса привлечения частного капитала, материального стимулирования держателей хлеба, введения свободной торговли хлебом. Летом 1918 г. шаткий блок большевиков и левых эсеров окончательно распался.

Распад империи. Серьезной проблемой для новой власти стал лавинообразный распад Российской империи. Октябрь еще больше ускорил стихийное национальное движение, которое возглавили национальная интеллигенция, предпринимательские слои, местное духовенство, буржуазные и умеренные социалистические партии. Движение обретает не только новых лидеров, но и новые цели. Независимости начинают требовать даже те народы, которые до революции не мечтали даже об автономии. Фактическое самоопределение народов не вписывалось в стратегические планы большевиков. До 1917 г. В. И. Ленин был сторонником сохранения мощного унитарного государства. «Мы в принципе против федерации, — подчеркивал он в письме к С. Г. Шаумяну зимой 1913 г., она ослабляет экономическую связь, она негодный тип одного государства... Автономия есть наш план устройства демократического государства. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения...» И самоопределение, и право на отделение, а не само отделение большевики использовали в тактических целях для «классовой дифференциации внутри наций» как привлекательный для «националов» демократический лозунг и как предпосылку создания централизованного унитарного государства. Лишь под напором национально-освободительного движения в Польше, Финляндии и других национальных окраинах империи большевики обращают внимание на возможность федеративного устройства социалистического государства. Однако и после Октябрьского переворота федерация по-прежнему рассматривалась большевистскими лидерами лишь как переходный от капитализма к социализму тип государственности. В Декларации прав народов России, принятой через неделю после Октябрьского переворота, были провозглашены лишь общие принципы национальной политики. Не был четко определен характер федеративного устройства России и в первой советской Конституции.

Она закрепила принцип унитарности нового государства, при этом народы получили право на создание автономных областных союзов. Центральные власти таким образом пытались расколоть национальное движение, нейтрализовать сторонников полного самоопределения. И. В. Сталин, возглавив Комиссариат по делам национальностей, объявил гражданскую войну тем местным правительствам, которые отстаивали самоопределение своих народов (на Украине, в Закавказье).

Чтобы удержать движение к самоопределению в социалистических рамках, большевики, опираясь на силу, попытались использовать повсеместно созданные на окраинах Советы для советизации национальных районов и последующее их присоединение к Советской России и для создания единого хозяйственно-политического организма. В конечном итоге практическое решение вопроса удержания освободившихся народов определялось реальным соотношением сил между советской властью и созданными на окраинах национальными правительствами, наличием или отсутствием на их территории вооруженных сил других государств. Советское правительство легко признало независимость Польши, территория которой была оккупирована немцами. По иному сценарию развивались события в Финляндии и на Украине, где провозглашение национальной независимости

сопровождалось гражданской войной. 18 декабря 1917 г. Совнарком, после того как финский сейм принял Декларацию об объявлении Финляндии независимым государством, издал декрет о предоставлении независимости Финляндской Республике. Большевики рассматривали этот акт как необходимую меру доверия для последующего объединения. Вместе с тем советские войска оказали поддержку местным большевикам, которые смогли на полтора месяца захватить власть в Гельсингфорсе.

На Украине после Октября 1917 г. Центральная рада, опираясь на фронтовые части, состоявшие из этнических украинцев, провозгласила себя верховной властью. В январе 1918 г. в результате вооруженного выступления просоветских сил и при поддержке Красной армии Центральная рада была изгнана из Киева. Заключив 27 января 1918 г. сепаратный договор с Германией, Рада при поддержке германской армии восстановила свою власть. Однако вскоре вместо нее на Украине было создано прогерманское марионеточное правительство во главе с гетманом П. П. Скоропадским. На время Киев стал одним из центров антибольшевистского движения.

С использованием жестких методов советизации проходил процесс самоопределения в Закавказье. Здесь вслед за провозглашением независимости правительствами муссаватистов, дашнаков, меньшевиков в этих республиках начинались, как правило, инспирированные большевиками восстания трудящихся, к которым на помощь приходили части Красной армии и обеспечивали насильственную советизацию.

В Прибалтике дважды менялось направление самоопределения. Вначале в 1918 г. здесь были провозглашены независимые советские республики, которые установили тесные связи с большевистской Россией. Затем при поддержке германских войск в Эстонии, Латвии, Литве к власти пришли буржуазные национальные правительства.

В мае 1918 г. националистическое правительство Северного Кавказа, возникшее до Октября, заявило о независимости Северо-Кавказского государства с отделением его от Советской России.

С образованием на обломках рухнувшей Российской империи группы независимых государств, избравших путь буржуазно-демократического развития, в Советском государстве усиливались сепаратистские тенденции, грозившие дальнейшим распадом России. На границах новых независимых государств разрастались военные конфликты. Принципиально новая историческая обстановка в середине 1918 г. потребовала от большевистских лидеров изменения национальной политики.

§ 2. Брест: «революционный» выход из мировой войны

На пути к сепаратному миру. Первым внешнеполитическим декретом, изданным советской властью, стал Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября 1917 г. До захвата власти большевистские вожди фактически не касались вопросов будущих межгосударственных отношений. В силу доктринальных причин они были уверены, что вслед за революцией в России разразится мировая революция. Более того, Ленин и его ближайшие сторонники рассматривали победу мировой коммунистической революции как главное условие удержания власти. И поэтому, при-

зывая воюющие народы и их правительства заключить мир без аннексий и контрибуций, они рассчитывали разрушить существующий миропорядок. Обращение к народам, минуя их правительства, стало частью революционной стратегии большевиков: противопоставляя трудящихся буржуазным правительствам, они хотели разжечь мировой революционный пожар. В то же время большевики понимали, сколь важна для укрепления их власти задача быстрейшего вывода страны из войны.

Для проведения социалистической внешней политики 9 ноября 1917 г. был учрежден Народный комиссариат иностранных дел (НКИД). Первый советский нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий видел свою задачу на новом поприще в том, чтобы выпустить «несколько революционных прокламаций... а потом закрыть лавочку». Только в ноябре—декабре 1917 г. НКИД, реализуя положение Декрета о мире об отмене тайной дипломатии, опубликовал свыше 100 соглашений относительно сфер влияния и планов передела мира, заключенных Россией с другими странами Антанты.

Первое столкновение с действительностью разрушило многие утопические иллюзии большевиков. Ни одна из стран Антанты не ответила на мирные предложения советской власти. Руководители военных миссий союзных стран при Ставке Верховного главнокомандующего Н. Н. Духонина заявили решительный протест возможной приостановке военных действий, угрожая в противном случае политическими, экономическими и военными санкциями против Советской России. 28 ноября 1917 г. на Парижской конференции Верховный совет Антанты принял решение о контроле над развитием русской внешней политики. С этой целью в декабре 1917 г. Англия и Франция заключили договор о разделе сфер влияния: английская зона — Северный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия; французская зона — Бессарабия, Украина и Крым. Воспользовавшись этим договором, Румыния, опираясь на поддержку Франции, уже в январе 1918 г. оккупировала Бессарабию. Лишь Германия, рассчитывая облегчить свое критическое военное положение, согласилась вести мирные переговоры.

Декрет о мире резко ослабил позиции самой России. Ускорилось разложение армии, было потеряно управление фронтами. Патриотически настроенному офицерскому корпусу, выступавшему за продолжение войны до победы, защиту национальных интересов, противостоял рядовой состав, стремившийся домой для участия в начавшемся переделе земли. Огромная армия численностью около 8 млн человек оказалась фактически небоеспособной.

Первоначально советская власть попыталась претворить в жизнь программные положения РСДРП(б) о замене регулярной армии всеобщим вооружением народа. Единоначалие в армии было заменено выборностью командного состава вплоть до Верховного главнокомандующего, им вскоре стал прапорщик Н. В. Крыленко. Также были отменены все армейские чины и звания. Реализация этих мероприятий окончательно разложила старую армию.

Попытки создания новой Рабоче-крестьянской Красной армии (декрет о ее создании был принят 15 января 1918 г.) на основе классового принципа — «из наиболее сознательных и организованных элементов трудя-

щихся классов» — также не дали ощутимых результатов. Пришлось отказаться и от попыток сформировать новую армию на принципах добровольности. Желающих служить в армии было намного меньше, чем требовала обстановка.

Лишь 29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление о принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную армию. Специальным секретным постановлением СНК было разрешено принимать на службу в Красную армию военных специалистов старой армии, хотя имущие слои населения лишались права служить в армии и иметь оружие.

Не оправдались надежды и на революционизирующее воздействие декрета. Поэтому Ленин был вынужден, идя вразрез с положениями Лондонского договора от 5 сентября 1914 г., без предварительных консультаций с союзниками начать переговоры с Австро-Венгрией, Германией, Болгарией и Турцией.

Брестский мир. Официальные сепаратные переговоры с Германией начались в г. Брест-Литовске 20 ноября 1917 г. и тянулись с перерывами до начала марта 1918 г. К концу 1917 г. экономическое положение стран Четверного союза было настолько тяжелым, что мирный договор с Россией был им нужен не меньше, чем большевикам. Кроме того, германское правительство, идя на переговоры, рассчитывало получить определенные льготы для своих предпринимателей на российском рынке.

Советская делегация, получившая инструкции затянуть переговоры, предложила вести их на базе Декрета о мире, т. е. мира без аннексий и контрибуций. В свою очередь, представители Четверного союза требовали отделения от России Польши, Курляндии и Литвы, которые к моменту переговоров уже были оккупированы немцами. Зашедшие в тупик переговоры были отложены и возобновились лишь в конце декабря. Поначалу Л. Д. Троцкий, назначенный главой делегации, полагал, что он сможет использовать угрозу мировой революции как инструмент давления на германскую делегацию. Однако руководитель германской делегации Р. фон Кюльман сразу же потребовал аннексии всей территории, примыкающей к Балтике, части Белоруссии и огромную контрибуцию. Германская сторона предполагала сохранение за собой обширных оккупированных областей общей площадью 150 тыс. кв. км, чтобы иметь возможность выкачивать из них продовольствие, сырье, другие материальные ценности; отказ России от Польши, Финляндии, Эстонии, Лифляндии, Молдавии; предоставление Германии ряда льгот в российской экономике.

Условия, выдвинутые Германией на переговорах, раскололи руководство большевиков на две части.

Группа левых коммунистов во главе с членом ЦК РКП(б) Н. Н. Бухариным, принципиально отрицая возможность каких-либо компромиссов между Советской Россией и капиталистическим миром, настаивала на революционной войне с Германией. Против заключения мира был и Л. Д. Троцкий, который выдвинул формулу, ставшую знаменитой: «Ни мира, ни войны». Россия должна была прекратить переговоры и односторонне объявить войну законченной. Тем самым Троцкий также рассчиты-

вал подтолкнуть мировую социалистическую революцию на путь «революционной войны».

В. И. Ленин, которого поддерживали И. В. Сталин, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, учитывая шаткость советской власти, настаивал на принятии германских требований. Он хотел сохранить большевистскую власть любой ценой. Возражая своим оппонентам, Ленин подчеркивал, что для ведения революционной войны Россия не располагает ни армией, ни ресурсами. Главное же — советская политика впредь должна определяться внутренними причинами, «поскольку нет уверенности в том, произойдет ли революция за рубежом».

9 февраля 1918 г. Германия и ее союзники подписали сепаратный мирный договор с Центральной радой, в соответствии с которым новое националистическое правительство Украины обязывалось поставлять Германии сырье и продукты питания. В соответствии с этим договором немецкие и австрийские войска тотчас вступили на территорию Украины.

На следующий день Кюльман предъявил советскому правительству ультиматум немедленно подписать договор на германских условиях. Троцкий ультиматум принять отказался, но выступил с декларацией о прекращении переговоров и демобилизации армии. Воспользовавшись этим, 18 февраля 1918 г. германские войска начали наступление по всему фронту, захватили Двинск, Оршу, Минск. На юге наступали австрийские и венгерские части. Фактически без сопротивления со стороны Красной армии была оккупирована территория в 1 млн кв. км. Реальная опасность потери власти заставила большевиков принять срочные меры. Написанный Лениным декрет СНК «Социалистическое отечество в опасности!» обязывал направить все силы и средства страны на дело революционной обороны. Для отпора немецким войскам, двигавшимся на Петроград, на фронт направлялись балтийские матросы, первые полки создаваемой Красной армии, латышские стрелки. Война с большевиками стала принимать затяжной характер. Это вынудило Берлин пойти на возобновление переговоров, при этом германская сторона выдвинула новые, более тяжелые условия мира. Теперь они включали освобождение от российских войск всей Прибалтики, Украины, Финляндии, демобилизацию армии и флота, восстановление невыгодного для России русско-германского торгового договора 1904 г. К Турции отходила территория с городами Карс, Ардаган, Батум. Оговаривалась государственная независимость Украины и Финляндии. Ценой огромных усилий (вплоть до угрозы уйти в отставку со всех постов) Ленину удалось убедить большинство в ЦК партии и ВЦИКе принять эти условия. 3 марта 1918 г. мирный договор с Германией был подписан. 27 августа 1918 г. в развитие этого договора в Берлине было заключено финансовое соглашение между двумя странами, по которому советская сторона обязалась выплатить контрибуцию 6 млрд марок. Прозорливо пойдя на унизительный мир, Ленин смог выиграть необходимое время. Договор при всех его недостатках установил четкий приоритет внутриполитических целей над внешнеполитическими: выживанию Советского государства отдавалось предпочтение перед экспортом революции за рубеж.

Условия «похабного», по определению Ленина, Брестского мира оказались весьма тяжелыми для России. Чтобы удержаться у власти, обеспечить успех революции, большевики отказались от территории, на которой проживало 56 млн человек (почти треть населения страны). Не менее тяжелыми были политические и внешнеполитические последствия Брестского мира. В марте 1918 г. в знак протеста из правительства вышли левые эсеры; с этого момента советское правительство вновь становится однопартийным. Тем самым усилился опасный раскол в обществе, исчезла последняя возможность достижения общественного консенсуса. Широкие слои населения, прежде всего интеллигенция и офицерство, восприняли Брестский мир как прямое унижение национального достоинства. Не случайно после его заключения белогвардейские добровольческие силы на юге страны получили мощную подпитку: их численность возросла на порядок. Белое движение получило поддержку со стороны сил Антанты. Версальский мирный договор, подводивший итоги Первой мировой войны, был подписан без участия России. Страна оказалась в изоляции. Установилась ее военно-дипломатическая блокада.

§ 3. Политика «военного коммунизма»

От теории — к практике. Захват власти большевиками знаменовал собой начало нового этапа в социально-экономическом развитии России. До переворота в соответствии с марксистской доктриной будущее социалистическое хозяйство представлялось большевистским теоретикам как одно большое предприятие, «единая фабрика», руководимая единым центром по общему хозяйственному плану. Предполагалось, что в экономике частная собственность будет ликвидирована и осуществится полное обобществление производства, «непосредственно общественный характер» которого будет обеспечиваться не рыночными связями, опосредованными деньгами, а прямыми связями между производителями и потребителями.

В силу доктринальных причин важнейшим программным требованием российской социал-демократии становится построение в стране плановой системы хозяйствования. Большевики связывали переход к планово-распределительной системе с национализацией ключевых сфер производства, принудительным синдицированием промышленных предприятий, привлечением рабочих к управлению. Формулируя в своих работах, написанных летом – осенью 1917 г., концепцию построения планового хозяйства, Ленин особое внимание уделял банкам как главному инструменту, с помощью которого можно «на деле, а не на словах, наладить контроль за всей хозяйственной жизнью».

Таким образом, «красногвардейская атака на капитал» в первые месяцы после Октябрьского переворота не носила характера чистой импровизации. Большинство мер по экспроприации частной собственности в этот период диктовалось не только соображениями по укреплению власти большевиков в условиях разгорающейся Гражданской войны, но и желанием реализовать на практике утопический идеал. Именно в силу доктринальных причин большевики стали проводить политику, противоречащую интересам и желаниям подавляющего большинства населения России. Лени-

на в первые месяцы интересовали отнюдь не вопросы стабилизации экономики, повышения ее эффективности, сколько необходимость ликвидации не поддающихся государственному контролю имущих классов. Поэтому вопреки сопротивлению Наркомата финансов он настаивал на ускоренном решении вопроса о ликвидации старых бумажных денег. Немедленные шаги к социализму лишь усиливали разруху. Нетерпение, желание ускорить ход истории сыграли важную роль в складывании в 1918—1920 гг. основных черт «военного коммунизма». Многим большевистским вождям, включая Ленина, коммунизм представлялся чем-то близким, отчасти уже реально существующим: «Через полгода у нас будет социализм и мы станем самым могущественным государством в мире», — объяснял он своим единомышленникам. Не случайно хорошо его знавший Г. В. Плеханов говорил, что храм его «научного социализма», в котором он священнодействует, находится на «острове утопии».

Не имея возможности осуществить свои утопические замыслы в адекватной, цивилизованной форме на путях развития производства, большевики уже в первые послеоктябрьские дни широко используют принуждение, директивно-приказные и популистские меры. При этом большинство декретов СНК этого времени так и осталось декларациями о намерениях, не став реально действующими законами. Все годы Гражданской войны в России существовал частный сектор, устоявший несмотря на все попытки властей его ликвидировать, продолжали функционировать деньги. На черном рынке можно было купить любой товар — от булавок до бриллиантов.

При отсутствии конкретного плана социально-экономических преобразований Ленин предложил начать их «сразу и снизу, и сверху». Именно благодаря инициированному властями давлению снизу, со стороны рабочих коллективов, процесс экспроприации частной собственности обрел широкий размах и высокие темпы. Наголкнувшись на растущее сопротивление предпринимателей, принимавшее формы саботажа, локаутов, закрытия предприятий, рабочие коллективы стихийно пошли по самому короткому пути — захвату предприятий. Уже 17 ноября была национализирована Ликинская мануфактура (Орехово-Зуево), владелец которой отказался подчиниться рабочему контролю. К весне 1918 г. было национализировано свыше 800 предприятий, включая Путиловский завод в Петрограде и каменноугольные предприятия в Юзовке. Первоначально в планы Ленина входили лишь национализация финансовых учреждений и объединение в синдикаты промышленных и торговых предприятий.

Большие надежды в связи с этим большевики возлагали на рабочий контроль, который виделся им вначале как инструмент планомерного регулирования народного хозяйства. Декретом от 14 ноября 1917 г. о рабочем контроле на частных предприятиях вводился режим контроля за деятельностью их владельцев, отменялась коммерческая тайна.

Предполагалось, что рабочий контроль быстро укрепит государственное регулирование народного хозяйства. Практика довольно скоро показала, что новый коллективный хозяин предприятий в лице фабзавкомов склонен рассматривать национализированные предприятия как свою соб-

ственность. Фабзавкомы, руководствуясь прежде всего интересами собственного предприятия, с «рвением... старались перебить сырье и топливо у конкурента», начинали действовать вместе с предпринимателями. Дело дошло до того, что Центральный комитет профсоюза водников потребовал передать управление торговым флотом коллегии водников, что, естественно, не могло найти поддержку Совнаркома. Синдикалистские настроения многих фабзавкомов — вторая из важнейших причин ускорения процесса «экспроприации экспроприаторов».

Не сумев с помощью рабочего контроля обеспечить хотя бы в сколько-нибудь существенных масштабах плановое хозяйствование, большевистское руководство на основе его центрального органа создает новый рабочий контроль. 2 декабря 1917 г. решением ВЦИК был создан Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), который замышлялся как единый центр руководства экономикой страны, способный заменить собой функции рынка и денег.

Общее кредо его деятельности впоследствии будет сформулировано **В. В.** Оболенским (Н. Осинским), назначенным 11 декабря 1917 г. председателем ВСНХ и одновременно наркомом по организации и урегулированию производства: «Рынок уничтожается, продукты перестают быть товарами, деньги умирают. Товарообмен заменяется сознательным и планомерным распределением и передвижением продуктов». Чтобы подготовить переход от рабочего контроля к непосредственному управлению народным хозяйством, ВСНХ получил большие полномочия по конфискации и принудительному синдицированию частных предприятий. В его ведение попадали все отрасли экономики — от финансов до сельского хозяйства. В большинстве регионов страны создаются местные органы управления экономикой — Советы народного хозяйства (Совнархозы), решения которых становились обязательными для местных Советов. По мере национализации промышленных предприятий при отделах ВСНХ появляются новые органы — главки, которые по вертикали осуществляли отраслевое управление.

На практике ВСНХ лишь пытался управлять национализированными промышленными предприятиями, так и не став действительным центром планового хозяйствования. Крайняя централизация и отсутствие у предприятий внутренних экономических мотивов к эффективному ведению производства превратили его в орган непосредственного управления многими тысячами предприятий. Рождается тяжелейшая болезнь советского управления — «главкизм», т. е. мелочное распоряжение огромным числом предприятий. Менее чем за год ВСНХ превратился в мощного бюрократического монстра. Численность работающих в нем увеличилась с 328 до 6 тыс. человек, количество главков приблизилось к 50.

Начало экономических преобразований. Взяв курс на коллективную собственность, большевистское руководство приняло целый ряд декретов, направленных против частной собственности. Наиболее важными среди них были известный Декрет о земле и Декреты (от 27 апреля и 20 мая 1918 г.) об отмене наследований и дарений. 14 декабря 1917 г. были захвачены, а затем национализированы частные банки -- в руках большевиков оказался золо-

той запас страны и возможности денежной эмиссии. Через месяц ВЦИК отказался выплачивать долги внешним и внутренним кредиторам. Вслед за этим Ленин попытался провести через ВСНХ свой проект декрета о социализации народного хозяйства, в котором, в частности, предусматривалась национализация всех акционерных обществ, но не добился успеха. Большинство членов бюро сомневались в том, что все предложенные меры можно осуществить сразу. Тем не менее вопреки позиции ВСНХ в Совнаркоме начиналась работа по национализации морского и речного флота и нефтяной промышленности.

С каждым месяцем масштабы национализации нарастали. В мае 1918 г. СНК принял решение о национализации отдельных отраслей промышленности, в июне — всей крупной промышленности. К концу года основная масса предприятий тяжелой индустрии была обобществлена. В результате «красногвардейской атаки на капитал» открытое сопротивление собственников было подавлено, однако распад экономики ускорился.

С точки зрения финансов, поддержания кредита и устойчивости денег всеобщая национализация означала полную катастрофу. Переходящие к государству предприятия освобождались от уплаты всех долгов, их полное содержание, в том числе и выплата заработной платы сотням тысячам рабочих и служащих, перекладывалось на госбюджет, источником подобного финансирования могла быть только эмиссия денег. Финансовая стабилизация, ограничение инфляции, укрепление рубля становились невозможными.

Все попытки улучшить экономическую ситуацию в стране успеха не имели. Весной 1918 г. сорвалась первая общегосударственная кампания по организации обмена с деревней (промышленные товары на продукты питания). Не хватило ни кадров, ни товаров. Также не удалась попытка насильственно привлечь кооперацию к заготовкам и распределению продуктов питания. Заготовки в деревне снизились до катастрофического уровня. Тщетными были попытки оживить транспорт. «Грозящая катастрофа» в экономике, о которой писал Ленин до переворота, стала реальностью.

После заключения Брестского мира и выхода из войны большевиков больше не могла устраивать классовая самодеятельность пролетарских низов под лозунгом «Грабь награбленное». В работе «Очередные задачи советской власти» Ленин попытался сменить тактику, временно приостановив дальнейшее наступление на капитал, снизить темп национализации, шире использовать частные предприятия и буржуазных специалистов.

Весной 1918 г. Ленин по-прежнему собирался строить экономику, опираясь преимущественно на военную силу; он лишь предлагал в тактических целях сделать акцент на организацию производства и управление тем, что уже было захвачено. Ситуация всеобщего распада требовала восстановления дисциплины, налаживания учета и контроля, поднятия персональной ответственности. Идея устойчивого и долгосрочного соглашения Советского государства с предпринимательскими кругами была положена в основу программы государственного капитализма.

Во многом отличались от программных установок Ленина предложения заместителя наркома финансов И. Э. Гуковского, уже в апреле 1918 г.

предложившего комплекс мер, весьма близкий к тому, что впоследствии получило название «новая экономическая политика». Под ее влиянием Ленин радикально изменил содержание первоначального варианта статьи «Очередные задачи советской власти». Однако в тот период для Ленина «военный коммунизм» был единственно возможным способом навязать социализм неподготовленной стране.

Смена тактики не помогла большевистской власти переломить тенденцию тотального обобществления. Классовый пролетарский эгоизм брал верх над общенациональными интересами, вел к обострению социально-экономических отношений в стране.

В рядах большевистской партии революционный экстремизм подпитывала группа левых коммунистов, которую возглавляли Н. И. Бухарин, Н. Осинский, К. Б. Радек. Левые, убежденные в скором крушении мировой империалистической системы, призывали покончить с частной торговлей, отказаться от мер поощрения буржуазных специалистов, укрепления трудовой дисциплины.

Идеология и практика «военного коммунизма». К осени 1918 г. в стране складывается жестко централизованная социально-экономическая система, получившая со временем название «военный коммунизм».

«Военный коммунизм» стал первым широкомасштабным коммунистическим экспериментом. Многие его черты были стихийным результатом действия Гражданской войны и связанной с ней разрухи. Но в целом «военный коммунизм» по первоначальному замыслу большевистских лидеров преследовал более широкие цели. По свидетельству Л. Д. Троцкого, советское правительство рассчитывало постепенно, «без нарушения системы» перейти к подлинному коммунизму. Ближайшим прообразом военно-коммунистической системы стала чрезвычайная политика, проводившаяся во время Первой мировой войны в Германии и известная как «военный социализм». Быстрое утверждение военно-коммунистических начал в общегосударственном масштабе не в последнюю очередь связано с общей экономической и культурной неразвитостью России, отсутствием в ней гражданского общества и демократических традиций.

Основой военно-коммунистической модели стала безудержная искусственная централизация и милитаризация власти, производства, распределения и снабжения. Важнейшей политической особенностью «военного коммунизма» являлось понимание диктатуры пролетариата как власти, опирающейся непосредственно на насилие и не связанной никакими законами. В условиях начавшейся Гражданской войны и разрастания экономического кризиса Совет рабочей и крестьянской обороны во главе с Лениным сконцентрировал всю полноту власти в стране, одновременно расширились полномочия центральных исполнительных органов власти (правительства, наркоматов, ведомств). Плодились новые чрезвычайные органы (например, система чрезвычайных уполномоченных Совета обороны (ЧУСО) по снабжению Красной армии и флота). В чрезвычайные органы превращались главки и комитеты ВСНХ. В основе систем управления лежали простые принципы, доступные при разваливающейся экономике и малоквалифицированных кадрах: монополизация произведенного про-

дукта, централизованное распределение, натурализация обмена, приказной (директивный) метод управления, принуждение к труду.

В финансово-экономической сфере «военный коммунизм» проявился в ориентации на полную ликвидацию денег, кредита, банков, в организации в рамках государственного хозяйства безденежных расчетов и натурализации экономики. По предложению Ю. Ларина (М. З. Лурье) широко использовался печатный станок для подрыва экономической автономности и экспроприации состоятельных слоев. К 1920 г. печатный станок Наркомфина превратился в «пулемет», «который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции». Результатом такой политики стала гиперинфляция, превращение денег в раскрашенные бумажки — коробок спичек стоил миллионы совзнаков. В результате разрушения финансовой системы экономика переходит к натуральному обмену.

Трагическая парадоксальность сложившейся в годы «военного коммунизма» ситуации проявилась в том, что сужение сферы товарно-денежных отношений, введение, казалось бы, в интересах пролетарского населения бесплатного распределения продовольственных продуктов, предметов широкого потребления, отмена платы за всякого рода топливо, квартирной платы и оплаты коммунальных услуг, платы за аптечные лекарства и продукцию печати, ликвидация денежных налогов и взаимных расчетов между национализированными предприятиями не только не улучшили положения рабочих и служащих, а, наоборот, подорвав заинтересованность в эффективном труде, усугубили его. Эти же меры способствовали широкому распространению иждивенческих настроений. Как отмечают современники, в годы «военного коммунизма» никто не жалел дефицитной электроэнергии, в реквизированном у «буржуев» жилье «везде горели люстры».

Поскольку деньги постоянно обесценивались, одним из важнейших элементов «военного коммунизма» стало установление прямого продуктообмена между городом и деревней. Цель этой политики — сосредоточение продовольствия в руках государства для обеспечения нужд армии и оборонных предприятий. Осенью 1918 г. в деревне последовательно были испробованы различные методы заготовки продуктов: частные закупки, натуральный продуктообмен, госзакупки по твердым ценам. Но наибольшие результаты дал метод распределения государственных заданий по губерниям. В январе 1919 г. по требованию Наркомпрода продразверстка была распространена на все губернии. В соответствии с декретом излишки продовольствия, оставшиеся от личного потребления крестьянина, изымались по твердым ценам, что в условиях гиперинфляции означало фактически бесплатную конфискацию. При этом часто у крестьян отбиралось и последнее продовольствие, что обрекало их на голод и разорение.

Оправдывая проводимую экономическую политику условиями разрухи, голода, блокады, большевистские вожди одобряли ее и считали необходимой, равно как и насильственные методы ее осуществления. «Пролетарское принуждение, — утверждал Н. И. Бухарин, — во всех своих формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является, как ни па

радоксально звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». В массовое сознание внедрялась мысль о неуклонном движении страны к коммунизму. Коммунистические утопии захватили многие умы. В годы «военного коммунизма» второе дыхание получает рожденный революцией энтузиазм. Широко стал пропагандироваться опыт рабочих – коммунистов депо Сортировочная Московско-Казанской железной дороги, которые в апреле 1919 г. вышли на субботник по ремонту паровозов. С момента своего рождения в 1917 г. Пролеткульт поставил задачу создания и распространения в массах новой коммунистической культуры.

«Военный коммунизм» помог большевистскому режиму выжить в условиях Гражданской войны, но его итогом стал глубочайший кризис.

§ 4. Белые и красные

Начало Гражданской войны. С середины 1918 г. российское общество вступает в особый период своей истории – период Гражданской войны. Формально ее начало было положено февральскими событиями 1917 г., в ходе которых были убиты десятки и около тысячи человек получили ранения. Насильственное смещение Временного правительства и захват большевиками государственной власти способствовали углублению и обострению противостояния в стране, но все это время столкновение различных социально-классовых сил носило локальный характер. Функционально на поверхности социальной жизни были иные явление. И лишь к лету 1918 г. вооруженное противостояние различных социальных групп приобрело масштабный характер.

В развязывание полномасштабной Гражданской войны свой вклад внесла каждая из противоборствующих сторон. Либерально-демократические партии, не сумев после Февраля 1917 г. провести необходимые реформы, не создав новую государственность, способствовали усилению социальной напряженности в стране. Особая вина в перерастании социальной напряженности в вооруженное противоборство лежит на большевиках. Провозгласив в своих программных документах идеалом социального равенства «уничтожение деления общества на классы», большевики фактически проигнорировали большой пласт вопросов, связанных с возможной адаптацией имущих классов к новой жизни, ограничившись немногочисленными туманными суждениями о необходимости диктатуре пролетариата «перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции». Сама форма прихода большевиков к власти, первые шаги пролетарской диктатуры по ликвидации эксплуататорских классов, использование террора для удержания советской власти подтолкнули значительную часть российского общества к вооруженному противостоянию. Нарастание напряженности в стране после разгона Учредительного собрания в январе 1918 г., заключение Брестского мира в марте 1918 г., чрезвычайные меры по организации хлебозаготовок летом в сви-

танные месяцы углубили раскол российского общества и ввергли страну в пучину кровопролитной Гражданской войны.

Интервенция. Союзники России в Первой мировой войне (страны Антанты) негативно отнеслись к ее выходу из войны и заключению сепаратного мира с Германией, расценив действия России как измену союзническому долгу.

Союзников в это время мало интересовали внутрироссийские проблемы. Они всячески стремились восстановить Восточный фронт против Германии, не допустив ее победы в войне. Их переговоры с Троцким о создании большевиками Восточного фронта не увенчались успехом. Реальная угроза многомиллиардных потерь от проведенной советской властью национализации имущества иностранных граждан и отказа от выплат странам-кредиторам долгов царского и Временного правительства заставила союзников для отстаивания своих интересов оказывать давление на большевиков. На правах союзников английские войска 6 марта 1918 г. высадились в Мурманске, затем туда же прибыли и французские войска. 13 марта президент Вильсон официально заявил о том, что Антанта хочет помочь России в войне против Германии. Большевики сначала отнеслись положительно к предложению о помощи, рассчитывая получить от союзников продовольствие и оружие, однако вскоре, когда был оккупирован весь Мурманский край, заявили свой категорический протест против действий интервентов.

15 марта 1918 г., в день ратификации Россией мирного договора с Германией, в Лондоне собралась конференция премьер-министров и министров иностранных дел Англии, Франции и Италии, на которой была признана необходимость «союзной интервенции в Восточной России» с привлечением Японии. Интервенция была направлена не столько «исключительно против большевиков», как об этом официально объявлялось, но носила антироссийский характер; союзники планировали сформировать из антибольшевистских сил приемлемое для себя правительство. «Все наши бывшие союзники, – признавал один из руководителей Белого движения на востоке страны генерал Д. Л. Хорват, — преследовали в борьбе с большевиками собственные эгоистические цели. Но никто не помогал России. Сильная единая Россия никому, кроме русских, не нужна».

5 апреля 1918 г. японцы высадились во Владивостоке, вслед за ними в тот же день высадилась английская морская пехота, затем туда же прибыли американские войска. Намерения японцев изначально носили экспансионистский характер, но присутствие американских войск первое время сдерживало их действия.

В мае Германия, формально не разрывая Брестский договор, нарушила его условия и расширила зону оккупации. Ее войска захватили Крым, ряд районов Кавказа. Под угрозой захвата оказался Черноморский флот, лишившийся своих военных баз (в первую очередь Севастополя). Совнарком вынужден был отдать приказ о затоплении флота в Новороссийской бухте. Немцы продвинулись к центру России, захватили Ростов-на-Дону, отрезав Центральную Россию от хлебной житницы. Однако воевать с Россией Германия не собиралась. Часть немецких дивизий была снята с Восточного

фронта и переброшена на Западный. В Европе еще продолжалась мировая война.

Турция, пользуясь поддержкой Германии, захватила Азербайджан и большую часть Армении.

К концу мая положение Советской России осложняется мятежом Чехословацкого корпуса. Созданный в годы Первой мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии – чехов и словаков – корпус еще по соглашению с Временным правительством должен был быть переброшен на Западный фронт для участия в войне против Германии. Страны Антанты включили корпус в качестве отдельной армии в свои силы. Корпус насчитывал к лету 1918 г. более 45 тыс. человек. Советское правительство подтвердило разрешение на выезд Чехословацкого корпуса из страны во Францию через Владивосток, однако оговорило это разрешение условием разоружения чехов (Троцким был выпущен приказ о расстреле чехов, не сдавших оружие). Соблюдая нейтралитет по отношению к внутренним делам России, чехи тем не менее отказались полностью разоружиться. Попытка советского правительства разоружить чехов в Челябинске закончилась неудачно. В ответ 26 мая 1918 г. чехословацкие войска захватили город. Растянувшиеся в эшелонах вдоль железной дороги от Пензы до Владивостока чехи начинают вооруженный захват станций. Список захваченных ими городов увеличивается — Пенза, Сызрань, Самара, Симбирск, Екатеринбург, Томск, Петропавловск. Действия чехов способствовали консолидации антибольшевистских сил в Сибири и Поволжье. В захваченных чехами городах при активных действиях местной буржуазии, меньшевиков и эсеров власть большевиков рушилась. Формировалась новая власть: в Самаре — Комуч, на Урале — Уральское временное правительство, в Сибири — Временное Сибирское правительство. Всего на указанных территориях было сформировано до 30 преимущественно эсеровских правительств. В Уфе была создана эсеро-кадетская Директория, объявившая себя всероссийской властью. Таким образом, мятеж Чехословацкого корпуса способствовал падению власти большевиков на большой территории Поволжья и Сибири. Противники большевиков получили шанс реализовать свои программы вывода России из кризиса. Для борьбы с большевиками они создают свои «народные армии». С этого времени Гражданская война принимает широкомасштабный характер.

Белое движение. Антибольшевистские силы не были однородны ни по социально-классовому происхождению его участников, ни по их политическим убеждениям.

Предпринятый большевиками штурм частной собственности сплотил на время помещиков, капиталистов, торговцев, верхние слои интеллигенции, офицерства, казачества. Поддерживали Белое движение часть высокооплачиваемых рабочих, зажиточное крестьянство.

Объединяла все эти разнородные силы идея восстановления государственности и порядка. Однако сложный клубок противоречий и взаимных обвинений, столкновения интересов раздирали Белое движение изнутри, в силу чего единый центр сопротивления большевикам так и не сложился. Не было и цельной идеологии: одна часть антибольшевистских сил высту-

пала за восстановление монархии, вторая - за республику, третья - за военную диктатуру. При разных целях не могло быть и единства действий. Из-за острых внутренних противоречий теоретики Белого движения так и не смогли выдвинуть и обосновать программу, которая бы обеспечила им поддержку со стороны широких слоев населения. Впоследствии А. И. Деникин признавал, что руководители Белого движения были вождями без народа, они не учитывали «силу сопротивляемости или содействия народной массы». На территориях, занятых белыми армиями, нередко были случаи возвращения крестьянской земли помещикам.

Не удалось также создать единое военное командование белой армии. Ее основной костяк составляло русское офицерство. Антибольшевистские армии имели в своих рядах почти всех выдающихся военачальников русской императорской армии, включая двух бывших Верховных главнокомандующих — генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова, генералов А. И. Деникина, А. М. Драгомирова, А. М. Каледина, П. Н. Врангеля, П. Н. Краснова, М. Г. Дрозловского. Но они представляли разные партии, программы, течения (от социалистов до монархистов). В антибольшевистском лагере сохранялись сословные различия между рядовыми солдатами (из крестьян, рабочих, казаков) и командным составом (из зажиточных слоев, дворян).

Белая армия использовала щедрую поддержку из-за рубежа, что в конечном счете обернулось против нее, ослабив и без того непрочные идейно-политические позиции Белого движения.

Добровольческая армия Деникина сформировалась после Октябрьского переворота и к февралю 1918 г. насчитывала около 3700 человек, причем 2350 из них были офицерами. Ядро Добровольческой армии составляли офицеры военного времени и патриотически настроенная молодежь.

Третья сила. Свой «третий путь» в соответствии с теорией В. М. Чернова пыталась осуществить партия социалистов-революционеров. В целях «предотвращения как левого, так и правого (белые) большевизма» эсеры хотели сплотить вокруг себя все демократические силы страны — от рабочего до капиталиста. Волей исторических обстоятельств главным полигоном для реализации эсеровского «третьего пути» стало Поволжье. Здесь после Февраля 1917 г. было сильно влияние социалистов-революционеров, занимавших многие ключевые посты во властных структурах. В Самаре после роспуска Учредительного собрания находился ряд его членов. Воспользовавшись захватом белочехами Самары и падением большевистской власти в городе в ночь на 8 июня, члены тайного Комитета членов Учредительного собрания (Комуча) объявили о взятии власти в свои руки. К осени 1918 г. в Самаре находилось уже более 60 членов Учредительного собрания, а его власть распространялась на территорию не только Самарской, но и Уфимской, Саратовской, Симбирской и Казанской губерний. Власть Комуча признавали и поддерживали чехословаки. Объявив себя продолжателем дела Февральской революции, Комуч стал главным врагом советской власти.

Очень скоро политика «третьего пути» показала свою полную несостоятельность. Прежде всего провалилась надежда на классовый мир.

Предприниматели, охотно принимая восстановление своих прав, вовсе не желали признавать права рабочих, которые отвечали забастовками. Окончательно испортились взаимоотношения Комуча и населения с началом мобилизации в Народную армию. Враждебно отнеслись к насильственной мобилизации в армию крестьяне. Комитет все чаще был вынужден прибегать к репрессивным мерам. В условиях острого гражданского противостояния «демократическая власть» Комуча на практике ничем не отличалась от власти «реакционных генералов». Программно-идейные установки социалистов-революционеров быстро вошли в разительное противоречие с жизненными реалиями. С первых шагов социально-экономическая политика Комуча носила двойственный и противоречивый характер. Не желая прибегать к диктаторским методам управления, комитет не смог решить ни финансовый, ни продовольственный, ни другие социальные вопросы. В итоге к осени 1918 г. Комитет членов Учредительного собрания теряет поддержку всех социальных слоев.

Начало перелома. В июне 1918 г. линии фронтов разделили страну от финской границы до Урала; от р. Белой по Волге до степей Южного Урала; по Туркестанскому краю, от Каспия до Дона. На севере большевикам противостояла армия Северной республики, на востоке — Чехословацкий корпус во взаимодействии с воинскими отрядами, объединенными Колчаком; на Северном Кавказе — Добровольческая армия, созданная генералами Корниловым, Деникиным, Алексеевым; на Дону — казачьи соединения во главе с генералом Красновым. Под прикрытием этих армий формировались многочисленные местные правительства (в Архангельске, Самаре, Уфе, Омске, Екатеринославле и других городах).

29 июня белочехи захватили власть во Владивостоке, который с 6 июля был объявлен под протекторатом союзных держав.

К этому времени лишь центр страны, включавший в себя две столицы и несколько других крупных городов, удерживался большевиками. Несомненно, такая конфигурация фронтов создавала смертельную опасность для советской власти, в то же время она имела определенные преимущества для организации руководства боевыми действиями, так как позволяла советскому руководству вести борьбу по внутренним операционным линиям и по кратчайшему пути перебрасывать свои войска с одного фронта на другой.

После Брестского мира большевики приложили немало сил для форсированного строительства Красной армии. За полгода ее численность выросла до 1 млн человек. Были мобилизованы участники Первой мировой войны, принесшие с собой опыт крупных военных операций. Численность военных специалистов достигла 50 тыс. человек. Они служили во фронтовых частях, готовили новое пополнение, преподавали в академиях и военных школах.

Создавались новые кадры из рабочих и крестьян, появились яркие самородки С. М. Буденный, Г. И. Котовский, Д. А. Фурманов, В. И. Чапаев, Н. А. Щорс и др. В сентябре 1918 г. был образован новый высший военный орган — Революционный военный совет Республики (РВСР) во главе с Л. Д. Троцким. В отличие от антибольшевистских сил в Красной

армии политические комиссары во всех частях вели постоянную воспитательную и пропагандистскую работу среди солдат и офицеров, внедряя единую коммунистическую идеологию.

Летом и осенью 1918 г. главные события Гражданской войны развернулись на Восточном фронте. Захват Симбирска и 6 августа 1918 г. Казани был вершиной успеха антибольшевистских сил на Восточном фронте. В Казани им удалось захватить золотой запас России, составлявший 40 тыс. пудов золота и платины. Но это было и началом перелома в Гражданской войне. Созданная большевиками Красная армия 5 сентября 1918 г. перешла в наступление. 10 сентября была освобождена Казань, а 12 сентября — Симбирск. Замысел Симбирской операции был разработан командармом Первой революционной армии Восточного фронта М. Н. Тухачевским — поручиком царской армии, добровольно перешедшим на службу к большевикам и участвовавшим в создании Красной армии. В Красную армию удалось привлечь 75 тыс. бывших генералов и офицеров (в рядах белых насчитывалось более 100 тыс. человек). Остальные офицеры из 250-тысячного офицерского корпуса царской армии не принимали участия в вооруженной борьбе.

В октябре 1918 г. Красной армией были взяты Сызрань и Самара, освобождены Бугуруслан, Бузулук и Бугульма. Успехи на Восточном фронте позволили временно переломить ситуацию в пользу большевиков. Советское правительство во главе с В. И. Лениным старалось всячески избегать конфликтов с германской стороной, сохраняя хрупкий Брестский мир. С целью его срыва 6 июля 1918 г. левые эсеры, совершив теракт, убили в Москве германского посла Мирбаха. В этот же день произошел вооруженный инцидент, в результате которого отряд эсера Д. И. Попова захватил ЧК и арестовал Ф. Э. Дзержинского. Это было расценено большевистским руководством как попытка захвата власти левыми эсерами и повод для ареста и заключения их лидеров, включая М. А. Спиридонову, в тюрьму. Решением проходившего в дни V Всероссийского съезда Советов левые эсеры были исключены из всех Советов, в результате чего крестьянство лишилось легальных каналов для отстаивания своих интересов.

Красный и белый террор. 5 сентября 1918 г. Совнарком принял Декрет о красном терроре. Поводом явилось покушение 30 августа эсеровских боевиков на Ленина, в результате которого он был тяжело ранен. В практику вошли массовые расстрелы «классовых врагов», заключение в концлагеря, взятие в заложники. ВЧК получила право расстрела без суда и следствия. За август—сентябрь 1918 г. было расстреляно свыше 6 тыс. человек, около 15 тыс. были посажены в тюрьмы, еще 6 тыс. направлены в концентрационные лагеря, количество которых стремительно росло. В ноябре 1920 г. их было уже свыше 80, а число заключенных в них превысило 53 тыс.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге в подвале частного дома отрядом чекистов был расстрелян бывший император Николай II и его семья. Антисоветский лагерь не отставал с аналогичными мерами — те же расправы, застенки, тысячи жертв. «То, что творилось в застенках контр-

разведки Новороссийска, — отмечал деникинский журналист, — напоминало самые мрачные времена Средневековья».

Массовая незаконная расправа с политическими противниками была свойственна в годы Гражданской войны и красным, и белым. Противостояние сил носило жесткий кровопролитный характер, с той и другой стороны имелись многочисленные примеры бесчеловечной расправы с противником. Тем не менее красный террор был первичным явлением, белый — производным. Красный террор коренился в самой природе советской власти, в ее стремлении насильственно перестроить мир на новых началах. «Мы не ведем войны против отдельных лиц, - пояснял сущность красного террора известный чекист М. И. Лацис, — мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит». Проводником террора стала ВЧК, получившая еще в феврале 1918 г. право внесудебной расправы над «неприятельскими агентами, спекулянтами, громилами, хулиганами...» Красный террор, таким образом, – государственная система, декретированная сверху уже в первые месяцы существования большевистского режима. Белый же террор, что в свое время отмечал С. П. Мельгунов, выступал в качестве эксцессов на местах, с которыми пусть вяло, непоследовательно, но вели борьбу носители белой идеи.

Новый этап Гражданской войны. С декабря 1918 г. Гражданская война приобретает качественно иной характер. В военное противоборство вступают регулярные армии красных и белых.

Осенью 1918 г. после заключения перемирия с Германией (18 ноября 1918 г.) бывшие союзники устанавливают дипломатическую и экономическую блокаду Советской России и усиливают интервенцию на ее территории. В ноябре 1918 г. в Румынии на совещании представителей США, Англии, Франции и белогвардейских организаций было принято решение о развертывании боевых действий против большевиков одновременно с востока, севера и юга России и Украины.

23 ноября 1918 г. объединенная англо-французская эскадра высадилась в Новороссийске, затем в Одессе и Севастополе. Общая численность интервентов была доведена к февралю 1919 г. до 130 тыс. человек. Значительно увеличились контингенты на Дальнем Востоке – 150 тыс. человек и на Севере — до 20 тыс. человек.

С осени 1918 г. главным противником советской власти становится А. В. Колчак. К этому времени умеренные социалисты, выступавшие за реформы «в интересах трудящихся масс», уже не устраивали белое офицерство. Руководство партии эсеров во главе с В. М. Черновым резко осудило «противоестественный блок революции с реакцией» и призвало к мобилизации всех сил партии для борьбы с контрреволюцией. Этот призыв и стал формальным поводом для военного переворота. Радикально настроенное офицерство и казачество в ночь на 18 ноября 1918 г. свергает власть Директории в Омске и устанавливает военную диктатуру. Впоследствии власть была передана адмиралу Колчаку, который занимал в Директории пост ми-

нистра обороны, и он был провозглашен «верховным правителем Российского государства».

В результате омского переворота единый антибольшевистский фронт рухнул. В Екатеринбурге съезд членов Учредительного собрания постановил прекратить борьбу с советской властью и обратить все силы против «преступных захватчиков власти».

В этой обстановке 24 декабря 1918 г. колчаковцы неожиданно напали под Пермью на 3-ю Красную армию и, разбив ее, захватили Пермь, создав возможность соединения войск Колчака с контингентом союзников в Архангельске.

К весне 1919 г. Колчак при материальной поддержке англичан (с октября 1918 г. по октябрь 1919 г. Британия выслала Колчаку более 600 тыс. винтовок, 6831 пулемет, 1200 орудий, танки, самолеты, боеприпасы, более 200 тыс. комплектов обмундирования) собрал армию до 300 тыс. штыков и сабель. Возглавили ее бывшие генералы царской армии, кроме того, в распоряжении Колчака было немало военных советников из Англии, Франции, США и Японии.

После двухмесячного затишья 4 марта 1919 г. началось наступление Колчака на Восточном фронте. Вскоре фронт был прорван, Красная армия отступила на Запад. К середине апреля белые были в 85 км от Казани, они подошли к Самаре и Симбирску. Планировался прорыв за Волгу и соединение армии Колчака с Деникиным.

Объявив дополнительную мобилизацию в Красную армию, большевики остановили продвижение Колчака на восток. Контрнаступление Красной армии в конце апреля 1919 г. отбросило войска Колчака к Уралу. Серия побед Красной армии на Восточном фронте в мае – июле 1919 г. подорвала моральный дух войск противника; участились случаи перехода воинских частей белой армии на сторону Красной армии, росло дезертирство. В Сибири в тылу белых развертывалось партизанское движение. К августу Красная армия освободила Южный Урал и начала свое продвижение в глубь Сибири.

Южный фронт. Пользуясь поддержкой интервентов, весной 1919 г. к широким наступательным действиям переходит Добровольческая армия А. И. Деникина. К лету 1919 г. центр вооруженного противостояния большевиков и белогвардейцев перемещается с Восточного фронта на юг. На Южный фронт Деникиным было стянуто свыше 100 тыс. солдат. В мае – июне 1918 г. он занимает обширные районы Дона, Кубани, Северного Кавказа, Южной Украины. Красная армия была отрезана от снабжения и оттеснена в безводные астраханские степи.

3 июля Деникин отдал приказ о походе на Москву. К осени были взяты Курск, Воронеж, Орел, под угрозой захвата оказалась Тула. Одновременно с наступлением Деникина на Москву войска Н. Н. Юденича в конце сентября 1919 г. перешли в наступление на Петроград. Обе столицы оказались под угрозой захвата. Октябрь 1919 г. был самым тяжелым месяцем для большевиков. Ценой громадных усилий и людских потерь удалось отстоять Петроград и перейти к наступлению на Южном фронте.

Против Деникина были брошены лучшие силы Красной армии. Крестьянская армия Махно, вступив в союз с Красной армией, наносила удары по деникинским частям на юге Украины. 20 октября был освобожден Орел, 24 октября — Воронеж. Это стало началом перелома. С ноября 1919 г. началось общее наступление красноармейских частей. Части деникинской армии откатывались к Черному морю. К этому времени колеблющееся крестьянство склоняется на сторону красных.

К весне 1920 г. основные антисоветские силы потерпели поражение. Угроза военного свержения большевистского режима перестала существовать.

Передав свои полномочия Врангелю, Деникин с очередной волной эмигрантов уезжает за границу. Армия Врангеля в Крыму переходит к обороне.

Финал Гражданской войны. 25 апреля 1920 г. лидер буржуазной Польши Юзеф Пилсудский, вынашивавший планы создания «Великой Польши от моря до моря», начал свой поход «на Советы». Польская армия к весне 1920 г. насчитывала свыше 700 тыс. человек. Кроме того, в соответствии с секретным военным договором Пилсудский мог рассчитывать на поддержку Петлюры, который пытался захватить власть на Украине. Польша признавала Петлюру главой независимой Украины и обещала освободить ему Киев от большевиков. На первом этапе войны три польские армии при поддержке двух украинских дивизий разбили и оттеснили части Красной армии. Были захвачены Житомир и Коростень. 7 мая поляки практически без сопротивления захватили Киев. За три года это была пятнадцатая смена власти на Украине.

Для Советской России война с Польшей стала прежде всего войной против внешней агрессии. Не случайно вторжение поляков вызвало в стране патриотический подъем. Генерал А. А. Брусилов призвал всех бывших офицеров записаться в Красную армию. 5 июня Первая Конная армия С. М. Буденного прорвала польский фронт и перешла в наступление. 12 июня поляки оставили Киев и начали отступать. Войска Западного и Юго-Западного фронтов Красной армии двинулись на Варшаву и 13 августа оказались в ее предместье. На волне эйфории, связанной с быстрым продвижением Красной армии, советское руководство предприняло попытку превратить войну оборонительную в войну революционную. Вместе с лозунгом революции в Польше на повестку дня был поставлен вопрос о победе революции в Германии, а потом и во всей Европе. «Если бы Польша, — утверждал впоследствии Ленин, — стала советской... Версальский мир был бы разрушен и вся международная система, которая завоевана победами над Германией, рушилась бы...» Однако этот утопический сценарий не был осуществлен. 12 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Д. Керзон отправил ноту советскому правительству с требованием приостановить наступление Красной армии против Польши. Временная разделительная полоса должна была пройти по Бугу, в основном по границе этнической Польши.

Командование Западного фронта приняло решение о штурме Варшавы. Однако неожиданно для советского командования польская армия под

командованием В. Сикорского нанесла успешный контрудар и польские войска перешли в наступление. По некоторым оценкам, до двух третей советских войск было уничтожено. Главная причина столь трагического исхода польской кампании — серьезные политические просчеты большевистских вождей. Лозунг Польской Республики Советов не нашел поддержки у большинства поляков. Немалую роль в поражении сыграли, безусловно, и военные просчеты.

18 октября 1920 г. война с Польшей была прекращена, армии противников были истощились. В соответствии с условиями мирного договора, подписанного в Риге в марте 1921 г. между Польшей и Советским государством, государственная граница теперь прошла восточнее «линии Керзона», при этом значительная часть Украины и Белоруссии оказалась отторгнутой от России.

После заключения мирного договора большевики, перебросив войска на Южный фронт, начали наступление на Врангеля, который после разгрома Деникина был провозглашен Верховным главнокомандующим Юга России. Осенью 1920 г. был освобожден от белогвардейцев Крым. 16 ноября последний корабль под Андреевским флагом покинул Керченскую бухту, увозя на чужбину остатки разбитых врангелевских войск.

К этому времени весь Дальний Восток был очищен от колчаковцев. Однако здесь продолжали оставаться японские войска. Для того чтобы избежать войны с Японией, советское руководство решило временно создать буферное государство — так называемую Дальневосточную республику (ДРВ). Японцы неоднократно пытались с помощью остатков белогвардейцев, возглавляемых атаманом Семеновым, разгромить ДРВ, однако это им не удалось. В июле 1920 г. Япония заключила перемирие с ДРВ и вывела свои войска из Забайкалья. 12 октября 1922 г. в результате окончательного разгрома белогвардейцев и интервентов ДВР была упразднена и включена в состав РСФСР. Гражданская война завершилась.

Итоги Гражданской войны. Окончание Гражданской войны означало завершение затянувшегося революционного процесса. Большевики не только смогли захватить власть, но и удержать ее в условиях военного противоборства. Пролив реки крови, понеся тяжелые потери, вожди Белого движения потерпели сокрушительное поражение, оказавшись не в Кремле, а в лагерях на острове Лемнос или в Галлиполи.

Поражение антибольшевистских сил в Гражданской войне было обусловлено многими причинами. Прежде всего, не имея, по существу, позитивной программы, Белое движение не смогло консолидировать все антибольшевистские силы. Внутри лагеря белогвардейцев не было единства практически ни по одному вопросу. Роковую роль в судьбе антибольшевистских сил сыграло отсутствие у них реальной аграрной программы. Сторонники Белого движения так и не рискнули законодательно утвердить стихийный земельный передел. Наоборот, помещики возвращались в свои имения, отбирая у крестьян землю. Положение рабочих на частных предприятиях также не менялось. Конфискация продовольствия, мобилизация в армию, высокие налоги, бюрократизм, произвол властей, массовый террор мало чем отличались от большевистских. Одновременно начался отход

от Белого движения национальных частей (так как их народы не получили государственного самоопределения, автономии), казачества. В тылу белой армии росло массовое партизанское движение (на Урале, в Сибири).

Не получило поддержки Белое движение и со стороны основной массы российской интеллигенции. Одна из причин — моральное перерождение антибольшевистских лидеров, которые начинали борьбу за белое дело «почти святыми», а заканчивали «почти бандитами». Не имея среди своих сторонников значительного числа специалистов, белые не смогли наладить на контролируемых ими территориях нормальное гражданское управление.

Безусловно, ослабило идейно-политические позиции Белого движения и сотрудничество его лидеров с интервентами. Таким образом, в значительной мере большевики обязаны победой несостоятельности своих противников.

Большевики, в свою очередь, смогли победить благодаря лучшему знанию психологии народа, его ментальности. Они смогли предложить стратегию, нашедшую в тот период поддержку у значительной части населения России. Утопические идеи социального равенства (чего не было у белой армии), обещания раздачи земли крестьянам, фабрик и заводов рабочим падали на благоприятную почву и множили число сторонников большевиков среди разных социальных слоев. Не последнюю роль в успехе пролетарской диктатуры сыграла политика массового террора, с помощью которой большевики смогли локализовать проявления недовольства и брожения и не дали им приобрести массовые формы.

ГЛАВА 3. УКРЕПЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА

§ 1. В годы нэпа

«Россия во мгле». После окончания Гражданской войны Советская Россия оказалась в глубоком кризисе. Страна почти ничего не производила, и перераспределять было больше нечего. Попытка наскоком перестроить сверху донизу экономическую и политическую систему крупнейшей страны мира, непосредственно перейти к коммунизму окончилась крахом. Победив в Гражданской войне, большевики оказались на грани политического банкротства и утраты власти. Братоубийственная война нанесла России колоссальный урон.

Кризис в стране весной 1921 г. носил тотальный характер, но наиболее очевидно он проявлялся в экономической сфере. Народное хозяйство страны находилось в состоянии полного упадка. За годы Первой мировой и Гражданской войн Россия потеряла более четверти своего национального богатства. «Военный коммунизм» значительно усугубил ущерб, нанесенный войной. Национальный доход сократился к 1920 г. в 2,75 раза по сравнению с 1917 г. Объем валовой продукции мелкой промышленности снизился в 1920 г. до 43% довоенного уровня, валовой сбор зерновых — до 67%. К началу 1921 г. продукция металлообработки составляла лишь 7% от уровня 1913 г., производство чугуна — немногим более 2%. Из-за отсутствия топлива и сырья простаивало большинство предприятий. Железные дороги выполняли не более 12% объема перевозок 1913 г. Практически не работали почта и связь. Крайне тяжелым было положение в социальной сфере. Людские потери в Гражданской войне составили, по разным оценкам, от 4 млн до 10 млн человек. Около 2 млн человек были вынуждены эмигрировать. По подсчетам специалистов, численность населения страны к 1921 г. не превышала 135 млн человек. Особенно значительный урон был нанесен войной мужскому населению: число мужчин уменьшилось на треть, более 4 млн человек стали инвалидами. Значительная часть интеллигенции и предпринимателей или погибла, или была выброшена за границу.

К концу Гражданской войны уровень жизни большинства населения был катастрофически низок. Не хватало самых необходимых предметов потребления — мыла, керосина, спичек. Истощение и недоедание способствовали распространению болезней и эпидемий.

Продразверстка в деревне неумолимо способствовала сокращению посевных площадей. После окончания войны крестьяне не хотели больше терпеть продразверстку. И без того тяжелое положение крестьянства осложнялось неурожаем и падежом скота. Спасаясь от голода, многие рабочие промышленных центров уходили в деревни. Население Москвы сократилось почти вдвое, Петрограда – на две трети. Численность рабочих в ведущих индустриальных центрах уменьшилась в 6—7 раз.

С окончанием войны отпала необходимость в огромной армии. Массовая демобилизация обострила трудности в стране, рос «красный» банди-

тизм. На почве голода и разрухи российское общество деградировало, среди различных слоев населения царило настроение апатии и уныния.

Положение с управлением народного хозяйства было катастрофичнее, чем весной 1918 г. Фактически вся система управления пришла в упадок. Сосредоточение в руках государства управления всеми отраслями народного хозяйства способствовало разбуханию аппарата, росту бюрократизма, взяточничества. Качество принимаемых управленческих решений было чрезвычайно низким. Правящий слой большевистской партии и Советского государства составляли люди, не имевшие опыта реальной хозяйственной деятельности, «дилетанты во всех своих специальностях», как их определил Н. Суханов. К тому же наряду с бескорыстными приверженцами большевистской идеи в органах власти оказалось немало карьеристов и даже уголовников. Изгнание из власти представителей оппозиционных небольшевистских партий способствовало бесконтрольности руководителей, убежденных, что им «все дозволено», а «цель оправдывает средства». Разрушение представления о нравственном и безнравственном вело к разгулу в стране беззакония. Злоупотребления властью новых чиновников, привилегии в жилье, снабжении вызывали резкое недовольство большинства населения.

Антиправительственные выступления. На крестьянских сходках, съездах все отчетливее выражалось недовольство большевистским режимом, разверсткой, уравниловкой. Распространение военно-коммунистических принципов на все области жизни страны вызывало растущее сопротивление населения, заставляло браться за оружие.

Крестьянские восстания были последней попыткой сопротивления большевистской власти. Разгоревшаяся осенью и весной 1920—1921 гг. крестьянская война была не столько антисоветской, сколько антибольшевистской. В основе всех выступлений крестьян, развернувшихся на большой территории, лежало недовольство отношением правящей партии к крестьянству и тяжелыми последствиями политики «военного коммунизма».

Недовольство крестьян продразверсткой, которая лишала их хозяйства стимула к развитию, выливалось в прямые выступления против советской власти — антоновщину, махновщину, мятежи в Сибири, на Украине и Дону. В начале 1921 г. не осталось ни одной губернии, не охваченной крестьянской партизанской войной. Повсеместно действовали крупные и мелкие отряды, банды. Неспокойно было и в городах. Голод, охвативший страну в начале 1921 г., стал непосредственной причиной массовых забастовок в ряде промышленных городов России, в том числе в Петрограде, Москве, Туле. Закрывались десятки предприятий, норма хлеба сократилась и составляла менее 100 г на человека. 24 февраля в Петрограде был введен комендантский час, а затем и военное положение, толпы недовольных разгонялись красными курсантами.

Открытым проявлением недовольства стала волна стихийных массовых вооруженных выступлений на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье. В них участвовали казаки, крестьяне. Неурожай, тяжелая разверстка толкнули еще летом 1920 г. крестьян Тамбовской губернии на восстание,

которое возглавил эсер А. С. Антонов. Восставшие выдвинули ряд экономических и политических требований демократического характера, включая созыв Учредительного собрания, допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйства, частичную денационализацию, развитие кооперации. Повстанческая армия, численность которой достигла почти 50 тыс. человек, смогла захватить ряд уездов, на территории которых была создана своеобразная «крестьянская республика». Восставшие крестьяне казнили около 2 тыс. советских и партийных работников.

На подавление восстания были брошены крупные воинские части с артиллерией, броневиками, самолетами. Армейскую группировку возглавил М. Н. Тухачевский. Численность советских войск на Тамбовщине достигла 100 тыс. человек. Подавление восстания сопровождалось массовыми расстрелами, уничтожением хозяйств, созданием концлагерей. Лишь к лету 1921 г. восстание было подавлено. Самым крупным по охвату территории и количеству участников было восстание в Западной Сибири. Вспыхнув в Ишимском уезде, оно охватило всю Тюменскую и часть Омской, Челябинской, Екатеринбургской губерний. Это восстание также переросло в крупномасштабную войну крестьян с воинскими соединениями. Лозунг свободы рынка, выдвинутый во время Гражданской войны зажиточной частью деревни, объединял теперь все крестьянство.

Насилие и произвол, прикрывавшиеся революционной фразой, в корне изменили отношение населения России к большевистской партии, вызвали общий для всех недовольных лозунг — «Советы без коммунистов».

Кронштадтское восстание. Кульминацией недовольства крестьян экономической политикой большевиков, ликвидацией формировавшихся веками рыночных отношений, возрождением крепостнических методов принуждения, тотальной грабительской продразверсткой, обрекавшей на нищету и разорение, стало восстание моряков в Кронштадте (28 февраля — 18 марта 1921 г.). 28 февраля волнения, начавшиеся в Петрограде в связи с сокращением на треть хлебного пайка для рабочих, перебрасываются в Кронштадт.

1 марта на общегородском митинге, в котором приняли участие экипажи линкоров «Петропавловск», «Севастополь», «Андрей Первозванный» и других более мелких судов, была принята резолюция с требованиями немедленного перевыбора Советов как не отвечающих воле рабочих и крестьян, свободы слова и печати для рабочих и крестьян, свободы собраний, освобождения всех политических заключенных, разрешения свободного кустарного производства собственным трудом. Вскоре был создан Временный революционный комитет во главе со старшим писарем линкора «Петропавловск» С. М. Петриченко. Власть в Кронштадте оказалась в руках матросов. В дни восстания около 300 коммунистов были арестованы. Лозунгами восставших матросов стали: «Власть Советам, а не партиям», «Долой контрреволюцию справа и слева!». Восставшие рассчитывали на мирное «переустройство советского строя». В газете восставших кронштадтцев в статье «Социализм в кавычках» говорилось: «Все трудовое крестьянство было объявлено врагом народа, сопричастно к кулакам. Предприимчивые коммунисты... занялись насаждением советских хозяйств-усадеб нового

помещика-государства. Вот что при большевистском социализме получило крестьянство вместо свободного труда на освобожденной земле. Взамен почти начисто реквизированного хлеба, отобранных коров и лошадей — наезды чрезвычаек, расстрелы... взамен хлеба — свинец и штык».

Осознавая чрезвычайную остроту кронштадтского вопроса, большевистское руководство осуществило мобилизацию всех сил.

2 марта Ленин и Троцкий объявили кронштадтское выступление мятежом, организованным «руками французской контрразведки». Для непосредственного руководства подавлением восстания в Петроград были направлены Л. Троцкий, С. Каменев, М. Тухачевский, И. Дыбенко.

Приказом председателя РВСР от 5 марта 1921 г. восстанавливается Седьмая армия под командованием Тухачевского. Против 28-тысячного гарнизона Кронштадта было брошено около 50 тыс. солдат, которые лишь 18 марта сломили сопротивление восставших. Кронштадт пал, но заставил «глубоко задуматься». Восставшие были убеждены в правоте своего дела, выступая против «казенного коммунистического творчества», против узурпации власти большевиками. То, что антибольшевистские лозунги выражали настроения не только крестьянства, но и рабочих, особенно напугало большевиков. За участие в Кронштадтском мятеже к лету 1921 г., по неполным данным, было приговорено к расстрелу более 2 тыс. человек, а более 6 тыс. — к различным срокам наказания. Значительную часть моряков отправили на Соловки.

Переход к нэпу. Кронштадтские события ускорили процесс окончательного принятия решения о замене продразверстки продналогом. Столкнувшись с ростом недовольства со стороны основных групп населения, партия большевиков вынуждена была признать, что ее попытки рывком непосредственно перейти к коммунизму потерпели крах. «К весне 1921 года выяснилось, — писал Ленин, — что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым способом... перейти к социалистическим основам производства и распределения». Экономический кризис обнажил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих. Идеи о необходимости изменения проводимой большевиками хозяйственной политики постоянно высказывались представителями небольшевистских политических партий, независимыми экономистами. Буквально в канун начала Кронштадтского восстания меньшевики выступили с требованием ликвидации хлебной разверстки и полной демократизации политической жизни. Попытки выхода из «военного коммунизма» предпринимались в декабре 1920 г. на VII съезде Советов. Его решения оказались крайне противоречивыми. С одной стороны, ставка делалась на «старательного крестьянина», которого надо поддерживать и материально стимулировать, с другой по-прежнему сохранялась продразверстка и запрещалась частная торговля. В первые месяцы 1921 г. была продолжена линия на усиление централизации, плановости. Декретом СНК от 22 февраля при СТО создается общеплановая комиссия — Госплан во главе с Г. М. Кржижановским.

После событий в Кронштадте Ленин не без колебаний выбрал путь временных уступок требованиям населения, но при сохранении завоеван-

ных большевиками в годы «военного коммунизма» командных высот в политике, экономике, идеологии.

Проходивший в марте 1921 г. X съезд РКП(б), чтобы успокоить крестьянство, принял решение о замене продразверстки хлебным налогом. Сам налог был значительно уменьшен и дифференцирован в зависимости от «старательности» земледельца, количества членов семьи и т. п. Расширялась свобода использования излишков сельхозпродукции сверх отдаваемого налога. Тем самым съезд положил начало новой экономической политике (нэпу). Она была новой лишь относительно политики «военного коммунизма». После военно-коммунистических экспериментов Россия вновь возвращалась к рыночной экономике и товарно-денежным отношениям. Острейший экономический кризис был важной, но не единственной причиной смены курса. Представляя новый курс, Ленин подчеркивал его политическое значение: без поддержки со стороны крестьянства, составляющего огромное большинство населения, нельзя успешно управлять такой страной, как Россия. Провал надежд на скорую мировую социалистическую революцию также требовал корректировки курса.

Первые декреты ВЦИК о замене продразверстки продналогом и размере налога на 1921—1922 гг. не содержали даже в общих чертах намека на цельную политику. Однако изменение формы взаимоотношений государства с крестьянством постепенно успокоило деревню, и к осени 1921 г. удалось погасить основные очаги крестьянских мятежей.

Новая экономическая политика вводилась постепенно и непоследовательно, действия советского руководства носили характер импровизации. Скоро стала очевидной неспособность большевиков удержать новую экономическую политику в первоначальных рамках. Если в 1921 г. Ленин говорил о нэпе как о временном тактическом отступлении, то спустя год нэп представлялся советскому вождю как долговременная стратегическая линия, «всерьез и надолго». Лишь к середине 1920-х гг. сложилась более или менее цельная экономическая система, в которой причудливо сплелись рыночные и административные начала. За эти годы была введена свободная торговля, разрешены аренда земли и применение наемного труда в сельском хозяйстве, а также запрещенное ранее мелкое и среднее частное предпринимательство. Правительственные постановления от 17 мая и 10 декабря 1921 г. положили начало частичной денационализации предприятий. Крупнейшим достижением первого этапа нэпа явилось создание твердой валюты — червонца, свободно обмениваемого на иностранную валюту. Осенью 1922 г. в стране создаются фондовые биржи, где разрешалась купля-продажа по свободному курсу валюты и золота.

К 1923 г. была децентрализована система управления промышленностью. Число главков и центров ВСНХ сократилось втрое, почти втрое сократилась и численность аппарата управления. И все же, отдавая на «откуп» частнику мелкотоварное производство, торговлю, государство по-прежнему сохраняло командные высоты: крупную промышленность, транспорт, внешнюю торговлю. С самого начала советская власть стремилась всячески ограничить степень свободы для частных предпринимателей. По декрету ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. число наемных рабочих на

частных предприятиях не должно было превышать 10—20 человек (позже этот предел был увеличен). Даже в условиях систематического давления государства частные предприятия в пищевой, кожевенной, текстильной отраслях промышленности сыграли важную роль в смягчении товарного голода, оживлении рыночных отношений, росте экономических показателей.

К 1924 г. значительно улучшилось продовольственное снабжение страны, стало меняться к лучшему положение в тяжелой промышленности.

На пути к единомыслию. Либерализация экономики в годы нэпа не сопровождалась демократизацией, какими-либо серьезными изменениями в системе однопартийной большевистской диктатуры. Введение нэпа небольшевистские партии восприняли как возвращение к естественному, нормальному развитию русской революции и ждали от большевистских лидеров установления буржуазно-демократического строя и либерализации политической системы. Вместо этого по инициативе Ленина большевики взяли курс на окончательное уничтожение остатков многопартийности. Считая возможный контрреволюционный «термидорианский» переворот основной и действительной опасностью, Ленин решительно отклонил все предложения отдельных партийцев по либерализации политического строя. Не нашло его поддержки и предложение оппозиции «поиграть в парламентаризм», допустив «десяток, другой, а может, и три десятка бородатых мужиков во ВЦИК».

Вопреки его известным словам о «коренной перемене точки зрения на социализм» вопрос о пересмотре концепции социализма практически не был поставлен. Резолюцией X съезда РКП(б) «О единстве партии» запрещались оппозиционные группы, навязывалось единомыслие. Ничем закончились попытки рабочей оппозиции добиться в стране расширения свободы печати — «от анархистов до монархистов». В 1921 г. фактически прекратили политическую деятельность левые эсеры. Спустя год состоялся сфабрикованный ГПУ процесс над руководителями партии правых эсеров, все они были приговорены к смертной казни, которая затем была заменена 10 годами заключения. Этот процесс послужил началом отхода западноевропейской интеллигенции от Советской России. Стремясь предотвратить возможную реставрацию капитализма, правящая партия ужесточила репрессии против потенциальных противников из числа высококвалифицированной интеллигенции. В августе 1922 г. из страны были высланы 160 выдающихся представителей науки, культуры, искусства, включая философов Н. Бердяева, С. Булгакова, И. Ильина, А. Карсавина, С. Франка, Л. Шестова, социолога П. Сорокина, историков А. Кизеветтера, А. В. Флоровского, А. Боголепова, которых газета «Правда» в статье с многозначным заголовком «Первое предостережение» назвала «идеологическими врангелевцами». Несколькими месяцами раньше был укреплен созданный еще в 1920 г. Агитпропотдел ЦК РКП(б). Отдел должен был заниматься общим идеологическим руководством всеми государственными и общественными организациями и идейно-политическим воспитанием коммунистов. В 1922—1923 гг. были предприняты и другие весьма жесткие шаги, изменившие всю духовную атмосферу в стране. Создается политиче-

ская цензура в лице Главлита (Главное управление по делам литературы и издательства при Наркомпросе РСФСР), а затем и Главреперткома (Комитет по контролю за репертуаром). Главлит получил право выдавать разрешения на публикацию изданий и составление списков запрещенных произведений. В письме от 8 ноября 1923 г. В. Ф. Ходасевичу М. Горький не без иронии отмечал, что из новостей, «ошеломляющих разум», его больше всего потряс указатель изымаемых из библиотек книг, в котором среди авторов были Платон, Кант, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков. В 1923 г. для хранения «вредных и контрреволюционных» книг создается спецхран. В новых условиях меняются задачи, а отчасти и методы работы ВЧК, которая активно подключается к контролю над новыми хозяйственными отношениями.

Голод 1921 г. Введение нэпа требовало существенной трансформации сложившихся в годы революции и «военного коммунизма» государственных структур, превращения их из органов принуждения в инструменты новой политики, ориентированные на поощрение частной инициативы крестьянства. Неожиданно этот процесс был задержан неурожаем и голодом, масштабы и последствия которого значительно превзошли голод 1891—1892 гг. Засуха 1921 г. охватила обширные районы 35 губерний Северного Причерноморья, Средней и Нижней Волги, Предуралья, Северного Казахстана, Западной Сибири. Урожай в этих районах погиб, выгорели даже травы, нечем было кормить скот. Из-за политики продразверстки крестьянские хозяйства практически не имели запасов продовольствия, до минимума сократилось поголовье скота. К концу 1921 г. число голодающих достигло 15—22 млн человек. От голода погибли, по некоторым оценкам, 5—8 млн человек. Сотни тысяч беженцев устремились в благополучные районы. В этих условиях вновь возрастает роль государственных распределительных механизмов.

18 июля 1921 г. при ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим, которую возглавил М. И. Калинин. Был объявлен сбор продовольствия, одежды, медикаментов. В районах, не пострадавших от засухи, была проведена продналоговая кампания, позволившая организовать питание голодающих и провести осеннюю 1921 г. и весеннюю 1922 г. посевные кампании в неурожайных губерниях.

Советское правительство, не имея возможности помочь всем голодающим, обратилось за помощью к общественности зарубежных стран. Благотворительная гуверовская Американская администрация помощи (АРА) кормила около 10 млн человек. Серьезную помощь голодающим оказал организованный знаменитым полярным исследователем Ф. Нансеном Международный союз помощи детям. К движению помощи голодающим в России примкнули многие деятели науки, искусства, культуры зарубежных стран. Сбор средств рабочими разных стран объединил Международный комитет рабочей помощи (Межрабпом), во главе которого стала немецкая коммунистка Клара Цеткин. Усилиями Межрабкома в Россию было отправлено более 3 млн пудов продовольствия.

Принятые меры позволили стабилизировать ситуацию. Борьба с голодом была использована властями как предлог для очередного наступления

на церковь. Ленин, считая религию «самой опасной мерзостью», самой гнусной «заразой», явился прямым инициатором трех массовых кампаний, направленных против православия, в результате которых церковь была отделена от государства и лишена прав юридического лица. Но моральный и нравственный авторитет церкви в народе был еще велик. Тяжелейшая обстановка в стране, вызванная голодом, приводит Ленина к мысли о том, что «данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но вообще единственный момент, когда мы можем... разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь... когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления». Ленин спешил и по иной причине, опасаясь, что после Генуи жестокие меры против духовенства будут политически чересчур опасны. 23 февраля 1922 г. ВЦИК издал Декрет об изъятии церковных ценностей. Насильственным путем было изъято более 18 пудов золота, 24,7 тыс. пудов серебра, 4 пудов жемчуга, более пуда бриллиантов и других ценностей на общую сумму в 2,5 млрд золотых рублей. Из них только 1 млрд ушел на закупку продовольствия. Остальные деньги были истрачены на нужды мировой революции. Наряду с изъятием церковных ценностей, физическим уничтожением отдельных священнослужителей в этот период под руководством Ленина и Троцкого проводится интенсивная работа по расколу Русской православной церкви.

Вторжение властей в имущественные права церкви вызвали в среде верующих движение протеста, доходившее иногда до вооруженного столкновения. Только в первом полугодии 1922 г. было зафиксировано более 1400 случаев кровавых столкновений, более 700 священников и монахов были привлечены к уголовной ответственности.

Патриарх Тихон выступил против актов насилия органов власти. Это послужило предлогом для его ареста. Большевики не решились расстрелять патриарха из-за возможной негативной реакции в зарубежных странах. После смерти Ленина его преемник на посту главы государства — А. Рыков был вынужден уменьшить давление на церковь.

§ 2. Образование СССР

На пути к федеративному союзу. К концу Гражданской войны в результате многочисленных попыток самоопределения и объединения отдельных республик на территории бывшей Российской империи возникает сложный конгломерат государственных образований, в той или иной мере связанных с Советской Россией. Польша, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, отвоевав себе независимость, фактически прекращают связи с РСФСР. Иные формы и иные результаты имели процессы самоопределения на Украине и Белоруссии. На большей части Украины (за исключением западноукраинских земель — Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатья) в результате вооруженной борьбы установилась советская власть. В соответствии с договором, заключенным с Украиной в декабре

1920 г., она получила значительные полномочия. Передав в ведение Москвы ряд важных наркоматов (военно-морских дел, финансов, труда), Украина сохранила право вступать в дипломатические отношения с другими государствами. В Белоруссии процесс консолидации искусственно созданного белорусско-литовского союза был прерван польской агрессией, в результате которой западная часть Белоруссии был оккупирована, а в восточной была установлена советская власть и образована БССР.

Закавказские республики (Грузия, Армения и Азербайджан), образовавшиеся после распада империи, продолжая поддерживать связи с РСФСР, в целом не стремились отделиться от России, но пытались сохранить свой суверенитет. Смирившись с потерей Польши и других западных республик, большевики не допускали возможности независимости Украины, Белоруссии и Кавказских республик. В Азербайджане в апреле 1920 г. после ухода англичан большевистски настроенный местный Военный революционный комитет при поддержке Красной армии взял власть в республике в свои руки. В сентябре 1920 г. между Азербайджаном и РФСРФ был подписан договор. Такая же модель была использована и в других республиках Закавказья — Армении и Грузии. Таким образом, в 1920—1921 гг. были образованы Украинская ССР, Белорусская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР, власть в которых принадлежала большевикам. В ноябре 1921 г. Грузия, Армения и Азербайджан объединились вместе и образовали ЗСФСР.

На территории РСФСР после занятия окраинных национальных районов Красной армией и установления там советской власти в это же время активно шел процесс создания автономий. В 1918 г. были созданы первые национально-областные объединения — Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика (ТАССР), Трудовая коммуна немцев Поволжья, Советская Социалистическая Республика Таврида (Крым). В период Гражданской войны отдельные образования были ликвидированы (Северо-Кавказская Советская Республика, Донская республика), другие создавались заново. В марте 1919 г. была провозглашена Башкирская Автономная Советская Республика, в 1920 г. Татарская и Киргизская автономные республики, образовались Чувашская, Калмыцкая, Марийская Вотская, Карачаево-Черкесская автономные области. В 1921—1922 гг. провозглашаются Казахская, Горская, Дагестанская, Якутская, Крымская автономные республики. С помощью автономий народы России стремились защитить свои права от давления центральных властей, реализовать национальные интересы в области языка, культуры, религии.

Создание национальных автономий шло под контролем Совнаркома, Наркомнаца и ЦК партии. Нередко принимаемые ими решения ставили в невыгодное положение одни регионы в противовес другим или запрещали создание новых автономий. Так, казачество, формировавшееся в течение ряда веков за счет русского, украинского, калмыцкого, башкирского и многих других народов России и проживавшее компактно (войсками) на территории всей страны, повсеместно было лишено права на автономию. Наделение горцев (ингушей, чеченцев) землей в равнинной части сопровождалось принудительным переселением в другие районы целых станиц

с казачьим населением, «провинившимся перед советской властью» (по словам И. В. Сталина). Казачьи округа были ликвидированы сначала на Северном Кавказе, затем в других районах России.

Не были учтены интересы и самого многочисленного – русского – населения. При Наркомнаце более двух десятков комиссариатов защищали интересы поляков, латышей, евреев, мусульман и др. Такого права были лишены лишь русские.

Таким образом, сосредоточение власти в руках одной партии на огромном пространстве бывшей царской империи создало объективные предпосылки образования единого государства.

Автономизация и федерализм. К моменту окончания Гражданской войны вопрос о конституционном решении национального вопроса приобретает для большевистского руководства особую остроту. Ленин и большевики до 1917 г. были сторонниками сохранения крупного централизованного унитарного государства, допускающего национально-территориальную автономию отдельных народов в рамках единого государства. По этому принципу фактически шло строительство РСФСР, хотя в Конституции 1918 г. было заявлено о федеративном устройстве Советской России.

Сложившийся в годы Гражданской войны военный союз различных республик, сохранившиеся еще со времен царской России структура экономических связей, единая транспортная сеть, всероссийский рынок, а главное — единая форма власти (Советы), единая правящая партия (большевиков), единые вооруженные силы (Красная армия) объективно позволяли большевикам решить вопрос создания единого государства. Однако пути решения этого вопроса вызвали серьезные разногласия между Лениным и Сталиным. Сталин выдвинул идею так называемой автономизации, сущность которой заключалась в том, что все независимые советские республики (а речь шла об Украине, Белоруссии и Закавказских республиках) входят в состав РСФСР на правах автономий, опыт создания которых внутри РСФСР уже был. Однако такое решение вызывало протест у руководства этих республик, особенно в Грузии и на Украине.

Понимая, что подобное давление на национальные республики может похоронить идею их объединения, Ленин выступил с критикой сталинского проекта и предложил создание союза государств на федеративной основе путем заключения договоров между суверенными республиками и образования ряда общих органов власти и управления. Им же было предложено название — Союз Советских Социалистических Республик.

Борьба двух концепций (ленинской и сталинской) в решении национального вопроса во многом носила тактический характер. Выдвинутый Лениным принцип федерализма был удобен в период неустойчивого состояния советской власти, поскольку позволял использовать националистические движения для укрепления социальной базы нового режима на местах. Сталинский принцип в большей степени соответствовал марксистской идеологической установке на денационализацию и создание в перспективе унитарного государства.

Формально принимая ленинский принцип федеративного устройства, большевики реально проводили курс на создание унитарного государства

и последовательное сворачивание прав республик до уровня автономий, как и планировал Сталин.

Создание унитарного государства. В 1922 г. начинается практическая работа по объединению советских республик в единый союз. 22 февраля 1922 г. всеми советскими республиками было подписано соглашение о передаче РСФСР права представлять их интересы на Общеевропейской экономической конференции в Генуе. Это был новый шаг к дипломатическому объединению.

Встал вопрос об упорядочении экономических, а затем и политических связей. В августе 1922 г. для выработки планов сближения советских республик ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия под председательством Сталина. Комиссия рассматривала все предложения от республик. Однако партийно-советский аппарат навязал понимание союза как вхождение советских республик в новое государство. В декабре 1922 г. съезды Советов во всех советских республиках после широкого обсуждения на местах поддержали предложение о создании СССР.

30 декабря 1922 г. делегации всех советских республик собрались в Москве на объединенный съезд, вошедший в историю как I Съезд Советов СССР. 94,1% делегатов съезда были коммунистами. Около половины делегатов имели низшее образование, среди участников были малограмотные и неграмотные.

Съезд принял важные конституционные документы - Декларацию и Договор об образовании СССР. На их основе была разработана первая Конституция СССР. Она была утверждена II Съездом Советов СССР, который проходил 31 января 1924 г. В Основном законе государства провозглашались добровольность объединения республик, их равноправие, свобода выхода из СССР, а также право других государств на вхождение в СССР. Высшим органом власти являлся Всесоюзный съезд Советов, а между сессиями — Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК). Специфические интересы многочисленных народов должна была представлять палата — Совет национальностей. Общесоюзные вопросы решались второй палатой - Советом Союза.

Председателем Совнаркома СССР в свое время был утвержден В. И. Ленин, но из-за болезни он так и не приступил к работе. С 1924 г. на этот пост был назначен А. И. Рыков. Конституция СССР установила Государственный герб (серп и молот на фоне земного шара) и Государственный флаг СССР. Столицей государства была избрана Москва.

Первоначально СССР образовали четыре республики — РСФСР, Украина, Белоруссия и Закавказская СФСР.

В последующие годы в состав СССР вошли Узбекская ССР, Туркменская (1925 г.), Таджикская (1929 г.), Казахская, Киргизская (1936 г.), в 1936 г. ЗСФСР была распущена и образовались три республики — Азербайджанская, Армянская и Грузинская, которые также вошли в СССР.

Реальным следствием принятия Конституции 1924 г. стала резкая централизация союзных органов власти, прежде всего партии, которая теперь стала не только носителем классового начала, но и гарантом целостности огромного государства. Она сыграла важную роль в интеграции распав-

шейся Российской империи в унитарное государство нового образца. Идеям регионального сепаратизма и национализма, носителями которого являлись местные партийно-государственные элиты, была противопоставлена концепция мощной центральной власти, имеющей наднациональный характер. Объективно ее принятие способствовало возрождению в новом виде патриархальных монархических идей и вело к консолидации деспотической власти. В своей политике централизации власти партия использовала тот же набор методов, что и самодержавие, — русификацию национальных культур, с одной стороны, и включение национальных элит в центральную политическую элиту — с другой.

Становление «национал-большевизма». Узость социальной базы большевистского режима в крестьянской стране заставила большевистскую верхушку с первых месяцев революции использовать национальные настроения в политических целях. Возрождение российской имперской идеи на советской почве, получившее название «национал-большевизм», становится фактом в конце Гражданской войны. Попытка Врангеля поддержать польское наступление вызвала взрыв патриотических настроений среди бывших офицеров русской армии. «Воззвание к офицерам армии барона Врангеля», подписанное Лениным, Калининым и Троцким вместе с генералами С. С. Каменевым и А. А. Брусиловым, стало, по мнению ряда историков, началом «молчаливого союза между русским национализмом и коммунистическим интернационализмом». На формирование идеологии «национал-большевизма» существенное влияние оказали представители небольшевистских партий и движений, которые еще до начала нэпа говорили о возможном дрейфе советского режима в сторону «национал-большевизма». Авторы опубликованного в Праге в начале 1921 г. сборника «Смена вех» во главе с Н. В. Устряловым полагали, что в существующих условиях лишь советская власть способна восстановить русское национальное государство, русскую государственную мощь. Сторонники Устрялова воспринимали интернационализм большевиков как ширму. Сменовеховство получило широкую популярность среди российской интеллигенции, чиновников, специалистов. В свою очередь, власть, стремясь нейтрализовать оппозиционные режиму силы, относилась довольно либерально к сменовеховству.

В 1922—1923 гг. идея возрождения российской государственной идеи становится ведущей в партийно-государственной политике, вокруг нее разворачиваются дискуссии в партийной среде. В центральных органах партии и государства получают широкое распространение великодержавные настроения.

Сменовеховские идеи сыграли свою роль в восприятии большевистской властью прежней российской государственной идеи. В условиях острейшей борьбы за власть в «национал-большевизме» Сталин увидел мощное средство мобилизации своих сторонников, а также единственный выход из трудноразрешимого противоречия между интернационалистскими утопиями марксистов и историческим вызовом, брошенным России современной цивилизацией. Синтез социалистических представлений и задач национально-государственного строительства породил сталинскую тео-

рию «социализма в одной стране», привел к радикальной трансформации большевистской доктрины. Для Сталина главным в «национал-большевизме» был не русский великодержавный шовинизм, а возможность реализации централистской линии в национальной политике. Не случайно русская государственная идея очень скоро трансформируется в наднациональную державную имперскую политику, превращается в инструмент тотальной атомизации советского общества. На рубеже 1930-х гг. происходит постепенное поглощение собственно российской государственности союзным центром.

§ 3. Новые реалии политической системы

Эволюция режима. В начале 1920-х гг. Советское государство коренным образом отличалось от того образа «полугосударства» без армии и полиции, без бюрократии, который виделся В. И. Ленину накануне революции. Революционная практика беспощадно вскрыла весь утопизм марксистской доктрины. Реальная, а не книжная диктатура пролетариата оборачивается сверхцентрализацией власти, террором и деспотическим господством партийной бюрократии.

За годы революции и Гражданской войны главной несущей конструкцией новой политической системы становится большевистская партия. Большевистская верхушка, сосредоточив в своих руках все рычаги власти, превращается в правящую политическую элиту. Начиная с 1918 г. в рамках партийно-государственных структур формируется новая коммунистическая иерархия. VII съезд официально закрепил функционирование Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК РКП(б). В условиях Гражданской войны весь государственный аппарат состоял из коммунистов, а высшие посты занимали проверенные представители партийной элиты. В 1921 г., несмотря на окончание Гражданской войны, на местах продолжалось создание ревкомов. Местные советы, там, где они существовали, были практически безвластны. Вялые попытки власти в начале 1920-х гг. оживить их работу результата не дали и не способствовали росту их авторитета у населения, которое отказывалось принимать участие в выборах. В 1923 г. в выборах сельских советов участвовало около 35% населения, а в 1924 г. — еще меньше — 31%.

В период нэпа советский политический режим все более приобретает авторитарный бюрократический характер. Быстро меняется природа большевистской партии. Все больше отрываясь от масс, широко используя репрессивные меры по подавлению инакомыслия, партия трансформируется из революционной структуры в управленческую. Став партией власти, она все больше рекрутируется за счет элитарного слоя совслужащих. При этом сама партия, по определению Троцкого, все более разделяется на «секретарскую иерархию и миряш», т. е. профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в принятии решений. После запрещения на X съезде РСДРП(б) фракций внутри партии процесс концентрации власти в руках партаппарата продолжает набирать силу. Хотя в первые годы нэпа формально еще сохраняются практика выборности, определенного контроля над руководителями и дру-

гие проявления демократизма, рядовые коммунисты постепенно отчуждаются от политического процесса. Внутрипартийная демократия явно начинает мешать становлению жесткой авторитарной системы управления. В 1923 г. Сталин впервые открыто заявил, что «для ограждения партии от влияния нэпа» следует ограничить демократию. Институциализация на XII съезд партии старой партийной гвардии как «духовной аристократии рабочего класса» не спасла партию от дальнейшей бюрократизации аппарата.

Создание номенклатуры. Централизация партийно-государственного управления, при которой все назначения на руководящие должности производились сверху вниз, в свою очередь, способствовала возникновению так называемой номенклатуры. Вскоре после прихода большевиков к власти все назначения и перемещения руководящих работников стали производиться решениями ЦК, а на местах — губкомами партии. В 1919 г. был специально создан учетно-распределительный отдел (Учраспред) для строгого учета ключевых должностей и подбора лиц на их замещение. В годы нэпа номенклатурный принцип назначения руководящих кадров становится одним из основополагающих советской политической системы. Утвержденный в ноябре 1923 г. Оргбюро ЦК список № 1 включал 4 тыс. должностей, назначения на которые производились только ЦК РКП(б). По второму списку ведомства сами назначали на должности, но с уведомлением ЦК и согласованием назначений с Учраспредом. На номенклатурные посты ставились люди, беспрекословно выполняющие предписания партии, способные понять директивы партийных вождей и провести их честно. Для попадания в номенклатурную обойму были нужны не столько профессионализм, опыт и способности, сколько политическая надежность. В результате в 1920-е гг. при всех отличиях номенклатурных работников по социальному происхождению, уровню образования, интеллекта складывается унифицированный образ советского руководителя со стереотипным догматизированным сознанием, одномерным классовым подходом. По этой причине советские номенклатурные управленцы становятся непотопляемыми универсалами. Руководящих номенклатурных работников постоянно перебрасывали из одной отрасли в другую. За три года (1924—1926) свыше 85% номенклатурных работников сменили место работы, треть из них работали на последней должности менее года.

Передвижки руководящих работников с должности на должность, из учреждения в учреждение вели к текучести кадров, снижали ответственность за работу, так как руководители постоянно чувствовали себя временными работниками.

Став с начала 1920-х гг. вершителем судеб партийного и государственного аппарата, Сталин методически проводил курс на изменение персонального состава номенклатуры, в первую очередь ее верхнего слоя. Во многом этому способствовала борьба с оппозициями, в ходе которой он отстранил от руководства своих соперников, а также людей, в преданности которых он не был уверен. Выдвигая людей на руководящие должности, Сталин делал ставку на тех, чья преданность ему была хорошо известна. В результате большинство важнейших партийных и государственных постов занимают малообразованные, малокультурные руководители, такие

как Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, готовые поддерживать и восхвалять любые предложения генсека. Как следствие, уровень образования членов правительства в 1920-е гг. непрерывно снижается. Если в начале десятилетия высшее образование имели восемь наркомов, то в 1929 г. только три. Система назначенчества в противовес принципу выборности кадров, плодившая безответственность, вполне устраивала верхушку партии, так как способствовала укреплению ее власти. Со временем Орграспредотдел, который возглавил Л. М. Каганович, стал важнейшим в составе ЦК. Под его контролем оказались почти все административно-управленческие кадры страны, начиная с центральных ведомств и кончая предприятиями. Институт номенклатуры превращается в действенное средство тотального контроля, о чем недвусмысленно говорил В. М. Молотов в январе 1927 г. на заседании Оргбюро: «Не наблюдается ли стремление ведомств вырваться из-под влияния партии... Держит ли партия аппарат, руководит ли партия всеми винтами, в которых заинтересована? Не вырываются ли ведомства какие бы то ни было: профсоюзы, кооператив, не вырываются ли из-под рук?» Кадровая работа составляет в 1920-е гг. половину всего объема работы Секретариата и Оргбюро ЦК. С середины 1920-х гг. Сталин сам вел картотеку (заслужив прозвище «товарищ Картотеков») руководящих работников партии и государства, используя ее как мощный инструмент укрепления своего влияния.

Большую роль в становлении номенклатурной системы сыграл искусно использованный партийными вождями принцип «орабочивания» партии. С помощью партийных чисток, изменений правил приема в партию, выдвижения рабочих от станка происходило размывание старой партийной гвардии малоподготовленными, полуграмотными массами, легко воспринимавшими простые идеи о светлом коммунистическом будущем и столь же легко становящимися ревностными исполнителями указаний свыше. Этот слой становится социальной базой восхождения Сталина к власти, на что вполне справедливо указал Л. Троцкий в изданной в 1937 г. книге «Преданная революция»: «Прежде... чем неизвестный Сталин вдруг вышел из-за кулис... бюрократия напыла его... Бюрократия победила... всех врагов не идеями и аргументами, а только благодаря собственному весу. Свиной зад бюрократии весил больше, чем голова революции... Вот решение загадки советского термидора».

Власть в руках новой политической элиты становится первой формой собственности; затем номенклатурный слой в силу своего положения фактически становится собственником власти, сконцентрированной в руках Советского государства. Таким образом, уже в 1920-е гг. вместе с номенклатурой за ширмой государственной народной собственности складывается узкогрупповая, корпоративная собственность.

Борьба за власть в годы нэпа. Практически все 1920-е гг. отмечены непрерывной политической борьбой в высших эшелонах советского партийного руководства. Ее главной движущей силой была борьба за власть, сопряженная с бескомпромиссной борьбой за выбор дальнейших путей развития страны. Победитель в этой борьбе вместе с необъятной властью получал право на собственное толкование марксистской доктрины. На

первом этапе, в 1923—1924 гг., борьба разворачивалась вокруг так называемого ленинского завещания, в первую очередь его «Письма к съезду». В своих последних записях, продиктованных с конца декабря 1922 г. до начала марта 1923 г., основоположник и главный идеолог большевистской партии оставил лишь ряд противоречивых суждений и наблюдений, не сводимых в цельную концепцию. Ленина волновали главным образом вопросы бюрократизма и совершенствования аппарата управления с целью снижения опасности раскола в партии, для нейтрализации влияния отрицательных качеств отдельных партийных руководителей, включая Сталина, Троцкого, Бухарина. Но в его предложениях по изменению политического строя по-прежнему не было места широкой демократизации общества, многопартийности, политической оппозиции. Признав недостаточность «цивилизационных» предпосылок для настоящего социализма в России, он хотел использовать для их создания сильную централизованную власть, устранив лишь отдельные «извращения рабочего государства». Эти противоречивые и секретные (обнародованы в открытой печати лишь в 1956 г.) заметки вождя стали орудием во внутрипартийной борьбе, идейно подпитывая противоборствующие силы. На Ленина ссылались и оппозиционные силы, и официальное большинство.

Начиная с 1921 г., Ленин ввиду ослабления здоровья начинает отходить от политического руководства страной и большевистской партией. Постепенно вся власть сосредоточивается в руках триумвирата — в составе заместителя председателя СНК и СТО Л. Б. Каменева, председателя исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьева и И. В. Сталина, который вел партийные дела в период отсутствия Ленина. Заняв весной 1922 г. чисто техническую должность генсека партии, Сталин, опираясь на подчиненный ему партийный аппарат, смог сконцентрировать в своих руках значительную власть. Это обстоятельство в конечном счете и предопределило дальнейший ход борьбы.

Она развернулась еще при жизни Ленина, в начале 1923 г., когда три наиболее амбициозных политика — Троцкий, Зиновьев и Сталин вступили в борьбу за право быть его преемниками. В центре разгоревшейся борьбы оказались проблемы внутрипартийной демократии, возможности построения социализма в одной стране, экспорта революции в другие страны.

Поводом для первого в годы нэпа выступления левой оппозиции стал серьезный кризис сбыта, разразившийся летом и осенью 1923 г. В октябре 1923 г. разница между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию была в 3 раза больше дореволюционной. Троцкий в своем письме в ЦК от 8 октября резко осудил попытки командовать ценами в духе «военного коммунизма». Отражая явные антибюрократические и антиноменклатурные настроения внутри партийной элиты, Троцкий потребовал заменить «секретарский бюрократизм» партийной демократией.

Вслед за письмом Троцкого последовало оппозиционное «Заявление 46-ти», подписанное Преображенским, Серебряковым, Бубновым, Пятаковым, Мураловым и другими известными деятелями партии. «Заявление 46-ти» содержало общую критику всего направления политики ЦК, по существу, это было открытым политическим вызовом «фракции большинст-

ва в Политбюро», на которое возлагалась вина за экономический кризис в стране, за порочную практику назначения на ответственные должности вместо выборности, в целом за «внутрипартийную диктатуру». Авторы документа потребовали обсуждения всех наболевших вопросов на партийной конференции. Триумвират в сложившихся кризисных условиях вызов принял, также заявив о необходимости демократизации партии, якобы задержавшейся исключительно из-за Гражданской войны. Последняя открытая дискуссия в советской истории продолжалась с перерывами до января 1925 г.

Л. Троцкий — самый способный, по оценке Ленина, человек в ЦК, безусловно, превосходил Сталина в качестве истолкователя марксистских догм, но он явно проигрывал Сталину как политик.

Направляя под флагом демократизации главный удар против «переродившегося, капитулянтского» правящего большинства в Политбюро ЦК, Троцкий, по существу, не предлагал никакой позитивной программы, никакого иного способа ведения дел в социалистическом обществе, кроме бюрократического управления, что не могло остаться не замеченным современниками. «Истина в том, — отмечал выдающийся социолог Людвиг фон Мизес, — что Троцкий нашел у Сталина только одну ошибку: тот стал диктатором вместо Троцкого». Действительно, пока Троцкий был у власти, он вовсе не был демократом, требуя безжалостного подавления всех саботажников. Ни один из вождей оппозиции не видел проблемы в том, что большевистская диктатура есть на самом деле диктатура большевистских вождей — властной верхушки партии. Во время дискуссии Троцкий по-прежнему связывал успех социалистического строительства с победоносной пролетарской революцией на Западе. Преображенский и его сторонники выступали за изъятие средств из деревни для нужд промышленности.

В этом был залог слабости оппозиции, выглядевшей в глазах партийной массы группой карьеристов и интриганов, требовавших под прикрытием демократических лозунгов отхода от нэпа. Итогом дискуссии стало осуждение Троцкого за попытку противопоставить аппарат партии в целом, создать фракцию. Пост председателя Совета народных комиссаров после смерти 21 января 1924 г. В. И. Ленина занял не Троцкий, а А. И. Рыков. Вскоре Троцкий был лишен руководящих постов в партии и армии.

Будучи в глазах значительной части революционной интеллигенции «хамом, лжецом, человеком некультурным, обтесанным топором самого примитивного марксизма». Сталин больше доверял здравому смыслу, мог видеть вещи как они есть, не обманываясь хитросплетениями диамата. В противостоянии с Троцким он очень дальновидно предпочел играть роль скромного ученика Ленина. Уже в конце декабря 1923 г. Сталин приступил к осуществлению большой чистки, с помощью которой он намеревался воспрепятствовать организованному выступлению оппозиции. С этой же целью триумвират яростно обрушился на Троцкого, представив его носителем всего «не ленинского». Кроме административного ресурса генсек удачно использовал также идеологическое орудие. После смерти Ленина, чтобы укрепить свой авторитет как единственного настоящего ученика

партийного вождя, Сталин прочел в Свердловском университете ряд лекций об основах ленинизма. Чутко уловив усталость людей от непрерывной борьбы с внешними и внутренними врагами, зависимости их благополучия от перспектив мировой революции, он отказывается от концепции мировой революции и выдвигает тезис о возможности построения социализма в одной стране. Отказавшись от идеи бросить Советскую Россию, как дрова, в костер мировой революции, Сталин смог направить энергию масс на поддержку режима. Широкая пропаганда идеи строительства социализма в одной стране позволила ему консолидировать вокруг себя кадры партийного и государственного аппарата.

Возвышение Сталина происходило на фоне обострения крестьянского вопроса в стране. Очередная «размычка» между рабочим классом и основной массой крестьянства была вызвана растущим недовольством крестьянства советской властью, проявившимся в ряде террористических актов против партийных активистов, селькоров и рабкоров и особенно крупным крестьянским восстанием в Грузии в августе 1924 г.

Недовольство деревни, рост политической активности крестьянства потребовал выработки более гибкой крестьянской политики. Зиновьев, отражая линию большинства на дальнейшие уступки крестьянству в рамках нэпа, выдвинул в июле 1924 г. лозунг «Лицом к деревне». Наиболее последовательно линия на расширение экономических и отчасти политических прав крестьянства была выражена Н. Бухариным. В своем подходе к крестьянскому вопросу он исходил из возможности медленного эволюционного врастания крестьянской кооперации и зажиточного мужика (кулака) в социализм. Считая, что труд «хозяйственного мужичка» полезен обществу, увеличивает товарность крестьянского хозяйства, он в апреле 1925 г. на собрании актива Московской организации РКП(б) выступил в защиту зажиточного мужика: «Крестьянам, всем крестьянам надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут». Для увеличения покупательской способности крестьянства Бухарин предлагал снять административные преграды на пути роста хозяйств, предоставить более широкие возможности использования наемного труда.

Левые коммунисты отстаивали старые антикрестьянские позиции. Е. Преображенский в своей концепции исходил из необходимости преимущественного развития промышленного сектора за счет эксплуатации несоциалистических укладов, путем установления монопольно высоких цен на промышленные товары, высоких налогов.

На этом этапе Сталин в целом поддержал линию Бухарина, предложив выбор более длительного и менее болезненного пути для строительства социализма вместе с крестьянством, через отказ от администрирования и других пережитков «военного коммунизма». Весной 1925 г. для восстановления находящегося в бедственном положении крестьянства натуроставки были полностью заменены денежным налогом, разрешено более широкое право аренды земли и найма батраков, снижен сельскохозяйственный налог. Летом этого же года III съезд Советов СССР признал нецелесообразным применять какие-либо административные меры против вырастающей на почве свободной торговли буржуазной (кулацкой) «верхуш-

ки» деревни. Эта политика «максимального расширения нэпа», проводившаяся до начала 1927 г. и получившая название неонэпа, имела целью вновь завоевать крестьянство на сторону большевистской партии. Политика «врастания нэпа в социализм» была подвергнута резкой критике со стороны лидера ленинградской партийной организации и главы Коминтерна Г. Е. Зиновьева, который увидел в неонэпе лишь очередное отступление и сдачу позиций капиталистическим элементам. Считая, что в отсталой крестьянской России социалистический строй может утвердиться лишь с помощью победившего западного пролетариата, он в опубликованном осенью 1925 г. сборнике статей под названием «Ленинизм» выступил против «национально-ограниченной» сталинской концепции «социализма в одной стране». Это был прямой вызов Сталину. К этому времени правящее большинство раскалывается и под руководством Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева консолидируется новая оппозиция. Выступая против идеализации, «подсахаривания» нэпа, недооценки возрождения капитализма из индивидуального крестьянского хозяйства, они требовали усиления государственного вмешательства в экономику. Решительно отметая всякую возможность политических уступок крестьянству, оппозиция в то же время резко выступала против ужесточения внутрипартийного режима под лозунгом о единстве партии, видя в этом опасность термидорианского перерождения ЦК. Центром новой оппозиции стал Ленинград. Попытка Зиновьева и Каменева дать бой Сталину и Бухарину на XIV съезде партии, собравшемся в декабре 1925 г., не увенчалась успехом. Оппозиционеры не были поддержаны большинством делегатов съезда. Сталин смог достичь полного организационного разгрома ленинградской оппозиции и укрепил свою власть внутри партии.

Весной 1926 г. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Преображенский и их единомышленники создают новую объединенную оппозицию. Основные положения экономической платформы оппозиции были сформулированы Троцким и Каменевым на Апрельском пленуме ЦК ВКП(б), посвященном вопросам хозяйственной политики. Преувеличивая реальные трудности, связанные с товарным голодом в стране, они видели альтернативу нэпу в скорейшей индустриализации страны, резком увеличении численности рабочего класса и улучшении условий его жизни. Предлагая начать индустриализацию самыми высокими темпами, а затем постепенно снижать их, Троцкий имел в виду лишь одну цель — продержаться до победы пролетариата в индустриально развитых странах. Руководствуясь теорией первоначального социалистического накопления, предложенной Преображенским и Питаковым, оппозиция предлагала усидить налоговый пресс на крестьянство, повысить цены на промышленную продукцию и снизить на сельскохозяйственную.

Идеи объединенной оппозиции нашли определенную поддержку в партийных рядах. Широкие партийные круги вовсе не были готовы к «расширению нэпа», а, напротив, разделяли взгляды оппозиции. Критика левых, очевидно, послужила основанием к переориентации сталинской группировки на новые политические позиции и окончанием политики неонэпа. Осенью 1926 г. в постановлении СНК и СТО была поставлена зада-

ла резко ускорить темпы индустриализации, явно превосходящие финансовые возможности страны. Одновременно новая инструкция о выборах в Советы вновь лишала избирательных прав те категории деревенской городской буржуазии, которые получили их в период «поворота лицом к деревне». Перехват лозунгов оппозиции позволил сталинскому большинству подорвать ее влияние в коммунистических массах. Попытки конспиративного центра, созданного Зиновьевым и Троцким, мобилизовать в свою защиту рабочий класс успеха не имели.

Оппозиция понимала смысл стратегии Сталина, пытавшегося сделать из них раскольников. Однако, не имея внутреннего единства и взаимного доверия, а главное, четкой позитивной программы, она не смогла выступить с крупными инициативами по политическим вопросам, которые были бы поддержаны большинством в партии.

После публикации подготовленного Троцким «Заявления 83-х», где партийное руководство во главе со Сталиным обвинялось в поощрении «правых, непролетарских и антипролетарских элементов», Троцкий был заклеймен как предатель и враг советской власти, который в случае войны может выступить против советской системы. На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие лидеры объединенной оппозиции были исключены из партии. В январе 1928 г. Троцкого сослали в Алма-Ату и вскоре выслали за границу. Тем самым сталинская группировка получила неограниченную возможность для формирования авторитарного политического режима. Победив во внутрипартийной борьбе, правое большинство решительно меняет экономический курс. «Экстраординарность положения, — отмечал впоследствии Н. Валентинов (Н. Вольский), — что превратив в ничто, разбив в пух и прах оппозицию, Политбюро или, точнее сказать, Сталин и примкнувшая к нему самая бездарная часть Политбюро — Калинин, Ворошилов, Куйбышев, Молотов — переписывают основные лозунги разбитой оппозиции, начинают, по словам Троцкого, жить «обломками и осколками идей этой оппозиции».

«Полоса признания». К началу 1920-х гг. советская внешнеполитическая доктрина по-прежнему носила двойственный характер, соединяя, с одной стороны, ориентацию на содействие мировой революции, а с другой — стремление к установлению мирных отношений со всеми странами. Поворот в сторону большего прагматизма намечается, несмотря на революционную риторику, с конца 1920 г. Уже летом 1919 г. становится очевидным спад революционной волны, захватившей ранее Центральную и Юго-Восточную Европу. Поражение Красной армии в Польше положило конец иллюзиям Ленина о возможности скорой победы мировой революции и заставило его пересмотреть и общую концепцию мирового развития, и взгляды на задачи, средства и методы советской дипломатии. Не отказываясь в принципе от всемерной поддержки дела мировой революции, Ленин на первое место ставит задачи экономического сотрудничества между государствами, представлявшими разные системы собственности.

Экономические интересы, стремление наладить взаимовыгодную торговлю заставляли Советскую Россию даже в годы «военного коммунизма» «маневрировать во внешней политике», не упуская любые возможности ус-

становить торговые и политические связи с зарубежными странами. В начале февраля 1920 г. был подписан первый мирный договор между Советской Россией и Эстонией, который был расценен Лениным как «акт громадной исторической важности». Затем один за другим в течение лета и осени 1920 г. заключаются мирные договоры с Литвой, Латвией, Финляндией. В июне народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин поставил вопрос о возможности длительных, стабильных отношений между государствами с различным социальным строем, диктуемых «экономической действительностью», и в общих чертах сформулировал концепцию «мирного сосуществования». В письме «Американским рабочим», исходя из первенства экономических интересов, Ленин предложил капиталистическим странам сотрудничество на базе предоставления в Советской России концессий зарубежным предпринимателям. К осени 1920 г. в Лондоне была зарегистрирована первая советская торговая компания «Аркос» (Всероссийское кооперативное общество).

26 февраля 1921 г. мирный договор был подписан с Ираном, затем — с Афганистаном, в марте — с Турцией, в ноябре — с Монголией. К концу 1921 г. девять государств поддерживали дипломатические отношения с Советской Россией.

С введением нэпа советская внешняя политика становится все более прагматичной. Ее задачи в наиболее очевидном виде были сформулированы на X съезде РКП(б) в марте 1921 г.: вывести страну из состояния внешнеполитической и экономической изоляции и установить «постоянные мирные отношения со всеми государствами». Главным инструментом реализации этой политики становится предоставление зарубежным компаниям концессий, заключение торговых договоров и соглашений. 16 марта 1921 г. было подписано советско-британское торговое соглашение, положившее начало фактическому признанию Советской Республики капиталистическими державами. Убежденная в тщетности дальнейших попыток свержения советского строя в России и ее изоляции, Великобритания первой среди великих держав пошла навстречу Советской Республике. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, стороны договорились о налаживании двусторонней торговли, а также обязались воздерживаться от враждебных действий или мероприятий друг против друга. В соответствии с достигнутыми договоренностями для иностранных коммерческих судов были открыты порты Петрограда, Архангельска, Одессы, Новороссийска. Советские торговые суда вышли на международные торговые пути. Деловые круги Запада, ощущая негативные последствия выпадания традиционных российских товаров из мировой торговли, также стремились восстановить прерванные связи. Еще более заманчивой представлялась перспектива освоения гигантского внутреннего рынка Советской Республики. В Россию поступали сотни предложений об открытии концессий в различных отраслях промышленности. С началом нэпа на Западе становится популярным мнение, что развитие торговых отношений окажет цивилизирующее влияние на коммунистическую Россию.

Новые акценты в советской внешней политике с началом нэпа выразились в более решительной защите традиционных российских интересов.

Советско-турецкий договор, подписанный в середине марта 1921 г., гарантировал свободу прохода российских торговых судов через черноморские проливы. Взаимное недовольство Версальским миром и территориальными притязаниями Польши стало основанием для налаживания советско-германских экономических и политических отношений. Поскольку Версальский договор запрещал Германии производить оружие, после секретных переговоров в сентябре 1921 г. на советской территории начались работы по разработке новых видов вооружения, подготовке кадров для германской армии. Советская сторона рассчитывала с помощью германских капиталов и технологий осуществить реконструкцию народного хозяйства.

Главным препятствием на пути нормализации экономических и дипломатических отношений с ведущими европейскими странами являлась проблема долгов царского правительства. Осенью 1921 г. Москва предложила Западу созвать международную конференцию с целью обсуждения этого вопроса. Верховный союзный совет принял это предложение. На срочно собранную весной 1922 г. в Генуе международную конференцию было приглашено около 30 европейских стран, включая Советскую Россию и Германию.

Еще до ее созыва Союзный совет потребовал от Советской России за дипломатическое признание и западные кредиты признания всех долгов, полной компенсации за утраченную собственность, реформы полиции, правовой и денежных систем, отказа от пропаганды и политической деятельности Коминтерна против капиталистического мира. Эти требования вновь были предъявлены советской делегации Ллойдом Джорджем при открытии конференции 10 апреля 1922 г. Возглавлявший советскую делегацию Г. В. Чичерин, в свою очередь, представил встречные претензии за ущерб, нанесенный стране интервенцией, в сумме 39 млрд золотых рублей.

Столкнувшись с жесткой позицией объединенного фронта капиталистических государств, советская делегация предложила Германии установить дипломатические отношения на основе взаимного отказа от долгов и претензий и дальнейшего развития экономического сотрудничества. На продолжавшемся всю ночь и получившем в истории дипломатии название «пижамном совещании» немецкая сторона приняла советские предложения. Для Советской России экономически более выгодным было бы достижение соглашения с Парижем и Лондоном. Однако в тот момент ни западные державы, ни Россия не были к этому готовы. Осенью 1922 г. на конференции в Лозанне, где обсуждалась проблема черноморских проливов, Советскую Россию признали наследницей прав и интересов Российской империи.

В 1924—1925 гг. большинство западных государств, несмотря на деятельность Коминтерна и непризнание СССР долгов царского и Временного правительств, пошло на установление дипломатических отношений. До начала 1930-х гг. Советским Союзом было заключено более 30 различных межгосударственных соглашений в экономической области. В соответствии с ними западными фирмами были разработаны проекты – свыше 600 заводов, включая автомобильные и авиационные.

Двойственность внешней политики Советского государства явилась важнейшей причиной осложнения международного положения СССР с середины 1920-х гг. В 1927 г., воспользовавшись вмешательством Коминтерна во всеобщую забастовку английских трудящихся в мае 1926 г., правительство Великобритании пошло на разрыв торговых и дипломатических отношений, развязав шумную антисоветскую кампанию. США, опираясь на революционные призывы Коминтерна, отказывались признать СССР.

«Полоса признаний» Советского государства, расширение внешеторговых отношений поставили власть перед сложной дилеммой: активнее включаться в международное разделение труда, восстанавливать отношения с экономическими партнерами, что было чревато неизбежным врастанием в мировую капиталистическую систему хозяйства, или по-прежнему ожидать помощи западного пролетариата в случае победы революции в передовых странах.

Завершение восстановительного периода. Освобождение рыночной экономики от оков «военного коммунизма» позволило быстро двинуть вперед экономику страны. В целом уже в 1926 г. промышленность по объему валовой продукции превысила довоенный уровень. Производство сельскохозяйственной продукции за пять лет выросло в 2 раза и превысило уровень 1913 г. После неурожая и голода единоличное крестьянское хозяйство смогло быстро довести до довоенного уровня посевные площади, поголовье скота, производство основных продуктов. Рост зажиточности деревни проявлялся в расширении группы середняков, но особенно предпринимательской верхушки. Подъем крестьянского хозяйства сопровождался увеличением розничной торговли (главным образом за счет частного торговца), оживала кустарно-ремесленная промышленность. Устойчивые деньги оздоровили товарооборот. Объем внутренней торговли к 1925 г. достиг 98% от довоенного уровня.

Однако в целом ситуация не была столь оптимистичной. СССР по-прежнему серьезно отставал от наиболее развитых стран мира. Уровень производства в ведущих отраслях отечественной промышленности в расчете на душу населения был в 5—10 раз ниже, чем в аналогичных зарубежных. Советская экономика выходила на мировой рынок главным образом сырьевыми товарами. Поскольку в это время советское руководство рассматривало угрозу военного столкновения с Западом как вполне реальную, особую опасность представляло отставание СССР в военной области. Уже в Первой мировой войне Россия оказалось далеко позади других воюющих стран по уровню финансовых затрат на одного военнослужащего и наличию стратегических резервов. Реформа армии была начата в 1924 г. Но чтобы обеспечить армию современным оружием, страна не имела средств. В качестве ближайших задач IV съезд Советов (в апреле 1927 г.) предложил возрождение коневодства для кавалерии и широкое внедрение усовершенствованной повозки, когда во всем мире уже господствовал автомобильный и воздушный транспорт.

В 1924 г. в СССР были изготовлены первые пробные гусеничные тракторы, а Московский завод АМО выпустил первые десятки грузовых автомобилей.

Задача всесторонней модернизации народного хозяйства вновь, как и в начале века, становилась для России самой насущной. По уровню грамотности и урбанизации населения Советский Союз находился на одном из последних мест среди крупных капиталистических стран.

Восстановительный процесс в стране базировался исключительно на мобилизации накопленного ранее материального и интеллектуального потенциала. Как только были использованы самые поверхностные резервы восстановления народного хозяйства, выявились многочисленные проблемы и трудности. Монополия внешней торговли позволила резко ограничить потребительский импорт. Но рост крестьянского потребления никак не позволял вывести продовольственный экспорт на довоенный уровень. Экспорт хлеба упал в 1926 г. до 0,6 млн тонн. Страна не могла возвратить свои традиционные мировые рынки сбыта. Место ее уже было занято. Тем более СССР не был конкурентоспособен по промышленным изделиям. Монополия внешней торговли позволяла завышать цены на промышленные изделия, что обеспечивало предприятиям прибыль даже при их низкой эффективности и плохом качестве изделий, но одновременно обостряло хронический конфликт между городом и деревней вокруг цен на промышленные товары. Квалифицированные рабочие составляли всего 53% от общего числа рабочих, приток молодежи из села в город породил массовую безработицу. В 1925 г. число безработных достигло 1,5 млн человек. Заработная плата и потребление были ниже, чем до революции. Среди рабочих и служащих росло недовольство. В 1926 г. в забастовках участвовали более 100 тыс. рабочих и служащих.

Участие иностранного капитала в смешанных обществах, концессиях не оказывало существенного влияния на общее состояние отечественной экономики. Одна за другой концессии закрывались, не выдерживая обстановки бесхозяйственности, административного давления, отсутствия правовой базы.

К новой модели развития. Идея превращения России из отсталой аграрной в передовую индустриальную страну была одной из наиболее сильных сторон большевистской доктрины, отвечавшей историческому нетерпению обновлявшегося российского общества, все более осознававшего экономическое отставание от Запада. Однако курс на индустриализацию не явился результатом глубоко продуманной стратегии. Целостная, внутренне логичная модель направляемой государством импортозамещающей индустриализации складывается постепенно к концу 1920-х гг. в острой внутрипартийной борьбе, методом проб и ошибок.

В разработанном в течение нескольких месяцев 1920 г. Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО) плане — первом масштабном прогнозе народнохозяйственного развития – цели индустриализации понимались достаточно широко: в нем речь шла не только о преобразовании Советской России за 10 лет в промышленно развитую страну, но и о внедрении новейших достижений науки и техники во все отрасли народного хозяйства, об индустриализации населения, т. е. росте городов и увеличении численности горожан. Поскольку план ГОЭЛРО был прямым порождением «военного коммунизма», в нем не рассматривались

социально-экономические возможности индустриального роста, не анализировалось соотношение финансовых затрат и результатов. По существу, уже тогда цели глубинной экономической, социальной и культурной модернизации, единственно способной вывести Россию на передовые рубежи, были сведены лишь к индустриализации страны (хотя бы и широко понимаемой).

В условиях нэпа определенная часть намеченных ГОЭЛРО задач была решена: высокими темпами поднималась металлопромышленность, в том числе сельхозмашиностроение, станкостроение. Завершение к середине 1920-х гг. восстановительных процессов и исчерпание унаследованных от царской России ресурсов вновь остро ставят на повестку дня вопросы дальнейшего развития советской системы. Нужно ли сохранять нэп? Как преодолеть резко возросшее за годы войны и революции отставание от развитых государств Запада? Одновременно надо было решать проблему обострившегося товарного голода. Необходимо было найти его причины: являлся ли он результатом простого стечения обстоятельств или он стал следствием противоречивости и непоследовательности проведения нэпа?

Очевидная необходимость осмысления этих вопросов, вызвавших широкие дискуссии хозяйственников и ученых, привела к обострению противоборства внутри партии. Определение путей индустриализации страны тесно переплелось с обсуждением подготовленных органами Госплана «Контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1925/26 год», ориентированных на быстрый рост объемов промышленного производства, на обеспечение высокого темпа индустриализации. Необходимость индустриализации, перевода предприятий на новый технический базис в большевистском руководстве понимали все. И правящее большинство, и оппозиционные силы признавали дальнейшую индустриализацию как наиболее экономный путь реорганизации экономического строя России. В плане структурно-технологическом также вопрос был очевиден: нужно было создавать развитую машиностроительную базу, поднимать отечественную энергетику и топливный комплекс. Сложнее из-за низкой эффективности экономики и невозможности притока иностранного капитала обстояло дело с финансовыми ресурсами для расширения производства. Идеолог российской индустриализации профессор В. Гриневецкий в свое время рассчитывал на масштабные иностранные инвестиции. Для Советской России после отказа платить царские долги и национализации собственности кампаний с иностранным участием этот канал был фактически закрыт. По политическим и идеологическим причинам оказался неприемлемым традиционный для России источник накопления капиталов для развития экономики — крестьянское хозяйство. Антикапиталистическая риторика сделала политически невозможной активную поддержку развития и укрепления крестьянских хозяйств. Под шквалом критики Н. Бухарин был вынужден снять лозунг «Обогащайтесь!». В результате ресурсы роста крестьянского накопления, созданные земельным переделом, были надежно заблокированы. По тем же причинам проблематичным оказался рост производственного накопления в частнохозяйственном секторе вне сельского хозяйства. Постоянные угрозы со стороны власти и оппозиции по от-

ношению к буржуазии стимулировали лишь краткосрочные спекулятивные торгово-финансовые операции, а отнюдь не масштабное частное финансирование индустриализации.

Дискуссии выявили два противоположных подхода к проблеме капиталонакопления. Левая оппозиция, рассматривая индустриализацию как путь к победе социалистических начал и подчиняя решение экономических задач политическим, настаивала на осуществлении ускоренной индустриализации. Для этого оппозиция настойчиво предлагала различные способы перекачки средств из деревни в город: от использования пресловутых «ножниц» — превышения промышленных цен над сельскохозяйственными — до усиленного налогообложения деревенской верхушки. Предрекая углубление кризиса, социального расслоения и утрату в конечном итоге «социалистической перспективы» в случае укрепления частного капитала в городе и деревне, Троцкий и его единомышленники (Е. Преображенский, И. Смилга, Ю. Пятаков) видели выход в мобилизации масс на нужды индустриализации, усилении плановых начал в развитии народного хозяйства, ограничении «эксплуататорских тенденций нэпманов и кулака». В «Платформе большевиков-ленинцев», опубликованной в сентябре 1927 г., оппозиция предлагала «растущему фермерству деревни» противопоставить «более быстрый рост коллективов».

Второй подход предполагал начинать индустриализацию с создания благоприятных условий для роста сельского хозяйства с тем, чтобы в будущем подготовить необходимые предпосылки для быстрого роста тяжелой промышленности. Эту точку зрения поддерживали многие экономисты-аграрники. Опираясь на дореволюционный опыт, сотрудники Особого совещания по восстановлению основного капитала промышленности (ОСВОК), профессора В. Громан, В. Базаров, Н. Кондратьев отстаивали программу сбалансированного развития народного хозяйства, включая развитие отраслей, производящих предметы широкого потребления. За сохранение рыночных отношений между городом и деревней, против ускоренных темпов индустриализации и принудительного кооперирования крестьян выступали правые. Бухарин предлагал снизить темпы индустриализации и переключить средства из тяжелой промышленности в легкую. Главный партийный теоретик выступал за постепенное врастание через кооперацию частных хозяев, в том числе и зажиточных слоев, в будущий социализм и по этой причине отстаивал теорию затухания классовой борьбы по мере приближения к социализму. В это время Сталин и его приверженцы, всецело поглощенные борьбой за власть, не имели ясных представлений ни о темпах, ни о методах индустриализации и разделяли положения бухаринской программы. На всем протяжении борьбы с левой оппозицией Сталин упорно уклонялся от ответа на вопрос об источниках капиталовложений. Единственное исключение – предложение нарастить для этих целей производство государственной водки, которую в народе стали называть по имени председателя Совнаркома Рыкова «рыковкой».

На XIV съезде партии в 1925 г. Сталин впервые заговорил об индустриализации как генеральной линии партии. Тогда же была сформулирована цель индустриализации: превратить СССР из страны, ввозящей маши-

ны и оборудование, в страну, производящую машины и оборудование. Однако в Политбюро по-прежнему доминировали представления о необходимости минимальных темпов индустриализации. Нельзя отрываться от реальных «финансовых и иных возможностей» – предупреждал Сталин, критикуя максимализм Троцкого; Ф. Э. Дзержинский, находясь на посту председателя ВСНХ, также считал, что темпы роста промышленности должны быть согласованы с ростом и нуждами сельского хозяйства.

Но уже осенью 1926 г. XV партконференция потребовала от хозяйственных и государственных органов «форсировать постановку в нашей стране производства орудий производства с целью уничтожения зависимости от капиталистических стран в этой решающей для индустриализации области». Эта установка была закреплена в утвержденных в декабре 1927 г. XV съездом партии директивах по составлению пятилетнего плана. К этому времени в руководстве партии утверждается линия на необходимость высоких темпов индустриализации, решительного социалистического наступления. Сталинское большинство, как и оппозиция, столкнувшись с ограничениями доктринального и социально-экономического порядка и не найдя иных способов решения проблем индустриализации, искусственно взвинчивает ее темп, выдвинув задачу в кратчайший срок догнать и перегнать ведущие капиталистические страны по основным экономическим показателям.

Выбор форсированной индустриализации означал и конец нэпа, поскольку в его рамках для большевистского руководства оставался лишь малоприятный выбор между относительно низким темпом роста при сохранении финансовой стабильности и попытками форсировать государственные капиталовложения за счет включения печатного станка с неизбежными инфляционными последствиями. Ответом правящей фракции большевиков на кризис накопления становится вторичное закрепощение деревни, резкий рост государственного накопления за счет снижения уровня жизни населения. В 1927 г. был выпущен первый заем индустриализации, в 1928 г. — второй. Из года в год растет объем средств, заимствованных государством у народа. К 1930 г. эта сумма достигла почти 1,3 млрд руб.

В первые годы индустриализации особое внимание уделялось расширению энергетической базы, увеличению добычи угля и нефти, преодолению отставания металлургии. Новое промышленное строительство развернулось во всех регионах страны. К концу 1920-х гг. круг задач, обозначенных планом ГОЭЛРО, серьезно трансформируется. Сталинское руководство страны превращает индустриализацию в инструмент реализации утопической идеи социалистического переустройства общества. Главной целью экономического развития становится изменение социальной структуры общества, ликвидация класса предпринимателей, вытеснение частного капитала, создание льготных условий для рабочих за счет других слоев населения.

В экономике преимущественное развитие получает производство средств производства в ущерб легкой промышленности и сельскому хозяйству. Впоследствии эти отрасли уже никогда не смогли подняться, несмот-

ря на вливания капиталовложений. Убежденность советского руководства в неизбежности военного столкновения с капиталистическим миром из всех задач индустриализации выдвигает на передний план проблему укрепления обороноспособности страны. В итоге форсированное развитие оборонных производств приводит к постепенному подчинению экономики их нуждам. Уже в 1932 г. производство военного снаряжения поглощало почти 22% общего производства стали и чугуна в стране, в 1938 г. — почти 30%. Государство создает гарантированные условия развития военных отраслей. Обеспечение гражданских отраслей сырьем и иными ресурсами производится только после того, как выполнены заказы оборонных. Другая важная особенность осуществления индустриализации в СССР — значительные масштабы экспорта природного сырья и других традиционных российских товаров, насильно отбираемых у голодной деревни, что позволяло приобретать за рубежом новейшие технологии, использовавшиеся главным образом для поддержания мобилизационного потенциала. В начале 1930-х гг. Советский Союз занимал первое место в мире по импорту машин и оборудования. В 1931 г. – около одной трети, а в 1932 г. – около половины всего мирового экспорта машин и оборудования направлялось в СССР.

Однако главной особенностью советской экономики 1920-х гг., ее кардинальным отличием при всем сходстве структур от российской дореволюционной экономики явилось фактическое отделение внутреннего рынка от внешнего. Путь к индустриализации лежал через закрытие внутреннего рынка. Тем самым конкуренция импортных товаров устранялась, а спрос населения становится мощным стимулом к формированию отечественной обрабатывающей промышленности. Для этого активно использовался механизм монополии внешней торговли, экстремально высокие таможенные тарифы, делающие невозможной органичную рыночную интеграцию национального частного сектора в структуры мировой торговли. С лета 1926 г. был запрещен свободный размен червонцев на золото, а затем наложен запрет на вывоз советской валюты за рубеж. Неконвертируемость национальной валюты, контроль за внешнеэкономической сферой давали возможность власти не допускать вывоз национального капитала за границу, а использовать его для финансирования собственной промышленности.

Большинство названных мер вводилось в 1920-е гг. как спонтанная реакция на краткосрочный кризис платежного баланса. И лишь впоследствии они приобрели характер осознанной, сформулированной стратегии. Структурно-технологические приоритеты социалистической индустриализации заимствуются из разработок В. Громана, а также из плана ГОЭЛРО. Индустриализация обретает ярко выраженный импортозамещающий характер. Основной целью хозяйственного управления становится достижение возможно полной независимости от капиталистического мира, налаживание производства всех необходимых стране изделий собственными силами.

Концепция ускоренной индустриализации включала в себя ряд принципиальных моментов: четкое деление народного хозяйства на два сектора – приоритетный, в который входило в основном производство продук-

ции военного назначения, и неприоритетный — все остальные виды деятельности, включая производство предметов потребления. Предполагалось сконцентрировать усилия на немногих решающих направлениях, осуществить первоочередное развитие отдельных отраслей тяжелой и оборонной промышленности, преобладание плановых методов хозяйственного руководства, широкое использование техники и технологий Запада, а также соединить индустриализацию с коллективизацией сельского хозяйства.

Стратегия импортозамещающей индустриализации позволила фактически заново создать в стране индустрию, занять избыточные ресурсы рабочей силы, освобождаемые из деревни. Однако в силу закрытости экономики национальная промышленность формируется в искусственных, тепличных условиях. Устранение внешней конкуренции оборачивается хронически низкой конкурентоспособностью отечественных товаров на зарубежных рынках.

С принятием курса на индустриализацию становится реальностью предложенная еще Л. Троцким специфическая мобилизационная модель развития страны, наиболее существенными чертами которой становится доминирование политических факторов над экономическими, гипертрофированная роль государства, строгая определенность целей. Мобилизационный тип развития экономики, ориентированный на достижение чрезвычайных целей с использованием для этого чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм, позволяет советским вождям успешно решить целый ряд задач по модернизации страны, но он же отклонил на десятилетия траекторию национального развития от доминирующих мировых тенденций.

§ 4. Сталинская «революция сверху»

Свертывание нэпа. Конец 1920-х — начало 1930-х гг. ознаменовались свертыванием нэпа, политическим и идеологическим разгромом его сторонников, отказом от принципов, на которых он основывался, и переходом на административно-репрессивные методы управления. Отход от нэпа обозначился уже с середины 1920-х гг. Сформировавшаяся коммунистическая авторитарная политическая система была несовместима с полнокровными рыночными отношениями, поскольку рынок создавал реальную угрозу буржуазной реставрации, и свертывание новой экономической политики было лишь вопросом времени. Так называемые нэповские альтернативы могли состояться лишь в случае серьезной трансформации характера самой власти, коренного изменения всей модели государственного и хозяйственного строительства, к чему не был готов даже лучший партийный теоретик Н. И. Бухарин. Ни одно из влиятельных течений в политическом спектре страны не предлагало полной либерализации рыночных отношений. Одна из причин этого — слабость отечественного частнопредпринимательского сектора, не способного при самом благоприятном для него повороте правительственной политики быстро модернизировать отсталую российскую промышленность. Стало быть, реальный выбор состоял либо в продолжении нэпа, либо в возврате к военно-коммунистической линии.

Лишь опасения большинства высших советских руководителей потерять власть в результате нового всплеска крестьянской войны привязывали их к нэпу. С победой сталинского курса и ужесточением политического режима многовариантность нэповской идеи была исчерпана. В 1926—1927 гг. давление на частный сектор усиливается. Сталинское большинство, ведя борьбу с троцкистско-зиновьевской оппозицией, берет на вооружение ее предложение о перекачке средств из частного сектора на нужды индустриализации. Достигнув потолка в извлечении средств обычными методами, государство возрождает чрезвычайные меры времен «военного коммунизма». Их активным проводником становится В. В. Куйбышев, возглавивший после смерти Ф. Э. Дзержинского ВСНХ. Начиная с 1927 г. Наркомторг назначает ежегодный план по экспорту антиквариата (вопреки ранее принятому Декрету о запрещении продажи и вывоза произведений искусства без консультаций и санкций Наркомпроса) в целях финансирования страны. 23 января 1928 г. уже Совет народных комиссаров принимает постановление о мерах по усилению экспорта и реализации за границей предметов старины и искусства. В результате его реализации за границей с молотка пошли многие художественные ценности из отечественных музеев, включая полотна Ван Дейка, Пуссена, Лоррена.

Свертывание нэпа было выгодно той части номенклатуры, чьи экономические интересы с окончанием Гражданской войны резко разошлись с интересами других слоев общества. Номенклатурные выдвиженцы использовали трудности нэпа для направления растущего недовольства рабочих слоев против нэпманов, буржуазных спецов, якобы мешавших продвижению страны к светлому будущему.

Важную роль в сломе нэпа сыграли причины экономического характера. В середине 1920-х гг. страна лишь возвращалась к уровню 1913 г., что, естественно, не давало гарантий возможности развития СССР в случае экономической блокады, а главное, выбивало почву под целевой установкой большевиков на «освобождение мирового пролетариата от капиталистического гнета». В 1927—1928 гг. в промышленности наблюдался заметный подъем, выпуск промышленных изделий превышал годовые задания, два года подряд шло снижение себестоимости продукции и увеличивалась прибыль. Но значительные темпы индустриального роста в эти годы — результат мобилизации ранее накопленного материального и интеллектуального потенциала страны, использования простаивавших ранее мощностей, возрождения экономических связей между регионами. Нэповская модель определенно нуждалась в корректировке.

В конце 1920-х гг. резервы были исчерпаны, страна столкнулась с необходимостью огромных инвестиций в народное хозяйство. Оборудование, не обновлявшееся многие годы, старело. Более того, политические ограничения и бюрократические препоны на пути развития рынка изначально обрекали российскую экономику на низкую эффективность. Крупная промышленность и банки по-прежнему оставались в руках государства. Частные предприниматели на протяжении всех 1920-х гг. подвергались яростной травле и судебным преследованиям. Предприятия не могли самостоятельно решать самые простые вопросы. Ограничению предпринима-

тельской деятельности способствовал растущий налоговый пресс, практика принудительных займов, дискриминация частных предприятий по сравнению с государственными.

В результате при всех несомненных достижениях нэпа национальный доход СССР и в 1928 г. составлял лишь 88% от уровня 1913 г., соответственно ниже дореволюционного был и уровень жизни населения. Вдвое ниже была рентабельность советской экономики. Отсюда постоянные колебания экономической политики в 1925–1928 гг. между инфляционным финансированием и попытками восстановить устойчивость денежной системы, острые дискуссии между Наркомфином и Госпланом о возможных темпах и масштабах государственного накопления, нарастающая финансовая нестабильность и неизбежные, связанные с ней сбои в работе рыночного механизма. В этих условиях всячески преувеличиваемая правящей верхушкой угроза войны со стороны капиталистического окружения стала весьма удобным поводом для слома нэпа. В первой половине 1927 г. в выступлениях советских руководителей все настойчивее повторяется мысль о возможности скорой войны. 1 июня 1927 г. ЦК ВКП(б) обратился в связи с обострением международной обстановки с призывом к партии и всему народу о необходимости укрепления обороны СССР путем усиления темпов индустриализации, повышения производительности труда, всемерного укрепления Вооруженных Сил. В итоге форсированное развитие оборонных производств оборачивается постепенным подчинением им всей советской экономики.

Переход к директивному планированию. В условиях отсутствия экономических механизмов, способных одновременно обеспечить и сбалансированность, и динамичное развитие народного хозяйства, к середине 1920-х гг. из недалекого военно-коммунистического прошлого извлекается утопическая идея всеобщего государственного планирования. Идеи планового регулирования экономики занимали не последнее место в марксистском учении. Единого общего государственного плана требовала для советской экономики Программа партии, принятая в 1919 г. В 1920 г. был разработан первый перспективный план — ГОЭЛРО. Начиная с 1920 г. Троцкий выступал активным поборником планирования. Однако в условиях Гражданской войны проблемы всеобщего планирования обсуждались лишь в принципе, дело продвигалось медленно. Тем не менее постепенно складывается структура плановых органов. Госплан после завершения работы над контрольными цифрами на 1925/26 г. начинает играть роль фактического, а не формального органа планирования. К этому времени чаша весов в теоретическом споре двух экономических школ: генетиков (Н. Кондратьева, В. Базарова, В. Громана), считавших, что планирование должно строиться на отслеживании объективных тенденций экономической ситуации, и отстаивавших рыночный механизм хозяйствования и «телеологов» (Г. Кржижановского, С. Струмилина, В. Милютина), утверждавших, что главный фактор в планировании — цель, а посему выступавших за примат целевых установок в плане, за директивные методы управления экономикой, быстро и необратимо склонялся в сторону последних. Перевод спора из научной плоскости в политическую завершил

Сталин в 1927 г., заявивший, что «наши планы есть не планы — прогнозы, не планы-догадки, а планы-директивы». К концу 1920-х гг. сторонники генетической школы были окончательно разгромлены, а затем многие из них по сфабрикованным обвинениям были репрессированы.

Отказ от ориентировочного планирования с его контрольными цифрами, косвенными формами регулирования производства и переход к прямому директивному планированию в первую очередь отразился на порядке составления планов. Если в начале 1920-х гг. центр лишь аналитически осмысливал и увязывал предложенные снизу материалы, то в конце их Госплан уже сам точно определял количественные объемы производства каждого продукта и затем в виде заданий развертывал их по плановым комиссиям наркоматов и экономических районов. При этом плановая установка превращалась в жесткую директиву, а планирование велось от достигнутого. Фактически уже контрольные цифры на 1927/28 г. становятся обязательными для ведомств.

Разработкой первого пятилетнего плана занимались две группы специалистов — одна из Госплана, другая представляла ВСНХ. Сталинским руководством был поддержан вариант ВСНХ, основное внимание в котором уделялось развитию тяжелой промышленности, остальные же отрасли должны были развиваться в зависимости от этого решающего сектора экономики. Некоторые работники Госплана, включая Громана, Базарова, Калинникова, резко критиковали запланированные высокие темпы индустриализации как нереалистичные. Вслед за Калинниковым, считавшим, что для реализации отправного варианта плана не хватит времени, не хватит строительных материалов, Бухарин утверждал, что в стране нет нужного количества строительных материалов, а «из кирпичей будущего» заводы не построишь.

Выполнение пятилетнего плана, намеченного на 1928/29—1932/33 гг., официально началось 1 октября 1928 г., поскольку хозяйственный год тогда начинался с октября. К этому сроку задания не были опубликованы и еще не были даже утверждены. Характерно, что председатель ВСНХ В. В. Куйбышев уже после этой даты получил задание свыше за ночь свести баланс по контрольным цифрам. Широкое обсуждение плана началось лишь в самом конце 1928 г. Из двух подготовленных вариантов пятилетки — отправного, или минимального, и оптимального (который по основным показателям был примерно на 20% выше первого) — XVI партконференция (апрель 1929 г.) без всяких споров утвердила оптимальный. Он предусматривал ежегодный рост промышленного производства на 21–25%, т. е. несколько более высокий темп, чем прогнозировал в 1925 г. Троцкий, обвиненный тогда за это правящей фракцией в «сверхиндустриализаторстве».

Формально оба варианта пятилетки политически не противостояли друг другу. Председатель Госплана Г. М. Кржижановский на конференции объяснял в своих выступлениях, что два варианта плана — это как бы артиллерийская «вилка», так что «попадание» при выполнении плана будет в ее пределах. Он полагал, что отправной вариант будет выполнен безусловно, даже в случае неурожая и внешних осложнениях, но при этом по-

лезно ориентироваться на оптимальный вариант. После партконференции серией постановлений ЦК партии, Совнаркома, ВИК СССР были повышены пятилетние задания по чугуну, нефти, тракторам и провозглашен лозунг «Пятилетку — в четыре года». Название отправного, непринятого, варианта все более политизируется. В дискуссии вокруг заданий пятилетки его называют враждебным, оппортунистическим.

Принятый первый пятилетний план был ориентирован прежде всего на развитие тяжелой индустрии: металлургической и топливной промышленности, машиностроения, тем самым он должен был создать надежную техническую базу для производства новейших систем вооружений. При общем темпе роста валовой продукции всей планируемой промышленности в 2,8 раза тяжелую индустрию предполагалось поднять в 3,3, а легкую — в 2,3 раза. Главной политической целью пятилетки было усиление социалистического сектора в городе и деревне. Но при этом первый пятилетний план, в отличие от последующих, базировался на принципах нэпа. В нем намечалось дальнейшее развертывание хозрасчета, доведение его до каждого предприятия (а не треста, как полагалось по закону 1927 г.). Важнейшим его достоинством была сбалансированность всех важнейших заданий между собой.

Решая задачи первой пятилетки, сталинское руководство становится на путь пересмотра и без того завышенных заданий. Летом 1930 г. на XVI съезде партии Куйбышев заявил о том, что необходимо каждый год удваивать объем капиталовложений и увеличивать производство на 30%.

«Темпы решают все». В феврале 1931 г. Сталин заговорил о возможности и необходимости выполнения плана в основных отраслях за три года. Новые планы были далеки от реальных возможностей страны и лишь способствовали дестабилизации производства. На выполнение фантастических планов привлекалось все больше рабочих. За первую пятилетку их численность увеличилась с 4,6 млн до 10 млн человек. Росло число начатых и незавершенных строек: в конце первой пятилетки в них было заморожено 76% капиталовложений против 31% в начале. В конечном итоге фактические показатели выполнения пятилетнего плана существенно отклонились от запланированных, о чем свидетельствует приводимая таблица.

Планируемые и фактические показатели первой пятилетки

	Уголь, т	Нефть, бар.	Железная руда, млн т
Показатели 1927—1928 гг.	34,4	11,7	5,7
Отправной вариант	68,0	19,0	15,0
Оптимальный вариант	75,0	22,0	19,0
Исправленный вариант	95—105	40–55	24–32
Реально достигнуто	64,0	21,4	12,1 в 1932 г.

Новый курс в деревне. Непосредственным поводом для отказа от нэпа послужил кризис хлебозаготовок конца 1927 г., прямо связанный с попыткой форсировать темпы роста накопления и удержать цены на зерно на низком уровне. Хлеб давал валюту, поэтому от хлебозаготовок зависели

сроки и темпы превращения Советской России из аграрной в индустриальную страну. К этому времени сложилась противоречивая экономическая ситуация. Крестьянское единоличное хозяйство укрепилось. Деревня расширяла собственное потребление сельхозпродуктов. Если в 1913 г. из деревни уходило 22- 25% производимого продовольствия, то в середине 1920-х гг. лишь 16—17%. В результате резко сокращается и продовольственный экспорт, и приток продуктов на внутренний рынок. Поскольку политические соображения в этот же период заставляли власти повышать уровень реальной заработной платы в городе, в стране раскручивается новый виток инфляции, нарастает дисбаланс между отраслями. Попытки правительства административными мерами стабилизировать положение и удержать цены на зерно на низком уровне не дали положительного эффекта. После очередного снижения цен на сельскохозяйственные продукты крестьяне отказались продавать свои излишки государству. За вторую половину 1927 г. заготовки зерна по сравнению с аналогичным периодом 1926 г. сократились с 428 млн до 300 млн пудов. Политика высоких темпов индустриализации оказалась под угрозой срыва. Аграрный сектор не выдерживал той нагрузки, которую возлагала на него экономическая политика государства. Если бы власть хотела и дальше развивать рыночные отношения, то одновременно с повышением налогов она должна была бы повысить и закупочные цены. Государство не захотело использовать экономические стимулы, и заготовительные цены повышены не были. Вместо этого вопрос из чисто хозяйственного превращается в политический. Привычка видеть причины экономических и политических провалов и просчетов главным образом в недостаточной организационно-партийной и идеологической работе приводит к тому, что вместо выявления и устранения действительных причин и неудач, вместо понимания в принципе обычных экономических процессов власть приводит в движение всю репрессивную мощь государства, встает на путь «закручивания гаек» и репрессий. После того как направленные в конце 1927 — начале 1928 г. на места с целью ужесточения административных мер по отношению к крестьянству грозные директивы ЦК ВКП(б) не внесли перелома в ход хлебозаготовок, Сталин обвинил в неудачах местное руководство, «хлебозаготовки, — указывал он в телеграмме на места, — представляют... крепость, которую должны мы взять во что бы то ни стало. И мы возьмем ее наверняка, если проведем работу по-большевистски, с большевистским нажимом». Что это такое, Сталин продемонстрировал на практике во время своей секретной поездки в Сибирь в начале 1928 г. Это было его единственное посещение глубинных районов страны за все 30 лет пребывания на высших партийных и государственных постах. За три недели сибирского вояжа генерального секретаря ЦК ВКП(б) на практике была отработана система репрессивных мер против крестьянства, получившая затем название «уралo-сибирский метод». Посещая хлебные районы Сибири, Сталин требовал наказывать крестьян по статье 107 УК РСФСР, предусматривавшей лишение свободы до одного года с конфискацией имущества за то, что они не желали продавать государственным заготовителям по низким ценам своим трудом произведенный хлеб. Более того, народным судьям предлагалось

рассматривать подобные дела «в особо срочном и не связанном с формальностями порядке». При этом Сталин не скрывал своего намерения расколоть деревню, стравить крестьян между собой и в определенной степени руками самих крестьян выкачать хлеб у зажиточной части деревни. Именно эту цель преследовало его предложение, «чтобы 25% конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков по низким государственным ценам или в порядке долгосрочного кредита». План хлебозаготовок 1928 г. удалось выполнить только ценой повальных обысков в деревнях и судебных репрессий.

Партийные руководители, помня указание Сталина во что бы ни стало взять «эту крепость», нажать «по-большевистски», рьяно взялись за выполнение сталинских директив. На местах создаются наделенные всей полнотой власти чрезвычайные неконституционные и внеуставные «хлебные тройки» в составе секретаря и двух членов окружкома и райкома. С целью активизации хлебозаготовок были широко применены методы продовольственной разверстки. В результате «оздоровления» заготовительных и партийных организаций на местах почти 1,5 тыс. коммунистов, «не желавших ссориться с кулаком», были привлечены к партийной ответственности.

Отсутствие критериев определения понятия «кулак» открывало широкий простор для беззакония и произвола. Для выкачки хлеба применялись не только «законные» (по статье 107 УК) судебные приговоры, но и внесудебные меры насилия. В Алтайском крае в селе Ая местные власти добивались от крестьян подписки о сдаче излишков посредством инсценировок расстрелов кулаков и середняков. За сокрытие хлебных излишков кулаков и многих середняков привлекали к суду. Только в Среднем Поволжье под суд было отдано 17 тыс. крепких хозяйств. Судебные органы в массовом порядке преследовали торговых посредников, владельцев мельниц и т. п. По отношению к предпринимательским слоям деревни вводились дополнительные налоги. Одновременно уменьшались кредиты, продажа сложной техники. Как и в период комбедов, большевистская власть поднимает против зажиточной части деревни бедноту.

Осенью 1928 г. на ноябрьском пленуме была сформулирована задача — увязать производственное кооперирование сельского хозяйства с разгромом кулачества. На пленуме Сталин определил колхозно-совхозное строительство в качестве важнейшего направления аграрной политики. На эти цели вдвое увеличивались капиталовложения. Тем самым фактически уже в 1928 г. нэп в деревне был ликвидирован. Его сменила политика «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», взимания с него дани. Уже осенью 1929 г. примерно третья часть хлеба из деревни изымалась силой. В ответ на репрессивную политику крестьянство пыталось оказывать сопротивление. В 1929 г. было зарегистрировано до 1300 кулацких мятежей. Одновременно крупные зажиточные хозяйства дробились на мелкие, чтобы скрыть доходы и уменьшить налоги. Число кулацких хозяйств снизилось на 25%. Уменьшался в целом приток продовольствия на городской рынок. Торговцы, не выдерживая произвола властей, закрывали свои предприятия. Экономический кризис приобретал всеобщий характер.

Кризис с очевидностью обнажил главную проблему нэповской экономики — невозможность прямо управлять накоплениями, сохраняя рыночные механизмы. Перспектива экономического застоя и реальная возможность социального взрыва заставили советских руководителей отключить рыночные механизмы.

Разгром «правого уклона». Была и другая, не менее веская причина, заставившая Сталина «отбросить к чёрту» нэп. Вопреки ожиданиям большевистских вождей новая экономическая политика не стала той оптимальной формой «соединения частного торгового интереса, проверки и контроля его государством... подчинения его общим интересам», на которую рассчитывал Ленин и которая «раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов». Иначе говоря, большевикам не удалось решить проблему общественного контроля над капиталистическим сектором. Стремление «держать капитализм на цепи», по выражению Сталина, не увенчалось успехом. Ситуация в стране ухудшалась и выходила из-под контроля. Налицо был глубокий социально-экономический кризис, стремительно перерастающий в политический.

Сталин и его окружение отчетливо видели, что дальнейшее осуществление нэпа неминуемо ведет к ослаблению режима диктатуры пролетариата, подрывает однопартийность, «поднимает шансы на восстановление капитализма в стране».

«В чем состоит опасность правого, откровенно оппортунистического уклона в партии? — спрашивал Сталин в октябре 1928 г. — В том, что он недооценивает силу наших врагов, силу капитализма, не видит опасности восстановления капитализма, не понимает механики классовой борьбы в условиях диктатуры пролетариата и потому так легко идет на уступки капитализму, требуя снижения темпа развития нашей индустрии, требуя облегчения для капиталистических элементов деревни и города, требуя отодвигания на задний план вопроса о колхозах и совхозах... Победа правого уклона в нашей партии развязала бы силы капитализма, подорвала бы революционные позиции пролетариата и подняла бы шансы на восстановление капитализма в нашей стране». Русская эмиграция, внимательно следившая за развитием событий в стране, в свою очередь, связывала с «правым уклоном» (который представлялся ей не организованной оппозицией, а определенным умонастроением в советском обществе) возможность покончить со Сталиным как оплотом «твердокаменности». Возможный приход к власти деятелей правого уклона рассматривался в эмиграционных кругах как необходимое условие, при котором «внутри русского тела будут нарастать и откристаллизовываться те группировки и бытовые отношения, которым... суждено будет положить конец большевистскому периоду и открыть следующий». Действительно, правая оппозиция в отличие от левых большевиков могла, в принципе, рассчитывать на поддержку крестьянского большинства, технических специалистов. Именно мелкобуржуазная социальная база бухаринцев и побудила Сталина заклеймить их как «правых». Чтобы обеспечить поддержку новому курсу на «социалистическое наступление», Сталин развертывает борьбу против всех тех в партийном руководстве, кто продолжал отстаивать принципы нэпа, кто еще оставался

на позициях здравого смысла. В силу этого обстоятельства анонимный правый уклон очень скоро был персонифицирован с именем главного идеолога нэпа Бухарина. Непосредственным поводом для перерастания скрытых разногласий в Политбюро в открытое противостояние послужили чрезвычайные меры, принятые Сталиным для преодоления хлебозаготовительного кризиса, которые Бухарин и его сторонники вполне справедливо расценили как отход от нэпа. На тайной встрече с опальным представителем «объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции» Л. Каменевым Бухарин констатирует, что его разногласия с «беспринципным интриганом Сталиным» более серьезны, чем с левыми оппозиционерами. В своей статье «Заметки экономиста», опубликованной в «Правде» осенью 1928 г., Бухарин под видом борьбы с троцкизмом выступил против «авантюризма» нового курса, связав с ним возможность нарушения политического равновесия в стране. Сталин расценил статью как открыто антипартийное выступление, как теоретическую платформу новой оппозиции.

Скрытый характер борьбы, вовлечение в нее лишь партийной верхушки, нежелание Бухарина апеллировать к партийным низам с самого начала обеспечили перевес в пользу Сталина. Генсек, сколотив действительное большинство в поддержку своего курса, в конце февраля 1929 г. обвинил Бухарина, Рыкова, Томского во фракционной борьбе, в попытке выступить против курса партии, объявляя намеченные темпы индустриализации гибельными. Вслед за тем он легко и просто настоял на утверждении оптимального плана пятилетки. Правые получают ярлык «защитников капиталистических элементов», «выразителей идеологии кулачества» и вскоре капитулируют, признав правильность генеральной линии партии. Тем не менее и Бухарин, и Томский, и Рыков были лишены своих влиятельных постов в партии и государстве.

Восстановив партийное единство, Сталин продолжает политику решительного социалистического наступления. Оно прежде всего разворачивается против вчерашних союзников — крестьянства, нэпманов (предпринимателей), против так называемой буржуазной интеллигенции, т. е. всего того, что противостояло жесткому сталинскому курсу на скорейшую победу социализма.

Коллективизация сельского хозяйства. Согласно утвержденному весной 1929 г. пятилетнему плану в колхозы предполагалось вовлечь лишь 4—4,5 млн хозяйств, или 16—18% общего числа крестьянских хозяйств в стране. Тем самым на всем протяжении первой пятилетки основная масса крестьянских хозяйств должна была быть по-прежнему сосредоточена в индивидуальном секторе. Решение сократить намеченные первым пятилетним планом сроки осуществления коллективизации пришло очень скоро. 7 ноября 1929 г., в канун очередной годовщины Октябрьского переворота, Сталин в статье «Год великого перелома», опубликованной в «Правде», заявил о происшедшем «коренном переломе» на всех фронтах социалистического строительства, в том числе и в «недрах самого крестьянства в пользу колхозов». Вопреки действительному положению дел он утверждал, что партии за прошедший год удалось повернуть основные массы крестьянства к новому, социалистическому пути развития, что в колхо-

зы якобы пошел середняк. Реально в колхозы в это время было объединено всего 6—7% крестьянских хозяйств, хотя в Грузии, Киргизии и ряде других районов страны курс на ускорение темпов коллективизации был взят еще в апреле 1929 г. и за лето в колхозы записалось почти столько же крестьян, сколько за все предшествующие послереволюционные годы.

Решительно насаждая колхозы, Сталин преследовал несколько целей. **Во-первых**, чтобы осуществить беспрецедентную программу индустриализации, Советскому государству необходимо было сосредоточить в своих руках все экономические и политические рычаги. Только политика насильственной коллективизации давала их в руки советского правительства. **Во-вторых**, Сталин как убежденный марксист никогда не забывал ленинскую установку: «Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма». Чтобы мелкокрестьянская деревня пошла за социалистическим городом, Сталин и встает на путь насаждения в деревне крупных социалистические хозяйств в виде колхозов и совхозов.

Предлагая на основе «усиленных темпов» коллективизации сделать страну «через каких-нибудь три года» одной из самых хлебных стран мира, Сталин предупреждал всех несогласных, что партия будет решительно бороться со всеми противниками насильственной коллективизации.

Это предупреждение было услышано. Колхозцентр и Наркомзем РСФСР в очередной раз пересмотрели план коллективизации крестьянских хозяйств. В соответствии с новым планом предлагалось в весеннюю посевную кампанию 1930 г. вовлечь в колхозы 6,6 млн хозяйств единоличников (34%), а число колхозов довести до 56 тыс. План предусматривал полное обобществление пашни, инвентаря и рабочего скота, а домашний скот подлежал обобществлению лишь на 80% и только в районах сплошной коллективизации, общее число которых, по замыслу разработчиков плана, должно было по РСФСР достигнуть 300. Нереальные темпы коллективизации предлагались и разработанным Наркомземом СССР пятилетним планом коллективизации сельского хозяйства остальных союзных республик, которые повышались по сравнению с ранее принятыми в два с лишним раза.

Практическую работу по коллективизации возглавили секретарь ЦК партии по работе в деревне В. И. Молотов и председатель Колхозцентра СССР Г. Н. Каминский. На местах сразу началось соревнование за число вновь созданных колхозов. Эта гонка осуществлялась без ясного представления о характере создаваемого типа хозяйства. Открывался простор для фантастических выдумок, административного произвола и насилия.

Темп гонки еще больше возрастает, после того как ЦК партии 5 января 1930 г. принимает постановление «О темпе коллективизации», в котором говорилось о необходимости сократить в 2—3 раза сроки коллективизации. Признав артель всего лишь переходной к коммуне формой коллективного хозяйства, постановление ориентировало местных работников на усиление обобществления средств производства. Высокий темп коллективизации поддерживался массовыми репрессиями, вплоть до применения военной силы. К организации колхозов были привлечены городские жители (пар-

тийно-хозяйственный актив, студенты), плохо знакомые с деревенской жизнью, ее экономикой, традициями, а также тысячи рабочих. По партийной разнарядке их число должно было составить не менее 25 тыс. человек. Фактически же в деревню весной 1930 г. было послано более 27 тыс. активистов.

Крестьяне принуждались к вступлению в колхозы под угрозой лишения избирательных прав, ссылки, конфискации имущества, прекращения снабжения дефицитными товарами. Административный произвол принял массовый характер. Руководители ряда областей и республик взялись досрочно завершить коллективизацию. Уже весной и летом 1930 г. процент обобществленных хозяйств подскочил в зерновых районах страны до 60. Выдвинув в декабре 1929 г. лозунг о ликвидации кулачества как класса, Сталин придает своему тезису, высказанному несколькими месяцами ранее, об обострении классовой борьбы практический характер. К 1930 г. раскулачивание принимает необычайно жестокие формы.

Порядок раскулачивания определялся секретной инструкцией ЦИК СССР и Совнаркома от 4 февраля 1930 г. Предписывалось кулаков — участников антисоветских движений (I категория) — арестовывать, передавать их дела в органы ОГПУ. Зажиточные влиятельные кулаки (II категории) переселялись в пределах области или в другие области, остальные кулацкие хозяйства расселялись на худших землях, вне колхозных земельных участков. Земля, скот, хозяйственные постройки раскулаченных передавались в колхозы, личное имущество, продукты питания конфисковывались, а затем раздавались односельчанам или распродавались. Отбирались и денежные накопления. В местах поселений кулаки принуждались к лесоразработке, строительным мелиоративным работам. Основными районами кулацкой ссылки стали Урал, Сибирь, Северный край, Казахстан, Дальний Восток. За 1930 - 1931 гг. более 300 тыс. крестьянских семей, в которых насчитывалось 1,8 млн человек, оказались в вынужденной кулацкой ссылке с политическим клеймом «переселенцев». Это была бесчеловечная кампания уничтожения наиболее грамотной, опытной, предприимчивой части крестьянства. Крайне тяжелые условия транспортировки, быта и труда приводили к высокой заболеваемости, смертности высылаемых, особенно среди стариков и детей.

В эти же годы по стране прокатилась волна закрытия церквей, в которых советская власть также видела своего врага. Лишь за один 1929 г. в стране было закрыто 1119 церквей. В 1931 г. был взорван храм Христа Спасителя, с куполов которого годом раньше для пополнения бюджета сняли всю позолоту. С других церквей сбрасывались кресты и колокола, а священнослужители подвергались репрессиям.

Насилие властей вызвало ответный протест крестьян, не желавших вступать в колхозы и видящих в них новое крепостное право. Наряду с такими формами, как письма-жалобы в местные и центральные органы власти, ширились и открытые выступления, вплоть до восстаний. В январе – марте 1930 г. число вооруженных выступлений превысило 2 тыс. Не желая вести в колхозное стадо свой личный скот, крестьяне его резали. Поголовье крупного, а особенно мелкого скота резко сократилось (в 2—3 раза). Опа-

сения всеобщего крестьянского восстания заставили Сталина предпринять отвлекающий маневр. В марте—апреле 1930 г. он опубликовал статьи «Головокружение от успехов», «Ответ товарищам колхозникам». ЦК партии, в свою очередь, принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», где вся вина за «перегибы» была свалена на местные органы власти.

После опубликования партийных документов темп коллективизации снизился. Из наспех созданных колхозов начался массовый выход крестьян. Но эта передышка была недолгой. Сталин убеждал партию, что политика, хотя и с некоторой корректировкой, остается прежней; он настаивал на скорейшей коллективизации сельского хозяйства. Осенью 1930 г. после сбора урожая нажим на единоличников вновь усилился, через несколько месяцев начинается новая волна раскулачивания. Тогда же власть идет на свертывание системы сельскохозяйственной кооперации, рассчитанной на обслуживание единоличников. Осенью 1931 г. и эта волна коллективизации выдыхается. Зимой и весной 1932 г. вновь наблюдался отток крестьян из колхозов. Тем не менее, несмотря на тактические уступки, сталинская политика насильственной коллективизации продолжалась.

ГЛАВА 4. СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ

§ 1. Изменение механизма власти

Строй социалистического средневековья. К середине 1930-х гг. завершается становление советской общественной системы как особой формы тоталитаризма, опирающейся на традиционные элементы российской политической культуры. Утопическая задача построения социализма в кратчайшие сроки в условиях международной изоляции и самоизоляции существенно повлияла на всю систему власти и управления. Сама жизнь очень скоро выявила утопичность ленинского желания создать государство-коммуну без постоянной армии, полиции, чиновничества. Менее чем за 20 лет в силу внутренней логики диктатура пролетариата перерастает сначала в диктатуру правящей Коммунистической партии, а затем и в диктатуру одного человека. Характерными чертами советской политической системы становятся сверхцентрализация, командно-репрессивные методы функционирования государственного механизма, однопартийность, сращивание партийных органов с государственными, огосударствление общественных организаций.

Формально советская политическая система к началу 1930-х гг. располагала многими чертами цивилизованного демократического государства. Высшая власть принадлежала Всероссийскому съезду Советов, депутаты которого получали полномочия на основе всеобщего избирательного права. Между сессиями действовала избранная исполнительная власть. По официальной версии аппарат власти на рубеже 1930-х гг. был народным, пролетарским. На самом деле реальная власть еще в 1920-е гг. безраздельно переходит в руки партийно-государственного аппарата. Несмотря на шумные пропагандистские кампании, «орабочить» государственный аппарат не удалось. Выдвиженчество как метод «орабочивания» государственного аппарата себя не оправдало. Сама идея привлечения в госаппарат рабочих от станка как радикального средства против его бюрократизации оказалась надуманной. К 1930 г. из миллиона советских служащих более 60% принадлежало к непролетарским слоям.

К этому времени на смену концепции пролетарского государства-коммуны, совмещающего в одном органе законодательные, исполнительные и судебные функции, приходит совершенно иная. Прямая демократия, как и следовало ожидать, оказалась несовместимой с принципами и целями советской системы и поэтому была серьезно деформирована. Еще при жизни Ленина А. А. Богданов предостерегал партийную верхушку, что советская форма государства гораздо менее совершенна, чем парламентская демократическая республика, в «сущности, вовсе не пригодна». Однако его голос не был услышан. В центр новой политической системы были поставлены не Советы, а Коммунистическая партия.

Вопреки Конституции и другим законодательным актам реальный механизм власти в советской политической системе коренился не в декларативных официальных органах государственной власти, а прежде всего

в партийном аппарате. В результате проведения политики диктатуры партии, а также массированного применения государственного принуждения как основного средства социалистического строительства кардинально меняется облик самой большевистской партии.

В ходе внутрипартийной борьбы 1920-х гг. все чаще решения коллегиальных партийных органов подменяются решениями узкого круга партийных руководителей. Во время болезни Ленина все основные вопросы решались тройкой Зиновьев — Сталин — Каменев, затем два года роль секретного ЦК играла семерка, в которую входили Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Куйбышев и Молотов.

С конца 1920-х гг. в ВКП(б) ужесточается дисциплина и свертывается внутрипартийная демократия. Все реже и нерегулярнее проводятся партийные съезды, конференции, пленумы ЦК. Усиливается система секретности, поддерживая анонимность реальной власти, скрывая многие стороны работы партаппарата не только от народа, но и от самой партии. Классовое понимание демократии неизбежно привело к монополии на информацию и на истину только правящей политической партии. На основе статьи 126 Конституции СССР ранее существовавшая практика принятия совместных решений государственных и партийных органов на всех этапах управления приобретает официальный статус. С этого времени партийные решения фактически приобретают характер нормативных актов и воспринимаются государственными органами как обязательные для них. Одновременно номенклатурный принцип создавал реальные возможности для дальнейшего приеворения партаппаратом государственной власти. Важнейшей особенностью советской номенклатуры являлся ее закрытый характер. Рядовые советские граждане не знали ни о самом факте существования списка государственных должностей, ни тем более о характере полномочий отдельных бюрократов и их привилегиях. Не случайно с 1932 г. номенклатурные списки должностей становятся государственной тайной. Партийные инстанции активно формировали персональный состав органов власти и управления. С их согласия назначались партийные и беспартийные кадры на государственные и общественные посты, составлялись списки номенклатурных должностей. К концу 1930-х гг. номенклатурный принцип охватил все выборные органы власти, всю систему государственного и общественного управления, хозяйственные должности, порождал должностную чехарду, партийную деспотию, безответственность кадров перед государственными органами. При этом сам Сталин подчинил кадровой работе всю свою остальную деятельность, полностью контролируя списки № 1 и 2.

Таким образом, в 1930-е гг. верховной властью в СССР являлся не конституционный ВЦИК, а высшие органы партийного аппарата — Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК, на заседания которых выносились практически все принципиальные политические и экономические вопросы, что лишний раз свидетельствует о тоталитарной природе складывающейся советской политической системы. Рассекреченные в последнее время протоколы заседаний Политбюро ЦК говорят о том, что там в силу крайней централизации власти сосредоточилось решение всех вопросов вплоть до

мельчайших (на Политбюро рассматривались сотни частных вопросов, многие при этом решались опросным порядком).

После XVII съезда партии (1934 г.) наряду с решением принципиальных политических вопросов партийные органы окончательно берут на себя задачи организации и управления производством. В аппарате ЦК ВКП(б) создаются отделы по промышленности, строительству, транспорту, связи. Соответствующие структуры организуются на местах — на уровне обкомов и райкомов партии. На крупнейших стройках и на заводах появляются наделенные чрезвычайными полномочиями парторги ЦК.

В разгар «большого террора» 14 апреля 1937 г. в стране был создан новый консультативно-распорядительный орган — Комиссия Политбюро по вопросам безопасности и внешней политики. Комиссия рассматривала все вопросы, в том числе секретные, связанные с государственной безопасностью, внешней политикой и военным строительством. В ее состав вошли лишь пять человек: внешнюю политику курировал Молотов, экономическую безопасность — Каганович, оборону — Ворошилов, кадровую политику и НКВД — Ежов. Общее же руководство осуществлял сам Сталин. В известной мере эти новации носили вынужденный характер: слишком неповоротлив был обюрократизированный и коррумпированный государственный аппарат. Немаловажную роль в формировании тоталитарной политической системы играла параноидальная воля самого Сталина, преследующего преимущественно цели укрепления личной власти.

Попытки опереться в решении производственных вопросов на партийные структуры окончательно приводят к огосударствлению правящей партии, к превращению Советов в декоративные учреждения. Государственные органы в центре и на местах полностью лишаются самостоятельности. Все их решения предварительно согласовывались с партийными инстанциями. В свою очередь, и низовые партийные органы, вплоть до губкомов и ЦК компартий национальных республик, целиком зависели от Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). В случае необходимости им «по условиям местной работы» разрешалось издавать только разъясняющие дополнения к циркулярам ЦК, но не изменять их по существу. Все назначения «вплоть до кадров мельничных предприятий и элеваторов» утверждались партийными органами.

Со временем формальная сторона деятельности Советов только усиливается. Законодательная работа становится уделом непрофессионалов. Весьма примечательно, что за 1937—1966 гг. законодательная инициатива лишь в трех случаях из 140 исходила со стороны депутатов Верховного Совета, все законопроекты и постановления готовились партийно-государственным аппаратом и принимались неизменно единогласно по усеченной процедуре после первого чтения. За все годы существования советского парламента не было ни одного случая голосования против заранее подготовленных аппаратом постановлений. Даже в 1940 г. в записке Президиума Верховного Совета отмечалось, что «Советы еще не являются полноправными органами государственной власти: сессии проводятся нерегулярно, вопросы на них выносятся случайные... нет разграничений функций Советов и исполнительных органов».

Логическим продолжением процесса концентрации власти стало создание «секретариата тов. Сталина». Первоначально его роль была чисто технической, но по мере концентрации власти она резко возросла, поставив этот внеконституционный институт над всеми высшими органами партии, включая Секретариат и Политбюро. Это учреждение фактически становится высшим исполнительным органом партии, проводящим кадровые перестановки в верхних эшелонах власти: партии, правительстве, силовых ведомствах. Все важнейшие вопросы внутренней и внешней политики предрешались, таким образом, до их передачи в высшие органы партии и затем просто утверждались Секретариатом ЦК, Оргбюро и Политбюро. Одновременно все важнейшие правительственные посты занимают сторонники и выдвиженцы Сталина: К. Е. Ворошилов, который с ноября 1925 г. становится наркомом по военным и морским делам, Г. Г. Ягода, возглавивший в 1926 г. ОГПУ, В. М. Молотов, занявший пост председателя Совнаркома СССР в декабре 1930 г., после разгрома правой оппозиции.

С превращением партии из общественной организации в структуру власти происходит резкое усиление централизма во всем управленческом процессе, сформировавшиеся в первые годы революции относительно демократические структуры демонтируются. В конце 1929 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации управления промышленностью» ликвидируются все главные управления ВСНХ, все 32 хозрасчетных объединения («Уголь», «Сталь» и *др.*), а спустя три года и сам ВСНХ дробится на ведомственные управления: Наркомтяжпром, Наркомлес, Наркомлегпром. К 1940 г. в стране действовало уже 39 общесоюзных наркоматов.

Провозглашение принципа приближения управления к производству, к массам воплотилось после XVII съезда в создание госаппарата, действующего по территориально-отраслевому принципу. Функциональная система построения всех советско-хозяйственных аппаратов, предусматривавшая расчленение процесса управления на ряд взаимосвязанных функций (планово-подготовительных, производственно-оперативных, контрольно-учетных), была осуждена как буржуазная. Сталиным ей были приписаны все недостатки бюрократического стиля управления: общие тезисы, декларации... при отсутствии самого дела. Отмена «функционалки» на деле привела к увеличению штатов, созданию дополнительных звеньев управления, в конечном счете к усилению централизации. Под предлогом разукрупнения в наркоматах создавались новые главки. В сельском хозяйстве реорганизация Наркомзема и Наркомсовхозов привела к созданию главных управлений по зерну, свеклe, льну и т. п. Стремительно растет в эти годы аппарат административного управления. Соответственно растет численность управленческого аппарата. Если в начале 1930-х гг. управленцев было около 300 тыс., то перед войной уже несколько миллионов.

В условиях разбухания административно-управленческого аппарата становятся ненужными органы демократического контроля – ЦКК — РКИ. Отныне они нужны власти лишь как послушные звенья исполнительного аппарата. «Нам нужна теперь не инспекция, – заявил на XVII съезде партии Сталин, — а проверка исполнения решения центра, нам ну-

жен контроль над исполнением решений центра...» Такой организацией становятся комиссии партийного и советского контроля.

В 1930-е гг. наряду с изменением и перераспределением властных функций происходит усиление карательно-репрессивного аппарата. На протяжении всех 1930-х гг. непрерывно расширяются функции милиции, растет ее численный состав. В конце 1930 г. она передается в состав ОГПУ с целью использования ее сети в интересах политического сыска. С введением в 1932 г. паспортной системы и обязательной прописки граждан на милицию возлагаются обязанности контроля за соблюдением паспортного режима.

В 1934 г. формирование мощного репрессивного аппарата завершается. В июле в соответствии с постановлением ВЦИК в НКВД СССР входят бывшее ОГПУ, Главное управление милиции, Главное управление пограничных и внутренних войск, Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений (ГУЛАГ) и целый ряд других ведомств. Объединенный наркомат получает в свое ведение все силовые структуры (за исключением армейских): конвойные и железнодорожные войска, части особого назначения. Они использовались для подавления вооруженных выступлений и массовых беспорядков. За десятилетие численность внутренних войск возрастает в 4 раза (до 200 тыс. к началу 1940-х гг.).

С ликвидацией оппозиции достигает пика режим тотального контроля над обществом. Власть стремится к полному устранению гражданского общества, всякой частной жизни. Распространение системы контроля из центра к периферии достигалось созданием во всех местных партийных организациях специальных отделов, подчинявшихся непосредственно сталинскому Секретариату. В их задачу входило наблюдение за парторганизациями и представление регулярных отчетов о них. Обмен информацией между центром и периферией также велся по каналам спецотделов.

Невозможность для сталинского руководства опереться для легитимации своей власти на авторитет традиций, а также демократически выраженную волю большинства населения вызывает к жизни необходимость сознательного культивирования личности Сталина. Его прижизненная канонизация начинается через год после смерти Ленина — в 1925 г. Царицын был переименован в Сталинград. Затем появляются целые культовые ряды в топонимии: Сталинск, Сталинири, Сталинабад. На протяжении 1920-х гг., шаг за шагом происходит абсолютизация всей деятельности и всех мнений Сталина. Уже на XIV съезде партии благодаря К. Е. Ворошилову партийная линия отождествляется с личностью Сталина, приобретает вполне определенную форму: «Тов. Сталину, очевидно уже природой или роком суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро. Тов. Сталин является — я это знаю, — подчеркнул Ворошилов, — главным членом Политбюро...» К началу 1930-х гг. любое слово Сталина воспринималось как откровение, как прямое руководство к действию. Складывающийся культ опирался на определенный слой партийных функционеров, вызванных к активной политической деятельности революцией, Гражданской войной, «военным коммунизмом». Эти люди не столько «хотели управлять историей», сколько

иметь возможность карать и миловать. И этой возможности они требовали для себя, а потому и для Сталина и его окружения.

Большая роль в легитимизации сталинского режима отводилась марксистско-ленинской идеологии, в обосновании с ее помощью соответствия сталинской власти интересам всего народа. Используя всю мощь пропагандистского аппарата, власть создавала у советских людей иллюзию непосредственной сопричастности «великим свершениям». Объявляя социализм и коммунизм исторической неизбежностью, партийные олигархи широко апеллировали к объективным законам общественного развития.

Таким образом, к концу 1930-х гг. в стране завершается формирование целостной советской командной системы. Она приобретает устойчивость и способность решать стоявшие перед страной задачи. Ее становление и существование — результат уникального соединения во времени очень специфического набора исторических, социокультурных и технологических предпосылок. При несомненных достоинствах сталинский властный механизм имел целый ряд существенных недостатков, сыгравших в конечном итоге роковую роль. В нем прежде всего отсутствовали внутренние пружины саморегуляции и самонастройки. Единственным источником регулирования являлось принуждение извне — страх, насилие, а любое изменение исходило сверху. Любая ответственность в этих условиях представляла собой угрозу для исполнителей, поэтому она делегировалась снизу на самый верх. Как следствие, центр был перегружен делами, отсюда нерациональность его деятельности, волокита, крайняя зависимость принимаемых решений от воли вождя. Так, следуя сталинской привычке работать по ночам, все центральные советские учреждения также изменяют график своей работы. Участие широких масс трудящихся в управлении становилось формальностью, прикрывавшей диктат партийно-государственной бюрократии.

Сталинская Конституция 1936 г. 5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов, созванный «ввиду особой важности» вопроса, принял текст новой советской Конституции. Ее утверждению предшествовало многомесячное «всенародное» обсуждение, в котором приняло участие 55% взрослого населения страны. Всего в процессе обсуждения было предложено около 2 млн различных поправок и дополнений. Большинство из них носило откровенно апологетический характер, но немало было конструктивных и даже остро критических. В частности, были предложения сделать законотворческую деятельность депутатов профессиональной, именовать председателя Президиума Верховного Совета СССР президентом и избирать его всеми гражданами страны, отменить смертную казнь, сделать так, чтобы «колхозники работали за деньги, а не трудодни».

В целях создания видимости единодушного одобрения проекта НКВД жестко контролировал весь процесс «всенародного обсуждения». Около 30 номеров газет, допустивших серьезные ошибки и «извращения» во время обсуждения, были конфискованы.

Сталин, инициируя разработку нового Основного закона государства, преследовал сразу несколько целей. Прежде всего новая Конституция

предназначалась для внешнего пользования. Перед лицом надвигающейся военной угрозы руководство страны не исключало возможности обращения за поддержкой к западным демократиям. Для этого нужно было изменить сложившиеся негативные представления на Западе об СССР, отвлечь внимание мирового общественного мнения от массового террора. Принятие основных демократических прав личности, формирование демократических политических институтов должно было создать в мире иллюзию эволюции советской системы в направлении западных конституционных режимов. В же время Сталин хотел придать легитимные формы сформировавшейся планово-распорядительной системе. После того как на XVII съезде было объявлено о победе социализма, нужно было теоретически обосновать начало нового этапа в развитии революции. В соответствии с марксистской доктриной с победой социализма должен был начаться период отмирания диктатуры пролетариата, замещения государственных функций общественными организациями, развития начал общественного самоуправления. Первоначальный проект Конституции, подготовленный Бухариным, содержал такие идеи. Но уже в январе 1933 г. Сталин осудил подобную позицию как троцкистскую. По его мнению, отмирание государства должно происходить через усиление государства и прежде всего усиление его репрессивных органов. Диктатура пролетариата должна сохраняться вплоть до полной победы коммунизма.

С помощью нового Основного закона власть, несомненно, рассчитывала поднять на новую ступень общественный энтузиазм, заручиться поддержкой народа на продолжение проводимого курса. Принимая решение о подготовке Конституции, сталинское руководство, безусловно, рассчитывало снять накопившуюся за годы насильственной коллективизации, голода 1933—1934 гг. социальную напряженность. Чтобы предотвратить социальный взрыв, стране нужна была передышка. Сам факт провозглашения в 1934 г. тезиса о построении социализма должен был убедить советский народ в том, что главные трудности уже позади, что он трудился и шел на большие жертвы не напрасно.

При разработке проекта Конституции Бухарин и некоторые другие члены конституционной комиссии пытались отстоять линию на демократизацию советской политической системы, закрепить в стране плюрализм собственности, расширить права граждан, сделать более реальным контроль парламента за деятельностью правительства. Но в конечном итоге возобладала сталинская линия. При редактировании текста Сталин вычеркнул статьи о свободе художественного творчества и научных исследований, о праве каждого гражданина привлекать к суду чиновников за нарушение прав граждан.

По сравнению с Конституцией 1924 г. новая Конституция действительно содержала много нового. Важнейшей новацией Конституции 1936 г. являлась реорганизация органов советской власти. Упразднялись областные и республиканские съезды Советов. На базе двухпалатного ЦИК СССР был создан новый орган власти — двухпалатный Верховный Совет, осуществляющий все законодательные и иные полномочия Союза ССР. Вместо Президиума ЦИК был создан Президиум Верховного Совета.

На местах избирались районные, городские, областные, республиканские Советы, которые в новой Конституции получают новое название. Они стали называться Советами депутатов трудящихся. Формально по новой Конституции исполкомы из органов власти превращались в исполнительно-распорядительные органы, государственная власть переходила к Советам как выборным органам представительной демократии. При этом законодательно была закреплена в качестве конституционной основы власти роль ВКП(б), которая согласно статье 126 Конституции представляла собой руководящее ядро всех общественных и государственных организаций трудящихся. В Конституции 1936 г. содержался ряд глав, которых не было в предшествующих: об общественном устройстве, основных правах и обязанностях граждан, избирательной системе, о суде и прокуратуре. Конституция официально провозгласила победу социализма в СССР. Вследствие этого во многих ее статьях фиксировалось огромное расширение экономических задач, взятых на себя государством. В экономике была ликвидирована многоукладность, произошло практически полное огосударствление народного хозяйства. Были отменены все прежние ограничения в правах отдельных категорий населения, исчезли дискриминирующие различия между городом и деревней, а сам перечень прав и свобод был существенно расширен. Никогда раньше в подобных документах не провозглашалось право на труд, отдых, на получение образования, на материальное обеспечение по старости или в случае потери трудоспособности по болезни или из-за несчастного случая. Уже само их провозглашение, безусловно, было исторически важным прецедентом, вне зависимости от их реального наполнения в те годы. Провозглашались в Конституции и все основные политические права: свобода слова, свобода печати, свобода собраний, неприкосновенность жилища, правда, с определенной оговоркой: эти права могли реализовываться лишь «в соответствии с интересами трудящихся». Согласно с новой Конституцией неравные и многоступенчатые выборы в Советы были заменены всеобщими, прямыми, равными при тайном голосовании. Однако и в этом случае имелась определенная оговорка. Депутаты избирались свободно, но нельзя было свободно стать кандидатом. В статье 141 Конституции указывалось, что право отбирать кандидатов принадлежит общественным организациям, включая Коммунистическую партию. В реальной жизни пределы декларируемых Конституцией прав и свобод определялись одним из пунктов статьи 58 УК РСФСР («О контрреволюционной пропаганде»), понятие которой было настолько широко сформулировало, что позволяло подвести под контрреволюционную пропаганду простую критику любого должностного лица.

По сравнению с Конституцией 1924 г. в новой Конституции четко прослеживалась мощная тенденция к бюрократической централизации и непомерному расширению полномочий Союза за счет существенного сужения прав союзных республик, что практически вело к унитаризму. Хотя Конституция СССР 1936 г. и построенная на ее основе Конституция РСФСР 1937 г. формально декларировали, что Российская Федерация, как и каждая союзная республика, сохраняет свой суверенитет и осуществляет государственную власть самостоятельно, реально же права и возможности

республики были крайне ограничены. В компетенцию правительства РСФСР не входило ни одной определяющей отрасли тяжелой индустрии, которая полностью находилась в ведении союзного руководства. Далеко не все союзно-республиканские наркоматы, предусмотренные Конституцией РСФСР, имели самостоятельные республиканские органы. Так, Наркомат внутренних дел РСФСР не имел собственного аппарата и своего руководителя, он находился в полной зависимости от НКВД СССР. По новой Конституции число союзных республик, входивших в состав СССР, возросло с 7 до 11. Была ликвидирована Закавказская Федерация, а составлявшие ее Азербайджан, Армения и Грузия преобразованы в союзные республики. Также союзными республиками стали Казахстан и Киргизия.

В принятом в июле 1937 г. Положении о выборах в Верховный Совет число выдвигаемых депутатов не ограничивалось и тем самым не исключалась возможность их проведения на альтернативной основе. Сталинское руководство, чтобы продемонстрировать всему миру всестороннюю поддержку на выборах режиму со стороны избирателей, выдвигает демагогическую идею блока коммунистов и беспартийных, с тем чтобы в каждом избирательном округе от блока выдвигался один кандидат. Тем самым вопреки Конституции и Положению о выборах де-факто складывается система безальтернативных выборов: один кандидат — один депутат. Отбор кандидатов осуществлялся обкомами партии по разнарядке ЦК ВКП(б), в которой четко указывалось количество рабочих, крестьян, служащих, женщин, молодежи. Перед утверждением списка кандидатов в ЦК на них запрашивались данные из НКВД, и только после этого они выдвигались на местах кандидатами в депутаты.

С принятием Конституции 1936 г. советская тоталитарная система получает свое дальнейшее развитие. К 1939 г. завершается формирование новых органов власти и управления. В результате разукрупнения краев и областей, осуществляемого в рамках второго этапа административно-территориальной реформы, возрастает численность партийно-советского управленческого аппарата.

§ 2. Становление нового хозяйственного механизма

Формирование экономики власти. В годы первых пятилеток в СССР завершается становление нового хозяйственного механизма. Замена рыночной конкуренции системой административных рычагов происходит в несколько этапов, путем проб и ошибок, многочисленных реорганизаций. До 1930 г. в СССР еще выдвигались и обсуждались различные пути дальнейшего экономического развития и, следовательно, теоретически был возможен выбор из ряда альтернатив. Но от пятилетки к пятилетке тенденция к созданию экономики власти, формированию замкнутого самообеспечивающегося экономического комплекса становится все неодолимей.

Выполнение задач первого пятилетнего плана сопровождалось значительными трудностями — план промышленности в 1929 г. не был выполнен, строительство многочисленных объектов затягивалось, вкладываемые в них средства не давали отдачи, так как масштаб инвестиций не соответствовал ни возможностям строительных организаций, ни состоянию транс-

порта и энергетики. В этих условиях, чтобы решить проблему накоплений, власть была вынуждена широко использовать даже те меры, которые ранее категорически отвергались, — прежде всего обратиться к помощи денежного станка. Если денежная эмиссия в 1928 г. была незначительной, то в 1929 г. рост денежной массы составил уже 800 млн рублей, в 1930 и 1931 гг. — примерно по 1,5 млрд, в 1932 г. — 2,7 млрд рублей. Вслед за эмиссией растут цены свободного рынка. В том же 1932 г. их уровень в 8 раз превышает уровень 1928 г. Необеспеченной товарами рост денежной массы уменьшается лишь к середине 1930-х гг. Важным источником дополнительных ресурсов становятся принудительные займы индустриализации, резко расширяется продажа водки. «Надо отбросить ложный стыд, — советовал осенью 1930 г. Сталин Молотову, — и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки».

Извлекая уроки из провалов «большого скачка», власть в 1929—1932 гг. осуществляет кредитную, налоговую и тарифную реформы, которые в конечном итоге серьезно ограничивают сферу товарно-денежных отношений. Формально экономические реформы, начатые постановлением ВКП(б) и СНК от 5 сентября 1929 г. «О мерах по упорядочиванию управления производством и установлению единоначалия», были направлены на углубление экономических методов управления, на охват хозрасчетными отношениями различных уровней хозяйствования: объединения — предприятия — цеха — участки — бригады. В соответствии с их замыслом основным производственным звеном становится предприятие (при нэпе им был трест). Внедряя хозрасчет, власть рассчитывала убить двух зайцев: снизить себестоимость производимой продукции и тем самым решить проблему накоплений в промышленности и одновременно любой ценой выполнить плановые задания.

На практике реформы начала 1930-х гг. приводят к противоположным результатам: ограничению экономических стимулов деятельности предприятий и усилению административно-принудительных мер. Вследствие общей ориентации экономики на приоритетное развитие тяжелой индустрии за счет накоплений в самой промышленности и ограничения потребления населения происходит возврат «главкизма». Число промышленных наркоматов и главков увеличивается, они сосредоточивают в своих руках все оперативное руководство предприятиями. Одновременно все более формальным становится хозрасчет: практически вся прибыль предприятий отчисляется в госбюджет, а лишь потом средства из бюджета централизованно выделяются предприятиям. При этом суммы, вносимые в бюджет, и выплаты из него никак между собой не связаны. В начале 1930-х гг. кредит предприятиям заменяется централизованным финансированием. Еще раньше самостоятельные банки были подчинены Наркомату финансов, тем самым они перестали быть собственно кредитными учреждениями. С ликвидацией коммерческих банков кредитная система в СССР окончательно перестает быть рыночной. Немногочисленные частные предприятия остаются фактически без кредитования и перестают быть конкурентоспособными.

Летом 1931 г. Сталин, чтобы решить нараставшую проблему текучести кадров и закрепить рабочих на предприятиях, призвал покончить с уравниловкой в заработной плате. Начавшаяся вслед за этим тарифная реформа была призвана усилить материальную заинтересованность работников тяжелой промышленности в повышении производительности труда и снижении производственных затрат и вывести, по сравнению со временем нэпа, на первые места по уровню зарплаты металлургию, машиностроение и другие отрасли тяжелой промышленности (до этого приоритет в росте заработной платы отдавался текстильной, швейной и иным отраслям группы «Б», что, естественно, противоречило целям ускоренной индустриализации). В результате заработная плата в тяжелой, а затем и в оборонной промышленности резко возрастает. Вводится новая тарифная сетка. Одновременно основные категории рабочих переводятся на индивидуальную и прогрессивную сдельщину. В итоге квалифицированные рабочие стали получать больше неквалифицированных в 4—8 раз. Еще сильнее выросла зарплата аппарата управления. Что же касается неприоритетных отраслей, таких как легкая промышленность, торговля, сфера обслуживания, то здесь низкие заработки были надолго заморожены. Стремительное увеличение фонда заработной платы в отраслях, не создающих потребительские товары, отрыв оплаты труда от его количества и качества усиливают товарный голод и порождают огромную инфляционную волну. В свою очередь, острейший дефицит потребительских товаров, карточная система, действовавшая до 1935 г., серьезно ослабляют роль зарплаты как важнейшего стимула роста производительности труда. Не случайно для создания социальных гарантий рабочему классу власть все чаще применяет административные методы регулирования оплаты труда.

В начале 1930-х гг. практически полностью вытесняется из различных секторов экономики частный капитал. В 1933 г. доля частных предприятий в промышленности сокращается до 0,5%, в сельском хозяйстве — до 20%, а в розничной торговле их не остается вовсе. К этому времени ликвидируются и иностранные концессии. По мере свертывания рынка обнажаются слабые стороны государственного социализма и прежде всего отсутствие личностных стимулов к труду. Заработная плата в силу ее жесткого декретирования государством, а также процент, прибыль, земельная рента перестают выполнять роль стимулов эффективного распределения ресурсов.

В поисках адекватной замены рыночных инструментов административными власть придает огромное значение идеологической обработке граждан, формированию патриотического энтузиазма. В результате важнейшим элементом новой системы хозяйствования в годы первых пятилеток становится высокая трудовая активность работников. В первой пятилетке она выражалась во встречном планировании, социалистическом соревновании, в виде движения ударных бригад. «Все стерпим, если так нужно будет. Назад у нас дороги нету, только вперед», — заверяли донецкие шахтеры в мае 1929 г. председателя ВСНХ В. В. Куйбышева.

Во многом благодаря самоотверженному труду миллионов энтузиастов («максимально героических человеков», как их назвал писатель А. Платонов, которые «творят сооружение социализма в скудной стране, беря пер-

вичное вещество для него из своего тела») в годы первой пятилетки было введено в строй 1500 новых промышленных предприятий, появилась на востоке страны новая угольно-металлургическая база — Урало-Кузбасс, тракторные и автомобильные заводы. Вместе с тем первый пятилетний план был сорван. Вопреки официальной версии он был перевыполнен только по капитальным вложениям и по производству продукции тяжелой промышленности (причем в условных валовых единицах). Запланированных накоплений в промышленности также не удалось достичь, поскольку промышленный рост обеспечивался главным образом за счет увеличения численности работающих и при опережающем росте зарплаты. Уже к концу первой пятилетки происходит резкий спад темпов роста в тяжелой промышленности: с 23,7% в 1928 г. до 5,5% в 1933 г.

По официальным данным, национальный доход за 1929–1933 гг. вырос лишь на 59% вместо 103% по плану, продукция промышленности — на 102% вместо 130%, а продукция сельского хозяйства даже сократилась на 14% вместо запланированного роста на 55%. Почти в 2 раза меньше, чем планировалось, было произведено стали, нефти, электроэнергии, бумаги. К примеру, вместо 60 доменных печей в строй введено 32. Программа строительства новых транспортных путей также была реализована только на треть.

Практика хозяйствования, сложившаяся в годы первой пятилетки, в целом, несмотря на ее фактический провал, была закреплена во втором пятилетнем плане (1933–1937 гг.). Он по-прежнему ориентировал экономику на количественный рост.

Его главная черта — снижение темпов индустриализации. На январском Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. Сталин, лукаво утверждая, что теперь нет необходимости «подхлестывать и подгонять страну», предложил снизить темпы промышленного строительства. С учетом провалов в новом плане темпы прироста снижались до 16,5% против 30% в первой пятилетке. Планом также предусматривались более высокие среднегодовые темпы прироста производства предметов потребления по сравнению с приростом производства средств производства. С этой целью капиталовложения в легкую промышленность увеличивались в несколько раз.

Главной задачей новой пятилетки ставилось завершение технической реконструкции народного хозяйства. По этой причине упор делался на освоение ранее построенных предприятий.

В эти годы экономические трудности заставляют государственную власть более шире использовать экономические методы хозяйствования, товарно-денежные отношения. Однако в конечном итоге верх берет тенденция к максимальной централизации и укреплению планово-распределительного механизма управления; в условиях формирующейся командной экономики хозрасчет не мог не быть формальным. Во имя планомерности происходит последовательное уничтожение рынка. Несмотря на то что уже в годы первой пятилетки обнаружились многие отрицательные стороны планирования как важнейшего элемента нового хозяйственного механизма (планирование от достигнутого, выполнение плана любой ценой, погоня за валом, низкое качество продукции и т. п.), ставшие со вре-

менем хроническими, второй пятилетний план является важнейшей вехой на пути всеобщего государственного планирования. Возведение административного принуждения в систему способствует «плановому фетишизму», его гипертрофии, превращению плана в универсальное средство разрешения всех политических и экономических проблем в стране. Планом становится не только пятилетка, но и те задания, которые получало на протяжении года каждое предприятие. Начиная с 1931 г. все и вся определяющий центр материализирует свою политическую волю в виде годовых народнохозяйственных планов, обязательных для выполнения всеми отраслями и регионами страны. В Госплане сосредоточивается разработка структурной политики и ее инвестиционное обеспечение через распределение государственных вложений. Уже в годы второй пятилетки планирование становится тотальным — от Госплана до отдельного рабочего. Предприятиям дают не только основные производственные задания, но и мероприятия по освоению оборудования, использованию резервов и т. п. Параллельно проходит неуклонное расширение объектов планирования. Если в 1929 г. предприятиям планировался лишь фонд зарплаты, то с 1932 г. планируется средняя зарплата, а с 1934 г. — штаты. В эти же годы в сферу планирования усилению вовлекается и сельское хозяйство. Вначале, с весны 1930 г., государственные посевные планы включали в себя задания на время посевной кампании, спустя десятилетие план сельскохозяйственных работ охватывал все основные агротехнические мероприятия. При этом планирование велось от достигнутого, планы утверждались с большим опозданием. В канун войны объектом плановой работы становится научная деятельность: в 1941 г. впервые был составлен подробный план ускорения технического прогресса в ведущих отраслях промышленности.

Сбои в хозяйственном механизме, ставшие с расширением масштабов планирования обычным явлением, власть не без успеха гасит новой мобилизацией рабочего класса на ударный труд. Не оправдавший себя лозунг «Техника решает все!» в годы второй пятилетки заменяется новым — «Кадры решают все!». В последние месяцы 1935 г. вслед за рекордом забойщика шахты «Центральная-Ирмино» А. Стаханова, давшего 1 сентября за 6-часовую смену десятую часть суточной добычи угля всей шахты, по всей стране с одобрения ЦК ВКП(б) развернулось стахановское движение. Через несколько месяцев на каждом предприятии был свой стахановец. Самой высокой в мире производительности труда на фрезерных станках добился рабочий Московского станкостроительного завода И. Гудов, перевыполнивший норму в 14 раз. Ткачихи Вичугской текстильной фабрики в Ивановской области первыми в мире перешли на обслуживание 100 станков. Размах стахановского движения во многом был связан с мощным материальным стимулированием: стахановцам в первую очередь выделяли квартиры, платили им на порядок выше, чем другим рабочим. Важное значение среди мотивов высокопроизводительного труда имел патриотизм, стремление доказать, что советские рабочие ни в чем не уступают иностранцам. Благодаря стахановским рекордам власть уже в первом полугодии 1936 г. повышает нормы выработки на 13—47%, затем в отдельных отраслях они еще повышаются на 13 - 18%.

В годы второй пятилетки усиливается и процесс жесткого администрирования. При создании хозрасчетных бригад все чаще нарушается принцип добровольности. Лица, уволенные за нарушение трудовой дисциплины, выселялись из ведомственных жилых домов без предоставления иной жилой площади. Этот метод часто применялся и в отношении тех, кто увольнялся с предприятия по собственному желанию без уважительной причины. Стены многих цехов украшали «доски позора» — сатирические стенные газеты, бичующие «летунов» и дезертиров трудового фронта. В 1933 г. в МТС, на транспорте, рыбных промыслах создаются политотделы — чрезвычайные партийно-государственные органы.

В целом вторая пятилетка, как и первая, по большинству показателей не была выполнена, хотя и отличалась от нее более высоким процентом выполнения плановых заданий. Вдвое (по официальным данным) выросла производительность труда, в 2,2 раза — валовая продукция промышленности, в 1,5 раза — сельского хозяйства. В 1937 г. более 80% промышленной продукции было получено на новых или полностью модернизированных предприятиях. Однако опережающего развития отраслей группы «Б» так и не произошло, хотя темпы роста двух подразделений сблизились. Относительные успехи второй пятилетки — результат умеренного курса власти. В эти годы сталинскому режиму удалось успешно использовать почти всеобщее стремление к стабильности, к зажиточной жизни и стабилизировать обстановку в стране, накалившуюся в годы первой пятилетки и поставившей общество на грань распада.

В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) был одобрен третий пятилетний план (1938—1942 гг.). План вновь предусматривал первоочередное развитие тяжелой промышленности, машиностроения, энергетики, металлургии, химической индустрии. В третьем пятилетнем плане была продолжена линия на милитаризацию страны. Предусматривалось ускорение развития оборонной промышленности, создание крупных государственных резервов по топливу, электроэнергии, строительство предприятий-дублеров на Урале, в Поволжье, Сибири.

В годы третьей пятилетки изменения в хозяйственном механизме идут по нескольким направлениям. Репрессии 1937—1938 гг. негативно сказались на выполнении плановых заданий, в связи с чем власть предприняла попытку использовать меры материального и морального стимулирования добросовестных работников.

28 декабря 1938 г. установлены надбавки за непрерывный стаж к пенсиям и пособиям по временной нетрудоспособности. Тогда же для всех рабочих и служащих были введены обязательные трудовые книжки, в которые вносились данные о трудовом стаже и месте работы, о поощрениях и взысканиях. Одновременно вводились и меры морального поощрения — в декабре 1938 г. были учреждены почетное звание Героя Социалистического Труда, медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие».

Эти меры оказались недостаточными для форсирования оборонной программы. По этой причине происходит свертывание экономических методов и разрастание административно-принудительных. Указом от 26 июня 1940 г., запретившим под угрозой уголовного наказания (тюремного за-

ключения по приговору суда на срок от 2 до 4 месяцев) увольнение по собственному желанию с предприятий и учреждений и переход с одного предприятия на другое без разрешения администрации, был взят курс на открытое, официальное прикрепление рабочих и служащих к своим рабочим местам. Тем же указом рабочий день был увеличен с 7 до 8 часов, а шестидневная рабочая неделя заменена семидневной (седьмой день — воскресенье — выходной). В уголовном порядке наказывались прогулы и опоздания на работу. Опоздание свыше 20 минут считалось прогулом и влекло за собой привлечение к уголовной ответственности. Как прогул рассматривалось появление на рабочем месте в нетрезвом состоянии. Указ от 10 июля приравнивал выпуск недоброкачественной или даже некомплектной промышленной продукции к «противогосударственным преступлениям, равносильным вредительству».

В годы третьей пятилетки растет число промышленных наркоматов (1932 г. — 3, 1939 г. — 6, 1940 г. — 23) и сокращается число подведомственных им предприятий.

Таким образом, со второй половины 1930-х гг., особенно в канун войны, командный стиль в руководстве промышленностью утверждается окончательно, а единоначалие и вмешательство вышестоящих органов в работу предприятий принимает гипертрофированные формы.

К концу 1930-х гг. репрессивно-командная система хозяйствования, или экономика власти, складывается окончательно. В отличие от экономики потребления она была направлена не на удовлетворение потребностей людей, а на поддержание тоталитарной политической системы. Ее главные особенности — нерыночный характер, внеэкономическое принуждение к труду, игнорирование закона стоимости, подчинение хозяйственных процессов политическим интересам правящей элиты, ориентация народного хозяйства на достижение политических, а не экономических результатов, упор на экстенсивный экономический рост, невозможность или крайняя затрудненность легального проявления личной инициативы.

Насильственное разрушение основ рыночной экономики в виде революционной экспроприации собственности и уничтожения конкуренции привели к сверхмонополизации хозяйства и в конечном итоге к тупику. Ужесточение административных методов хозяйствования перед войной не дало ощутимых результатов. Более того, их эффект оказался отрицательным: промышленные предприятия в 1940 г. работали хуже, чем в 1938—1939 гг.

«Из аграрной в индустриальную». Оценка истинных масштабов промышленного роста СССР в 1930-е гг. до сих пор представляет определенную сложность. Простое сопоставление того, что было до индустриализации, с тем, что получено в итоге, по схеме, предложенной еще Сталиным, оставляет в стороне многие важные вопросы, и прежде всего вопросы цены «великого скачка», а также возможные результаты модернизации по иным, несталинским способам.

Чтобы внушительнее представить сделанное под его руководством за годы первой пятилетки, Сталин в январе 1933 г. беззастенчиво занизил исходный уровень индустриализации, утверждая, что «у нас не было черной

металлургии, основы индустриализации страны, теперь она у нас есть. У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь. У нас не было автомобильной промышленности. Она есть у нас теперь...» По этой же причине официальная статистика с 1929 г. завышала темпы экономического роста СССР. Альтернативные оценки, проведенные за рубежом и в нашей стране, показывают, что в 1928—1941 гг. ВНП СССР вырос не на 345%, как утверждала официальная статистика, а на 97% — 150%. Разница в 2,4—3,6 раза. Иными словами, сталинская экономическая модель в довоенный период способна была выжать темп прироста национального дохода порядка 5% ежегодно. Темп, безусловно, высокий, больший, чем давала дореволюционная рыночная экономика (3,4 % в 1885—1913 гг.), но не рекордный. Приблизительно такими темпами развивалась в эти годы экономика Японии. Ниже официальных и оценки ежегодного роста объема промышленного производства в годы первых пятилеток. Они колеблются в пределах 9—16% роста за 1928—1937 гг. (вместо 18,1% по официальным данным), и 8—14% в 1928—1940 гг. (вместо 14,6%). Уточнения по существу, видимо, еще будут. Тем не менее масштабы свершившихся перемен не следует недооценивать.

В целом и альтернативные оценки позволяют говорить о том, что ценой неимоверных усилий в кратчайшие исторические сроки, за две с половиной пятилетки (1928—1940 гг.) в СССР был совершен промышленный рывок, создавший основу для превращения СССР в мощную индустриальную державу. В 1930-е гг. в значительной мере удалось сократить качественное отставание отечественной промышленности от ведущих западных держав. В стране были созданы важнейшие отрасли современной промышленности. Существенно изменилось размещение производительных сил. В орбиту индустриального прогресса были вовлечены бывшие национальные окраины. Уже в 1935 г. выработка электроэнергии превысила уровень 1913 г. в 13,5 и в 52 раза уровень 1921 г. По уровню промышленного производства Советский Союз вышел на первое место в Европе и на второе — в мире. Накануне войны СССР занимал первое место в мире по добыче марганцевой руды, производству синтетического каучука. Правда, Сталин и официальная пропаганда предпочитали не говорить о том, что ускоренный рост промышленности был достигнут за счет разрушения производительных сил деревни, за счет резкого снижения уровня жизни большинства населения, за счет глубоких деформаций всего воспроизводственного процесса. Опережающий рост группы «А» определялся массированными капитальными вложениями. Из всей суммы в 65,8 млрд рублей, вложенных в годы предвоенных пятилеток в промышленность, на производство средств производства ушло 83% инвестиций, а на производство предметов потребления лишь 17%. Вся система планового управления была приспособлена к решению технико-производственных задач, а не к повышению жизненного уровня народа. Характерно, что в 1909—1913 гг., в пору последнего дореволюционного промышленного подъема, доля валовых капиталовложений в ВВП составляла 12—14%, а в 1920—1938 гг. — 25—29% (в 2 раза выше). Но в то же время подушевое личное потребление росло в 3,5 раза мед-

ленное, чем подушевой ВВП. Очевидно, это цена за некомплексную модернизацию, которую вновь оплатило население.

Все годы индустриализации из сельского хозяйства шла перекачка средств в промышленность. В результате в 1928—1940 гг. основные производственные фонды промышленности выросли в 2,5 раза, а сельского хозяйства – в 1,2 раза. Ни в 1930-е, ни в 1940-е гг. в сельском хозяйстве роста продукции не наблюдалось. Наоборот, снижались сборы зерновых и технических культур. За пятилетие (1928 –1932 гг.) почти вдвое сократилась продукция животноводства и птицеводства. Производство мяса, молока, яиц в 1934 г. было ниже, чем в 1919 г.

Ценой индустриального рывка стали многомиллионные людские потери, сравнимые лишь с потерями в разрушительной войне. Прогресс в эти годы был ограничен в основном тяжелой промышленностью, строительством и транспортом. С развитием автомобильной промышленности не было уделено должного внимания развитию сети автодорог, не была создана необходимая для нормального функционирования производства инфраструктура. В 1930-е гг. практически было проигнорировано техническое развитие отраслей легкой промышленности.

Признание Сталиным и его окружением неизбежности военного столкновения с капиталистическим миром из всех задач индустриализации выдвигает на передний план проблему укрепления обороноспособности страны. Расходы на оборону во второй пятилетке по сравнению с первой увеличились почти в 4 раза. Советом труда и обороны летом 1933 г. принимается программа строительства военных кораблей, включая 8 крейсеров, 50 эсминцев и 76 больших подводных лодок. Уже в 1933 –1934 гг. на вооружение РККА поступают новые системы артиллерийского и стрелкового вооружения. В результате наращивания мощностей авиационной промышленности к 1937 г. число авиационных заводов достигает 57. По этой причине в эти годы наблюдается особенно быстрый рост военных расходов и капитальных вложений. В результате пересмотра программы оборонного строительства третьего пятилетнего плана в 6,3 раза возрастает объем капитальных вложений в оборонную промышленность; соответственно среднегодовые темпы роста производства военно-промышленных наркоматов в 1938—1940 гг. составили 141,5% вместо 127,3%, предусмотренных третьим пятилетним планом. Перераспределение материальных ресурсов в пользу военной промышленности вызывает крайнее напряжение с выполнением планов предприятий и наркоматов гражданской промышленности. В 1939 г. уже четверть государственного бюджета шла на оборону, в 1940 г. — третья часть, в 1941 г. — 43,4%. По свидетельству маршала Г. К. Жукова, в последние предвоенные годы развитие оборонной промышленности шло на пределе возможного для мирного времени: «Еще больший крен в эту сторону... вел к изменению, перерождению самой структуры народного хозяйства».

Таким образом, итог сталинской модернизации весьма не однозначен. Благодаря форсированной индустриализации качественное порядковое отставание отечественной экономики от Запада было на время преодолено. К концу 1930-х гг. СССР стал одной из трех-четырех стран мира, способ-

ных производить практически любой вид самой современной промышленной продукции. Вместе с тем очевидно и другое: модернизационные процессы в стране приобретают односторонний, специфический характер. В 1930-е гг. советская экономика приобретает «лагерный» облик. Тогда же начинает набирать силу тенденция к тотальной ее милитаризации, полному подчинению производству вооружений. Повторяя лишь технические достижения и некоторые организационные формы передовых стран Запада в отрыве от социокультурных и общецивилизационных, советское руководство закладывало последующее отставание страны. Мобилизационная модель модернизации в силу своей природы не была ориентирована на создание механизма саморазвития и саморегуляции, уже в силу одной этой причины вся советская экономическая система оставалась малоэффективной.

Но и после сталинской кровавой индустриализации СССР по многим параметрам продолжал отставать от развитых стран. Производство главнейших видов промышленной продукции на душу населения оставалось в стране намного ниже, чем в большинстве стран Западной Европы и США. Так, выработка электроэнергии, выплавка стали, добыча угля, производство цемента, выпуск тканей на душу населения составляли от половины до четверти показателей США. Доля ручного труда даже в наиболее прогрессивных отраслях производства превышала 50% и была наибольшей в Европе.

Иными словами, сталинская модернизация, дав свой ответ на исторический вызов, создала серьезные проблемы для всего последующего стабильного развития экономики, для движения страны в сторону постиндустриального развития.

Колхозная система. К концу 1932 — началу 1933 г. складывается система централизованного управления колхозами во главе с Наркомземом СССР. Чтобы окончательно сломить крестьянство и завершить коллективизацию, в 1933 г. при МТС образуются чрезвычайные партийные органы – политотделы, подконтрольные лишь политотделу Наркомзема СССР. Таким образом, на сельское хозяйство распространялись принципы жесткой централизации, директивности, уравнительности, ранее утвердившиеся в промышленности. Наделенные широкими полномочиями политотделы обеспечивали выполнение планов посевов и уборки, контролировали выдачу трудодней, выявляли вредителей, проводили чистки колхозов. Будучи формально кооперативными хозяйствами (по таким признакам, как выборность руководящих органов, созыв общих собраний для решений вопросов внутренней жизни, обладание коллективной собственностью), колхозы фактически все агротехнические вопросы решали под непосредственным контролем партийно-государственных органов. Большую часть урожая они сдавали по обязательным хлебопоставкам по ценам в 10–12 раз ниже рыночных. Еще часть урожая шла в виде натуроплаты МТС за обработку колхозных полей. Во избежание разбазаривания весь колхозный хлеб, включая семенной фонд, свозился на государственные элеваторы. Создав систему принудительного изъятия хлеба из деревни, политотделы в конце 1934 г. были ликвидированы. К этому времени выявля-

ется неэффективность чисто административных методов управления колхозами. Падение валовых сборов зерна (средняя урожайность зерна в 1932 г. составляла всего 5,7 центнера с гектара против 8,2 центнера в 1913 г.), а также осложнение социально-политической ситуации в стране после голода 1932—1933 гг. вынуждает партийное руководство внести определенные изменения в управление сельским хозяйством.

Новый примерный «Устав сельскохозяйственной артели», принятый в 1935 г. на II съезде колхозников-ударников, предоставил крестьянам «кое-какую демократию» по управлению, при решении вопросов исключения из колхоза. Сталин при его обсуждении вынужденно пошел навстречу желаниям большинства крестьян иметь личное подсобное хозяйство и предложил оставить колхознику его «личное хозяйство, небольшое, но личное». Новый устав, закрепив за колхозниками приусадебные участки земли, дав право содержать на нем скот и разрешив продажу своей продукции на рынке, более четко, чем устав 1930 г., определил пределы обобществления деревни. До этого времени, используя несовершенство старого устава 1930 г., работники земельных органов всеми правдами и неправдами сокращали размеры личного подсобного хозяйства.

Однако многие пожелания крестьян так и не были учтены. После введения в городах паспортной системы сельские жители паспортов не получили, не получив тем самым и свободы передвижения, выбора рода занятий. Примерный устав 1935 г. закрепил остаточный принцип распределения колхозной продукции по трудодням только после выполнения колхозом «первой заповеди» — первоочередной сдачи хлеба по обязательным поставкам государству, засыпки семенных, фуражных и страховых фондов и т. д. Лишь такой подход создавал возможность гарантированно выкачивать из деревни в необходимых размерах продовольствие и сырье. Оставляя для себя минимум, деревня обеспечивала выполнение программ индустриализации, снабжения городов и армии.

К 1937 г. коллективизация фактически завершается. К этому времени 93% крестьянских хозяйств были объединены в 243,7 тыс. колхозов. Возник новый тип хозяйства. На земле появилось два хозяина — колхоз и государство. Но решающее слово оставалось за государством. Права колхозников, зафиксированные в новом Уставе, не были подкреплены никакими гарантиями и постоянно нарушались. Очередного председателя правления колхоза районные власти обычно навязывали общему собранию. Сосредоточение машинной техники в государственной собственности (МТС) экономически ставило колхозы и совхозы в подчиненное и зависимое положение.

Даже незначительное ослабление административного пресса в 1935 г. положительно сказалось на развитии сельского хозяйства. С 1935 г. начался рост сельскохозяйственного производства, позволивший вместе с сокращением экспорта хлеба отменить карточную систему снабжения в городах. В 1937 г. валовой сбор зерна достигает 97,5 млн тонн против 73,3 млн в 1928 г. Не последнюю роль в увеличении урожаев и улучшении положения крестьянства сыграли поставки в деревню сельскохозяйственных машин, химических удобрений. К концу 1930-х гг. система МТС располагала

366 тыс. тракторов. Сказывались преимущества концентрации техники и труда, более рациональное использование земли, внедрение достижений науки.

С 1939 г. в связи с обострившейся военной опасностью и созданием стратегических запасов продовольствия методы хозяйствования в аграрной сфере вновь ужесточаются. Для членов колхозов устанавливается обязательная годовая норма трудодней. За ее невыполнение колхозник мог лишиться приусадебного участка — фактически единственного средства существования. Тем самым труд колхозника окончательно приобретает зависимый, полукрепостнический характер. В том же 1939 г. был установлен новый налог: по Закону о сельхозналоге колхозники обязаны были платить государству за каждое плодовое дерево и каждую огородную грядку своего подсобного хозяйства вне зависимости от урожая. Одновременно увеличивался размер обязательных госпоставок колхозов.

Таким образом, коллективизация и становление колхозной системы разрушают весь привычный уклад деревни. Иными становятся моральные устои, трудовая этика, одежда и нормы поведения. Система оргнабора рабочей силы в промышленность, служба в армии приводят к общему сокращению сельского населения. В результате крутого поворота в экономических отношениях и методах хозяйствования аграрный сектор приобретает зависимый, второстепенный характер в советской экономике, а сами крестьяне становятся гражданами второго сорта.

§ 3. Советское общество накануне войны

Социальное развитие. В 1930-е гг. серьезные изменения происходят в социальной сфере. Сдвиги в социальной структуре, уровне и образе жизни народа определялись взаимодействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, в результате ускоренной индустриализации и сплошной коллективизации утверждался остаточный принцип финансирования социальных нужд. С другой стороны, модернизация экономики требовала повышения благосостояния народа, подъема его культурного уровня. Этого же требовали и программные лозунги большевиков. Отсюда несомненное внимание властей к развитию системы здравоохранения и образования. Чтобы повысить образовательный уровень населения, а в конечном счете сформировать обширный слой рабочих и новую интеллигенцию, постановлением ЦИК и СНК от 14 августа 1930 г. в стране вводится всеобщее обязательное начальное обучение, а в городах – неполное среднее. На протяжении первых пятилеток почти в 2 раза (с 119 тыс. в 1927 г. до 192 тыс. в 1940 г.) возрастает число школ и в 5 раз – численность учителей. Число грамотных среди населения старше 9 лет увеличивается за эти годы на 30% и достигает 81,2%.

Хотя в эти годы примерно четвертая часть населения страны была охвачена различными формами обучения, качественный уровень образования в целом не был высоким. Среднее образование имели около 8%, а высшее — всего 0,6% всего населения. В силу этого третий пятилетний план предусматривал уже введение в СССР всеобщего среднего образования в городах и неполного среднего (семилетнее) в деревне и во всех нацио-

нальных республиках. В конце 1930-х гг. радикально перестраивается система высшего образования, вводятся ученые степени, при крупнейших вузах учреждается аспирантура. Более чем в 11 раз по сравнению с дореволюционным временем увеличивается численность вузов (400 в 1914 г. и 4600 — в 1940 г.). Выпуск специалистов возрастает почти в такой же пропорции, достигнув в 1940 г. 126,1 тыс. человек. За счет ускоренной подготовки на рабочих факультетах, в коммунистических университетах, промакадемиях был создан слой новой интеллигенции.

Реформа государственной системы образования позволила не только преодолеть острую нехватку кадров, но и создать стройную систему воспитания нового поколения в духе коммунистических идей. В 1930-е гг. остатки старой интеллигенции окончательно связывают свою судьбу с большевистским режимом. Старая социальная структура российского общества была окончательно разрушена. Выступая в 1936 г. с докладом о проекте Конституции, Сталин говорил о новой социальной структуре, в которой якобы нет классовых противоположностей и классовых антагонистов, а есть два дружественных класса – совершенно новый, освобожденный от эксплуатации рабочий класс, столь же новое советское крестьянство, «подобного которому еще не знала история человечества», и особая социальная прослойка – новая интеллигенция. Трехчленная формула, весьма спорная даже с марксистских позиций, понадобилась Сталину, чтобы замаскировать реальную стратификацию с громадными различиями верхов и низов, с мощным слоем партийно-государственной бюрократии.

В годы первых пятилеток окончательно складывается единая государственная система здравоохранения. В 5 раз по сравнению с 1920-ми гг., (и в 2,5 раза по сравнению с дореволюционным 1913 г.) увеличивается количество врачей, вместимость больниц — в 3 раза. Одновременно с общегосударственной сетью медицинские учреждения создаются при заводах, фабриках и учреждениях.

В 1930-е гг. партийная и государственная власть пытается активно управлять и развитием городов, поддерживая одни тенденции и гася другие. Индустриализация диктовала необходимость концентрации людских ресурсов в городах. С 1926 по 1939 гг. население городов возрастает почти на 30 млн человек. Соответственно доля городского населения увеличивается с 18 до 33%. Доля же сельского населения к концу 1930-х гг. уменьшается не только в относительном, но и в абсолютном выражении. Особенно быстро растет население крупных городов. Население Москвы увеличилось с 2029 тыс. человек в 1926 г. до 4137 тыс. в 1939 г., Ленинграда — с 1690 тыс. до 3191 тыс. На карте СССР появились новые крупные промышленные центры: Магнитогорск, Комсомольск.

Советская урбанизация, как и индустриализация, во многом носила искусственный, форсированный характер. Являясь побочным продуктом индустриализации, она не сопровождалась формированием полноценной городской среды, ростом средних социальных слоев, что вело к утрате советским городом ряда традиционных городских черт. Крестьяне, бежавшие в массовом количестве в города, заселялись в подвалы, чердаки, бараки

(большинство реквизированных у имущих слоев квартир досталась пришедшим к власти новым управленцам).

В официальном издании «Труд в СССР» отмечалось, что значительная часть притока размещается по углам. За годы первой пятилетки возросла доля рабочих, проживающих в общежитиях. Скученность в них была невероятная. Отмечались случаи, когда рабочие разных смен спали по очереди на одних и тех же постелях. Особенно тяжелыми жилищные условия были на новостройках. Например, в Новокузнецке на одного человека приходилось менее 1,3 м², а если исключить землянки и времянки, то вообще 0,44 м². В Кемерове в 1936 г. 76% всего жилого фонда составляли бараки, избы и землянки.

Серьезно обостряет жилищную проблему в городах замедление темпов строительства жилья в годы первой и второй пятилеток. Общая площадь жилых домов, построенных с 1927 по 1937 г., составила лишь 61% от того, что было построено за десятилетие с 1918 по 1928 г.

Форсированный темп урбанизации способствует маргинализации большинства городского населения. Недавние сельские жители, оторвавшись от земли, от социального контроля сельского типа, в большинстве своем не приобретают ценностей городского общества. Естественным следствием такого положения становится криминализация городского общества 1930-х гг., ослабление семейных связей. В результате массового перетока сельских жителей в города последние на какое-то время оказываются в численном превосходстве над коренными горожанами, что отрицательно сказывается как на общем уровне культуры, так и на всем процессе социального наследования. Требования городской жизни плохо воспринимались поколениями, воспитанными на деревенских стереотипах. К тому же в эти годы властные структуры пополняются также в основном за счет выходцев из деревни.

Реальное материальное положение большинства горожан в годы довоенных пятилеток очень отличалось от картины, рисуемой официальной статистикой и пропагандой тех лет. Вопреки оптимистическим заявлениям Сталина и других советских вождей форсированная индустриализация приводит в 1930-е гг. к падению жизненного уровня большинства населения. Заработная плата рабочих и служащих практически не покрывала рост цен. Чтобы доказать обоснованность тезиса Сталина о том, что «реальная заработная плата у нас все же неуклонно повышается из года в год», в нее стали включать затраты из общественных фондов на общее и профессиональное образование, стипендии, медпомощь и т. п. В расчеты средней зарплаты рабочих включались суммы зарплат управленческого персонала и даже директоров.

Угроза планам индустриализации в силу продовольственного кризиса и товарного дефицита приводит к тому, что в 1928 г. во всех городах страны вводится карточная система, просуществовавшая до 1935 г. Приоритет в снабжении отдавался индустриальным центрам. Вначале власть рассчитывала посредством карточной системы обеспечить снабжение всех горожан в равной степени, но в условиях обострения продовольственного дефицита и угрозы голода снабжение дифференцируется — лишь рабочие ве-

дущих промышленных объектов получают по карточкам все товары. Нормы выдачи продуктов определялись не только важностью предприятия и города, но и значимостью конкретного цеха, а также степенью выполнения плана. Все годы официального существования карточной системы снабжение населения, занятого в промышленности, оставалось приоритетным. Лишь в 1931 г. появляются постановления о снабжении по карточкам интеллигенции, в частности врачей и учителей. Одновременно с введением карточной системы в крупных городах были организованы коммерческие магазины, где можно было купить продовольственные товары любого ассортимента, но по ценам, превышающим карточные в 5—6 раз.

Нормы продажи товаров по карточкам постоянно снижались, сокращался их ассортимент. Так, во 2-м квартале 1932 г. на основе решения ЦК ВКП(б) была отменена продажа по карточкам рыбы, кондитерских изделий, яиц, овощей, молока, сыра и других продуктов. Распределению по карточкам подлежали лишь хлеб, крупа, мясо, сельдь, сахар. Но и эти продукты по карточкам выдавались с большими перерывами. Выполнялась только норма хлеба. Как следствие, по главным промышленным районам потребление основных продуктов питания резко снижается. Рабочие голодали, о чем, в частности, свидетельствует обращение от имени 50 тыс. рабочих Ижевского завода в августе 1930 г. к председателю СНК А. И. Рыкову: «Спасите нас от голода! Столовые закрываются. Дают воду с овсяной крупой и немного хлеба. В магазинах дают по полфунта черного хлеба или муки на человека. Больше уже ничего не дают вот уже месяц. Мы пухнем с голода, работать нет сил. Рабочие бегут с производства, продают все с себя, лишь бы прокормить детей» (1930 г. был рекордным по сбору урожая, но собранное зерно вывозилось за границу).

И в 1930-е гг. жизненный уровень рабочих оставался ниже того, который существовал в царской России. До 1927 г. этот факт открыто признавался советскими вождями, которые объясняли его последствиями империалистической и Гражданской войн. Так, по словам Ларина, весной 1923 г. зарплаты хватало лишь «на простецкое удовлетворение голода ржаным хлебом, картофелем и т. п.» при потреблении мяса на «гомеопатическом уровне».

С 1927 г. по указанию ЦК ВКП(б) в рамках развернувшейся в стране кампании по пропаганде реальных и мнимых достижений советской власти жизненный уровень городских рабочих в советской статистике всеми правдами и неправдами начинает завышаться.

Что касается условий труда, то в целом они были явно хуже, чем до революции, поскольку рабочим приходилось трудиться на изношенном довоенном оборудовании с большей, чем в прошлом, производительностью труда, которая достигалась прежде всего за счет умножения мускульных усилий. Высокий уровень заболеваемости рабочих туберкулезом был явлением обыденным. Голод давал возможность руководителям предприятий, следуя ленинской формуле о том, что распределение продовольствия «есть метод, оружие, средство для повышение производительности труда», с ничтожными затратами заставлять рабочих трудиться непосильно. За выданное дополнительно продовольствие (в небольшом количестве) голодные

люди соглашались повышать выработку, становясь ударниками труда. В соответствии с директивами Центросоюза, Наркомснаба и ВЦСПС ударникам предусматривалось лишь повышение установленной нормы по мясу на 25% и по жирам на 50%. Им увеличивалось также количество дней с мясными обедами, им в первую очередь распределялись дефицитные товары. Но даже этих дополнительных пайков всем ударникам не хватало. В 1931 г. две трети, а в 1935 г. три четверти рабочих официально считались участниками социалистического соревнования, причем половина всех рабочих числилась ударниками. Но льготами пользовались лишь 12% из них.

Еще более тяжелым, чем в городе, было материальное положение сельчан. Искусственно вызванный голод начала 1930-х гг. унес миллионы жизней. Колхозно-совхозный сектор давал к этому времени более 80% товарной зерновой продукции. Однако объем поставок в город продуктов питания в целом упал, особенно продуктов животноводства. Причиной тому были неэффективность наспех созданных колхозов, случаи прогулов, хищений, небрежного отношения к скоту и технике. Заготовки 1932 г. шли с огромным трудом, много продуктов утаивалось, расхищалось, гибло. Ответом властей были репрессии уже против самих колхозников. Заготовители во многих хозяйствах подчистую забирали не только товарную продукцию, но и семена, а также зерно, предназначенное для оплаты по трудодням. Несмотря на засуху, из деревни было изъято больше хлеба, чем в рекордный по урожаю довоенный 1913 г.

7 августа 1932 г. был издан печально знаменитый закон «Об охране социалистической собственности», получивший в народе название «закон о пяти колосках», установивший жестокие наказания за хищение социалистической собственности. За расхищение колхозной собственности, в том числе за тайный обмолот колосьев в поле, назначались крайне суровые меры — вплоть до расстрела. К уголовной ответственности привлекались даже дети. Госзаготовки «под метелку» прошли в основных зерновых районах — на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, откуда зерно шло на экспорт. И именно сюда пришел голод.

Официальная пресса упорно умалчивала факты недорода и голода. Такова была расплата властей с крестьянством за хлебные стачки конца 1920-х гг., за сопротивление насильственной коллективизации. В помощь голодающим не была мобилизована ни советская, ни мировая общественность. Информация о голоде, высокой смертности, направлявшаяся в местные и центральные органы власти, становилась секретной.

В дни, когда голод уносил жизни тысячи людей, проходил I Всесоюзный съезд колхозников-ударников под лозунгом «Сделать все колхозы большевистскими, а колхозников — зажиточными».

С зимы 1932 г. нарастала смертность из-за недоедания. Имели случаи трупоедства и людоедства. Вымирали целыми семьями. Наиболее тяжелые потери понесла Украина. От голода здесь умерло 1,5 млн человек. Резко сократилось население Казахстана. В Российской Федерации голод прошелся по Ставропольскому краю и Северному Кавказу. В районах Среднего и Нижнего Поволжья от голода погибли более 200 тыс. человек. Пик смертности пришелся на весну–лето 1933 г. Общее число жертв достигло 3 млн

человек. Весной 1933 г. голодающие районы получили от государства семена и начали сев, но «рукотворный» голод долго еще давал о себе знать.

Раскулачивание, выселение крестьян, голод и массовые репрессии сказались на состоянии дел в колхозах и совхозах. Многие хозяйства существовали лишь за счет государственных дотаций.

Огосударствление культуры и науки. На рубеже 1920—1930-х гг. в СССР заканчивается достигнутое после завершения Гражданской войны «мирное сосуществование» различных социокультурных и культурно-политических течений. Ужесточающаяся диктатура неотвратимо распространяется и на культурную сферу. Уже с конца 1920-х гг. в стране сворачивается весьма ограниченный плюрализм, под флагом консолидации культурных сил распускаются литературные и художественные группировки, научные философские общества. Вся культура стягивается в один тугой узел, политически контролируемый и жестко управляемый партией.

Крутой поворот в политике советского руководства по отношению к культуре намечается уже в начале 1930-х гг. Определяющей становится линия на ее огосударствление. Только в 1928—1934 гг. ЦК опубликовал около 60 постановлений, охватывающих практически все области культурного строительства.

С одной стороны, реорганизации государственного управления в области культуры требовала логика укрепления власти, которая нуждалась во внешних признаках стабильности и которой были совершенно не нужны дестабилизирующие революционные, авангардистские изыски в этой сфере, характерные для первых послереволюционных лет. С другой стороны, повышение уровня образования и профессиональной подготовки основной массы работников, новой массовой интеллигенции вело к росту их требований к доступу к ценностям культуры, организации досуга.

Символом смены ориентиров в духовной жизни советского общества стал приход в 1929 г. на пост наркома просвещения вместо ушедшего в отставку блестящего и разностороннего человека А. Луначарского «солдата партии» А. С. Бубнова. В этот период создаются новые органы отраслевого управления: Союзкино, Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию, Комитет по высшей технической школе. Для борьбы с религией на базе Союза безбожников была создана массовая общественная организация — Союз воинствующих безбожников.

Созданное в 1929 г. Управление пропаганды и агитации (УПА) должно было жестко контролировать всю культурную жизнь в стране. Пришедшие в разных областях искусства к власти малообразованные, непрофессиональные люди стали делить мастеров на пролетарских «наших» и подозрительных попутчиков, которых постоянно подвергали проработкам.

С началом первой пятилетки обстановка штурмовщины распространяется на сферу культуры. Чрезвычайными мерами и в кратчайшие сроки решались задачи ликвидации неграмотности, введения всеобщего обязательного начального образования, массовой подготовки специалистов.

Государственное финансирование учреждений культуры сделало доступными для широких масс музеи, театры, филармонии и концертные залы и вместе с тем позволило использовать их в качестве мощного инстру-

мента идеологической обработки населения. Одновременно создавались массовые общедоступные библиотеки, открывались новые театры, концертные залы, музеи, развивались различные виды художественного и технического творчества.

Новое мировоззрение вовсе не требовало, чтобы массы действительно осознавали причины и следствия, глубоко вникали в содержание политических ярлыков, — достаточно было уверенности в безусловной экономической исключительности, безграничных возможностях и превосходстве общества, создаваемого в СССР, над другими странами. Главной чертой требуемого мировоззрения нового человека была убежденность в том, что советский человек — особый человек, наделенный высшими моральными и политическими качествами.

В процессе «выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи», который в годы пятилеток обозначался в СССР металлургическим термином «перековка», неоднократно меняется само представление о новом человеке. В 1930-е гг. на смену железным революционерам-разрушителям старого приходит созидатель нового мира — «научно организованный человек», «усовершенствованный коммунистический человек» (после войны Сталин провозгласит окончательный идеал советского человека — пассивный и непритязательный «винтик» государственной машины).

Чтобы удержать массы в состоянии «винтиков», создается громадная политико-просветительная сеть.

Бюрократизация литературно-художественной жизни дополнила в 1930-е гг. ее тотальную политизацию и идеологизацию. Модель «социального заказа», о которой еще в 1920-е гг. шли дискуссии, стала реальностью: производство литературно-художественных произведений и научно-технических открытий ассоциировалось с плановым промышленным или колхозно-совхозным производством. Тем самым осуществлялась унификация и шаблонизация творчества в заданных идейно-политических границах, что, в свою очередь, обеспечивало беспощадный контроль за культурой и управление ею со стороны партийно-государственных органов, от которых уже не требовалась никакая компетентность, а лишь исполнительность в проведении партийной линии и бдительность в отношении любых отступлений от нее. Вскоре появляется и новое понятие для нового искусства — социалистический реализм. В противоположность буржуазной культуре новая социалистическая культура должна была выражать интересы трудящихся и служить задачам классовой борьбы пролетариата за социализм.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» были ликвидированы писательские организации — РАПП, РАМП и другие под предлогом того, что они создают опасность культивирования кружковщины и отрыва от политических задач современности. На основании этого постановления были ликвидированы все общества, ассоциации и союзы творческой интеллигенции. Теперь все они должны были объединяться во всесоюзные сообщества. Задачей ЦК партии было объединить всех писателей в один союз

с коммунистической фракцией в нем для руководства писательским сообществом. Созданный в дальнейшем Союз писателей СССР был уже политизированной организацией. На 1-м Всесоюзном съезде писателей (август 1934 г.) было избрано правление СП СССР во главе с М. Горьким, а первым секретарем правления избрали работника аппарата ЦК партии А. С. Щербакова.

Социалистический реализм, провозглашенный на съезде основным методом советской литературы, требовал от художника не только правдивой и исторической конкретности художественного изображения, но непременного его сочетания с задачей идейной переделки и воспитания трудящихся в духе социализма.

После съезда была развернута кампания против неугодных писателей, композиторов, художников и музыкантов под предлогом борьбы с формализмом, которая затем вылилась на страницы печати. В 1936 г. в газете «Правда» была опубликована известная статья «Сумбур вместо музыки». В ней и других статьях формалистами объявлялись режиссеры В. Мейерхольд, М. Каллатозов, С. Эйзенштейн, А. Довженко, писатели и поэты Б. Пастернак, Н. Заболоцкий, Н. Асеев, Н. Олеша, Вс. Иванов, И. Эренбург, И. Бабель и многие другие. С сентября 1939 г. начинается кампания разгрома журнала «Литературный критик», в котором постоянно печатался А. Платонов.

Писатели, чье творчество шло вразрез с официальной доктриной, просто запрещались. Нередко решения о выходе в свет того или иного произведения принимались с участием Сталина. К числу запрещенных писателей и поэтов были отнесены С. Есенин, А. Ахматова, М. Цветаева, М. Булгаков, М. Зощенко, А. Платонов и др.

По мере укрепления сталинского режима область дозволенного в культуре все время сужалась по различным основаниям — будь то борьба с буржуазной идеологией, связями с белогвардейской эмиграцией, умаления заслуг товарища Сталина.

Даже Д. Бедный, верный агитатор большевистской партии, в первое десятилетие советской власти служивший образцом для подражания всем пролетарским деятелям, был подвергнут на рубеже 1930-х гг. резкой партийной критике и исключен из партии и Союза писателей за чрезмерную критику советского образа жизни и русского национального характера, за «искажение российской истории».

Второй съезд писателей, который планировали провести в 1937 г., состоялся только после смерти Сталина — в 1954 г. Около тысячи литераторов - участников первого съезда - были репрессированы или вынуждены перестать писать.

Не избежали развернувшихся репрессий многие известные талантливые писатели и поэты. Среди погибших в сталинских застенках — Д. Хармс, О. Мандельштам, Б. Пильняк, И. Бабель, Н. Клюев, режиссер В. Мейерхольд.

Официальная литература и искусство в 1930-е гг., скрывая от народа теневые стороны ускоренной индустриализации и коллективизации, чудо-

вишный размах репрессий, создавали картины радостной и веселой жизни простого народа. Основными чертами тоталитарной культуры становятся пышность, показной оптимизм. Произведения деятелей советской культуры должны были поднимать советских людей, особенно молодежь, на патриотические начинания.

Ведущей темой в литературе становятся темы революции и социалистического строительства. На сценах театров утверждается новая советская пьеса с преобладанием революционной тематики.

В эти годы наряду с заказными агитками были созданы и выдающиеся произведения литературы и искусства: романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Петр I» А. П. Толстого, «Жизнь Клима Самгина» М. Горького, фильм «Александр Невский» С. Эйзенштейна, картины, составившие золотой фонд отечественной кинематографии, режиссера А. Александрова с участием актрисы Л. Орловой («Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга»), «Чапаев» С. и Г. Васильевых и др.

В 1936 г. Управление учреждениями искусства было строго централизовано и сосредоточено во Всесоюзном комитете по делам искусств при Правительстве СССР. Весной 1938 г. в силу своей массовости в самостоятельную отрасль выделяется кино и образуется Комитет по кинофикации при Совнаркоме СССР. Контролируя сеть культурно-просветительных учреждений и творческую интеллигенцию, занятую в них, власть пытается возбудить в них политическую активность, внедряет в сознание народных масс коммунистические идеи.

К началу 1930-х гг. в стране не хватало специалистов, поэтому был взят курс на их расширенную подготовку, особенно из числа передовых рабочих, через систему институтов и техникумов и сеть специально созданных промышленных академий и различных курсов. В эти годы было открыто много новых вузов и техникумов. Для создаваемых в стране новых отраслей промышленности — авиационной, автотракторной, станкостроительной, химической, сельскохозяйственного машиностроения и ряда других — были созданы специальные вузы, факультеты, средние учебные заведения.

К концу 1930-х г. СССР вышел на первое место в мире по числу учащихся и студентов и по темпам подготовки специалистов. Это позволило сделать рывок в развитии естественных и технических наук. Серьезные открытия были сделаны в ядерной физике, в разработке теоретических проблем освоения космоса. В 1930 г. был создан первый реактивный двигатель (Ф. Цандер).

С начала 1930-х гг. началась кампания по пересмотру отношения к истории. С 1934 г. было восстановлено преподавание всемирной и отечественной истории, введены стабильные учебники и программы. В эти годы создаются Историко-археографический институт и Институт истории. Одновременно ужесточаются требования к ученым-обществоведам. Общий контроль за содержанием образования осуществлялся Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (Агитпроп ЦК). Осенью 1938 г. в связи с выходом канонизированного «Краткого курса истории ВКП(б)», изданного

при участии Сталина, во всех вузах СССР вводятся обязательные курсы истории партии и марксистско-ленинской философии.

Фактически вся пропаганда и агитация строилась на постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)».

Пропагандистская работа принимала все более однобокий характер. Даже буквари были инструментом для нужной ориентации юного человека, входившего тогда в политический мир. В условиях ликвидации неграмотности взрослых, совпавшей с новым витком обострения классовой борьбы, азы преподаваемой грамоты обязательно сочетались с базовыми политическими установками партии. Фактически это был самый краткий курс ВКП(б). Обучающийся должен был наряду с основами грамоты и социальными знаниями получать полную меру политических знаний. Каждый урок завершался впечатываемыми в мозг лозунгами «Не кланяйтесь кулакам», «Коммуна — кулаку мука» («Сибирский букварь для взрослых»). Психологически это был очень верный шаг. Во-первых, обучение велось в коллективах, оторванных от «классово чуждой среды», во-вторых, овладение грамотой как подкрепление в социализации создавало перспективу успешности намечаемых партией преобразований.

Новым веянием времени стало радио. Именно по радио можно было услышать выступления вождей, подкрепленные музыкой и песнями. Для детей того времени радио, кино и трактор были реальными «чудодеяниями» новой власти, рядом с которыми меркли «поповские сказки», поэтому дети легко врастали в тоталитарное общество. Система в борьбе за влияние на умы детей одержала победу над семьей. Первые советские буквари воспитывали у детей не только готовность к подвигу, но и жертвенность: «Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту и стану вместо брата с винтовкой на посту». Непременным элементом школьной образовательной программы была подготовка к будущей войне.

Наряду с темой внешнего врага в учебниках обязательно присутствовала тема врага народа. Версия об их существовании внедрялась в головы детей на уровне подсознания.

Во второй половине 1930-х гг. в обществе распространяются представления о культурной жизни как жизни сытой и обеспеченной. Такая интерпретация лозунга о «зажиточной и культурной жизни» никак не могла устроить партийных идеологов, не признававших материальное благополучие в качестве универсальной цели жизни. «У нас развелись люди, — говорил на X съезде ВЛКСМ (1936 г.) А. В. Косырев, — которые различные мещанские атрибуты выдают за зажиточную культурную жизнь». Вовлечение масс в сознательное историческое творчество означало для партийных идеологов выработку у них мировоззрения, соответствующего замыслам руководства и его пониманию сущности социализма. По этой причине в 1930-е гг. четкую определенность приобретает стремление насильно переделать человеческую натуру.

В предвоенные годы в общественно-политической и духовной жизни утвердилось полное господство идеологической и политико-воспитательной деятельности партии, установился идеологический диктат, основывав-

шийся все более и более на личных взглядах Сталина. Оценки и суждения Сталина становились непререкаемыми истинами и могли только комментироваться.

В результате абсолютизации в условиях сталинской диктатуры ряда представлений об истории партии и истории страны и сложившихся на практике формах организации нового общества из научной и общественной жизни окончательно уходят живая дискуссия и творческая мысль, не оставляя места для объективного научного анализа. Это особенно ярко проявилось в утверждении лысенковщины. Пользуясь поддержкой Сталина, выдвигая широковещательные предложения о яровизации, переделках природы растений, агроном Трофим Лысенко вместе с другими «выдвиженцами», используя методы доноса и клеветы, развернул борьбу против отечественных ученых-биологов, против школы Н. И. Вавилова, развивающих генетику. Он возглавил дискуссию по спорным вопросам биологии, которая привела к отмене проведения в СССР VII Международного генетического конгресса, разнузданной критике генетики, к репрессиями против ученых, аресту и гибели многих представителей отечественной биологии (в августе 1940 г. был арестован Н. И. Вавилов, приговоренный вскоре к смертной казни и умерший в саратовской тюрьме в январе 1943 г.). В итоге генетика была объявлена буржуазной лженаукой, и занятие ею запрещено. Та же ситуация сложилась с кибернетикой.

Выдающийся физик П. Л. Капица, получивший в 1938 г. за открытие сверхтекучести жидкого гелия и другие открытия в области физики низких температур Нобелевскую премию по физике, писал Сталину годом ранее в неотправленном письме: «Отпустите меня обратно в Кембридж... Никак не могу приспособиться к советским условиям. Всю вашу работу я очень уважаю, считаю, что это единственно правильный и возможный путь... на теперешней ступени развития.

Но вот как ученому мне в Союзе плохо. И дело тут не в материальных условиях, — поясняет ученый. — Я как-то не могу охватить и понять той установки к науке и ученому, которая у нас существует. Все эти два года у меня ощущение посаженного в клетку редкого экземпляра человеческой породы, необходимого для пополнения комплекта зоосада...

Мне кажется, что это объясняется коренным расхождением в подходе к науке. Он здесь чересчур узкий и утилитарный. Конечно, наука утилитарна, но так к ней подходить нельзя... Я могу хорошо работать, если чувствую себя счастливым. Этого нет».

§ 4. Массовый террор: истоки и последствия

Истоки карательной политики. С первых дней революции массовый террор стал важнейшим средством выживания советской системы. Ленинское понимание диктатуры пролетариата как власти, опирающейся непосредственно на насилие, не связанное никакими законами, с неизбежностью предполагало «якобинскую беспощадность» в расчистке страны от наследия старого общества. Через месяц после Октябрьского переворота приказом ВРК все чиновники, не пожелавшие сотрудничать с советской

властью, были объявлены врагами народа. Органы ВЧК — ОГПУ, наделенные правом внесудебной расправы вплоть до расстрела, могли бесконтрольно и безнаказанно распоряжаться человеческими судьбами.

Со временем открытые или скрытые репрессии стали неотъемлемым элементом существования Советского государства. По весьма приблизительным подсчетам, только в РСФСР с 1923 по 1953 г., т. е. в пределах жизни одного поколения, общими судебными органами было осуждено за различные преступления 39,1 млн человек, или каждый третий дееспособный гражданин. Как свидетельствует уголовная статистика, в эти годы имел место не столько классово направленный террор, сколько постоянные и массовые государственные репрессии против общества. Страх перед могуществом государства становится важнейшим фактором сохранения лояльности власти большинством населения. Система, основанная на внеэкономических мерах принуждения, могла опираться только на насилие и репрессии.

Репрессии, или «подсистема страха», выполняли на протяжении всего советского периода различные функции. Большевистский режим сделал насилие универсальным средством для достижения намеченных целей.

Важнейшая функция террора непосредственно связана со спецификой складывающегося в СССР политического строя, пытавшегося включить в сферу своего управления и принудительного регулирования всю жизнедеятельность граждан, включая их личные и семейные дела, создать новый сорт людей, действующих и мыслящих как единый организм, с запрограммированным стереотипом поведения. Но, как справедливо отмечал великий русский мыслитель И. А. Ильин, «такое всеобъемлющее управление осуществимо только при проведении самой последовательной диктатуры, основанной на единстве власти, на единой исключительной партии, на монополии работодательства, на всепроникающем сыске, на взаимодоносительстве и на беспощадном терроре». Террор против политических противников имел цель уничтожить всякую возможность политической оппозиции, пресечь в корне любые попытки инакомыслия.

Уже в 1920-е гг. арест, тюрьма, ссылки становятся главными аргументами в политических спорах. Опыт Гражданской войны подкрепляет идеологию насилия. Молодые коммунисты-просвещенцы возвращаются с фронта с уверенностью, что «все то, что дало такие блестящие результаты по отношению к колчаковщине и деникинщине, поможет справиться со всеми остатками старого в любой области». Впервые со времен Средневековья началось искоренение философских и общественно-политических мыслей, неугодных новому режиму.

В ноябре 1927 г. член Политбюро М. П. Томский поставит все точки над «i»: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме. Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата, тот ничего не понимает, что такое большевистская партия».

Одновременно насилие и репрессии становятся обязательным условием функционирования советской экономики, террор становится важней-

шим элементом трудовой мотивации. Столкнувшись на практике с серьезнейшими трудностями при превращении трудовой деятельности «из проклятия» в свободное творчество, большевистские руководители широко используют для компенсации падения заинтересованности рабочих в результатах своего труда внеэкономическое принуждение в виде всеобщей трудовой повинности и прикрепления рабочих к предприятиям. В Положении Совнаркома о рабочих дисциплинарных судах от 14 ноября 1919 г. говорилось, что «в случае упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине и неоднократных взысканий «виновные» подвергаются как нетрудовой элемент увольнению из предприятий с передачей в концентрационный лагерь». Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский был активным сторонником расширения системы лагерей принудительного труда «для тех, кто не может работать без известного принуждения». К концу Гражданской войны на территории РСФСР функционировало уже 122 концентрационных лагеря. В 1920-е гг. в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) в порядке эксперимента для идейной перековки широко использовался труд заключенных по заготовке древесины для нужд индустриализации и экспорта в западные страны.

На основе опыта и кадров Соловков впоследствии была создана система ГУЛАГа. Из его персонала формировался аппарат Беломорстроя и многих других строек, где использовался труд заключенных.

Маховик репрессий раскручивался медленно, но верно. Если в 1921—1929 гг. из 1 млн арестованных внесудебными органами было осуждено лишь 20,8 %, то за 1930—1936 гг. из 2,3 млн арестованных число осужденных составило уже 62%. Каждый новый этап строительства социализма сопровождался очередным витком террора.

Переход к политике индустриализации не случайно совпал с массовым походом на «классового врага». Широкое использование подневольного труда стало важной приметой первых пятилеток. Сотни тысяч заключенных, содержавшихся в исправительно-трудовых колониях (ИТК), обеспечивали фактически бесплатно стройки, рудники, шахты, фабрики и даже целые крупные комбинаты рабочей силой. В строительстве Беломорско-Балтийского канала участвовало свыше 100 тыс. заключенных, в результате чего стоимость строительства была снижена в 4 раза по сравнению с первоначальными расчетами. Силами заключенных был сооружен канал Москва — Волга.

К концу 1920-х гг. усиливается давление сталинской аппаратно-бюрократической части правящей элиты на интеллигентско-оппозиционную ее часть. Объектом политических репрессий становятся вчерашние соратники по революционной борьбе. На это справедливо указывал еще в ноябре 1927 г. Троцкий, говоря, что «фракция Сталина — Бухарина... сажает во внутреннюю тюрьму ОГПУ прекрасных партийцев» и «держится насилием над партией». Чтобы поддерживать в массах ощущение осадного положения, на поиск классовых врагов были мобилизованы партийные и профсоюзные организации, комсомол. Все газеты и другие средства информации превращаются в пропагандистские органы.

В первую очередь Сталиным были уничтожены открытые противники советской власти. В июне 1927 г. в ответ на убийство в Варшаве советского дипломата П. Л. Войкова в Москве была расстреляна содержавшаяся в тюрьмах группа монархистов. В число врагов были зачислены церковные и сектантские организации. Арестовывались и репрессировались служители церкви, захватывались и частично разрушались храмы, соборы, монастыри.

Проводимая в 1929—1932 гг. насильственная коллективизация вызвала новый всплеск государственного террора. В этот период число осужденных по РСФСР только общими судами в среднем за год составляло 1,1—1,2 млн человек.

В начале 1930-х гг. репрессиям подверглись мелкие предприниматели, торговцы, торговые посредники, а также бывшие дворяне, помещики, фабриканты.

Репрессии сверху дополнялись массовым доносительством снизу. Донос, особенно на вышестоящих начальников, соседей по квартирам, на сослуживцев становится средством продвижения по службе, получения квартиры. 80% репрессированных в 1930-е гг. погибли по доносам соседей и коллег по службе.

Первые показательные процессы. Важным этапом на пути к «большому террору» 1930-х гг., когда казни, расстрелы, аресты, ссылки станут неотъемлемой частью советской действительности, были показательные процессы конца 1920-х гг. Чтобы направить ярость масс, недовольных результатами проводимой в стране экономической политики, на «вредителей» из числа буржуазных специалистов, а заодно приструнить бывших оппозиционеров и колеблющихся членов Политбюро, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. по указанию Сталина был сфабрикован ряд дел, на основании которых были проведены открытые показательные процессы. Главным в этих сфальсифицированных ОГПУ процессах о вредительстве было массовое «признание» подсудимых в своих «преступлениях». В глазах закулисных организаторов подобная «улика» была весьма наглядной для неискушенных в тонкостях экономической политики масс. Первым в 1928 г. прошел процесс над группой специалистов в Донбассе (Шахтинское дело), якобы поставивших себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района. На скамье подсудимых оказались 50 советских инженеров и техников и 3 немецких консультанта, работавших в угольной промышленности. Их обвинили в умышленной порче машин, затоплении шахт, поджогах производственных сооружений. Задолго до судебного разбирательства сам Сталин расставил все по своим местам, заявив, что Шахтинское дело есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной промышленностью. Дело рассматривалось Специальным судебным присутствием Верховного суда под председательством А. Л. Вышинского. К этому времени он смог создать себе репутацию непримиримого борца со всякими искривлениями генеральной линии партии. Суд продолжался около полутора месяцев; и Вышинский, и государственный обвинитель Н. В. Крыленко свое усилие сосредоточили не на вещественных и документальных свиде-

ельствах вины подсудимых, а на получении признательных показаний. И добились своего. В июле 49 обвиняемых были признаны виновными и получили различные сроки наказания. Через трое суток после вынесения приговора пятеро приговоренных к смертной казни были расстреляны.

Шахтинское дело стало своеобразным полигоном для отработки следующих подобных акций. Вслед за призывом Сталина искать «шахтинцев» во всех отраслях промышленности в декабре 1928 г. последовали аресты групп инженеров, которые позднее переросли в дело о «контрреволюционной организации на железнодорожном транспорте и золотоплатиновой промышленности СССР». Равные по масштабу Шахтинскому делу процессы прошли в 1929 г. в Брянске и Ленинграде. В частности, администрация Брянского железнодорожного завода «Красный профинтерн» была обвинена в том, «что систематически поставляла железным дорогам плохие части локомотивов и вагонов».

В том же году с ареста группы ученых-историков была начата подготовка «академического дела», по которому проходили известные историки Е. В. Тарле и С. Ф. Платонов. Одно из обвинений, выдвинувшихся в ходе следствия, сводилось к «критическому отношению к советскому строю». Действительно, академик С. Ф. Платонов, отстаивавший свободу личности, свободу почина, считал, что Россия ни с какой точки зрения к социалистической революции не была готова и вовсе не факт, что существующий строй окончательно укрепится. К счастью для обвиняемых ученых, в тот момент власть не решилась начать погром Академии наук СССР.

В 1930 г. для организации новых публичных процессов ОГПУ «сконструировало» три антисоветские подпольные организации: так называемые Промпартию, Союзное бюро меньшевиков и Трудовую крестьянскую партию (название последней было взято следователями из вышедшей еще в начале 1920-х гг. фантастической повести А. В. Чаянова «Путешествие моего брата в страну крестьянской утопии»). Для фабрикации дел с лета 1930 г. начались аресты крупных специалистов из центральных хозяйственных ведомств. Были арестованы видные ученые-аграрники Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, а также член коллегии Наркомата финансов Л. Н. Юровский, экономисты В. Г. Громан, Н. И. Суханов, десятки инженеров, экономистов, агрономов.

Осенью 1930 г. в прессе появилось сообщение о раскрытии органами ОГПУ глубоко законспирированной контрреволюционной организации, именовавшей себя Промышленной партией, или Союзом инженерных организаций. Группа инженеров во главе с видным теплотехником директором Теплотехнического института, членом Госплана и ВСНХ профессором Л. К. Рамзиным обвинялась в попытке срыва индустриализации страны путем создания искусственной диспропорции между отраслями народного хозяйства, омертвления капиталовложений. Кроме того, им инкриминировали диверсии на предприятиях, формирование подпольного правительства и переговоры со странами Антанты с целью подготовки интервенции. Сталин, направлявший усилия ОГПУ, рассчитывал не только переложить на спецов вину за все провалы политики индустриализации, но и избавиться от убежденных сторонников нэпа. Тем более что к этому времени начи-

нают сбываться прогнозы «правых», предсказывавших нарастание экономических трудностей в случае продолжения ускоренной индустриализации. В 1930 г. СССР вступил в состоянии, близком к периоду Гражданской войны. Страна существовала на полуголодном пайке. Огромный дефицит бюджета власти латали за счет эмиссии, повышения цен, принудительной подписки на займы. В этих условиях одной из целей фабрикации дел «контрреволюционных партий» становится дискредитация председателя Совнаркома А. И. Рыкова с целью замены его Молотовым.

Для достижения нужного эффекта от процессов по всей стране были организованы митинги, участники которых требовали решительной расправы с вредителями и шпионами. Свой вклад в нагнетание истерии внес своим лозунгом («Если враг не сдается, его уничтожают») пролетарский писатель Максим Горький.

Однако открытые политические процессы удалось провести лишь по делу Промпартии и Союзного бюро меньшевиков. Из-за упорства обвиняемых процесс над Трудовой крестьянской партией прошел при закрытых дверях. Тем не менее выдающиеся ученые А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев получили сроки по ложному обвинению в создании несуществующей подпольной партии. Следователи ОГПУ постарались связать дело ТКП с делом Промпартии и «контрреволюционной организации Суханова — Громона — Базарова», вскоре получившем название Союзного бюро меньшевиков. В процессе по этому делу на скамье подсудимых оказалось 14 человек — видных специалистов Госплана СССР, в том числе Громан, Суханов, Шер. Вся их вина состояла в том, что они выступили против чрезмерно напряженных заданий по первому пятилетнему плану. Хотя суду не было предъявлено ни одного документа, подтверждающего двухлетнюю деятельность Союзного бюро, в марте 1931 г. все обвиняемые были наказаны лишением свободы на различные сроки, а спустя 7—8 лет многие из них были расстреляны.

Опубликованная недавно секретная переписка Сталина и Молотова не оставляет сомнения в том, что Сталин сам разрабатывал сценарии процессов над «шпионами и вредителями», сам придумывал «показания», которые следует получать у арестованных. Так, с подачи Сталина самым важным пунктом будущих «показаний» по делу Промпартии становится вопрос об интервенции. На этом процессе все подсудимые признали себя виновными, но поскольку умело срежиссированный процесс преследовал вполне определенные политические цели, из 2 тыс. арестованных по делу Промышленной партии была осуждена относительно небольшая группа ученых. Многие из них вскоре за послушное следование написанному чекистами сценарию были освобождены по амнистии. Однако широкие репрессии против технической и научной интеллигенции стали важным этапом в дальнейшем раскручивании спирали насилия.

Сформулированная Крыленко на процессе Промпартии формула: лучшей уликой при всех обстоятельствах является признание подсудимых — на многие годы определила судебную практику. Решения о судьбе арестованных, особенно с обвинением в контрреволюционной деятельности, выносились с нарушением всех процессуальных норм. Политика подавления,

насилия, массового террора приводит к тому, что правовые понятия «вина» и «виновность» теряют свой первоначальный смысл, ценность отдельной человеческой жизни становится все менее значимой.

«Империя ГУЛАГ». 7 апреля 1930 г. во исполнение постановления советского правительства был издан приказ по НКВД о создании Управления лагерями (УЛАГ) ОГПУ. К этому времени система исправительно-трудовых лагерей уже покрыла всю территорию страны, особенно Европейский Север, Урал, Сибирь, Дальний Восток. С увеличением размаха репрессий Управление лагерями ОГПУ в 1931 г. было переименовано в Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения ОГПУ (с 1934 г. — ГУЛАГ НКВД). До 1935 г. идея перековки заключенных еще сохраняла в какой-то мере свою силу. Но непрерывное возрастание числа заключенных делает весьма привлекательной идею использования трудового потенциала заключенных в экономике. Начало новому этапу карательной политики власти было положено в мае 1929 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об использовании труда уголовных арестантов». В том же году в советском законодательстве появляется термин «исправительно-трудовой лагерь», а исправленным уголовным законодательством предусматривалось новое наказание: «лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях СССР, на срок от трех до десяти лет». Численность заключенных в лагерях начинает быстро расти: со 180 тыс. в середине 1930 г. до 510 тыс. к началу 1934 г. С 1929 г. лагеря переводят на самоокупаемость. Заключенные должны были своим трудом обеспечивать собственное существование и содержать все лагерное хозяйство, однако даже в условиях массового энтузиазма и ударничества большинство свободных советских граждан не горели желанием по собственной воле осваивать необжитые пространства Севера и Сибири, жить при 30—40-градусном морозе в палатках. Узники ГУЛАГа становятся самым мобильным и самым дешевым видом рабочей силы. Система ГУЛАГа позволяла власти применять все меры принуждения для неукоснительного выполнения самых сложных производственных заданий. На протяжении 1930-х гг. в стране формируются новые опорные пункты ГУЛАГа в районе Ухты и Печоры для освоения природных богатств этого края — добычи нефти, угля, урана. В конце 1931 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) для форсированной добычи золота на Колыме создается специальный трест «Дальстрой», непосредственно подчиненный Москве. Добыча золота на Колыме резко возрастает с 5,5 тонн в 1934 г. до 66,7 тонн в 1939 г. С конца 1932 г. силами заключенных началось строительство канала Волга—Москва и Байкало-Амурской магистрали. В последующие годы в Заполярье развертывается строительство Норильского никелевого комбината. ГУЛАГ успешно выполнял все партийные директивы. Это побудило руководство страны передать в ведение ГУЛАГа те хозяйственные объекты, которые фактически не могли успешно функционировать без применения принудительного труда заключенных, такие как угольные рудники Дальнего Востока, огромные лесные массивы и многое другое. Как следствие, добыча угля в стране и масштаб лесозаготовок резко возрастают.

Производственная база ГУЛАГа непрерывно расширялась и укреплялась. К началу 1940-х гг. на базе ГУЛАГа функционировало 17 специализированных отраслей: лесозаготовительная, горно-металлургическая, металлообрабатывающая, машиностроительная и др. Заключенные выполняли такой же объем капитальных работ, как Наркомат машиностроения и Наркомпищепром, вместе взятые.

В 1940 г. ГУЛАГ объединял 53 лагеря, 425 колоний — промышленных, сельскохозяйственных и иных, 50 колоний для несовершеннолетних, 90 домов младенца. К началу войны лишь по официальным, явно заниженным, данным в лагерях и колониях насчитывалось 2,3 млн человек. Всего с 1930 по 1953 г. в бараках лагерей и колоний побывало около 18 млн человек, из них пятая часть — по политическим мотивам. 786 тыс. из них было приговорено к расстрелу.

Все годы существования ГУЛАГа власть с его помощью решала не только и не столько экономические, сколько политические проблемы. Бесчеловечная система подавления позволяла держать советский народ в слепом повиновении и страхе, на корню уничтожать любые ростки оппозиционности и вольнодумства.

Политические процессы 1930-х гг. Волна террора особенно быстро нарастала после трагедии, разыгравшейся в Ленинграде. 1 декабря 1934 г. Л. В. Николаевым был убит первый секретарь Ленинградского горкома и обкома партии, член Политбюро С. М. Киров. Сразу же после убийства возникло несколько версий, вокруг которых до сих пор ведутся споры. Очевидно одно — покушение было использовано сталинским руководством для организации крупномасштабной политической акции. Несколько дней НКВД разрабатывал бытовую версию убийства на почве ревности. Затем Сталин сам возглавил расследование, и с этого момента его характер резко меняется. «Ищите убийц среди зиновьевцев», — посоветовал он Ежову и Косареву. Генсек использует покушение для расправы со всеми оставшимися политическими противниками. По существу, Сталин повторяет ленинский прием, когда, по его словам, в 1903 г. вождь мирового пролетариата также освободил партию «от неустойчивых и хныкающих элементов, чтобы они не путались под ногами». Еще осенью 1930 г. Сталин задумывает «прогнать Рыкова и его компанию», «не желая терпеть эту гниль на советско-хозяйственной верхушке».

Зиновьевская же оппозиция, по-прежнему оставаясь на позициях поддержки мировой революции, мешала Сталину консолидировать в своих руках всю власть в стране под флагом государственника — защитника национальных интересов СССР.

В день похорон Кирова Молотов еще говорит о причастности к убийству неких анонимных врагов рабочего класса, белогвардейских подонков, агентов из-за границы. Но вскоре Николаев даст нужное Сталину показание о своей причастности к зиновьевско-троцкистской организации. Пропаганда представляет его в качестве члена контрреволюционной подпольной антисоветской и антипартийной группы во главе с «Ленинградским центром». Затем в ходе следствия появляется и «Московский центр». 16 декабря Зиновьева и Каменева подвергают аресту. А уже на следующий день

«Правда» выносит окончательный вердикт: в убийстве Кирова виновны «подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной группы». Без всякого суда 663 бывших сторонника Зиновьева были высланы на север Сибири, еще 325 человек переведены из Ленинграда на работу в другие места. По уголовному делу об убийстве Кирова было проведено пять процессов, 17 человек, включая Николаева и его жену Милду Драуле, были приговорены к расстрелу. Зиновьев «за разжигание террористических настроений ленинградской группы» получил 10 лет тюремного заключения, Каменев — 5. Политбюро тогда не решилось на применение против них смертной казни. Достаточно красноречиво о политической подоплеке дела говорит категорическое отрицание подсудимыми причастности к «Московскому центру», как и самого факта его существования. В июне 1936 г. нарком внутренних дел Г. Г. Ягода и Генеральный прокурор СССР А. Я. Вышинский поставили перед Сталиным вопрос о проведении нового судебного процесса над Зиновьевым и Каменевым, поскольку якобы на предыдущем процессе по делу «Московского центра» они скрыли свою подлинную роль в организации террора против руководителей ВКП(б). К 1936—1937 гг. положение Сталина настолько укрепилось, что он решается на грандиозный судебный процесс уже по делу «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и на другие «московские процессы». Суду предшествовали многочисленные аресты находившихся на свободе «оппозиционеров». Аресты проводились при отсутствии каких-нибудь веских фактических данных об их преступной деятельности. Бывших лидеров партии вынуждали признавать предъявленные им вымышленные обвинения в антисоветской деятельности, шпионаже, сговоре с империалистами. После «беседы» с заместителем наркома внутренних дел Аграновым подследственные Дрейцер и Пикель незамедлительно признались в том, что «Объединенный центр» действительно существовал. На очных ставках сами обвиняемые изобличали друг друга, безропотно признавали все предъявляемые им чудовищные обвинения. «Я дохожу до того, — писал Сталину из тюремной камеры Зиновьев, — что подолгу гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные... неужели Вы не видите, что я не враг Ваш больше... я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение...» Проект приговора вопреки предписаниям Уголовно-процессуального кодекса был составлен в Кремле. В закрытом письме ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока», разосланном партийным организациям накануне суда, прямо говорилось о том, что основной и главной задачей «Объединенного центра» являлось убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кирова и других членов Политбюро, причем эти фамилии Сталин самолично внес в текст письма.

Сам открытый процесс в августе 1936 г. стал свидетельством беззакония, нарушения элементарных норм правосудия. Виднейшие юристы в прессе задолго до вынесения приговора требовали расправы над обвиняемыми. В итоге главные обвиняемые — Зиновьев, Каменев, Мрачковский и Смирнов (единственный отрицавший на процессе свою вину) — были приговорены к высшей мере — расстрелу.

Все последующие политические процессы отличались не меньшим, если не большим, масштабом нарушения элементарных норм правосудия. В январе 1937 г. состоялся суд над заместителем наркома Наркомтяжпрома Г. Пятаковым, бывшим секретарем Исполкома Коминтерна К. Радеком, бывшим кандидатом в члены Политбюро Г. Сокольниковым и бывшим членом Оргбюро, секретарем ЦК и секретарем Президиума ВЦИК Л. Серебряковым по делу так называемого Параллельного антисоветского троцкистского центра. Они также обвинялись в шпионаже и диверсиях. Признательные показания из них следствие выбивало с применением физических мер воздействия, которые продолжались до тех пор, пока подследственные не давали навязываемых им показаний. Ю. Л. Пятаков смог продержаться 33 дня. И лишь после личной беседы с Орджоникидзе стал давать показания (содержание их беседы никому не известно, но Орджоникидзе спустя несколько дней после вынесения приговора покончит жизнь самоубийством). Карл Радек выразил желание всемерно сотрудничать со следствием также лишь после личной встречи со Сталиным.

Никакими иными доказательствами преступного заговора, помимо признательных показаний, обвинение не располагало, тем не менее большинство подсудимых приговорили к расстрелу, а Сокольникова и Радека к 10 годам тюремного заключения. Через три недели они на пленуме ЦК выступят с разоблачительными показаниями против Бухарина и Рыкова, что станет одним из оснований для проведения еще одного политического процесса.

На печально знаменитом февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) (1937 г.) было принято специальное постановление, обязывающее наркома НКВД Н. И. Ежова «довести дело разоблачения и разгрома троцкистских элементов до конца». Этот пленум окончательно открыл Сталину дорогу для развертывания массовых репрессий в стране. В ходе заседания пленума 27 февраля был арестован Н. И. Бухарин. Уже на следующем пленуме в июне того же года Сталин потребовал для Ежова чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией, для физического уничтожения всех представителей правой оппозиции.

В марте 1938 г. состоялся самый крупный политический процесс 1930-х гг. по делу так называемого Правотроцкистского антисоветского блока. На скамье подсудимых оказались сразу три члена ленинского состава Политбюро — Н. Бухарин, А. Рыков, Н. Крестинский, бывший первый секретарь ЦК КП Узбекистана А. Икрамов, а вместе с ними целый ряд бывших членов ЦК и ответственных работников различных наркоматов. Главным обвинителем на этом процессе вновь выступал генеральный прокурор СССР А. Я. Вышинский. Военная коллегия Верховного суда под председательством «кровавого упыря» В. Ульриха приговорила Н. Бухарина, А. Рыкова, М. Чернова к смертной казни. Приговоренные по этому же делу к разным срокам заключения Х. Раковский, И. Зеленский так и не вышли на свободу. Их уничтожили в заключении уже без всякого судебного фарса. Закрытый скоротечный процесс в июне 1937 г. (все закончилось в один день) над группой высших военных руководителей (М. Н. Тухачевским, И. Э. Якиром, И. П. Уборевичем и др.) и расстрел обвиняемых стал

сигналом для массовой кампании по выявлению врагов народа в Красной армии. Армия была фактически обезглавлена. Всего за 3—4 года до нападения фашистской Германии она лишилась наиболее подготовленных и опытных кадров, руководящих реорганизацией Вооруженных сил. Было репрессировано более 45% командиров и политработников армии и флота. Оклеветанные как враги народа, были уничтожены два маршала, четыре командарма первого ранга и не меньше 60 комкоров. Разгром командного состава проводился при попустительстве наркома обороны К. Е. Ворошилова. Командующий Особой Дальневосточной армией В. К. Блюхер также был обвинен в шпионаже, арестован и убит в Лефортовской тюрьме в ноябре 1938 г. Причиной расправы явился протест Блюхера против произвола НКВД. Не выдержав обстановки тотального подозрения и преследования, нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе покончил с собой. В результате репрессий пострадала оборонная промышленность, был уничтожен цвет директорского корпуса и цвет военной науки.

В стране создалась обстановка массового психоза, плодились ненависть и жестокость. На всех процессах фигурировало имя Троцкого, который в это время находился за рубежом. Для Сталина он был злейшим врагом. После неоднократных попыток физической расправы Троцкий был убит в 1940 г. в Мексике агентом советской разведки.

Широкие полномочия карательных органов фактически ставили их над государственными и партийными органами. Последние тоже попадают в орбиту массовых репрессий. Из 1961 делегата XVII съезда партии (1934 г.) почти три четверти были в последующие годы расстреляны.

«Ежовщина». Пик массовых репрессий в СССР, охвативших все слои советского общества, пришелся на 1937 – 1938 гг. К этому времени в СССР завершается становление тоталитарной политической системы. Массовый террор, вошедший в историю как «ежовщина», был призван придать законченность советской системе. В отличие от обычного террора, применяемого любой диктатурой, тоталитарный террор был направлен не против открытых противников власти, а против лояльных граждан. Страх и репрессии делают всех членов советского общества беззащитными перед безжалостной машиной устрашения, лишают их способности думать и критически оценивать действительность, превращают всех в винтики гигантского механизма, развивая низменные чувства предательства и доносительства.

«Большой террор» 1937 г. во многом стал платой за вынужденное расширение конституционных прав граждан по новой Конституции, ликвидации категорий лишенцев. Чтобы окончательно стабилизировать режим, Сталину нужно было атомизировать общество, разрушить подспудно сохранявшиеся остатки гражданских структур, решительно выкорчевать всякое инакомыслие, независимые группы интересов. После XVII съезда ВКП(б) Сталин имел основания опасаться разрастания оппозиционных настроений. Для него физическое уничтожение интеллигентско-оппозиционной части правящей элиты являлось единственным условием успешного претворения в жизнь плана переустройства общества. Заодно это был способ избавиться от обуржуазившейся в годы нэпа части партийной бю-

рократии, возможность списать на нее все промахи и неудачи власти, а также способ ротации партийной верхушки в условиях отсутствия демократического механизма ее обновления. Несомненно, давая «добро» на массовую чистку, Сталин и его окружение рассчитывали устранить всякую возможность возникновения в стране в связи с опасностью надвигающейся войны «пятой колонны».

Социальной базой массовых репрессий 1937 г. становится аппаратно-бюрократическая часть правящей элиты — малограмотный партийный молодняк (новое поколение партийных функционеров, сделавшее карьеру в 1920-е гг.), желающий полной ясности в партийной политике, жаждущий простых решений сложных проблем, не брезгующий сознательным физическим уничтожением своих соперников, для которых террор становится нормальным методом управления, а повиновение любому приказу свыше — высшей добродетелью.

Сегодня вполне очевидно, что именно Сталин инициировал и спланировал в масштабах государства чудовищные по своему размаху репрессии 1937 г. По мере укрепления режима его личной власти тональность секретных сталинских директив непосредственным исполнителям становится все более жесткой и конкретной: «советую приговорить к расстрелу». Немалую роль в осуществлении преступной репрессивной политики в конце 1920-х — начале 1930-х гг. сыграл руководитель ОГПУ, нарком внутренних дел Г. Г. Ягода. Он лично возглавил созданное 5 ноября 1934 г. при НКВД Особое совещание, получившее право в административном порядке, т. е. без суда и следствия, ссылать, высылать, заключать в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет (в начале 1940-х гг. Особое совещание обладало правом не только приговаривать к 25-летним срокам заключения, но и к расстрелу). В соответствии с распоряжением Ягоды от 27 мая 1935 г. возникают широко известные внесудебные тройки.

Однако пик массовых репрессий пришелся на 1937 г., когда наркомом внутренних дел стал Н. И. Ежов. По некоторым данным, под его непосредственным руководством было расстреляно около 700 тыс. человек и брошено в тюрьмы и лагеря около 3 млн. Этот тщедушный, малограмотный партийный функционер, несколько лет заведовавший партийными кадрами, в 1933 г. был назначен председателем центральной комиссии по чистке партии. Спустя два года он был избран секретарем ЦК и возглавил Комиссию партийного контроля. В конце сентября 1936 г. Ежов был назначен Сталиным наркомом внутренних дел, поскольку Ягода оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. «Это замечательно мудрое решение нашего родителя... У Ежова наверняка дела пойдут хорошо», — написал наркому тяжелой промышленности С. Орджоникидзе Л. Каганович. Так и случилось. Чувство собственной неполноценности и потребность в ее компенсации породили в нем особую жестокость. «Ежевичка», как называл наркома Сталин, не брезговал ничем. «Предупреждаю, что буду сажать и расстреливать всех, невзирая на чины и ранги, кто посмеет тормозить дело борьбы с врагами народа», — заявил новый нарком, собрав после своего назначения руководящий состав наркомата. На основе секретного постановления ЦК Ежов узаконил при-

менение на допросах мер физического воздействия, исключения не делались даже для женщин и престарелых людей.

Выступая на пленуме ЦК в июне 1937 г., Ежов утверждал, что «существует законспирированное подполье, страна находится на грани новой Гражданской войны, и только органы государственной безопасности под мудрым руководством И. В. Сталина способны ее предотвратить». Спустя несколько недель ЦК ВКП(б) предложил секретарям партийных организаций на местах взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников, а наиболее враждебных из них немедленно арестовать и расстрелять «в порядке административного проведения их дел через тройки». Вслед за тем высшее руководство страны потребовало в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество людей, подлежащих расстрелу и выселению. Обычно в состав троек входил секретарь партийного комитета, начальник управления НКВД и прокурор. Все края и области получили разнарядку — сколько людей им следовало арестовать. Арестованных делили на две категории: по первой немедленно расстреливали, по второй заключали на 8—10 лет в тюрьму или лагерь. Но уже с конца августа местные руководители требуют от ЦК увеличить лимиты на репрессии. В результате только по первой категории лимит был увеличен с 259,45 тыс. человек еще на 22,5 тыс. Отнюдь не о *стихийной* природе «большого террора» свидетельствуют многочисленные акции, осуществленные в 1937—1938 гг. органами НКВД: арест всех немцев, работавших на оборонных заводах страны, массовая высылка неблагонадежных элементов из пограничных районов, многочисленные судебные процессы в центре и на местах.

Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Георгий Димитров 7 ноября 1937 г. записал в дневник, что на обеде у Ворошилова после праздничной демонстрации Сталин сказал: «Мы не только уничтожим всех врагов, но и семьи их уничтожим, весь их род до последнего колена». В порядке подготовки к предстоящим в декабре 1937 г. выборам в Верховный Совет первые секретари обкомов и ЦК союзных республик требуют новых санкций на аресты первой категории врагов: белых полковников и генералов, бывших кулаков, троцкистско-бухаринских шпионов, националистов, попов. Уже после выборов Политбюро принимает предложение НКВД об увеличении количества подлежащих репрессиям. И вновь местные руководители просят об увеличении лимита на аресты. С 1 февраля по 29 августа Политбюро утверждает дополнительные лимиты еще почти на 90 тыс. человек.

Помимо этого составлялись списки высокопоставленных врагов народа, подлежащих суду военного трибунала. Приговор объявлялся заранее — расстрел. Эти расстрельные списки Ежов посылал на утверждение Сталину, Молотову и другим членам Политбюро. Лишь 12 декабря 1938 г. Сталин и Молотов санкционировали расстрел 3167 человек. К началу 1938 г. Сталин, видимо, уже считал, что Ежов свою задачу выполнил (тем более что процесс массовых репрессий начал выходить из-под контроля его творца; развязав тотальный террор в стране, власть и сама оказалась под ударом). Сигналом к прекращению массовых репрессий стало постановление ЦК

и правительства «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем говорилось о «крупнейших недостатках и извращениях в работе органов НКВД». Постановление ликвидировало тройки и требовало производить аресты только с санкции суда или прокурора. Сталин переложил на Ежова и его людей ответственность за все перегибы и ошибки. 25 ноября 1938 г. новым наркомом внутренних дел был назначен Л. П. Берия. Новый глава НКВД начинает свою деятельность с амнистий. Ежов был обвинен в «изменческих, шпионских взглядах, связях с польской и германской разведками и враждебными СССР правящими кругами Польши, Германии, Англии и Японии», в заговоре и подготовке государственного переворота, намеченного на 7 ноября 1938 г. 4 февраля 1940 г. по приговору военной коллегии Верховного суда он был расстрелян. После сталинской отмашки были расстреляны и некоторые наиболее ретивые партийные функционеры в центре и на местах, которые, подобно П. П. Постышеву, по-прежнему жаждали большой крови.

Тем не менее до самой смерти Сталина террор остается непременным атрибутом советской системы. Весьма показательна в этом плане записка, отправленная вождем на завод в Коврове во время финской кампании с угрозой расстрелять «всех мерзавцев, засевших на заводе, если там в трехдневный срок не будет налажено производство нового диска для автомата Дегтярева».

«Большой террор» достиг целей, которые в основном интуитивно возлагались на него сталинским руководством. На руководящие посты выдвинулось более 500 тыс. новых работников, произошло перераспределение власти из рук старой гвардии в руки сталинских выдвиженцев, безгранично преданных своему вождю. Вместе с тем массовые репрессии пагубно сказались на всех сторонах жизни советского общества, прежде всего на экономике и обороноспособности страны. За время «большого террора» были арестованы и уничтожены многие ведущие конструкторы, инженеры, техники. Разгрому подверглась советская разведка и контрразведка. В стране в период с 1937 по 1940 г. сокращается выпуск тракторов, автомобилей, другой сложной техники. Фактически страна была разделена на два больших лагеря: тех, кто был на свободе и кого не затронули репрессии, и тех, кто сидел в лагерях или являлся родственниками осужденных. В процентном отношении вторая группа была более многочисленной.

«Без тридцать седьмого года, — констатировал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, — возможно, и не было бы вообще войны в 1941 году. В том, что Гитлер решился начать войну... большую роль оказала оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел».

ГЛАВА 5. СССР И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

§ 1. Война и дипломатия

«Большая игра». В 1930-е гг. в Европе усилилась международная напряженность. Мировой экономический кризис, обострив внутренние социальные противоречия в ведущих странах Запада, способствовал ухудшению международного климата. Приход 30 января 1933 г. к власти в Германии Гитлера и его намерение сбросить версальский порядок еще более усилили опасность новой войны в Европе. Версальско-Вашингтонская система мирового регулирования изначально несла в себе семена раздора между победителями и побежденными в Первой мировой войне, побуждая последних к пересмотру несправедливых соглашений. Но эта система стабилизировала международные отношения. Дальнейшее исправление Версальского договора, «угнетавшего национальное сознание немецкого народа», не было истинной целью гитлеровской политики.

Уже летом 1933 г. на Международной экономической конференции германская делегация потребовала предоставления в распоряжение народа без жизненного пространства «новых территорий, где бы эта энергичная раса могла учредить колонии и выполнять большие мирные работы».

Убаюканные заверениями Гитлера искать новое «жизненное пространство на Востоке», западные демократии не препятствовали милитаризации Германии. Отдельные британские дипломаты наивно полагали, что Гитлер представляет собой лучшую надежду на мир, чем предшествующие ему менее стабильные правительства. Поощрение действий Гитлера странами Западной Европы и США привело к тому, что в марте 1935 г., односторонне расторгнув военные статьи Версальского договора, Германия ввела в стране всеобщую воинскую повинность, а весной 1936 г. германские войска вступили в демилитаризованную Рейнскую зону и вышли к границе Франции.

До 1933 г. Сталин не видел особой опасности, исходившей от антисоветской риторики Гитлера, его неоднократных публичных заявлений о необходимости уничтожить большевизм и стать «властителями России». В начале 1930-х гг. советская дипломатия ограничивалась осторожным лавированием, с целью избежать конфликта в Европе. В декабре 1933 г. нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил о новых целях советской внешней политики. Главным ее приоритетом становилось создание системы коллективной безопасности в Европе, включавшей в себя и прекращение особых отношений с Германией. Вскоре Коминтерн получил задание развернуть борьбу против фашизма в Европе.

В 1933 г. СССР установил дипломатические отношения с США. В сентябре 1934 г. Советский Союз по просьбе Франции был принят в Лигу Наций и сразу стал постоянным членом ее Совета. Тем самым западные страны стали рассматривать СССР как нормальный субъект международных отношений. Однако предложения СССР заключить с целью оказания военной помощи любой стране—участнице пакта, подвергнувшейся агрес-

сии, так называемый Восточный пакт, а затем и Тихоокеанский пакт, не нашли поддержки. Лишь в 1935 г. был заключен франко-советский договор о взаимопомощи в случае агрессии в Европе.

В октябре 1936 г. Германия и Италия заключили соглашение о военно-политическом сотрудничестве, создав так называемую ось Берлин—Рим. Затем Германия объединилась в военно-политический блок (Антикоминтерновский пакт) с милитаристской Японией, к которому год спустя присоединилась Италия. Образовавшийся блок под флагом борьбы с коммунизмом развернул активную подготовку к войне за новый передел мира. Уже в 1938 г. Гитлер решил при первой представившейся возможности испытать военную мощь. Первым шагом в этом направлении стала аннексия Германией в марте 1938 г. Австрии.

Агрессивные действия Германии вызывали озабоченность во многих европейских столицах, однако правительства Великобритании и Франции, стремясь направить гитлеровскую агрессию на Восток, ограничились только формальным осуждением этой беспрецедентной акции. Лишь СССР выступил в защиту Австрии и призвал к коллективному отпору агрессии, но его предложение было отвергнуто. Полагаясь на непримиримость идеологического противостояния между Сталиным и Гитлером, лидеры Англии и Франции рассчитывали столкнуть нацизм с большевизмом и тем самым отвести угрозу агрессии от собственных стран.

Кульминацией всей политики неприкрытого попустительства германской агрессии стало Мюнхенское соглашение 1938 г.

Мюнхенский сговор. 30 сентября 1938 г. на конференции глав правительств и министров иностранных дел в Мюнхене представители четырех государств (Великобритании, Франции, Германии и Италии) Н. Чемберлен, Э. Даладье, А. Гитлер и Б. Муссолини, удовлетворяя требование гитлеровского правительства, предписали Чехословакии под предлогом защиты прав немецкого населения передать Германии в 10-дневный срок Судетскую область и ряд других районов страны, принадлежавших Германии до версальских решений. В результате Чехословакия потеряла 20% своей территории, четверть населения, около половины предприятий тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией. В обмен на это соглашение через два дня Германия подписала с Великобританией и 6 декабря с Францией декларации о разрешении спорных вопросов между ними путем мирных переговоров, фактически представлявшие договоры о ненападении.

СССР оказался единственным государством, отказавшимся признать захват Чехословакии Германией. Западные державы вновь проигнорировали предложения советской стороны о совместной защите Чехословакии, не без основания полагая, что в тот момент это могло закончиться падением фашистского режима в Германии, в чем они не были заинтересованы. В канун Мюнхенского соглашения Советский Союз предлагал оказать военную помощь Чехословакии. Однако ее правительство предпочло капитулировать перед фашистским диктатором. В результате менее чем через шесть месяцев Германия, не получив никакого отпора, полностью оккупировала Чехословакию, нарушив теперь уже Мюнхенское соглашение.

Таким образом, мюнхенский сговор разрушил с трудом создаваемую систему коллективной безопасности в Европе и в конечном счете привел ко Второй мировой войне.

Агрессивные действия гитлеровской Германии развязали руки фашистской Италии, которая в апреле 1939 г. захватила Албанию, а в 1936—1939 гг. вместе с Германией участвовала в интервенции против республиканской Испании.

Мюнхен подтвердил старые опасения советской стороны относительно действительных намерений западных стран. Сталин, которого даже не пригласили на Мюнхенскую конференцию, имел все основания опасаться возможного антисоветского сговора. Для советской дипломатии вновь становится актуальной задача, высказанная Сталиным в 1927 г.: «Очень многое... зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром... до того момента... пока капиталисты не передерутся между собой».

Чтобы обеспечить наиболее благоприятные внешнеполитические условия для обороны страны, Сталин изменил тактику. Понимая, что новая мировая война неизбежна, он рассчитывал получить от нее выгоды, в ней не участвуя. Для этого прежде всего следовало обеспечить для СССР максимальную свободу в выборе союзников, а в конечном счете — нейтралитет в случае конфликта между капиталистами. К июню 1939 г. для Сталина уже не было секретом существование немецкого плана нападения на Польшу (план «Вайс») осенью того года, однако он не осознавал характера и масштабов угрозы со стороны фашистской Германии, претендовавшей на мировое господство.

Крах коллективной безопасности. Весной и летом 1939 г. политическое поле Европы представляло собой сильно запутанный клубок интересов различных стран: будущие участники мирового столкновения тайно и явно вели между собой переговоры с целью обезопасить собственную страну в случае начала войны. В этой обстановке для советского руководства существовала альтернатива: достичь договоренности с Лондоном и Парижем, которых поддерживали США, о взаимопомощи в случае начала войны или договориться о том же с Берлином. Поскольку Сталин не видел принципиального различия между странами враждебного капиталистического лагеря, переговоры начались и с той и с другой стороной, причем вначале более активно с Францией и Великобританией.

В апреле 1939 г. в условиях возрастающей военной угрозы СССР начал переговоры с Великобританией и Францией о взаимных обязательствах в оказании помощи в случае агрессии в Европе против любой из договаривающихся сторон. Однако эти переговоры зашли в тупик. (Великобритания в это же время вела тайные переговоры с Германией с целью направить агрессию Гитлера против СССР.) В августе 1939 г. СССР предложил Великобритании и Франции подписать военную конвенцию, предусматривающую совместные действия вооруженных сил трех государств в случае агрессии Германии. СССР предлагал провести свои войска через территорию Польши, чтобы выйти к границе Германии. Правительству Польши, имея к этому времени гарантии Великобритании и Франции о ее защите в случае

нападения Германии, ответило категорическим отказом на предложение СССР. Правящие круги Великобритании и Франции как союзники Польши не содействовали решению вопроса о пропуске советских войск к германской границе и старались не брать на себя никаких конкретных военных обязательств. Неудача этих переговоров была фактически предрешена. Главная ее причина коренилась в глубоком недоверии западных лидеров к СССР, их желании держать СССР в резерве и «пригласить подать руку помощи при определенных обстоятельствах в наиболее удобной форме». Этому способствовал развязанный Сталиным в стране «большой террор». Сталин, в свою очередь, также не мог преодолеть негативного отношения к своим идеологическим противникам. На переговорах и та и другая сторона допустили крупные стратегические просчеты, не проявив должной гибкости, широты мышления, предвидения, недооценив агрессивные намерения фашистской Германии. В конечном счете именно нежелание Англии и Франции занять конструктивную позицию на переговорах с Москвой поставило крест на последней попытке создать единый антифашистский фронт государств Европы.

В сложившейся обстановке, чтобы предотвратить реальную угрозу войны, советское правительство приняло решение о начале переговоров с Германией в ответ на ее предложение об улучшении государственных отношений. Политика нацистской Германии представлялась Сталину более понятной, предсказуемой, чем политика буржуазно-демократических стран Англии и Франции. Переговоры с Германией давали возможность советскому лидеру расколоть участников мюнхенского сговора на два лагеря, а Гитлера он надеялся перехитрить.

Искать сближения с Германией Сталина вынуждала также непростая обстановка на востоке страны. Возраставшая агрессивность Японии вполне реально обозначила перспективу войны СССР на два фронта.

Японская агрессия. Захватив Маньчжурию, Северный и Центральный Китай, Япония 29 июля 1938 г. вторглась и на советскую территорию в районе озера Хасан. 6—9 августа 1938 г. в результате ожесточенных боев советская территория была очищена от японских захватчиков. Однако японские милитаристы продолжали свои провокации. 11 мая 1939 г. Япония начала военные действия в районе реки Халхин-Гол, пытаясь захватить территорию Монгольской Республики. Согласно Протоколу 1936 г. о взаимной помощи между СССР и Монголией для отпора агрессору была создана первая объединенная армейская группа из советских и монгольских войск под командованием Г. К. Жукова. Необъявленная война на Халхин-Голе продолжалась все лето. В ней приняли участие с обеих сторон десятки тысяч солдат и офицеров, сотни танков и самолетов.

Первые недели сражений складывались для советских войск не очень удачно. Сил для отпора агрессии на восточных границах Монголии было явно недостаточно. Вскоре лучшие советские асы, воевавшие в республиканской Испании, были направлены в район конфликта. Они добились перелома в воздушных боях, полного господства в воздухе. В середине сентября агрессор потерпел сокрушительное поражение, что заставило Японию пересмотреть планы предстоящих военных действий, отдав

предпочтение южному направлению. События у реки Халхин-Гол явились одной из причин неучастия императорской Японии в войне против СССР на стороне гитлеровской Германии ни в 1941, ни в 1942 г.

Сговор двух диктаторов. Смена внешнеполитических приоритетов летом 1939 г. вовсе не результат случайного стечения обстоятельств, не экспромт в условиях нейтнота, а следствие эволюции советской внешнеполитической стратегии.

Сталин, как никто другой, знал, что к большой войне страна не готова, еще меньше устраивала его перспектива таскать каштаны из огня для западных союзников. Он надеялся вступить в войну в качестве «смеющегося третьего».

Союз с Великобританией и Францией не давал Сталину возможности реализовать его доктрину безопасности страны, базирующуюся на расширении сфер влияния и территориальных приобретениях, а главное, не давал столь желанный нейтралитет и неучастие в возможном европейском конфликте. Несомненно, важную роль в советско-германском сближении сыграли экономические мотивы, хотя каждая из сторон преследовала прямо противоположные цели. Гитлеру нужен был спокойный тыл на Востоке, чтобы вести войну с Францией и Великобританией. Сталин хотел оттянуть начало войны, чтобы нарастить военные и индустриальные мускулы и вступить в войну в роли суперарбитра, когда воюющие стороны сами ослабят друг друга. Не случайно через 1,5 месяца после немецкого предложения возобновить торгово-кредитные соглашения, в декабре 1938 г., последовало развернутое постановление Политбюро ЦК ВКП(б), обязывавшее наркоматы обороны, тяжелой, авиационной, судостроительной и военной промышленности в 15-дневный срок представить списки для заказов в Германии оборудования и приборов.

Советско-германские переговоры начались 15 августа 1939 г. и уже 23 августа (когда еще не были формально завершены продолжавшиеся военные переговоры с Великобританией и Францией) министр иностранных дел Германии И. Риббентроп и В. М. Молотов, в мае 1939 г. сменивший на посту главы наркомата иностранных дел отправленного в отставку М. М. Литвинова, подписали в Москве Пакт о ненападении сроком на 10 лет. Одновременно с ним был подписан дополнительный секретный протокол, где разграничивались сферы интересов Германии и СССР в отношении соседних суверенных государств (Польши, Латвии, Эстонии, Литвы, Бессарабии). В протоколе была реализована идея геополитической доктрины Сталина обеспечения безопасности СССР за счет разграничения сфер влияния и территориальных приобретений, в частности возврата СССР земель, отошедших Польше по Рижскому договору 1921 г. Фактически в этих документах решалась судьба третьих стран без их участия и согласия. Эти документы разрабатывались в условиях строжайшей секретности. О них ничего не знали до момента подписания некоторые члены Политбюро и руководящие работники Наркомата иностранных дел. Секретный протокол, составлявший основу договоренности сторон, не был предъявлен Верховному Совету для ратификации и долгое время дер-

жался в тайне, наличие его отрицалось руководством СССР вплоть до конца 1980-х гг. И только 1989 г. он стал достоянием общественности.

Оценка факта заключения с Германией договора о ненападении до сих пор остается неоднозначной. Одни исследователи утверждают, что Сталин, заключив пакт, выбрал единственно правильный путь, расколов антисоветский фронт, другие обвиняют его в предательстве западных демократий и развязывании рук Гитлеру. Наконец, третьи делают акцент на стремлении советского руководства к дальнейшему революционному переделу мира. К сожалению, доступный для исследователей круг источников не дает исчерпывающих аргументов ни для одной из названных точек зрения.

Несомненно, договор нанес удар по международному престижу СССР, активно выступавшего до этого против фашизма. В известной мере он дезориентировал советских людей накануне грозного испытания. Что касается утверждения, что заключение советско-германского Пакта о ненападении давало Сталину выигрыш некоторого времени для укрепления обороноспособности страны, то оно верно лишь отчасти. Очевидно, что и Гитлер также не напрасно потратил полученное время. За два года вермахт, не имевший в 1939 г. серьезного боевого опыта, приобрел его. Германия смогла аккумулировать экономический потенциал оккупированных ею стран Европы для наращивания своей военной мощи. Немецкие Вооруженные силы получили новые танки, средства связи и людские ресурсы.

Тем не менее пакт Молотова — Риббентропа оттянул вступление СССР во Вторую мировую войну, изменил расстановку сил в Европе и мире, подорвал доверие Японии к Германии как к своему союзнику и позволил СССР избежать войны на два фронта. Следует учитывать, что правительства стран, названных в дополнительном секретном протоколе (Польша, Финляндия, Эстония, Латвия), занимали антибольшевистскую позицию и сами стремились к союзу с Германией на антисоветской основе.

Очевидно, главной цели, на которую рассчитывал Сталин при заключении договора — встать над схваткой, остаться наблюдателем битвы и вступить в нее в наиболее выгодный для себя момент, — он не достиг, а последствия, связанные с обязательствами СССР перед Германией, лишь усугубили результаты нацистской агрессии.

§ 2. Советский Союз накануне войны

Начало Второй мировой войны. Ранним утром 1 сентября 1939 г. германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн», заранее прибывший к польскому побережью, обстрелял пригород Гданьска — Вестерплятте, одновременно немецкая авиация нанесла бомбовые удары по польским городам, аэродромам, другим стратегическим объектам. Затем на польскую территорию с трех различных направлений вторглись сухопутные войска вермахта.

Через два дня Великобритания и Франция, связанные с Польшей союзными отношениями, были вынуждены объявить войну Германии. К ним присоединились британские доминионы - Австралия, Новая Зеландия, Индия, Южно-Африканский союз и Канада. Так началась новая мировая война.

Поводом к ее развязыванию, как и обещал своему генералитету Гитлер, стала провокация. Вечером 31 августа группа эсэсовцев, переодетых в польскую форму, инсценировала нападение на радиостанцию в пограничном немецком городе Гляйвице.

Польская армия оказала агрессору упорное сопротивление. Однако силы были далеко не равны. Уже к 5 сентября германские войска прорвали польский фронт на главных направлениях. Ровно через месяц были подавлены последние очаги сопротивления. В это время союзные Польше французские войска, которым противостояли лишь недоукомплектованные немецкие дивизии, пассивно ждали, укрывшись за линией Мажино, хотя имели достаточно сил для прорыва Западного вала и рывка в рейх. Этот шанс нанести серьезный удар по Германии не был использован.

В то время как Франция и Великобритания фактически выжидали, ведя «странную войну», Сталин не терял времени даром. Когда 16 сентября стало известно, что польское правительство покинуло страну, бросив на произвол судьбы еще сражающуюся с немцами армию и народ, Красная армия, руководствуясь соглашениями секретного протокола, перешла польско-советскую границу на всем ее протяжении под предлогом «оказания помощи украинским и белорусским братьям по крови». По признанию главы советского правительства В. М. Молотова в его докладе на сессии Верховного Совета 31 октября 1939 г., СССР вел реальные военные действия против поляков, осуществляя боевое взаимодействие с германскими войсками, наступавшими с Запада. Возникшее в отдельных районах сопротивление польской армии, для которой военные столкновения с русскими явились неожиданностью, было подавлено. При этом остатки польской армии попали частично в немецкий плен, частично в советский. Значительная часть польских пленных офицеров впоследствии (5 марта 1940 г.) была расстреляна в Катыни.

В результате военной операции в сентябре 1939 г. Советский Союз присоединил районы, которые были отданы Польше по договору 1921 г. Город Вильнюс, находившийся в составе Западной Белоруссии, был передан Литве. Районы Западной Белоруссии и Западной Украины соединились с Белоруссией и Украиной. В ноябре 1939 г. Западная Украина и Западная Белоруссия были законодательно включены в состав СССР. Граница СССР была отодвинута на запад на 200—250 км.

Однако прежде чем договоренности, зафиксированные в секретном протоколе, были полностью реализованы, советская сторона пошла на его ревизию. Сталин предложил Гитлеру обменять польскую территорию между Варшавой и линией Керзона, отходившую по секретному протоколу СССР, на Литву, отходившую Германии. Очевидно, Сталин хотел тем самым создать дополнительный буфер для Ленинграда. Гитлером это предложение было принято, и обмен состоялся.

27—28 сентября 1939 г. в Москве вновь проходили переговоры Молотова с Риббентропом о заключении нового договора «О дружбе и границе между СССР и Германией». В соответствии с подписанным 28 сентября договором граница прошла примерно по линии Керзона. К договору также

был приложен секретный протокол. По этому протоколу часть Литвы включалась в сферу интересов СССР, а часть Польши — в Германии.

Заключение договора «О дружбе и границе между СССР и Германией» оценивается историками как крупная стратегическая ошибка Сталина в предвоенный период. С позиций сегодняшнего дня подписание обоих договоров являлось грубым нарушением общепринятых норм международного и советского государственного права. Объективно СССР становился союзником агрессора и обеспечивал Гитлеру спокойный тыл на Востоке. Доверие к внешней политике СССР в мире было подорвано. Внутри страны также трудно было объяснить появление договора о дружбе с фашистской Германией, политика которой еще несколько месяцев тому назад гневно осуждалась правительством СССР. В результате реализации этого договора устанавливалась непосредственная граница между СССР и Германией, чем Гитлер не преминул воспользоваться.

«Зимняя война». В ноябре 1939 г. настала очередь Финляндии. Долгое время близость финской границы не особенно беспокоила советское руководство, хотя Ленинград, где производилась почти половина советской военной продукции, находился в 20 км от границы. Опираясь на согласие Германии, изложенное в секретном протоколе, соблюдать свою незаинтересованность в Балтийском регионе, СССР предложил Финляндии отодвинуть границу от Ленинграда за пределы действия дальнобойной артиллерии и создать советские военные базы на финской территории. Взамен предлагались вдвое большие по площади земли в Карелии. Фактически планы Сталина были гораздо шире, ибо вскоре в городе Терioки на Карельском перешейке было сформировано правительство «народной Финляндии» во главе с О. В. Куусиненом (в декабре 1939 г. СССР установил с этим правительством дипломатические отношения). Финское правительство отклонило все предложения СССР.

Оба государства взяли курс на решение проблемы военным путем. При содействии западных государств на Карельском перешейке финнами была создана мощная система долговременных укреплений — линия Маннергейма — протяженностью 135 км, глубиной до 90 км. Она состояла из 296 долговременных железобетонных и около 1000 земляных оборонительных сооружений. Финские вооруженные силы вместе с обученным резервом составляли более 0,5 млн человек. Тем не менее Сталин не видел в Финляндии серьезного военного противника. В руководстве РККА считали, что с финской армией может справиться один Ленинградский военный округ. 30 ноября 1939 г. советские войска перешли границу. Однако вместо молниеносной войны в течение 105 дней пришлось вести упорные бои. Первые успешные наступательные действия Красной армии вскоре были остановлены. Красная армия не смогла прорвать мощную оборонительную линию Маннергейма, понеся серьезные потери. Объективно перед войсками была поставлена нереальная задача. По всем правилам военной науки того времени взять укрепленный район такой мощности в суровых зимних условиях было невозможно. Тем не менее Красная армия смогла подготовить и осуществить прорыв главной оборонительной полосы. После подготовки и перегруппировки части Красной армии вновь пе-

решли в наступление, и к 13 марта линия Маннергейма была прорвана. В боях «зимней войны» получили боевое крещение будущие маршалы Великой Отечественной войны — К. А. Мерецков, Л. А. Говоров, Д. Д. Лелюшенко, В. И. Чуйков, Н. Д. Яковлев, И. И. Якубовский и др.

К сожалению, потери советских войск в «зимней войне» были значительными. Убитых, без вести пропавших и умерших от ран насчитывалось более 126 тыс. человек. Финны потеряли убитыми около 23 тыс., ранеными — более 43 тыс. человек.

Угроза интервенции со стороны Англии и Франции заставила Сталина отказаться от части своих планов. Финляндия сохранила независимость, избежав судьбы своих южных соседей. В соответствии с советско-финляндским договором от 12 марта 1940 г. к СССР отошел Карельский перешеек с Выборгом и Выборгский залив, западное и северное побережье Ладожского озера, часть территории на севере Карелии, часть полуостровов Рыбачий и Средний на побережье Северного Ледовитого океана. Финны согласились также на аренду полуострова Ханко для создания там советской военно-морской базы.

Победа Красной армии в финской военной кампании вполне определенным образом сказалась на будущей политике Финляндии во Второй мировой войне.

Военные действия СССР в Финляндии в западных странах вызвали бурю протестов. 14 декабря 1940 г. СССР был признан агрессором и исключен из Лиги Наций.

В новых границах. Секретные протоколы с Германией подготовили почву для расширения границ Советского Союза на запад. Практически без активных военных действий СССР удалось присоединить территории бывшей Российской империи, утраченные в 1918—1920 гг.

26 июня 1940 г. советское правительство в ультимативной форме потребовало от Румынии вернуть Бессарабию, оторванную румынами еще в 1918 г. Ранее неоднократные протесты СССР игнорировались румынским королевским правительством. Теперь же требование советского правительства было выполнено (сфера влияния с Германией была оговорена). Бессарабия была объединена с Молдавской АССР, входившей в состав Украины, и была образована новая союзная республика — Молдавия.

В 1939 г. под давлением СССР правительства Прибалтийских республик были вынуждены принять предложения о заключении пактов о взаимопомощи. В соответствии с заключенными договорами на территорию этих стран были введены советские войска, там началось создание военных баз. В 1940 г. в Латвии, Литве и Эстонии были сформированы просоветские народные правительства, которые возглавили антифашисты, стремившиеся к союзу с Советской страной. На выборах в июне—июле 1940 г. в народные сеймы Латвии и Литвы и в Государственную думу в Эстонии победу одержали коммунисты, которые провозгласили восстановление советской власти в этих республиках и обратились с просьбой в Верховный Совет СССР принять Латвию, Литву и Эстонию в состав Советского Союза. В августе 1940 г. эта просьба была удовлетворена. Однако западными странами этот факт был расценен как аннексия.

Летом 1940 г. территория Карельской АССР была расширена за счет земель, отошедших СССР после финской войны, была преобразована в Карело-Финскую союзную республику. Таким образом, в 1940 г. было завершено формирование новой государственной границы Советского Союза.

Подготовка к войне. Несомненно, что в СССР в конце 1930-х гг. в условиях военного противостояния в Европе велась подготовка к войне. Согласно утвержденному Сталиным 9 ноября 1937 г. плану развития и реорганизации РККА на 1937—1942 гг. численность советских Вооруженных сил должна была возрасти за указанный срок на 1 млн человек. В марте 1939 г. правительство СССР приняло меры по наращиванию военно-экономического потенциала страны. Ассигнования на военные нужды были резко увеличены. В 1939 г. они составили, по официальным данным, 25,6% общего государственного бюджета, в 1940 г. — 32,6% и в 1941 г. — 43,4 %. Ежегодный прирост оборонной продукции в 1938—1940 гг. составил 39%, что примерно втрое превышало общие темпы прироста промышленной продукции. В восточных районах на случай войны было начато строительство новых предприятий металлургической и угольной промышленности.

В августе—сентябре 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР принимает постановления о строительстве девяти новых самолетостроительных заводов и семи авиамоторных. Значительную часть авиапромышленности из центра предусматривалось переместить в восточные районы. В 1940 г. было освоено серийное производство боевых самолетов: истребителей ЯК-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, пикирующего бомбардировщика Пе-2, штурмовика Ил-2. В начале 1941 г. авиационная промышленность перешла на выпуск только новых моделей самолетов. В эти годы в СССР были созданы не имеющие равных для своего времени средний танк Т-34 и тяжелый танк КВ (новый танк Т-34 был запущен в серийное производство еще до начала войны). Развивалось производство артиллерийских орудий, минометов, стрелкового вооружения, боеприпасов. В июне 1941 г. было принято решение о запуске в серийное производство установок реактивной артиллерии БМ-13 («катюш»). В сжатые сроки строились подводные лодки и легкие надводные корабли.

Для обеспечения армии продовольствием создавались значительные государственные запасы ржи, пшеницы, овса, муки, крупы. Неприкосновенные фонды продовольствия и фуража для Красной армии на 1 января 1941 г. составили 6 млн 162 тыс. тонн.

В 1939—1940 гг. был установлен жесткий централизованный контроль за деятельностью военно-промышленных наркоматов. Перед промышленностью была поставлена задача в кратчайшие сроки обеспечить армию современной боевой техникой.

Для усиления трудовой дисциплины в июне 1940 г. было принято решение о переходе на 8-часовой рабочий день и 7-дневную рабочую неделю, был запрещен самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и из учреждений. За опоздание на работу и прогулы вводилась уголовная ответственность.

На IV сессии Верховного Совета РФСФР в апреле 1941 г. были приняты указы об ответственности за выпуск недоброкачественной и неком-

плектной продукции, об уголовной ответственности за мелкие кражи и хулиганство, об ответственности за нарушение правил воинского учета.

Состояние Вооруженных сил СССР накануне войны до сих пор является предметом дискуссий.

Без сомнения, репрессии сильно подорвали кадровый состав Красной армии. К 1938 г. некомплект командного состава достигал 34,4%. В 1937–1938 гг. было арестовано, исключено из партии и выбыло из армии 35 тыс. человек, в том числе 5 тыс. политработников. Из 733 человек высшего командно-политического состава Вооруженных сил погибло 579 человек. Были репрессированы известные военачальники маршалы М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, В. К. Блюхер. Из 16 командармов погибли 15, из 169 командиров дивизий — 136. Были арестованы и расстреляны тысячи командиров полков, батальонов, эскадронов.

Сразу после подписания договора о дружбе с фашистской Германией 1 сентября 1939 г. внеочередной сессией Верховного Совета СССР был принят новый Закон о всеобщей воинской обязанности, который установил только кадровый принцип построения армии (отменив ранее применявшееся и территориальное формирование). Призывной возраст был понижен с 21 года до 18 лет, срок военной службы увеличен до 3—5 лет, а срок состояния в запасе продлен с 40 до 50 лет. Это позволило быстро увеличить численный состав армии (с 1939 г. до середины 1941 г. было сформировано 125 новых дивизий). Дефицит командного состава частично был возмещен возвратом в армию части репрессированных ранее офицерских кадров (12 тыс. командиров). Участие Красной армии начиная с 1938 г. в боевых действиях (на Халхин-Голе, в Польше, Финляндии) способствовало приобретению ею боевого опыта, давало возможность учесть допущенные ошибки.

Однако, по свидетельству маршала Г. К. Жукова, накануне войны организация и вооружение наших войск были не на должной высоте, противовоздушная оборона была на крайне низком уровне, практически отсутствовали механизированные соединения.

Только зимой 1941 г. было принято решение о формировании 15 механизированных корпусов за счет ликвидации кавалерии. Качество авиации перед войной оказалось ниже немецкой, артиллерия была очень плохо обеспечена тягачами.

Начало войны руководством страны, и прежде всего Сталиным, прогнозировалось не ранее 1942 г., поэтому завершить процесс перевооружения армии к 22 июня 1941 г. СССР не успел.

Советская военная доктрина. Официально провозглашенная оборонительная военная доктрина СССР на деле была не совсем такой. Сталин рассматривал складывающуюся обстановку в Европе как благоприятную для выполнения исторической миссии СССР — реализации идеи мировой революции. При неизбежном ослаблении ведущих западных стран в результате длительной войны он рассчитывал прийти на помощь «голодающему пролетариату Западной Европы» и навсегда решить судьбу Европы, сокрушая капитализм военным путем. Поэтому фактически в штабах секретно отрабатывалась наступательная стратегия, стратегия упреждающего удара.

Сталин рассчитывал бить врага на его территории. Подтверждением этому могут служить оперативно-стратегические игры в Генштабе в январе 1941 г., на которых оборонительные операции вообще не отрабатывались.

Советское Главное командование располагало информацией о плане нападения Гитлера на СССР (план «Барбаросса») уже в конце декабря 1940 г., т. е. спустя считанные дни после принятия директивы № 21 ставкой Гитлера, однако стратегия ответных действий была выбрана неверно. Сталин был захвачен идеей упреждающего удара, а оборонительные действия всерьез не рассматривались. В «Соображениях по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», направленных Генштабом Сталину 15 мая 1941 г., речь шла о необходимости «не давать инициативы действий германскому командованию, упредить (подчеркнуто в тексте) противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания». Для обеспечения изложенного замысла предлагалось «провести скрытое отмобилизирование войск под видом учебных сборов» и другие мероприятия. Вместе с тем очевидно, что этот план не носил агрессивного характера: превентивные действия Красной армии предлагались лишь в связи с высокой отмобилизированностью немецкой армии и опасностью нанесения ею внезапного удара. Оперативные планы Красной армии для нанесения упреждающего удара разрабатывались и постоянно уточнялись, однако к началу войны они не были утверждены. По свидетельству Г. К. Жукова и других военачальников, к 22 июня 1941 г. не существовало законченного и утвержденного правительством оперативного и мобилизационного планов.

В связи с подготовкой к войне менялась кадровая политика военного строительства. После неудач в финской кампании К. Е. Ворошилов в мае 1940 г. был отстранен от руководства Наркоматом обороны СССР, его сменил более молодой маршал — С. К. Тимошенко. С 1 февраля 1941 г. начальником Генерального штаба был назначен генерал армии Г. К. Жуков, проявивший себя еще на Халхин-Голе.

Перелом в отношениях с Германией. После капитуляции Франции в июне 1940 г. обстановка в Европе изменилась. Фактически Великобритания осталась один на один с Германией. Переговоры СССР с Германией в ноябре 1940 г. о сферах влияния в новых условиях закончились безрезультатно. Гитлер не шел теперь ни на какие уступки, и с этого периода обе стороны взяли курс на подготовку к войне.

В соответствии с планом «Барбаросса» «германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война с Великобританией...»

Одновременно Гитлером была запущена дезинформация о том, что он готовит вторжение в Великобританию, а нападать на СССР не собирается. На самом деле подготовка операции «Барбаросса» шла полным ходом. В Приложении № 2 от 2 мая 1941 г. говорилось: «Война против России — один из важнейших этапов борьбы за существование немецкого народа. Это древняя битва германцев против славянства, защита европейской культуры от московитско-азиатского нашествия, оборона против еврей-

ского большевизма. Цель этой войны - разгром сегодняшней России, поэтому она должна вестись с небывалой жестокостью. Каждая боевая операция и в планировании, и в ее проведении должна осуществляться с непреклонной волей к беспощадному тотальному истреблению противника. В особенности никакой пощады к представителям русско-большевистской системы».

Вторжение в СССР планировалось на апрель 1941 г., но события на Балканах отодвинули эту дату на июнь.

Еще с лета 1940 г. в ЦК партии и правительство поступала конфиденциальная информация о военных приготовлениях нацистской Германии к войне против СССР, участились нарушения границы германскими самолетами и заброска в СССР разведывательной агентуры. Анализируя предвоенную обстановку в Европе, Сталин 5 мая 1941 г. заявил: «Война с Гитлером неизбежна». Однако, находясь в плену собственных ошибочных представлений, он был убежден, что Гитлер сможет напасть на СССР лишь после того, как расправится с Британией и завоюет Ближний Восток, т. е. не раньше 1942 г. Поэтому агентурные сведения о возможном нападении Гитлера на СССР в июне 1941 г. он рассматривал как дезинформацию. Для анализа хитросплетений чрезвычайно сложной военной и политической ситуации, сложившейся к лету 1941 г., в тоталитарном СССР не существовало специальных аналитических служб, равно как и полноценного Генерального штаба. Все сообщения разведывательных и иных служб передавались высшему политическому руководству страны, и лишь оно принимало нужные решения. В результате Сталин и его окружение допустили серьезные политические и военно-стратегические просчеты при анализе предвоенной ситуации. Страна готовилась к войне, к войне быстрой и победной (что обернулось в итоге громадными потерями), но подготовка к ней не была завершена.

Чтобы избежать войны на два фронта, к весне 1941 г. СССР удалось заручиться гарантиями Турции и Японии о ненападении на Советский Союз (в марте с Турцией был проведен обмен нотами с обязательством соблюдать взаимный нейтралитет, в апреле был заключен пакт о нейтралитете между СССР и Японией).

Для усиления централизации руководства в мае 1941 г. генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин был назначен вместо В. М. Молотова председателем Совета народных комиссаров СССР.

§ 3. Начало Великой Отечественной войны

Катастрофическое начало. 22 июня 1941 г. без объявления войны войска фашистской Германии вторглись на советскую территорию. Началась самая тяжелая и кровопролитная в истории нашего Отечества война. В 4 часа утра немецкая авиация начала бомбить советские города — Смоленск, Киев, Житомир, Мурманск, Ригу, Каунас, Либаву, военные базы (Кронштадт, Севастополь, Измаил), железнодорожные пути и мосты. В первый день войны было уничтожено 66 аэродромов и 1200 самолетов, из них 800 на земле. К исходу 22 июня группировки противника продвинулись на глубину 50—60 км.

Ошибки и просчеты Сталина относительно сроков и места германского вторжения позволили агрессору получить значительные преимущества. В соответствии с планом обороны Государственной границы СССР, разработанным и утвержденным правительством в феврале 1941 г., в течение мая—июня были начаты мобилизационные мероприятия. В приграничных районах было построено около 2500 железобетонных сооружений, расширялась сеть военных аэродромов. Во второй половине мая — начале июня было начато выдвижение войск из внутренних военных округов с целью приближения их к западной границе. Однако к моменту нападения немцев стратегическое развертывание войск не было завершено. На неоднократные предложения Г. К. Жукова привести пограничные войска в состояние боевой готовности Сталин упорно отвечал отказом. Только вечером 21 июня, получив сообщение от перебежчика о том, что на рассвете германские войска начнут нападение на СССР, Верховное командование направило в приграничные округа директиву № 1 о приведении войск в состояние боевой готовности. Как свидетельствует анализ этой директивы, она была составлена непрофессионально, не давала конкретных указаний войскам и допускала неоднозначное толкование отдельных пунктов, что в боевых условиях было недопустимо. Кроме того, директива была доставлена в войска с большим опозданием: некоторые пограничные округа, принявшие на себя первые удары врага, так ее и не получили.

Гитлеровская Германия и ее союзники накануне нападения сосредоточили вдоль границ Советского Союза 190 дивизий (5,5 млн человек), почти 4 тыс. танков, 5 тыс. боевых самолетов, свыше 47 тыс. орудий и минометов.

Военный потенциал Красной армии в принципе был ненамного ниже германского. В западных приграничных военных округах было сосредоточено 170 дивизий (2,9 млн человек). По количеству боевой техники, бронетехники и авиации советские войска не уступали немецким, но значительная часть танков, и особенно самолетов, была устаревших типов, новое вооружение только осваивалось личным составом, многие танковые и авиационные соединения находились в стадии формирования. О непонимании масштабов немецкого вторжения советским командованием, и в первую очередь Сталиным, свидетельствует и вторая директива, отправленная в войска в 7 часов утра 22 июня: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». Приписка Сталина: «Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить» — свидетельствовала о том, что Сталин все еще думал, что войны удастся избежать. Эта директива, как и директива № 1, была составлена непрофессионально, наспех, что лишний раз говорит об отсутствии у советского командования четких планов на случай вынужденной обороны.

С призывом дать отпор агрессору 22 июня по радио выступил Молотов. Выступление Сталина состоялось только 3 июля.

Сопротивление агрессору. Фашистское командование организовало наступление на трех стратегических направлениях: Ленинградском, Московском и Киевском. Советское командование ждало главный удар на юго-западе, но Гитлер нанес его в центре, на западном направлении.

Продвижение немцев вперед по всем направлениям вопреки их ожиданиям сопровождалось ожесточенными боями. Советские войска с самого начала войны оказали серьезное сопротивление противнику. Немцы впервые начиная с 1939 г. стали нести ощутимые потери.

Ярким проявлением героизма и мужества наших солдат и офицеров на начальном этапе войны явилась оборона Брестской крепости. Ее гарнизон под командованием майора П. М. Гаврилова более месяца сдерживал атаки превосходящих сил противника.

23 июня бойцы 99-й стрелковой дивизии контрударом выбили немцев из Перемышля и 5 суток удерживали город. В первых же боях 1-я артиллерийская противотанковая бригада, в составе которой были в основном молодые москвичи, уничтожила 42 танка группы генерала Клейста. 23 июня дивизия полковника И. Д. Черняховского полностью истребила моторизованный полк 4-й танковой группы генерала Хеппера. Таких примеров было множество.

Но несмотря на массовый героизм и самоотверженность советских воинов, итоги начального этапа войны были катастрофичными для Красной армии. К середине июля 1941 г. фашистские войска захватили Латвию, Литву, значительную часть Белоруссии, Украины и Молдавии, города Псков, Львов, огромное количество военнослужащих попало в плен.

Страшная трагедия разыгралась под Минском. Здесь немцам к 9 июля удалось окружить почти 30 советских дивизий. Минск был оставлен с боями, в плен попало 323 тыс. советских солдат и офицеров, потери Западного фронта составили 418 тыс. человек. В этом поражении Сталин обвинил командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова и ряд других военачальников. Все они были расстреляны по приговору Верховного суда от 22 июля 1941 г. по обвинению в трусости (в 1956 г. реабилитированы). Маховик репрессий не остановился даже с началом войны. 16 августа 1941 г. в период отступления советских войск Сталин издал приказ № 270, по которому следовало «расстреливать на месте» дезертиров из начсостава, а попавшим в окружение - в плен не сдаваться, драться до последнего патрона. Обвинения Сталиным в дезертирстве военачальников во многом были необоснованны, тем не менее лишь с июля 1941 по март 1942 г. было расстреляно 30 генералов (все также реабилитированы).

Репрессивная политика касалась и мирного населения. В августе 1941 г. советские немцы (около 1,5 млн человек) были выселены в Сибирь и Казахстан и в большинстве своем направлены в трудармии. В сентябре 1941 г. в орловской тюрьме расстреляны 170 политических заключенных, среди которых были известные революционеры Х. Раковский и М. Спиридонова. Особое совещание НКВД продолжало выносить приговоры в массовом количестве без суда и следствия. Распространение ложных слухов каралось тюремным заключением от 2 до 5 лет.

В этих тяжелых условиях советский народ сумел сплотиться против общего врага — фашизма и проявил свой героический характер.

Оккупация значительной части советской территории была оценена гитлеровским командованием как решающий успех в войне, однако Красная армия оказалась намного сильнее, чем рассчитывали фашистские стра-

теги. Советские войска не только оборонялись, но и наносили врагу ответные удары.

Продвигаясь по направлению к Москве, враг встретил ожесточенное сопротивление при взятии Смоленска. Смоленское сражение продолжалось 2 месяца (с 10 июля по 10 сентября 1941 г.). Советское командование в ходе сражения впервые применило знаменитые «катюши». Реактивные установки под командованием капитана И. А. Флерова нанесли удары по противнику в районе Орши, а затем Рудни и Ельни. В кровопролитных боях советские солдаты и командиры проявляли подлинный героизм. 30 июля немцы впервые вынуждены были перейти к обороне. 5 сентября 1941 г. войска образованного 30 июля Резервного фронта под командованием Г. К. Жукова во время контрнаступления прорвали оборону противника и освободили Ельню. Враг потерял несколько дивизий (более 50 тыс. солдат). За отличия в Ельнинской операции четыре лучшие стрелковые дивизии первыми в Красной армии получили звания гвардейских.

Во время боев под Смоленском с 9 на 10 августа 1941 г. авиадивизия под командованием М. В. Водопьянова на тяжелых самолетах Пе-8, совершив героический и опаснейший перелет, впервые бомбила Берлин.

Сражение под Смоленском позволило советскому командованию выиграть время для подготовки обороны Москвы. 10 сентября враг был остановлен в 300 км от Москвы. Гитлеровскому блицкригу был нанесен серьезный удар.

Организационные мероприятия. Начало войны – самые трагические страницы истории Великой Отечественной войны. К середине июля 1941 г. из 170 советских дивизий 28 оказались полностью разгромленными, 70 дивизий потеряли свыше 50% своего личного состава и техники. Особенно большие потери понесли войска Западного фронта.

Германские войска, продвинувшись за несколько недель боев на разных направлениях на 300—500 км в глубь страны, захватили территорию, на которой до войны производилось почти 2/3 промышленной и сельхозпродукции. В оккупацию попали около 23 млн советских людей. К концу 1941 г. общее число военнопленных достигло 3,9 млн человек.

В первые же дни войны руководство страны приняло ряд мер для организации отпора врагу: была объявлена всеобщая мобилизация, создана Ставка Главного командования Вооруженных сил СССР. В секретной директиве от 29 июня 1941 г. партийным и советским организациям прифронтовых областей руководство страны впервые сказало о масштабе военных поражений. В директиве содержалось жесткое требование отстаивать каждую пядь советской земли, при вынужденном отходе ничего не оставлять врагу, уничтожать ценное имущество, которое нельзя вывезти, на оккупированной территории организовывать партизанские отряды и диверсионные группы, создавать для врага невыносимые условия.

Малоэффективная в условиях мирной жизни советская тоталитарная система оказалась более эффективной в условиях военного времени. Ее мобилизационные возможности, помноженные в годы Великой Отечественной войны на патриотизм и жертвенность советского народа, сыграли

важную роль в организации отпора врагу, особенно на начальном этапе войны.

Призыв «Все для фронта, все для победы!» был воспринят всем народом. Сотни тысяч советских граждан добровольно шли в действующую армию. За неделю с начала войны было мобилизовано свыше 5 млн человек.

30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО) — чрезвычайный высший государственный орган СССР во главе с И. В. Сталиным. ГКО сосредоточил в годы войны всю полноту власти в стране. Большое внимание уделялось военно-хозяйственной работе. Через неделю после начала войны был принят мобилизационный план на III-й квартал 1941 г. постановлением ГКО от 4 июля 1941 г. была начата разработка военно-хозяйственного плана использования ресурсов и развития предприятий, перебазируемых в восточные районы страны. На протяжении всей войны составлялись квартальные и месячные планы военно-хозяйственных работ.

С первых же дней войны все промышленные и научные учреждения страны приступили к перестройке своей работы в соответствии с нуждами обороны. На период военного времени все трудоспособное население городов мобилизовалось для работы на производстве и строительстве. Указом от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» устанавливался рабочий день продолжительностью 11 часов, вводились обязательные сверхурочные работы, отменялись отпуска. С осени 1941 г. вновь была введена карточная система распределения продуктов среди населения.

Важной частью создания военной экономики явилось перемещение в глубокий тыл промышленных предприятий, оборудования, материальных и культурных ценностей. Всего за первые полгода из районов, которым грозила оккупация, было перемещено свыше 1500 крупных промышленных предприятий, были эвакуированы многие учебные заведения, НИИ, библиотеки, музеи, театры. На восток страны было отправлено более 10 млн человек (по некоторым данным, 17 млн человек). Развертывание в восточных районах страны военно-промышленной базы происходило в исключительно тяжелых условиях. В тылу люди работали круглосуточно, часто под открытым небом, в лютые морозы.

К середине 1942 г. перестройка экономики на военный лад в основном была завершена. Восточные районы страны стали главным арсеналом фронта и основной производственной базой страны.

Оборонительные сражения лета—осени 1941 г. На исход всей Великой Отечественной войны серьезное влияние оказали оборонительные сражения, которые вела Красная армия летом и осенью 1941 г. Стратегические неудачи Гитлера под Смоленском заставили его изменить направление главного удара и направить его с центра на юг — на Киев, Донбасс, Ростов. Под Киевом были сосредоточены значительные силы как с немецкой, так и с советской стороны. Вместе с кадровыми частями против фашистов героически сражались ополченцы — жители Киева. Однако немцам удалось войти в тыл 6-й и 12-й армиям и окружить их. Почти целую неделю оказывали героическое сопротивление советские солдаты и офицеры. Пытаясь

сохранить армии, командующий Юго-Западным фронтом маршал С. М. Буденный запросил у Ставки разрешение оставить Киев, но Сталин был против. Только 18 сентября такое разрешение было дано, но ситуация ухудшилась настолько, что выйти из окружения удалось уже немногим. Фактически обе армии были потеряны. С захватом противником Киева открывалась дорога на Москву через Брянск и Орел.

Параллельно немцы вели наступление на Одессу — важную базу Черноморского флота. Легендарная оборона Одессы продолжалась более двух месяцев. Красноармейцы, матросы и жители города стали единым боевым гарнизоном и успешно отбивали натиск нескольких румынских дивизий. Лишь 16 октября в связи с угрозой захвата Крыма по приказу Ставки Верховного главнокомандования защитники Одессы покинули город. Значительная часть участников обороны города была переброшена в Севастополь.

На его оборонительных рубежах воины Приморской армии (командующий генерал И. Е. Петров) и моряки Черноморского флота во главе с вице-адмиралом Ф. С. Октябрьским уничтожили почти столько же живой силы противника, сколько гитлеровская армия потеряла на всех театрах боевых действий до нападения на СССР. Враг не раз пытался штурмом овладеть городом, но Севастополь стоял непоколебимо.

Группа армии «Север», захватив 9 июля Псков, подошла вплотную к Ленинграду. Его падение по планам германского командования должно было предшествовать взятию Москвы. Однако, несмотря на неоднократные попытки, немцам и действующим совместно с ними финнам взять город не удалось. 8 сентября 1941 г. началась 900-дневная блокада Ленинграда. 611 дней город подвергался интенсивному артиллерийскому обстрелу и бомбардировкам. Блокада поставила его защитников в чрезвычайно сложное положение. Суточная норма хлеба в ноябре—декабре 1941 г. составляла рабочим 250 г., служащим и иждивенцам — 125 г. От голода, холода, бомбежек и обстрелов погибло около миллиона жителей Ленинграда. Для связи города с Большой землей через Ладожское озеро была проложена ледовая трасса, названная ленинградцами «Дорога жизни».

Несмотря на оккупацию значительной части западных районов страны, ни на одном из трех главных стратегических направлений наступления немецкая армия не добилась решающих успехов.

Срыв операции «Тайфун». После взятия Киева гитлеровский генштаб начал разрабатывать новую операцию по захвату Москвы, получившую название «Тайфун». 30 сентября 1941 г. после некоторого затишья, наступившего на Центральном фронте после смоленского сражения, началось новое наступление войск противника. Танковая армия немецкого генерала Гудериана направила удар по линии Орел - Тула - Москва и захватила Орел и Брянск.

В соответствии с планом «Тайфун» враг сосредоточил на московском направлении 1,8 млн солдат и офицеров, значительное количество боевой техники, создав численное превосходство над советскими войсками. Несмотря на героическое сопротивление Красной армии, фашистам в ходе наступления удалось захватить города Вязьму, Можайск, Калинин и Мало-

ярославец и подойти к Москве на 80—100 км. В директиве Гитлера говорилось: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произвести необходимые приготовления, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были затоплены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа».

В начале октября положение стало критическим: в результате окружения пяти советских армий путь на Москву был практически открыт. Советское командование предприняло ряд срочных мер. 12 октября был создан Западный фронт под командованием генерала Г. К. Жукова, ему передавались также армии Резервного фронта. Особо ожесточенные бои на московском направлении разгорелись в середине октября. 15 октября 1941 г. ГКО принимает решение об эвакуации в г. Куйбышев части правительственных и партийных учреждений, дипломатического корпуса и подготовке к уничтожению 1119 промышленных предприятий и объектов Москвы и области. Предполагалась эвакуация Сталина. Под воздействием слухов о сдаче Москвы 16 октября в столице возникла паника. Впоследствии, по свидетельству современников, слова «человек 16 октября» стали синонимом позорного поведения и трусости. Через три дня паника была остановлена приказом Сталина, который остался в Кремле. К трусам, паникерам, мародерам стали применять жесткие меры вплоть до расстрела. В Москве было объявлено осадное положение.

На защиту столицы поднялась вся страна. К Москве спешили эшелоны с пополнением, вооружением, боеприпасами из Сибири, Урала, Дальнего Востока, Средней Азии. На помощь фронту выступили 50 тыс. бойцов народного ополчения.

Неоценимый вклад в оборону Москвы внесли защитники Тулы. Армия Гудериана не смогла взять город и была остановлена героическими действиями защитников города. Москва была надежно прикрыта и от нападения с воздуха. Защищая небо Москвы, летчик В. В. Талалихин одним из первых применил ночной воздушный таран.

В результате принятых мер в конце октября — начале ноября наступление гитлеровцев было остановлено. Операция «Тайфун» сорвалась. 6 ноября в Москве, в зале станции метро «Маяковская», состоялось торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции, на котором с речью выступил И. В. Сталин. 7 ноября 1941 г. на Красной площади состоялся традиционный военный парад, после которого войска сразу отправлялись на фронт. Все эти события имели большое значение для поддержания морального духа советских воинов.

К середине ноября немецкие войска перешли в новое наступление на Москву. В нем участвовала 51 дивизия, в том числе 13 танковых и 7 моторизированных, имевших на вооружении 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий, их поддерживали 700 самолетов. Западный фронт, сдерживающий наступление, имел в это время уже больше дивизий, чем противник, и в 1,5 раза превосходил немецкую авиацию по количеству самолетов.

В результате наступления немцам удалось захватить Клин, Солнечногорск, Крюково, Яхрому, Истру и подойти к Москве на 25—30 км. Особенно упорный характер бои носили в полосе обороны 16-й армии (командующий — генерал К. К. Рокоссовский) в районе Истры. Насмерть стояла группа бойцов — истребителей танков из 316-й стрелковой дивизии генерала *И. В. Панфилова*. Сам он погиб в бою 18 ноября. Героическими усилиями немецко-фашистские войска были остановлены практически у стен столицы.

Контрнаступление советских войск под Москвой. В начале декабря 1941 г. советское командование в обстановке секретности готовило контрнаступление под Москвой. Такая операция стала возможной после формирования в тылу десяти резервных армий и изменения соотношения сил. Противник сохранял превосходство в численности войск, количестве артиллерии и танков, но оно уже не было подавляющим.

В начале декабря немцы предприняли еще одно наступление на Москву, но в ходе его 5—6 декабря советские войска начали контрнаступление по всему фронту — от Калинина до Ельца. В нем участвовали войска трех фронтов — Западного (под командованием Г. К. Жукова), Калининского (под командованием И. С. Конева) и Юго-Западного (под командованием С. К. Тимошенко). Это наступление было полной неожиданностью для немецкого командования. Оно оказалось не в состоянии отразить мощные удары Красной армии. К началу января 1942 г. советские войска отбросили фашистов от Москвы на 100—250 км. Зимнее наступление Красной армии продолжалось до апреля 1942 г. В результате были полностью освобождены Московская и Тульская области, многие районы Смоленской, Калининской, Рязанской и Орловской областей.

Под Москвой окончательно рухнула стратегия блицкрига. Провал наступления на Москву предотвратил вступление в войну на стороне Германии Японии и Турции. Победа Красной армии подтолкнула США и Великобританию к созданию антигитлеровской коалиции.

§ 4. Коренной перелом в ходе войны

Летние сражения 1942 г. В итоге общего зимнего наступления Красной армии немцы понесли значительные потери. Было уничтожено до 50 немецких дивизий. Германия оказалась перед фактом затяжной войны.

За это поражение Гитлер снял со своих постов 34 генерала, включая командующих танковыми армиями Гудериана и Хепнера. Руководство вермахтом он принял на себя. В Германии была объявлена тотальная мобилизация. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, Германия перебросила на Восточный фронт свежие дивизии из Западной Европы. К весне 1942 г. фашистская Германия смогла не только восполнить понесенные в зимней кампании потери, но и увеличить свои Вооруженные силы. Теперь главной задачей гитлеровское командование считало захват богатых стратегическим сырьем южных районов СССР, прежде всего нефтяных районов Кавказа. Немецкое командование рассчитывало, добившись успеха на юге, вновь нанести удары по Москве.

Советский Генеральный штаб, чтобы подготовить условия для последующего наступления Красной армии, предлагал на летнюю кампанию 1942 г. план глубокой обороны. Однако Сталин, воодушевленный успехами зимнего контрнаступления, настоял на проведении весной—летом 1942 г. наступательных операций по трем стратегическим направлениям. Но для таких широкомасштабных наступательных операций Красная армия еще не располагала достаточными силами. Стратегической ошибкой Сталина стало сосредоточение крупных сил под Москвой, в то время как Гитлер наносил главный удар на южном направлении.

Наступление Красной армии в Крыму в конце апреля 1942 г. окончилось поражением. В мае ударная группировка врага овладела Керченским полуостровом. Наши войска, понеся серьезные потери, были вынуждены эвакуироваться из центральной части Крыма на Таманский полуостров. После 250-дневной героической обороны 4 июля 1942 г. советские войска оставили Севастополь.

Летом и осенью 1942 г. советские войска из-за стратегических просчетов Верховного главнокомандования во главе с И. В. Сталиным, а также в силу численного превосходства немецких войск понесли ряд серьезных поражений. Поражением и окружением 20 советских дивизий закончилось наступление на Харьков, попытки отдельных частей вырваться из окружения успеха не имели. Неудачей окончилась в мае 1942 г. попытка прорвать блокаду Ленинграда. 2-я армия Волховского фронта также попала в окружение и была разгромлена. Командующий армией генерал А. А. Власов перешел на сторону фашистов и организовал впоследствии так называемую Русскую освободительную армию (РОА), воевавшую на стороне гитлеровцев.

Летом 1942 г. гитлеровское командование повело наступление сразу по двум направлениям: на Сталинград (группа армий «Б») и на Кавказ (группа армий «А»).

Развивая наступление, части 4-й немецкой танковой армии 6 июля 1942 г. захватили правобережье Воронежа. Затем, двигаясь в юго-восточном направлении, осуществили прорыв советской обороны и захватили правобережные земли Дона и восточные промышленные районы Донбасса. 24 июля был захвачен Ростов, возникла угроза захвата Кавказа.

Битва за Кавказ началась в конце июля 1942 г. Противнику удалось захватить значительную часть Северного Кавказа. Лишь после пяти месяцев тяжелейших боев враг был остановлен у перевалов Главного Кавказского хребта. Одновременно группа армий «Б» развивала наступление на Сталинград.

Оборона Сталинграда. Взятию Сталинграда фашистское командование придавало особое значение. Выход к Волге позволял противнику отрезать центральные районы СССР от снабжения хлебом и нефтью и перевести свои армии на снабжение этими важнейшими ресурсами с захваченных земель. 6-я армия генерала Ф. Паулюса, 4-я танковая армия генерала Г. Гота, с воздуха поддерживаемая крупным соединением военной авиации, имевшей в своем составе 1200 самолетов, стремительно продвигались к Сталинграду. Немцы планировали взять город 25 июля, и 17 июля на подступах

к городу начались бои. Советским командованием 12 июля был создан Сталинградский фронт. Наступавшие соединения 6-й армии Паулюса насчитывали 270 тыс. (против 160 тыс. советских солдат), 3 тыс. орудий и минометов (против 2200 советских), 500 танков (против 400 советских). Таким образом, в районе Сталинграда противник обладал подавляющим преимуществом в живой силе и вооружении, однако взять Сталинград к 25 июля ему не удалось.

Неудачи Красной армии в Крыму и под Харьковом негативно отражались на боевом духе советских войск. Опасаясь дальнейшего отступления войск, Ставка репрессивными мерами пыталась стабилизировать обстановку. 28 июля 1942 г. Сталин издал приказ № 227, который предусматривал карательные меры вплоть до расстрела за отступление без приказа. Приказ, получивший на фронте название «Ни шагу назад!», сыграл важную мобилизующую роль.

23 августа 1942 г. фашистские войска прорвались к Волге северо-западнее города. 24–25 августа Сталинград подвергся сильнейшим бомбардировкам, в результате которых погибли более 2300 жителей, было разрушено множество зданий. На улицах города развернулись ожесточенные уличные бои. Защитники Сталинграда проявили исключительную стойкость и массовый героизм. 25 августа в городе было введено осадное положение; жесточайшие бои за Сталинград продолжались до конца октября. Неоднократно из рук в руки переходили Мамаев курган, территории тракторного завода, заводов «Баррикады», «Красный Октябрь». 58 дней и ночей героически обороняли от фашистов четырехэтажный дом в центре города 24 воина во главе с сержантом Я. Ф. Павловым, уничтожив значительное число гитлеровцев.

Войска 62-й и 64-й армий во главе с генералами М. С. Чуйковым и М. С. Шумиловым упорной обороной сорвали планы фашистского командования, сковав в районе Сталинграда лучшие дивизии вермахта. К середине ноября немцы потеряли в боях за город 700 тыс. убитыми и ранеными, более 1 тыс. танков и свыше 1,4 тыс. самолетов. Потери Красной армии были также велики. В конце октября наступление немцев было остановлено на всем фронте.

Сталинградский «котел». В ходе оборонительных боев за Сталинград советское командование разработало план контрнаступления, получивший название «Уран». Этот план в течение двух месяцев тщательно прорабатывался в Ставке и держался в строжайшем секрете.

Контрнаступление советских войск неожиданно для немцев началось 19 ноября 1942 г. в 8 часов 50 минут. Ему предшествовала мощная 80-минутная артподготовка, в которой участвовало 3500 орудий и минометов. Ударами Юго-Западного и Донского фронтов оборона войск противника была прорвана. 20 ноября началось наступление войск Сталинградского фронта. 23 ноября группировка противника общей численностью 330 тыс. человек была полностью окружена. Советское командование предложило гитлеровцам прекратить сопротивление и капитулировать, однако это предложение было отклонено. 12 декабря в района поселка Котельниковский немцы предприняли попытку ударом извне прорвать кольцо окружения. Эта попытка была отбита. 10 января 1943 г. советские войска перешли

в наступление, которое закончилось пленением более 91 тыс. вражеских солдат, в том числе 2,5 тыс. офицеров во главе с генералом-фельдмаршалом Паулюсом. 2 февраля Паулюс подписал акт о капитуляции. Битва под Сталинградом стала крупнейшим военно-политическим поражением германского фашизма.

Освобождение Северного Кавказа и Центрального Черноземья. Удерживая немцев в «котле» под Сталинградом, Советская Армия развивала также наступление на Кавказском фронте. Победа в Сталинградской битве предрешила исход боев на Северном Кавказе. Операция на Северном Кавказе осуществлялась с 1 января 1943 г. по 4 февраля 1943 г. Первоначально поставленную Ставкой задачу — окружить и уничтожить северокавказскую группировку немцев — выполнить не удалось. Уже 1 января 1943 г., опасаясь очередного окружения, северокавказская группировка противника начала отход. Ее преследовали войска Южного фронта. К середине февраля 1943 г. большая часть Северного Кавказа была освобождена. Одновременно с наступлением на Северном Кавказе советские войска развернули боевые действия против крупной воронежской группировки немцев — основных сил группы армии «Б». В ходе операции, вошедшей в историю как Острогожско-Россошанская, было окружено и уничтожено 15 вражеских дивизий в условиях отсутствия у советских войск численного превосходства. Другая наступательная операция, Воронежско-Касторенская, довершила разгром группы армии «Б»; в ходе операций были освобождены большая часть Воронежской и Курской областей и город Воронеж.

Прорыв блокады Ленинграда. В общем стратегическом наступлении советских войск зимой 1942—1943 гг. особое место занимала Шлиссельбургская наступательная операция. Всего за несколько дней (с 12 по 18 января 1943 г.) было разорвано кольцо немецкой блокады Ленинграда и полностью очищен от вражеских войск Шлиссельбург. Южнее Ладожского озера был образован коридор в 8—11 км, через который Ленинград и обороняющие его войска получили прямую связь с Центром.

В феврале—марте 1943 г. в результате успешных боев окончательно была устранена угроза Москве, а стратегическая инициатива перешла на сторону советских войск. Были освобождены города Ростов-на-Дону, Краснодар, Курск, Ржев; Красная армия продвинулась на Запад на 600—700 км. и освободила территорию почти в 500 тыс. кв. км.

Сражение на Курской дуге. Весной 1943 г. гитлеровское командование надеялось взять реванш за поражение под Сталинградом и переломить ход войны в свою пользу. Во время относительного затишья на советско-германском фронте, продолжавшегося до июля, Германия провела тотальную мобилизацию людских резервов, оснастила армию новейшей боевой техникой — тяжелыми танками «Тигр» и «Пантера», самоходными орудиями «Фердинанд».

Для проведения крупной наступательной операции, получившей название «Цитадель», германское командование избрало выдвинутый далеко (до 120 км) на запад Курский выступ. Основная ставка делалась на внезапность массированных танковых ударов на узких участках фронта, окружение и разгром всего южного крыла советско-германского фронта. Для наступления на Курск противник сосредоточил 50 лучших своих дивизий,

в том числе 16 танковых и моторизованных. Советское командование, разгадав замысел врага, приняло решение о преднамеренной обороне. Одновременно в районе Курского выступа были сосредоточены крупные силы и средства, обеспечившие перевес в пользу советских войск. Фашистское наступление началось 5 июля 1943 г. Сражение сразу приняло масштабный характер. Число вражеских танков на километр фронта достигало 100 машин. Советское командование неожиданно для противника провело мощную артиллерийскую подготовку, в результате которой враг понес ощутимые потери уже на исходных позициях. 12 июля в районе Прохоровки произошло крупнейшее в истории танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 1200 танков. Героизм советских солдат был массовым, врага остановили (ему удалось продвинуться только на 12 км), и Красная армия перешла в контрнаступление.

Второй этап Курской битвы — контрнаступление советских войск на орловском направлении — начался 12 июля 1943 г. 5 августа 1943 г. были освобождены Орел и Курск. В честь победы в этот день в Москве был произведен первый артиллерийский салют. С взятием 23 августа Харькова 50-дневная Курская битва завершилась. За это время враг потерял лучшие механизированные соединения своей армии численностью более 500 тыс. человек. Победа Красной армии под Курском закрепила коренной перелом, произошедший в ходе войны.

Форсирование Днепра. Важнейшей вехой летне-осенней кампании 1943 г. стало форсирование Днепра. Используя эту естественную преграду, противник надеялся остановить наступление Красной армии. В августе 1943 г. Гитлер заявлял: «...скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его». Однако в конце сентября, освободив Левобережную Украину и Донбасс, советские войска с ходу преодолели эту мощную водную артерию и захватили плацдармы на правом берегу Днепра. За успешное форсирование Днепра около 2500 солдат и офицеров были удостоены звания Героя Советского Союза. В течение октября советские войска вели ожесточенные бои за удержание и расширение плацдармов на Западном берегу Днепра.

3 ноября было начато наступление на Киев, а 6 ноября 1943 г. город был освобожден. Более двух лет столица Украины находилась в оккупации. Фашисты замучили здесь более 200 тыс. советских людей. Местом гибели свыше 100 тыс. русских, украинцев и евреев стал овраг на окраине Киева — Бабий Яр, где фашисты устраивали массовые расстрелы людей. Освобождение Киева имело большое значение для дальнейшего продвижения советских войск на Запад. К концу 1943 г. было освобождено две трети временно оккупированной фашистами территории — 38 тыс. населенных пунктов, в том числе 162 города. Было разгромлено 118 дивизий врага.

§ 5. Разгром Германии и Японии

Борьба в тылу врага. Фашизм явил миру чудовищные преступления против человечества. Варварский план истребления народов Восточной Европы, и прежде всего народов СССР, был изложен в гитлеровском плане «Ост». Массовое истребление советских людей было продуманной государственной политикой фашистской Германии. Убийства мирных жителей,

сожжение сел, грабежи и насилие были признаны нормой поведения немецких солдат на Востоке. Вся оккупированная территория была покрыта концентрационными лагерями. Только на Украине их насчитывалось до 180, в них было замучено и расстреляно более 1,3 млн советских военнопленных. В отношении военнопленных не соблюдались никакие общепринятые нормы. Зимой военнопленных держали на холоде, морили голодом. Несколько миллионов советских людей были угнаны на работы в Германию, отправлены в концентрационные лагеря смерти.

Несмотря на развязанный террор, с первых дней войны на оккупированной советской территории немцы столкнулись с активным сопротивлением жителей оккупационным властям. Уже к концу 1941 г. в тылу врага действовали 3500 партизанских отрядов. Для координации партизанских отрядов в мае 1942 г. при Ставке Верховного главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения. Всего в тылу врага с оружием в руках против немецких захватчиков сражались около 2,8 млн человек.

Партизаны разрушали работу тыла врага, вели непрерывную разведку, затрудняли переброску войск. В результате партизанских операций «Рельсовая война» и «Концерт», проведенных в августе—октябре 1943 г., пропускная способность железных дорог значительно снизилась. За время фашистской оккупации партизаны произвели во вражеском тылу свыше 18 тыс. крушений поездов, подорвали 500 тыс. рельсов, взорвали и вывели из строя 42 тыс. автомашин, 9400 паровозов и 85 тыс. вагонов и платформ, разгромили тысячи немецких гарнизонов. Только летом и осенью 1942 г. гитлеровцам для борьбы с партизанами пришлось снять с фронта 24 дивизии регулярных войск.

«Все для фронта! Все для Победы!» Решающие победы над фашистами в 1942—1943 гг. были достигнуты совместными усилиями советских воинов и тружеников тыла. К концу 1942 г. в СССР действовало набирающее мощность слаженное военное хозяйство. Общая численность промышленных рабочих и служащих страны составила в 1943 г. около 19,4 млн человек. Основная тяжесть труда лежала на плечах женщин и подростков. Люди неделями не выходили из цехов, выпуская снаряды, боевую технику, транспортные средства.

В годы войны СССР превзошел Германию в производстве вооружений. В 1943 г. было выпущено 35 тыс. самолетов, в том числе новых модификаций — истребителей Ла-5, Як-9, штурмовиков Ил-2, (гитлеровцы прозвали их «черной смертью»), бомбардировщиков Ту-2. На заводах Урала совершенствовались бронезащита и вооружение среднего танка Т-34. В сентябре 1943 г. на вооружение поступил тяжелый танк ИС-2, превосходящий по броневой защите немецкие танки «Тигр» в 1,5 раза и «Пантеру» в 2 раза.

При наступлении немцев советским людям приходилось уничтожать то, что нельзя было эвакуировать, чтобы общественное добро не досталось врагу. Например, во время летнего наступления 1942 г. немцев на Кавказ, где они рассчитывали получить нефть Майкопа и Грозного, советскими инженерами во главе с уполномоченным ГКО Н. К. Байбаковым были уничтожены все нефтяные скважины изобретенным в кратчайший срок способом, не позволяющим быстро восстановить их.

С началом освобождения советских территорий от захватчиков в августе 1943 г. правительством СССР было принято постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». В западные районы страны по специальным путевкам направлялись рабочие, инженеры, специалисты для восстановления разрушенного хозяйства.

Уже к концу 1943 г. в освобожденных районах было восстановлено и вновь построено 3,6 млн кв. м жилой площади в городах и 266 тыс. домов в сельской местности.

Особенностью советской военной экономики явилось широкое использование труда заключенных в производстве боеприпасов и другой военной продукции. Узники ГУЛАГа осуществляли строительство авиазаводов в Куйбышеве, металлургических комбинатов в Актюбинске, Челябинске, Нижнем Тагиле. В 1942—1943 гг. более 150 тыс. из 2,3 млн узников ГУЛАГа были досрочно освобождены и направлены в действующую армию, где многие из них доблестно сражались с врагом.

Открытие второго фронта. К концу 1943 г. боевая мощь Красной армии значительно возросла. В ней насчитывалось более 6 млн солдат и офицеров. Ее ударную силу составляли около 5 тыс. танков и самоходных орудий, 8,5 тыс. самолетов и 91 тыс. орудий и минометов. Усилению военной мощи нашей страны способствовали поставки военной техники и снаряжения союзниками, особенно США, по ленд-лизу. Общая стоимость этих поставок составила около 11 млрд долларов.

28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась конференция глав правительств трех союзных держав — И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля, которой предшествовала Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании.

На конференции союзникам удалось прийти к компромиссу и договориться об открытии второго фронта, на чем Сталин настаивал с 1941 г. Военные успехи СССР в 1943 г. (особенно после Сталинграда и Курска) заставили США и Великобританию изменить свою прежнюю позицию. Когда стало ясно, что СССР может самостоятельно завершить разгром Германии, открытие второго фронта в Европе против Гитлера стало необходимо союзникам, чтобы, по словам Черчилля, «не пустить Красную армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию».

Идя навстречу настойчивому пожеланию союзников, СССР обязался после разгрома Германии принять участие в войне против Японии.

6 июня 1944 г. высадкой англо-американских войск на севере Франции был открыт второй фронт. С самого начала англо-американские войска имели воздушное и наземное превосходство над немцами. Всего на Западном фронте была сосредоточена 81 немецкая дивизия, причем лучшие германские дивизии (всего 239) находились на советско-германском фронте. Высадка союзников на побережье прошла успешно, и, создав плацдарм южнее Канна, в конце июля союзные войска начали общее наступление в Северной Франции.

В ходе операции «Оверлорд» Гитлер впервые применил против Великобритании свое секретное оружие — беспилотные реактивные снаряды Фау-1 и Фау-2. За время применения этих снарядов в Англии было повреж-

дено 24 тыс. и разрушено более 60 тыс. зданий. Однако изменить ход войны это новое оружие уже не могло. 18 августа началось восстание сил Сопротивления в Париже, через четыре дня весь город был в руках восставших. К концу 1944 г. союзные силы вышли к границам Германии.

Зимнее наступление Красной армии. К началу 1944 г., несмотря на тяжелые поражения, армия фашистской Германии была еще достаточно боеспособной. На советско-германском фронте к этому времени враг имел около 4,9 млн солдат и офицеров, свыше 5 тыс. танков и самоходных установок, 3 тыс. самолетов. Удерживая значительную часть территории СССР, противник создал прочную оборону на всем Восточном фронте, рассчитывая перейти к позиционной войне.

В декабре 1943 г. советское командование принимает решение развернуть широкое наступление по всему фронту – от Баренцева до Черного моря. 14 января 1944 г. началось наступление Ленинградского фронта под командованием генерала Л. А. Говорова. За короткий срок советские войска освободили Гатчину, Петродворец, Новгород и другие города. 27 января 1944 г. была полностью ликвидирована продолжавшаяся 900 дней и ночей блокада Ленинграда.

Наступление советских войск на юге началось еще в конце декабря 1943 г. в огромной 1400-километровой полосе от Полесья до берегов Черного моря и осуществлялась силами четырех Украинских фронтов. 28 января 1944 г. войска 1-го и 2-го Украинских фронтов под командованием генералов Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева окружили в районе Корсунь-Шевченковского (80 км южнее Киева) группировку противника (свыше 10 дивизий), которая оказывала Красной армии упорное сопротивление. Через три недели группировка противника была окончательно разгромлена. Противник потерял убитыми 55 тыс. солдат и офицеров, более 18 тыс. гитлеровцев были взяты в плен. Эта операция значительно ослабила и деморализовала противника.

Полное изгнание фашистов с территории СССР. 26 марта 1944 г. советские войска вышли к Государственной границе СССР. Освободив Правобережную Украину, Красная армия приступила к ликвидации вражеской группировки в Крыму. Гитлеровское командование стремилось любой ценой удержать полуостров. Наступление наших войск началось 8 апреля 1944 г. После освобождения Керченского полуострова и Симферополя 5 мая начался штурм Севастополя. Особенно упорные бои велись на Сапун-горе. После пятидневного штурма 9 мая город русской славы был освобожден.

Летом 1944 г. в соответствии с планами советского командования главный удар Красная армия нанесла в Белоруссии. Через нее лежал кратчайший путь к границе Германии. Операция под кодовым названием «Багратион», в которой приняло участие более 160 советских дивизий, началась 23 июня и явилась полной неожиданностью для врага. 3 июля был освобожден Минск, а восточнее его было замкнуто еще одно кольцо окружения, в котором оказалось более миллиона солдат и офицеров гитлеровской армии.

17 июля в Москве по Садовому кольцу в сопровождении конвоя провели 57 тыс. немецких солдат и офицеров, взятых в плен в Белоруссии. На-

ступление советских войск в Белоруссии переросло в общее стратегическое наступление от Балтики до Карпат, которое продолжалось до конца августа. В результате Белорусской операции была уничтожена одна из сильнейших группировок немцев — группа армий «Центр».

Понимая обреченность гитлеровской Германии, часть высших немецких офицеров организовала в июле 1944 г. заговор против Гитлера, целью которого было заключение перемирия с западными державами для продолжения войны на Востоке. 20 июля на Гитлера было совершено новое безуспешное покушение. Фюрер чудом уцелел. Основные участники заговора были арестованы, при этом 5 тыс. человек были казнены, в том числе 56 генералов и один фельдмаршал.

В сентябре 1944 г. завершились начатые еще в марте по инициативе Финляндии переговоры о перемирии с СССР и Великобританией. По условиям подписанного договора восстанавливалась советско-финская граница 1940 г., кроме того, Финляндия обязывалась разоружить гитлеровские войска, находящиеся на ее территории.

Одновременно с Белорусской операцией были проведены наступательные операции по освобождению Украины, Молдавии (Ясско-Кишиневская) и Прибалтийских республик.

Германия была готова сделать все для удержания важной в стратегическом отношении Прибалтики, поэтому бои на ее территории продолжались с июля до середины октября. Лишь 13 октября 1944 г. советские войска вступили в столицу Латвии — Ригу. Глубокой осенью 1944 г. Красная армия очистила от захватчиков Мурманскую область, освободила незамерзающие порты в Баренцевом море.

В результате наступательных операций 1944 г. вся территория СССР была освобождена от фашистских захватчиков. Государственная граница СССР на всем протяжении была полностью восстановлена.

На завершающем этапе войны. Победы советских войск летом—осенью 1944 г. оказали огромное влияние на развитие событий в соседних с СССР странах. 23 августа 1944 г. король Румынии Михай, объединившись с румынскими коммунистами, сверг фашистскую диктатуру Антонеску. Вслед за этим новое правительство страны объявило войну Германии. Очищая землю Румынии от фашистов, советские войска вместе с 1-й румынской добровольческой дивизией 31 августа вступили в Бухарест, где были восторженно встречены жителями румынской столицы. В ночь на 9 сентября в Софии началось восстание, в результате которого власть в стране перешла в руки созданного Отечественным фронтом Болгарии правительства. Оно разорвало отношения с Германией и объявило ей войну.

К концу сентября 1944 г. единственным союзником Германии в Европе осталась Венгрия. Гитлер удерживал здесь значительные силы. Лишь к концу декабря в результате кровопролитных боев было завершено окружение будапештской группировки противника. Столица Венгрии — Будапешт была освобождена от фашистов только 13 февраля 1945 г. 17 января 1945 г. совместными усилиями советских воинов и частей Войска польского была освобождена Варшава.

К началу 1945 г. бывшие союзники Германии — Румыния, Болгария, Италия и Финляндия — не только вышли из гитлеровского блока, но и

вступили в войну против Германии. Гитлеровская Германия оказалась в международной изоляции.

Ялтинская конференция. В обстановке победоносного продвижения советских войск в Европе 4—11 января 1945 г. близ Ялты, в Большом Ливадийском дворце, состоялась конференция «Большой тройки» с участием И. Сталина, Ф. Рузвельта, У. Черчилля. На конференции были согласованы военные планы союзников по окончательному разгрому фашистской Германии и обозначены принципы послевоенного устройства мира. Согласно решениям «Большой тройки» были определены новые западные и восточные границы Польши, принято решение о передаче СССР Восточной Пруссии. Территория Германии подлежала разделу на временные оккупационные зоны. США и Великобритания предлагали расчленить Германию на множество мелких государств, однако эту идею Сталин не поддержал. На конференции были одобрены принципы полной демилитаризации Германии и создание гарантий в том, чтобы Германия больше никогда не была в состоянии нарушить мир. Конференция решила вопрос о возмещении Германией материального ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и другим странам антигитлеровской коалиции. Особое место в работе конференции занял польский вопрос. В результате твердой позиции Сталина польско-советская граница была установлена по линии Керзона, а на севере и западе Польша должна была получить существенное приращение территории. Однако Сталин был вынужден дать свое согласие на включение в состав просоветского правительства Польши представителей лондонского правительства.

Для поддержания и сохранения мира в послевоенный период было принято решение о создании Организации Объединенных Наций (ООН). Принятые на конференции решения способствовали мобилизации всех сил антигитлеровской коалиции для нанесения окончательного удара по фашистской Германии.

Разгром фашистской Германии. К апрелю 1945 г. советские войска находились на расстоянии 60 км от Берлина, а союзные — в 100 км.

4 апреля 1945 г., несмотря на фанатическое сопротивление немцев, была полностью освобождена Венгрия; 13 апреля после семидневных ожесточенных боев взята столица Австрии — Вена.

Вопрос о том, кто первый вступит в германскую столицу, превратился в острую политическую проблему. Черчилль понимал, что взятие Берлина советскими войсками означает политическую победу СССР во Второй мировой войне. В послании к президенту США Рузвельту 5 апреля 1945 г. он писал: «Если они (русские) возьмут также и Берлин, то не создастся ли у них впечатление, что *они* внесли наибольший вклад в общее дело победы над Германией?» Правительства Великобритании и США требовали от своего верховного главнокомандующего экспедиционными войсками союзников генерала Д. Эйзенхауэра захватить Берлин раньше, чем туда придут советские войска.

Сталин торопил со взятием Берлина, так как ему было известно и о намерениях союзников, и о попытках Гитлера заключить сепаратное перемирие с ними.

Замысел операции по взятию Берлина в основном был определен в Ставке в ноябре 1944 г. Советские войска должны были разбить основные силы противника, захватить Берлин и заставить фашистскую Германию безоговорочно капитулировать. Сталин назначил маршала Жукова командующим 1-м Белорусским фронтом и поручил ему возглавить проведение операции. Детали ее уточнялись по мере завершения Висло-Одерской и Померанской операций.

На восточных подступах к столице Германии находились мощные оборонительные полосы, большое количество огневых рубежей и минных полей. Гитлеровцы привлекли к боевым действиям все население, способное держать оружие, в том числе и 13—14-летних подростков. В битве за Берлин с обеих сторон участвовали 3,5 млн человек, 7750 танков и самоходно-артиллерийских установок, 52 тыс. орудий и минометов, более 1100 боевых самолетов.

Наступление советских войск на Берлин началось в 5 часов утра 16 апреля 1945 г. Преодолевая яростное сопротивление фашистов, 21 апреля ударные части Красной армии ворвались на окраины Берлина, 22 апреля начались бои за рейхстаг. 25 апреля было завершено окружение Берлина — советские войска прорвались на западе к реке Эльба и соединились с войсками 1-й американской армии.

Штурм фашистской столицы продолжался 11 суток. Осознав наконец, что война проиграна, 30 апреля 1945 г. Гитлер покончил с собой. Его преемник Геббельс предложил советскому командованию начать переговоры о перемирии. В ответ на это из Москвы последовало требование полной и безоговорочной капитуляции, которое было отклонено немцами, и бои возобновились. Особенно ожесточенная и кровопролитная схватка развернулась за рейхстаг. 1 мая над рейхстагом советскими разведчиками было водружено Знамя Победы. На следующий день Берлин капитулировал.

Окончание Второй мировой войны. 8 мая в Берлин в расположение советских войск были доставлены немецкий фельдмаршал В. Кейтель и другие военачальники вермахта, прибыли представители армий США, Англии и Франции. В 23 часа 8 мая 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. С советской стороны его подписал маршал Г. К. Жуков. В Европе этот день стал Днем Победы.

В ночь на 9 мая Советской армией было завершено освобождение от фашистов Чехословакии, борьба за которую продолжалась в течение восьми месяцев.

В СССР праздником Победы был объявлен день 9 мая. 24 июня 1945 г. в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы.

9 августа 1945 г., выполняя свои союзнические обязательства, СССР вступил в войну против Японии. В первый же день боев советские войска развернули стремительное наступление. К 14 августа они расчленили Квантунскую армию и создали угрозу ее полного окружения. В тот же день японский император заявил о безоговорочной капитуляции. Подписание акта о капитуляции Японии состоялось 2 сентября 1945 г. С ликвидацией очага войны на Дальнем Востоке завершилась Вторая мировая война.

ГЛАВА 6. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

§ 1. Начало холодной войны

Новая расстановка сил в мире. Весной 1945 г. миллионы людей во всем мире искренне верили, что после страшной войны впереди их ждут счастливые и спокойные мирные дни. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

16 июля 1945 г. в обстановке полной секретности, за день до открытия Потсдамской конференции, Соединенные Штаты взорвали в пустыне Аламогордо первую в мире атомную бомбу. Ее мощность оказалась даже большей, чем рассчитывали ее создатели. Она равнялась мощности 20 тыс. тонн обычной взрывчатки. «Если она взорвется, — заявил накануне испытаний Гарри Трумэн, занявший 12 апреля 1945 г. кресло президента Соединенных Штатов, — у меня будет управа на этих парней» (он имел в виду советское руководство). С этого момента мир, еще не зная того, вступил в новую – атомную – эпоху своего существования.

Конференция руководителей СССР, США и Великобритании, состоявшаяся 17 июля – 2 августа 1945 г. в пригороде Берлина, Потсдаме, проходила далеко не в атмосфере единодушия, как предшествующие совещания союзников в годы войны. Центральное место занял вопрос о послевоенном устройстве Германии. В результате настойчивых усилий СССР было принято решение о демилитаризации, денацификации и демократизации Германии, ее полном разоружении. Союзники поделили ее на четыре оккупационные зоны и учредили четырехстороннее управление Берлином. Такую систему предполагалось сохранять до тех пор, пока они не договорятся о создании единого общегерманского государства и не заключат с ним мирного договора.

Очень скоро конференция превратилась в диалог глухих. Серьезные разногласия возникли по вопросу о возмещении ущерба, причиненного германской агрессией. Советскому Союзу предлагались репарации на сумму 10 млрд долларов, из них 7,5 млрд долларов за счет изъятия оборудования из контролируемой им Восточной зоны, в то время как основные промышленные объекты располагались в Западной зоне Германии, контролируемой союзниками. Фактически западные участники пытались не допустить СССР к военным и промышленным объектам Германии. Западные участники отвергли требования Сталина о создании советской военной базы на Босфоре, пересмотре конвенции о режиме черноморских проливов. Однако лидеры «Большой тройки» сумели договориться об установлении польско-германской границы по линии Одер—Нейсе, на которой настаивала советская сторона. Был решен вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. Реальным практическим результатом Потсдамской конференции стало фактическое разделение Европы на две сферы влияния. Великие державы зафиксировали переход Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании, а также Финляндии, части Германии и Австрии в сферу влияния Советского Союза, что дало ос-

нование советским руководителям считать решения конференции в свою пользу.

В кулуарах конференции Трумэн, чтобы сделать советскую сторону более сговорчивой и убедить пойти на уступки, сообщил «по секрету» Сталину о наличии у США «нового оружия необычайной разрушительной силы» (речь шла об атомной бомбе). Сталин отреагировал спокойно, так как уже знал о «проекте Манхэттен». Однако он незамедлительно распорядился ускорить работы над собственной атомной бомбой.

Атомная монополия США самым серьезным образом сказалась на советской внешней и внутренней политике первых послевоенных лет. Но еще в большей мере она определялась тем новым соотношением сил, которое сложилось на международной арене к моменту окончания Второй мировой войны. В 1945 г. только две державы-победительницы, СССР и США, могли претендовать на особый статус. Блок фашистских государств — Германия, Италия, Япония — был повержен. Недавние военные союзники СССР, Франция и Великобритания, были сильно истощены войной и временно утратили политическое влияние в мире.

Из всех воевавших стран за годы войны меньше всего пострадали США. На их территории не велись военные действия, на фронтах Второй мировой войны США потеряли менее 400 тыс. человек. Это позволило США к концу войны создать мощный военно-промышленный комплекс, который производил военной продукции больше, чем СССР, Германия и Великобритания, вместе взятые. В 1945 г. США обладали самым большим в мире флотом и самой сильной бомбардировочной авиацией. Эти обстоятельства реально превращали США в первую сверхдержаву мира.

За годы войны неизмеримо выросли международный авторитет СССР и его роль на мировой арене. Кровопролитная титаническая борьба советского народа с фашизмом снискала ему уважение народов всего мира. Принципиально новым явлением стал взлет военного могущества СССР. К окончанию войны СССР располагал самой мощной сухопутной армией в мире. В результате территориальных приобретений страна фактически вернулась к границам Российской империи начала XX в. Все это позволило СССР приобрести статус ведущей мировой державы.

В то же время экономическое положение нашей страны было сильно подорвано. Погибли миллионы людей, значительная часть СССР лежала в развалинах, уровень жизни снизился до критической черты.

Ощутимый перевес США над СССР в экономической сфере (американская индустрия выпускала промышленной продукции в 5 раз больше советской), а также атомная монополия, ставшая символом американской мощи, сыграли решающую роль в переходе США от союзнических отношений с СССР к политике противостояния и вражды. Эту политику балансирования на грани войны, безумной гонки вооружений, взаимного неприятия идеологических и культурных ценностей в 1947 г. американский обозреватель Уолтер Липпман окрестил «холодной войной». Истоки противостояния двух систем зародились еще в момент создания большевистского государства, провозгласившего курс на мировую революцию. После войны противостояние США и СССР получает новый импульс и выходит

на качественно иной уровень. Каждая из сторон стремится добиться своих целей на международной арене путем прямого нажима и силы, не считаясь порой с законными интересами другой стороны. В этой ситуации появление у США ядерного оружия становится дополнительным источником взаимного недоверия, углубляя противоречия сторон.

Начало холодной войны. Уже в последний год войны отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции стали осложняться. К этому времени их цели и интересы все больше расходились. Слишком различались устройства двух общественных систем. После исчезновения общего врага — германского фашизма — их противостояние становится неизбежным. Западные союзники стремились не допустить господства Советского Союза в Европе. Сталин, в свою очередь, рассчитывал установить новый геополитический баланс, возникший благодаря присутствию Красной армии в центре Европы. При этом неверно понятые действия одной стороны провоцировали ответные действия другой.

Выдающиеся победы Красной армии вызвали серьезное беспокойство западных союзников относительно дальнейших намерений СССР. Черчилль опасался, что Сталин хочет проглотить Центральную Европу, и предлагал американцам объединиться для противостояния этому. Опубликованные в последнее время на Западе секретные материалы говорят о том, что западные союзники не собирались долго церемониться со своим «восточным собратом по оружию». План военных действий под кодовым названием «Операция невероятное» был подготовлен по приказу премьер-министра Великобритании У. Черчилля через несколько дней после поражения Германии. Основанием для его подготовки стали полученные британской разведкой данные о том, что якобы Красная армия готовится напасть на Турцию, Грецию и Норвегию. Предполагалось, что третья мировая война начнется 1 июля 1945 г. неожиданной атакой 47 британских и американских дивизий, кроме того, в сражениях против СССР планировалось использовать до 100 тыс. немецких солдат. Лишь к лету 1945 г. по пока еще не выясненной причине Запад отказался от этого плана.

В первые послевоенные годы советское руководство по-прежнему связывало безопасность страны с расширением ее территории: больше территории — больше безопасности. Много позднее Молотов признавался: «Свою задачу как министр иностранных дел я видел в том, чтобы как можно больше расширить предел нашего Отечества. И, кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей».

После войны Сталин, отдавая себе отчет в том, насколько велики потери СССР в войне, не стремился к новой конфронтации с Западом, но хотел закрепить советские территориальные приобретения (Прибалтика, Курилы), установить в Восточной Европе свою зону влияния.

Факт появления у США атомного оружия не привел к коренному пересмотру советской внешней политики, но сделал ее более жесткой. У советских руководителей было достаточно оснований для беспокойства. Сталин не рассматривал больше сотрудничество с Америкой в качестве первоочередной цели международной политики. Взаимодействие с США требовало

определенных уступок как в международных вопросах, так и во внутренней политике. Этого Сталин решительно не хотел. Курс на продолжение политики сотрудничества с Западом противоречил стремлению Сталина к усилению контроля над советским обществом, политике «закручивания гаек» внутри страны.

Не последнюю роль в развязывании холодной войны сыграл Гарри Трумэн. В отличие от своего великого предшественника, президента США Рузвельта, он не придавал особого значения развитию отношений с Советским Союзом. И тоже не был готов идти ни на какие уступки. Еще весной 1945 г. он самоуверенно заявлял, что с русскими надо держаться тверже: «Они не умеют себя вести. Они похожи на слона в посудной лавке. Мы вынуждены научить их, как себя вести». Трумэн верил в превосходство американской социально-экономической системы и американской культуры и хотел распространить ее по всему миру. В середине мая 1945 г. новый президент США, не известив об этом СССР, внезапно прекратил поставки по ленд-лизу. Почти всю войну США тщательно скрывали от своего союзника СССР все работы по созданию первой атомной бомбы, тогда как другой союзник — Великобритания был посвящен в содержание этих работ.

Первый послевоенный год был отмечен нарастающим противоборством США и СССР. Американская сторона видела источник трений в особом восприятии СССР внешнего мира. Д. Кеннан, сотрудник американского посольства в Москве, в своей знаменитой «длинной» телеграмме из американского посольства в Москве уверял власть в Вашингтоне: «В основе невротического восприятия Кремлем мировых событий лежит традиционное инстинктивное русское чувство неуверенности в собственной безопасности... Америке, — утверждал Кеннан, — надлежит быть готовой к длительной борьбе; цели и философские принципы Соединенных Штатов и Советского Союза непримиримы».

Поворотным пунктом в отношениях СССР с США и со всем западным миром стала речь отставного британского премьер-министра У. Черчилля, которую он произнес в присутствии Трумэна в американском городе Фултон в марте 1946 г. Сказав о том, что в каждой стране, оккупированной Красной армией, СССР установил прокоммунистические правительства и что «железный занавес» опустился от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике», Черчилль призвал «мир, говорящий по-английски», объединиться и показать «русским силу». Это выступление нашло поддержку у американского президента. Прямая угроза, содержащаяся в речи английского политика, вызвала серьезное беспокойство советского правительства. Сталин расценил речь Черчилля как опасный акт, преследующий цель посеять семена раздора между союзниками, как своего рода ультиматум. Советское правительство предупредило США о серьезных последствиях подобных заявлений. Ядерное оружие становилось мощным средством давления. В свою очередь, наших союзников раздражало усиление советских позиций в Иране и на Балканах. В августе 1946 г. на официальное требование Советского Союза принять участие в защите черноморских проливов (Босфора и Дарданелл) Запад ответил решительным отказом.

Эскалация холодной войны». К весне 1947 г. прохладные отношения между СССР и США перерастают в открытый конфликт. К этому времени в Европе послевоенная разруха еще не была преодолена. Миллионы людей голодали, не имели работу. Опасаясь в этих условиях распространения коммунизма на страны Западной Европы, США выдвигают идею экономической помощи Европе. 12 марта 1947 г. президент Трумэн произносит в американском конгрессе речь, вошедшую в историю как доктрина Трумэна. В ней он заявил, что впредь США согласны поддерживать все страны, правительства которых готовы противостоять «советской угрозе». С этого времени Запад, обеспокоенный советизацией Восточной Европы, начинает общий поход против коммунизма. Его главным инструментом становится план Маршалла, названный так по имени государственного секретаря США Дж. Маршалла.

5 июня 1947 г. США провозгласили программу помощи европейским странам, более всего пострадавшим от фашистской агрессии. Официальной целью программы была стабилизация социально-экономической ситуации в Европе, неофициальной — уменьшение влияния Советского Союза в Восточной Европе и включение Западной Германии в свой блок. Условием получения помощи было подконтрольное ее использование и право США определять уровень и направление экономической политики каждой страны-получателя. Предложение обсудить условия помощи получил и СССР.

Советский Союз был заинтересован в получении американских кредитов для послевоенного восстановления страны, поэтому Москва согласилась принять участие в переговорах. Советскую сторону на них представлял министр иностранных дел СССР В. М. Молотов. Он добивался от Запада невмешательства во внутренние дела СССР при предоставлении помощи. Его условия были отвергнуты, и в результате СССР отказался от участия в плане Маршалла. С просьбой о возможности получения помощи обратились также Польша, Венгрия и другие восточноевропейские страны, оказавшиеся после войны в советской сфере влияния.

Но под давлением Сталина руководители Венгрии, Румынии, Албании, Болгарии, Югославии, Польши, Финляндии, а позже и Чехословакии вынуждены были от нее отказаться.

США, вложив 12,4 млрд долларов, смогли стабилизировать ситуацию в Западной Европе. В апреле 1949 г. в Вашингтоне был подписан Североатлантический договор, оформивший западный военно-политический союз (НАТО), в который вместе с США вошли 11 государств: Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Дания, Норвегия, Нидерланды, Люксембург, Португалия, Исландия и Канада.

В ответ на эти действия для укрепления контроля над странами Восточной и Центральной Европы СССР воссоздал Информационное бюро коммунистических партий (Коминформ).

С лета 1949 г. советское руководство отбрасывает как устаревший прежний вывод об установлении в Восточной Европе социалистического строя мирными, парламентскими методами и берет курс на форсирование в ней революционного процесса.

При активной помощи Москвы коммунистические и просоветские режимы устанавливаются в Польше, Румынии, Венгрии и Чехословакии. В 1949 г. победой коммунистов завершается многолетняя борьба за власть в Китае. Для проведения в этих странах социально-экономических преобразований по советскому образцу СССР предоставил им в 1945—1952 гг. огромную материальную, финансовую и военную помощь на общую сумму в 15 млрд рублей (3 млрд долларов). С установлением в Восточной Европе и Юго-Восточной Азии просоветских режимов создается основа для создания социалистического лагеря. В 1949 г. для координации экономического сотрудничества со странами, получившими название стран народной демократии, создается Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Тогда же в этих странах начинаются чистки и преследования политических лидеров, позиции которых расходились с мнением Сталина.

Попытка лидера Югославии И. Б. Тито в 1948 г. отстоять свое право на независимую от Москвы политическую линию стала причиной затяжного советско-югославского конфликта.

Таким образом, объективно реализация плана Маршалла способствовала дальнейшему оформлению биполярной структуры мира: разделению его на две противостоящие друг другу части — Восток и Запад.

Берлинский кризис. В 1948 г. впервые с момента окончания Второй мировой войны мир оказался на грани третьей мировой войны.

Летом 1948 г. в Лондоне западные страны принимают решение о строительстве сильного западногерманского государства, которое стало бы главным препятствием для продвижения коммунизма на Запад. Для этой цели они объединили все свои зоны оккупации и образовали одну, так называемую Тризонию. Москва настаивала на том, чтобы Германия, как это было определено на Ялтинской встрече «Большой тройки», оставалась единым демократическим антифашистским государством с единым правительством. Сталин рассчитывал, что проведение в Германии денацификации, демилитаризации и демократизации укрепит в ней просоветские силы. Поэтому советское руководство еще весной 1948 г. стало искать средства противодействия политике Запада в Германии. 22 июня 1948 г. Сталин в ответ на введение западной немецкой марки в Берлине проводит денежную реформу в советской зоне оккупации и районе Большого Берлина. А через два дня советские оккупационные власти по «техническим причинам» полностью перекрывают наземные пути сообщения, связывающие Берлин с Западной зоной. В свою очередь, западные державы создают воздушный мост, по которому почти год, с июня 1948 по май 1949 г., снабжают всем необходимым западную часть Берлина. Советское руководство вынуждено было признать поражение своей попытки блокады Берлина. Сталину не удалось помешать созданию западногерманского государства. 20 сентября 1949 г. «Тризония» была официально объявлена государством под названием Федеративная Республика Германии (ФРГ). Итогом берлинского кризиса стало дальнейшее обострение конфронтации двух систем и появление двух Германий. 7 октября 1949 г. на востоке страны была образована Германская Демократическая Республика (ГДР).

Корейская война. Летом 1950 г. холодная война вновь едва не переросла в горячую. На этот раз местом опасного столкновения двух блоков стал Дальний Восток. С окончанием Второй мировой войны Корея, бывшая колония Японии, искусственно разделенная на советскую (севернее 38-й параллели) и американскую (южнее) зоны оккупации, становится источником напряженности. После ухода оккупационных войск к коммунистическое правительство Ким Ир Сена, и проамериканское южнокорейское правительство диктатора Ли Сын Мана претендуют на власть над всей Кореей. Весной 1950 г. Сталин уступил неоднократным просьбам Ким Ир Сена и одобрил его план вторжения на юг. Тогда же Северная Корея получила крупные партии советского оружия.

25 июня 1950 г. войска Северной Кореи пересекли 38-ю параллель и вскоре распространили свой контроль на всю территорию юга вплоть до Пусана. Южная Корея обратилась в Совет Безопасности за помощью. В соответствии с решением Совета Безопасности ООН, которое СССР бойкотировал, США вмешались в войну, несмотря на нежелание ранее включать Корею в пределы американского оборонного периметра. Американские лидеры расценили случившееся как доказательство того, что «коммунизм находится на марше и должен быть остановлен в большей степени из принципа, чем вследствие какой-либо военной стратегии».

В сентябре 1950 г. войска 15 стран под флагом ООН высадили десант в тылу армии КНДР. На стороне Северной Кореи выступили войска коммунистического Китая. Война перешла в затяжную фазу и грозила перерасти в новую мировую войну. В небе Кореи завязались жестокие бои между американскими и советскими летчиками, прибывшими в КНДР по просьбе Мао Цзэдуна. С ноября 1950 по декабрь 1951 г. советская авиация сбила 569 американских самолетов, потеряв 63. Война шла с переменным успехом. Американский главнокомандующий Дуглас Макартур собирался воспользоваться случаем напасть на Китай и для этого был готов подвергнуть его атомной бомбардировке. Однако президент Трумэн не хотел из-за Кореи воевать ни с Китаем, ни тем более с СССР. Сталин также не хотел столкновения с США. В результате мирных переговоров, начатых 9 июля 1951 г., было подписано перемирие, сохранявшее статус-кво.

С этого времени Запад стал считать любую победу коммунистического движения в любой точке мира своим поражением.

Корейская война имела тяжелые последствия как для США, так и для СССР. Она явилась отправной точкой нового этапа дорогостоящей и крайне опасной гонки вооружений. Численность войск США выросла к 1951 г. вдвое (до 3,2 млн человек), а военные расходы — в 3,2 раза (до 47 млрд долларов) в 1952 г. Опасаясь советской угрозы, Соединенные Штаты в конце 1953 г. начали размещать на территории Западной Европы тактическое ядерное оружие.

В СССР после корейской войны были радикально пересмотрены экономические планы. Еще больший упор был сделан на развитие тяжелой индустрии и военно-промышленного комплекса.

Холодная война доводит до невиданных размеров милитаризм в политике и США, и СССР. Ставка на силу, угроза ее применения становятся для США и СССР главным инструментом в международной политике.

Представления о СССР как о могучей военной державе подвигает сталинское руководство на изменение глобальной стратегии. С началом холодной войны главным становится не поиск союзов с одними западными странами против других, а борьба за мировое господство, стремление похоронить капитализм.

§ 2. Начало гонки вооружений

Создание советского ядерного оружия. Атомная монополия США, а также изменение советской внешнеполитической стратегии вынудили советское руководство форсировать работы по созданию собственной атомной бомбы, а также принять меры по перевооружению армии и флота на качественно новом техническом уровне. В первые послевоенные годы все основные людские, финансовые и научно-технические ресурсы советской экономики были сначала сконцентрированы на создании ядерного и термоядерного оружия, а впоследствии — и средств его доставки.

В результате и после войны советская экономика продолжала милитаризироваться. Во всех отраслях оборонного машиностроения быстро росла численность работающих, увеличивались производственные мощности. В массовом количестве создавались специальные НИИ, конструкторские бюро, где ученые, конструкторы работали на положении заключенных.

Принудительный труд стал главным источником мобилизации рабочей силы. Задания, связанные с разработкой и производством военной продукции, получили сотни гражданских учреждений. Так, Комитет по делам искусств при СНК был обязан на специально созданном при нем фотомеханическом заводе изготавливать фотооборудование для военной авиации, Комитет по кинематографии — производить фотопленку и фотобумагу для аэросъемки.

Важнейшим следствием послевоенной гонки вооружений явилось становление в СССР военно-промышленного комплекса (ВПК) в качестве властной и социально-экономической структуры.

В 1945 г. была принята 10-летняя программа ударного военного судостроения. Согласно этой программе предприятия Министерства судостроительной промышленности СССР должны были построить более 5,5 тыс. судов различного класса, из них около 2 тыс. боевых надводных и подводных боевых кораблей. На 1954 г. была намечена закладка первого в послевоенные годы линейного корабля, в 1951—1955 гг. планировалось ввести в строй 18 тяжелых крейсеров, 16 легких и около 150 эсминцев и миноносцев. Этой программе советское руководство придавало столь большое значение, что на весь период ее реализации предприятия Минсудпрома освобождались от заказов по постройке гражданских судов. В соответствии с оборонительным характером советской военной стратегии главную ударную силу отечественных ВМС должны были составить не линкоры и авианосцы, а подводные лодки и тяжелые крейсера. «В течение ближайших 10—12—15 лет наши эскадры будут защищаться, — под-

черкнул в сентябре 1945 г. Сталин. — Другое дело, если вы, — говорил он, обращаясь к своим адмиралам, — собираетесь идти в Америку. Тогда вам надо иметь другое соотношение классов кораблей. Так как идти в Америку незачем, то мы не будем перенапрягать нашу промышленность. Я больше за тяжелые крейсера».

Одновременно со строительством современного флота уже с 1946 г. Совет Министров СССР принимает постановление о форсированном развитии опытно-конструкторских работ по созданию реактивной авиации. Первыми советскими реактивными истребителями, прошедшими все испытания и принятыми на вооружение, стали МиГ-9 конструкторов А. И. Микояна и М. И. Гуревича и Як-15, созданный в конструкторском бюро А. Яковлева. Первый свой полет они совершили в один и тот же день, 24 апреля 1946 г. Вслед за этими самолетами были построены еще десятки машин с более высокими характеристиками. Большую известность получил МиГ-15, ставший основным истребителем советских ВВС. В 1949 г. на нем удалось достичь скорости звука. В послевоенные годы советская авиационная промышленность смогла наладить серийное производство копий американского бомбардировщика В-29. Бомбардировщик, получивший название Ту-4, сыграл важную роль в укреплении обороноспособности страны. С принятием его на вооружение ВВС нашей страны США утратили монополию не только на обладание оружием массового поражения, но и на средства его доставки. 18 октября 1951 г. во время испытания на Семипалатинском полигоне с Ту-4 была сброшена первая советская атомная бомба.

Советский «Урановый проект». Создание ядерного, а затем и термоядерного оружия явилось стратегической задачей советского «Уранового проекта». На Западе научные работы по расщеплению атомного ядра и использованию атомной энергии в военных целях начались в конце 1930-х гг. Однако их значимость стала очевидной для Сталина лишь в годы войны. В сентябре 1942 г. Государственный комитет обороны (ГКО) обязал Академию наук СССР возобновить работы по исследованию возможности создания урановой бомбы или уранового топлива. Менее чем через год в системе Академии наук СССР была создана секретная Лаборатория № 2. Ее руководителем был назначен 40-летний физик Игорь Васильевич Курчатов. Помимо него в создании советской атомной бомбы участвовали десятки выдающихся ученых, включая Ю. Харитона, П. Капицу, Я. Зельдовича, Г. Флерова. Работы над проектом начались и велись по тем же направлениям, по которым они развивались и в США, но из-за трудностей, вызванных войной, они продвигались медленно. Особенно плохо решалась проблема обеспечения ученых ураном. До самой капитуляции Германии советское руководство так и не смогло придать проекту статус приоритетного. Очевидно, Сталин не рассчитывал на быстрый успех и не надеялся с помощью атомной бомбы повлиять на исход войны. Ее создание было весьма дорогостоящим предприятием, особенно для страны, экономика которой была разрушена опустошительной войной, а заводы и лаборатории лежали в руинах. Даже США для этого потребовалось несколько лет и 2 млрд долларов.

Не исключено, что до Хиросимы Сталин просто не принимал всерьез новый вид оружия. Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 9 и 11 августа 1945 г. продемонстрировали всему миру разрушительную мощь нового оружия. Для Сталина со всей очевидностью стало ясно, что атомная бомба, сломав баланс сложившихся в мире в конце Второй мировой войны сил, представляет серьезную угрозу для СССР.

Некоторые ученые, принимавшие участие в создании американской атомной бомбы, включая Нильса Бора, опасались возможного начала гонки ядерных вооружений и пытались убедить американскую администрацию поделиться атомными секретами с СССР. Однако американское руководство на это не пошло.

Советское руководство, встревоженное непредсказуемыми последствиями атомной монополии США, наконец принимает решение придать «Урановому проекту» статус общегосударственного дела.

20 августа 1945 г. для координации всех работ по созданию атомной бомбы был учрежден специальный комитет во главе с Л. Берией. Через него проходила вся разведывательная информация об атомных проектах за рубежом, но главное, в его ведении были тысячи заключенных, сотни промышленных предприятий разного профиля, многие военные КБ и НИИ. Для непосредственного руководства атомным проектом было создано Первое главное управление (ПГУ). Главой этой организации стал генерал-полковник Б. Л. Ванников. Уже через год, в декабре 1946 г., был запущен первый в Европе уран-графитовый реактор (Ф-1), велись другие важные работы.

К концу войны Советский Союз располагал определенной информацией об американском атомном «Манхэттенском проекте». Еще в июне 1945 г. один из его участников, немецкий физик Клаус Фукс, передал советской разведке подробное описание американской плутониевой бомбы: перечень компонентов и материалов, из которых она была сделана, все важнейшие ее размеры и набросок конструкции. Американский опыт, безусловно, повлиял на многие советские технические решения. Выдающийся физик Капица предложил идти своим путем и найти более быстрый и дешевый способ создания атомной бомбы, однако Сталин хотел как можно скорее восстановить нарушенное стратегическое равновесие, поэтому в конечном счете было решено не рисковать и воспользоваться американской конструкцией. Но и в этом случае задача не была простой. Советский Союз располагал меньшим числом ученых, имел худшую научную базу. Не случайно американские эксперты считали, что на создание собственной бомбы СССР потребуется от 8 до 20 лет. Отечественные ученые смогли справиться с этой задачей значительно быстрее.

В 7 часов утра 26 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне успешно прошли первые испытания отечественного ядерного устройства. С 1950 г. в СССР началось серийное производство атомных бомб. Но еще в 1947 г. советские ученые стали думать о возможности создания термоядерного оружия. Для этого И. В. Курчатов объединил группу физиков из Физического института АН СССР (ФИАН) во главе с И. Е. Таммом — Ю. Б. Харитона, Я. Б. Зельдовича, В. А. Давиденко. В эту группу был

включен А. Д. Сахаров. Вскоре Сахаров смог выдвинуть, по его же терминологии, «1-ю идею», позволившую через несколько лет создать водородную бомбу. 12 августа 1953 г. успешно прошли ее испытания. Мощность новой бомбы была на порядок выше, чем у атомной. Так СССР впервые стал лидером ядерной гонки. В эти годы успешно разрабатывались и средства доставки ядерного оружия — сначала ракета Р-5, а затем и баллистическая Р-7.

В процессе реализации «Уранового проекта» в СССР в исключительно сжатые сроки были созданы новые отрасли народного хозяйства — атомная промышленность, атомное машиностроение. Образовались десятки совершенно новых для СССР производств. Была проведена громадная теоретическая и экспериментальная работа, найден уран, построены многочисленные заводы и города, не обозначенные на географических картах СССР. Первым таким центром стал будущий Арзамас-16, возникший в Мордовской АССР. В конце 1947 г. там завершились работы по строительству Всесоюзного НИИ экспериментальной физики (ВНИИЭФ). Его производственная и жилая часть представляла собой шестиугольник с общим периметром более 56 км, отгороженный от внешнего мира заборами с колючей проволокой, сторожевыми вышками и контрольно-пропускными пунктами. Другой секретный ядерный центр (ВНИИТФ) был создан в Снежинске. Одновременно Министерством обороны создавалось еще несколько подобных закрытых административно-территориальных образований (всего к 1992 г. по этой категории проходило 47 поселений, насчитывающих в общей численности около 1,5 млн жителей).

Все эти города находились на особом режимном положении: их окружали контрольные или контрольно-следовые и запретные зоны, а по периметру они были обнесены двойными или даже тройными рядами ограждений, внутрь которых можно было попасть только через КПП. Это изолировало жителей, а города выключались из жизни окружающего района.

§ 3. Возвращение к мирной жизни

Цена войны. Минувшая война была для Советского Союза тяжелой и кровопролитной. Наша страна понесла самые большие людские и материальные потери по сравнению с другими государствами, участвовавшими во Второй мировой войне. Согласно сводным оценкам людских потерь, в этой войне на долю СССР пришлось от трети до половины всех мировых потерь. За четыре года военных действий преждевременная смерть настигла 26,6 млн человек. Погиб каждый седьмой житель страны. Только на фронтах погибло более 11,9 млн человек (у Германии и ее союзников — 6,7 млн). Наиболее велики были потери среди мужского населения — около 20 млн мужчин не вернулись с войны. В деревне даже после возвращения демобилизованных численность трудоспособного населения была на треть меньше, чем до войны. Во многих украинских и белорусских деревнях вообще не осталось взрослых мужчин. По переписи 1959 г. на одну тысячу женщин в возрасте от 35 до 44 лет приходилось только 633 мужчины.

За годы войны враг разрушил 1710 городов и рабочих поселков, свыше 70 тыс. сел и деревень, кров лишились 25 млн человек. Варварскому разру-

нию подверглись важнейшие центры страны: Ленинград и Сталинград, Воронеж и Курск, Харьков и Днепропетровск.

Ожесточенные военные действия велись на территории восьми республик страны, поэтому, когда отгремели последние залпы, следы войны были видны от западной границы до Подмосковья и Волги, от Крайнего Севера до Черного моря и предгорий Кавказа.

Весь материальный ущерб, нанесенный СССР в ходе военных действий, а также расходы на войну были оценены специально созданной Чрезвычайной государственной комиссией в 2569 млрд довоенных рублей. Война нанесла неисчислимые потери промышленности, транспорту, связи. В развалинах лежали «Запорожсталь», «Азовсталь», десятки других крупных заводов и фабрик. По выпуску металла и руды война отбросила страну на 10—12 лет назад. Большой ущерб был нанесен химической, текстильной и пищевой промышленности. В результате снизился и без того невысокий удельный вес промышленности, выпускающей товары народного потребления. В 1945 г. он составлял лишь четвертую часть всей выпускаемой в стране продукции и был самым низким за всю первую половину XX в.

Военные действия, артобстрелы и воздушные бомбардировки нанесли серьезный ущерб сельскому хозяйству западных районов страны. Поля Центра и Юга России, Украины, земли Белоруссии, Прибалтики, Молдавии были изрыты рвами, окопами, засыпаны осколками бомб, снарядов, остатками разбитой военной техники. Немало осталось и минных полей. В целом посевные площади в СССР сократились на 36,8 млн га, или почти на треть.

Нелегко жилось советским людям в первые послевоенные годы. Не хватало продуктов питания, многие из них продолжали распределяться по карточкам. Обносились одежда и обувь. Миллионы людей ютились в землянках, в переполненных бараках и общежитиях.

Гитлеровцы уничтожили множество больниц, поликлиник и санаториев, богатейшие исторические памятники культуры — музеи, картинные галереи. Многие заповедники и музеи-усадьбы (А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, П. И. Чайковского и др.) были разграблены и сожжены. Были разрушены Главная астрономическая обсерватория в Пулкове и Симеизская обсерватория в Крыму.

К мирной жизни. Переход от войны к миру потребовал решительной перестройки всей жизни страны, отмены режима военного времени.

Прежде всего нужно было демобилизовать армию. К концу войны Вооруженные силы страны насчитывали более 11,3 млн человек. В соответствии с принятым законом о мобилизации 23 июня 1945 г. началось увольнение из армии военнослужащих 13 старших возрастов. Один за другим отходили летом 1945 г. от вокзалов Берлина, Вены, Будапешта и других городов воинские эшелоны с демобилизованными солдатами. Их встреча на родине превратилась во всенародное торжество. От советских границ до родных мест доблестных воинов встречали с цветами тысячи людей. Во Владимире на встречу первого эшелона пришли 3 тыс. человек, на станцию г. Дзержинска — около 5 тыс. К сентябрю 1945 г. была проведена демобилизация первой очереди численностью в 3 млн человек, к концу 1948 г. демобили-

зация в основном завершилась. Одновременно с демобилизацией проходил трудный процесс по возвращению на Родину миллионов соотечественников, которые по разным причинам оказались за пределами страны. Более 5,6 млн человек, угнанных гитлеровцами с оккупированных территорий на каторжные работы, и 4,5 млн военнопленных были разбросаны по многим странам Европы, Америки и Африки. Чтобы их найти и вернуть домой, в мае 1945 г. с Великобританией, Францией и США было заключено специальное соглашение об обоюдной репатриации. К началу 1953 г. на Родину возвратились более 5,4 млн соотечественников. К этому времени было репатриировано 4 с лишним миллиона иностранных граждан, освобожденных Красной армией, а также военнопленных Германии и ее союзников. Не всем соотечественникам удалось вернуться к родным. В концлагерях и на каторжных работах от истязаний и нечеловеческих условий жизни погибло около 2,5 млн военнопленных и 1,9 млн гражданских лиц.

Представители уполномоченного СНК по репатриации обнаружили на территориях различных государств Западной Европы 36 тыс. мест массовых захоронений советских людей.

Опасаясь сталинских лагерей и расстрелов, 451 тыс. советских граждан стали невозвращенцами. Но и те, кто вернулся по собственной воле, не сразу включились в активную жизнь страны. Сталин считал, что репатрианты могут стать источником опасной для советского общества информации, поэтому возвращающихся на родину людей власти заставили проходить проверочно-фильтрационные лагеря. При этом большое количество репатриантов было подвергнуто репрессиям.

После войны изменилась структура, полномочия, формы и методы деятельности государственных органов. Был упразднен Государственный комитет обороны, все его функции перешли к Совнаркому СССР. Одновременно в соответствии с требованиями мирного времени осуществлялась реорганизация наркоматов. На предприятиях и в учреждениях был восстановлен 8-часовой рабочий день, отменены обязательные сверхурочные работы, восстанавливалась сеть школ, библиотек, клубов. В марте 1946 г. Совет народных комиссаров СССР был преобразован в Совет Министров СССР. Его председателем стал И. В. Сталин. Весной 1947 г. значительная часть полномочий правительства была передана непосредственно Сталину. Все наиболее важные вопросы Министерство иностранных дел, Министерство внешней торговли, Министерство госбезопасности обязаны были решать лишь с непосредственным согласованием в Политбюро ЦК ВКП(б).

Начало восстановления. Победа над фашизмом и властью в Кремле, и большинством простых людей воспринималась как важнейшее доказательство правильности советского строя. «Гитлера разбили мы, а не те, у кого урны на улицах», — подобные суждения в первые послевоенные месяцы можно было услышать и в кремлевских кабинетах, и на городских площадях. Сталин использовал эти настроения для укрепления советской системы. Выступая перед избирателями 9 февраля 1946 г., он сказал: «Война показала, что советский общественный строй является лучшей формой организации общества, чем любой несоветский общественный строй». Та-

ким образом, были отсечены все иные варианты послевоенного развития страны. Коль скоро советский строй выдержал страшную проверку войной, зачем что-то менять, следует продолжить курс на завершение строительства социализма и жить, как жили до войны. Согласно сталинским установкам в ближайшие 15 лет предполагалось увеличить в 3,3 раза (до 60 млн тонн) производство стали, в 2 раза производство нефти (до 60 млн тонн). Курс на приоритетное развитие тяжелой промышленности предполагал сохранение плановых начал, а значит, сохранение пятилетних планов, а также воспроизводство старых довоенных технологий в народном хозяйстве. В принятом в марте 1946 г. четвертом пятилетнем плане (1946—1950 гг.), названном планом восстановления и развития народного хозяйства, в качестве основной его задачи провозглашалось восстановление довоенного уровня промышленности и сельского хозяйства, чтобы «затем его превзойти в значительных масштабах». Как и в годы первых пятилеток, в нем главное внимание уделялось развитию тяжелого машиностроения, металлургии, топливно-энергетического комплекса.

Холодная война оказала сильное влияние на послевоенное развитие советской промышленности. В первые послевоенные месяцы она активно перестраивалась на мирные рельсы. Ряд наркоматов, на предприятиях которых производилось вооружение, сменил свои названия и профиль. Наркомат минометного вооружения был преобразован в Министерство машиностроения, Наркомат танковой промышленности — в Министерство транспортного машиностроения и т. д. Давая указания наркомам оборонной промышленности, какой наркомат будет производить турбины, а кто будет налаживать выпуск часов, Сталин не оставил им сомнения в характере будущей деятельности: «Положите ваши мундиры в сундуки и пересыпьте нафталином. Больше они вам не понадобятся». Очевидно, Сталин не лукавил и искренне выступал за быстрый перевод советской военной индустрии на мирные рельсы.

Задания на проектирование новых автомобилей гражданского назначения конструкторы Горьковского автозавода получили еще в самый разгар войны. Уже к весне 1943 г. были готовы проекты двух новых легковых автомобилей ЗИС-110 и ГАЗ-М20 (после войны последний получил название «Победа»). Это позволило советской промышленности уже в первые послевоенные месяцы приступить к их производству. Для своего времени «Победа» была высококлассным автомобилем. Новизна компоновки сочеталась в нем с большой надежностью.

К июню 1945 г. на выпуск гражданской продукции было переведено более 500 предприятий. Вероятно, и в последующие месяцы конверсия военных предприятий была бы продолжена. Однако атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа заставила советское руководство приостановить конверсию и под покровом глубокой секретности направить львиную долю и без того скудных ресурсов на развитие военных технологий, создание атомного и ракетного оружия.

Трудности восстановления. С радостью и энтузиазмом миллионы людей включились в восстановительные работы. В короткий срок вся страна пре-

вращается в гигантскую строительную площадку. Восстанавливаются разрушенные электростанции, в том числе крупнейшая в Европе — Днепрогэс, такие гиганты тяжелой индустрии, как Ижорский и Кировский заводы, шахты Донбасса. Восстановление народного хозяйства проходило крайне напряженно. Четвертый пятилетний план ставил слишком трудные задачи для истощенной войной страны. Не хватало рабочих рук, сырья. В 1946 г. разразилась жестокая засуха. Валовой сбор зерновых составил в этот год чуть больше трети урожая 1940 г. (39,6 млн и 95,5 млн тонн соответственно). В стране начался голод. Правительство использовало засуху, чтобы заставить колхозы сдать государству свыше 50% урожая, т. е. больше, чем в годы войны. Такая политика позволила пополнить зерновые запасы и прокормить городское население, но обрекала на массовый голод жителей деревни. В результате голода и болезней, с ним связанных, в стране погибло около 1 млн человек.

Источники восстановления. Основным источником послевоенного восстановления являлась эксплуатация энтузиазма масс. Миллионы людей по-прежнему в принудительном порядке направлялись на строительство новых фабрик и заводов, гидростанций.

Кроме того, ежегодно население страны обязано было подписываться на государственные займы. Всего за 1946—1956 гг. в стране было размещено 11 займов (на покупку облигаций одного займа рабочие и служащие ежегодно в среднем тратили сумму, равную зарплате за 1—1,5 месяца).

По-прежнему основная тяжесть финансирования восстановительных работ в промышленности лежала на сельском хозяйстве. Как и в предвоенные годы, крестьяне, не получая почти ничего за трудодни, жили за счет личного подсобного хозяйства. Начиная с 1946 г. власти облагают личные подсобные хозяйства крестьян большими денежными налогами. В ответ на эти меры крестьяне вырубали сады, резали скот. Глубокий кризис в сельском хозяйстве руководство страны пыталось ликвидировать путем усиления государственного контроля, укрупнения колхозов.

Важную роль в решении проблем восстановления сыграли репарации с побежденных стран. Так же, как и союзники (США и Великобритания), СССР вывозил из Германии передовые технологии и целые производства (всего было вывезено на общую сумму 4,3 млрд долларов). Первая модель легкового автомобиля «Москвич» досталась заводу готовой в качестве одного из трофеев войны. Всего более 5,5 тыс. «трофейных» промышленных предприятий различного профиля было ввезено в СССР.

Специальный комитет во главе с Г. М. Маленковым организовал вывоз в СССР всей обнаруженной и захваченной технической документации, всех образцов, всего лабораторного оборудования. Только специалисты Минавиапрома собрали обширную документацию по немецкому авиастроению объемом 4 тыс. научных трудов и 100 тыс. конструкторских и рабочих чертежей по опытным и серийным самолетам и двигателям. В Советский Союз были вывезены и тысячи немецких ученых и инженеров, конструкторов и техников, способных воспроизвести технологию производства реактивного вооружения и продолжить свои исследования, прерванные войной.

Денежная реформа. Важную роль в послевоенном восстановлении народного хозяйства сыграла денежная реформа 1947 г. Ее необходимость определялась полной разбалансированностью денежной системы в годы войны, поскольку резкий рост военных расходов требовал постоянного выпуска в обращение огромного количества денег, не обеспеченных потребительскими товарами. Вследствие значительного сокращения розничного товарооборота на руках у населения оказалось денег больше, чем требовалось для нормального функционирования народного хозяйства (за военный период денежная масса в обращении увеличилась в 4 раза), а потому покупательная способность денег упала. Кроме того, в стране было много фальшивых денег, выпущенных фашистами во время войны. Власть также была обеспокоена тем, что будет «увеличиваться реальное богатство лиц, накопивших деньги в годы войны». 14 декабря было издано постановление правительства «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». Старые деньги в течение недели обменивались на новые из расчета 10 : 1. Льготному обмену подлежали вклады в сберегательных кассах (до 3 тыс. рублей — в соотношении один к одному).

Результатом проведения денежной реформы явилось значительное снижение уровня жизни основной части населения.

§ 4. Страна накануне реформ

Новые вызовы — старые ответы. В первое послевоенное десятилетие советская система обладала значительным запасом прочности. В годы войны она обретает определенную завершенность и самодостаточность, способность успешно противостоять попыткам ее изменения. Десятилетия страха, чисток, репрессий, «железный занавес» создали в стране атмосферу единомыслия, конформизма. Подавляющая часть взрослого населения воспринимала сталинский режим как данность, продолжала доверять руководству страны, верила, что оно действует во имя народного блага. Победа над фашизмом, распространение советской модели на ряд стран Восточной Европы и Азии, обретение Советским Союзом статуса сверхдержавы лишь подтверждали правильность выбранного пути. В этих условиях в стране не было и не могло быть реальной организованной оппозиции режиму. У Сталина после победоносной войны не осталось не только политических соперников, но и оппонентов. Судя по его заметкам, резолюциям последних лет жизни у вождя не было серьезных сомнений в совершенстве и прочности системы. Идеологические шоры, однопартийный характер государственной машины, атмосфера эйфории после победы над фашизмом не позволили Сталину и его ближайшему окружению трезво оценить новые глобальные и локальные вызовы советской системе и дать на них адекватный ответ. Советская правящая элита не смогла в полной мере осмыслить многие принципиальные изменения в послевоенном мире и в самой стране, увидеть скрытые симптомы нездоровья советской системы, накапливающиеся противоречия во властных структурах и иных сферах общества.

Победа в войне породила в сознании советской верхушки иллюзию необыкновенной военной и экономической мощи страны, что, в свою очередь, привело к формированию нереалистического внешнеполитического курса. Борьба за мировое господство с опорой на незападный мир стала в конечном счете главной причиной поражения СССР в холодной войне. Ошибочное понимание Сталиным планетарной геополитической обстановки крайне отрицательно сказалось и на внутреннем положении СССР. Курс на военное противостояние с Западом оказался губительным для советской командной экономики, способствовал ее окончательному подчинению интересам военно-промышленного комплекса. Окончание войны стало отправной точкой тотальной милитаризации страны.

В конечном счете ошибочной оказалась ставка Сталина на сильное государство, понимаемое как совокупность чиновников, руководимых мудрым вождем.

Еще в годы войны в ЦК ВКП(б) и центральные газеты поступали довольно многочисленные предложения по реформированию экономической и политической сферы СССР. Авторы писем предлагали расширить сферу действия товарно-денежных отношений, хозрасчета, ввести акционерные предприятия, усилить самостоятельность и власть хозяйственных руководителей на местах, развивать кооперацию, поощрять конкуренцию и т. д. Простые люди жили надеждами, что после войны жизнь изменится к лучшему, и думали о том, как ее наладить, чтобы вывести народное хозяйство из разрухи. Сталинское руководство не было готово к проведению серьезных реформ. Очевидная стабильность режима позволяла партийным олигархам со спокойной душой отправлять в архив (с резолюцией «Вредные взгляды») проекты реформирования системы. Как результат, экономическая модель, заложенная Сталиным в первое послевоенное десятилетие, просуществовала с минимальными изменениями вплоть до самого краха советской системы.

Неверные оценки ситуации в мире и стране стали причиной принятия неадекватных мер для решения конкретных назревших задач в экономической и социальных сферах, а также возврата к механизму репрессий.

После войны вновь очень остро встал вопрос, как заставить людей эффективно трудиться в общественном хозяйстве. Наиболее отчетливо он проявился в сельском хозяйстве, и особенно на Украине, где в ряде мест во время немецкой оккупации сформировалось отрицательное отношение крестьян к колхозам. Но и в других районах страны крестьяне охотнее работали на своем личном подворье, чем на колхозном поле. «Часть колхозников, — говорилось в Закрытом письме ЦК ВКП(б) парткомам на местах, — ...злостно уклоняются от честного труда и разлагающе влияют на других недостаточно радивых колхозников». Согласно приводимым в нем данным в 1947 г., по стране 14,8% колхозников (свыше 4 млн человек) не выработали установленного минимума трудодней, а свыше 300 тыс. совсем не работали в колхозах.

В соответствии с секретным указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный,

паразитический образ жизни» за период с 1948 по март 1953 г. в Карелию, Сибирь, на Дальний Восток было направлено на спецпоселение свыше 33 тыс. человек, вместе с которыми последовали члены их семей в количестве 13 тыс. Выселение рассматривалось правительством как мера превентивная, «чтобы нанести меткий удар по злостным элементам, с тем, чтобы наказав их, предупредить остальных...»

Другой серьезной проблемой в первые послевоенные годы являлось, судя по интенсивности реакции на нее сталинского руководства, знакомство в годы войны большого количества советских людей, как военных, так и гражданских, с западным образом жизни.

Впечатления о заграничных походах заставили вчерашних фронтовиков иными глазами посмотреть на советскую действительность. Критические настроения не носили массового характера. Лишь очень немногие в стране, подобно генералам Ф. Т. Рыбальченко и В. Н. Гордову, вели в первые послевоенные месяцы разговоры (подслушанные МГБ) о необходимости иметь в стране настоящую демократию, распустить колхозы. Их «буржуазное перерождение», за которое они будут расстреляны в августе 1950 г., началось не в поверженной Германии, где боевые генералы столкнулись с «капиталистической действительностью», а на родине, после возвращения с войны. Увиденное в России потрясло В. Н. Гордова до глубины души: «Не могу я смотреть на это... Дайте людям жить, они имеют право на жизнь, они завоевали себе жизнь». В свою очередь, генерал-майор Ф. Т. Рыбальченко рассказывал своему начальнику о том, что «колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца... Думают, Сталин кончится и колхозы кончатся».

После победы «задрали хвосты», по выражению К. Симонова, не только некоторые генералы, но и некоторые интеллигенты, надеясь на ослабление тоталитарной сталинской системы.

Наиболее радикальные настроения были зафиксированы МГБ в молодежной среде. В 1947 г. школьники и студенты города Воронежа создали нелегальную Коммунистическую партию молодежи (КПМ), которая объединила более 50 человек. Члены тайной молодежной организации считали, что в стране нарушены демократические принципы и нормы общественной жизни, стремились к изменению политики ВКП(б). Аналогичные молодежные антисталинские группы создавались в Москве и других городах.

Сталин не зря боялся «тлетворного влияния Запада», понимая, что живучесть системы в огромной степени зависит от изоляции советских людей от западных ценностей, от сохранения ее целостности.

Боязнь влияния Запада заставляет Сталина в первые послевоенные дни создать 100 фильтрационных лагерей для размещения бывших военнопленных и репатриируемых советских граждан. Формальной целью их создания был отсев возможных предателей и шпионов. Из 1,95 млн человек, прошедших проверку в этих пунктах, около 900 тыс. угодили в сталинские лагеря. Через ужесточение режима власть стремилась пресечь возможный рост критических и тем более оппозиционных настроений. Разрыв в 1948 г. с председателем Социалистического союза трудового народа Югославии И. Б. Тито и появление в международном коммунистическом движении

несоветской, альтернативной модели социализма также способствовали усилению карательных мер внутри страны. Была и другая причина для нового витка репрессий — старение и болезнь Сталина. Дряхлеющий вождь к концу жизни становился все более подозрительным. Сталин не доверял военным никогда. Но после войны, когда резко повысился их авторитет, его недоверие к высшим военачальникам выросло многократно. МГБ начал сбор компрометирующих материалов на многих видных полководцев минувшей войны, включая легендарного Г. К. Жукова.

Первый удар был нанесен по авиаторам. В начале 1946 г. были арестованы главнокомандующий ВВС, главный маршал авиации А. А. Новиков и командующий 12-й воздушной армией С. А. Худяков. Они были обвинены в том, что «протаскивали в годы войны на вооружение заведомо бракованные самолеты и моторы, что приводило к большому количеству катастроф и гибели летчиков». И хотя следствие не располагало никакими другими материалами, кроме самооговоров арестованных, они были признаны виновными. Летом этого же года маршал Жуков был освобожден от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и назначен командующим второстепенного Одесского военного округа.

Сталин не доверял не только военным. В послевоенные годы он утрачивает доверие и к Министерству государственной безопасности (МГБ) и пытается создать своеобразную «партгосбезопасность». Акции против военных преследовали и другую, не менее важную для Сталина цель. Вождь, играя на противоречиях между своими соратниками, в очередной раз меняет конфигурацию власти. «Дело авиаторов» было использовано вождем для временного отстранения с высоких постов Берии и Маленкова и одновременного возвышения в начале 1946 г. группы ленинградцев. А. Жданов получает полномочия, почти равные сталинским. Руководящая «шестерка» Политбюро пополняется председателем Госплана ленинградцем Н. А. Вознесенским и становится «семеркой». А. А. Кузнецов, работавший до этого первым секретарем Ленинградского обкома, стал новым куратором органов государственной безопасности. Обострившаяся борьба за власть двух блоков сил в окружении Сталина на протяжении 1945—1949 гг. — Жданова и Кузнецова, с одной стороны, и Маленкова и Берии, с другой — одно из наиболее ярких проявлений предкризисного состояния режима. Сталин умело манипулировал соперничающими группировками, но и они, в свою очередь, использовали недоверие и подозрительность вождя в своих целях. А все вместе это создавало в стране атмосферу напряженности и нестабильности.

Стремление Сталина обрести новые рычаги воздействия на политические процессы в стране и мире заставляет его рядиться в тогу защитника демократии и прав человека, якобы утраченных западными режимами. В первую очередь по этой причине ленинградская команда в 1946—1949 гг. с подачи великого «вождя и учителя» пытается скорректировать приоритеты хозяйственного развития СССР в сторону производства товаров народного потребления и укрепления денежной торговли.

По существу, те же цели преследовал Сталин, реанимируя с помощью все той же ленинградской команды тему коммунистического строительст-

ва. К этому времени основные цели советской системы в том виде, как они представлялись Сталину и его ближайшему окружению в 1920—1930-е гг., были в основном достигнуты. В соответствии с официальной доктриной задачи индустриализации и коллективизации были решены, социализм построен. Интересы укрепления сталинского политического режима требовали новых исторических социально значимых целей.

Решением Политбюро от 15 июля 1947 г. в связи с намечавшимся созывом XIX съезда партии создается комиссия во главе с А. А. Ждановым для подготовки новой Программы ВКП(б). Были созданы четыре подкомиссии, каждая из которых создала свой вариант. Попытка одной из подкомиссий представить в качестве важнейшей задачи ближайшего будущего лозунг XVIII съезда ВКП(б) «Догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны» была вождем решительно пресечена и поставлена задача «привести советский народ в исторически кратчайшие сроки — ближайшие 20—30 лет к победе коммунизма в СССР».

В проектах нашли отражение многие идеи, озвученные лишь в годы хрущевской «оттепели». В одном из проектов впервые была сформулирована доктрина перерастания диктатуры пролетариата в общенародное государство. Основной его функцией называлась мирная хозяйственно-организационная и культурно-воспитательная работа. В другом говорилось о всемерном укреплении на ближайшее пятилетие хозрасчета, денег, кредита, цены, прибыли и использовании «преобразованного закона стоимости в целях развития социалистической экономики». Отличительная черта всех четырех проектов — социальная ориентированность. Авторы проектов много внимания уделяли повышению жизненного уровня трудящихся, решению жилищной проблемы. Правда, в окончательном варианте, подготовленном редактором «Правды» Д. Шепиловым, основные новации были сняты. Тогда же Госпланом СССР под руководством Н. А. Вознесенского был подготовлен проект Генерального хозяйственного плана СССР на 1946—1965 гг., выполнение которого должно было стать рубежом вступления страны в коммунизм. И проекты программ партии, и проект Генплана были сданы в архив. Главная причина того, что коммунистические проекты не стали достоянием широкой общественности, — окончательный перелом в 1947 г. в отношениях между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, ставка обеих сторон на военную силу и развернувшаяся в конце 1940-х гг. широкомасштабная военная гонка.

Подавление интеллектуальной свободы. Опасность прорыва «периметра» изнутри, появление в обществе оппозиционных настроений, «брожения умов» серьезно беспокоили Сталина и его окружение.

Сталин вполне отдавал себе отчет в том, что крепость советской системы напрямую зависит от веры советских людей в непогрешимость марксистско-ленинских идей, от сохранения ее целостности. После войны он исподволь «консервирует» созданную в 1920—1930-е гг. систему, справедливо полагая, что ее историческая устойчивость зависит от сохранения в неприкосновенности всех ее институтов.

Уже в первые послевоенные месяцы были ликвидированы послабления, на которые власть пошла во время войны, и начались массовые идеологические проработки отечественной интеллигенции, направленные на поддержание и усиление атмосферы страха. По инициативе главного партийного идеолога А. А. Жданова вновь начинается массированная кампания по насаждению в обществе образа врага. В ряде своих выступлений он требовал безусловного искоренения в стране влияния западной культуры. Свою ленту в раскручивании кампании против инакомыслия вносят Берия и Маленков, используя ленинградскую тему по внутрипартийной борьбе. С инициированного ими постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград» началось подавление ростков интеллектуальной свободы. В постановлении редакциям этих журналов предлагалось «выправить линию и обеспечить высокий идейный и художественный уровень журналов, прекратив в них доступ произведений Зощенко, Ахматовой и им подобных». Обвиняя их в «безыдейности, беспринципности, формализме, низкопоклонстве перед гниющей, упадочной буржуазной культурой», партийные идеологи рассчитывали таким образом «указать место всем советским писателям». Постановление ЦК в обязательном порядке изучали и одобряли на партийных собраниях, на заводах и фабриках, в школах и колхозах. Это был лишь первый серьезный шаг на пути изменения послевоенного общественного климата. Вскоре последовали аналогичные постановления ЦК о кино, театральном творчестве, музыке. Неоправданной критике были подвергнуты Д. Шостакович, С. Прокофьев, В. Мурадели. Композиторам предписывалось черпать вдохновение исключительно из наиболее популярных народных мелодий.

Кампания по борьбе с «низкопоклонством и раболепием перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада» приобретает новые оттенки, после того как профессора Н. Клюева и Г. Роскин направили рукопись своей монографии по проблемам лечения рака для публикации в США. Академик В. Ларин, передавший рукопись американским издателям, был обвинен в шпионаже и приговорен к 25 годам заключения. По всей стране была проведена широкая кампания осуждения участников этой истории как космополитов. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 16 июля 1947 г. «О деле профессоров Клюевой и Роскина», в котором говорилось «о наличии среди некоторой части советской интеллигенции недостойных для наших людей низкопоклонства и раболепия перед иностранщиной и современной реакционной культурой буржуазного Запада», стало отправной точкой широкого идеологического похода против интеллигенции.

С лета 1947 г. партийное и советское руководство принимает жесткие меры по предотвращению публикаций материалов, якобы представляющих государственную тайну. Началось глушение заграничных радиостанций, запрещаются браки с иностранцами. В министерствах и ведомствах «в целях содействия воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам Советского государства» вводятся суды чести. Власть рассчитывала обрести новую, и притом острую, форму воспитания всей советской интеллигенции. С весны по

осень 1947 г. суды чести были избраны в 82 министерствах и ведомствах, включая аппарат ЦК ВКП(б). Скрытое сопротивление партийной и государственной бюрократии парализовало работу судов, и к лету 1948 г. Сталин утрачивает к ним интерес. Тем не менее суды чести вместе со всей кампанией за повышение бдительности создают в конце 1940-х гг. в стране общественно-политическую атмосферу, отчасти напоминающую ситуацию накануне «большого террора».

В это время все направления культуры находятся под пристальным вниманием и контролем цензуры. «Вождь народов» лично определяет список лауреатов Сталинских премий как в области науки и изобретательства, так и в области литературы и искусства. Сталин непосредственно организует философскую дискуссию и разгром генетики, тщательно редактируя доклады по этим вопросам Жданова и Лысенко, пишет руководящие материалы по политической экономии и языкознанию.

Идеологические кампании 1948—1952 гг. стали для многих советских граждан временем прозрения. Попытка властей заставить творческую интеллигенцию работать в «духе партийности» окончательно лишает их иллюзий относительно возможностей либеральной трансформации сталинского режима.

Вслед за «исторической» победой над биологией в августе 1948 г., приведшей к «облысению» биологии и запрету генетики как буржуазной науки, ЦК КПСС пытается развернуть идеологические погромы и в других областях науки. В декабре 1948 г. на конференции по идеологическим вопросам в астрономии была заклеймена релятивистская космология, основанная на общей теории относительности, как не согласующаяся с основными положениями диалектического материализма.

Для полного разгрома «реакционного эйнштейнианства» лучше всего годилась квантовая механика. Философские взгляды ее творцов весьма далеки от диалектического материализма. Однако отвергать полностью релятивистскую и квантовую механику в середине XX в. было немыслимо, поэтому власти хотели воспользоваться дискуссиями в среде самих физиков и осудить «идеалистическую интерпретацию квантовой механики». Следующей на очереди стояла физика. Образцом для разгрома должна была стать августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. Погром, учиненный в биологии, был интерпретирован партийными идеологами как «победа мичуринской биологии», основанной на марксистском материалистическом мировоззрении, над «идеалистическим лжеучением менделизма-морганизма». Для борьбы с идеализмом в физике с декабря 1948 г. началась подготовка Всесоюзного совещания физиков. Цели планируемого совещания были далеки от научных. На нем не предлагалось, как в 1930-е гг., рассмотреть состояние физической науки. Официально объявленной целью предстоящего совещания была борьба с идеализмом в физике. Оргкомитет совещания заранее заслушал все запланированные доклады. Однако желание организаторов отрепетировать готовящийся спектакль дало обратный результат. Ведущие физики страны, присутствовавшие на заседаниях оргкомитета, упорно отстаивали науку от идеологического погрома.

Судя по той борьбе, которая развернулась при подготовке этого совещания, задумывалось фактически полностью отвергнуть достижения теоретической физики XX в. — фундаментальные принципы, лежащие в основе теории относительности и квантовой механики.

Новым мощным фактором в давлении на физиков и физику стала разгоревшаяся в стране в феврале 1949 г. кампания по борьбе с космополитизмом, инициированная идеологами Коммунистической партии и возведенная в ранг общегосударственной политической акции.

Борьба с космополитизмом началась в театральной критике и литературоведении, а затем эта идеологическая репрессивная кампания охватила все области культуры и науки.

Литературные критики руководствовались своими профессиональными критериями при оценке художественных произведений, что не соответствовало идеологическим критериям партноменклатуры.

По стечению обстоятельств или по прямому указанию вождя акция против литературных критиков приобрела явный антисемитский характер. В считанные февральские дни 1949 г. она перекинулась на писателей, композиторов, архитекторов, актеров.

Эту черносотенную акцию, растянувшуюся на четыре долгих года и закончившуюся вместе со смертью ее вдохновителя и организатора — Сталина, сопровождал очередной всплеск шовинистско-патриотической и национал-коммунистической идеологии исключительности России, доказывавшей «русский приоритет» во всех областях культуры и науки, а на деле привелшей лишь к разрыву всех международных научных связей советских ученых. Борьба с космополитизмом не обошла и февральско-мартовские заседания физиков. Ее неизбежным следствием должны были стать разоблачение «антипатриотической группы физиков», аресты физиков-космополитов и их исчезновение в недрах ГУЛАГа.

Возможно, именно эта перспектива побудила власть вообще отказаться от проведения «совещания» по физике. Власть могла позволить себе убить актера и режиссера С. Михоэлса, разгромить Еврейский антифашистский комитет и уничтожить его членов, расстрелять крупнейших еврейских поэтов и прозаиков, но уничтожить ведущих физиков в условиях нарастающего противостояния с Западом было самоубийством для системы.

«Ленинградское дело». В 1949 г. наблюдается ужесточение карательной политики сталинского режима, начинается новый виток репрессий. Волна арестов грозила вновь захлестнуть страну. Однако полного повторения сценария 1937 г. не происходит. Поскольку ситуация в стране и партии носила принципиально иной характер, надобности в массовой чистке не было. К тому же массовый террор мог вновь, как в 1930-е гг., серьезно дестабилизировать ситуацию. Чистки в этот период носят избирательный, «точечный характер». Их цель — на примере наказания одних предупредить, дисциплинировать весь властный аппарат. О большинстве «дел» в то время никто ничего не знал. Ходили лишь слухи и разговоры об арестах и расстрелах.

Наиболее известным делом 1940-х — начала 1950-х гг. стало «Ленинградское дело». Точнее, это была целая серия дел, сфабрикованных МГБ

против видных партийных, советских и хозяйственных работников Ленинграда. Всего по «Ленинградскому делу» было арестовано, по разным оценкам, от 2 тыс. до 10 тысяч человек. По этому делу проходили такие крупные партийные и государственные деятели, как председатель Госплана Н. А. Вознесенский, начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецов. Одно время они фигурировали как возможные преемники самого Сталина. Опасения прежних соратников Сталина, что новые выдвиженцы оттеснят их от власти, стали одной из важнейших причин фабрикации дел. Не последнюю роль в выборе цели для «точечного удара» сыграла ожесточенная закулисная борьба между Ждановым и Маленковым за второе место в партии. Смерть Жданова в конце августа 1948 г. приводит к усилению влияния Маленкова и Берии. К тому же, и это, вероятно, главная причина отречения Сталина от ленинградской команды, в условиях растущей конфронтации с Западом руководители ВПК оказались для вождя важнее идеологов.

Формальным поводом для организации «Ленинградского дела» послужило проведение в Ленинграде в январе 1949 г. без разрешения Совета Министров СССР Всероссийской оптовой ярмарки по реализации остатков залежавшихся товаров. К этому добавилось и обвинение в фальсификации результатов голосования во время городской партийной отчетно-выборной конференции. Аресты начались в конце июля 1949 г. Сначала был арестован обвиненный в связях с английской разведкой второй секретарь Ленинградского горкома Я. Ф. Капустин, а затем в августе 1949 г. в кабинете Маленкова были арестованы по обвинению в измене Родине и ведению «вредительско-подрывной деятельности в партии» А. А. Кузнецов, первый секретарь Ленинградского горкома и обкома партии П. С. Попков, председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов. Участь подследственных была решена еще до суда: министр МГБ В. С. Абакумов уже в начале сентября 1950 г. представил Сталину записку с предложением о расстреле шести человек. В ходе следствия, в котором непосредственное участие принимал Маленков, арестованных заставляли «признаваться» в преступлениях, которых они никогда не совершали. В сентябре 1950 г. состоялся судебный процесс. Как и предлагалось, Вознесенский, Кузнецов, Попков, Капустин, Родионов и Лазутин были приговорены к смертной казни, остальные — к различным срокам тюремного заключения. Но на этом «Ленинградское дело» не закончилось, так как в течение 1950—1952 гг. были осуждены и приговорены к расстрелу и длительным срокам заключения свыше 200 партийных и советских работников Ленинграда.

Разгром ленинградской группы существенно меняет расклад политических сил в стране. В связи с «Ленинградским делом» в партийном и судебном порядке были репрессированы сотни коммунистов по всей стране, в том числе смещен и заменен Н. С. Хрущевым руководитель Московской партийной организации Г. Попов. Несколькими месяцами раньше Молотов освобождается от обязанностей министра иностранных дел. «Ленинградское дело» стало прелюдией готовившейся Сталиным очередной «смены караула». В процессе его подготовки многие представители старой гвардии отстраняются от рычагов власти. Вслед за ленинградским последовали

московское, мингрельское, эстонское дела. Эти избирательные чистки используются Сталиным в качестве эффективного способа удержания в повиновении региональных лидеров. После XIX съезда партии новые аресты проходят в ближайшем окружении Сталина. По обвинению в шпионаже и прочих прегрешениях арестовывают помощника вождя А. Н. Поскребышева, начальника его личной охраны Н. С. Власика и еще несколько человек.

«Дело врачей». Одна из последних преступных акций сталинского руководства связана с фабрикацией так называемого дела врачей, имевшего отчетливую антисемитскую окраску. 13 января 1953 г. ТАСС сообщил, что арестована группа врачей, которая ставила своей целью сокращение жизни наиболее активным деятелям Советского государства путем вредительского лечения. Общее количество арестованных по этому делу составило 37 человек, среди них значительное число евреев. Были арестованы профессор Б. Коган, отвечавший за здоровье видных деятелей Коминтерна, профессор В. Виноградов, лечивший Сталина. При отсутствии других серьезных аргументов следствием для доказательства их вины была использована объяснительная записка кремлевского врача Л. Тимашук, написанная еще в 1948 г. Все арестованные под пытками дали показания о существовании террористической группы, якобы связанной с «международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой». Имеющиеся данные не позволяют документально установить все причины возникновения этого дела. Но из редакционных помет Сталина на статье, написанной Л. Шепиловым, «Шпионы и убийцы под маской врачей», которая была опубликована в «Правде» 13 января 1953 г., явствует, что это дело понадобилось вождю, чтобы преодолеть доминирующие в стране настроения благодушия и самоуспокоенности: «Опасные в условиях, когда в СССР еще сохраняются пережитки буржуазной идеологии, сохраняются носители буржуазных взглядов». «Ротозеев, — приписывает Сталин, — у нас еще немало. Именно это ротозейство наших людей и составляет питательную почву для злодейского вредительства». Лишь смерть Сталина помешала довести «дело врачей» до трагической развязки.

Затягивание режима. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. достигает своего апогея система лагерей. Это проявляется не только в значительном росте числа заключенных, но и в той экономической роли, которую начинает играть ГУЛАГ в послевоенные годы.

В этот период в системе ГУЛАГа создается ряд главков, непосредственно связанных с развитием оборонной промышленности: «Главспецнефтестой», Главное управление слюдяной промышленности и др.

В 1948 г. создаются 15 новых лагерей особого назначения, на ограждение которых только одной колючей проволоки пошло 800 тонн. На 1 января 1949 г. в системе МВД насчитывалось 67 самостоятельных исправительно-трудовых лагерей с десятком тысяч лагерных отделений и лагпунктов и 1734 колонии, в которых содержалось 2,4 млн заключенных (из них 2 млн трудоспособных). Более половины составляли осужденные в возрасте от 17 до 30 лет.

МВД монополизирует добычу алмазов, асбеста, апатитов, резко активизируется добыча цветных металлов. В 1949 г. МВД выпустило промышленной продукции почти на 20 млрд рублей. Валовая продукция промышленности МВД в этом же году составляла более 10% общего выпуска продукции в стране.

С начала 1950-х гг. явственно обнаруживается кризис лагерной экономики. МВД катастрофически не справляется с растущим объемом работ, хотя сметы по ГУЛАГу составляли уже несколько миллиардов рублей. Дело в том, что «великие стройки коммунизма» требовали надежных и грамотных кадров, обладавших достаточной производственной культурой и заинтересованных в результатах своего труда. Лагерная экономика такими кадрами не располагала. Не случайно в 1951—1952 гг. ни одно из крупных лагерно-производственных управлений план не выполнило. К этому времени лагерная экономика давно была убыточна и приносила государству лишь материальный ущерб.

Вред ГУЛАГа определялся не только материальными убытками. Лагерная экономика сформировала у миллионов советских граждан устойчивое отвращение к труду. Сотни тысяч людей, служивших в системе ГУЛАГа в качестве охранников, начальников, политработников, считали вполне естественным жить за счет эксплуатации своих сограждан, превращенных в рабочий скот.

Нарастающая в стране напряженность разрешилась неожиданной смертью Сталина 5 марта 1953 г. вечером на подмосковной даче. Внезапный инсульт произошел тогда, когда лечащие вождя врачи находились под арестом (версии о возможной причастности к его смерти кого-либо из его соратников до сих пор не отвергнуты историками). Со смертью «бессмертного вождя» страна вновь оказалась на распутье.

ГЛАВА 7. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

§ 1. Смена власти в Кремле

Смена власти в Кремле. Со смертью Сталина в Кремле начался новый этап борьбы за власть. С 1917 г. в советской системе не было конституционного механизма смены политического лидера. Для изменения политического курса верхи постоянно прибегали к закулисным интригам, сговорам, а нередко и к заговорам. Только в первые послевоенные годы их было не менее пяти и столько же в 1953—1964 гг.

Вечером 5 марта, еще при живом диктаторе, его ближайшие соратники на совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета лишили его власти и распределили между собой руководящие посты. Должность председателя Совета Министров СССР по предложению Л. П. Берии была отдана Г. М. Маленкову, фактически контролировавшему в последние годы жизни Сталина карательные органы. Его первыми заместителями стали В. М. Молотов, Н. И. Булганин, Л. М. Каганович и Л. П. Берия, который также возглавил объединенное МВД. Став во главе огромного силового ведомства, Берия получил определенные преимущества в борьбе за власть. Молотов вернул себе пост министра иностранных дел. Булганин стал министром обороны. В соответствии с планами Берии и Маленкова Н. С. Хрущеву было предложено «сосредоточиться на работе в ЦК КПСС». Перестановки в высшем партийном руководстве имели целью отсечь от власти сталинских выдвиженцев, попавших туда на XIX съезде партии, а заодно избежать возможного кризиса взаимоотношений с народом и сохранить существующие властные структуры. Весной 1953 г. никто из ближайшего окружения Сталина не мог реально претендовать на всю полноту его власти, поэтому к середине марта было создано так называемое коллективное руководство. Соратники Сталина прекрасно осознавали невозможность продолжения в новых условиях курса, основанного на личной власти, государственном принуждении и насилии. Единовластие Сталина настолько очевидно расходилось с официально провозглашенными принципами социалистической демократии, что без его преодоления пути вперед не было. Продолжение сталинской внутренней политики грозило в перспективе социальным взрывом, продолжение внешней политики — новой мировой войной.

Уже на совещании 4—5 марта принятием решения о преобразовании высших партийных органов ЦК КПСС — Президиума и Бюро Президиума — в один положенный по Уставу партии Президиум ЦК КПСС власть вынуждена была начать давно назревшую либерализацию режима. Стремясь сохранить многие атрибуты авторитарного правления и пресечь возможные требования «снизу» на участие в осуществлении властных полномочий, «верхи» пошли на ограниченные и контролируемые уступки в сфере политических и гражданских прав.

В процессе либерализации для сталинских наследников главным стал вопрос об отношении к личности Сталина, преодолении культа личности. В представлении большинства советских граждан обожествляемый вождь многие годы довольно успешно соединял интересы «низов» и «верхов», интересы народа и власти. Максимальное сосредоточение реальной власти в одних руках позволяло ему совершать быстрые маневры материальными и людскими ресурсами, менять политический и экономический курс, бороться с малейшими проявлениями инакомыслия. За 30 лет власть Сталина в стране стала практически безграничной и неконтролируемой. В последние годы жизни Сталина все государственные вопросы решались им лично в узком кругу соратников — Л. Берии, Г. Маленкова, Л. Кагановича. Заседания Политбюро собирались эпизодически, зачастую важнейшие решения принимались без всякого обсуждения в течение нескольких минут. Ни о каком альтернативном курсе сталинской политике при его жизни не могло быть и речи.

Нарастание негативных тенденций. Между тем все послевоенные годы подспудно шло быстрое нарастание негативных тенденций в разных областях жизни. Экономика страны пребывала в состоянии постоянного перенапряжения. В очень тяжелом положении находилось сельское хозяйство. Уровень жизни народа оставался крайне низким. В продаже не было элементарных предметов первой необходимости. В развитии промышленности упор делался на военное производство и тяжелую индустрию. Прямые военные расходы в канун смерти Сталина составляли около четверти национального бюджета. В то время как промышленно развитые страны на рубеже 1950-х гг. активно внедряли в производство достижения начавшейся научно-технической революции (это привело их к новому, постиндустриальному, этапу развития), в СССР даже ведущие отрасли промышленности развивались на основе устаревших схем и решений. Советская директивная экономика в силу ее сверхцентрализованности, отсутствия инициативы и предприимчивости оказалась неспособной учитывать новейшие достижения мировой науки и техники.

Последние теоретические работы Сталина не содержали продуманных ответов на вызов времени. Они были далеки от реальных процессов, происходивших в стране и мире. Отправной идеей работы «Экономические проблемы социализма в СССР», опубликованной в 1952 г., было утопическое утверждение, что в СССР построено социалистическое общество и начинается переход к коммунизму. Для Сталина капитализм по-прежнему был системой «загнивающей», обреченной. Сталинская внешняя политика строилась на ожидании скорого краха капитализма. Над ней довлела идея советского глобализма — распространения коммунизма повсюду, где только возможно. Именно поэтому у СССР не было серьезной заинтересованности в налаживании политического диалога с Западом, поиска компромисса *по спорным вопросам*. И во *внутренней*, и во *внешней политике* жизнь требовала новых подходов.

Коллективное руководство. Первые действия коллективного руководства носили откровенно популистский характер. Чтобы снять напряжение *в обществе*, а *главное*, *удержать власть в своих руках*, новые *лидеры* уже

в день похорон Сталина (9 марта) говорили о необходимости повышения *жизненного уровня трудящихся*, защите прав человека, о прощении людей, побывавших в немецком плену, о решительной борьбе с бюрократизмом. В дальнейшем негласно было решено прекратить политику культа личности. Эта формулировка позволила новому руководству страны, манипулируя общественным сознанием, свести всю совокупность назревших проблем к сугубо субъективным, личностным. Монополия власти на истину мешала пробуждению общественного сознания, консолидации обновленческих сил.

Заданные ранее параметры советской системы серьезно ограничивали и выбор возможных направлений дальнейшего развития страны. С позиций сегодняшнего дня можно говорить о существовании в СССР на рубеже 1940-х и 1950-х гг. теоретической возможности для выхода из социализма по китайскому варианту: народ в массе своей верил руководителям и готов был выполнить любые установки свыше, власть прочно держала рычаги государственного управления. Но для этого варианта развития не было значимых социальных сил. Китайскому опыту еще предстояло явиться на свет, а советская политическая элита в силу исторических причин мыслила иными категориями. Война и атомная гонка закрепили в среде партийно-государственного аппарата, которому принадлежала реальная власть в стране, представления о «врожденном» превосходстве социализма над капитализмом, безусловном преимуществе плановой системы над рыночной, приоритете общественных *интересов над личными*.

Новое советское руководство могло удержаться у власти, лишь продолжая курс на построение коммунистического общества в «отдельно взятой стране», декларируя приверженность марксизму-ленинизму.

Значительный отпечаток на *выбор пути дальнейшего развития страны* и на характер десталинизации и темпы либерализации советской системы наложила борьба за власть, развернувшаяся в 1953 1955 гг. в ее высших эшелонах.

«Маршал с Лубянки». *Претендуя на главенствующую роль в руководстве* страной, «лубянский маршал» Л. П. Берия первым выступил с критикой в адрес Сталина. Возглавляя карательное ведомство, он лучше других знал болевые точки советской системы. Предлагая признать за Сталиным виновность за *политические репрессии*, он рассчитывал переложить ответственность с партийного руководства в целом на одного человека. Этот подход по достоинству был оценен и другими претендентами на полноту власти — Г. М. Маленковым и Н. С. Хрущевым. Каждый из них в целях повышения авторитета в обществе и завоевания поддержки окрепшей партийно-государственной элиты предпринял определенные шаги по развенчанию Сталина. Представители партийной олигархии, уставшие от ожидания возможного ареста, тюрьмы, расстрела, ждали от новой власти гарантий собственной безопасности, расширения участия в принятии решений, особенно на местном уровне. Чутко уловив эти настроения, Берия начал с пересмотра обвинений участников недавних политических процессов. Сразу после назначения министром внутренних дел он запретил пытки заключенных, лично освободил из тюрьмы участников так называемого мен-

грельского дела. Своим первым приказом по МВД новый министр положил начало пересмотру ряда наиболее важных дел, к фабрикации которых он не имел непосредственного отношения — «дела врачей», «дела артиллеристов». Вскоре состоялась реабилитация незаконно осужденных в 1946 г. руководителей авиационной промышленности, были приняты меры по возвращению людей, незаконно выселенных с территории Грузинской ССР на основе решений Особого совещания МГБ СССР.

В записке, поданной Берией в апреле 1953 г. в Президиум ЦК КПСС об убийстве С. М. Михоэлса, среди подлинных организаторов убийства назывались Сталин и Абакумов. Обладая исчерпывающей информацией о положении дел в стране, Берия понимал, что многочисленные проблемы, накапливавшиеся в послевоенные годы, требуют неотложного решения. Страна уже не могла по-прежнему эксплуатировать крестьянство, содержать армию по нормам военного времени, тратить деньги на «великие стройки социализма». После марта 1953 г. по лагерям ГУЛАГа прокатилась волна восстаний и протестов, нередко провоцируемая лагерными охранниками и надзирателями, которые, предчувствуя возможную расплату, избавлялись от свидетелей. Одно из наиболее крупных восстаний произошло в мае 1953 г. в Норильске, в результате его подавления сотни заключенных были расстреляны. Чтобы предстать перед обществом борцом против злоупотреблений властью и самому уйти от ответственности за массовые репрессии, Берия активно занялся различными проблемами как внутренней, так и внешней политики. В записке, адресованной Президиуму ЦК КПСС, он сообщал о том, что в стране в тюрьмах, колониях, исправительно-трудовых лагерях находится более 2,5 млн человек, в связи с чем предлагал амнистировать около 1 млн человек, осужденных на срок до пяти лет. По инициативе Берии Дальстрой, Спецстрой и другие структурные подразделения были выведены из состава МВД. Это привело к ликвидации многочисленных «великих строек социализма» (железной дороги Салехард—Игарка, Волго-Балтийского водного пути и др.), целиком основанных на бесплатном труде заключенных. Незадолго до ареста Берия внес в правительство предложение решить судьбу ГУЛАГа и «ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности».

В области внешней политики Берия выступал за прекращение холодной войны, восстановление отношений с Югославией. Он считал бесперспективной поддержку курса на форсированное строительство социализма в ГДР: «Нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или нет, нам все равно».

Устранение Берии. Хрущев и Маленков настороженно отнеслись к реформаторским инициативам Берии, справедливо видя в них стремление обелить себя в глазах народа. В той обстановке ни один из них не был готов к резкой и открытой критике Сталина. Категорически против этого возражал и Молотов. Главное же — позиция Берии не нашла поддержки у партийно-государственного аппарата, представители которого ясно видели опасность для себя в личности нового претендента на власть.

Сохраняя через местные органы МВД контроль за обстановкой на местах, Берия становился все более опасной фигурой для своих недавних соратников. Угроза возможного отстранения от власти и даже физического уничтожения, исходящая от Берии, сплотила на время его политических противников, прежде всего Хрущева и Маленкова. Они смогли привлечь на свою сторону группу высокопоставленных военных, включая маршала Г. К. Жукова и генерала К. С. Москаленко. Ничего не подозревающий Берия в середине июня 1953 г. решением кремлевского руководства был направлен в Восточный Берлин, где в это время начались антиправительственные выступления. На следующий день после его возвращения, 26 июня, по инициативе заговорщиков было созвано внеплановое заседание Президиума ЦК, на котором по сигналу помощника Маленкова Жуков и Москаленко арестовали Берию. Затем была снята бериевская охрана Кремля, и только после этого завернутый в ковер экс-министр МВД был направлен в тюрьму Московского военного округа. По существу, это был заговор большинства Политбюро против одного из своих членов.

«Делу Берии» был посвящен состоявшийся в начале июля 1953 г. специальный Пленум ЦК КПСС. На нем недавние соратники в соответствии с практикой фальсификаций того времени обвинили Берию во всех смертных грехах: от организации политических процессов конца 1940-х — начала 1950-х гг. до плохого обеспечения картофелем жителей городов, от попыток дискредитировать руководящую роль партии до единоличного решения о взрыве водородной бомбы. Попытка Берии разграничить полномочия партийных и государственных властей была расценена как проявление его «вредительской, антигосударственной и антипартийной деятельности». В итоге Берия был исключен из рядов партии как «враг народа и агент международного империализма». В декабре 1953 г. он вместе с шестью ближайшими сотрудниками, возглавлявшими карательные органы, был расстрелян по приговору Верховного суда.

Тем самым линия критики культа личности, формально заявленная на июльском Пленуме, не получила дальнейшего развития. Суд над Берией должен был убедить общественное мнение в том, что виновники массового террора выявлены и наказаны. Решительный поворот в политике партии не состоялся. Взвалив на Берию вину за преступления и провалы прошлого, его недавние соратники не собирались реабилитировать всех пострадавших от массового террора. Однако устранение «лубянского маршала» сыграло свою положительную роль в дальнейшей судьбе советской системы: с массовым террором было покончено. Атмосфера всеобщего страха, многие десятилетия сковывавшая страну, стала постепенно исчезать.

Второй этап борьбы за власть. Устранение Берии усилило позиции Маленкова и Хрущева в руководстве страной. Самый молодой и самый образованный из «наследников» Сталина — Г. М. Маленков, по оценкам зарубежных наблюдателей, был «наиболее западно-ориентированно мыслящим человеком среди других советских лидеров». Маленков был противником авторитарной власти, однако он решительно возражал против гласного анализа ошибок прошлого, считая, что главное — не повторить эти ошибки вновь.

В августе 1953 г. Маленков на сессии Верховного Совета СССР изложил новый экономический курс. Важнейшей его частью было намерение руководства страны уделить больше внимания производству потребительских товаров и повышению жизненного уровня трудящихся. Ресурсы на это предполагалось получить за счет перераспределения средств в пользу легкой промышленности и сокращения выпуска продукции тяжелой промышленности. В соответствии с предложениями главы государства менялась и сталинская антикрестьянская политика. Снижение налогов с крестьян с последовавшим вскоре повышением закупочных цен на сельхозпродукты позволили улучшить положение с продовольствием и сделали Маленкова в 1953—1955 гг. самым популярным человеком в стране. В качестве главы государства Маленков сделал важные шаги по улучшению международного положения СССР. В августе 1953 г. он впервые заговорил о «разрядке», употребив именно это слово, международной напряженности и призвал Запад к снижению военного противостояния.

Однако смелый для того времени экономический курс Маленкова не мог быть реализован по многим причинам. Прежде всего он противоречил заданиям пятого пятилетнего плана (1951—1955 гг.), рассчитанного на преимущественное развитие тяжелой промышленности, и менять его было уже нереально. В стране в соответствии с планом полным ходом сооружались новые гигантские заводы и гидростанции, в строжайшей секретности создавался ракетно-ядерный щит. Только по официальным данным, на все это выделялось почти в 11 раз больше капиталовложений, чем на развитие легкой промышленности.

Еще более существенно то, что новый экономический курс противоречил всей логике существования советской системы, ставил под сомнение статус СССР как великой державы, лишал его способности успешно решать внешнеполитические задачи, укреплять оборону. Того и другого добиться без кардинальных перемен было невозможно.

В начале 1955 г. Маленков был обвинен в отсутствии необходимых знаний, опыта хозяйственной и советской работы, а также в былом сотрудничестве с Берией.

Победителем в борьбе за единоличное лидерство в партии и государстве оказался Н. С. Хрущев. И как политик, и как человек Хрущев был крайне противоречив. До смерти Сталина он выступал с традиционных просталинских позиций, но, встав во главе партии и страны (7 декабря 1953 г. он был избран заместителем председателя Совета Министров СССР), постепенно становится на реформаторские позиции.

Свое предназначение как лидера страны Хрущев видел в том, чтобы дать мир и благосостояние советскому народу. Хрущев был честным и искренним человеком, однако личная причастность его к репрессиям, ограниченный политический кругозор, недостаточная общая культура не позволили быть до конца последовательным в своей политике. Он слабо представлял себе средства для достижения поставленных целей. Не был готов Хрущев и к демократизации общественных институтов, к тому, чтобы по-настоящему включить в борьбу за реформы здоровые силы общества.

§ 2. Начало десталинизации

Номенклатурная десталинизация. Изменения в политической сфере, начавшиеся после смерти Сталина, в первую очередь затронули карательные органы. Это было обусловлено необходимостью обеспечить гарантии безопасности и стабильности правящего номенклатурного слоя, готового поддержать в определенных пределах преобразования в обществе. В сентябре 1953 г. были ликвидированы Особое совещание при МВД и другие внесудебные органы, а также пересмотрено уголовное законодательство, в котором строго устанавливалось, что уголовное наказание может быть назначено только по приговору суда. Вслед за этим восстанавливается прокурорский надзор над органами государственной безопасности. Весной 1954 г. вместо Министерства государственной безопасности был создан Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Его возглавил И. А. Серов, сыгравший важную роль в устранении Берии. Деятельность КГБ СССР и его органов ограничивалась обеспечением государственной безопасности, пресечением деятельности иностранных разведок, охраной государственной границы, проведением профилактических воспитательных мер. Начальники областных отделов КГБ были подчинены партийным начальникам. Первые изменения коснулись и ГУЛАГа: в 1953 г. Дальстрой (спецтрест НКВД СССР, использовавший главным образом труд заключенных) был лишен функций политического руководства, а через три года совсем ликвидирован. В марте 1955 г. был передан в Министерство среднего машиностроения старейший главк МВД — Главпромстрой. К середине 1950-х гг. лагерная экономика как особый хозяйственный организм, основанный на различных видах принудительного труда, прекращает свое существование. В ходе следствия по делу Берии было выявлено много материалов, раскрывающих факты незаконных репрессий, фальсификации следственных дел, применения пыток и истязаний заключенных. Страшная правда сталинского режима, о которой многие в стране лишь догадывались, состояла в том, что в тюрьмах, лагерях и колониях содержалась целая армия заключенных. На 1 января 1953 г. их число превышало 2,6 млн человек. После того как часть преступлений органов госбезопасности стала известна широкому кругу партийных активистов, в высшие органы власти страны начал поступать целый поток писем с просьбой пересмотреть дела жертв политических репрессий 1930—1940-х гг. За короткий срок были пересмотрены дела генералов К. Ф. Телегина, В. С. Голушкевича, адмирала В. А. Алафузова. 30 апреля 1954 г. Верховный суд СССР реабилитировал Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и многих других руководящих работников, проходивших по «Ленинградскому делу». Вскоре в Ленинграде прошел процесс над теми, кто его непосредственно фабриковал, — над высокопоставленными руководителями Министерства госбезопасности СССР — В. С. Абакумовым, А. Г. Леоновым, В. И. Комаровым, М. Т. Лихачевым, которые были приговорены к расстрелу. На процессе «Ленинградское дело» было охарактеризовано как одно из тягчайших преступлений, как крупная политическая провокация.

В 1953—1954 гг. были пересмотрены основные политические дела, связанные с послевоенными репрессиями. Из тюрем, ссылок, лагерей стали возвращаться заключенные. С них снимались ложные обвинения в «измене Родине», но делалось это исподволь, без огласки. Реабилитация носила крайне избирательный характер.

Сотни тысяч жертв сталинского террора продолжали оставаться за колючей проволокой, требуя справедливого решения их судьбы. Особенностью лагерных беспорядков, охвативших Особые лагеря ГУЛАГа в 1953—1954 гг., было то, что впервые в его истории заключенные требовали не улучшения условий содержания, а свободы. Восстания и забастовки имели целью информировать новых хозяев Кремля о том, что происходит в лагерях. Акции массового неповиновения, в которых участвовали тысячи заключенных, проходили летом 1953 г. в Воркуте, Норильске, зимой в Унжлаге, Вятлаге. Весной 1954 г. восставшие заключенные Степного лагеря в казахском поселке Кенгирь 40 дней удерживали в своих руках лагерную зону. Исчерпав все меры «разъяснительного характера», власть бросила против восставших армейские части и танки. Несмотря на то что восстание было жестоко подавлено, оно позволило тысячам людей утвердиться в сознании, что лагерный режим не всесилен.

Нараставшее «снизу» давление вело к тому, что вопросы реабилитации людей, пострадавших от репрессий, преодоления последствий сталинизма, становятся главным орудием борьбы за власть в Кремле между Маленковым и Хрущевым.

XX съезд КПСС. К весне 1955 г. Н. С. Хрущев смог серьезно укрепить свои позиции в руководстве страны. Устранение Берии привело к заметному осложнению положения Маленкова. Он был снят с поста председателя Совмина. Новым главой правительства стал министр Вооруженных сил СССР Н. А. Булганин, человек малоинициативный и нерешительный.

После обвинения в причастности к репрессиям Маленкова в обществе вновь заговорили о сталинском наследии, о необходимости продолжения реабилитации. Поток выходивших на свободу политических заключенных, сроки наказания которых закончились, нес в общество новую информацию о сталинских беззакониях. Атмосфера в стране стала накаляться. В этой обстановке 31 декабря 1955 г. на заседании Президиума ЦК состоялась дискуссия о репрессиях 1930-х гг., в центре которой оказалась судьба членов ЦК, избранного XVII съездом партии. По итогам обсуждения была создана специальная комиссия под председательством секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова. Комиссии поручили изучить все материалы репрессий партийных и советских деятелей в 1930-х — начале 1940-х гг.

Обратив особое внимание лишь на преследования партийной олигархии и не касаясь репрессий против «социально чуждых элементов», комиссия представила многочисленные факты сталинских преступлений. Конкретные факты свидетельствовали о том, что Сталин сам руководил массовым террором. В частности, в республики, города, области «спускались» лимиты на аресты, и эта «разнарядка» утверждалась лично Сталиным. Эти факты поразили даже хорошо информированных членов советского руководства. «Если верны факты, разве это коммунизм?» — говорил Сабуров на

специальном заседании Президиума ЦК, на котором рассматривался вопрос, как информировать партию о сталинских преступлениях. Ознакомившись с материалами, после долгих колебаний Хрущев принял решение заслушать доклад на съезде: «Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожил. Надо проявить мужество сказать правду. И если не сказать, тогда проявим нечестность по отношению к съезду».

К подготовке XX съезда был привлечен ряд старых большевиков, возвратившихся к этому времени из лагерей. Хрущев надеялся, что их выступления переломят настроение делегатов съезда. Вероятно, он вполне осознавал рискованность своей акции. Накануне открытия XX съезда делегатам разослали ранее не публиковавшиеся работы Ленина — письмо к съезду, письма по национальному вопросу.

Из-за противодействия Молотова, Ворошилова, Кагановича, Маленкова, непосредственно причастных к массовым репрессиям, вопрос о Сталине не был поставлен в Отчетном докладе ЦК. В результате компромисса доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях» был заслушан на закрытом заседании съезда 25 февраля и впервые опубликован лишь в 1989 г. В нем Хрущев не сказал и не мог сказать всей правды о сталинских преступлениях по причине личной причастности к ним, а также из-за боязни лишиться возможных союзников в продолжавшейся борьбе за власть. Но и то, что услышали делегаты съезда, произвело на них впечатление разорвавшейся бомбы.

В секретном докладе говорилось о полном пренебрежении Сталина принципами коллективного руководства, о личной причастности «вождя народов» к массовым репрессиям, о жестоких пытках заключенных. На Сталина Хрущев возложил ответственность за тяжелое положение в сельском хозяйстве, за поражения Красной армии на начальном этапе Великой Отечественной войны, за грубые просчеты и извращения в национальной политике.

В докладе причины возникновения массовых репрессий объяснялись исключительно личными качествами Сталина. Осуждая преступления Сталина, Хрущев стремился реабилитировать партию, идеи социализма и коммунизма. По этой причине не была затронута природа сталинского режима.

Ограничение на XX съезде критики сталинизма лишь культом личности, сохранение в неприкосновенности основных теоретических догм, на которых строился сталинский социализм, закрыло на многие годы путь к реальному реформированию советской системы. Консервативно настроенная часть советского руководства, «чтобы не развязать стихию», пыталась ограничить критику сталинизма строго определенными рамками. В партийных организациях после съезда зачитывался уже отредактированный вариант доклада Хрущева, который тем не менее вызвал широчайший резонанс в стране. Слухи о разоблачении культа личности Сталина быстро распространились в народе. Авторы многих писем в ЦК были недовольны тем, как вопрос о культе личности поставлен на XX съезде, и требовали осудить Сталина «посмертно партийным судом». Далеко не все в это время

готовы были принять правду о Сталине. Ознакомившись с текстом доклада, тысячи людей впервые задумались о цене социалистических преобразований. Разоблачение Сталина для наиболее преданных сторонников режима означало, что многочисленные жертвы были принесены напрасно, а жизнь потрачена впустую.

В Грузии намерение властей убрать с постаментов многочисленные изваяния вождя задели национальные чувства. На многочисленных стихийных митингах и собраниях, проходивших в Тбилиси в первых числах марта 1956 г., политические требования немедленной смены руководства страны сопровождались призывами к открытой борьбе, изгнанию русских, выходу Грузии из состава СССР. 9 марта 1956 г., когда массовые просталинские волнения достигли кульминации, Москва приняла решение использовать силу. В результате погибли десятки людей.

Несмотря на половинчатость решений по вопросу о культе личности Сталина, XX съезд дал мощный импульс демократическим процессам в стране, возникновению политической оппозиции. Вместе с тем события в Тбилиси, а также сопротивление наиболее консервативной части партийных олигархов заставили Хрущева отказаться от полного развенчания сталинизма, чреватого окончательной потерей легитимности коммунистического режима. С лета 1956 г. официальная критика Сталина переводится в более спокойное русло. Однако кремлевской власти не удалось удержать начавшиеся перемены в обществе в рамках управляемой десталинизации. Развенчание сталинского мифа обезоружило наиболее преданных и фанатичных сторонников советской системы, вызвало к жизни мощные стихийные силы, идущие из народных глубин. Время безоглядной веры в коммунистические мифы прошло. В той же Грузии под влиянием мартовских волнений возникает подпольная молодежная организация, в числе участников которой был и Звиад Гамсахурдия. После XX съезда обнадеживающие перемены стихийно охватывают все новые сферы советского общества — партию, государство, науку, культуру.

Попытка устранения Хрущева. Оздоровление советского общества шло трудно, с частыми отступлениями. Мыслящая часть общества восприняла решения XX съезда как шаг к свободе и раскрепощению и попыталась углубить критику культа личности, перенести ее с личностных качеств Сталина на сталинскую систему. «Хрущев навалил нам великую кучу всяких фактов, а нам надо разбираться, почему это не сделали на съезде», — говорил в марте 1956 г. на закрытом партийном собрании Теплотехнической лаборатории АН СССР, продолжавшемся два дня, младший научный сотрудник Смолянкин. «У нас такое положение, — утверждал другой участник обсуждения Ю. Орлов, — когда собственность принадлежит народу, а власть — какой-то кучке прохвостов. Наша партия пронизана духом рабства». Выступление Орлова было поддержано почти половиной собравшихся. Вышестоящие партийные инстанции сочли состоявшуюся в лаборатории дискуссию политически ошибочной, содержащей клевету на партию. Пробуждение общественной активности напугало консервативную часть правящей элиты. Особую тревогу высшего партийного руководства вызывало то, «что враги партии использовали внутрипартийную демокра-

тию для борьбы против партии». На этом фоне реформаторские устремления Хрущева натолкнулись на сопротивление старых кадров. Под их влиянием был отменен намеченный на середину 1956 г. специальный Пленум ЦК, посвященный преодолению культа личности. С главным докладом на нем должен был выступить маршал Г. К. Жуков.

Уступив консервативным силам, руководство ограничилось опубликованием постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности Сталина и его последствий» (30 июня 1956 г.). В нем, несмотря на попытки отразить объективные и субъективные условия формирования культа личности Сталина, так и не был осуществлен разрыв со сталинизмом, ничего не говорилось о личном участии Сталина в организации массовых репрессий, которые характеризовались всего лишь как «некоторые ограничения внутрипартийной и советской демократии».

19 декабря 1956 г. ЦК КПСС направляет партийным организациям специальное письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и о пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов», где речь шла о том, что «диктатура пролетариата должна быть беспощадной к антисоветским элементам». Одновременно, чтобы избежать возможного соединения интеллигентского инакомыслия с недовольством рабочих, для последних были снижены нормы выработки. Вслед за письмом по стране прокатилась волна арестов «клеветников на советскую действительность». От 6 до 10 лет заключения получили члены группы аспиранта МГУ Л. Краснопевцева, выпустившие листовку с призывом к борьбе со сталинской системой. В ней подвергался критике и Хрущев. За смелые комментарии к секретному докладу были приговорены к заключению ленинградцы Р. Пименов и Б. Вайль. Партийный аппарат, организуя на местах собрания и обсуждения многочисленных примеров недовольства режимом, сам того не желая, способствовал кристаллизации оппозиционных настроений в партийной среде. Определенный разброд в умах вызвал неожиданный поворот Хрущева в начале 1957 г. от критики Сталина к новому восхвалению его заслуг. Но повернуть вспять развитие, начатое XX съездом, консервативным силам в руководстве страны не удалось. Важнейшим свидетельством неодолимости перемен стало массовое освобождение политических заключенных из лагерей. Если с 1953 г. по февраль 1956 г. было реабилитировано 7679 человек, то после XX съезда – с марта 1956 г. по 1957 г. — свыше полумиллиона человек, из них около 200 тыс. местными судами.

XX съезд не завершил борьбы за власть в партийной верхушке. Опасаясь дальнейших разоблачений и реальной утраты своих властных позиций, весной 1957 г. консервативная часть советского руководства организовала кампанию с целью ликвидации должности первого секретаря и отстранения Хрущева от власти (предполагалось сделать Хрущева министром сельского хозяйства). Формальным поводом для «усмирения» Хрущева стало поспешное решение начать реорганизацию в промышленности, создать совнархозы. Противники публичной критики Сталина (Маленков, Каганович, Молотов), боясь дальнейшего углубления разоблачений сталинского режима, решили дать бой Н. С. Хрущеву и отстранить его от руководства

партией. На совещании, начавшемся 18 июня 1957 г., большинство Президиума ЦК КПСС (7 из 11 членов) подвергло деятельность Хрущева резкой критике и, обвинив его в нарушении принципа коллективности руководства, сместило с поста первого секретаря ЦК КПСС. Многие из предъявленных обвинений формально были справедливы. Но за ними стояло желание просталинских сил пересмотреть решения XX съезда. Лишь благодаря поддержке маршала Г. К. Жукова и председателя КГБ И. А. Серова был созван Пленум ЦК КПСС. Предав огласке архивные сведения о личной причастности Маленкова, Кагановича, Молотова и Ворошилова к репрессиям (правда, из официального, предназначенного для печати постановления Пленума они были исключены), сторонники Хрущева смогли одержать победу. Пленум осудил «антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича» и «примкнувшего к ним» Шепилова и вывел их из состава руководства партии. Важнейшим следствием разгрома политических противников Хрущева стало растущее влияние партийного аппарата в стране. Непосредственно вмешавшись в большую политику, второй эшелон высшего партийного аппарата, секретари ЦК и обкомов КПСС, министры, высший генералитет, недвусмысленно заявил о своих интересах.

Озабоченный дальнейшим укреплением своих позиций, в октябре 1957 г. Хрущев инициировал отставку ставшего ему лично опасным Г. К. Жукова, позиция которого объективно противостояла всевластию аппарата. Во время государственного визита маршала в Югославию Президиум ЦК КПСС вывел его из своего состава и освободил от должности министра обороны СССР. Жуков был обвинен в «бонапартизме» и в стремлении поставить Министерство обороны выше ЦК. Новым министром обороны был назначен маршал Р. Я. Малиновский. Последнюю точку в борьбе за единоличную власть Н. С. Хрущев поставил в начале 1958 г., совместив посты председателя правительства и первого секретаря ЦК КПСС. Однако ценой этой победы стала его зависимость от партаппарата, поставившего всю последующую реформаторскую деятельность Хрущева во вполне определенные рамки, ограниченные интересами партийно-государственной бюрократии.

§ 3. Реформы Н. С. Хрущева

Новый курс в деревне. Начавшиеся после смерти Сталина реформы были вынуждены и неизбежны. Их параметры и основные задачи фактически были определены еще при жизни «отца народов». Реформы не затрагивали основ власти и определялись прежде всего внешним вызовом: необходимостью выдержать экономическое и военное противостояние с Западом. К началу 1950-х гг. в наиболее сложном положении оказалось сельское хозяйство страны. Российская деревня находилась практически на грани голода. Город по-прежнему жил за счет деревни, которая оставалась основным источником поступления средств и трудовых ресурсов для промышленности. На колхозников не распространялось государственное пенсионное обеспечение. Кризис колхозно-совхозной деревни, ее деградация являлись прямым результатом господства в стране репрессивно-командной системы, отсутствия адекватного экономического механизма хозяйствова-

ния, демократических основ в деятельности колхозов и совхозов. Заготовительные цены на сельхозпродукты были во много раз ниже рыночных. Хорошо работающим хозяйствам устанавливались более высокие задания поставок государству сельхозпродукции. После февральского 1947 г. Пленума ЦК КПСС колхозы фактически были лишены права решать не только сколько, но и что сеять. Деревня резко отставала от города по условиям жизни. Крестьяне не имели паспортов и, по сути, принудительно прикреплялись к земле. Сталин до последних дней не видел причин для изменения аграрной политики. В феврале 1953 г. он в очередной раз предложил повысить налог на колхозы еще на 40 млрд рублей. Лишь после смерти Сталина в августе 1953 г. по инициативе Маленкова и Хрущева была предпринята первая попытка вывести сельское хозяйство из тяжелого кризиса. На сессии Верховного Совета СССР было предложено увеличить капитальные вложения в деревню, повысить закупочные цены на мясо, молоко, шерсть и другие сельскохозяйственные продукты. Правительство списало все недоимки с личных хозяйств, накопившиеся с военных лет, уменьшило вдвое сельхозналог, снизило нормы обязательных натуральных поставок. В сентябре был намечен комплекс мер по расширению самостоятельности колхозов и совхозов и усилению их экономической заинтересованности в росте производства. Поворот к экономическим методам руководства был направлен на преодоление неэффективности колхозной системы, но не затрагивал ее сути. На практике экономические методы по-прежнему подменялись командно-административными, а меры по материальному стимулированию колхозников проводились параллельно с мероприятиями по свертыванию личного подсобного хозяйства.

Через полгода после сентябрьского (1953 г.) Пленума, ориентировавшего страну на оказание помощи деревни, февральско-мартовский Пленум (1954 г.) определил курс на освоение целинных земель. Этим решением постановления сентябрьского Пленума были фактически заблокированы, так как свободных ресурсов на освоение целины не было. За 1954—1961 гг. в освоение целины было вложено более 20% всех госвложений в сельское хозяйство. Поворот к целине, в целом назревший и оправданный, означал отказ от интенсивных методов ведения сельского хозяйства и усиление административных мер. Тем не менее даже частичная реализация мер, намеченных сентябрьским Пленумом (авансирование труда колхозников, расширение прав членов артелей, паспортизация сельских районов), обеспечила в 1950-е гг. самый высокий за все время после коллективизации рост сельскохозяйственного производства. К 1958 г. валовая продукция аграрного сектора выросла более чем на треть. Сельское хозяйство СССР впервые стало рентабельным.

Освоение целины стало крупнейшим начинанием, реализованным Н. С. Хрущевым в аграрной сфере. В условиях экстенсивного развития советской экономики, слабого развития химической индустрии, бюрократизации аппарата управления лишь освоение целинных земель сулило быструю отдачу и позволяло хотя бы на время снять остроту продовольственной проблемы. Однако расширение пахотных земель велось штурмом, без серьезной научной проработки. На работу в целинные степи по комсомоль-

ским путевкам ехала молодежь со всей страны. Первоцелинники проявляли колоссальное мужество, волю. Порой приходилось работать целыми сутками. Спали в палатках, или прямо в поле. Как и в годы первых пятилеток, при освоении целины активно эксплуатировался трудовой энтузиазм масс, готовность людей работать бесплатно и в тяжелых условиях. За 1954—1957 гг. было освоено 36 млн га, что позволило увеличить производство зерна в 2 раза. В 1960 г. в СССР было собрано 125,5 млн тонн, из них на целине — 58,7 млн тонн.

Освоение целинных земель сыграло немаловажную роль в развитии сельского хозяйства Западной и Восточной Сибири, но оно не оправдало надежды на стабильное увеличение урожаев зерновых. Целина, безусловно, помогла на время снять остроту зерновой проблемы, спасла население страны от голода, но задержала перевод отечественного сельского хозяйства на интенсивный путь развития.

Власть оказалась непоследовательной в аграрной политике, начатой в сентябре 1953 г. Безграничная вера советских руководителей в возможности колхозного строя, предубежденность против любой личной собственности не позволили эффективно реформировать сельское хозяйство. Вместо дальнейшего расширения материальной заинтересованности в результатах труда колхозникам в приказном порядке навязывали посевы кукурузы и другие нововведения. Село превратилось в полигон для разного рода скороспелых решений и преобразований. Хрущев изобретал один «чудодейственный рецепт» за другим. То он громил травопольную систему земледелия академика В. Р. Вильямса: требовал изгнать из севооборотов травы и расширять посевы пшеницы, объясняя колхозникам, как хороши пироги и пышки из пшеничной муки: «Что такое коммунизм? Это блины с маслом и со сметаной». После пшеницы на долгое время «царицей полей» была объявлена кукуруза, за что сам Хрущев получил в народе прозвище Кукурузник. Вслед за кукурузой и горохом главными и решающими звеньями подъема сельского хозяйства объявлялись ликвидация чистых паров, раздельная уборка хлебов, химические удобрения, поливное земледелие.

С середины 1950-х гг. началось новое укрупнение колхозов. В 1957 –1966 гг. ежегодно ликвидировалось около 10 тыс. уже укрупненных ранее колхозов. Одновременно многие колхозы для укрепления были преобразованы в совхозы, что на практике вело к дальнейшему разрушению традиционного крестьянского уклада, превращению колхозника в наемного сельскохозяйственного рабочего. К 1963 г. осталось лишь 39 тыс. колхозов вместо 91 тыс. в 1955 г. К началу 1960-х гг. в ходе составления планов землеустройства многие тысячи сел и деревень были названы неперспективными. Сотни тысяч крестьян покинули землю, переехав в города.

В 1957 г. перед советским сельским хозяйством была поставлена задача в кратчайшие сроки (по молоку — за год) догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Не опирающаяся на реальные возможности, эта программа также потерпела полный провал. Далеко идущие негативные последствия для всей страны имела ликвидация в марте 1958 г. машинно-тракторных станций (МТС). Сосредоточенная в МТС со времен коллективизации техника использовалась неэффективно. Кол-

хозы были единственными предприятиями в стране, которые сами не распоряжались своими орудиями труда, поэтому им было предложено выкупить технику у МТС в принудительном порядке за наличный расчет или с предоставлением на эти цели кредита в течение одного года. Прогрессивная реформа оказалась плохо подготовленной и в конечном итоге подорвала экономику колхозов. У пятой части хозяйств вообще не оказалось средств на покупку собственной сельскохозяйственной техники. Большинство из них резко снизили оплату трудодня. Кроме того, резко ухудшилось техническое обслуживание купленной колхозами техники, так как половина наиболее квалифицированных механизаторов, ранее работавших в МТС, покинули село.

На рубеже 1960-х гг. провал хрущевской аграрной политики становится очевидным. Экономические стимулы в деревне вновь перестают действовать. В немалой степени этому способствовала незаконная ликвидация на рубеже 1960-х гг. личного скота сельских жителей, якобы отвлекавшего их от труда в общественном хозяйстве. Главным результатом этой политики стало фактическое завершение раскрестьянивания деревни, снижение темпов роста сельскохозяйственного производства. Чтобы избежать голода в 1963 г., Хрущев впервые за всю историю страны пошел на массовые закупки зерна за рубежом. Во многих городах было введено закрытое распределение продуктов по карточкам. Реформирование сельского хозяйства окончательно зашло в тупик.

Перестройка в промышленности. В мае 1957 г. ликвидацией отраслевых министерств и созданием совнархозов началась реализация одной из самых крупных реформ, осуществленных Н. С. Хрущевым. После XX съезда страна находилась на подъеме. Большинству населения казалось, что выигрыш в экономическом соревновании с Западом не за горами. На деле положение в экономике было тревожным. В условиях ликвидации принудительного труда, отмены суровых наказаний административно-командная система теряла свои сильные стороны. В народном хозяйстве нарастали диспропорции, безхозяйственность и расточительство. Ситуация усугублялась снижением прироста рабочей силы. Нарастающая централизация, отраслевая замкнутость в развитии промышленного потенциала, ведомственность все более противоречили объективной необходимости расширения межотраслевых связей предприятий. Одновременно их интересы все больше расходились с интересами потребителей, с потребностью в непрерывном технологическом обновлении. К концу пятой пятилетки в стране насчитывалось более 300 тыс. предприятий. Управлять ими в новых условиях из столичных министерских кабинетов становилось все труднее. Н. С. Хрущев увидел в ликвидации министерств и переходе к территориальному управлению возможность освободить правительство от неэффективного вмешательства в местные дела, ослабить влияние бюрократии. Чисто интуитивно советский лидер стремился децентрализовать управление в стране и ограничить монополию центра на власть.

В соответствии с Законом о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством общесоюзные министерства (за исключением оборонных) были упразднены. Взамен было соз-

лано свыше 100 советов народного хозяйства (совнархозы) административных экономических районов (в том числе 76 — в РСФСР), которые становились основной организационной формой управления. Реформа позволила упростить всю структуру управления промышленностью и строительством. Численность аппарата органов государственного и хозяйственного управления была сокращена почти на треть и в 1960 г. составляла 1,2 млн человек, т. е. была самой низкой за все послевоенные годы. С переходом на новые принципы управления улучшились возможности рационального использования экономического потенциала регионов, меньше стало встречных перевозок. Широкие права получили совнархозы в области труда и заработной платы. Однако реформа не изменила самих принципов управления и планирования в народном хозяйстве, а лишь заменила отраслевую его организацию на территориальную. Она не затрагивала экономического механизма, системы интересов и стимулов и соответственно трудовую мотивацию работников. Как следствие, народное хозяйство продолжало развиваться экстенсивно, общая его эффективность снижалась, постоянно падала и производительность труда. Также весьма невелики были успехи в изменении структуры промышленного производства. Так, несмотря на все усилия по развитию химической промышленности, ее доля в общей структуре промышленности СССР оставалась незначительной. Вскоре стали вполне очевидны принципиальные недостатки новой системы: местничество и стремление регионов использовать ресурсы для собственных целей. Самое же главное — это были локальные, эволюционные изменения, направленные прежде всего против бюрократической централизации и не предполагавшие революционной ломки всей организационной структуры управления народным хозяйством страны.

Реформа образования. Важнейшей реформой, осуществленной в 1958 - 1964 гг., стала реформа системы народного образования. Она была призвана снять возникшее противоречие между всеобщим стремлением подрастающего поколения к высшему образованию и острой потребностью советской экстенсивной экономики в новых рабочих руках. Выпускники средней школы неохотно шли работать на производство, считая такой труд непрестижным. В то же время в середине 50-х гг. советские вузы могли принять менее трети из 1,5 млн выпускников средней школы. В соответствии с Законом об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР (принят в 1958 г.), средняя школа приобретала политехнический профиль. Продолжительность обучения в средней школе была увеличена с 10 до 11 лет. После получения всеобщего восьмилетнего образования в старших классах акцент делался на производственном обучении для получения какой-либо рабочей профессии. Однако материальная база школы оказалась не подготовлена к реализации задач производственного обучения. В абсолютном большинстве школ выбор профессий был невелик и чаще всего носил случайный характер. К 1963 г. стало очевидно, что средняя школа не годится в качестве основного источника пополнения предприятий и строек квалифицированными кадрами.

Новая социальная политика. Из всех реформ, осуществленных в хрущевское «великое десятилетие», наибольшее воздействие на дальнейшее развитие советского общества имели преобразования в социальной сфере. Обратной стороной успехов в послевоенном восстановлении и создании ракетно-ядерного щита был низкий уровень жизни, неразвитые потребности и сверхвысокая норма эксплуатации трудящихся. Если в развитых странах Запада удельный вес заработной платы и личного потребления в национальном доходе на протяжении многих десятилетий составлял 60—80%, то в СССР к началу 1950-х гг. — 33,4%, тогда как в 1928 г. он равнялся 58,1%. Чтобы поддерживать миф об успехах социалистического строительства, в Москву, Ленинград и некоторые другие крупные города свозились продукты со всей страны. С этой же целью в течение семи лет после денежной реформы 1947 г. проводились массовые снижения розничных цен на товары народного потребления. Каждое новое снижение цен воспринималось в массах с чувством «глубокого удовлетворения» и расценивалось как зримое свидетельство заботы партии и правительства о народе. Между тем социальные проблемы продолжали углубляться. В результате снижения цен многие товары быстро исчезли с прилавков магазинов, более всего *товарный голод ощущался в провинции*. Массовое снижение цен без учета спроса населения усиливало социальное неравенство. Для большинства семей с низким достатком дорогостоящие товары по-прежнему были недоступны, в то же время высокообеспеченные категории людей получили дополнительные возможности для их приобретения. На рубеже 1950-х гг. особую остроту приобретает жилищная проблема. На одного человека в городе приходилось жилой площади почти на 2 м меньше, чем полагалось по санитарной норме. Коммунальная квартира, в которой проживало несколько семей, становится основным типом городской квартиры.

Начало *перестройки* социальной политики было положено уже весной 1953 г. В письмах трудящихся новому руководству сначала робко, затем все решительней повторяется требование: «Мы все пока живем только для будущего, но не для себя... Улучшение материальной жизни народа совершенно необходимо...» Низкий уровень жизни большинства советских граждан, включая невысокий уровень потребления непродовольственных товаров, низкое качество жилья и благоустройства населенных мест, вынудили власть принять ряд неотложных мер по обеспечению населения продовольственными и промышленными товарами.

К середине 1950-х гг. необходимость доказывать преимущества социализма в мирном соревновании с капитализмом наиболее наглядным путем — через уровень жизни — заставила Хрущева всерьез заняться повышением народного благосостояния, обратить более пристальное внимание на социальные вопросы. Сразу после XX съезда были отменены введенные в 1940 г. суровые наказания за опоздания на работу и прогулы, а также запреты на перемену места работы. В 1956 г. рабочая неделя была сокращена на два часа: с 48 до 46 часов. В последующие годы ее продолжительность сократилась в среднем до 40 часов.

Хрущев отказался от проведения массового, ежегодного снижения цен и основной упор в социальной политике сделал на увеличение денежного вознаграждения за труд через заработанную плату, на премии и пенсионное обеспечение. Уже в марте 1956 г. колхозам было разрешено 50% заработанных средств расходовать на авансирование труда колхозников. С января 1957 г. примерно на треть был повышен минимум заработной платы для рабочих и служащих. Более всего заработная плата была повышена в стратегически важных отраслях промышленности и производствах с тяжелыми условиями труда. Впервые за годы советской власти государство пыталось материально стимулировать труд. Однако «примазин» (принцип материальной заинтересованности) слишком очевидно противоречил сути планово-распределительной системы, и дальше отдельных экспериментов дело не пошло.

Летом 1956 г. было серьезно изменено пенсионное законодательство. Средний размер государственной пенсии был повышен по отдельным категориям населения в 2 раза. Мужчины теперь могли получать пенсию (при наличии трудового стажа) с 60 лет, а женщины с 55. Новая пенсионная система сокращала существенный разрыв в размерах пенсионного обеспечения различных категорий населения и в то же время сохраняла необходимую дифференциацию в зависимости от квалификации труда и заработка каждого выходящего на пенсию. Вопрос о пенсионном обеспечении колхозников был решен лишь осенью 1964 г.

В рамках новой социальной политики были снижены налоги на низкооплачиваемые категории работников, повышены пособия многодетным семьям. Росту реальных доходов населения способствовала отмена в 1956 г. всех видов оплаты за школьное и высшее образование, а затем – отмена обязательной подписки на государственные займы. Изменение социальной политики позволило в короткий срок повысить уровень жизни советских людей, приблизить его к стандартам развитых западных стран.

В середине 1950-х гг. в стране начинается настоящая «жилищная революция». Объявив войну «архитектурным излишествам», Хрущев поставил задачу в 10—12 лет покончить с недостатком жилья. В короткие сроки в городах возводились целые микрорайоны новых пятиэтажных домов с квартирами небольшой жилой площади, рассчитанной на одну семью (впоследствии они получили название «хрущевки»). Впервые в жизни многие тысячи семей получили возможность жить в отдельных квартирах, покинув бараки, подвалы и коммуналки. С 1956 по 1960 г. в новые квартиры переселилось почти 54 млн человек.

Социальная политика, как и все начинания Н. С. Хрущева, носила непоследовательный и половинчатый характер. Ради ускоренного рывка в «светлое коммунистическое будущее» упор в социальной политике, проводимой Н. С. Хрущевым, делался на развитие системы общественных фондов потребления, слабо связывающих человека с результатами его труда, а также на строительство бесплатного государственного жилья, получение которого также не было прямо связано с итогами труда. Такой подход к решению социальных проблем подрывал все прежние установки власти, направленные на стимулирование экономической заинтересованности ра-

ботников. В то же время он способствовал быстрому росту потребностей, постепенному замещению преобладающего в советском обществе «спартанского» типа личности, ориентированной на «голый энтузиазм», на беспрекословное выполнение указаний сверху, человека-винтика, на новый тип личности, с иной, фактически несовместимой с советской системой ценностей. С началом 1960-х гг. в народе все активнее звучат требования улучшения материального положения трудящихся.

§ 4. Социально-экономическое развитие СССР в условиях реформ

«Догнать и перегнать Америку». Шаги Н. С. Хрущева по разоблачению сталинских преступлений породили в стране определенные надежды на возможность нового нэпа с его элементами экономического и внутрипартийного плюрализма. Но этого не произошло. Благоприятные возможности для кардинального реформирования советской системы, направления ее движения по пока еще не родившемуся китайскому пути, равно как и опыт нэпа, Хрущевым не были использованы. Вышедшие из «сталинской шинели» новые вожди так и остались заложниками административно-командной системы и не смогли до конца порвать со сталинизмом. Несмотря на важные шаги, сделанные Н. С. Хрущевым по либерализации советского общества, реального прорыва не произошло ни в отношении норм партийной жизни, ни в деятельности государственных и общественных институтов, ни в социальной и экономической политике. «Мы продукты... революции. Мы были воспитаны на примерах Сталина», — объяснял впоследствии причины своей робости Хрущев. Поэтому он и другие руководители его поколения не смогли психологически решиться на поиски новых направлений, на кардинальное обновление советского общества. В мае 1957 г. Н. С. Хрущев сформулировал лозунг «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения», ставший движущим мотивом и философией всех последующих преобразований «великого десятилетия».

Как и ранее, цивилизационный вызов Запада был интерпретирован Хрущевым и его окружением как чисто количественный. Советское руководство, как и западные политики, отказывалось видеть культурные различия между СССР и Западом. Вновь задача всеобъемлющей модернизации была сужена до задач ускоренного развития народного хозяйства. Советская система в поисках адекватного ответа на «действующий, по выражению Хрущева, на психику людей всего западного мира объем производства США», а также отставание от крупнейшей капиталистической державы в области новейших технологий, технической оснащенности народного хозяйства, в производительности труда вновь пошла по пройденному пути. Сработать на опережение по опыту Японии и некоторых западных стран СССР не позволили, с одной стороны, геополитические амбиции партийных олигархов вкупе с их специфической политической культурой, сформированной в предвоенные годы, а с другой — инерция системы и реалии холодной войны. Стремление советского руководства скорее догнать Америку породило массовые приписки, показуху. Так, несмотря на все усилия и ухищрения власти в центре и на местах, в первый год советско-американ-

ского «соревнования» производство мяса в стране увеличилось лишь на 0,3 млн тонн. Секретарь Рязанского обкома КПСС А. Ларионов, отрапортовавший в декабре 1959 г. о двукратном превышении годового плана производства мяса в области, покончил с собой после того, как обман был раскрыт. После этого соревнование в области животноводческой продукции закончилось, но лозунг «Догнать и перегнать Америку» фактически не был снят.

Выбрав из всех теоретически возможных вариантов реформ один из наиболее консервативных и тупиковых, скованный идеологическими догмами, не имея четкой стратегии и располагая ограниченными экономическими ресурсами для реформирования, Хрущев был обречен проводить крайне противоречивый внутриполитический курс.

Перемены в научно-технической политике. Непоследовательность власти в полной мере проявилась в разработке и реализации новой научно-технической политики. СССР к началу 1950-х гг., несмотря на ряд несомненных достижений, продолжал отставать от Запада в области науки, техники, новейших технологий. В первое послевоенное десятилетие успешно развивались лишь науки, непосредственно связанные с оборонным комплексом, занятые созданием ракетно-ядерного щита.

На Западе под воздействием начавшейся после Второй мировой войны научно-технической революции (НТР) происходит гигантский прирост стратегического потенциала. Это обстоятельство вынуждает советское руководство переосмыслить роль научно-технической деятельности в стране, признать необходимость приоритетного развития новых направлений в науке и технике. После смерти Сталина были критически пересмотрены многие устаревшие схемы развития науки. Ключевым звеном новой научно-технической стратегии становится научно-технический прогресс (НТП). В связи с созданием ракетно-ядерного щита в стране растет авторитет науки, научных работников. В докладе председателя Совмина СССР Н. А. Булганина на июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС была предпринята попытка учесть важнейшие тенденции научно-технического прогресса, призванного ускорить подъем советской экономики. Однако за констатацией факта вступления страны в период научно-технической революции не последовало серьезного анализа состояния научных разработок в стране, действительные причины отставания советской науки и техники от передового мирового уровня названы не были.

НТР, как свидетельствовал мировой опыт, требовала глубоких структурных преобразований во всем народном хозяйстве: изменения места науки в системе разделения труда, создания новых отраслей знаний и производства, а главное – требовала инициативного, самостоятельного работника.

В принятых на XX съезде КПСС Директивах по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 гг., несмотря на призывы максимально использовать в народном хозяйстве достижения науки, упор по-прежнему делался на преимущественное развитие тяжелой промышленности, а реализация технического прогресса ограничивалась сферой промышленности: развитием электрификации, повышением тех-

нического уровня машиностроения. Науке, главному «инструменту» НТР, по-прежнему отводилась второстепенная роль. Ее развитие шло вширь, а не вглубь: создавались новые научные учреждения, расширялась сеть Академии наук СССР. С 1951 по 1957 г. было создано свыше 30 новых НИИ. В районе Новосибирска началось строительство Сибирского отделения АН СССР.

В целом организационные меры середины 1950-х гг. способствовали ускорению научно-технического прогресса. За десятилетие расходы на науку увеличились почти в 4 раза. Как результат, в 1950-е и 1960-е гг. было сделано 80% всех научных открытий СССР за все послевоенные годы. А развитие научно-технической мысли в стране ознаменовалось рядом крупнейших достижений мирового уровня. Так, вслед за пуском 27 июня 1954 г. под Обнинском первой в мире атомной электростанции в разных районах страны началось сооружение еще более мощных атомных станций — Новосибирской, Воронежской и др. В декабре 1957 г. был спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин». Со второй половины 1950-х гг. в Советском Союзе строятся атомные подводные лодки, развивается серийное производство вычислительной техники, что открывает дорогу магистральному направлению НТР — автоматизации производственных процессов. В области физики атомного ядра советская наука смогла занять одно из ведущих мест в мире. В СССР был создан самый мощный в мире ускоритель заряженных частиц с энергией до 10 млрд электрон-вольт. За большой вклад в изучение теории цепных химических реакций академик Н. Н. Семенов был в 1956 г. награжден Нобелевской премией. В 1950-е — начале 1960-х гг. Нобелевской премии были удостоены физики П. А. Черенков, И. М. Франк и И. В. Тамм за теорию излучения Черенкова — Вавилова, академик Л. Д. Ландау за создании теории сверхтекучести, Н. Г. Басов и А. М. Прохоров (совместно с американцем Ч. Таунсом) за разработку молекулярных квантовых генераторов.

Весной 1956 г. на полигоне Капустин Яр под Волгоградом был осуществлен успешный пуск первой в мире ракеты Р-5М с ядерным зарядом. Этот ракетный комплекс сыграл важную роль в создании отечественных ракетных войск стратегического назначения. Через два с небольшим года воинские ракетные части на базе ракет Р-5 впервые заступили на боевое дежурство в Крыму. 17 декабря 1959 г. в СССР создается новый вид Вооруженных сил — Ракетные войска стратегического назначения (РВСН).

Триумфом советской науки и техники явилось создание под руководством С. П. Королева и М. В. Келдыша первого в мире искусственного спутника Земли и выведение его на орбиту 4 октября 1957 г. Первый искусственный спутник был запущен на «военные деньги», выделенные главнокомандующему ракетными войсками М. И. Неделину на реализацию стратегической ракетно-ядерной программы.

Под проект десантирования войск на территорию противника через космос маршал позволил Королеву переоборудовать его штатную боевую межконтинентальную ракету Р-7 в космический корабль «Восток». 12 апреля 1961 г. открыло начало новой космической эры. 108 минут, которые провел на орбите первый в мире космонавт Юрий Гагарин, дали ответ на

вопрос о возможности жизни и работы человека в космическом пространстве.

Успехи в деле освоения космоса определялись интересами военно-промышленного комплекса (ВПК). На Байконуре на один научный старт приходилось три-четыре учебно-боевых пуска.

Непропорциональная перекачка ресурсов в военный сектор, приоритетное развитие отраслей ВПК придают советской экономике в хрущевское десятилетие все более однобокий характер. В отраслях, не связанных с оборонкой, положение было хуже: старело импортированное в годы первых пятилеток промышленное оборудование, крайне медленно осваивались новые типы машин, новые технологии.

Тем не менее яркие достижения в освоении космоса, относительно высокие темпы роста промышленного производства породили в советском обществе определенную эйфорию, уверенность в возможности гигантского рывка вперед. Авантюрные начинания Хрущева по ускоренному строительству в СССР «светлого коммунистического будущего» нашли определенную поддержку в научной среде. Даже крупные ученые занимались во второй половине 1950-х гг. обоснованием партийных директив по коммунистической перспективе, участвовали в подготовке новой Программы КПСС.

Начало духовного раскрепощения. С ослаблением политических репрессий в советском обществе происходит заметное раскрепощение умов, зарождаются и начинают проявлять себя элементы инакомыслия, растет неформальная политическая активность отдельных слоев населения, прежде всего творческой и научной интеллигенции. Пробуждение общественного сознания стало реальностью еще на рубеже 1950-х гг. Смелые очерки Валентина Овечкина «Районные будни», опубликованные в 1952 г., буквально взорвали приукрашенное представление о процветающей «сталинской» деревне. Идейной подготовкой перемен стал ряд статей, опубликованных в 1953—1955 гг. в журнале «Новый мир»: «Об искренности в литературе» В. Померанцева, «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» Ф. Абрамова, а также повесть «Оттепель» И. Эренбурга, давшая наименование всему хрущевскому десятилетию. Благодаря дискуссиям, борьбе мнений, постепенно захвативших литературу, искусство, науку, к середине 1950-х гг. советское общество стало переосмысливать происходившее. XX съезд ускорил процесс духовного раскрепощения. Стремление Хрущева в борьбе за лидерство опереться на поддержку широких общественных слоев способствовало дальнейшей либерализации общества. Жесткий контроль, установленный сталинской диктатурой над всеми сторонами общественной жизни, и в первую очередь над духовной культурой, безжалостное подавление любого свободомыслия в новых условиях были уже неприемлемы. Практика проработочных кампаний, некомпетентного вмешательства партийных органов в творческий процесс была осуждена. Однако инерция административных методов руководства искусством была велика. В начале 1957 г. несправедливой критике подвергнулся роман В. Дудинцева «Не хлебом единым». За публикацию за рубежом романа «Доктор Живаго», удостоенного в 1958 г. Нобелевской премии в области

литературы, Б. Л. Пастернак был подвергнут осуждению и травле и несправедливо исключен из Союза писателей СССР (в 1987 г. был восстановлен посмертно). Важное значение для углубления духовной «оттепели» имело постановление ЦК КПСС от 28 мая 1958 г. об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий», «От всего сердца». Впервые в советской истории партия публично пыталась исправить свои ошибочные решения 1940-х гг. по вопросам искусства.

С середины 1950-х гг. более демократичной стала система руководства культурой. Некоторые функции государственных органов были переданы общественным организациям, часть — местным органам власти. Характерной приметой времени стала реабилитация осужденных в сталинское время художников и писателей. Одним из первых был реабилитирован прославленный театральный режиссер В. Мейерхольд (посмертно). Публиковались ранее запрещенные стихи А. Ахматовой, М. Цветаевой, рассказы М. Зощенко. Началось освоение всего лучшего, что было создано зарубежными и отечественными мастерами культуры. В СССР концертировали лучшие зарубежные симфонические оркестры, певцы мирового класса. Приоткрытие «железного занавеса» позволило советским деятелям культуры бывать за границей. Даже весьма небольшое ослабление партийного диктата принесло положительные плоды. В эти годы Ленинскими премиями как выдающиеся произведения были отмечены романы «Русский лес» Л. Леонова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Путь Абая» М. Ауэзова, «За далью — даль» А. Твардовского, «Тишина» Ю. Бондарева. Литературный журнал «Новый мир», который вновь возглавил А. Твардовский, стал центром притяжения для советской интеллигенции. На страницах журнала печатались новые произведения отечественных авторов и прогрессивных зарубежных писателей. Период «оттепели» положил начало творчеству многих талантливых писателей и поэтов: Ф. Абрамова, В. Астафьева, Г. Бакланова, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, В. Аксенова, В. Войновича. Особым событием в духовной жизни страны стала публикация в 1962 г. повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», открывшей запретную для советской литературы тему сталинских репрессий. Смелыми новаторскими решениями радовали зрителя многие театры России, прежде всего московские «Современник» и Театр драмы и комедии на Таганке. В эти годы в отечественном кинематографе появился новый тип героя, близкого и понятного зрителям своей жизненной достоверностью. Триумфальным стал показ в Канне фильма И. Калатозова «Летят журавли» (1957 г.). Явлениями кино мирового уровня стали «Иваново детство» А. Тарковского (1962 г.), «Чистое небо» Г. Чухрая (1961 г.), «Судьба человека» С. Бондарчука (1959 г.), «Девять дней одного года» М. Ромма (1962 г.) и др. Однако отношение к духовной культуре как к чему-то вторичному, подсобному сказалось в стремлении партийного руководства жестко регламентировать творческий процесс, решать за художников, что и как изображать. Н. С. Хрущев, уверовав в свое право судить, какое искусство нужно советскому народу на «пути к коммунизму», подверг в декабре 1962 г. разносу молодых художников-авангардистов, участников открывшейся в московском Манеже выставки «30 лет МОСХа». На трех встречах

партийного руководства с творческой интеллигенцией в 1962—1963 гг. резким нападкам подверглись те художники, режиссеры, писатели, поэты, которые в своем творчестве стремились отойти от официальных канонов и догм. Своими грубыми и некомпетентными высказываниями Хрущев лишил реформы поддержки наиболее активной и образованной части советского общества.

С конца 1950-х гг. началось наступление на церковь и права верующих. Хрущев, пытаясь возродить угасающий энтузиазм, всячески поощрял усиление борьбы с религиозными пережитками.

Духовное раскрепощение советских людей в годы «оттепели» не было и не могло быть полным, но оно подготовило почву для грядущей перестройки в 1980-х гг.

Решение национальных проблем. Сталинская национальная политика оказалась миной замедленного действия, оставленной им после его смерти. Выступая на словах за всестороннее развитие народов, расцвет наций, в практической политике Сталин стремился к упрощению национальной структуры страны, к созданию централизованного, унитарного государства. В результате грубо попирались права человека, реальное существование многих малых этносов игнорировалось. Их не учитывали в переписях населения, они не были представлены в высшем органе власти страны — Верховном Совете СССР. Депортации в 1941—1944 гг. немцев, калмыков, карачаевцев, ингушей, чеченцев, балкарцев, крымских татар нанесли существенный ущерб национальному развитию этих народов. Двойственным и специфичным в сталинской системе было положение русского народа. Усеченный характер носила политическая система РСФСР — не были образованы компартия, республиканский совет профсоюзов, Российская академия наук. Значительная часть создаваемого в РСФСР национального дохода перекачивалась через союзные министерства в бюджеты других республик. Русский народ не менее других народов страны пострадал от сталинских репрессий: была истреблена значительная часть интеллигенции, духовенства. Однако в глазах нерусского населения России и Союза именно русские были причиной массового геноцида, всех бед, свалившихся в сталинское время на их народы, поскольку в национальных районах, как правило, русские осуществляли сталинскую политику. В силу этой причины в национальных районах РСФСР и страны на фоне быстрого роста национального самосознания исподволь развивалась русофобия, а русский народ, в свою очередь, утрачивал национальную самобытность, терял способность к консолидации национальных сил. Свои специфические проблемы копились в годы сталинизма практически у всех народов, входивших в состав РСФСР.

Новое руководство страны, находясь в плену представлений о полном и бесповоротном решении национального вопроса, в целом не собиралось менять ситуацию в национальных отношениях. 19 февраля 1954 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Крымская область РСФСР была передана в состав Украины. Дарение Крыма Украине по инициативе Хрущева было приурочено к 300-летию воссоединения Украины с Россией. Вхождение Крыма в состав Украины в официальных документах объяснялось

территориальной близостью, общностью экономики и объявлялось «свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому». По существу же «добровольная и безвозмездная» передача полуострова была платой за поддержку украинским руководством Н. С. Хрущева в его борьбе за власть. Эта неконституционная беспрецедентная акция создала для России после провозглашения Украиной независимости в 1991 г. сложную политическую проблему Крыма и Севастополя.

Сохранение основ сталинской национальной политики определяло внутреннюю противоречивость действий Хрущева в этой сфере на всем протяжении «великого десятилетия». Установка XX съезда на всесторонний учет национальных различий и особенностей скоро сменяется курсом на постепенное слияние советских наций и ликвидацию национальных республик в обозримом будущем. В преддверии «светлого коммунистического завтра» без широкого обсуждения решались вопросы административно-территориального деления страны.

В 1956 г. «по инициативе трудящихся» Карело-Финская союзная республика была преобразована в автономную и принята в состав РСФСР. В 1961 г. Тувинская автономная область была преобразована в Тувинскую АССР. Если эти преобразования были продиктованы главным образом причинами политического и внешнеполитического характера, то расширение прав союзных республик, осуществленное в 1954 -1958 гг., диктовалось в первую очередь экономическими причинами: чрезмерное усиление роли центра, союзных органов управления в новых условиях сильно тормозили развитие народного хозяйства страны. В эти годы более 14 тыс. промышленных предприятий перешли под юрисдикцию союзных республик.

Наиболее значительной вехой национальной политики Хрущева стало восстановление национальной автономии пяти народов, несправедливо депортированных в Среднюю Азию и Казахстан. В феврале 1957 г. Верховный Совет РСФСР восстановил Чечено-Ингушскую АССР в составе России, образовал Калмыцкую АО, а затем в 1958 г. автономную республику. Кабардинская АССР была преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР, а Черкесская АО — в Карачаево-Черкесскую АО. Справедливость восторжествовала не до конца: сталинские преступления не были осуждены, не были реабилитированы крымские татары, месхи, немцы. При восстановлении автономий вновь перекраивались территории. Так, Калмыкия лишилась двух своих восточных районов, Чечено-Ингушетия — своей западной части, района этнического расселения ингушей. Обвинения в «измене» тяготело над поволжскими немцами до 29 августа 1964 г., но и тогда признание несправедливости не означало разрешения вернуться в родные места и восстановления автономной республики немцев Поволжья. Не были решены в 1950-е гг. и другие назревшие вопросы межнациональных отношений.

Либерализация внешней политики. Поиски новых подходов к решению международных проблем начались сразу после смерти Сталина. И Берия, и Маленков, и позже Хрущев считали прежнюю внешнюю политику Сталина нереалистичной, неэффективной и опасной. Новые руководители

страны всерьез опасались, что Запад, нарастивший мускулы во время корейской войны, воспользуется смертью Сталина и вступит в открытый конфликт с СССР. Понимая опасность продолжения холодной войны, чтобы выиграть время для завершения раздела власти, Маленков уже 16 марта 1953 г. признал Запад начать переговоры с целью смягчения международной обстановки. Для не обладавших достаточной властью и авторитетом сталинских наследников задача состояла в том, чтобы смягчить международную обстановку, не делая при этом серьезных уступок. В 1953 г. Советский Союз отказался от выдвигаемых Сталиным требований к Турции о введении режима совместной обороны черноморских проливов. Встреча в Женеве в 1955 г. глав противостоящих блоков была расценена на Западе как начало «оттепели» в холодной войне. В том же 1955 г. СССР объявил о прекращении состояния войны с Германией, год спустя — с Японией. В 1955 –1960 гг. наша страна в одностороннем порядке сократила численность своих Вооруженных сил почти на 4 млн человек. Советское руководство предприняло также шаги по частичному изменению характера отношений со странами Восточной Европы. Чтобы облегчить экономическую ситуацию в ГДР, СССР отказался от репараций и сократил расходы восточных немцев на содержание советских войск в Германии. Важным событием стало восстановление летом 1955 г. отношений СССР с Югославией. Тем самым СССР отказался от признания законной только советской модели социализма.

После XX съезда во внешнюю политику СССР был внесен больший элемент реализма. Мирное сосуществование государств с различным общественно-экономическим строем виделось как единственно возможная альтернатива ядерной войне. Идеологическая борьба отныне считалась внутренним делом каждого государства, она отделялась от межгосударственных отношений. Однако время глубокого поворота в политическом мышлении еще не наступило. Холодная война оказала слишком глубокое воздействие на обе противоборствующие стороны.

Политика Запада в эти годы давала советскому руководству немало поводов сомневаться в искренности усилий по смягчению международной напряженности. В конце октября 1956 г. началась тройственная британо-франко-израильская агрессия против Египта (вторжение осуществлялось под предлогом защиты жизненных интересов Запада). Хрущев, понимая огромное значение интересов страны на Ближнем и Среднем Востоке, предпринял меры к улучшению отношений с арабскими странами. Решительно отвергнув возможность какой-либо сделки с Великобританией в это время, СССР заявил о своей готовности применить силу против агрессоров.

В эти годы ускорилось формирование военных блоков. В 1954 г. был создан СЕАТО, в 1955 г. под эгидой Великобритании – Багдадский пакт. В этом же году Западная Германия была принята в НАТО. В ответ на это 14 мая 1955 г. в Варшаве СССР, ГДР, Польша, Чехословакия, Болгария, Венгрия, Румыния и Албания подписали договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, получившем название Варшавского договора (ОВД). Этот договор возлагал на СССР обязанность оказывать помощь своим со-

юзникам любыми средствами, включая применение военной силы, и юридически обосновывал пребывание советских войск в Германии и других странах, где они были размещены после окончания войны.

События в Венгрии. После XX съезда в странах народной демократии резко возросло внутреннее напряжение, стали быстро набирать силу антитоталитарные процессы. Особенно остро развивались события в Польше и Венгрии. В июне 1956 г. рабочие волнения в Познани (ПНР) были подавлены силой оружия.

В Венгрии раздавались требования возвращения к довоенным порядкам, выхода страны из ОВД и вступления в НАТО. 23 октября 1956 г. в Будапеште начались массовые выступления населения. В Москве расценили эти события как контрреволюционный мятеж, угрозу интересам СССР. 4 ноября советские войска вошли в Будапешт и силой оружия подавили народное выступление. После событий в Венгрии идея обеспечения мира с позиции силы стала доминирующей в советской внешней политике, а дальнейшей либерализации советского общества был положен конец.

§ 5. Последние годы правления Н. С. Хрущева

Осложнение международной обстановки. По наблюдениям западных советологов, зимой 1959—1960 гг. Россия выглядела удовлетворенной и счастливой. Но так было лишь на поверхности. Трудно совместимые цели как во внутренней, так и во внешней политике (необходимость расширять демократию, не меняя природы советской системы, улучшать отношения с Западом и одновременно проводить курс на победу социализма во всем мире) множили и обостряли противоречия в советском обществе. По этой причине советская внешнеполитическая линия в конце 1950-х — начале 1960-х гг. была подвержена серьезным колебаниям.

По мере затухания «оттепели» во внешней политике страны все более сказывались субъективистские действия Н. С. Хрущева. Человек настроения, неискушенный в дипломатическом, да и обычном этикете, он нередко сам перечеркивал огромные усилия, приложенные ранее. Причиняя Западу своими неожиданными инициативами и импульсивными действиями множество неудобств, Хрущев в конечном итоге не добился серьезных выгод для СССР постоянного характера. Результатом многочисленных внешнеполитических инициатив советского лидера становилась огромная растрата ресурсов.

Появление у Советского Союза на рубеже 1960-х гг. межконтинентальных баллистических ракет способствовало активизации советской внешней политики, дальнейшей глобализации его интересов. Ареной противоборства двух сверхдержав становится весь мир. СССР в эти годы активно поддерживает национально-освободительные движения, другие силы антиамериканской направленности. В свою очередь, США в послевоенные годы продолжали активно наращивать вооруженные силы, в больших масштабах оказывать экономическую помощь прозападным правительствам во всем мире. Обоюдное стремление двух противоборствующих блоков к расширению сфер влияния дважды в течение одного пятилетия ставило мир на грань ядерной катастрофы. Первый опасный международный кри-

зис начался в 1958 г. вокруг проблемы Западного Берлина, после того как Запад отклонил требование советского руководства изменить его статус и превратить Западный Берлин в свободный демилитаризованный город. Новое обострение кризиса вокруг статуса Западного Берлина произошло в 1961 г. 13 августа 1961 г. по инициативе руководителя ГДР В. Ульбрихта Западный Берлин был обнесен стеной из бетонных плит и колючей проволоки. Эта мера дала возможность правительству ГДР предотвратить «голосование ногами» против тоталитарного государства, но поставила мир на грань ядерной войны. Через несколько месяцев после берлинского разразился Карибский ракетный кризис. Весной 1962 г. советское и кубинское руководство принимают авантюрное решение разместить на Кубе советские ракеты средней дальности. Н. С. Хрущев рассчитывал без больших затрат создать в 160 км от берегов США ядерный кулак и заставить своего главного соперника разговаривать с нашей страной на равных. Размещение на Кубе советских ракет вызвало в США политический взрыв. Противостояние достигло своего пика 27—28 октября 1962 г., когда человечество вновь оказалось на грани термоядерной войны. Однако благоразумие восторжествовало. Был достигнут компромисс: СССР вывез ядерные ракеты с острова в ответ на обещания президента Д. Кеннеди не вторгаться на Кубу.

Самый острый кризис холодной войны показал обеим сторонам опасность балансирования на грани войны и заставил США и СССР пойти на диалог. В 1963 г. было подписано исключительно важное соглашение, направленное на сдерживание гонки вооружений: США, СССР и Великобритания прекратили все ядерные испытания, кроме подземных. Карибский кризис привел к падению авторитета СССР на международной арене. Вместе с тем он показал, что при наличии доброй воли можно преодолеть любые препятствия и сохранить мир.

«Кризис доверия». Параллельно с внешнеполитическими проблемами советское руководство на рубеже 1960-х гг. сталкивается с серьезным социально-политическим кризисом внутри страны. Грубые ошибки власти в реализации социально-экономической политики вызывают массовое недовольство населения. Наиболее очевидным проявлением кризиса доверия власти становится массовая рассылка анонимных документов с восхвалением участников антипартийной группы и угрозами в адрес руководителей КПСС и правительства. В 1960—1962 гг. на территории СССР было распространено более 34 тыс. антисоветских анонимных документов, в том числе 23 тыс. листовок. В эти годы заметно активизируется создание подпольных антисоветских групп, возникает стихийное забастовочное движение. Осенью 1959 г. в казахстанском городе Темиртау в палаточном городе, где жили молодые строители, начались стихийные выступления против беззакония и произвола, царящего на всесоюзной комсомольско-молодежной стройке. Рабочие выражали недовольство плохими жилищными условиями, низкой заработной платой. На подавление беспорядков были брошены войска, в столкновении погибло более десятка человек. Социальная напряженность в стране нарастала на протяжении всего 1961 г. и первой половины 1962 г. Ухудшение социально-экономической ситуации

в стране превращает глухое брожение умов в реальный политический фактор.

1962 г. становится годом крушения хрущевской «оттепели» и всех надежд, которые она породила в обществе. Хрущев и его сторонники оказались в порочном круге: обострявшиеся экономические проблемы требовали непопулярных мер — повышения закупочных и розничных цен на продовольствие. Непопулярные меры, в свою очередь, таили реальную угрозу окончательного разрушения социального консенсуса. В этих условиях власть совершает грубый просчет. Экономически верному решению правительства повысить с июня 1962 г. цены на мясо, молоко сопутствовало ужесточение норм выработки и расценок на целом ряде промышленных предприятий. Эта мера вызвала взрыв возмущения в стране. Народ увидел в повышении цен попытку власти решить свои проблемы за счет масс. Различные проявления недовольства имели место в Ленинграде, Донецке, Выборге, Тбилиси и целом ряде других городов страны. В Новочеркасске (Ростовская обл.) повышение цен совпало с очередным снижением расценок, т. е. фактическим снижением зарплаты на крупнейшем предприятии города — электровозостроительном заводе. Абсолютно стихийно на заводе возник митинг. Требования рабочих были поддержаны многими горожанами. Испугавшись распространения народных волнений по всей стране, спешно приехавшие в бунтующий Новочеркасск члены Президиума и секретари ЦК КПСС Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, А. Н. Шелепин и др. приняли решение применить оружие для разгона демонстрантов. В итоге 24 человека были убиты. Официальные власти, опасаясь эффекта домино, пытались скрыть правду от народа, однако факт выступления рабочих получил огласку и способствовал разрастанию антихрущевских настроений. После событий в Новочеркасске волна столкновений народа и власти пошла на убыль. Хотя и после них власть еще неоднократно применяла оружие для подавления народных выступлений.

В поисках выхода. Социально-политический кризис начала 1960-х гг. вновь поставил руководство страны перед выбором. Каждый новый неудачный эксперимент в экономике обнажал роковой для социалистической системы хозяйствования вопрос: как заставить людей работать, где найти новые стимулы к труду? Рынок, конкуренция, прибыль как инструменты хозяйственного механизма отрицались в СССР по идеологическим соображениям. По этой причине не был востребован в СССР югославский опыт. Социализм там, по мнению Хрущева и его окружения, «отдавал сильным капиталистическим душком».

Использование Хрущевым мер материального стимулирования по развитию товарного производства, по ослаблению идеологического контроля над духовной сферой общества на первых порах принесло ощутимые положительные результаты, но при этом скоро обернулось ростом дефицита промышленных и продовольственных товаров, падением производительности труда на общественном производстве, ростом обывательских «мелкобуржуазных» настроений. С 1961 г. начинается непрерывное падение темпов развития советской экономики. Среднегодовые темпы прироста

национального дохода к 1963 г. падают по сравнению с первой половиной 1950-х гг. в 3 раза.

В 1961 г. по инициативе Хрущева на XXII съезде КПСС была принята новая Программа КПСС, в которой провозглашалась идея построения коммунизма в СССР к 1980 г. Советским людям предлагалось в течение ближайшего десятилетия (1961- 1970 гг.) превзойти по производству продукции на душу населения США, а в последующие 10 лет — создать такую материально-техническую базу, которая обеспечила бы изобилие материальных и культурных благ для всего населения. Однако начало «развернутого строительства коммунизма» в СССР совпало с очередным исчезновением с прилавков магазинов не только мяса, но и белого хлеба, вермишели и других продуктов. К началу 1960-х гг. Н. С. Хрущев стал осознавать, что чисто административными методами остановить нарастающие негативные тенденции невозможно.

25 апреля 1962 г. Хрущев выступил с предложением о разработке проекта новой Конституции, более демократичной, чем сталинская Конституция 1937 г. Его неудержимая энергия, стремление к переменам были просто уникальными и у консервативно настроенных партийных лидеров вызывали скорее раздражение. Всех начинаний Хрущева хватило бы не на одно десятилетие. Но партийные и государственные чиновники после прекращения сталинских репрессий хотели спокойной жизни. Чашу терпения партийного аппарата переполнило решение Хрущева о введении в Устав партии принципа обязательной ротации руководящих лиц: при каждых выборах предполагалось менять одну треть членов партийных комитетов — от Президиума ЦК до районных комитетов.

Накопившееся в разных слоях общества недовольство правлением Хрущева было использовано его окружением из высшего руководства партии.

ГЛАВА 8. ОТ СТАБИЛЬНОСТИ К КРИЗИСУ

§ 1. Смена политического курса

Смена политического курса. 14 октября 1964 г. на Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев был смещен со всех государственных и партийных постов и отправлен на пенсию. В официальном сообщении говорилось об отставке из-за преклонного возраста и состояния здоровья. Фактически на Пленуме ЦК КПСС Хрущеву были предъявлены серьезные обвинения в развале экономики, принижении роли советских и партийных органов, личной нескромности, насаждении культа собственной личности, стремлении единолично решать важнейшие вопросы. К началу 1960-х гг. Н. С. Хрущев полностью исчерпал реформаторский потенциал, оказался неспособным к обновлению устаревших теоретических представлений, старого опыта. Уже в 1962 г. стал вполне очевиден крах его основных начинаний. Семилетка была провалена по основным показателям, как и планы ускоренного строительства коммунистического общества. В стране не хватало важнейших продуктов питания. На его закупку за рубежом тратились сотни тонн золота. Хрущев становился все более неудобным и даже опасным для верхушки партийного руководства своими непродуманными, хаотичными реформами, не дававшими ощущения стабильности правящей элите, компрометирующей ее в глазах народа. Летом 1964 г. советский лидер предложил новую реорганизацию системы управления в стране. Назревала новая кадровая перетряска. Последней каплей, переполнившей чашу терпения ближайшего окружения неутомимого реформатора, стала идея о замене семилетних народнохозяйственных планов восьмилетними, призванными скрыть неудачи семилетки.

При отсутствии четкого конституционного механизма смены руководства страны подготовка смещения Н. С. Хрущева тайно велась с начала 1964 г. группой высокопоставленных заговорщиков. Видную роль в ней наряду со вторым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и секретарем ЦК Н. В. Подгорным играли секретарь ЦК КПСС и председатель Комитета партийно-государственного контроля А. Н. Шелепин, руководитель КГБ В. Е. Семичастный, заведующий отделом административных органов ЦК КПСС Н. Р. Миронов.

Заседание Президиума ЦК КПСС 12—14 октября, на которое срочно из отпуска был приглашен Хрущев, проходило очень бурно. Хрущев вначале не дал согласия на добровольный уход в отставку, но потом подписал заранее подготовленный членами Президиума ЦК текст заявления о своем уходе.

После отставки Хрущева в стране не произошло ни одного митинга, не было принято ни одной резолюции в его защиту. По существу, смещение Хрущева отвечало внутренним потребностям общества. Однако сделано это было в тайне от народа, без гласного обсуждения, без глубокого изучения уроков «великого десятилетия». Так закончилась эпоха XX съезда. Главным результатом противоречивого десятилетия стало утверждение

в стране более свободной атмосферы, в жизнь вошло поколение людей, не знавших тотального страха. Благодаря Хрущеву в стране произошла десакрализация власти, она лишилась ореола недоступности и высшей мудрости, которыми на протяжении сталинского правления наделяли ее советские люди.

В соответствии с принятыми на партийном пленуме решениями должности первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров были разделены. Первым секретарем стал Л. И. Брежнев, премьер-министром — А. Н. Косыгин. Л. И. Брежнев представлял собой полную противоположность Хрущеву с его смелостью, жаждой новизны и перемен. И по характеру, и по интеллекту Брежнев не обладал качествами руководителя великой державы, которые нужны были для реализации коренного обновления общества. Он, по отзывам ближайшего окружения, не любил, когда ему предлагали слишком теоретизированные фрагменты в проектах его речей и выступлений. Отсюда и такие качества нового лидера, как исключительная осторожность при принятии серьезных решений, постоянная потребность выслушивать советы. Хотя, как справедливо подметил журналист-международник А. Бовин, Брежнев исходил из тех же посылок, что и Хрущев: люди хотят жить лучше, спокойнее; нужно во что бы то ни стало предотвратить войну; нужно решительно сдвинуть с мертвой точки сельское хозяйство, ускорить развитие группы «Б» и т. д.

Брежнев оказался у руля Советского государства в результате сложного переплетения политических сил. Многие в руководстве страны рассматривали Брежнева как временную фигуру. В стране ощущалась усталость от лихорадочных нововведений. Слабость Брежнева как руководителя открывала широкие возможности для всевластия партийно-государственной бюрократии. Выдвинутый Брежневым лозунг стабильности означал отказ от всяких попыток радикального обновления общества, а борьба с волюнтаризмом Хрущева предполагала первоочередную ликвидацию хрущевских нововведений в области партийно-государственного управления. В руководстве республик и областей, министерств практически прекратились всякие перемены. Глубинные причины кризисных явлений не были вскрыты и продолжали действовать.

Период руководства Л. И. Брежнева не был эпохой застоя, как утверждала перестроечная историография, как не стал и не мог стать периодом официально провозглашенного развитого социализма. Эпоха развитого социализма — закономерный и неизбежный этап кризисного развития советской тоталитарной системы. Закрытость ее перед внешним миром, недемократичность, отсутствие обратных связей между руководством и массами неизбежно вели в тупик. Поэтому официально провозглашенный после октября 1964 г. курс нового руководства на дальнейшее развитие социалистической демократии, освобождение партии от несвойственных ей хозяйственных функций, научное руководство обществом был заранее обречен на неудачу.

Нарастание консервативных тенденций. Встав во главе партии и советского общества, Брежнев и сформированная им команда на первых порах вынуждены были продолжать курс XX и XXII съездов КПСС. Вновь был

провозглашен принцип коллективного руководства. На смену поспешным реорганизациям народу были обещаны научно обоснованные долгосрочные комплексные программы. Вскоре после отстранения Хрущева от власти была реабилитирована генетика. Были исправлены некоторые волюнтаристские ошибки прежнего руководства. Уже в ноябре 1964 г. на специально созванном Пленуме ЦК были объединены промышленные и сельские партийные организации. Затем был организован единый Госплан СССР, восстановлено отраслевое управление через министерства, ликвидированы совнархозы. Были отменены и многие неоправданные ограничения в использовании приусадебных хозяйств рабочих и колхозников, а также личного скота.

Вокруг нового генсека на начальном этапе его деятельности образовалась группа прогрессивных советников, в которую входили Г. Арбатов, Н. Иноземцев, А. Бовин. Брежнев называл их «мои социал-демократы». Воодушевленные идеями перемен специалисты с энтузиазмом работали над проектами реформ. Надежды на обновление социализма, приобретение им второго дыхания овладевают в этот период тысячами людей — от диссидентов до партийных функционеров. В стране возникло мощное технократическое движение, повсеместно велись разговоры о способах совершенствования управления хозяйством, научной организации труда (НОТ), автоматизированных системах управления, изучался зарубежный опыт менеджмента. Именно тогда впервые всерьез заговорили о ценовой реформе, призванной привести в соответствие с требованиями НТР стоимостную структуру производства и цену рабочей силы. Искусственная дешевизна рабочей силы, доставшаяся в наследство от сталинского времени, низкая зарплата приводили к тому, что предприятиям было невыгодно внедрять новые технологии, проще и дешевле было нанимать новых людей для ручных операций. В результате в промышленности почти половина людей была занята на полуручных работах, что не соответствовало требованиям времени.

Поворот нового руководства к более консервативному курсу произошел не сразу. В 1965 г. Н. В. Подгорный был избран Председателем Президиума Верховного Совета, сменив на этом посту А. И. Микояна, единственного из высшего руководства, пытавшегося поддержать на октябрьском Пленуме Хрущева. Выбор дальнейших путей развития страны происходил в условиях противоборства мнений в верхнем эшелоне власти. Одна его часть во главе с А. Н. Шелепиным ориентировалась на консервацию сложившихся методов руководства, другая стремилась вдохнуть новую жизнь в плановую социалистическую экономику с помощью реформ. В конечном счете победил умеренно-консервативный курс, который разделял Брежнев. А. Н. Шелепин и другие сторонники жесткого курса потерпели поражение и вскоре были оттеснены на вторые роли в руководстве.

Консервативный поворот начался в первую очередь в идеологии. В центре общественного внимания вновь оказался вопрос о сталинском наследии. Из официальных документов постепенно исчезают всякие упоминания о XX съезде. Пошла на убыль реабилитация жертв ГУЛАГа, даже

само упоминание о них было запрещено. Попытки реабилитировать Сталина отрицательно сказались на всех сторонах жизни общества.

Отход от курса на десталинизацию оборвал линию на оздоровление морально-политического климата в стране, демократическое обновление. Но в первую очередь изменение политической ситуации сделало невозможным последовательное проведение экономических реформ. Брежнев и его окружение, как ранее и Хрущев, не смогли подняться до осознания реального места СССР в мире, уровня его цивилизационного развития, не смогли понять возможности и проблемы страны, которой они пытались управлять.

По мере укрепления позиции Брежнева во властных структурах все активные участники Октябрьского переворота оказались на второстепенных ролях, а затем на пенсии. Их заменили люди, лично близкие Брежневу. Генсек активно продвигал во власть тех, кто работал с ним ранее в Днепропетровске, а позднее в Молдавии и Казахстане. В свою очередь, брежневское окружение делало все, чтобы раздуть его авторитет и несуществующие таланты.

Усилив свои позиции в партийном и государственном аппарате, Брежнев становится единственным бесспорным авторитетом по всем вопросам развития страны. С середины 1970-х гг. А. Н. Косыгин постепенно лишается своего влияния.

§ 2. Стабилизация по-брежневски

Социокультурные предпосылки кризиса. 1960-е гг. стали переломными в истории советской системы. До этого времени сложившаяся в СССР мобилизационная модель хозяйствования достаточно успешно решала вставшие перед страной задачи. К началу 1960-х гг. в Советском Союзе ценой огромных усилий и жертв был создан мощный индустриальный и научный потенциал. Только на территории РСФР функционировало свыше 400 отраслей и подотраслей промышленности, включая авто- и кораблестроение, нефтехимию и электронику. Страна первой в мире осуществила выход в открытый космос человека, овладела новейшими военными технологиями. Не менее впечатляющим результатом ускоренной модернизации по социалистическому проекту стала демографическая революция, изменившая жизнедеятельность и характер естественного воспроизводства населения. Советское общество стало не только индустриальным, но городским и образованным.

Тем не менее к середине XX в. модернизирующие процессы в СССР были далеки от завершения. Советский Союз еще не был подлинно индустриальной державой. И в экономике, и в социальной сфере осталось много архаичных, доиндустриальных черт.

Экономика была плохо сбалансирована, требовала для своего роста постоянного наращивания производственных ресурсов. Тяжелая и сырьевая отрасли промышленности, а также ВПК, представлявший собой государство в государстве, совершенно замкнутую технологическую группу, развивались успешно, чего нельзя было сказать о гражданских отраслях ма-

шиностроения, практически лишенных притока новейших технологий и обреченных на отставание.

К 1970 г. СССР превосходил США по уровню производства угля, кокса, тракторов, цемента. Железной руды, к примеру, добывалось в 6 раз больше, чем в США, и примерно во столько же меньше производилось предметов потребления.

Гипертрофия добычи ресурсов и первичной обработки, тяжелого машиностроения определяли максимальную энергоемкость производства. На Западе для производства 1 кг потребляемой человеком продукции расходовалось 4 кг исходного материала, а в СССР — 40.

Хронически отставал аграрный сектор экономики. Страна, имея более половины мировых площадей черноземов (в 1985 г. площадь всех сельхозугодий СССР составляла 607,8 млн га, из них 227,1 млн га пашни), не могла накормить население, создать надежную базу для развития индустрии и сферы услуг. СССР покупал хлеб за рубежом, хотя собственный урожай нередко уходил под снег.

При достаточно высоком удельном весе внутреннего продукта СССР, составлявшего 10% мирового, на долю Советского Союза приходилось лишь 4% объема мировой торговли, тогда как на долю США — около 14%. Замкнутость за годы советской власти стала своего рода официальной доктриной, вытекающей из идеологии «враждебного окружения». Мировая экономика по-прежнему рассматривалась как источник неприятностей и бед, а независимость от нее представлялась громадным достижением.

Таким образом, к моменту прихода Брежнева советская экономика носила автаркический и «самоедский» характер, ее большая часть работала не на человека, а сама на себя. В ней воспроизводились, в несколько измененном виде, средневековые принципы вертикальной иерархии, натурального хозяйства, личной зависимости.

Не меньшую опасность для стабильного развития советского общества представляли диспропорции, подспудно накапливавшиеся в социальной сфере.

В результате форсированной урбанизации численность городского населения быстро росла, но советское общество по-прежнему оставалось полугородским, несло на себе печать промежуточности, маргинальности. Советские люди в своем большинстве были горожанами в первом поколении наполовину или на четверть крестьяне. Вырванные индустриализацией из своих родных мест, оказавшись в совершенно новой и чуждой для них городской среде, они довольно быстро обнаружили отсутствие навыков самостоятельного участия в общественной жизни, недостаточную гражданскую зрелость. Советская урбанизация не сопровождалась также формированием развитой городской среды, ростом полноценного, инициативного и экономически независимого среднего класса, хранителя городской культуры и одновременно создателя новых духовных ценностей.

В период с начала 1960-х до начала 1980-х гг. при росте численности населения почти на 25% (по переписи населения 1959 и 1979 гг.) наметилась устойчивая тенденция к снижению рождаемости и увеличению смертности населения. Прирост численности населения СССР за эти годы про-

исходил за счет народов Средней Азии: более 100% прироста имели узбеки, туркмены, таджики, близко к ним стояли азербайджанцы, казахи. 40% имели грузины, армяне, молдаване. Наиболее низкий прирост наблюдался у русских (20%), украинцев (13%), белорусов (19,5%), литовцев, латышей, эстонцев.

В эти годы продолжался, постепенно затухая, структурный сдвиг в занятости и расселении населения. Миграция сельских жителей в города и на ударные стройки составляла около 2 млн человек в год. Из деревень в города переселилась еще 1/5 населения страны. Если в 1939 г. в городах проживало 60,4 млн человек, то к началу 1980 г. городское население страны насчитывало уже более 163 млн. Переход значительной части населения из разряда сельских жителей в городские существенно сказался на развитии общества в эти годы. Культурный мир новых горожан резко изменился за счет доступа к иным видам и формам труда, к более сложным урбанизированным отношениям, но сами города приобрели новые черты. Одним из свидетельств этого стало широкое распространение зародившейся в годы первых пятилеток специфической барачной субкультуры с соответствующим типом «промежуточного», маргинального человека.

С 1970 по 1985 г. численность рабочих в стране увеличилась на 16,8 млн человек, что более или менее обеспечивало возможность экстенсивного развития экономики. Однако сверхиндустриализация исчерпала возможности человеческих ресурсов, создав тем самым естественный предел для развития экономики вширь. Из года в год прирост трудовых ресурсов в промышленности сокращался, а их качество неуклонно снижалось. В общей численности рабочих и служащих в начале 1980-х гг. женщины составляли 51%, тогда как даже в послевоенном 1950 г. этот показатель был равен 47%. В стране насчитывалось около 20 млн инвалидов, более 21 млн алкоголиков, 5,3 млн человек страдали различными психическими заболеваниями.

В эти годы быстро росла численность интеллигенции. Высшее образование имело высокий престиж, и это способствовало тому, что основная часть молодежи после окончания средней школы устремлялась в вузы. В начале 1980-х гг. специалисты, получившие высшее и среднее специальное образование, составляли 32,7% городского населения. В результате возник определенный дисбаланс рабочих мест — технические и инженерные должности в городах были заполнены с избытком, зато образовались вакансии рабочих мест, не требующих особой квалификации и связанных в основном с физическим трудом. Прогнозы на всеобщую автоматизацию процесса производства в этот период себя не оправдали. Труд инженерно-технических работников начал постепенно обесцениваться. Уравниловка при оплате труда в течение многих лет способствовала тому, что даже высококвалифицированные рабочие начинали терять интерес к труду. В научно-исследовательских институтах работа большей части сотрудников сводилась к отсиживанию на рабочем месте, их потенциал оставался невостребованным, в результате — потеря квалификации и деградация специалистов.

Этот процесс усилила система жесткого распределения молодых специалистов. Получая по разнарядке выпускника вуза или техникума, пред-

приятие не могло обеспечить его работой по специальности и вынуждено было использовать на подхвате для выполнения технической или неквалифицированной работы. Ввиду оттока большого числа людей из сельской местности там стали возникать трудности из-за нехватки рабочих рук. В результате получила большое распространение практика шефской помощи колхозам и совхозам.

Многие годы советское общество было одним из самых мобильных в мире. Доступное всем слоям бесплатное образование открывало перед каждым широкие возможности для продвижения. В то же время в силу сохранявшегося все годы советской власти внеэкономического принуждения оно оставалось, по существу, сословным. Внеэкономический силовой характер перекачки людских ресурсов государством порождал и закреплял жесткую систему социальных рангов и статусов. Юридически они не были закреплены. Место правового закрепленного социального статуса заняло идеологическое и партийное: человек продвигался вверх или спускался вниз по социальной лестнице в зависимости от идеологической лояльности и партийности. Особые функции социальных групп, их фактическое правовое неравенство вели к уничтожению «социальных лифтов», к все большей замкнутости этих групп, превращению их в касты.

Таким образом, отягощенная грузом многочисленных неразрешимых противоречий советская система оказалась объективно не готова к глобальным переменам в характере и тенденциях развития мировой экономики, человеческой цивилизации в целом, начавшимся на рубеже 1950—1960-х гг.

Компьютерная революция, означавшая начало нового этапа НТР, совпала во времени с мировым энергетическим кризисом, многократным подорожанием нефти и других энергоносителей.

Технологическое отставание не позволило СССР быстро наладить выпуск нового поколения ЭВМ — персональных компьютеров. В течение долгого времени работа советской промышленности оценивалась главным образом по количественным показателям. В таких условиях промышленность и наука мало нуждались друг в друге. С одной стороны, предприятия не предъявляли постоянного спроса на научные разработки, с другой — ученые, не имея спроса на свою «продукцию», часто занимались никому не нужной тематикой. Вследствие этого, несмотря на рост расходов на научные разработки из государственного бюджета, советская наука неуклонно теряла позиции даже в таких областях, где ранее лидировала. Высадка в июле 1969 г. на поверхность Луны американских астронавтов во главе с Н. Армстронгом покончила с лидерством Советского Союза в освоении космического пространства. За весь послевоенный период советские ученые получили в 14 раз меньше Нобелевских премий, чем американские, хотя в научной сфере СССР было занято почти в 2 раза больше сотрудников.

«Отставание в развитии и использовании вычислительной техники, - констатировал впоследствии академик Н. Н. Моисеев, — было на самом деле симптомом, точным индикатором абсолютно смертельной болезни».

Мировой кризис обнажил (пока главным образом для внешних наблюдателей, поскольку внутри страны симптомы кризиса, а тем более необхо-

димость смены общественного строя, мало кто ощущал) односторонность, а в конечном счете тупиковость советской модели модернизации, во многом повторявшей черты и формы дореволюционных, имперских моделей, в ряде принципиальных моментов углублявших их недостатки.

Как и до революции, государство, власть, «верхи», а не общество, народ являлись главным инициатором и проводником реформ. Необходимость догнать Запад диктовала более высокий темп индустриализации, огромные инвестиции в тяжелую индустрию. Это в конечном счете оборачивалось неразвитостью социальной сферы и общественных сил, заинтересованных в переменах, закрывало всякую легальную возможность формирования и деятельности оппозиции.

В условиях «догоняющего развития» советская власть во имя грядущего торжества равенства и социальной справедливости абсолютизировала российские традиции коллективизма, соборности, основанные на полновластии большинства, признававшего только «мы», исключавшего несогласие и тем более оппозицию.

Без сдерживающего фактора индивидуализма в советском обществе, без демократических свобод, при неразвитости гражданского общества в СССР произошла подмена цели средствами, главной жертвой которой стала свобода как необходимое, хотя и не единственное условие развития человека, его инициативы и предприимчивости.

Вместо расширения индивидуальных и коллективных свобод, являвшихся сутью всех органических модернизаций в мире, целью советской модернизации в 1930—1950-е гг. становится выборочное заимствование технических и организационных достижений более развитых западных стран. Без соответствующих им естественных форм жизнедеятельности западных обществ, таких как рынок, гражданское общество, правовое государство, технические и технологические заимствования лишь маскировали прогрессирующее отставание СССР от передовых стран Запада, ставили его в заведомо проигрышную позицию вечно догоняющего.

Советская система могла быть и была эффективной до тех пор, пока внутренняя потребность в свободе для советских граждан и экономики не была фактором выживания системы.

Ситуация кардинально меняется к началу 1970-х гг. Многократное подорожание энергоносителей заставило развитые государства мира быстро осуществить структурную перестройку промышленности, перейти на новую организацию производства, освоить ресурсосберегающие и так называемые высокие технологии.

Советская модель хозяйствования, лишенная гибкости и внутренних импульсов саморазвития, не смогла ответить тем же: обеспечить в новых условиях высокую эффективность и социальную направленность экономики. Идеологические догмы и непосредственно связанные с ними ограничения на свободу слова, передвижения (в секретной части постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию паспортной системы в СССР» имелись статьи, запрещавшие, в частности, политическим заключенным возвращаться на прежнее место жительства, и тому подобные ограничения) по

своей сущности противоречили главному императиву НТР — становлению в обществе инициативной, самостоятельной, думающей личности.

Преобладание в советском обществе спартанского типа личности, ориентированной на указания «сверху», строгое выполнение санкционированных государством ролей, вопреки всем партийным установкам блокировало разворачивание НТР, современных гражданских производств в стране. Закрытость советской системы, недемократичность, отсутствие в ней обратных связей между властью и народом неотвратимо вели ее в тупик. Уже в 1960-е гг. начинается *медленное, но верное саморазложение системы.* Прежде всего меняется социальный вектор развития. Сутью своеобразного молчаливого соглашения между брежневским режимом и населением СССР становится ориентация общества на потребительские стандарты, «потребительское» общество. Ко времени провозглашения эпохи развитого социализма в Советском Союзе происходит становление нового типа личности с иной, чем прежде, иерархией ценностей. На смену спартанскому *типу с потребностями* сельскопоселенца, с четким делением людей на своих и чужих, человеку-винтику приходит человек, нуждающийся в целом мире вещей, ценностях семьи, самоуважении. Потребности нового социального типа личности в автомобилях, дачах, дорогой электронике, модных вещах и украшениях, объективно возникающие в силу усложняющегося общественного производства, перехода от коммуналок к отдельным квартирам, «демонстрационного эффекта» западных потребительских стандартов, ни по масштабам средней зарплаты советского человека, ни по производственным возможностям советской бюрократизированной и милитаризированной экономики не могли быть в те годы удовлетворены. Реальностью начала 1970-х гг. становится их трудноразрешимый в рамках существующих отношений конфликт.

Внутренние потребности общества в большей свободе граждан в плюрализме мнений и деятельности находят в 1970-е гг. отражение в появлении новых параллельных структур и в экономике, и в социальной организации советского общества, и в идеологии. Наряду с плановой централизованной экономикой укрепляются «цеховики», разрастается теневая экономика, дающая возможность распределения продукции и доходов в соответствии с *предпочтениями потребителей*; рядом с официальной коммунистической идеологией возникает разноликое диссидентство, наряду с рабочим классом, колхозным крестьянством – предпринимательские слои, номенклатура.

Вялая борьба брежневского режима с этими «чуждыми социалистической системе элементами» придает им уродливый, криминальный характер, но не останавливает разложение системы.

§ 3. Советское общество на переломе

Ростки гражданского общества. Важнейшим следствием хрущевской либерализации становятся резкое возрастание в советском обществе *критического потенциала, кристаллизация независимых от государства* ростков, разрозненных элементов гражданского общества.

Начиная с конца 1950-х *гг.* в духовной сфере, наиболее устойчивой к тотальному государственному вмешательству, происходит быстрый рост

элементов и структур гражданского общества. В стране образуются и заявляют о себе различные идейные течения, неформальные общественные объединения, оформляется и крепнет общественное мнение. Независимые общественные силы быстро эволюционируют от попыток улучшения советской системы, борьбы с отдельными ее недостатками к различным формам сопротивления диктату государства и, наконец, к отрицанию в целом социалистического общественного строя.

Нелегитимность альтернативных официальным отношений, структур заранее лишала их широкой общественной поддержки, обрекала зарождающиеся гражданские структуры на однобокость, конфликтность, маргинальность.

В основе позиции большинства людей, причислявших себя к «детям XX съезда», лежало искреннее убеждение, что открытая конфронтация с властями бессмысленна, что это ненужная бравада. Свое предназначение они видели в повседневной конструктивной работе на пользу Отечества. Одной из распространенных форм критического осмысления действительности, демократизации советской системы становятся письма в различные правительственные инстанции, прессу, на радио. Их авторы требовали введения конституционных гарантий против нового культа личности, права «безбоязненно мыслить и высказывать свое мнение».

Открытое противостояние брежневскому режиму в 1970-е гг. — удел отдельных личностей или крайне малочисленных групп граждан. Они еще в хрущевские годы пытались сформулировать общие требования к режиму в социально-экономической области. Группы Краснопевцева и генерала П. Григоренко в Москве, «Колокол» в Ленинграде в своих программах и распространяемых листовках выставляли требования свободы слова, печати, освобождения политзаключенных, повышения заработной платы рабочим и стипендий студентам, улучшения жилищных условий. Инициатором создания первого в СССР независимого профсоюза стал донбасский инженер В. Клебанов. Нелегальность положения диссидентских групп делала их деятельность неэффективной. Информация о них доходила до общественности в искаженном и фрагментарном виде.

Толчком к поляризации общественного сознания стал судебный процесс в феврале 1966 г. над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, обвиненными за публикацию на Западе (под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак) литературных произведений критической направленности. Процесс над писателями стал мощным катализатором диссидентского движения, различных форм гражданской активности. Он способствовал дальнейшему формированию в стране общественного мнения. В распространении самиздата, сборе правозащитной информации, помощи репрессированным принимали участие многие сотни человек. Еще большее число граждан пользовалось правозащитной информацией и литературой. В 1960—1970-е гг. в самиздате выпускаются многочисленные машинописные литературные и общественно-политические журналы: «Вече», «Поиски», «Память» — в Москве; «Сигма», «37», «Часы» — в Ленинграде и многие другие.

Через самиздат и тамиздат советское общество начало познавать себя, осваивать забытое культурное наследие, знакомиться с передовой зарубежной мыслью. С их помощью опальный физик А. Д. Сахаров смог первым поднять вопрос о цивилизационном отставании России от Запада. На страницах самизлатовских изданий летом 1968 г. появились его «Размышления о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе», благодаря которым тысячи соотечественников стали сторонниками теории конвергенции, т. е. мирного сближения социализма и капитализма, слияния их в единое открытое плюралистическое общество. Чуть раньше определяется еще одно альтернативное официальному направление общественной мысли — приверженцев «настоящего социализма», «социализма с человеческим лицом»: историк Рой Медведев и его сторонники видели несовершенство советского общества в недостаточной его демократизации и считали возможным его модернизацию и реформирование. Подавление Пражской весны и связанная с ней волна пессимистических настроений относительно дальнейшей демократизации советского общества создали почву для неославянофильского направления общественной мысли. Его знаменем к середине 1970-х гг. становится А. И. Солженицын. Идеи возвращения к дооктябрьским понятиям и ценностям — православию, сословной беспартийной монархии, величию России, семье — находят определенную поддержку в общественном мнении. Тогда же происходит постепенный отход сторонников русского национального движения от правозащитников, большинство которых разделяли либеральные ценности.

С середины 1970-х гг. начинается новый — хельсинкский — этап диссидентского и правозащитного движения. В мае 1976 г. физиком Юрием Орловым была создана общественная группа содействия выполнению в СССР Хельсинкских соглашений, которая собирала и анализировала материалы о нарушении прав человека в стране и направляла свои отчеты правительствам всех стран — участниц соглашения и в советские государственные органы. В сфере правозащитной деятельности в 1970-е гг. формируется целый ряд независимых от государства организаций: Инициативная группа защиты прав человека (май 1969 г.), Комитет прав человека (1970 г.), Московская и республиканские группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений (начиная с 1976 г.), Комитет защиты прав верующих, Комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях.

Важнейшей функцией диссидентского движения в СССР в 1970-е гг. становится формирование и сохранение определенных общественных идеалов, утверждение самоценности и суверенности личности. Диссидентские лозунги гласности, демократизации общественной жизни, создания правового государства, радикальной реформы в экономике, открытого общества находят отклик в среде писателей, философов, художников. Нравственным ориентиром в литературе до 1970 г. оставался руководимый А. Твардовским журнал «Новый мир». В эти годы мощным средством противостояния господствующему в обществе конформизму становится театр.

Пользуясь любой возможностью, прогрессивные режиссеры пытались откликнуться на важнейшие события общественного бытия.

Укорененность в народе советских реалий, мощь репрессивной государственной машины сдерживали становление независимых от государства гражданских институтов. Как следствие этого, советское общество на рубеже 1980-х гг. в массе своей еще не переросло старые социокультурные рамки. Для кардинального революционного перехода общества в новое состояние требовалась внешняя сила. Катализатором перемен стали глубокие изменения, происходившие в среде номенклатурной элиты.

Трансформация правящей элиты. После отстранения Н. С. Хрущева от власти процесс перерождения советской правящей верхушки стал быстро набирать силу. И в сталинский период высший слой партийных и государственных функционеров, формировавшийся на основе анкетно аппаратного отбора, был наделен огромной властью и привилегиями. Шаг за шагом этот слой укреплял свое положение. Идея сохранения власти, расширения льгот и полномочий сплачивала и объединяла его ряды. Однако до начала 1950-х гг. любой самый высокопоставленный представитель номенклатуры был лишен личной безопасности, испытывал постоянный страх за свою судьбу, свою карьеру, целиком зависел от воли «хозяина». Сталин репрессиями и подачками держал номенклатуру в узде, блокировал ее стремление «приватизировать» свою власть, превратить ее в собственность. Не в малой степени этому способствовала и коллективистская коммунистическая идеология, вера революционеров первого призыва в скорое осуществление идеала социального равенства.

Но чем больше появлялось у правящего слоя материальных возможностей, чем больше деградировала революционная идеология, тем острее становилась потребность в настоящей собственности не только на предметы потребления, но и на промышленные и сельскохозяйственные предприятия и землю. К тому же и сами привилегии — госдачи, персональные автомашины, спецпайки — имели относительный статус: их нельзя было передать детям в качестве наследства.

После смерти Сталина правящая элита освобождается от страха за собственную жизнь, обретает стабильность. С приходом Брежнева к власти номенклатура получает реальную возможность расширить пространство своей личной неприкосновенности, освободиться от многих моральных запретов. Основную часть аппарата, управлявшего в 1960—1970-е гг. партией и страной, составляли люди, начинавшие карьеру после репрессий 1930-х гг. В отличие от большевистских руководителей первого призыва они были лишены фанатичной веры в социальную справедливость. Основу «нового класса» составил высший слой партийных функционеров. В 1960—1970-е гг. его ряды расширяются за счет верхушки профсоюзов, ВПК, привилегированной научной и творческой интеллигенции. Новая номенклатурная элита приносит с собой новые взгляды, настроения, ценности. В отличие от старой номенклатуры, которая зависела от поведения ее верхних эшелонов, новая воплощала скорее интересы системной организации, идущие «снизу». Она была более независима, поскольку обладала собственным неотчуждаемым багажом — профессиональными знаниями, ощущением укорененности в новой социальной почве.

По уровню общей культуры, профессиональным знаниям новое поколение элиты было на голову выше старого: все имели высшее образование, а многие и ученые степени, неоднократно бывали на Западе, пользовались плодами потребительского общества. Для нового поколения правящего класса марксистская идеология была лишь привычной риторикой.

Соответственно меняются и представления номенклатуры о характере развития советского общества. Новые элементы, внесенные в социалистическую систему в годы хрущевской «оттепели» и хозяйственной реформы 1965 г., такие как социалистическая законность, материальное стимулирование, хозрасчет, прибыль, расширили диапазон возможных путей развития советского общества в рамках официальной доктрины. Если в середине 1960-х гг. номенклатура предпочитала стабильное, даже стагнирующее развитие (к каким бы кризисным последствиям оно ни вело), то в 1970-е гг. сначала такой целью становится «социалистически оформленная модернизация», т. е. постепенная трансформация существующего общества, не требующая слома режима и других серьезных потрясений, а затем и «неидеологическая модернизация». Централизованная экономика, политический тоталитаризм более не соответствовали ее интересам.

«Давайте решим, как правильно делать, — предлагал на лекциях известный профессор А. Бирман, — а цитаты из классиков мы подберем».

Не менее важная трансформация происходит в эти годы в распределении функций и, следовательно, реальной власти внутри правящего класса. Уже к концу хрущевского «великого десятилетия» возникли многочисленные корпоративные структуры со своими интересами и рычагами власти.

В партийных органах формировались министерские лобби, на предприятиях действовали толкачи, которые пробивали для своего министерства, региона, предприятия фонды, капитальные вложения, заниженные плановые показатели. Хозяйственная элита в условиях всеобщего дефицита, имея на руках материальные, финансовые и трудовые ресурсы, реально формировала и направляла власть, участвовала в выработке политического курса страны. В борьбе за свои интересы верхний эшелон хозяйственников широко опирался на работников своих отраслей экономики. Рядовые строители и ИТР Минводхоза не меньше чиновников были заинтересованы в реализации разорительного для страны и губительного для природы проекта переброски стока великих сибирских рек на юг. Реализация этой «стройки века» гарантировала бы им на многие годы работу и повышенную зарплату.

Монопольные, корыстные интересы хозяйственников и региональной элиты, усилившиеся в результате хрущевских реформ, ослабляли власть центра, разрушали целостность советской системы.

Импульсивные реформаторские действия Хрущева, который чувствовал, что власть уходит из рук, во многом определялись именно этим обстоятельством.

Под воздействием хозяйственной элиты (особенно из ВПК) более прагматичными становятся идеологическая и региональная элиты, которые все более ориентируются на динамичное развитие экономики страны и социальную стабильность. Таким образом, советский правящий класс, несмотря на острую борьбу и разногласия его элит, становится все более

сплоченной социальной группой, реально осуществляющей всевластие в стране.

Созданная брежневским руководством атмосфера безнаказанности и вседозволенности окончательно меняет общественную психологию и поведение правящего класса. Формируется закрытый для посторонних свой круг, в котором поддерживалось ощущение собственной исключительности, пренебрежительное отношение к нравственным ценностям, к простым людям.

«Обкомовские чиновники, — констатирует в своем дневнике публицист И. Дедков, — в большинстве были важны и как бы заключали в себе некое преимущество перед прочими. Это было написано на их лицах: они знали и ведали то, что не знали и не ведали мы».

У многих высокопоставленных руководителей накапливались уже не предметы потребления, а капиталы. Сам генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, искренне считавший, что в стране «на зарплату» никто не живет, коллекционировал иностранные автомобили. Использовал власть для личного обогащения министр внутренних дел Н. А. Щелоков.

Погрязли в коррупции Узбекистан, Казахстан, Киргизия, где огромные суммы денег перекачивались в виде взяток в карманы первых секретарей обкомов и их окружения. Так называемое узбекское дело раскрыло масштабы их коррумпированности в 1980-е гг.

Главным источником обогащения, «предпервоначального» накопления капитала номенклатуры в 1960-е — начале 1980-х гг. становятся всевозможные злоупотребления должностями, систематические взятки, приписки, протекционизм, «зоны вне критики». Хозяйственная реформа 1965 г., оживившая товарно-денежные отношения в стране, дала мощный импульс собственническим ориентациям правящего слоя. Крупные расхитители, взяточники перестают скрывать нажитое нечестным путем богатство, а охотно выставляют его напоказ. Возрастали значимость и цена людей полезных, способных что-либо достать и чем-либо помочь. Через систему привилегированного образования, а затем и назначений и выдвижений по службе «новый класс» пытается создать систему передачи власти или хотя бы привилегий по наследству.

Следующим закономерным шагом перерождения советской правящей элиты становится фактический переход высших государственных чиновников, министров, директорского корпуса от роли управляющих социалистической собственностью к положению ее реальных хозяев. К середине 1980-х гг. номенклатурная элита, по существу, уже не нуждалась в общественной собственности и искала выход для возможности свободно управлять, а затем и владеть собственностью своей, личной, частной.

§ 4. Реформы экономики 1960—1970-х гг.: годы упущенных возможностей

Новые попытки модернизации. Объективная необходимость глубоких революционных перемен в советской экономике назрела уже к концу 1950-х — началу 1960-х гг. Мобилизационная модель советской экономики исчерпала свои возможности. Оторванность планирования от жизни, отраслевого управления от регионального, монополия производителя в условиях всеобщего дефицита — все это требовало коренных преобразований.

И в целом необходимо было начать переход к «нормальной» экономике децентрализованных решений и товарно-денежных отношений. Но момент был упущен. Экономическая реформа 1957 г. не улучшила положение в народном хозяйстве. Оно продолжало развиваться экстенсивно, ресурсоемкость экономики нарастала, а эффективность падала. Серьезных структурных изменений также не произошло. Главным предметом экспорта СССР по-прежнему оставались нефть и другие виды сырья.

Уже в конце 1950-х гг. отчетливо обозначился спад темпов экономического развития. Замедлился рост национального дохода. В 1961—1965 гг. он вырос всего на 5,7%. Это было намного меньше, чем в предыдущую пятилетку, и недостаточно для решения основных социально-экономических задач. В эти же годы за счет роста производительности труда было получено лишь 62% прироста промышленной продукции, а 38% — за счет быстро возрастающей численности рабочих. Все это свидетельствовало об отсутствии заинтересованности предприятий в эффективном использовании основных и оборотных фондов, во внедрении достижений научно-технического прогресса.

К началу 1960-х гг. экономистам и руководителям производства стало ясно, что хозяйственный механизм устарел. Для преодоления «временных» трудностей требовались иные методы управления экономикой, иные принципы планирования. Из центра было невозможно путем прямого администрирования управлять десятками тысяч промышленных предприятий и организаций. В связи с этим проблема совершенствования управления и планирования становится главной в научных дискуссиях, развернувшихся в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Математическая школа (Л. Канторович, В. Немчинов, В. Новожилов) сосредоточивается на поиске «оптимального планирования», вновь в научный оборот вводятся такие ранее отвергнутые понятия, как полезность, редкость, маржинальный счет. После статьи Е. Либермана в газете «Правда» в 1962 г. в прессе разворачивается дискуссия о возможности использования прибыли в качестве критерия эффективности работы предприятия. Часть ученых доказывала необходимость перехода к экономическим методам управления, активизации товарно-денежных отношений.

Необходимость перемен ощущало и советское руководство. Венгерское восстание и польские события 1956 г. недвусмысленно предостерегали против бездействия. Хаотичные реформы Н. С. Хрущева не заложили прочной правовой и политической основы для последовательной и эффективной модернизации.

Итоги общественных дискуссий подвел сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, давший старт экономической реформе, главным инициатором которой стал Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Пленум поставил задачу существенно изменить соотношение между административными и экономическими методами управления в стране в пользу последних. Таким образом, изначально речь шла о полумерах. Реформа не меняла основ административно-командной системы. Адресное директивное планирование не устранялось, но ограничивалось всего несколькими показателями (вместо 30 только 9), среди которых были объем реализации

продукции, фонд заработной платы, прибыль, рентабельность и др. Выполнение плана теперь выражалось не в валовых показателях, а в объеме реализованной продукции, т. е. учитывалось только то, что действительно было продано.

Предприятия получили небывалую свободу: они могли самостоятельно планировать темпы роста производительности труда, снижение себестоимости, устанавливать величину средней заработной платы.

Руководители предприятий обрели возможность более свободно распоряжаться имеющейся у них прибылью — можно было использовать эти средства и на повышение заработной платы рабочим. Все это создавало заинтересованность предприятий в рентабельной работе и улучшении экономических показателей.

Процесс освоения нового хозяйственного механизма затянулся на годы. Еще до начала реформы в промышленности были ликвидированы совнархозы, руководство отраслями перешло к вновь созданным министерствам. Были организованы единый Госплан СССР, Госснаб и Госкомцен СССР. Вслед за этим весной 1965 г. была проведена реформа в сельском хозяйстве. Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС принял новый порядок планирования в сельскохозяйственном производстве. Вновь были повышены закупочные цены, сокращены налоги, снимались ограничения с личных подсобных хозяйств, введенные при Хрущеве. Планы закупки стали устанавливать сразу на пять лет. Имея твердый план закупки на длительный срок, предприятия могли самостоятельно составлять производственный план, определять наиболее рациональную специализацию. На первых порах эта мера способствовала росту сельскохозяйственного производства.

Осенью 1965 г. 43 предприятия легкой и пищевой промышленности были переведены в порядке эксперимента на новые условия хозяйствования. По мере накопления опыта их число расширялось, и лишь к 1972 г. удалось перевести около 90% промышленных предприятий на новые условия работы. Не удалась попытка реформировать строительство. Номенклатуру вполне устраивал такой замедленный ход реформ. Министерства и ведомства работали по-старому. Их аппарат увеличивался, возникали новые главки. Но принимать важное решение без согласия с соответствующим отраслевым отделом ЦК КПСС они не могли. В Политбюро часть его членов, включая председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, полагали, что условия для реформ еще не созрели.

Тем не менее даже медленное, частичное реформирование промышленности дало неплохие результаты. Восьмая пятилетка (1965—1970 гг.), совпавшая с началом реформ, оказалась лучшей за все послевоенные годы. По официальным (завышенным) данным, валовой общественный продукт увеличился на 43%, национальный доход — на 45%, продукция промышленности выросла на 50%. Происходившее три предыдущие пятилетки снижение темпов роста производства было на время приостановлено.

Инициатору реформ А. Н. Косыгину не удалось осуществить их до конца. В силу многих причин его инициатива потерпела крушение, «ушла в песок». В чем же причины неудачи? Их несколько. Прежде всего, даже

небольшое расширение самостоятельности позволило предприятиям занижать плановые задания, выбирать более легкие для себя варианты решений. В итоге начался опережающий рост заработной платы по сравнению с ростом производительности труда. А. Н. Косыгину пришлось пойти на временное, как тогда казалось, заимствование средств для покрытия бюджетного дефицита из фондов предприятий.

Кроме того, реформам, даже крайне умеренным, эволюционным, противостояли реальные силы — старые производственные отношения, сложившийся аппарат управления, закостеневшее экономическое мышление. Попытка изменить принудительную мотивацию труда на материальную недвусмысленно показала, что это ведет к немедленному разрушению всей плановой системы, и от этой идеи отказались. Реформа была обречена и по другой причине. Преобразования в экономике страны не были поддержаны преобразованиями в политической и социальной сферах.

Изменения в политической системе. Многообразие общественных интересов, складывающееся в советском обществе на рубеже 1960-х гг., требовало кардинального обновления политической системы, признания теории разделения властей, парламентского характера демократии, ликвидации монополии одной партии на власть, обеспечения уважения и расширения гарантий прав человека. Догматическая теоретическая установка партийных идеологов рассматривать советскую политическую систему полностью тождественной общественному строю, а любые попытки ее обновления трактовать как покушение на социализм не позволили осуществить серьезные изменения в политической системе в годы правления Брежнева.

«Социальный заказ» правящего класса в 1965—1985 гг. состоял в том, чтобы любой ценой сохранить существующее положение, статус-кво. Поэтому внешне советская политическая система за брежневское двадцатилетие изменилась мало. Но именно курс на стабильность требовал от властей укрепления властной вертикали, которую в эти годы упорно разъедал ведомственный монополизм. По этой причине в 1965—1984 гг. кадровые перестановки в высших эшелонах власти были сведены к минимуму. К началу 1980-х гг. средний возраст членов Политбюро достиг 70 лет. Не случайно его заседания редко длились больше 15—20 минут.

В составе ключевого органа власти — Политбюро ЦК КПСС — большинство его членов находились более 15 лет, в ЦК КПСС — более 12 лет (А. Н. Косыгин, В. В. Гришин, Б. Н. Пономарев, М. В. Зимянин, М. С. Соломенцев, А. А. Громыко, Н. А. Тихонов от 20 до 40 лет).

Во имя жесткой централизации управления, позволяющей на деле контролировать общество, власть непрерывно наращивала бюрократический аппарат. За брежневское двадцатилетие число общесоюзных и союзно-республиканских министерств выросло с 29 в 1965 г. до 160 к середине 1980-х гг. Тогда же общая численность управленцев достигла 18 млн человек (на 6—7 человек работающих — один управленец). На содержание такого аппарата к середине 1980-х гг. расходовалось более 40 млрд рублей, или 10% государственного бюджета.

В 1960—1970-е гг. на партийных съездах, пленумах ЦК КПСС принимались многочисленные резолюции о дальнейшей демократизации общественной жизни, об ограничении влияния бюрократического аппарата. В соответствии с этими решениями были расширены полномочия сельских Советов. В их ведение перешли многие вопросы, бывшие ранее в компетенции районных советов. В сентябре 1972 г. был принят Закон о полномочиях депутатов всех уровней, однако на практике повысить роль советов не удалось. Советы всех уровней оставались бессильными и безгласными. Даже Верховный Совет СССР оставался декоративным органом, призванным «единогласно» одобрять подготовленные аппаратом резолюции. Важнейшие решения, такие как ввод войск в Афганистан в 1979 г., принимались без вслома высшего органа законодательной власти. Верховный Совет фактически не контролировал правительство, расходы отдельных министерств и ведомств, как это принято в парламентской практике.

С завершением процесса формирования номенклатурной системы практически утрачивает свой элитный статус Коммунистическая партия. Формально она остается стержнем советской политической системы. Все крупные государственные и хозяйственные вопросы решались в партийных инстанциях. Общественному мнению навязывался тезис о «возрастающей руководящей роли КПСС и превращении ее в партию всего народа». Ряды КПСС стремительно росли, достигнув к середине 1980-х гг. 19 млн человек. Однако именно быстрый рост рядов партии и сосредоточение реальной власти в исполнительных органах — бюро, секретариатах, парткомах, а фактически в аппарате (численность которого достигает почти 500 тыс. человек) — снижали былое значение членства в партии. Вследствие бюрократизации КПСС рядовые коммунисты отстранялись от реального участия в определении политики партии, критика снизу глушилась. Партийные съезды все более носили парадный характер, выступления делегатов сводились к самоотчетам и восхвалениям Политбюро во главе с «верным ленинцем» Л. И. Брежневым. Отчетный доклад Брежнева на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. прерывался аплодисментами 78 раз, «продолжительными аплодисментами» — 40 раз, «бурными продолжительными аплодисментами» — 8 раз.

В октябре 1977 г. в СССР была принята новая Конституция. Главным отличием брежневской Конституции от сталинской явилось наличие преамбулы, т. е. вводной теоретической части, в которой говорилось о построении в СССР развитого социалистического общества. Концепция развитого социализма появилась в официальных документах середины 1960-х гг. как альтернатива обанкротившемуся курсу на развернутое строительство коммунизма в нашей стране. Изначально это была попытка критически осмыслить особенности предшествующих этапов развития, ориентировать общество на научно-техническую модернизацию, демократическое развитие. В конечном итоге концепция развитого социализма превратилась в ширму правящего класса. Она способствовала консервации всех пороков системы, уводила общество в сторону от реальных противоречий. В целом же Конституцию 1977 г. можно было назвать новой лишь условно. Она сохранила все черты конституции социалистического типа,

многие принципиальные положения сталинской Конституции 1936 г. Она была далека от жизни, многие ее статьи никогда не работали, в первую очередь обновленная вторая статья, утверждавшая, что «власть в СССР принадлежит народу». Фактическая монополия КПСС на политическую власть получила в Конституции 1977 юридическое обоснование — статья шестая объявляла Компартию «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром ее политической системы».

§ 5. Между разрядкой и конфронтацией

«Доктрина Брежнева». Отстранение Н. С. Хрущева от власти открыло возможность брежневскому руководству пересмотреть и внешнеполитический курс. Уже на XXIII съезде в марте 1966 г. концепция мирного сосуществования была подвергнута критике как отход от марксизма-ленинизма, уступка пацифизму. В результате СССР перешел к более жесткой внешней политике. Был взят курс на достижение военного паритета с Западом.

Одновременно были предприняты значительные усилия по укреплению пошатнувшихся позиций СССР в социалистическом лагере. Разгорающийся идеологический конфликт с Китаем, натянутые отношения с кастровской Кубой после Карибского кризиса и растущая напряженность на переговорах с руководством Демократической Республики Вьетнам были чреваты расколом в международном коммунистическом движении. Прежде всего СССР возобновил контакты с руководством КНР и прекратил открытую полемику между двумя странами по спорным идеологическим и политическим вопросам. На временное улучшение советско-китайских отношений определенное влияние оказало развитие событий в Индокитае. В 1963 г. начались боевые действия между войсками проамериканского Южного Вьетнама и партизанами Вьетконга (патриотические силы Южного Вьетнама), пользующимися поддержкой Северного Вьетнама. Поскольку США помогали сайгонскому правительству, то СССР с КНР поддержали Северный Вьетнам. Опасаясь эскалации конфликта, Хрущев проводил очень осторожную политику во вьетнамском конфликте и неохотно шел на увеличение военных поставок Северному Вьетнаму. Брежневское руководство, посчитав, что Пекин сможет укрепить свой авторитет, выступая единственным последовательным защитником вьетнамского народа, решило расширить контакты как с Ханоем, так и с Вьетконгом. После того как американский конгресс своей Тонкинской резолюцией в августе 1964 г. санкционировал прямые военные действия США во Вьетнаме, советское руководство стало рассматривать военную помощь Северному Вьетнаму как способ укрепления советских позиций в этом регионе. Начиная с 1965 г. СССР оказывает «вьетнамским друзьям» не только дипломатическую, но и финансовую и военную помощь. В мае в ДРВ прибыли первая группа советских военных советников и укомплектованные советским личным составом зенитно-ракетные части, которые уже 5 августа 1965 г. открыли счет сбитым американским самолетам. Это, естественно, обострило и без того непростые советско-американские отношения. СССР поставлял в СРВ различное вооружения, включая и новейшие ракетные комплексы «земля-воздух», и реактивные самолеты МиГ-21. Однако усилия СССР неожиданно наткнулись на противодействия

КНР, не заинтересованной в усилении позиций Советского Союза в Индокитае. Как оказалось, и вьетнамские лидеры также не были в этом заинтересованы. Непросто складывались отношения и между советскими советниками и вьетнамскими военными. Ожидания советского руководства, что совместная помощь Вьетнаму укрепит союзнические отношения с КНР, себя не оправдали. Все 1960-е гг. советско-китайские отношения оставались напряженными. Идеологические обвинения в годы начавшейся в Китае культурной революции превращаются в государственные притязания. К концу 1960-х гг. китайская сторона выдвинула СССР территориальные претензии. В военных инцидентах на советско-китайской границе, которые периодически провоцировал Китай, в период со 2 по 21 марта 1969 г. было убито 58 и ранено 94 человека (в том числе в районе острова Даманский погиб 31 пограничник).

Не менее серьезные трудности возникли у советского руководства в связи с событиями в Чехословакии. Здесь вслед за экономическими реформами, начавшимися по примеру косыгинской реформы 1965 г., берут начало преобразования в политической сфере. Одним из первых решений А. Дубчека, сменившего на посту первого секретаря КПЧ, консервативно настроенного А. Новотного, стала отмена цензуры. Движущей силой обновления социализма, придания ему «человеческого лица», получившего широко известное название «Пражская весна», был сам партаппарат. Но курс на демократизацию общественной жизни в стране способствовал активизации политической борьбы, образованию множества политических клубов, которые вскоре потребовали изъятия из Конституции ЧССР положения о руководящей роли КПЧ и ликвидации органов госбезопасности. Активизирует свою деятельность в противовес КПЧ и возродившаяся Социал-демократическая партия. К лету 1968 г. в стране разразился серьезный общественно-политический кризис. Средства массовой информации полностью выходят из-под контроля КПЧ, которая неумолимо теряет свой авторитет. Процессы в ЧССР рассматривались советским руководством в контексте противостояния с Западом. Страх потери Чехословакии в результате возможного прихода к власти прозападного правительства и распространения идей «Пражской весны» на другие восточноевропейские страны вынуждает руководство стран Варшавского договора во главе с Брежневым принять решение о вводе в ЧССР союзных войск. В ночь на 21 августа 1968 г. войска СССР, Польши, Венгрии, Болгарии и ГДР вступили на территорию ЧССР. Реформаторы были убраны с руководящих постов, заодно было покончено со смертельно опасным для социалистического лагеря экспериментом по реформированию реального социализма.

После вторжения в Чехословакию окончательно оформляется политика ограниченного суверенитета социалистических стран, т. е. права на вмешательство в дела любого социалистического государства в случае попытки отступления от предписанной раз и навсегда советской модели общественного развития, получившая на Западе название «доктрина Брежнева».

Разрядка. После Карибского кризиса, показавшего взаимную уязвимость противостоящих блоков, и США, и Советский Союз имели веские причины, чтобы избегать прямой конфронтации, искать новые подходы к международным делам. Но из-за взаимного недоверия, идеологических

шор выход за традиционные рамки и цели советской дипломатии произошел не сразу и лишь частично. Война во Вьетнаме, непризнание ГДР и многие другие действия Вашингтона рассматривались советским руководством исключительно как свидетельство нежелания НАТО во главе с США отказаться от планов на мировую гегемонию. Все 1960-е гг. обе сверхдержавы, не жалея сил, наращивали свой ракетно-ядерный потенциал. После отстранение Хрущева огромные суммы стали расходоваться на модернизацию армии, увеличение ракетно-ядерного арсенала, создание современного военно-морского флота. Постепенное выравнивание ядерных потенциалов между США и СССР, рост международного влияния СССР послужили материальной основой поворота к политике разрядки международной напряженности.

Новый внешнеполитический курс СССР был заявлен в Программе мира, принятой весной 1971 г. на XXIV съезде КПСС. Не отказываясь от борьбы за «полное торжество дела социализма во всем мире», СССР выступил с предложениями о разрядке международной напряженности.

Важным фактором ее принятия стало понимание брежневским руководством бессмысленности дальнейшей гонки вооружений: возможность многократного взаимного уничтожения не обеспечивала победу в войне ни одному из противостоящих блоков. Наращивание ядерных арсеналов привело к невозможности их использования. Стремление Москвы к разрядке международной напряженности диктовалось целым рядом соображений прагматического характера. Самое важное из них — заинтересованность советского руководства в новейшей западной технологии. Пересмотр многих подходов к внешней политике и улучшение отношений с Западом диктовались также крайним обострением отношений с Китаем и связанной с этим потенциальной возможностью американо-китайского сговора против СССР, «войны на два фронта». Действительно, Никсон, сменивший в Белом доме Джонсона, попытался разыграть «китайскую карту», совершив в 1971 г. прорыв в американо-китайских отношениях. Увязнув в войне во Вьетнаме, США ослабили свои позиции на мировой арене и также нуждались в передышке.

Важной предпосылкой политики разрядки стало улучшение отношений СССР с Францией и Федеративной Республикой Германией. Европа на рубеже 1970-х гг. перехватывает инициативу в определении политики Запада по отношению к коммунистическими странами. Канцлер ФРГ В. Брандт выдвинул парадоксальный тезис о том, что объединение Германии может быть достигнуто путем примирения с коммунистическим миром. Признав де-факто существование ГДР и нерушимость послевоенных границ в Европе, В. Брандт подписал в Москве 12 августа 1970 г. Московский договор. Важным пунктом этого договора было признание западных границ ПНР по линии Одер—Нейсе и границы между ГДР и ФРГ.

Поворот от холодной войны к разрядке был закреплен визитом в Москву в мае 1972 г. президента США Р. Никсона, в ходе которого были подписаны двусторонние соглашения об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1). Этот договор устанавливал количественные ограничения межконтинентальных ракет наземного базирования (МБР), ракет, запускае-

мых с подводных лодок (БРПЛ). Договор ОСВ-1 не останавливал гонки вооружений, так как разрешал сторонам совершенствовать ядерное оружие.

27 января 1973 г. после длительных переговоров в Париже было подписано соглашение о прекращении войны США во Вьетнаме и восстановлении там мира. Это также способствовало снижению уровня противостояния Востока и Запада. В ноябре 1974 г. СССР и США договорились о подготовке нового соглашения об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). В 1979 г. новый договор был подписан, но не ратифицирован американским конгрессом.

Политика разрядки способствовала развитию сотрудничества стран Востока и Запада в различных сферах: от использования ядерной энергии в мирных целях до защиты окружающей среды.

Складывающийся благоприятный политический климат в Европе способствовал в 1973 г. началу работы Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором принимали участие большинство стран Западной Европы, СССР, США и Канада. В августе 1975 г. в Хельсинки был подписан Заключительный акт совещания, в котором через 30 лет после завершения Второй мировой войны были зафиксированы важнейшие принципы нерушимости границ в Европе, уважения независимости и суверенитета, территориальной целостности государств, отказа от применения силы и угрозы ее применения.

К новому противостоянию. К сожалению, разрядка оказалась короткой. Достижение СССР ядерного паритета породило у правящей элиты определенную эйфорию, стремление максимально использовать ситуацию для ослабления сил империализма. Через 2—3 года после Хельсинки разрядка остановилась в развитии, а в конце 1970-х гг. сменилась обострением напряженности. В эти годы СССР последовательно проводит курс на расширение своего присутствия на различных континентах.

Серьезный удар по разрядке был нанесен вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. В течение 1978—1979 гг. афганские лидеры неоднократно обращались к руководству Советского Союза за военной помощью для удержания «завоеваний Апрельской революции». СССР, для которого эта революция в апреле 1978 г. явилась неожиданностью, тем не менее поддержал ее, увидев в этом возможность расширения своего влияния в этом регионе. Советские партийные идеологи сразу же стали рассматривать Афганистан как социалистическую в близкой перспективе страну. СССР оказывал материальную и военную помощь режиму Н. Тараки, объявившему о своей марксистской ориентации, а позже Х. Амину, свергнувшему Тараки в силу внутренней кровавой борьбы в руководстве правящей Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Именно переворот, совершенный Амином в середине сентября 1979 г., через несколько дней после возвращения Н. Тараки из Москвы, повлиял на решение Политбюро ввязаться в вооруженный конфликт. 27 декабря 1979 г. советские спецподразделения захватили дворец президента Афганистана Х. Амина, который при штурме был убит. Президентом Афганистана стал доставленный в Кабул из Чехословакии лидер партии НДПА Б. Кармаль, следствием чего стало развертывание в Афганистане граждан-

ской войны. Эта война, со временем изменив свой характер, переросла в войну против советского вмешательства.

Участие советских войск в гражданской войне в Афганистане было непродуманным шагом и отрицательно сказалось на престиже СССР. На Генеральной Ассамблее ООН советские действия в Афганистане осудили 104 государства. Так же как США во Вьетнаме, СССР увяз в Афганистане. В результате девятилетнего пребывания советских войск в Афганистане усилилась разорительная сверхмилитаризация страны.

Причины неудачи разрядки 1970-х гг. коренились в разном понимании этого процесса в СССР и на Западе. Каждая из сторон рассчитывала воспользоваться плодами разрядки в своих целях. Решение направить ограниченный советский контингент в Афганистан было принято в момент, который представлялся брежневскому руководству звездным часом советского могущества. В эти дни газета «Правда» писала: «Пора бы Соединенным Штатам научиться держаться поскромнее. Так будет лучше и для самой Америки, и для всего мира».

В свою очередь, дипломатия Запада рассчитывала на крах в условиях разрядки советского блока. Эти ожидания не были лишены оснований. В конце 1970-х гг. в Польше разразился экономический кризис. Его следствием явилось повышение цен на продукты и товары, что, в свою очередь, вызвало недовольство населения и перерастание кризиса в политический. Многочисленные перестановки в руководстве Польши с подачи Кремля не решили проблему. События в Польше грозили обернуться свержением коммунистического режима. Боязнь потерять Польшу заставила советское руководство перейти к решительным мерам. Используя опыт подавления волнений в ЧССР, СССР сосредоточил в непосредственной близости от границ Польши Северную группу советских войск. Опасаясь ввода советских войск в Польшу, первый секретарь ЦК ПОРП В. Ярузельский в декабре 1981 г. ввел в стране военное положение, что позволило ему удержать ситуацию под контролем. После «Пражской весны» это был еще один сигнал неблагополучия в социалистическом лагере. Фактически события в Польше стали началом развала мировой системы социализма, хотя реально этот процесс произошел в 1989 г.

К середине 1980-х гг. несостоятельность глобальной внешней политики СССР стала очевидной. Советская система не смогла дать адекватный ответ на новый виток гонки вооружений. Крах потерпела попытка руководства КПСС консолидировать коммунистические и антиимпериалистические силы. Многочисленные неудачи стали итогом глубокого непонимания советской правящей элиты ситуации в мире. Требовались новые подходы ко всей внешнеполитической деятельности Советского государства.

ГЛАВА 9. КРАХ ТОТАЛИТАРНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

§ 1. Нарастание противоречий в экономике

Истоки перестройки М. С. Горбачева. К середине 1980-х гг. кризис советской системы приобретает открытый характер. Совпадение во времени ряда внешних и внутренних факторов выявляет настоятельную необходимость радикального обновления СССР.

На рубеже 1970 - 1980-х гг. в мире начался новый этап научно-технической революции, получивший название «микроэлектронная революция». С этого времени уровень развития той или иной страны определяется уже не количеством выплавленной стали, добытого угля, а использованием информационных технологий. По этому показателю СССР отставал не только от ведущих западных стран, но и от новых индустриальных стран (Южной Кореи, Тайваня) на десятилетия. Это была лишь вершина айсберга: главное, но не единственное свидетельство того, что структурные различия с экономически развитыми странами за 1970-е гг. не только не сократились а, наоборот, увеличились. В 1985 г. в США основная масса валового национального продукта (67%) создавалась в сфере услуг, в торговле, на транспорте, и лишь 31% составлял вклад промышленности и строительства, тогда как в СССР соотношение было иным, соответственно 38 и 45%. На долю сельского хозяйства в СССР приходилось 17% ВНП, в США — всего 2%. В 1970-е гг. советская экономика все больше отставала от экономики развитых стран по техническому и технологическому уровню, показателям эффективности, и, что более важно, СССР утрачивал преимущества в темпах экономического роста. Весь период 1961—1985 гг. характеризуется непрерывным падением темпов экономического развития. По всем оценкам специалистов, в эти годы происходит снижение роста национального дохода, валового национального продукта, падает фондоотдача и эффективность капиталовложений. И это не случайно. Советская экономика, лишенная внутренних стимулов роста, продолжала развиваться экстенсивно, в ее основе по-прежнему находились устаревшие отрасли тяжелой индустрии, по производству продукции в которых Советский Союз уже к 1970 г. был «впереди планеты всей». Устаревшие отрасли требовали колоссальных сырьевых ресурсов, советский сырьевой сектор работал с постоянными перегрузками. Гипертрофия сырьевых отраслей и отраслей, производящих промежуточное сырье, превращала страну в сырьевой придаток Запада. Чтобы покупать новейшие технологии и продовольствие, СССР вынужден был все больше сырья поставлять на экспорт. В 1985 г. в обмен на оборудование и хлеб ушло 20% добытой в стране нефти, 11% газа, 31% калийных удобрений, 24% хлопка и т. д. Видимость благополучия народного хозяйства, сохранявшаяся все 1970-е гг., обеспечивалась за счет «нефтяного допинга». Именно экспорт нефти, цены на которую на мировом рынке выросли в эти годы почти в 20 раз, позволял стране относительно безбедно существовать, решая продовольственную, космическую и дру-

гие комплексные программы. Главным образом за счет масштабного экспорта невосполнимых природных ресурсов в 1960–1970-х гг. шло интенсивное освоение восточных районов страны, формировались и развивались крупные народнохозяйственные комплексы: Западно Сибирский, Саянский, Канско-Ачинский. За эти годы появились соответствующие мировому уровню автозаводы ВАЗ и КамАЗ, новые нефтехимические комплексы и предприятия оборонной промышленности.

В 1970-е гг. экономика страны была предельно милитаризирована. Наиболее современные производства, использующие высокие технологии, работали главным образом по военным заказам. Оборона страны на протяжении всех послевоенных десятилетий оставалась главным официальным приоритетом, и это определяло общую направленность всех экономических усилий СССР. Доля военных расходов в валовом национальном продукте составляла 20–25%. Производство военной техники составляло более 60% общего объема продукции машиностроения. Третья часть всех занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды. Военная экономика, по существу, разоряла страну.

Долгие годы существования ВПК как сверхведомства, интересам которого была подчинена вся советская экономика, создали у военных определенный потребительский менталитет. За 1970—1980-е гг. страна израсходовала на вооружение сверх необходимого, по некоторым оценкам, 700 млрд рублей. Это при том, что национальный доход, по официальным данным, составлял в 1970 г. — 290 млрд рублей, а в 1980 г. — 579 млрд рублей. По данным зарубежных источников, в начале 1980-х гг. заводы СССР выпускали танков в 4,5 раза больше, чем США, БТР — в 5 раз, артиллерийских орудий — в 9 раз, атомных подводных лодок — в 3 раза. Соответственно в советской оборонной промышленности работало в 2–3 раза больше работников, чем в США (соответственно 5–8 млн и 2,2 млн человек).

Чрезмерная военная нагрузка на народное хозяйство вела к колоссальным диспропорциям.

Из-за огромной разницы издержек в разных отраслях экономики в СССР практически не было единой денежной системы. В оборонке покупательная способность рубля равнялась 4–6 долларам США, в других отраслях она была гораздо ниже, поэтому бюджетные методы регулирования советской экономики не срабатывали. Госплан не мог реально поддерживать баланс инвестиций и материальных ресурсов. Планируемые цифры увеличения добычи нефти, угля, производства электроэнергии были, по существу, фикцией.

В начале 1980-х гг. из-за начавшегося падения цен на мировом рынке иссякает поток нефтяных денег в страну, вслед за этим прекращается основанный на нефтедоходах экономический рост. Отражением общего экономического неблагополучия становится лавинообразное наращивание внешнего долга СССР. Обслуживание взятых за рубежом кредитов идет за счет получения новых. Признаки исчерпания старой модели экономического роста проявляются в эти годы во многих сферах советской экономики, но наиболее отчетливо они выразились в утрате конкурентоспособно-

сти советской продукции на внешних рынках, в растущем отставании страны в ключевых отраслях, определяющих динамику научно-технического прогресса.

«Так жить нельзя». Нарастание кризисных явлений в экономике разрушает основы внутренней социальной стабильности советского общества. К концу 1980-х гг. прекращается рост жизненного уровня. На этом фоне становится очевидным реальный разрыв в уровнях благосостояния между подавляющей массой населения и партийно-хозяйственной номенклатурой. Одновременно слабеет трудовая дисциплина, пьянство и алкоголизм охватывают все более широкие слои населения. Все отчетливей проявляет себя коррупция и разложение в партийно-государственном аппарате. Демагогия, щедрые раздачи орденов и самонаграждения престарелых и немощных руководителей вызывали в народе глухое недовольство. Люди все чаще задавали себе вопрос, почему в стране с «самым передовым» общественным строем доходы большинства трудящихся так малы, а права и свободы граждан не соответствуют общепризнанным нормам международного права. В общественном сознании именно разрыв в уровне потребления с Западом становится главным критерием сравнения эффективности двух общественных систем и главным направлением критики советских порядков.

В конце 1970-х гг. дискомфорт в той или иной мере ощущали все слои советского общества, особенно интеллигенция, давно жаждавшая подлинной демократии и свободы. Значительная часть партийно-хозяйственной номенклатуры инстинктивно поддерживала радикально-оппозиционные настроения в народе, требования обновления и реформ.

Начиная с 1960-х гг. различные варианты реформирования общества и государства обсуждались и в научных, и в диссидентских кругах. Большинство отечественных ученых и политиков искали выход в рамках сложившейся советской системы: в переводе народного хозяйства на путь интенсификации, создании условий для внедрения достижений НТР. Известные советские экономисты (С. С. Шаталин, А. И. Анчишкин, Т. И. Заславская, А. Г. Аганбегян, Г. Х. Попов) исподволь разрабатывали теоретические основы принципиально другого хозяйственного механизма, иной системы управления, рассматривали возможность переориентации экономики на решение социальных задач.

В конечном итоге целостной программы реформ к середине 1980-х гг. так и не было создано. Главная особенность этих разработок — микроэкономический характер реформ, т. е. их реализация на уровне предприятий и работников. Авторы концепций реформ справедливо исходили из невозможности решения всех проблем из единого центра и главный упор делали на расширение самостоятельности предприятий, оставляя при этом макроэкономическое регулирование государству. Естественно, при таком подходе сохранялись принципиальные основы советской экономической системы: Госплан, Госснаб и другие директивные органы. В концепциях также не был решен принципиальнейший вопрос о реформировании собственности.

В целом наработанный комплекс идей опирался на популярную в те годы идею конвергенции, уже в силу этого обстоятельства он не мог быть последовательным и внутренне непротиворечивым. Любой реформатор в стране в эти годы мог реально опереться лишь на этот круг идей. Именно эти идеи впоследствии были взяты на вооружение М. С. Горбачевым и предопределили логику его действий.

К моменту прихода М. С. Горбачева к власти до полной делегитимации советского режима было далеко. В силу закрытости советской системы большая часть населения страны находилась в плену старых представлений и привычек. Диссидентское движение переживало тяжелейший идейный и организационный кризис.

В этих условиях реальные преобразования общества могли начаться только по инициативе «верха» и под его руководством.

К началу 1980-х гг. часть высшего советского руководства осознавала необходимость срочного принятия мер для улучшения экономической и социальной ситуации. Во имя укрепления СССР, сохранения его статуса сверхдержавы, прорыва на новую постиндустриальную стадию развития наиболее прогрессивная часть советской правящей элиты была готова пойти на определенные преобразования в экономике. Не случайно главной лоббирующей силой в Политбюро и правительстве с начала 1980-х гг. становятся военно-промышленный комплекс, КГБ и ГРУ, предъявлявшие партийным вождям претензии за медленное освоение отечественной промышленностью новейших достижений научно-технического прогресса, за растущее отставание от США по ряду важнейших видов вооружений. Поражение в афганской войне и выдвижение президентом США Рейганом дорогостоящей программы «звездных войн» придали их аргументам дополнительный вес.

Смерть в ноябре 1982 г. Л. И. Брежнева и приход к власти более здравомыслящего политика Ю. В. Андропова пробудили в обществе надежды на возможное изменение жизни к лучшему. За 15 месяцев нахождения его у власти привычные победные реляции стали уступать место критическим оценкам состояния советского общества. Он принял ряд мер по наведению элементарного порядка и производственной дисциплины, стимулировал расследования уголовных дел, связанных с коррупцией. Однако попытки Андропова придать эффективность бюрократической системе без структурных изменений, только с помощью организационно-административных мер не могли вывести страну из кризисного состояния.

Растущая социальная апатия, отсутствие значительных социальных групп, прямо заинтересованных в реформах, изначально обрекли на неуспех консервативный, нерыночный вариант модернизации страны, который пытался провести «генсек с Лубянки». Ю. В. Андропов не захотел форсировать политические реформы. По-прежнему продолжалось участие СССР в войне в Афганистане, усилилась борьба с инакомыслием. Были восстановлены органы безопасности на железнодорожном, морском и воздушном транспорте, а также в армии и ВМФ. Вновь стали просматриваться

письма граждан и почта различных организаций. Была восстановлена система доносчиков в коллективах.

В феврале 1984 г. Ю. В. Андропов скончался. Консервативные силы в руководстве страны выдвинули на должность генерального секретаря ЦК КПСС престарелого К. У. Черненко. Год его правления был возвратом в брежневскую эпоху, в застой.

Феномен М. С. Горбачева. Череда похорон генеральных секретарей и других бонз геронтократического Политбюро на рубеже 1980-х гг., абсолютно бесцветное правление старого и больного К. У. Черненко усилили необходимость перемен, и в первую очередь смены образа правящей элиты. Поэтому приход к власти 10 марта 1985 г. после смерти К. У. Черненко самого молодого члена Политбюро 54-летнего М. С. Горбачева во многом был предопределен и не вызвал острой борьбы в Политбюро по этому поводу.

Уже в апреле 1985 г. новый генсек предложил стране новую политику, получившую вскоре название «перестройка». За годы реформ ее первоначальный замысел неоднократно менялся, соответственно менялись и ее определения. Сегодня с достаточным основанием можно сказать, что перестройка — это последняя попытка здравомыслящей части правящей элиты спасти прогнившую советскую систему, соединив «социализм и демократию».

Перед М. С. Горбачевым встала в высшей степени трудная задача. У нового партийного лидера было твердое намерение начать реформы и вновь вывести страну на передовые рубежи. Но он (вопреки последующим заявлениям) не располагал четкой стратегией действий. Поиск новых подходов и идей в период непосредственно перед перестройкой и в самом ее начале велся командой реформаторов, в которую были привлечены известные ученые А. Г. Аганбегян, Л. И. Абалкин, О. Т. Богомолов, Т. И. Заславская, Е. М. Примаков, в весьма узком коридоре, ограниченном областью совершенствования механизма государственного управления и внедрения в народное хозяйство достижений научно-технического прогресса.

Весной 1985 г. перестройка и ее «архитектору», и ее «прорабам» виделась как возвращение к ленинской концепции социализма, как соединение социализма с демократией. Административно-организационные меры, на которые также вначале рассчитывал Горбачев, должны были укрепить порядок и дисциплину, и самое главное — активизировать человеческий фактор.

Попытки найти ответы на принципиально новые вопросы в прошлом лишь привели к потере времени и замедлили разрыв с коммунистическим наследием. Однако вряд ли это может быть поставлено в вину М. С. Горбачеву. Весной 1985 г. ни Горбачев, ни кто-либо в СССР и за его пределами не представляли себе истинных масштабов системного экономического и социального кризиса, поразившего страну. Вопрос о выборе той или иной модели трансформации (т. е. выхода из социализма), а следовательно, о ее целях никем всерьез не рассматривался. А между тем эти вопросы и по сей день принципиально не решены и остаются предметом полемики в обществе. В силу названных объективных и субъективных причин в са-

мом начале перестройки Горбачевым были неверно выбраны направления и объект реформирования.

Преобразования начинаются с реализации концепции ускорения социально-экономического развития страны, а команда реформаторов постоянно запаздывает с принятием принципиально важных решений. Необходимость политической реформы осознается в полной мере лишь спустя два года.

Теоретически в середине 1980-х гг. были возможны разные варианты развития советского общества, включая и вариант консервации застоя. Фактически же реальный, хотя и неочевидный, выбор происходил между китайской и чешско-венгерской моделями реформирования. И та и другая предполагает движение в сторону рыночных отношений, однако с разной скоростью и разной последовательностью.

Европейская модель предполагает включение в рыночную систему всего народного хозяйства, а также проведение политических реформ. В китайской модели рыночные образования идут под жестким контролем правящей партии и начинаются с сельского хозяйства и коммерциализации сферы услуг. До избрания генсеком Горбачев некоторое время был сторонником реализации в СССР китайского варианта реформ. Но впоследствии изменил свою точку зрения. Дело в том, что к началу реформ советское общество существенно отличалось от китайского. Задачи, с которыми столкнулся СССР, были много сложнее. Период социалистического развития, а следовательно, его влияние на психологию людей в Советском Союзе был значительно большим. Даже в силу демографических причин в СССР (дефицит трудоспособного населения) сельское хозяйство, как в Китае, не могло стать двигателем экономических реформ в стране. А главное — сама структура советской экономики к этому времени уже принципиально отличалась от китайской. Иными словами, применить китайский опыт реформ можно было разве только за десяток лет до того, как этот опыт появился. Очевидно, это обстоятельство оказалось решающим, и М. С. Горбачев остановил свой выбор на социализме «с человеческим лицом». К тому же все теоретические разработки доперестроечного времени, над которыми работали советские экономисты, опирались на чехословацко-венгерский вариант реформ.

Весной 1985 г. главная проблема выбора стратегии реформ носила не столько теоретический, сколько политический характер: управляемая модернизация по любому сценарию была возможна лишь при жестком политическом контроле над ситуацией. Однако партийно-бюрократический аппарат в своей массе категорически не принимал самих идей модернизации. Поэтому для эффективного обновления советской системы требовалась упреждающая реформа политической системы. Но именно это обстоятельство было слишком поздно осознано реформаторами.

§ 2. Экономические реформы в годы перестройки

Выбор направления. Первый этап преобразований (1985—1988 гг.) начался в русле прежних советских модернизаций. Начало реформаторской деятельности М. С. Горбачева во многом было продолжением начинаний

Ю. В. Андропова. Те же идеи о наведении порядка, то же стремление административными средствами переломить укоренившуюся в обществе апатию, потерю общественных интересов.

Весной 1985 г. экономический кризис еще не стал определяющим фактором жизни советского общества. Это обстоятельство, а также баланс сил в Политбюро и правительстве определили характер первого этапа экономических преобразований, начатых под руководством Горбачева. Главная, официально объявленная Горбачевым цель — соединить социализм с демократией — вполне отвечала сложившимся к этому времени в советском обществе стереотипам природы и перспективы советской системы и не противоречила установкам политической элиты. Два года реформаторы безуспешно пытались преодолеть застой.

Задача перестройки системы управления экономикой была выдвинута на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС. М. С. Горбачев надеялся с минимальными затратами за счет скрытых резервов в короткий срок переломить наметившееся падение темпов экономического роста, которое в соответствии с популярной в это время концепцией академика А. Г. Аганбегяна признавалось причиной всех бед. И тем самым «если не перегнать развитые страны Запада, то ликвидировать огромное отставание от мировых показателей».

Явно преувеличивая свои возможности и питая иллюзии относительно мобилизационных возможностей социализма, инициаторы перестройки пытались одновременно решать противоречащие друг другу задачи, совмещать экономически несовместимое. Весь план 12-й пятилетки (1986—1990 гг.) был составлен на основе методов и подходов прошлого. В нем обещания «обеспечить материально и духовно богатую жизнь», поднять благосостояние населения соседствовали с намерениями руководства провести структурный маневр и увеличить долю накопления в национальном доходе. В соответствии с «Основными направлениями социально-экономического развития на двенадцатую пятилетку и до 2000 года» предполагалось за ближайшие 15 лет удвоить экономический потенциал, созданный за все предшествующие годы советской власти; почти в 2 раза увеличить национальный доход и объем промышленного производства; в 2,3—2,5 раза повысить производительность труда. Одновременно предполагалось направить основные средства на техническое перевооружение, модернизацию действующих предприятий, сократив до минимума финансирование незавершенного строительства новых объектов. Главные усилия в экономике сосредоточивались на опережающем развитии машиностроительной отрасли, темпы роста которой предполагалось увеличить в 1,5—2 раза. Особые надежды на первом этапе экономических реформ возлагались на так называемые целевые программы научно-технического прогресса по информатике и вычислительной технике, робототехнике, генной инженерии.

В то же время до конца первого этапа экономические проблемы, стоящие перед страной, не были четко определены и сформулированы реформаторами, как и не была подготовлена полноценная программа реформы управления, конкретизирующая общие партийные установки. Характер-

ными чертами этого периода перестройки стали кампанейщина, половинчатость и непоследовательность.

Преобладание в руководстве страной старой гвардии вынуждало Горбачева бесконечно маневрировать, попусту тратить время на поиски пресловутого «консенсуса». Партийный и государственный аппарат, выразителями интересов которого в Политбюро были Е. К. Лигачев, В. И. Соломенцев, В. М. Чебриков, хотел направить накопившуюся энергию общественных ожиданий в традиционное русло «наведения порядка» при помощи сильнодействующих административных мер. Другая часть высшего руководства — Н. И. Рыжков, Ю. Д. Маслюков, Н. В. Талызин, выражавшая интересы директорского корпуса ВПК, — настаивала на первоочередном развертывании научно-технического прогресса. Лишь небольшая часть обновленного Политбюро (А. Н. Яковлев и В. А. Медведев) выступала за структурные реформы и преобразования экономических отношений.

На первом этапе перестройки так и не было найдено адекватных способов реализации заявленного курса на «ускорение социально-экономического развития, совершенствование всех сторон жизни общества». Так как экстенсивные способы экономического роста уже были исчерпаны, а страна не могла дополнительно за пятилетку увеличить добычу топлива и сырья на 15%, а инвестиции на 30—40%, чтобы обеспечить запланированный 4%-ный рост национального дохода, упор был сделан на административные методы активизации «человеческого фактора».

Антиалкогольная кампания. 17 мая 1985 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС и указом Президиума Верховного Совета СССР в стране началась беспрецедентная по масштабу и радикализму мер антиалкогольная кампания. Благородные замыслы оздоровления советского общества в прямом и переносном смысле, не подкрепленные элементарным здравым смыслом и экономическими расчетами, обернулись дискредитацией идеи ускорения и громадными экономическими потерями.

Торговля спиртными напитками уже давно составляла главную доходную статью советского бюджета. Брешь между колоссальной денежной массой и скудным предложением товаров заполнялась водкой и дешевой «бормотухой». В государственном плане 1985 г. водка занимала 24% товарооборота. Расчет был на то, что сокращение размеров потерь на производстве по причине пьянства с лихвой перекроет издержки бюджета от сокращения продаж алкоголя. Однако популизм верхних эшелонов власти, помноженный на привычную исполнительность аппарата, принес поистине разрушительные результаты. В спешном порядке закрывались винно-водочные заводы, ограничивалось время торговли спиртными напитками. В массовом порядке вырубались виноградники. В 1987 г. сбор винограда в стране сократился на 20% по сравнению с началом 1980-х гг. Ошибочность кампании стала очевидной, когда самогоноварение приняло массовый характер, а ситуация с пьянством лишь ухудшилась. Одновременно из продажи исчезли сахар и кондитерские изделия. Бюджетный дефицит резко вырос. Первая попытка обновленного руководства переломить положение в стране закончилась крахом.

Экономическая перестройка. Состоявшийся в феврале 1986 г. очередной XXVII съезд КПСС расширил содержание концепции ускорения, распространив ее на общественные отношения. С этого момента в качестве главных были поставлены задачи демократизации, борьбы с бюрократизмом, беззаконием. За короткое время был омоложен верхний эшелон руководства. Один за другим были отстранены наиболее консервативные члены партийной верхушки. Н. И. Рыжков сменил престарелого Н. А. Тихонова на посту премьер-министра, Н. В. Талызин стал вместо Н. К. Байбакова председателем Госплана СССР. Секретарь ЦК КПСС Б. Н. Ельцин возглавил Московский горком КПСС и вскоре стал кандидатом в члены Политбюро. Чистка коснулась также среднего и нижнего звена партноменклатуры. К началу 1987 г. было заменено 70% членов Политбюро, 60% секретарей обкомов, 40% членов ЦК КПСС.

В 1986 г. становится очевидным, что сформулированные сверху цели не имеют соответствующего механизма реализации на микроуровне. Закостеневшая система государственного планирования не справлялась с ликвидацией созданных ею же диспропорций. Народнохозяйственные приоритеты диктовались интересами ведомств, что делало невозможным сколько-нибудь значительное перераспределение ресурсов в пользу прогрессивных производств. Резкое повышение темпов экономического роста, заложенное в новый пятилетний план, оказалось очередной утопией. Уже к концу 1986 г. экономическая ситуация после некоторого оживления вновь стала ухудшаться. Антиалкогольная кампания разбалансировала бюджет. Введение вместо ведомственного контроля на производстве государственной приемки привело к сокращению выпуска промышленной и продовольственной продукции. В январе 1987 г. наступил спад производства, что явилось началом экономического кризиса. Экономическую ситуацию усугубила страшная трагедия на Чернобыльской АЭС, ставшая возможной в условиях нарастающего падения производственной и технологической дисциплины.

Реальным результатом полуторагодичного осуществления программы ускорения стало лишь углубление кризиса, перевод его в открытую форму.

Неудачи первого этапа перестройки заставили новое руководство искать иные пути продвижения вперед, поставили на повестку дня вопрос о комплексной экономической реформе, и прежде всего о движении в сторону рыночной экономики.

Летом 1987 г. правительство Н. И. Рыжкова представило на утверждение июньскому Пленуму ЦК КПСС план реформ, разработанных с учетом опыта хозяйственной реформы 1965 г. Это была программа осторожных рыночных преобразований, программа перехода к «социалистическому рынку». Попытка ее реализации с июня 1987 по декабрь 1991 г. составила содержание второго (и последнего) этапа экономической реформы М. С. Горбачева.

К этому времени стало очевидным, что без преодоления тотального огосударствления экономики невозможно пробудить инициативу людей. Основными компонентами новой экономической стратегии стали: расширение самостоятельности социалистических предприятий, перевод их на

полный хозрасчет, самофинансирование и частичное самоуправление; развитие индивидуальной и кооперативной форм собственности, привлечение иностранного капитала в форме совместных предприятий. При этом реформы по-прежнему ориентировались на устранение «отдельных недостатков» существующей системы при сохранении социалистической собственности и старых институтов государственного управления (планирование, снабжение.)

В июне 1987 г. был принят закон о государственном предприятии, который мыслился в качестве «несущей конструкции» новой хозяйственной системы. Новый закон существенно расширял права предприятий, включая право самостоятельного выхода на внешний рынок, осуществления совместной деятельности с иностранными партнерами. Сам по себе выбор предприятия как исходной точки реформирования был верным, но для реального изменения положения предприятия требовались изменения на всех уровнях экономики. В конечном итоге с принятием нового закона сложилась парадоксальная ситуация: директора госпредприятий освободились от контроля со стороны госчиновников, но не попали под контроль еще не сформировавшегося рынка.

Свобода без рыночной дисциплины обернулась активизацией потребительской деятельности предприятий в ущерб инвестиционной. Неопределенность и временность положения директорского корпуса толкала руководителей на проедание текущих доходов предприятий и скрытую их приватизацию через создаваемые при госпредприятиях кооперативы. Именно на этом этапе перестройки государственные органы утратили контроль над микроэкономическими процессами в стране, что во многом затруднило переход к рынку на следующем этапе реформ.

Первую брешь в государственной системе собственности пробили кооперативы. Юридическое оформление новых, негосударственных, форм трудовой деятельности шло под давлением обстоятельств, а поэтому было непоследовательным и не дало ожидаемых результатов.

В конце 1986 — начале 1987 г. были приняты первые решения о развитии кооперации и лишь в 1988 г. — Закон о кооперации в СССР и Основы законодательства об арендных отношениях. Формально в них было зафиксировано равноправие кооперативного и государственного секторов экономики. На деле партийные власти попытались сразу поставить кооперативы в определенные ограничительные рамки. Опасаясь бесконтрольного расширения негосударственного сектора, власти применяют в эти годы многочисленные ограничения юридического и административного характера. Почти одновременно с решением о развитии индивидуально-трудовой деятельности (ИТД) было принято решение о борьбе с нетрудовыми доходами, а затем началась массированная кампания против личного подсобного хозяйства граждан. Эти меры подорвали развитие новых форм хозяйствования, придали им в ряде случаев откровенно криминальный характер. Отсутствие легитимных источников сырья и других ресурсов вынуждало кооператоров устанавливать противозаконные связи с теневыми структурами, переориентировать свою деятельность с производственной на торгово-посредническую. В результате провозглашенные цели эконо-

мических реформ не были реализованы. Существовавшие в 1987—1990 гг. благоприятные возможности для постепенного разгосударствления, формирования легитимной частной собственности, а в конечном итоге — безболезненного выхода из социализма были упущены.

Итогом экономического реформирования стало дальнейшее ухудшение экономического и финансового положения страны. Падение национального дохода в 1990 г. по сравнению с 1989 г. составило 9%. Власть для поддержания жизненного уровня населения была вынуждена прибегнуть к массированным внешним займам. Именно в это время образовалась большая часть внешнего долга СССР, ответственность за который впоследствии легла на Россию. Параллельно в стране началась длительная и бесплодная дискуссия о том, кто возьмет на себя политическую ответственность за такую неизбежную меру, как повышение розничных цен.

Борьба программ. Нежизнеспособность идеологии рыночного социализма заставила активно заняться разработкой программ выхода из кризиса. Широкая дискуссия об экономической реформе началась летом 1989 г. и закончилась осенью 1990 г. Были разработаны и представлены 10 крупных программ реформ.

Под давлением «снизу» правительственная комиссия во главе с академиком Л. Абалкиным разработала свою концепцию перехода к рынку. Ее суть — в стремлении соединить государственное планирование с элементами рыночных отношений. Официальная правительственная программа отрицала как быстрое вхождение в рынок через либерализацию и приватизацию, так и возврат к директивной системе. Запуск нового хозяйственного механизма в ней предлагался не ранее 1991—1992 гг. Более глубокие структурные преобразования планировались лишь на 1993—1995 гг. Если бы правительство Н. И. Рыжкова к этому времени не исчерпало кредит доверия, этот умеренный вариант перехода к рынку вполне мог осуществиться.

Почти одновременно с официальным группой экономистов под руководством С. Шаталина и Г. Явлинского был разработан альтернативный рыночно-либеральный вариант реформ, получивший название «500 дней». В отличие от правительственной программа «500 дней» нацеливала на быстрый и решительный переход к рынку, передачу в частные руки предприятий торговли и промышленности. В силу политических причин программа Шаталина — Явлинского несла значительный элемент популизма, включая обещание провести реформы без снижения жизненного уровня. Многие принципиальные вопросы в ней были едва обозначены или вовсе обойдены. Программа «500 дней» не давала однозначного ответа на такие принципиальные вопросы, как проведение приватизации, денационализации земли, какой быть политической системе (Советы или парламентская республика). Был обойден и вопрос о денежной реформе.

Этот проект на короткое время стал основой соглашения М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, но уже осенью консервативные силы дали бой и программе, и самой идее коалиции. Программа Шаталина — Явлинского не отвечала интересам номенклатуры, прежде всего аппарата союзных министерств, ВПК, ЦК КПСС. В ней не было места Совету Министров СССР, союзным министерствам и ведомствам. Уступая консервативным силам,

Горбачев избрал компромиссную концепцию программы реформ, получившей традиционное название «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике», которая на деле не была программой перехода к рынку.

§ 3. Демонтаж тоталитарных структур

Новое политическое мышление. На первом этапе перестройки М. С. Горбачев и его сторонники в руководстве КПСС не помышляли о политической реформе. Во-первых, они явно переоценивали степень изменения политического режима в СССР от Сталина к Хрущеву и Брежневу. При всех переменах советская система не претерпела коренных изменений, начавшееся движение от тоталитаризма к авторитаризму, и тем более к демократии, завершено не было. Фактически тоталитарные структуры сохранялись и в экономической, и в политической сферах советского общества, гражданское общество делало лишь первые робкие шаги. Во-вторых, логика революции «сверху» требовала определенной постепенности. Она могла развиваться только в рамках традиционной идеологической легитимности СССР. В силу чего ни один здравомыслящий политик не мог в 1985 1988 гг. открыто заявить о разрыве с марксизмом, с Коммунистической партией, посягнуть на характерные для тоталитаризма монополию власти на информацию, крайнюю нетерпимость ко всякому инакомыслию.

Натолкнувшись на вязкое и упорное сопротивление бюрократического аппарата экономическим преобразованиям, реформаторы впервые задумываются о необходимости поддержки реформ «снизу». После январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС борьба с бюрократией и переход к демократическим принципам управления объявляются главными в партийной работе. Теоретическое обоснование нового курса, получившего название «новое мышление», было сделано в вышедшей в том же году книге Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Отправной ее тезис — признание целостности мира, взаимосвязанности и взаимозависимости составляющих его государств. Сердцевиной «нового мышления» стали выводы о приоритете общечеловеческих интересов и ценностей над классовыми, о необходимости деидеологизации межгосударственных отношений.

«Новое мышление», сочетая в себе здравый смысл и утопизм, создало тем не менее принципиально новую основу для практических действий. После длительных дипломатических переговоров с Афганистаном 15 мая 1988 г. начался вывод советского контингента войск из этой страны. В феврале 1989 г. советские войска полностью покинули афганскую территорию. Правда, романтические представления Горбачева, открывая, с одной стороны, возможности для внешнеполитических прорывов, с другой — не позволили ему до конца воспользоваться благоприятной обстановкой, мешали получить конкретный результат. Горбачев нередко выдавал желаемое за действительное.

По меркам тоталитарного общества были по-настоящему радикальными провозглашенные Горбачевым идеи гласности и плюрализма. В резуль-

тате многие диссиденты вышли из тюрем и психбольниц, из горьковской ссылки возвратился опальный академик А. Д. Сахаров. Впервые инакомыслие перестало считаться политическим преступлением. Провозглашая приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми, М. С. Горбачев положил начало новому этапу духовного развития страны.

Средства массовой информации получают «сверху», хотя и сильно ограниченную, свободу критики существовавших реалий, всевозможных «безобразий, слабостей и прорех», о которых в прошлом запрещалось говорить. В рамках политики гласности были сняты многие цензурные запреты, возвращены с полок спецхранов запрещенные к показу кинофильмы, началось переиздание диссидентской и эмигрантской литературы. Стали издаваться новые газеты и журналы, был пересмотрен реестр не подлежащих публикации статистических данных. Для исследователей приоткрылись ранее закрытые архивные и библиотечные фонды. Ураган новой информации в считанные месяцы разрушил систему мифов, на которых покоилась официальная идеология. Процесс размывания коммунистической идеологии шел и в предшествующие годы, но в условиях гласности эта идеология лишилась своей господствующей роли. На этот результат инициаторы перестройки явно не рассчитывали.

Важной вехой в развитии демократического процесса стало критическое переосмысливание истории советского периода. Ослабление идеологического контроля позволило вначале публицистам, литераторам, а затем и профессиональным историкам коснуться многих белых пятен отечественной истории.

В атмосфере поиска истины были продолжены работы по реабилитации жертв политического террора. Созданная в сентябре 1987 г. на волне обостренного интереса общества к своей истории Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930—1940-х и начала 1950-х гг., приходит к выводу о том, что наиболее крупные политические процессы 1930—1950-х гг. явились результатом грубого произвола и нарушения законности. Создание Комиссии означало для власти практический разрыв с репрессивным тоталитарным режимом. За полтора года работы Комиссия реабилитировала около миллиона несправедливо репрессированных граждан, в том числе Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева.

Процесс переосмысливания затронул общественные науки: философию, политэкономию, право.

Несмотря на попытки сдерживания, СМИ отражают реальные проблемы жизни, начинают проявлять себя как четвертая власть. Борьба с застоем, силами торможения способствовала быстрой политизации и дифференциации советского общества. Предоставление некоторых свобод привело к тому, что возрос интерес к политике, интенсивно шел поиск новых идеалов и политической идентичности. Гласность позволила миллионам граждан страны сформировать собственную позицию по ключевым вопросам жизни общества. В общественных дискуссиях все чаще поднимался вопрос о неэффективности однопартийной системы.

Возникновение неформального движения. Одним из неизбежных последствий начавшейся «сверху» демократизации советского общества становится постепенное формирование открытой политической оппозиции режиму. В условиях созданной открытости в стране быстро набирают силу неформальные клубы и объединения в поддержку перестройки, такие как красноярский «Союз в поддержку перестройки», московские «Перестройка», «Община», «Фонд социальных инициатив», ленинградский «Диалектик». Возникновение некоторых из них на рубеже 1970-х гг. было своеобразным бунтом против системы подавления официально не признанных интересов. На первом этапе перестройки неформалы действовали в русле официальной политики и не представляли собой серьезной оппозиционной силы. Но сам факт появления в советском атомизированном обществе многочисленных самодеятельных молодежных, национально-культурных и экологических объединений означал вызов советской системе. Возникшие по инициативе «снизу» самодеятельные общественные формирования стихийно ориентировались на демократический социализм, на поддержку политики перестройки. Вместе с тем все активнее проявляли себя несоциалистические и национал-патриотические группировки и объединения, предлагавшие альтернативные концепции. Так, наиболее старая из этих организаций — общество «Память», возникшее изначально как объединение книголюбов, выделялось на общем фоне своей националистической ориентацией. Группа «Гражданское достоинство» отстаивала либерально-антитоталитарные позиции. Постепенно неформалы все более дистанцируются от власти. Переломным для самодеятельных общественных объединений стал 1987 г.

Осенью этого года в условиях быстрого ухудшения социально экономической обстановки нарастают процессы размежевания, поляризации политических сил. В ряде союзных и автономных республик оформились и начали активно действовать народные фронты. Первый из них возник в Эстонии в апреле 1988 г. Летом сформировался Московский народный фронт. Затем аналогичные массовые движения появляются в Латвии, Молдавии, других регионах. Общими идеями, консолидирующими людей в народные фронты союзных республик, становятся признание суверенитета своих республик, создание независимых государств. Им идейно противостояли интерфронты, которые боролись против развала союзного государства, за равные гражданские права всех жителей национальных республик.

В 1988 г. появляются первые антисистемные общественные организации. В мае на основе радикального неприятия существующей власти образуется оппозиционный «Демократический союз» во главе с В. Новодворской и Е. Дебрянской. Одновременно на другом полюсе политического спектра кристаллизуются силы, оппонирующие режиму с национал-большевистских позиций. К весне 1989 г. происходит окончательная политизация неформального движения.

В силу отсутствия в советском обществе каких-либо традиций политической и гражданской культуры полемика между сторонниками и противниками перестройки перерастает в яростную борьбу. Реформаторы на основе критики сталинизма и массовых репрессий начинают массированную

атаку на саму советскую систему и ее политическое ядро — КПСС. Партийные идеологи обвиняли своих оппонентов в забвении социалистических ценностей, в игнорировании опыта истории, в легковесности и популизме.

Поляризация сил затрагивает партийно-государственную элиту и даже команду реформаторов, которая также распадается на отдельные группировки. Очень скоро во главе консервативного крыла в КПСС оказываются недавние сторонники Горбачева — Е. К. Лигачев, В. И. Чебриков, И. К. Полозков. За недостаточно радикальную либерализацию общественной жизни критикует «отца перестройки» другая группа его сторонников — А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, Б. Н. Ельцин.

Первые шаги Б. Н. Ельцина в качестве руководителя Московской городской партийной организации, начавшего борьбу с привилегиями партноменклатуры, с бюрократизмом партийного и государственного аппарата, вызывают в стране огромный резонанс. Разные взгляды в руководстве страны на обновление КПСС, на темпы и методы перестройки наиболее отчетливо обнаружились на октябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1987 г. Критика Б. Н. Ельциным генерального секретаря, не допущенная, правда, на страницы печати, была расценена консервативным большинством ЦК КПСС как политическая ошибка, как желание «побороться с ЦК». Попытка руководства КПСС устранить Ельцина из политической жизни привела к обратному результату — его популярность в народе резко выросла.

Попыткой объединить все консервативные силы, сформулировать единую платформу стала публикация 13 марта 1988 г. газетой «Советская Россия» письма мало кому известного преподавателя Ленинградского технологического института Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», в котором отчетливо ставился вопрос о реабилитации Сталина и оправдывалась его политика.

Новый этап политических реформ. Нежелание и неспособность аппарата что-либо менять вынуждают М. С. Горбачева предпринять решительные шаги по реформированию политической системы. К этому верховную власть вынуждали и иные обстоятельства. В 1988 г. в стране проходили многотысячные митинги под демократическими лозунгами, на которых уже ставился вопрос о демонтаже советской системы. Стремясь удержаться во главе процессов обновления, Горбачев и его сторонники меняют стратегию реформ. Весной 1988 г. они приходят к выводу, что без реальной демократизации органов власти и управления в центре и на местах, без коренного изменения взаимоотношений партийных органов с советскими дальнейшие реформы в стране невозможны. Первая серьезная попытка разорвать порочный круг была сделана летом 1988 г. на XIX партконференции, которая декларировала передачу власти Советам, разграничение функций партийных и советских органов, проведение демократических выборов народных депутатов. Стратегический замысел Горбачева состоял в том, чтобы, обновляя Советы, сохранить авангардную роль КПСС. По этой причине Горбачев еще на стадии подготовки конференции отверг все другие варианты новой политической системы, включая Республику Советов (предложение А. И. Лукьянова) и президентскую систему, за которую

выступали А. Н. Яковлев и Г. Х. Шахназаров. Эту же цель преследовал Горбачев, предложив делегатам конференции (большинство которых представляли интересы партийной и хозяйственной элиты) идею соединения партийной и советской власти.

В декабре 1988 г. в соответствии с установками партконференции в действующую Конституцию были внесены изменения, согласно которым высшим органом власти в СССР становился Съезд народных депутатов, состоявший из 2250 депутатов: его заседания должны были проводиться один раз в год. А его делегаты должны были заниматься в свободное от работы съезда время своими прежними делами. Изменения затронули и избирательную систему, которая становилась более демократичной, хотя и сохраняла определенные недостатки, включая избрание одной трети народных депутатов от общественных организаций.

С принятием изменений и дополнений к Конституции, а также нового закона о выборах первый этап политической реформы был завершен. Его итоги были весьма противоречивы. Предприняв меры по ограничению властных полномочий КПСС, Горбачев пошел на разрыв с фундаментальными принципами, на которых строились политические отношения в СССР. После конференции было проведено наиболее существенное обновление состава Политбюро и секретарей ЦК, упразднены отраслевые отделы ЦК, кроме аграрного. Их число сократилось с 20 до 8. Но Горбачев не устранил КПСС от власти, и это обстоятельство имело решающее значение для всего последующего развития. В выборах, проходивших 26 марта 1989 г., приняло участие почти 90% зарегистрированных избирателей. Их итоги также принесли много неожиданностей, главная из которых — серьезное поражение номенклатурных кандидатов от КПСС. Из 169 первых секретарей обкомов партии избиратели забаллотировали 32. Значительное поражение партийные кандидаты потерпели во многих крупных промышленных центрах Поволжья и Урала, в Прибалтике, Закавказье. В Ленинграде ни один партийный и советский руководитель не был избран в состав депутатов. Прежде всего это было связано с серьезным ухудшением экономического положения страны. Не принесли дивидендов КПСС ни включение в состав «красной сотни» почти всей партийной верхушки, ни попытка дать политическую оценку предвыборным выступлениям Б. Н. Ельцина.

Отмена 6-й статьи Конституции. Созыв съезда означал окончание перестройки как «революции сверху». Процесс демократизации, начатый КПСС, вышел из-под ее контроля. Летом 1989 г. перестройка стала делом миллионов, в этом качестве она обрела новых лидеров, новые цели и задачи. Соответственно новое измерение получила и политическая реформа.

Первый Съезд народных депутатов, открывшийся в Москве 25 мая 1989 г., по многим характеристикам отличался от прежнего Верховного Совета. Благодаря поддержке народных фронтов в его состав вошли многие демократические лидеры, включая А. Д. Сахарова, Ю. Н. Афанасьева, Д. С. Лихачева. Участие в первом советском парламенте для многих демократов было сопряжено с риском. Еще были возможны гонения, аресты. Большинство депутатов съезда составляли сторонники старой системы

(«агрессивно-послушное большинство», как назвал их в своем выступлении депутат Ю. Афанасьев).

Более двух недель никто в стране, по сути, не работал. Все взрослое население СССР по телевидению следило за ходом съезда. Появление на нем значительной группы оппозиционно настроенных депутатов придало его работе невиданную прежде остроту. Совершенно непривычной была острая и резкая критика в адрес высшего руководства страны. За время работы съезда значительная часть депутатов прошла огромный эволюционный путь. На съезде начали оформляться политические фракции как реформистской, так и антиреформистской направленности. В противовес «агрессивно-послушному большинству» съезда, вопреки регламенту на съезде возникла Межрегиональная депутатская группа. Ее лидерами стали такие известные ученые и политики, как А. Д. Сахаров, Ю. Н. Афанасьев, Б. Н. Ельцин, Г. Х. Попов, А. А. Собчак, Г. В. Старовойтова. К концу работы съезда в ней насчитывалось около 150 депутатов. Межрегионалы не имели четкой программы реформ, единственное, что их объединяло в тот момент, это стремление отменить 6-ю статью Конституции, закреплявшую монополию КПСС на власть в стране. В декабре 1989 г. МДГ безуспешно пыталась включить этот вопрос в повестку дня II Съезда народных депутатов СССР. За несколько дней до смерти академик А. Д. Сахаров призывал в качестве крайней меры давления на съезд провести предупредительную всеобщую политическую забастовку с требованием изъятия 6-й статьи из Конституции. Надежды демократических сил не оправдались. Большинство съезда по-прежнему ориентировалось на однопартийную систему.

К осени 1989 г. идея многопартийности, первоначально прозвучавшая как крамола, находила все большую поддержку во всех слоях общества. В конце 1989 — начале 1990 гг. создается целый ряд оппозиционных по отношению к КПСС партий. 19-миллионная КПСС быстро теряла доверие в народе. Ее подтачивали прежде всего структурные пороки — отсутствие внутрипартийной демократии, бесконтрольная монополизация власти в руках только исполнительных партийных органов (бюро) и их штатного аппарата, составлявших незначительные доли процента общей численности партии, обстановка строжайшей секретности. По этим причинам миллионы простых коммунистов фактически не участвовали в формировании партийной политики, были лишь послушными исполнителями команд и указаний свыше.

В начале 1990 г. настроения в пользу отмены 6-й статьи Конституции приняли массовый характер. Созванный в марте 1990 г. внеочередной III Съезд народных депутатов СССР отменил 6-ю статью Конституции и тем самым признал существование многопартийности в стране.

Съезд учредил пост президента СССР, внеся необходимые поправки в Конституцию, в соответствии с которыми президент являлся главой Советского государства и наделялся широкими полномочиями. Ему предоставлялось право налагать вето на законы, принимаемые Верховным Советом страны, объявлять военное или чрезвычайное положение в отдельных местностях. Единственным кандидатом на президентский пост стал М. С. Горбачев, за которого 15 марта 1990 г. было подано почти 60% голо-

сов депутатов съезда. Другие претенденты — премьер-министр Н. И. Рыжков и министр внутренних дел В. В. Бакатин — сняли свои кандидатуры в пользу М. С. Горбачева.

Сохранив пост генерального секретаря ЦК КПСС (так решило большинство съезда), М. С. Горбачев стал первым президентом СССР. Введение института президентства стало шагом вперед в деле демократизации страны, создания правового государства. Впервые в советской истории ответственность власти была персонифицирована. Но это был запоздалый шаг.

§ 4. Начало демократической революции

Кризис доверия. Летом 1989 г. перестройка перешагнула важный рубеж. Из революции «сверху» она стала делом миллионов. В сущности, с этого времени она перестала быть перестройкой. Изменились представления о ее целях, масштабах, средствах и методах. Изменились связываемые с ней ожидания: теперь речь уже шла не о совершенствовании социализма и придании ему второго дыхания, а о полной смене системы. Перелом в политическую жизнь страны внесла мощная волна забастовочного движения.

В июле бастовали практически все угольные бассейны: Кузбасс, Донбасс, Караганда, Воркута. Требования шахтеров носили главным образом экономический характер. Они хотели самостоятельности: права трудового коллектива самому распоряжаться частью продукции, определять форму хозяйствования или собственности, устанавливать цены. Но ряд требований носил политический характер: отмена статьи 6-й Конституции СССР, свобода печати, создание независимых профсоюзов. Серьезный социальный конфликт, вызвавший в обществе шок, был спровоцирован запаздыванием реформ. На четвертом году перестройки местные Советы по-прежнему были бесправны, трудовые коллективы предприятий целиком зависели от центральных министерств и ведомств.

Работники других отраслей также предъявляли государству свои претензии. В условиях, когда практически каждое предприятие является монополистом по выпуску той или иной продукции, продолжение забастовки грозило серьезной дестабилизацией ситуации в стране.

Правительство Н. Рыжкова удовлетворило большинство экономических требований шахтеров, но отказалось вести переговоры по политическим требованиям (включая отмену статьи 6-й Конституции). С этого момента происходит радикализация забастовочного движения, создается Конфедерация труда. Забастовки ускорили принятие Верховным Советом страны многих важных законодательных актов, направленных на обеспечение самостоятельности трудовых коллективов, защиту прав и свобод каждого гражданина. Был принят, наконец, Закон СССР «О порядке разрешения коллективных трудовых споров».

После «жаркого лета» 1989 г. реформаторское руководство страны столкнулось с кризисом доверия. На многолюдных митингах, демонстрациях выражалось открытое недовольство ходом перестройки, нерешительностью и непоследовательностью правительства Н. И. Рыжкова, неспособностью власти контролировать обстановку в стране.

Непосредственной причиной падения авторитета власти стали пустые прилавки магазинов, рост преступности. Другая, более веская причина — глубокий перелом в общественном сознании за годы перестройки, кризис веры во всесилие руководителей.

Становление многопартийности. К осени 1998 г. в обществе уже реально существовал широкий спектр политических ориентаций — от принципиальных сталинистов до крайних радикалов, выступавших за полную смену административно-командной системы, введение многопартийности и частной собственности.

Два обстоятельства повлияли на кардинальное изменение позиции руководства КПСС в вопросе о многопартийности. Во-первых, «бархатные» народные революции, волной прокатившиеся в конце 1989 г. – начале 1990-х г. по странам Центральной и Юго-Восточной Европы. В течение считанных месяцев в большинстве стран Варшавского договора коммунисты были отстранены от власти и начался демонтаж социализма. Столь быстрое падение тоталитарных режимов в странах бывшего социалистического содружества придало силы, уверенности в себе накануне выборов в местные и республиканские органы власти оппозиционным группам и партиям.

Во-вторых, некогда монолитная КПСС оказалась перед угрозой раскола, в КПСС сформировались течения, отражавшие разные представления о путях и темпах обновления партии и общества.

С отменой 6-й статьи в СССР возникла реальная возможность для институционализации различного рода неформальных объединений и реорганизации их в политические партии. В конце 1989–1990-х гг. создаются Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) во главе с В. В. Жириновским, Демократическая партия Н. Травкина и Г. Каспарова, Крестьянская партия России.

С началом перестройки в национальном самосознании народов России происходят серьезные изменения. Сепаратистские настроения в Прибалтийских республиках, Грузии, Молдове, принятие в них дискриминационных законов о языке, желание возложить на россиян вину за все ошибки и просчеты Союзного центра способствовали формированию у части населения республики национал-патриотических настроений, стремления напомнить о достоинстве РСФСР. Процесс национального самоутверждения российских народов носил в своей основе защитный характер. На его волне возникают самые различные общественные организации — от крайне правых до крайне левых. Идеологическим центром национал-патриотических сил с 1988 г. стали журнал «Наш современник» и газета «Советская Россия».

Главным требованием национал-патриотических сил на выборах стало требование сильной российской государственности, хозяйственной и культурной самостоятельности.

Государственность РСФСР всегда была, по существу, номинальной. В ведении правительства России находилось лишь 4% производимой в республике продукции, остальными распоряжались союзные министерства. Являясь главным владельцем таких природных богатств, как лес и рыбные

запасы, РСФСР просила лицензии на их использование у союзных министерств.

Россияне начали отставать от большинства других народов Советского Союза по уровню жизни, образованности, оказались перед реальной угрозой социально-демографической деградации. Ежегодно с лица Земли исчезали 2—3 тыс. российских деревень. Продолжительность жизни в республике к началу 1980-х гг. упала до уровня развивающихся стран, а рождаемость оказалась недостаточной, чтобы полностью заместить поколения родителей.

Национал-патриотическое движение, как и все движения переходной от тоталитаризма эпохи, не было однородным: менялись лидеры организаций, программные цели, создавались и распадались блоки.

Часть национал-патриотических организаций придерживалась православно-монархических позиций. Среди них наибольшую известность в этот период получают «Память» Д. Васильева, «Православно-монархическое согласие» Ю. Соколова. Возрождение России они видели в возрождении сильной самодержавной власти, сочетающейся с авторитетной православной церковью и широким местным самоуправлением.

Серьезные изменения в общественном сознании российских народов, быстрая его деидеологизация, пробуждение национальных и религиозных чувств заставили все политические силы в Российской Федерации использовать наиболее популярные идеи национально-патриотического движения.

Компартия РСФСР также взяла на вооружение концепцию российского суверенитета.

Демократические силы России, включая МДГ и Демплатформу в КПСС, до начала 1990 г. решительно не разделяли идеи суверенизации РСФСР, справедливо считая, что они опасны для России с ее «матрешечной» внутренней структурой. Но в условиях резкого всплеска национальных чувств российских народов демократы также широко использовали в предвыборной борьбе идею российского суверенитета, возрождения духовных и культурных традиций.

В конечном итоге именно идеи защиты российских народов, ориентация на возрождение России обеспечили победу на выборах блоку «Демократическая Россия» в ключевых районах республики. В то же время народ отказал в своем доверии наиболее радикальным националистическим организациям.

После выборов в стране сложилась принципиально новая ситуация. Символом всех перемен стало избрание 29 мая 1990 г. Б. Н. Ельцина Председателем Верховного Совета России. Одновременно народ все более отказывал в доверии М. С. Горбачеву.

Декларация о суверенитете. Вопрос о российском суверенитете стал главным на I Съезде народных депутатов республики. 12 июня 1990 г., выражая волю своих избирателей, делегаты съезда с редким для них единодушием большинством голосов приняли Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации. Ее принятие стало рубежом как в развитии Российской Федерации, так и всего Советского Союза, который мог

существовать только до тех пор, пока Россия существовала как объединяющее начало.

Выбор российских депутатов во многом был определен поведением других союзных республик, уже провозгласивших свою независимость. В то же время многие из них были убеждены, что пример независимой демократической России будет способствовать победе демократических сил в других республиках.

Согласно Декларации государственный суверенитет распространялся на всю территорию республики. Органы власти Российской Федерации имели право решать все вопросы государственной и общественной жизни, за исключением тех, которые ею добровольно передавались в ведение Союза ССР. Декларация подтвердила необходимость существенного расширения прав автономных республик, краев и областей.

Декларация лишь законодательно разграничивала полномочия центра и республики и в этом смысле не выходила за пределы союзной Конституции. Тем не менее провозглашение государственной независимости Российской Федерации означало на деле двоевластие в стране. Проголосовав за независимость, народные депутаты подтолкнули и без того сильные сепаратистские настроения в других республиках.

Кризис межнациональных отношений. Период после мая 1989 г. и до декабря 1991 г. стал временем распада советской государственности. За шесть лет перестройки ни одна из ее целей не была достигнута. Власть постоянно запаздывала с решением назревших вопросов. Наиболее тяжелые последствия для судьбы советской системы и СССР имели бездействие и нерешительность властей в национальном вопросе.

Разразившийся в 1986—1988 гг. кризис межнациональных отношений застал врасплох советскую правящую элиту.

Национальный вопрос считался в СССР решенным. В силу этого обстоятельства реальная значимость важнейшей социальной проблемы реформаторами занижалась, национальные конфликты объявлялись вопреки очевидному незначительными пережиточными явлениями. С середины 1987 г. вопрос о межнациональных отношениях не сходил с повестки дня Политбюро, однако на его заседаниях доминировало откровенное стремление «оставить проблему на усмотрение жизни и истории», как это случилось с возвращением крымских татар на историческую родину. Перестроечные процессы всерьез так и не затронули многих назревших национальных проблем, включая национально-государственное устройство СССР. По-прежнему власть вненационального союзного центра охватывала все стороны жизни республик — от строительства атомных электростанций до рецептуры начинки пирожных и конфет. За годы перестройки ни в одной «горячей точке» не было продемонстрировано умение выбирать оптимальные решения, не был создан надежный механизм разрешения этнических конфликтов. Власти по-прежнему не отдавали отчета в серьезности возникающих процессов. Новых подходов в национальном вопросе, по сути, не было выработано ни на XIX партконференции, ни на специальном Пленуме ЦК КПСС, посвященных национальному вопросу. По-прежнему Союз мыслился как единое и неделимое государство со всеми атрибутами

власти. События в Нагорном Карабахе в конце 1988 г., когда Армения и Азербайджан фактически оказались в состоянии войны друг с другом из-за административной принадлежности Нагорного Карабаха, со всей отчетливостью показали дефицит новых идей, неспособность центра защитить интересы Союза. Прямое обращение Горбачева к народам Азербайджана и Армении не смогло остановить эскалацию взаимной вражды. В феврале 1989 г. в Сумгаите в результате резни, только по официальным данным, погибли 32 человека. Дальнейшему размежеванию в республиках по национальному признаку, его перерастанию в открытое противостояние способствовали неудачные попытки центра опереться на местную партийно-государственную номенклатуру, на некоренное население. Тлевшие десятилетиями межнациональные конфликты стали разгораться. Чем больше союзная власть делала уступок, тем более радикальными становились требования республик по расширению их прав и изменению форм советской федерации. Столь же неэффективными оказались попытки решить национальные проблемы силовыми методами, на применении которых изначально настаивала консервативная часть Политбюро. Использование войск в ночь на 9 апреля 1989 г. для «вытеснения» демонстрантов с площади перед Домом правительства в Тбилиси закончилось гибелью 16 человек, еще несколько сотен было ранено. События в Тбилиси и особенно в Баку показали иллюзорность убеждений консервативной части Политбюро, откровенно высказанных еще 4 июля 1988 г. А. А. Громыко: «Появится армия на улицах, и сразу будет порядок...»

Силовое противодействие центра уже не могло остановить начавшийся процесс. С усилением в народных фронтах влияния экстремистско-националистических сил все очевидней становится их ориентация на достижение полного суверенитета и создание независимых государств. В первую очередь это коснулось Прибалтики, где местное население было обеспокоено значительным притоком населения из других регионов (главным образом русских), интенсивным промышленным строительством, резким ухудшением экологической обстановки. Поэтому стремление опереться на собственные силы, окончательно освободиться от диктата центра находило мощную поддержку среди коренного населения.

Вопрос о суверенитете республик становится главным на выборах местных органов власти, прошедших весной 1990 г. И если год назад ни о каком отделении от Союза речь не шла, то теперь народную поддержку получили движения, выступавшие за полное государственное самоопределение и выход из СССР.

«Парад суверенитетов». Прологом окончательного распада СССР стал «парад суверенитетов». Такое название в публицистике тех лет получил процесс суверенизации союзных республик. Начало этому процессу положили кровавые события в Закавказском регионе. Нагорный Карабах, Фергана, Сумгаит, Новый Узень (1988 г.), Баку, Душанбе, Сухуми, Тбилиси (1989 г.) — такова география мест, где на почве националистических настроений произошли кровавые столкновения, унесшие жизни многих людей.

Центр не мог решить ни одной из накопившихся национальных проблем, и это спровоцировало движение национальных республик за образование самостоятельных государств. За считанные месяцы все союзные и большинство автономных республик приняли декларации о своем суверенитете, о верховенстве республиканских законов над союзными. В декларациях республики объявляли себя собственниками недр, земли. Часть из них приняла закон о государственном языке, заявила о создании собственных армий, своей валюты. На карте появились новые названия республик — Молдова, Беларусь, Кыргызстан.

Важнейшим результатом «парада суверенитетов» стало заметное перемещение политической власти в республики. Неконституционное, стихийное освобождение республик от диктата Москвы не стало подлинной победой идей демократии и национального возрождения. Нестабильность в республиках усилилась: участились попытки решать спорные проблемы насильственным путем, росла недоброжелательность к национальным меньшинствам, нарушались права человека.

Реальная опасность неуправляемого распада СССР, грозящая непредсказуемыми последствиями, заставляла центр и республики искать путь к компромиссу. Идея заключения нового союзного договора была выдвинута народными фронтами Прибалтики еще в 1988 г. Но до середины 1989 г. она не находила поддержки ни у политического руководства страны, ни у народных депутатов. Окончательно центр дозрел до осознания важности союзного договора лишь после того, как «парад суверенитетов» до неузнаваемости изменил Союз, когда центробежные тенденции набрали силу. 12 июня 1990 г. Совет Федерации (новый орган, созданный одновременно с созданием поста президента СССР) высказался за создание Союза суверенных государств с возможным сочетанием элементов федерации и конфедерации.

В марте 1991 г. в разгар политического и экономического кризиса был проведен референдум с вопросом о сохранении Союза ССР, на котором основная масса населения высказалась за сохранение Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик. Вскоре в загородной резиденции президента в Ново-Огареве начал работать подготовительный комитет по подготовке текста нового союзного договора. К августу 1991 г. представители девяти республик смогли выработать компромиссный проект.

По договору республики получали большие права, центр из управляющего превращался в координирующий. В результате многие союзные структуры, прежде всего министерства и ведомства, кабинет министров, претерпели бы серьезные изменения. В руках союзного руководства оставались лишь вопросы обороны, финансовой политики, внутренних дел. Все остальные вопросы должны были решаться на республиканском уровне. Фактически СССР как единое государство переставал существовать.

Августовский путч. Намеченное на 20 августа 1991 г. подписание нового союзного договора подтолкнуло консервативные силы в руководстве страной на решительные действия. Другим непосредственным поводом стал Указ российского президента от 20 июля 1991 г. о департизации в РСФСР

госучреждений, нанесший по монополии КПСС сильный удар. На местах началось вытеснение партноменклатуры из властных структур и замена ее новыми людьми.

19 августа в Москве во время отсутствия Горбачева (который находился в это время в Крыму на отдыхе) было объявлено о переходе всей власти в стране к неконституционному Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП). В Москве, С.-Петербурге и других крупных городах был введен комендантский час. Постановлениями ГКЧП, в который вошла группа высокопоставленных чиновников (вице-президент Г. Янаев, председатель КГБ В. Крючков, министр обороны Д. Язов, премьер-министр В. Павлов), приостанавливались деятельность демократических партий и организаций, выпуск газет, устанавливался контроль над средствами массовой информации. В обращении «К советскому народу» ГКЧП объявил себя истинным защитником демократии и реформ, обещая в кратчайшие сроки изменить ситуацию к лучшему.

Только три дня ГКЧП смог продержаться у власти. Путчисты действовали нерешительно. Им не удалось привлечь на свою сторону армию, большую часть старой властвующей элиты, госаппарат, которые заняли выжидательную позицию, *а главное — широкие народные массы, в первую очередь* интеллигенцию и рабочих.

Руководство Российской Федерации с первого момента отказалось признать ГКЧП и мобилизовало народ на защиту конституционного строя. Горбачев был возвращен к власти, заговорщики арестованы и впоследствии преданы суду. Поражение консерваторов не означало перехода власти и собственности от одного класса к другому. После августа в стране установилась не власть буржуазных демократов, а власть блока либеральной бюрократии, давно ставшей *хозяином страны, владевшей* госсобственностью как своей, с демократами-аппаратчиками. Такой альянс давал наконец возможность начать реформы, но создавал потенциальную угрозу нового жесткого противостояния политических сил.

Августовские события ускорили окончательный распад Советского Союза. 25 августа 1991 г. Украина объявила об образовании независимого государства и отказалась принимать участие в подписании нового союзного договора. За ней последовали все остальные республики, кроме России и Казахстана. Ухудшение экономической ситуации в республиках способствовало их дальнейшей самоизоляции, разрыву экономических связей. На украинском референдуме 90,32% избирателей высказались за полную независимость Украины. Через четыре дня после референдума Верховный Совет Украины принял «Послание к парламентам и народам всех стран», в котором говорилось о том, что Договор об образовании СССР 1922 г. утратил свою силу.

Проходившее 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще совещание глав трех республик — Украины, Белоруссии и России констатировало распад единого союзного государства как свершившийся факт и объявило о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), открытого для вступления в него других республик. Беловежское соглашение позволило выйти из политического тупика — ситуации, в которой союзный центр потерял ры-

чаги управления, и тем самым преодолеть правовую неопределенность, созданную революционным процессом, и начать отстраивать государственность стран, которые де-факто уже обрели независимость. 12 декабря 1991 г. президент Украины подписал указ о создании собственных Вооруженных сил. Политический выбор трех славянских государств, безусловно, придал ускорение процессу ликвидации СССР; однако нельзя не признать гораздо больший вес в этом процессе объективных факторов. Девять дней спустя, 21 декабря, в Алма-Ате к СНГ присоединились другие бывшие республики СССР, за исключением Прибалтийских республик и Республики Грузии, лидеры которых считали их включение в Советский Союз изначально незаконным. Главы 11 государств подписали Декларацию о создании СНГ, где констатировалось, что с образованием Содружества СССР прекращает свое существование. 25 декабря 1991 г. Президент СССР М. С. Горбачев сложил свои полномочия.

Ядерная сверхдержава окончательно перестала существовать.

Развал социалистического лагеря. Возможное объединение двух Германий давно тревожило всех европейских руководителей. В официальных выступлениях все они выступали за объединение, но лишь в исторической перспективе. В конце 1980-х гг. ни Великобритания, ни Франция, ни другие западноевропейские страны не хотели видеть в центре Европы мощную объединенную Германию. До осени 1989 г. вопрос об объединении Германии для Советского Союза не существовал в качестве конкретной проблемы. Не поднимала этого вопроса и ФРГ. Однако осенью 1989 г. ситуация вокруг Германии коренным образом меняется. Из ГДР, где правительство Хонеккера всячески противилось нарастающим переменам, начинается массовое бегство граждан, главным образом молодых. 9 ноября 1989 г. Хонеккер был смещен, и той же ночью была разрушена знаменитая Берлинская стена, более 20 лет разделявшая город надвое.

СССР не смог противодействовать объединению в силу им же самим провозглашенных принципов нового мышления и вследствие быстрого развала государственных структур Восточной Германии. Попытки Горбачева дипломатическими средствами замедлить этот процесс, включив его в русло общеевропейского урегулирования, успехом не увенчались. Трехраундовые переговоры четырех держав-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции и двух Германий закончились подписанием в Москве 12 сентября 1990 г. «Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии», 3 октября того же года объединение Германии стало свершившимся фактом.

Обновление отношений со странами социалистического содружества изначально входило в число приоритетных во внешнеполитическом курсе Горбачева. Еще в начале перестройки на встрече с руководителями стран Варшавского договора он недвусмысленно заявил о том, что впредь отношения между союзными странами должны развиваться на принципах независимости, равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга, каждый руководитель страны должен нести ответственность за принимаемые решения. Тем самым было подчеркнуто — «доктрине Брежнева» положен конец. СССР больше не будет вмешиваться во внутренние дела социа-

листических стран. Начав перестройку, смысл которой состоял в том, чтобы дать народу свободу, советское руководство принципиально не могло применять иные критерии в отношениях с социалистическими странами.

Вся серьезность новых подходов советского руководства стала очевидна в 1989—1990-х гг., когда в восточноевропейских странах проходит волна «бархатных» революций. Процесс начался с Польши, где в феврале 1989 г. независимый профсоюз «Солидарность» добился от властей права участвовать в парламенте и правительстве страны. Затем оппозиционные коммунистическим режимам силы мирным путем приходят к власти в Чехословакии, Венгрии, Болгарии. Лишь в Румынии режим Чаушеску был свергнут вооруженным путем. Позиция невмешательства СССР сыграла решающую роль в крахе тоталитарных режимов в Восточной Европе. Через некоторое время были распущены СЭВ и Организация Варшавского договора.

Оказавшись без прежних союзников, СССР не смог приобрести и новых. Холодная война закончилась, но блок НАТО не был распущен. Столь плачевный результат многолетних усилий Горбачева дал основания его противникам и справа, и слева обвинять его в ослаблении и изоляции страны, «потере» Восточной Европы и даже в перечеркивании неразумными действиями итогов Великой Отечественной войны.

Приоритеты внешней политики. Вывод войск из Афганистана позволил Советскому Союзу нормализовать межгосударственные отношения с Китаем. Чтобы преодолеть разногласия, наслаивавшиеся в течение 30 лет, СССР отвел и сократил войска, находившиеся на советско-китайской границе, и способствовал урегулированию камбоджийской проблемы (на чем настаивал Китай.) Визит М. С. Горбачева в Пекин в мае 1989 г. закрепил советско-китайское сближение. Между двумя государствами возобновилась приграничная торговля, были подписаны важные документы о налаживании экономического и культурного сотрудничества.

Характерной чертой новой внешнеполитической линии стало подкрепление новых концептуальных подходов практическими шагами. Добиваясь прекращения гонки ядерных вооружений, СССР 30 июля 1985 г. объявил об одностороннем моратории на ядерные взрывы. Выдвижение идеи «общеевропейского дома» (налаживания на континенте подлинно добрососедских отношений) также сопровождалось реальным сокращением советского ядерного оружия средней дальности в европейской части страны.

Горбачевское «новое мышление» в итоге шло гораздо дальше приспособления советской внешней политики к новым реальностям в мире. Новый советский руководитель хотел показать миру пагубность ядерного статус-кво, обреченность политики силы и силового измерения безопасности, внести реальный вклад в создание нового миропорядка. Западные наблюдатели в тот период отмечали новизну советских подходов, но рассматривали их прежде всего как пропагандистский маневр. Да и внутри страны далеко не все разделяли новые внешнеполитические инициативы. Е. К. Лигачев требовал возврата к классовому антиимпериалистическому подходу к мировым проблемам. В силу скрытого противодействия партийных и военных чиновников многие переговоры с западными партнерами затягивались, не приносили должного результата.

Итоги и уроки перестройки. Крах перестройки стал реальностью осенью—зимой 1991 г. Ее результат оказался вовсе не таким, на который рассчитывали М. С. Горбачев и его единомышленники. Им не удалось ни вывести СССР на мировые рубежи в промышленном производстве и НТП, ни модернизировать одряхлевшую советскую систему, ни создать новую модель социализма. Имя Горбачева в массовом сознании прочно связывается с крушением привычного жизненного уклада, со всеми невзгодами и потрясениями обрушившимися, на страну в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Для всесторонней, объективной оценки перестройки еще нет достаточной временной дистанции, еще не завершились начатые ею процессы, не отстоялся исторический материал.

Однако уже в настоящее время можно уйти от эмоциональных оценок недавнего прошлого и говорить об исторических уроках перестройки. Первый из них связан с самим принципом оценки горбачевской перестройки.

Прежде всего очевидно, что подобный финал — закономерный (не в детерминистском, а вероятностном смысле) итог целого исторического этапа развития страны, начавшегося после смещения Н. С. Хрущева, основным содержанием которого является спонтанное перерождение и разложение советской системы.

Авторы, которые сегодня обвиняют Горбачева в многочисленных ошибках и утратах от его экспериментаторства, прежде всего в развале СССР и советской социалистической системы, явно недооценивают ведущей роли в этих процессах объективных обстоятельств, тех исторических реалий, в которых приходилось действовать реформаторам. Горбачев принял на себя руководство страной, которая уже находилась в тяжелом системном кризисе, причем его симптомы в силу опять-таки качеств самой советской системы не были заметны даже для руководящих кругов. Более того, по оценкам экономистов, к 1985 г. основные экономические факторы, от которых зависело дальнейшее развитие страны (мировая конъюнктура, возможность привлечения долгосрочных кредитов и т. д.), находились вне контроля советского руководства, в силу чего роль даже самых больших ошибок инициаторов перестройки в крахе советского социализма не столь велика. Второй урок, его можно было бы назвать уроком реализма, заключается в том, что далеко не все сегодня, включая и самого инициатора перестройки, готовы после многих лет триумфального шествия коммунизма по планете, непрерывного роста промышленной и военной мощи СССР признать закономерным и неизбежным кризис и крах социализма, порочность его доктринальных корней, его историческую обреченность, на которую еще на заре советской власти указывал экономист Б. Бруцкус, что в теории доказывали его коллеги Л. Мизес и А. Хайек. Сегодня невозможно отрицать того, что в самой системе были заложены мощные силы самораспада, важнейшим свидетельством наличия которых является постоянная озабоченность большевистского режима проблемами собственной легитимации. Отсюда следует, что одна из главных причин поражения Горбачева — ставка на социалистический выбор страны. Сегодня вполне очевидно, что кардинальные реформы были необходимы стране. Не случайно на протяжении предшествующего перестройке тридцатилетия со-

ветские руководители безуспешно пытались с помощью реформ решать назревающие проблемы. Гипотетически для каждого предшественника Горбачева существовали альтернативные варианты реформ. Правда, не для улучшения социализма, а для выхода из него.

Основная заслуга Горбачева в том, что он осознал глубинную необходимость перемен и решился их инициировать. Горбачев никогда не ставил вопрос о ликвидации советской системы, он хотел лишь ее усовершенствования. Но механизмы, с помощью которых он пытался это сделать, оказались неэффективными. Именно в этом плане «фактор Горбачева» оказался решающим в ускорении развала планово-распределительной системы, развала неизбежного и в конечном итоге спасительного для России.

Очевидно, не могут быть забыты заслуги М. С. Горбачева в разрушении «железного занавеса», в ликвидации основ тоталитарной системы, проведении первых, пусть и ограниченных, демократических преобразований.

ГЛАВА 10. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

§ 1. Россия на перепутье

Выбор политического курса. Как и в начале XX в., новая российская государственность рождалась в атмосфере хаоса и безвластия. Содержание и последовательность политических и экономических реформ диктовались кризисным состоянием социалистического строя, а не субъективным выбором тех или иных политических лидеров.

К концу 1991 г. в стране складывается весьма сложная социально-экономическая ситуация. За год национальный доход снижается более чем на 11%, падает промышленное производство, уменьшается производство нефти и угля, пищевой продукции. В разряд дефицитных переходят практически все виды потребительских товаров. К началу ноября 1991 г. валютные запасы страны полностью исчерпываются, и Внешэкономбанк прекращает все платежи за границу, за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга, который к этому времени достигает 76 млрд долларов. Угроза реального голода нависает над страной.

В силу постоянно ухудшающихся условий жизни эйфория в обществе быстро сменяется всеобщим разочарованием. Обретенная свобода от марксистской догмы принесла населению страны чувство облегчения, но вместе с тем возникли и растерянность перед неопределенным будущим, и ощущение утраты социальных и нравственных ориентиров. Перестройка расшатала устои советской системы, но практически не создала политико-экономических основ капиталистического строя.

Осенью 1991 г. государственные органы СССР фактически перестают функционировать как органы власти. Попытка создать новый союзный государственный аппарат в форме Межреспубликанского экономического комитета (МЭК) заканчивается провалом. Бывшие союзные республики отказываются выполнять экономические обязательства перед Союзом. Часть из них решительно выбирают путь радикальных социально-экономических реформ. Другие всеми силами и средствами стремятся их избежать или максимально отсрочить.

Одновременно союзная бюрократия растаскивала федеральную собственность по срочно создаваемым концернам и ассоциациям. Процесс спонтанной приватизации захватывает регионы страны.

Ситуация в стране осложнялась бездействием демократических сил, не имевших ясной, проработанной программы системной трансформации. Исчезновение врага в лице КПСС вызвало в их рядах раскол и апатию.

Нарастающий хаос и социальное напряжение требовали от российского руководства срочно осознать новую реальность, сформировать национальные государственные институты, определить цели и задачи внешней и внутренней политики Российской Федерации, решить наиболее острые социально-экономические вопросы, наконец запустить конкурентно-рыночные механизмы. Совпадение во времени задач, которые в других странах решались в разное время, неимоверно осложнило деятельность прави-

тельства Б. Н. Ельцина. Создание основ нового социально-экономического строя происходило в обстановке острого дефицита предпосылок для него. В силу исторических причин советские люди имели лишь крайне негативные представления о капитализме и рынке, а потому не испытывали желания участвовать в их создании.

По указанным причинам вопрос о цели трансформации российского общества не мог быть сразу гласно поставлен осенью—зимой 1991 г. ни властными структурами, ни средствами массовой информации. Президент Б. Н. Ельцин ни в одном из своих программных выступлений 1991—1992 гг. не говорил о капитализме как о конечной цели начинающихся структурных реформ. Таким образом, вопрос, куда должна идти Россия, чтобы не утратить свои государственные и международные позиции, фактически был оставлен без ответа. В силу этого внутриполитическая ситуация в стране осенью 1991 г. оставалась неопределенной, российское общество жило смутными ожиданиями перемен.

По тем же причинам не был реализован реальный шанс реорганизации старой государственной машины на демократической основе, т. е. посредством перевыборов Советов всех ступеней. После распада СССР Б. Н. Ельцин явно не хотел «раскачивать лодку». К тому же эта перспектива тогда не устраивала ни российских партократов, ни российских демократов. Выборы в Советы были отложены, и старая номенклатура продолжала действовать в Советах и в хозяйственных структурах. Между новым российским руководством и прежней партийно-хозяйственной элитой возникло не скрепленное никакими формальными договорами, но вполне определенное согласие, суть которого состояла в отказе от демонтажа советской системы и реформировании ее лишь в ограниченных пределах. Союз политических элит, новой и старой, стал основой послеавгустовской переходной российской государственности. В результате все: от армии до КГБ, от прокуратуры до отделов социального обеспечения — было сохранено. Изменения коснулись лишь аппарата КПСС (он был распущен, а здания ЦК КПСС опечатаны). Президент решительно отказался от люстраций (отдача под суд за прошлое), на чем настаивали наиболее радикальные демократы. Интуитивно решив проблему консенсуса (между правящими и оппонирующими политическими силами, избежав «охоты на ведьм»), новое российское руководство смогло начать реформы. Однако традиционный для российского общества ценностный раскол существенно затруднил решение этой задачи, постоянно провоцируя подрыв достигнутого гражданского согласия.

Кризис и распад советской системы совпал с финансово-бюджетным кризисом, поэтому осенью 1991 г. перед политическим руководством России наряду с главной задачей — переходом к рынку и формированием развитой системы отношений частной собственности — стоял не менее острый вопрос остановки инфляции и обеспечения стабильного экономического роста. Бездействие российского правительства в первое время после августовских событий негативно сказалось на развитии социально-экономической ситуации. Неясность экономических перспектив, дискуссии о предстоящей денежной реформе и повышении розничных цен толкнули

население России на скупку товаров, создание запаса предметов первой необходимости. В результате из магазинов исчезли и те немногие, еще оставшиеся с горбачевских времен товары. Введение принципа распределения товаров среди населения по карточкам и талонам, организация распродаж на предприятиях не смогли улучшить ситуацию. «Голодные очереди» становятся важнейшим фактором политики, способствуя усилению противостояния политических сил. Тяготы, вызванные развалом СССР, серьезно затрудняли обеспечение легитимности реформаторской власти и политики. В свою очередь, формирующиеся демократические институты, транслируя и усиливая социальное напряжение, вызываемое реформами, во многом осложняют их развитие. В этой обстановке начинают постепенно возвращаться к активной политической жизни коммунисты, создавшие несколько партий. В итоге уже на начальном этапе посткоммунистической трансформации опора политического режима резко сузилась. Положение осложнялось также нарастающей угрозой распада самой России, созданной в свое время на тех же принципах, что и Союз.

Сохранение целостности Российского государства. Судьба российской государственности в 1991 – 1993 гг. во многом определялась противостоянием республиканских региональных властей с федеральной властью. Причины, приведшие к распаду СССР, сказались на нарастании центробежных, сепаратистских тенденций внутри России. В их основе лежало желание регионов самостоятельно распоряжаться плодами своего труда. Неудачи в реформировании общества подтолкнули автономии к поиску выхода из кризиса на путях решения собственно национальных проблем через обособление от других этносов. В условиях обострения экономического кризиса, разрыва хозяйственных связей, обнищания большинства населения республиканско-хозяйственные элиты, умело апеллируя к реальным фактам национальной дискриминации, требовали преимущественных прав на территорию, ресурсы титульным национальностям. Угроза распада России нарастала в течение всего 1992 г. К лету этого года десятки субъектов Федерации — Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия), Удмуртия, Новосибирская и Тюменская области задерживали или вообще прекратили отчисление налогов в федеральный бюджет.

Отдельные субъекты Федерации предлагали преобразовать ее в конфедерацию, другие выступали за реальный федерализм, т. е. четкое разделение сфер ответственности и полномочий центра и мест с учетом природно-климатических и социально-политических различий регионов. Третьи, опасаясь экономической неэффективности федерации, построенной по этническому, а не территориально-экономическому принципу, а также перерастания «асимметрии» в конфедерацию, требовали ликвидации существующих республик, краев и областей и создания на их месте губерний, жестко подчиненных центру.

Претензии республик и других национальных образований в России на особый статус, а тем более на выход из нее грозили полным распадом страны и междоусобицей. В этих условиях правительство Российской Федерации проводило непоследовательную национально-государственную политику. Незаконные вооруженные формирования Д. Дудаева, разогнавшие

в сентябре 1991 г. Верховный Совет Чечено-Ингушской автономии и демонстративно объявившие об отделении Чечни от России, не были разоружены, что впоследствии обернулось тяжелым кризисом в этом регионе. Продолжалось субсидирование из федерального бюджета республик, взявших курс на отделение от России. Лишь в конце октября 1992 г. после начала столкновения между осетинами и ингушами президент России впервые не исключил возможности использования силовых методов для защиты территориальной целостности страны и государственных интересов.

Первым серьезным шагом на пути сохранения единства России стал федеративный договор, работа над которым началась еще в 1990 г. Уже в ходе обсуждения проектов договора стало очевидно, что идея национальной государственности за годы советской власти пустила глубокие корни и вернуться к территориальным образованиям невозможно. Поэтому были отвергнуты и возврат к дореволюционному губернскому устройству на территориальной основе, и федерация национальных государств с преимущественными правами на территорию титульных наций и минимальными полномочиями федерального центра. Подписанный 31 марта 1992 г. большинством субъектов Федерации, за исключением Татарстана и Чечни, федеративный договор разграничил в общих чертах полномочия общефедеральных органов и органов субъектов Федерации. Тем самым внутриполитическое напряжение в стране резко снизилось, частично прекратилась война законов.

Противостояние двух властей. Законодательное оформление новой российской государственности в первые годы реформ было серьезно осложнено противостоянием внутри самой власти, между двумя ее ветвями — законодательной и исполнительной, но, по существу, двух систем власти — одной — прокоммунистической — из прошлого, другой в перспективе — демократической. Их конфликт в отсутствие нормальной конституционной легитимности власти (в стране продолжал действовать слегка подновленный старый Основной закон РСФСР) и сосуществования в государственном организме двух несовместимых начал (президентской власти и системы Советов) был неизбежен. Многие поправки к действующей Конституции и другие законодательные акты принимались в обостряющейся борьбе этих двух политических сил. Неудачи первого этапа либеральных реформ усиливают блок старой номенклатуры и способствуют консолидации вокруг законодательной власти всех оппозиционных сил. Целью оппозиции становится полный захват власти через ослабление президентских структур и жесткий контроль над правительством. Именно эту цель отражал лозунг «Вся власть Советам!» на многочисленных митингах «Трудовой Москвы», Фронта национального спасения и других прокоммунистических организаций. В свою очередь, сторонники жесткой линии в окружении президента РФ настаивали на роспуске Верховного Совета и ликвидации Съезда народных депутатов. Тем самым «августовское соглашение» оказалось под вопросом. Воспользовавшись его правовой неопределенностью, различные политические силы начали по кускам растаскивать государственную власть. Фактическое двоевластие, а точнее, безвластие, провоцировало оппозицию на дальнейшее перераспределение власти

в свою пользу. Борьба вокруг основ конституционного строя России шла с переменным успехом до весны 1993 г. Верховный Совет РФ во главе с Р. И. Хасбулатовым все более активно вмешивался в дела исполнительной власти, требуя отставки президента. В апреле 1993 г. по настоянию Б. Н. Ельцина был проведен референдум о доверии президенту. За доверие высказалось 58% из числа принимавших участие в голосовании. Тем не менее борьба за отстранение Ельцина от власти продолжилась и после референдума. Конституционный кризис преодолен не был. Особо остро встал вопрос о форме правления — президентская или парламентская республика. С каждым днем конституционный кризис принимал для страны все более опасный, разрушительный характер.

Непримиримая оппозиция для реализации своих целей широко использовала многочисленные митинги и марши протеста. 1 мая 1993 г. демонстранты в Москве на Ленинском проспекте дали настоящий бой силам милиции. Острая борьба законодательной и исполнительной власти продолжалась все лето.

Октябрьские события 1993 г. К осени 1993 г. Россия оказалась в состоянии глубокого политического кризиса. Его разрастание — результат отсутствия у России реального опыта, устойчивых традиций демократии и парламентаризма. В условиях начавшегося революционного процесса в стране одновременно оказалось несколько властных центров, в силу чего и Р. Хасбулатов, и Б. Ельцин имели основания претендовать на лидерство в государственных делах. Начиная с весны 1992 г. большинство депутатского корпуса было нацелено на постепенное ограничение власти и полномочий президента, на изменение курса реформ.

В этих условиях Б. Н. Ельцин, убежденный сторонник построения правового государства (что вполне подтверждено последовательным исполнением взятых на себя обязательств), пошел на вынужденный шаг. Чтобы прекратить затянувшееся политическое двовластие, 21 сентября 1993 г. он издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе», в котором объявил о роспуске съезда и Верховного Совета и проведении 12 декабря референдума по новой Конституции и выборов в двухпалатное Федеральное собрание (Государственную думу и Совет Федерации). К этому же сроку предполагалось завершить работу по подготовке новой Конституции.

Указ президента формально противоречил ряду статей действующей Конституции, однако оставлял оппозиции реальную возможность пойти на выборы и демократическим путем решить вопрос о власти.

Оппозиция отвергла легитимный вариант развития событий и перешла к решительной атаке на президента. В ночь на 23 сентября 1993 г. чрезвычайный X Съезд народных депутатов, на котором не было кворума, принял постановление, объявившее действия Б. Н. Ельцина «государственным переворотом», и отстранил его от должности. Съезд избрал вице-президента А. В. Руцкого исполняющим обязанности президента. После этого противостояние сторон переходит в плоскость силовой борьбы. Получив полномочия, А. Руцкой создает вооруженные формирования, в Белый дом сво-

зятся оружие и боеприпасы (впоследствии военными было обнаружено 1132 единицы оружия — сотни автоматов, пулеметы, гранатометы, снайперские винтовки; 312 кг тротила).

1—2 октября еще существовала возможность мирного развития событий. Председатель Конституционного суда В. Д. Зорькин выступил с предложением так называемого нулевого варианта, сущность которого заключалась в отмене всех решений президента и Верховного Совета после 21 сентября и назначении одновременных перевыборов президента и парламента. Но оппозиция организовала 3 октября 1993 г. в центре Москвы на Смоленской площади массовые беспорядки. К 10 часам вечера вооруженные боевики, прибывшие в телецентр «Останкино», предприняли попытку его штурма.

В этой ситуации Ельцин, взяв на себя всю полноту ответственности, отдал приказ о вводе в Москву танковой дивизии и блокаде Белого дома. В результате последующего его штурма с обеих сторон были жертвы, в числе которых ни депутатов, ни лидеров мятежа не было. Мятежники были арестованы.

События октября 1993 г. были неоднозначно восприняты различными слоями российского общества. И до сих пор в историографии отсутствуют их однозначные оценки (среди пяти пунктов обвинений левой оппозиции, инициировавшей в мае 1998 г. процесс отстранения Б. Н. Ельцина от власти через импичмент, т. е. через отрешение от должности, фигурировал и неправомерный роспуск в 1993 г. оппозиционного Верховного Совета).

Вне зависимости от правовых и иных оценок действий сторон «черный октябрь» окончательно разрушил систему Советов и советской власти.

Возрождение российского парламентаризма. В соответствии с принятым решением президента 12 декабря 1993 г. состоялись выборы в Совет Федерации и Государственную думу. Одновременно с выборами проводился референдум по проекту новой Конституции.

Выборы на многопартийной основе в России проходили впервые после почти 80-летнего перерыва. Между политическими партиями и блоками развернулась настоящая предвыборная борьба за голоса избирателей. Изначально 35 партий и движений претендовали на участие выборах, но лишь 13 из них удалось зарегистрировать свои списки в Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, остальные не смогли собрать необходимые 100 тыс. подписей избирателей.

Выборы проводились в атмосфере напряженности в обществе, вызванной распадом СССР и октябрьским путчем. Избиратели продемонстрировали свое разочарование ходом радикальных реформ. В итоге ни одна из политических партий, поддерживавших курс президента, не набрала более 15% голосов от общего числа избирателей, в силу чего изначально Госдума оказалась оппозиционной президенту. Вместе с тем самой борьбой за места в парламенте, а затем занятием в нем важных постов депутаты, в том числе и противники Б. Н. Ельцина, признали легитимность «президента-узурпатора» и «его Конституции». Подобная легитимация в целом обеспечила на ближайшие годы стабильность конституционному строю России.

Всего на выборах 12 декабря в Государственную думу было избрано 444 депутата, в том числе 225 по общефедеральному и 219 по одномандатным избирательным округам. Не проводились выборы на территории Татарстана и Чечни. Из 13 избирательных объединений лишь 8 получили места в парламенте. С учетом депутатов, избранных по партийным спискам и на индивидуальной основе, наибольшее число мест в Госдуме получила партия «Выбор России» — 76, ЛДПР — 63, аграрии — 55, КПРФ — 45.

Новая Конституция России. 12 декабря вместе с выборами в Госдуму состоялся также и референдум по Конституции. За проект нового Основного закона страны проголосовали чуть больше 50% участвовавших в голосовании. Принятие Конституции явилось важнейшим шагом в демократическом обновлении России.

Конституция России 1993 г. — это первая за всю историю страны демократическая Конституция. Она положила конец идеологизации государственной власти, всей системе советского тоталитарного режима. Конституция впервые в истории Российского государства утвердила основополагающий принцип современного парламентаризма — принцип разделения властей. Также впервые в соответствии с общепринятой мировой практикой законодательный орган был назван парламентом, его полномочия были отделены от полномочий других государственных органов, что позволяло ему сосредоточиться на законодательной деятельности.

Человек, его права и свободы (а не коллектива, класса, партии, как это было прежде) названы в Основном законе высшей ценностью. Провозглашались свобода слова, свобода СМИ, запрещалась цензура. Правда, и это один из существенных недостатков, права и свободы оказались вытесненными с заглавного места.

К моменту принятия новой Конституции в России не оформились новые социальные группы и партии, не закончилось формирование политических и экономических структур нового общества. В силу этих причин новая российская Конституция несла в себе черты переходного периода, определенных компромиссов. Наиболее очевидный из них — заметный дисбаланс сил между президентом и парламентом. Согласно новому Основному закону президент имеет чрезвычайно широкие полномочия. Его трудно подвергнуть импичменту (отрешить от должности), хотя такая процедура заложена (ст. 93) в новой Конституции.

При всех ее недостатках впервые в истории России был принят документ, в котором уровень гарантируемых прав и свобод человека, механизм их защиты соответствовали общепризнанным принципам и нормам международного права. Каждому гарантируется свобода мысли и слова, свобода средств массовой информации, запрещается цензура.

Новый Основной закон, несмотря на слабость реальных противовесов принимаемым президентом решениям, создал вполне реальную правовую основу для строительства демократического федеративного правового государства. В результате уже в 1994 г. Россия имела вполне работоспособный двухпалатный парламент.

Становление Федерального собрания. Новая российская Конституция изменила характер государственной власти, форму правления и принципы

законодательной деятельности. Начался новый, постсоветский, посткоммунистический этап в развитии российской государственности.

В отличие от бывшего Верховного Совета Государственная дума изначально создавалась как исключительно профессиональный парламентский орган, где все избранные депутаты должны работать на постоянной основе. К ведению нижней палаты согласно Конституции отнесены принятие законодательных актов, утверждение госбюджета и контроль над его исполнением, контроль над соблюдением прав человека, участие в формировании Правительства РФ.

Совет Федерации (как верхняя палата парламента) согласно Конституции РФ представлял и защищал интересы 89 субъектов Федерации. Поэтому главной его функцией является рассмотрение федеральных законов, принимаемых нижней палатой. Состав депутатского корпуса Госдумы первого созыва в основном отражал реальное соотношение сил и настроений в российском обществе. Ни одна из фракций в Госдуме не имела решающего перевеса. Коммунистические и националистические фракции в лучшем случае могли рассчитывать при голосовании на поддержку 180—230 депутатов, «буферные фракции» — 110—130, демократические — 100—120. В нижней палате были созданы и официально зарегистрированы восемь фракций и одна депутатская группа «Новая региональная политика». Их состав и политические ориентации в течение срока работы Госдумы неоднократно менялись.

Процесс становления Федерального собрания протекал сложно, так как его первые шаги осуществлялись под сильным воздействием кровавой развязки противостояния президента и Верховного Совета.

Наиболее последовательную антипрезидентскую позицию в Госдуме занимала фракция Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) во главе с ее председателем Г. А. Зюгановым (воссозданная в феврале 1993 г. КПРФ требовала смены правительственного курса, восстановления социализма). Имея солидное представительство в думе (45 человек), фракция коммунистов инициировала обсуждение наиболее конфронтационных вопросов — о Комиссии по расследованию событий 3– 4 октября, о денонсации Беловежских соглашений, о начале процедуры импичмента президента. Тем не менее коммунистической оппозиции так и не удалось обеспечить думского большинства по наиболее важным вопросам. Из-за несовершенства конституционных норм и переходности самого парламента при голосовании чаще всего проходили компромиссные решения. По этим причинам парламент созыва 1993 г. не добился особых успехов в законодательном деле. Тем не менее, Госдума смогла принять новый Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы о выборах президента, депутатов Государственной думы, об общих принципах устройства государственной власти, о местном самоуправлении, об основных гарантиях избирательных прав граждан России.

Государственная дума в соответствии со своим конституционным правом 23 февраля 1994 г. объявила амнистию лицам, находящимся под следствием или содержащимся под стражей в связи с событиями 19– 21 августа 1991 г., 1 мая 1993 г., 21 сентября — 4 октября 1993 г. Этот шаг, имевший

в первую очередь политическую направленность, превращал Думу в самостоятельный центр власти. Однако война в Чечне ясно показала неспособность парламента контролировать применение исполнительной властью военной силы.

Тем не менее российский парламент первого созыва выполнил свою главную функцию: он узаконил новую политическую и государственную систему.

«Чеченский кризис». Новая российская Конституция закрепила основные признаки федеративного устройства страны: ее государственную целостность, разграничение полномочий между органами власти в центре и на местах, равноправие субъектов Федерации, а также признаки равноправия и самоопределения народов Российской Федерации. Согласно Конституции федеральный центр обладает высшей властью на всей территории государства. Но, как и ожидалось, Конституция не решила всех вопросов федеративного устройства страны. Равенство субъектов Федерации было зафиксировано лишь формально (Федерация по-прежнему имела «асимметричный» характер). Различные регионы обладали разной компетенцией и несли различную меру ответственности перед государством и гражданами.

Законодательные органы республик, краев и областей значительно различались по своему правовому статусу, компетенции, даже по названию. В результате складывание национально-государственного устройства России во многом шло стихийно, под воздействием непрерывного «торга» центра и регионов по вопросам полномочий и распределения доходов.

Слабость федеральной власти вынуждала ее идти на подписание особых двусторонних договоров с субъектами Федерации, как правило, с наиболее богатыми по своим ресурсам этническими республиками.

Так, в феврале 1994 г. был подписан договор с Татарстаном, который предоставил республике такие права и преимущества, каких не было у других субъектов Федерации. В ведение Татарстана перешли такие традиционные федеральные функции, как защита прав и свобод человека и гражданина, предоставление или лишение татарского гражданства, установление отношений с иностранными государствами и др. Однако этот договор позволил вернуть Татарстан в конституционное пространство России. Позже аналогичные договоры были подписаны с другими российскими республиками. При этом Башкортостан оговорил для себя в договоре определенные права по бюджету и налогам.

Двусторонний договор, подписанный российским правительством и Республикой Саха (Якутия), позволил ей не только самой собирать федеральные налоги, но и расходовать их на федеральные программы. В 1994—1995 гг. было подписано 20 двусторонних договоров с этническими республиками. Они позволили местным властям выиграть время и удовлетворить запросы националистических сил, а федеральному центру — избежать силового давления в решении национальных проблем.

В конце 1994 г. российское руководство предприняло попытку разрубить «чеченский узел». Три года с момента прихода к власти в республике

национал-радикалов во главе с Д. Дудаевым в Москве ждали, что режим, установленный генералом, сам себя изживет, но этого не случилось. За эти годы Чечня превратилась в опасный источник сепаратизма на Северном Кавказе. Призывы Д. Дудаева к созданию «общего кавказского дома народов» вне России создавали реальные предпосылки повторного передела постсоветского пространства, угрожали целостности Российской Федерации. Чеченский сепаратизм грозил подорвать едва наметившееся согласие между центром и регионами.

Федеральные власти неоднократно пытались наладить диалог с режимом Д. Дудаева, но вопрос упирался в политический статус Чечни. Чеченские власти упорно не желали считать республику субъектом Российской Федерации. В ответ правительство России оказывало экономическое давление, постепенно сокращая поставку волжской и сибирской нефти на Грозненский нефтеперерабатывающий завод, ограничивая возможности финансовых махинаций с чеченскими авизо.

Эта тактика принесла определенные плоды. К концу 1993 г. дудаевский режим переживал серьезный кризис. Независимая Республика Ичкерия находилась на грани социального взрыва. Обвальный спад производства, сокращение доходов от продажи нефти, отключение электроэнергии за невыплату республикой задолженности, постоянные вооруженные разборки резко сократили число сторонников Д. Дудаева и суверенитета Чечни.

Однако разрозненность, неоднородность оппозиционных сил позволила Дудаеву легко разогнать в мае—июне 1993 г. парламент, Конституционный суд, грозненское городское собрание, когда те потребовали ограничить его власть, провести расследование нефтяных махинаций.

Весной 1994 г. общечеченским центром сопротивления Д. Дудаеву становится Надтеречный район, где был создан Временный совет Чеченской Республики во главе с У. Автурхановым. Развязка наступила 26 ноября, когда бездарно организованный оппозицией и, возможно, российскими спецслужбами танковый штурм Грозного закончился полным провалом.

После этого в российском руководстве верх одерживает «партия войны». 30 ноября 1994 г. президент Б. Н. Ельцин издал указ «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», в соответствии с которым для решения этой задачи создавалась специальная группировка войск. На подготовку боевых действий войскам отводилось всего несколько дней. 10 декабря 1994 г. войска Министерства обороны и внутренних дел вошли на территорию Чечни. С самого начала боевые действия складывались для федеральных войск неудачно. Штурм же Грозного в новогоднюю ночь, в результате которого погибли сотни российских военнослужащих, стал военной катастрофой. Неудачи боевых действий российских войск объяснялись тем, что перед военными были поставлены задачи, не выполнимые военными средствами. Кроме того, разработка и материальное обеспечение операции были крайне неудовлетворительными. Из поступившей на вооружение группировки федеральных войск в Чечне боевой техники более 20% было полностью неисправной, еще 40% – неисправно частично. В результате в первые сутки боевых действий федеральные войска, только по официаль-

ным данным, потеряли 72 единицы боевой техники. Неожиданностью для российских политиков и военных оказалось наличие у Дудаева хорошо подготовленной армии. К началу событий чеченские вооруженные силы имели 13 тыс. человек, не считая наемников и добровольцев из других стран. В Чечне после ухода из нее российских войск осенью 1991 г. было накоплено много оружия и боеприпасов. Но самое главное, умело играя на национальных чувствах и изображая Россию врагом чеченского народа, Дудаеву удалось привлечь на свою сторону население Чечни, занимавшее ранее нейтральную позицию. Из обанкротившегося политика он превратился в национального героя. Большая часть населения Чечни восприняла ввод федеральных войск как вторжение вражеской армии, стремящейся отнять у них свободу и независимость.

В итоге операция по восстановлению законности, сохранению целостности России, разоружению бандитов обернулась для российского общества затяжной кровопролитной войной, сказавшейся на всех сторонах жизни, и прежде всего в экономике.

Новые задачи российской внешней политики. Процесс адаптации российской внешней политики к новым реалиям в мире оказался длительным и болезненным. Переходное состояние российского общества, борьба за власть, жесточайший экономический кризис серьезно осложнили разработку концепции национальной безопасности и новой внешнеэкономической доктрины.

По названной причине в 1991– 1993 гг. внешняя политика демократической России во многом являлась продолжением перестроечной дипломатии М. С. Горбачева. Для нее было характерно стремление интегрироваться в западное сообщество и мировые экономические структуры. Провозглашенная министром иностранных дел А. Козыревым концепция стратегического союза России и США, позже преобразованная в идею стратегического партнерства, предполагала лояльность России в отношении западных ценностей в обмен на помощь Запада в осуществлении либеральных реформ.

За первые два года либеральных преобразований в стране российской дипломатии, несмотря на ошибки и ограниченный арсенал средств, удалось решить многие проблемы, вызванные распадом СССР и определением нового международного статуса Российской Федерации. Россия заняла место, принадлежащее СССР в Совете Безопасности ООН.

3 января 1993 г. президенты Российской Федерации и США подписали чрезвычайно важный Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2), предусматривающий взаимное сокращение ядерного потенциала двух стран к 2003 г. до уровня 3500 ядерных боеголовок. Этот договор вызвал неоднозначную реакцию в российском обществе, поскольку на начало 1990-х гг. запасы ядерных боеголовок в СССР составляли более 33 тыс., а в США — более 23 тыс. и, следовательно, Россия должна была уничтожить большее их число.

В октябре 1993 г. в результате подписания Токийской декларации был сделан важный шаг к нормализации отношений нашей страны с Японией.

Вместе с тем российской внешней политике в эти годы явно не хватало стратегической глубины, инициативности. Несмотря на демократическую риторику, она по-прежнему отражала логику холодной войны. Козыревская дипломатия в целом принесла незначительные результаты.

Определенные просчеты, допущенные в 1991—1992 гг. в российско-американских отношениях, в политике на Балканах и особенно во взаимоотношениях со странами ближнего зарубежья, заставили Б. Н. Ельцина уже в 1993 г. существенно скорректировать внешнеполитический курс России.

В концепции внешней политики, утвержденной в апреле 1993 г. президентом, главное внимание уделялось задачам развития отношений со странами ближнего зарубежья и Восточной Европы и лишь затем следовал Запад и другие регионы мира.

Благодаря этому стали регулярно собираться органы, координирующие и направляющие деятельность СНГ, такие как Совет глав государств и Совет глав правительств. Развивалось сотрудничество силовых и финансовых структур.

Однако эти реальные шаги к сближению в рамках СНГ отчетливо обнаружили различие интересов отдельных стран Содружества и их различную готовность к дальнейшему участию в интеграционном процессе.

Существенно затрудняли согласование национально-государственных интересов государств — участниц СНГ различия в их экономическом потенциале, структуре хозяйства.

В силу этих причин формирование и укрепление Содружества оказалось более сложным делом, чем это представлялось вначале. В 1994—1997 гг. процессы размежевания и национального самоопределения явно опережали интеграцию и сближение. Ставшие независимыми республики в ускоренном темпе строили свои властные и экономические структуры, финансы, вооруженные силы. Попытки же осуществить реальную интеграцию, как правило, дальше многочисленных заявлений лидеров и подписания очередных многосторонних соглашений не шли.

В этих условиях в СНГ получает развитие стратегия разноскоростной интеграции. В 1995 г. началось формирование таможенного союза между Россией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией, что позволило обеспечить более свободное перемещение товаров и капиталов этих государств. В марте 1996 г. страны «четверки» подписали Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. Параллельно шло оформление «двойки» (Союза России и Белоруссии), единого экономического пространства центральноазиатских стран — Казахстана, Узбекистана и Киргизии, а впоследствии и ГУАМа — объединения Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы в целях развития евроазиатско-транскавказского транспортного коридора. Дробление Содружества на небольшие блоки, как показала практика, лишь усилило центробежные тенденции, способствовало ориентации части блоков на зарубежных партнеров.

С 1994 г. внешняя политика России постепенно меняет характер, становясь все более державной. В стране заметно усиливаются антизападные настроения, в основном возникающие как стихийная реакция на конкретные действия США и их союзников. В начале 1996 г. смена ориентиров во

внешней политике подкрепляется кадровыми перестановками: А. Козырева на посту министра иностранных дел сменил Е. Примаков, бывший до этого руководителем Службы внешней разведки. Став министром, Е. Примаков объявил приоритетом своей деятельности ближнее зарубежье, двусторонние и многосторонние отношения со странами СНГ. Реальный результат был достигнут лишь в 1997 г., когда были подписаны договоры с Белоруссией и Украиной. Договор с Украиной стал возможным благодаря достигнутому компромиссу в двух принципиальных вопросах: о статусе главной базы Черноморского флота Севастополя и о разделе самого флота.

В ходе визита весной 1997 г. Б. Н. Ельцина на Украину флот был окончательно поделен, как и его инфраструктура.

К середине 1990-х гг. вопрос о расширении НАТО на Восток стал главным для российской дипломатии. В 1990—1991 гг. руководители государств НАТО заверяли М. Горбачева, что после объединения Германии и роспуска Варшавского договора НАТО не будет распространять свое влияние на Восток. Лидеры Запада не сдержали своих обещаний.

Приоритетом новой американской стратегии становится сохранение систем военно-политических союзов, созданных США в годы холодной войны. В конце 1994 г. США принимает решение о необходимости принятия бывших советских союзников по ОВД в НАТО, несмотря на жесткие возражения России.

В результате упорных переговоров 27 мая 1997 г. в Париже был подписан основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и НАТО. НАТО и Россия более не рассматривают друг друга как противники. Россия получила от НАТО официально закрепленное обещание не размещать на постоянной основе вооруженные силы на территории своих новых членов.

В целом компромисс по вопросу расширения НАТО оздоровил ситуацию в Европе и мире. Однако натовские бомбардировки Югославии перечеркнули большинство достижений на пути сближения России и НАТО, в том числе соглашения по развитию мер доверия.

Новая восточная политика. В результате целенаправленных усилий по активизации российской восточной политики в 1991—1997 гг. отношения с большинством стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) вышли на новые рубежи. Последовательно развивались традиционно масштабные связи с Индией, возобновилось активное сотрудничество с Вьетнамом, Монголией.

В апреле 1996 г. в Пекине Б. Н. Ельцин и председатель КНР Цзян Цзэминь сформулировали курс на развитие равноправного доверительного партнерства. В новых исторических условиях отношения между двумя соседними государствами должны строиться не на идеологической близости, а взаимной выгоде и балансе интересов.

Через год, в апреле 1997 г., во время государственного визита председателя КНР в Москву, была подписана совместная российско-китайская Декларация о многополярном мире и установлении нового международного порядка. Этот документ – важное свидетельство совпадения концептуальных подходов сторон и важнейшая тенденция развития современных

международных отношений. В нем стороны поддержали нарастающую в мире тенденцию к многополярности.

Главной темой встречи на высшем уровне в Пекине в апреле 1997 г. стали экономические вопросы. Жесткая конкуренция на китайском рынке заставляет Россию быстрее решать вопросы выхода из экономического кризиса, создавать конкурентоспособную продукцию, поскольку Китай в условиях рынка предпочитает традиционной российской технике и оборудованию более качественную продукцию ведущих западных стран.

В 1993—1997 гг. заметно активизировался российско-японский диалог. Многие десятилетия развитию экономических и культурных связей двух соседних стран мешал пресловутый территориальный вопрос. Сталин, отказавшись в 1951 г. подписать мирный договор с Японией, упустил возможность раз и навсегда решить в свою пользу спор о принадлежности Южных Курил.

Возможность прорыва в отношениях между Токио и Москвой появилась лишь в 1993 г., после подписания Б. Н. Ельциным и премьер-министром Японии Морихиро Хосакава Токийской декларации, где предполагалось решить проблему северных территорий на основе законности и справедливости, без деления на победителей и побежденных.

После встречи «Большой семерки» в Денвере новый премьер-министр Японии Хасимото предложил пересмотреть в условиях окончания холодной войны внешнеполитические приоритеты своей страны и, в частности, кардинально улучшить отношения с Россией. Одна из важных причин смягчения позиции японской стороной в отношении с Россией — нестабильная ситуация в Восточной Азии, усиление позиции Китая и, следовательно, необходимость удержания баланса в регионе.

Парламентские выборы 1995 г. Осенью 1994 г. в стране стартовала новая избирательная кампания по выборам в Государственную думу, конституционные полномочия которой истекали в 1995 г.

Политический кризис дал мощный импульс к становлению в России реальной многопартийности. Для партий, прошедших на выборах в Государственную думу («Выбор России», ЛДПР, ЛПР, КПРФ, АПР, ПРЕСС), парламентская деятельность становится главной. В первой половине 1994 г. в России было зарегистрировано около 50 политических партий, 100 общественно-политических объединений.

Характерной чертой этого времени стала перегруппировка основных партийно-политических сил: поиск союзников и объединяющей идеи, формирование предвыборных блоков и коалиций. КПРФ, стремясь объединить весь левый электорат, обновляет свой политический имидж, соединив в идеологической платформе три разных начала: марксизм, русскую национальную доктрину и концепцию устойчивого развития.

К лету 1994 г. Е. Гайдаром была создана праволиберальная партия, получившая название «Демократический выбор России». Однако с ее образованием раскол демократического движения не был преодолен. Другая правая партия, «Яблоко», во главе с Г. Я. Явлинским выступала с критикой монетаристского уклона в деятельности правительства Е. Гайдара

и В. Черномырдина и требовала расширения полномочий законодательной власти.

В отличие от выборов 1993 г., которые проводились в экстремальных политических и правовых условиях, сложившихся после прекращения деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ, выборы 1995 г. проходили в относительно спокойной обстановке. Осенью 1994 г. началось активное формирование предвыборных блоков и коалиций различных политических течений и ориентаций, которое достигло своего апогея к декабрю 1995 г. Наряду с политическими партиями, участвовавшими в выборах 1993 г., на арену вышли новые политические объединения: блок «Наш дом — Россия» (В. Черномырдин, С. Беляев), «Блок Ивана Рыбкина», «Конгресс русских общин», «Держава» и др. Всего в Центральной избирательной комиссии к началу выборов было зарегистрировано 43 избирательных объединения и блока. Подобная раздробленность, свидетельствовавшая о незрелости российской демократии, привела к тому, что большинству из них не удалось преодолеть 5%-ный барьер для получения мест в Госдуме.

По итогам голосования КПРФ получила в Государственной думе второго созыва 158 мандатов. Успех КПРФ на выборах был связан с ухудшением экономического положения основной массы населения и отсутствием заметных сдвигов к лучшему, усилением у людей ностальгических настроений, стремлением восстановить утерянные социальные гарантии. В свою очередь, поражение радикально настроенных реформистов — результат раздробленности, неспособности объединиться. В целом же относительное равновесие не было нарушено, и новый российский парламент остался умеренно оппозиционным исполнительной власти.

§ 2. Возвращение рынка и частной собственности

Начало либеральных реформ. 1992 г. стал для России годом экономических реформ, началом перехода к рынку, к легитимной частной собственности. В ноябре 1991 г. Б. Н. Ельцин сформировал новое правительство, ключевые посты в котором заняли молодые экономисты-рыночники: П. Авен, А. Нечаев, А. Шохин, А. Чубайс. Вице-премьером этого правительства был назначен 35-летний экономист Е. Гайдар. Молодых кабинетных ученых пригласили в правительство исключительно из-за глубины кризиса, в котором оказалась страна, из-за нежелания многих опытных экономистов и управленцев «разгребать авгиевы конюшни».

Главные экономические цели нового правительства России были изложены Б. Н. Ельциным 28 октября 1991 г.: переход к рыночной экономике и достижение макроэкономической стабилизации. Для вывода страны из кризиса Ельцин, возглавивший «правительство реформ», выбрал путь «шоковой терапии», т. е. быстрого, «в один прыжок», вхождения в рынок. В своей политике правительство исходило не из идеологических предпочтений, а из суровых экономических реалий. К этому времени экономическая ситуация в стране была катастрофической, полки магазинов пусты. Стране реально грозил голод, поэтому дальше откладывать реформы было нельзя.

Правительственная программа содержала набор мер, широко известных в мировой практике: сначала отпуск цен, затем введение свободной торговли и затем приватизация. Свободные цены должны были определить реальную цену товаров и включить механизм конкуренции, заставить людей зарабатывать деньги, а приватизация (передача государственной собственности в частные руки), сделав людей собственниками, — создать мощные стимулы к труду.

Альтернативный вариант, предлагаемый Г. А. Явлинским (сначала достижение стабилизации экономической ситуации, а потом проведение рыночных реформ), был отвергнут, так как требовал жестких административных мер, обеспечить которые при слабости государственной власти было уже невозможно. К концу 1991 г. в России жесткая вертикаль власти была разрушена, подорвана система поддержания правопорядка. Восстановление власти в стране фактически заняло все 90-е гг. XX в.

Реформы, начатые командой Е. Гайдара, с самого начала приобрели революционный характер, характер перехода от одного общественного строя к другому. Правительство предприняло ряд важных мер по слому командно-административной системы, либерализации хозяйственной деятельности. Значительные усилия были направлены на создание рыночной инфраструктуры — фондовых и товарных бирж, банковской системы, валютного рынка.

В соответствии с правительственной программой реорганизация коснулась органов власти и управления: старые (советские) органы власти сохранились, но реформаторы попытались наполнить их новым содержанием. Советский госаппарат был резко сокращен, правда, ненадолго.

Основой гайдаровских реформ стала либеральная монетаристская модель перехода к рынку, ориентированная на ослабление вмешательства государства в экономику, на первоочередное реформирование денежного сектора экономики, достижение финансовой стабилизации в стране, ликвидацию бюджетного дефицита, укрепление рубля. По планам реформаторов программа стабилизации российской экономики на рыночной основе была рассчитана на три года.

В начале либеральных реформ (до декабря 1992 г.) наиболее революционную роль сыграл Указ Президента РФ от 2 января 1992 г. о либерализации цен и реорганизации торговли. Он предоставил предприятиям право самостоятельно устанавливать цены на производимую продукцию, право самостоятельного сбыта и покупки продукции и сырья. Указ вводил контроль за ценообразованием на предприятиях-монополистах, отменял запреты на деятельность негосударственных торгово-закупочных предприятий.

Стабилизационная политика правительства Е. Гайдара также предусматривала ряд важных мер по предотвращению гиперинфляции и социальной защите населения. Резкому сокращению были подвергнуты все государственные расходы (централизованные капиталовложения, дотации и т. д.). В частности, расходы на закупку вооружений были урезаны на 85%. Одновременно были приложены усилия для конвертируемости рубля: упрощены схемы валютных операций, расширен валютный рынок и, нако-

нец, установлен свободный валютный курс рубля на основе спроса и предложения.

Либерализация цен и ужесточение финансовой политики привели к тому, что российский рынок постепенно стал наполняться товарами, деньги вновь обрели цену, исчезли очереди в магазинах.

Реформы, связанные с именем Е. Гайдара, продолжались ровно год. Их глубина, темпы, последовательность, как и предполагали с самого начала реформаторы, зависели не столько от их «идеальных замыслов», сколько от хода политической борьбы в стране и других реалий посткоммунистической России. Конфликтный характер возникновения рынка во многом был связан с характером экономики, унаследованной Россией от СССР. По оценкам специалистов, основная часть бывших советских предприятий (до 70% крупных заводов, колхозов и совхозов) была непригодна для вхождения в рынок, несовместима с ним и потому обречена на банкротство.

Уже первые шаги правительства Е. Гайдара вызвали резкое противодействие со стороны Верховного Совета, который проваливал все законопроекты, предложенные правительством. В оппозицию решительному антиинфляционному курсу Е. Гайдара по мере разрастания кризиса неплатежей становится значительная часть директорского корпуса. Реальная опасность банкротства неэффективных предприятий заставила сплотиться промышленников и профсоюзы. В этой ситуации инициировавший реформы Б. Н. Ельцин не был последователен. Он постоянно нейтрализовывал реформаторов антиреформаторами и лично принимал решения, противоречащие логике реформ. Летом 1992 г. он пошел на компромисс с прореформаторски настроенной частью промышленников и включил в состав правительства ряд видных представителей военно-промышленного (ВПК) и топливно-энергетического (ТЭК) комплексов.

Уступки директорскому корпусу, считавшему, что инфляция лучше безработицы, на деле обернулись резким ростом цен в стране (до 5% в неделю) и обвальным падением курса рубля.

В силу прежде всего политических причин ход реформы с самого начала стал отклоняться от намеченного курса. Первоначально цены предполагалось отпустить лишь к лету 1992 г., однако под давлением объективных обстоятельств правительство было вынуждено объявить о либерализации цен в январе 1992 г. Правительству Гайдара пришлось также отказаться от запланированной денежной реформы. Введение новой валюты — российского рубля — оказалось невозможным из-за давления на российское правительство руководителей других республик бывшего СССР. По политическим причинам пришлось отказаться от денежной приватизации. Принципиальной уступкой старой номенклатуре стал отказ от немедленного перехода к банкротству несостоятельных предприятий.

Реформы Е. Гайдара не были последовательными. Вопреки широко распространенному мнению Россия не испытала настоящей «шоковой терапии». В начале 1990-х гг. в основном проводилась постепенная политика. Проходившие на фоне острой политической борьбы либеральные реформы во многом оказались половинчатыми, бюрократическими, компромиссными. Внутренняя и внешняя либерализация цен не была доведена до

конца, были допущены кадровые ошибки, программа приватизации не была оптимальной с точки зрения экономической эффективности. Правительство реформаторов в ходе осуществления преобразований экономики допустило много принципиальных ошибок. Главная из них состояла в том, что, объявив целью либеральных реформ повышение жизненного уровня, они создали избыточные ожидания населения, тогда как фактически в 1991—1992 гг. речь шла о трансформировании советской системы и создании основ нового социально-политического строя, т. е. о длительном процессе, не приводящем сразу к улучшению жизненного уровня.

Прогнозируемое реформаторами пятикратное повышение цен на деле обернулось их повышением в 100 и более раз, в результате чего большинство населения страны оказалось за чертой бедности. Вызванный либерализацией гигантский рост цен почти полностью уничтожил хранившиеся в государственных сберегательных кассах денежные накопления, многие из которых люди собирали в течение всей жизни. Это стало одной из причин недовольства большей части населения правительством и лично Е. Гайдаром. Но конфискация денежных вкладов имела не только негативный психологический эффект. Когда накопления, а речь, по оценкам специалистов, идет о сумме в 1 трлн дореформенных рублей, были одним махом ликвидированы, денежная приватизация стала невозможной, тогда остался единственный путь — раздача госсобственности бесплатно.

Через два месяца после начала реформ правительство было вынуждено поднять заработную плату. За начавшимся повышением зарплаты весной 1992 г. вновь последовал рост цен. В мае правительство Гайдара было вынуждено начать эмиссионную накачку денег в экономику. Надежды на быстрое достижение рыночного равновесия, сдерживающего инфляцию, были похоронены.

В конце 1992 г. «красные директора» на Съезде народных депутатов добились отставки Е. Гайдара с поста премьер-министра.

Тем не менее на начальном, гайдаровском, этапе российских реформ удалось главное — сменить исторический вектор развития страны. Главным его итогом стал выход из социализма; сложился, хотя и крайне незрелый, рынок. Реформаторы спасли население крупных городов от реальной угрозы голода зимой 1991—1992 гг.

В результате либерализации экономика России избежала тотального банкротства, восстановилось доверие к ней зарубежных партнеров, страна начала трудный путь интеграции в мировой рынок.

Противоречия экономической политики. 4 декабря 1992 г. в результате компромисса между президентом и Верховным Советом во главе правительства стал вице-премьер В. С. Черномырдин.

Смена правительственного кабинета в значительной мере была связана с исчерпанностью первого, «романтического», этапа либеральных реформ и наступлением нового, «прагматического».

С самого начала правительство В. С. Черномырдина носило коалиционный характер. В нем были представлены и демократы, и коммунисты, и аграрии. В результате разработка и реализация единой линии правительства была серьезно затруднена. С возвращением в сентябре 1993 г. в прави-

тельство Е. Т. Гайдара в качестве вице-премьера и министра экономики вновь открылась возможность дальнейшей либерализации экономики.

В течение осени 1993 г. была проведена почти полная либерализация сельскохозяйственного сектора, закончился период «дешевых денег», т. е. мощного государственного финансирования народного хозяйства через кредитную и бюджетную систему. Как следствие этих мер, темпы инфляции в стране заметно снизились. К концу 1993 г. были осуществлены необходимые институциональные изменения для полноценной макроэкономической стабилизации, дефицит бюджета был сокращен до 6% ВВП.

Однако результаты парламентских выборов 12 декабря 1993 г. резко изменили ситуацию в стране. Е. Гайдар и Б. Федоров были вынуждены покинуть правительство, и в нем вновь усилились позиции промышленного и аграрного лобби. Тем не менее В. С. Черномырдин не отказался полностью от политики денежной стабилизации, избрав умеренно-жесткий антиинфляционный курс. Снижение ежемесячного уровня инфляции с 18% в январе 1994 г. до 4,6% в августе позволило тогда правительству перенести акцент на реформы институционального и структурного характера.

Однако непоследовательность правительства, нажим на него со стороны лоббистов привели осенью 1994 г. к ускорению инфляции и обвальному падению курса рубля на 27% (с 3081 до 3926 рублей за доллар) 11 октября, названного «черным вторником».

В результате рублевого кризиса, показавшего, что до подлинной макроэкономической стабилизации еще далеко, кабинет Черномырдина был усилен рыночником А. Чубайсом, назначенным первым заместителем премьер-министра. И в последующие 2 года, несмотря на неблагоприятный политический фон, курс, заложенный Е. Гайдаром, продолжал проводиться. В 1995—1996 гг. была фактически остановлена инфляция, проведена массовая приватизация, было покончено с дефицитом потребительских товаров.

Этапы и результаты приватизации. Принятый 25 декабря 1990 г. российский Закон о предприятиях и предпринимательской деятельности разрешил индивидуальную предпринимательскую деятельность и создание частных предприятий.

Годом раньше союзным законом была разрешена аренда трудовыми коллективами государственных предприятий. На практике это означало выкуп госпредприятий по низким ценам. Тем самым было положено начало так называемой номенклатурной приватизации. Используя нечеткость принятых законов, директорский корпус получил в полное и бесконтрольное владение сотни тысяч государственных предприятий, в частности право самому себе назначать многомиллионные оклады и премии, увеличивать легальным путем свои доходы. К концу 1991 г. в России уже существовало 3076 ассоциаций, 227 концернов и 123 консорциума. Таким образом, до начала рыночных реформ значительная часть «общенародной» собственности была роздана номенклатуре.

«Народная» приватизация началась в России со второй половины 1992 г. с акционирования выделенных для этого 5613 предприятий. С самого начала ее осуществления правительство реформаторов оказалось

в сложном положении, так как фактически все сколько-нибудь значительные государственные предприятия уже обрели конкретных владельцев.

Для правительства в 1992—1994 гг. в целях придания необратимости рыночным реформам важно было безотлагательно взять под контроль спонтанную, «номенклатурную», приватизацию, изолировать противников реформ и в конечном итоге сохранить в стране гражданский мир.

В августе 1992 г. президент РФ подписал Указ «О введении системы приватизационных чеков в Российской Федерации». В соответствии с этим указом балансовая стоимость всех российских предприятий на начало 1990-х гг. была суммирована и поделена на общее число россиян. Все граждане страны, включая детей, обрели право на получение одного приватизационного чека (ваучера) номинальной стоимостью в 10 тыс. рублей. Предполагалось, что, вкладывая ваучеры в акции приватизированных предприятий, люди смогут получать дивиденды. Фактически этого не случилось, поскольку ожидаемого реального экономического роста в этот период не произошло.

В результате многие россияне почувствовали себя обманутыми ваучерной приватизацией. Тем не менее итогами ее первого этапа стали быстрый передел государственной собственности и становление реальных основ рыночной экономики. За эти годы появился новый социальный слой — акционеры (около 40 млн человек), новые частные собственники. Возникли тысячи крупных инвестиционных, страховых, пенсионных компаний, система коммерческих банков.

Одновременно с марта 1992 г. началась так называемая малая приватизация - продажа с аукционов магазинов, прачечных, других предприятий сферы обслуживания. Уже к началу 1996 г. более 84% мелких предприятий в стране было приватизировано.

С учетом критики и накопленного опыта новый этап приватизации, начавшийся летом 1995 г., носил уже денежный характер. Наиболее распространенной формой ее оказались залоговые аукционы, суть которых в передаче государственных пакетов акций в доверительное управление на определенный период, во время которого победители тендера получили возможность управлять предприятием. Всего в частные руки перешло более половины промышленных предприятий, которые производили около 70% валового национального продукта. На их долю приходилось также около 2/3 всех инвестиций.

Особенности реформирования реального сектора экономики. Затяжной кризис, обрушившийся в 1990-е гг. на экономику России, с наибольшей силой поразил ее сердцевину – промышленность. Столкнувшись в годы реформ с нехваткой ресурсов и проблемой сбыта продукции, многие ведущие отрасли промышленности страны оказались не готовы к выпуску конкурентоспособной продукции. В СССР 60% машиностроения работало на оборону, гражданское же машиностроение развивалось слабо. Нерациональность подобной структуры советской экономики стала очевидна к концу 1980-х гг. после резкого падения мировых цен на энергоресурсы (в 1990 г. они были в среднем вдвое ниже, чем в 1985 г.).

Сокращение валютных поступлений от экспорта топлива и сырья сильно ударило по всей советской экономике, но особенно пострадала нефтедобывающая промышленность.

В других отраслях ТЭКа к этому времени рост производства либо также сменился спадом (нефтепереработка, угольная промышленность), либо существенно замедлился (газовая промышленность, электроэнергетика).

К началу рыночных реформ свои проблемы накопились во всех отраслях отечественной индустрии.

С вхождением России в мировой рынок стала очевидна настоятельная необходимость формирования новой структуры экономики, соответствующей рыночным условиям и способной реализовывать сравнительные конкурентные возможности нашей страны. Прежде всего необходимо было провести конверсию — перевести большую часть военного производства на выпуск гражданской продукции, ускорить рост наиболее наукоемких производств, выпускать больше готовой, а не промежуточной продукции.

В 1992—1994 гг. после либерализации цен начался первый стихийный этап структурной перестройки экономики России.

Боязнь быстрого роста безработицы и возможного вследствие этого социального взрыва не позволила властям отказаться от финансовой поддержки отсталых отраслей. Поэтому до 1995 г. реальный механизм структурной перестройки заключался в стихийной самоликвидации отдельных неконкурентоспособных предприятий. В результате под воздействием рыночной стихии однобокость российской экономики еще более усилилась. Прежде всего, произошло обвальное разрушение военно-промышленного комплекса (ВПК).

В 1992 г. госзаказ по закупке вооружений у ВПК был сокращен правительством Е. Гайдара в 8 раз. Соответственно объем военной продукции в этом же году уменьшился на 42%, а в 1993 г. — еще на 29%.

Конец 1993 г. и начало 1994 г. ознаменовались обвальным закрытием десятков машиностроительных предприятий. Простаивали автомобильные гиганты — ВАЗ, АЗЛК, ГАЗ, а также предприятия сельскохозяйственного машиностроения: Владимирский тракторный завод, Кировский завод в Санкт-Петербурге, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения. Причина простоев — трудности со сбытом продукции, взаимные неплатежи.

Другое важное следствие стихийной структурной перестройки — переориентация экономики на обслуживание экспортных отраслей и естественных монополий — РАО ЕЭС, «Газпрома», МПС.

Главное, что наращивание производства даже наиболее конкурентоспособной продукции в первые годы реформ происходило за счет максимальной эксплуатации устаревшего и ветхого технологического оборудования.

К 1995 г. ресурсы стихийного оздоровления экономики были фактически исчерпаны, однако в силу политических причин в 1995—1996 гг. структурная перестройка в экономике продолжалась без модернизации предприятий, без обновления технологий — за счет перелива капитала из одной отрасли в другую. При этом происходило дальнейшее упрощение структуры экономики, ее общая примитивизация.

В эти годы из-за конкуренции с зарубежными фирмами прекращается или резко сокращается производство многих отечественных товаров: телевизоров, компьютеров, текстильных изделий. Целые отрасли, занимавшие важные места в российской экономике и приносившие большие доходы (машиностроение, оборонная и легкая промышленность), оказались в состоянии глубокого упадка, порой с безвозвратной потерей технологий и культуры производства. В 1996 г. общий объем промышленного производства сократился по сравнению с 1991 г. в 2 раза.

К 1997 г. в стране завершается консолидация 16 нефтяных промышленных компаний. Мощные финансово-промышленные объединения, созданные в России, превышали по величине многие известные западные компании.

Кризис 17 августа 1998 г., нанеся в целом удар по российской экономике, способствовал оздоровлению ее реального сектора.

С октября 1998 г. наметились положительные тенденции в промышленном производстве. Отечественная индустрия начинает оживать под воздействием снижения задолженности государству и восстановления платежно-расчетной системы, а также улучшения условий для экспорта российских товаров и существенного ослабления конкуренции на внутреннем рынке со стороны импорта.

Аграрная реформа. Многочисленные эксперименты в сельском хозяйстве в советское время породили у жителей села глубокое неверие в возможность радикальных перемен, привели к распространению иждивенческих настроений. Кроме того, более низкий, чем в городе, уровень жизни и культурно-бытового обслуживания способствовал постоянному оттоку из деревни молодых и энергичных людей.

Поэтому реформа в сельском хозяйстве столкнулась с большими трудностями. Российское село с каждым шагом реформ все более противостояло им и в конечном итоге стало тормозом всех рыночных преобразований в стране.

Другая важная причина медленного развития реформ в деревне — очевидный дефицит идей у самих реформаторов. Начиная с 1988 г. в деревне сменилось несколько моделей и направлений аграрной реформы.

В конце 1990 г. II (внеочередной) Съезд народных депутатов России, приняв Законы «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» и «О земельной реформе», положил начало аграрной реформе. Ее главной задачей становится реформирование колхозов и совхозов, развитие фермерских хозяйств. В соответствии с принятыми Законами крестьяне получили право выходить из колхозов и совхозов со своей долей общественной земли. Но на практике вплоть до 1992 г. крестьяне неохотно брали землю, опасаясь возможных изменений политического курса. За 1991 г. по стране было создано 44,5 тыс. фермерских хозяйств. Фактически их создание целиком определялось доброй волей реальных собственников земли — руководителей колхозов и совхозов.

Чтобы ускорить развитие фермерства в российской деревне, Б. Н. Ельцин внес необходимые коррективы в аграрную политику. В соответствии с Указом от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению зе-

мельной реформы в РСФСР» создавались районные фонды распределения земель, а колхозы и совхозы подлежали в двухмесячный срок реорганизации.

Наиболее значительным итогом 1992 г. в аграрной сфере стало формирование довольно значительного слоя фермеров. За один год их численность выросла более чем на 130 тыс. В 1993 г. к ним прибавилось еще 90 тыс., достигнув общего числа в 270 тыс. хозяйств. Затем, начиная со второй половины 1993 г., организация новых фермерских хозяйств фактически прекратилась, а в 1995 г. началось даже сокращение их числа.

Небольшой оставалась и доля производимой ими сельхозпродукции. Имея в своем распоряжении 3% сельхозугодий страны, фермеры производили лишь 2,2% зерна, 0,8% овощей, 0,5% картофеля. В последующие четыре года доля фермеров в валовом производстве сельскохозяйственной продукции не менялась и держалась на уровне 2%.

Главная причина пробуксовки реформы в аграрной сфере — неурегулированность земельных отношений, отсутствие ясности в вопросе прав распоряжения государственной землей.

С осени 1992 г. вопрос о частной собственности на землю становится одним из главных вопросов политического противостояния в стране.

Вплоть до октябрьских событий 1993 г. Верховный Совет препятствовал возрождению частной собственности на землю. Лишь 27 октября 1993 г. Указом Президента РФ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» разрешалась частная собственность на землю. В соответствии с ним землю можно было продавать, использовать в качестве залога. Земельное законодательство содержало лишь три ограничения: землей не могли владеть иностранцы, нельзя было иметь земли больше, чем это определялось в каждом регионе, и, наконец, менять ее сельскохозяйственное назначение.

Вскоре после принятия президентского Указа весной 1994 г. правительство вынесло на рассмотрение Госдумы свой вариант Земельного кодекса, который, однако, не получил поддержки нижней палаты. Лишь после внесения в него пункта о том, что «земля может находиться в частной собственности, но без права продажи». Госдума нового созыва, а затем и Совет Федерации приняли его.

Но поскольку в этой редакции Земельный кодекс явно противоречил Конституции страны, разрешающей частную собственность на землю, президент наложил на него вето.

После президентских выборов 1996 г. органы власти на местах, чтобы разблокировать рынок земли (а в масштабах страны речь идет о 5 трлн долларов — именно в такую сумму оценивается потенциальная стоимость сельхозугодий), стали принимать свои собственные законы о земле, разрешающие ее куплю-продажу. Первый шаг в этом направлении был сделан законодательным собранием Саратовской области в ноябре 1997 г.

К этому времени структурный кризис в сельском хозяйстве продолжался, но обозначились некоторые позитивные сдвиги. 1995 г. стал переломным в адаптации сельского хозяйства и всего аграрно-промышленного комплекса к рыночным условиям. Под воздействием платежеспособного

спроса в 1996 — начале 1998 г. выросли валовой сбор и доля в структуре посевных площадей таких культур, как подсолнечник, сахарная свекла, лен. Материальная заинтересованность крестьян привела к расширению посевов и росту урожайности. Положительная тенденция развития сельскохозяйственного производства России была прервана начавшимся глубоким экономическим кризисом.

Военная реформа. После развала СССР Россия унаследовала один из крупнейших военно-промышленных комплексов мира. Примерно 18—25% ВНП СССР использовалось в оборонных целях, в то время как в США в 1980-е гг. этот показатель равнялся 5- 6%, в европейских странах НАТО и того меньше — 2- 5%. Вооруженные силы Советского Союза насчитывали 4,3 млн человек, 63 тыс. танков, 8,2 тыс. боевых самолетов, множество другой боевой техники. Российская Федерация унаследовала около 85% Советских Вооруженных сил и лишь 60% экономического потенциала СССР.

Объявленная в 1992 г., сразу после создания Российской армии, военная реформа не была подкреплена материально. Главным ее приоритетом выдвигалась узкая задача демилитаризации экономики, в то время как изменения геополитической ситуации, государственного устройства, прогресс в способах и средствах вооруженной борьбы требовали более широкого подхода, включающего кардинальную перестройку самого оборонно-промышленного комплекса.

Резкое сокращение расходов, начиная с 1992 г., на оборону страны при высокой численности Вооруженных сил отрицательно сказалось на их боеспособности. В кризисном состоянии оказались все виды Вооруженных сил, за исключением Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Единая система ПВО страны прекратила свое существование. Наиболее мощные группировки радиотехнических и зенитно-ракетных войск, истребительной авиации оказались в странах СНГ.

Боевые действия в Чечне подтвердили очевидное - - содержать нереформированную армию опасно, так как наряду с падением боеспособности в Вооруженных силах нарастала социальная напряженность. Свидетельством неблагополучия в армии стали многочисленные случаи уклонения молодежи от призыва, дедовщина, побеги солдат из гарнизонов.

Чтобы решить накопившиеся проблемы, и в первую очередь повысить боеспособность армии и улучшить качественные параметры оборонительного потенциала, необходимо было срочно сократить численность Вооруженных сил.

Весной 1996 г., в самый разгар предвыборной президентской кампании, вышел Указ Б. Н. Ельцина от 16 мая 1996 г. «О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных сил и других войск Российской Федерации на профессиональной основе», в котором получают развитие звучавшие уже многие годы в российском обществе требования о создании профессиональной армии. Так, в очередной раз важнейшая задача военной реформы — повышение военного профессионализма — была подменена не первоочередной в российских

условиях идей комплектования с 2000 г. армии и флота добровольцами по контракту.

Окончательный выбор стратегии военной реформы после многих лет бесплодных споров был сделан Б. Н. Ельциным лишь в 1997 г. 16 июля 1997 г. президент Российской Федерации подписал Указ «О первоочередных мерах по реформированию Вооруженных сил Российской Федерации и совершенствованию их структуры». Этим указом одна из важнейших постсоветских реформ была наконец сдвинута с мертвой точки. Ее главное направление — сокращение численного состава Вооруженных сил. В 1997—1998 гг. они были сокращены на 500 тыс. человек.

В течение 1997 г. была принята Концепция национальной безопасности России, началось реформирование армии и флота, МВД, Федеральной пограничной службы, Министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС).

Таким образом, несмотря на сложную социально-экономическую ситуацию, Россия сделала первые шаги по созданию новой системы национальной обороны.

Социальная цена реформ. Слом советской социально-экономической системы и зарождение в России рыночной экономики в короткий срок привели к изменению всего комплекса социальных условий жизни, ценностной ориентации людей. Миллионы российских граждан столкнулись с проблемами, которых не существовало в советское время. Обедневшее государство оказалось не способным нести затраты бесплатного образования, медицинского обслуживания и других форм социальной защиты. В результате в первые три года реформ резко снижается доступность для населения транспортных услуг, медицинского обслуживания, закрываются санатории и пионерские лагеря, детские клубы и спортивные школы. Начинает внедряться платное образование и платное медицинское обслуживание. Повышение цен на услуги сделало невозможным для многих семей пользование прачечными, химчистками, парикмахерскими, столовыми. Полноценный отдых и качественное образование из общедоступных становятся достоянием очень узкого круга обеспеченных людей. За несколько месяцев реформ жизненный уровень общества был отброшен на 10—20 лет назад. К 1994 г. среднедушевые реальные доходы в стране уменьшились приблизительно в 2 раза. Из 148 млн населения России за чертой бедности оказалось около 32 млн, т. е. более 24%. Их доходы не превышали 40 долларов в месяц.

Важнейшим следствием начавшейся либерализации экономики стало резкое увеличение разрыва в уровне доходов и потребления. К 1995 г. на долю 10% наиболее обеспеченных слоев приходилось около 31% денежных доходов, а на долю 10% наименее обеспеченных — 2,4%.

Кризис экономики, сворачивание системы социального обеспечения и здравоохранения и, как следствие, падение уровня жизни способствовали ухудшению здоровья населения, сокращению средней продолжительности жизни.

Последствием роста смертности и снижения рождаемости стала абсолютная убыль в 1992—1995 гг. населения страны на 2,7 млн человек.

По мере адаптации россиян к новым, непривычным экономическим и социальным условиям стали улучшаться и демографические показатели. Поворот наметился к 1995 г., а к началу 1998 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин выросла на 3,6, а женщин — на 2,1 года.

К началу 1995 г. в ряде крупных городов России падение уровня жизни замедлилось. В результате прокатившейся волны сокращений, особенно на предприятиях ВПК, образовался целый класс людей, не занятых на производстве, однако большинство из них не пополнили ряды безработных, а принялись искать способы заработать себе на жизнь. Правительство Е. Гайдара, разрешив уличную частную торговлю, способствовало изменению в сознании россиян, установлению принципиально иной иерархии жизненных ценностей, иного отношения к государству, другой мотивации трудовой активности. Торговля стала той сферой, где часть людей смогли найти свою социальную нишу.

Упрощение выезда за границу способствовало появлению так называемых челноков — людей, совершающих кратковременные поездки за рубеж для закупки товаров с последующей их продажей на рынках. Характерно, что в этот бизнес активно включились прежде всего женщины, обеспечивая выживание своим семьям в трудных условиях становления рынка.

Одним из реальных результатов экономической реформы, проявившихся в крупных городах России уже в первые месяцы ее проведения, стало насыщение потребительского рынка товарами, десятилетиями бывшими дефицитными, правда, главным образом за счет притока в страну импорта: продовольствия, сложной бытовой техники, обуви, одежды. Отечественные производители временно, до начала 1999 г., были вытеснены с рынка. В то же время в малых городах и селах России ситуация на потребительском рынке продолжала оставаться напряженной.

Либерализация экономической деятельности, передача госсобственности в частные руки, обнищание значительной части россиян, их люмпенизация, резкое увеличение числа бездомных и беженцев создали благоприятные условия для криминального беспредела в стране. Экономическая преступность вышла на уровень, угрожающий национальной безопасности России. За четыре года материальный ущерб от преступной деятельности составил около 1 трлн рублей.

В эти годы население страны столкнулось с терроризмом и с заказными убийствами.

§ 3. Российское общество в условиях реформ

Формирование новой социальной стратификации. Закономерным следствием осуществления в России рыночных реформ стала глубокая трансформация прежней советской социальной структуры. Процесс социального расслоения шел достаточно быстро, но неровно, в несколько волн. Начавшаяся еще при М. С. Горбачеве перестройка всей социальной среды, включая материально-вещественную и информационную, повлекла за собой перемены в составе и структуре социальных классов и слоев общества. В годы реформ одновременно менялись и социально-экономическое положение социальных групп, их активность и состояние их сознания.

Образование новых социальных групп и слоев и размывание старых началось вслед за появлением в 1986—1988 гг. Законов «Об индивидуально-трудовой деятельности» и «О кооперации». Уже к концу «романтического периода» рыночных реформ (1993—1994 гг.) реальностью становится многоликая, разношерстная категория богатых людей, получивших неофициальное название «новые русские». По мере либерализации российского общества, снятия ограничений на предпринимательскую деятельность появляются новые слои и группы с достаточно четко обозначенными интересами (нувориши и бизнес-элита). Наиболее богатые собственники в условиях посткоммунистической трансформации быстро осознали свои интересы и консолидировались в новый высший имущественный класс. Его социальную базу составила наиболее динамичная часть старой советской номенклатуры, которая с началом приватизации лишь легализовала свое положение реального собственника. Создаваемые высшими партийными и комсомольскими инстанциями негосударственные фирмы получили огромные льготы по использованию материальных ресурсов, по обмену валюты. Экс-аппаратчики, спекулируя на разнице биржевых и государственных цен, разнице мировых и внутренних цен, делают солидные финансовые состояния.

Другой важный источник пополнения высшего класса — теневые криминальные элементы. «Пионеры» частного предпринимательства в СССР в новых политических условиях легализовали свои капиталы и возглавили крупные торговые и финансовые предприятия. За первые пять лет реформ доля доходов богатых в общем объеме денежных доходов выросла более чем в 1,5 раза. Если в 1991 г. 20% наиболее обеспеченных граждан принадлежало 30% всех денежных доходов, то в 1997 г. – 43%.

Таким образом, в считанные годы прежняя советская социальная структура была разрушена. К концу 1998 г. в России уже сформировались достаточно устойчивые новые социальные группы и слои, различающиеся по уровню доходов: олигархические, региональные и корпоративные (так называемый высший класс), средний класс, аутсайдеры.

Воспользоваться «социальным лифтом» в начале 1990-х гг., чтобы подняться в высший класс общества, смогли далеко не все желающие разбогатеть и прославиться. Если на начальном этапе постсоветской трансформации общества между социальными слоями и группами шел довольно интенсивный обмен, то спустя 4—6 лет происходит как бы «закрытие» высшего класса. Его емкость объективно ограничена во всех странах и составляет 3—5 % от численности населения.

Возрождение среднего класса. В отличие от высшего имущественного класса, который фактически сформировался за первое пятилетие реформ, становление среднего класса в этот период в России лишь началось. К тому же именно средние слои российского общества больше всего пострадали от финансового кризиса, начавшегося осенью 1998 г.

Для среднего класса характерен относительно высокий и устойчивый уровень жизни, высокий уровень культуры и образования. Именно эти ка-

чества среднего класса придают устойчивость экономическим и политическим отношениям в развитых системах.

В Советском Союзе вопреки официальной «рабоче-крестьянской» стратификации был свой средний класс. Он был встроен в советскую систему, обслуживал ее, за что получал свою долю национального богатства, льгот и привилегий. В конце 1980-х гг. до 20% населения России относилось к среднему классу (имели собственные квартиры, дачи, автомобили, имели возможность съездить за границу).

Становление рынка в России лишило его привычной среды существования, и он распался, маргинализировался. Меньшая его часть пополнила ряды «новых русских», большая — «новых бедных». Хотя многие представители старого советского среднего класса не имели желания или возможности адаптироваться к новым условиям, потенциально демократическая Россия располагала значительной социальной базой для формирования новых средних слоев. Прежде всего за счет большого числа научных и инженерно-технических кадров, специалистов по управлению, высококвалифицированных рабочих. Именно они, по данным социологических опросов, в начале 1990-х гг. активно поддерживали рыночные реформы. Непродуманность, непоследовательность ваучерной приватизации и прежде всего отсутствие в правительственных программах специальных мер по развитию конкуренции, устранению монополизма отрицательно сказались на темпах становления среднего класса и выполнении им своего назначения в рыночной экономике.

Но после 1993 г. средний класс получает новый импульс для саморазвития. «Новые русские», составляющие имущественную элиту российского общества, сколотив в условиях «дикого капитализма» крупные капиталы, столкнулись с необходимостью профессионального управления ими. Тем самым была создана прочная материальная основа существования менеджеров, дилеров и прочих специалистов по рыночной экономике. Управляющие высшего и среднего уровня и другие профессионалы образовали в 1994—1997 гг., согласно социологическим опросам, ядро нового среднего класса. Их месячный доход в 700—1000 долларов на члена семьи позволил им поддерживать уровень потребления, соответствующий стандартам среднего класса большинства европейских стран. Основная доля расходов в семьях среднего класса приходилась на покупку высококачественных непродовольственных товаров.

По оценкам Госкомстата, численность среднего класса к началу 1998 г. достигла 15 млн человек. Независимые же эксперты называют цифру почти вдвое большую — 25 млн человек. Большинство его представителей проживало в наиболее крупных городах страны — Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, где численность среднего слоя составляла к середине 1990-х гг. не менее 10% населения. По своему составу новый российский класс пока неоднороден, несет на себе следы недавнего советского прошлого. Его окончательное формирование — дело будущего. Вместе с тем

скоропалительные выводы социологов о смерти российского среднего класса после 17 августа 1998 г. оказались несостоятельными.

Развитие частного бизнеса в России. Частное предпринимательство в России зародилось задолго до либеральных реформ, еще в годы брежневского «застоя». В годы перестройки в стране появляются первые полулегальные коммерческие структуры. Десятки тысяч кооперативов разного профиля создаются как частными лицами, так и государственными и общественными предприятиями и организациями. Весьма широкий масштаб в 1987—1989 гг. приобретает так называемое комсомольское предпринимательство. Через комсомольские структуры учреждались первые коммерческие банки, жилищно-строительные кооперативы. Получив на старте серьезное преимущество, эти коммерческие структуры быстро, без огласки и налогов сколотили первоначальный капитал.

После 1991 г. предпринимательская деятельность в стране была окончательно легализирована. Бизнес превращается в почетное занятие. Появляется возможность легализовать теневые капиталы и подпольным фирмам. За первое полугодие 1992 г. в России было зарегистрировано 350 тыс. товариществ, 80 тыс. акционерных обществ, 5 тыс. коммерческих банков, 8 тыс. совместных предприятий. К концу года на предприятиях «нового бизнеса» было занято уже 16 млн человек, или 22% от общей численности работающих в России.

По мере углубления либеральных реформ в частном бизнесе происходит смена ценностной ориентации и самой фигуры предпринимателя. Сначала на смену кооператорам с их психологией и поведением временщиков приходят экс-управленцы, министерские и партийные работники, ИТР промышленных предприятий. Они приносят в бизнес свои прежние неформальные связи, знание функционирования госпредприятий. Полем их деятельности становятся всевозможные СП (совместные с иностранным капиталом предприятия), коммерческие банки, биржи. Именно в кредитно-финансовой сфере частный бизнес в первые годы реформ развился наиболее быстрыми темпами.

В 1993 г. настает время совершенно нового для России типа делового человека, чья сфера в бизнесе — интеллектуальные услуги (аудит, консалтинг, инновационная и инжиниринговая деятельность).

Таким образом, к середине 1990-х гг. происходит возрождение российского предпринимательства, в первую очередь крупного и среднего. Его становление происходит в нелегких условиях нецивилизованного рынка: коррумпированности чиновничества, незащищенности предпринимателей от многочисленных криминальных группировок, неразвитой нормативной базы для их деятельности. В результате вымогательство и раздел сфер влияния между преступными кланами стали обычным явлением в российском бизнесе.

В эти годы государство сделало ставку на реформирование крупных предприятий в бизнесе, поддержку естественных монополий, что поставило средние и особенно мелкие предприятия в очень тяжелые условия. В ре-

зультате к 1996 г. было зафиксировано снижение числа мелких предприятий и численности занятых на них людей. Значительная часть зарегистрированных МП так и не приступила к хозяйственной деятельности. Ситуация начинает меняться лишь к концу 1997 г. К этому времени МП превращается в реальную экономическую силу. На начало 1999 г. в этом секторе экономики было зарегистрировано почти 840 тыс. предприятий. В общей сложности малые предприятия к концу XX в. создавали уже более 10% ВВП (валового внутреннего продукта) страны, обеспечивая при этом бюджету 15% поступлений.

Наука, образование и культура в условиях рынка. В период с 1985 по 1995 г. затраты на НИОКР в сопоставимых ценах уменьшились, по различным подсчетам, почти в 15 раз. Ассигнования из федерального бюджета на фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу (НТП) сократились с 13,44 трлн рублей в 1991 г. до 2,68 трлн рублей в 1995 г., или примерно в 5 раз.

Кризисное состояние в науке усугубилось в 1995—1996 гг. кризисом неплатежей.

В результате недофинансирования научных подразделений многие из них просто прекратили существование, некоторые сократили свои исследования до минимума.

Резко сократилось количество занятых в науке — с 2 млн человек в 1990 г. до 1 млн человек в 1995 г. Количество специалистов с ученой степенью сократилось со 144 тыс. до 117 тыс. человек. Сокращение численности научных кадров происходило также и в результате эмиграции специалистов, приобретшей в 1990-е гг. почти массовый характер. По оценкам экспертов, к 1996 г. более 70 тыс. научных работников эмигрировали за рубеж, из них — около 17% научных сотрудников Российской академии наук.

В особо тяжелом положении оказались научные учреждения ВПК. Если раньше это была самая привилегированная часть научного потенциала страны, то теперь этот ресурс оказался и самым невостребованным. Многие сотрудники оборонных НИИ вынуждены были уйти с предприятий и сменить род деятельности.

Поскольку бюджетное финансирование не могло обеспечить нормального функционирования науки, в 1990-е гг. достаточно широкое распространение получает финансирование научных исследований через систему грантов.

1991—1996 гг. характеризуются бурным ростом новых учебных заведений (различных университетов) и введением образования на коммерческой основе в государственных учебных заведениях сверх планового набора студентов. Эта мера в государственных вузах дала возможность материально поддерживать преподавателей.

В ходе реформы образования было разрешено создание негосударственных структур в области школьного и высшего образования, которые приобрели большое распространение.

С началом рыночных реформ коренным образом меняются условия функционирования всей культурной сферы российского общества. Исчезновение социального заказа, государственной поддержки, освобождение от идеологических оков и гнета цензуры, превращение произведений искусства в обычный товар лишило многих деятелей культуры и искусства привычной мотивации творческой активности, повергло их в глубокую депрессию. Быстрее адаптировались к рынку те из них, кто давно работал на потребителя: архитекторы, художники, книгоиздатели.

Пик кризиса отечественной культуры пришелся на 1995 г. К этому времени скрытые источники поддержки организаций культуры за счет недоплаты за творческий труд были исчерпаны. Впервые за все время либеральных реформ ассигнования на культуру из федерального бюджета оказались существенно ниже, чем в предыдущие годы. Но именно в эти годы начинают работать механизмы рынка, стираются прежние границы, будь то территориальные, идеологические или эстетические. Россию захлестывает поток произведений дотоле малоизвестной в нашей стране западной массовой культуры.

К середине 1990-х гг. из-за границы начинают возвращаться многие известные представители русской творческой интеллигенции — режиссер театра на Таганке Ю. Любимов, артист М. Козаков и многие другие актеры и художники. Значительным событием культурной жизни явилось возвращение в мае 1994 г. из вынужденной эмиграции выдающегося писателя А. И. Солженицына.

К концу 1990-х гг. наблюдается оживление в кинематографе, несмотря на финансовые трудности, создается довольно много картин, особенно молодыми режиссерами и актерами. Открывается, особенно в столице, большое количество театров, театров-студий. Отличительная черта этого времени — проведение большого количества различных фестивалей, презентаций. Появляются десятки коммерческих радиостанций, новые популярные журналы и газеты. Таким образом, в последние годы XX в. российская культура начинает постепенно преодолевать кризис идентичности, на смену советской модели культуры приходит новая — рыночная.

§ 4. Россия в конце XX — начале XXI в.

Президентская гонка 1996 г. Ключевым фактором политической и экономической жизни России в 1996 г. стали президентские выборы. В отличие от предшествовавших им думских выборов выборы президента означали и выбор направления развития российского общества на годы вперед. Одновременно решалась и судьба президентской власти, поскольку, например, программные документы КПРФ предусматривали упразднение президентского поста.

Полная драматизма президентская гонка-96 началась уже в середине февраля. 26 апреля стали известны имена всех 12 претендентов на высший государственный пост. Однако с самого начала было очевидно, что основная борьба развернется между действующим президентом Б. Н. Ельциным и лидером оппозиции Г. А. Зюгановым. В массовом сознании каждый из них персонифицировал различные пути развития общества и государства.

Ельцин — продолжение существующего курса, Зюганов — его радикальное изменение. Наличие этого выбора в полной мере осознавалось и политической элитой, и электоратом.

Коммунисты и их сторонники после успешно проведенной думской кампании были уверены в победе их кандидата. Значительная часть населения страны была недовольна ходом и итогами либеральных реформ и хотела бы вернуться *в доперестроечные времена*. По этой причине Г. Зюганов основную ставку сделал на концептуальную критику демократической власти, мотивируя фактами падения производства, продолжающегося военного конфликта в Чечне, хронической невыплаты заработной платы.

Положение Б. Н. Ельцина, несмотря на наличие административных ресурсов, было сложное. Недовольство политикой реформ усугублялось болезнью президента. Однако Ельцину удалось за достаточно короткий срок сделать практически невозможное. Уже весной 1996 г. россияне смогли увидеть нового Ельцина. В ключевой для себя момент он смог резко изменить имидж, набрать былую энергию и восстановить контакт с избирателями.

В конечном счете Б. Н. Ельцину удалось объединить общественные силы, не желавшие возвращения к власти коммунистов.

Попытки А. Лебедя, Г. Явлинского С. Федорова и М. Горбачева создать центристскую, свободную от крайностей третью силу успехом не увенчались в силу несовместимости программ и амбициозности их лидеров.

Итоги всенародного голосования 16 июня 1996 г. в целом подтвердили прогноз социологов — ни один из претендентов не смог победить в первом туре. Б. Ельцин набрал 35,28% голосов, Г. Зюганов — 32,04%, А. Лебедь — 14,5%, Г. Явлинский - - 6,32%, В. Жириновский — 5,7%. Остальные претенденты набрали менее 1% голосов. Настоящей сенсацией стал выход на третье место отставного генерала А. Лебедя.

Ельцину удалось привлечь в свою команду А. Лебедя, назначив его уже *19 июня секретарем* Совета Безопасности и помощником президента по национальной безопасности.

Второй тур голосования проходил 3 июля 1996 г. и завершился победой Б. Н. Ельцина. За него проголосовали более 53,8%, за его соперника — лишь 40,3%. Итоги голосования при всей их неоднозначности (40 млн человек из 108 млн избирателей проявили равнодушие к политическому выбору страны и не пришли на избирательные участки) свидетельствовали о нежелании большинства россиян возвращаться в прошлое.

Но после переизбрания Ельцин не смог ускорить рыночные реформы. *Болезненное состояние президента* поставило на первый план борьбу за ускользающую власть, сделав реформы и самих реформаторов заложниками в этой борьбе.

Все большую власть в стране стали приобретать ведущие банкиры и предприниматели, так называемые олигархи. По мере роста их финансовой мощи росли и их претензии на участие в управлении государством, контроле за средствами массовой информации.

Новый этап либеральных реформ. Россия вступила в 1997 г. с тяжелым грузом проблем. За пять лет реформ власть не смогла остановить спад про-

изводства, обеспечить приток инвестиций. В 1996 г. общий объем промышленной продукции уменьшился на 5,5%. Сокращение выпуска продукции продолжалось в металлургии, химии, пищевой промышленности.

Значительно снизился, по сравнению с предыдущими годами, объем инвестиций в транспорт, в обрабатывающие отрасли. Вложения в сельское хозяйство за 1996 г. уменьшились на 40%. В результате продолжал снижаться и без того низкий уровень жизни большинства российских граждан. Из-за бюджетного кризиса, следствием которого стали массовые невыплаты заработанной платы и пенсий, в бедственном положении оказались российские учителя, врачи, ученые, работники культуры.

Главная причина кризисного состояния российского общества — медленное, непоследовательное осуществление реформ. В течение нескольких лет федеральная власть бездействовала, не решаясь приступить к насущно необходимому оздоровлению финансовой и налоговой систем, к социальным реформам.

В начале весны 1997 г. в России сложилась взрывоопасная ситуация: страна находилась на пороге полного прекращения выплаты пенсий и зарплаты. Терпение людей достигло предела, как достигла предела их вера в способность властей переломить ситуацию. Во многих регионах граждане готовили акции протеста. Политики, в свою очередь, предлагали спасительные рецепты. Левые фракции в Госдуме настаивали на крупномасштабной денежной эмиссии.

Вскоре «застойное», по определению президента, правительство В. С. Черномырдина было укреплено двумя молодыми первыми вице-премьерами — губернатором Нижнего Новгорода Борисом Немцовым и Анатолием Чубайсом, возглавлявшим президентскую администрацию.

Новый кабинет очень скоро доказал свою эффективность и профессионализм. Прежде всего, действуя по многим направлениям, он сумел переломить общественное настроение. Впервые после начала реформ либералы добились существенной поддержки своей политики населением. Опросы общественного мнения весной 1997 г. показали, что россияне предпочли неизбежные трудности, связанные с реформами, новому «застою». В конце марта лишь 3% населения категорически выступали против реформ, тогда как 27% считали, что Россия нуждается в полном структурном реформировании.

Самое заметное в работе обновленного правительства — предложение Госдуме о секвестре неисполнимого бюджета. Кроме того, молодые реформаторы приступили к реальному регулированию естественных монополий, таких как РАО ЕЭС, «Газпром», выплатили долги пенсионерам. Одновременно были предложены долговременные программы по налоговой и жилищно-коммунальной реформам. Казалось, либеральные реформы удалось сдвинуть с мертвой точки. 1998 г. должен был стать для России первым годом экономического роста. Во всяком случае, об этом постоянно говорил В. С. Черномырдин, обещая довести до конца «наше правое монетаристское дело».

Министерская чехарда. 23 марта 1998 г. президент Б. Н. Ельцин совершенно неожиданно для большинства россиян и зарубежных наблюдателей

отправил в отставку правительство В. Черномырдина. «Это естественный процесс обновления власти. Несменяемых правительств не бывает», — заявил Ельцин в своем телеобращении. Президента тяготила «неопределенность ситуации и нерешительность предыдущего состава правительства». По мнению Ельцина, предыдущий состав правительства в целом решил поставленные задачи, но не справился с рядом ключевых проблем.

Действительно, после того как в марте 1997 г. в состав правительства Черномырдина вошли молодые реформаторы, оно смогло многое сделать. Удалось существенно повысить уровень контроля за расходом государственных средств. Приватизация стала более справедливой и эффективной. Доходы от нее возросли в 22 раза по сравнению с 1996 г., правительство смогло погасить задолженности по пенсиям и денежному довольствию военнослужащих, а в конечном итоге сбить растущую волну социальной напряженности.

Уже к середине 1997 г. в российской экономике наметились определенные положительные изменения. К этому времени многие предприятия практически освоили законы выживания в рыночных условиях, завоевали позиции на внутреннем рынке, нашли платежеспособных покупателей своей продукции, приспособились к деформированной расчетно-платежной системе. При этом большинство из них строило свою деятельность практически не имея доступа к кредитным ресурсам, без ощутимой финансовой поддержки со стороны государства. Фактически по всем регистрируемым экономическим параметрам 1997 г. стал лучшим годом всего предшествующего периода реформ.

Эти успехи правительства способствовали резкому росту котировок российских ценных бумаг и притоку капиталов на рынок ГКО (государственных краткосрочных облигаций). Однако с осени 1997 г. ситуация начинает меняться. Новая волна реформаторских действий правительства стала захлебываться. Правительству явно не хватало динамизма, инициативности, новых подходов, без которых настоящий прорыв в экономике невозможен. Оно не справлялось с бюджетными проблемами, жилищно-коммунальную реформу тормозило сопротивление губернаторов. Зависла в Госдуме налоговая реформа. Из-за отсутствия поддержки со стороны депутатов правительству так и не удалось провести через Думу Налоговый кодекс, в котором предлагалось вдвое снизить верхнюю ставку налогообложения заработной платы, а также ввести единый подоходный налог на уровне 15—20%. Предполагалось, что подобные меры позволят резко повысить собираемость налогов, которая была крайне низкой: по оценкам специалистов, уклонение от уплаты налогов составляло 50—90%!

По той же причине не дала желаемого результата и социальная политика правительства, направленная на усиление адресности социальной защиты неимущих слоев населения.

Противоборство сторонников реформ и их противников стало главной политической интригой 1997 г. Для строительства в России государства современного типа молодые реформаторы фактически не располагали даже той общественной поддержкой, которая имелась у команды Е. Гайдара. Опора власти на олигархов — узкую группу ведущих банкиров и предпри-

нимателей — В. Гусинского (группа «Мост»), А. Смоленского (банк «Столичный»), М. Ходорковского (банк «Менатеп»), В. Потанина («Онэксимбанк»), Б. Березовского («ЛогоВАЗ») и других — себя не оправдала. Олигархи, используя свою приближенность к исполнительной власти, попытались подмять под себя государство. Попытка реформаторов дистанцироваться от олигархов лишь обострила противоречия и вызвала настоящую войну компроматов. Далеко идущие политические последствия имело «книжное дело» — неизданная книга о реформах, которую собирался написать А. Чубайс, получив за нее высокий гонорар. Хотя правоохранительные органы не нашли в этом деле каких-либо нарушений (впоследствии книга была издана), средства массовой информации искусно раздули «книжный» скандал. В результате по авторитету А. Чубайса и правительства был нанесен серьезный удар.

Лишенные политической опоры и вынужденные вести борьбу только аппаратными методами, молодые реформаторы совершили много ошибок и не смогли справиться с главным президентским заданием: люди не почувствовали реальных перемен к лучшему. После некоторого перерыва вновь стали накапливаться невыплаты по зарплате. Правительство В. Черномырдина, построенное как система сдержек и противовесов, начало пробуксовывать, принимать противоречивые решения (как это было, например, с приватизацией крупнейших компаний: сначала намечалось проводить ее по одному принципу, затем по другому). Противоречивые действия кабинета министров, «книжное дело», отставки в правительстве способствовали падению доверия к власти. Как следствие, на рубеже 1997—1998 гг. произошло падение индексов ценных бумаг, иностранные инвесторы стали уходить с рынка ГКО. Вспыхнувший в конце 1997 г. на азиатских рынках финансовый кризис докатился до России, усилив хаос в экономической политике правительства. В итоге валютные резервы Центрального банка РФ резко сократились, под вопросом оказалось и главное достижение 1997 г. — начало промышленного роста и роста ВВП в стране.

Чтобы вернуть экономике необходимую динамику, весной 1998 г. Б. Н. Ельцин принял решение об отставке правительства В. Черномырдина, несмотря на то что политическая ситуация в стране в целом казалась стабильной, а сам премьер стал определенным символом политической и экономической стабильности и предсказуемости. По оценкам специалистов, увольнение Черномырдина произошло под сильным воздействием субъективных факторов — нетерпимости Б. Ельцина к любому соперничеству, его психологической неготовности передать кому-либо президентскую власть.

Отправив в отставку правительство Черномырдина, Ельцин вновь подтвердил свое лидерство, перехватив политическую инициативу и лозунги у народно-патриотической оппозиции в Госдуме, собиравшейся вынести вотум недоверия кабинету В. С. Черномырдина.

Назначение 35-летнего малоизвестного банкира из Нижнего Новгорода С. В. Кириенко, считанные месяцы проработавшего министром топлива и энергетики, исполняющим обязанности премьер-министра оказалось для страны столь же неожиданным, как и отставка Черномырдина.

Отправив в отставку правительство В. С. Черномырдина, президент хотел укрепить систему сдержек и противовесов среди крупных банковских и финансово-промышленных структур и тем самым усилить их зависимость от власти. Однако результат оказался иным. Отставка Черномырдина существенным образом воздействовала на психологические ожидания и оценки участников рынка, порождая неуверенность и беспокойство. Своим неожиданным шагом Ельцин полностью дезорганизовал партию власти и одновременно разрушил механизм компромисса с оппозицией.

Правительственный кризис, вызванный нежеланием Государственной думы утвердить кандидатуру Кириенко, продолжался ровно месяц. Временный тактический успех (утверждение Кириенко под угрозой роспуска Думы) привел к стратегическому поражению. Единственной опорой правительства с этого момента стал сам президент, который фактически принял на себя ответственность за результаты его работы. Формирование нового кабинета министров происходило в соответствии с объявленной в феврале 1998 г. административной реформой. Она предполагала значительное расширение полномочий федеральных министров при одновременной ликвидации постов первых вице-премьеров и существенном сокращении числа вице-премьеров.

Лишь 12 мая 1998 г. новое правительство России было сформировано и смогло приступить к работе. Вместе с Кириенко в его состав вошли 3 заместителя премьера, 22 федеральных министра и 11 руководителей госкомитетов. При этом 2 министерства и 6 госкомитетов были ликвидированы, еще 3 реорганизованы. Появилось новое Министерство науки и технологий. Однако существенных изменений правительство так и не претерпело: в него вошли большинство министров старого кабинета. Все силовики, за *исключением министра внутренних дел* А. Куликова, замененного С. Степашиным, сохранили свои должности.

В силу того что члены нового кабинета представляли различные политические силы, его состав не удовлетворял ни депутатов Госдумы, ни членов Совета Федерации. Еще большим раздражителем для Госдумы стала попытка Кириенко продолжить курс либеральных реформ. Главной проблемой Кириенко как руководителя правительства стала нехватка практического опыта. Он не смог быстро составить работающую команду единомышленников. Тем не менее, по утверждению известного политика Б. Федорова, «пробудь Кириенко на своем посту 1—2 года, он мог бы стать очень сильным премьером».

Кризис августа 1998 г. Все три с небольшим месяца, что правительство С. В. Кириенко было у власти, оно боролось с надвигавшимся финансовым кризисом, последний этап которого пришелся на весну—лето 1998 г. Начав по традиции с лоббирования топливно-энергетического комплекса, новый премьер сумел стать государственником. Он изменил акценты в экономической политике, сделав ставку на стабилизацию финансовых рынков и разрешение бюджетного кризиса.

Одновременно правительство Кириенко пыталось найти выход из политической изоляции. Однако попытки отсечь от государственного управ-

ления олигархов кончились тем, что, приняв против них ряд жестких решений, правительство само оказалось в изоляции.

В целом правительство Кириенко, даже лишенное поддержки парламента и ведущих финансово-промышленных групп, принимало верные, хотя и запоздалые решения.

Кризисного обострения можно было избежать, если бы кабинет Кириенко не опаздывал с принятием решений. Впрочем перерастание хронического кризиса российской финансовой системы в острую форму началось еще при Черномырдине (по имеющимся данным, с конца 1997 г. правительство и Центробанк начали скрывать от общества реальный масштаб финансового кризиса и, по существу, подготовили августовский кризис). Постоянная необходимость заимствования средств за рубежом для покрытия бюджетного дефицита вела к стремительному увеличению государственного долга и соответственно росту бюджетных расходов по его обслуживанию. Непростую ситуацию с бюджетом страны серьезно осложнили начавшийся еще в октябре 1997 г. мировой финансовый кризис и падение цен на нефть. Кризис вызвал отток капиталов из России. Еженедельно из страны уходило до 650 млн долларов, что при 15 млрд долларов золотовалютных резервов было просто недопустимо. Сомнения иностранных кредиторов в способности российских властей удержать курс рубля в существующих границах стали причиной пересмотра ими своей инвестиционной политики в Россию. Часть из них вообще уходит с российских рынков, другая занимается высокодоходными спекулятивными операциями. Чтобы обеспечить свое вхождение в российский рынок, инвесторы потребовали увеличения доходности ГКО. Летом 1998 г. она достигает рекордных котировок 160—180% годовых. В этих условиях девальвация рубля была лишь вопросом времени, поскольку внутренний долг страны был больше, чем возможности бюджета по его обслуживанию, а торговое сальдо страны было отрицательным. Завышенный курс рубля привел к снижению экспорта и увеличению импорта в страну.

Ожидание девальвации явилось причиной того, что практически все безналичные средства, обращавшиеся в российской экономике, были обращены в валюту. Поскольку кризис носил не бюджетный, а чисто валютный характер, в этот момент многие независимые экономисты предлагали по примеру ряда стран Юго-Восточной Азии снизить (девальвировать) курс рубля и соответственно ограничить потребление и импорт. Главными причинами, по которым правительство и Центробанк оттягивали девальвацию, было нежелание разрушать едва возникшее доверие населения к власти, а также давление на исполнительную власть олигархов, стремившихся расти коммерческие банки. Вместо того чтобы отказаться от искусственной поддержки курса рубля еще в мае 1998 г. и провести плавную и осознанную девальвацию, правительство С. В. Кириенко предпочло резко повысить ставку рефинансирования. В итоге при существующем курсе рубля Минфин к августу оказался не в состоянии обслуживать пирамиду ГКО — все деньги, получаемые от продажи новых порций этих ценных бумаг, уходили на погашение долгов по предыдущим. Более того, первый транш кредита МВФ в размере 4 млрд долларов, выданный правительству Кириенко,

был израсходован на те же цели практически за четыре недели. Правительственная антикризисная программа была подготовлена с большим опозданием, за считанные дни до 17 августа, когда наступал очередной срок выплат по обязательствам крупнейших российских коммерческих банков.

Своим нежеланием плавно девальвировать рубль правительство Кириенко фактически спровоцировало финансовый кризис в России, которого могло не быть. Краткосрочный долг по ГКО составлял 15—20 млрд долларов, и положение можно было исправить девальвацией (при обесценении рубля долг уменьшался пропорционально размерам девальвации).

Кульминацией кризиса стали решения, принятые правительством и Центральным банком 17 августа 1998 г. о расширении границ валютного коридора до 7,1—9,5 рубля за доллар (верхняя отметка которого была достигнута в обменных пунктах в тот же день); об отказе от обслуживания ГКО с прекращением торговли ими; о 90-дневном моратории на обслуживании внешних долгов частными российскими компаниями и банками. Россия пусть на время, но признала свою неплатежеспособность.

Однако не «черный понедельник» стал днем национальной финансовой катастрофы. Фактически обвал рубля (девальвация в 2,5 раза), огромный инфляционный скачок (40% инфляции за последнюю неделю августа и две первые недели сентября) и развал всех рыночных механизмов произошли 23 августа, когда кабинет Кириенко во время сложнейшего маневра в финансово-экономической политике был отправлен в отставку.

Кризис отбросил страну на несколько лет назад, кардинально изменил политическую и экономическую ситуацию в стране. Девальвация и дефолт продемонстрировали истинное положение дел в российской экономике, степень продвижения ее по пути рыночных реформ. Как выяснилось, олигархи оказались не слишком богатыми, очень неустойчивыми и слишком зависящими от государства людьми. Россияне узнали истинную цену своего труда. За год покупательная способность среднедушевых доходов, исчисленная по мясу, упала почти на 30%, по сахару — на 42,5%; реальные располагаемые доходы — на 23%. Августовский кризис вызвал в общественном мнении массу вопросов, включая традиционные российские «Кто виноват?» и «Что делать?» Высказывались мнения, что либеральная экономическая реформа потерпела крах, что следует отказаться от монетаризма, либерализма, усилить государственное вмешательство в экономику, напечатать побольше денег. Другие утверждали, что Россия слишком быстро реформировалась, что она должна была следовать ступенчатой стратегии реформ в Китае. С этим не соглашались политики правого толка, утверждая, что собственно реформы потому и потерпели крах, что были крайне эклектичными, крайне непоследовательными, что они только дискредитировали либеральную идею. Дискуссия в российском обществе позволила в целом увидеть реальные проблемы и ошибки, избавиться от романтических мифов.

Безусловно, после 1991 г. российская экономика приобрела многие черты экономики либеральной. Это и свободные цены, и единый валютный курс, и доминирование негосударственной собственности, и многое другое. В то же время кризис недвусмысленно показал, что это лишь необ-

ходимые, но вовсе недостаточные условия, чтобы считать экономику либеральной. Что российское общество все еще живет не в цивилизованном рынке, а в экономике торга, где сами правила хозяйственной жизни не являются прозрачными и единообразными, а могут быть предметом торга власти и предпринимателей. Хотя дискуссии по этому вопросу так и не дали однозначных ответов, очевидно, что в августе 1998 г. потерпела крах вовсе не либеральная рыночная идея, а олигархический капитализм, в котором все решали связи, где многие либеральные экономические понятия совсем не соответствовали собственным значениям. После августовского потрясения почти два месяца страну лихорадило. Банковская система была парализована, взаиморасчеты практически не осуществлялись, пластиковые карточки не обслуживались. Вклады населения в большинстве олигархических банков были заморожены. В стране стали распространяться слухи о возможном запрете на хождение доллара.

«17 августа мы переболели корью в тяжелой форме», — констатировал впоследствии видный экономист А. Ливщиц. Обрушив пирамиду ГКО и фактически отказавшись от обслуживания внутреннего государственного долга, российские власти серьезно подорвали доверие иностранных кредиторов к стране, ее экономической и политической стабильности. Зарубежные инвестиции резко снизились. За три месяца 1999 г. они составили всего 1,5 млрд долларов — ничтожная сумма для столь огромной страны.

В сентябре 1998 г. новым премьером стал бывший глава Службы внешней разведки и министр иностранных дел в правительстве Кириенко, академик Е. М. Примаков. Правительство Е. М. Примакова было образовано как результат очередного компромисса между президентом и оппозицией.

Вначале Е. М. Примаков пытался опереться на представителей новой волны номенклатуры: А. Шохина, В. Рыжкова, однако они не пошли в правительство. В конечном счете «коалиционное» правительство Примакова оказалось кабинетом Думы, а не президента. В нем немалую роль играли левые Ю. Маслюков и Г. Кулик. Левая оппозиция добилась от нового правительства обязательства пересмотреть экономическую политику. Однако приглашенные для написания новой «прогрессивной» экономической программы академики не смогли предложить ничего, кроме «управляемой эмиссии». В конечном итоге так и не была создана долгосрочная правительственная экономическая программа. По сути, с сентября 1998 г. и по май 1999 г. кабинет Примакова в экономической области мало что сделал. Это была плата за политическое согласие в обществе, правительство больше всего боялось своими непродуманными действиями дестабилизировать обстановку. Ситуацию в экономике спасали девальвация рубля и повышение цен на нефть на международных рынках. По этой причине правительство Примакова смогло завершить свое девятимесячное пребывание у власти с неплохими результатами: начался рост в некоторых отраслях российской экономики, правда, пока на инфляционной основе: с августа 1998 г. все цены выросли как минимум в 2—3 раза, упала стоимость тру-

да. снизились государственные расходы (над чем бились все либеральные правительства).

Падение курса рубля, больно сказавшееся на уровне жизни населения, помогло отечественным товаропроизводителям восстановить утраченные позиции на российском внутреннем рынке. Кроме того, правительство Примакова перестало выплачивать огромные суммы по ГКО, которые выплачивались до августа 1998 г.

К реальным заслугам правительства Примакова следует отнести осторожную политику в денежной сфере — оно не пошло, как ожидали вначале, на бесконтрольную эмиссию.

Главное упущение кабинета Примакова - время. За девять месяцев его кабинет так и не смог провести реструктуризацию банковской системы. Не состоялась налоговая реформа, хотя для таких преобразований была благоприятная обстановка. Покупательная способность населения за это время упала на 60%.

Попытка Госдумы провести импичмент президента дала повод Ельцину для досрочной отставки правительства Е. М. Примакова.

11 мая 1999 г. Е. М. Примакова сменил силовик С. В. Степашин. Из-за отсутствия собственной экономической концепции и слабости команды Степашин смог продержаться лишь до 9 августа, когда президент Б. Н. Ельцин в очередной раз сменил «конфигурацию власти» и кресло главы правительства занял руководитель Федеральной службы безопасности РФ В. В. Путин. Предлагая Путина в качестве своего преемника, Б. Н. Ельцин в первую очередь думал о сохранении преемственности власти. Дума с легкостью приняла кандидатуру Путина, поскольку большинство рассматривало его как фигуру временную и техническую — «на период очередной избирательной кампании». Однако через три месяца политическая ситуация в стране кардинально меняется.

§ 5. Новые тенденции политической жизни

Вторая чеченская кампания. Первым вызовом для нового премьера стала чеченская проблема. Новая операция федеральных войск в Чечне началась как ответ на вторжение в августе 1999 г. боевиков Басаева в Дагестан. Всю первую половину года федеральные власти бездействовали, несмотря на очевидную активизацию террористов в Чечне.

Еще во время первой чеченской кампании на территории республики сложились мощные преступные группировки, возглавляемые полевыми командирами Шамилем Басаевым, Салманом Радуевым, Русланом Гелаевым и др. Каждый из полевых командиров претендовал на реальную власть в Чечне. По существу, власть президента Аслана Масхадова распространялась лишь на центр Грозного. На административной границе с Чечней постоянно происходили конфликты, участились случаи похищения людей с целью выкупа. Криминализация обстановки в республике достигла такого уровня, что стала реально угрожать национальной безопасности России. На территории Чечни открыто действовали учебные центры по подготовке

террористов, территория Северного Кавказа все активнее использовалась для производства и сбыта наркотиков.

Подписывая 30 августа 1996 г. в Хасавюрте договор о так называемом отложенном статусе Чечни, федеральная сторона рассчитывала до 31 января 2001 нормализовать ситуацию в мятежной республике. Для этого предлагалось массированно вложить деньги в восстановление экономики Чечни и тем самым погасить социальную напряженность. На практике произошло прямо противоположное. Правовая неопределенность лишь способствовала эскалации в республике насилия и беззакония. За три года после Хасавюрта на территории России укрепилось мятежное самопровозглашенное государство, поддерживаемое экстремистскими кругами некоторых исламских стран. Политические лидеры Чечни вынашивали планы захвата всего Кавказа и создания исламского теократического государства Великая Ичкерия. Первым шагом на этом пути должно было стать насильственное объединение с Дагестаном.

В августе 1999 г. несколько тысяч хорошо вооруженных чеченских боевиков Ш. Басаева и Хоттаба вторглись в Ботлихский и Цумалинский районы Дагестана. Ваххабиты очень тщательно готовили операцию, пытаясь представить вторжение как мятеж религиозных фанатиков. В условиях, когда центробежные тенденции в отношениях федеральных властей и регионов страны все еще сильны, это был серьезный вызов целостности Российской Федерации. Именно это обстоятельство предопределило жесткие действия правительства В. Путина, который взял на себя всю ответственность за проведении операции, а также и беспрецедентно резкую позицию, в понимании Запада, президента Б. Н. Ельцина на саммите ОБСЕ в Стамбуле.

Ценой больших усилий командование федеральных сил смогло разгромить вторгшихся в Дагестан боевиков. В самый разгар антитеррористической операции в Буйнакске, а затем в Москве и Волгодонске были произведены теракты, в результате которых погибли сотни невинных граждан. Вторжение боевиков в Дагестан и террористические акты радикально изменили настроение российского общества в отношении Чечни. В выступлении перед депутатами Государственной думы премьер-министр В. Путин призвал переоценить Хасавюртовские соглашения с Чечней. Нежелание официального Грозного сотрудничать с Москвой в поимке террористов превратило Масхадова в их пособника и дало федеральному центру моральные и юридические основания для ввода в начале октября войск в Чечню.

Учтя опыт предыдущей кампании, российские военные отказались от лозунга «Победа любой ценой» и изменили тактику. Войсковая операция в Чечне проводилась не по правилам, навязываемым бандитами, а по законам военного искусства и тактики, в несколько этапов.

На первом этапе (до середины октября 1999 г.) после локализации зоны боевых действий использовались главным образом авиация и дальнобойная артиллерия. Однако невозможность массового применения тяже-

лых видов снаряжения в силу самой специфики локального вооруженного конфликта заставляла федеральные силы обходить населенные пункты, договариваться со старейшинами. И эта тактика имела успех. К середине ноября 1999 г. федеральные силы, фактически не встречая серьезного сопротивления, овладели районами севернее Терека и подошли к Грозному. Благодаря сочетанию ударов авиации, огня артиллерии федеральные войска овладевали большинством населенных пунктов с минимальными потерями. Однако добиться успеха в операциях в Чечне без боевых потерь не удалось. По сведениям командования объединенной группировки, к 12 ноября 2000 г. в Чечне погибло 2600 российских военнослужащих. Единственным населенным пунктом на первых этапах операции, в котором шел длительный бой с применением тяжелого вооружения и специальных общевойсковых формирований и сил МВД, являлся Грозный. В начале февраля 2000 г. операция по освобождению города была завершена и в Заводском районе над одним из административных зданий был водружен российский флаг. Одновременно с боями за Грозный происходило освобождение предгорных и горных районов Чечни. В 2000 г. федеральным силам удалось занять большую часть территории Чеченской Республики. Последним крупным населенным пунктом, удерживающимся боевиками, стал райцентр Шатой, находящийся в долине Аргуна. С его взятием 29 февраля 2000 г. фактически полномасштабная армейская операция в Чечне была завершена.

В июне 2000 г. было осуществлен первый шаг по созданию в Чечне государственную власть. Главой администрации был назначен бывший муфтий Чечни Ахмад Кадыров.

Успехи во второй чеченской кампании резко увеличили популярность премьера В. Путина, что серьезным образом отразилось на результатах очередных парламентских выборов.

Думские выборы 1999 г. Первой крупной победой Путина стали выборы новой, третьей по счету в постсоветское время Государственной думы. За 10 лет политических реформ в России парламентаризм смог укорениться на российской почве. Вторая Дума проработала весь конституционный срок, хотя все четыре года деятельности она находилась в состоянии конфликта с президентом страны. Контролируя почти половину голосов, левая Дума боролась с «антинародным режимом» Б. Н. Ельцина всеми доступными ей законными средствами. Приняв 1036 федеральных законов, из которых 716 вступили в силу, Дума второго созыва из-за высокой поляризации сил в ней за четыре года так и не смогла принять целый ряд чрезвычайно важных для страны законов (Уголовно-процессуальный кодекс, Земельный кодекс). Ко времени очередных выборов в российском обществе созревают условия для принятия важнейших итогов демократической революции 1990-х гг. как основы для восстановления стабильности. За годы реформ многие россияне смогли адаптироваться к ним, сформировать желаемый образ будущего для себя лично и для своей страны. В 1999 г., несмотря на общую нестабильность, стала заметной тенденция улучшения

ситуации в экономике. Резкая девальвация российского рубля создала благоприятные возможности для роста экспорта и предопределила оживление промышленного роста. За год производство продукции в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, розничной торговле увеличилось на 3,5%. Ситуация на крупных и средних промышленных предприятиях была значительно лучше, чем в предыдущем году. Объем промышленной продукции вырос на 9,7%. Столь высоких темпов прироста промышленного производства в российской экономике не наблюдалось за весь период экономических реформ. Отечественное машиностроение и металлообработка в значительной мере переориентировались на внутренний рынок и выпуск импортозамещающей продукции, интенсивно развивались химия и нефтехимия, заметное оживление наблюдалось в промышленности строительных материалов, легкой и пищевой индустрии. На 8,5% вырос за год объем жилищного строительства, стабилизировался курс рубля, продолжала сокращаться безработица.

Однако отрицательным последствием значительной девальвации рубля стали ощутимое снижение реальных располагаемых доходов населения (почти на 20% по сравнению с 1998 г.) и вследствие этого падение потребительского спроса, снижение оборота розничной торговли.

В обществе еще продолжались дискуссии о направлениях реформирования страны, но дистанция между правыми и левыми резко сокращается. Не случайно все политические партии, имевшие хоть какие-то шансы попасть в парламент, приходят на выборы с программами, ориентированными на сохранение рынка и частной собственности. Уставшее от конфронтации общество было готово предоставить власти более широкое поле для маневра. Тем самым создаются реальные предпосылки для преодоления перманентной слабости российского постсоветского государства и слабых правительств.

Учитывая эти настроения в обществе, Кремль за три месяца до голосования создаст новую партию власти — избирательный блок «Единство». Широко используя административный ресурс, контроль над общероссийскими каналами телевидения, власть приводит «Единство» в Думу. Проправительственный блок, получив 23,6% голосов избирателей, формирует вторую по числу мандатов фракцию.

Итоги выборов 19 декабря 1999 г. во многом, как и предыдущие, оказались неожиданными. Впервые за годы реформ россияне избрали парламент, лояльный правительству. Набрав 8,6% голосов, вернулись в Думу правые («Союз правых сил»). Традиционный лидер парламентских кампаний — КПРФ вновь завоевала больше всех голосов — 24,3%. Однако одновременно потерпели поражение все остальные избирательные объединения левого толка, включая коммунистов Тюлькина и «Духовное наследие» Подберезкина. В числе победителей парламентских выборов вновь оказался и «Блок Жириновского», набравший чуть больше 6% голосов. Прошли в новую Думу также блок ОВР (13,1%) и «Яблоко» Г. Явлинского.

Важным фактором успеха на выборах блока «Единство» и СПС стала поддержка правительства В. В. Путина. Популярность нового премьера возросла в результате успешного завершения первого этапа второй чеченской кампании, начавшейся осенью 1999 г.

Думские выборы декабря 1999 г. изначально рассматривались всего лишь «как пристрелка» к главным президентским выборам 2000 г. К концу 1999 г. Путин вышел в политические лидеры. Впервые за годы реформ лидер страны мог опереться на поддержку большинства населения. В это время газеты писали что, «Путин попал в точку... Он появился в нужное время в нужном месте и нашел правильные слова, так что люди, многие годы таившие обиду и разочарование, что их некогда мировая держава опустилась до статуса страны третьего мира, откликнулись на его зов».

За несколько часов до наступления нового, 2000 г. президент Б. Н. Ельцин неожиданно заявил о досрочном (за полтора года до формального срока) завершении своих полномочий и назначении В. В. Путина исполняющим обязанности президента на период до новых выборов. Первый президент РФ оставил неоднозначное наследство, которое еще предстоит оценить историкам. Важно, что являясь «продуктом» советской эпохи, Ельцин дал возможность появиться людям новой России. За 10 лет его правления страна стала другой. С уходом Б. Н. Ельцина завершилась не только эпоха Ельцина, завершился важный этап рыночных реформ, завершился весь постсоветский революционный период развития страны. За минувшее десятилетие в России произошла полномасштабная социальная революция. Радикально изменилась система политических институтов и экономических отношений. Как первая масштабная революция постиндустриального общества, она отличалась ограниченным применением насилия, обширными компромиссами с элитами предшествующего режима.

Реализация программы посткоммунистических преобразований, в общих чертах разработанной в 1991—1992 гг., потребовала гораздо больше времени, чем ожидалось, но к концу 1990-х гг. цели ее были достигнуты.

За эти годы Россия миновала развилку, с которой было возможно возвращение к тоталитарному прошлому. В итоге возникли условия для перехода к следующему этапу посткоммунистического развития — этапу структурных и институциональных реформ, обеспечивающих стабильность экономического роста.

Президентские выборы 2000 г. Президентские выборы 2000 г., вопреки прогнозам экспертов, в целом прошли по традиционному сценарию. Их ход и результаты во многом были предопределены итогами парламентских выборов. Б. Н. Ельцин, уйдя в отставку до срока, минимизировал политические риски своего преемника. В связи с отставкой президента выборы были перенесены с июня на март. Реальных кандидатов на президентское кресло из 11 заявленных было лишь 5 — В. В. Путин, лидер КПРФ Г. А. Зюганов, кемеровский губернатор А. Тулеев, Г. А. Явлинский («Яблоко») и В. В. Жириновский (ЛДПР). Фактически же основная борьба раз-

Смена эпох. В результате парламентских и президентских выборов в России расстановка социально-политических сил серьезно изменилась. Впервые за все постсоветское время в Думе сложилось правоцентристское большинство. Левые в период выборных кампаний так и не смогли выдвинуть эффективную альтернативную программу развития России. Даже программа КПРФ, названная программой Маслюкова, находилась в рамках правого спектра. С первых заседаний новой Думы власть успешно использовала механизм «плавающего большинства», когда для решения одних вопросов проправительственное «Единство» блокировалось с правыми фракциями — СПС, «Яблоком», для других — с левоконсервативными — КПРФ, аграриями. В результате Путин уже в первые месяцы своего правления смог поставить на поток законодательное оформление важных экономических инициатив своего правительства. И прежде всего провести через нижнюю палату новый Налоговый кодекс и бездефицитный бюджет на 2001 г.

В 2000 г. политика Путина еще не приобрела законченного характера, она сочетала новые идеи с наработками и заблуждениями предыдущего режима. Новый президент пришел к власти, минуя сложный и длительный период политической борьбы, которая, в частности, требует ясного формулирования целей будущего правления. В формировании его политики на первом этапе правления принимали три разные команды советников и экспертов. Поэтому одни политологи видели в Путине последовательного реформатора-западника, другие — упрекали в отсутствии стратегического видения развития страны, третьи — апеллируя к его чекистскому прошлому, предполагали в нем консерватора и сторонника автократии. Стремясь соответствовать ожиданиям избравшего его электората, Путин в первый год вынужден был большую часть времени заниматься укреплением, перенастройкой и отладкой государственного механизма, перешедшего от Ельцина далеко не в лучшем состоянии. Весной 2000 г. в своем Послании Федеральному собранию Путин подверг справедливой критике сложившуюся при Б. Н. Ельцине политическую систему. В 2000 г. новый президент по ряду направлений начал ревизию ельцинского наследия. Отдавая отчет в политической природе российского экономического кризиса, Путин провозглашает главной задачу объединения общества. По этой причине он сначала отказался от антикоммунизма как главного инструмента консолидации режима, а затем возвращает мелодию старого советского Гимна в качестве Гимна РФ.

Одним из основных направлений провозглашенной властью политической реформы стало удаление олигархов от власти.

Озабоченный тем, что слабый и неэффективный механизм государственного управления явно тормозит ход экономических реформ, президент выдвинул идею восстановления и укрепления вертикали власти. Прежде всего используя колоссальный уровень доверия к власти, новый президент попытался распространить свою власть на регионы, с тем чтобы расчистить поле для продолжения структурных реформ. Кремлевские аналитики

давно искали способы укрощения своевольных губернаторов. Однако в ельцинскую эпоху все эти проекты так и остались на бумаге — первому президенту России губернаторы были нужны как буфер между исполнительной властью и оппозиционной Думой. С избранием Путина назревшая идея реформирования государственной власти получает реальное воплощение. Уже в середине мая 2000 г. президент направил в Думу закон о новом порядке формирования Совета Федерации, а также поправки к Законам «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В результате губернаторы потеряли представительство в Совете Федерации, а вместе с ним и депутатскую неприкосновенность. Более того, при определенных условиях президент может отстранять их от должности. Практически одновременно с этими Законами Совет Федерации утвердил вторую часть Налогового кодекса, которая существенно урезала финансовую самостоятельность региональных лидеров, отобрав у них часть бюджетных поступлений. Чтобы придать вертикали власти уже совсем невиданную жесткость, Путин своим указом поделил Россию на семь федеральных округов и в каждый назначил своего представителя. Одновременно всех губернаторов включили во вновь созданный Госсовет, который получил исключительно совещательные полномочия: законодательные полномочия Совета Федерации к нему не перешли. Губернаторам и предпринимателям было указано место в новой политической системе: место лояльных и беспрекословных исполнителей. Построение властной вертикали неоднозначно было встречено в обществе. В связи с ее реализацией высказано немало опасений о возможности превращения укрепления власти в самодель.

Демонстративные действиями властей в отношении холдинга «Медиа-Мост» вызвали критику Путина со стороны прессы и либеральной части общества. В стремлении консолидировать общество «в форме отсутствия всякого инакомыслия» правые партии увидели вполне реальную угрозу свободе демократических институтов и свободе слова.

Реформирование Путиным политической системы затронуло и партийное строительство в стране. В конце 2000 г. властью был предложен проект нового закона о партиях. Поскольку первоначальные планы создания в стране двухпартийной системы из партии власти и КПРФ оказались нереальными, власть решает упорядочить «партийную жизнь» в стране. За 10 лет российского партогенеза произошло укоренение партий в российской жизни, они сыграли большую роль в формировании и профессиональном росте думской элиты. В тоже время партии фактически не участвовали в формировании исполнительной власти и оказывали весьма малое влияние на ее политический курс. Ущербность, неразвитость большинства российских политических партий делали их зависимыми, уязвимыми от различных влияний, отсутствие реальной ответственности за программы и обещания фактически поощряли их на выдвижение в первую очередь популистских, заведомо нереальных обещаний. Еще одной чертой созданной

в 1993 г. политической системы стало доминирование в Думе депутатов москвичей. Из шести фракций в Думе последнего созыва четыре носили явно «столичный характер»: у СПС, «Яблока» и ЛДПР большая часть фракций состояла преимущественно из москвичей. Лишь КПРФ смогла провести в Думу большое количество людей с мест. Поскольку партии лишь в малой степени участвуют в борьбе за власть, они плохо выполняют и другую функцию — выдвижения людей во власть на федеральном и региональном уровне. Новый законопроект предполагал ужесточение требований к политическим партиям, что в первую очередь направлено на создание процедур финансовой прозрачности, содержательной определенности из программ и политической ответственности перед избирателями. Главная идея избирательной реформы состояла в том, что только партии, а не общественно-политические организации могут участвовать в выборах. В мае 2000 г. новым главой правительства был назначен министр финансов М. Касьянов. Новый кабинет смог закрепить положительные тенденции в развитии народного хозяйства. Центральным банком России в 2000 г. не выпускались в обращение деньги, не обеспеченные запасом валюты в банке. В результате проведения такого курса инфляция существенно снизилась, а рубль значительно укрепился. В целом экономические итоги 2000 г. были весьма успешными. Этот год стал временем дальнейшего продвижения реформ. Была принята правительственная программа действий, получившая по имени своего главного разработчика, вице-премьера Г. Грефа, название «программа Грефа», и рассчитана на 10 лет. Ее цель — создание подлинного рынка, основанного на частной инициативе, освобожденной от чиновничьего произвола.

Целый ряд важных шагов в 2000 г. был сделан в военной сфере. Серьезные коррективы в планы военной реформы внесла гибель 12 августа 2000 г. атомной подводной лодки «Курск» — гордости отечественного флота. Эта общенациональная трагедия позволила и стране, и власти воочию увидеть всю остроту проблем, накопившихся в Вооруженных силах: власти пойти на весьма значительное сокращение Вооруженных сил в течение следующих трех лет с направлением высвобождаемых средств на решение социальных проблем военнослужащих и оснащение армии современным вооружением. Но и здесь оставалось множество проблем как с комплектованием войск, так и в области военного образования.

Важнейшим результатом 2000 г. стало начало налоговой реформы. О ней много говорили еще при Б. Н. Ельцине, но тогда для ее реализации не нашлось политической базы. В 2000 г. удалось продвинуться на ключевом направлении, обеспечивающем возможности экономического роста: ввести «плоскую» шкалу подоходного налога. Ради выведения «из тени» реальных доходов населения правительство установило с 2001 г. единую для всех – независимо от уровня заработков – ставку подоходного налога в 13%. Впервые в России вводились социальные налоговые вычеты на обучение и лечение. (Те, кто платит за образование или пользуется платными медицинскими услугами, по новому закону могут вывести из-под налогов по 25 тыс. рублей.) Менее заметным в первый год путинского правления

было продвижение в области банковской реформы, в области упрочения прав собственности, реформы естественных монополий.

Уже в первые месяцы после избрания на пост президента Путин делает вполне очевидную заявку на продолжение реформ, давая российскому обществу знать, что никаких иных путей для России, кроме продолжения реформ нет. Большая группа экономистов трудилась над ней более полугода. Ее цель — создание подлинного рынка, основанного на частной инициативе, освобожденной от чиновничьего произвола. Центральный банк страны в 2000 г. фактически проводил политику валютного управления, суть которой заключалась в том, что банк не выпускал в обращение деньги, не обеспеченные валютными резервами. Таким образом, новый стиль, заявленный Путиным, во внутренней политике состоял в том, что он позволил либералам продолжить экономические преобразования, но ограничил их возможность влиять на решение политических вопросов.

За год правления нового президента вполне обозначился и новый стиль во внешней политике — это парадоксальное сочетание советских методов противостояния с Западом, начиная с облетов российскими военными самолетами американской эскадры в Тихом океане и заканчивая восстановлением партнерских отношений с Северной Кореей, Кубой, Ираном и Ираком, стремления закрепить членство России во влиятельных международных клубах вроде «Большой восьмерки». В течение 2000 г. произошло определенное переосмысливание основных направлений российской политики в СНГ. К этому времени стало окончательно ясно, что ускоренное развитие Содружества в полноценное интеграционное объединение в ближайшей перспективе невозможно. В этой связи был сделан выбор в пользу обеспечения национальных интересов через развитие главным образом двусторонних отношений со странами СНГ.

К началу 2001 г. заметно изменилось международное положение России. Российская внешняя политика стала не про- или антизападной, а прагматичной. Американская трагедия, произошедшая 11 сентября 2001 г., когда США подверглась невиданной атаке со стороны международного терроризма, обострила понимание властью того, что все основные угрозы России безопасности исходят с юга, а не Запада.

Большое влияние на формирование нового образа России на международной арене оказали личные качества президента В. В. Путина.

В условиях, когда у Запада и России появился общий противник в лице международного терроризма, Путин сделал все возможное для сближения с ведущими государствами мира. Россия поддержала действия США и других западных стран в ходе антитеррористической операции в Афганистане.

На пороге 3-го тысячелетия. В новый XXI в. и новое 3-е тысячелетие российские граждане вошли с умеренным оптимизмом. По разным социологическим опросам, в настроениях людей преобладала надежда на лучшее: 35% опрошенных считали, что через четыре-пять лет экономика страны воспрянет и «жизнь простых людей станет лучше». И лишь 28% (в полтора раза меньше) полагали, что жизнь, наоборот, станет хуже. Весьма характерно, что на старте нового века большинство (54%) россиян напрямую связывали свои надежды с В. В. Путиным. Оптимизм российских гра-

ждан не в последнюю очередь связан с политической стабилизацией, постепенным преодолением кризиса власти и ее консолидации, сближением позиций элит по фундаментальным вопросам развития страны. Кризис 1998 г. положил конец экономике спада. Экономические результаты России в 2000 г. превзошли самые оптимистические ожидания. Согласно официальным данным Госкомстата, в российской экономике в 2000 г. наблюдались очевидные признаки подъема. ВВП России в 2000 г. вырос на 9%, промышленное производство — на 11%, инвестиции в основной капитал возросли на 17,4%, реальные доходы населения — на 9,2%.

Темпы хозяйственного роста в 2000 г. оказались рекордными за последние 20 лет. Более 26 месяцев (с сентября 1998 г.) продолжался непрерывный рост промышленности. Наиболее резкий скачок (32%) отмечался в легкой промышленности. Впервые за долгие годы зафиксирован рост производства в сельском хозяйстве: в 2000 г. оно впервые стало рентабельным. Данные Госкомстата свидетельствовали также о заметном изменении состояния потребительского рынка страны. Современных бытовых холодильников было выпущено на 12% больше, чем в 1999 г., обуви — на 10,4%, а объем производства тканей увеличился почти на 40%. Главным двигателем посткризисного подъема российской экономики стал инвестиционный бум. Другая, не менее важная причина экономического подъема в России на рубеже XXI в. заключалась в том, что за предшествующие годы в России сформировалась критическая масса неплохо управляемых, рыночно ориентированных предприятий, способных обеспечить нормальное производство за счет ресурсов, которые освобождаются из неэффективного доставшегося по наследству советского сектора. Ранее этот процесс шел медленно из-за неподъемности накопившихся в советскую эпоху проблем, из-за слабости проводившейся экономической политики. Сейчас наконец стало возможно использовать накопившуюся базу для целей обеспечивающих экономический рост.

§ 6. В. В. Путин: стратегия возрождения и расцвета России

«Мы должны расти быстрее, чем остальной мир». С приходом к власти В. В. Путина революционный период трансформации России был фактически завершен, преодолена наиболее острая фаза экономического кризиса. Юридически и фактически восстановлено единство страны. За четыре последних года мы перешагнули непростой, но очень важный рубеж. И впервые за долгий период Россия стала политически и экономически стабильной страной, страной независимой — и в финансовом отношении, и в международных делах.

Исторический смысл президентства Путина заключался в том, чтобы в условиях после революционного времени включить новые рычаги жизнедеятельности и жизнеобеспечения страны. На основе всего лучшего, что дала революционная эпоха, но без ее злоупотреблений, перегибов и просчетов, стабилизировать ситуацию в стране. Свою главную политико-идеологическую задачу В. В. Путин видел в развитии России как свободного, демократического государства. Были сформулированы и другие задачи. Это высокий уровень жизни в стране, жизни — безопасной, свободной и

комфортной. Это зрелая демократия и развитое гражданское общество. Это укрепление позиций России в мире, а главное — значимый рост благосостояния граждан.

Вместе с тем экономический фундамент Российского государства был еще очень слаб, большинство отраслей экономики не конкурентоспособно, общество все еще расколото, криминализировано. Значительная часть российских граждан оставалась за чертой бедности.

Второй президентский срок В. В. Путина. Вступление России в новое тысячелетие ознаменовалось качественными изменениями во внутренней и внешней политике страны. Кризис 1998 г. положил конец экономике спада. С 1999 г. в стране начался так называемый восстановительный рост экономики, который происходил во многом за счет накопленного в прежние годы богатства: оно использовалась как ресурс, но не восполнялось. Восстановление дезорганизованных в условиях революционной трансформации хозяйственных связей и использование доступных ресурсов дало возможность вновь задействовать имеющиеся производственные мощности. Однако после резкого начального рывка темпы в 2002—2003 гг. постепенно начинают снижаться. Уже в 2002 г. становится очевидным, что ресурсы восстановительного роста в России заканчиваются. За 1998—2002 гг. численность занятых в российской экономике выросла на 8,9 млн человек — с 58,5 до 67,3 млн. Дефицит квалифицированной рабочей силы привел к быстрому росту реальной заработной платы: за 2000—2002 гг. она выросла в 1,7 раза. Поскольку источники восстановительного роста были исчерпаны, перед страной встала новая проблема, как обеспечить быстрое экономическое развитие за пределами восстановительного периода, ориентируясь уже не на вовлечение старых производственных мощностей, а на создание новых, привлечение новой квалифицированной рабочей силы.

Другая сторона проблемы заключалась в том, что экономический рост в 4,2%, достигнутый в 2002 г., был не в состоянии обеспечить не только рост богатства страны, но даже воспроизводства уже имеющегося богатства. Для того чтобы хотя бы начать сокращение отставания от экономически развитых стран, экономический рост должен составлять не менее 8% в год, а для этого исполнительная власть и бизнес должны сконцентрироваться на двух главных пунктах: создании капитальной базы экономики и промышленной политике в ее современных формах.

За первые четыре года, проведенные в Кремле, Путин сделал многое, чего не удалось его предшественнику. В 2000—2001 гг. российское правительство начало проводить комплекс реформ, направленных на укрепление гарантий прав собственности и углубление структурных реформ. Были внесены позитивные изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» был упорядочен и закреплен частный земельный оборот, что позволило сократить масштабы теневого оборота и коррупции. В условиях высоких цен на нефть российское правительство в целом проводило ответственную финансовую и денежную политику.

В результате рост ВВП в 2003 г. составил ло 7,3%, резко возросла инвестиционная привлекательность страны – рост капиталовложений за год достиг почти 12%. В 2004 г. экономический рост в России составил 7,1%.

В целом период первого президентства Путина стал для России наиболее успешным за последние 100 лет. С 2000 по 2004 г. на 38% вырос ВВП, почти в 10 раз увеличились золотовалютные резервы, инфляция была снижена более чем в 3 раза. Это позволило заметно сократить до уровня 1992–1993 гг. государственный внешний долг и поставить вопрос перед международными финансовыми учреждениями о возможности досрочного погашения оставшегося долга России. Положительная макроэкономическая динамика, рост резервов помогли власти поддерживать устойчивый профицит бюджета. Также заметно выросли реальные доходы населения и потребительские расходы.

После революционных событий 1990-х гг. в стране начался процесс постепенной консолидации российского общества вокруг идеи укрепления демократической государственности. Конфликт в отношениях с элитами, который Путин унаследовал от Б. Н. Ельцина, был в основном исчерпан после восстановления вертикали власти и снижения политического статуса олигархов и региональных лидеров. В ходе декабрьских выборов 2003 г. депутатов Государственной думы в новой Думе оказались представлены все составляющие прежней политической палитры, за исключением оставшихся в меньшинстве либералов.

Главным внутриполитическим событием 2004 г. стали выборы президента России. Особенностью этой кампании было то, что имя победителя было известно задолго до голосования. Преимущество В. В. Путина перед соперниками было действительно безоговорочным, что, собственно, и показало голосование. 14 марта 2004 г. Путин победил уже в первом туре, получив голосов на треть больше по сравнению с 2000 г. — 71,3% против 52,94%.

Занявший второе место Н. Харитонов, представлявший КПРФ, набрал лишь 13,7% голосов. КПРФ впервые на президентских выборах 2004 г. не выставила своего лидера Г. А. Зюганова.

Избрание в марте 2004 г. В. В. Путина президентом РФ на новый срок обеспечило рост политической стабильности в обществе и позволило продолжить курс на укрепление российской государственности.

Смена приоритетов. На свой второй президентский срок В. В. Путин предложил новую кандидатуру на пост премьер-министра. В марте 2004 г. им вместо М. М. Касьянова стал М. Е. Фрадков. В качестве важнейшей задачи перед новым кабинетом министров президентом была поставлена амбициозная задача удвоить к 2010 г. ВВП. В условиях исчерпания ресурсов восстановительного роста поддержание темпов роста даже на достигнутом уровне оказалось для нового правительства весьма и весьма затруднительным делом. На пути реализации идеи удвоения ВВП встала такая сложная проблема, как низкое качество всех экономических институтов страны. В 2004 г. впервые за годы реформ прекратилось снижение инфляции. Лет-

ний кризис показал неустойчивость банковского сектора. «Бегство» капитала, сократившееся в 2003 г. до 2,3 млрд долларов, в 2004 г. возросло до 12 млрд. С приходом Фрадкова одним из главных направлений деятельности правительства становится создание организационных механизмов для реализации реформ и обеспечения их финансовыми ресурсами. Чтобы переломить негативную тенденцию в экономике и решить поставленную президентом задачу, новый кабинет министров разработал стратегию реализации конкурентных преимуществ России в области науки, образования, высоких технологий. В целях усиления работы с регионами в составе правительства был создан специальный региональный департамент. Еще одним новым направлением деятельности правительства стала отработка механизмов взаимного участия государства и бизнеса.

Финансовые диспропорции, замедление снижения инфляции, другие негативные тенденции вызвали в российском обществе бурную полемику. Тем не менее многие эксперты выражали уверенность, что в стране есть все условия для того, чтобы в России начался настоящий экономический бум. Формирование рыночной системы хозяйственных связей, перераспределение ресурсов в рыночный сектор, адаптация менеджмента к работе в условиях рынка — важнейшие предпосылки для устойчивого экономического роста. Проблема заключается, однако, в том, что к новому президентскому сроку Путина легко проводимых, популярных реформ не осталось. Другая сложная проблема заключалась в том, что до реформы институтов (на которые необходимо время) бессмысленно наращивать инвестиции. В сегодняшней экономической структуре увеличение объемов финансирования зачастую означает еще большее усиление неэффективности экономики. Особенностью сегодняшней ситуации в экономике является неустойчивый баланс между узкой группой экспортно-ориентированных сырьевых производств, где сохраняются тенденции к росту (топливная промышленность и черная металлургия) и группой отраслей конечного спроса, где доминирующей тенденцией является либо стагнация, либо спад.

Вывод очевиден: пока внешняя конъюнктура хороша, нам надо добиться темпов роста экономики, в разы превышающих текущие.

От политики стабилизации — к политике развития. Чтобы претворить в жизнь эту стратегическую линию, обеспечить качественный рывок в хозяйственном развитии, необходимо было закончить формирование нормальной экономической среды, способной обеспечить долговременный экономический рост, благоприятные международные условия для внутреннего развития. Достигнутый Россией к 2006 г. уровень ВВП РСФСР докризисного 1990 г. свидетельствовал лишь о том, что страна выбралась из кризиса, но еще не стала развитым процветающим государством. Российская Федерация существенно отставала от группы развитых стран с точки зрения основных характеристик производства и инвестиций — производимой продукции в расчете на душу населения, качестве применяемых в производстве технологий и общей его эффективности, абсолютных показателях производительности труда и капитала. На рубеже XXI в. энергоемкость ВВП России в 3 с лишним раза превосходила аналогичный

показатель в странах ЕС. На производство одной булки хлеба или тонны чугуна страна тратила в 2—3 раза больше электричества, сжигала в 2 - 3 раза больше газа и в 2—3 раза интенсивнее загрязняла окружающую среду. При этом объем производства энергоресурсов был явно недостаточен для дальнейшего роста экономики. Согласно рейтингу конкурентоспособности Всемирного экономического форума в Давосе по итогам 2002 г. Россия была лишь на 64-м месте в мире (из 80 стран), проигрывая таким государствам, как Болгария, Перу и Колумбия. Камнем преткновения для России, как и для СССР, стала проблема, которую в научных кругах называют «нефтяным проклятием». С 1999 г. цена на нефть на мировом рынке начинает стремительно расти, и вскоре страна превратилась в самого крупного поставщика энергоносителей в мире. Высокие цены на нефтяном рынке позволяли власти ничего не менять в экономике. Это одна из причин, в силу которой заявленные и начатые реформы естественных монополий, жилищно-коммунального хозяйства, налоговой, банковской и правоохранительной систем, способных создать благоприятный инвестиционный климат в стране, потеряли темп.

Перед страной по-прежнему остро стояли вопросы утечки мозгов и капиталов. Большую остроту приобрели также социальные проблемы: теряющее конкурентоспособность в условиях постиндустриального мира образование, низкое качество и нереформированность здравоохранения, архаичная система социальной защиты, мизерные пенсии, нарастающее социальное расслоение при слабости среднего класса (не более 20% населения). В 2005 г. средняя реальная заработная плата в Российской Федерации составляла примерно 70% от уровня 1990 г. Российский уровень ВВП на душу населения соответствовал уровню развивающихся стран и был в несколько раз ниже среднего уровня развитых стран. При этом доля населения, которое живет в бедности, т. е. испытывает затруднения с удовлетворением элементарных жизненных потребностей, составляла не менее 35%. Разрыв между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения являлся 14-кратным и последние 10 лет не уменьшался.

Огромен также разрыв отделяющий Россию от развитых стран в области социальной инфраструктуры: количества и качества жилья и коммунальных услуг, уровне обеспеченности медицинскими услугами, социального и пенсионного обеспечения, охраны детства.

В последние годы стала немного выравниваться демографическая ситуация, но тенденция к уменьшению численности населения не переломлена. С начала 1990-х гг. население страны устойчиво сокращалось на 700—800 тыс. человек. Прогнозы показывали, что если эта тенденция сохранится, то к 2025 г. на территории России будет проживать менее 125 млн человек.

После избрания Путина на второй срок власть должна была искать новые варианты выздоровления, развития страны, повышения ее конкурентоспособности, искоренения бедности. Происходит осознание того, что России нельзя оставаться зависимой от нефтегазовых доходов и нужно проводить активную интервенционистскую государственную политику. По мнению президента, сырьевой экспорт при высоких мировых ценах на

экспортируемые ресурсы должен служить развитию отечественной экономики и повышению уровня жизни россиян.

В очередном послании Федеральному Собранию РФ в апреле 2005 г. Путин определил в качестве главной политико- идеологической задачи и задачу развития россии как свободного демократического государства. для ее достижения президент предложил ряд мер по развитию государства, укреплению закона и повышению эффективности правосудия.

Но прежде всего, по опыту Норвегии и США, правительство создало так называемый Стабилизационный фонд. Все доходы сверх определенной цены за баррель нефти (она называется ценой отсечения) зачислялись в Стабилизационный фонд. Он не только поглощал «лишние» доллары, сдерживал инфляцию, но и гарантировал развитие страны на случай возможного падения цен на нефть. Уже к началу 2006 г. Стабилизационный фонд достиг астрономической суммы в 1 трлн рублей.

Определенный поворот происходит и в социальной политике государства. Еще в программе Грефа впервые было прямо и честно сказано: ресурсы и возможности государства не беспредельны. Ни одна страна не в состоянии платить пособия или предоставлять льготы одновременно 2/3 населения страны. Поэтому главным принципом новой социальной политики, проводимой Путиным, становится пересмотр избыточных социальных обязательств государства, которые финансово не обеспечены. Начавшаяся весной 2005 г. глубокая социальная реформа стала и самой болезненной, поскольку предполагала монетизацию льгот вместо их натурализации. Проведенная властями без должной подготовки, она вызвала в стране волну протестов. Но ее необходимость очевидна, поскольку натуральные льготы в рыночной экономике не только бессмысленны, но и вредны.

Поскольку многие количественные задачи восстановления экономики ко времени второго президентства В. В. Путина были решены, одним из главных направлений деятельности правительства Фрадкова становится создание организационных механизмов для реализации реформ и обеспечения их финансовыми ресурсами.

В 2006 г. набрала обороты реформа электроэнергетики. РАО «ЕЭС России» удалось убедить руководство страны в необходимости скорейшего привлечения частных и государственных средств в электроэнергетику для поддержания энергобаланса. Согласно принятому в этих целях инвестиционному плану, получившему название «ГОЭЛРО-2», акцент сделан на развитии атомной энергетики. Одновременно с этим государство предприняло ряд шагов для возвращения контроля над стратегически важными предприятиями атомного машиностроения. Активные процессы протекали в металлургии и оборонно-промышленной отрасли. Сначала ведущие вертолетостроительные предприятия были консолидированы в подконтрольный Рособоронэкспорту Оборонпром, а затем было положено начало созданию Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК). За несколько лет в России был совершен настоящий прорыв: созданы с финансированием из бюджета инвестиционный и венчурный фонды, особые экономические зоны, которые будут специализироваться на финансировании долгосрочных инвестиционных проектов, в том числе экспортной ориентации.

Приоритетные национальные проекты. В сентябре 2005 г. президент В. В. Путин объявил с целью содействия развитию «новой» экономики и «нового» общества о необходимости сконцентрировать усилия государства на нескольких направлениях: здравоохранении, образовании, жилищной политике и сельском хозяйстве. Эти направления получили статус приоритетных национальных проектов (ПНП), развитие которых президент взял под личный контроль. На понимание необходимости формирования ПНЦ решающее влияние оказало появление значительных свободных ресурсов, сконцентрированных в Стабфонде, золотовалютных резервах, а также превращение экономического роста в стране в устойчивую тенденции. (На протяжении семи лет темпы роста ВВП превышали 6%, а промышленного производства — 3—4%.) По существу, с принятием четырех национальных проектов происходит решительный поворот к социально ориентированной экономике. Выбор ПНЦ диктовался ограниченностью средств, недостаточных для одновременного решения всех накопившихся проблем. С другой стороны, все они напрямую обращены к человеку. Их непосредственная цель создать механизмы для активизации человеческого потенциала. Согласно плану реализации проекта в аграрной сфере в 2006— 2007 гг. должна быть создана система земельно-ипотечного кредитования, которая позволит привлечь средства на длительный срок. Проект предполагает также выделение значительных ресурсов на развитие сельхозлизинга, с тем чтобы установить более льготные условия поставок сельхозтехники и племенного скота. Выполнение этих и других мер, намеченных по развитию аграрного сектора, по прогнозам Департамента сельского хозяйства, позволит увеличить производство сельхозпродукции ежегодно на 4%.

В президентском Послании-2006 Путин прямо заявил о необходимости положить в основу национальной стратегии России демографическую политику. Тогда же появился и термин «материнский капитал». Концепция демографического развития России была разработана под руководством Д. Медведева, назначенного первым вице-премьером Российского правительства. Ор же был назначен президентом и куратором всех остальных национальных проектов.

Через год после старта четырех национальных проектов стало ясно, что экономика получила мощный толчок, особенно строительная отрасль. В 2006 г. прирост сданных жилых метров составил 15% — впервые за постсоветские годы. Однако и рост стоимости жилья также был беспрецедентным: в среднем по стране на треть, а в столице — на 60%. Так что квартиры по-прежнему доступны лишь богатым гражданам. Поэтому в своем Послании-2007 президент решительно потребовал развернуть жилищную программу под нужды всех граждан, в том числе и низкообеспеченных. «Не может, - заявил он, - страна с такими резервами, накопленными за счет нефтегазовых доходов, мириться с тем, что миллионы ее граждан живут в трущобах». Даже поставленную в нацпроекте высокую планку — 80 млн кв. м жилья в год - президент назвал недостаточной и выдвинул новые ориентиры: 100—130 млн кв. м, или фактически по 1 кв. м в год на человека. Именно такой показатель считается нормой для развитых европейских стран. В Послании-2007 Президент РФ предложил также реанимировать

долгосрочную государственную программу переселения людей из аварийного жилья, выделив на это дополнительно 150 млрд рублей из бюджета. Развивая идеи, заложенные в национальных проектах, глава государства поддержал инициативу объявления 2008 г. годом семьи в России: «Нам надо возвращать моду на яркую, многодетную, счастливую семейную жизнь, без которой, как правило, невозможны ни крупные личности, ни крупные достижения». Путин предложил также переименовать создаваемый Фонд будущих поколений в Фонд национального благосостояния и использовать деньги из него на повышение качества жизни россиян.

В президентском Послании-2007 Путин уделил большое внимание вопросам стратегии. За годы реформ власть неоднократно пыталась сформулировать стратегические задачи развития экономической и социальной сфер развития страны. Однако в силу объективных и субъективных причин развитие страны по-прежнему носило инерционный характер. Власть вынуждена была прежде всего реагировать на возникающие угрозы развала государства, экономики и социального взрыва. Весь текст Послания ориентирован на укрепление державы, на переход от политики стабилизации к политике развития, которая должна быть реализована вне зависимости от личности президента, которого изберут в 2008 г.

Внешняя политика. Первые годы XXI в. принесли новые вызовы и угрозы безопасности страны. С окончанием холодной войны на передний план стали выходить проблемы распространения ядерного оружия и международного терроризма. В условиях глубокого кризиса мирового порядка и резкого обострения международной обстановки Россия проводила независимую многовекторную политику. Саммит «Группы восьми» в Санкт-Петербурге в июле 2006 г., впервые прошедший под председательством России, способствовал укреплению ее позиций в мире, стал свидетельством ее растущего веса в мировых делах. Президент Путин неоднократно заявлял, что внешняя политика — не самоцель, а средство обеспечения подъема страны. Цели России на международной арене, сформулированные в новой редакции Концепции внешней политики России, принятой еще летом 2000 г., предельно просты: безопасность границ и создание внешних благоприятных условий для решения внутренних российских проблем. Исходя из этих целей и задач, Россия активно участвовала в выработке новой системы договоренностей, в создании нового баланса сил, чтобы обострения международной обстановки не привели ни к хаосу или войне всех против всех, ни к гегемонии одной державы. Международный терроризм вновь драматически заявивший о себе захватом 1 сентября 2004 г. школы в Беслане, в результате которого, по официальным данным, погибло 330 человек и более 1300 пострадало, заставил великие державы отвергнуть идею ядерного разоружения как «романтизм» времен холодной войны. Борьба с терроризмом вышла на первый план и в международной политике России.

После 11 сентября 2001 г. Соединенные Штаты активизировали свою политику на постсоветском пространстве. В Центральной Азии появились американские войска и базы. С началом иракской кампании открыто обозначились стремление США включить в зону своей ответственности экономически и стратегически важный Черноморско-Каспийский регион.

Активизировалась военная деятельность США и НАТО непосредственно на внешних границах регионов коллективной безопасности стран Организации договора коллективной безопасности (ОДКБ). Расходящиеся векторы политических интересов Запада и России стали заметны уже в 2003—2005 гг. Выступая в Вильнюсе на конференции Балтийско-Черноморских государств, вице-президент США Д. Чейни обвинил Россию в том, что она уже не идет по пути демократии, и предложил ей сделать недвусмысленный выбор. Затем Запад обвинил Россию в политическом, энергетическом шантаже своих соседей, в том, что нефть и газ служат для нее инструментом политического давления. Стремление США переделать мир по своему образу и подобию, в том числе и насильственным путем, негативно сказалось на российско-американских отношениях. Так называемое дело Литвиненко, связанное с загадочной смертью бывшего офицера российских спецслужб, стало дополнительным предлогом для подхлестывания набирающей на Западе кампании «презумпции виновности» России во всех бедах — от Грузии до Ирана, поводом объявить Россию «врагом всего цивилизованного мира». Безусловно, стремление Запада поставить Россию «на место» стало следствием укрепления позиций России в мире, ее более активной политики по защите национальных интересов. Вследствие ценностного размежевания Россия и Америка стали дрейфовать в противоположных направлениях. Вынужденно укрепляя свой вооруженный потенциал (в 2005 г. резко вырос гособоронзаказ, с 1,7 до 5 млрд долларов, а в 2006 г. он составил уже 8 млрд), Россия одновременно демонстрирует свое стремление иметь тесные связи с европейскими странами, взаимовыгодные партнерские отношения с США. Выступая в начале 2007 г. в Мюнхене, президент объяснил Западу, что эпоха однополярного мира закончилась и что в новом мире Россия будет одним из основных игроков. Если Запад хочет, чтобы Россия была его партнером, следует перестать игнорировать ее интересы.

Происшедшие в первые годы нового столетия на постсоветском пространстве значимые геополитические изменения создали серьезную конкуренцию экономическим и политическим интересам России, а значит, и ее притязаниям на особую роль державы, ответственной за поддержание региональной безопасности в бывшем СССР. «Цветные революции» в Грузии, на Украине, в Киргизии вновь сделали актуальной проблему СНГ. Реагируя на новейшие вызовы, Россия попыталась выстраивать со своими соседями по СНГ новую модель взаимоотношений, в том числе и в конфликтных зонах юга — Центральной Азии и Закавказье. Знаковыми событиями этого явилась попытка России активизировать переговоры по разграничению дна Каспийского моря, углубить экономическое сотрудничество в рамках Единого экономического пространства в составе России, Белоруссии, Украины и Казахстана.

Россия прилагала большие усилия, чтобы снизить уровень межнациональной напряженности, существующей в СНГ, чтобы помочь своим южным соседям погасить давние очаги напряженности на Кавказе и в Молдавии.

* * *

Россия шагнула в предвыборный 2007 г., имея в своем багаже немалые достижения как во внутренней, так и международной политике.

За восемь лет устойчивого экономического роста к динамичному развитию нефтегазового сектора добавились успехи в производстве стали, алюминия, вооружений, сельскохозяйственной продукции, наблюдается существенный рост потребления населения. Страна смогла выплатить значительную часть внешнего долга. За последние пять лет вдвое выросли бюджетные ассигнования на образование, и в 3 раза — на здравоохранение. Частично это было связано с благоприятной мировой конъюнктурой — высокими ценами на энергоносители и с импортозамещением после дефолта 1998 г. Однако не последнюю роль сыграла проводимая в последние годы макроэкономическая и финансовая политика. В последние годы Россия продвинулась по пути интеграции в систему мирохозяйственных связей, что открыло более широкие возможности для выхода российской продукции на рынки Запада. Были установлены тесные отношения со многими странами Азии, особенно с Китаем и Индией. Вместе с тем переговоры о членстве России в ВТО неоправданно затянулись.

Благодаря быстрому экономическому росту в первые годы нового века у России появляется реальная возможность выйти к 2020 г. из категории среднеразвитых стран, в которой мы находились на протяжении всего XX в., и присоединиться к группе развитых.

Какими бы тяжелыми ни оказались последствия рыночных реформ, в целом события начала XXI в. свидетельствуют, что период бурных перемен в России завершен. И власть, и российское общество пришли к пониманию того, что копившиеся десятилетиями проблемы требуют не революционного натиска, а ежедневного упорного труда, выдержки и воли.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел IV. РОССИЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Глава 1. РОССИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. 3
§ 1. Первые годы правления Александра I 5
§ 2. Внешняя политика России в начале XIX в. 10
§ 3. Отечественная война 1812 г. 13
§ 4. Заграничный поход русской армии. Венский конгресс 29
§ 5. Жизнь России в послевоенный период 36
§ 6. Движение декабристов 42

Глава 2. РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. 51
§ 1. Российская империя после мятежа декабристов: психологические и политические последствия. Император Николай I. 51
§ 2. Преобразования в государственном управлении 63
§ 3. Крестьянский вопрос в эпоху николаевского царствования. 66
§ 4. На страже порядка и спокойствия империи: граф А. Бенкендорф и граф С. Уваров. «Теория официальной народности» 68
§ 5. Польское восстание 1830—1831 гг. 73
§ 6. Кавказские войны. Имам Шамиль 75
§ 7. Россия и европейские дела 81
§ 8. Крымская война и Парижский мирный договор 1856 г. 84

Глава 3. КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. . 88
§ 1. Национальные корни и иностранные влияния в области культурного развития 88
§ 2. Золотой век русской культуры 95
§ 3. Русская историософская и общественная мысль. 107
§ 4. Русская православная церковь. Преподобный Серафим Саровский и митрополит Московский Филарет 118

Глава 4. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ПЕРЕЛОМНОМ РУБЕЖЕ: 50—60-е гг. XIX в. 122
§ 1. Император Александр II: штрихи исторического портрета. 122
§ 2. Великий культурно-цивилизационный прорыв: падение крепостного права в России 124
§ 3. Сельское хозяйство после ликвидации института крепостной зависимости 128
§ 4. Реализация программы социальных преобразований. 132
§ 5. Характер индустриальной модернизации России. Промышленность до и после Манифеста 19 февраля 1861 г. 135
§ 6. Расстановка политических сил в Европе и восстание в Польше 1861—1863 гг. 151
§ 7. Теории народнического социализма. Явление русского политического терроризма 158

Глава 5. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в. 165
§ 1. Присоединение к России Средней Азии 165
§ 2. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. 167
§ 3. Рост социальной напряженности в стране. Убийство Александра II . . 172
§ 4. Вступление на престол Александра III. Личность нового императора и основные черты внутренней политики империи 179
§ 5. Роль России в «концерте» мировых держав и заключение франко-русского союза 191
§ 6. Воцарение Николая II. Личность последнего русского царя 202
§ 7. Транссибирская магистраль — крупнейший финансово-технический проект XIX в. 205
§ 8. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. 207

Глава 6. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX–XX вв. . 209
§ 1. Самодержавие — русская форма монархического авторитаризма 209
§ 2. Сословно-государственная регламентация. Привилегированные и непривилегированные слои населения 215
§ 3. Исторический феномен русской интеллигенции 220
§ 4. Аппарат управления Российской империи. Армия и флот 223
§ 5. Полиэтничность Российской империи. Национальная политика и межэтнические отношения 232

Глава 7. РОССИЯ В XX в. 240
§ 1. Закат Российской империи 240
§ 2. Промышленная модернизация России. Золотая валюта 244
§ 3. Социально-имущественная дифференциация. Богатые и бедные . . . 249
§ 4. Наемные труженики, рабочее законодательство, забастовки 250
§ 5. Русско-японская война 1904–1905 гг. 255
§ 6. Начало революционных потрясений в России 262

Глава 8. РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг. И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ 265
§ 1. Революционное движение 1905 г. Манифест 17 октября 265
§ 2. Государственно-правовая трансформация монархической системы . . 278
§ 3. Главные политические партии России 281
§ 4. Марксизм в России. Плеханов и Ленин. Меньшевики и большевики . 289
§ 5. Первая и Вторая Государственные думы. Закон 3 июня 1907 г. 300
§ 6. Третья Государственная Дума. П. А. Столыпин и его программа аграрного переустройства 305
§ 7. Экономический подъем 1910–1913 гг. 315

Глава 9. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРУШЕНИЕ МОНАРХИИ В РОССИИ 318
§ 1. Место России в мировой системе военно-стратегических коалиций. Балканский узел 318
§ 2. Начало Первой мировой войны. Ход военных действий в 1914–1915 гг., общественные настроения 327
§ 3. Фронт и тыл: единение и противостояние 333
§ 4. Синдром Распутина 341
§ 5. Февраль 1917 г. в Петрограде. Отречение Николая II 345

Глава 10. ДУХОВНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв. . . . 352
§ 1. Духовно-нравственные ориентиры и принципы интеллектуально-художественного процесса . . . 352
§ 2. Великие писатели и моралисты – Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой 357
§ 3. Просвещение, издательское дело, научные достижения . . . 363
§ 4. Живопись, музыка, театр, архитектура . . . 367
§ 5. «Печальник земли Русской»: проповедник и пророк Иоанн Кронштадтский . . . 374

Раздел V. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX — НАЧАЛО XXI в.: 1917—2007 гг.

Глава 1. РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ . . . 378
§ 1. Россия вступает в революцию . . . 378
§ 2. Обострение политической борьбы . . . 386
§ 3. Пролог Гражданской войны . . . 391
§ 4. Октябрьский переворот . . . 399

Глава 2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ . . . 407
§ 1. Начальный этап Гражданской войны . . . 407
§ 2. Брест: «революционный» выход из мировой войны . . . 415
§ 3. Политика «военного коммунизма» . . . 419
§ 4. Белые и красные . . . 425

Глава 3. УКРЕПЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОГО РЕЖИМА . . . 436
§ 1. В годы нэпа . . . 436
§ 2. Образование СССР . . . 443
§ 3. Новые реалии политической системы . . . 448
§ 4. Сталинская «революция сверху» . . . 464

Глава 4. СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ . . . 476
§ 1. Изменение механизма власти . . . 476
§ 2. Становление нового хозяйственного механизма . . . 484
§ 3. Советское общество накануне войны . . . 495
§ 4. Массовый террор: истоки и последствия . . . 505

Глава 5. СССР И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА . . . 519
§ 1. Война и дипломатия . . . 519
§ 2. Советский Союз накануне войны . . . 524
§ 3. Начало Великой Отечественной войны . . . 531
§ 4. Коренной перелом в ходе войны . . . 538
§ 5. Разгром Германии и Японии . . . 542

Глава 6. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ВЫЗОВЫ . . . 549
§ 1. Начало холодной войны . . . 549
§ 2. Начало гонки вооружений . . . 556
§ 3. Возвращение к мирной жизни . . . 559
§ 4. Страна накануне реформ . . . 564

Глава 7. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ 575
§ 1. Смена власти в Кремле 575
§ 2. Начало десталинизации 581
§ 3. Реформы Н. С. Хрущева 586
§ 4. Социально-экономическое развитие СССР в условиях реформ 593
§ 5. Последние годы правления Н. С. Хрущева 601

Глава 8. ОТ СТАБИЛЬНОСТИ К КРИЗИСУ 605
§ 1. Смена политического курса 605
§ 2. Стабилизация по-брежневски 608
§ 3. Советское общество на переломе 613
§ 4. Реформы экономики 1960—1970-х гг.: годы упущенных возможностей 618
§ 5. Между разрядкой и конфронтацией 623

Глава 9. КРАХ ТОТАЛИТАРНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА . . 628
§ 1. Нарастание противоречий в экономике 628
§ 2. Экономические реформы в годы перестройки 633
§ 3. Демонтаж тоталитарных структур 639
§ 4. Начало демократической революции 645

Глава 10. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ 656
§ 1. Россия на перепутье 656
§ 2. Возвращение рынка и частной собственности 670
§ 3. Российское общество в условиях реформ 681
§ 4. Россия в конце XX — начале XXI в. 686
§ 5. Новые тенденции политической жизни 695
§ 6. В. В. Путин: стратегия возрождения и расцвета России 705

ИСТОРИЯ РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

УЧЕБНИК
ТОМ 2

Том второй учебника написан с учетом современного научного подхода к изучению истории России и последних исследований исторической науки. Раскрыты вопросы социально-экономического и государственно-политического развития страны, освещены основные проблемы отечественной истории, разработана авторская концепция их изучения и разрешения. Материал изложен ярким, выразительным литературным языком, с учетом хронологии и научной интерпретации, что во многом объясняет его доступность для широкого круга читателей. Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования Российской Федерации.

Для абитуриентов, студентов, преподавателей, а также всех интересующихся отечественной историей.

• ПРОСПЕКТ •
Издательство «ПРОСПЕКТ»
111020, Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4
(495) 967-1572
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org